Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855288 6

Digitized by Google

11927

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

1192

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1852.

ТОМЪ IV.

МОСКВА.
Въ типографіи В. Готье и Степановой.
1852.

17

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770759A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля 1 дня, 1852 года.

Цензоръ *Князь Львовъ.*

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1852.

№ 13. Іюль. Кн. 1.

ВОСТОЧНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

(ИЗЪ РІОККЕРТА).

I.

КУБЪ-АЛРУМІЯ.

Ужъ давно, въ странѣ Гаджутовъ,
Кубъ-Алрумія стоитъ
На горѣ, а подъ горою
Море плещетъ и шумитъ.

* * *

То вѣковъ минувшихъ зданье;
Кѣмъ воздвигнуто оно –
Неизвѣстно; лишь преданье
Къ намъ дошло о немъ одно;

* * *

PERL. JAN 21 1935

Digitized by Google

Бенъ-Касимъ былъ поселянинъ,
Но и въ хижинѣ своей
Онъ считалъ себя счастливѣй
Всѣхъ на свѣтѣ королей.

* * *

Онъ ласкалъ малютку сына,
Онъ любилъ свою жену,
Вдругъ отвага въ немъ вскипѣла,
И ушелъ онъ на войну.

* * *

Подъ знаменами Ислама
Тамъ сражался храбро онъ;
Но, плѣненный, былъ въ неволѣ
Къ Христіанамъ отведенъ.

* * *

Разъ, трудами утомленный,
Онъ на камнѣ отдыхалъ,
И, тоскуя объ отчизнѣ,
Дни былые вспоминалъ:

* * *

«Долго ль мнѣ чужое поле
Жаркимъ потомъ орошать,
И въ постыдной здѣсь неволѣ
Дни и ночи тосковать?

* * *

Ахъ, увижу ль свой далекій
Кровъ, и сына, и жену,
Иль умру здѣсь одинокій,
Неоплаканный, въ плѣну?»

* * *

Такъ, вздыхая, онъ слезами
Горе сердца облегчалъ;
Вдругъ предъ нимъ, въ одеждѣ мага,
Мужъ таинственный предсталъ.

* * *

Digitized by Google

«Плѣнникъ! ты откуда родомъ?»
Бенъ-Касиму онъ сказалъ.
— Я изъ племени Гаджутовъ,—
Тотъ печально отвѣчалъ:

* * *

«Такъ тебѣ извѣстно мѣсто,
Гдѣ стоитъ Алрумія?»
—О, Аллахъ! у тѣхъ развалинъ
И живетъ моя семья!—

* * *

«Не къ своимъ ли на свиданье
Ты летишь теперь мечтой?»
—Ахъ, мечтать о томъ напрасно,
Въ чемъ отказано судьбой!—

* * *

«Я мечту твою исполню,
Ты родной увидишь край;
Лишь одно мое велѣнье
Мнѣ исполнить обѣщай.»

* * *

—Я готовъ на всѣ лишенья,
Чтобъ увидѣть милый край,
Лишь души моей спасенье
У меня не отнимай.

* * *

«Мнѣ души твоей не надо,—
Магъ съ улыбкой отвѣчалъ,—
Я куплю тебѣ свободу
За хорошій капиталъ.

* * *

И въ Алжиръ, въ твою отчизну,
Съ кораблемъ тебя пошлю;
Вотъ возьми туда съ собою
Эту рукопись мою.

* * *

Digitized by Google

И, прибывъ въ родную землю,
Къ Кубъ-Алруміи ступай,
И у стѣнъ ея пергаментъ
Въ жертву пламени предай;

* * *

Чтобъ высоко дымъ поднялся,
И проникъ подъ древній сводъ
Въ ту минуту, какъ надъ міромъ
Солнце первый лучъ прольетъ.

* * *

Если ты мнѣ поклянешься
Все исполнить, Бенъ-Касимъ,—
Завтра будешь ты свободенъ
И отправишься къ своимъ.»

* * *

Плѣнникъ, полный восхищенья,
Поклялся ему во всемъ,
И на утро въ край родимый
Поплылъ съ первымъ кораблемъ.

* * *

Тамъ увидѣлъ милыхъ сердцу,
Три дня съ ними онъ провелъ,
На четвертый, на развѣтѣ,
Къ Кубъ-Алруміи пошелъ.

* * *

Непонятными чертами
Былъ исписанъ листъ кругомъ;
Бенъ-Касимъ по обѣщанью
Сжегъ его на мѣстѣ томъ.

* * *

И лишь только дымъ поднялся
Къ сводамъ башни вѣковымъ,—
Треснулъ сводъ, и съ удивленьемъ
Видитъ чудо Бенъ-Касимъ:

* * *

Digitized by Google

Тамъ какъ будто чанъ огромный
Полонъ златомъ, серебромъ,
И оно, кипя, сверкая,
Бьетъ изъ трещины ключемъ.

* * *

Какъ порою рой пчелиный
Вылетаетъ изъ улья,
Такъ по воздуху несется
Драгоцѣнная струя,

* * *

Золотистою рѣкою,
Необъятной въ вышину,
Черезъ поле, черезъ море,
Въ христіанскую страну.

* * *

Бенъ-Касимъ стоитъ подъ нею,
Удивленіемъ объятъ,
И глазами пожираетъ
Удаляющійся кладъ.

* * *

Тщетно воздухъ онъ хватаетъ,—
Не дается кладъ ему;
Вотъ онъ вверхъ къ нему бросаетъ
Съ головы своей чалму.

* * *

И десятка два червонцевъ,
На добычу бѣдняка,
Съ вышины къ нему упало
Отъ удачнаго швырка.

* * *

Но отъ этого пресѣкся
Вдругъ таинственный потокъ,
Бенъ-Касиму лишь осталось,
Что̀ ему доставилъ рокъ.

* * *

Digitized by Google

И мгновенно затворилась
Снова трещина въ стѣнѣ,
Скоро вѣсть объ этомъ чудѣ
Разнеслась по всей странѣ.

* * *

И паша, про кладъ провѣдавъ,
Пожелалъ его достать,
И послалъ туда рабочихъ
Стѣны башни подрывать.

* * *

Но лишь только приступили,
Какъ раздался страшный вой:
«О, спѣши, спѣши, Алула!
Гибнетъ кладъ завѣтный твой!»

* * *

И Алула вдругъ явился
Черной тучею шмелей,
И они свирѣпымъ жаломъ
Разогнали всѣхъ людей.

* * *

Съ той поры не удавалось
Никому изъ мусульманъ
Овладѣть имъ; онъ хранится,
Говорятъ, для христіанъ.

II.

СОЖЖЕННАЯ БОРОДА.

Мужъ ученый жилъ когда-то
Съ бородою, какъ лопата,
И такою красотой
Дорожилъ ученый мой,
Будто визирь сладострастный
Одалискою прекрасной:
Онъ чесалъ ее, ласкалъ
И духами поливалъ.

Digitized by Google

Гдѣ-то разъ, (Аллахъ то знаетъ),
Прочиталъ онъ, что бываетъ
И у глупыхъ иногда
Въ три пядени борода.
Призадумался ученый,
Прочитавши стихъ мудреный,
И сказалъ себѣ онъ такъ:
«Стало быть и я дуракъ?
Нѣтъ! я стыдъ такой исправлю,
И ужъ такъ себя поставлю,
Чтобъ не думали никакъ
Про меня, что я дуракъ.»
Вотъ ученый взялъ лучину
И зажегъ, чтобъ половину
Бороды своей спалить,
Этимъ дѣлу пособить
Онъ мечталъ; но обманулся,
Лишь огонь къ ней прикоснулся,
Какъ отъ масла и духовъ,
И помады всѣхъ сортовъ,
Борода въ одно мгновенье
Потерпѣла истребленье,
И сгорѣла до конца,
Опаливъ и часть лица.
Убѣдился тутъ ученый,
Что правдивъ былъ стихъ мудреный;
Но, лишась красы своей,
Все не сдѣлался умнѣй.

III.

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА ЛЕПИДА.

Лепидъ, философъ и поэтъ,
Проживъ сто тридцать девять лѣтъ,
И чувствуя кончины приближенье,
Сказалъ такое изрѣченье:
«Все новое пріятно, слышалъ я,—
Не вѣрьте;—ложно это мнѣнье:
Мнѣ смерти, новой для меня,
Совсѣмъ не сладко посѣщенье.»

Digitized by Google

IV.

ПРЕДСКАЗАНЬЕ.

Въ Аравіи, въ былые дни,
Превыше всѣхъ отличій свѣта
Одно считалось для семьи—
Произвести на свѣтъ поэта,
И правнуки гордились имъ,—
Какъ славнымъ прадѣдомъ своимъ.

* * *

Но знайте: вѣкъ иной придетъ,
Когда въ укоръ и въ поношенье
Пойдетъ семьѣ изъ рода въ родъ
Поэта горькое рожденье,—
И заклеймитъ презрѣньемъ свѣтъ
Его за то, что онъ—поэтъ.

V.

БУХАРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Еще въ развалинахъ Бухара
Лежитъ отъ Чингисхана рукъ,
Какъ новая грозитъ ей кара:
Идетъ его ужасный внукъ.

* * *

И нѣтъ въ Бухарѣ гражданина
Замолвить слово за народъ;
Лишь отрокъ смѣлый къ властелину
Посломъ отъ города идетъ.

* * *

Но отрокъ умный и прекрасный,
Онъ не одинъ къ нему пошелъ:
Съ собой на подвигъ свой опасный
Вербдюда и козла повелъ.

* * *

Digitized by Google

Передъ властителемъ суровымъ
Съ такою свитой онъ предсталъ,
И, удивленный этимъ новымъ
Посольствомъ, грозный ханъ сказалъ:

* * *

«Ужель Бухара не имѣла
Кого получше мнѣ прислать?»
И властелину отрокъ смѣло
Спѣшитъ отвѣтъ разумный дать:

* * *

«Когда ты ростъ предпочитаешь,
Такъ вотъ — верблюдъ передъ тобой,
Коль умъ ты въ бородѣ считаешь,
Такъ я козла привелъ съ собой.»

* * *

«Но если рѣчью ты простою
Не презришь, всемогущій ханъ,—
То я стою передъ тобою
Посломъ отъ имени гражданъ.»

* * *

«Ты зла не могъ бы сдѣлать болѣ,
Чѣмъ сдѣлалъ дѣдъ великій твой;
За то въ твоей осталось волѣ —
Стать выше дѣда добротой.»

* * *

—«Разумный отрокъ! будь спокоенъ,—
Монархъ съ улыбкой возразилъ.
Ступай въ Бухару; ты достоинъ,
Чтобъ я твой городъ пощадилъ.»

Е. МИЛЛЕРЪ.

ОТСУТСТВУЮЩЕМУ ДРУГУ.

Какъ бы я, въ минуту эту,
Быть съ тобой желала, другъ!
Я въ лѣсу; находитъ туча
Тихо, тихо все вокругъ.

Digitized by Google

Надо мною, торопливо,
Птицы, чуткія, снуютъ;
Улетаютъ, прилетаютъ,
И подругъ своихъ зовутъ.
Вотъ, и солнышко закрылось....
Поскорѣе бы домой!
И какъ будто стало страшно
Мнѣ въ лѣсу, совсѣмъ одной.
Какъ шумятъ вершины елей!
Знать толкуютъ межь собой,
Какъ имъ встрѣтить эту тучу,
И не струсить предъ грозой....
Что за воздухъ! какъ фигурно,
Раскидались облака!
Но проходитъ мимо туча....
Вотъ, и къ дому я близка,
Прихожу — ужь солнце свѣтитъ
Въ окна комнатки моей.
Что-то весело мнѣ стало,
Мысли чище и свѣжѣй.
О, пускай, какъ эта туча,
Въ жизни всякая бѣда,
Милый другъ, тебя минуетъ
И оставитъ навсегда.
Солнце свѣтитъ; небо ясно,
Тихо, тихо все вокругъ....
Какъ бы я, въ минуту эту,
Быть съ тобой желала, другъ!

Юл. Ж—ая.

1850.

ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА.

Смотрю я въ глубь лазури ясной —
Богъ вѣсть — откуда и куда,
Изъ звѣздъ сіяющихъ, прекрасныхъ,
Одна скатилася звѣзда.

Digitized by Google

Я вспомнилъ давнее преданье,—
Что прошептать ей должно вслѣдъ
Души завѣтное желанье,
Иль сердца пламенный привѣтъ.
И я послалъ съ звѣздою ясной,
Сквозь океанъ воздушныхъ струй,
Въ ночи тебѣ, мой другъ прекрасный,
Любви горячій поцѣлуй.
Звѣзда скатилась и пропала,
И, можетъ быть, въ ночной тиши
Тебѣ тихонько прошептала
Привѣтъ тоскующей души.
И, можетъ быть, среди молчанья,
Сквозь океанъ воздушныхъ струй,
Тебѣ снесла она признанье
И мой горячій поцѣлуй.

Т У Ч И.

По небу тучи бѣгутъ и скрываются,
Нѣтъ мимолетнымъ слѣда;
Гаснетъ подъ ними и вновь загорается
Въ темной лазури звѣзда.
Вотъ и промчалися, вѣтромъ гонимыя;
Даль голубая ясна....
Чтожъ вы тоскуете, жизнью томимые?
Жизнь не на вѣки дана.
Въ грусти взгляните на тучи далекія;
Быстро несутся онѣ:
Такъ пронесутся и скорби глубокія,
Сердце уснетъ въ тишинѣ.

МАКАРОВЪ.

Digitized by Google

СОНЪ ДИМА.

(Греческая пѣсня).

—

Не разъ я говаривалъ Диму въ бою:
Приплюсни ты вострую шапку свою,
И мѣдную грудь запахни у себя:
Не то угадаютъ Албанцы тебя!

Кукуютъ кукушки за дальней горой,
Кричатъ куропатки въ долинѣ глухой,
А ласточка, взвившись, подъ небомъ кружитъ,
По-нашему Диму поетъ-говоритъ:

«Что блѣденъ, задумчивъ и невеселъ, Димъ,
Ичто ты нейдешь къ паликарамъ своимъ?»
— А то я задумчивъ: я легъ отдохнуть,
И только дремой позабылся чуть-чуть:

Гляжу—небеса и въ дыму, и горятъ,
И красныя звѣзды оттуда глядятъ,
И мутныя кровавыя волны ручья,
И кровью забрызгана сабля моя!

Н. ВЕРГЪ.

АРАБСКІЯ МАУЛЫ. (*)

I.

Въ очахъ твоихъ, Леила,
Таится ядъ смертельный,
Навѣки погубившій
Несчастнаго страдальца!
Ахъ, если бъ ты склонилась
Послать мнѣ исцѣленье
Твоимъ, другъ, поцѣлуемъ!
Что молвилъ я? Улыбки
Одной твоей довольно
Для моего спасенья:

(*) Маулы—родъ романсовъ у нынѣшнихъ Арабовъ.

Digitized by Google

И отъ одной улыбки,
Повѣрь, такъ опьянѣлъ бы
Твой пламенный поклонникъ,
Что развѣ бы очнулся
Въ день разрушенья міра;
И на вопросъ пророка:
«Что дѣлалъ ты на свѣтѣ?»
Отвѣтилъ: «я любилъ!»

II.

Когда моей подруги
Со мной нѣтъ, мои чувства
Всегда ея находятъ
Во всемъ, чѣмъ міръ прекрасенъ.
Въ согласныхъ звукахъ флейты
И сладострастной лютни,
Когда они сольются
Въ чудесныя созвучья;
Въ роскошныхъ тѣхъ равнинахъ,
На кои предъ разсвѣтомъ
Иль позднею порою,
Рѣзвясь, толпой приходятъ
Прохладой насладиться
Невинныя газели;
Въ лугахъ, гдѣ сыплетъ перлы
Роса передъ зарею
На ткань изъ цвѣтами
Душистые ковры;
Въ сосудѣ съ искрометнымъ
Виномъ благоуханнымъ,
Котораго касаюсь
Устами я моими —
Вездѣ она! Но въ мірѣ
Ничто мнѣ не замѣнитъ
Моей подруги милой
Моя ль Лейла можетъ
Всѣ чудеса природы
Мнѣ замѣнить собой!

—

Digitized by Google

ИЗЪ БАЙРОНА.

Когда мое чело нахмурится тоскою,
И слезы ѣдкія въ очахъ моихъ блеснутъ,
Другъ, не тревожься тѣмъ: печаль сама собою,
Покинувши чело, вернется въ свой пріютъ,
И будетъ тамъ, въ груди моей глубоко,
Вновь узницей томиться одинокой.

—

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Съ тѣхъ поръ какъ съ милою разстался,
Смѣяться разучился я
Ни разу я не улыбался,
Хоть часто свѣтъ смѣшилъ меня.

* * *

Съ тѣхъ поръ какъ я разстался съ милой,
И слезъ нѣтъ больше у меня:
Хоть сердце отъ тоски изныло,
Все не могу заплакать я!

ДЕ-РОТУЛА.

Digitized by Google

СЕМЕНЪ СЕРЕДА,

КУРЕННЫЙ АТАМАНЪ ЗАПОРОЖСКАГО ВОЙСКА.

(Переводъ съ малороссійскаго языка.)

Не было, и уже не будетъ такого отца-милостивца, какъ былъ у насъ (*) покойный Семенъ Ивановичъ Середа, куренный атаманъ славнаго Запорожскаго войска: вѣчный ему покой! Царство небесное! Вотъ былъ человѣкъ! Тотъ же отецъ родной, да еще лучше отца; вѣдь отцы всякіе бываютъ, а Семенъ Ивановичъ былъ такой человѣкъ, я вамъ говорю, что лучшаго атамана и желать и выдумать не возможно. Въ Курени всякіе казаки бываютъ, и въ семьѣ—какъ говорятъ—не безъ урода. Вотъ же, бывало, иной разъ какой-нибудь казакъ провинится, запьетъ, или забуянитъ, или съ товарищемъ поссорится,—такъ Семенъ Ивановичъ всегда исправлялъ такого поотечески: выбранитъ-было, на чемъ свѣтъ стоитъ, побьетъ кіемъ, или, взявши за чуприну, такъ-было поскубетъ порядкомъ, да потомъ-было тотчасъ и пожалуетъ,—сейчасъ-было вразумитъ виновнаго и наставитъ, да еще и заставитъ-было его положить сто или двѣсти поклоновъ передъ образами въ почетномъ углу Курена. Какъ порядкомъ потрудишься-было на покаянной молитвѣ, такъ вся дурь и выходила изъ головы: окончивши поклоны, виновный самъ собою подходилъ къ атаману, цѣловалъ его руку, и благодарилъ его за науку.—А какъ самъ Семенъ Ивановичъ станетъ-было на молитвѣ,—уже было всѣ товарищи куренные давно спятъ, уже и вторые пѣтухи пропѣли, а онъ все-было молится, стоитъ на колѣнахъ, шепчетъ молитвы, да обливается слезами.

Если-было кошевой позоветъ къ себѣ *на раду* всѣхъ куренныхъ атамановъ, то на этихъ совѣтахъ все такъ дѣлалось, какъ скажетъ-было Середа. Умный былъ нашъ атаманъ, да не только умный, но еще и ученый. Письмо и церковное и гражданское онъ читалъ какъ будто наизустъ; писалъ такъ скоро и красиво, что вотъ—на что уже войсковый писарь дока, анъ нѣтъ! и

(*) По всему видно, что это—сочиненіе какого-то старшинаго Запорожца, и писано около 1760 года. *Переводчикъ.*

Digitized by Google

тотъ было не налюбуется на писанье Семена Ивановича. «Вамъ бы, добродѣй, не у насъ быть атаманомъ, а гдѣ-нибудь подальше, въ Сенатѣ, или при Царскомъ Дворцѣ»,—не разъ и не два говорилъ писарь Семену Ивановичу; но старикъ улыбнется-было, кивнетъ головой, да и замолчитъ. Кромѣ церковнаго и русскаго языка, онъ зналъ и по-польски и по-турецки, и еще на какомъ-то мудреномъ языкѣ, что его употребляютъ всѣ ученые люди, латышскій что-ли,—буквы такія, кажется, какъ въ польскомъ, да слова совсѣмъ не тѣ. Я немножко, видите, подслушалъ этотъ языкъ между монахами, какъ возилъ изъ Сѣчи въ Межигорскій монастырь наши оброчные припасы: тамъ въ передней комнатѣ передъ келліями отца архимандрита сидѣлъ какой-то мальчикъ, да твердилъ свои уроки, такъ я немножко и замѣтилъ. Вотъ какъ на томъ латышскомъ языкѣ: по нашему: *Богъ*, а на томъ языкѣ *Деусъ*; по нашему напримѣръ—*человѣкъ*, а у нихъ *гомо*,—извѣстное дѣло—латышскій языкъ. И этотъ ученый языкъ зналъ Семенъ Ивановичъ.—Бывало иногда какъ разговорится онъ полатышски съ отцомъ Венедиктомъ, съ начальникомъ сѣчевыхъ церквей, такъ мы только слушаемъ: все у нихъ на *усъ* да на *усъ*,—и по этому одному уже видно, что умный это языкъ. Вѣдь не даромъ же сказано объ умномъ человѣкѣ, что онъ все себѣ *мотаетъ на усъ*.—Гдѣ всему этому научился покойный Середа,—о томъ никто не зналъ.

Какой кроткій и добрый былъ атаманъ дома, вотъ такой же свирѣпый и лютый на войнѣ. Ужъ-было какъ сядетъ на коня, да скомандуетъ, *гайда*! такъ уже держись. Его ничто не останавливало; одинъ идетъ противъ десяти Татаръ или Турковъ, а ужъ Ляхи были у него ни по чемъ; онъ крошилъ ихъ, какъ капусту. Турка и татарина было еще помилуетъ, какъ тотъ закричитъ: «*Алла*!», а Ляха никогда не миловалъ, какъ ни кричатъ было они: «*згода! згода! препрашамъ*!» Нѣтъ тебѣ *згоды*! говорилъ Семенъ Ивановичъ, и рубилъ безъ пощады направо и налѣво.

Да и было кому рубить. Вообразите себѣ плечистаго, здоровеннаго, высокаго мущину; указательный, напримѣръ, палецъ у него былъ такъ толстъ, что ежели сложить два обыкновенные человѣческіе пальцы, такъ все еще будутъ тоньше. Руки такія

Digitized by Google

сильныя и такія длинныя, что онъ съ одного маху разсѣкалъ пополамъ человѣка отъ черепа до сѣдла;—одна половина человѣка съ одною рукою перевиснетъ-было на одну сторону коня, а другая половина человѣка на другую, да съ такимъ разрубленнымъ всадникомъ конь и бѣгаетъ-было по полю.... ажно страшно вспомнить!—За что Семенъ Ивановичъ не любилъ Ляховъ, кто его знаетъ,—была же, видно, причина.

Вотъ уже и старикомъ былъ Середа, а еще видно было изъ его лица, что онъ былъ когда-то красавецъ. Былъ когда то чернявый и чернобровый, а въ послѣднее время сѣдой, какъ лунь. Сѣдые усы доходили у него до половины груди; румянецъ во всю щеку. Но лучше всего у него были очи; ахъ, что это за очи! Черныя какъ ночь, и ясныя какъ день; много души выглядывало изъ этихъ очей; великимъ добромъ смотрѣли они. На кого посмотритъ-было Семенъ Ивановичъ пристально, да еще кому улыбнется, такъ тотъ уже и его. Чудный человѣкъ былъ Семенъ Ивановичъ. Мы и сами не знаемъ, за что мы любили его, а любили такъ, что вотъ и теперь еще жаль его....

Позвольте, дѣти, кажется, у меня въ глазахъ потемнѣло.... тьфу, канальство! капъ, капъ, одна слеза за другою. .. Ну полно!

Вотъ какой былъ Семенъ Ивановичъ.

Да еще вотъ что: не слыхано и не видано такого примѣра, какой случился въ нашемъ курени! У насъ впродолженіе тридцати восьми лѣтъ сряду не перемѣнялся куренный атаманъ, и былъ нашимъ батькомъ — кто бы вы думали? Все одинъ и тотъ же Семенъ Ивановичъ Середа!—Какъ придетъ-было время выборовъ, то куренные товарищи, не дѣлая никакихъ выборовъ, подойдутъ, бывало, гурьбою къ Серединѣ, поклонятся ему въ поясъ, да и говорятъ: «будь, Семенъ Ивановичъ, по прежнему нашимъ отцомъ,—намъ лучшаго атамана не надобно!» Потомъ позовутъ-было священника съ причтомъ, отслужатъ въ курени молебенъ, да послѣ молебна устроятъ такой обѣдъ во славу своего атамана, что—чудо! Что горѣлки да меду тогда выпивали, такъ страшно подумать! а сколько барановъ и прочихъ *продуктовъ* потребилось на страву—ужасъ!...

Семенъ Ивановичъ, стало быть, служилъ куреннымъ атаманомъ

Digitized by Google

38 лѣтъ; а всего житія его въ Сѣчи было болѣе сорока лѣтъ. Кто онъ такой, откуда родомъ, какъ его прежде звали, объ этомъ никто не зналъ. Разсказывали старики, что разъѣзды Запорожцевъ нашли когда-то его около одного *Зимовника* (*). Онъ лежалъ больной въ бурьянѣ и просилъ воды. Казаки напоили его, посадили на коня и привезли въ Сѣчь къ кошевому. Когда онъ выздоровѣлъ, то просилъ принять его въ товарищество,— вотъ его и приняли. А какъ тотъ день былъ середа, то его и записали въ реэстръ подъ именемъ *Середы*; а имя Семена, по отечеству Ивановича, онъ самъ объявилъ.—За пазухою у него была какая-то тетрадка, которую онъ, пока былъ молодъ, часто читалъ; а какъ состарѣлся, то уже не читалъ ее, а спряталъ въ оберткѣ псалтыря, и обертку вокругъ тетрадки на глухо заклеилъ клейстеромъ. За то уже съ псалтырью онъ никогда не разставался. И дома и въ походахъ, на землѣ и на водѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, а псалтырь всегда была съ нимъ, и онъ читалъ ее каждый день.

Вотъ наконецъ Семенъ Ивановичъ заболѣлъ, и заболѣлъ не на-шутку. Часъ отъ часу становилось ему хуже. Мы хотѣли-было лечить его. Казакъ Апанасенко, которой былъ между нами зи-харемъ, т. е. по простому сказать—лекаремъ, приготовилъ для него разныя лекарства, водилъ его въ баню, и тамъ вытиралъ его горѣлкою, настоянною на турецкомъ перцѣ, поилъ его теплою буквицею и ромашкою, ставилъ ему горшки на животъ, наконецъ даже и кровь пустилъ,—ничто не помогло! Нашъ батько чах-нулъ, все чахнулъ, и таялъ какъ свѣчка.—Вотъ какъ мы сидѣли да хлопотали одинъ разъ около него, такъ онъ и говоритъ намъ: «полно, дѣтки, суетиться! Я чуствую, что мой часъ уже близокъ; не помогутъ никакія лекарства: пора приняться за леченіе грѣшной души, а тѣло пускай себѣ умираетъ! Какъ доживу до завтрего, то рано поутру попросите ко мнѣ отца Венедикта, да сподобитъ меня святой исповѣди и Святаго Причастія.—Какъ заплачемъ, какъ зарыдаемъ мы всѣ въ одинъ голосъ!... «Батько нашъ родной! Семенъ Ивановичъ»!... Но онъ, покойничекъ, закрылся простынею,

(*) Хуторъ.

Digitized by Google

и махнулъ на насъ рукою. Вотъ мы, боясь тревожить его, потихоньку и отошли отъ его кровати, да и разошлись по угламъ куреня плакать тихомолкомъ. Старые, сѣдые казаки всхлипивали, какъ малыя дѣти....

На другой день поутру пришелъ отецъ Венедиктъ. Семена Ивановича приподняли на кровати и посадили. Долго исповѣдывался онъ; долго потомъ слушалъ всѣ молитвы, что положены предъ Святымъ Причастіемъ; а по окончаніи молитвъ подозвалъ всѣхъ насъ къ своей постели, да и говоритъ: «простите меня, дѣтки, ежели я согрѣшилъ противъ кого-либо изъ васъ; можетъ быть, я обидѣлъ кого-либо; простите, братцы!» Мы всѣ пали ему въ ноги, и однимъ голосомъ сказали: «Богъ тебя проститъ, и наградитъ за твою добродѣтель, а намъ ты ничего не виненъ». — Послѣ этого, отецъ Венедиктъ удостоилъ Семена Ивановича Святыхъ Таинъ. Лицо у старика совершенно перемѣнилось, и сдѣлалось такое свѣтлое, какъ будто у ангела. Поцѣловавши святую чашу, онъ поцѣловалъ и руку отца Венедикта. Потомъ, какъ духовникъ хотѣлъ уже выходить изъ куреня, Семенъ Ивановичъ, вынувши у себя изъ-подъ подушки псалтырь, подалъ ее отцу Венедикту, да и говоритъ: «вотъ это, батюшка, примите на память обо мнѣ; когда захочете прочитать, то тутъ подъ оберткою есть описаніе моей жизни, охъ.... не только моей, но еще чьей-то. Помолитесь, святый отче, обо мнѣ грѣшномъ и *объ убіенной Маріи*».... Отдавши книжку, Семенъ Ивановичъ всплакнулъ немножко, потомъ успокоился, перекрестился, зажмурилъ глаза, и какъ будто заснулъ. Мы и духъ притаили, чтобъ все вокругъ было тихо, и чтобъ никто не мѣшалъ атаману спать.

Проходитъ часъ, проходитъ два, три, и, можетъ быть, четыре, а Семенъ Ивановичъ все спитъ. Только я замѣчаю, что онъ что-то слишкомъ глубоко заснулъ, не храпитъ, не ворочается съ боку на бокъ, но какъ заснулъ, такъ все и лежитъ въ одномъ и томъ же положеніи. Вотъ я тихонько подхожу къ нему, заглядываю ему въ лицо, и прислушиваюсь, дышитъ ли онъ.... «Э, братцы — товарищи! умеръ нашъ батько»! закричалъ я на весь курень. Все товарищество бросилось къ его постели; начали

Digitized by Google

будить его, хотѣли-было посадить его: но руки и ноги его уже охолодѣли, голова склонилась назадъ; и по всему видно было, что уже часа три, какъ его душа оставила свое тѣло.

Не умѣю разсказать вамъ, какая тревога сдѣлалась тогда не только въ нашемъ курени, но и по всѣмъ куренямъ. Сейчасъ дано знать Коцевому о смерти Семена Ивановича; и панъ коцевый самъ тотчасъ прицелъ въ нашъ курень, поклонился нашему покойнику, поцѣловалъ его руку, и роздалъ намъ приказанія касательно похоронъ. — Тотчасъ зазвонили за упокой на сѣчевой колокольнѣ, и тотчасъ во всѣ палатки и по всѣмъ зимовникамъ посланы были повѣстки о кончинѣ Семена Ивановича. Вся Запорожская Сѣчь поднялась на ноги.—Когда вынесли покойника изъ куреня въ церковь, то за крикомъ, плачемъ и стенаніемъ казаковъ нельзя было слышать церковнаго пѣнія. «Прощай, батько нашъ!» кричатъ казаки, да все лѣзутъ цѣловать руки и ноги покойнаго атамана.

«Послѣднее цѣлованіе» продолжалось мало что часа не два; насилу могли оторваться отъ любезнаго намъ гроба.... Потомъ, какъ вынесли гробъ изъ церкви и понесли на кладбище,—колокола зазвонили, музыка заиграла, и изъ всѣхъ сѣчевыхъ пушекъ сдѣлали залпъ! Казалось, что даже земля тряслась такъ точно, какъ тряслись наши сердца. За слезами я уже не видѣлъ, какъ опустили гробъ въ могилу, а только, какъ дурной, и я за другими бросилъ въ яму три горсти земли. Двадцать разъ хотѣлъ я перестать плакать,—вотъ было и надмусь, чтобъ не плакать, и глаза растопырю.... нѣтъ! ничто не помогаетъ! слезы градомъ льются.

Поминки по Семенѣ Ивановичѣ были знатныя; ничего товарищи не жалѣли; только за обѣдомъ почти никто ничего не ѣлъ,—кусокъ хлѣба не шелъ въ горло. Насилу догадались, какъ помочь горю: выпили корцовъ по два или по три горѣлки,—вотъ тогда уже сдѣлалось какъ будто легче, и кое-какъ принялись уже за хлѣбъ и за борщъ.

Когда отправили по покойномъ атаманѣ *третины*, *девятины*,

Digitized by Google

полусорочины и *сорочины* (*),—вотъ я одинъ разъ вечеркомъ и пошелъ къ отцу Венедикту. Пришелъ, поклонился, взялъ благословеніе да и молчу.

— А что добраго скажешь, казаче? — спросилъ отецъ Венедиктъ.

— Все доброе,— отвѣчалъ я.

— Ну садись же, когда съ добромъ пришелъ.

Вотъ мы сѣли, и я, помолчавши немного, началъ рѣчь: «вамъ, батюшка, нашъ покойный Семенъ Ивановичъ Середа передъ смертью подарилъ псалтырь».

— Ну, подарилъ, такъ что же?

— И говорилъ вамъ, что въ псалтырѣ подъ оберткою заклеено описаніе жизни его.

— Такъ,—отвѣчалъ отецъ Венедиктъ.

— И еще просилъ васъ покойный Середа помолиться о какой-то убіенной рабѣ Божіей Маріи.

— Все это правда; что жъ тебѣ съ этого?

— Гмъ!—отвѣчалъ я,—конечно, батюшка, мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла. Да вотъ видите—никто, кажется, такъ крѣпко не любилъ Семена Ивановича, какъ я люблю. Я ежедневно молюсь объ немъ, и, по его слову, молюсь объ убіенной Маріи; но мнѣ желательно было бы знать: кто это была — Марія? И—какая была жизнь Середы, до пришествія его въ Запорожскую Сѣчь.

— Много будешь знать,—скоро состарѣешься,—отвѣчалъ мнѣ отецъ Венедиктъ съ кроткою улыбкою.

—А чтожъ? не худо и старикомъ быть,—отвѣчалъ я.—Сдѣлайте милость, отче, дайте мнѣ прочитать тетрадку Семена Ивановича.

Отецъ Венедиктъ досталъ съ полки псалтырь, вынулъ изъ нея тетрадку, подалъ мнѣ, да и говоритъ: возьми, читай, если можешь.

Взялъ я тетрадку,—смотрю,—рука Семена Ивановича, да бѣда! *не при мнѣ писано*, т. е. не на нашемъ языкѣ.

— Что же не читаешь? спросилъ, улыбаясь, батюшка,—читай, когда знаешь латинскій языкъ.

(*) Молитва и поминовеніе въ *третій* день по смерти, въ *девятый*, въ *двадцатый*, и въ *сороковый*.

Digitized by Google

— Такъ это по-латыни,—стало быть, на томъ ученомъ языкѣ, на которомъ вы разговариваете-было съ покойнымъ Семеномъ Ивановичемъ? А я—извините, батюшка, называлъ этотъ языкъ латынскимъ.—Не умѣю, батюшка.

— Вотъ то-то же, не умѣешь—такъ и не любопытствуй.

Я почесалъ себѣ голову, да уже и не зналъ, что̀ дальше говорить: мнѣ было и жалко и стыдно.

Отецъ Венедиктъ сжалился надо мною, да и говоритъ: «ну не скучай; вотъ я, удосужившись, переведу эту тетрадку на нашъ языкъ, тогда и ты прочитаешь,—а теперь иди съ миромъ; мнѣ пора къ вечернѣ».

Этакъ недѣли чрезъ три или чрезъ четыре послѣ этого вечера, въ воскресный день на обѣднѣ, когда я подошелъ къ отцу Венедикту за просфирой, онъ, подавая мнѣ просфиру, тихонько сказалъ: «ужо зайдешь ко мнѣ послѣ обѣдни».—И когда я зашелъ къ нему, то батюшка, почествовавши меня рюмкою водки и закускою, вынулъ изъ шкафа тетрадь, да отдавая мнѣ, и говоритъ: «вотъ же тебѣ и житіе Семена Ивановича; какъ прочитаешь, то принеси мнѣ обратно,—я нарочно для тебя перевелъ съ латинскаго языка».

Я не зналъ, какъ и благодарить батюшку за эту милость; схватилъ тетрадь, взялъ благословеніе, да скорѣе и пошелъ въ свой курень.—А послѣ обѣда, какъ всѣ казаки легли отдыхать, я сѣлъ на своей лавкѣ, да и давай читать.

Разовъ десять прочиталъ я эту тетрадку, пока понялъ, въ чемъ дѣло. Это—видите—не просто описаніе жизни Семена Ивановича, но разновременныя замѣтки, которыя онъ писалъ о своей жизни; и вся тетрадка имѣетъ заглавіе: *Діаріушъ, чили дневникъ*. Не утерпѣлъ я,—переписалъ этотъ дневникъ до слова, и вотъ выписываю его тутъ на память грядущимъ родамъ, на пользу благосклоннымъ читателямъ и на поминовеніе незабвеннаго Семена Ивановича Середы.

(Окончаніе въ слѣд. нумерѣ.)

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1852.

№ 14. Іюль. Кн. 2.

СЕМЕНЪ СЕРЕДА,

КУРЕННЫЙ АТАМАНЪ ЗАПОРОЖСКАГО ВОЙСКА.

(Переводъ съ малороссійскаго языка.)

ДНЕВНИКЪ.

Господи Боже мой! удивилъ Ты свою милость на мнѣ, бѣдномъ сиротѣ! Вотъ уже я почти человѣкъ; а кто бы могъ повѣрить, чтобъ я, оставшись безъ отца и матери, безъ всякаго состоянія, могъ быть воспитанъ въ самомъ лучшемъ училищѣ нашего края, въ знаменитой езуитской коллегіи Острожской?... Меня постоянно хвалили за успѣхи, и вотъ наконецъ сегодня я выдержалъ съ честью послѣдній экзаменъ. Скажу еще болѣе: кто бы могъ повѣрить, чтобъ я, находясь у отцовъ Езуитовъ съ десятилѣтняго моего возраста, могъ безсоблазненно сохранить Православную вѣру моихъ прaотцовъ?... Да не только сохранить, но еще и укрѣпиться въ ней такъ, что всѣ хитрые совѣты и наговоры Езуитовъ со-

Digitized by Google

вершенно ничтожны предъ убѣжденіемъ души моей. — И за все это я обязанъ тебѣ, незабвенный благодѣтель мой Данила Прокофьевичъ! Уже два года, какъ ты почилъ сномъ смерти, но я не могу безъ слезъ вспоминать о тебѣ. Ты призрѣлъ меня сироту; ты отдалъ меня въ коллегію, и обязалъ Езуитовъ честнымъ словомъ не совращать меня въ католичество. Впрочемъ честное слово не помогло бы тутъ ровно ничего, еслибы ты самъ, бравши меня къ себѣ на праздники и на вакаціи, не наставлялъ меня и практически и теоретически въ нашей Православной вѣрѣ. Тебѣ обязанъ я моимъ просвѣщеніемъ и моимъ православіемъ. Да упокоитъ Христосъ твою душу въ царствіи небесномъ!

Сегодня призывалъ меня къ себѣ отецъ ректоръ.

— Ну, domine Пересопницкій, поздравляю васъ съ окончаніемъ курса,—сказалъ реверендиссимусъ. — Что вы думаете дѣлать съ собою?

Я отвѣчалъ, что до сихъ поръ еще ни на что не рѣшаюсь, но увѣренъ, что Богъ не оставитъ меня и укажетъ путь, по которому мнѣ надобно идти.

— И прекрасно вы дѣлаете:—сказалъ патеръ; вашъ благодѣль, покойный коммисаръ Клеванскій, Данило Прокофьевичъ Лобода, опредѣливши васъ въ нашу коллегію, записалъ на воспитаніе ваше десять тысячъ злотыхъ. Вчера мы дѣлали повѣрку счетовъ, и оказалось, что отъ всей эдукаціонной суммы у васъ еще остается триста злотыхъ. — Не имѣете ли вы еще какихъ-либо другихъ способовъ?

— Рѣшительно никакихъ,—отвѣчалъ я.

— А знаете ли вы, domine, что вы происходите по прямой линіи отъ князей Пересопницкихъ, и что ваше родовое имѣніе, Пересопница съ фольварками и прочими угодьями, отдана теперь на содержаніе Клеванскаго пробоства?

— Слышалъ я объ этомъ отъ покойнаго Данилы Прокофьевича,—отвѣчалъ я; но вмѣстѣ слышалъ и то, что все это уже невозвратимо. Покойный отецъ мой цѣлую жизнь свою

Digitized by Google

хлопоталъ о возвращеніи ему княжескаго титула и имѣнія, и—что же? оставилъ меня сиротою безъ куска хлѣба! Если бы не блаженной памяти Данило Прокофьевичъ призрѣлъ меня, я не знаю, что было бы со мною....

— Подумайте объ этомъ хорошенько,—сказалъ отецъ ректоръ; non omne invisibile est impossibile.—Съ этими словами, онъ благословилъ меня и отпустилъ.

Мысль о возвращеніи Пересопницы съ княжескимъ титуломъ глубоко засѣла въ моей душѣ. Почему не стараться о возвращеніи родоваго наслѣдства?... Но какъ его возвратить? Мой дѣдъ былъ еще княземъ, и владѣлъ достояніемъ своихъ предковъ; но послѣ Брестскаго собора, на которомъ объявлена была Унія, онъ все потерялъ. Не захотѣвши сдѣлаться ни католикомъ, ни уніатомъ, онъ раздражилъ своими выходками противъ уніи всю рѣчь Посполитую, и открыто воевалъ съ надворными своими казаками и съ вооруженными крестьянами противъ католическихъ пановъ, противъ ксендзовъ и противъ сейма. За это онъ, по приговору сейма, былъ *делимитованъ*, то есть—лишенъ правъ званія и состоянія. Пересопница досталась князьямъ У...; а старикъ съ малолѣтнымъ сыномъ, съ моимъ отцомъ, удалился въ Дерманскій монастырь, и кончилъ жизнь въ подвигахъ благочестія. Отецъ мой былъ воспитанъ Дерманскими монахами; потомъ, когда выросъ, и женился на одной православной сиротѣ бывшаго нѣкогда знатнаго, но за православіе уничтоженнаго рода, то цѣлую жизнь свою хлопоталъ о возвращеніи достоянія своихъ предковъ. Судьи откладывали дѣло его отъ одного сейма до другаго; и такъ прошла вся жизнь покойнаго отца. Умирая въ бѣдности и забвеніи, онъ поручилъ меня своему искреннему другу Даниле Прокофьевичу Лободѣ. Вотъ все, что я знаю о моемъ княжествѣ. Какъ его возвратить? Да и для чего оно? Вздоръ! перестану думать о суетѣ!

Digitized by Google

Пять дней прошло. Сегодня опять присылалъ за мною ректоръ.

— Ну что, domine, надумался?... Хочешь ли быть княземъ? Хочешь ли владѣть Персопницею?

— Вы шутить изволите надо мною, reverendissime,—отвѣчалъ я; на что мнѣ Пересопница?

— На то, что это твоя собственность, и что теперь открывается прекраснѣйшій случай возвратить все это, — сказалъ отецъ ректоръ.

— Какой же это случай? позвольте спросить.

— А я думалъ, что ты самъ давно уже о томъ знаешь. Послушай, любезнѣйшій Симеонъ: ты воспитанъ въ нашей, езуитской коллегіи; разумъ имѣешь довольно просвѣщенный, слушалъ у насъ исторію какъ церковную, такъ и гражданскую, и всѣ прочія науки ты принялъ изъ устъ превелебныхъ отцовъ Езуитовъ. Послѣ всего этого неужели ты обманешь всѣ наши чаянія? Неужели ты можешь доселѣ коснѣть въ заблужденіяхъ твоего дѣтства? Неужели ты еще доселѣ не убѣжденъ, что extra Romanam Ecclesiam nulla est salus? Присоединись къ нашей церкви, и она осыплетъ тебя своими благодѣяніями. Генералъ нашего ордена, мой искренній другъ—не только начальникъ, въ хорошихъ связяхъ съ папскимъ интернунціемъ въ Варшавѣ; а вся Польша находится въ ихъ рукахъ. Понимаешь ли, что возвращеніе тебѣ княжества и имѣнія для насъ такъ легко, какъ выпить стаканъ воды? Король и сеймъ все сдѣлаютъ по требованію интернунція, тѣмъ болѣе, что твое требованіе справедливо. Только conditio sine qua non....

— А ежели мое требованіе справедливо, — какъ вы сами изволите говорить,—то для исполненія его для чего же вы полагаете кондиціи?—возразилъ я, съ достодолжнымъ смиреніемъ.

— Вопросъ твой чрезвычайно умный,—прервалъ меня ректоръ,—ты спрашиваешь очень резонно; но только одно упустилъ изъ виду, что справедливость, какъ и все на свѣтѣ, имѣетъ свои степени,—есть справедливость низшая и высшая;

Digitized by Google

само собою разумѣется, что низшая должна подчиняться высшей. Твое требованіе, повторю, очень справедливо; но требованіе Католической церкви и ея заботливость о твоемъ спасеніи еще справедливѣе и выше твоего требованія, — понимаешь ли?

— Извините, святой отецъ, рѣшительно ничего не понимаю. И ежели не можно иначе возвратить мнѣ Пересопницу, какъ требуя моего отреченія отъ Православія; то позвольте мнѣ оставаться не княземъ, но простымъ шляхтичемъ, и ежели ваша будетъ милость, выдайте мнѣ моихъ 300 злотыхъ, о которыхъ вы сами говорили мнѣ, да и отпустите меня.

Ректоръ молчалъ, и пристально смотрѣлъ на меня; потомъ, какъ будто невольно произнесъ слѣдующія слова: «нечего дѣлать! надобно спасать тебя противъ собственной твоей воли», — и отпустилъ меня.

Того же самаго дня вечеромъ опять призывалъ меня ректоръ.

Посадивши меня возлѣ себя на софѣ, онъ спросилъ меня: «почему ты не хочешь быть католикомъ?»

— Потому, — отвѣчалъ я, что я и безъ того принадлежу къ Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Ежели и католичество имѣетъ всѣ эти признаки истиннаго христіанства, но напрасно вы перекликаете меня въ вашу Церковь; я и безъ того нахожусь въ истинной церкви.

— Да ты не вѣруешь въ святѣйшаго отца, въ видимаго главу Церкви, въ папу?

— И никому не посовѣтую вѣрить, — сказалъ я, — потому что Вселенскій символъ не обязываетъ къ этой вѣрѣ въ человѣка такого же грѣшнаго, какъ и всѣ мы. Всѣ прочіе догматы восточной Церкви вы для уніатовъ оставляете безъ всякаго нарушенія, требуете только подчиненности Римскому престолу: неужели это самый главный догматъ вѣры?

— Maximum, Supremum dogma! — сказалъ отецъ ректоръ, и послѣ того вдругъ перемѣнилъ разговоръ, — началъ говорить о предметахъ, не касающихся религіи.

Digitized by Google

— Кстати,—сказалъ онъ, какъ будто нечаянно споткнувшись на новую мысль,—для тебя, domine Симеонъ, открывается выгодное мѣсто. Князь Янушъ Ямпольскій ищетъ себѣ домашняго секретаря; жалованья тысяча злотыхъ на всемъ готовомъ содержаніи. Согласенъ ли ты на это мѣсто?

— Весьма согласенъ и благодаренъ,—отвѣчалъ я. Бѣдному такому, какъ я, надобно служить; и ежели полученіе этого мѣста зависитъ отъ васъ, отецъ ректоръ, то покорнѣйше прошу не оставить меня вашею протекціей.

— Подумаемъ, увидимъ,—отвѣчалъ реверендиссимусъ.

Вотъ наконецъ—я секретаремъ его сіятельства князя Януша Ямпольскаго. Отецъ ректоръ отправилъ меня въ замокъ князя съ письмомъ къ замковому капеллану и духовнику княжескому, отцу Езуиту Фелисевичу. Капелланъ, прочитавши письмо ректора, бросился обнимать и цѣловать меня, какъ будто родной, и почти за всякимъ словомъ величаетъ меня «княземъ Пересопницкимъ.» Но я долгомъ совѣсти почелъ на первыхъ порахъ остановить его въ этомъ неприличномъ для меня титулованіи.

— Извините меня, отче, я совсѣмъ не князь, но простой шляхтичъ Пересопницкій; прошу покорно не величать меня княжескимъ титуломъ; я самъ пріѣхалъ служить у князя Ямпольскаго, и его милости непріятно будетъ узнать, что секретарь его имѣетъ также какую-то претензію на княжество.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ капелланъ,—князю Янушу еще будетъ весьма пріятно, когда онъ узнаетъ, что потомокъ князей Пересопницкихъ служитъ ему. Бѣдность не порокъ. Tempora mutantur, et nos mutamur cum illis; мало ли чего было на свѣтѣ? и мало ли что еще будетъ? — Отдохните у меня, князь Пересопницкій, пока я пойду предувѣдомлю князя Януша о вашемъ пріѣздѣ.

Съ этими словами Фелисевичъ оставилъ меня въ своей комнатѣ, и пошелъ къ своему духовному сыну.

Черезъ полчаса позвали меня къ князю. Онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, сидя въ высокихъ дубовыхъ креслахъ

Digitized by Google

передъ длиннымъ столомъ. Мнѣ говорили въ коллегіи, что князю Ямпольскому не болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду; но я теперь увидѣлъ предъ собою согбеннаго, морщинистаго, хилаго старика; желтые глаза Януша страшно выглядывали изъ своихъ ямокъ; костистые пальцы его тряслись, какъ будто въ лихорадкѣ, и лицо князя, хотя бывшее нѣкогда повидимому пріятнымъ и благороднымъ, теперь не обѣщало рѣшительно никакой улыбки, и, кажется, никакого сочувствія къ ближнему. Мнѣ стало какъ-то страшно и какъ-то неловко, когда я подошелъ къ нему и отрекомендовался. Патеръ Фелисевичъ былъ тутъ же, стоялъ возлѣ князя Януша.

— Весьма радъ принять васъ въ службу, — отвѣчалъ мнѣ князь Ямпольскій; я очень высоко цѣню рекомендацію отца ректора Острожскаго, а онъ васъ одобряетъ,—слѣдовательно дѣло кончено. Прикажите распорядиться о приличномъ помѣщеніи господина секретаря, — прибавилъ князь, относясь къ патеру.

— Будетъ исполнено,—отвѣчалъ Фелисевичъ, и махнулъ мнѣ рукою изъ-за князя, чтобъ я уходилъ.

Я вышелъ изъ кабинета.

Помѣщеніе у меня превосходное. Двѣ комнаты съ прекрасною мебелью; чистая и мягкая постель; человѣкъ для прислуги: обѣдаю за общимъ столомъ, и столъ изобильный; здѣсь не жалѣютъ венгерскаго вина. Сторонняго почти никого не бываетъ въ замкѣ, и гости пріѣзжаютъ очень рѣдко. Обѣдаемъ почти всегда только въ четверомъ: князь Янушъ, шестнадцатилѣтняя дочь его Марія, ксендзъ Фелисевичъ, да я. Удивительно, что у княжны нѣтъ даже гувернантки,—ее учитъ всѣмъ наукамъ и языкамъ патеръ Фелисевичъ; только Чехъ—капельмейстеръ княжескій даетъ ей уроки музыки, но онъ никогда не обѣдаетъ за княжескимъ столомъ.

Прошло уже больше недѣли, какъ я пріѣхалъ и вступилъ въ должность княжескаго секретаря, а еще доселѣ не знаю, въ чемъ будетъ состоять моя должность. Князь не призываетъ меня къ себѣ и не поручаетъ мнѣ никакой переписки;

Digitized by Google

мы видимся съ нимъ только за обѣдомъ и ужиномъ. Ежели въ этомъ будетъ состоять мое секретарство, чтобъ исправно обѣдать и ужинать,—чего жъ лучше? Только вотъ бѣда: скоро будетъ православный Успенскій постъ, а здѣсь въ католическомъ домѣ, вѣрно не держатъ нашихъ постовъ,—какъ мнѣ тогда увернуться отъ нарушенія православнаго поста?... Вотъ и первая тягость службы.

Сегодня, передъ ужиномъ, пока князь не вышелъ въ столовую, патеръ Фелисевичъ, взявши меня за руку, сказалъ: «князю Янушу угодно, чтобъ вы присутствовали при урокахъ княжны Маріи, чтобъ приготовляли ей тетради, чинили перья, и чтобъ вообще были моимъ помощникомъ и коррепетиторомъ въ преподаваніи ей наукъ. Приходите завтра въ девять часовъ утра въ учебную комнату.»—Вотъ, кажется, и начинается моя должность.

Сегодня, вошедши въ учебную комнату, я засталъ уже тамъ княжну Марію и патера.

— Э, ваше сіятельство, — сказалъ Фелисевичъ, обращаясь ко мнѣ, не исправно начинаете являться къ должности коррепетитора, смотрите, скоро будетъ 10 часовъ, а вамъ надобно приходить сюда въ девять.—Потомъ, обратясь къ Маріи, онъ продолжалъ: вы, княжна, уже знаете, что панёнкинъ секретарь и вашъ коррепетиторъ происходитъ отъ знаменитаго рода князей Пересопницкихъ; только панъ Симеонъ, по своей скромности, не хочетъ пользоваться своими привиллегіями и даже—повѣрите ли? сердится на меня, когда я называю его княземъ. Прошу садиться,—сказалъ патеръ, указывая мнѣ на стулъ.

Случайно ли такъ сдѣлалось, или въ этомъ былъ умыселъ чей-нибудь, только столъ съ учебными книгами былъ такъ приставленъ въ углу комнаты, что около стола могли помѣститься только три стула: на одномъ сидѣлъ Фелисевичъ, на другомъ Марія, а на третьемъ около Маріи долженъ былъ сѣсть я. Я извинялся въ поздомъ приходѣ, и сѣлъ совершенно сбитый съ толку привѣтствіемъ патера.

Digitized by Google

Лекція была изъ географіи и французскаго языка.

Чего не знаютъ эти отцы Езуиты?—Кажется, знаютъ все! Фелисевичъ преподаетъ географію по-французски; всеобщую исторію по-нѣмецки; законъ Божій и польскую исторію по-польски: и все это умно, хорошо, краснорѣчиво. Только одинъ недостатокъ у нихъ, это—особенное, свое собственное направленіе каждой науки. У нихъ есть своя цѣль, и они готовы пригнать къ своей цѣли—все, пожалуй даже и табличку умноженія. Покойный Данила Прокофьевичъ самъ у нихъ учился, и всегда предостерегалъ меня отъ этого езуитскаго направленія. Каждый разъ, какъ дѣло дойдетъ до правды и чести, я не могу не вспомнить покойнаго моего благодѣтеля. Вѣчный ему покой!

На другой день лекція была изъ закона Божія и изъ польской исторіи. Я пришелъ въ учебную комнату еще до девяти часовъ. Марія была уже тамъ, и читала уроки по тетрадкамъ, писаннымъ рукою патера. Когда я вошелъ, она нисколько не смѣшалась, учтиво отвѣчала на мой поклонъ, просила меня садиться и прослушать, знаетъ ли она свои уроки.

Чудная дѣвица княжна Марія! Стройная и высокая, даже не по лѣтамъ; вся бѣлая и во всемъ бѣломъ; бѣлизна ея лица переспоритъ даже бѣлизну чистаго батистоваго платья, въ которое она одѣта; только брови, рѣсницы и коса черныя. Глаза большіе, свѣтлые и кроткіе; она смотритъ ими такъ простодушно. Княжеской спѣси вовсе не замѣтно въ ней; впрочемъ, можетъ быть, это отъ того, что и меня Фелисевичъ представилъ ей, какъ князя.

Я началъ выслушивать ея уроки, рѣшившись напередъ исполнять свою должность репетиторскую добросовѣстно, совершенно какъ автоматъ. Какъ на бѣду, случилась лекція изъ церковной исторіи о раздѣленіи церквей. Православная Церковь была такъ оклеветана, что страшно сказать. Но я всѣ эти клеветы давно уже слышалъ въ езуитской коллегіи, и

Digitized by Google

давно уже зналъ нелѣпость ихъ. Впрочемъ я слушалъ урокъ Маріи, молча и не возражая.

Выдавши мнѣ свой урокъ, Марія обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: «скажите мнѣ, князь, что это за слово въ моей лекціи: «*схизматикъ*?»

— Схизматикъ—слово греческое,—отвѣчалъ я; оно значитъ: раздѣлившійся, раздѣленный, отдѣленный, отрѣзанный, отторгнутый.

— Да вѣдь въ переводѣ этого слова нѣтъ, кажется, никакого упрека Грекамъ,—продолжала княжна, — а между тѣмъ Римляне именно этимъ словомъ упрекаютъ Грековъ.

— Нашъ Спаситель претерпѣлъ крестную смерть не для того, чтобы мы, вѣрующіе въ Него, упрекали другъ друга,— сказалъ я со вздохомъ, и принялся было за другія тетради, чтобы выслушивать урокъ изъ Польской исторіи, но любознательная княжна продолжала меня спрашивать:

— Скажите же пожалуста: кто отъ кого отдѣлился, Греки отъ Римлянъ, или Римляне отъ Грековъ?

— Не угодно ли вамъ, княжна, спросить объ этомъ у патера Фелисевича,—сказалъ я; я принадлежу къ Греко-восточному исповѣданію вѣры, и съ моей стороны было бы неприлично разрушать тѣ убѣжденія, которыя старается передать вамъ патеръ.

Княжна закраснѣлась, опустила свои глаза, и, помолчавши съ минуту, продолжала:

— Да вѣдь я хочу знать *исторически*, какъ было дѣло, а совсѣмъ не для религіозныхъ споровъ.

— Исторически было вотъ какъ,—не утерпѣлъ я сказать: Восточная Церковь осталась при древнемъ ученіи, переданномъ ей Апостолами и мужами апостольскими, и утвержденномъ семью Вселенскими соборами; а Западная Церковь къ этому ученію прибавила нѣсколько такого, чему не учили ни Апостолы, ни Соборы.

— На примѣръ?—спросила княжна. Но въ эту самую минуту ксендзъ Фелисевичъ отворилъ дверь и вошелъ въ комнату.

Digitized by Google

Не знаю, что будетъ далѣе, ежели княжна не отстанетъ отъ меня съ подобными вопросами; только я боюсь, боюсь....

Уроки географіи и языковъ идутъ спокойнѣе, хотя и тутъ Марія иногда задаетъ мнѣ трудныя задачи. Вчера, напримѣръ, она спросила меня: «какой образъ правленія въ нашей Польшѣ?»

— Республиканскій,—отвѣчалъ я, потому что Польша есть «рѣчь посполитая», т. е. республика.

— А вѣдь у насъ есть король, котораго мы называемъ монархомъ,—слѣдовательно у насъ образъ правленія монархическій?

— И тотъ и другой,—отвѣчалъ я со вздохомъ.

— Вы говорите: и тотъ и другой,—прервала княжна, это значитъ; ни того, ни другаго. Гдѣ республика, тамъ король не бываетъ; а гдѣ король, тамъ не должна быть республика. Вся исторія, и древняя и новая, подтверждаетъ это.

— Да развѣ вы, княжна, не слышали пословицы, что Polska nieporzondkiem stòi?

— Какъ жаль,—сказала Марія, что въ нашемъ прекрасномъ отечествѣ нѣтъ хорошаго правленія! Вѣчные бунты! Исторія Польши есть исторія бунтовъ и кровопролитія....

Какова дѣвушка!

Кажется, патеръ Фелисевичъ своимъ спеціальнымъ направленіемъ преподаванія наукъ достигаетъ совсѣмъ противной цѣли, нежели какую имѣетъ въ виду. Въ молодой дѣвической головкѣ роятся вопросы, которые скрываетъ отъ нея учитель.

Сегодня за обѣдомъ князь Янушъ удостоилъ меня своимъ разговоромъ.

— Какой вы религіи, господинъ секретарь?—спросилъ меня князь.

— Христіянской,—отвѣчалъ я.

— Разумѣется, христіянской, вѣдь жида я не посадилъ бы съ собою обѣдать,—сказалъ Янушъ, немножко обидѣвшись

Digitized by Google

моимъ отвѣтомъ, но все-таки не оставляя принятаго имъ на ту пору ласковаго настроенія;—но я хотѣлъ бы знать: какого вы вѣроисповѣданія?

— Греко-восточнаго,—сказалъ я громко и твердо.

— Жаль,—продолжалъ его мосць; вы молодой человѣкъ хорошо образованный, и я слышалъ, вы происходите отъ князей Пересопницкихъ.

— Ежели бъ я не имѣлъ сердечнаго убѣжденія въ православной вѣрѣ моихъ праотцовъ,—отвѣчалъ я, — то довольно для меня происходить отъ Пересопницкихъ князей, чтобъ и по этой одной причинѣ не оставлять восточнаго исповѣданія.

— Жаль, жаль,—продолжалъ князь, и мы встали изъ-за стола.

Пока мы не разошлись изъ столовой, я воспользовался случаемъ, и, подошедши къ князю Янушу, предложилъ мою прозьбу:

— Вы, князь, уже изволите знать, что я хочу остаться въ вѣрѣ моихъ предковъ; и вы сами назвали бы меня безчестнымъ человѣкомъ, ежели бы я не соблюдалъ постановленій той Церкви, къ которой принадлежу. Завтра у меня начинается Успенскій постъ; я не буду употреблять скоромнаго до праздника Успенія Богоматери. Позвольте мнѣ не являться въ это время къ вашему столу.

— Почему же не являться?—сказалъ князь; я прикажу подавать вамъ постное кушанье, и вы можете обѣдать здѣсь: какъ вы думаете, патеръ Фелисевичъ?

Патеръ усмѣхнулся, и сказалъ: «это все равно, совершенно равно. Я надѣюсь, что князь Пересопницкій скоро разговѣется съ нами; предоставьте ему свободу,—онъ самъ перейдетъ на нашу сторону. Хе, хе, хе....»

Опять былъ урокъ изъ закона Божія; опять Марія приступила ко мнѣ съ вопросами.

Digitized by Google

Когда кончилъ я репетицію, она вдругъ спросила меня: скажите пожалуйста, почему вы называете себя *православными*, а наши называютъ васъ схизматиками?

Нечего дѣлать, я долженъ былъ отвѣчать:

— *Православный*—то же самое, что право вѣрующій, или правильно славящій Бога и не предпочитающій славу человѣческую славѣ Божіей. А схизматиками называютъ насъ, знаете ли кто? апостаты! Тѣ самые люди, которыхъ предки были православными, но которые, оставивши православіе, и предпочетши славу человѣческую славѣ Божіей, перешли въ католицизмъ! Вамъ, княжна, извѣстно должно быть изъ исторіи, что Волынь, Подоль, Украйна, Червонная Русь и Бѣлая Русь составляли въ древности часть Россіи, и достались Польшѣ отъ Россіи; вѣдь и теперь простой народъ въ этомъ краю называется Русскимъ. Куда жъ дѣвалось дворянство этого края? куда дѣвались княжескіе роды, жившіе и владѣвшіе въ этихъ провинціяхъ? Всѣ перешли въ католическую вѣру! Только простой народъ остался вѣренъ своей православной Церкви. А какъ въ этой церкви не стало дворянства, то дворяне, перешедшіе въ католичество, и начали свою прародительскую религію презирать. Исторія еще больше говоритъ за насъ: Польша не имѣла никогда своихъ князей; были въ ней князья литовскіе, потомки Гедимина и Ольгерда, и Русскіе князья, потомки святаго Владиміра; всѣ эти князья и по вѣрѣ и по языку были православные Русскіе, а потомки ихъ уже подѣлались католиками и Поляками.

— Такъ по этому и фамилія князей Ямпольскихъ Русская?— спросила Марія. — Ахъ, да! Я помню, года два тому назадъ, приходилъ сюда монахъ изъ Дерманя просить подаянія на монастырь, и говорилъ между прочимъ папѣ, что въ ихъ монастырѣ есть склепъ съ древними гробами князей Ямпольскихъ. Когда погребены въ православномъ монастырѣ, такъ стало быть — были православные? — Какъ все на свѣтѣ перемѣняется!...—

Digitized by Google

Княжна склонила голову на руку, и задумалась. Потомъ вдругъ спросила меня: «почему вы не хотите быть католикомъ?»

— Вы должны были бы презирать меня, отвѣчалъ я, если бы я, противъ сердечнаго убѣжденія, перемѣнилъ мое исповѣданіе для какихъ-нибудь мірскихъ выгодъ.

— Я уважаю васъ, князь Пересопницкій! — сказала Марія, покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ, встала и убѣжала изъ комнаты.—

Я остался одинъ, и не могъ самъ себѣ дать отчета въ моихъ мысляхъ. Скоро вошелъ патеръ Фелисевичъ, и, посмотрѣвши на меня съ лукавою улыбкою, спросилъ: «гдѣ же ученица наша?»

— Сейчасъ вышла, — вѣроятно скоро возвратится, — отвѣчалъ я.

Минутъ чрезъ пять возвратилась Марія. Румянецъ еще не сошелъ съ ея щекъ; видно было, что грудь ея волновалась; но она по прежнему принялась за уроки.

Ахъ, договоримся мы до чего-нибудь!....

Два дня ничего не записывалъ я въ моемъ дневникѣ.— Уроки наши прекратились, потому что въ замокъ пріѣхала изъ Галиціи тетка Маріи, сестра Януша, вдова, пани подкоморжина Веселовская. Удивительная старуха! Она, кажется, вся составлена изъ любви, состраданія и преданности.—На другой день ея пріѣзда, когда я вышелъ въ столовую къ обѣду, пани Веселовская вдругъ окинула меня быстрымъ взглядомъ, потомъ устремила на меня свои глаза и долго разсматривала меня. Мнѣ сдѣлалось чрезвычайно не ловко, тѣмъ болѣе, что мнѣ слышно было, какъ она разспрашивала Маріо въ полголоса о моемъ имени и происхожденіи. Когда Марія произнесла мое имя и фамилію, пани подкоморжина не утерпѣла, тотчасъ обратилась ко мнѣ съ разговоромъ:

— Пане Пересопницкій! пожалуйте сюда.

Я подошелъ къ ней.

— Позвольте спросить васъ: какъ звали покойную вашу матушку?

Digitized by Google

— Софіей,— отвѣчалъ я.

Пани подкоморжина тотчасъ встала съ своего мѣста, бросилась ко мнѣ, обняла меня, и, облившись слезами, начала цѣловать меня въ голову, въ лобъ, въ очи, въ уста....

— Ты сынъ моей искренней подруги! ты сынъ моей крестной сестры! ты сынъ моей незабвенной Софіи! И похожъ ты на нее, какъ двѣ капли воды! Голубчикъ ты мой! Мы съ твоей матерью вмѣстѣ воспитывались у Бригитокъ, и въ знакъ вѣчной любви помѣнялись нашими шейными крестами: вотъ крестъ твоей матери, смотри! — Съ этими словами пани Веселовская, вынула изъ-за пазухи висѣвшій у нея на шеѣ золотой крестъ, и показала мнѣ....

Я припалъ моими устами къ кресту моей матери, и залился слезами!... Потомъ упалъ я передъ коморжиною на колѣна, цѣловалъ ея руки и ноги, и.... что я тогда говорилъ, теперь не вспомню, кажется, называлъ Веселовскую матерью моею,— помню только, что плакалъ я такъ сладко и такъ долго, какъ никогда еще не плакалъ. Оставшись послѣ моей матери пятилѣтнимъ сиротою, и доживши до двадцати трехъ лѣтъ, я теперь въ первый разъ видѣлъ матернія ласки ко мнѣ женщины, и какой женщины? которая была подругою и сама себя называетъ сестрою моей матери!... Матушка моя! родная! Это ты изъ-за гроба посылашь мнѣ это утѣшеніе!...

Не скоро мы съ паньей Веселовскою очнулись отъ нашихъ слезъ и восторговъ. Она взяла меня за руку, пристально смотрѣла мнѣ въ глаза, называла своимъ сыномъ, и требовала, чтобъ я называлъ ее матерью.—Когда пришла пора садиться за столъ, пани подкоморжина посадила меня возлѣ себя, и постоянно распрашивала о покойной моей матери. — Отвѣчая на ея вопросы, я невольно взглянулъ на княжну Марію, и замѣтилъ, что она также плакала, — глаза ея были красные, и на щекахъ еще замѣтны были слѣды недавнихъ слезъ. Мнѣ опять захотѣлось плакать; ѣсть я ничего не могъ. Пани Веселовская также не ѣла; Марія тоже — показывала только видъ, будто ѣстъ, и катала шарики изъ хлѣба. Спасибо патеру Фелисевичу, онъ трудился за всѣхъ насъ. А князъ Янушъ

Digitized by Google

хоть и старался подражать патеру, но примѣтно было, что онъ болѣе сердился, нежели ѣлъ; — за что и на кого онъ сердился,—кто его знаетъ? кажется болѣе всѣхъ на меня, за чѣмъ я моимъ сходствомъ съ покойною моею матерью такъ сильно растревожилъ панью Веселовскую.

Патеръ Фелисевичъ, покушавши молча первыя три перемѣны и находя свой желудокъ довольно на первый разъ удовлетвореннымъ, умѣлъ завязать общій разговоръ между всѣми сидѣвшими за столомъ, и успѣлъ разогнать облако неудовольствія съ лица князя Януша. Князь разговорился даже со мною о моихъ родителяхъ, и до того былъ внимателенъ ко мнѣ, что наливая сестрѣ изъ собственныхъ рукъ рюмку столѣтняго венгерскаго вина къ десерту, самъ налилъ и мнѣ. Когда же дошло дѣло до «салютацій» (*) и когда безцѣнная пани Веселовская провозгласила здоровье своего «любезнаго сына — молодаго Князя Пересопницкаго», то и Князь Янушъ выпилъ за мое здоровье. — Ахъ, какъ хорошо быть любиму женщиной! ахъ, какъ хорошо, ежели у кого есть мать, сестра, дочь!.... Угадываю, что хорошо имѣть и добрую, любящую жену!

На другой день поутру я вышелъ погулять въ садъ. Въ отдаленномъ углу сада, на узкой дорожкѣ, встрѣтилъ я княжну Марію. Она также гуляла; я предложилъ ей свою руку. Долго ходили мы молча. Отчего она молчала, не знаю; но я сколько ни усиливался начать разговоръ, никакъ мнѣ не удавалось, — даже не могли соскочить съ языка обыкновенныя слова: «*какая сегодня прекрасная погода!*»

При поворотѣ въ главную аллею, ведущую къ замку, Марія сама начала разговоръ.—«Ахъ, какъ я вчера любовалась вами, какъ вы плакали съ тётей! Я и сама не могла удержаться отъ слезъ.... и у меня нѣтъ маменьки!.... я и не помню ея!...»

Вмѣсто всякаго отвѣта, я невольно поцѣловалъ руку княжны. Она хотѣла-было поцѣловать меня въ голову; но пламенныя

(*) До тостовъ.

Digitized by Google

ныя наши лица нечаянно какъ-то встрѣтились; невинный поцѣлуй княжны, направленный въ мою голову, нечаянно споткнулся на мои губы, и мы.... неожиданно, неумышленно и громко поцѣловались!....

— Ахъ!—сказала Марія, отскочила отъ меня, и побѣжала по дорожкѣ къ замку.

Я стоялъ, какъ дуракъ, и не зналъ, что это со мною сдѣлалось....

Нѣтъ! надобно бѣжать отсюда. Это не кончится добромъ. Бѣжать, бѣжать!

Три дня я старался избѣгать встрѣчи съ Маріей, три дня за обѣдомъ и ужиномъ старался не смотрѣть на нее. Не знаю, смотрѣла ли она на меня; но я чувствовалъ, что она на меня смотритъ, въ самую душу мою смотритъ!—Плохо?—Это—особенное какое-то состояніе, въ которомъ я теперь нахожусь; боюсь, не безуміе ли это; право, похоже на безуміе. Спать не хочется; кажется, ни объ чемъ не думаю и не безпокоюсь, а вотъ уже третью ночь не сплю. Чуть сведу глазами на сонъ, тотчасъ представляется Марія, какъ она меня поцѣловала, и—пропалъ сонъ!—Господи! спаси меня! Еслибъ это было доброе чувство, такъ оно не было бы такъ тревожно. Подавши нищему милостыню, защитивши невинно-оклеветаннаго, посѣтивши больнаго или заключеннаго въ темницѣ, чувствуешь въ душѣ радость и миръ,—ничто не мѣшаетъ тебѣ спать. А поцѣловавши дѣвицу.... тьфу ты пропасть! нѣтъ покоя! —Безуміе!

Опять не спалъ цѣлую ночь, только подъ свѣтъ забылся на нѣсколько минутъ.—Видно, я очень похудѣлъ за эти дни, что всѣ спрашиваютъ меня о моемъ здоровьи.

— Пани Веселовская сегодня послѣ обѣда, выходя изъ столовой, приказала мнѣ слѣдовать за собою. Когда я пришелъ за нею въ ея комнату, она, посадивши меня возлѣ себя, спросила съ нѣжностью матери: отчего я перемѣнился такъ въ эти дни? чѣмъ я боленъ?

Digitized by Google

— Будь предо мною откровененъ, сынъ мой, прибавила пани Веселовская: скажи мнѣ, какъ матери, всю правду.

— Такъ, что-то не здоровится, отвѣчалъ я, впрочемъ я скоро поправлюсь.

— Эхъ, нѣтъ, сынъ мой! ты не говоришь правды. Я видѣла въ саду, какъ ты цѣловался съ Маріей, и съ того времени ты совсѣмъ перемѣнился.

Я покраснѣлъ по самыя уши, и потупивши глаза стоялъ передъ подкоморжиною, какъ преступникъ.

— А что? угадала я причину твоей болѣзни? продолжала она.—Молчишь? стало стыдно?... Почемужъ ты не хочешь посмотрѣть, какъ страдаетъ Марія? Ахъ дѣти, дѣти! какія вы глупыя! какъ вы сами лишаете себя покоя и здоровья!... Признайся: любишь Марію?

— Люблю, матушка,—сказалъ я упавши предъ паньею, и обнявши ея колѣна. Ежели можете спасти меня,—спасите!

— Обожди немножко здѣсь, я сейчасъ возвращусь,—сказала подкоморжина, и вышла изъ комнаты.

Минуты черезъ двѣ она возвратилась, ведя за руку Марію:

— Вотъ твой, Марія, женихъ! сказала она, отдавая мнѣ руку своей племянницы....

— Тетушка! матушка!—вскричали мы съ Маріей въ одинъ голосъ, и бросились въ ея объятія.

— Дѣти мои! дѣти мои!—говорила пани Веселовская, обнимая насъ обоихъ вмѣстѣ. — Да благословитъ васъ Богъ, какъ я благословляю! Да дастъ вамъ миръ, любовь и благодать! Поцѣлуйтесь опять предо мною такъ, какъ вы цѣловались въ саду; ну-те же не стыдитесь, поцѣлуйтесь!

Мы охотно исполнили волю матери, и, поцѣловавшись, начали цѣловать ея руки, и благодарить ее за наше счастье.

— Не слишкомъ благодарите,—прервала насъ матушка;— еще дѣло ваше только-что началось, и далеко еще до конца; прежде всего—надобно согласіе отца твоего, Марія. Переговорить съ нимъ я беру на себя; только не могу скрыть отъ тебя, сынъ мой, самаго главнаго препятствія, которое ты

Digitized by Google

одинъ можешь уничтожить: отъ тебя, вѣроятно, потребуютъ, чтобъ ты присоединился къ католической церкви.

Я слышалъ слова паньи Веселовской, и, кажется, понималъ ихъ, но стоялъ какъ ошеломленный, и ничего не отвѣчалъ.

— Чтожъ ты ничего не отвѣчаешь? продолжала матушка. Скажи: будешь ли католикомъ? Тогда Марися твоя,—за это я напередъ ручаюсь.

— Нѣтъ, я не буду католикомъ,—отвѣчалъ я, и выпустилъ руку Маріи.

— Тётенька! миленькая! голубочка! сказала Марія, повиснувши у нея на шеѣ: увѣрьте папеньку, что я согласна на все! пусть панъ Симеонъ остается Православнымъ! Одинъ Богъ! одинъ у насъ Спаситель!

Пани подкоморжина оторопѣла послѣ этой выходки Маріи, и, освободившись изъ ея объятій, посмотрѣла пристально сперва на нее, потомъ на меня, и сказала мнѣ: видишь ли, какъ она тебя любитъ?...

Чѣмъ все это кончится, не знаю.

Вчера вечеромъ я прилѣжно молился Богу, молился со слезами; мнѣ сдѣлалось легко на душѣ, и я спалъ прошлую ночь крѣпко и спокойно.

Село Парафѣевка.

Я бѣжалъ изъ за́мка.—На другой день послѣ того, какъ матушка заставила насъ съ Маріей при себѣ поцѣловаться и обмѣняла насъ кольцами, послѣ обѣда позвали меня къ князю.—Вхожу въ кабинетъ; тамъ, кромѣ князя Януша, сидѣла матушка моя—безцѣнная пани Веселовская, и патеръ Фелисевичъ.—Патеръ притворялся, будто онъ читалъ какую-то книгу, но поверхъ очковъ, сидѣвшихъ на его носу, все смотрѣлъ на меня.—Когда я вошелъ, князь учтиво попросилъ меня сѣсть, и послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ:

Digitized by Google

— Моя сестра, пани подкоморжина объявила мнѣ, что вы, пане Пересопницкій, полюбили мою дочь, и что княжна Марія имѣла неосторожность полюбить васъ. Конечно—все это дѣтская шалость; но пани подкоморжина объявила, что если-бы могъ состояться вашъ бракъ съ моею дочерью, то она вамъ обоимъ, названнымъ ея дѣтямъ, записываетъ все свое имѣніе въ Галиціи.

Князь замолкъ, и какъ будто ждалъ моего отвѣта; но я тоже молчалъ, и смотрѣлъ то на панью Веселовскую, то на князя.

— Что жъ вы ничего не говорите намъ?—сказалъ князь.

Наконецъ я получилъ способность говорить, и отвѣчалъ:

— Я полюбилъ Марію безъ всякихъ расчетовъ на имѣніе, и въ первой еще разъ слышу теперь о намѣреніи матушки укрѣпить за нами свои маетности. Совершенно отдаюсь въ волю моей благодѣтельницы; и ежели вы, князь, удостоите принять меня въ ваше семейство, то будете имѣть во мнѣ самаго покорнаго и послушнаго сына.

— Я въ васъ не ошибался, мой любезнѣйшій Пересопницкій! сказалъ князь Янушъ. Люблю васъ, какъ сына; и ежели вы уступаете мнѣ надъ собою права вашего отца,—то первое послушаніе съ вашей стороны должно быть слѣдующее: вы должны уничтожить делимитацію вашего рода, и вступить въ потерянныя вашимъ дѣдомъ права князя Пересопницкаго.

— Совершенно согласенъ,—отвѣчалъ я.

— А для этого одно только средство, продолжалъ князь Янушъ: вы непремѣнно должны присоединиться къ нашей святой католической церкви.

— Извините меня, князь, возразилъ я: это средство уже предлагали мнѣ въ Острожской коллегіи, но я отъ него отказался, и теперь отказываюсь.

— Для чего же вы отказываетесь отъ собственнаго счастья?—отозвался патеръ Фелисевичъ, бросивши книгу.

— Для того,—отвѣчалъ я, что въ измѣнѣ святому Православію, въ которомъ я убѣжденъ, я не вижу никакого счастья. Потрудитесь убѣдить меня, что я ошибаюсь, и я охотно

Digitized by Google

буду католикомъ. Острожскіе отцы Езуиты болѣе десяти лѣтъ старались убѣждать меня въ этомъ, и—все напрасно!

— Uparty iak Rusin! сказалъ Фелисевичъ, и покраснѣлъ отъ злости.

— Это послѣднее ваше слово? спросилъ меня князь Янушъ.

— Послѣднее и рѣшительное,—отвѣчалъ я твердымъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ вы будете, пане Пересопницкій, такъ благоразумны, что конечно сами признаете непріличнымъ дальнѣйшее ваше пребываніе въ моемъ замкѣ.

— Совершенно согласенъ съ вами,—сказалъ я: благодарю васъ за ваши ласки, за вашу хлѣбъ-соль.

Съ этими словами, я поклонился, и хотѣлъ-было выдти изъ кабинета; но пани Веселовская подбѣжала ко мнѣ, обняла меня за шею обѣими руками, и сквозь слезы начала умолять меня:

— Сынъ мой! сынъ моей Зоси! что ты дѣлаешь?... Такъ-то ты любишь Марисю?... Одумайся, что съ нею будетъ?... Что съ тебя будетъ?... Зачѣмъ ты самъ разрушаешь свое и ея счастье?... Ахъ, сынъ мой! согласись хоть по наружности быть католикомъ, а въ душѣ своей будь, какимъ хочешь, Православнымъ!...

— Нѣтъ, матушка, отвѣчалъ я, цѣлуя руки ея: я не могу обманывать Бога и людей! Поберегите бѣдную Марію, и если можно, забудьте обо мнѣ.

Сказавши эти слова, я вырвался изъ объятій паньи подкоморжины, вышелъ изъ кабинета князя, и не заходя въ свою комнату, ушелъ изъ замка.

Куда я шелъ, и долго ли шелъ, не знаю,—помню только, что вокругъ меня былъ лѣсъ; я все шелъ-шелъ не останавливаясь. Наконецъ лѣсъ кончился, и на открытой полянѣ я увидѣлъ село съ церковью. Солнце уже садилось; церковь была отперта, и я прямо пошелъ въ церковь. Правилась вечерня; кромѣ священника, дьячка и пономаря, никого въ церкви не было. Колѣна мои подогнулись; я упалъ передъ кивотомъ Матери

Digitized by Google

Божіей и залился слезами.... Уже и вечерня кончилась, а я все стоялъ на колѣнахъ предъ Богоматерью и плакалъ.— Священникъ подошелъ ко мнѣ, и тихимъ, ласковымъ голосомъ напомнилъ мнѣ, что пора запирать церковь. Тогда я очнулся, постарался отереть слезы, и просилъ священника: не можно ли сейчасъ же отслужить *канонъ молебный ко Пресвятой Богородицѣ, поемый во всякой скорби душевной и обстояніи.*

Священникъ облачился въ ризы. Зажгли свѣчи и лампады, и начали пѣть молебенъ.

Этотъ святый молебенъ я нѣсколько разъ прежде читалъ и слышалъ, но никогда еще мое сердце не понимало такъ хорошо словъ этого умилительнаго пѣснопѣнія, какъ теперь.

Стоя на колѣнахъ и обливаясь слезами, я невольно повторялъ за священникомъ сладкія слова молебна:

Когда священникъ разогнулъ и началъ читать надъ моею головою Святое Евангеліе, — какой-то непонятный для меня трепетъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу; я пересталъ плакать; по душѣ разлилось удивительное успокоеніе, и я, послѣ Евангелія, продолжалъ, уже не со слезами, но съ радостью повторять за священникомъ стихиры молебна:

Поцѣловавши крестъ, послѣ молебна, и будучи окропленъ святою водою, я просилъ священника, чтобъ онъ позволилъ мнѣ переночевать у него.

Отецъ Іоаннъ привелъ меня въ свой домъ, и я откровенно разсказалъ ему всю мою краткую, но горькую жизнь. — Утѣшивши и укрѣпивши меня надеждою на Бога, отецъ Іоаннъ просилъ меня раздѣлить ужинъ съ его семействомъ; а послѣ ужина отвелъ мнѣ для ночлега особую свѣтелку. Я уже не плакалъ, но, истомленный душевно и тѣлесно, перекрестился, легъ въ постель, и заснулъ какъ убитый.

Село, куда забрелъ я такъ нечаянно, и гдѣ призрѣлъ меня отецъ Іоаннъ, отстоитъ одну только милю отъ замка князя Ямпольскаго, и называется *Парафѣевкой.*

Digitized by Google

Проснулся я на другой день очень поздо. Голова болитъ невыносимо.—Уже отецъ Іоаннъ воротился домой отъ обѣдни, а я только что всталъ.—Я спрашивалъ у отца Іоанна: далеко ли отсюда до Дерманскаго монастыря? Говорятъ, что миль около двухъ будетъ.—Пойду въ Дерманъ; тамъ могилы моего дѣда и отца. Если Богу угодно, тамъ и я умру монахомъ!—Но—голова болитъ страшно; я не могу сегодня идти. Отецъ Іоаннъ сказалъ: «Живите покамѣстъ у меня; а какъ поправитесь, тогда уже въ Дерманъ пойдете.» — Добрый отецъ Іоаннъ!... Не могу болѣе писать.

Слѣдующую главу, въ коей описанъ нечаянный бракъ и несчастная кончина Маріи, разобрать трудно, и потому она уничтожается.

Дерманскій монастырь.

Скоро будетъ годъ, какъ я живу послушникомъ въ Дерманскомъ монастырѣ; а отецъ игуменъ все еще не хочетъ удостоить меня постриженія. «Ты, говоритъ, не годишься въ монахи».—Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не гожусь, и не достоинъ я ангельскаго образа. Воспоминаніе о Маріи и мірскіе помыслы доселѣ смущаютъ меня.... Ахъ, какое тяжкое время я пережилъ! И—какъ еще Богъ помогъ пережить все это! Одинъ Богъ сохранилъ меня, что я не сошелъ съ ума, или не сдѣлалъ еще чего-либо худшаго. Божія благость и милосердіе видны и въ томъ, что я подъ сѣнью этой мирной обители мало-по малу успокоиваюсь. Страшно вспомнить, что было!...

Въ прошедшій понедѣльникъ призвалъ меня къ себѣ отецъ игуменъ, благословилъ меня, да и говоритъ:

— Послушай, Симеонъ,—я не постригу тебя въ монахи. Теперь не такое время. Посмотри, какъ паписты угнѣтаютъ и преслѣдуютъ нашу православную вѣру; можетъ быть, ско-

Digitized by Google

ро и насъ выгонятъ изъ монастыря. Теперь надобно защищать Православную церковь не одною молитвою и терпѣніемъ, но саблями и копьями.—Иди въ Сѣчь Запорожскую!—Запорожцы—тѣже монахи; они такъ же ведутъ безбрачную жизнь, какъ и мы. На нихъ только, послѣ Бога, вся надежда наша. Если они не защитятъ въ этомъ краѣ Православную Вѣру, то погибнемъ всѣ мы. Богъ да благословитъ тебя, и я благословляю: иди въ Запорожье!

Я принялъ слова отца игумена за повелѣніе Божіе; говѣлъ, исповѣдывался и пріобщился; насушилъ для дороги сухарей, и—завтра, послѣ ранней обѣдни, попрошу очереднаго іеромонаха отслужить молебенъ защитницѣ Христіянскаго рода—Богоматери, да и пойду въ Сѣчь Запорожскую.

Благослови, Боже, Запорожцомъ быть, басурмановъ рубить, и Православную Вѣру отъ Ляховъ боронить!

Вотъ и вся тетрадка покойнаго Семена Ивановича.—Теперь мы уже всѣ знаемъ, кто такой былъ нашъ куренный атаманъ Семенъ Ивановичъ Середа.

Г. Нѣжинъ.

И. Кулжинскій.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1852.

№ 15. Августъ. Кн. 1.

САВВУШКА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

....Савва Саввичь—по просту Саввушка—портной. Родился онъ господскимъ человѣкомъ, и до десяти лѣтъ бѣгалъ по деревнѣ, упражняясь въ разныхъ невинныхъ играхъ, свойственныхъ его возрасту и сельской жизни. На этомъ году баринъ вздумалъ отправить въ Москву партію дворовыхъ ребятишекъ, для наученія ихъ разнымъ ремесламъ, а кого именно какому, это предоставлялось благоусмотрѣнію управляющаго, подъ чьимъ присмотромъ будущіе ремесленники отправлялись въ столицу. Неизвѣстно, по какимъ признакамъ рѣшалъ управляющій назначеніе дѣтей, которыхъ привезъ въ Москву, и почему Саввушка отданъ былъ въ портные. Вѣроятно, бойкія наклонности мальчика, проявленіе которыхъ не разъ чувствовали бока и зубы его сотоварищей,—вѣроятно, онѣ болѣе пригодились бы

Digitized by Google

на другомъ мѣстѣ, но такъ велѣла судьба — великое, хоть и не совсѣмъ толковое слово.

И такъ судьба опредѣлила Саввушку къ Карлу Крестьянычу, Нѣмцу, обрусѣлому на столько, что онъ даже справлялся съ нашими *буками* и *покоемъ*. У Карла Крестьяныча была большая артель—человѣкъ сорокъ, всѣ Русскіе, кромѣ главнаго подмастерья, который былъ родомъ также изъ Нѣмцевъ, и держалъ себя въ горделивомъ отдаленіи отъ прочихъ работниковъ. Хозяинъ самъ никогда не брался за иголку, а только смотрѣлъ за порядкомъ, да ѣздилъ со счетами по заказчикамъ; подмастерье кроилъ, а въ свободное время холилъ свои рыжіе волосы да приволакивался за хорошенькой дочкой хозяина; работники, какъ слѣдуетъ, работали; одна половина учениковъ также отправляла швейную службу, а другая употреблялась для побѣгушекъ по дѣламъ всѣхъ, кто имѣлъ какое-нибудь значеніе въ домѣ, начиная отъ полновластнаго хозяина до толстой кухарки. Саввушка поступилъ, разумѣется, въ послѣдній разрядъ, и скоро успѣлъ обратить на себя вниманіе всей артели. Живѣй его никто не смахаетъ въ лавочку, скорѣй никто не согрѣетъ утюга, бойчѣй никто не задѣнетъ встрѣчнаго мальчишку или разнощика съ макомъ. Благодаря этимъ способностямъ, мастера начали употреблять его для болѣе важныхъ порученій, напримѣръ: тайкомъ, въ глазахъ хозяина, пронести въ мастерскую косушку вина; продать на толкучемъ рынкѣ сшитую изъ благопріобрѣтенныхъ остатковъ жилетку; поживиться у кухарки лишней ложкой масла, которое нѣмецкая экономія не щедро выдавала на русскую кашу; Саввушка же нерѣдко былъ выбираемъ для исполненія какой-нибудь потѣхи надъ рыжимъ подмастерьемъ, котораго артель не слишкомъ жаловала. И хотя за всѣ подобныя продѣлки юный штукарь часто подвергался исправительнымъ наказаніямъ, то есть, какъ говорилось въ артели, «хлебалъ березовую кашицу,» или «съ кувырколетіемъ, за волосное правленіе, кланялся качательному суду, поясной палатѣ;» но, за то, много проказъ и съ рукъ ему сходило, и мастера горой стояли за ревностнаго исполнителя своихъ приказаній.

Digitized by Google

Вообще таланты Саввушки были чрезвычайно разнообразны: въ чехарду ли прыгать, въ бабки ли играть, орла съ рѣшеткой кинуть, въ три листика сразиться, задиралой стоять въ «стѣнѣ на стѣну,» пѣсню разухабистую спѣть : вездѣ являлся онъ первымъ, и звонкій голосъ его господствовалъ среди крикотни прочихъ мальчишекъ. Грамота ему не далась въ деревнѣ, въ Москвѣ и подавно; но еще не родился тотъ лавочникъ, которому бы онъ позволилъ себя обчесть, или забожить лишнюю копейку; а какіе диковинные вензеля разрисовывалъ онъ по заборамъ — десять Шамполіоновъ не разобрали бы ихъ. «Однимъ лишь не взялъ парень, замѣчали иногда работники: ростомъ больно ужъ малъ; за то мала птичка, да ноготокъ остеръ!»

Въ самомъ дѣлѣ, Саввушка походилъ на карлика, и въ осемь лѣтъ, пока продолжался курсъ его ученія, едва подросъ на поларшина. Въ чемъ прошли эти осемь лѣтъ — видно изъ очерка первоначальной его дѣятельности; знанія, пріобрѣтенныя имъ, не уступали знаніямъ его сверстниковъ, то-есть иголка не вываливалась изъ рукъ, практическое же знакомство съ жизнью произошло преимущественно въ послѣдній годъ, на выходѣ изъ ученья, когда Саввушка, за панибрата съ работниками, подъ ихъ руководствомъ, сталъ посѣщать разныя увеселительныя заведенія и принимать ревностное участіе въ могарычныхъ попойкахъ.

Наконецъ вышелъ Саввушка изъ ученья. Въ то время у многихъ мастеровыхъ было еще въ обычаѣ оставаться выученику жить у своего учителя, чтобы заплатить за его хлѣбъ-соль, и Саввушка остался у Карла Крестьяныча, за скромную задѣльную плату. Взялъ впередъ денегъ, купилъ себѣ кое-что изъ платья, а на остальныя задалъ артели такія *вспрыски*, что чудо: одного чаю выпито было два галенка съ половиною, да «чистѣйшаго» полведра; а пріемамъ по мелочамъ, для освѣженія горла, пирующіе и счетъ потеряли. Вспрыски, по обыкновенію, праздновались на гулянкахъ, въ воскресенье, но продолжались и въ понедѣльникъ; потому что головы и руки многихъ участниковъ пирушки оказались въ такомъ разстройствѣ, что необходимо было сильное подкрѣпленіе для возвра-

Digitized by Google

щенія имъ обычной бодрости. Отправились гуляки опохмѣляться, завели между собою дружескую бесѣду, затѣяли хоровыя пѣсни,—глядь—на дворѣ ужъ и вечеръ. «Да ужъ за-одно, братцы, записывать прогулы,—замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ: пусть хозяинъ поершится, а мы попируемъ еще.» Товарищи согласились съ этимъ благоразумнымъ мнѣніемъ, спросили четвертый кувшинъ пива, и затянули новую пѣсню. Почти къ полночи воротилась домой веселая компанія; но Саввушки и еще двоихъ мастеровъ не оказалось на лицо: застряли гдѣ-то. Къ обѣду на другой день явился и Саввушка, одинъ, и только-что переступилъ черезъ порогъ мастерской, вдругъ столкнулся съ хозяиномъ.

— А гдѣ твой пропадалъ?—гнѣвно крикнулъ Карлъ Крестьянычь,—и по привычкѣ схватилъ-было Саввушку за волосы, но тотъ ловко увернулся отъ этой любезности, прискучившей ему еще въ ученьѣ.

— Такія вышли обстоятельства, Карлъ Крестьянычь, маленько обмишулился,—проговорилъ Саввушка, стараясь придать своему лицу постное выраженіе.

— Какой здѣсь есть мишуль? Ты водочка пилъ? а? Отвѣчай!

— Былъ тотъ грѣхъ, Карлъ Крестьянычь, такъ малость самую, за ваше здоровье....

— А розочка хочешъ? а? Отвѣчай!

— Воля ваша, Карлъ Крестьянычь. Да за что жъ наказывать? Вотъ, лучше пожалуйте-ка гривенничекъ на похмѣлье: мочи нѣтъ какъ трещитъ голова. А тамъ ужъ я пойду такъ порхать по работѣ, что только держись!

— Два цѣлковыхъ напишу тебѣ прогулочка, въ книжка напишу.... я задамъ тебѣ гривенникъ!

— Пожалуй напишите, только дайте. Силъ нѣтъ: и иголки не сдержать въ рукахъ.

— А чуечка твоя гдѣ есть?—спросилъ хозяинъ съ негодованіемъ, замѣтивъ наконецъ, что Саввушка одѣтъ въ поношенную фризку, вмѣсто синей суконной чуйки, въ которой щеголялъ наканунѣ.

Digitized by Google

— Грамотѣ учится, Карлъ Крестьянычь.

Хозяинъ вытаращилъ глаза.

— Это такъ говорится, Карлъ Крестьянычь, къ примѣру только; а чуйка обрѣтается въ закладѣ у одного благопріятеля: человѣкъ надежный, не извольте опасаться,—прибавилъ Саввушка въ поясненіе первыхъ своихъ словъ.

Но, не смотря на откровенное признаніе, строгій Нѣмецъ не далъ Саввушкѣ гривенника, а надѣлилъ его лишь полудюжиною крупныхъ словъ, которыя изучилъ на Руси, да велѣлъ садиться за работу.

— Держи карманъ-то! Ты какъ тамъ ни толкуй: по-латынѣ два алтына, по-русски шесть копѣекъ, а выпить все-таки надо,—пробормоталъ Саввушка вслѣдъ.—Какъ быть, братцы?—заговорилъ онъ, обращаясь къ товарищамъ: нѣтъ ли у кого гривенъ шести, душу отвести? Отдамъ съ благодарностію, не уголькомъ, такъ глинкой. Выручите Саввку!

Но это краснорѣчивое обращеніе не произвело желаннаго дѣйствія, потому что у всей артели въ одномъ карманѣ было пусто, въ другомъ ровно ничего.

— Мы сами думали попользоваться отъ тебя, полечить головы,—сказалъ одинъ изъ коноводовъ:—ни у кого еще маковой росинки во рту не было. Попробовали поддѣлаться къ кухаркѣ—не тутъ-то было.

— А что, братцы, вѣдь Егорки нѣтъ дома? — спросилъ другой.

— Да, пошелъ, кажется, на барскій дворъ. А что?

— Его надо проучить. Вчера у насъ сошло почѣсть по полуштофу съ брата, а онъ хоть бы шкаликъ поставилъ. Развѣ такъ дѣлается по товарищески?

— Такъ-то такъ, да что возьмешь съ этого выжиги?

— Что? Сундукъ не запертъ, новыя брюки его разиня ротъ лежатъ, а съ ними смѣло по крючку на брата считай.

Digitized by Google

Такъ какъ подобныя возмездія отступникамъ отъ правилъ товарищества очень нерѣдки между портными, то никто и не возражалъ на счастливую выдумку коновода, который тотчасъ же кликнулъ одного ученика, смѣнившаго Саввушку въ исполненіи коммиссій особенной важности.

— Смотри, Петька, чтобъ одна нога была здѣсь, а другая тамъ. Къ Исаичу, скажи, что отъ меня. Меньше штофа не бери. Ну, живо, да не попадись медвѣдю.

Подъ именемъ медвѣдя разумѣлся самъ хозяинъ; но на этотъ разъ онъ просидѣлъ въ своей берлогѣ, и леченіе больныхъ головъ произошло безпрепятственно. Освѣженные, мастера принялись за дѣло, а Саввушка, между работою, началъ разсказывать про свои похожденія....

Живетъ Саввушка ни хуже, ни лучше другихъ портныхъ. А каковъ бытъ всѣхъ ихъ—можно разсказать въ немногихъ словахъ.

Къ мастеровымъ вообще портной относится какъ исключеніе къ правилу. Его можно узнать съ перваго взгляда. Подражая одеждѣ и пріемамъ модниковъ средней руки, имѣя безпереводно въ рукахъ соблазнительныя произведенія своего искусства, портной любитъ пощеголять, но всегда какимъ-то страннымъ, если угодно, эксцентрическимъ образомъ: либо безъ сапогъ да въ шляпѣ, или въ модномъ сюртучкѣ, но безъ приличной нижней одежды. А если, хоть и рѣдко, одѣтъ онъ въ полной формѣ щеголемъ, даже если и волосы, обыкновенно густо-лохматые, въ порядкѣ,—такъ кривыя ноги, слѣдствіе безпрестаннаго сидѣнія по восточному, срѣжутъ его съ ногъ, или случайно замотанная за пуговицу иголка съ ниткой измѣнитъ удалому франту. О рѣчахъ и говорить нечего: портной словечка не промолвитъ просто, все съ ужимкой!... Работаетъ онъ также своебычно. У другихъ мастеровыхъ работа рѣдко перемежается на продолжительное время, болѣе недѣли, и круглый годъ тянутъ они лямку, идутъ по заведенному ко-

Digitized by Google

лесу; портной же мѣсяцевъ девять трудится, а остальное время отдыхаетъ, наслаждаясь природой и всѣми благами, доступными безденежью. Посмотрите на него, напримѣръ, Великимъ постомъ: блѣденъ, изнуренъ, прическа à la растрепа, одежда въ безпорядкѣ; едва протеръ глаза, сбѣгалъ на минуточку въ трактиръ, тотчасъ за работу, и сидитъ за ней, не разводя ногъ, не выпрямляя спины, сидитъ день, сидитъ ночь, иногда къ ряду двѣ-три напролетъ; сидитъ и будни и праздникъ, выручаетъ хозяина, и самъ выручается къ празднику; на всю Москву шьетъ обновы, одѣнется и самъ, сдѣлаетъ себѣ такое фасонистое пальто, что подъ Новинскимъ любому франту, говоритъ онъ, бросится въ носъ.—Пришелъ свѣтлый праздникъ, портной спѣшитъ окончить послѣдній срочный заказъ; снаряжаетъ потомъ свою особу, гремитъ въ карманѣ деньгами, на лихачѣ катитъ подъ Новинское, посѣщаетъ балаганы, дѣлаетъ нѣсколько визитовъ «подъ колоколъ,» грызетъ орѣхи, любезничаетъ съ красною шалью (если у него нѣтъ постояннаго предмета обожанія); и такъ продолжается нѣсколько дней—болѣе или менѣе, смотря по темпераменту гуляющаго. Чаще же весь заработокъ спущается разомъ; фасонистое пальто идетъ учиться грамотѣ, за нимъ отправляются пестрая жилетка, узорчатый галстукъ, иногда въ добавокъ и шляпа маршируетъ туда же, — и раздовольный тѣмъ, что не уронилъ себя въ глазахъ публики, людей посмотрѣлъ и себя показалъ, портной, какъ ни въ чемъ ни бывало, принимается опять за работу, прихвативъ, однако, для круглаго счета гульбы денька три Ѳоминой недѣли. Въ эту-то бѣдственную для кармана гулякъ пору, сапожникъ подсмѣивается надъ портнымъ: «что, братъ, говоритъ ему: прогорѣлъ; какъ шмыгнешь иколкой, такъ и слышно: *чуть живъ, чуть живъ*! а послушай-ка у меня, что поетъ наваренный конецъ, какъ дерну его обѣими руками: *сытъ и пьянъ, сытъ и пьянъ!* Эхъ ты жимолостный, убогій человѣкъ, иголку сгноилъ!...» Но пока шьются обновы изъ дешевыхъ остатковъ Ѳоминой недѣли, работа еще ведется у портнаго, и онъ не горюетъ; а послѣ, этакъ съ семика—мое почтеніе: и одной рукѣ дѣлать

Digitized by Google

нечего. Съ іюня мѣсяца портной, по его собственному выраженію, *живетъ на дачѣ*. Конечно, солидный хозяинъ прокормитъ хлѣбомъ, если и работа перемежится вовсе; да вѣдь пропадешь съ тоски безъ дѣла, сидя сложивши руки. Пойдемтека, братцы-товарищи, въ Марьину рощу, али въ Сокольники, разсѣемъ тоску-скуку, печаль-кручину злую, наберемъ ягодъ да грибовъ, наѣдимся сами и на продажу останется; авось выручимъ на мадеру-деверье, что безъ посуды сорокъ двѣ.... И идутъ портные веселой гурьбой подъ тѣнь березъ и сосенъ, наслаждаться сельскими удовольствіями. Лѣсъ оглашается ихъ пѣснями, говоромъ и смѣхомъ; трава мнется подъ пляской и кувырканьемъ; пололки и подмосковныя «умницы» окольными путями обходятъ гульливую толпу; а толпа, знай себѣ, тѣшится, лакомится ягодами, жаритъ грибы на хитро-устроенной сковородѣ изъ бересты, покуриваетъ табачекъ и коротаетъ день среди веселыхъ розсказней и уморительныхъ забавъ: одинъ показываетъ опыты геркулесовской силы, другой ходитъ на головѣ и представляетъ людей-диво, кто играетъ обезьяну, карабкаясь по гладкимъ стволамъ деревъ, кто свищетъ соловьемъ-разбойникомъ, кто выводитъ ногами узоры по зеленой муравѣ. Веселье такое, что и денегъ не надо, и на завтра опять тянетъ сюда же; и на третій день, и на четвертый, и такъ далѣе, пока не зажелтѣютъ листья, не переведутся грибы. А къ этому времени человѣчеству понадобится теплая одежда, и слѣдовательно подоспѣетъ работа. Полно слоняться по рощамъ. Отпраздновавъ *засидки вечеровъ*, портной снова дѣлается усерднымъ труженикомъ и вмѣстѣ гулякой на другую стать. Но лѣтняя вакація имѣетъ сильное вліяніе на его характеръ, развивая въ немъ любовь къ отвагѣ и разнымъ *художествамъ*: отъ этого никто изъ мастеровыхъ не фигурничаетъ лучше портнаго, и никто чаще его не мететъ улицъ....

Пока мы бесѣдовали о житьѣ-бытьѣ портныхъ, Саввушка успѣлъ уже три года отслужить у Карла Крестьяныча, на-

Digitized by Google

жить себѣ славу перваго забулдыги въ околодкѣ, сдѣлаться душею всей артели и пріобрѣсти почетное имя „настоящаго портнаго.“ Заработковъ его едва хватало на удовлетвореніе необходимыхъ нуждъ, между которыми выпивка занимала первое мѣсто, и на вычеты за прогульные дни, составлявшіе не менѣе четверти рабочихъ. Оброка барину онъ не платилъ еще ни разу, отлынивая то такъ, то сякъ, а роднымъ послалъ денегъ на подмогу только въ первый годъ, какъ вышелъ изъ ученья. Поэтому, немного озадачило Саввушку неожиданное письмо отъ отца, съ строгимъ наказомъ какъ можно скорѣе пріѣхать въ деревню, по самонужнѣйшему дѣлу. «Что бы это значило? раздумывалъ онъ самъ съ собою: на что понадобился Саввка? Брагу что ли не кому пить? Эхма, не брагу, а вѣрно баринъ разсерчалъ, хочетъ поучить мотыгу, конюшню показать.... Что жъ, пусть показываетъ. Ну, а если потомъ въ сермягу одѣнутъ, барановъ заставятъ стеречь? а? Не ладно, совѣсть замучитъ.... Да нѣтъ, тогда бы управляющій приказалъ явиться; а тутъ пишетъ отецъ: развѣ онъ хочетъ задать любезному сынку вытрепку, пыль выколотить? Его воля, не убудетъ меня, и самъ знаю, что слѣдуетъ задать—съ кругу скружилась моя головушка.... Да зачѣмъ же пишетъ-то ласково? «Одинъ, говоритъ, остался ты у меня, Саввушка, поилецъ-кормилецъ моей старости.... Пріѣзжай, говоритъ, милый сынокъ, порадовать отца, пока не закрылись мои глаза на вѣки-вѣчные....» Ишь ты какъ.... Не за что наказывать меня, не воръ я, не мошенникъ, души христіанской не загубилъ.... По какому же дѣлу слѣдуетъ ѣхать, да еще по самонужнѣйшему? Просто задача. Лучше пока на боковую. Ѣхать, такъ ѣхать: двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать.»

Съ этими успокоительными разсужденіями Саввушка отправился спать. Во снѣ привидѣлись ему дивы дивыя. Будто онъ пріѣхалъ въ деревню, женился на первой горничной, раскрасавицѣ собой; особа его вытянулась въ приличный ростъ и украсилась надлежащей полнотой; далѣе представилось ему, что онъ въ Москвѣ, хозяйствуетъ богатой рукой, нанимаетъ

Digitized by Google

большую квартиру, съ парадным входомъ, надъ которымъ красуется огромная вывѣска, золотыми буквами возвѣщающая, что здѣсь имѣетъ мѣстопребываніе «военный и партикулярный портной, Савва Силинъ;» видѣлось ему, что заваленъ онъ заказами, Карлъ Крестьянычь живетъ у него въ работникахъ, а рыжій подмастерье просто въ ученикахъ, и Саввушка кормитъ его подзатыльниками.... «Нѣмца таскаю, вотъ штука-то!» крикнулъ Саввушка во снѣ и—проснулся. Кой прахъ: сонъ это или явь? Сонъ, досада этакая! Самъ онъ все такой же карапузикъ, спалъ на полу, подвернувъ подъ голову кулакъ, одѣвался спиной, жена, знать, качается еще въ люлькѣ, а Нѣмецъ уже покрикиваетъ въ мастерской.... «А если сонъ въ руку? продолжалъ разсуждать Саввушка, припоминая всѣ подробности заманчиваго сновидѣнія:—если старикъ и взаправду затѣялъ женить меня? Гожусь ли я въ мужья? Чѣмъ не молодецъ! Какая красная дѣвица не пойдетъ за такаго парня?...» При этой мысли будущій женихъ скорчилъ преуморительную рожу, такъ что самому стало смѣшно, и вскочилъ какъ встрепанный....

Проводы отъѣзжающаго были торжественны не менѣе первыхъ «вспрысокъ» при выходѣ его изъ ученья. Самъ хозяинъ принялъ въ нихъ участіе, и подарилъ Саввушкѣ на дорогу синенькую, съ отеческимъ увѣщаніемъ, что, «если онъ перестанетъ пить водочка, то будетъ шеловѣкъ.» — «Другу и недругу закажу, Карлъ Крестьянычь,» съ раскаяніемъ отвѣчалъ Саввушка, и тронутый до слезъ хозяйскою щедростію, въ тотъ же день, пируя съ артелью, нализался до того, что и не помнилъ, какъ уложили его въ сани къ попутчику-порожняку.

Въ деревнѣ Саввушку ждали почти однѣ радости. Старикъ отецъ встрѣтилъ его со слезами: одинъ онъ оставался подпорою семьи, старшій же сынъ, года три, какъ пошелъ въ ратники; о гнѣвѣ барина, объ уплатѣ страшнаго оброка, о грозы-

Digitized by Google

ныхъ увѣщаніяхъ—не было помину. Невѣста въ самомъ дѣлѣ нашлась, только не такая красавица, что̀ грезилась во снѣ, а простая дворовая дѣвушка.

На другой день молодая и Саввушка долгъ исполнили оба какъ слѣдуетъ—и къ барину сходили на поклонъ, и гостей къ себѣ принимали, и сами ѣздили кататься.—Пошелъ день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ—Саввушка все гоститъ въ деревнѣ, чтобъ дать нарадоваться отцу на свое житье съ молодой женой; а у самого только и въ мысляхъ, какъ бы уѣхать въ Москву....

II.

Въ продолженіе двухъ-трехъ часовъ путешествія по Москвѣ можно встрѣтить всѣ степени развитія городской жизни, начиная отъ столичнаго шума и блеска до патріархальнаго быта какого-нибудь уѣзднаго городка. Идешь, напримѣръ, по широкой бойкой улицѣ, съ домами какъ на подборъ, одинъ другаго лучше; по стѣнамъ, изъ оконъ, изъ дверей манятъ тебя вывѣски всякаго рода и цвѣта; направо и налѣво снуютъ пѣшеходы; мостовая горитъ подъ бѣгомъ рьяныхъ коней; двери лавокъ устаютъ затворяться и отворяться; узлы, кульки, тюки, ящики ежеминутно шмыгаютъ то съ возовъ, то на воза.... Вездѣ такая хлопотливая жизнь, что разомъ завертишься въ ней и невольно захочешь принять участіе въ этой неугомонной дѣятельности, которая, какъ колесо, одинаково двигаетъ и просто рублями, и сотнями тысячь рублей. И вотъ, продолжаешь путь, уже потупивъ голову, погруженный въ разсчеты выгодъ, ожидаемыхъ отъ предпріятія, задуманнаго мигомъ; идешь и ужь воображаешь себя милліонеромъ, пока встрѣчный толчокъ или громкое *пади*! не заставятъ свернуть въ сторону и не разрушатъ воздушныхъ замковъ. Только-что перебѣжалъ улицу, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ — глядь, совершенно другая декорація:

Digitized by Google

всю улицу вдоль перерѣзываетъ широкій бульваръ съ вѣтвистыми липами; по обѣимъ сторонамъ его тянутся степенные домы, разнообразные по наружности, но одинаковые по цѣли, которую имѣли въ виду ихъ хозяева — устроить жилище для себя, а не помѣщеніе подъ извѣстное число торговыхъ заведеній; приволье, просторъ, иногда даже слишкомъ, видны во всемъ—и въ богатыхъ покояхъ, въ которыхъ есть, гдѣ развернуться старинному хлѣбосольству, и въ разныхъ службахъ, занимающихъ просторный дворъ, съ воротами настежь, и въ тѣнистыхъ садахъ, обнесенныхъ рѣшетчатымъ заборомъ. Все хорошо, очень хорошо: но что же здѣсь дѣлать зрителю, случайно занесенному въ этотъ пріютъ прямо съ базара житейской суеты? Что ему здѣсь разсчитывать, надъ чѣмъ спекулировать? Рѣшительно не промышленныя мысли роятся у него въ головѣ, а думается о лордахъ и барахъ.... Пусть идетъ онъ дальше. Еще нѣсколько шаговъ — и другая картина. Угловой трехъ-этажной домъ биткомъ набитъ различными дѣйствователями промышленности, сверху до низу обвѣшанъ вывѣсками; а рядомъ съ нимъ, пригорюнившись, еле-еле держатся дряхлыя полуразвалины, съ заколоченными окнами, поросшія мохомъ и травою.... Сквозь растворенную калитку видно — сидитъ у крыльца, грѣясь на солнышкѣ, старикъ, чуть ли не ровесникъ старому дому, а лохматая дворняшка прикорнула у ногъ его: только и есть жильцевъ въ убогомъ домишкѣ, и на сломку давно просится онъ. За то далѣе, почти бокъ-о-бокъ съ ветхою старостью, красуется самая свѣжая молодость — не домикъ, а игрушечка, съ пятью окнами и съ мезониномъ. На дощечкѣ надъ воротами читаете надпись: *мѣщанина Заропаева*; на сосѣднемъ съ нимъ домѣ: *мѣщанки Бѣловѣжевой*, далѣе — *цѣховаго Колбаева*; *вдовы 14-го класса Разгильдяевой*; *титулярнаго совѣтника Угрюмова*, и такъ далѣе все въ этомъ же родѣ. И всѣ дома пестренькіе такіе, чистые, уютные, что любодорого смотрѣть, и завидно становится на жизнь обитателей этого счастливаго уголка, особенно когда изъ окна какого-нибудь домика вѣтеръ донесетъ до васъ звуки гитары, или

Digitized by Google

«я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ»... или когда увидите цѣлую семью за самоваромъ въ саду, подъ тѣнью березъ и акацій, увидите тутъ же и хозяйку, собирающую малину и смородину.... Съ самыми сладкими мечтаніями отправишься далѣе, минуешь переулокъ, другой, а отсюда рукой подать до настоящей Аркадіи, то-есть такой, какая только возможна въ нашъ «желѣзный, испорченный», вѣкъ. Вотъ она, область простаго, идеальнаго быта. Нѣтъ здѣсь ни мостовой, которую красиво замѣнятъ зеленый лугъ съ торною дорогою по срединѣ; нѣтъ никакихъ принадлежностей городской суетной жизни; нѣтъ ни одного торговаго или увеселительнаго заведенія, если не считать двухъ мелочныхъ лавочекъ съ товаромъ рублей на сотню въ каждой.... Домики, всѣ безъ исключенія деревянные, одно-этажные, выстроены по правиламъ свободной архитектуры, одинъ смотритъ вправо, другой влѣво, и почти всѣ имѣютъ способность склоняться набокъ; на лавочкахъ у воротъ посиживаютъ старушки, занимаясь вязаньемъ чулокъ; дѣти, милыя дѣти, бойко играютъ въ бабки или въ шары; мохнатыя куры безбоязненно разгуливаютъ по улицѣ, роясь въ землѣ; на лугу пасется идиллическая корова; въ лужѣ, которую принято называть прудомъ, полощатся утки.... Люди здѣсь все добрые, живутъ скромно, но не скучно, мало знакомы съ городскими соблазнами, за то коротко знаютъ другъ друга, обмѣниваются привѣтливыми «мое» и «наше почтеніе» при встрѣчѣ, по праздникамъ водятъ хороводы, играютъ въ горѣлки; о Святой качаются на своихъ качеляхъ, о маслянницѣ катаются съ своихъ горъ.... Пройдешь этимъ укромнымъ предмѣстіемъ Москвы, — и пошли тянуться съ обѣихъ сторонъ огороды, замелькали сараи, крытые соломой, начали встрѣчаться мужики и бабы, кто на косьбѣ, кто на пашнѣ, послышался говоръ съ удареніемъ на о и съ предпочтеніемъ къ звуку ц, раздалась звонкая пѣсня — мы въ деревнѣ, хотя еще не выступили изъ предѣловъ столицы. Впрочемъ столица и оканчивается, какъ прилично кончиться рынку всей Россіи, городу милліонеру: длиннымъ рядомъ огромныхъ строеній,

Digitized by Google

гдѣ день и ночь не умолкаетъ шумъ дѣятельности, гдѣ паръ и вода, люди и лошади, рычаги, колеса и шестерни, дружно соединяютъ свои силы для удовлетворенія потребностямъ не одного милліона человѣкъ, — короче, Москва оканчивается фабриками и заводами.

Подобное путешествіе, съ нѣсколькими измѣненіями въ картинахъ, не безъ пользы для знакомства съ разнообразіемъ города, можно совершить на *Божедомку*, о которой, можетъ быть, вы читывали что-нибудь, какъ объ исторической достопримѣчательности Москвы, но гдѣ едва ли бывали. Найдти дорогу къ ней не трудно: отъ перекрестка, гдѣ Кузнецкій Мостъ пересѣкается съ одной стороны площадкою Малаго театра и Голицынской галлереи, а съ другой — Трубою, ступайте прямо по этой послѣдней, минуйте бульваръ съ прозваніемъ «Волчьей Долинки», потомъ другой, называемый просто Трубнымъ, и недавно украшенный цвѣточными палатками, возьмите немного влѣво, чрезъ Самотеку и небольшой бульваръ-безъименку—тутъ и будетъ Божедомка, съ старинною красною церковью, при которой въ давніе годы существовали усыпальницы или «убогіе домы».

Путь этотъ въ настоящее время легокъ и представляетъ много занимательнаго: не то было лѣтъ за двадцать, въ пору нашего разсказа, когда Труба въ полномъ смыслѣ слова была *трубою*—канавою для стока всякой нечистоты, а бульвара не было и въ зародышѣ. Но перемѣнилась дорога, а дома, которыми Божедомка очень не богата, вѣроятно, остались тѣ же самые; если же и замѣнились другими, то наслѣдники едва ли ушли далеко отъ своихъ предковъ, и безобидно могутъ занять предпослѣднюю степень между различными переходами, что̀ видѣли мы въ прогулкѣ по Москвѣ, съ тою лишь разницею, что на углу улицы находятся два увеселительныя заведенія, немного нарушающія степенный видъ всей мѣстности. Слѣдовательно, описывать наружность домовъ того времени не для чего. Одинъ изъ нихъ обращалъ на себя особенное вниманіе, не тѣмъ, что по лѣтамъ превосходилъ

Digitized by Google

своихъ сосѣдей, а тѣмъ, что надъ низенькими воротами его торчала вывѣска, означавшая мѣсто жительства какого-то ремесленника. Рѣдкая гостья въ этихъ краяхъ, божедомская вывѣска была бы рѣдкостью и вездѣ: по черному полю бѣлыми буквами, среди огромныхъ ножницъ, изображены были на ней слѣдующія строки: *Сава Силинъ мужской портной и починиваетъ старое платье.* Съ чего же нашему чудаку вздумалось сдѣлать себѣ такой трауфный адресъ и поселиться въ захолустьѣ? Кто его знаетъ! Надобно зайдти спросить.

— Эй, голубушка, гдѣ тутъ пройдти къ портному?

— Къ Саввушкѣ? А вонъ, ступай прямо во флигель-то: какъ войдешь въ сѣни, будутъ тебѣ три двери; направо ты не ходи—золотарь живетъ, прямо это будетъ къ Александру Иванычу, а налѣво-то, въ свѣтелкѣ, тутъ и есть Саввушка.

Здравствуй, старый знакомый! Что это? Гляжу и не вѣрю. Ну, знать не баловала тебя судьба-мачиха въ эти годы, что̀ не видались мы съ тобой, посеребрила она мѣстами твою голову, провела борозды по лицу, лѣтъ десятокъ лишній накинула на плечи.... Не легко, я думаю, нести?

— Со всячинкой. Стерпится, слюбится.

— Какъ поживаешь, дружище?

— Живу по маленьку, хлѣбъ жую, неба не копчу, земли не тягощу.

— Ну, а сожительница твоя какъ? При тебѣ или въ деревнѣ?

— Да гуляетъ по вѣтру.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Видно, что̀ съ возу упало, то̀ и пропало. Что и толковать о старомъ: не воротишь.... И отвѣтъ этотъ сопровождается такимъ значительнымъ движеніемъ руки, что нечего болѣе и спрашивать у Саввушки о предметѣ, повидимому, трогающемъ его за сердце. Перемѣнимъ разговоръ.

Digitized by Google

— Гмъ.... А скажи пожалуйста, гдѣ проживалъ ты все это время, какъ уѣхалъ изъ Москвы?

— Мыкался то по кустарнымъ хозяевамъ, то по Нѣмцамъ; хозяиномъ разъ было сѣлъ; все нѣтъ толку, не нажилъ ни гроша.

— А теперь есть ли работишка у тебя? Вижь, какую вывѣску смастерилъ!

— Наклевывается. А на счетъ вывѣски, доложу вамъ, вышла такая оказія: купилъ на толкучемъ почесть задаромъ, да и перекрасилъ самъ. Оно бы и лишнее, да для профформы требуется.

— На кого же ты шьешь?

— Слава Богу! Изъ здѣшней округи почти ни одинъ человѣкъ не обѣгаетъ меня; всѣмъ услуживаю. Вотъ, примѣрно взять, нашъ домъ. Первый—Петръ Евстигнѣичь....

И Саввушка началъ перечислять жильцевъ, отъ кого получалъ заказы. Намъ слѣдуетъ познакомиться со всѣми, не исключая и женскаго пола.

Домовладѣлица — Дарья Гарасимовна, женщина лѣтъ подъ сорокъ, неизвѣстно почему сохранившая право называться дѣвицею и искать себѣ «приличной партіи». Въ околодкѣ она пользовалась большимъ уваженіемъ, и отъ нея плелись главныя нитки для клубка сплетней о мѣстныхъ происшествіяхъ.

Жильцы у ней:

По цѣнѣ квартиры, первый — лавочникъ, Петръ Евстигнѣевичь, торговавшій тутъ же въ домѣ овощнымъ товаромъ, человѣкъ, какъ слѣдуетъ быть лавочнику, съ бородкой, съ улыбочкой на лицѣ и съ походцемъ на умѣ. Такъ какъ лавку его посѣщала вся улица, то онъ и служилъ для хозяйки главнымъ источникомъ, откуда почерпались современныя новости.

Digitized by Google

По званію же первымъ былъ Александръ Ивановичъ, коллежскій регистраторъ, лѣтъ 22-хъ. Жилъ онъ съ матерью-старухою, перебиваясь кое-какъ умѣреннымъ своимъ жалованьемъ; къ должности ходилъ аккуратно, по вечерамъ — если не шелъ гулять въ Марьину рощу, читалъ какіе-нибудь стишки или игралъ на гитарѣ; въ праздники не пропускалъ ни одной обѣдни, и вообще, былъ «прекрасный молодой человѣкъ».

Былъ еще другой молодой человѣкъ, не прекрасный и не чиновный, наживавшій себѣ чахотку перепискою бумагъ, день и ночь корпѣвшій надъ ними. Этотъ чуждался знакомства съ сосѣдями, и они не слишкомъ заботились объ немъ.

Далѣе слѣдовали: торговка щепетильными товарами у Сухаревой башни, бой-баба, прожженая сваха и вторая послѣ хозяйки, наперсница ея по части сплетней; старушка съ двумя дочерьми, достававшая себѣ насущный хлѣбъ шитьемъ перчатокъ; золотарь съ семьею; отставной солдатъ съ женою, промышлявшій чинкою сапожнаго старья и снабжавшій нюхательнымъ табакомъ всю окрестность, — и наконецъ, Саввушка.

Кромѣ хозяйки и лавочника, всѣ жильцы занимали самыя скромныя квартиры — и по цѣнѣ, отъ цѣлковаго до осьми рублей въ мѣсяцъ, и по величинѣ — коморку, много двѣ, на хозяйскихъ дровахъ. Всѣ они жили своими трудами, значитъ болѣе или менѣе знакомы были съ нуждою; но ни къ кому изъ нихъ не подступала она такъ часто и близко, какъ къ золотарю. Мужчина лѣтъ слишкомъ пятидесяти, но бодрый и крѣпкій, какъ въ лучшей порѣ, мастеръ своего дѣла и работящій до того, что двѣ его руки стоили шести, онъ могъ бы безбѣдно прокормить свою семью, которую составляли: жена, маленькая дочь и старикъ отецъ. Но та и бѣда, что руки-то у него были, какъ говорится, золотыя, а ротъ.... ужъ вовсе не золотой; что онъ не просто придерживался чарочки, по примѣру всѣхъ добрыхъ людей, не испивалъ съ толкомъ, а запивалъ запоемъ. Нашло на него это несчастіе неожиданно. Разсказывали, что смолоду онъ пилъ, но женив-

Digitized by Google

пись, остепенился, и первые годы послѣ свадьбы въ ротѣ не бралъ ничего хмѣльнаго, жилъ съ женою какъ голубь съ голубкою, даромъ, что былъ почти вдвое старше ея, держалъ артель работниковъ, хозяйство его цвѣло, денежки про запасъ на черный день водились, сторонніе люди ему завидовали. И такъ прошло не годъ и не два, а безъ малаго пять лѣтъ. Разъ пировали у него пріятели, подгуляли порядочно, и потомъ утащили вмѣстѣ съ собою куда-то допировывать. Воротился золотарь домой уже на другой день ввечеру; домашніе какъ взглянули на него, такъ и ахнули. А онъ, самъ не свой, кинулся прямо къ женѣ, но не съ ласковымъ словомъ, а съ криками: «измѣнница! разбойница! живую въ гробъ положу....» Поднялась семейная невзгода, кончившаяся слезами и просьбами съ одной стороны, угрозами и бранью съ другой. Опомнившись утромъ, виновный просилъ прощенія у всѣхъ, плакалъ передъ женою, клалъ на себя страшный зарокъ даже не браться за рюмку,—и мѣсяца съ два прошли благополучно; старый проступокъ казался сдѣланнымъ во снѣ. Вдругъ, въ какой-то праздникъ, повторилась прежняя исторія, но въ сильнѣйшей степени: мужъ показалъ власть свою надъ женой.... За дурнымъ дѣломъ послѣдовали новое раскаяніе, опять жизнь смиренника, только въ продолженіе мѣньшаго времени, чѣмъ въ первый разъ, и опять повтореніе прежняго припадка. Отчего стали съ нимъ случаться они — никто не зналъ, а толковали многіе, что испортили его, по зависти, злые люди. Жена нѣсколько разъ ходила къ знахарямъ и лекаркамъ, которые еще не перевелись въ Москвѣ, потратила много денегъ, а толку не было. — Между тѣмъ, съ частымъ повтореніемъ запоевъ, дѣла стали разстроиваться; отсутствіе хозяйскаго глаза не замѣнялось ничѣмъ, а однимъ днемъ нельзя было воротить того, на что требовалась недѣля; все пошло на разладъ, и выгодные заказы, и получка денегъ, и хорошіе мастера, — пошло хуже да хуже.... И квартира сдѣлалась дорога, и артель большую не для чего стало держать. Остался наконецъ золотарь одинъ — и хозяинъ и работникъ все вмѣстѣ, и принужденъ былъ переселиться на

Digitized by Google

Божедомку, въ пятирублевую комнату. Тутъ скоро подошли къ нему черные дни, да ужъ денежки про запасъ на нихъ не было, и сдѣлали они жизнь бѣдняка темнѣе ночи, и сталъ онъ, ни сытъ ни голоденъ, ни нагъ ни одѣтъ, мыкать горе горькое, жить такъ, что не приведи Богъ лихому лиходѣю....

Хуже всего было то, что чѣмъ стѣсненнѣе становились его обстоятельства, чѣмъ тяжелѣе было ему, тѣмъ чаще повторялись запои, и пропадалъ онъ уже не на день, а сутокъ на трое, иногда на недѣлю; зачастую спускалъ съ себя послѣднюю одеженку, чтобы только удовлетворить свою злую жажду къ печальному забытью чего-то, камнемъ лежавшаго у него на сердцѣ. Но тяжко-дорогой цѣной покупалось это временное забытье: лица, бывало, нѣтъ на несчастномъ гулякѣ, когда явится онъ домой послѣ двухъ или трехъ-дневнаго отсутствія, изноравливая придти самымъ раннимъ утромъ, пока улица еще спитъ, и по несмѣлымъ шагамъ, по оглядкамъ, его некому принять за вора, украдкою пробирающагося къ подмѣченной поживѣ; потихоньку юркнетъ въ свою каморку, перекрестится — слава Богу — изъ домашнихъ еще никто не вставалъ. Но вотъ слышенъ тяжелый вздохъ жены, которая, повидимому, не смыкала глазъ всю ночь; вотъ старикъ-отецъ, почти выжившій изъ ума, дребезжащимъ голосомъ кричитъ съ печи: «Что, Гриша, принесъ хлѣбца-то?.... Голоденъ я. Сноха не даетъ ѣсть до-сыта: хлѣбушки, говоритъ, мало. Голоденъ и холоденъ.... Охъ, Господи! ...» Гриша молчитъ и торопливо принимается за работу: видно, что его грызетъ раскаяніе, что онъ хочетъ всѣми силами загладить свой проступокъ; но мудрено это дѣло. Угаръ еще не вышелъ изъ гуляки, нѣтъ силъ ни душевныхъ, ни тѣлесныхъ, въ головѣ шумъ и трескъ, на сердцѣ словно гора лежитъ, и тяжко занываетъ оно, въ глазахъ туманъ, руки дрожатъ, капли холоднаго пота выступаютъ чрезъ всѣ поры обезсиленнаго тѣла. Возмется за то, за другое — все валится изъ рукъ, ничего не спорится, да и точно въ чужой домъ онъ пришелъ, не знаетъ, гдѣ лежитъ какая вещь....

Въ добавокъ къ этому не замедлятъ подоспѣть домашнія

Digitized by Google

мученія. — «Нѣтъ ли у тебя, Гриша, чего-нибудь на харчь? Я бы пошла на рынокъ....» робко спрашиваетъ вставая жена. Молчаніе — и позднее сожалѣніе о безумной тратѣ денегъ, которыхъ въ два дня спустилъ онъ столько, что стало бы ихъ дома на двѣ недѣли.... «Да посмотри въ карманахъ-то, продолжаетъ жена: не завалилось ли гдѣ хоть гривенника!» — Что смотрѣть! Хорошо знаетъ онъ, что не осталось ни копейки, и скрѣпивъ себя, продолжаетъ молчать.

Приходитъ хозяйка. «Что-же, Григорій Кузмичь, надо и честь знать. Бражничать бражничаешь, а за квартиру не платишь. Я сама спрота, и кормлюсь только-что этимъ уголкомъ; а еще надо отапливать, обчищать васъ, поземельныя платить. Ты хоть бы по немногу расплачивался — когда цѣлковый, когда полтинникъ, все бы съ костей долой; а то шутка ли: запустилъ за четыре мѣсяца! Какъ хочешь, голубчикъ, говорю тебѣ въ послѣдній разъ, исчезни моя душа: если не раздѣлаешься добромъ, хуже будетъ, какъ начну выживать неволею, провалиться мнѣ на семъ мѣстѣ; рамы выставлю, вышки выну, дровъ ни полѣна не дамъ, колодецъ запру, Петра Петровича попрошу.... онъ умѣетъ учить вашу братью. Срамъ этакой! На что это похоже? До чего допустилъ себя человѣкъ въ такія лѣта: ни стыда ни совѣсти, и слова повиннаго не хочетъ сказать!» На подобную проповѣдь, продолжавшуюся съ добрый часъ, нельзя не отвѣчать, и разными просьбами и обѣщаніями исправиться, раздѣлаться въ самоскорѣйшемъ времени, горемыка успѣвалъ утишить гнѣвъ хозяйки, которая была вовсе не злая женщина, да при томъ и не любила мѣнять своихъ жильцевъ: ея самолюбію пріятно было слышать, какъ кто-нибудь изъ ея наемщиковъ говорилъ: «спросите у Дарьи Герасимовны: она души своей не убьетъ: я *двѣнадцать* лѣтъ живу у ней и ничѣмъ на замаранъ!»

Пронеслась одна буря, ушла хозяйка, — снова гроза, является лавочникъ: «на счетъ должку-съ. Побойтесь Бога, батюшка Григорій Кузмичь! Истинно какъ роднымъ потрафляю вамъ: и чайку (всегда маюкону), и сахарцу, и касательно провизіи всякій провіантъ отпускаю; а вы, за мою добродѣтель, этакую

Digitized by Google

пасквиль со мной дѣлаете. У самого, батюшка, охабка дѣтей на рукахъ, самъ по уши въ долгахъ. Возьмите себѣ это въ голову, сударь вы мой, найдите какое-нибудь средствіе, не тяните меня за душу....» Однако, послѣ убѣдительныхъ переговоровъ и лавочникъ склоняется, наконецъ, на миръ, на временную отсрочку.

А въ домѣ, хоть всѣ мышиныя норки перерой, все-таки не найдешь нигдѣ ни копейки, ни даже черствой корки хлѣба.... А старикъ пристаетъ больше и больше, жалуясь, что его совсѣмъ уморили съ голода.... И маленькая дочь, едва протеревъ глазенки, проситъ чаю, съ бараночками, и разливается слезами, видя, что самовара нѣтъ на столѣ, какъ не было его уже два дня.... Но некому утѣшить малютку: отецъ сидитъ у верстака, печально понуривъ посѣдѣлую голову; а мать, не придумавъ ни одного средства, какъ бы просуществовать хотя одинъ день безъ чужой помоги, бѣжитъ наконецъ къ лавочнику выпрашивать нѣсколько фунтовъ хлѣба да четвертинку картофеля, — или, когда тотъ не подается на самыя униженныя просьбы, требуя уплаты стараго долга, она идетъ закладывать какую-нибудь необходимую вещь изъ своего бѣднаго наряда....

Въ горькой нуждѣ, въ крайнихъ лишеніяхъ даже того, что̀ и бѣднякъ не считаетъ прихотливою роскошью, проходило нѣсколько дней, пока Григорій Кузмичъ успѣвалъ отдѣлать какую-нибудь работу и разживался деньжонками. Съ первою получкою ихъ, горемычная семья отдыхала: уплачивалась частичка долговъ, выкупался закладъ, дѣвочка любовалась новенькими башмаками, чайница до верху наполнялась четверткою семирублеваго чая. — Полный раскаянія и воспоминаній о недавнемъ горѣ, которое терпѣлъ самъ и заставилъ терпѣть другихъ, золотарь искренно сознавался въ своихъ грѣхахъ.— «И самъ не понимаю, что̀ дѣлается со мной, говорилъ онъ женѣ, сидя за чаемъ: Богъ наказалъ за что-нибудь.... Выпью рюмку—тянетъ къ другой, къ третьей; выпью еще, сдѣлаюсь подъ куражемъ, попадутся пріятели (прахъ ихъ побери!), заманятъ—и пошло.... Встанешь на другой день, опохмѣлишься,

Digitized by Google

пойдешь домой — дорогою точно злой духъ нашептываетъ тебѣ въ уши: зайди, выпей еще; что тебѣ дома-то: жены развѣ не видывалъ, слезъ ея не слыхивалъ. Зайдешь, и опять забудешь все. А какъ начнетъ выходить дурь изъ головы,— сдѣлается такъ тошно, что хоть руки наложить на себя въ ту же пору; совѣсть убиваетъ точно разбойника какого, не даетъ даже минуты спокойной; такъ и думается, что всѣ пальцемъ указываютъ на тебя: вонъ, дескать, пьяница-пропоица идетъ!... Эхъ некому бить меня, стараго дурака...!» Но это раскаяніе, къ несчастію, не приносило желанныхъ плодовъ мира, и спустя нѣсколько времени, Григорій Кузмичь снова проклиналъ свою невоздержность.

Но случалось иногда, что онъ приходилъ домой еще съ сильнымъ запасомъ паровъ въ головѣ. Въ это время жена лучше не попадайся ему на глаза: первый шагъ его прямо къ ней, первое слово—брань да угроза, а за угрозою иногда и толчекъ. Слезы дѣвочки, крики ея, что тятенька убьетъ маменьку, кропотливость старика, который на минуту пробуждался изъ своей безчувственности, еще сильнѣе раздражали безумнаго. Одинъ Саввушка, жившій дверь въ дверь съ нимъ, умѣлъ укрощать опасные порывы золотаря.

— «Да уймись, Григорій Кузмичь, брось ты это, пойдемъ лучше выпьемъ», скажетъ онъ ему, вбѣжавъ на первый шумъ въ каморку.— «Постой, вотъ я ее!» кричитъ золотарь, порываясь ударить полумертвую отъ страха жену. — «Да полно, экой какой! Пойдемъ покалякаемъ за бутылочкой.... Ну за что ее бить? И такъ она мается, сердечная; Богъ съ ней!— «За что бить? гнѣвно крикнетъ раздраженный золотарь: ее мало бить, ее надо живую сжечь.... Ты знаешь, кто она? а? Знаешь, откуда я ее взялъ? а?» — «Все знаю; да только пойдемъ же: а то вѣдь запрутъ!»—«То то и есть, что знаешь да не разумѣешь. Она загубила меня на вѣкъ. Тысячи бы лежали у меня теперь въ сундукѣ: а то, фить-фить.... Ну, идемъ. Счастливъ твой Богъ, что я не сердитъ,» прибавлялъ онъ, обращаясь къ женѣ, и отправлялся подъ руку съ Саввушкой, который не отпускалъ его отъ себя уже ни на шагъ.

Digitized by Google

Странно было, что, кромѣ портнаго, никто изъ сосѣдей не вмѣшивался въ ссоры золотаря съ своей женой, странно потому, что посредничество въ подобныхъ случаяхъ считается почти обязанностью каждаго добраго жильца, и малѣйшая невзгода въ одной семьѣ занимаетъ всѣхъ. Но о золотарихѣ не заботилась ни одна душа. Пьяный мужъ могъ бить ее сколько угодно, и никто не двигался съ мѣста; она могла выплакать всѣ слезы, и не приходило никому въ голову подойдти утѣшить ее. Напротивъ, сосѣдки казались довольны тѣмъ, что мужъ, какъ говорили онѣ, держитъ ее въ рукахъ, не даетъ потачки. «Не учи онъ ее, такъ она наваритъ такой каши, что и не расхлебаешь, толковали кумушки. Какого проку ждать, когда не спросясь добрыхъ людей, не посовѣтовавшись съ умомъ, выбралъ себѣ жену.... прости Господи! срамъ сказать изъ какого мѣста. Диви бы не найдти ему путной дѣвушки.»— «Гордянка она, судила торговка, и разуму на грошъ нѣтъ, даромъ что книжки умѣетъ читать. У меня у самой покойникъ—царство ему небесное—куда былъ сперва дерзокъ на руку. Дня не проходило безъ потасовки. Да поставила же на своемъ, переуторила его, сдѣлался подъ конецъ какъ шелковый: прежде, бывало, онъ слово, а я два; а потомъ я скажу десять, а онъ и ротъ разинуть боится. Хорошій былъ человѣкъ, царство ему небесное! А эта дурища только хнычетъ, либо молчитъ какъ пень; нѣтъ никакой догадки....» Словомъ, ясно было, что сосѣдки не долюбливали золотарихи, хотя она вела себя въ отношеніи къ нимъ очень скромно, только не мѣшалась въ ихъ сплетни; но чувствовали почтенныя кумушки, что она не ихъ поля ягода и лишь по одной необходимости не чуждается ихъ, и за то не давали ей пощады своимъ языкомъ.

Одинъ Саввушка питалъ почему-то особенную привязанность къ семейству золотаря, и болѣе всѣхъ къ старику да къ дѣвочкѣ. За первымъ онъ ухаживалъ какъ за маленькимъ ребенкомъ, водилъ его въ церковь, усаживалъ въ саду подышать свѣжимъ воздухомъ, мылъ въ банѣ, кормилъ калачами,

Digitized by Google

когда былъ при деньгахъ,—и старикъ въ это время здоровѣлъ, не жаловался ни на голодъ ни на холодъ....

Саша, дочь золотаря, уродилась въ мать, а это, говорятъ въ народѣ, недобрая примѣта. Впрочемъ, что до примѣтъ! Прехорошенькій ребенокъ, съ голубыми глазками и темно-русыми кудрями, она обѣщала быть красавицей; но, не смотря на ея миловидность, на лѣта, столь любезныя всякому живому существу, она жила сироткой въ домѣ: изъ сосѣдей никто не ласкалъ ея, вѣроятно по матери; подруги или обижали крошку въ играхъ, или вовсе не хотѣли «водиться» съ ней. Сашу, однако, это нисколко не печалило. Поцѣлуи матери рѣдко остывали на ея щекахъ; одна-одинехонька, она играла такъ же весело, какъ будто забавлялась съ цѣлымъ роемъ рѣзвушекъ; да въ запасѣ оставался еще Саввушка, который служилъ ей нянькою, и, часто, товарищемъ въ играхъ; обязанъ былъ катать ее у себя на плечахъ, снабжать лоскутками, и по вечерамъ сказывать сказки. Въ награду за всѣ эти услуги она позволяла ему изрѣдка поцѣловать себя и называла женихомъ, но требовала, чтобы онъ непремѣнно выросъ и сдѣлался офицеромъ. Саввушка обѣщался достигнуть того и другаго, и долженъ былъ увѣрять въ этомъ свою любимицу, которую малѣйшее противорѣчіе вводило въ слезы.

Таковы были обитатели божедомскаго дома. За исключеніемъ бурь въ семьѣ золотаря, да небольшихъ перебранокъ между кумушками изъ-за куръ и ребятишекъ, въ немъ постоянно царствовало спокойствіе; всякому жаль было разстаться съ такимъ укромнымъ затишьемъ, представлявшимъ много удобствъ въ хозяйственномъ отношеніи, — и всѣ обживались здѣсь, какъ бы въ своемъ домѣ. Саввушка квартировалъ у Дарьи Герасимовны уже лѣтъ пять. По округѣ, его знали и во всѣхъ четырехъ Мѣщанскихъ, и у Сухаревой Башни, и по Серединкѣ до самаго Полеваго двора, и въ Сущовѣ, — и вездѣ звали его Саввушкою, всѣ отъ мала до велика, отъ титулярнаго совѣтника Круглова, постояннаго его заказчика, до сосѣдняго будочника, котораго онъ снабжалъ даровыми

Digitized by Google

нитками. Видно, такъ слѣдовало называть его, въ противность обычаю величать людей, достигшихъ зрѣлыхъ лѣтъ, по одному отчеству.

Было воскресенье. День, хотя осенній, но выдался такой ясный и теплый, какъ среди лѣта, и вызывалъ даже не любителя природы на прогулку. Населеніе дома Дарьи Герасимовны также почувствовало въ себѣ желаніе насладиться рѣдкой погодой, погулять въ саду. Первый вышелъ Александръ Ивановичь, «прекрасный молодой человѣкъ», съ книжкою въ рукахъ; слѣдомъ за нимъ выпорхнула Саша съ мячикомъ; за нею невольно поплелся Саввушка, бывшій нѣсколько навеселѣ, ради праздника; потомъ явилась торговка съ запасомъ орѣховъ и въ сопровожденіи дочери перчаточницы; къ нимъ не замедлила присоединиться и особа хозяйки. Собрался кругъ порядочный, и завязался разговоръ длиннѣйшій, наполненный переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Наконецъ, прекрасный полъ отдѣлился отъ непрекраснаго, съ намѣреніемъ пить чай въ бесѣдкѣ, и Александръ Ивановичь съ Саввушкою могли свободно размѣститься на скамьѣ, которую уступили передъ тѣмъ изъ учтивости «дамамъ».

— Что, Александръ Ивановичь, какую это книжку изволите почитывать?—спросилъ Саввушка, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія и понюхавъ табаку.

— Лирическія стихотворенія, т. е. стихи. Понимаешь?

— Смѣкаю. И хорошая книга?

— О! утопаешь въ блаженствѣ, летишь душею въ вышній міръ, начинаешь понимать, что̀ есть истинное бытіе человѣка, и презирать эту ежедневную пошлость, которую мы называемъ жизнью, эту толпу глупцевъ, которыхъ мы удостоиваемъ имени людей....

— Кого же это, батюшка? — спросилъ Саввушка простодушно.

— Всѣхъ, всѣхъ.,..

— Какъ! и себя, и свое начальство?

Digitized by Google

— То-есть не всѣхъ, — торопливо подхватилъ юноша: — это такъ ужъ говорится, особенно въ стихахъ, для красоты слога, какъ объяснялъ мой учитель.... Вотъ послушай-ка, какъ здѣсь выходитъ это хорошо.

И Александръ Ивановичь, не заботясь о желаньѣ своего собесѣдника, продекламировалъ, какъ умѣлъ, одно туманное стихотвореніе.

— Охота же вамъ читать такой сумбуръ! Вотъ, лучше взяли бы у отца-дьякона четьи-минеи, и я бы послушалъ. А то, не хотите ли, есть у меня житіе Іоанна Милостиваго.

Но Александръ Ивановичь спѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Вѣдь хорошая женщина наша хозяйка? — замѣтилъ онъ въ видѣ вопроса.

— Такъ себѣ,—отвѣчалъ Саввушка.

— Вотъ и Анна Харитоновна тоже хорошая женщина....

— Гмъ.... старуха добрая. А дочка у ней какъ по васъ?

— Лизанька? Дѣвушка скромная, съ поведеніемъ.

— Ужъ именно, что съ поведеніемъ. А вѣдь вы все-таки не женитесь на ней?

— Съ чего же это ты взялъ? Я найду себѣ приличную партію, барышню. А она что! Мѣщанская дочь.

— То-то и есть, сударь: жениться не думаете, а амуры разные заводите, записочки пишете. Вы думаете, я не видалъ, какъ намедни на крыльцѣ.... Пожалуй, и дальше зайдетъ. А у ней только и приданаго, что честь да молодость.... Вы не обижайтесь, сударь, на мои глупыя слова, любя васъ говорю.

Александръ Ивановичь вспыхнулъ.

— Экой ты чудакъ, — проговорилъ онъ съ упрекомъ. — Да развѣ я на счетъ чего-нибудь? Я съ благородными намѣреніями....

— Можетъ, у васъ въ мысляхъ и нѣтъ ничего такого, да лукавый-то силенъ. Вамъ шутка, а дѣвушкѣ вѣчное пятно. Замужъ взять — другое дѣло: а то какое-жъ тутъ благородство... Если угодно, къ слову пришлось, я разскажу вамъ одну исторію. — Этому ужъ будетъ лѣтъ двадцать. Я жилъ въ работникахъ у Нѣмца на Тверской. Рядомъ съ нами нани-

Digitized by Google

малъ квартиру баринъ почти въ вашу пору (звали его Василій Петровичь), а черезъ крыльцо жила Нѣмка, Анна Карловна, съ дочерью, ѣздила по домамъ уроки задавать. Василій Петровичь былъ батюшкинъ сынокъ, собой молодчина, деньгами сорилъ. Вотъ и свелъ онъ знакомство съ Нѣмкою: дочка-то полюбилась ему—такая была субтильная. Бывало только-что мать со двора, онъ и пробирается къ Луизѣ Богдановнѣ, къ дочери-то, и сидитъ у ней до вечеренъ, либо на Тверской бульваръ подъ ручку съ ней пойдетъ. Знаете, Нѣмки не наша нація, не боятся ничего. Со стороны стали кое-что замѣчать. Слухи дошли и до нашего хозяина, а онъ былъ знакомъ съ матерью-то. Онъ къ ней. — «Чего, говоритъ, вы смотрите: вѣдь господинъ не хорошій человѣкъ.» Старуха обидѣлась. — «Онъ, говоритъ, съ благородными намѣреніями, онъ женихъ моей дочери, ждетъ только позволенія отъ отца.»— Ну, женихъ такъ женихъ: дай Богъ. Проходитъ мѣсяцъ, другой — свадьбы все еще нѣтъ — «Поѣду самъ къ отцу,» говоритъ Василій Петровичь. Поѣхалъ. Ждутъ его, считаютъ дни и часочки, горюнится мать, слезьми обливается дочь. Нѣтъ никакого извѣстія..., Разъ подъ вечеръ,—мы ужъ пошабашили,— приходитъ къ намъ Ефремъ, что жилъ въ лакеяхъ у Василья Петровича.—Ба! откуда ты? спрашиваемъ у него.— «Все оттуда же, говоритъ, отъ своего барина.»—Развѣ пріѣхалъ?—«Да онъ, говоритъ, и не думалъ уѣзжать, а проживалъ себѣ какъ слѣдуетъ на Пречистенкѣ.» Вотъ оно что!.... На другой день весь домъ узналъ, какую штуку съигралъ названный женихъ. Анна Карловна сейчасъ на извощика — знать къ нему. Воротилась, слышимъ — на квартирѣ у нихъ суматоха, кухарка бѣжитъ за докторомъ: «барышня, говоритъ, умираетъ.» Пріѣхалъ докторъ, посмотрѣлъ: «это, говоритъ, не мое дѣло».... Понимаете, какая окказія-та вышла? Не при васъ будь сказано, ребенокъ родился мертвенькій.... А съ самой-то бѣдняжкой что случилось — не приведи Господи и слышать. Рехнулась совсѣмъ. Доктора и лечить отказались. Мать пожила въ Москвѣ еще съ полгода, видитъ, что пользы нѣтъ никакой.—взяла да уѣхала въ свою сторону.... А Василія Петро-

Digitized by Google

вича видѣлъ я послѣ того: ничего, краснощекій такой.... Вотъ они, батюшка Александръ Ивановичь, благородныя-то намѣренія иной разъ бываютъ каковы....

— Романическая исторія,— замѣтилъ слушатель, помолчавъ съ минуту.

— Называйте какъ знаете, а исторія справедливая,— отвѣчалъ разскащикъ.

— Ты добрый человѣкъ, Саввушка, хорошій человѣкъ.

— Полноте шутить, сударь! Какой я добрый? И человѣкъ-то не полный: такъ, сухое дерево. Радъ бы сдѣлать добро, да не умѣю, либо силы не хватаетъ; а худа на своемъ вѣку довольно натворилъ: закрасить-то его и нечѣмъ.

— Здѣсь всѣ любятъ тебя....

— Грѣхъ сказать: не обижаютъ. Да всѣмъ я чужой. Нѣтъ, Александръ Иванычь, одиночкѣ ужъ что за житье на семъ свѣтѣ. У васъ, напримѣръ, есть матушка (продли ей Богъ вѣка!); жѣнитесь потомъ, дѣтки пойдутъ—съ ними все веселѣе тянуть жизнь....

Да вѣдь и ты, кажется, былъ женатъ?

— Былъ, да ужь и позабылъ когда....

Въ эту минуту Саша, напѣвая какую-то пѣсенку, подбѣжала къ собесѣдникамъ и взобралась на колѣни къ Саввушкѣ.

— Что, устала, козочка? — спросилъ онъ ее, гладя по головкѣ.

— Мячикъ забросила въ бесѣдку.

— Такъ надобно достать.

— Поди-ка попробуй: тамъ сидитъ *сама*, а съ ней купчиха.

Однако, не смотря на присутствіе этихъ страшныхъ для дѣвочки особъ, то-есть хозяйки и торговки, Александръ Ивановичь вызвался найдти мячикъ. Саввушка продолжалъ утѣшать свою любимицу.

— Сказать сказку?

— Скажи, только хорошую.

— Ну. «Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ....

Digitized by Google

— Э, да я знаю это и сама.

— Ну....-Жить жилъ, а служить нигдѣ не служилъ, храбрый рыцарь-кавалеръ, мушиный царь, комариный государь, что̀ тотъ ли колесный секретарь. Дворецъ у него безъ крыши, а по полу гуляютъ мыши; на часахъ стоятъ жуки и ружье держатъ у руки; какъ на караулѣ отдадутъ, такъ со страху упадутъ; пѣтухъ главный у него генералъ, чѣмъ свѣтъ и заоралъ. Кафтанъ, сударыня ты моя, у нашего кавалера воздушный, воротникъ на кафтанѣ еловый, обшлага сосновые, подбитъ вѣтромъ, отороченъ снѣгомъ. Кушаетъ онъ сѣно съ хрѣномъ, солому съ горчицею, лапти съ патокой — кушанья все деликатныя; три дня не ѣстъ, а въ зубахъ ковыряетъ, гостей на пиръ созываетъ. Ходитъ при усахъ, при часахъ, трубка табаку во рту, звонка сабля на боку; идетъ, ухмыляется, красотой своей похваляется, а дѣвушки на него умиляются». Ну...

Но появленіе Александра Ивановича съ найденнымъ мячемъ прекратило сказку. Дѣвочка спрыгнула съ колѣнъ Саввушки, и побѣжала съ полученнымъ отъ него грошемъ покупать себѣ пряничнаго кавалера, въ замѣнъ сказочнаго.

— Саша любитъ тебя пуще всѣхъ, — сказалъ Александръ Ивановичь, усаживаясь опять рядомъ съ Саввушкой.

— Да вѣдь почѣсть только одинъ я приголублю ее. Хуже сиротки. У меня, признаться, особенно лежитъ къ ней сердце.... Давича вы спросили меня насчетъ жены. Въ молодые годы, сударь вы мой, я былъ не такой грибъ, какъ теперь. Женился я не по своей охотѣ. Жена попалась не по мнѣ. Съ первыхъ уже дней промежъ насъ пошло не ладно. Крѣпился я, крѣпился, да и сталъ ее поколачивать. Куда тебѣ—пуще въ слезы, а потомъ жаловаться всѣмъ на мужа. До барина доходило. Ладно, думаю я. Собрался въ Москву. Она пошла провожать меня. Идемъ, растобарываемъ, а у самого сердце такъ и кипитъ. Вотъ, дошли мы до рощи, откуда поворотъ на большую дорогу. Простимся, говорю, жена; спасибо тебѣ за ласку. И началъ я ее.... Кричи, не кричи — помочь не кому.... Ну, а въ Москвѣ, извѣстно,

Digitized by Google

ничего.... И думать объ ней забылъ. Спустя этакъ съ полгода, пишетъ отецъ, что далъ Богъ ему внучку, а мнѣ дочь, да сама-то невѣстка, жена то-есть моя, что-то чахнетъ: пріѣзжай, пишетъ, безпремѣнно. Поѣхалъ я. Зову жену съ собой въ Москву — жаль стало, годовъ на десять состарѣлась. Куда— и слышать не хочетъ. «Умру, говоритъ, здѣсь, а тамъ отъ твоихъ рукъ не хочу идти въ сырую землю». И отецъ стоялъ за нее. Зло взяло меня пуще прежняго: пропадайте, говорю, вы прахомъ; въ Москвѣ женъ много.... Уѣхалъ.... Сперва дѣлишки мои шли таки изрядно, и хозяиномъ садился, а потомъ словно какъ хмылъ все взялъ, все врозь да пополамъ, да и за галстукъ сталъ я запускать черезчуръ; разстроился совсѣмъ, ни на мнѣ, ни у меня нѣтъ ни синя пороха. Пошелъ въ работники къ одному хозяйчику. Артель попалась забубенная: работать не работается, а пить пьется.... Вотъ, пишетъ отецъ, проситъ денегъ на подмогу: знаете, деревенскія обстоятельства—то, другое требуется; а мнѣ и послать-то нечего. Запьешь съ горя.... Пройдетъ съ мѣсяцъ— пишетъ опять; такъ и такъ: приходится послѣднюю коровенку продать.... А тамъ опять письмо: у жены молоко пропало и дѣвчонка хвораетъ крѣпко, дома куска хлѣба нѣтъ, хоть милостыню идти просить.... Что жъ мнѣ-то дѣлать, подумаешь съ собой; я и такъ подъ сотню рублей забралъ у хозяина впередъ; а на что, на какія потребы? извѣстно, на что: чтобы горе не было горько.... Такъ маялся я цѣлыхъ пять лѣтъ. Божье наказаніе было.... Получаю наконецъ письмо отъ брата (что служитъ въ ратникахъ): Христомъ-Богомъ молитъ меня пріѣхать поскорѣе; батюшка боленъ при смерти. Что дѣлать? Время осеннее, попутчиковъ нѣтъ — побрелъ пѣшкомъ. Прихожу. Братъ одинъ-одинехонекъ горюетъ дома, а батюшка съ недѣлю какъ Богу душу отдалъ (царство ему небесное!).... Поплакалъ я, да и воротился сюда доживать свой вѣкъ, пока не придетъ часъ воли Божіей....

— Ну, а жена-то твоя что жъ? — спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Нечто я вамъ не сказалъ? Погуливать начала еще при

Digitized by Google

батюшкѣ. Даромъ что чахоточная, а собой ничего, такая смазлива была. Ну, а тутъ какъ въ воду канула, и дочку съ собой увела. Никакого извѣстія доднесь не получалъ, гдѣ она и что съ нею. Можетъ статься, давно и на свѣтѣ нѣтъ.... Да инѣ Богъ съ ней: дочки жаль — своя кровь. Всего-то видѣлъ ее однажды; годковъ двѣнадцать было бы теперь; звали Сашей.... Такъ-то, сударь вы мой: вольный я теперь казакъ, одинъ какъ перстъ, а легче бы съ камнемъ на шеѣ ходить.... Эхъ, Александръ Иванычь, — продолжалъ Саввушка, перемѣняя тронутый голосъ на обычный шутливый тонъ, — до какого чувствія довели вы меня — стыдно сказать!

— Нѣтъ, Саввушка, нѣтъ, хорошо! Если описать все это романически, занимательная будетъ исторія.

— Богъ съ вами, сударь! Я истинно по душѣ вамъ разсказалъ, а вы все насчетъ своихъ сочиненій. Нѣтъ, ужъ отъ этого увольте. Такія ли бываютъ настоящія исторіи! Мы люди маленькіе и жизнь-то у насъ птичья — безъ году шесть недѣль, то-есть не насчетъ лѣтъ, а касательно всего прочаго. Какія у насъ исторіи! Посмотрите-ка у другихъ....

Въ это время, изъ бесѣдки вышелъ прекрасный полъ, услаждавшій тамъ душу чаемъ, яблоками и орѣхами, — и хозяйка, желая, по ея выраженію, «сдѣлать променажъ», предложила публикѣ заняться увеселительными играми. Большинство голосовъ склонялось къ хороводнымъ пѣснямъ, сторону же горѣлокъ со жмурками и кумы съ зарею-зареницею держали не многіе; и такъ рѣшено было водить хороводы. Почти весь домъ высыпалъ на это зрѣлище — кто смотрѣть, а кто принять въ немъ голосистое участіе. И вотъ, развернулся рядъ пѣвцовъ и пѣвицъ, заплелся въ кругъ и затянулъ: «Ай по морю». Отъ-моря, моря синяго» поѣхали «въ Китай-городъ гулять»; потомъ пошелъ «царскій сынъ, королевъ сынъ кругъ города ходить»; за нимъ выступилъ «Донской казакъ во скрипку играть»; наконецъ, послѣ «Дуная, веселаго Дуная», дошелъ чередъ до «подушечки», самой любезной для

Digitized by Google

молодежи пѣсни, потому что она сопровождается безпрестанными поцѣлуями. «Подушечка» разстилалась до тѣхъ поръ, пока поздній вечеръ не разстроилъ хоровода, и веселая гурьба, обмѣнявшись пожеланіями «спокойной ночи, пріятнаго сна», разошлась по своимъ квартирамъ.

— А что, сударь, — сказалъ Саввушка, идя съ Александромъ Ивановичемъ во флигель, — не правду я говорилъ?

— Какую?

— Да съ Лизанькой-то вы не пропустили случая поамуриться. Небось, къ хозяйкѣ такъ не льнули: это̀ не кто другая — разомъ окрутитъ.

— Ахъ ты, волшебникъ старый, — смѣясь замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь. Извѣстно, это ужъ такая игра, да послѣ не вздумайте играть взаправду. Да вотъ еще, чуть не забылъ сказать вамъ: давича, какъ вы подплясывали, я замѣтилъ, что одинъ-то сапогъ у васъ каши проситъ. Станете ложиться, швырните его ко мнѣ; къ утру я залечу его какъ слѣдуетъ.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ и признательнымъ взглядомъ поблагодарилъ Саввушку, не разъ исправлявшаго его небогатый нарядъ.

III.

Въ противность утвержденію Саввушки, у всякаго человѣка есть своя исторія, съ тою лишь разницею, что у одного она изображаетъ собою величіе и паденіе Римской имперіи, у другаго точно придворная запись однообразныхъ происшествій Срединнаго царства, у третьяго мирное существованіе какого-нибудь уѣзднаго богоспасаемаго городка. Объ иномъ мало написать цѣлую книгу; о другомъ достаточно сказать: «и только что осталося въ газетахъ: выѣхалъ въ Ростовъ». Но какова бы ни была эта исторія, ни въ одной не обойдется безъ бурь и грозъ, болѣе или менѣе опустошительныхъ. Правда, то̀, что̀ для одного

Digitized by Google

кажется бурею, для другаго не болѣе какъ обыкновенный порывъ вѣтра; что обезсиливаетъ въ концѣ одну душу, то освѣжаетъ другую. О мнимыхъ невзгодахъ, выдумываемыхъ несчастнымъ воображеніемъ, нечего и говорить: довольно того, что онѣ выдумываются и слѣдовательно тревожатъ своего изобрѣтателя.... Но что же сказать вамъ о житьѣ нашихъ Божедомцевъ? Разумѣется, и у нихъ была своя исторія, даже часто случались *исторіи*, но такого рода, что ими не стоитъ занимать ваше вниманіе, и, безъ ущерба для занимательности разсказа, мы можемъ перешагнуть чрезъ пять лѣтъ впередъ. Самыя замѣчательныя событія этой минуемой нами эпохи были слѣдующія: Дарья Герасимовна приблизилась наконецъ къ цѣли своихъ пламенныхъ желаній, и питала близкую надежду приковать къ себѣ узами брака одного отставнаго управляющаго, котораго прельщало ея благопріобрѣтенное имѣніе. Лавочникъ, «живя помаленьку, Бога не гнѣвя,» обратился въ квадратную фигуру съ значительною выпуклостью напереди. Александръ Ивановичъ сшилъ себѣ новый вицъ-мундиръ и купилъ канарейку. Другой молодой человѣкъ, корпѣвшій надъ бумагами, переѣхалъ куда-то, чуть ли не въ больницу, и комнатку его занялъ сапожникъ-семьянинъ. Лизанька «расцвѣла на подобіе розана», по словамъ Александра Ивановича. Золотариха начала частенько прихварывать (впрочемъ и прежде она была незавиднаго здоровья), а мужъ ея, вѣроятно съ горя, сталъ чаще запивать. Кажется, и все.... Да: Саввушка принужденъ былъ купить себѣ «стеклянные глаза,» потому что его собственные отказались служить по вечерамъ.—Можетъ быть, были и другія происшествія меньшей важности, но объ нихъ не сохранилось ничего въ мѣстныхъ преданіяхъ. И такъ пять лѣтъ впередъ.

Какъ хороши въ предмѣстьяхъ Москвы весна и лѣто, такъ невыносимо скучны осень съ зимою. Кругомъ грязь непроходимая, или сугробы такіе, что завязнешь въ нихъ по поясъ; живешь точно въ берлогѣ; изрѣдка пройдетъ по заглохшей улицѣ пѣшеходъ, еще рѣже проѣдетъ ванька или мужикъ съ дровами; сосѣда увидишь развѣ только въ церкви—

Digitized by Google

и словомъ переброситься некогда. За то, однодомцы придумываютъ всевозможныя средства, какъ бы скоротать злое время, особенно долгіе вечера, и посидѣлки другъ у друга, съ работою, розсказнями и пѣснями, составляютъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ скуки. Въ божедомскомъ жилищѣ главныя собранія бывали большею частію у хозяйки, потому что просторная комната ея представляла значительныя удобства для посѣтителей, да и сама она, чая желаннаго брака, любила слушать свадебныя пѣсни, въ которыхъ восхвалялась ея «дѣвичья краса» и «кудри русыя» ея будущаго суженаго. Изъ жильцевъ флигеля только одинъ Александръ Ивановичъ иногда навѣщалъ эти собранія, и непремѣнно съ книжкою или тетрадкою стиховъ; прочіе же вели себя особнякомъ: Саввушка потому, что не любилъ «мѣшаться въ бабью компанію;» золотариха потому, что считалась какъ бы отверженною отъ такого благороднаго общества, а маленькую Сашу и калачемъ трудно было заманить туда. Обыкновенно Саввушка, когда не случалось спѣшной работы, приходилъ къ золотарю покалякать часокъ-другой.

— Здорово, отецъ?—крикнетъ онъ старику, почти все время проводившему на печи.

— Здорово, родной!—отзовется слабый голосъ: — что, принесъ калачика?

— А вотъ пойду въ лавочку, такъ принесу. Погоди маленько.

— Охо-хо-хо, грѣхи мои тяжкіе! Всѣ меня забыли.... Не покинь хоть ты-то, кормилецъ. Бога за тебя помолю,—тоскливо говорилъ старикъ, у котораго мысль о Саввушкѣ была нераздѣльна съ калачиками.

Утѣшивъ какъ-нибудь старика, Саввушка заводилъ рѣчь съ хозяйкой, если золотаря не было дома.

— Ну что, матушка Анна Ѳедоровна, какъ твое здоровье?

— Плохо, Саввушка: все грудь заваливаетъ. Думала лечь въ больницу, да на кого покинешь домъ.

— И хорошо сдѣлала, что не легла. Развѣ такая у тебя

Digitized by Google

болѣзнь? Извѣстно, не слеглая, а простуда. Напейся чего-нибудь горячаго на ночь, укутайся хорошенько, а то виномъ бы съ перцомъ натереться....

— Чего я не пила: легче нѣтъ нисколько. Такъ и давитъ. Нѣтъ, видно, ненадежная я жилица на семъ свѣтѣ.

— Господь съ тобою! Не грѣхъ ли говорить такія слова!... А что, самъ еще не приходилъ?

— Нѣтъ. Понесъ въ городъ работу.

— Не загулялъ бы опять. Это всегда съ нимъ такъ бываетъ: степенствуетъ, степѣнствуетъ, и вдругъ словно кто прорветъ его.

— Да, больше мѣсяца какъ онъ не пилъ.

— А теперь разомъ напьется за всѣ дни. По мнѣ ужъ лучше пить аккуратно. Я самъ, грѣшный человѣкъ, пью; этакъ, по рюмочкѣ, по двѣ, оно не мѣшаетъ; передъ обѣдомъ пользительно даже, можно сказать.... Ну, а эту невзгоду, что мучается онъ, я самъ прежде знавалъ. Доктора говорятъ, что болѣзнь такая. Врутъ, сударыня ты моя, съ позволенія сказать: не болѣзнь, а дьявольское навожденіе. Вотъ, отслужила бы ты три молебна....

— Служила я, всѣмъ святымъ угодникамъ молилась — не проноситъ Богъ.

Глубокій вздохъ сопровождаетъ эти слова, и Саввушка спѣшитъ перемѣнить разговоръ, обращается къ дѣвочкѣ:

— А ты, Сашуточка, училась сегодня?

— Училась и перчатки шила.

— Такъ завтра я тебѣ лоскутиковъ какихъ принесу, чудо! Ну, поцѣлуй же меня и прощай.

Въ такихъ или подобныхъ разговорахъ проходила большая часть вечера. Иногда Саввушка занималъ свою любимицу сказками, иногда экзаменовалъ ея знанія въ чтеніи, иногда бесѣдовалъ съ золотаремъ о старинѣ. А время шло себѣ да шло....

Здоровье Анны Ѳедоровны худѣло болѣе и болѣе. Злая болѣзнь, что точила ее сперва какъ червь, стала грызть по-

Digitized by Google

томъ какъ голодный волкъ. Лекарства не помогали, домашнія огорченія тяжелымъ камнемъ падали на истомленное сердце, сушили и безъ того изнуренную грудь. Мужъ пилъ уже не съ перемежками, а просто мертвою чашею, и почти не жилъ дома, показываясь на день, на два, чтобы протрезвиться и пригрозить женѣ, которая, по его словамъ, притворничала и была причиною всѣхъ бѣдъ. И работалъ онъ большею частію на сторонѣ, гдѣ недѣлю, гдѣ день, помогая мелкимъ хозяевамъ, и изъ заработанныхъ денегъ рѣдкая копейка попадала домой.... Не получая нѣсколько мѣсяцевъ платы за квартиру, хозяйка привела наконецъ въ исполненіе одну изъ своихъ обычныхъ угрозъ—два дня не давала дровъ, —и безъ просьбы Саввушки, перемѣнившаго ея гнѣвъ на милость, худо было бы съ бездольной семьею, принужденной, чуть ли не въ двадцать градусовъ мороза, сидѣть въ нетопленой комнатѣ, стѣны которой промерзли насквозь, въ окна дуло, изъ-подъ полу несло, да и теплой одежды къ тому же не было почти ни клочка. Черезъ два дня горницу истопили, но на больную эта побудительная мѣра все-таки подѣйствовала сильно, да и старикъ, привыкшій къ горячей печкѣ, тоже захворалъ. На бѣду, и лавочникъ рѣшился послѣдовать примѣру хозяйки, для скорѣйшаго полученія долга: объявилъ, что не станетъ отпускать безъ денегъ ни на копейку, и рѣшеніе его было непреклонно, такъ, что не только варева—сухаго хлѣба сплошь и рядомъ не было бы у горемыкъ, еслибъ не Саввушка, который дѣлился съ ними крохами своихъ скудныхъ заработковъ.

Наступало Рождество. Золотарь съ недѣлю глазъ домой не казалъ. Для удовлетворенія неотступныхъ требованій хозяйки, Анна Ѳедоровна распродала кое-какой домашній скарбъ, и уплатила ей частичку долга; остальныя деньги пошли на необходимые домашніе расходы, и послѣ первыхъ дней праздника, бѣдная семья принуждена была опять поститься. Саввушка и радъ бы помочь, да нечѣмъ: работа къ празднику была незавидная. Занять болѣе не у кого, продать и заложить нечего.... Перебирая въ умѣ всѣ средства, какія помогли бы ея

Digitized by Google

безвыходному горю, Анна Ѳедоровна вспомнила, что у ней есть дядя-богачь, тысячами ворочаетъ. Правда, что онъ зналъ ее еще молоденькой дѣвушкой, и съ того времени много воды утекло; да что стоитъ ему, отъ своего богатства, дать племянницѣ для праздника какую-нибудь красную ассигнацію. «Прежде онъ былъ такой добрый, я помню, гостинцы мнѣ всегда покупывалъ.» И она уже разсчитывала, сколько дней можно будетъ прожить на пособіе отъ добраго родственника.... Пріодѣла Сашеньку, надѣясь видомъ малютки тронуть его сострадательность, и пошла—за Москву рѣку.

Но, гдѣ тонко, тутъ и рвется. Богатые дядюшки, помогающіе бѣднымъ родственникамъ, встрѣчаются не каждый годъ. Послѣдняя надежда Анны Ѳедоровны, какъ можно было предвидѣть, лопнула. Съ заплаканными глазами, дрожа отъ холода и душевнаго горя, воротилась домой бѣдная женщина. Савушка ждалъ ее.

— Что, голубушка ты моя, чѣмъ надѣлилъ тебя дядюшка, золотомъ или серебромъ?

— Попреками да приказаніемъ, чтобъ я не смѣла казаться ему на глаза; а то, говоритъ, велю выгнать,—отвѣчала Анна Ѳедоровна сквозь слезы.

— Я это зналъ допрежде. Только разстроилъ онъ тебя, разбойникъ такой.

— Сталъ колоть глаза, поминать про старое. «Ты, говоритъ, опозорила нашъ родъ, не знай же моего порога....» Помогите хоть для своей внучки, говорю я: она хуже сироты, подайте, какъ подаете нищему, ради Христа.... Сама заплакала. А онъ мнѣ: «ступай, говоритъ, по міру, тогда подамъ милостыню....» Богъ ему судья!

— Э! да что плакать-то! Ужъ это извѣстный народъ! Прахъ побери его и съ богатствомъ! Прости Господи мое согрѣшеніе.... Домъ-то раззолотилъ, я чай, словно графъ какой, на тысячныхъ рысакахъ катается; а жаль бросить родной племянницѣ десять рублей!

Digitized by Google

— И жить-то онъ пошелъ отъ покойнаго моего батюшки, — продолжала Анна Ѳедоровна, рыдая: — теперь все забылъ...

— Да брось ты его совсѣмъ. Что кручиниться безъ толку. Ложись-ка лучше, сударыня ты моя, спать, да одѣнься потеплѣе. Вишь, какъ разгорѣлась: не простудилась ли опять.... Ну, Христосъ съ тобой! — сказалъ Саввушка, прощаясь съ горемыкой.

Завернувъ къ ней утромъ на другой день, Саввушка испугался происшедшей съ нею перемѣны.

— Матушка ты моя! — вскричалъ онъ: — да на тебѣ лица нѣтъ. Краше въ гробъ кладутъ. Что съ тобой?

— Ничего. То въ жаръ, то въ ознобъ бросаетъ, — отвѣчала она слабымъ голосомъ.

— Такъ напейся поскорѣе малинки, да и ляжь. Вѣрно простудилась, какъ ходила къ этому жидомору. Вотъ пока четвертакъ; Саша сходитъ въ лавочку. А мнѣ надо нести работу; если ворочусь скоро, такъ нынче же сбѣгаю къ нашему частному лекарю: онъ добрый человѣкъ...: Пока прощай. Смотри же, пропотѣй хорошенько....

Однако, сверхъ ожиданія, хлопоты съ заказчиками продержали Саввушку до вечера, и когда онъ пришелъ домой, вся Божедомка уже спала. Заглянувъ въ окошко къ золотарю, и увѣрившись, что тамъ все спокойно, онъ пробрался въ свою свѣтелку и легъ. Около полуночи стукъ въ двери разбудилъ его.

— Кто тутъ?

— Я, Саввушка, — отозвался голосокъ Саши: — поди поскорѣе, голубчикъ, къ намъ: маменька умираетъ совсѣмъ. Вдругъ закричала: смерть, смерть моя! да и замолчала, не шевельнется даже. Поди поскорѣе.

Накинувъ на себя что попало, Саввушка поспѣшилъ за Сашей. Въ комнатѣ золотаря было тихо. Мѣсяцъ глядѣлъ въ окно, и при свѣтѣ его Саввушка, на цыпочкахъ, подошелъ къ больной, и сталъ прислушиваться къ ея неровному дыханью,

Digitized by Google

Она лежала въ забытьѣ; освѣщаемое блѣдносиними лучами мѣсяца, лице ея было точно мертвое; по временамъ вырывался у ней несвязный, едва слышный бредъ. Постоявъ нѣсколько минутъ, Саввушка воротился въ свою каморку, принесъ оттуда огня, и засвѣтилъ лампадку предъ иконами. Больная открыла глаза.

— Что это, свѣтаетъ?—прошептала она, сиотря кругомъ.

— Нѣтъ еще, матушка ты моя, спи себѣ съ Богомъ. Это я зажегъ лампадку: вѣдь завтра воскресенье.

— Григорій Кузмичъ пришелъ?

— Нѣтъ еще.... Да что тебѣ нужно?

— Тошно мнѣ.... Душа съ тѣломъ разстается.... Святыхъ Тайнъ хотѣла бы я причаститься, если сподобитъ Богъ.

— Что жъ, это можно: христіанское дѣло, и здоровому спасеніе приноситъ. Да только съ чего же вздумалось тебѣ, хворушка ты моя?

— Ахъ, Саввушка! У меня словно что оборвалось въ груди.... Вотъ здѣсь давитъ, тяжело.... Я чувствую, что часъ воли Божіей пришелъ.... Сходи же, родной! Христомъ Богомъ молю тебя, не дай умереть безъ покаянія.... Скоро заутреня; какъ отойдетъ, и попроси батюшку сюда....

— Попрошу,—отвѣчалъ Саввушка, не зная, чѣмъ утѣшить больную, и не понимая такого быстраго перехода отъ жизни къ смерти.

Саша со слезами бросилась къ матери, и приникнула головкой къ ея груди.

— Маменька, душечка, не умирай!—лепетала она, осыпая ее поцѣлуями.—Развѣ не хорошо тебѣ здѣсь? Тятенька не станетъ больше обижать тебя.... Я всегда буду слушаться.... Мамаша, голубочка, красавица! съ кѣмъ же я-то останусь?... И тятенька будетъ плакать.... Лучше я умру за тебя, мамочка, милочка!...

— Охъ дочка, сердечная ты моя,—грустно произнесла боль-

Digitized by Google

ная: — авось, Богъ и добрые люди не оставятъ сироточку; Божія Матерь будетъ твоею заступницею.... Помолись ей, Саша....

Дѣвочка стала на колѣни, и сквозь слезы, полушепотомъ начала читать молитвы, заученныя отъ колыбели.... Тихо вторила ей мать, набожно крестился Саввушка, и не чувствовалъ слезъ, что катились по его щекамъ....

Когда Саша кончила молитвы, больная велѣла ей подать икону изъ кіоты и благословила ее. Дрожащій голосъ матери заглушался тяжелыми рыданіями безъ слезъ, призывая на малютку благословеніе свыше.... «Этою иконою благословила и меня покойница-матушка. Она у насъ родовая. Береги же ее, Саша.... Молись Пречистой Заступницѣ. Будешь доброю, и Она никогда не покинетъ тебя; станешь вести себя дурно — Божія Матерь отвратитъ отъ тебя ликъ Свой.... Охъ, дочка, дочка, крошечка ты моя! подростаешь ты, скоро должна будешь жить своимъ же умомъ, увидишь много и хорошаго, и дурнаго: но будь всегда честна, не потеряй себя.... Понимаешь, Саша? Успокой меня, скажи....

— Понимаю, маменька, — робко отвѣчала дѣвочка: — я всегда буду честна. Только не умирай, родная, поживи со мной хоть годочекъ. Мамочка, не умирай!... И Саша залилась слезами горче прежняго, и опять бросилась цѣловать руки матери, тоскливо прижимая ихъ къ своей груди....

— О Господи! хотя бы за мои-то грѣхи ей не отвѣчать, — промолвила больная, какъ будто думая про себя. — Пятнадцать лѣтъ.... Дошли ли до Бога мои грѣшныя молитвы....

Рыданія заглушили ея голосъ. Успокоившись чрезъ нѣсколько мгновеній, она продолжала:

— Еще, голубчикъ Саввушка, есть просьба до тебя. Я врядъ ли увижу Григорія Кузьмича.... глаза мои закроются безъ него.... Скажи, чтобъ онъ простилъ меня: я много огорчала его.... Еще скажи, что дастъ онъ большую отраду грѣшной душѣ моей, если воздержитъ себя. А больше всего прошу, чтобъ онъ не кинулъ Саши, не довелъ ея до того же,

Digitized by Google

до чего дошла мать. Ты знаешь, откуда взялъ меня Григорій Кузмичь.... теперь языкъ не повернется сказать. Весь свой вѣкъ носила я это пятно, вытерпѣла изъ-за него столько горя и обидъ, что развѣ одному Богу извѣстно.... Накажи же, Саввушка, чтобъ онъ не кинулъ роднаго дѣтища.... Охъ, тошно какъ.... Безъ меня будетъ расти она....

— Да будь спокойна, матушка ты моя,—сказалъ Саввушка, отирая слезы:—скажу все, и самъ не оставлю Саши, видитъ Богъ. Успокойся же, усни: тебѣ какъ будто крошечку полегче стало.

Въ самомъ дѣлѣ, глаза больной загорѣлись лихорадочнымъ огнемъ, на щекахъ заигралъ зловѣщій румянецъ: появились всѣ признаки, которыми смерть украшаетъ свою жертву, заставляя думать, что жизненная сила снова взяла перевѣсъ. Но черезъ нѣсколько же минутъ волненіе чувствъ и продолжительное напряженіе опять обезсилили больную; въ изнеможеніи опустилась она на постель, произнесла нѣсколько несвязныхъ словъ, и скоро, повидимому, забылась сномъ.

Саша прислушивалась къ ея дыханью, наклонилась къ изголовью, и тихо плача, тутъ же уснула. Саввушка прикорнулъ-было на лежанку, но ему и сонъ не шелъ на умъ. Тяжелый выдался ему денекъ, а тяжелѣе всего были думы, что̀ вызывались окружающими предметами.—Мудреное дѣло смерть! Дума наша за горами, а она за плечами, приходитъ нежданая, незваная, не разбирая, въ пору или нѣтъ, здоровый дубъ или чахлую былинку подсѣчетъ ея коса.... Зачѣмъ умираетъ мать, чья жизнь необходима для подпоры безпомощной дочери, и остается на бѣломъ свѣтѣ старикъ, который тяготитъ всѣхъ, и, навѣрно, былъ бы въ тягость самому себѣ, еслибъ понималъ, какъ живется ему?... Такъ ли, Саввушка? А вѣдь Богъ строитъ все къ лучшему: здѣсь-то что же? Подумай-ка поглубже.—Много ли радостей въ своей жизни знала бѣдная женщина? Молодости она почти не видала: красота да воля сгубили ее въ первомъ цвѣту подъ самый корешокъ; судьба бросила ее въ омутъ, оттуда никто не выплываетъ, не по-

Digitized by Google

платившись нѣсколькими годами жизни, а иногда и цѣлымъ вѣкомъ. Нашелся добрый человѣкъ, который не задумался назвать ее своею женой: не задумались и добрые люди колоть ей глаза прежнимъ несчастьемъ, унижать прошлымъ позоромъ. Слушалъ, слушалъ мужъ людскіе толки, началъ и самъ давать имъ вѣру. Жизнь несчастной обратилась въ пытку. И дочь-то не долюбливали по матери: вся въ нее, дискать, будетъ, яблочко отъ яблони недалеко падаетъ. Стало быть, не видала умирающая почти никакой отрады на семъ свѣтѣ: такъ не лучше ли ей переселиться въ иную жизнь, гдѣ «нѣтъ ни печали, ни воздыханій;» не легче ли ей будетъ тамъ, нежели здѣсь, въ борьбѣ съ нуждою, подъ гнетомъ горя, въ тревожномъ онасеніи за будущность дочери? Да, одна гробовая доска можетъ успокоить ее; больная чувствуетъ это, и встрѣчаетъ смерть безъ страха и ропота.... А сиротка, что̀ остается послѣ нея? Ее, горемычную, какая ждетъ участь? Участь наша въ рукахъ Божіихъ, и не угадаешь ея впередъ. Конечно, родная мать не два раза бываетъ; жизнь безъ нея, что̀ цвѣтку безъ солнца. Но вѣрно то, что ни Богъ, ни люди не оставятъ сироты безъ призрѣнія: ты первый, Саввушка, хотя и маленькій человѣкъ, раздѣлишь съ нею послѣдній кусокъ хлѣба, утѣшишь ее въ горѣ, остережешь отъ бѣды....

Много подобнаго передумалъ Саввушка, и до того углубился въ мысли, что не слыхалъ, какъ раздался вдали благовѣстъ къ заутренѣ.

Больная открыла глаза.

— Саввушка, отецъ родной, пора!—сказала она умоляющимъ голосомъ:—сходи же, попроси батюшку со Святыми Дарами сюда....

Саввушка постоялъ нѣсколько минутъ, собираясь сказать что-нибудь въ утѣшеніе больной, но, не придумавъ ничего, перекрестился и вышелъ изъ комнаты.

Черезъ два часа служитель вѣры напутствовалъ больную въ жизнь вѣчную, а къ вечеру она отдала Богу душу....

Горько плачетъ Саша, сидя у ногъ матери, и какъ будто

Digitized by Google

ожидая, не встанетъ ли она; старикъ, отецъ золотаря, кладетъ земные поклоны передъ образами, молясь вслухъ объ упокоеніи рабы Божіей Анны, Саввушка протяжно читаетъ псалтирь; женщины хлопочутъ о приготовленіи ея къ погребенію. А та, о комъ льются непокупныя слезы, за чью душу возсылаются усердныя молитвы, для кого въ послѣдній разъ волнуется житейская суета, — она покоится сномъ непробуднымъ, достигнувъ наконецъ тихаго пристанища..... Смерть примирила уснувшую съ живыми, положила забвеніе на все прошедшее; судъ ближняго надъ ближнимъ умолкъ, по крайней мѣрѣ на время, смиряясь предъ непреложнымъ голосомъ суда загробнаго, не смѣя произнести ни слова передъ тѣломъ, въ которомъ, казалось, еще не остыла жизнь; судъ этотъ смѣнился братскимъ желаніемъ царствія небеснаго отшедшей съ міромъ....

Наступаетъ ночь. Окончивъ погребальныя приготовленія, сосѣдки расходятся по своимъ квартирамъ, утомленная безсонницею Саша засыпаетъ; старикъ впадаетъ въ забытье; одинъ Саввушка остается бодрствовать, перемежая чтеніе псалтиря молитвами за умершую. Лампадка передъ иконами и восковая свѣча передъ чтецомъ едва бросаютъ слабый свѣтъ....

Въ это время отворяется дверь — входитъ неровными шагами золотарь, и едва переступивъ черезъ порогъ, грозится выместить на женѣ какое-то огорченіе....

Не прерывая чтенія, Саввушка молча указалъ ему на гробъ. Несчастный мужъ не вдругъ опамятовался, и продолжалъ кричать; но едва озарилъ его лучь разсудка, шатаясь подошелъ онъ къ умершей, нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее, и, наконецъ, съ глухимъ воплемъ упалъ у гроба....

Спустя немного послѣ похоронъ Анны Ѳедоровны, все пошло по прежнему. Смерть ея произвела временное впечатлѣніе, и когда оно миновалось, жизнь вступила въ свои обыденныя права. Золотарь, на котораго впечатлѣніе это, конечно, должно было подѣйствовать сильнѣе, чѣмъ на другихъ, далъ-

Digitized by Google

было страшный зарокъ и не смотрѣть на хмѣльное. «Буду жить для моей Саши, говорилъ онъ: не заставлю покойницу плакаться на меня, что сгубилъ дочь, какъ заѣлъ ея вѣкъ, моей голубушки....»

И точно, мѣсяца съ два онъ былъ столько же добрый отецъ, сколько и усердный работникъ, и благодаря своему прилежанію, расплатился почти со всѣми долгами.

Но тѣмъ и кончилось доброе начало. Разъ какъ-то, вспомнивъ про жизнь свою съ покойною женою, онъ расчувствовался до того, что счелъ необходимымъ залить свое горе; потомъ, въ оправданіе преступленія зарока, нашлись другія причины, а наконецъ и причинъ не стало болѣе нужно,—и обратился онъ на прежнюю стезю полупомѣшаннаго.... Мигомъ закружился онъ, и бросивъ хозяйство, пошелъ опять въ работники къ такому же горемыкѣ, какимъ сдѣлался самъ. Сашу же до времени взялъ къ себѣ Саввушка, потому что всѣ родные отказались отъ сиротки....

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ).

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1852.

№ 16. Августъ. Кн. 2.

ВОСПОМИНАНІЯ

О КАРЛѢ ПАВЛОВИЧѢ БРЮЛЛОВѢ.

Римъ, какъ бы ревнуя успѣхамъ искусства на сѣверѣ, уже не мало скрылъ, въ нѣдрахъ своихъ, славныхъ нашихъ собратій, изъ которыхъ иные окончили дни въ самую лучшую пору своего развитія. Тамъ, близъ Monte Testaccio и въ сосѣдствѣ съ пирамидою Каія Честія, русскій, не безъ глубокаго унынія, прочтетъ на надгробныхъ камняхъ имена художниковъ, его соотечественниковъ, и наконецъ встрѣтитъ имя К. П. Брюллова.

О послѣднемъ можно написать нѣсколько томовъ,—такъ была богата данными жизнь этого художника,—такъ разнообразны были стороны его таланта,—такъ много высказалъ онъ въ своихъ произведеніяхъ и рѣчахъ,—такъ много унесъ онъ въ загробный міръ не досказаннаго. Въ настоящее время мы еще не имѣемъ подъ рукою полныхъ свѣдѣній о жизни и смерти Карла Павловича, и потому не можемъ предложить полной его біографіи; сообщаемъ читателямъ бѣглый взглядъ на поприще, пройденное покойнымъ съ такою

Digitized by Google

славою, на характеръ его высокаго таланта, и на его вліяніе, отозвавшееся какъ на цѣломъ поколѣніи художниковъ такъ, и на нашей публикѣ.

Предлагаемое основано или на достовѣрныхъ слухахъ, или на собственномъ свидѣтельствѣ. Обращаемся съ просьбою ко всѣмъ, знавшимъ и любившимъ Брюллова, сообщать свѣденія о немъ и указать на ошибки, могущія встрѣтиться въ этихъ строкахъ. Благоговѣя предъ необыкновеннымъ человѣкомъ нельзя не пожелать представить со временемъ подробнѣйшее жизнеописаніе художника, такъ щедро награжденнаго при жизни отъ самаго Бога.

Да будутъ послѣдующія строки первымъ долгомъ памяти Брюллова со стороны его собратій по искусству.

Умеръ великій художникъ, за жизнь котораго еще въ дѣтствѣ отчаявались родители, по тому, что маленькій Карлъ, въ продолженіе долгаго и долгаго времени, не могъ вставать съ постельки, одержимый сильною золотухою. Позже, по выздоровленіи, строгій отецъ Брюллова, какъ бы предчувствуя всю силу необыкновеннаго таланта въ своемъ сынѣ, болѣе и болѣе налегалъ на развитіе въ немъ умѣнья рисовать; и пока малютка Карлъ не нарисуетъ условленное число человѣчковъ и лошадокъ, то ему не давали завтракать.—Будучи окруженъ съ малыхъ лѣтъ художественными произведеніями,—отецъ его былъ художникъ не изъ дюжинныхъ (*), и одолѣвая каждодневно, при настойчивости родителя, механизмъ, столь необходимый въ искусствѣ, образовывался такимъ образомъ будущій создатель картины *Послѣдняго дня Помпеи*.

Поступивъ въ академію, Брюлловъ въ отношеніи къ товарищамъ, оказался крайне капризнымъ, причиною чего могла быть тонкая, чувствительная, еще не окрѣпшая натура мальчика. Успѣхами своими онъ далеко оставлялъ за собою не только сверстниковъ, но и старшихъ себя; уже и въ ту пору онъ былъ пред-

(*) Онъ былъ сверстникомъ профессоровъ: Угрюмова, портретиста Щукина, скульпторовъ Прокофьева, Ѳедосѣя Щедрина, Мартоса и директора живописи Акимова; онъ занимался миніатюрою и рѣзалъ на деревѣ.

Digitized by Google

метомъ зависти и вѣчной ея спутницы клеветы; да и во всю его жизнь завистъ и клевета не дремали имѣя девизомъ: онъ выше насъ; это нестерпимо; будемъ бросать въ него грязью! Такова всегда посредственность съ своими урочными часами для занятій, и таково невѣжество толпы тѣхъ цѣнителей, которые не знакомы ни съ искусствомъ, ни съ многообразными и часто недоступными проявленіями сильной духовной природы человѣка.

Брюлловъ вышелъ изъ ряду обыкновенныхъ людей, и потому нельзя мѣрить его обыкновеннымъ нашимъ мѣриломъ; всѣ тѣ, которые будутъ писать о немъ не по призванію, не изъ любви къ искусству, не изъ любви къ изученію такой высокой личности, ошибутся, или будутъ говорить общими гостинными фразами, прилагаемыми одинаково, и къ Мурилію и къ Гюденю, какими до сихъ поръ отзывалась и о Брюлловѣ большая часть людей, способныхъ принимать впечатлѣнія отъ произведеній искусствъ лишь глазами, но не душою.

У кого въ-очію, можно сказать со дня на день, совершался переворотъ въ направленіи нашей академіи, и кто самъ развивался подъ вліяніемъ Брюллова, тотъ смѣло можетъ указать на великую заслугу покойнаго профессора въ отношеніи къ натурному классу, какъ къ основному камню всякой академіи. Правда, что подъ карандашемъ и кистью Угрюмова, Лосенка, Егорова и Шебуева, рисунокъ въ нашей академіи сталъ на высокую степень античнаго изящества и утонченности: но впослѣдствіи менѣе даровитые художники довели эту античность въ рисункѣ до крайней сухости и одеревенѣлости; изученіе антиковъ совершенно поглощало изученіе красотъ въ живомъ тѣлѣ; между рисовальщикомъ и натурщикомъ какъ бы невидимо и постоянно помѣщался всегда древній антиной или геркулесъ, смотря по возрасту натурщика. На нашей памяти извѣстный портретистъ Варнекъ и профессоръ Басинъ, первые внушали учащимся обратить все вниманіе на близкое копированіе натуры; но приверженцы безжизненно-античнаго рисунка еще составляли въ то время большинство. Далѣе профессоръ Бруни, по возвращеніи своемъ изъ Италіи, также началъ преслѣдовать жесткость и истуканность рисунка, въ которомъ жизнь была подавлена заученными и при-

Digitized by Google

нятыми формами. Въ то время нѣкоторые изъ рисовальщиковъ колебались, и рисуя съ натуры въ то же время не рѣшались вдругъ разстаться съ своими заученными пріемами; но пріѣздъ Брюллова изъ Италіи положилъ конецъ всѣмъ умничаньямъ и идеализаціямъ; по мнѣнію великаго живописца слѣдовало изучать исключительно всю разнообразную прелесть самой натуры.

— «*Рисуйте антику въ античной галлереѣ*,— говаривалъ Брюлловъ,—*это также необходимо какъ соль въ пищѣ; въ натурномъ классѣ старайтесь передавать живое тѣло; оно такъ прекрасно, что только умѣйте постичь его; да и не вамъ еще поправлять его; здѣсь изучайте натуру, которая у васъ предъ главами, и старайтесь понять и прочувствовать всѣ ея оттѣнки и особенности.*—«Такъ силою слова и собственными примѣрами Брюлловъ снялъ повязку съ глазъ всѣхъ рисовальщиковъ академіи, отданныхъ до того заученнымъ античнымъ формамъ, которыя совершенно загораживали отъ учащихся исходъ красоты самихъ антикъ—природу. Въ этомъ случаѣ вліяніе Брюллова было сильно и рѣшительно, и уже никто не могъ не сознать указанной имъ художественной истины. При немъ натурный классъ ожилъ и обновился, къ новой чести русской школы.

На сколько уважалъ Карлъ Павловичъ произведенія древняго рѣзца, это знаютъ лучше прочихъ скульпторы, отъ которыхъ, при производствѣ статуй, онъ спрашивалъ уже не одной точности этюда натурнаго класса, но требовалъ всей правильности, строгости и чистоты античнаго рисунка.

Вліяніе его не ограничилось однимъ натурнымъ классомъ; живопись не только историческая, портретная, но и ландшафтная, и перспективная, и акварельная, воскресли и одушевились съ его появленіемъ; онъ самъ далъ всему живые образцы въ своихъ картинахъ, и тѣмъ рѣшительно уничтожилъ бывшую до него условную, принятую живопись, отъ которой до него отступали очень немногіе. Правда, что явились и слѣпые подражатели живописи Брюллова; но большинство дарованій лишь разумно прозрѣло и пошло по

Digitized by Google

указанному необыкновенным художником пути к правде и истинности.

Тоже можно сказать и о сочинении эскизов и картин ученических, на которых Брюллов также обращал свое особенное внимание и выяснял самые отвлеченные требования и условия искусства самым наглядным образом.

От учеников он постоянно требовал, чтобы они в свободное время и на прогулках заносили в свои альбомы все обращающее на себя внимание живописностью, или представляющее трудную задачу для рисунка. Чтобы объяснить наконец влияние Брюллова на нашу публику, повторим то, что мы печатали о великом художнике в 1847 году, в одном из петербургских журналов.

Нам памятно время, когда академия открывала свои залы для посетителей, только чрез каждое трехлетие, и как в большие промежутки между трех-годичными выставками, двери академических галлерей ржавели на своих петлях. В то время, публика, извещенная объявлением газет об открытии, устремлялась в храм искусств, насладиться новыми трудами русских художников; и парадный вход Академии, в хорошую и в дурную погоду, постоянно поглощал безчисленные толпы любопытных. В домах, при встречах на улицах, в кандитерских, везде только и было разговоров о выставке, и купец, и артельщик, попивая чайек в заведении, разсуждали о «*Тибуртинской Сибилле*»—Кипренскаго. Но, когда усталый швейцар запирал, наконец, главные ворота Академии и благодарил небо, что минул последний день выставки, публика, увлеченная другими интересами, оставляла свои художественные толки, и во все время до следующей выставки, уже не возвращалась к ним; с закрытием ворот, академия художеств как бы совершенно умирала для публики, и ея огромное, прекрасное здание, как бы переставало существовать для петербургских жителей; в продолжение каждаго трехлетия, не находишь почти ни одного любопытнаго, который заглянул бы в ея залы, не смотря на то, что там постоянно есть чем полюбоваться. Единственными и чрезвычайными посетителями зал,

Digitized by Google

въ то время, бывали заѣзжіе иностранцы, ученые и путешественники, въ числѣ которыхъ мы помнимъ и Гумбольта.

Кому же обязаны теперь и публика, и Академія обоюднымъ ознакомленіемъ?—Кто виновникъ радостнаго ихъ сближенія»?

Когда въ 1847 году печатались приводимыя здѣсь строки, виновникъ этотъ былъ между нами; тогда онъ не впускалъ никого въ свою мастерскую, и, въ священной тишинѣ, создавалъ небо съ Его Святыми, для плафона Исакіевскаго собора. Это былъ К. П. Брюлловъ, которому достойнѣйшій А. Е. Егоровъ, сказалъ:—«*батюшка, Карлъ Павловичъ, каждый мазокъ твоей кисти—хвала Богу*»!—Алексѣй Егоровичъ постоянно говорилъ такимъ выразительнымъ образомъ, и, въ этомъ случаѣ, онъ не могъ лучше опредѣлить высшаго дара художника. Да, Брюлловъ явился прометеемъ какъ академіи, такъ и публики. Картина *Послѣдняго дня Помпеи*, созданная подъ небомъ Италіи, во всемірной художнической мастерской, среди знаменитѣйшихъ памятниковъ искусства,—картина, которая прославила Брюллова, принесла ему рукоплесканія Европы, наполнила газеты и журналы своими описаніями, возбудила попытки создать по этимъ описаніямъ очерки, довела до крайней точки нетерпѣніе русской публики увидѣть ее у себя,—эта картина, появленіемъ своимъ въ Петербургѣ, распахнула всѣ двери галлерей въ Академіи Художествъ,—и вотъ начало сближенія нашей публики съ художественнымъ міромъ, вотъ Европейское посѣщеніе музеумовъ, вотъ новая заслуга генія!

Толпы посѣтителей, можно сказать, врывались въ залы Академіи, чтобы взглянуть на *Помпею*. Эта картина нужна была для нашей публики. Огонь Везувія и блескъ молніи, похищенные съ неба и заключенные въ раму силою искусства, пробудили еще дремавшую для искусствъ публику, большая часть которой, до той поры посѣщала академію лишь по приглашенію газетъ, или входила въ нее потому, что видѣла большой въѣздъ экипажей у ея парадныхъ воротъ. Но какъ только появилась картина *Помпеи*, ослѣпленная публика сперва изумилась предъ этимъ необыкновеннымъ произведеніемъ живописи, а потомъ, проходя удивленными глазами чрезъ всѣ части картины, которыя такъ рѣзко выдались,

Digitized by Google

одушевились пролитою въ нихъ жизнію; очарованная оптическимъ обманомъ зрѣнія, она, какъ бы выразумѣла всю прелесть и увлекательность искусства, и спуская глаза съ «*послѣдняго для Помпеи*» невольно переносила свой взглядъ на другія картины, висѣвшія по стѣнамъ той же залы. Впослѣдствіи подстрѣкнутое любопытство посѣтителей стало уже стучаться въ двери прочихъ залъ, гдѣ начали обращать на себя постоянное вниманіе зрителей и копіи съ фрескъ Рафаэля, и ряды безмолвныхъ, но много—говорящихъ, статуй; и проходившіе по заламъ Бальбуса и Библіотеки, съ большею уже внимательностію вглядывались въ плафоны Шебуева и Басина. Наконецъ посѣщенія публики такъ участились, что академическое правленіе, желая соблюсти порядокъ, который не прерывалъ бы занятій учениковъ въ залахъ, вынуждено было опредѣлить день въ недѣлю, именно воскресенье, когда открывались двери галлерей для всѣхъ посѣтителей. Вотъ также блистательный тріумфъ высокаго таланта. Онъ одинъ только можетъ дарить публику такимъ прозрѣніемъ и увлечь ее за собою по ступенямъ храма, въ которомъ царствуетъ изящное.

Брюлловъ сочувствовалъ красотѣ и всему прекрасному, какъ не сочувствуетъ иногда множество развитыхъ личностей, взятыхъ вмѣстѣ. При такихъ условіяхъ его духовнаго склада объясняется и весь избытокъ его фантазіи, которая не знала предѣловъ, и, безъ солнѣнія, не могла примириться съ дѣйствительностію, что и было поводомъ къ его своеобразной жизни. Работая на лѣсахъ въ куполѣ Исакіевскаго собора, Брюлловъ говорилъ: «*мнѣ тѣсно! я бы теперь расписалъ небо!*—Изумленные ученики, спросили его: – гдѣ жъ бы вы набрали сюжетовъ?—«*я изобразилъ бы на немъ всѣ религіи народовъ, которыя существовали отъ сотворенія міра, и торжество надъ всѣми христіанской*».

Въ минуты восторженности, которыми можно считать почти всю жизнь великаго художника, онъ, не забывалъ Того, высокое подобіе Котораго онъ представлялъ на землѣ. Въ эти счастливыя, ничѣмъ неоцѣнимыя минуты творчества, Брюлловъ говорилъ:—«*За что я такъ счастливъ? За что такъ милостивъ ко мнѣ Богъ*»?

770759A
Digitized by Google

При высшемъ дарованіи отъ Бога, Брюлловъ съ юношескихъ лѣтъ со всею страстью и любознательностію отдавался чтенію, и пристрастилъ къ нему и ближайшихъ своихъ сотоварищей. Страсть къ чтенію, вслѣдствіе желанія ознакомиться съ исторіею человѣчества и съ поэтическими положеньями необычайныхъ людей и героевъ, развивалась въ немъ вмѣстѣ съ развитіемъ его необыкновенной воспріимчивости и вообще тонкихъ способностей быстраго соображенья и еще быстрѣйшей фантазіи. Чтеніе Вальтеръ Скотта, Шиллера, Шекспира, Державина, Пушкина, наконецъ историческихъ авторовъ, каковы Гольдсмитъ, Ранке, Нибуръ, и другіе, составляли его наслажденіе, и въ нихъ онъ почерпалъ новыя освѣжительныя силы къ созданію. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, часто, лежа въ постелѣ, въ глубокую ночь,—Карлъ Павловичъ останавливалъ читавшаго ему ученика и объяснялъ ему красоты сочиненія. Жажда познаній была въ немъ равна силѣ самаго творчества.

Нельзя забыть, какъ этотъ художникъ, уже завладѣвшій Европейскою славою, занималъ скромное мѣсто на скамьѣ между студентами петербурскаго университета; съ какою ученическою внимательностію слушалъ онъ лекціи *исторіи развитія* и *сравнительной анатоміи*, въ часы, принадлежавшіе почтенному профессору С. С. Куторгѣ.—Какъ теперь помнимъ тѣ ночи, которыя Карлъ Павловичъ, по приглашенію молодаго астронома (къ сожалѣнію фамиліи не припомнимъ) проводилъ на обсерваторіи, что въ зданіи академіи наукъ, на берегу Невы. Надо было видѣть, въ какомъ восторгѣ былъ нашъ славный художникъ, когда усмотрѣлъ въ трубу Сатурна съ его кольцомъ, проходившаго черезъ меридіанъ. Благоговѣніе его предъ дивнымъ построеніемъ вселенной и предъ ея Создателемъ высказывалось какъ-то особенно краснорѣчиво. Окружающіе молчали; говорилъ о законахъ построенія міра одинъ Брюлловъ; и говорилъ такъ, что и молодой астрономъ заслушался. Живши въ Болоніи К. П. бесѣдовалъ съ астрономами, и такимъ образомъ изучалъ науку о свѣтилахъ.

Какъ часто Брюлловъ бралъ въ руки кисть и карандашъ, такъ рѣдко принимался за перо; онъ считалъ наказаніемъ написать

Digitized by Google

даже нѣсколько строкъ къ короткому знакомому (*); говорилъ же онъ такъ образно, такъ увлекательно, особенно когда рѣчь касалась искусства, что и глубокіе мыслители, и ученые, и поэты, и опытнѣйшіе художники, обращались около него всѣ въ слухъ и вниманіе. Логика его была ясна и чиста, и потому неудивительно, что всегда свѣтлая мысль его, облеченная въ высшія поэтическія формы, привлекала и порождала въ немъ самомъ, да и въ другихъ, новыя вереницы блестящихъ и счастливыхъ идей. Такова обаятельная сила генія, который прочувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ красоты міра духовнаго и матеріальнаго; говорилъ онъ быстро и одушевленно; глаза его, заключенные глубоко въ своихъ впадинахъ, въ минуты его разговора, загорались особеннымъ огнемъ; прекрасно округленное и благородное чело обличало его геніальную породу; а игра физіономіи не дала бы въ эти минуты возможности снять съ него портрета и лучшему портретисту.

Когда Брюлловъ отдавался всей душой своимъ занятіямъ, тогда онъ забывалъ всё кругомъ себя и часто налагалъ на себя постъ. Кисть его едва поспѣвала за плодовитостью его фантазіи; въ головѣ этого художника образы добродѣтели и порока безпрестанно смѣнялись одинъ другимъ; цѣлыя историческія событія мгновенно разростались въ самыхъ яркихъ краскахъ, въ страшныхъ объемахъ, и, со всѣми разнообразными оттѣнками, рисовались его воображенію.

Какъ всѣ высшія поэтическія натуры Брюлловъ былъ чувствителенъ, впечатлителенъ и раздражителенъ до крайности.

Совѣтъ его или замѣчаніе ученику, высказанныя всегда чрезвычайно мѣтко и сильно, глубоко залегали въ памяти юнаго художника, и передавались, какъ драгоцѣнность, отъ одного друго-

(*) Живши въ Италіи, Брюлловъ, по собственному признанію, получилъ изъ дому до пятнадцати писемъ; но ни на одно не собрался отвѣчать. Изъ Петербурга какъ-то, уже по возвращеніи изъ-за границы, онъ черкнулъ нѣсколько строкъ, въ Москву, В. А. Тропинину, — и въ этомъ случаѣ судьба какъ бы посмѣялась надъ нимъ; онъ не дождался отвѣта, потому что нашъ славный маститый портретистъ, въ свою очередь, выражается о перепискѣ такъ: *лучше написать два портрета, чѣмъ письмо.*

Digitized by Google

му; и потому неудивительно, если при столкновеніи съ безтолковымъ ученикомъ знаменитый нашъ профессоръ выходилъ изъ себя, и, по своей страстной, энергической натурѣ, дарилъ его рѣзкими эпитетами. Противорѣчій онъ не любилъ,—и въ случаѣ упорства со стороны молодаго художника за свою идею, легко переходилъ къ худо скрываемому гнѣву и ѣдкимъ насмѣшкамъ; но по природѣ своей Брюлловъ былъ добръ, и всегда былъ готовъ помочь совѣтомъ развивающемуся дарованію. Онъ, какъ матка цыплятами, былъ постоянно окруженъ то одной, то другой группой молодыхъ художниковъ, и, какъ самъ сознавался, предпочиталъ бесѣду съ молодежью бесѣдѣ стариковской. Чего онъ только не переговорилъ объ искусствѣ, чего онъ не разъяснялъ намъ въ этихъ незабвенныхъ бесѣдахъ, послѣ которыхъ взглядъ каждаго изъ насъ свѣтлѣлъ и желаніе создавать тѣснило грудь!

Академикъ Мокрицкій, нынѣ преподаватель въ здѣшнемъ училищѣ живописи и ваянія, занимался въ мастерской Карла Павловича нѣсколько лѣтъ, и занёсъ въ тетради слова Брюллова объ искусствѣ, чѣмъ оказалъ большую услугу какъ всему художественному міру, такъ и всѣмъ лицамъ, причастнымъ послѣднему. Надѣемся, что эти любопытныя записки вскорѣ будутъ напечатаны.

Теперь обратимъ вниманіе на первоначальныя попытки Брюллова въ живописи. Первая программа, *Нарцисъ*, написанная имъ, въ настоящій ростъ, и находящаяся нынѣ въ академіи, обратила на себя общее вниманіе Академіи. Старшій профессоръ и наставникъ Брюллова, Андрей Ивановичъ Ивановъ (*), не бывши богатъ, хотѣлъ пріобрѣсти эту программу себѣ, на собственныя деньги. Программа, за которую К. П. получилъ большую золотую медаль, имѣла сюжетомъ: *Авраамъ угощаетъ трехъ Ангеловъ*; она также находится въ Академіи, и изобличаетъ мастера своего дѣла уже и въ то время; въ ней выказывается полное обладаніе изящнымъ рисункомъ, пріятный и неподражательный колоритъ и наконецъ благородство композиціи. А каково было изу-

(*) Отецъ Александра Андреевича Иванова, оканчивающаго въ Римѣ картину—*проповѣдь Св. Іоанна въ пустынѣ*. Его же неподражаемая *Магдалина, встрѣчающая Христа въ вертоградѣ*, находится въ новомъ Петербургскомъ музеумѣ.

Digitized by Google

ченіе, какова была строгость къ самому себѣ, какова была самотребовательность со стороны Брюллова? По свидѣтельству К. И. Рабуса, товарища знаменитаго живописца и работавшаго рядомъ съ его кабинетомъ, программа *Авраамъ и три Ангела*—передѣлывалась до восьми разъ, чему нельзя не вѣрить взглянувъ только, какой слой красокъ покрываетъ холстину этой картины.

Брюлловъ былъ отправленъ въ Италію на счетъ общества поощренія художниковъ. Тамъ-то, лицомъ къ лицу съ Рафаэлемъ (*), Микель Анджело, Перуджино, Леонардо-да-Винчи, и другими свѣтилами искусства, геній Брюллова быстро раскинулъ крылья и божественный лучъ вполнѣ просіявшаго творчества опалилъ всё существо избранника неба; таинственъ и многимъ недоступенъ тотъ духовный разговоръ, который веденъ былъ Брюлловымъ, съ фрескою Рафаэля—*Аѳинская школа*;—и когда это произведеніе совершенно упадетъ прахомъ со стѣны Ватикана, тогда и сами итальянцы придутъ въ нашу Академію, взглянуть на второе произведеніе Рафаэля, явившееся изъ-подъ кисти Брюллова (**).

Пока мы соберемъ полныя свѣденія о всѣхъ работахъ, произведенныхъ Карломъ Павловичемъ въ Италіи, назовемъ теперь нѣкоторыя, которыя первыя приходятъ на память. Кто не знаетъ *итальянскаго утра и полдня*? Кто невспомнитъ очаровательной картины, изображающей *дѣтей графа Витгенштейна, съ нянею—итальянкою?* Увлекательной красоты *Вирсавія, вступающая, съ помощію прислужницы своей арабки, въ ванну*; картина эта, которая, въ минуту недовольства художника своимъ трудомъ была прорвана пущенымъ въ нее сапогомъ, въ скоромъ времени прибудетъ въ Москву; она пріобрѣтена, въ Римѣ, однимъ

(*) Говоря о Рафаэлѣ, Брюлловъ выражался такъ: *этотъ человѣкъ ходилъ не по землѣ.*

(**) Нельзя забыть, какъ въ наше время, Ватиканскіе фрески Рафаэля были копированы французскими пенсіонерами, по порученію парижской академіи: иная русская баба и блиновъ такъ скоро не напечетъ; зато всѣ эти копіи, отъ первой до послѣдней, вышли комомъ; а между тѣмъ французская Иллюстрація такъ раскудахталась по этому случаю, что ну, да-на! Нѣтъ, не очень-то требовательны французы въ искусствахъ.

Digitized by Google

здѣшнимъ любителемъ, незадолго до смерти художника. А сколько портретовъ, этюдовъ, акварелей, рисунковъ, картинокъ маслянными красками? Изъ числа послѣднихъ двѣ, полныя простоты и граціи, принадлежатъ г. Самарину, и находятся въ Москвѣ. Кто не видалъ—*Послѣдняго дня Помпеи*, тотъ слыхалъ и читалъ объ этой картинѣ; въ нашемъ бѣгломъ взглядѣ невозможно дать полной оцѣнки этому необыкновенному произведенію; но видавшимъ и не видавшимъ его посовѣтуемъ прочитать статью о *Послѣднемъ днѣ Помпеи*—В. Т. Плаксина, которая будетъ вскорѣ перепечатана въ Москвитянинѣ.

Мы здѣсь, со своей стороны, скажемъ только, что слышали, въ Римѣ, о происхожденіи этой картины. Извѣстный римскій историческій живописецъ Каммучини, бывшій гораздо старше Карла Павловича, и пользовавшійся общимъ уваженіемъ отъ художниковъ и публики, въ разговорахъ, относился о послѣднемъ очень небрежно, говоря что *этотъ pittore russo способенъ только на маленькія вещи*. Когда до слуха Брюллова коснулся такой отзывъ, имъ немедленно была нанята огромная мастерская, въ улицѣ Св. Клавдія: Еще за пять лѣтъ до этого въ головѣ К. П. зародилась мысль «Послѣдняго дня помпеи» и когда, спустя одиннадцать мѣсяцевъ по Риму разнеслась вѣсть о новомъ чудѣ искусства, совершившемся въ улицѣ Св. Клавдія, Каммучини, при встрѣчѣ съ Брюлловымъ на улицѣ, просилъ его показать картину, *о которой*, говорилъ итальянецъ, «*такъ много всюду кричатъ*». Брюлловъ отвѣчалъ старому живописцу, что не стоитъ ему затруднять себя идти къ нему въ мастерскую, потому что *тамъ вещь маленькая*. Такимъ образомъ Каммучини не попалъ въ студію Карла Павловича, и впервые увидѣлъ *Послѣдній день Помпеи* лишь на публичной выставкѣ.

Извѣстно, что Вальтеръ Скотъ увидѣвъ эту картину назвалъ ее *эпопеей*; по этому поводу самъ Брюлловъ говаривалъ не разъ: *Вотъ у меня такъ былъ посѣтитель,—это Вальтеръ-Скотъ; просидѣлъ цѣлое утро передъ картиной; весь смыслъ, всю подноготную проникъ*». ПарижскаяАкадемія почтила

Digitized by Google

Брюллова почетною золотою медалью (*). Послѣ чествованій Европы Карлъ Павловичъ, чрезъ Одессу, гдѣ князь Воронцовъ встрѣтилъ его пышнымъ обѣдомъ, возвратился въ Россію.

1835 года 26 Декабря Карлъ Павловичъ пріѣхалъ въ Москву. Благодаря В. А Тропинину, художнику А. С. Ястребилову и любителю Е. И. Маковскому, мы можемъ сообщить нѣкоторыя подробности пребыванія художника въ Бѣлокаменной.

К. П. остановился на Тверской въ домѣ, бывшемъ Чашникова. Лисья шуба, согрѣвавшая его во время дороги, тутъ же была подарена имъ своему слугѣ. Самъ онъ, по пріѣздѣ, тотчасъ отправился къ товарищу своему по Академіи И. Т. Дурнову; а А. А. Перовскій, узнавъ о прибытіи знаменитаго художника, самъ перевезъ чемоданъ Брюлова, безъ вѣдома послѣдняго, на свою квартиру, въ домъ Олсуфьева на Тверской. Здѣсь онъ написалъ портретъ радушнаго хозяина (**), у котораго согласился на житье; здѣсь же онъ сдѣлалъ портретъ молодаго графа Толстаго, въ охотничьемъ платьѣ, съ собакой. Оба эти портрета превосходны, и не удивительно, потому что Брюлловъ самъ сознался, что у него «уже пять мѣсяцевъ небыло кисти въ рукѣ». *Наконецъ я дорвался до палитры*, говорилъ онъ, потирая руки, и вскорѣ написалъ эскизъ: *нашествіе Гензерика на Римъ*, о которомъ отзываются видавшіе его съ восторгомъ, и когда А. С. Пушкинъ, посѣтивши К. П., замѣтилъ ему, что картина, произведенная по этому эскизу можетъ стать выше *Послѣдняго дня Помпеи*, то онъ отвѣтилъ: *сдѣлаю выше Помпеи!*.. Потомъ онъ нарисовалъ эскизъ «Взятіе Божіей Матери на небо» карандашемъ, въ подарокъ графу Толстому; а другой эскизъ, съ тѣмъ же сю-

(*) Горасъ Вернетъ, съ компаніей, и нѣкоторые парижскіе фельэтонисты, толковали на выставкѣ во всеуслышаніе, что Брюлловъ не историческій живописецъ; но несмотря на всѣ эти толки парижская публика преимущественно приковывала свое вниманіе къ *Послѣднему дню Помпеи* и съ трудомъ, и не хотя отходила отъ этой картины.

(**) Художникъ жаловался Е. И. Маковскому, что, кажется, затемнилъ этотъ портретъ, тогда какъ послѣдній былъ написанъ какъ нельзя было желать лучше. Вотъ какъ взыскателенъ къ себѣ былъ Брюлловъ, говоривши также: «*вѣдь вы знаете, что отъ меня потребуютъ послѣ Помпеи*».

Digitized by Google

жетомъ написалъ красками для А. А. Перовскаго. Еще написать для послѣдняго *гадающую Свѣтлану*.

Съ особеннымъ удовольствіемъ приводимъ здѣсь слова Брюллова, относящіяся до его изученія образцовъ искусства и до вѣка, въ которомъ онъ жилъ. Да, *нужно было ихъ всѣхъ прослѣдить, запамятовать все ихъ хорошее и откинуть все дурное, надо было много вынести на плечахъ; надо было пережевоть 400 лѣтъ успѣховъ живописи, дабы создать что-нибудь достойное нынѣшняго требовательнаго вѣка. Для написанія Помпеи мнѣ еще мало было таланта, мнѣ нужно было пристально вглядѣться въ великихъ мастеровъ.*

Въ Москвѣ постоянно окружали К. П. художники Тропининъ, Витали, Дурновъ, Рабусъ, Тюринъ, Ястребиловъ, Сухихъ, два брата Добровольскіе, любители: Маковскій и Соколовскій, и Докторъ Шереметевскій, которые и навѣщали его; но А. А. Перовскій, движимый рвеніемъ отстранить всё то, что могло бы помѣшать занятіямъ художника, приказалъ отказывать всѣмъ этимъ близкимъ. Когда Брюлловъ узналъ объ этомъ, то въ туже минуту, не думавши захватить чемодановъ, ни даже бѣлья, пріѣхалъ къ Маковскому, жившему въ Кремлѣ, и прожилъ у него двѣ недѣли. Въ это время онъ дѣлалъ каждо-дневныя прогулки по Кремлю, отъ котораго былъ въ восхищеніи. Впечатлѣніе, произведенное на него Успенскимъ Соборомъ, онъ находилъ сроднымъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое поразило его при первомъ взглядѣ на церковь Св. Марка въ Венеціи. «*Эта масса, древность, мрачность, имѣютъ много общаго.* Онъ любовался не налюбуясь оригинальною архитектурою теремовъ, и желалъ только, чтобы ихъ водосточныя трубы были замѣнены драконами. Сверхъ того онъ ѣздилъ на Воробьевы горы, гдѣ былъ пораженъ видомъ Москвы, и ѣздилъ также въ Архангельское, картинною галлерею котораго остался не доволенъ, напавши въ особенности на Давида и на всю его сухую и безжизненную школу (*). Живши

(*) Тутъ же при воспоминаніи о живописи Рубенса, онъ говорилъ, что этотъ художникъ опрокинулъ всѣ Академіи и слѣдовалъ внушенію своего генія.

Digitized by Google

у г. Маковскаго онъ сильно страдалъ лихорадкою и головною болью, отъ которой вылѣчилъ его докторъ Шереметевскій не принимавши отъ него платы. Брюлловъ нарисовалъ его портретъ карандашемъ; тогда же онъ нарисовалъ карандашемъ портретъ г-жи Маковской; началъ также портретъ ея же масляными красками, и когда увидалъ старика архитектора Таманскаго, то, сказавъ хозяину дома: «*кажется, это хорошій человѣкъ*», нарисовалъ и его портретъ чернымъ карандашемъ. Въ это время покойный Мосаловъ, обладавшій не большой, но прекрасной галлереей, присылалъ къ Брюллову съ предложеніемъ сдѣлать альбомный рисунокъ за 4 тыс. асс.; но художникъ на отрѣзъ отказалъ, говоря: «*я теперь заденьги не работаю, а работаю даромъ для моихъ московскихъ друзей*». Часто бывавши у Дурнова, онъ написалъ извѣстный Московской публикѣ портретъ жены его; тамъ же онъ сдѣлалъ еще пять портретовъ, карандашемъ и красками съ самого Дурнова и его родственницъ. Обладая удивительною способностію подмѣчать смѣшныя стороны людей, К. П. не пощадилъ и окружавшихъ его, говоря имъ: «*Да ужъ такіе сдѣлаю карикатуры, что жены отъ васъ откажутся*».

И. П. Витали много хлопоталъ, чтобы сдѣлать бюстъ Брюллова; но послѣдній отзывался тѣмъ, что сидѣть не можетъ. Однако Витали добился своего, и чтобы развлечь Брюллова во время сеансовъ, ему читали книги. Съ этой поры Брюлловъ поселился у Витали, который наконецъ взялъ чемоданъ художника отъ Перовскаго. Здѣсь Пушкинъ предлагалъ Брюллову сюжетъ изъ жизни Петра Великаго; но К. П. объяснилъ ему имъ самимъ избранный сюжетъ изъ жизни Великаго Монарха, и объяснилъ такъ, что, по свидѣтельству Маковскаго, просто написалъ картину словами. Пушкинъ былъ пораженъ огненною рѣчью художника. При дальнѣйшемъ разговорѣ этихъ славныхъ людей, А. С. говорилъ К. П: *У меня, братъ, такая красавица-жена, что будешь стоять на колѣняхъ и просить снять съ нее портретъ*»!

Въ тоже время, какъ Витали дѣлалъ бюстъ, Дурновъ нарисовалъ портретъ Брюллова: «*Похожъ-то, похожъ*, замѣтилъ послѣдній, *но каррикатурень*»! *Такіе-то портреты доступны всѣмъ дюжиннымъ живописцамъ и иногда дѣтямъ*; *но*

Digitized by Google

удержать лучшее лица и облагородить его,—вотъ настоящее дѣло портретиста»!

Разъ какъ-то Дурновъ хотѣлъ пошутить надъ К. П., и указывая на посредственную живопись, сказалъ: «А вѣдь тутъ много Брюлловскаго стиля»?—«*Нѣтъ*, отвѣтилъ К. П., *тутъ, Ваня, много Дурнова*»!

В. А. Тропининъ, всматриваясь въ красивую, оригинальную голову геніальнаго художника, вскипѣлъ желаніемъ написать его портретъ, и воспользовавшись тремя сеансами, сопровождавшимися опять чтеніемъ, сдѣлалъ превосходный и лучшій портретъ Брюллова. Ужъ не говоря объ исполненіи головы, самыя кисти рукъ и фигура исполнены поразительнаго сходства, такъ что одинъ изъ любителей говоритъ, еслибъ закрыть голову въ этомъ портретѣ, то по остальному всегда можно узнать Карла Павловича.

Вечера, проведенные имъ въ домѣ Витали, были постоянно посвящены чертежамъ и разсматриванію коллекціи эстамповъ, принадлежавшей Иванчину-Писареву, который самъ привозилъ ихъ. Послѣдній собиралъ 40 лѣтъ эту коллекцію и былъ знатокомъ въ эстампахъ; но когда Брюлловъ началъ разъяснять ихъ достоинства и недостатки, то и самъ Иванчинъ-Писаревъ стоялъ передъ нимъ, какъ бы школьникъ, внимательно выслушивающій урокъ отъ учителя.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ кто-то привезъ только что вышедшаго изъ печати *Ревизора* Гоголя. Когда онъ былъ прочитанъ, Брюлловъ былъ внѣ себя отъ восторга: *Вотъ она, истинная натура*, говорилъ онъ, и самъ началъ читать его въ слухъ, говоря за каждый персонажъ особеннымъ голосомъ. Весь этотъ вечеръ былъ посвященъ Брюлловымъ Ревизору Гоголя.

Прогуливаясь съ своими московскими друзьями, на Святой, подъ Новинскимъ, Брюлловъ увидѣлъ на балаганѣ вывѣску: панорама *Послѣдняго дня Помпеи*; а внизу было выставлено имя содержательницы балагана, мадамъ Дюше. «*Войдемте*, сказалъ онъ, *это любопытно*». «*Чудо*! вскрикнулъ онъ, увидавъ грубѣйшую каррикатуру на свое произведеніе,—и всѣ окружавшіе его, съ нимъ вмѣстѣ, покатились со смѣху. При выходѣ изъ балагана К. П. замѣтилъ обладательницѣ панорамы, сидѣвшей при продажѣ билетовъ: «*нѣтъ, мадамъ Дюше, у тебя Помпея никуда*

Digitized by Google

негодится»!—«Извините, отвѣтила ему обиженная мадамъ, самъ художникъ Брюлловъ былъ у меня (*) и сказалъ, что у меня освѣщенія больше, нежели у него».

Москва въ лицѣ художниковъ, ученыхъ и любителей искусствъ, чествовала великаго художника хлѣбомъ-солью. Великолѣпный обѣдъ былъ данъ въ только-что учреждавшемся въ то время художественномъ классѣ, помѣщавшемся въ бывшемъ домѣ Долгорукаго, на Никитской. Любимый Москвою пѣвецъ Лавровъ привѣтствовалъ славнаго гостя сочиненными на этотъ случай куплетами. Обильный и веселый обѣдъ ознаменовался, по просьбѣ Брюллова, увольненіемъ двухъ учениковъ художественнаго класса отъ крѣпостнаго состоянія. Одинъ изъ этихъ учениковъ Липинъ, впослѣдствіи, былъ вызванъ К. П. въ Петербургъ. «*Пришлите моего сынишку*», писалъ онъ въ Москву о Липинѣ.

Достойнѣйшій градоначальникъ князь Д. В. Голицынъ два раза почтилъ Брюллова своимъ посѣщеніемъ и подалъ мысль, вмѣстѣ съ московскимъ архитекторомъ М. Д. Быковскимъ, и другими почитателями таланта Брюллова, заказать ему картину Москвы 1812 года. «*Я такъ полюбилъ Москву*, говорилъ К. П., *что напишу ее при восхожденіи солнца и изображу возвращеніе ея жителей на разореное врагами пепелище*».

Мы помнимъ, какъ онъ хлопоталъ собрать матеріалы для этой картины, которая, къ общему сожалѣнію, не осуществилась, и похоронена вмѣстѣ съ ея создателемъ.

Точно, Брюлловъ горячо полюбилъ Москву. Стоя на колокольнѣ Ивана великаго, онъ словесно рисовалъ десятки яркихъ историческихъ картинъ:—и чудился ему Самозванецъ, идущій на Москву съ своими буйными дружинами; то проходилъ въ его воображеніи встревоженный Годуновъ; то доносились до него крики стрѣльцовъ и посреди ихъ голосъ боярина Артамона Матвѣева; то неслись въ воздухѣ на коняхъ Дмитрій Донской и князь Пожарскій; то рисовалась около Соборовъ тѣнь Наполеона.

Я неокончилъ портретъ вашей жены, говорилъ онъ Маковскому, *чтобы имѣть случай возвратиться въ златоглавую.*

(*) Подразумѣвается, когда панорама была за границей.

Digitized by Google

Славно въ Москвѣ! И еслибы мнѣ пришлось помѣститься на хлѣбахъ; то я пошелъ (бы къ В. А. Тропинину. «Нелюблю я этихъ званыхъ обѣдовъ; на нихъ меня показываютъ, какъ звѣря. По моему, лучше щей горшокъ, да каша; за то дома, между друзьями». Съ такимъ взглядомъ на обѣды К. П. часто обманывалъ приглашающихъ его, или являлся на пышный банкетъ, покушавши запросто дома.

У Витали Брюлловъ жилъ до самаго отъѣзда и нерѣдко поправлялъ его глиняныя работы. И по нынѣ, безъ сомнѣнія, замѣчательный скульпторъ высоко цѣнитъ мысли и замѣчанія покойнаго художника.

Уже взятъ былъ билетъ на отъѣздъ въ Петербургъ, какъ вдругъ оказалась невозможность ѣхать; вотъ какъ это случилось: въ тотъ-же вечеръ у Маковскаго, гдѣ присутствовалъ Брюлловъ, пѣлъ покойный Варламовъ; у Брюллова спросили: почему вы не ѣдете?—*«матушка А. Д. Соколовскаго, эта славная старушка, жаловалась мнѣ сей часъ, что съ ней никто нехочетъ гулять; я далъ слово отправиться съ ней на Воробьевы горы, и потому никакъ завтра не поѣду».* Съ Карломъ Павловичемъ вообще спорить было трудно. Деньги за билетъ пропали и принуждены были взять для него другой.

На прощальномъ вечерѣ у Витали Брюлловъ сдѣлалъ прекраснѣйшій рисунокъ: Рыцарь, отъѣзжающій на конѣ и Дульцинея, смотрящая на него изъ окна. *«Этотъ рыцарь*, говорилъ онъ, *я самъ; я безпрестанно уѣзжаю».* И точно, К. П., живши въ Римѣ, очень часто мгновенно исчезалъ: то вдругъ очутится въ Неаполѣ, или въ Болоніи, или въ Римскихъ окрестностяхъ. Когда былъ оконченъ рисунокъ Рыцаря, всѣ присутствовавшіе, кромѣ Маковскаго, на перерывъ выпрашивали его себѣ на память; но Брюлловъ, отдавая рисунокъ Е. И. Маковскому, сказалъ: *«вотъ кому»!*

На другой день весь близкій кружокъ друзей и почитателей Брюллова собрался въ конторѣ дилижансовъ первоначальнаго заведенія, а оттуда проводилъ знаменитаго художника до Всесвятскаго.

Digitized by Google

По пріѣздѣ Брюллова въ Петербургъ, Академія приготовила своему дорогому вскормленнику встрѣчу и празднество. Это было въ 1836 году, 11 іюня. Величавыя галлереи, наполненныя антиками, получили праздничный видъ; казалось самыя статуи, игравшія важную роль въ художественномъ образованіи Брюллова, принимали участіе въ готовившемся торжествѣ. У входа помѣщались ученики, и часть ихъ составляла оркестръ и хоръ, приготовившій привѣтствіе въ стихахъ (*). Оркестръ духовой музыки находился въ концѣ залы. Всѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали появленія геніальнаго мастера; наконецъ двери распахнулись — вошелъ Брюлловъ, окруженный маститыми представителями Академіи и всѣми ея членами-художниками. Запѣли привѣтствіе; голоса и ноты, находившіеся въ рукахъ поющихъ, дрожали отъ сильнаго душевнаго волненія; но вскорѣ оркестръ и хоръ слились въ полную гармонію, которая завершилась громкими, единодушными криками; « да здравствуетъ Брюлловъ! » Полковой оркестръ загремѣлъ торжественнымъ маршемъ, и всѣ двинулись, чрезъ амфиладу залъ, къ обѣденному роскошно убранному столу, который располагался въ той самой залѣ, гдѣ была помѣщена картина Послѣдняго дня Помпеи. Неизгладимо впечатлѣніе, когда вся шумная масса старыхъ и молодыхъ художниковъ, перешагнувъ порогъ залы, въ которой находилось знаменитое произведеніе, прямо противъ двери, въ одно мгновеніе смолкла, и взоры всѣхъ устремились на создателя, созерцавшаго свой трудъ въ новомъ мѣстѣ, при новомъ освѣщеніи. Вслѣдъ за этимъ крики ура смѣшались съ шумомъ садившихся за столъ. Веселый говоръ, привѣтствія, избранныя музыкальныя піэсы, исполняемыя оркестромъ, воспоминанія прошлаго, поздравленія, возгласы учениковъ, громоздившихся въ сосѣдней залѣ другъ на друга и на табуреты, дабы лучше разсмотрѣть виновника празднества;

(*) Стихи были написаны ученикомъ-архитекторомъ Норевымъ, чрезвычайно даровитымъ и пріобрѣтшимъ знаніе нѣсколькихъ языковъ самоучкою. Онъ уже съ десятокъ лѣтъ ѣздитъ и ходитъ по Кавказу, и обогащаетъ портфели свои снимками съ тамошнихъ древностей. Часть ихъ изготавливается уже въ гравюрѣ, въ С.-Петербургѣ, граверомъ Андрузскимъ.

Digitized by Google

все это сливалось въ какой-то торжественный аккордъ, выражавшій удивленіе и любовь къ генію. Въ исходѣ обѣда тостамъ не было конца. Когда встали изъ-за стола, Брюллову были представлены лучшіе ученики; онъ ихъ обласкалъ, пожималъ имъ руки, дѣлалъ вопросы, — и этого уже было довольно, чтобы великій художникъ завладѣлъ горячимъ сочувствіемъ остальной массы учениковъ. Брюлловъ раскланялся, и, провожаемый ближайшими къ нему профессорами, ушелъ домой. Тутъ же инспекторъ классовъ объявилъ, что по случаю такого торжественнаго дня, ученики могутъ идти на свиданіе съ родственниками; мигомъ юное поколѣніе художниковъ вооружилось фуражками и полетѣло по домамъ разсказывать, безъ сомнѣнія, каждый по своему, о незабвенномъ днѣ встрѣчи Брюллова. Нѣкоторые изъ насъ, которые были постарше, совершенно одурѣвшіе отъ пламеннаго восторга и безвыходной радости, бросились въ ближайщую кондитерскую съ новыми криками: да здравствуетъ Брюлловъ! Содержатель ея принялъ насъ за съумасшедшихъ; однако дѣло разъяснилось въ нашу пользу и хозяина, когда было спрошено нѣсколько бутылокъ искрометнаго.

Хотя въ Петербургѣ для Брюллова не было тѣхъ климатическихъ и другихъ удобствъ, какія повсюду представлялись ему въ Италіи; но мастерская его наполнилась произведеніями, обличавшими всю многостороннюю его дѣятельность. Тамъ можно было увидѣть *Ангела Пери*, исполненнаго божественной красоты; преклонить колѣна предъ *Распятіемъ Христа* (*) и *Св. Троицею* (**); молиться *Божіей Матери, несомой ангелами на небо* (***) и *Іисусу во Гробѣ* (****). Тамъ восхищались красотами востока въ картинахъ—*Марія между одалисками* и *Прогулка султанскихъ женъ*; тамъ воспоминаніе Брюллова рисовало кра-

---

(*) Нынѣ въ Петербургѣ, въ Лютеранской Петропавловской церкви.

(**) Въ монастырѣ Св. Сергія, подъ Петербургомъ.

(***) Въ Петербургѣ, въ Казанскомъ Соборѣ.

(****) Въ домашней церкви Графа Адлерберга.

Digitized by Google

соты Италіи. Тамъ же можно было встрѣтить чуть не живыхъ, едва не говорящихъ *Крылова*, *Кукольника*, *Кн. Оболенскаго*, *г-жу Бекъ*, *Кн. А. Н. Голицына*, *Княгиню Салтыкову* и другихъ, которыхъ обезсмертила кисть Брюллова. Да и какихъ сторонъ жизни и искусства не касался отошедшій геній. То представлялся ему ужасный *Гензерикъ*, *грабившій Римъ*; то видѣлось *Пробужденіе малютки*, отъ летаргіи, въ смертномъ домѣ; малютки, чуждаго, посреди окружающихъ его гробовъ, страха смерти, и играющаго въ своемъ гробикѣ цвѣтами, которыми убрали младенца нѣжные родители. Эскизъ его *Невинность покидаетъ землю* есть совершенство по сочиненію и по краскамъ; фигуры сюжета, хотя и проникнуты одною общею, непосредственною мыслію, представляютъ два эпизода, которые дѣлятъ такъ сказать картину на двѣ половины, —нижнюю и верхнюю; внизу, на первомъ планѣ, посреди роскошной растительности, красавецъ и красавица-любовники, сладострастно раскинулись на пурпурѣ; въ объятіяхъ другъ друга, они забыли все остальное въ мірѣ; — и даже чашу нектара около нихъ опрокинутую; неподалеку алчный старикъ, пересчитывая свое золото, прячетъ его отъ постороннихъ взглядовъ; тутъ же, изъ-за дерева зависть своими всепоглощающими глазами смотритъ на любовниковъ и на скареда. Далѣе два друга обнимаются, и въ то же время, одинъ другаго, скрытно готовы поразить кинжалами; на горизонтѣ война и пожаръ; надъ всѣми этими группами, проникнутыми живымъ, блестящимъ, страстнымъ колоритомъ, такимъ же сильнымъ, какъ самыя страсти, разстилается тихое, прозрачное, свѣтлое небо; на этомъ фонѣ художникъ изобразилъ невинность въ образѣ молодой дѣвушки; подбирая складки бѣлаго воздушнаго покрывала, которымъ она цѣломудренно закрыта, и которое, по видимому, разстилалось на всемъ окружавшемъ, она отлетаетъ въ небеса, бросая послѣдній сострадательный взглядъ на землю. Гармонія тоновъ и соотвѣтственность колорита къ содержанію здѣсь изумительны.

Брюлловъ нисколько не былъ похожъ на тѣхъ художниковъ, которые, сочиняя картину на бумагѣ, приставляютъ одну фигуру къ другой, и прилаживаютъ группу къ группѣ; картина, его

Digitized by Google

прежде чѣмъ являлась на холстѣ задолго еще готова была въ головѣ его. Кто, какъ не Брюлловъ былъ поклонникомъ красоты; кто, какъ не онъ восхищался и прекраснымъ торсомъ, и красивой колѣнкой натурщика; часто случалось ему говорить по поводу какой нибудь отдѣльной красивой части натурщика: —«*Смотрите, цѣлый оркестръ въ ногѣ*». Но этимъ онъ еще не довольствовался — его побуждали къ созданію не однѣ отдѣльно взятыя изящныя формы; онъ любилъ ихъ страстно какъ ближайшія и совершеннѣйшія средства для выраженія внутренней жизни, для проявленія своихъ идеаловъ.

Постоянно настроенный къ служенію искусству, Брюлловъ, во всю свою жизнь не переставалъ изучать встрѣчающееся прекрасное,— да и по природѣ своей, онъ никогда не могъ быть къ нему равнодушенъ; его тонкая наблюдательность всегда была на сторожѣ; отъ его зоркаго глаза не ускользали ни случайныя игры свѣта, ни необыкновенное сліяніе тоновъ, ни стройная шея лебедя, ни красиво растущее дерево. Всякій предметъ, пробуждавшій пріятное впечатлѣніе красоты, сильно напечатлѣвался въ памяти генія; и это-то самое памятованіе и способствовало художнику къ воспроизведенію такихъ прелестей, образцы которыхъ были отъ него самого за тысячи верстъ. Гдѣ былъ Брюлловъ — тамъ было и изученіе. Часто во время разговора, Карлъ Павловичъ вдругъ просилъ своего собесѣдника не двигаться съ мѣста; что же?... или лицо собесѣдника освѣтилось особеннымъ образомъ или поразила его въ этомъ лицѣ необыкновенная рефлекція, и проч. Такъ покойный академикъ Яненко (*), сидѣвшій какъ-то въ его гостиной, внезапно и сильно освѣтился лучемъ солнца. «Сиди», вскрикиваетъ Брюлловъ, и заставляетъ Яненку снять сюртукъ и надѣть латы. Въ мгновеніе первый попавшійся подъ руку художника холстъ очутился на мольбертѣ; а чрезъ часъ времени изъ-подъ кисти Брюллова явился превосходнѣйшій портретъ академика, преображеннаго въ рыцаря. Глядя на эту голову такъ и думаешь, что это одинъ изъ *красноголовыхъ*. Брюлловъ

(*) Яковъ Ѳедосѣичъ Яненко, тотъ самый, большая копія котораго съ Тиціана находится въ Московскомъ училищѣ Живописи и Ваянія.

Digitized by Google

говорилъ о Рембрантѣ, что онъ похитилъ солнечный лучъ. Мы теперь можемъ сказать тоже самое о Брюлловѣ; присутствіе свѣта и воздуха въ большей части его картинъ поразительно. Нѣкоторые упрекаютъ его въ излишней цвѣтности и рѣзкости красокъ, и это точно встрѣчается у него въ картинахъ не совсѣмъ конченныхъ. Сильно чувствовавши краски, онъ не могъ не переносить ихъ сильно на холстъ; тѣло въ его подмалевкахъ въ высшей степени выразительно живо, и даже въ иныхъ картинахъ нѣсколько пестро; но у него, несравненно болѣе другихъ, конецъ вѣнчалъ дѣло. Карлъ Павловичъ крайне былъ взыскателенъ въ оконченности; но почему же онъ самъ не всегда доводилъ свои картины до совершеннаго окончанія? — У насъ общепринято говорить въ такомъ случаѣ, что онъ не имѣлъ на это достаточно терпѣнія. Но почему же не уживалось съ нимъ терпѣніе, когда имъ владѣетъ и послѣдній изъ живописцевъ? Отвѣтимъ: посредственность рада-рада, когда ей удастся высидѣть сочиненіе картины и сплотить нѣсколько группъ вмѣстѣ; холодное ея вниманіе поглощено на долго однимъ сухимъ исполненіемъ предмета, и тутъ иногда доходитъ дѣло чуть не до чеканки кистію; но не такова плодовитая натура художника, изобилующаго вымыслами на столько, что жизни его, помноженной на десять разъ, не хватило бы на осуществленіе этихъ вымысловъ. Этотъ-то избытокъ фантазіи и составлялъ часто помѣху въ окончательности произведеній генія, у котораго въ минуты дѣятельности вся душа помѣщалась, такъ сказать, на концѣ кисти; здѣсь было не только напряженіе физическихъ силъ; но напряженіе всего духовнаго состава человѣка. Брюлловъ писавши Помпею доходилъ до такаго изнеможенія силъ, что не рѣдко его выносили изъ мастерской, что мы слышали отъ него самого и отъ римской натурщицы Манникучи. Иначе онъ работалъ и многія изъ своихъ картинъ. Такое построеніе не всегда зависитъ отъ воли человѣка и оно не можетъ повторяться часто на одномъ и томъ же предметѣ, почему охлажденіе къ собственному труду становится понятно. Высокое само-наслажденіе порождалось въ художникѣ при первомъ приступѣ къ картинѣ; въ эти минуты творчества, когда кисть Брюллова

Digitized by Google

вызывала на холстъ невидимые до того образы, художникъ находилъ высшее удовлетвореніе въ своей дѣятельности; снова повторимъ, что восторженное состояніе души, истекавшее изъ стройнаго сліянія фантазіи, ума и воображенія, не могло повторяться въ тойже силѣ, въ тойже степени впослѣдствіи; дабы при окончаніи проникнуться вновь содержаніемъ картины, со стороны художника требовались уже намѣренныя усилія, а при избыткѣ фантазіи Брюллова, это было не легко; онъ самъ лучше всѣхъ понималъ это, и потому, при подмалевкахъ картинъ, — особенно большаго размѣра, — онъ уже не отрывался отъ нихъ; трудясь по цѣлымъ днямъ, цѣлыя недѣли, онъ хотѣлъ, какъ бы однимъ непрерываемымъ почеркомъ кисти, скорѣе укрѣпить на холстѣ всю цѣлость обдуманной мысли.

Иные упрекаютъ Брюллова за эффектность. Недостойно было бы великаго мастера поддѣлываться подъ требованія публики; а если онъ такъ глубоко изучившій искусство, открылъ въ немъ новыя стороны, дотолѣ неизвѣстныя, то это лишь новая заслуга генія. Странно было бы тамъ, гдѣ небо и земля вооружились всѣми ужасами противу человѣка, какъ это видимъ въ картинѣ *Послѣдняго дня Помпеи*, не употребить всѣхъ средствъ искусства для выраженія этихъ ужасовъ. Если Брюлловъ прибѣгалъ къ эффектному освѣщенію и въ портретахъ, то и это съ его стороны было дѣлано не безъ обдуманныхъ причинъ. К. П. зналъ, какую голову освѣтить обыкновеннымъ ровнымъ свѣтомъ, и для какой головы нужно свое особенное освѣщеніе, дабы выказать ихъ съ болѣе-выгодной, и болѣе привлекательной стороны.

При жизни его, нѣкоторые изъ всезнающихъ фельетонистовъ глумились надъ его живописью, и думали учить великаго художника, у котораго сами должны были учиться. Не рѣдко художники были глубоко огорчены, выслушивая отъ Брюллова истины объ искусствѣ, и читая въ тоже время безсмысленно-досужіе отзывы фельетонистовъ, которыхъ нынѣ смерть Брюллова, кажется, привела къ сознанію, что нельзя писать о немъ слегка; до сей поры ни одна газета, ни одинъ журналъ, не сказали еще ни одного слова о достоинствахъ того человѣка, съ лишеніемъ котораго публика утратила знаменитое имя, а художественный міръ свое лучезарное свѣтило.

Digitized by Google

Еще многое предстоитъ намъ сообщить читающей публикѣ о Брюлловѣ, какъ-то: подробную оцѣнку его произведеній, тѣ почетныя встрѣчи, которыя дѣлались ему, на пути на островъ Мадеру, европейскими представителями науки и искусства, пребываніе и занятіе его на островѣ, наконецъ послѣдніе дни его жизни, предсмертныя минуты и самую кончину.

Заключимъ нашу статью еще нѣсколькими воспоминаніями.

На одномъ изъ пріятныхъ вечеровъ, проводимыхъ въ домѣ нашего славнаго художника графа Ѳ. П. Толстаго, въ то время, когда въ залѣ раздавалась музыка и веселый говоръ, мы нашли К. Павловича въ угловой комнатѣ, за письменнымъ столомъ. Передъ нимъ лежалъ листъ писчей бумаги, на которомъ былъ начерченъ эскизъ перомъ. Его застали въ ту минуту, когда дѣлалъ онъ на бумагѣ чернильныя кляксы, и растирая ихъ пальцемъ, тушевалъ такимъ образомъ рисунокъ, въ которомъ никто изъ присутствующихъ ничего не могъ разобрать. При вопросѣ: что вы дѣлаете Карлъ Павловичъ? Онъ отвѣчалъ: «это будетъ осада Пскова!» и началъ за тѣмъ распутывать содержаніе эскиза изъ видѣннаго нами чернильнаго хаоса: «Вотъ здѣсь будетъ въ стѣнѣ проломъ, и въ этомъ проломѣ будетъ самая жаркая схватка.— Я чрезъ него пропущу лучь солнца, который раздробится мѣлкими отблесками по шишакамъ, панцырямъ, мечамъ и топорамъ. *Этотъ распавшійся свѣтъ усилитъ безпорядокъ и движеніе сѣчи*».

Вотъ съ какимъ глубокимъ смысломъ изыскивалъ Брюлловъ особенность и эффектъ освѣщенія.

«Здѣсь у меня будетъ Шуйскій, подъ нимъ ляжетъ его убитый конь; вправо мужикъ заноситъ ножъ надъ опрокинутымъ имъ Нѣмцемъ, закованнымъ въ желѣзные латы. Влѣво изнуренные Русскіе воины припали къ ковшу съ водою, которую приноситъ родная имъ Псковитянка; тутъ ослабѣвшій отъ ранъ старикъ передаетъ мечь свой сыну, молодому парню; центръ картины занятъ монахомъ въ черной рясѣ, сидящимъ на пѣгомъ конѣ; онъ благословляетъ крестомъ сражающихся, и много еще будетъ здѣсь эпизодовъ, полныхъ страсти, храбрости и душевной тревоги; за то выше—тамъ у меня будетъ все спокойно; тамъ я помѣщу въ

Digitized by Google

бѣлыхъ ризахъ все духовенство Пскова, со всѣми принадлежностями молитвы и церковнаго великолѣпія. Позади этой группы будутъ видны соборы и церкви Псковскія.

Многіе изъ насъ просили Карла Павловича подарить этимъ эскизомъ, сдѣлавшимся вдругъ для всѣхъ понятнымъ; но художникъ въ туже минуту разорвалъ рисунокъ, говоря: «изъ этого вы ничего не поймете!»

Такимъ образомъ мы видѣли зародышъ картины *осады Пскова*, къ сожалѣнію оставшейся неоконченной.

Мы очень хорошо помнимъ К. П., вставшаго вмѣстѣ съ солнцемъ и уходившаго въ свою мастерскую, въ то время, когда онъ былъ занятъ этой картиной. Сумерки только заставляли Брюллова покидать кисть. Такъ длились съ небольшимъ двѣ недѣли, и художникъ до того горѣлъ желаніемъ осуществить одну изъ блистательныхъ страницъ нашей исторіи, что, кажется, хотѣлъ бы обратить и ночь въ день. Никто въ это время не былъ допускаемъ въ его мастерскую, не смотря ни на какія просьбы и ни на какое лицо. Брюлловъ страшно похудѣлъ въ это время,— однимъ словомъ, *Брюлловъ работалъ*.

Позже мы увидѣли эту историческую драмму въ краскахъ; но спустя нѣсколько времени ее нельзя уже было узнать: строгій къ самому сэбѣ и не довольный началомъ своей картины, художникъ измѣнилъ первую мысль, снова заперся въ мастерской, и долгое время никому не былъ доступенъ.

Въ длинные зимніе вечера кисти и краски художниковъ обыкновенно лежатъ на покоѣ; но Брюлловъ и при свѣчахъ работалъ свои очаровательныя акварели, всегда отличавшіеся новизною мысли и силою чувства.

Мы, было, и забыли сказать о декораціяхъ, писанныхъ имъ еще въ бытность его въ Академіи, которыя такъ хороши, что, пожалуй бы, и въ раму. Лучшія изъ нихъ темница; нынѣ она находится, кажется, въ театрѣ 1-го Петерб. кадетскаго корпуса.

Digitized by Google

Брюлловъ, сильно сочувствовавшій всякому успѣху науки и искусства, по случаю изобрѣтенія дагерротипа, до того увлекся имъ и прилежно его изучалъ, что покинулъ на нѣсколько времени свою мастерскую и цѣлые дни проводилъ около дагерротипа въ саду академика Яненка, на Васильевскомъ островѣ.

Чтобы показать, до какихъ тонкостей была доступна Брюллову игра линій и контуровъ, и какой находчивостію обладалъ онъ, укажемъ на слѣдующій случай: пишущій эти строки, предъ выпускомъ изъ Академіи, окончилъ статую Фауна, играющаго съ козломъ и призвалъ Брюллова взглянуть на нее. «*Хорошо*» сказалъ К. П. «*но какъ же вы не подумали объ этомъ*» и указалъ въ это время съ профиля на пролетъ между спиною козла и двумя ногами Фауна, образовавшій равносторонній треугольникъ. Нижеподписавшійся такъ и ахнулъ, какъ не пришло ему это прежде въ голову, и былъ въ немаломъ замѣшательствѣ, потому что не переламывать же статуи, когда на другой день назначенъ экзаменъ. «*Что? испугались—небось? Бросьте кисть винограда на спину козла; вотъ такъ и уничтожите одинъ уголъ. Да и помните, что то уже не скульптура, гдѣ встрѣчается геометрическая фигура,*» и геніальный наставникъ, весело смѣясь, вышелъ изъ кабинета молодаго художника.

Идетъ общая молва, что Брюлловъ былъ очень скупъ; но въ правду ли былъ онъ такъ скупъ, какъ разсказываютъ? Не была ли это строгая бережливость, потому что не рѣдко К. П. говорилъ болѣе безпечнымъ молодымъ художникамъ; «*эй! приберегайте лучше, это деньги трудовые. Ухнуть ихъ недолго; но заработать трудно!*»

Не рѣдко К. П. ожесточался противу петербургской погоды; но прекрасныя свѣтлыя іюньскія ночи едва не приводили его въ ребяческій восторгъ; сопровождаемый молодыми художниками, дѣлалъ онъ тогда прогулки по Невѣ и на взморьѣ, въ нанятомъ яликѣ. Онъ любилъ похвастать своей силой и крѣпостью. Въ минуты веселья онъ не мало поражалъ своею звуко-подражатель-

Digitized by Google

ностію, такъ напримѣръ: онъ представлялъ цѣлый фейерверкъ, съ его ракетами съ разсыпными звѣздочками, римскими свѣчами, бураками и фонтанами. Изображая движеніемъ собственнаго лица восхожденіе солнца, заслоняемое облаками, потомъ громъ и молнію,—онъ доводилъ собесѣдниковъ до истерическаго смѣха.

У Брюллова, какъ у каждаго смертнаго, были свои слабости; вѣстовщики непреминули облечь нѣкоторые случаи изъ жизни необыкновеннаго живописца въ ужасающія формы; но мы, отобравъ подробныя свѣденія о Брюлловѣ, постараемся передать со временемъ публикѣ вѣрное и безпристрастное жизнеописаніе многолюбимаго и многочтимаго, оставившаго насъ генія.

Скульпторъ Рамазановъ.

8-го августа.

Digitized by Google

САВВУШКА.

РАЗСКАЗЪ.

(*Окончаніе*).

IV.

«Эхъ не живется людямъ-то на одномъ мѣстѣ, на тепломъ, насиженномъ гнѣздѣ! Тѣсно что ли здѣсь, или недостаетъ чего? Такъ вѣдь здѣсь Москва, не другой какой городъ.... Эхъ, Александръ Иванычь, кажется, не глупый человѣкъ, а вздумалъ журавля въ небѣ ловить. Ну, зачѣмъ ты ѣдешь почитай на край свѣта? Жалованье, говорятъ, большое даютъ, прогоны впередъ, чины черезъ три года. А на что тебѣ большое жалованье? Сытъ, слава Богу, и тѣмъ, что получаешь. А на чины-то ради чего льстишься? И безъ чиновъ ты хорошій человѣкъ, а благородный само по себѣ, никакъ уже три раза офицеръ.... Ей-Богу, досада и тоска беретъ, какъ подумаешь, что это сталось нынче съ народомъ-то, съ молодежью-то. Вѣдь вотъ сколько лѣтъ, никакъ ужъ тринадцать, живу я здѣсь; пора привыкнуть ко всякой дощечкѣ—не то что къ человѣку; а старые-то знакомые, какъ на смѣхъ, и разъѣзжаются всѣ по разнымъ сторонамъ. Ну кто останется со мной? Одинъ Васильичь—ему гдѣ не умереть, все равно. Нѣтъ ни Петра Евстигнѣича, ни Дарьи Герасимовны, ни Кузьмича; этихъ Богъ прибралъ; Саша.... да что и вспоминать про нее—лишь сердце растревожишь.... Пора, однако: чай, часовъ одиннадцать ужъ есть.»

Эти мысли, частію вслухъ, частію про себя, думались

Digitized by Google

Саввушкѣ, въ одно лѣтнее воскресенье, когда онъ собирался идти къ Сухаревой башнѣ—продавать «разныя старыя погудки на новый ладъ,» то есть кое-какое старье изъ платья, приведенное въ возможно-исправный видъ его иглою.

Благодаря своимъ прибауткамъ и балясамъ, Саввушка скоро распродалъ весь товаръ до послѣдней нитки, и, довольный такою удачею, рѣшился зайдти въ одно заведеніе, гдѣ продавались подкрѣпительныя средства. Минутъ черезъ пять онъ вышелъ оттуда почти въ полномъ довольствѣ своей судьбой, и забывъ о недавнихъ жалобахъ на нее.

Не смотря на то, что полуденный жаръ уже свалилъ, солнце еще сильно пекло. Подкрѣпивъ свои силы однажды, Саввушка счелъ не лишнимъ подкрѣпить ихъ въ другой разъ, только какимъ-нибудь прохладительнымъ напиткомъ, разумѣется не водою и не квасомъ. Выборъ мѣста для отдыха колебался между двумя заведеніями: одно, извѣстное подъ именемъ *Разграбы*, находилось у самой Божедомки; другое, съ скромнымъ прозваніемъ *Старой избы*, лежало ближе къ Сухаревой башнѣ, на Самотекѣ. Хотя въ первомъ Саввушка былъ знакомый покупатель; но, вспомнивъ, что буфетчикъ Разграбы, какъ-то на дняхъ, не повѣрилъ ему семи копеекъ, онъ выбралъ Старую избу.

«Старая изба,» дѣйствительно, заслуживала свое прозвище, и снаружи была немного лучше деревенской лачуги. Но украшавшая ее, казистая вывѣска, на которой, по синему полю, ярко блестѣла золотая надпись: «Распивочная продажа пива и меду,» а самые напитки были представлены бьющими пѣной изъ бутылокъ въ стаканы,—вывѣска эта сейчасъ приводила на память старинную пословицу, что красна изба не углами.... а веселыя пѣсни, которыя неслись изъ заведенія, раздаваясь на половину улицы, не оставляли никакого сомнѣнія, что Старая изба любитъ тряхнуть костями на старости лѣтъ и мастерица разшевеливать сердца своихъ гостей.

Саввушка вошелъ въ желанный пріютъ, уже наполненный посѣтителями. Отыскавъ себѣ укромное мѣстечко, едва онъ сѣлъ за столъ, какъ вдругъ подскочилъ къ нему Русскій

Digitized by Google

garçon, смышленое лице котораго много обѣщало для искусства торговать и плутовать, и бойко спросилъ:

— Что угодно, купецъ?

— Да бутылочку бы холодненькаго, знаешь, этакъ покрѣпче.... отвѣчалъ Саввушка.

Мальчишка скользнулъ и мигомъ воротился съ бутылкой пѣнистаго напитка въ одной рукѣ и подносомъ, на которомъ торчали стаканъ и блюдечко съ сухариками, въ другой, поставилъ ихъ на столъ, очень эффектно стукнувъ бутылкой, примолвилъ: «самое лучшее, бархатное!» и шмыгнулъ въ сторону для дальнѣйшаго отправленія своей службы.

Освѣживъ горло и оцѣнивъ достоинство напитка вторымъ стаканомъ, Саввушка осмотрѣлся кругомъ. — «Лавочка-то, подумалъ онъ, не чета Разграбѣ, да и Панфиловской не уступитъ, и пивцо хорошо.» — О достоинствѣ послѣдняго мы не можемъ сказать ничего достовѣрнаго; а лавочка, въ самомъ дѣлѣ, была очень хорошая въ своемъ родѣ. Правда, что она была изрядно закопчена, мебель въ ней носила слѣды ужъ слишкомъ патріархальной простоты, а скудный свѣтъ падалъ въ нее чрезъ полуразбитыя окна: но какого же свѣта еще требовать, когда «свѣтъ мой» — улыбающался бутылка на столѣ, а прозрачный стаканъ ожидаетъ, чтобъ наполнили его, возвеселили животворною влагой умъ и разогрѣли сердце? Впрочемъ, и украшеній было не мало въ Старой избѣ. По стѣнамъ, когда-то выкрашеннымъ желтой краской, висѣло нѣсколько «назидательныхъ картинъ, въ родѣ «мытарствъ грѣшной души»; рядомъ съ ними грустно смотрѣли изъ полинялыхъ рамъ какіе-то портреты, въ которыхъ воображеніе хозяина лавочки находило Румянцева и Потемкина. Но, умиляясь сердцемъ при видѣ тѣхъ и другихъ изображеній, посѣтители Старой избы съ особенною любовію останавливались предъ лубочною картинкою, представлявшею нѣсколькихъ усердныхъ питуховъ, съ краснорѣчивою надписью:

Пиво сердце веселитъ,
Пиво старыхъ молодитъ!

Digitized by Google

На заднемъ планѣ, въ другой половинѣ заведенія, виднѣлась на стѣнѣ декорація, изображавшая «романическое мѣстоположеніе,» и нарисованная вѣроятно, кистью «Ефрема, домашняго маляра,» который зналъ, на какихъ деревьяхъ поютъ птицы райскія, величиною съ орла, и въ какой странѣ львы походятъ на барановъ.... Главное же, по крайней мѣрѣ, существенное украшеніе и самый видный предметъ въ заведеніи составлялъ буфетъ, установленный множествомъ стакановъ и стопокъ. За нимъ присутствовалъ самъ хозяинъ—плотный мужчина, съ черною бородой, ласковой улыбкой и плутовскими сѣрыми глазами, въ красной рубашкѣ, пестромъ ситцевомъ фартукѣ, съ огромнымъ ключемъ на поясѣ и въ сапогахъ со скрипомъ. У буфета сосредоточивалась главная дѣятельность заведенія: сюда шли требованія посѣтителей и отсюда удовлетворялись они. Три взрослыхъ парня едва успѣвали разносить бутылки и снимать со столовъ опорожненныя, которыя немедленно сдавались въ ледникъ разливщику, для наполненія, и поступали снова за буфетъ. Но, не смотря на ежеминутный отпускъ и пріемъ напитковъ, на безпрестанную получку и сдачу денегъ, буфетчикъ хозяйскимъ глазомъ зорко слѣдилъ за общимъ ходомъ торговли въ заведеніи, и наблюдалъ, чтобы всѣ посѣтители оставались довольны, были угощены, какъ говорится, до самыхъ до усовъ и до бороды. То раскланивался онъ съ гостями, привѣтствуя кого просто «нашимъ почтеніемъ,» кого почтеніемъ «съ походцемъ,» т. е. нижайшимъ, кого сударемъ, иного графчикомъ, другаго купчикомъ; то живо покрикивалъ на своихъ помощниковъ, чтобы «не зѣвали, смотрѣли глазами повеселѣе, да въ оба, а не въ одинъ;» то удерживалъ прихотливаго, но почетнаго покупателя обѣщаніемъ подать «самаго лучшаго, мартовскаго,» и отыскивалъ ему спокойное мѣсто, «на самомъ веселомъ положеніи;» то доказывалъ захмѣлѣвшему гулякѣ, что «его милость» должна заплатить не за двѣ, а за четыре бутылки; то производилъ какія-то операціи надъ питіями, переливая ихъ изъ одной бутылки въ другую:—словомъ, это былъ Аргусъ по своей зоркости, держи-ухо-востро—на счетъ всего прочаго, себѣ-на-умѣ касательно благо-

Digitized by Google

состоянія собственнаго кармана.—«Шельма продувная долженъ быть буфетчикъ, а съ виду хорошій человѣкъ,» — рѣшилъ Саввушка, продолжая осматриваться.

За столами, только не дубовыми, и безъ браныхъ бѣлыхъ скатертей, сидѣли многочисленные посѣтители, наслаждаясь взаимною бесѣдою, разговоромъ съ бутылками и оглашая заведеніе пѣснями. Вездѣ говорили или гуторили, пѣли или курнывали, и всѣ эти звуки сливались въ одинъ неопредѣленный гулъ, среди котораго по временамъ господствовали громкіе возгласы буфетчика, или пѣсенное «колѣнцо» какого-нибудь парня. Гости представляли смѣсь одеждъ, лицъ и даже состояній; но по числу и голосистости первенствовали мастеровые; временными соперниками ихъ являлись извощики и изрѣдка подмосковные мужички. За большимъ столомъ, по срединѣ заведенія, уставленнымъ цѣлою «рощею» бутылокъ, засѣдала артель портныхъ, народа веселаго и гульливаго. Что это навѣрно были портные — Саввушка не могъ ошибиться: одинъ изъ нихъ щеголялъ въ модномъ сюртучкѣ, но только безъ приличнаго пижняго платья; у другаго торчало за ухомъ нѣсколько шелковинокъ; третій отличался черезчуръ «галантерейнымъ, чортъ возьми, обхожденіемъ;» а всѣ вообще были такіе характерники и артисты, что любой годился бы въ труппу бродячихъ комедіантовъ.—«Молодятинка, думалъ Саввушка, глядя на своихъ собратій по иголкѣ,—жидки больно, не то, что въ наше время; а удаль есть, ей-Богу есть, ведутъ себя съ поведеніемъ,»—и онъ любопытно началъ прислушиваться къ ихъ бесѣдѣ.

— А что, братцы, платить ли намъ за пиво? — спросилъ одинъ изъ собутыльниковъ, отличавшійся невообразимо-косматой прической и огромными усами, которые, при маломъ ростѣ его фигуры, придавали ему не очень казистый видъ.

— Ай-да Черкесъ! Эку пулю отлилъ! — возразилъ другой, съ болѣе степенною наружностію:—небось, Михалъ Михалычь не промахъ, самъ съ забористымъ перцемъ; у него и послѣдній сюртукъ оставишь за бутылку; а не то, бутарей позоветъ на расправу.

Digitized by Google

— Зачѣмъ бутарей? Онъ еще свою четверть поставитъ, только-лишь, батюшка, ступай себѣ съ Богомъ, не заводи ссоры,—продолжалъ Черкесъ съ увѣренностію.

— Полно морозить, ахинею съ масломъ несешь,—замѣтили нѣсколько голосовъ.

— А вотъ увидите. Будь пока по вашему. Хватимъ-ка, ради скуки: «Полно намъ, ребята, чужо пиво пити.» Ты, Башкинъ, запѣвай, а я буду держать втору. Ну, дружно!

Громко раздалась веселая пѣсня и покрыла собою общую разноголосицу. Подъ конецъ ея Черкесъ куда-то ускользнулъ, но скоро воротился на прежнее мѣсто.

— Теперь надо горло промочить. Ну-ка, по стаканчику!— молвилъ онъ, принимаясь за объемистую бутыль.

Собесѣдники выпили и не поморщились; но самъ разливатель едва поднесъ стаканъ ко рту, въ тотъ же мигъ плюнулъ съ отвращеніемъ, и громко крикнулъ: «Эй, буфетчикъ, Михалъ Михалычь, пожалуй-ка сюда!»

Вмѣсто буфетчика, на зовъ явился одинъ изъ служителей, и Черкесъ накинулся на него: «Нежто ты можешь подавать такое пиво? а? нежто такъ водится? а? твердилъ онъ ему, показывая стаканъ:—Развѣ приказано вамъ морить людей? Развѣ пойдетъ это кому въ душу? а? Да отъ этого и ноги протянешь къ верху. Ахъ вы мошенники! живыхъ людей морить хотите!»

Оторопѣлый парень только и повторялъ въ свое оправданіе: «Помилуйте, почтеннѣйшій! У насъ пиво хорошее....» Но Черкесъ горячился болѣе и болѣе, такъ что сосѣдніе съ портными посѣтители обступили ихъ.

На крупный разговоръ подбѣжалъ и самъ хозяинъ.

— Что за шумъ, а драки нѣтъ?—спросилъ онъ.

Черкесъ выразительно поднесъ стаканъ къ его лицу. Буфетчикъ взглянулъ и—о ужасъ!—увидѣлъ, что въ драгоцѣнномъ напиткѣ плавали кое какіе запечныя насѣкомыя.

— Солонину изъ нихъ что ли солить?—продолжалъ портной:—развѣ этакимъ товаромъ вы торгуете?

Digitized by Google

— Это по ошибкѣ, недосмотрѣніе разливщика,—произнесъ буфетчикъ въ смущеніи:—у насъ пиво первый сортъ. Какъ передъ Богомъ, по ошибкѣ; ввалились какъ-нибудь сами, безъ позволенія.

— А холера по ошибкѣ бываетъ? а? А человѣкъ по ошибкѣ умираетъ, по ошибкѣ душу сквернитъ? а? Нѣтъ, Михалъ Михалычь, у добрыхъ людей такъ не водится. Гляди-ка—въ бутылкѣ-то этого товару не оберешься. Спасибо! Ну, если кто изъ насъ, не здѣсь будь сказано, захвораетъ? Кто тогда въ отвѣтѣ, кого потянутъ? Вѣдь тебя, голова ты съ мозгомъ! Что, Михалъ Михалычь? Вѣдь здѣсь свидѣтели есть; никто душой своей не покривитъ.

— Помилуйте, господа,—смиренно замѣтилъ буфетчикъ:—пиво можно перемѣнить. Эй, Алексѣй! нацѣди князьямъ четверть Александровскаго изъ шконтика. Это будетъ моя-съ, во уваженіе вашей милости. А на счетъ такой оказіи не безпокойтесь, ужъ сдѣлайте милость, оставьте эту канитель! Бросьте, да и вся недолга.

Но Черкесъ очень основательно доказывалъ, что это дѣло не плевое, не шуточное, и пахнетъ не одной четвертью; что если повести его какъ слѣдуетъ, такъ пожалуй и двухъ ведеръ мало; извѣстно, привязка будетъ: то, се, пятое, десятое, а кариану все изъянъ да изъянъ; а слава-то какая про лавочку пойдетъ....

— Да ужъ извольте, все угощеніе мое, копейки съ васъ не возьму,—сказалъ наконецъ буфетчикъ, побѣжденный юридическими доводами Черкеса, которымъ поддакивали прочіе портные:—только бросьте эту пасквиль. Я всегда съ истиннымъ моимъ уваженіемъ къ вамъ, всякое снисхожденіе дѣлаю... такъ ужъ пожалуйста!

Послѣ нѣсколькихъ возраженій и переговоровъ, мировая была заключена съ помощію новой четверти,—и, разглаживая свои усищи, Черкесъ побѣдоносно спросилъ у артели:

— Что, ребята?

Digitized by Google

Любимъ мы тебя сердечно,
Будь начальникомъ намъ вѣчно!

затянулъ, вмѣсто отвѣта, одинъ изъ портныхъ, и артель хоромъ подхватила общее выраженіе благодарности къ ловкому штукарю.

Спустя нѣсколько минутъ, когда мировая четверть была осушена, Черкесъ опять повелъ рѣчь:

— Слушайте, ребята: атаманъ говоритъ. Знаете, какой я человѣкъ: на плута самъ прожженый плутъ, десятерыхъ проведу; на добраго человѣка — совѣсть есть. Что жъ, нечего сказать: Михаломъ Михалычемъ мы довольны завсегда: и на похмѣлье дастъ, и грамотѣ учиться какую хошь вещь возьметъ. Слушайте: отшутилъ я шутку—и баста! Прусаковъ поймалъ я здѣсь, за печкою—тамъ ихъ тьма тьмущая. За пиво мы расплатимся по чести. Сегодня покутимъ, тринкенъ биръ и шнапсъ; завтра Севрюга заложитъ пальто на похмѣлье, а потомъ маршъ въ Марьину рощу. Прости Москва, пріютъ родимый! Прочь народъ! Раздайся, разступись: портные гуляютъ!—Михалъ Михалычь, пожалуй-ка сюда!

И Черкесъ добросовѣстно объяснилъ свою продѣлку буфетчику, который, поглаживая бороду и посмѣиваясь, намоталъ себѣ на память, что въ другой разъ на подобную штуку его уже не поддѣнутъ.

— Славно съиграно,—подумалъ Саввушка, весело потирая руки, и спросилъ себѣ другую бутылку.

Между тѣмъ портные продолжали отличаться. Не довольствуясь вокальною музыкою, они устроили инструментальную, при чемъ блистательно выказалась ихъ изобрѣтательность. Черкесъ ухитрился посредствомъ двухъ чубуковъ подражать звукамъ скрипки, Башкинъ высвистывалъ губами вмѣсто флейты; Севрюга началъ выводить диковинные тоны, ударяя ножемъ по пустой бутылкѣ; подносъ замѣнилъ бубенъ; одинъ искусникъ затрубилъ въ кулакъ, другой забарабанилъ по столу,—и импровизированный оркестръ, на диво всѣмъ, заигралъ *польку три-блина* (tremblante), и выдѣлывалъ такіе тоны,

Digitized by Google

что у одного посѣтителя зачесались ноги, и онъ пустился въ плясъ.

— Ну, хоть не складно, да ладно, — сказалъ Черкесъ по окончаніи польки: — теперь *пьяный галопъ*. Башкинъ, начинай!

Оркестръ задудилъ, а Черкесъ, пиликая чубокомъ, началъ припѣвать:

Настоечка простая,
Настоечка двойная,
Настоечка тройная,
Настоечка травная,
Настоечка славная,
Свѣтлѣйшая,
Чистѣйшая,
Славнѣйшая,
Утѣшительная,
Прохладительная,
Горячительная,
Очистительная,
Усыпительная,
Разморительная,
Разахтительная!...
Чарочка моя!
Рюмочка моя!

— Дружнѣй, ребята! разомъ послѣднее колѣнцо!

Ѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ,
Въ адмиральскомъ чинѣ:
Выпьемъ, выпьемъ водочки,
По этой причинѣ!...

Башкинъ, съ своей стороны, также захотѣлъ выкинуть колѣнцо — для удовольствія почтеннѣйшей публики, съѣсть стаканъ; но сотоварищи удержали его отъ этого опаснаго фокуса, и онъ ограничился нѣсколькими опытами «геркулесовской силы.» Въ заключеніе спектакля портной протанцовалъ французскую кадриль съ полнымъ стаканомъ на головѣ, не проливъ ни капельки.

— Отличная лавочка, лучше требовать нельзя, — заключилъ Саввушка, немного навеселѣ: — коли идешь сюда, такъ ужъ

Digitized by Google

мое почтеніе, оставляй горе за порогомъ, а кручину пускай на вѣтеръ. И народъ какой разухабистый—разлюли! Только, я думаю, насчетъ кулака-то не стойки,—разсуждалъ онъ, искренно желая, чтобы завязалась какая-нибудь потасовка, по которой можно было бы судить о физической силѣ современныхъ портныхъ. Но, къ прискорбію его, потасовка не состоялась, и портные продолжали мирно веселиться. — Нѣтъ, у насъ водилось не такъ, не то было, безъ синяковъ ни одна попойка не кончалась,—продолжалъ думать онъ, и мысленно перенесся во времена своей молодости. Не цвѣтущей прошла она, забубенная, нечѣмъ помянуть ее добромъ: да сердце-то было какое, тоже кое-что чувствовало; его-то не воротишь, не забурлитъ кипяткомъ горячая кровь.... Эхъ, молодость, молодость! прокатилась ты ни за денежку!... И задумался Саввушка, и склонилъ отяжелѣвшую голову на руку, и далъ волю воспоминаніямъ, потому что впередъ-то смотрѣть было нечего и не на что....

— Что, пьешь одинъ? Угости-ка стаканчикомъ, — проговорилъ вдругъ чей-то голосъ надъ самымъ ухомъ его.

Саввушка поднялъ голову. Рядомъ съ нимъ усѣлось какое-то существо, которое потому только можно было принять за женщину, что голова его была повязана пестрымъ платкомъ, въ ушахъ висѣли серьги, а съ плечъ спускалась полинялая красная шаль. Онъ вопросительно посмотрѣлъ на это существо.

— Аль не признаешь своихъ,—продолжала Красная шаль: —поподчуй-ка, и познакомимся покороче.

— Проваливай, матушка; ищи молодца по себѣ. Старенекъ я.... отвѣчалъ, сквозь зубы, Саввушка.

— Что-жъ, и старше тебя бываютъ. Угостишь что ли?

Саввушка съ досадой махнулъ рукою, и Красная шаль исчезла, подаривъ его какимъ-то привѣтствіемъ, котораго, за шумомъ, нельзя было разслушать.

Разстроенный среди своихъ думъ этимъ явленіемъ, и желая навести себя на прежнюю степень, Саввушка невольно потребовалъ еще бутылку. Но Красная шаль не вдругъ вышла у

Digitized by Google

него изъ ума и разшевелила не одну мысль. — «Вѣдь тоже была молода, думалъ онъ,—можетъ быть, и собой не дурна, наряжалась барышней, въ шляпкахъ щеголяла, а объ этакомъ мѣстѣ и подумать боялась..., Чай, были отецъ съ матерью, родные какіе-нибудь, и замужъ снаряжали. Чего жъ они смотрѣли?... А, можетъ статься, выросла одна-одинехонька, негдѣ было пріютиться сиротѣ.... Спросить бы у ней.... Не скажетъ. Вижь, что̀ стала теперь: одинъ образъ человѣческій, и то неполный.... Отчего же это?

Но вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ; не помогли ему даже и пріемы свѣжаго напитка,—и опять забродила въ головѣ жажда веселья, какъ было за нѣсколько минутъ тому.... Осмотрѣлся Саввушка кругомъ—портныхъ уже не было въ заведеніи. Мѣсто ихъ за большимъ столомъ заняли, съ одной стороны, трое угольниковъ, протиравшихъ глаза выторгованному сегодня барышу,—съ другой, господинъ, чрезвычайно упитанный, котораго, не въ обиду его чести и благообразію, можно было принять за олицетвореннаго Силена. Господинъ пилъ торжественно, въ молчаніи, какъ будто приносилъ жертву Бахусу, пыхтя и отдуваясь при каждомъ стаканѣ; мужички попивали, растобарывая между собою самымъ задушевнымъ образомъ. Безпрестанно слышались восклицанія, въ родѣ слѣдующихъ:

— Ванюха, братъ! вѣдь ты, ей-Богу, тово.... мотряй, не прошибись. Баба-то больно занозистая!

— Дядя Антонъ! и не говори: нежто я лиходѣй себѣ?

— Слышь, голова: поцѣлуемся. Вотъ-те Христосъ, какъ я тея люблю! Право слово!...

За откровенною бесѣдою послѣдовали усердныя лобызанія, и дружескій союзъ былъ скрѣпленъ новою парою пива. Потомъ всѣ трое затянули что̀ есть мочи самую раскатистую пѣсню. Это умилительное зрѣлище изъявленій дружбы пріятно заняло взволнованнаго Саввушку.

Мѣсто упитаннаго господина скоро занялъ какой-то человѣкъ, съ изношенною наружностію, неизвѣстно какого званія,

Digitized by Google

сомнительныхъ лѣтъ и въ неопредѣленной одеждѣ, которую нельзя было назвать ни сюртукомъ, ни халатомъ, ни чуйкой, ни пальто: до того была искажена она лохмотьями. Охриплымъ голосомъ потребовалъ онъ себѣ стопку пива и трубку табаку.

— А деньги есть?—противъ обыкновенія и не очень вѣжливо, спросилъ служитель.

— Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить?—гнѣвно возразилъ посѣтитель:—ты подай что приказываютъ, а не разсуждай.

— Такъ не подамъ же,—рѣшительно произнесъ мальчишка. —Знаемъ мы тебя: на даровщинку любишь. Покажи деньги, и подамъ.

Вѣроятно, зная по опыту, что дальнѣйшая настойчивость будетъ безполезна, неопредѣленный человѣкъ разжалъ кулакъ, въ которомъ скрывалось нѣсколько серебряной мелочи и мѣдныхъ денегъ, и съ гордостью показалъ ихъ служителю-скептику.

— А, видно, мѣсячное получилъ,—произнесъ этотъ послѣдней, тряхнулъ кудрями, и черезъ минуту желанная стопка вмѣстѣ съ трубкою явилась къ услугамъ гостя.

Залпомъ осушивъ стопку и жадно затянувшись табакомъ, неопредѣленный человѣкъ началъ считать свою казну и распредѣлять бюджетъ предполагаемыхъ расходовъ: — «Хозяйкѣ полтинникъ, за подметки три гривенника, жилетку выкупить.... это всего цѣлковой съ пятачкомъ; на баню, хлѣба два фунта, селедку, шкаликъ.... Э, хватитъ на все; а тамъ дастъ Богъ день, дастъ и пищу.—Эй, челаэкъ!—закричалъ онъ повелительнымъ голосомъ, который, можетъ быть, очень шелъ къ нему когда-то, а теперь былъ театральной выходкой, вызывавшей, впрочемъ, не смѣхъ, а грустную улыбку:—челаэкъ! дай мнѣ, братецъ, еще стопку и получи деньги за двѣ.»

Подбѣжавшій мальчишка съ комическою вѣжливостію спросилъ:

— Что прикажете, сударь, ваше благородіе?

Неопредѣленный господинъ повторилъ свое требованіе, прибавивъ: —Да трубку Жукова!

Digitized by Google

— Жукова нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Такъ. На всѣхъ проходящихъ и Маслова не напасешься. Жукова-то стòитъ копейку серебромъ.

— На, возьми деньги и не орп, только дай мнѣ Жукова, настоящаго. Слышишь?

— Вижь, какъ разгулялся попрошайка!—проворчалъ мальчишка, удаляясь.

Въ это время мимо неопредѣленнаго господина проходила какая-то Голубая шаль.

— Дуня, не хочешь ли выпить?—сказалъ онъ ей такъ ласково, какъ позволялъ его непривѣтливый голосъ.

Она небрежно взглянула сперва на господина, потомъ на скудное угощеніе, стоявшее передъ нимъ, и еще небрежнѣе отвѣчала:

— Что пить-то? Самому облизнуться нечѣмъ! — и пошла дальше.

Саввушка покачалъ головой и задумался.— «Видно, что жилъ прежде на благородную ногу, совсѣмъ другой былъ человѣкъ, и хорошій, можетъ быть, человѣкъ. А теперь всякій щенокъ помыкаетъ тобой какъ мочалкой. Думаете, не понимаетъ онъ? Нѣтъ, все понимаетъ: да что̀ станешь дѣлать-то? Выпьешь съ горя.... А на завтра хлѣба нѣтъ, руку протягивать ступай.... Да, не въ осужденіе будь сказано. Всѣ мы транжиримъ.... Правда, что трутнемъ жить не годится. Шелъ бы куда-нибудь въ писаря или къ какой ни на есть должности— все бы имѣлъ себѣ кусокъ хлѣба, сытъ и одѣтъ былъ бы завсегда, не ходилъ бы въ этакихъ лохмотьяхъ. Жаль человѣка!... Да вѣдь и то надо взять въ разсужденіе: забылъ онъ стыдъ и совѣсть, упалъ въ грязь,—такъ и поднять его никто не хочетъ, всякій стыдится съ нимъ компанію имѣть. А чтобы сказать ему доброе слово: «вотъ, дескать, ты заблудился, замаралъ свою честь, и скоро сгибнешь какъ капустный червь; дай, дескать, выведу я тебя на истинный путь, на прямую дорогу, помогу тебѣ по-христіански, а ты помолись за меня Богу. Читалъ, дескать, ты о блудномъ сынѣ? Покайся

Digitized by Google

же: никто какъ не Богъ».... Вѣдь изъ мертвыхъ воскресилъ бы погибшаго человѣка, а себѣ заживо приготовилъ мѣсто въ раю! Да!... Что и говорить! Добрые люди, знать, нынче повывелись. Всякому лишь до себя, своя печаль больна, а чужое горе легко и слезинки для него жаль.... Охо-хо-хо! То ли дѣло наша трудовая копейка любезная вещь! Профуфырился сегодня, такъ завтра, и зубы на полку, и работай до поту лица, недѣлей наверстывай дневной прогулъ.... Да кусокъ хлѣба все-таки есть, пока Богъ не отнялъ рукъ. Вотъ, мужички-то пируютъ: извѣстно, дома годилась бы полтина-другая; да вѣдь отчего жъ и не поотважить себя, не раздѣлить времени съ хорошимъ человѣкомъ»?.. И полный охоты высказать вслухъ свои мысли, обмѣняться съ кѣмъ-нибудь изъявленіями дружбы, Саввушка двинулся-было къ мужичкамъ, въ намѣреніи раздѣлить съ ними компанію; но тотчасъ же остановился. Миролюбивая доголѣ бесѣда угольниковъ неожиданно приняла воинственный характеръ: одинъ изъ нихъ, захмѣлѣвъ порядкомъ, порывался выместить на своемъ товарищѣ какую-то давнюю обиду; тотъ, защищая свое лицо и особенно бороду отъ его порывовъ, отмахивался кулаками, и грозилъ своротить салазки зачинщику ссоры; а третій разнималъ бойцевъ.

— Ахъ, галманы!—съ негодованіемъ произнесъ Саввушка: —и напиться-то, какъ слѣдуетъ, не умѣютъ!

Но доброе начало взяло верхъ въ междоусобной брани друзей. При посредствѣ буфетчика, который не позволялъ, чтобы въ его заведеніи происходили «безчинства и дебоширства,» они помирились, запили мировую, и, схватившись всѣ трое рука съ рукой, чинно убрались изъ заведенія, затянувъ на походѣ: «Вотъ мчится тройка удалая!»

Такимъ образомъ это происшествіе кончилось счастливо, и Саввушка, въ знакъ своего удовольствія, рѣшился разориться еще на бутылку: — «Куда ни шла! Не всякій день пируешь: въ кои-ста вѣки пришлось....» говорилъ онъ самъ себѣ, для успокоенія совѣсти, которая шептала, что довольно, и пора бы идти домой.

Digitized by Google

Между тѣмъ посѣтители заведенія безпрерывно мѣнялись; почти каждую минуту входили и уходили новыя лица, и разсмотрѣть ихъ всѣ недостало бы ни чьихъ глазъ; пѣсни не умолкали, шумъ не уменьшался, веселье росло разливаннымъ моремъ. Чувствовалъ Саввушка, что и его какъ будто подмываетъ отколоть какую-нибудь штуку—пѣсню ли затянуть, или пройдти трепака, такъ чтобы всѣ суставчики заговорили.—«Да вѣдь стыдно будетъ, если на старости лѣтъ осрамишься; и куры засмѣютъ.... Такъ не осрамлюсь же, пройду такимъ козыремъ, что на-поди!» рѣшительно подумалъ подгулявшій Саввушка, и приготовился-было стать въ пару съ однимъ сапожникомъ, который «дробь» отхватывалъ такъ, что стекла дрожали: какъ вдругъ въ заведеніе—не вошелъ, а влетѣлъ, молодецъ-молодцемъ, красивый парень, въ щеголеватомъ полукафтанѣ, перетянутый цвѣтнымъ платкомъ, въ шапочкѣ-мурмолкѣ набекрень. съ гармоніей въ рукахъ,—влетѣлъ съ присвистомъ, напѣвая «камаринскаго.» Слѣдомъ за нимъ ввалился лихачь-извощикъ.

— Гуляка пріѣхалъ!—пронесся шепотъ по полпивной, и на минуту все пріутихло, съ любопытствомъ обративъ глаза на новаго гостя.

Нисколько не смущаясь этимъ вниманіемъ и считая его, повидимому, заслуженнымъ, молодчикъ сѣлъ за столъ (извощикъ рядомъ съ нимъ), и на всю лавочку крикнулъ: — эй, пива!

— А, Ѳединькѣ наше почтеніе! — радостно сказалъ подбѣжавшій буфетчикъ:—какъ поживаешь?

— Живемъ не мотаемъ, добрыхъ людей уважаемъ, и деньжки у насъ водятся,—отвѣчалъ молодчикъ. — Пива давай, Михалъ Михалычь, цѣлую дюжину разомъ ставь сюда! Да смотря, чтобъ не «сливки»....

— Помилуйте-съ, какъ можно! Вы посмотрите, что я подамъ: просто мадерца.

— Знаю я твою мадерцу — всего семь верстъ до нея не доѣхала. Ты дай бѣлаго, Тарусинскаго.

— Сію минуту-съ. Алексѣй, живо!

Digitized by Google

И *роща бутылокъ*, по живописному выраженію буфетчика, не замедлила занять столъ.

Попойка началась. Молодчикъ исправно пилъ самъ и подчивалъ извощика.

— Смотри же,—говорилъ онъ лихачу: — поѣдемъ тамъ, чтобъ съ градомъ было, знаешь, какъ я люблю.

— Сказалъ, что заслужу, такъ ужъ заслужу; друга моего Ѳединьку прокачу такъ, что душа въ пятки уйдетъ, — отвѣчалъ извощикъ, затягивая пѣсню подъ писклявыо звуки гармоніи, на которой не переставалъ наигрывать молодчикъ.

Буфетчикъ снова подошелъ къ гостю-кутилѣ.

— Не поподчивать ли сигарочкой? — спросилъ онъ у Ѳединьки.

— Давай, Михалъ Михалычь, давай, побарствуемъ. Да выпей стопку!

— Теперь нельзя-съ: дѣло есть.

— Пей, говорятъ тебѣ, не то оболью. Знаешь меня? (Буфетчикъ выпилъ съ поклономъ, а Ѳединька закурилъ зловонную сигару, какъ истый джентельменъ.) Гулять такъ гулять. Закучу нынче—помнишь какъ намедни? Еще лучше будетъ, жару подбавимъ, лишь бы *лафа* не отошла. Знаешь, какую штуку мы съ Васькой строимъ? (Здѣсь Ѳединька началъ шептать на ухо буфетчику, который, слушая его, ухмылялся, поглаживалъ бороду и поддакивалъ: «тэкъ-съ, понимаемъ-съ!») Коли наша возьметъ—ухъ! тогда всю Старую избу пивомъ оболью. Гуляй!... «Ты зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ мальчишка съ своей родины бѣжалъ»... Пей, извощикъ!... «Никого ты не спросился, кромѣ сердца своего».... Наливай еще! Чихъ-чохъ-чебурахъ ! чибирики - чокъ - чибири ! комарики-мухи-комары!...

И не вставая съ мѣста, Ѳединька началъ приплясывать и повертывать плечами.

Красная шаль, Голубая шаль и еще какой-то Пестрый платокъ не замедлили подойдти къ Ѳединькѣ съ привѣтствіями. Бутылки стали осушаться мигомъ. «Жизнь для насъ копейка!» кричалъ Ѳединька, и требовалъ дюжину за дюжиной. Знако-

Digitized by Google

мый и незнакомый могли безъ церемоніи пользоваться его угощеніемъ, и охотниковъ нашлось не мало. Пиръ пошелъ горой....

Удаль Ѳединьки отбила у Саввушки охоту выкинуть какую-нибудь штуку. — «Вижь, какая колывань поцла, — сказалъ онъ самъ себѣ: — тебѣ ли старому дураку соваться туда!.... Молоденекъ паренекъ, а съ душкомъ. Кабы въ руки, въ руки его, да въ ежовыя, выколотить изъ него пыль, да выутюжить хорошенько — золото вышелъ бы, а не малый. Ранешько художествомъ занялся — проку не будетъ; развѣ подъ красную шапку попадетъ, тамъ вышколятъ.... Вижь, какъ денежками пошвыриваетъ — что твой батюшкинъ сынокъ. Знать, линія такая идетъ.... А и то сказать: ты что за судья, цѣнишь и перецѣниваешь всѣхъ? На себя-то погляди, на свою образину: что, хорошъ?... Сказано: не осуждай. Еще справедливо сказано, что дважды глупъ бываетъ человѣкъ — старъ да малъ. Не здѣсь бы слѣдовало сидѣть тебѣ, Саввка, а дома; не повѣсничаньемъ заниматься, а разговорами съ хорошими людьми. Вотъ кого надобно бы держаться, вонъ твоя компанія — видишь?»

Послѣднія слова Саввушки относились къ старику, какъ лунь сѣдому, съ небольшой бородкой, одѣтому въ изношенную чуйку, который, опираясь на палку, вошелъ въ заведеніе.— «Видно, усталъ дѣдушка, захотѣлъ прохладиться: что жъ, пускай выкушаетъ во здравіе.»—Но старикъ, медленно обойдя столы, занятые пирующими, не присѣлъ нигдѣ, и наконецъ, подошелъ къ тому, гдѣ сидѣлъ Саввушка.

— Подай, добрый человѣкъ старику, Христа ради, — сказалъ онъ.

Съ участіемъ посмотрѣлъ на него Саввушка — и невольно вскрикнулъ отъ изумленія.

— Батюшка, Антипъ Егорычь, какими это судьбами привелъ васъ Богъ?

Старикъ показалъ на ухо.—Не слышу,—проговорилъ онъ:— копеечку сдачи что ли надобно?

Digitized by Google

Саввушка громко повторилъ свой вопросъ. Старикъ окинулъ его подозрительнымъ взглядомъ.

— Да, — отвѣчалъ онъ: — я Антипъ Егоровъ. Почемъ же ты меня знаешь?

— Какъ же, сударь: я сколько разъ и въ домѣ у васъ бывалъ. Помните, какъ женился Григорій Антипычь, вашъ сынокъ....

— Гришка, разбойникъ?.... Такъ ты, вѣрно, пьянствовалъ съ нимъ вмѣстѣ, обиралъ его, пилъ мою кровь?... вскричалъ старикъ съ нескрываемымъ гнѣвомъ.

— Куда намъ знаться съ такими особами! что вы, Антипъ Егорычь! Вѣдь я портнымъ мастерствомъ занимаюсь. Нашъ хозяинъ шилъ тогда на вашего сынка платье: я и бывалъ у васъ въ домѣ по этому случаю.

— А! да.... помню, — отвѣчалъ старикъ, вдругъ успокоившись.

— Какъ же это, батюшка Антипъ Егорычь? Наказанье развѣ какое было на васъ, Божьимъ попущеніемъ, пожаръ или другое какое несчастье?

— Нѣтъ, не пожаръ....

— По торговлѣ развѣ что?

— Торговля ничего, шла себѣ какъ должно. Гришку-то ты зналъ? Онъ сгубилъ весь свой родъ, опозорилъ мою старость! Не родное дѣтище, а змѣю воскормилъ я на своей груди! Богъ ему судья.... Всѣ примерли — и жена, и дочь, и внучка.... одинъ я, за грѣхи, остался мыкаться по свѣту.... Мается и онъ, ворогъ, да ему не слаще моего: гдѣ день, гдѣ ночь, дневнаго пропитанія не имѣетъ. А меня, слава Богу, добрые люди кормятъ, мнѣ не стыдно просить; а ему никто не подастъ... Подай же, добрый человѣкъ, старику, Христа ради!

— Ахъ, Антипъ Егорычь, сударь ты мой.... какъ это.... истинно жалостно.... Да не побрезгуйте, присядьте со мной, выкушайте за компанію стаканчикъ, если угодно, — въ замѣ-

Digitized by Google

шательствѣ сказалъ Саввушка, стыдясь подать старику убогую милостыню.

— Нѣтъ, я не пью, я милостыню прошу.... Коли нѣтъ, Богъ съ тобой! — отвѣчалъ старикъ, и побрелъ далѣе.

Саввушка хотѣлъ-было остановить его, но пока собирался съ словами, старикъ уже былъ за дверьми....

Тяжелыя мысли опять зароились въ головѣ Саввушки. — «Вотъ она жизнь-то наша какая!... Что было и что стало!... Диви бы нашъ братъ маленькій человѣкъ! Тузъ-то какой, можно сказать, первостатейный былъ .... гремѣлъ по Москвѣ: Пшенишниковъ, Пшенишниковъ! Домъ одинъ чего стоилъ, лавокъ сколько было.... И вдругъ, въ этакомъ убожествѣ, по міру, и отъ кого-же? отъ роднаго сына! Божья воля.... Охъ, грѣхи, грѣхи наши тяжкіе!.... Былъ слухъ, что нажилъ Антипъ Егорычь капиталъ не однимъ умомъ-разумомъ: да вѣдь чужая душа темна! И гдѣ же видано, чтобы разбогатѣлъ человѣкъ, живучи по совѣсти! Да пусть все такъ: отъ сына-то терпѣть легко ли отцовскому сердцу?....»

И подъ вліяніемъ этихъ грустныхъ мыслей, еще скучнѣе стало Саввушкѣ, и совершенно въ иномъ видѣ явилось окружавшее его шумное веселье; дикой разноголосицей показались разгульныя пѣсни, безобразными чудаками всѣ пирующіе,— и еще болѣе сдѣлался онъ расположенъ резонерствовать въ назиданіе самому себѣ. — «Вотъ, ты разсиживаешь тутъ, прохлаждаешься, барствуешь: а старикъ, что въ отцы годился бы тебѣ, скитается по міру.... Сколько ты пропилъ? сочти-ка.... Четыре бутылки.... выходитъ три гривенника, слишкомъ рубль. А на рубль можно бы два дни прожить, а старикъ пропитался бы и больше. Рубль! а онъ собираетъ по копеечкамъ, да за всякую два раза поклонится, да хорошо какъ кто подастъ, а то и такъ отойдетъ. Вѣдь ты вотъ не подалъ.... Ей-Богу совѣстно было ... А сидѣть здѣсь не совѣстно? Эхъ ты!.... Ступай-ка, Саввушка, домой. Ну, маршъ!.... Ахъ, каналья-ство: встать не могу! Вотъ оно, пивцо-то, какъ подкузмило!....

Digitized by Google

Ну!... Нѣтъ, не идетъ, корпусъ-то ослабъ.... Эхъ ты, Саввушка, Саввушка, гдѣ твоя славушка? Въ пивной сидишь, трубочки не хочешь ли?....» И Саввушка не церемонился уже высказывать мысли свои вслухъ, хотя, большею частію, онѣ были такого рода, что имъ приличнѣе бы не выходить на свѣтъ.

Испытавъ еще раза два сильное сопротивленіе со стороны непослушныхъ своихъ членовъ, которые отказывались дѣйствовать, онъ рѣшился ждать, пока возвратится къ нимъ должное повиновеніе, и погрузился въ какую-то полудремоту. Внушающая довѣріе, простодушная наружность его не могла подать буфетчику никакихъ подозрѣній касательно расплаты, и Саввушку не тревожили вопросами о деньгахъ. Кругомъ его, между тѣмъ, по прежнему все волновалось веселіемъ, шумѣло и пило; но онъ какъ будто не слыхалъ и не видалъ ничего; стало смеркаться, а онъ продолжалъ сидѣть какъ прикованный къ мѣсту, точно кряжъ, изрѣдка шевелилъ губами, неясно бормоча, да думалъ, о чемъ—неизвѣстно, можетъ быть, о противникахъ, столвшихъ передъ нимъ на столѣ и сразившихъ его въ конецъ....

Около сумерокъ, желаніе утолить жажду и заработать что-нибудь привлекло въ заведеніе и шарманщика. Съигравъ лучшую піесу своего репертуара, онъ съ прискорбіемъ увидѣлъ, что желающихъ слушать его музыку очень мало, а платить за нее еще меньше. Напрасно старался онъ прельстить кого-нибудь разнообразіемъ своего репертуара, заключавшаго въ себѣ, по его словамъ, пѣсни нѣмецкія, и русскія, и всякія, и даже французскую кадриль; напрасно зазывалъ публику прибаутками — «пивца покушать, варганчика послушать»; напрасно заставлялъ своего помощника, красиваго мальчика лѣтъ двѣнадцати, пѣть «Лучинушку» и «Соловья»: посѣтители Старой избы—одни отвѣчали, что сами поютъ лучше всякого *варгана*, другіе требовали, чтобы мальчишка представленіе какое-нибудь показалъ, а иные предлагали по копейкѣ серебромъ за пѣсню — цѣна, приводившая шарманщика въ справедливое негодованіе. Обойдя почти всѣхъ гостей безъ малѣйшей вы-

Digitized by Google

ручки для своего кармана, злополучный шарманщикъ замѣтилъ наконецъ и Саввушку, продолжавшаго сидѣть съ поникнутой головой. Четыре бутылки, красовавшіяся на столѣ нашего портнаго, ручались ему за состоятельность кошелька этого гостя, вопреки скромной одеждѣ, и онъ подошелъ къ Саввушкѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ.

— Что задумался, купецъ? прикажи-ка пѣсенку съиграть?

— А?—проговорилъ Саввушка, очнувшись изъ полузабытья.

— Пѣсенку, купецъ, закажи, веселѣе будетъ. Всякія есть: «Тройка удалая», «Ты не повѣришь», «Соловей», «Барыня», «полька», «валецъ»..... да вотъ ересть,—и шарманщикъ подалъ Саввушкѣ засаленый клочекъ бумаги, на которомъ былъ исчисленъ списокъ его пьесъ.

Саввушка посоловѣлыми глазами посмотрѣлъ на каракульки, испещрявшія реэстръ, и безсознательно пробормоталъ что-то; но догадливый шарманщикъ составилъ изъ этихъ неясныхъ звуковъ слова: «Барыню, поживѣй? Извольте!» и придвинувъ ближе свой органъ, завертѣлъ на немъ....

Пронзительно-веселые звуки шарманки вывели Саввушку изъ забытья, а новый пріемъ напитка возвратилъ ему прежнюю бодрость, такъ что, черезъ нѣсколько минутъ, онъ уже прищелкивалъ и притопывалъ, а потомъ заказалъ новую бутылку. Шарманщикъ, слыхавшій, что богатаго съ тароватымъ не распознаешь, удвоилъ усердіе, и предложилъ Саввушкѣ, послушать, какъ мальчишка откалываетъ пѣсни.

— Пусть споетъ, послушаемъ его удали,—весело отвѣчалъ Саввушка.

Мальчишка началъ играть на шарманкѣ и запѣлъ.... Разгулявшійся Саввушка сперва тихонько подтягивалъ ему, потомъ шибче и шибче, и наконецъ хватилъ во весь голосъ, но такъ не въ ладъ, что мальчикъ, который посмѣивался во все время разгула Саввушки, не вытерпѣлъ, залился звонкимъ смѣхомъ и бросился къ пѣвцу.

— Вижь, какъ раскуражился, старый!—сказалъ онъ, продолжая смѣяться.—Что смотришь? Иль не узналъ?

Digitized by Google

Саввушка былъ озадаченъ, и не безъ замѣшательства проговорилъ:

— То есть какъ же, братъ, ты.... тово.... а?

— Знаю-то тебя? Эгъ ты! Да я на твоихъ крестинахъ былъ, Саввушка ты Саввичь! — И мальчикъ захохоталъ во все горло.

— Ну, голубчикъ, Саввушка-то я Саввушка, да какъ ты смѣешь....

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе мальчикъ шепнулъ на ухо Саввушкѣ нѣсколько словъ. Надо было видѣть, что сдѣлалось тогда съ портнымъ: какъ будто уколотый, вскочилъ онъ, схватилъ мальчика за руку, и притащилъ къ себѣ съ такою силою, что шарманщикъ бросился-было на помощь къ своему товарищу.

— Правду ли ты говоришь? — произнесъ Саввушка дрожащимъ голосомъ, и всматриваясь въ мальчика съ такимъ вниманіемъ, какъ будто хотѣлъ снять съ него портретъ: — или нѣтъ, пойдемъ отсюда.... я узнаю.... Ахъ, Господи, Господи! вотъ радость-то послалъ!... Взгляни-ка на меня глазенками, да не смѣйся только.... вотъ такъ. Да, это ты! И мое сердце не признало тебя сразу? Ахъ, я пьяница!

Въ самомъ дѣлѣ, было отъ чего изумиться Саввушкѣ: въ переодѣтомъ мальчикѣ онъ узналъ Сашу, свою милую названую дочку, которую судьба отняла у него изъ глазъ, но не могла изгнать изъ памяти сердца!....

Но какъ сильно было его изумленіе, какъ велика была его радость, не безъ примѣси, однако, горя: такъ равнодушною къ этой неожиданной встрѣчѣ казалась Саша, не переставшая улыбаться даже и тогда, какъ ея старый другъ, со слезами на глазахъ, принялся цѣловать ее, называя своей козочкой, милочкой....

Все это произошло въ нѣсколько мгновеній, и въ общемъ шумѣ почти никто, кромѣ шарманщика, не обратилъ особеннаго вниманія на поразительную сцену, такъ что Саввушка свободно могъ разспрашивать свою любимицу. А спрашивать было о чемъ!.... Но вопросы путались и шли не по порядку.

Digitized by Google

— Голубушка моя! зачѣмъ же срамъ такой ты на себя взяла?

— Какой? что ты?—со смѣхомъ отвѣчала Саша, уклоняясь отъ обниманій Саввушки, который, по старой привычкѣ, хотѣлъ усадить ее къ себѣ на колѣни.

— Да платье-то? Развѣ это хорошо — мальчишкой одѣта! Развѣ нѣтъ у тебя платьеца? Вѣдь ты не маленькая; слава Богу, я чай, четырнадцать лѣтъ минуло!

— Вотъ еще что̀ выдумалъ! Платьевъ у меня въ годъ не переносишь; да такъ лучше; и хозяинъ велитъ.

— Какой хозяинъ? Нежто ты....

— Видишь, что съ шарманкой хожу. Мнѣ и жалованье даютъ—семь рублей въ мѣсяцъ, окромя платья. Хлѣбъ тоже хозяйскій.

— И пища хорошая?

— Ну, съ голода не уморятъ, сытою не накормятъ.... Чай по утрамъ бываетъ, а вечеромъ какъ придется.... Да все-таки во сто разъ лучше, чѣмъ у тетки!

— Да-да-да! Тетка, Арина Агаѳоновна, кажется.... И забылъ спросить. Отчего же ты не жила у ней, а? Прихожу къ вамъ разъ, прихожу два, узнать, что̀ за напасть случилась съ тобой—она и говоритъ со мной не хочетъ; бранитъ тебя и меня тутъ же. «Ты, говоритъ, ее сманилъ. Она, говоритъ, неблагодарная, бѣжала отъ меня, вѣрно по матушкѣ пошла».... Какъ же это, Саша, а?

— Неблагодарная! Позвольте спросить, за что̀ же мнѣ благодарить-то ее было, руки что ли у ней цѣловать? — отвѣчала Саша съ досадою.—Я и въ лавочку поди, я и воды принеси, самоваръ поставь—все Сашка, да Сашка—а она знай себѣ растягивается до осьми часовъ, барская барыня!.... А потомъ бранить меня примется, чаю опивки дастъ, сахару одинъ кусочекъ..... Бить вздумала.... къ столу привязала однажды, змѣя чукотская!.... Терпѣть что ли мнѣ было? Другая бы на моемъ мѣстѣ дала ей знать.... Я взяла да ушла! Плевать мнѣ на ея кусокъ, въ горлѣ онъ останавливался, попрекала безпрестанно!

Digitized by Google

— Такъ ты бы ко мнѣ, дурочка, пришла. Къ шарманщикамъ-то какъ попала?

— Э, добрые люди показали. Мимо насъ они, шарманщики-то, почти всякій день ходили. Вѣдь не я одна изъ дѣвушекъ: насъ три у хозяина. Онъ, какъ уговорился со мной, такъ и послалъ Василья, нашего работника, къ теткѣ за билетомъ: она сначала-было заупрямилась, въ гору пошла, да шишъ взяла. Только и было. Вотъ ужъ скоро годъ, какъ хожу съ органомъ.

— А потомъ-то что будетъ съ тобой? Возьми ты это себѣ въ голову, птичка глупенькая! Хорошо ли тебѣ будетъ, какъ войдешь въ полный разумъ, станешь настоящей дѣвушкой! Отъ хорошихъ людей ты отвыкнешь, и замужъ никто не возьметъ тебя. Неразумная ты головка!....

— Возьмутъ, какъ захотятъ. Нежто ты думаешь, что я вѣкъ буду ходить съ органомъ? Какъ же, держи карманъ! Что тутъ выживешь? Весело только, да и то какъ выручка хороша, хозяинъ не сердится. Пива я не пью.... медку стаканчикъ развѣ иногда.... За-то случается, заставитъ играть гость такой противный, старый, старше тебя, да еще цѣловаться лѣзетъ! Тьфу!.... Нѣтъ: я хочу быть богатой, и буду. Намедни одинъ баринъ сказалъ мнѣ, что черезъ годъ, если захочу, то непремѣнно разбогатѣю, въ каретѣ буду ѣздить.... О! тогда я знаю, какъ жить. Сама себѣ буду госпожа, кухарку найму, сошью лисій салопъ, шляпку съ перомъ....

— Дочка, Сашурочка! перекрестись, опомнись, что ты говоришь....

— Что ей креститься? она и такъ крещеная, — вмѣшался въ разговоръ шарманщикъ. — Дѣвка будетъ не промахъ, не распуститъ глазъ. Зачѣмъ у ней отнимать счастье? Вонъ, Оенька-то наша — Оедосьей Алексѣевной теперь величается, въ шелковыхъ платьяхъ щеголяетъ, а на нашего брата, даромъ что вмѣстѣ жила, и глядѣть не хочетъ, словно изъ милости выброситъ гривенникъ за пѣсню.... А Надежда, съ органомъ же ходила, на лицо-то почище ея была, да сглуповала сама: вышла замужъ за столяра, по голубиному хотѣла

Digitized by Google

прожить. Теперь, можетъ быть, и кается, только близокъ локоть, да не укусишь его. Что, понимаешь эти закорючки?

Саввушка грустно покачалъ головой и отвѣчалъ:

— Такъ, любезный, да по дѣлу-то, по совѣсти, по закону Божіему не такъ. И черезъ золото льютъ слезы, и съ коркой хлѣба бываютъ счастливы. Честь на полу не подымешь. Вонъ, видишь молодицъ-то (и Саввушка показалъ на Красную шаль, сидѣвшую съ нѣсколькими подругами за ближнимъ столомъ): спроси-ка у нихъ, куда дѣвалась ихъ молодость и краса? Не время съѣло ее, а гульба, съѣла въ какія-нибудь пять лѣтъ. Онѣ каются теперь, онѣ клянутъ себя, а не тѣ, кого пронесъ Богъ.... Душу неповинную грѣхъ губить, пуще смертоубійства, тяжкій грѣхъ; я чай слыхалъ, что говорится въ церкви.... Богъ на тебѣ спроситъ.

— Я что? я работникъ — это дѣло хозяйское, — возразилъ шарманщикъ, немного смущенный словами Саввушки, которыя непріятно зазвучали у него въ ушахъ. — Извѣстно, честь не что другое, особенно для ихней сестры.... Да ты вотъ поняньчись-ка съ этой штукой, съ органомъ-то: вѣдь его только-что за непочтеніе родителей таскать; слишкомъ два пуда. Какъ околесишь съ нимъ, съ этими горячими пирогами-то, полъ-Москвы, да разломитъ тебя всего, такъ запоешь не то. Слыхали мы сами эту мораль-то, басни Крылова читали: да что наша честь, коли нечего ѣсть! Такъ-то, почтеннѣйшій! — И убѣжденный въ силѣ своихъ доводовъ, шарманщикъ потрепалъ Саввушку по плечу.

— А кто твой хозяинъ?—спросилъ Саввушка, немного помолчавъ.

— Илья Исаичъ Прибыловъ. У него двадцать органовъ.

— Женатъ онъ?

— Есть хозяйка.

— И дѣтокъ Богъ далъ?

— Какъ же: дочь невѣста, а мальчишка пѣшкомъ подъ столъ ходитъ.

— Что сказалъ бы онъ, еслибъ и его дочь попала на такую же линію, себя потеряла? Небось, облилось бы

Digitized by Google

кровью родительское сердце.... А чужимъ дѣтищемъ легко помыкать: не онъ его родилъ, не онъ за нимъ ходилъ. Да воздастъ ему Богъ.... Не смѣйся, братъ, чужой сестрѣ: своя въ дѣвкахъ.

— Да ты что за Филиппъ съ боку прилипъ, всякому проповѣди читаешь? Мнѣ-то что за тоска слушать твою философію? Ты иди къ нему, такъ онъ тебя шампанскимъ — чѣмъ ворота запираютъ — угоститъ. А мнѣ поднеси-ка стаканчикъ пивца, и будешь сватъ, новая родня!

— Изволь, братъ, пей сколько хочешь. Только пожалуйста поговори своему хозяину объ этомъ дѣлѣ, на счетъ Саши-то. Она, молъ, сиротинка безродная, ни отца, ни матери нѣтъ у нея; некому поболѣть по ней сердцемъ, некому наставить ее на умъ-разумъ; не доводите, молъ, ее до погибели, отпустите въ заблаговременье къ старику — хоть дядей назови меня; онъ, молъ, любитъ ее пуще родной дочери, а вамъ, молъ, всякое уваженіе будетъ оказывать: случись какая надобность сшить, даромъ сошью, ей-Богу сошью, закабалю ему себя.... Поговори, голубчикъ: тебѣ угощеніе будетъ; что хочешь, поставлю, только лишь выручи мнѣ дочку!....

— Чудакъ ты право какой! Съ какой же стати буду я говорить? Вѣдь она безъ малаго сорокъ рублей должна!

— Это за что жъ?

— Извѣстно, забрала на книжку: только какъ поступила, вспрыски всѣмъ намъ сдѣлала, важныя вспрыски; потомъ костюмъ себѣ захотѣла сшить — вотъ что на ней. На счетъ этого, то есть долгу-то, будь спокоенъ; нашъ хозяинъ копейки лишней не припишетъ.

— Да будетъ тебѣ, Петруша, толковать съ дядей, — смѣясь, замѣтила Саша: — что онъ мнѣ за дядя, зачѣмъ я пойду къ нему! Теперь мнѣ и здѣсь хорошо, а черезъ годъ, какъ буду богата, тогда и съ органомъ перестану ходить.

— Саша, милочка, ангельская душка! — чуть не плача заговорилъ Саввушка: — пожалѣй хоть меня-то! вспомни, какъ умирала твоя маменька — царство ей небесное! — вспомни, что она тебѣ наказывала, какъ велѣла себя вести, кому препоручила тебя, крошку!..,. Сберегла ли ты ея благословеніе,

Digitized by Google

призывала ли на молитвѣ Божію Матерь!.... Сашенька, ангелокъ ты мой! Я на колѣни стану передъ тобою, ручки твои расцѣлую, ножки слезами оболью.... Сними съ меня тяжкій грѣхъ, пойдемъ отсюда.... Салопчикъ тебѣ какой хочешь куплю.... Сашуточка! маменьку-то свою пожалѣй: плачетъ она теперь, тяжко ея душѣ, ноетъ ея сердечко и въ могилѣ!....

Грустное чувство мелькнуло на лицѣ Саши при имени матери, слезинка блеснула въ глазахъ, потупила она головку, задумалась, — и подъ вліяніемъ перваго порыва, казалось, готова была броситься къ Саввушкѣ.... Но вдругъ одинъ гость повелительно крикнулъ: — Эй, шарманка, сюда! — И, повинуясь привычкѣ, Саша побѣжала на зовъ....

Саввушка остался одинъ съ невысохшими слезами, съ тяжелымъ гнетомъ на сердцѣ и еще болѣе тяжелыми раздумьями. Понималъ онъ, что въ чистую душу его любимицы запало уже довольно злыхъ сѣмянъ, что не легко будетъ вырвать эти сѣмена, и навести ее опять на прямой путь; а не сойди она съ этой дороги—два шага до пропасти, которой и не замѣтить ей, когда глаза затуманитъ блескъ золота. Но ему ли взяться за ея обращеніе, и чѣмъ онъ начнетъ это обращеніе, гдѣ возьметъ силъ для борьбы и умѣнья выдержать ее?.... А просьбы умирающей матери, которыя, кажется, и теперь еще звучатъ въ ушахъ; а обѣщанія, что далъ онъ ей; а собственная любовь къ несчастной малюткѣ, соединенная съ воспоминаніемъ о своей родной дочери; а добрые люди; а Богъ?.... Развѣ мало этого?.... Попытайся, Саввушка!

Скоро подошли къ нему шарманщикъ и Саша, собравшіеся уже въ путь.

— Ну, купецъ, — сказалъ шарманщикъ; — намъ пора и ко дворамъ. Пожалуй-ка за пѣсни хоть пятачекъ.

— Прощай, дядя, — промолвила Саша: — давай я тебя поцѣлую. Можетъ, не скоро увидимся. А черезъ годъ приходи ко мнѣ въ гости: увидишь, какъ я сдержу свое слово.....

Digitized by Google

И она нѣсколько разъ поцѣловала былаго товарища въ своихъ дѣтскихъ играхъ, который, молча, смотрѣлъ на нее во всѣ глаза, и только, когда она пошла къ дверямъ, могъ промолвить едва слышно: — «Сашенька, пожалѣй меня! Вспомни свою матушку родную....» А потомъ закрылъ лице руками, заплакалъ какъ ребенокъ, да и просидѣлъ въ такомъ положеніи вѣрно не мало времени, потому что когда облегчилась тоска сердца слезами, и утомленные глаза потребовали освѣженія, въ лавочкѣ не было уже почти никого.... Лишь только двое русаковъ скромно допивали остатки своего пиршества; служители дремали; нагорѣлыя свѣчки на столахъ едва освѣщали на аршинъ отъ себя; тишина настала такая, что слышно было, какъ буфетчикъ, постукивая на счетахъ и гремя деньгами, выкладывалъ приходъ съ расходомъ, — а маятникъ мѣрными шагами маршировалъ изъ стороны въ сторону.... Пришла заведенію пора и запираться. Саввушку потревожили.

— Захмѣлѣлъ, вѣрно, старина? — сказалъ ему буфетчикъ, окончивъ счеты.

Саввушка очнулся, протеръ глаза и спросилъ:

— А гдѣ тотъ.... какъ бишь его.... шарманщикъ-то?

— Всѣ давнымъ-давно ушли. Пора и тебѣ. Ступай-ка съ Богомъ, а назавтра приходи опохмѣляться. Ну, вставай же. Экъ какъ раскисъ! Приподнять что ли?

— Нѣтъ, я такъ, — отвѣчалъ Саввушка, расплатился и побрелъ....

— Извѣстно, такъ, — ворчалъ буфетчикъ по уходѣ его. — Вижь, мудреная штука-то какая этотъ хмѣль: у инаго деретъ голову, въ задоръ лѣзетъ, а другаго дѣлаетъ смирнѣе барана; слезьми разливается.... Охъ, Господи, Господи!.... Запирайте ребята!

Всю ночь Саввушка почти не сводилъ глазъ. Не хмѣль бродилъ у него въ головѣ, а думы, одна другой безпокойнѣе. Едва забывался онъ сномъ, какъ чудилось ему, что растворяется дверь, и Саша зоветъ его къ больной матери. — «Не покинь моей сиротки!» — говоритъ ему умирающая слабымъ

Digitized by Google

голосомъ.—«Не покину, видитъ Богъ, не покину,» — отвѣчалъ Саввушка въ полузабытьи — и пробуждался, и чувствовалъ, что дрожь пробѣгаетъ по всемъ по немъ, а горячая слеза катится по щекѣ.... Неотступныя видѣнія живо возобновили въ его памяти все случившееся за пять лѣтъ тому, и заставили сердце искать успокоенія въ молитвѣ, потому что умъ не придумывалъ ничего....

Разсвѣтъ засталъ Саввушку одѣтымъ и готовымъ идти. — «Сорокъ рублей!—разсчитывалъ бѣдный портной:—а у меня сколько всей казны? И четырехъ рублей не наберется.... Еслибъ не пьянствовалъ вчера, было бы шесть, да все мало, все не хватаетъ еще много.... Продать нечего, заложить и подавно.... Хоть бы чужое платье случилось какое-нибудь: рискнулъ бы. Да и будь деньги, что я съ ними сдѣлаю? Приду къ хозяину.—«Что тебѣ?» спроситъ. Вотъ такъ и такъ: явите, сударь вы мой, божескую милость. — «Да ты что за звѣрь, съ какой стати суешься, гдѣ тебя не спрашиваютъ? Опекунъ что ли ты, иль родня какая: такъ покажи мнѣ законъ. Я съ теткой имѣлъ дѣло. Дѣвочка живетъ у насъ не безпашпортная.» — Что я отвѣчу ему на это? — Сжальтесь, скажу, надъ сиротой; покойная мать ея почти погибла отъ того, что несла такую же участь, на своей волѣ жила.... Ну, а онъ?— «Дуракъ ты, скажетъ, братецъ: какъ поведешь себя, такое и счастье себѣ найдешь. Дѣвчонка въ четырнадцать лѣтъ получаетъ по семи рублей на мѣсяцъ: гдѣ, въ какомъ мастерствѣ, выработаетъ она больше? Вѣдь у насъ не воду возитъ она, работа не трудная. Въ портнихи что ли отдашь ее, али въ цвѣточницы: и тамъ избалуется, коли захочетъ; всякія бываютъ, во всякомъ чину....»—Да дѣвчонка, молъ, смотритъ очень востро. — «Намъ, скажетъ, такихъ и надобно. Вотъ тебѣ Богъ, а вонъ двери.» — И пойдешь какъ весолоно хлѣбалъ.... Да положимъ, что и согласится хозяинъ: такъ согласится ли она? Куда я ее дѣну? Вѣдь игрушками не займешь ее, за книжку не засадишь. Глаза да глаза надо смотрѣть за ней. Такъ-то и выходитъ, что куда ни кинь, все клинъ.... Вотъ гдѣ скончалась покойница и сдала мнѣ на руки

Digitized by Google

Сашу—царство ей небесное! — и Саввушка набожно перекрестился, проходя мимо свѣтелки, гдѣ жилъ когда-то золотарь. Помолись за меня, помоги мнѣ выручить твое дѣтище, тронь ея сердце непокорное, наставь на разумъ, да и благослови ее жить такъ, чтобы радовались на нее ангелы, и душѣ твоей была отрада!....»

Послѣднія мысли успокоили Саввушку, и онъ пошелъ, почти съ увѣренностію въ успѣхѣ своего предпріятія — прямо въ Старую избу. Но не похмѣлье звало его туда ... Не смотря на раннее утро, пріютъ веселья былъ уже отпертъ, но посѣтителей не являлось еще никого. Саввушку привѣтствовали какъ починнаго покупателя.

— Бутылочку что ли?—спросилъ его служитель.

— Нѣтъ, братъ — отвѣчалъ Саввушка: — я выпью послѣ. А скажи сдѣлай милость, дружище, знаешь ты шарманщика, что̀ игралъ здѣсь вчера вечеромъ?

— Какъ не знать. Онъ бываетъ у насъ почти каждый день. Вы, кажись, повздорили съ нимъ маленько?

— Нѣтъ, зачѣмъ вздорить: такъ былъ разговоръ. Вѣдь онъ, я слышалъ, у Ильи Исаева живетъ?

— Ну да. Отсюда недалеко—въ Безъименномъ переулкѣ.

— А что, пріятель, хорошій человѣкъ этотъ Илья Исаевъ?

— Да такой хорошій, что лучше требовать нельзя. Перецъ горошчатый. Пять разъ смѣряетъ, одинъ отрѣжетъ. Съ походцемъ, что называется, пальца ему въ ротъ не клади: разомъ откуситъ. Образина-то какая! Настоящая пряничная форма. Дастъ шкаликъ на похмѣлье, а запишетъ косушку!....

Саввушка крякнулъ.

— Подать что ли бутылочку? Сейчасъ только изъ ледника,—настойчиво повторилъ служитель.

— Спасибо, братъ.... я послѣ... теперь такъ. Прощай, голубчикъ!

Собравъ эти неутѣшительныя свѣдѣнія о хозяинѣ шарманщиковъ, Саввушка раздумалъ идти къ нему, потому что предвидѣлъ неуспѣхъ мирныхъ переговоровъ съ такимъ человѣкомъ, а отправился въ городъ....

Digitized by Google

Лавки городскія были еще заперты; въ затворенныхъ рядахъ расхаживали одни сторожа, да слышалось бряканье цѣпей огромныхъ псовъ. Съ томительнымъ чувствомъ дождался Саввушка осьми часовъ, когда мало по малу начали сходиться сидѣльцы; потомъ стали съѣзжаться на тучныхъ рысакахъ и сами хозяева; наконецъ замелькали и покупатели.... Съ трепещущимъ сердцемъ вошелъ онъ въ одну знакомую лавку, на хозяина которой работалъ уже нѣсколько лѣтъ.

— Съ добрымъ утромъ и наше наиглубочайшее почтеніе, сударь Василій Пантелѣевичь, — сказалъ онъ, съ низкимъ поклономъ, купцу, который посылалъ сидѣльца за горячей водою для чаю. —Все ли въ добромъ здоровьѣ, батюшка?

— А, живая душа на костыляхъ!—отозвался Василій Пантелѣевичь, приземистый мужчина, довольно благообразной наружности, съ живыми движеніями и скорою рѣчью: а я ужъ сбирался въ поминанье тебя записать. Что, прыгаешь?

— Вашими молитвами, сударь, вашими. Я къ вамъ, сударь Василій Пантелѣевичь, съ просьбою, можно сказать, всеусерднѣйшею, всенижайшею. Кровная нужда....

— Что, не жениться ли вздумалъ?

— Хе-хе-хе, сударь! Вы все такой же шутникъ, значитъ такой же благодѣтель, какъ прежде. Женюсь я на то лѣто, не на это, а, если угодно, дочку замужъ выдать собираюсь.

— Да вѣдь ты, помнится мнѣ, сказывалъ, что она пропала вмѣстѣ съ матерью?

— Такъ точно, сударь; а это дѣло вотъ какое....

И Саввушка, не утаивая ничего, безъ малѣйшихъ прикрасъ, разсказалъ всю исторію Саши, прибавивъ въ заключеніе, что для выручки несчастной его любимицы требуется сто рублей, о которыхъ онъ и проситъ почтеннѣйшаго благодѣтеля.

Василій Пантелѣевичь внимательно выслушалъ его, погладилъ бороду и повелъ такую рѣчь:

— Пустое ты затѣялъ, Саввушка. Дѣвчонка-то, видно, того.... съ изъяномъ. Да вѣдь еще три года надо хлѣбомъ кормить ее, пока женихъ выищется, да и какой дуракъ возьметъ безъ приданаго. Изъ какихъ же доходовъ поведешь ты

Digitized by Google

эту канитель?.... Теперь, касательно суммы, что̀ ты просишь. Сто рублей не сто копеёкъ: ихъ на полу не подымешь и на вѣтеръ бросать не приходится. Ты думаешь, что у насъ денегъ и куры не клюютъ: какъ же, держи карманъ-то. Шея одна у насъ золота̀, да такъ золота̀, что и головы поднять нельзя. Ты смотришь, что въ лавкѣ товару много: а посмотри-ка въ книгѣ-то, сколько наставлено крестовъ, долговъ-то. Ужъ это такое колесо заведено. Сегодня я повѣрю, завтра мнѣ отпустятъ на слово. А все-таки, того и гляди, что вылетишь въ трубу, сядешь на черный камешекъ.... Такъ-то, любезный! Конечно, богачу сто рублей плюнуть стоитъ; а мы люди маленькіе....

— Батюшка, Василій Пантелѣевичь, да я къ вамъ въ кабалу пойду, душу свою заложу.... Росписку какую угодно возьмите.... на гербовой бумагѣ....

— Эхъ, правда, что безъ ума голова шебала. Первый что ли годъ ты на свѣтѣ живешь? Сегодня таскаешь ноги, а завтра Богу душу отдалъ: какая же тутъ кабала! Документъ съ тебя возьму—ладно. Ну, а вдругъ я банкрутъ, на черный-то камешекъ сяду: что̀ скажетъ конкурсъ про твой документъ? Дуракомъ меня всѣ назовутъ; въ благодѣтели, скажутъ, полѣзъ, а долговъ не платилъ. Вотъ оно что!... Да брось ты, сдѣлай милость, эту блажь. Дѣвчонкѣ, знать, на роду написана такая участь. Не одна она. Мало ли ихъ—всѣхъ не повыдашь замужъ.

Саввушка со слезами бросился на колѣни предъ разсудительнымъ Васильемъ Пантелѣевичемъ.

— Благодѣтель! не оставьте.... вамъ Богъ сторицею воздастъ.... На васъ вся моя надежда! Не доводите меня до грѣха— руки на себя наложу, если не выручу моей дочки.... Меня совѣсть замучитъ.... Богъ на мнѣ спроситъ.... Батюшка, Василій Пантелѣевичь! у васъ свои дѣтки есть: хоть для нихъ-то помогите!

— Нѣтъ, ни какъ не могу, — сказалъ онъ, подумавъ: — времена нынче крутыя. Десять рублей, такъ и быть, изволь....

Digitized by Google

— Некуда мнѣ дѣвать ихъ,—печальнo отвѣчалъ Саввушка:— я не милостыни прошу у васъ, а милости; заслужилъ бы ее.... Прощенья просимъ, Василій Пантелѣевичь, счасливо оставаться!

— Да постой на минутку, выпей чайку чашечку. Поразговоримся, и полегче будетъ, и выкинешь изъ головы эту исторію....

Саввушка съ безмолвнымъ поклономъ вышелъ изъ лавки.

«Куда теперь идти? Вѣдь какъ надѣялся-то: какъ на каменную стѣну! А добрый человѣкъ, нечего сказать: нищимъ всегда подаетъ, и ласковый такой.... Правда, сто рублей не шутка: да вѣдь сдѣлай онъ такихъ дѣлъ два-три, вотъ и купитъ себѣ царствіе небесное....»

Но на что же тебѣ, Саввушка, сто рублей? Ты бы просилъ сколько слѣдуетъ — сорокъ-то: онъ, можетъ быть, расщедрился бы на половину; нашелся бы другой добрый человѣкъ на столько же, и дѣло въ шляпѣ.

«Толкуйте вы! Какъ на что? Да куда я повернусь съ сорока-то рублями? Вѣдь это надобно отдать одному хозяину. А если онъ добромъ не возьметъ, придется силой заставлять ну, а силу-то собрать слѣдуетъ. Понимаете?.... Это разъ. Потомъ: на сухой хлѣбъ что ли посажу я мою Сашу? чай, избаловалась, къ сладенькому кусочку привыкла. А салопчикъ-то сшить на какія деньги? Я бы какъ куколку разодѣлъ ее— живи только, голубочка, не лѣзь въ петлю. И выходитъ, что и ста-то рублей еще мало. Ну, разумѣется, я, слава Богу, не безъ рукъ, сталъ бы работать день и ночь.... Ахъ Господи, Господи!.... Постой, дай попытаюсь, схожу къ этому барину.... какъ бишь его.... Архауловъ, Владиміръ Петровичь. Славный баринъ, на водку сколько разъ мнѣ давалъ. Когда это я шилъ двое брюкъ его людямъ? да съ полгода тому. Еще помню, Парфенъ, человѣкъ-то его, сказывалъ мнѣ тогда, что они на-дняхъ невѣсту въ лотарею разыгрывали.... то есть, извѣстно, не невѣсту самоё, а приданое....— Да, Владиміръ Петровичь баринъ настоящій, знакомитый. Кругъ-то какой у него заведенъ, тузы-то какіе къ нему ѣздятъ! А домъ-то—

Digitized by Google

палаты. Какъ это давича не пришло мнѣ въ голову!..., Ну-ка, Господи благослови!»

И Саввушка почти бѣгомъ пустился на Покровку.

Домъ господина Архаулова, дѣйствительно, былъ барскій, выстроенный для привольнаго житья одного семейства. Но владѣлецъ его, не смотря на то, что считалъ себѣ подъ сорокъ, оставался холостякомъ. Жилъ онъ, впрочемъ, весело и открыто, пользуясь всѣми преимуществами своего одиночества, напримѣръ ежедневнымъ выѣздомъ въ клубъ, правомъ возвращаться за полночь, участвовать въ пріятельскихъ parties de plaisirs, и тому подобнымъ. До насъ, однако, это не касается. Довольно сказать, что онъ былъ человѣкъ не безъ значенія и не совсѣмъ дюжинный, потому что гдѣ-то числился на службѣ, и по мѣрѣ своихъ силъ старался не отставать отъ вѣка.

Подъ протекціей знакомыхъ лакеевъ Саввушка дождался, пока всталъ господинъ Архауловъ. Разговоры съ ними придали ему еще болѣе надежды на успѣхъ просьбы.—«Мало-ли къ намъ ходитъ просить на бѣдность,—толковалъ Парфенъ:—всякіе бываютъ—и отставные, и салопницы, и вдовы разныя, и на невѣстъ.... всѣхъ награждаетъ, особенно какъ плакать умѣютъ. Денегъ-то дастъ, да нотацію прочтетъ такую, что только держись; переберетъ тебя всего по косточкамъ, до слезъ тронетъ. Что и говорить, баринъ первый сортъ!»— Послѣ полуторачасоваго ожиданія Саввушка позванъ былъ, наконецъ, въ кабинетъ добраго барина. Черезъ какія комнаты шелъ онъ, что находилось въ нихъ, какъ убранъ былъ кабинетъ — ничего этого не видалъ Саввушка; мысли его летали далеко.... Но вотъ и самъ господинъ Архауловъ, кушающій кофе. Саввушка отвѣсилъ поклонъ чуть не до земли.

— Садись, любезный, — ласково сказалъ господинъ Архауловъ.

Саввушка не повѣрилъ своимъ ушамъ. Господинъ Архауловъ еще ласковѣе повторилъ приглашеніе.

— Помилуйте-съ, ваше высокородіе, сударь Владимиръ

Digitized by Google

Петровичь, какъ я смѣю. Мы и постоимъ-съ.... отвѣчалъ Саввушка.

— Да вѣдь намъ надобно толковать о дѣлѣ: что же, я буду сидѣть, а ты стоять. Такъ не годится. Садись, любезный, какъ тебя....

— Саввушка-съ.

— А по отчеству?

— Саввичь-съ, да я больше Саввушка, по привычкѣ-съ....

— Ну, Саввушка Саввичь, разскажи же мнѣ, въ чемъ твоя нужда.

Саввушка робко сѣлъ на кончикъ какой-то неизвѣстной ему мебели и началъ:

— Изволите видѣть, сударь, ваше высокородіе, я человѣкъ маленькій, портной, какъ изволите знать. Живу на Божедомкѣ вотъ уже почти двѣнадцать лѣтъ; не замѣченъ ни въ какихъ качествахъ; меня всѣ знаютъ-съ. Вмѣстѣ со мною, тому лѣтъ пять, нанималъ квартиру золотарь, Григорій Кузьминъ, мастеръ своего дѣла отличнѣйшій, да попивалъ, запоемъ пилъ, съ позволенія сказать. Жена у него была, прекраснѣйшая женщина, дочка, Сашей зовутъ, да старикъ-отецъ—не здѣсь будь сказано—не въ полномъ разумѣ. Я нанималъ свѣтелку одинъ, а они напротивъ. Извѣстно, дѣло сосѣдское, другъ другомъ займаешься, ну и знакомство вели мы между собою. Послѣдній годъ передъ смертью золотарь-то ужъ очень пилъ, мертвой чашей: такое, знать, было Божье попущеніе. Анна Ѳедоровна, жена-то его, всегда была хворая, тщедушная; а какъ пошла эта непріятность, и мужъ пьетъ, и дома куска хлѣба нѣтъ, и въ морозъ трескучій надѣть нечего,—такъ и совсѣмъ слегла. Маяться да маяться—и Богу душу отдала — царство ей небесное! До послѣдняго часа была въ полной памяти.... Мужа на ту пору дома не было, три ночи къ ряду не ночевалъ; она и призываетъ меня, чтобъ долгъ христіанскій исполнить, и говоритъ, при послѣднемъ-то часѣ: «не покинь, Саввушка, моей крошечки, моей Саши....» то-есть дочери-то, сударь, словно чуяло что ея сердечко, И дѣвчонка-то тутъ же плачетъ: «не умирай, говоритъ, маменька..... Меня инда жалость взяла.... Я и го-

Digitized by Google

ворю: «Богъ свидѣтель, не покину сироты, буду ей вмѣсто отца роднаго....» Послѣ этого Анна Ѳедоровна жила всего часа съ три. Похоронили ее какъ слѣдуетъ. Мужъ, видно съ горя, давай пить пуще прежняго, и скоро нашелъ себѣ не христіанскую кончину — на улицѣ подняли. Старика, отца-то его, добрые люди опредѣлили въ богадѣльню. Сиротка-дочь осталась одна-одинехонька, безъ рода, безъ племени, безъ пристанища; а всего-то ей только десятый годокъ пошелъ! Что дѣлать, куда ее пріютить? — Живи, говорю, Сашенька, у меня; хлѣба съ насъ будетъ; а тамъ, какъ выростешь, что Богъ дастъ.... Чудо что была за дѣвочка! Какъ поняла грамоту, рукодѣлья разныя, и все такое.... Живетъ она у меня годъ, живетъ другой, и третій на исходѣ, и прожила бы такъ до совершеннаго возраста, копейку ужъ умѣла вырабатывать; да на бѣду пріѣхала изъ Рязани ея тетка.—«Пускай, говоритъ, племянница живетъ со мною; я остаюсь здѣсь въ Москвѣ.»—Признаться сказать, не лежало у меня къ ней сердца, и на видъ она была такая противная; да что дѣлать-то: мое дѣло мужское, всего не доглядишь. Отпустилъ я Сашу, и навѣщалъ ее, этакъ съ полгода. Жаловалась, что жить ей плохо, тетка очень капризна; ну да какъ быть-то: не у матушки родной. Прихожу разъ, Саши нѣтъ; спрашиваю, гдѣ она.—«Бѣжала», говоритъ тетка.—Какъ такъ?—«Бѣжала», говоритъ, да и все тутъ....» Господи, Господи! думаю, что же это за наказаніе послалъ Ты на меня. Свою-то дочь родную я потерялъ, и названой лишился.... А я только-что сшилъ-было ей новый капотецъ да башмачки купилъ.... Съ того времени не было никакого слуха о Сашѣ. Умерла, вѣрно, сироточка моя, думалъ я: а то какъ бы не придти ко мнѣ!.... Вотъ, вчерашняго числа, сударь, ходилъ я къ Сухаревой съ кое-какими перекропками. Усталъ порядкомъ и захотѣлось мнѣ отдохнуть. Зашелъ я, извините сударь ваше высокородіе, въ полпивную лавочку; грѣшный человѣкъ, выпилъ таки маленько. Сижу да на народъ гляжу.... Вдругъ—смотрю: моя Саша съ шарманкой въ полпивной, одѣта мальчикомъ, пѣсни поетъ, а что слышитъ-то — въ пору нашему брату, мужчинѣ. Сами изволите

Digitized by Google

знать, мѣсто какое: что ни шагъ, то грѣхъ да соблазнъ. Каково же дѣвочкѣ-то! Кровью облилось у меня сердце.... До чего доведетъ ее эта жизнь, куда пропадетъ ея честь, какъ скоротаетъ она свой вѣкъ, на что̀ погубитъ свою молодость, за что̀ будетъ терпѣть такую участь!.... А вѣдь ужъ не маленькая, все понимаетъ—четырнадцать лѣтъ дошло. Со слезами началъ я уговаривать ее, чтобъ бросила эту жизнь; да ужъ шибко забрало ее, далеко завели ее лиходѣи: «не хочу, говоритъ, богатой хочу быть....» Понимаете, сударь, ваше высокородіе: богатой! Какой-то злой человѣкъ нашепталъ ей, какъ дѣлаются молоденькія дѣвушки богатыми! Да, можетъ быть, она и согласилась бы, уговорилъ бы я ее· такъ нельзя отойдти отъ хозяина — много задолжала ему—а хозяинъ-то бестія преестественная.... Вотъ, сударь, ваше высокородіе, мое горе и моя нужда. Дочку выручить мнѣ надо. Клятву я себѣ далъ. Со слезами молю ваше высокородіе: окажите это благорасположеніе.... Вамъ слово стоитъ сказать.... денегъ не много потребуется.... Я ихъ заслужу вашей милости, по гробъ жизни моей буду вашъ слуга! Меня, старика, вы изъ мертвыхъ воскресите, и душу христіанскую отъ смертнаго грѣха отведете. Вы благодѣтельствуете всѣмъ; добрыя дѣла радуютъ васъ каждый день.... Ваше высокородіе, Владиміръ Петровичъ! — И Саввушка бросился предъ нимъ на колѣни.

— Встань, любезный, встань, я этого не люблю,—ласково сказалъ господинъ Архауловъ, поднимая Саввушку. — Теперь ты выслушай меня. Разумѣется, ты хочешь сдѣлать доброе дѣло?

— Если ваша милость будетъ, то съ Божіею помощію.... авось....

— Такъ. Ну, а вѣдь всякое дѣло вѣнчаетъ конецъ, хорошо начнешь, да какъ кончишь — на это надобно смотрѣть. Напримѣръ, когда ты шелъ сюда, навѣрно, ты думалъ не о томъ только, какъ будешь просить меня, а какой выйдетъ изъ этого толкъ?

Digitized by Google

— Правду изволите говорить....

— Вотъ видишь ли. Значитъ, надобно разсмотрѣть, что̀ произойдетъ изъ твоего, повидимому добраго дѣла. Скажи, что̀ станетъ дѣлать дѣвочка, когда отойдетъ отъ хозяина?

— Да пока бы, годокъ-другой, пожила у меня, — много ли ей надо, да и сама кое-что заработаетъ, хоть на башмаки себѣ; а потомъ, если Богъ пошлетъ добраго человѣка....

— То есть замужъ надѣешься отдать ее? Хорошо. Положимъ даже, что найдется какое-нибудь приданое. Выйдетъ она, разумѣется за мастероваго, у котораго только и капиталу, что руки да голова. Какъ водится, пойдутъ у нихъ дѣти — малъ-мала меньше: чѣмъ тогда станутъ жить твои супруги? Вѣдь изо ста примѣровъ, самъ знаешь это, развѣ одинъ только выдается случай, чтобы работникъ сдѣлался хозяиномъ. А сколько же онъ выработаетъ? Много-много двѣсти-триста рублей. На эту сумму двое они еще прожѝвутъ какъ-нибудь, а съ семьей не возможно. Нынче недостанетъ одного, завтра другаго, послѣ завтра платье въ закладъ, потомъ салопъ, а тамъ и заложить больше нечего, и ѣсть нечего.... Домохозяинъ требуетъ денегъ, квартира стоитъ нетопленая, дѣти плачутъ, жена охаетъ.... Горе возьметъ мужа, отца семейства; выпьетъ онъ разъ, чтобы заглушить его, выпьетъ другой, да и пойдетъ пспивать, и жалованье его все уйдетъ въ питейный домъ.... Понимаешь, что̀ происходитъ вслѣдствіе этого, какая глубокая нищета водворяется въ несчастномъ семействѣ, какъ проклинаютъ они свои дни, не осушая глазъ, въ какомъ мрачномъ видѣ представляется имъ будущность, что дѣлается съ дѣтьми такихъ злополучныхъ родителей?... И кто же виновникъ этихъ мученій, гдѣ корень зла, кого не помянутъ они добромъ? — Того, кто, думая сдѣлать доброе дѣло, устроилъ ихъ бракъ, нищую выдалъ замужъ за бѣдняка.... Понялъ ли ты, братецъ?

— Какъ не понять, ваше высокородіе: мало ли нужды на свѣтѣ! Да Богъ-то, Отецъ нашъ милосердый, на что? Онъ птицъ небесныхъ питаетъ....

Digitized by Google

— Хорошо, хорошо, знаю, что ты хочешь сказать. Устроить подобный бракъ, значитъ увеличить число бѣдныхъ — это истина неоспоримая, не у насъ однихъ, а во всей Европѣ, на всемъ земномъ шарѣ. Понимаешь? Когда я говорю, стало быть такъ, мнѣ все равно—это для твоей же пользы. Возьми себѣ въ голову и то, что дѣвочка, по твоимъ словамъ, бойкая и уже теперь смотритъ не туда, куда должно. Это второе зло. Изъ нея уже никакъ не выйдетъ доброй, работящей, послушной жены, какую надобно мастеровому. Слѣдовательно....

— Да что вы, сударь, ваше высокородіе! — осмѣлился Саввушка прервать разсудительную рѣчь господина Архаулова: — не извольте опасаться. Я ее зналъ еще вотъ какой крохоткой, зналъ вотъ и этакой: не переродилась же она. Извѣстно, слышитъ дурацкія рѣчи — и заходилъ вѣтеръ въ головѣ, а сердце у ней предоброе-доброе, повѣрьте моей совѣсти, сударь Владимиръ Петровичъ: никакого афронта отъ нея не можетъ произойдти.

— Опять-таки, любезный, это одни предположенія, на которыхъ нельзя и не должно основываться. Я смотрю впередъ, и, повѣрь моей опытности, вижу дальше тебя. Ты, можетъ быть, думаешь, что мнѣ жаль денегъ; скажи, сколько надобно — сто, двѣсти, триста, пятьсотъ рублей — сейчасъ готовы. Ты знаешь, что я не отказываю никому; но всякая благотворительность должна быть разумнымъ дѣйствіемъ, а не безотчетнымъ, необдуманнымъ порывомъ сердца. Если я нерѣдко помогаю ложной бѣдности, то есть, людямъ, которые не заслуживаютъ пособія, такъ это потому, что зло уже сдѣлано, они уже неисправимы; но видѣть начало зла и дать ему средства расти, увеличиваться — нѣтъ, это не въ моихъ правилахъ, это легло бы у меня на душѣ. Пойми меня, любезный: пусть будетъ она одна несчастна, а не двое, не пять человѣкъ....

— Ваше высокородіе, — прервалъ опять Саввушка:—ей-Богу, осмѣлюсь сказать, впередъ вы слишкомъ заглядываете.

Digitized by Google

Богу одному извѣстно, что̀ ждетъ насъ Не смѣю спорить съ вами ; гдѣ же нашему брату понимать все ! Только ужъ позвольте мнѣ этотъ грѣхъ — коли точно онъ грѣхъ — взять себѣ на душу. И не пройдетъ недѣли , сударь ваше высокородіе , какъ придемъ мы къ вамъ съ моей дочкой на поклонъ — поглядите тогда на нее: навѣрно одобрите и насчетъ поведенія ; а годика черезъ два она же пріѣдетъ къ вамъ съ молодымъ мужемъ благодарить своего благодѣтеля ; а черезъ пять-то лѣтъ, если Богъ потерпитъ грѣхамъ, за ваше здоровье денно и ночно будутъ молиться двѣ или три ангельскія душки, отецъ съ матерью, да я старикъ.... Повѣрьте , сударь , моему простому , глупому , неученому разуму....

— Вѣрю , что ты добрый человѣкъ — и только. Быть просто добрымъ мало для того, чтобы благотворить, и ожидаемая польза можетъ обратиться во вредъ. Это я уже объяснилъ тебѣ и доказалъ. Замѣчу еще, что напрасно ты безпокоишься объ участи дѣвочки: оставь ее идти своей дорогой ; если она и падетъ, и будетъ жертвой судьбы, то одна; а пожалуй (бываютъ и такіе случаи) она пройдетъ этотъ путь спокойно, не подозрѣвая лучшей жизни. Въ отсутствіи сознанія самихъ себя и заключается для многихъ людей счастіе, то есть, если, напримѣръ , ты не понимаешь, что сдѣлалъ что-нибудь дурное, такъ и совѣсть тебя не безпокоитъ. — Понялъ ? Теперь я сказалъ все. Повѣрь , что послѣ ты поблагодаришь меня за то, что я не исполнилъ твоей просьбы. Ступай съ Богомъ. Это возьми себѣ на расходы....

И цѣлковый подалъ онъ Саввушкѣ.

Не хотѣлось обезудаченному слушателю вѣрить , чтобы только этимъ и кончилась рѣчь его оратора, чтобы не оставалось болѣе никакой надежды на перемѣну мыслей благодѣтеля , отъ доброты котораго ожидалось такъ много.... Все думается ему, что господинъ Архауловъ непремѣнно скажетъ: «Я пошутилъ, братецъ ; вотъ тебѣ деньги — выру-

Digitized by Google

чай свою дочку». Но минута идетъ за минутой, и много ихъ прошло, а Владимиръ Петровичъ раскрываетъ ротъ лишь затѣмъ, чтобы допить простывшій кофе, и, повидимому, вовсе не замѣчаетъ присутствія Саввушки. Наконецъ онъ позвонилъ, спросилъ одѣваться, и, взглянувъ на Саввушку, сказалъ что-то камердинеру. Этотъ послѣдній дернулъ гостя за платье и указалъ глазами на дверь. Понятно.... «Прощайте, ваше высокородіе!»...

Опять идетъ горемыка по тѣмъ же роскошно-убраннымъ комнатамъ и не видитъ ничего; опять обступаютъ его въ передней лакеи съ разспросами, и онъ не помнитъ что отвѣчаетъ имъ....

— Выпей-ка водицы, — заботливо говоритъ Парфенъ: — вишь, какъ упарилъ тебя баринъ. Знать, рацею такую прочиталъ, что и въ годъ не позабудешь. Хорошо?

— Хорошо, — говоритъ Саввушка, и плетется на улицу.

«Что, ужъ не перевернулся ли свѣтъ вверхъ дномъ? Нѣтъ, все на своемъ мѣстѣ — и дома, и люди. Что же это у меня голова идетъ кругомъ и передъ глазами словно туманъ какой?... Незадача, да и только! Вотъ что значитъ ученье-то: въ чемъ хочешь увѣритъ тебя, и поперечить нельзя....

Сильный толчекъ прервалъ разсужденія Саввушки.

— Экъ разинулъ ротъ-то: ворона влетитъ! — крикнулъ мимоходомъ разнощикъ съ лоткомъ, задѣвъ портнаго локтемъ.

«Зазѣвался маленько, любезный. Въ головѣ-то у меня.... того...: дребедень. Ты вотъ бѣжишь, знаешь куда, на барышъ надѣешься: а мнѣ надѣяться на что? Вонъ, извощикъ ѣдетъ — сѣдока надѣется залучить, а это сапожникъ съ работой на рысяхъ бѣжитъ въ городъ — на деньженки надѣется; гляди, и баринъ-то идетъ бодрой походкой — тоже, и чай, на какой-нибудь интересъ разсчитываетъ.... У всѣхъ хоть мало-мальски есть надежда; плохо жить безъ нея на свѣтѣ. А у меня-то какая? Куда теперь пойдешь, кого просить?...

Digitized by Google

Остатокъ этого дня Саввушка просидѣлъ дома. Работа не шла ему на умъ; на пищу не было позыва; а думы, одна другой печальнѣе, приходили сами собою, незваныя, и гнули сѣдую голову. Около сумерекъ онъ опять пошелъ въ Старую избу.

Вотъ уже болѣе часу стоитъ передъ нимъ бутылка, а онъ еще и не принимался за нее—все смотритъ по сторонамъ, какъ будто ожидая вчерашнихъ сценъ. Но сцены эти не повторялись, и вообще въ заведеніи было и гостей и шума вполовину противъ вчерашняго. Изъ прежнихъ посѣтителей Саввушка замѣтилъ одного только Ѳединьку, который былъ одѣтъ уже не въ щегольское полукафтанье, а въ старый затрапезный халатъ, распивалъ не дюжину, а одну бутылку, и то выпрошенную въ долгъ у буфетчика, который сегодня не оказывалъ особеннаго вниманія къ прокутившемуся гулякѣ.

Прошло еще съ часъ; не мало посѣтителей смѣнилось въ заведеніи, а Саввушка и съ мѣста не трогался, и пива не пилъ. Лавочку стали запирать.

— «Нѣтъ, видно не придетъ моя Саша», — проговорилъ онъ со вздохомъ и побрелъ домой.

У воротъ его дома, не смотря на поздній часъ, стоялъ кружокъ молодицъ, которыя съ жаромъ разговаривали между собою.

— Что, и ты, вѣрно, на свальбѣ былъ? — спросила Саввушку одна изъ нихъ.

— На какой?

— Да у насъ въ приходѣ была. Курлетова замужъ свою воспитанницу выдала, за какого-то судейскаго: парочка славная. Мы сейчасъ оттуда. Балъ какой — музыка, танцы....

— Какая Курлетова? Та, что въ Мѣщанской живетъ? — спросилъ Саввушка, вдругъ озаренный счастливою мыслію.

— Ну да, она самая — Ольга Петровна, генеральша. Одну воспитанницу выдала, а другая на рукахъ осталась; и

Digitized by Google

ей пріищетъ женіха. Добрая барыня, дай ей Богъ много лѣтъ здравствовать! ужъ сколько спроть на своемъ вѣку пристроила къ мѣсту.

Саввушка принялъ къ свѣдѣнію это обстоятельство, и рѣшился на другой день попытать счастія — сходишь съ поклономъ къ госпожѣ Курлетовой. «Утро вечера мудренѣе; авось, Господь не до конца прогнѣвался на насъ», — подумалъ онъ, и легъ немного успокоенный.

Недалеко отъ Божедомки, въ одной изъ Мѣщанскихъ, стоялъ уютный деревянный домъ съ мезониномъ — жилище покровительницы бѣдныхъ невѣстъ. На воротахъ значилось: «статской совѣтницы»; но госпожу Курлетову всѣ сосѣди на версту кругомъ называли не иначе, какъ «генеральша», а въ глаза: «ваше превосходительство», — и никто не смѣлъ усомниться въ законности этого титула. Вдова, съ изряднымъ независимымъ состояніемъ, она умѣла поставить себя въ такое положеніе, что между свѣтилами *своего* круга составляла звѣзду первой величины, и занимала почетное мѣсто на всѣхъ балахъ и вечерахъ, на свадьбахъ, крестинахъ и похоронахъ. Находясь въ тѣхъ почтенныхъ лѣтахъ, когда умная женщина перестаетъ уже думать о замужствѣ, она обратила всю свою дѣятельность на бракосочетаніе другихъ, — и можно сказать, что была свахою по страсти, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, свахою въ благородномъ значеніи этого слова, потому что не просто сватала, а «составляла партіи». Всѣ чающіе супружества — дѣвицы и зрѣлыя дѣвы, молодыя вдовушки и молодящіяся вдовы, розовые юноши и основательные молодые люди, солидные холостяки и разсчетливые вдовцы — всѣ у ней были на счету, и для каждаго она, хотя мысленно, составляла «приличную партію». Для влюбленныхъ она была настоящею благодѣтельною волшебницей.—«Ольга Петровна! составьте наше счастіе»! — умоляла ее парочка нѣжныхъ голубковъ, къ которымъ не благоволила судьба, — и Ольга Петровна ѣздила, просила, переписывалась, убѣждала, интриговала, словомъ, хлопотала до тѣхъ поръ, пока желанія влюбленныхъ не увѣнчивалось успѣ-

Digitized by Google

хомъ. — «Ольга Петровна, — говорилъ ей какой-нибудь промотавшійся герой средней руки: — поправьте мою карьеру, остепените меня; финансы чертовски разстроены! — И Ольга Петровна искусными дипломатическими мѣрами сближала его съ жаждущею брака вдовою и соединяла ихъ неразрывными узами. — «Ольга Петровна! какъ матери родной открываюсь вамъ: жить не могу безъ Вольдемара»! — жеманно и стараясь покраснѣть, шептала ей перезрѣлая дѣва. И добрая покровительница употребляла всю свою изобрѣтательность, чтобы вздохи дѣвы обратились въ томныя нѣжности супруги. — Мало того: про запасъ, на случай, у Ольги Петровны всегда были двѣ-три воспитанницы, сироты или дочери небогатыхъ родителей, и для каждой изъ нихъ она умѣла найдти хорошую партію. Скорѣе разсчетливая, чѣмъ щедрая, Ольга Петровна не скупилась, однако, когда приходили къ ней просить на приданое бѣднымъ невѣстамъ, и надѣляла просительницу двумя-тремя поношенными платьями, старымъ бѣльемъ и даже деньгами; а если невѣста была миловидна собою, то нерѣдко вызывалась быть у ней посаженою матерью, и, какъ водится, не скупо отдаривала названую новобрачную свою дочь.

Къ этой-то госпожѣ рѣшился Саввушка идти съ просьбою о своей Сашѣ, и уже заранѣе утѣшалъ себя мыслію, что, авось Богъ дастъ, крошечка его будетъ пристроена, что генеральша возьметъ ее къ себѣ въ домъ, обучитъ всему, можетъ быть, и по-французскому, да и выдастъ за хорошаго человѣка, пожалуй еще за благороднаго....

Просители генеральши раздѣлялись на два разряда: просто на бѣдныхъ и на бѣдныхъ съ невѣстами. Къ первымъ она выходила сама въ переднюю, послѣдніе допускались въ залу. Старый дворецкій досконально распросилъ Саввушку, кто онъ и зачѣмъ.

— Что жъ ты ее, дочь-то, не привелъ съ собой! — замѣтилъ онъ съ упрекомъ, выслушавъ разсказъ портнаго.

— Да она у мѣста живетъ, нельзя, — отвѣчалъ Саввушка.

Digitized by Google

— Какъ же я доложу генеральшѣ?

— Такъ и скажите: отецъ, молъ, пришелъ, а дочь явится послѣ благодарить ваше превосходительство; онъ, молъ, здѣшній обыватель — вѣдь я на Божедомкѣ живу, у Дарьи Герасимовны, Саввушка, портной, можетъ быть изволили слыхать? Такъ и скажите: отецъ, молъ, съ слезнымъ прошеніемъ на бѣдную невѣсту, а дочь, молъ, послѣ....

Убѣжденный этимъ доводомъ, дворецкій пошелъ докладывать, и черезъ нѣсколько минутъ позвалъ Саввушку въ залу.

Генеральша сидѣла вмѣстѣ съ какой-то молодой дѣвушкою, вѣроятно ея воспитанницею, судя по ихъ взаимному обхожденію. Окинувъ Саввушку взглядомъ и видимо довольная его грустно-почтительною наружностію, она привѣтливо спросила:

— Что тебѣ, старичекъ? Дочку замужъ выдать сбираешься? Хорошее дѣло.

— Такъ точно-съ, ваше превосходительство. Только, осмѣлюсь доложить, не родная она мнѣ дочь, да стала больше родной. Изволите видѣть, ваше превосходительство, какъ дѣло-то было....

И Саввушка разсказалъ генеральшѣ извѣстную намъ исторію Саши....

При словахъ: «полпивная лавочка», Ольга Петровна вопросительно взглянула на молодую дѣвушку.

— Je crois, maman, que c'est un cabaret, — отвѣчала та нараспѣвъ.

— Нѣтъ, не кабакъ, сударыня, смѣло замѣтилъ Саввушка, поймавъ налету знакомое ему слово:—кабакъ совсѣмъ другое, у кого угодно извольте спросить; а это лавочка, заведеніемъ называется, народъ хорошій бываетъ, и изъ купечества много....

— Все-таки не хорошо дѣвочкѣ наряжаться въ мужское платье и заходить въ такое мѣсто,—возразила генеральша:—вѣрно, она получила дурное воспитаніе?

Digitized by Google

— Какое, матушка ваше превосходительство, воспитаніе! Извѣстно, обучили кое-какъ грамотѣ, да иголку въ рукахъ держать, и все тутъ воспитаніе. А дѣвочка, смѣю доложить, добрая, съ поведеніемъ....

— Что же я могу сдѣлать для тебя?

— Заставьте за себя вѣчно Богу молить, ваше превосходительство, будьте ей вмѣсто матери, осчастливьте сироту.... если милость будетъ, къ себѣ въ домъ ее возьмите: она лучше всякой крѣпостной услужитъ вашему превосходительству....

— Какъ можно, чтобы я сдѣлала изъ нея служанку!... Который ей годъ?

— Четырнадцать лѣтъ минуло, ваше превосходительство.

— Гмъ! Еще три-четыре года.... Къ тому времени.... можетъ быть, Картофелинъ, Ѳедя, поправится, получитъ мѣсто.... Это ничего, можно, — медленно проговорила генеральша, разсчитывая что-то: — притомъ же теперь и Поли нѣтъ; вмѣсто ея было бы прекрасно, и Лизѣ веселѣй.... Да, это можно устроить. А гдѣ служилъ ея отецъ?

— То есть, какъ же это, матушка ваше превосходительство? — съ недоумѣніемъ спросилъ Саввушка, не понявъ вопроса генеральши.

— Ну, въ какомъ присутственномъ мѣстѣ онъ служилъ?

— Помилуйте, ваше превосходительство! Ему ли было соваться въ присутственные: разъ выбрали-было въ цеховую, такъ насилу отбоярился. Я ужъ докладывалъ вашей милости: золотарь по дереву онъ былъ, и кабы не испивалъ, нажилъ бы копейку.

— Такъ онъ былъ мастеровой, простой мастеровой? — сказала генеральша голосомъ, въ которомъ слышалось изумленіе.

— Мастеровой, какъ слѣдуетъ, ваше превосходительство, и отличный мастеръ своего дѣла.

Digitized by Google

— Стало быть, я не могу ничего сдѣлать для тебя. А жаль, очень жаль! Вмѣсто Поли я съ удовольствіемъ бы взяла....

— Возьмите, ваше превосходительство, возьмите, сударыня. Для меня-то ничего и не дѣлайте, мнѣ ничего не требуется; а сироткѣ благодѣяніе окажите....

— Не могу, мой милый, рѣшительно не могу! Если бы ея отецъ имѣлъ званіе.... А то какъ можно: куда я пристрою ее—у меня нѣтъ такихъ партій.

— Ваше превосходительство, да вы сдѣлайте изъ нея что угодно: на все способна....

— Ничего не могу. У меня и въ дворнѣ какъ кто хочетъ, такъ и женится.... Да и какой примѣръ подастъ это другимъ, что скажутъ обо мнѣ: мѣщанку воспитываетъ!... Какая она воспитанница, какъ это можно!

— Ваше превосходительство! для добраго дѣла всѣ равны.... Она будетъ прислуживать вашей милости, день и ночь станетъ служить.... только спасите ее, не допустите до погибели!

— Ахъ, не могу,—сказала, что не могу!... Для своей горничной я буду пріискивать партію—очень прилично это мнѣ!... Ты вотъ что сдѣлай, старичекъ: возьми ее къ себѣ, запиши кандидаткой на Шереметевскія награды бѣднымъ невѣстамъ, пріищи хорошаго жениха, и приходите потомъ ко мнѣ. Два года не увидишь, какъ пройдутъ. Чѣмъ буду въ силахъ, я охотно помогу. А теперь нѣтъ.... это противъ моихъ правилъ....

V.

Лѣто было уже на исходѣ, и дарило Москвичей послѣдними красными деньками. Загородныя гулянья пестрѣли народомъ. Въ Марьиной рощѣ готовился «великолѣпный бриллiантовый фейерверокъ», съ полковою музыкой и пѣсенни-

Digitized by Google

ками, съ представленіемъ дѣвицы Розы на канатѣ и опытами геркулесовской силы какого-то господина Александра на открытомъ мѣстѣ. Безплатное зрѣлище и ясный, теплый день привлекли въ Марьину рощу тысячи народа....

Далеко разносятся пѣсни голосистаго хоровода, весело гремитъ музыка, перемежаясь разудалыми голосами пѣсенниковъ, разнощики бойко выкрикиваютъ свои товары, народъ жужжитъ какъ пчела, орѣхи щелкаютъ, самовары кипятъ, раекъ тѣшитъ прибаутками толпу слушателей.... Весело, очень весело; а веселѣе всего то, что солнышко привѣтливо грѣетъ и землю, и людей, что небо ясно, что деревья еще зеленѣютъ, освѣженныя недавнимъ дождемъ, и трава споритъ съ ними яркостью своего цвѣта, что вся природа какъ будто улыбается человѣку и говоритъ: «спѣши наслаждаться жизнію, пока я еще не состарѣлась»....

Какъ не спѣшить, особенно, когда и въ жизни-то подула уже ненастная осень! Поэтому не диво, что и Саввушка притащился въ Марьину рощу, разумѣется, не за тѣмъ, чтобы себя показать, а чтобъ людей посмотрѣть. Сказать правду, у него и въ мысляхъ не было таскаться по гуляньямъ, да такъ случилось, что ужъ кстати было зайдти сюда: въ Останкино работу носилъ.

Не веселъ Саввушка, и гуляютъ одни его ноги, а не онъ. Смотритъ на народъ, на чужое веселье, да безъ толку: гдѣ не доглядитъ, а гдѣ и вовсе ничего не видитъ. Подойдетъ къ хороводу, постоитъ, послушаетъ; а спроси его, какую пѣсню играли, навѣрно не умѣетъ сказать; проберется къ пѣсенникамъ, постоитъ и у нихъ, но уже не прищелкиваетъ подъ пѣсню въ ладъ, какъ обыкновенно дѣлывалъ прежде; вмѣшается въ толпу, а зачѣмъ—и самъ не знаетъ.... Переходя съ мѣста на мѣсто, онъ встрѣтился съ однимъ старымъ знакомымъ, когда-то закадычнымъ другомъ, который былъ довольно навеселѣ и бросился обнимать Саввушку.

— Другъ сердечный, тараканъ запечный!—вскричалъ тотъ радостно:—вотъ не чаялъ-то! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Ахъ, дружище! Здоровъ ли?

Digitized by Google

— Таскаю ноги по-маленьку, — отвѣчалъ Саввушка.

— Да ты что-то постарѣлъ, похудѣлъ? Или такъ нахохлился, досада на сердцѣ есть?

— Нѣтъ, ничего.... Прощай, Петровичь.

— Э, Саввушка, шалишь. У насъ такъ не ходитъ, — настойчиво сказалъ Петровичь, хватая своего сотоварища за руку. — Благо попался мнѣ. Нѣтъ, братъ, такъ не уйдешь отъ меня. Пойдемъ, выпьемъ. У меня еще рублишка съ два осталось; протремъ имъ глаза.

— Я не пью, отвяжись ты отъ меня, — съ досадою проговорилъ Саввушка.

— Пока не поднесутъ? Знаемъ мы тебя, старый хрѣнъ. Ну, идемъ проворнѣе, тамъ и покалякаемъ.

— Право не пью, Петровичь; вотъ уже другой мѣсяцъ, капли въ ротъ не бралъ. Спасибо на ласковомъ словѣ

— Да что ты, опомнись! Зарокъ развѣ далъ—такъ можно разрѣшить для этакого случая.

— Нѣтъ, не зарокъ, а просто, въ горло нейдетъ прощай, Петровичь: мнѣ некогда!

— Пропадшій человѣкъ! совсѣмъ пропадшій!—съ негодованіемъ произнесъ Петровичь, махнувъ рукою вслѣдъ Саввушкѣ, который почти бѣгомъ пустился отъ него въ сторону, къ Нѣмецкому кладбищу, гдѣ собралась густая кучка народа.

Оттуда раздавались веселые звуки шарманки, и продравшись сквозь толпу, Саввушка увидѣлъ, что игралъ *Тальянецъ*, по заказу одного тороватаго господина, а ученая обезьяна представляла разныя штуки. Поглазѣвъ минуты съ двѣ на это увеселеніе, онъ повернулся-было, чтобы идти опять куда глаза глядятъ, какъ вдругъ услышалъ свое имя, произнесенное кѣмъ-то въ толпѣ зрителей. Онъ двинулся на голосъ и увидалъ — Сашу.... На этотъ разъ она была одѣта не по мужскому.

Digitized by Google

— Голубушка моя! гдѣ ты досель пропадала? — вскричалъ Саввушка, обнимая дѣвочку и выходя съ нею изъ толпы.

— Въ ярмарку ѣздила; хозяинъ посылалъ, — отвѣчала Саша.

— А я ужъ искалъ, искалъ тебя—и по лавочкамъ, и по гуляньямъ, и на квартирѣ на вашей былъ — не добился никакого толку: вотъ и здѣсь всѣ глаза проглядѣлъ, все думаю, не встрѣтится ли мнѣ моя Саша.... Ахъ ты, сироточка, сироточка!... Одна ты здѣсь?

— Нѣтъ, съ органомъ; да товарищъ-то подгулялъ.

— Да что такъ не весела? Здорова ли?

— Ничего, слава Богу.... На ярмаркѣ гости все пить заставляли; плясала много....

— Ахъ, глупенькая, глупенькая! Хорошо ли это? ты бы не пила!

— Насилкой заставляютъ, а то и денегъ не отдадутъ. А въ Кунавинѣ одинъ купецъ такъ всю меня виномъ облилъ — противный этакой!... Вотъ, у цыганъ гораздо лучше житье; я пошла бы къ нимъ—они говорили, да нельзя, хозяинъ не отпускаетъ. Только ужъ и у него ни за какія блага не останусь жить: вижь, съ чѣмъ вздумалъ подъѣзжать!...

Саввушка тяжело вздохнулъ и перекрестился.

— Охъ Саша, Саша! Спаси тебя Господи отъ злыхъ людей. Поядомъ они съѣдятъ тебя, сироточку; некому заступиться за тебя, горькую. Старъ и глупъ я, ничего не смогу сдѣлать. За что же пропадешь ты, бѣдняжечка?

— Да не пропаду, не печалься; сказала, что разбогатѣю скоро, брошу съ шарманкой ходить.... Купи-ка мнѣ орѣшковъ хоть полфунтика. Купишь, Саввушка?

Саввушка поспѣшилъ исполнить просьбу своей любимицы, и дѣвочка весело защелкала зубками, забывъ недавнее огорченіе. На разспросы Саввушки она отвѣчала шутками, и наконецъ, не переставая грызть орѣхи, принялась напѣвать вполголоса какую-то пѣсенку.

Digitized by Google

— Дурочка несмысленная, — сказалъ Саввушка съ упрекомъ: — не то что видѣть, и не понимаешь ты горя, не видишь бѣды, что сбирается надъ твоей головкой.... Охъ, сироточка, сироточка!

— Какое тамъ еще горе выдумалъ! Скучный какой! Посмотри на людей-то: у всѣхъ, можетъ быть, есть горе, да вѣдь никто не хнычетъ. Пойдемъ посмотримъ представленіе, какъ на канатѣ пляшутъ — скоро начнется — вотъ и не будетъ скучно. Пойдешь?

— Съ тобой куда хочешь пойду; только и ты уважь меня. Сходимъ прежде на могилку къ твоей матушкѣ. Вонъ, видишь за валомъ-то: тамъ и лежитъ она... Пойдемъ, милочка! Ты, я чай, ни разу еще не навѣстила ея.

— Послѣ когда-нибудь, въ другой разъ, теперь не хочется, — отвѣчала Саша нерѣшительно: — пожалуй еще товарищъ хватится.

— Всего одна минута, два шага отсюда; успѣешь и представленье посмотрѣть, а шарманщикъ тебя не хватится. Пойдемъ, моя крошечка; утѣшь меня, вспомни родимую свою матушку, — умоляющимъ голосомъ сказалъ Саввушка, и взялъ дѣвочку за руку.

Саша нехотя послѣдовала за нимъ.

Только одинъ валъ отдѣлялъ поле разгульнаго веселья отъ тихаго жилища смерти, и изъ рощи видны были мелькавшіе по окраинѣ кладбища кресты. Но такое близкое сосѣдство, казалось, не мѣшало никому тѣшиться жизнью здѣсь, на одной сторонѣ, и думать о жизни, тамъ на другой. — Думалъ ли о чемъ-нибудь Саввушка съ своею спутницею — неизвѣстно, но оба они шли молча. На гуляньѣ только-что зарождался еще вечеръ, на кладбищѣ начиналась уже ночь. Широкія тѣни ложились между лѣсомъ крестовъ, вѣтвистыми березами и вербами; густой туманъ носился надъ влажною землею. Со стороны долеталъ отголосокъ говора и пѣсенъ, слышался шумъ и гамъ, но на самомъ кладбищѣ не было ни одной живой души.

Digitized by Google

— Какъ жутко здѣсь, я боюсь, — шептала Саша, робко слѣдуя за своимъ вожатымъ и прижимаясь къ нему.

— Ты къ маменькѣ идешь, не къ чужой: чего жъ бояться,—отвѣчалъ Саввушка, продолжая торопливо идти и сворачивая то въ ту, то въ другую сторону среди лабиринта могилъ, между которыми лишь одна память сердца могла отыскать *свою родную*.

— Вотъ мы и пришли, — сказалъ онъ, подходя къ едва замѣтной могилѣ, поросшей травою забвенья и необозначенной даже крестомъ:—вотъ и матушка твоя родимая. Поклонись ей, Сашенька, попроси помолиться за тебя и сама помолись....

Набожно перекрестился Саввушка и поклонился до земли праху усопшей; слезинка блеснула въ глазахъ дѣвочки, когда она послѣдовала его примѣру.

— Молись, Саша, молись!... Скажи, вотъ, молъ, маменька, и я пришла къ тебѣ въ гости. Узнаешь ли свою дочку, благословишь ли меня, какъ благословила передъ смертью? Зачѣмъ и на кого покинула ты свою Сашу? Живу я сироткой, у чужихъ людей, много вижу горя, а впереди готовлю еще больше, готовлю гибель, отъ своего отъ глупаго отъ разума.... Матушка, слышишь ли свою дочку? Слышишь ли меня, старика? Мнѣ отдала ты ее на руки, передъ Богомъ поручился я за сироту,—и вотъ до чего довели ее недобрые люди.... Чай, тревожатся твои кости и въ сырой землѣ, ноетъ душа, не легко тебѣ, можетъ статься, тяжелѣ, чѣмъ было здѣсь, пока маялась на семъ свѣтѣ: да мнѣ-то развѣ легче?... Господи, Господи! согрѣшилъ я предъ Тобою.... Минуты спокойной нѣтъ моему сердцу, точно душу я христіанскую загубилъ...

Но Саша, припавъ головкой къ могилѣ матери, плакала навзрыдъ, цѣловала землю и лепетала: «Маменька, голубушка, встань хоть на минуту»!...

Брызнули слезы изъ глазъ и у Саввушки. Снова перекрестился онъ, обнялъ дѣвочку и сталъ утѣшать ее.

Digitized by Google

МЮРАТЪ.

(Статья Ламартина.)

Мюратъ былъ сынъ простаго земледѣльца, содержавшаго деревенскую гостинницу въ Бастидѣ, небольшомъ селеніи Южной Франціи, лежащемъ на оборотѣ Пиринеевъ, жители которыхъ, цвѣтущіе силой и здоровьемъ, одаренные острымъ умомъ, страстные къ приключеніямъ, вдыхаютъ въ себя рыцарскій духъ близкой къ нимъ Испаніи, сохраняютъ благородную гордость въ самомъ низкомъ классѣ и напоминаютъ своей неустрашимостью, что они земляки Генриха IV. Еще дитя, еще пастухъ, онъ ужъ крѣпчалъ отъ своихъ сельскихъ привычекъ и сельскихъ работъ. Помогая отцу, вмѣстѣ съ своими братьями, то въ полѣ, то въ гостинницѣ, онъ между тѣмъ страстно любилъ лошадей, которыхъ жители той страны воспитываютъ какъ Арабы и Андалузцы. Полный распорядитель конюшни своего отца, проводникъ путешественниковъ, онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и по склонности и по образу своей жизни, былъ ужъ лихимъ кавалеристомъ. Его отецъ и мать, хотя и крестьяне, но довольно зажиточные, старались дать ему, то дома, въ своей деревнѣ, то въ ближайшемъ городкѣ, такое образованіе, съ которымъ бы онъ могъ вступить или въ духовное званіе или въ какое-нибудь другое, доступное людямъ его, состояніе; по этому и умственныя его способности, не оставаясь безъ дѣйствія, развивались вмѣстѣ съ способностями физическими. Онъ былъ вы-

Digitized by Google

сокъ и статенъ; всегда открытая шея его красива, руки гибки, хотя и крѣпки. Ноги его какъ нарочно были сложены для верховой ѣзды, но съ тѣмъ вмѣстѣ имѣли ту легкость и цѣпкость, которыя нужны для ходьбы по горамъ. Его открытая физіономія, свѣтлый взглядъ голубыхъ его глазъ, орлиный носъ, прекрасныя губы, живой цвѣтъ лица, длинные, каштановые волосы, то спускающіеся по обѣимъ сторонамъ лица природными локонами, то закинутые назадъ, по обыкновенію Басковъ, — все это сильно поражало каждаго, и каждаго привлекало къ нему. Во всей наружности этого молодаго человѣка было что-то героическое и какъ бы предрекавшее необыкновенную судьбу его. Мать и братья вѣрили въ это пророчество самой природы. Его доброе, чувствительное сердце невольно заставляло товарищей любить его, и устраняло отъ него всякую зависть.

Страсть къ лошадямъ и къ оружію скоро взяла рѣшительный верхъ въ душѣ Мюрата надъ занятіями, приличными духовному званію, къ которому приготовляли его отецъ и мать. Пятнадцати лѣтъ, онъ, противъ желанія своихъ родителей, вступилъ въ конно-егерскій полкъ. Это было въ 1787 году. Въ то время въ Европѣ былъ миръ. Безъ нетерпѣнія и безъ скуки, въ продолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, велъ Мюратъ жизнь простаго солдата, утѣшаясь своимъ оружіемъ и своей лошадью. Война 1792 года заставила полкъ Мюрата двинуться на границу, и обнаружила наконецъ и храбрость и военныя способности молодаго солдата. Скоро онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, потомъ сдѣланъ квартермистромъ, и, по прошествіи года, получилъ офицерскій чинъ. Въ 1793 году Мюратъ ужъ былъ капитаномъ, и быстро повышаясь изъ чина въ чинъ, въ короткое время достигъ степени бригаднаго командира. Наполеонъ, который постоянно отличалъ его во все продолженіе первой Итальянской компаніи, послѣ взятія Милана сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ, и за удивленіе и преданность, которыя молодой Мюратъ питалъ къ нему, заплатилъ ему своей дружбой. Онъ привязалъ судьбу его къ своей, взялъ съ собой въ Египетъ, былъ свидѣтелемъ его блестя-

Digitized by Google

щихъ кавалерійскихъ атакъ противъ Мамелюковъ, понялъ, какъ электрически сообщается храбрость его войскамъ, увидѣлъ, что въ немъ заключается энтузіазмъ и порывъ цѣлой арміи. Когда, по возвращеніи во Францію, Наполеонъ рѣшился поработить и уничтожить директорію, Мюрату поручилъ онъ исполненіе смѣлой экспедиціи, совершившейся въ Сен-клу 18 брюмера. Всѣ знаютъ, какъ Мюратъ, поставленный у дверей оранжереи, съ своими гренадерами, пока Бонапарте, вышедшій въ совѣтъ пятисотъ, надѣялся склонить и покорить его одной своей рѣчью, принялъ на свои руки Наполеона, отвергнутаго совѣтомъ, разстроеннаго, почти лишившагося чувствъ; какъ посадилъ его на лошадь, вдохнулъ въ него рѣшимость докончить свое предпріятіе, вдохнулъ мужество въ своихъ солдатъ, поправилъ его замѣшательство, скрылъ неудачу и рѣшилъ судьбу его, разогнавъ прикладами безоружное представительное правленіе. Съ этого дня признательный Бонапарте сознался въ Мюратѣ дополненіе самого себя, и, сколько по чувствамъ, столько и по видамъ политическимъ, рѣшился привязать къ себѣ еще крѣпче этого сподвижника, который повсюду приносилъ ему успѣхъ и счастье. Соединеніе этихъ двухъ воиновъ взаимно удвоивало ихъ силы. Мюратъ былъ назначенъ начальникомъ Консульской гвардіи. Но не однѣ почести соединили судьбу Мюрата съ судьбой его друга, сдѣлавшагося уже главою республики: любовь скрѣпила этотъ союзъ узами родства и крови. Молодой воинъ любилъ одну изъ сестеръ своего начальника, Каролину Бонапарте. Она была еще очень молода; не имѣла той греческой, классической красоты, образецъ которой видѣли ваятели въ ея сестрѣ, Полинѣ, сдѣлавшейся впослѣдствіи принцессой Боргезе, но въ ней было больше увлекательной прелести, больше возвышенности души, больше тонкости и образованности ума, больше царственной гордости. Мюратъ не смѣлъ и подумать просить ея руки, по случаю неравенства своего и ея происхожденія, и той высоты, на которую еще сталъ Наполеонъ. Но Наполеонъ самъ, цѣня его храбрость и преданность къ себѣ дороже богатства и благородства крови, предложилъ ему руку своей сестры.

Digitized by Google

Мюратъ, влюбленнѣйшій и счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, отдалъ сестрѣ свое сердце, а брату свою признательность.

Вскорѣ послѣ того Мюратъ командовалъ кавалеріей при Маренго; получилъ саблю за храбрость; былъ главнокомандующимъ отдѣльныхъ армій, шедшихъ въ Римскія владѣнія; возстановилъ въ Римѣ владычество папы; выгналъ оттуда Неаполитанцевъ; вступилъ въ Неаполь примирителемъ, и заключилъ миръ съ королемъ обѣихъ Сицилій. Возвратившись оттуда, онъ навѣстилъ свое бѣдное семейство и явился во всей своей славѣ въ родной деревенькѣ, но явился съ такой скромностью, съ такимъ дружелюбіемъ, которыя сдѣлали его доступнымъ для всѣхъ, кто зналъ его прежде, кто былъ свидѣтелемъ его прежней жизни. Наполеонъ назначилъ его парижскимъ губернаторомъ, и онъ, исправляя эту должность, окружилъ себя такимъ блескомъ и величіемъ, которые начали уже предвѣщать имперію. Онъ подготовилъ своему зятю дорогу къ трону, онъ былъ исполнителемъ всѣхъ его мыслей.

Въ это-то самое время Бонапарте, по своимъ махіавелическимъ разсчетамъ, которые заставляли его вѣрить въ пользу необходимыхъ жестокостей, велѣлъ схватить, въ землѣ Нейтральной, осудить и казнить, въ одну ночь, юнаго и невиннаго сына Конде. Мюратъ ни душой, ни тѣломъ не участвовалъ въ этой трагедіи. Должность парижскаго губернатора, занимаемая имъ въ то время, и его родственная связь съ Наполеономъ, заставляли однакожъ думать, что и его руки обагрены этой кровью. Но то была чистая клевѣта людей незнающихъ дѣла. Узнавъ изъ тихихъ разговоровъ двора и отъ г-жи Бонапарте, что противъ принца Бурбонскаго дома предпринимается что-то гибельное, онъ обратился къ сердцу и голосу своей жены, для отвращенія Наполеона отъ всякой мѣры, которая могла бы перейдти за границы благоразумія. Онъ старался затронуть его и со стороны чувства жалости и со стороны чувства достоинства собственной его славы; однимъ словомъ, онъ не упустилъ ничего, чѣмъ только

Digitized by Google

могъ остановить раздраженнаго Бонапарте отъ увлекавшаго его искушенія. По должности губернатора Парижа, ему самому предстояла даже обязанность назначить членовъ военнаго совѣта, и когда военный министръ далъ ему по этому случаю предписаніе, онъ выбралъ ихъ изъ числа офицеровъ парижскаго гарнизона; онъ могъ думать, что подсудимый будетъ оправданъ, и ужъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что, въ случаѣ обвиненія, наказаніе уменьшатъ и смягчатъ. Бывъ боленъ, или по крайней мѣрѣ рапортуясь больнымъ, для того, чтобъ сколько можно больше удалить себя отъ этого непріятнаго дѣла, онъ послалъ, въ 10 часовъ вечера, въ Винсенскій замокъ, гдѣ въ ту ночь долженъ былъ собраться военный судъ, своего адъютанта эскадроннаго командира Брюне и полковника Равье, съ тѣмъ, чтобъ они увѣдомили его объ опредѣленіи суда тотчасъ, какъ только онъ кончится. Ни адъютантъ, ни полковникъ, такъ же какъ и цѣлый Парижъ, совершенно не знали о томъ, что герцогъ Енгіенскій въ Винсенской крѣпости, и слѣдовательно совершенно не знали, для чего былъ составленъ военный судъ, о рѣшеніи котораго приказано имъ было донесть. Дорогой, они разспрашивали другъ друга, но ничего не могли другъ другу сказать. Ни тому, ни другому не было дано отъ парижскаго губернатора никакого порученія, никакой бумаги, никакого словеснаго приказанія къ судьямъ или начальникамъ крѣпости. Имъ только приказано было узнать, что тамъ произойдетъ, и привезть объ этомъ донесеніе ихъ генералу. Не прежде какъ въ замкѣ узнали они объ имени подсудимаго. Они присутствовали и при осужденіи его и при поспѣшной казни, которой самая эта поспѣшность придаетъ еще больше жестокости. Пораженные ужасомъ, отправились они, еще до разсвѣта, обратно въ Парижъ. Адъютантъ Брюне, впослѣдствіи генералъ, молодой человѣкъ, двадцати лѣтъ, вошелъ въ спальню Мюрата, гдѣ была и жена его. И Мюратъ и Каролина вскрикнули отъ удивленія и ужаса, выслушавъ его разсказъ. Они знали о судѣ, но никакъ не предполагали, что онъ кончится казнью. И Каролина, и адъютантъ и Мюратъ, всѣ плакали. Мюратъ въ этомъ случаѣ больше чѣмъ

Digitized by Google

невиненъ: онъ всегда видѣлъ въ этомъ событіи скорбь для себя и пятно для славы Наполеона.

Объявивъ себя императоромъ, Наполеонъ далъ ему санъ великаго адмирала, санъ, поставившій его въ рядъ самыхъ высшихъ феодаловъ имперіи, которыхъ Наполеонъ мечталъ возстановить, подражая Карлу Великому. Но настоящимъ назначеніемъ Мюрата была война. Онъ повсюду слѣдовалъ за императоромъ и командовалъ кавалеріей во всѣхъ главныхъ компаніяхъ, бывшихъ съ 1800 по 1808 годъ. Наполеонъ отдалъ ему во владѣніе великое герцогство Бергское, отнятое у Пруссіи и лежащее на правомъ берегу Рейна. Но Мюрату хотѣлось настоящаго королевства, и Наполеонъ, желая еще больше подстрекнуть его ревность, обнадеживалъ его въ этомъ. Мюрату поручено было вести французскія войска въ Мадритъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ прекратить несогласія членовъ королевскаго дома, раздиравшія Испанію, но въ сущности для того, чтобъ низвергнуть Бурбоновъ, и пріобрѣсть еще одинъ лишній тронъ для Наполеоновской династіи. Получивъ въ одно и то же время власть главнокомандующаго арміей, посредника между испанскимъ дворомъ, и, по крайней мѣрѣ наружнаго, его покровителя, видя при томъ въ исполненіи мысли Наполеона собственные свои интересы, Мюратъ сражался и дѣйствовалъ еще съ большимъ жаромъ, думая, что сражается и дѣйствуетъ собственно для себя. Онъ взялъ Мадритъ, помѣстился въ Аранжуэсскомъ дворцѣ, между отцемъ и сыномъ, принудилъ стараго короля отречься отъ престола, и склонилъ молодаго ѣхать въ Байону, гдѣ Наполеонъ, вмѣсто обѣщаннаго трона, приготовилъ ему тюрьму. Испанія, лишенная своихъ королей, сдѣлалась однимъ изъ тѣхъ царствъ, которыя раздавалъ Наполеонъ. Мюратъ ожидалъ, что ее отдадутъ ему; онъ купилъ ее своею храбростью, своими заслугами, своей дипломатіей; но Наполеонъ, не смотрѣвшій въ этихъ случаяхъ на честолюбивыя желанія своихъ приближенныхъ, отдалъ ее своему брату Іосифу, бывшему уже неаполитанскимъ королемъ, а Мюрату обѣщалъ, въ вознагражденіе, Неаполь. Обманутый, недовольный, упрекающій себя тѣмъ, что онъ обагрилъ кровью Испанію для

Digitized by Google

другаго, Мюратъ былъ глубоко оскорбленъ этимъ поступкомъ. Онъ занемогъ, и впалъ въ то изнеможеніе душевныхъ и физическихъ силъ, которое часто бываетъ слѣдствіемъ обманувшагося честолюбія. Онъ не хотѣлъ даже видѣть императора, заключился въ самое строгое уединеніе, и наконецъ принялъ Неаполитанскій тронъ, не такъ какъ награду, но какъ несправедливое и слишкомъ малое возмездіе со стороны своего благодѣтеля. Это было въ 1808 году.

Онъ тотчасъ же прогналъ съ острова Кипра Англичанъ, корабли которыхъ ему было непріятно видѣть изъ своего дворца. Онъ блисталъ въ глазахъ народа своей славой, заслужилъ его любовь своей добротой и управлялъ имъ съ такимъ благоразуміемъ и съ такой милостью, что его боготворила вся Италія. Дворъ его, своими роскошными праздненствами, блескомъ оружія, воинственнымъ духомъ и утонченной вѣжливостью, напоминалъ времена рыцарскія.

Но и сдѣлавшись королемъ, Мюратъ былъ не больше какъ коронованнымъ вассаломъ Наполеона, и если прибавилъ имя его къ своему, съ одной стороны по собственному выбору, то съ другой и въ знакъ своего подданства. По прежнему онъ сопровождалъ его во всѣхъ компаніяхъ въ званіи маршала имперіи и начальника всей кавалеріи, и корона нисколько не охладила воинственнаго его жара: онъ все былъ первый и передній кавалеристъ въ цѣлой арміи. Огонь сраженія опьянялъ его, но по добротѣ своего сердца, онъ между тѣмъ не любилъ крови. Когда онъ велъ свои эскадроны въ атаку, онъ хотѣлъ не смерти и не кровопролитія, а только бѣгства врага и побѣды. Его храбрость была какъ вихрь, который все раскидываетъ, но не поражаетъ. Бросаясь въ атаку, онъ никогда не бралъ въ руки боевой сабли; единственное его оружіе составлялъ римскій мечь, широкій и короткій, которымъ не возможно было ни нанесть удара, ни даже защититься отъ длиннаго лезвія непріятельскихъ сабель. Этотъ мечь, съ перломутовой рукоятью, искусно осыпанной дорогими каменьями, былъ украшенъ портретомъ прекрасной Каролины и четырехъ дѣтей Мюрата. И это

Digitized by Google

оружіе только разъ вынулъ онъ изъ ноженъ, въ минуту страшной опасности, но и то не для того, чтобъ поразить кого-нибудь, а чтобъ только одушевить свой отрядъ пробиться сквозь массу непріятельской кавалеріи, окружившей его. Вотъ что говорилъ онъ самъ графу Мобуръ, своему другу и своему министру, который управлялъ его финансами съ такимъ искусствомъ и заботливостью, какихъ не имѣли многіе министры финансовъ гораздо болѣе обширныхъ государствъ, и который всегда сохранялъ къ Мюрату чувство самой безкорыстной дружбы и уваженія:

»Я былъ солдатомъ, былъ генераломъ, былъ королемъ, но собственной моей рукой я не убилъ ни одного человѣка, — и эта мысль составляетъ лучшее утѣшенье въ моей жизни. Невозможно, чтобъ во время атакъ моихъ, когда я скакалъ впереди эскадроновъ, пистолетные выстрѣлы моихъ солдатъ, пускаемые на удачу, не ранили или не убили кого-нибудь, но я этого не зналъ. Если бы человѣкъ умеръ въ моихъ глазахъ и отъ моей руки, образъ его безпрестанно былъ бы въ глазахъ у меня, и преслѣдовалъ бы меня до гроба.«

Походъ Наполеона въ Россію отвлекъ Мюрата въ послѣдній разъ отъ удовольствій его двора. Онъ противился этой войнѣ, задуманной гордостью вопреки благоразумія и справедливости, и въ которой Наполеонъ поставилъ на карту жизнь двухъ милліоновъ людей и власть почти надъ цѣлой Европой противъ побѣды невозможной. Но Мюратъ не могъ слышать издали грома пушекъ и отголоска славы своихъ прежнихъ товарищей, безъ того, чтобъ не поспѣшить самому стать въ ихъ ряды, на полѣ битвы. Онъ присоединился къ императору на походѣ, привелъ съ собой нѣсколько неаполитанскихъ полковъ, которые хотѣлъ закалить въ великой войнѣ, и принялъ начальство надъ такой массой кавалеріи, какой Европа не видывала еще со времени нашествія азіатскихъ племенъ. Кавалерійскій корпусъ Мюрата состоялъ изъ полутораста тысячь человѣкъ. Императоръ обнялъ его, раздѣлилъ съ нимъ, какъ и прежде, свою палатку, и принялъ

Digitized by Google

его, вмѣстѣ, какъ адъютанта, какъ друга, какъ брата, какъ короля. Во всю эту компанію почти одинъ Мюратъ только и дѣйствовалъ, въ головѣ своего авангарда, противъ непріятеля, который безпрерывно ретировался и уклонялся отъ боя. Мюратъ напротивъ жаждалъ его, какъ будто бы жаждая полюбоваться послѣднимъ лучемъ своей славы: отъ Днѣпра до Москвы онъ только и былъ подъ огнемъ непріятельскимъ. Всѣ опасности, въ которыя онъ бросался съ самой дерзкой неустрашимостью, казались еще недостаточными для его ненасытнаго военнаго честолюбія. Казаки, цѣпь которыхъ постоянно вилась вкругъ него и разсыпалась передъ нимъ, еще издали узнавали его по блестящему костюму, и старались выказать передъ нимъ свою ловкость, играя съ его воинами саблями, какъ на каруселяхъ; они приближались къ нему, называли его французскимъ *атаманомъ*, какъ Мамелюки, тоже восхищенные его храбростью, называли своимъ *бекомъ*. Мюратъ дѣлалъ имъ подарки.

Эта страсть носить блестящій военный нарядъ, который подвергалъ Мюрата непріятельскимъ выстрѣламъ, много помогала однакожъ тому обаянію, какое имѣлъ онъ надъ своими солдатами. Его костюмъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его характеру и придавалъ ему еще больше военной популярности. Въ блескѣ онъ видѣлъ образъ славы. Уроженецъ юга, онъ, какъ *Сидъ*, любилъ испанское великолѣпіе: лошадей піафирующихъ, оружіе богатое, одежду блестящую и разноцвѣтную, какъ у Арабовъ. Его военная форма составляла не больше какъ прихоть его пылкаго воображенія. Онъ всегда надѣвалъ красные, сафьянные сапоги, съ широкими голенищами, складки которыхъ спускались на каблуки, украшенные золотыми шпорами; бѣлыя панталоны, плотно обтянутыя вкругъ ноги и выказывающія стройную ея форму; камзолъ изъ парчи; коротенькую тюнику, перехваченную поясомъ, опушенную мѣхомъ и богато вышитую золотомъ. Волосы зачесывалъ къ верху, какъ рыцари Франциска 1-го; на шляпѣ его всегда было нѣсколько разноцвѣтныхъ, высоко развивающихся перьевъ. Въ этомъ костюмѣ онъ былъ очень похожъ на театральнаго героя, но ему всѣ прощали это во-

Digitized by Google

енное чванство, потому что онъ вполнѣ его оправдывалъ своей храбростью, и потому что постоянной сценой его была кровавая сцена войны. Наполеонъ смѣялся иногда со своими адьютантами надъ этой немножко ребяческой пышностью своего зятя, но эта пышность ему нравилась тѣмъ, что составляла совершенную противуположность съ его собственной простотой, которая тоже производила на солдатъ свое особенное обаяніе.

Между тѣмъ какъ Наполеонъ, побѣдитель безъ битвы, впущенный въ Москву, какъ въ ловушку, терялъ время въ раздумьи о сомнительномъ мирѣ, о походѣ впередъ и о невозможномъ отступленіи назадъ, Мюратъ, стоявшій на бивуакахъ, внѣ стѣнъ Москвы, съ тридцатью тысячами своей кавалеріи, продолжалъ компанію, отыскивая непріятелей и стараясь ихъ удалить отъ Москвы. Всѣ знаютъ это страшное отступленіе, во время котораго армія Наполеона, задержанная его нерѣшительностію, гибла въ снѣжныхъ степяхъ, сражаясь съ людьми и съ природой. Отъ пятисотъ тысячь человѣкъ и отъ полутораста тысячь лошадей, перешедшихъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ черезъ Днѣпръ, шестьдесятъ тысячь войска разсѣяннаго и едва нѣсколько сотенъ лошадей осталось къ серединѣ зимы. Со временъ арміи Карла это была еще первая армія, которая испытывала такое продолжительное и трудное отступленіе, и которая устлала столькими трупами пустынный путь свой, почти въ полторы тысячи верстъ. Мюратъ не упалъ духомъ отъ этаго зрѣлища. Онъ предвидѣлъ его, и до послѣдней минуты опасности дѣйствовалъ какъ человѣкъ, которому честь дороже жизни. Изъ всѣхъ его боевыхъ лошадей осталась только одна. Когда почти вся его кавалерія погибла въ снѣгу и въ битвахъ, онъ собралъ вкругъ императора не многое число оставшихся у него людей, и принялъ начальство надъ тѣмъ батальономъ, который замѣнилъ императорскую гвардію, надъ этимъ избраннымъ, но бѣднымъ остаткомъ безчисленной арміи, гдѣ генералы заняли должность офицеровъ, а полковники и эскадронные командиры должность солдатъ. Оставленный наконецъ императоромъ, который,

Digitized by Google

бросивъ армію, поспѣшно уѣхалъ въ Парижъ, чтобы тамъ предупредить слухъ о своемъ разбитіи и собрать новыя силы, Мюратъ получилъ отъ него приказаніе остановить бѣгущую армію и снова сформировать ее въ центрѣ Германіи, не смотря на то, что Германія была уже страной враждебной Наполеону, и что вся армія состояла только изъ разбродныхъ шаекъ солдатъ, ослабѣвшихъ нравственно и тѣлесно. Мюратъ самъ не отказался отъ этого порученія, но видя, что безъ Наполеона маршалы ему худо повинуются, и что каждый солдатъ думаетъ только о своемъ собственномъ спасеніи, онъ тоже началъ думать о своемъ тронѣ, тоже бросилъ эту тѣнь арміи, ввѣренную его начальству императоромъ, и уѣхалъ въ свое королевство, поручивъ собрать разсѣянныя войска принцу Евгенію Богарне.

Раздраженный такимъ поступкомъ, Наполеонъ худо скрылъ, въ глазахъ Франціи, свой гнѣвъ противъ Мюрата. Своей собственной рукой написалъ онъ ноту, которая по этому случаю была публикована, и была оскорбительна для Мюрата. »Король неаполитанскій занемогъ, — писалъ Наполеонъ, — и долженъ былъ оставить армію. Принцъ Евгеній принялъ надъ ней начальство. Вице-король италійскій имѣетъ болѣе опытности, нужной главнокомандующему, и пользуется полной довѣренностью императора.« Это значило сказать во всеуслышаніе, что Мюратъ не пользуется уже больше этой довѣренностью. Въ самомъ дѣлѣ, довѣренность Наполеона къ Мюрату уже поколебалась. Онъ зналъ, что Мюрату, также какъ и Бернадоту, были сдѣланы предложенія со стороны Австріи и Англіи, которыя онъ охотно слушалъ въ отношеніи къ интересамъ своего трона, и что Фуше, удаленный въ Неаполь, давалъ Каролинѣ, женѣ Мюрата, а потомъ и самому Мюрату, махіавелевскія наставленія, заключить отдѣльный миръ съ европейскими державами и отложиться отъ потерянаго могущества Наполеона.

Наполеонъ, замѣтивъ эти не совсѣмъ прямыя дѣйствія двора своего вассала и даже родственника, не могъ, разумѣется, равнодушно перенесть ихъ; но, по всегдашней своей

Digitized by Google

привычкѣ—казаться сильнымъ, когда онъ былъ слабъ, онъ излилъ гнѣвъ свой преждевременно, и вмѣсто дѣйствительнаго наказанія, разразился только угрозами.

»Я ничего вамъ не говорю,—писалъ онъ къ тому, кого самъ сдѣлалъ королемъ, и тѣмъ самымъ уже далъ ему нѣкоторую независимость, — я ничего вамъ не говорю о томъ неудовольствіи, которое вы нанесли мнѣ вашимъ поступкомъ, послѣ моего отъѣзда изъ арміи. Я приписываю это слабости вашего характера: вы хорошій солдатъ на полѣ битвы, но какъ скоро вы не въ сраженіи, ваши мужество и характеръ исчезаютъ. Но неужто вы въ числѣ тѣхъ, которые думаютъ, что левъ уже умеръ, и что они могутъ безнаказанно дѣлить его добычу?.... Если это ваше мнѣніе, вы въ немъ ошибетесь!.... Вы мнѣ сдѣлали все зло, какое только могли сдѣлать послѣ моего отъѣзда изъ Вильны. Титулъ короля вскружилъ вамъ голову.... Если вы хотите сохранить его, ведите себя хорошенько!....«

Такія слова были больше, чѣмъ оскорбительны для чувствительнаго сердца Мюрата, и онъ отвѣчалъ грубостью за грубость.

»Вы нанесли, — писалъ онъ, — глубокую рану моей чести, рану, которую Ваше Величество не въ состояніи уже излечить. Вы оскорбили вашего стараго товарища, который былъ всегда вамъ вѣренъ въ опасностяхъ, который участвовалъ непосредственно во всѣхъ вашихъ побѣдахъ, который составлялъ подпору вашего могущества, и который наконецъ, 18 брюмера, возстановилъ упавшую вашу храбрость въ васъ самихъ.

»Вы говорите, что тотъ, кто имѣетъ честь принадлежать къ вашему знаменитому дому, не долженъ позволять себѣ ничего, что могло бы быть противно его интересамъ и величію; на это, Государь, я вамъ скажу одинъ отвѣтъ, что самъ я принесъ вашей фамиліи столько же чести, сколько получилъ ее отъ васъ вмѣстѣ съ рукою вашей сестры.

»Теперь я король, но я сожалѣю о томъ времени, когда, бывъ простымъ офицеромъ, я имѣлъ надъ собой только на-

Digitized by Google

чальниковъ, а не властелина. Достигнувъ трона, но и на этой высокой степени подвластный Вашему Величеству, угнетаемый вами, я больше чѣмъ когда-нибудь желаю свободы и независимости. И всегда такъ, при малѣйшихъ подозрѣніяхъ, вы огорчаете, приносите въ жертву тѣхъ, кто вамъ болѣе преданъ, кто во время вашей блестящей карьеры служилъ вамъ лучше другихъ: такъ заслугами Фуше вы пожертвовали Савари, Талейраномъ Шампаньи, самимъ Шампаньи Баесано, и Мюратомъ Богарне.

»Я съ своей стороны тоже не могу не ободрить свой народъ нѣкоторыми политическими переговорами, и долженъ поправить то зло, какое наноситъ ему война на морѣ.

»Изъ всего, что я сказалъ относительно Вашего Величества и самого себя, ясно, что прежняя довѣренность наша взаимно потеряна. Вы можете дѣлать, Государь, все, что вамъ угодно; но какъ бы ни велика была обида, которую вы нанесли мнѣ, я все еще вѣрный вашъ зять — Іоахимъ.«

Эта переписка, полная упрековъ, то болѣе рѣзкихъ, то смягчаемыхъ Каролиной, сестрой императора, но съ тѣмъ вмѣстѣ и женой Мюрата, преданной и дорожившей честью своего мужа, оставила только слѣды внутреннихъ неудовольствій, но никакъ не разорвала наружной дружбы двухъ дворовъ. Отправляясь для открытія компаніи 1813 года, Наполеонъ написалъ къ Мюрату, и предложилъ ему снова принять начальство надъ кавалеріей. Положеніе Мюрата было очень затруднительно при этомъ призывѣ его прежняго начальника, приступающаго къ послѣднимъ битвамъ своимъ, съ тѣмъ, можетъ быть, чтобъ погибнуть на той землѣ, которая была свидѣтельницей побѣдъ его въ продолженіи цѣлыхъ десяти лѣтъ, или, быть можетъ, снова завоевать Вѣну, Берлинъ, покорить своихъ враговъ и заключить славный миръ. Мюрату было столько же прискорбно оставить своего побѣжденнаго благодѣтеля, сколько было опасно ослушаться побѣдоноснаго шурина. Онъ колебался, министры совѣтовали ему сохранить нейтралитетъ, и остаться въ Неаполѣ, для наблюденій надъ сомнительнымъ положеніемъ дѣлъ.

Digitized by Google

»Развѣ вы не довольно уже сдѣлали для благодарности и для славы? — говорили они ему. — Надобно вамъ подумать и о самихъ себѣ, о вашемъ семействѣ, о вашемъ государствѣ, которое при вашемъ вмѣшательствѣ въ войну можетъ погибнуть.« Мюратъ, которому Австрія и Англія втайнѣ уже предложили Италію, долго былъ въ мучительной нерѣшимости между своимъ тропомъ, между обязанностями внутренняго чувства чести, обязанностями наружнаго приличія къ оружію Франціи, и наконецъ обязанностями къ своему родственнику и другу. Актъ, безразсудно заключенный имъ съ Австріей, вопреки всѣмъ этимъ обязанностямъ, тяготѣлъ надъ нимъ. Взоръ Наполеона и цѣлаго свѣта, подозрѣніе французскихъ генераловъ, двора и арміи, одинаково страшили его. Полагая, что онъ разомъ можетъ соединять въ себѣ двухъ человѣкъ, генерала и короля, онъ горько ошибся. Какъ генералъ, какъ адъютантъ императора, онъ готовъ былъ летѣть въ армію и сражаться за него; какъ король, онъ считалъ для себя позволеннымъ заключить свои собственныя, отдѣльныя условія съ Австрійцами. Такимъ образомъ, желая исполнить вдругъ двѣ обязанности, онъ не былъ вѣренъ ни той, ни другой. Рука его была готова подняться за Наполеона, сердце вооружалось противъ него. Положеніе унизительное, въ которомъ также трудно было спасти свою власть, какъ и честь.

Маршалъ Ней, вѣрный сподвижникъ его славы, и всѣ парижскіе друзья писали ему, что его медленность становится подозрительной въ арміи. Графъ Мобуръ и королева заклинали его ѣхать. Въ минуту сильнаго волненія, онъ открылся имъ наконецъ, что заключилъ актъ съ лордомъ Бентинкомъ, въ то время англійскимъ вице-королемъ Сициліи. Этотъ таинственный актъ былъ совершенъ, какъ преступленіе, на пустынномъ берегу уединеннаго острова Понца. Королева, столько же честолюбивая, сколько и скрытая, показала видъ, что она вполнѣ одобряетъ этотъ поступокъ своего мужа, который внутренно порицала. Она готова была согласиться съ нимъ во всемъ, лишь бы только онъ согласился ѣхать, но съ тѣмъ, чтобъ на время своего отсутствія

Digitized by Google

передалъ ей регентство, для высылки къ нему арміи уже отъ ея собственнаго имени, и какъ бы безъ вѣдома его. Этимъ она хотѣла хоть сколько-нибудь оправдать его въ глазахъ державъ, съ которыми заключилъ онъ актъ. Мюратъ, спутавшій такимъ образомъ самъ себя, своими собственными дѣйствіями, уѣхалъ на другой же день для принятія участія въ Дрезденской компаніи, и оставилъ за собою цѣлое гнѣздо придворныхъ интригъ. Его обезпокоило честолюбіе королевы и мучило то, что онъ передалъ ея совѣтникамъ власть, которую всегда у нихъ оспоривалъ.

Какъ только лордъ Бентинкъ узналъ, что король уѣхалъ, онъ принялъ этотъ отъѣздъ за нарушеніе тайнаго договора, оставилъ островъ Понца и считалъ уже подписанный трактатъ недѣйствительнымъ.

Мюратъ между тѣмъ, увлекаемый прежнимъ своимъ энтузіазмомъ, летѣлъ на встрѣчу къ императору, въ Германію. Онъ бросился въ его объятія и былъ принятъ имъ, какъ примирившимся другомъ. Наполеонъ опять видѣлъ, что Мюратъ сражался подлѣ него такъ же, какъ въ лучшіе дни его военной славы. Дѣло подъ Дрезденомъ, гдѣ Мюратъ, съ тридцатью тысячами своей кавалеріи, опрокинулъ союзныя войска, снова озарило его, въ глазахъ французской арміи, прежнимъ блескомъ. Но скоро побѣда оставила Наполеона. Германія отъ него отложилась и Лейпцигская битва рѣшила его участь. Мюратъ еще въ бо́льшей нерѣшимости, чѣмъ когда-нибудь, уѣхалъ опять въ свое государство. Онъ видѣлъ, что могущество Наполеона поколебалось, и хотѣлъ только какъ-нибудь удержаться самъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Неаполь, онъ созвалъ на тайный совѣтъ самыхъ вѣрныхъ и приближенныхъ людей. Дѣло состояло въ томъ: остаться ли вѣрнымъ своему благодѣтелю, или отложиться отъ него. Дѣло это теперь уже прямо шло только о сохраненіи или нарушеніи обязанности нравственной, но не политической. Заключеніе совѣта было такое, что дружбой надобно пожертвовать трону и политикѣ. Фуше, всегда умѣвшій дѣйствовать на умы легко увлекающіеся чу-

Digitized by Google

жимъ умомъ, пріѣхалъ изъ Рима для тайныхъ переговоровъ съ Мюратомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы склонить его остаться вѣрнымъ Наполеону; но думаютъ, что тайные совѣты Фуше совершенно противорѣчили той личинѣ, какую принималъ онъ на себя; что онъ доказалъ Мюрату неизбѣжность паденія Наполеонова, а съ тѣмъ вмѣстѣ и паденія его собственной власти, если онъ не сыщетъ себѣ другой опоры. Едва только Фуше отправился обратно въ Римъ, какъ графъ Нейперъ, молодой военный дипломатъ, столько же искусный въ политическихъ переговорахъ, какъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ, пріѣхалъ въ Неаполь, вмѣстѣ съ герцогомъ Галло, прежнимъ повѣреннымъ Фердинанда, но потомъ человѣкомъ преданнымъ Мюрату. Слѣдствіемъ ихъ переговоровъ съ Мюратомъ былъ трактатъ, подписанный 11-го января 1814 года, которымъ Мюратъ, для удержанія короны, обязался присоединиться къ числу враговъ Франціи. Онъ долженъ былъ собрать въ Италіи тридцатитысячную армію; Австрія должна была присоединить къ ней армію въ шестьдесятъ тысячъ. Обѣ эти арміи поступили подъ личное начальство Мюрата, для дѣйствій противъ принца Евгенія Богарне, занимавшаго Миланъ. За эту цѣну былъ обѣщанъ Мюрату Неаполитанскій тронъ, отчуждаемый отъ Фердинанда, и предоставляемый, какъ самому Мюрату, такъ и его династіи, союзными державами. Англія возобновила дѣйствительность прежняго трактата, и обѣщала прекратить всѣ враждебныя дѣйствія противъ Неаполя.

Только что этотъ трактатъ былъ подписанъ, какъ уже вѣсть о немъ разнеслась по всей имперіи, и народъ, давно желавшій выдти изъ-подъ власти Франціи, принялъ его съ восторгомъ. Мюратъ ободрялъ это народное стремленіе, которое его дѣлало въ собственныхъ глазахъ не только союзникомъ Австріи, сколько освободителемъ Италіи и государемъ всей этой страны, которую велъ онъ къ независимости и единству. Но положеніе его вовсе не соотвѣтствовало этимъ мечтамъ. Французскіе гарнизоны, находившіеся въ Римѣ, во Флоренціи, въ Анконѣ, подозрѣвали его, Австрійцы съ безпокойствомъ наблюдали его дѣйствія, Англичане брали предосторожности,

Digitized by Google

чтобъ онъ не выходилъ изъ предѣловъ трактата, обезпечивающаго ему Неаполитанскій тронъ. Онъ покушался обмануть всѣхъ быстротой и неопредѣленнымъ характеромъ своихъ движеній. Успокоилъ генерала Міолли, римскаго коменданта, и анконскаго коменданта Барбу, и двинулъ свои колонны къ Римскимъ владѣніямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы хотѣлъ только просить имъ у французскихъ генераловъ свободнаго пропуска. Французскіе генералы ввели свои войска въ крѣпости. Понуждаемый Австрійцами сдержать свое обѣщаніе, онъ приказалъ своимъ войскамъ вытѣснить Французовъ изъ крѣпостей, и самъ наконецъ отправился изъ Неаполя, предводительствуя второй колонной, состоящей изъ двадцати тысячь человѣкъ, но не снабженной ни деньгами, ни провіантомъ, въ надеждѣ на случайность, которая по его мнѣнію могла обезпечить ее всѣмъ и даже укомплектовать охотниками. Такъ прошелъ онъ до Болоньи. Во время этого перехода, Римъ, Анкона, Чивита-Веккіа сдались на капитуляцію, и французскіе гарнизоны получили свободу возвратиться во Францію. Лордъ Бентинкъ высадилъ между тѣмъ на итальянскій берегъ свои войска, которыя повелъ къ Генуѣ и на знаменахъ которыхъ было начертано: »свобода и независимость Италіи.«

Все предвѣщало большую ошибку неаполитанскихъ, австрійскихъ и англійскихъ союзныхъ войскъ съ принцемъ Евгеніемъ, занимающимъ еще нижнюю Италію съ пятидесяти-тысячнымъ корпусомъ, состоящимъ изъ Французовъ и Итальянцевъ, привыкшихъ къ войнѣ, подъ предводительствомъ вице-короля, постоянно вѣрнаго императору.

Но совѣсть ли удерживала Мюрата отъ битвы съ своими прежними товарищами, недовѣріе ли Австрійцевъ, или ожиданіе общаго возстанія Италіи, которое могло развязать ему руки и болѣе оправдать его поведеніе, только онъ, съ половиною войскъ своихъ, оставался въ Болоньѣ, въ совершенномъ бездѣйствіи, терялъ время, выводилъ изъ терпѣнія Австрійцевъ, навлекалъ на себя подозрѣніе Англичанъ, находившихся въ Генуѣ, и казалось, остановился на половинѣ

Digitized by Google

пути, желая прежде узнать, на чью сторону склонятся вѣсы фортуны по ту сторону Альпъ. Онъ хотѣлъ обмануть всѣхъ и даже самаго Наполеона, стараясь его увѣрить, что для пользы его поднялъ въ Италіи знамя возстанія. Но народъ не присоединялся къ нему, и не зналъ, кому и чему вѣрить. Мюратъ, нерѣшительный и вмѣстѣ смѣлый, распоряжался въ провинціяхъ, черезъ которыя проходилъ съ своими войсками такъ, какъ будто бы ужъ онѣ были предназначены составить одно обширное Итальянское государство, соединенное подъ его скиптромъ. Напротивъ, Англичане и Австрійцы разглашали повсюду обѣщаніе возстановить, по прежнему, власть дома Савойскаго, Естскаго, Тосканскаго, и власть папы, бывшаго въ то время узникомъ въ Фонтенебло. Эта неизвѣстность о судьбѣ своей отнимала у Итальянцевъ всякое желаніе принять собственное участіе въ событіяхъ, и заставляла ихъ оставаться равнодушными зрителями сцены. Только одинъ Неаполь, открытый для англійской торговли, и надѣявшійся сдѣлаться властелиномъ надъ сосѣдними областями, заранѣе радовался могуществу, обѣщанному его королю.

Но продолжительное бездѣйствіе Неаполитанскаго короля въ Болоньи, охладило порывъ его арміи. Французскіе генералы его оставили, чтобъ устранить себя отъ всякаго участія въ войнѣ противъ своего отечества. Неаполитанскіе генералы, хотя все еще вѣрные ему, хотя и храбрые воины, закалившіеся въ войнахъ Франціи, тоже плохо повиновались ему, потому что, не смотря на всѣ его доблести, никакъ ни могли сравнивать его военнаго генія съ геніемъ Наполеона. Они подавали свои голоса, спорили. Мюратъ то уступалъ, то противился всѣмъ этимъ разногласнымъ мнѣніямъ. Нерѣшительность его политики обнаруживалась нерѣшительностью его дѣйствій, и никто не могъ понять, для чего началъ онъ и чѣмъ хотѣлъ кончить свою экспедицію. Генералы требовали отъ него объясненія; лордъ Бентинкъ требовалъ, чтобъ онъ ему отдалъ Ливорно, въ обезпеченіе независимости Тосканы. Въ то же самое время, папа, освобожденный Наполеономъ, возвращался въ свои

Digitized by Google

владѣнія, при радостныхъ крикахъ преклоняющагося передъ нимъ Итальянскаго народа. Онъ приближался къ Болоньи, и Мюратъ не зналъ, какъ его встрѣтить: какъ священника ли, возвращающагося въ свой храмъ, или какъ государя, возвращающагося на царство. Застигнутый въ этой нерѣшительности папой, онъ долженъ былъ однакожъ отдать ему всѣ слѣдующія по его сану почести, что совершенно противорѣчило тайному намѣренію Мюрата овладѣть Римомъ, и долженъ былъ проводить его съ почетнымъ конвоемъ до Цезены.

Между тѣмъ возстаніе обѣихъ Калабрій, которыя отложились отъ Мюрата, признавъ надо собой власть Бурбонскаго дома, и черезъ это лишили Неаполь двухъ самыхъ воинственныхъ его провинцій. Послѣдніе успѣхи Наполеона въ Шампаніи, преувеличенные молвою, вложили Мюрату мысль присоединиться къ принцу Евгенію. Онъ послалъ изъ Болоньи въ Миланъ тайныхъ повѣренныхъ; но принцъ Евгеній отвергъ его предложенія, какъ предложенія измѣнника. И этотъ отказъ, и настойчивыя требованія австрійскихъ генераловъ и англійскихъ и русскихъ коммисаровъ, вынудили наконецъ Мюрата атаковать Французовъ. Онъ напалъ на нихъ, побѣдилъ, принудилъ укрыться въ Рѐджіо, но вмѣсто того чтобы тѣснить ихъ и пользоваться своей побѣдой, подписалъ капитуляцію, которой позволилъ войскамъ, запертымъ въ городѣ, снова возвратиться къ Милану. Этимъ онъ еще болѣе возбудилъ къ себѣ недовѣріе Австрійцевъ.

Между тѣмъ онъ придвинулся къ Плезансу; а графъ Бенгардъ, начальникъ австрійскихъ войскъ, угрожалъ Милану.

Таково было положеніе Мюрата, томимаго ожиданіемъ, результатъ котораго ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не могъ быть для него благопріятенъ, когда курьеръ, пріѣхавшій изъ Парижа, 13-го апрѣля 1814 года, нашелъ его подъ стѣнами Плезанса. Въ эту минуту онъ прогуливался, съ генераломъ Коллети, въ саду загороднаго дома, служившаго ему главной квартирой. Генералъ былъ въ душѣ Неаполи-

Digitized by Google

танецъ, больше всего преданный своему отечеству, но человѣкъ умный, рѣшительный, съ замѣчательными способностями, и Мюратъ откровенно высказывалъ ему все, что было на душѣ у него: свои безпокойства, свои неопредѣленныя и противорѣчащія одно другому намѣренія, мученія своей совѣсти. Когда ему подали депешу, онъ прочиталъ ее молча, поблѣднѣлъ, сдѣлалъ нѣсколько неопредѣленныхъ шаговъ въ ту и другую сторону, какъ человѣкъ пораженный смертельнымъ ударомъ; потомъ приблизившись снова къ генералу Коллети и нѣкоторымъ другимъ генераламъ своей свиты, смотрѣвшимъ на него съ удивленіемъ, онъ объявилъ имъ, что Парижъ взятъ, что могущество Наполеона рушилось, что онъ плѣнникъ въ Фонтенебло, — и заплакалъ. Непріятель, деспотъ, тиранъ исчезъ уже въ глазахъ его; онъ видѣлъ въ Бонапарте только друга, павшаго наконецъ подъ ударами судьбы, и который притомъ падая, долженъ былъ считать его измѣнникомъ и своимъ врагомъ.

(Revue de Paris).

Digitized by Google

ПАПЫ И ВОСТОКЪ

ВЪ XIII ВѢКѢ.

XVI.

НОВАЯ ВРАЖДА МЕЖДУ ИМПЕРАТОРОМЪ ФРИДРИХОМЪ II И ПАПОЮ ГРИГОРІЕМЪ IX.

Мы оставили императора Фридриха въ Ананьи, участвующимъ въ пирахъ, данныхъ ему папою, по случаю заключенія мирнаго договора 1230 года. Но эти радости были непродолжительны; скоро возгорѣлась, между обѣими главами силы державной и власти духовной, прежняя вражда. Первою причиною было неисполненіе одной изъ статей договора. Фридрихъ II обѣщалъ Григорію IX удовлетворить его за издержки, понесенныя папою во время войны его въ *Апуліи*. Сумма обѣщанная составляла 120,000 унцій золота; но императоръ, подъ разными предлогами, не исполнилъ этой статьи. Второю причиною взаимной вражды было ожесточеніе, съ которымъ партія *Вельфовъ* продолжала воевать съ императоромъ. Фридрихъ обвинялъ Григорія IX въ тайныхъ сношеніяхъ съ этой партіею и во враждебныхъ происках противъ его лица. Ломбардія, имѣя во главѣ своей *Медіоланъ*, пылала гнѣвомъ на императора и на партію его, извѣстную подъ названіемъ *Гибеллинъ*. Главою партіи Вельфовъ былъ *Аццо VII*, маркизъ Эстенскій (Azzo VII Marchese d'Este). Предводителями Гибеллинъ почитались *Ечелино да Романо* и *Салингверра*. Императоръ созвалъ въ *Равеннѣ* парламентъ для усмиренія Италіи. *Вельфы* съ своей стороны собрали представителей въ *Болоньи*,

Digitized by Google

дабы противодѣйствовать вліянію императора. Папа, яко примиритель, назначилъ двухъ легатовъ для успокоенія Сѣверной Италіи и для примиренія съ императоромъ; но ходатайства легатовъ остались тщетны, и Фридрихъ, обвиняя папу въ лицемѣріи, продолжалъ взирать на него, какъ на своего главнаго врага. Наконецъ пламя возмущенія распространилось и далѣе предѣловъ Ломбардіи. Сиракуза, Катанія, Никозія и другіе города Сициліи возстали противъ Фридриха. Мураторій приписываетъ эти возмущенія чрезвычайнымъ налогамъ, которыми были угнѣтены подданные Фридриха. Онъ говоритъ. (*): «Жестоко для народовъ было правленіе Фридриха. Онъ издавалъ хорошіе законы; но налоги его на соль, подати, поборы и вымогательства заставляли негодовать всѣхъ».

И такъ при всѣхъ хорошихъ законахъ, имъ издаваемыхъ, Фридрихъ былъ не любимъ народами, ему подвластными, ибо онъ обремнялъ ихъ чрезмѣрными налогами. Но императоръ не отгадывалъ истинной причины общаго неудовольствія; ему казались виновными во всѣхъ безпорядкахъ Италіи *Вельфы*, а во главѣ ихъ папа.

Умственныя способности Фридриха II-го цѣнились высоко всѣмъ міромъ; что же касается до нравственныхъ его достоинствъ, то исторія не воздаетъ имъ похвалы, и Мураторій, описывая сношенія Фридриха съ султаномъ египетскимъ, говоритъ, что онъ былъ также въ короткой связи съ главою *Измаиліанъ*, такъ называвшимся *Шейхъ-эль-Гебель*, или *старцемъ горы*, и утверждаетъ, будто бы онъ прибѣгалъ иногда къ его сикаріямъ для истребленія своихъ непріятелей. Выписываемъ его слова: «Fede-
« rigo invitò ad un convito gli ambasciadori del sultano di Egitto
« ed il Vecchio della montagna, principe dei popoli detti *assassini*.
« Teneva Federigo buona corrispondenza con costui, e voce comune
« correva, che uno dei sudditi d'esso vecchio, per ordine del
« medesimo Imperatore, avesse nell'anno precedente tolto di
« vita Lodovico, Duca di Baviera, caduto in disgrazia d'esso
« Augusto». (*)

(*) « Era duro sopra i popoli il governo di Federigo; lo voleva d'ordinario contra le loro borse, e per poco si veniva al confisco. Di belle leggi andava egli publicando; ma le sue gabelle, dazi, contribuzioni, ed angherie, faceano gridar tutti. См. Annali d'Italia подъ 1232. годомъ.

Digitized by Google

Фридрихъ II-й былъ достойный внукъ Фридриха I-го, о которомъ *Ботта* въ изданной имъ исторіи итальянскихъ народовъ, въ томѣ II, главѣ XIX-й, говоритъ, что онъ былъ гонитель папъ и попиратель свободы въ Ломбардіи. Мужъ, одаренный высокою душою, искусный въ дѣлѣ военномъ и чрезмѣрно честолюбивый, Фридрихъ I (*Barbarossa*) не страшился отлученія отъ Церкви, и, ежели ему случилось виниться предъ римскимъ владыкою, то это дѣлалось болѣе по мірскимъ разсчетамъ, нежели по убѣжденію духовному. Отецъ Фридриха II-го оставилъ по себѣ худую память въ исторіи; ненавидимый въ Сициліи за свое жестокосердіе, онъ былъ прозванъ *Циклопомъ*. Ботта, описывая отношенія Генрика VI-го къ папѣ Целестину III-му, утверждаетъ, что папа, въ гнѣвѣ своемъ на отца Фридриха II-го, приказалъ было, по смерти его, лишить тѣло усопшаго христіанскаго погребенія. Но, подумавъ о соблазнѣ, который произойдетъ отъ исполненія столь строгаго суда, папа укротилъ духъ свой, и Генрихъ VI-й былъ погребенъ съ должными почестями. Итакъ, по всѣмъ причинамъ, и до него лично касавшимся, и предшествовавшимъ ему, Фридрихъ II-й казался осужденнымъ судьбою—быть непріятелемъ папъ. Семейственныя преданія располагали его худо къ Римскому двору, а властолюбіе папъ отторгало совершенно императора отъ духовной власти. Тотъ вѣкъ былъ вѣкъ анархіи и безпорядка. Италія, преданная партіямъ, не знала другихъ интересовъ, кромѣ общинныхъ. Идея о государствѣ проявлялась только въ *Сициліи* и *Апуліи*, занесенная туда *Норманнами*. И тамъ была она растеніемъ не вполнѣ развившимся, ибо была внесена туда *Руггеріемъ*, первымъ норманскимъ королемъ, не далѣе какъ за полстолѣтія до Фридриха II-го. Венеція и Генуя, важнѣйшія республики Италіи, не знали даже называть себя республиками, а именовались просто общинами (Communi). Среди стихій, волновавшихъ въ броженіи своемъ Италію и Европу, было невозможно и помышлять о прочномъ мирѣ, или думать о примиреніи враждебныхъ сторонъ. Слѣдовательно неудивительно, что Фридрихъ II и папы продолжали до конца другъ на друга клеветать, обвинять и ненавидѣть.

(*)См. Annali d'Italia, томъ II. стр. 93.

Digitized by Google

Въ дополненіе къ картинѣ объ анархіи, терзавшей Италію въ 13-мъ вѣкѣ, приведемъ въ примѣръ одно событіе изъ жизни Григорія IX-го. Въ 1234 году, сенатъ и народъ римскій (Senatus populusque Romanus) присвоили себѣ столь важныя государственныя права, что, вопреки волѣ папы, лишили духовенство духовной подсудимости, и подчинили церковныя лица мірской власти. Разгнѣванный Григорій IX-й удалился въ *Ріети* и просилъ оттуда помощи у всего христіанства. Къ великому прискорбію своему, онъ былъ вынужденъ ходатайствовать о пособіи даже у Фридриха II-го. Это ходатайство отозвалось въ верхней Италіи, какъ знакъ слабости со стороны Григорія. Тогда папа, смущенный страхомъ лишить себя своихъ прежнихъ союзниковъ, писалъ къ городамъ Ломбардіи грамоту, въ которой ублажалъ ихъ имѣть соболѣзнованіе къ его положенію, и увѣрялъ ихъ въ прежней своей преданности.

XVII.

ДѢЙСТВІЯ ФРИДРИХА II ПРОТИВЪ ЛОМБАРДІИ.—ОСАДА МИЛАНА И БРЕСЧІИ.

Знаменитый авторъ Италійской лѣтописи (annali d'Italia) превосходно описываетъ зыбкость положенія Григорія IX-го. Оправдывая необходимость, въ которой находился папа, поддерживать партію *Вельфовъ*, и покровительствовать городамъ Ломбардіи, Муратopій говоритъ подъ 1236 годомъ; « Erano in egual pericolo, « e forse in peggior stato, gli affari del sommo pontefice. Se riu- « sciva a Federigo di mettere il piede sul collo dei Lombardi e « di soggiogar tutta l'Italia, che scampo restava a quella sacra « corte contra di un Principe, il quale già avea fomentato le « usurpazioni del senato e del popolo Romano, in pregiudizio « della sovranità dei papi? Potevasi temere ch'egli ridurebbe il « papa a portare il piviale di bambagina, stante la disordinata « sua voglia di signoreggiare, e vie più perchè egli era in con- « cetto di fina politica, simulatore e dissimulatore mirabile, e, « quel ch'è peggio, di niuna religione. Allorchè papa Alessandro « III tanta costanza mostrò contra di Federigo I, a lui non mancava « un forte appoggio alle spalle, cioè il Rè di *Sicilia* e *Puglia* « della schiatta dei *Normanni*. Ora che Federigo II possedeva

Digitized by Google

« ancora quegli stati, se cadeva a terra l'opposizione dei Lom-
« bardi, restava *Grigorio* IX-no tra le forbici, ed esposto alla
« discrezione, ossia indiscrezione d'un imperatore, che avrebbe
« potuto tutto ciò che avesse voluto. Il perchè papa Grigorio
« riguardava come suo grande interesse la lega dei Lombardi ».

« All'incontro Federigo II-do odiava a morte questa lega, ben-
« chè sollennemente permessa da Federigo I-mo, considerandola
« come ingiuriosa ai suoi sovrani dritti, e trattava i Lombardi
« di ribelli, declamando da pertutto, esigere il suo decoro, ch'egli
« passasse a *domargli*.

Положеніе папы, замѣчаетъ Мураторій, было самое опасное. Ежели бы Фридриху II-му удалось сокрушить Ломбардію, и покорить себѣ Италію, то не осталось бы для папы никакого спасенія. Александру III-му ловко было противустоять Фридриху I-му, имѣя за собою опору въ королѣ Сициліи и Апуліи, изъ рода *Норманновъ*; но, съ тѣхъ поръ какъ Фридрихъ II-й сдѣлался самъ владѣтелемъ этой короны, Григорію IX-му оставался въ помощь одинъ только союзъ городовъ Ломбардіи, и безъ его защиты папа сдѣлался бы жертвою властолюбиваго императора.

Напротивъ того, Фридрихъ II смертельно ненавидѣлъ Ломбардію, и почиталъ союзъ городовъ ея оскорбленіемъ для императорскаго величества. Выдавая Ломбардцевъ за бунтовщиковъ, Фридрихъ II разглашалъ вездѣ, что достоинство и честь его требовали уничтоженія этого союза.

Вскорѣ увидѣла Италія приведеніе въ дѣйство замысловъ Фридриха на Ломбардію. Собравъ подъ хоругвь свою дружины преданныхъ Гибеллинамъ городовъ: *Вероны*, *Кремоны*, *Пармы*, *Модены*, и поручивъ ихъ вѣденію своего приверженца, *Ечелино да-Романо*, императоръ открылъ въ 1236 году военныя дѣйствія. Съ другой стороны образовалось войство *Вельфовъ*, подъ предводительствомъ *Аццо* VII-го, изъ городовъ учавствовавшихъ въ ломбардскомъ союзѣ: *Милана*, *Бресчіи*, *Падуи*, *Тревиза*, *Винченцы* и проч. Война открылась паденіемъ сего несчастнаго города, сдѣлавшагося потомъ славнымъ архитектурою *Панадія*; *Гибеллины* завладѣли имъ, и разорили его совершенно. За Винченцою пала Падуа.

Digitized by Google

Въ 1237 году начался новый походъ. Фридрихъ II-й сталъ лагеремъ около *Гойто* (*Goito*) съ войсками германскими и дружинами городовъ *Падуи*, *Вероны* и *Винчѐнцы*. Изъ Апуліи пришли къ императору на помощь вѣрные ему Сарацины, въ числѣ *семи-тысячь*; *Роджіо*, *Модена*, *Кремона*, *Парма*, выслали Фридриху свои ополченія. Наконецъ присоединилась къ нему непокорная дотолѣ *Мантуа*, а за нею покорился и глава *Вельфовъ Аццо* VII-й, маркграфъ *Эстенскій*. Направивъ движеніе свое въ сердце Ломбардіи, императоръ осадилъ *Бресчію*, и, не дожидаясь ея взятія, пошелъ далѣе. Достигнувъ у *Понте-вико* (Ponte-vico) береговъ рѣки *Олліо* (Oglio), онъ встрѣтилъ тамъ ополченіе *Милана* вмѣстѣ съ союзниками его, дружинами городовъ *Александріи*, *Верчелли*, *Новарры*, и проч. Переступивъ черезъ рѣку, Фридрихъ достигъ непріятельскаго войска 27-го ноября вышеупомянутаго года, у мѣстечка *Корте-Нуова* (Corta Nuova), и поразилъ его. Лѣтописи полагаютъ, что въ этой битвѣ легло болѣе 10,000 человѣкъ со стороны городовъ ломбардскихъ. Глава (podesta) города Милана, *Петръ Тіеполо* (Pietro Tiepolo), сынъ венеціанскаго дожа, попался Фридриху въ плѣнъ. Ослѣпленный ненавистію своею къ Ломбардіи, императоръ отправилъ Тіеполо въ *Апулію*, съ приказаніемъ казнить его смертію. Тамъ, въ поруганіе Венеціи, Тіеполо былъ повѣшенъ на берегу Адріатики, и эта казнь произвела столь сильное впечатлѣніе въ *Венеціи*, что народъ, собравшись на площади, провозгласилъ себя врагомъ Фридриха II-го. Но Римляне, которые по ненависти къ папѣ находились въ тѣсной дружбѣ съ императоромъ, отправили къ нему поздравительное посольство. Фридрихъ удѣлилъ Римлянамъ часть трофеевъ, собранныхъ имъ въ битвахъ съ Миланомъ, и Римляне, въ чаду восторга, поставили эти трофеи въ *Капитоліи*.

Жители Милана, постигая бѣдственность своего положенія, предложили императору сдаться ему на условія, но Фридрихъ потребовалъ безусловной сдачи. Тогда, говоритъ Муратòрій, Богъ услышалъ молитвы Милана, и унизилъ гордость императора. « Il popolo di Milano, udite sì crude risposte, determinò di « morir piutosto, colla spada in mano, che di mettersi nelle forze, « cioè nelle prigioni e sotto le mannaje di questo principe. Dio

Digitized by Google

«seppe abbassare e confondere questo orgoglioso Imperatore, ne «lasciò impunita cotanta sua superbia (*).

Осажденные рѣшились скорѣе умереть съ мечемъ въ рукѣ, нежели погибнуть подъ сѣкирою императора.

Между тѣмъ, подъ знамена Фридриха стекались безпрестанно свѣжія войска. *Конрадъ*, сынъ его, привелъ ему сильное подкрѣпленіе изъ Германіи. Англійскій король выслалъ ему отрядъ конницы; города, преданные *Гибеллинамъ*, подошли съ новыми дружинами. Императоръ былъ въ величайшей радости, ибо вся сѣверная Италія была покорена, исключая Брешіи и Милана. Тогда, призвавъ на совѣтъ вѣрнѣйшаго изъ своихъ клевретовъ, *Еччелино да-Романо*, императоръ спросилъ его, съ котораго изъ этихъ городовъ начать дѣйствія. Еччелино предложилъ взять сперва Брешію, и 3-го августа 1238 года, войска Фридриха обложили этотъ, знаменитый храбростію своихъ жителей, городъ. Живописно выражается Мураторій, говоря о совѣщаніи императора съ Еччелиномъ: «Determinò poscia col consiglio d'*Eccelino* gia- «chè gli restavano *due ossi duri*, cioè *Milano* e *Brescia*, di «sbrigarsi da quello, che era creduto più facile, cioè da *Bre- «scia*, per la cui caduta veniva poi *Milano* a restar blocato da «tutte le parti. Муратори Т. II. стр. 144.

Угрожаемые Брешіане приготовились къ отчаянной защитѣ, Фридрихъ съ своей стороны обложилъ городъ кругомъ, и началъ бить въ его стѣны и укрѣленія со всѣхъ осадныхъ машинъ, въ то время извѣстныхъ. Два мѣсяца продолжалась осада, и ни разу не померкла отчаянная храбрость осажденныхъ. Наконецъ Фридрихъ, убѣдясь въ непстощимой твердости Брешіанъ, приказалъ войскамъ своимъ отступить. Это невольное сознаніе въ собственной слабости, повредило много императору, и, по словамъ Мураторія, «Questo avvenimento quanto fu di gloria al popolo «Bresciano, altretanto riuscì di vergogna all'Imperadore, il cui «credito cominciò a calare per questo».

Граждане Милана, ободренные отступленіемъ императора, вышли сами въ походъ противъ него. *Павіа*, *Бергамо*, *Піаченца*, поплатились съ Вельфами за преданность свою къ Гибеллинамъ. На-

(*) См. Муратор. Т. II. стр. 142.

Digitized by Google

конецъ вооружился снова за прежнее дѣло *Аццо* VII-й, и подступилъ подъ стѣны Падуи, гдѣ начальствовалъ *Еччелино*. Стратигъ Фридерика II-го имѣлъ въ рядахъ своихъ мало Итальянцевъ; вся сила его состояла изъ Загорянъ (oltremontani), пришедшихъ изъ Германіи. Но тутъ увидѣла Италія грустную для нея картину, повторявшуюся въ ея исторіи слишкомъ часто. Вельфы не выдержали натиска Гибеллиновъ, и бѣжали постыдно съ поля брани. Самъ маркграфъ обязанъ былъ спасеніемъ скорости своего коня.

Удалясь въ одинъ изъ подвластныхъ ему замковъ, въ *Монтаньяну*, Аццо VII-й рѣшился отомстить Гибеллинамъ, и омылъ скоро понесенное имъ пятно.

Отразивъ Гибеллиновъ отъ стѣнъ Монтаньяны, Аццо заставилъ Еччелина оступить къ Падуи. Тогда любимецъ Фридриха писалъ къ императару о необходимости напасть всѣми силами на маркграфа, прибавляя, что «Feriendus est serpens in capite, ut corpus facilius devincatur», (т. е. надобно разить змѣя въ голову, чтобы легче одолѣть его). Но Фридрихъ, занятый въ то время полнимавшейся на него новой тучей, не далъ Еччелину никакого отвѣта.

XVIII.

СОЮЗЪ МЕЖДУ ПАПОЮ, ВЕНЕЦІЕЮ И ГЕНУЕЮ ПРОТИВЪ ФРИДРИХА II-ГО. — СПОРЪ ЗА САРДИНІЮ. — ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА. — НЕСОСТОЯВШІЙСЯ СОВОРЪ ВЪ РИМѢ. СМЕРТЬ ГРИГОРІЯ IX, АНАРХІЯ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ.

Эта туча состояла въ союзѣ, заключенномъ между папою, *Венеціею* и *Генуею* противъ императора. Фридрихъ почиталъ Геную собственностію имперіи, и требовалъ, чтобы эта община, присягавшая ему въ вѣрности, присягнула бы также и въ подданствѣ. Но Генуэзцы, имѣя въ виду однѣ только ленныя отношенія къ имперіи, отказались, на шумномъ *вѣчѣ*, отъ всякаго подданства, признавая себя общиной свободной, и, подъ верховнымъ надзоромъ Григорія IX-го, приступили къ заключенію тройственнаго союза, между ними, папою и венеціанской общиною. Фридрихъ II-й, изумленный этой вѣстію, прибѣгнулъ къ самымъ непріязненнымъ мѣрамъ противъ папы. Сочетавъ побочнаго сына своего *Энція* съ *Аделаидою*, наслѣдницею большей части острова Сардиніи, императоръ объявилъ этотъ островъ собственностію имперіи, и

Digitized by Google

даровалъ сыну своему титулъ короля. Въ то же время онъ наполнилъ Римъ своими клевретами, коимъ приказалъ бунтовать народъ и сенатъ противъ папы.

Римскіе духовные владыки почитали издавна *Сардинію* собственностію св. Петра. Но императоръ Фридерихъ II-й утверждалъ, что этотъ островъ никогда не отходилъ отъ Римской имперіи, и требовалъ настоятельно, чтобы онъ оставался неразлученъ съ императорской короной. Можно ли было, вслѣдствіе столь противуположныхъ одно другому требованій, когда вражда между противниками доходила до высшей степени, надѣяться на примиреніе? Неминуемо долженъ былъ этотъ споръ разрѣшиться войною. Послѣдствія войны съ папою пали вскорѣ на главу императора.

Въ день Вербнаго воскресенія 1239 года Григорій IX-й отлучилъ Фридриха отъ Церкви, разрѣшилъ его подданныхъ отъ данной ему присяги, и приказалъ имъ отложиться отъ своего государя. Фридрихъ отвѣчалъ на бумагу Григорія манифестомъ ко всѣмъ государямъ, писаннымъ знаменитымъ *Pietro delle Vigne*. Сверхъ того выгналъ изъ Сициліи и Апуліи монаховъ Доминиканскаго, Францисканскаго и Бенедиктинскаго орденовъ, и наложилъ тяжелыя подати на духовенство.

Людовикъ IX, король французскій, желая возстановить миръ между главою имперіи и главою римской Церкви, отправилъ посольство въ Римъ; но папа, какъ говоритъ Муратори, uomo di petto forte, nulla si mosse per questo, одаренный твердымъ духомъ, остался непреклоненъ.

Война вспыхнула во всей Италіи. Города, стоявшіе за партію Гибеллиновъ, вооружились за императора, между тѣмъ какъ другіе, а въ особенности *Болонія* и *Миланъ*, приняли сторону папы. Въ 1240 году Фридрихъ II обложилъ Римъ; но папа, совершивъ крестный ходъ вокругъ города, вооружилъ народъ и духовенство. Фридрихъ, видя невозможность покорить себѣ древнюю столицу имперіи, отступилъ въ свои владѣнія. Венеціане, снарядивъ флотъ, отправили его къ берегамъ Апуліи. На сѣверѣ Италіи, *Вельфы*, подъ предводительствомъ *Аццо* VII-го, овладѣли Феррарою. Сторона Григорія IX-го одерживала верхъ, и императоръ, видя казну свою истощенною, счелъ полезнымъ,

Digitized by Google

ввести въ употребленіе *кожаныя* деньги, вмѣсто *звонкихъ*, обѣщая обмѣнять со временемъ эти искусственные знаки на наличную монету. Въ то же время ему удалось овладѣть *Фаенцею*, *Чезеною* и *Беневентомъ*.

Но самое отважное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оскорбительное для папы дѣло, со стороны Фридриха, было плѣненіе епископовъ, ѣхавшихъ на соборъ.

Григорій IX-й, намѣреваясь изложить распри свои съ императоромъ передъ всей западной церковію, пригласилъ всѣхъ епископовъ и прелатовъ Европы прибыть въ Римъ.

Императоръ, сознавая, что соборъ одобритъ приговоръ папы и подтвердитъ буллу объ отлученіи его, рѣшился не допустить епископовъ и кардиналовъ до съѣзда въ митрополію Запада.

Будучи въ дружбѣ съ *Пизанами*, онъ заключилъ съ ними условіе, по которому Пиза обязалась выставить въ море свои галеры на службу императора. Къ флоту Пизанъ присоединились еще сицилійскія галеры, и вся эта сила, подъ начальствомъ короля *Энція*, вышла въ море ожидать генуэзскаго флота, на которомъ переѣзжали въ Италію французскіе епископы и многія духовныя лица изъ сѣверной Италіи, которые предпочли морской путь берговому. Обѣ силы сошлись у острова *Мелоры*, и Пизане одержали надъ противниками своими рѣшительную побѣду. Генуэзцы лишились двадцати двухъ галеръ, и все духовенство, находившееся на ихъ корабляхъ, досталось *Энцію* въ плѣнъ. Императоръ выслалъ новыя силы противъ Генуэзцевъ; но этотъ храбрый народъ вооружилъ немедленно пятьдесятъ три галеры, и выставилъ двѣ арміи на сухомъ пути.

Соборъ, столь нетерпѣливо ожиданный и желанный папою, не могъ состояться. Это неудачное событіе огорчило Григорія до глубины сердца. Онъ узналъ въ то же время, что Фридрихъ, подъ предлогомъ общественной пользы, отобралъ у церквей въ *Сициліи* и *Апуліи* всѣ сокровища и наличности, не щадя даже и окладовъ, лежавшихъ на иконахъ. Вслѣдствіе этихъ враждебныхъ дѣйствій, доходившихъ до поруганія святыни, ничто немогло болѣе убѣдить папу сблизиться съ императоромъ.

Digitized by Google

Хотя польза христіанства и требовала примиренія между обѣими главами силы державной и власти духовной, ибо *Германія* со дня на день ожидала нашествія Татаръ, уже завоевавшихъ Венгрію, но папа остался непреклоненъ. Наконецъ, достигнувъ столѣтняго возраста и удрученный душевными скорбями, Григорій IX-й скончался 21 августа 1241 года. Въ Римѣ не случилось на лицо десяти кардиналовъ. Но избраніе папы требовало присутствія всего *коллегіума*. Тогда пребывавшіе въ плѣну у Фридриха кардиналы, а равномѣрно и прочіе порфироносцы западной Церкви обратились къ нему съ просьбою о дозволеніи кардиналамъ, находившимся внѣ Рима, собраться въ митрополію западной Церкви, для выбора прѣемника Григорію IX-му (*).

Фридрихъ принялъ съ готовностію ходатайство кардиналовъ, и черезъ сорокъ дней послѣ вступленія ихъ въ *Конклавъ*, на римскую каѳедру былъ возведенъ кардиналъ *Гоффредо*, епископъ *Сабины*, подъ именемъ *Целестина* II-го. Изнуренный лѣтами и болѣзнями, новоизбранный папа правилъ Западною Церковію очень короткое время, и кончина его, приписанная отравѣ, случилась на осьмнадцатый день по избраніи его въ папы. Долго сиротствовала Церковь Римская, по кончинѣ Целестина II-го. *Райнальдъ*, авторъ церковныхъ лѣтописей (annal. Eccl.), приписываетъ это продолжительное вдовство безпорядкамъ, причиненнымъ Фридрихомъ II-мъ. Но Муратoрій замѣчаетъ основательно, что и со стороны Рима дѣйствія не всегда были правильны. Главную причину, по которой Западная Церковь провела *два года* въ анархіи, слѣдуетъ приписать взаимной враждѣ кардиналовъ, раздѣлявшей коллегіумъ римскихъ порфироносцевъ на нѣсколько партій. Впрочемъ многіе изъ кардиналовъ находились въ плѣну у императора, и Церковь не безъ причины упрекала Фридриха въ умышленномъ возбужденіи препятствій къ избранію папы, дабы, при помощи церковной анархіи, успѣшнѣе вести войну съ Вельфами.

(*) «De Imperatoris licentia cardinales omnes, qui extra Urbem fuerant, pro electione papæ faciendа ad urbem redeunt».

Digitized by Google

XIX.

Иннокентій IV. Безпомощность латинъ въ Царьградѣ. Смерть Асѣня Болгарскаго.

Наконецъ вслѣдствіе военныхъ угрозъ императора и настоятельныхъ побужденій Франціи, кардиналы, *соединясь духомъ*, избрали 24 іюня 1243 года папою кардинала *Синибалида Фіески*, родомъ генуэзца, который, вступая на престолъ, принялъ имя *Иннокентія* IV-го. Узнавъ объ избраніи папы, императоръ, находившійся въ то время въ *Мельфи*, городѣ имъ любимомъ, ubique per regnum laudes Domino jussit decantare, то есть, повелѣлъ по всему королевству *Апуліи* хвалить Бога и пѣть молебны. Въ тоже время отправилъ въ *Ананьи* къ новоизбранному своихъ любимцевъ, *Pietro delle Vigne* и магистра *Таддео да Сесса* (Taddeo da Sessa), съ поздравленіемъ и съ предложеніями о мирѣ (*tractare pro bono pacis*): исторія повѣствуетъ, что папа принялъ ихъ благосклонно и далъ удовлетворительный отвѣтъ (*).

Но скоро пріязнь замѣнилась снова враждою. Папа, пользуясь мгновеннымъ бездѣйствіемъ императора, занялъ городъ *Витербо* отрядомъ войскъ своихъ; тогда Фридрихъ отправилъ противъ папы сильный отрядъ, съ повелѣніемъ отнять Витербо у *Церкви*. Иннокентій, хотя и оскорбился этимъ дѣйствіемъ, но, предпочитая миръ прежнимъ соблазнамъ, отправилъ къ Фридриху трехъ *нунціевъ*, съ предложеніями о взаимномъ мирѣ, обѣщая императору сдѣлать все, что отъ него зависитъ, для примиренія Церкви съ ея врагомъ. Иннокентій предлагалъ сдѣлать судіею между императоромъ и Церковію совѣтъ, составленный изъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей. Фридрихъ принялъ съ высокомѣріемъ предложенія папы, и приказалъ своимъ военачальникамъ продолжать войну. Не въ одной Италіи отозвалось горько междоусобіе

(*) A quo (дѣло идетъ о папѣ) benigne satis recepti sunt, et benignum ad Principem retulerunt responsum.

Digitized by Google

императора съ папою, и Муратopій, въ порывѣ истинной печали, восклицаетъ: Ah maledetta discordia! Che fiere calamità soffrette in questi tempi la Cristianità, per quello che bolliva tra l'Imperatore e la Chiesa, non si può abbastanza dire. Orrendi, indicibili furono i danni recati dai Tartari, Comani, alla Polonia, Steria, Ungaria, ed altre provincie Cristiane, senza che niun potesse metter freno all'impeto di quelli Infedeli. Gravissimi malanni patí la Cristianità d'oriente, perchè le fù di nuovo tolta la santa città di Gerusalemme. *L' Imperio dei Latini in Costantinopoli era già ridotto al verde.* См. Муратор. подъ 1244 годомъ.

Итакъ по цѣлой Европѣ раздавались жалобы на войну, раздиравшую Италію, и на непреклонную вражду Фридриха II-го къ папамъ. Мы сказали уже выше, что никто столько, какъ Фридрихъ, не содѣйствовалъ къ паденію Латинской имперіи, лишая ея средствъ получать пособія Запада, и мысли наши согласны съ однимъ изъ лучшихъ историковъ Италіи, сознающимся, что l'Imperio dei Latini in Costantinopoli era ridotto al verde.

Обратимъ наше вниманіе на положеніе, въ которомъ находился Востокъ, при началѣ войны Фридриха II-го съ Григоріемъ IX-мъ.

Ватакій и *Асень* искали союза съ императоромъ Западнымъ противъ *Бальдовина,* и Фридрихъ принималъ ласково ихъ предложенія. Между тѣмъ онъ требовалъ отъ Латинскаго императора признанія непосредственной зависимости Латинской имперіи отъ Западной, и грозилъ ему оружіемъ, ежели онъ дерзнетъ воспротивиться его волѣ. Видя Бальдовина твердымъ въ рѣшеніи своемъ— не признавать ни какой державы выше себя, кромѣ папы, Фридрихъ не дозволялъ никому изъ подвластныхъ ему владѣтелей, рыцарей, или городовъ, идти на помощь Латинамъ. Такимъ образомъ, несчастная имперія *Бальдовина* II-го достигла скоро такого изнеможенія, что всѣ церковныя святыни, хранившіяся столько вѣковъ въ Царьградѣ, были *отчуждены* Латинами *за деньги.*

Терновый вѣнецъ Спасителя, сперва данный въ залогъ Венеціанамъ, былъ потомъ проданъ французскому королю. Наконецъ, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ трудовъ и усилій, Бальдовинъ успѣлъ собрать на Западѣ многочисленное воинство, и во главѣ этой арміи, проведенной имъ чрезъ Австрію, Венгрію, Болгарію и

Digitized by Google

Ѳракію, достигъ Царьграда, гдѣ и вѣнчался императоромъ въ 1240 году.

Тутъ явился ему новый и неожиданный союзникъ. *Команы*, изгнанные изъ жилищъ своихъ Татарами, предстали предъ его лицемъ, предлагая ему союзъ противъ Грековъ.

Лебо́ сознается простодушно, что крестоносцы приняли *Команъ* съ радостію, и оправдываетъ этотъ пріемъ необходимостію искать всюду помощи (*).

Бальдовинъ открылъ свои военные подвиги взятіемъ Цуруля (Чорлу); и этотъ достойный сподвижникъ дикихъ Команъ, заковавъ въ желѣза *Іоанна Петролифа*, доблестнаго вождя Грековъ, и всѣхъ воиновъ, защищавшихъ Чорлу противъ Латинъ, приказалъ свезти ихъ въ Константинополь и продать въ *рабство*. За утратою храбраго старшаго своего *Петролифа*, Ватакій понесъ еще другую потерю. Онъ лишился неоцѣненной супруги своей, благочестивѣйшей императрицы *Ирины*. Въ то же время скончался непостоянный царь болгарскій *Асень*, и престолъ Болгаріи перешелъ къ старшему сыну его царевичу *Коломану*, рожденному отъ первой его супруги, венгерской королевны *Анны*.

XX.

ОТНОШЕНІЯ ВАТАКІЯ КЪ СОЛУНСКИМЪ ГОСУДАРЯМЪ. МОНГОЛЫ ВЪ МАЛОЙ АЗІИ.

Малолѣтство Каломана, имѣвшаго не болѣе 12 лѣтъ, внушило Ватакію желаніе покорить Болгарію. Но греческій *Василевсъ* опасался, чтобы венгерскій король, или латинскій императоръ не предупредили его въ этомъ предпріятіи, или не вступились-бы за свободу Болгаръ. Нужно было усыпить ихъ бдительность личиною умѣренности, и Ватакій, какъ искусный политикъ, умѣлъ скрыть свои замыслы. Но въ Солуни пребывали владѣтели, также довольно сильные, чтобы заступиться за Болгарію. Эти владѣтели явно соперничали съ Ватакіемъ, присвоивая себѣ титулъ импера-

(*) L'humanité française ne se rebuta pas de la forme barbare, usitée chez tous les peuples septentrionaux.

Digitized by Google

торовъ, и Ватакій не имѣлъ враговъ злѣе королей солунскихъ. Но слабость и разстроенное управленіе этого государства при тогдашнемъ владѣтелѣ, подали ему мысль освободиться отъ соперничества государей солунскихъ. Въ то время правилъ этимъ краемъ *Іоаннъ Комненъ*, принимавшій величавый титулъ императора. Этотъ юный государь, преданный обрядамъ Церкви, и мало опытный въ правленіи, не былъ въ силахъ состязаться съ Ватакіемъ ни въ искусствѣ обладать людьми, ни въ хитрости политической, ни въ мужествѣ воинскомъ. Итакъ судьба Солунскаго государства была, казалось, въ рукахъ Ватакія, и нѣтъ сомнѣнія, что возродитель Греческой имперіи покорилъ-бы мечу своему *Эпиръ*, *Θессалію* и *Македонію*, ежели бы не появилась на сценѣ міра новая, дотолѣ не извѣстная сила, которая не только отвлекла его отъ начатаго дѣла, но заставила даже трепетать и за собственный вѣнецъ.

Мы сказали выше, что Ватакій, смотря на слабость правленія Іоанна Комнена, вознамѣрился свергнуть съ престола своего соперника по имперіи Греческой. Собравъ многочисленныя дружины, въ коихъ участвовали также и Половцы (Команы), Ватакій вступилъ въ *Македонію*, и перейдя *Вардарь*, подошелъ подъ ограды Солуни. Но тутъ неожиданный гонецъ вручилъ ему письмо отъ сына его *Θеодора*, извѣщавшаго Ватакія, что *Монголы* вторглись въ *Малую-Азію*, побѣдили султана, правившаго *въ Иконіи*, и готовы уже вступить въ предѣлы имперіи Никейской. Пораженный этимъ извѣстіемъ, Ватакій спѣшилъ возвратиться во свои владѣнія, и скрывая ужасную вѣсть отъ противника своего, съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и наружнымъ спокойствіемъ духа, умѣлъ представить въ иномъ видѣ причину своего отступленія; наконецъ пригласивъ *Іоанна* на свиданіе, въ которомъ присутствовалъ также несчастный *Θеодоръ*, отецъ *Іоанна*, Ватакій посредствомъ самыхъ убѣдительныхъ доводовъ, и въ особенности сравнивая слабость Солунскаго государства съ крѣпостію *Никейской* имперіи, успѣлъ уговорить *Іоанна* отказаться отъ пышнаго титула императора, и довольствоваться второстепеннымъ достоинствомъ *деспота*, подъ сѣнію короны *никейской*.

Эти событія происходили въ 1243 году. *Монголы*, вторгнув-

Digitized by Google

шись въ *Каппадокію*, и покоривъ *Сивасъ* и Кессарію, поразили султана *иконійскаго*. Бальдовинъ и *Ватакій*, каждый въ свою очередь, искали подкрѣпить султана *Каикъ-Хозру* своими силами,—первый съ намѣреніемъ воспользоваться союзомъ султана на вредъ Грекамъ, а Ватакій—съ цѣлію оградить помощію султана владѣнія свои отъ натиска Татаръ; но замыслы латинскаго и греческаго императоровъ остались безъ дѣйствія. *Кайкавузъ*, преемникъ *Каикъ-Хозру*, покорился Татарамъ и обязался платить имъ дань монетою, лошадьми, платьемъ и собаками, годными для охоты. Татары, довольные своими подвигами въ Малой Азіи, отступили къ Персіи, но ихъ появленіе на границахъ имперіи *Никейской* подало мысль Латинамъ воспользоваться ихъ силою, для истребленія Греческой имперіи, и внушило папѣ Иннокентію IV и королю Людовику IX безчеловѣчную мысль употребить стрѣлы и копія татарскія на уничтоженіе православной Церкви и греческой народности.

Идеи того времени, отзывающіяся необразованностію и свирѣпствомъ, достойнымъ Каннибаловъ, допускали всевозможныя жестокости, подъ личиной пользы общественной или для блага религіи. Страхъ обуяетъ и до сихъ поръ при чтеніи истязаній, коимъ папы и самъ философъ императоръ Фридерихъ II, подвергали въ Италіи и въ Южной Франціи приверженныхъ къ расколу *Богомиловъ*. Въ 1233 году ходилъ по сѣверной Италіи францисканецъ, звавшійся fra Giovanni. Онъ слылъ святѣйшимъ мужемъ, и народъ встрѣчалъ его во всѣхъ городахъ съ восторгомъ, ибо fra Giovanni, ненавидѣвъ междоусобія, примирялъ краснорѣчіемъ своимъ Вельфовъ съ Гибелинами. Но кто же были сопутники и сотрудники этого восторженнаго монаха? другіе францисканы, служившіе ему клевретами, и разглашавшіе вездѣ его святость, доходившую, по ихъ словамъ, до такой степени, что fra Giovanni исцѣлялъ больныхъ и воскрешалъ мертвыхъ. Въ то же время они исполняли обязанность палачей, ибо гдѣ fra Giovanni ни показывался, тамъ воздымались костры, и несчастные Богомилы, вдавшіеся въ заблужденіе свое, болѣе по отвращенію, внушенному имъ развратомъ, существовавшимъ тогда въ Латинской Церкви, нежели по другой причинѣ, пред-

Digitized by Google

вались огню. Описывая жизнь брата Іоанна (fra Giovanni), достойнаго по идеямъ нашего времени называться извергомъ, Мураторій замѣчаетъ, что и тогда, т. е. въ тринадцатомъ вѣкѣ, были люди, ненавидѣвшіе жестокость этого злодѣя, и говоритъ: «Non «mancava gente che portava odio a questo banditor della parola di «Dio e della pace, perchè era inesorabile contra gli Eretici».

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1233 явился fra Giovanni въ Веронѣ, и среди сладкихъ проповѣдей о взаимной любви всѣхъ гражданъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали, предалъ огню и сжегъ живыми на кострахъ, шестьдесятъ лучшихъ жителей Вероны. Смот. Мураторія т. 11. Стр. 99. И такъ не удивительно, что благочестивый Людовикъ IX искалъ подобными же средствами, т. е. копьями и стрѣлами дикихъ Монголовъ, достигнуть той цѣли, къ которой благочестивый братъ Іоаннъ хотѣлъ дойдти посредствомъ огня. Fra Giovanni трудился на поприщѣ единства вѣры, называемаго на западѣ единствомъ каѳоличества (unité catholique), истребленіемъ раскольниковъ Людовикъ IX; и папа Иннокентій IV намѣревались, для пользы западной Церкви и для единства каѳоличества, уничтожить Греческую имперію, разорить ея Церковь, и истребить Грековъ.

Но Богъ не дозволилъ совершиться этому пагубному замыслу, и православная Церковь, несмотря на всѣ истязанія, чрезъ которыя ей было опредѣлено пройдти, восторжествовала, и востокъ, начиная отъ прибрежія Адріатики до береговъ Охотскаго моря, необозримый востокъ, будущее жилище безчисленныхъ племенъ, остался на всегда ея достояніемъ.

XXI.

ВАТАКІЙ.

Отвратимъ на нѣкоторое время взоръ отъ печальныхъ картинъ, поражавшихъ насъ до сихъ поръ, и утѣшимъ себя зрѣлищемъ той превосходной картины, которую представлялъ дворъ Ватакія. Успокоенный отступленіемъ Монголовъ къ предѣламъ *Персіи*, Ватакій занялся управленіемъ своего государства. Посвятивъ себя благоденствію своихъ подданныхъ, этотъ великій

Digitized by Google

мужъ занялся всѣми предметами, относящимися къ общественному образованію и къ государственному хозяйству. Земледѣліе, винодѣліе, промышленность, пришедшія до него въ упадокъ, стали снова процвѣтать подъ его кровомъ. Ограничивъ государственные расходы самыми необходимыми издержками, Ватакій назначилъ для содержанія двора одни только доходы съ собственныхъ его удѣловъ. Никто лучше его не зналъ сельскаго хозяйства, и искусно соображенное раздѣленіе имѣній на лѣса, луга и пахоти, осталось на долго образцовымъ. Принимая живое участіе въ страждущемъ человѣчествѣ, Ватакій устроилъ въ государствѣ примѣрные странноприимные дома и орфанотрофіи. Самъ Лебо, западный писатель, сознается, что Ватакій воскресилъ Греческую имперію: «En peu de tems l'empire de Vatace sortit comme «du tombeau et reprit une nouvelle vie. Hist. du bas Empire, «Tom: 10, pag. 197. La terre ouvrit son sein fécond; les campa«gnes furent couvertes, les greniers remplis. Un commerce utile «roulait sur tous les chemins, plus d'exactions, plus d'expé«diens de finance, plus de fortune qui ne vint par le travail. Si «la méchanceté des hommes ne s'éteignit pas dans le cœur, «du moins ne fut elle pas agacée par la misère, qui engendre tant «de crimes». И вотъ человѣкъ, на котораго возставали, владыка западной Церкви, и король, сопричтенный по смерти своей къ лику Святыхъ!!!

Между тѣмъ какъ всѣ процвѣтало и возрождалось въ Никейской имперіи, подъ благотворнымъ вліяніемъ *Ватакія*, все разрушалось и изсыхало во владѣніяхъ Бальдовина, гдѣ ненасытное рыцарство, и столь же жадное латинское духовенство, разоряли народъ. Въ 1244 году Бальдовинъ отправилъ снова въ Италію искать пособій у папы. Иннокентій IV предписалъ всему латинскому духовенству на востокѣ помогать Бальдовину деньгами, и назначилъ константинопольскаго патріарха своимъ легатомъ на всемъ востокѣ. Патріархъ латинскій, вмѣсто того чтобы снабжать Бальдовина деньгами, обложилъ эпархіи латинскія денежными сборами въ свою пользу, и Бальдовинъ остался безъ пособія. Наконецъ бѣдный императоръ Константинополя и его окрестностей, видѣвъ суетность своихъ ходатайствъ у папы,

Digitized by Google

озабоченнаго въ то время войною съ Фридерихомъ, отправился во Францію искать помощи у Людовика IX. Въ то время сходился въ Ліонѣ соборъ, созванный Иннокентіемъ IV для произнесенія отлученія и для гласнаго и торжественнаго осужденія императора Фридериха II.

Нѣсколько разъ старался папа сблизиться съ императоромъ, и между ними доходило до мирныхъ сдѣлокъ, но никто изъ этихъ двухъ честолюбцевъ не хотѣлъ уступить другому. Фридерихъ занималъ почти всѣ города, считавшіеся собственностію святаго Петра. Папа, хотя и готовый на снятіе съ императора отлученія, тяготѣвшаго на немъ уже столько лѣтъ, требовалъ однако, чтобы императоръ возвратилъ ему прежде означенные города, а Фридерихъ настаивалъ на предварительномъ снятіи съ него отлученія. Римляне, всегда готовые бунтовать противъ папы, стояли на сторонѣ Фридериха, такъ что Иннокентій IV, видѣвъ себя въ опасности, отправилъ тайно въ Геную францискана *Obizzo del Fiesco,* просить помощи у этого города. Генуезцы, любившіе папу какъ своего согражданина, выслали немедленно цѣлый флотъ ему на помощь. Двадцать двѣ галеры подошли вдругъ къ Чивитта Векіѣ (Civita Vecchia). Папа, узнавъ о прибытіи флота, сѣлъ на коня, и ночью по дебрямъ, лѣсамъ и непроходимымъ путямъ, достигъ означенной пристани. Тамъ занявъ, приготовленную для него галеру, онъ отправился въ море, и 7 іюля 1244, достигъ благополучно Генуи. Отдохнувъ нѣсколько дней въ отчизнѣ, Иннокентій пустился далѣе, и невзирая на болѣзнь, его терзавшую, продолжалъ путь *до Ліона*, гдѣ и былъ торжественно принятъ духовенствомъ и народомъ.

«In essa città», говоритъ Мураторій, «piantò la sua corte», т. е. въ этомъ городѣ папа основалъ дворъ свой, и въ 1241 году открылъ въ немъ соборъ, пригласивъ императора явиться къ отвѣту лично или чрезъ полномочныхъ. На соборѣ присутствовали болѣе ста сорока патріарховъ, архіепископовъ и епископовъ латинскихъ. На первыхъ засѣданіяхъ Иннокентій изложилъ вины и преступленія Фридериха противъ Церкви. Представитель императора *Таддео да Сесса* (Taddeo da Sessa), въ отвѣтѣ

Digitized by Google

своемъ, старался оправдать своего государя, и требовалъ отсрочки, дабы дать время императору явиться лично на соборъ.

Папа, въ надеждѣ склонить Фридериха къ миру посредствомъ снисходительности, отложилъ соборъ на двѣ недѣли; но императоръ, пребывавшій тогда въ Веронѣ, не изъявилъ никакой готовности къ примиренію съ Церковію, и не предсталъ предъ Ліонскимъ соборомъ. Тогда папа, созвавъ членовъ собора на торжественное засѣданіе, изложилъ имъ вновь тѣ дѣянія, кои онъ называлъ проступками императора, и 17 іюля 1245 произнесъ приговоръ объ отлученіи Фридериха отъ Церкви, о лишеніи его всѣхъ правъ царствовать, и объ освобожденіи его подданныхъ отъ данной ими присяги.

Вслѣдъ за этимъ приговоромъ, Иннокентій пригласилъ князей германскихъ къ избранію новаго императора, а самъ снарядилъ войско для завоеванія *Апуліи* и *Сициліи*. Тогда Фридерихъ обратился къ Людовику IX съ просьбою быть посредникомъ между имъ и папою, обязуясь примириться съ Церковію и идти вмѣстѣ съ королемъ французскимъ противъ невѣрныхъ Сарацинъ; но Иннокентій IV отринулъ всѣ ходатайства Людовика IX въ пользу Фридериха, и подтвердилъ избраннаго въ Германіи новаго императора. Этотъ императоръ, возведенный въ *Августы* не всею, а только частію Германіи, не долго наслаждался своимъ высокимъ саномъ. Генрихъ, ландграфъ *Тюрингенскій*, новоназначенный король Римлянъ, встрѣтилъ Кондара, сына императора Фридериха, и понесъ отъ него столь сильное пораженіе, что не могъ перенести стыда ему нанесеннаго, и пострадавъ нѣкоторое время жестокою грустію, лишилъ себя наконецъ жизни. По смерти Генриха, былъ избранъ императоромъ *Вильгельмъ голландскій графъ*, и вѣнчанъ въ *Аахенѣ* (*Aequis-grana*).

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

О ПРИЧИНАХЪ ОСОБЕННЫХЪ УСПѢХОВЪ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ ВЪ РОССІИ.

Давно уже замѣчено, что преобладающимъ характерамъ нашихъ поэтическихъ произведеній служитъ сатира, болѣе или менѣе глубокая, комизмъ, обнимающій собою тѣ или другія стороны нашей жизни и достигающій иногда истинно художественнаго совершенства. Нельзя по крайней мѣрѣ указать ни одного особенно замѣчательнаго произведенія въ нашей поэзіи, которое было бы чуждо этого характера, гдѣ изображалось бы одно только, или преимущественно, доброе, благородное и высокое (*). Вездѣ напротивъ поражаютъ васъ картины грубости, невѣжества, ложнаго гибельнаго быта и скрытной безнравственности. И это направленіе является господствующимъ въ русской литературѣ не въ настоящее только время. Изъ всѣхъ занятыхъ нами формъ искусства скорѣе и крѣпче другихъ развилась у насъ сатира. Вмѣстѣ съ нами она росла, освобождалась изъ-подъ ига чужеземныхъ образцовъ, и наконецъ, ставши самостоятельною, сдѣлалась главнымъ мотивомъ нашей поэзіи. Отъ чего это? отъ чего именно сатира получала такое преобладающее развитіе въ нашей литературѣ? Мы отнюдь не надѣемся окончательно рѣшить этотъ вопросъ, и даже думаемъ, что для такого

(*) Надобно сказать для удаленія всякихъ недоразумѣній, что подъ именемъ сатирической поэзіи мы разумѣемъ здѣсь не только собственно сатиру, но и комедію и вообще сатирическое направленіе произведеній нашей поэзіи.

Digitized by Google

рѣшенія его не приспѣло еще время; цѣль наша—высказать нѣсколько замѣчаній, объясняющихъ дѣло.

Сатира появляется въ литературѣ народа уже тогда, когда онъ вышелъ изъ-подъ преобладающаго вліянія непосредственныхъ влеченій своей природы, пересталъ увлекаться сказками фантазіи и обратилъ свои взоры на себя, на свои истинныя и высокія потребности, нерѣдко отрицаемыя или унижаемыя въ его жизни. Ни въ первоначальныхъ вымыслахъ народной поэзіи, ни въ представленіяхъ поэзіи романтической, окрашивающей все своимъ идеальнымъ колоритомъ, сатира не можетъ имѣть мѣста. Она есть обличеніе и отрицаніе не нормальныхъ явленій жизни; а обличать и отрицать формы жизни нельзя напередъ ихъ не узнавши. Поэтому сатира необходимо предполагаетъ болѣе или менѣе короткое знакомство съ дѣйствительнымъ бытомъ человѣка, болѣе или менѣе глубокое изученіе его наличнаго состоянія, наличныхъ стремленій, и наконецъ болѣе или менѣе ясное и живое пониманіе истинныхъ требованій духа и сознаніе ихъ противорѣчія съ дѣйствительною жизнію. Можно, если угодно, вывести отсюда такое заключеніе, что преимущественное развитіе сатиры въ нашей поэзіи зависитъ между прочимъ отъ свойственнаго намъ стремленія скорѣе ознакомиться съ жизнію, скорѣе образовать свой дѣйствительный бытъ по разумнымъ требованіямъ нашего народнаго духа. Но мы желаемъ только сказать, что безъ сближенія съ жизнію, безъ глубокаго ея пониманія сатирическое направленіе невозможно, что безъ сего условія всѣ другія теряютъ свою силу и значительность. Такимъ образомъ, при дальнѣйшемъ раскрытіи нашего вопроса, это условіе необходимо должно подразумѣваться.

Разумный отвѣтъ на этотъ вопросъ повидимому заключается въ историческихъ обстоятельствахъ, среди которыхъ образовалась отечественная словесность. Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ обстоятельствъ, чтобъ видѣть, какъ они могли содѣйствовать успѣхамъ нашей сатиры. — Извѣстно, что отличительною чертою до-петровской Россіи была

Digitized by Google

нѣкоторая исключительность и частной и государственной жизни. Мы удалялись отъ остальнаго міра Европы, чрезъ знакомство съ которымъ скорѣе и полнѣе могли раскрыться и опредѣлиться у насъ потребности и условія общественнаго образованія, составили себѣ свой міръ знанія и дѣятельности, не показывая особенной охоты знать, что̀ дѣлается внѣ нашей сферы. Когда въ этотъ міръ внесена была чужая наука, тогда естественно произошло въ обществѣ раздѣленіе, возникла борьба, тѣмъ болѣе упорная, что все прежнее для многихъ умовъ украшалось дорогимъ именемъ роднаго, народнаго, а все чужое клеймилось басурманствомъ, — борьба своего съ чужимъ, которая шла чрезъ всю исторію нашего образованія и продолжается доселѣ. Понятно, что обѣ враждующія стороны доходили въ своихъ стремленіяхъ до крайностей, часто жалкихъ и смѣшныхъ. Если неразумные приверженцы старины съ негодованіемъ говорили, что

«Расходы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти;
. . . . . .
Живали мы прежь сего, незная латынѣ,
Гораздо обидьнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ...
. . . . . .
Буде рѣчь моя слаба, буде въ ней нѣтъ чину
Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину?
Доводъ, порядокъ въ словахъ подлыхъ то есть дѣло;
Знатнымъ полно утверждать, или отрицать смѣло»... *(Кантемиръ)* —

и съ крикомъ требовали присягъ,

«Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился» *(Горе отъ ума)*;

то слѣпые поклонники всего чужестраннаго, презирая народное, отдавая

....«Все въ промѣнъ на новый ладъ—
И нравы, и языкъ, и старину святую»,

кричали:

Ахъ Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края.
Какъ европейское поставить въ параллель
Съ національнымъ — странно что-то!» *(ibid.)*.

Digitized by Google

При этихъ враждебныхъ сторонахъ всегда стоялъ третій классъ людей, которые въ душѣ готовы сказать всѣмъ любителямъ науки то же, что̀ сказалъ Фамусовъ:

«Строжайше бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицѣ»,—

но которые, не желали отстать и отъ моды, обезьянически старались усвоить себѣ внѣшніе пріемы образованности, и считали необходимымъ нанять для своихъ дѣтей француза, который,

«Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Недокучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ
И въ лѣтній садъ гулять водилъ» *(Онѣгинъ)*.

И вотъ ихъ сынъ

«Остриженъ по послѣдней модѣ,
Какъ денди лондонской одѣтъ;
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ;
Легко мазурку танцовалъ
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ» *(ibid)*.

Человѣку просвѣщенному, или понимающему все достоинство и необходимость истиннаго образованія, и весь вредъ и ничтожество образованія чисто внѣшняго и ложнаго, тяжело на каждомъ шагу встрѣчать подобныя явленія. Горе ему отъ того, что невѣжды съ презрѣніемъ попираютъ его высокія идеи, выставляютъ противъ нихъ свои закоренѣлые предразсудки и хвалятся своимъ невѣжествомъ. Горе ему отъ сознанія достоинства своихъ стремленій и понятій, не признаваемыхъ или ложно толкуемыхъ другими, — горе отъ собственнаго ума своего. Ему остается или въ самомъ себѣ скрыть эти понятія и стремленія вмѣстѣ съ негодованіемъ на

Digitized by Google

невѣжество и соединенные съ нимъ пороки, или излить это негодованіе въ ѣдкихъ сарказмахъ, сатирою сорвать съ невѣждъ личину народности и ложнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ между истинными поборниками новыхъ началъ знанія и жизни естественно должны были явиться Кантемиры, Фонвизины, Грибоѣдовы и другіе, которые не въ бровь, а въ глазъ разили и приверженцевъ грубаго въ старинѣ, и русскихъ европейцевъ, презиравшихъ истинно-народное, и тѣхъ нравственныхъ недорослей, которые подъ модною одеждою и внѣшнимъ лоскомъ скрывали душевное безобразіе. И такъ какъ въ дальнѣйшей нашей исторіи подобныя лица не переводились и не совсѣмъ еще перевелись и теперь, то рядомъ съ ними, или лучше, какъ реакція противъ нихъ, являлись и являются сатиры и комедіи.

Но между тѣмъ какъ старыя формы жизни и понятія теряли свою важность, наплывъ новыхъ идей тревожилъ умы, пробуждалъ въ нихъ охоту къ анализу, который многихъ приводилъ къ чувству недовольства вмѣстѣ съ истиннымъ своимъ выраженіемъ въ людяхъ съ глубокою натурою, это чувство имѣло, какъ и все на свѣтѣ, свое подражаніе, свою каррикатуру. Расплодились «москвичи въ гарольдовыхъ плащахъ», мелкіе люди, которые, желая поддѣлаться подъ тонъ великихъ поэтовъ, въ слезливыхъ элегіяхъ оплакивали «погибшій жизни цвѣтъ безъ малаго въ восьмнадцать лѣтъ» (*), и чтобъ привлечь къ себѣ вниманіе толпы, стали:

«....Торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной» *(Лермонтовъ)*.

Искусство опять должно было вооружиться противъ этого поддѣльнаго, глупаго разочарованія, чтобъ обличить его внутреннюю пустоту и безсмысліе, чтобъ сказать каждому изъ этихъ крикуновъ, которые хвастались истомою силъ,

(*) Пушкинъ.

Digitized by Google

еще не дѣйствовавшихъ, призрѣніемъ всѣхъ удовольствій жизни, ими вовсе неизвѣданныхъ:

«Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ,
На что намъ знать твои сомнѣнья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной,—
На лицахъ праздничныхъ чуть видѣнъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь не приличной,
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачь и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечомъ картоннымъ» *(Лермонтовъ)*.

Но чѣмъ болѣе раскрывалась наша народность, чѣмъ яснѣе и тверже укрѣплялись и опредѣлялись основы русской жизни и русскаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе сглаживались неровности нашего прежняго воспитанія, и тѣмъ глубже проникала наша сатира, потому что вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ высокія требованія духа приходили въ бо́льшую ясность, получали болѣе важное значеніе, и всякое отступленіе отъ нихъ сильнѣе поражало и оскорбляло наблюдателя. Сатирикъ сталъ трогать самыя чувствительныя струны русскаго сердца, и съ невозмутимымъ повидимому спокойствіемъ раскрывать самыя сокровенныя раны нашего общества.—Такимъ образомъ вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ наша литература должна была выставить реакцію противъ старыхъ предразсудковъ, невѣжества, ложнаго образованія и другихъ золъ, болѣе или менѣе тѣсно съ ними соединенныхъ, и потому явилась преимущественно въ формѣ сатиры и комедіи (*).

(*) А басня, басня, преимущественно Крылова? Прибавимъ же басню, какъ родную, младшую-старшую сестру нашей сатиры и комедіи. *М. П.*

Digitized by Google

Но каковы бы ни были обстоятельства развитія отечественной словесности, они далеко не рѣшаютъ даннаго вопроса. Если мы обратимся къ исторіи другихъ народовъ, то легко можемъ видѣть, что въ отношеніи къ умственному образованію у нихъ было много чертъ, очень сходныхъ съ нашею исторіей. Также, или еще съ большею силою, чѣмъ у насъ, была у нихъ борьба новыхъ идей съ старыми понятіями, новаго поколѣнія съ людьми устарѣвшими, желавшими опочить на формахъ прежней жизни и прежняго знанія. И у нихъ были, и теперь существуютъ, народные предразсудки, нлоды (да еще какіе!) невѣжества и полуобразованности, странные обычаи и нравы, которые могли вызвать и дѣйствительно вызывали противъ себя насмѣшку людей, способныхъ видѣть комическую сторону жизни. Почему же ни у одного изъ западныхъ народовъ сатира не пользуется въ литературѣ такимъ преобладаніемъ надъ другими родами поэзіи, какое пріобрѣла она въ литературѣ нашей? Вообще надобно замѣтить, что никакія историческія обстоятельства сами по себѣ не могутъ быть до того сильны, чтобъ на долго управлять движеніемъ умовъ цѣлаго народа. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ нихъ не было бы такихъ-то и такихъ явленій; не дѣлай человѣкъ ничего достойнаго осмѣянія, не было бы конечно и сатиры; не будь въ самой жизни такихъ людей и событій, которые представляютъ собою предметъ для комедіи, не будетъ конечно и комедіи. Но несомнѣнно и то, что подобные предметы не опредѣляютъ еще безусловной необходимости комедіи: если они существуютъ, то, чтобъ была комедія, нуженъ человѣкъ, который бы ихъ понялъ, нужно присутствіе таланта, который умѣлъ бы воспользоваться ими для своихъ цѣлей; иначе они могутъ не быть для нашего сознанія, какъ и все незамѣченное и непонятое. Съ другой стороны, въ нашей исторіи весьма много событій величественныхъ, въ нашей жизни много явленій отрадныхъ. Почему же такъ рѣдко обращаются къ нимъ наши художники-поэты?—Прибавимъ еще одно замѣчаніе. Представители нашей поэзіи въ своихъ произведеніяхъ обличаютъ не тѣ

Digitized by Google

только недостатки, которые явились у насъ вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ народной жизни. Возмите вы Державина, Фонвизина, Грибоѣдова, Крылова, Дмитріева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и лучшихъ современныхъ писателей, вы увидите, что бо́льшею частію они раскрываютъ предъ нами пороки (напр. ханжество, лицемѣріе, скупость, низкое искательство, глупое чванство и т. п.), которые если находятся у насъ, то въ такомъ же количествѣ находятся и у Французовъ, Англичанъ и у всѣхъ народовъ, потому что эти пороки обязаны своимъ происхожденіемъ не историческимъ обстоятельствамъ общества, но слабостямъ человѣческой природы, которая вездѣ одинакова.

Другой отвѣтъ, который можетъ представиться при разсмотрѣніи даннаго вопроса, имѣетъ основаніе болѣе глубокое, чѣмъ случайныя обстоятельства исторіи (хотя онъ и стоитъ въ связи съ ними), и касается внутренняго состоянія народнаго духа. Этотъ отвѣтъ заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Не приспѣло еще время, говоритъ Гоголь (*), живописать себя цѣликомъ и хвастаться собою.... еще нужно намъ самимъ прежде организоваться, стать собою и сдѣлаться русскими. Еще только размягчена наша природа къ тому, чтобъ принять ей принадлежащую форму; еще не успѣли мы вывести итоговъ изъ множества всякихъ элементовъ и началъ, нанесенныхъ отвсюду въ нашу землю; еще во всякомъ изъ насъ безплодная встрѣча чужеземнаго съ своимъ и неразумное извлеченіе того самаго вывода, для котораго повелѣна Богомъ эта встрѣча». — Недавно вызванные изъ тѣснаго круга исключительной національности на обширную сцену общечеловѣческой жизни и науки, мы до сихъ поръ не успѣли усвоить себѣ всѣхъ ея результатовъ и приложить ихъ къ собственному міру. Мы даже очень не давно стали сознавать, что у насъ есть собственныя силы, крѣпкія и животворныя, и что слѣд. надобно не отре-

(*) См. «Выбран. мѣста изъ переписки съ друзьями». Ст. «Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?» стр. 261, 262.

Digitized by Google

каться отъ нихъ, — что значило бы умереть для себя и человѣчества,—а развить ихъ до разумной сознательности и примирить съ требованіями науки. Этотъ періодъ проясняющагося и созрѣвающаго народнаго самосознанія продолжается и доселѣ. И потому что многія черты нашей народности еще не раскрыты и не поняты нами,—примиреніе русскаго съ общечеловѣческимъ для насъ составляетъ еще великую задачу. Эта неопредѣленность науки и дѣятельности, это колебаніе народнаго сознанія между двумя крайностями и стремленіе примирить ихъ должно было отразиться и въ сферѣ искусства. Отсюда лучшіе изъ нашихъ поэтовъ, чувствуя жажду творчества, удовлетворяли ей тѣмъ, что живописали болѣе «страшные идеалы огрубѣнія» (выраженіе Гоголя), чѣмъ идеалы людей добродѣтельныхъ и просвѣщенныхъ, потому что для первыхъ данныя очевидны, тогда какъ послѣдніе еще не ясны. Отсюда эти Онѣгины и Печорины, которые, ничего не видя въ будущемъ, отпѣвали надгробною пѣснью всѣ надежды и чувства своего сердца, и съ стоическимъ равнодушіемъ принимали всѣ наслажденія жизни. Отсюда этотъ болѣзненный стонъ, эта горькая насмѣшка надъ современнымъ человѣкомъ:

«Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужь насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
. . . . . .
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ легкомысленный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ съ строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ. *(Лермонтовъ).*

Digitized by Google

Этотъ характеръ безвыходности и скептическаго направленія нашей сатиры зависѣлъ именно отъ недостатка твердыхъ и опредѣленныхъ началъ для нашей жизни литературной и науки.

Съ другой стороны, при постепенно развивающемся самосознаніи яснѣе понимая необходимость образованія новыхъ болѣе твердыхъ, истинныхъ началъ для жизни въ будущемъ, мы естественно должны были дорожить каждою чертою, которая сколько-нибудь высказывала наши народныя свойства, должны были стараться очистить свой національный характеръ отъ всякой примѣси, отъ всѣхъ наростовъ старыхъ и новыхъ, и оградить его отъ вредныхъ вліяній. При такомъ стремленіи избраннымъ лицамъ естественно было воспламеняться негодованіемъ противъ неразумѣнія народныхъ силъ, ихъ подавленія жалкими предразсудками и страстями. Художниковъ-поэтовъ должно было глубоко оскорблять и это презрѣніе народныхъ обычаевъ, и это коснѣющее вѣрованіе въ ихъ всегдашнюю необходимость, и это безсмысленное ихъ смѣшеніе съ обычаями чужими, прикрытое кое-какъ модными лохмотьями. Ихъ оскорбляло все это, какъ отрицаніе великихъ стремленій и самостоятельныхъ успѣховъ русскаго ума на поприщѣ жизни и науки. И вотъ, скрѣпя сердце. Они смѣются надъ всѣмъ и всѣми, потому что въ каждомъ изъ насъ есть довольно дурныхъ сторонъ и глупостей, смѣшныхъ и достойныхъ сожалѣнія, потому что насмѣшки боятся и Загорѣцкій и Молчалинъ, и для всѣхъ «злые языки страшнѣе пистолета». Вообще, когда человѣкъ старается опредѣлить для себя какія-нибудь начала, то, прежде нежели онъ постигнетъ всю полноту ихъ сущности, его стремленіе къ нимъ обнаруживается рѣзкимъ отрицаніемъ всего того, что не по праву относятъ къ этимъ началамъ, и что только мѣшаетъ ихъ ясному и скорѣйшему раскрытію въ сознаніи и дѣятельности. Такой ходъ нашего народнаго самосознанія выразился какъ въ исторической критикѣ, такъ преимущественно въ нашей поэзіи.

Но когда мы остановимся на одномъ этомъ отвѣтѣ, насъ

Digitized by Google

могутъ опровергнуть нашимъ же оружіемъ. Прежде всего должно замѣтить, что, при совершенномъ въ духѣ народа отсутствіи началъ своеобразной жизни, развитіе сатирической поэзіи невозможно. Когда писатель раскрываетъ предъ нами внутреннее противорѣчіе въ мнѣніи или поступкѣ, онъ даетъ намъ подразумѣвать истинную идею, которая отрицается этимъ мнѣніемъ, вѣрный законъ, который нарушается этимъ поступкомъ. Въ его собственномъ духѣ, вмѣстѣ съ глубокимъ уваженіемъ къ истинному и доброму, должны лежать не субъективныя только, но истинныя, болѣе или менѣе сознанныя понятія и правила нравственности. Въ противномъ случаѣ ни онъ самъ не будетъ имѣть пробнаго камня для оцѣнки явленій жизни, ни мы не будемъ въ состояніи понять его сатиру и замѣтить страшный разладъ между внутреннимъ и внѣшнимъ въ знаніи и дѣйствіи. Такимъ образомъ при развитіи сатиры въ отечественной словесности нужно допустить (хотя бы на то и не было другихъ доказательствъ), что русскій народный духъ успѣлъ уже высказать себя съ нѣкоторыхъ сторонъ, что въ нашемъ народномъ сознаніи раскрылись по крайней мѣрѣ нѣкоторыя начала, составляющія оправданіе сатиры и комедіи и имѣющія послужить основаніями будущаго національнаго знанія и дѣятельности. — При этомъ является новое затрудненіе. И человѣкъ отдѣльный и народъ имѣетъ естественную потребность точнѣе опредѣлить для себя то, чему придаетъ онъ величайшую важность, полнѣе и шире развить въ себѣ тѣ стороны, которыя составляютъ сущность его личности, основу его жизни. Поэтому неясное сознаніе идеала должно было бы повести отечественную литературу къ тому, чтобъ замѣчать и разъяснять хорошія отличительныя черты русскаго человѣка, выставлять ихъ на видъ, какъ черты частныя для составленія цѣлаго своеобразнаго характера. По крайней мѣрѣ такое направленіе нашей поэзіи, при недостаткѣ идеала, было бы также естественно и логично, какъ и направленіе сатирическое. Здѣсь мы опять можемъ обратиться къ литературѣ другихъ народовъ. Положимъ, что воспитанная наукою и долгимъ опы-

Digitized by Google

томъ жизни выработавшаяся ихъ личность въ настоящее время даетъ имъ возможность представить въ литературѣ истинные типы національныхъ характеровъ, что самосознаніе Англичанъ, Нѣмцевъ, и др. носитъ въ себѣ ясно опредѣленныя начала своеобразной дѣятельности. Но было же время, когда и Нѣмецъ и Англичанинъ не понимали, въ чемъ состоитъ сущность ихъ народности, не могли дать себѣ отчета въ собственныхъ силахъ, была пора, когда самыя эти силы таились подъ гнетомъ чужихъ формъ, не сознавая даже неловкости своего положенія; была пора, когда онѣ стали по немногу приходить въ себя, пора развитія тревожнаго, полнаго и прекрасныхъ проблесковъ ума и воли и гибельной игры мятежныхъ страстей. Теперь вопросъ: если у насъ, при недостаткѣ идеала народной жизни и стремленіи къ нему, родилось въ литературѣ направленіе сатирическое по преимуществу, то почему при тѣхъ же условіяхъ не было того же явленія у другихъ народовъ?...

Вообще, если указанныя доселѣ причины многое объясняютъ въ нашемъ вопросѣ, то существенныя основанія для его рѣшенія при нихъ остаются еще не раскрытыми. Если и допустить, что при вліяніи однихъ этихъ причинъ сатирическое направленіе могло быть преобладающимъ въ отечественной поэзіи, то безъ другихъ причинъ оно осталось бы однимъ риторическимъ обличеніемъ человѣческихъ недостатковъ, и не вышло бы изъ предѣловъ живаго ораторства, одушевленнаго негодованіемъ Однакожь. почему, у насъ это направленіе нерѣдко возвышается на степень чистой художественности? Почему наши лучшіе поэты во всемъ блескѣ высказываютъ свои таланты именно тамъ, гдѣ раскрываютъ предъ нами эту пошлость, эти грязныя стороны жизни, это распаденіе духа, словомъ,—гдѣ являются сатириками и комиками? Рѣшеніе этихъ вопросовъ, существенно важныхъ, лежитъ внѣ вліянія указанныхъ причинъ.

Источникомъ всѣхъ великихъ дѣяній народа, главною силою, опредѣляющею такой или другой характеръ его дѣятельности служитъ его собственный національный духъ. Для

Digitized by Google

чего нѣтъ корня, къ чему нѣтъ предрасположенія въ этомъ духѣ, того не могутъ произвести никакія историческія обстоятельства. И въ настоящемъ случаѣ не лучше ли вникнуть въ духъ русскаго народа, дабы въ немъ найти справданіе особенныхъ успѣховъ сатирической поэзіи въ нашемъ отечествѣ?

Дикій Германецъ, встрѣтившись съ христіано-римскимъ міромъ, противопоставилъ авторитету его вѣковой цивилизованной жизни свою буйную, неукротимую личность. Права этой личности онъ чувствовалъ инстинктомъ съ незапамятныхъ временъ: и воспитали въ немъ Тевтобургскія брани, ее взлелѣяла привольная, независимая жизнь на средней Европѣ отъ этого на смерть сталъ онъ биться за свою личность, когда хотѣли покорить ее подъ иго власти римскаго престола: вся исторія германскихъ народовъ движется противодѣйствіемъ этого начала личности всему тому, что̀ не хотѣло признать его законности. Отсюда у нихъ непрерывная политическая и умственная борьба противъ насилій и притязаній папства. Отсюда ихъ стремленіе примирить кодексъ наслѣдованныхъ положеній съ своимъ разумомъ, преобразовать ихъ догматическій характеръ по требованіямъ собственнаго сознанія. Отсюда у западнаго человѣка столько преданій о прежней его жизни, и такъ рано появились изъ среды его трубадуры, минестрели и лѣтописцы, которые или въ поэтическихъ картинахъ изображали великіе подвиги своихъ безчисленныхъ героевъ, или въ простомъ разсказѣ представляли дѣйствительный бытъ народа, и все предавали въ память грядущимъ поколѣніямъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе знаменитыхъ предковъ. При такомъ господствѣ личности въ исторіи западныхъ народовъ, естественно должна была развиться у нихъ, эпическая повѣсть, трагедія, драма, гораздо болѣе чѣмъ сатира и комедія. Западный человѣкъ вообще любилъ и любитъ порисоваться своими качествами. Гордый своими предками и собою, онъ отвсюду сбиралъ и живописалъ хорошія стороны своего характера, и не очень расположенъ былъ выставлять свое дурное на посмѣяніе предъ другими народами.

Digitized by Google

Были и у него писатели, которые прославили свое имя комедіями, но сравнительное количество и достоинство подобныхъ произведеній съ произеденіями другихъ формъ словеснаго искусства доказываетъ именно то, что западъ не представляетъ почвы для особеннаго развитія комизма, что этотъ элементъ поэзіи уступаетъ тамъ другимъ элементамъ, болѣе сроднымъ съ кореннными свойствами западнаго человѣка (*).

Такого горделиваго представленія своихъ достоинствъ и правъ нѣтъ въ духѣ русскаго народа. Однимъ изъ отличительныхъ его свойствъ издревле служитъ скромность, какое-то нежеланіе знать свое хорошее, какое-то отрицаніе громкой извѣстности, отчужденіе отъ ней. Частное лицо никогда и нигдѣ не является у насъ на первомъ планѣ; предъ нимъ стоитъ отечество съ своими требованіями, не терпящими противорѣчія; надъ нимъ царитъ долгъ съ своею абсолютною обязательностію. Повиновеніе этимъ требованіямъ, неизмѣнное служеніе этому долгу есть своего рода оффиціальная должность, отъ которой частный человѣкъ не имѣетъ права отказаться, и выполненіемъ которой онъ избѣгаетъ упрековъ совѣсти, достигаетъ внутренняго самодовольства, пріобрѣтаетъ искреннее уваженіе соотечественниковъ, — и въ томъ ему награда. По чисто русскому воззрѣнію тутъ нѣтъ еще заслуги, о которой нужно было бы кричать на весь міръ, на которую стоило бы указывать, какъ на великій подвигъ, и передавать ее потомству: потомство само *должно* знать, что оно *обязано* дѣлать. Кто-то сказалъ, что въ человѣкѣ надобно удивляться не добродѣтелямъ, но порокамъ. Въ насъ — русскихъ есть именно эта черта, какъ простой результатъ внутренней способности нашего народнаго духа, какъ дѣйствіе естественной наклонности. Русскаго человѣка въ самомъ дѣлѣ не удивишь никакимъ подвигомъ — не потому, чтобъ въ русскомъ не было сочувствія къ высокому и благородному, но потому, что все

(*) Разумѣется, существуютъ и другія причины, почему на западѣ сатира не получила особенныхъ успѣховъ; мы говоримъ объ этой причинѣ, чтобъ уяснить далѣе сказанное нами о русскомъ духѣ.

Digitized by Google

высокое и благородное онъ считаетъ такъ же естественнымъ для человѣка, какъ естественно для него имѣть одинъ носъ, двѣ руки и пр. Напротивъ все низкое и порочное его поражаетъ, какъ дѣло не свойственное человѣку, какъ уродливость его нравственнаго характера. Вообще мы не любимъ выставлять на показъ своихъ добродѣтелей и очень строги къ своимъ недостаткамъ. Отъ этого между прочимъ у насъ такъ мало преданій, пѣсней и разсказокъ о славныхъ дѣлахъ старины; отъ этого для нашей исторіи такъ мало лѣтописей, да и тѣ, какія мы имѣемъ, написаны не съ тѣмъ, чтобъ сказать похвальное слово былому, но съ чисто нравственною цѣлію, т. е. чтобъ показать, чѣмъ навлекли на себя *предки* наши негодованіе небеснаго правосудія, и чего слѣдственно не должно дѣлать потомкамъ. По этому такъ тихо и незамѣтно привилось христіанство къ русскому духу; что-то особенно сродное себѣ нашло оно въ славянской природѣ, такъ что русскій умъ никогда не воздымался противъ его авторитета.

Эта наклонность видѣть преимущественно недостатки человѣка, ими поражаться сильнѣе, чѣмъ похвальными качествами его, эта прирожденная строгость къ самому себѣ и другимъ есть необходимое условіе для сатирической поэзіи. Гдѣ есть это условіе, гдѣ оно составляетъ постоянное, существенное свойство духа, тамъ есть, значитъ, важная причина, постоянное побужденіе къ сатирическому направленію мысли. Когда мы расположены интересоваться преимущественно тѣмъ, что есть хорошаго въ предметѣ, то, чтобъ не разрушить удовольствія, отсюда происходящаго, мы закрываемъ глаза отъ дурныхъ качествъ этого предмета и даже въ нихъ желаемъ найдти что-нибудь гармонирующее съ нашимъ расположеніемъ. Но человѣкъ, имѣющій внутреннее стремленіе заниматься темными сторонами въ себѣ и въ другомъ, естественно на нихъ только сосредоточиваетъ свое вниманіе, ихъ исключительно или преимущественно принимаетъ къ своему сердцу, рисуетъ въ своемъ воображеніи, и нерѣдко у самыхъ свѣтлыхъ сторонъ человѣческой жизни отнимаетъ много блеска. Если ему придется жить среди людей, въ которыхъ многое извращено,

Digitized by Google

многое покрыто наростами страстей, невѣжества, мелкихъ разсчетовъ эгоизма, такъ что трудно дорыться до искры добра въ этихъ испепелившихся душахъ, тогда его внутренняя наклонность замѣчать худое и низкое получаетъ полный просторъ, постоянное раздраженіе отвнѣ; тогда она, воспитываемая обстоятельствами, растетъ и крѣпнетъ въ душѣ человѣка. Его взглядъ отъ упражненія достигаетъ удивительной тонкости и проницательности: онъ видитъ глупое и пошлое тамъ, гдѣ другія ихъ не замѣчаютъ, и съ глубокою грустію въ самомъ солнцѣ открываетъ пятна, его потемняющія.... Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, скрывается существенно важная причина преимущественнаго развитія сатиры въ русской поэзіи. Вотъ почему всѣ наши поэты болѣе или менѣе сатирики.

Но чтобъ быть истиннымъ комикомъ, чтобъ возвышаться въ сатирѣ на степень художественности,—недостаточно одной наклонности замѣчать преимущественно худыя стороны общества. Есть не мало людей, которые имѣютъ охоту смѣяться надъ всѣми, во всемъ находить недостатки, но подобные сатирики большею частію бываютъ несносными резонерами, достойными занять не послѣднее мѣсто въ комедіи. Тогда только сатира будетъ художественною, когда сатирикъ, при способности поражаться ненормальными явленіями нравственнаго міра, владѣетъ даромъ такъ представить ихъ, что они, думая быть вполнѣ сообразными съ закономъ, сами высказываютъ свою незаконность. Такъ Фамусовъ у Грибоѣдова, желая похвастаться своими обычаями и воспитаніемъ своей дочери, невольно высказалъ всю грубость и безнравственность этихъ обычаевъ и этого воспитанія. Таковы многія лица въ «Игрокахъ», «Ревизорѣ» и «Женитьбѣ» Гоголя. Комику нужно слѣдовательно имѣть талантъ глубоко прозрѣвать въ дѣйствительность, въ сокрытую отъ взора обыкновеннаго человѣка тайну жизни, ощзательно видѣть противорѣчіе явленія съ его идеею, схватывать это противорѣчіе именно въ томъ моментѣ, когда оно преимущественно бываетъ такимъ, и представлять его въ его же объективной формѣ. Въ русскомъ духѣ очень замѣтно раскрывается этотъ великій талантъ. Нашъ народный геній

Digitized by Google

можно назвать геніемъ комическимъ по преимуществу. Онъ не только *расположенъ* замѣчать недостатки въ себѣ и другихъ и смѣяться надъ ними, но и владѣетъ особенною *способностію* ясно видѣть эти недостатки, живо и сильно поражаться уродливыми явленіями жизни и художественно представлять ихъ. Это какой-то естественный тактъ души, по которому русскій человѣкъ безъ труда сознаетъ внутренній разладъ дѣйствительности съ разумными требованіями, какое-то инстинктивное тонкое чутье, по которому открываетъ онъ смѣшное и дисгармоническое въ томъ, что по видимому вовсе не смѣшно и совершенно сообразно съ порядкомъ вещей. Это — не остроуміе француза, разливающееся въ живой блестящей шуткѣ, въ легкой и мягкой насмѣшкѣ надъ слабостями человѣка. Это и не юморъ англійскій, глубокій, мрачный, который склоненъ все живое представлять холоднымъ скелетомъ и съ жесткимъ сарказмомъ издѣваться не рѣдко даже надъ истиннымъ и святымъ. Это комизмъ чисто русскій, своеобразный и по формѣ и по содержанію; это мотивъ духа, соединяющій въ себѣ и веселую остроту француза и меланхолическую настроенность британца. Читая произведенія Гоголя, въ которомъ яснѣе, чѣмъ въ другомъ какомъ писателѣ, выразилась эта сторона нашей національности, вы не можете не смѣяться надъ его Хлестаковымъ, Городничимъ, Коробочкою, Чичиковымъ, Ноздревымъ и другими имъ созданными типами; но вы не сочтете его только забавнымъ разскащикомъ. Въ то самое время, какъ вы хохочете, ваше сердце наполняется тоскою, въ вашихъ глазахъ свѣтится чувство сѣдающей грусти. Вамъ смѣшно, но вмѣстѣ и жалко и тяжко смотрѣть на этихъ героевъ, которые съ наивностію, съ добродушнымъ увлеченіемъ высказываютъ ничтожность своихъ характеровъ, и вмѣстѣ то глубокое нравственное униженіе, до котораго можетъ низпасть слабая природа человѣческая. Прислушайтесь также къ пѣснямъ нашего народа; и въ нихъ искренній смѣхъ мѣшается съ задушевною печалію, самое разгульное веселье растворяется унылою грустію о жизни, рядомъ съ самыми трагическими сценами стоятъ веселые

Digitized by Google

припѣвы. Вообще русскій юморъ шутками и остротами умѣетъ пробуждать въ душѣ такія чувства и думы, которыя щемятъ сердце и заставляютъ насъ болѣзненно скорбѣть о самихъ себѣ. Этотъ юморъ, какъ существенная черта нашего національнаго духа, проявляется у насъ во всемъ и во всѣхъ. И въ ученомъ спорѣ, и въ веселой бесѣдѣ, и въ пѣснѣ, и въ сказкѣ, въ пословицахъ и въ поговоркахъ вы чувствуете его блескъ, который и свѣтитъ и колетъ глаза, слышите иронію, которая и веселитъ и задѣваетъ за живое вашу душу. И каждый изъ русскихъ имѣетъ въ себѣ частичку этой способности — добродушно-зло посмѣяться надъ другимъ, пародировать тѣ стороны его характера, которымъ онъ придаетъ большое значеніе, въ смѣшномъ найдти достойное уваженія и въ важномъ достойное глубокаго сожалѣнія. Гоголь, такъ хорошо понявшій многія черты нашей національности, не даромъ замѣтилъ, что «все смѣется у насъ одно надъ другимъ, и есть уже внутри самой земли нашей что-то смѣющееся надъ всѣмъ равно, надъ стариною и надъ новизною, и благоговѣющее предъ однимъ нестарѣющимъ и вѣчнымъ» (Выбр. мѣста изъ переп. съ др., стр. 261). Въ поэтахъ эта способность должна обнаружиться сильнѣе и полнѣе. Они призваны для того, чтобы раскрыть своему народу его собственныя силы, освѣтить предъ его сознаніемъ его высшія потребности. По этому самому національный духъ долженъ выразиться въ нихъ съ бо́льшею полнотою и энергіею, сознать себя яснѣе, чѣмъ въ другихъ простыхъ личностяхъ. Это самосознаніе народнаго духа въ поэтахъ обнимаетъ особенно тѣ его стороны, которыя принадлежатъ ему преимущественно и слѣдственно составляютъ рѣзкое отличіе его отъ другихъ народовъ, его индивидуальную личность. Такимъ образомъ, если въ сущности русскаго духа лежитъ комическій талантъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ отличительныхъ признаковъ русской національности и проникаетъ во всѣ сферы нашей жизни, то полнѣйшее осуществленіе онъ долженъ найдти въ тѣхъ лицахъ, которыя служатъ живыми носителями народнаго духа, сильнѣйшаго развитія достигнуть въ той сферѣ нашей дѣятель-

Digitized by Google

ности, которая ближе всякой другой стоитъ къ нему и въ своихъ формахъ представляетъ многообразные способы для выраженія всѣхъ его сторонъ. Какъ всегда и у всѣхъ народовъ поэзія служила лучшимъ органомъ ихъ національныхъ силъ и стремленій, точнѣе всего отпечатлѣвала ихъ особенности, такъ у насъ, по самому свойству русскаго духа, она сдѣлалась по преимуществу сатирическою, — и чѣмъ болѣе росли мы, тѣмъ болѣе росъ и мужалъ нашъ комизмъ, тѣмъ глубже и національнѣе становилась наша комедія. Духъ человѣческій одинъ и тотъ же во всѣхъ людяхъ. Но въ каждомъ народѣ, какъ и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, онъ принимаетъ особенное опредѣленіе, является съ особыми чертами. Чтожъ удивительнаго, если народъ остается вѣренъ своему естественному опредѣленію, въ своемъ знаніи, искусствѣ и жизни выражаетъ эти черты, а не другія?... Вспомнимъ также другія свойства русской народности — крѣпкій анализирующій разумъ, особенную проницательность взгляда на жизнь, удивительную способность скоро и мѣтко попадать на существенныя стороны предмета, и не менѣе удивительное умѣнье одною сжатою фразою, однимъ словомъ выражать рѣзкія особенности характера, такъ что онъ становится типомъ, и мы какъ бы видимъ его предъ глазами. Всѣ эти черты необходимы для комика, и если не могли дать положительныхъ основаній для сатирическаго направленія отечественной поэзіи, по крайней мѣрѣ много могли содѣйствовать къ его пробужденію и усиленію. При этомъ всѣ другія обстоятельства, на которыя можно указать, какъ на внѣшнія причины особенныхъ успѣховъ сатиры въ Россіи, принимаютъ очевидно второстепенное значеніе: они могли представить или простой поводъ для возбужденія народнаго комизма, или почву для его развитія, или матеріалъ для его дѣятельности, или наконецъ они могли придать ему такой или другой колоритъ, направить его въ ту или другую сторону. Словомъ, они суть нѣчто случайное, что могло быть и не быть, что произвело такое явленіе, но могло произвести другое, совершенно ему противоположное, смотря по духу народа, по основному характеру его сознанія.

Digitized by Google

Указанными свойствами русской національности объясняется и глубокое сочувствіе нѣкоторыхъ нашихъ поэтовъ къ тѣмъ самымъ лицамъ, на которыхъ они излили всю горечь своего глубокаго юмора. Эти лица вышли по требованію народнаго характера поэтовъ, суть живые образы ихъ внутренней настроенности, вѣрные носители ихъ артистическихъ талантовъ. Изъ тѣхъ же основаній происходитъ холодность и вообще неудача нашихъ поэтовъ, когда они берутся изображать благородныя черты человѣческаго духа, высоко-нравственные характеры. Такіе характеры создаетъ поэтъ болѣе по требованію своего отвлеченнаго мышленія, нежели по требованію своей художнической натуры. Отъ того они или не отвѣчаютъ своей идеѣ, или стоятъ въ отношеніи къ ней, какъ примѣры ученыхъ разсужденій въ отношеніи къ подтверждаемой ими мысли. Это однакожъ не то значитъ, что русская натура односторонняя, и русской поэтъ можетъ быть комикомъ, но то, что въ самомъ народномъ духѣ нашемъ талантъ комическій сильнѣе всякаго другаго, и что русскій поэтъ скорѣе можетъ быть истиннымъ художникомъ въ сатирѣ и комедіи, чѣмъ въ другихъ формахъ словеснаго искусства. Мы говоримъ объ общихъ чертахъ русскихъ поэтовъ и не думаемъ отвергать ихъ частныхъ особенностей.

Къ чему приведетъ насъ это преимущественное развитіе сатиры въ нашей поэзіи? Само собою разумѣется, что теперь на этотъ вопросъ нельзя отвѣчать положительно и съ математическою опредѣленностію. Однакожъ едва-ли можно сказать, что онъ въ настоящемъ случаѣ не у мѣста. И отдѣльный человѣкъ и народъ всегда долженъ заботиться о послѣдствіяхъ своей дѣятельности и стараться узнавать, къ чему можетъ привести его то или это направленіе его жизни. Данными для сего конечно должны служить характеристическія свойства человѣка и народа и тѣ начала, какія проводитъ тотъ или другой въ своей дѣятельности. При этомъ мы позволяемъ себѣ обратиться къ исторической аналогіи, сопоставить нашу поэзію съ поэзіею римскою. Извѣстно, что предъ концемъ существованія Римской имперіи словесное искусство Римлянъ

Digitized by Google

слѣдовало тому самому направленію, какое теперь преобладаетъ въ нашей отечественной поэзіи, именно направленію сатирическому. И если на основаніи сходства характеровъ двухъ человѣкъ отъ нихъ ожидаютъ одинаковыхъ дѣйствій и плодовъ, то указанное сходство римской поэзіи съ нашею не даетъ ли права заключать и о сходствѣ ихъ результатовъ? Не должны ли и мы опасаться тѣхъ же горькихъ плодовъ, какими ознаменовала свои послѣднія минуты римская литература? Легко видѣть, что для возможно-вѣрнаго рѣшенія этого вопроса мы не имѣемъ нужды идти далѣе высказанныхъ понятій о началахъ русскаго комизма.

Какія были причины преобладанія сатиры въ римской поэзіи? — Случайныя обстоятельства римской исторіи, повсюду разлившійся развратъ народа, отсутствіе въ немъ высшихъ духовныхъ интересовъ, уничтоженіе всего славнаго прошедшаго, всѣхъ нравственныхъ вѣрованій, смерть всѣхъ надеждъ на будущее. — Тяжко было томленіе, съ которымъ всемірная монархія близилась къ своему концу. Религія, богослуженіе и всѣ старыя начала жизни и науки до того упали въ общемъ мнѣніи, что не пользовались ни вѣрою, ни уваженіемъ даже со стороны тѣхъ, которые по наружности держали ихъ. Какъ бы недовольный числомъ и характеромъ прежнихъ своихъ боговъ, народъ ставилъ на ряду съ ними Калигулъ и Нероновъ, и подъ предводительствомъ этихъ-то самосозданныхъ боговъ кидался съ опьяненіемъ и безчувственностію въ бездну разврата. Римъ этого времени — дряхлѣющій старикъ, который растерялъ всѣ свои силы и лучшія чаянія, и умиралъ безъ вѣры въ будущее, съ желчнымъ негодованіемъ на самого себя, съ горькимъ воспоминаніемъ о невозвратномъ прошедшемъ. Эта страшная пустота, эти предсмертныя агоніи жизни, это постепенное болѣзненное разрушеніе нѣкогда великаго политическаго тѣла не могли укрыться отъ проницательныхъ взоровъ умныхъ людей. Вотъ отъ чего ихъ сочиненія дышатъ такимъ негодованіемъ на современное общество: они писаны не чернилами, а кровію, которая текла изъ сердца, пораженнаго неизцѣльными язвами. Напротивъ русскій народъ — народъ

Digitized by Google

юный. Онъ не такъ давно вышелъ на сцену исторической дѣятельности, не такъ давно сталъ жить умственною жизнію, чтобы успѣть состарѣться. Мы еще не окончили періода воспитанія и все еще готовимся къ чему-то великому. Наши силы не отцвѣли, но только разцвѣтаютъ; съ каждымъ днемъ мы болѣе и болѣе узнаемъ, открываемъ въ себѣ новыя стороны, новые источники силъ для свѣжей дѣятельности. И одну изъ сторонъ этого раскрытія національнаго русскаго духа знаменуетъ собою особенное развитіе у насъ сатирической поэзіи. Своимъ постепеннымъ усовершенствованіемъ наша сатира свидѣтельствуетъ не о возрастающей силѣ горькаго разочарованія, но о постепенно созрѣвающемъ самосознаніи народнаго духа.

Сатира римскихъ писателей не могла влить отрады въ душу, потому что тѣ самые люди, которые презирали наличный порядокъ дѣлъ, не могли выдумать никакихъ началъ для лучшаго, никакихъ основаній для надежды въ будущемъ. Они понимали все зло современныхъ нравовъ, но, не находя возможности искоренить его, оправданіе своихъ талантовъ поставляли въ томъ, чтобъ довести до сознанія толпы ея собственное душевное безобразіе. Короче — римская сатира была выраженіемъ истощанія народныхъ силъ и могла привести только къ стоическому сознанію этого истощанія. — Но такъ какъ русская сатирическая поэзія есть плодъ развитія народнаго духа, то въ этомъ внутреннемъ оправданіи ея особенныхъ успѣховъ заключается и свѣтлая сторона ея. Наши сатирики и комики не ставятъ человѣка совершенно въ безотрадное положеніе. Осмѣивая предъ нами все, что недостойно нашего духа, что унижаетъ человѣка, они въ самыхъ осмѣянныхъ лицахъ указываютъ начала и силы для ихъ исправленія. Глубокое нравственное значеніе русской сатиры въ томъ состоитъ, что она выражаетъ собою протестъ истинныхъ понятій и потребностей противъ предразсудковъ, изжитыхъ и ложныхъ формъ жизни. Это — насмѣшка юноши, вступающаго въ возрастъ мужескій: онъ осмѣиваетъ свои «надежды глупыхъ первоначальныхъ лѣтъ», дабы тѣмъ скорѣе отрѣшиться отъ

Digitized by Google

нихъ и перейдти въ новый періодъ жизни. Если поэтъ и не сознаетъ началъ для этой жизни (*), то, углубляясь въ свѣжія богатыя силы своего народа, онъ всегда можетъ почерпнуть въ нихъ отрадную надежду на будущее.

Не менѣе важное различіе между римскою и русскою сатирическою поэзіею касается ихъ художественнаго достоинства. Знаменитые римскіе сатирики были люди съ сильнымъ умомъ и живымъ воображеніемъ. Своимъ сознаніемъ возвышаясь надъ толпою, они могли явно видѣть низкія стороны современнаго человѣка, всю пустоту и безнравственность своей общественной жизни. Сравненіе добраго прошедшаго съ крайнимъ разстройствомъ настоящаго, при утратѣ надеждъ на будущее, приводило ихъ въ негодованіе, раздирало ихъ сердце скорбію о самихъ себѣ, о неотразимой гибели своего отечества. Въ этомъ-то глубокомъ негодованіи, въ этой-то неизцѣльной скорби почерпали они потребность и силу рѣзко и ярко рисовать пороки своего общества. Отсюда въ ихъ изображеніяхъ нельзя искать чисто объективнаго представленія дѣла. Сквозь тонкій покровъ аллегорій и разсказовъ вы легко примѣчаете собственную думу сатирика, которая, преобладая надъ всѣмъ, всему придаетъ свой тонъ, свою горечь и ѣдкость. Объективность представленія была чужда римскимъ сатирикамъ тѣмъ болѣе, что въ ихъ народномъ духѣ не было чистаго творческаго таланта. Отсюда почти всѣ ихъ сатиры были не иное что, какъ умныя рѣзкія выходки противъ современнаго общества, проникнутыя лирическимъ негодованіемъ обличенія его пороковъ, обличенія, которыя очень рѣдко возвышались за предѣлы ораторства. — Но когда истинными основаніями развитія сатирической поэзіи въ Россіи мы признаемъ существенныя черты нашей народности, то очень понятно, что эта форма искусства у насъ можетъ возвышаться, и возвышается до степени художественнаго совершенства. Въ самой природѣ русскихъ поэтовъ лежитъ основаніе, разумная возможность стать комиками. Тайна ихъ вдохновенія, сила

(*) Безвыходность у нашего сатирика можетъ быть только въ этотъ моментъ его сознанія, — чѣмъ можно объяснить поэзію Лермонтова и ему подобныхъ талантовъ.

Digitized by Google

ихъ творчества въ сатирѣ скрывается въ нихъ самихъ, въ ихъ національномъ воззрѣніи на міръ и людей, а не навѣвается въ ихъ душу случайными обстоятельствами времени. Отсюда въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ поэтовъ преобладаетъ сатира, но сатира, доходящая до истинно-комическаго достоинства. Когда вы читаете, напр., Гоголя, предъ вами не выступаетъ грозная личность самого поэта, раздраженнаго нравственнымъ упадкомъ извѣстнаго общества; ничего онъ не заслоняетъ собою, ничего не украшаетъ желчною бранью, риторическими пріемами, выдуманными для эфекта. Внутреннее вопіющее противорѣчіе разума и дѣйствительности, всѣ явленія, разрушающія гармонію жизни, представляются вамъ не чрезъ субъективныя думы и чувствованія поэта, но чрезъ живыя лица, чрезъ дѣйствительныя событія, которыя сами говорятъ вамъ о себѣ. Отсюда у лучшихъ нашихъ поэтовъ господствуетъ такая объективность представленія лицъ, ихъ чувствъ, понятій и дѣйствій. Отсюда, не смотря на недостаточность нашего образованія, на недавнее освобожденіе нашего искусства изъ-подъ вліянія чужихъ образцевъ, у насъ такъ много создано типическихъ характеровъ, которые поражаютъ васъ своею строгою опредѣленностію, натуральною живостію, рѣзкою выпуклостію своихъ чертъ.

По всѣмъ указаннымъ сторонамъ предмета, особенные успѣхи сатирической поэзіи въ Россіи выражаютъ собою не безотрадное увяданіе нашего народнаго духа, но его постоянное, быстрое разцвѣтаніе, движеніе къ самосознательности. Основываясь на этомъ, можно съ увѣренностію сказать, что возвышая собою искусство, раскрывая въ себѣ народный духъ, наша комедія едва ли не скорѣе всякой другой формы знанія подниметъ и общество, доведетъ до его сознанія доселѣ неизвѣстныя ему черты народнаго характера, покажетъ намъ сферу высшей дѣятельности, и облагородитъ насъ до истинно-русской жизни, поколику словесность, со скромностію и смиреніемъ, можетъ содѣйствовать другимъ высокимъ ея дѣятелямъ.

Digitized by Google

ПАПЫ И ВОСТОКЪ
ВЪ XIII ВѢКѢ.

XXII.

ПЛѢНЪ ЛЮДОВИКА IX. СМЕРТЬ ФРИДРИХА II.

Наконецъ насталъ 1250 годъ. Онъ ознаменованъ двумя важными для западной Церкви событіями. Представитель запада въ Египтѣ, Людовикъ IX, былъ пораженъ и взятъ въ плѣнъ Сарацинами, около Массоры. Для выкупа короля и бароновъ, взятыхъ съ нимъ вмѣстѣ въ *неволю*, Латины принуждены были уступить невѣрнымъ *Даміату*, и заплатить 800,000 *золотыхъ византійскихъ монетъ* (*bisante d'oro*). Число плѣнныхъ, взятыхъ Сарацинами при пораженіи Людовика, доходило до двѣнадцати тысячъ. Не многіе изъ нихъ получили свободу. Самъ король носилъ нѣсколько дней цѣпи узника. Наконецъ, выпущенъ будучи на волю, Людовикъ IX прибылъ въ Акру, и остался тамъ два года, стараясь спасти отъ меча сарацинскаго тѣ малые участки земли, которые оставались еще у Крестоносцевъ въ Сиріи и Палестинѣ.

Исторія приписываетъ несогласіямъ бароновъ между собою плачевный исходъ войны Людовика въ Египтѣ. Крестоносцы занимали *Даміату*. Сарацины, нѣсколько уже разъ побѣжденные Людовикомъ, готовы были возвратить ему Іерусалимъ и всю Палестину, съ условіемъ получить обратно *Даміату*. Лица, окружавшія короля, отсовѣтывали Людовику принять эти предложенія, и побудили его углубиться въ *Египетъ*. Король двинулъ войско свое къ *Каиру*, и остановленный на пути крѣпостію, названною въ исторіи *Массора*, подвергъ свое войско болѣзнямъ и лише-

Digitized by Google

ніямъ всякаго рода. Изнуренная армія, будучи не въ состояніи сражаться съ непріятелемъ, получавшимъ подкрѣпленія и припасы, рѣшилась отступить отъ стѣнъ Массоры, и понесла пораженіе на возвратномъ пути своемъ въ *Дамиату*. La superbia, la discordia, l'avarizia dei consiglieri e baroni del Rè, non permisero che si accettasse così vantaggiosa offerta, говоритъ Мураторій, обвиняя окружавшихъ короля въ непринятіи мирныхъ предложеній, дѣланныхъ Сарацинами. И эта гордость, эта взаимная вражда, и эта ненасытность царедворцевъ, окружавшихъ Людовика IX, лишили навсегда христіанство твердыхъ владѣній въ Сиріи и Палестинѣ.

Папа былъ глубоко пораженъ извѣстіемъ о плѣненіи короля французскаго, но такъ какъ часто грусть замѣняется радостію, то въ вознагражденіе за печаль, ощущенную имъ при извѣстіи о пораженіи Людовика, Иннокентій IV имѣлъ удовольствіе слышать о смерти императора Фридериха II. Удалясь въ *Апулію*, низложенный императоръ пребывалъ въ одномъ изъ замковъ своихъ въ *Капитанатѣ*, какъ вдругъ неожиданная болѣзнь поразила его среди заботъ и занятій государственныхъ. Тщетно старались врачи остановить ея развитіе. Болѣзнь сдѣлалась неизцѣлима, и 13 декабря 1250 года, Фридерихъ II, одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей, когда-либо являвшихся на сценѣ міра, окончилъ свое земное поприще. Чувствовавъ приближеніе конца, Фридерихъ покаялся въ грѣхахъ своихъ, и исполнилъ всѣ обязанности христіанина. При кончинѣ его присутствовалъ архіепископъ *салернскій*. Превосходно обрисовываетъ въ твореніи своемъ Мураторій черты этого великаго человѣка: A Federigo non mancavano rare doti, cioè gran cuore, grande intendimento ed accortezza; amore delle lettere ch'egli fu il primo a richiamare e dilatare nel suo Regno; amore della giustizia, per cui fece molti bei regolamenti; conoscenza di varie lingue ed altre prerogative. Ma questi prégi furono di troppo affuscati dalla sfrenata sua ambizione, per cui si mise in pensiero di abbattere la libertà dei Lombardi e di abbassare sconciamente anche l'autorità del Romano Pontefice e degli altri Ecclesiastici. La religione, che in lui era ben poca, veniva per ciò spesso calpes-

Digitized by Google

tata dalla sua politica. Quindi le discordie e guerre, e da esse la necessità di scorticare i sudditi, ed il pretesto d'affliggere con ismoderate gravezze le persone ecclesiastiche e le chiese. Colla sua crudeltà, colla sua lussuria, diede ancora frequenti occasioni di sparlare di lui e principalmente la doppiezza sua gli tirò addosso la solita pena, che non gli era creduto nè pur quando parlava di cuore, e daddovero.

И такъ Фридерихъ II былъ одаренъ высокими способностями, любилъ просвѣщеніе и покровительствовалъ наукамъ. Но эти дары затмѣвались въ немъ необузданнымъ честолюбіемъ, которое и было причиною его вражды съ папами и съ городами сѣверной Италіи. Политика заглушала религію въ его сердцѣ. Непрестанныя войны заставляли его обременять подданныхъ несносными налогами, и самая тяжелая часть этихъ налоговъ падала на Церковь. Между прочими его недостатками, замѣчательна была его склонность къ лицемѣрію и неправдѣ. Это отсутствіе правдивости было такъ всѣмъ извѣстно, что никто ему не вѣрилъ, даже когда онъ говорилъ отъ чистаго сердца. Говоря о радости, ощущенной Иннокентіемъ IV при полученіи извѣстія о смерти Фридриха II, Муратopій выражается въ слѣдующихъ словахъ: Se fosse con disgusto o piacere intesa in Lione da Papa Innocenzo la morte di Federigo II, non ha bisogno il lettore che io lo decida.

Съ печалію, или съ радостію услышалъ Иннокентій о смерти Фридриха II, пусть разсудитъ самъ читатель, ибо онъ не имѣетъ нужды въ сужденіи писателя. Но что доказываетъ, до какой степени папа ненавидѣлъ все относившееся къ Фридриху, это—рвеніе, съ которыми онъ сталъ гнать *Конрада*, сына Фридрихова. По внушенію Иннокентія, главные города *Апуліи*, *Сициліи*, и самъ *Неаполь*, взбунтовались противъ Конрада. Доблестный и юный *Манфредъ*, братъ его, имѣвшій только 18 лѣтъ, пришелъ усмирить бунтовщиковъ. Всѣмъ епископамъ, баронамъ, городамъ и поселянамъ *Германіи*, *Сициліи* и *Апуліи* проповѣдано было отъ папы отложиться отъ *Конрада*, и возстать на него войною. Такъ какъ нѣкоторые города и мѣстности, а именно *Павія* и *Кремона*, желали остаться вѣрными сыну Фридриха, то папа отлучилъ ихъ отъ Церкви и произнесъ отлученіе надъ самимъ

Digitized by Google

Конрадомъ. Города, принадлежавшіе партіи *Вельфовъ*, увидѣвъ расположенія *Иннокентія*, воспользовались ими, дабы вредить противникамъ своимъ, и война возгорѣлась снова въ Сѣверной Италіи между обѣими партіями.

XXIII.

ВОЙНА МЕЖДУ КОНРАДОМЪ И ПАПОЮ. СМЕРТЬ ИХЪ. СМЕРТЬ ВАТАКІЯ. ѲЕОДОРЪ ЛАСКАРИСЪ II. КОНРАДИНЪ И ПАПА АЛЕКСАНДРЪ IV.

Среди неимовѣрныхъ трудностей Конрадъ успѣлъ однако достигнуть предѣловъ *Апуліи*, около двухъ лѣтъ спустя по смерти отца своего. Исторія разсказываетъ его похожденія, и сообщаетъ намъ слѣдующее: По прибытіи своемъ въ родовое его владѣніе, въ *Апулію*, *Конрадъ* отправилъ пословъ въ Римъ, просить у папы инвеституры на королевство *Сициліи* и *Апуліи*, и утвержденія въ августѣйшемъ санѣ императора; но Иннокентій отвѣчалъ Конраду, что вслѣдствіе неизгладимыхъ проступковъ отца его Фридриха, королевство Сициліи и Апуліи не можетъ болѣе принадлежать роду и потомству сего послѣдняго, и должно поступить въ область папы, и быть впредь собственностію Римской Церкви. За этимъ отвѣтомъ послѣдовало явное возстаніе Конрада противъ духовнаго владыки Рима, и возгорѣлась кровопролитная война по обѣимъ сторонамъ *Мессинскаго* пролива. Конрадъ заступился твердо за права свои. Особенно пострадалъ въ это время упорный *Неаполь*, передавшійся на сторону Иннокентія IV. Покореніе Неаполя возстановило спокойствіе въ южной Италіи, и дало средство Конраду заняться устройствомъ дѣлъ. Но папа не отступилъ отъ вражды своей къ сыну Фридриха. Укоряя Конрада въ чрезмѣрныхъ жестокостяхъ, осуждая его за тяжкіе налоги, подъ коими скорбѣли жители Сициліи и Апуліи, папа задумалъ отнять у него тронъ. Отправивъ граматы къ Карлу графу Прованскому, (Charles Comte de Anjou et de Provence), родному брату короля Людовика IX, папа предложилъ сему принцу вступить на королевство Сицилійское. Конрадъ, узнавъ объ этихъ переговорахъ, выступилъ въ походъ противъ папы съ войскомъ, состоявшимъ изъ *Сарацинъ* и Нѣмцевъ.

Digitized by Google

Напавъ на полки папскіе, предводительствованные *кардиналомъ Вильгельмомъ*, племянникомъ папы, Конрадъ одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду, и папа лишился въ этомъ сраженіи *четырехъ тысячъ* воиновъ. Но эта побѣда была предшественницею скорой смерти *Конрада*. Заболѣвъ въ мѣстечкѣ, называемомъ *Лавелло* (Lavello), сынъ Фридриха скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, не успѣвъ до смерти примириться съ Церковію. Наслѣдство Конрада перешло малолѣтному сыну его *Конрадину*, трагическій конецъ котораго извѣстенъ всякому. Узнавъ о смерти Конрада, Иннокентій IV обнародовалъ немедленно, что королевство Сициліи и Апуліи есть неотъемлемая собственность Церкви, и отстранилъ Конрадина отъ всякаго на него притязанія. Въ то же время желая лично занять этотъ богатый удѣлъ, Иннокентій отправился изъ *Ананьи* въ Апулію въ октябрѣ 1254 года. Папа посѣтилъ Неаполь и другіе города этого королевства, и вездѣ принималъ присягу жителей. Но обстоятельства не допустили его завладѣть всѣмъ королевствомъ. Знаменитый Манфредъ, побочный сынъ Фридриха II, собравъ многочисленную дружину изъ Германцевъ и Сарацинъ, провозгласилъ Конрадина законнымъ государемъ Сициліи и *Апуліи*, и разсѣялъ вмигъ всю армію Иннокентія IV, находившагося тогда въ *Неаполѣ*. Иннокентій, давно уже страдавшій отъ долговременной болѣзни, скончался огорченный непостоянствомъ счастія, и на его мѣсто былъ возведенъ кардиналъ, епископъ остіенскій, подъ именемъ *Александра IV*.

Между тѣмъ какъ анархія тревожила Италію, а Франція зрѣла короля своего въ далекомъ предпріятіи, Ватакій продолжалъ сосредоточивать въ рукахъ своихъ власть императорскую. Лишившись *Ирины*, первой супруги своей, возродитель имперіи Греческой сочетался съ *Анною*, побочною дщерію императора Фридриха II, и сестрою Манфреда. Узнавъ о смерти *Коломана*, царя болгарскаго, Ватакій перешелъ въ Македонію, коей знатная часть принадлежала ему, и собравъ войско, обложилъ городъ *Сересъ*, занятый въ то время Болгарами. Взятіе Сереса стоило мало крови, ибо военачальники болгарскіе, видѣвъ въ Ватакіѣ смѣлаго витязя, не имѣли духа сражаться за законнаго своего государя, малолѣтнаго царя *Михаила*, брата и наслѣдника Коломана.

Digitized by Google

Безъ большихъ усилій Ватакій завладѣлъ всею страною, лежащею между *Марицею* и цѣпію *Родопскихъ* горъ. *Пелагонія* и вся земля до Прилипа сдѣлалась его собственностію. Наконецъ царь болгарскій выслалъ къ нему полномочныхъ, и Ватакій, утвердивъ за себя сдѣланныя имъ пріобрѣтенія, даровалъ *Михаилу* миръ. Къ этимъ завоеваніямъ присоединились и другія. *Солунскаго* деспота Іоанна Комнено, мужа благочестиваго, не было болѣе на свѣтѣ. На его мѣстѣ владычествовалъ недостойный братъ его *Димитрій*. Ватакій, собравъ дружину, подступилъ подъ стѣны Солуни, и свергнувъ Димитрія съ деспотіи, поручилъ управленіе *Эпиромъ* и *Θессаліею* своему первому сановнику *Андронику Палеологу*, котораго сынъ *Михаилъ* былъ впослѣдствіи Греческимъ императоромъ. Совершивъ эти важныя завоеванія почти безъ пролитія крови, Ватакій возвратился въ *Никею*. Лебо выражается слѣдующимъ образомъ о новыхъ подвигахъ Ватакія: «Vatace couronné d'une gloire d'autant plus éclatante et plus «pure, qu'elle n'avait pas couté une goutte de sang, ni aux «vaincus, ni aux vainqueurs, retourna en *Asie*, ayant augmen«té de moitié le domaine dont il jouissait à son départ (*).

Но на Западѣ имперіи многое оставалось еще въ рукахъ Латинъ: *Морея* и *Ахаія* принадлежали Французамъ и Венеціанамъ.

Пока храбрый Ватакій, съ мечемъ въ рукѣ, отбивалъ у Латинъ завоеванный ими край, *Балдовинъ* странствовалъ по свѣту и собиралъ подаянія. Онъ дѣлалъ болѣе. Сохраняя при себѣ множество мощей и другихъ предметовъ святыни, Бальдовинъ производилъ ими непозволительный торгъ, и Людовикъ IX скупалъ эти сокровища по *Фландріи*, *Германіи* и *Франціи*. Иннокентій IV и Ліонскій соборъ оказали Бальдовину особое участіе; много было собрано съ церквей въ его пользу денегъ. Наконецъ незаконно пріобрѣтенныя имѣнія (biens mal acquis), какъ-то *роты* и проч., и милостыни, данныя для искупленія грѣховъ, поступили, по приговору собора латинскому императору. Но всѣ эти пожертвованія, исторгнутыя силою, и производившія на Западѣ всеобщій ропотъ, не могли воскресить умиравшей латинской имперіи.

(*) Hist. du bas. Emp. T. 10, p. 210.

Digitized by Google

Ея поддержало еще, на нѣкоторое время, одно событіе, которое поразило Грецію неожиданно: Ватакій, вслѣдствіе новыхъ удачныхъ походовъ въ Альбанію, и успѣховъ всякаго рода, занемогъ въ Никеѣ внезапно. Шесть мѣсяцевъ длилась его болѣзнь, и наконецъ этотъ великій мужъ скончался въ *Нимфеѣ* 30 октября 1255 года. Онъ погребенъ въ *Магнезіи*, въ монастырѣ имъ воздвигнутомъ. Ватакій оставилъ наслѣднику своему значительное сокровище, собранное имъ въ теченіи тридцати-лѣтняго хозяйственнаго управленія его. Раздѣливъ государство на малые округи, Ватакій наблюдалъ лично за честнымъ сборомъ податей, и умѣрялъ расходы государственные, соображая ихъ съ необходимостями. Земледѣліе обращало на себя его особенное вниманіе; щедрость его къ народу и попеченіе о благѣ низшихъ сословій, не только превышали всѣ ожиданія, но превосходили даже всѣ желанія. По смерти этого великаго и добродѣтельнаго мужа, на престолъ греческій возсѣлъ сынъ его Ѳеодоръ.

Преемникъ Ватакія принялъ бразды правленія подъ именемъ *Ѳеодора Ласкариса II*. Ему было 33 года отъ роду, и супруга его Елена, дочь царя болгарскаго *Асеня*, находилась также въ цвѣтѣ лѣтъ. Вскорѣ по возшествіи на престолъ, Ѳеодоръ задумалъ о совершеніи обряда вѣнчанія, но Никейская Церковь вдовствовала со времени смерти патріарха *Емануила*, скончавшагося не задолго до Ватакія. Ѳеодоръ приступилъ къ избранію новаго святителя. Общій голосъ провозгласилъ достойнѣйшимъ Ѳеодора *Влеммиду*, ученаго и строгаго монаха. Императоръ предложилъ избраннику народа быть патріархомъ, но *Влеммида* не принялъ зова. Тогда былъ возведенъ на *Никейскую* каѳедру инокъ *Арсеній*, мужъ высокой добродѣтели, хотя и не столь замѣчательный со стороны учености.

Арсеній, едва самъ только возведенный на патріархію, вѣнчалъ Ѳеодора на царство, и вслѣдъ за совершеніемъ этого обряда, императоръ отправился въ походъ противъ Болгаръ, вступившихъ съ оружіемъ во Ѳракію, для отнятія у Грековъ завоеванныхъ ими мѣстъ. Война обоихъ племенъ, *Словенскаго* съ *Греческимъ*, обратилась въ борьбу семейственную, ибо *Михаилъ* царь болгарскій, сестра коего была супругою Ѳеодора, имѣлъ за собою въ

Digitized by Google

супружествѣ *Елену*, сестру греческаго государя. Михаилъ началъ войну блистательно. Перейдя *Эмусъ*, онъ возвратилъ подъ свое владычество все утраченное имъ прежде. За Греками остались, изъ Болгарскихъ городовъ, только *Сересъ* и *Меленикъ*. Но воздѣйствіе греческое послѣдовало скоро за натискомъ *Словенъ*. Ѳеодоръ опять очистилъ Ѳракію отъ непріятеля, занялъ снова цѣпь горъ *Росдопскихъ*, начиная отъ *Дубницы* до моря, и перейдя *Вардарь*, осадилъ крѣпость *Водяну*, построенную на рѣкѣ *Быстрицѣ*. Но тутъ узналъ онъ отъ намѣстника своего въ *Никеѣ Георгія Музалона*, что Татары вступили въ *Каппадокію* и подступаютъ къ его владѣніямъ. Ѳеодоръ поспѣшилъ возвратиться въ свою столицу. Къ счастію Грековъ, извѣстіе, сообщенное Георгіемъ, оказалось ложнымъ. *Ханъ Гулагу*, побѣдивъ султана *иконійскаго*, ушелъ снова въ Персію, и оттуда направилъ путь на *Багдадъ*. Ѳеодоръ успокоился, и среди радости своей, рѣшился заняться мирными дѣлами управленія, какъ вдругъ новая татарская гроза испугала его. *Беркей*, братъ *Батыя*, вторгся въ *Болгарію* съ намѣреніемъ воевать восточныхъ христіанъ; но, недойдя до Царьграда, отступилъ къ Дунаю и ушелъ въ *Русь*. Ѳеодоръ снова успокоился.

На слѣдующій годъ, т. е. въ 1258, императоръ предпринялъ новый походъ противъ Болгаръ. Этотъ походъ кончился миромъ, заключеннымъ между Ѳеодоромъ и Михаиломъ, и дѣла на Востокѣ приняли благопріятный для Грековъ оборотъ. Но на Западѣ, въ Италіи, гордыя взысканія папы Александра IV вредили столько же примиренію церковному, сколько и благополучному исходу политическихъ вопросовъ. *Манфредій*, намѣстникъ Конрадина, господствовалъ въ *Апуліи*. Онъ былъ готовъ мириться съ папою, признавая его верховнымъ государемъ короны Сицилійской, и обязываясь принять отъ него инвеституру на имя Конрадина, прямаго владѣтеля этой короны; но Александръ IV, обѣщавъ вѣнецъ Сициліи и Апуліи Едмонду, сыну англійскаго короля, презиралъ Конрадина. Манфредій сдѣлался предметомъ ненависти папской, и верховный владыка Римской Церкви приказалъ разглашать противъ него *Крестовый походъ*, какъ будто бы *Манфредій* былъ невѣрный, «Come se si fosse trattato di andar con

Digitized by Google

tra i Turchi ed Infedeli», говоритъ Мураторій. Наконецъ, ослѣпленный ненавистію къ роду Фридриха II, Александръ IV, узнавъ о смерти императора Вильгельма Голландскаго, воспретилъ избирателямъ возводить на престолъ Конрадина.

XXIV.

МАНФРЕДІЙ. ПАДЕНІЕ ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРІИ. ПАПА УРБАНЪ IV. ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ЛАТИНСКИХЪ НА ВОСТОКѢ.

Внушенія и угрозы папы разстроили Германію. Анархія воцарилась въ Западной имперіи, и осьмнадцать лѣтъ протекли въ разногласіяхъ избирателей о вопросѣ, кому изъ принцевъ поднести корону? Одна партія избрала императоромъ *Людовика*, римскаго пфальц-графа, другая *Рикарда*, брата англійскаго короля; третья обратилась къ *Альфонсу* кастильскому королю. Папа, довольный успѣхами своей политики, имѣвшей цѣлію ослабленіе *Германіи* и подавленіе партіи *Гибеллинъ*, пребылъ равномѣрно неблагосклоненъ ко всѣмъ тремъ претендентамъ.

Рикордъ явился въ Германіи, и достигнувъ *Аахена*, вѣнчался въ этомъ городѣ на престолъ; но Италія не узрѣла его. Главнымъ дѣятелемъ *Гибеллинъ* по ту сторону *Альпъ*, остался *Еччелино да-Романо*, пользовавшійся большимъ вліяніемъ на Сѣверѣ Италіи. Однако усилія Еччелина побѣдить Вельфовъ не имѣли успѣха, ибо партія Гибеллинъ, столь сильная при императорахъ изъ дома Гогенштауфенъ, не имѣла болѣе прежняго единства, и находилась безъ главы. Сѣверная Италія, слѣдовавшая за *Еччелиномъ*, держалась стороны *Альфонса*, кастильскаго короля; южная часть полуострова, съ Сициліею, повиновалась *Манфредію*. Но Манфредій не служилъ ни Альфонсу, ни Рикорду. Его цѣль была другая. Онъ боролся за право династіи Фридриха II, законнымъ представителемъ коего былъ юный и несчастный *Конрадинъ*, находившійся при матери своей въ Германіи.

Сначала Манфредій, забывая о правахъ истиннаго наслѣдника Фридриха II, пытался присвоить себѣ навсегда королевство Сицилійское. Онъ вѣнчался въ Палермѣ на престолъ, въ присутствіи духовенства, дворянства и народа. Онъ осмѣлился даже

Digitized by Google

сказать посламъ *Изабеллы*, матери Конрадина, требовавшимъ отъ него объясненій и отчета, что королевство Сицилійское принадлежитъ ему, и не будетъ имъ уступлено неопытному отроку, неспособному бороться съ папою. Однако, убѣжденный доводами пословъ, *Манфредій* обязался передать корону сицилійскую племяннику своему *Конрадину*, когда этотъ отрокъ достигнетъ совершеннолѣтія. Послы Изабеллы, осыпанные милостями Манфредія, возвратились въ Баварію, а онъ самъ, покинувъ Барлетту, гдѣ были имъ приняты баварскіе полномочные, прибылъ въ городъ *Фоджію*, въ которомъ сошелся большой парламентъ. Представители областей по сю сторону *Фара*, приняли Манфредія съ восторгомъ, и провозгласили его законнымъ своимъ государемъ. Дѣйствуя съ необыкновенной удачею, Манфредій успѣлъ въ скоромъ времени завладѣть всею *Сициліею*. *Неаполь* покорился ему, и *Апулія*, отложившись отъ *папы*, признала его своимъ властелиномъ.

Вслѣдствіе столь блистательныхъ успѣховъ, *Манфредій* сдѣлался предводителемъ всей партіи Гибеллинъ въ Италіи. Онъ не имѣлъ себѣ соперниковъ. *Еччелина* не было уже болѣе на свѣтѣ, а преемникъ его, *Оберто Пелавичино*, не внушалъ никому ни страха, ни довѣренности. Наконецъ, 2 іюня 1259 года, въ сѣверной Италіи состоялся соборъ, гласившій: quod Domini «Marchio Estensis, et Comes Veronae, et Communia Mantuae, «Ferrariae et Paduae, habeant semper, teneant et foveant, Excelentissimum Dominum Manfredum, Regem Siciliae in amicum, «et dent operam, quod dictus Dominus Rex ad concordiam «reducatur cum Ecclesia.» Гибеллины, изнуренные долгою борьбою съ противной партіею, ввѣряли участь свою въ руки Манфредія; Вельфы, жаждавшіе мира, обѣщали почитать его другомъ, и изъявляли готовность быть посредниками между нимъ и папою. Но упорный Александръ IV отринулъ всякое сближеніе съ Манфредіемъ. Вмѣсто примиренія послѣдовала распря, и папа отлучилъ короля сицилійскаго самымъ торжественнымъ образомъ.

Это отлученіе много повредило положенію Латинской имперіи на Востокѣ. Когда Бальдовинъ обратился къ Манфредію съ прозьбою о содѣйствіи ему противъ Грековъ, сицилійскій король отка-

Digitized by Google

зался отъ соучастія въ пользу Латинъ, по причинѣ враждебныхъ отношеній къ нему папы.

Бальдовинъ II, болѣе и болѣе забытый своими западными союзниками, дошелъ наконецъ до совершеннаго изнеможенія. Наступилъ роковый 1261 годъ, и латинская имперія пала. Въ одно почти время съ паденіемъ Бальдовинова престола, скончался папа Александръ IV, прозванный нѣкоторыми историками простымъ и смирнымъ, по сравненію его съ властолюбивыми и надмѣнными его предшественниками. Но трудно примѣнить подобное прозваніе къ мужу, мечтавшему, какъ и предшественникъ его Иннокентій IV, унизить вѣнецъ императорскій, дабы попраніемъ сего вѣнца стать выше всѣхъ владыкъ міра.

При кончинѣ Александра IV, коллегіумъ кардиналовъ состоялъ только изъ *осьми* членовъ. Избраніе новаго папы казалось легкимъ дѣломъ, но раздоры избирателей между собою продлили пренія нѣсколько мѣсяцевъ сряду. «Tanto, говор. Мураторій, avea «saputo penetrare in quel picciolo drappello la discordia e «l'invidia.» Наконецъ случай довелъ *Якова*, латинскаго патріарха Іерусалимской Церкви, прибыть въ *Витербу* во время *конклава*. Кардиналы, питая другъ къ другу непреоборимую зависть, рѣшились возвести его на римскую каѳедру, и *Яковъ* возсѣлъ на папскій престолъ подъ именемъ *Урбана IV*.

Первою заботою новаго папы было заняться Германіею, Италіею и Востокомъ. Касательно имперіи, Урбанъ IV слѣдовалъ политикѣ своего предшественника. Не признавая императоровъ, ни Рикорда корновальскаго, ни кастильскаго короля, папа воспретилъ германскимъ принцамъ подносить вѣнецъ Конрадину. Пылая гнѣвомъ на Манфредія, онъ обнародовалъ новую буллу объ его отлученіи; но сицилійскій король, къ великой досадѣ римскаго владыки, подкрѣпилъ себя тѣснымъ союзомъ съ *Яковомъ* аррагонскимъ королемъ. Для запечатлѣнія этого союза связями родства, Манфредій выдалъ дочь свою *Констанцію* въ супружество за Петра, аррагонскаго королевича. Что же касается до Востока, то дѣла Латинъ получили тамъ самую несчастную развязку. *Михаилъ Палеологъ* отнялъ Царьградъ у Бальдовина, и провозгласилъ себя восточнымъ императоромъ. Въ этомъ дѣлѣ Генуэзцы оказали

Digitized by Google

Грекамъ важное пособіе. Завидуя Венеціанамъ, пользовавшимся столь знатными преимуществами на Востокѣ, Генуэзцы заключили съ Палеологомъ союзъ, и въ возмездіе за ихъ службу, греческій императоръ даровалъ имъ городъ *Смирну*, со многими торговыми правами и преимуществами. *Урбанъ IV* разразилъ гнѣвъ свой на *Геную*, и отлучилъ эту общину отъ Церкви. Но Генуэзцы, равнодушные къ угрозамъ папы, не вняли голосу Урбана IV, и продолжали воевать съ Венеціанами.

Остановимся теперь на жизни и дѣяніяхъ Михаила Палеолога.

XXV.

МИХАЙЛЪ ПАЛЕОЛОГЪ. БОРЬБА ИМП. ѲЕОДОРА ЛАСКАРИСА СЪ МИХАИЛОМЪ ЭПИРСКИМЪ. ПЕРЕМѢНА ДИНАСТІИ ВЪ БУЛГАРІИ. ПЕРЕГОВОРЫ ПАПЫ СЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ.

Облеченный довѣренностію своего государя, Ѳеодора Ласкариса II-го, Михаилъ Палеологъ былъ императоромъ намѣстникомъ въ *Никеѣ* и *Виѳиніи*, во время отсутствія Ѳеодора въ Солунь. Будучи одаренъ блистательными качествами, Михаилъ привлекалъ къ себѣ сердца народа, но особы, окружавшія императора, его ненавидѣли. Самъ Ѳеодоръ питалъ къ нему чувство зависти, и неосторожныя слова, означавшія честолюбивые замыслы, погубили Михаила. Его обвинили въ намѣреніи овладѣть престоломъ. Участь Михаила была рѣшена. Ѳеодоръ намѣревался лишить его зрѣнія. Но увѣдомленный заранѣе о предстоявшей ему опасности, Михаилъ бѣжалъ изъ *Никеи*, и странствуя чрезъ малую Азію, достигъ Иконіума. Тамъ онъ былъ принятъ благосклонно отъ султана *Кай-Кавуза*. Однако укрываясь у государя иновѣрнаго, Михаилъ не имѣлъ намѣренія измѣнить своему законному императору, и покидая отечество, онъ писалъ ко всѣмъ военачальникамъ въ *Виѳиніи*, что обязанность ихъ была служить вѣрно Ѳеодору. Это посланіе, о которомъ донесено было императору, привлекло къ нему снова благосклонность Ѳеодора. Наконецъ ходатайство *Кай-Кавуза*, превозносившаго доблести Михаила и храбрость его въ битвахъ съ Татарами, доходившими до нѣдръ *Лидіи*, довершило его помилованіе. Михаилъ Палеологъ получилъ дозволеніе возвратиться

Digitized by Google

снова ко двору греческому. Но тутъ онъ встрѣтилъ опять прежнюю недовѣрчивость, и ему не иначе дозволили остаться въ столицѣ греческой, какъ по принесеніи величайшихъ клятвъ о вѣрности и преданности императору Ѳеодору, сыну его Іоанну и всему императорскому роду.

Вскорѣ обстоятельства заставили Ѳеодора пренебречь доносами на Палеолога, ибо война съ Михаиломъ деспотомъ Эпира и съ Сербами, его союзниками, становилась ежедневно тягостнѣе для Грековъ. Михаилъ эпирскій состоялъ съ Ѳеодоромъ въ родствѣ. *Никифоръ*, сынъ перваго, имѣлъ за собою въ супружествѣ Марію, дочь императора. Но онъ зрѣлъ съ завистію на Никейскую имперію, обладавшую Солунью, Вереею, *Диррахіемъ* и другими городами въ Македоніи, Ѳессаліи и Албаніи. Михаилъ эпирскій рѣшился испытать счастіе оружія, и взявъ у Грековъ *Берею* (Верею) и Альбанополисъ, осадилъ *Прилипъ*, гдѣ упорно защищался знаменитый Акрополитъ, логоѳетъ имперіи Никейской. Ѳеодоръ Ласкарисъ, пораженный жестокою болѣзнію и огорченный неблагопріятными извѣстіями о ходѣ войны, рѣшился испытать снова мужество и искусство Палеолога. Михаилъ получилъ приказанія идти отстаивать *Диррахіумъ*.

Между тѣмъ какъ императоръ Ласкарисъ боролся съ Михаиломъ деспотомъ Эпира, въ Булгарскомъ царствѣ происходила перемѣна династіи. Царь Михаилъ погибъ около *Тырнова* отъ руки убійцы. На его мѣсто вступилъ *Каломанъ*, внукъ *Асеня* I-го. Но и этотъ государь правилъ не долго; онъ былъ убитъ на войнѣ. За нимъ народъ болгарскій избралъ царемъ простолюдина, родомъ изъ Сербіи, Константина *Теша*, сдѣлавшагося извѣстнымъ умомъ и тѣлесной силою. Этотъ сынъ счастія получилъ въ супруги Ирину, дочь Ѳеодора Ласкариса, рожденную отъ *Елены*, дщери болгарскаго царя Асеня II-го, и прежній мирный договоръ, заключенный нѣкогда съ царемъ Михаиломъ, былъ возобновленъ между греческимъ императоромъ и Константиномъ Тешемъ.

Въ то время какъ жизнь народная такъ сильно пробуждалась между Греками и *Словенами*, Латинская имперія угасала съ каждымъ днемъ болѣе. Бальдовинъ II-й и супруга его Марія, странствовали на Западѣ, прося помощи у Людовика IX-го и

Digitized by Google

у папы Александра IV-го. Римскій владыка, изъ сочувствія къ положенію этихъ скитавшихся монарховъ, поощрялъ весь западный міръ идти имъ на помощь, но никто не бралъ оружія въ руки. Наконецъ Александръ IV рѣшился испытать средства мирныя, и предложилъ Ласкарису переговоры о соединеніи церквей. Онъ имѣлъ намѣреніе достигнуть этимъ способомъ примиренія Ѳеодора съ Бальдовиномъ. Епископъ города *Орвіеты* отправился въ качествѣ легата, съ порученіемъ вести переговоры, и историки утверждаютъ, что ему было приказано оказывать Грекамъ возможную уступчивость. Но императоръ греческій, сообщивъ легату сочиненіе свое о происхожденіи Святаго Духа, не отступилъ ни мало отъ своихъ православныхъ убѣжденій, и переговоры, веденные въ *Верлѣ* Георгіемъ Акрополитомъ, закрылись.

XXVII.

ГЕОРГІЙ МУЗАЛОНЪ. ИМПЕРАТОРЫ ІОАННЪ И МИХАИЛЪ ПАЛЕОЛОГЪ.

При общемъ очеркѣ положенія дѣлъ на Востокѣ, мы оставили Палеолога въ Диррахіумѣ. Но между тѣмъ какъ этотъ доблестный мужъ платилъ честно свою дань отечеству, клеветники чернили его снова въ умѣ императора. Ѳеодоръ былъ безнадежно боленъ. Ему вселили мысль, будто бы Михаилъ отравилъ его. Императоръ приказалъ заковать Палеолога въ желѣза, и привести изъ Солуни, гдѣ онъ покрывалъ себя славою, въ мѣсто пребыванія двора. Палеологъ былъ привезенъ въ *Магнезію*, и зотаченъ въ темницу. Долго не принималъ его Ѳеодоръ; но когда Михаилъ успѣлъ предстать предъ императора, то неподдѣльное его краснорѣчіе убѣдило государя въ невинности обвиненнаго, и милость императора возсіяла снова на главѣ его.

Наконецъ Ѳеодоръ, чувствовавъ приближеніе конца, принялъ схиму, и напутствованный *митилинскимъ* епископомъ, скончался въ августѣ 1259, на 37 году отъ рожденія. Онъ погребенъ въ *Магнезіи*, близъ родителя своего, въ обители *Созандра*. Наслѣдникомъ престола остался осьмилѣтній сынъ его *Іоаннъ*, порученный императоромъ особенному попеченію Михаила Палеолога.

Digitized by Google

Правителемъ имперіи былъ назначенъ искреннѣйшій изъ приверженныхъ императора, *Георгій Музалонъ*. Въ помощь ему приданъ патріархъ Арсеній. Это назначеніе, оскорбивши многихъ изъ особъ, которыя полагали себя болѣе въ правѣ пользоваться властію, нежели человѣкъ выведенный изъ ничтожества одною милостію государя, породило большія неудовольствія. Музалонъ, познавая неловкость своего положенія, пригласилъ на совѣщаніе Михаила и Эммануила, дядей покойнаго императора, а съ ними также Константина Стратигопуло и Ѳеодора *Филеса*, главныхъ недовольныхъ, и сказалъ имъ, что не происками, но заслугами достигъ онъ чести управлять государствомъ, до совершеннолѣтія *Іоанна*. Впрочемъ прибавилъ: «ежели я не угоденъ, то пусть изберутъ другаго правителя на мое мѣсто».

Недовольные, между коими Михаилъ Палеологъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ, съ притворствомъ покорности и искренняго убѣжденія уговорили Музалона остаться въ высокомъ санѣ, ему дарованномъ, но между тѣмъ поклялись его истребить. Имъ представалъ удобный случай исполнить ихъ пагубный замыселъ. Въ девятый день по кончинѣ императора, когда весь дворъ былъ на поминовеніи въ монастырѣ Созандра, заговорщики собрались въ храмъ, среди коего почивали *Ватакій* и сынъ его. При крикѣ: спасемъ государя нашего отъ рукъ измѣнника, они ударились въ алтарь, гдѣ Музалонъ искалъ себѣ убѣжища, и несмотря на святость мѣста, умертвили его.

Главными преступниками въ этомъ убійствѣ были латинскіе перебѣги, измѣнившіе хоругвямъ своимъ, и служившіе у Ласкариса какъ наемники. За однимъ преступленіемъ послѣдовало и другое. Виновные, предавъ смерти Музалона, бросились въ его палаты, и ограбили все, что въ нихъ находилось. Неистовство латинскихъ солдатъ и ихъ товарищей вышло изъ всѣхъ предѣловъ. Они грозили всякому богатому и знатному человѣку, не слушались властей, и отвратительнымъ поведеніемъ своимъ заставили лучшихъ гражданъ бѣжать изъ имперіи.

Святѣйшій патріархъ *Арсеній*, видѣвъ трудность временъ, и постигавъ несовмѣстность его пастырскихъ обязанностей съ должностію государственнаго мужа, потребовалъ себѣ сотрудника,

Digitized by Google

способнаго бороться съ обстоятельствами. Положеніе имперіи было самое критическое: съ Востока грозили ей Татары, съ Запада возставалъ Михаилъ эпирскій, имѣвшій въ союзѣ съ собою *Вилардуэня*, князя ахайскаго, и Манфредія сицилійскаго. Имперія нуждалась въ искусномъ правителѣ. Но кто былъ довольно силенъ, чтобы обнаружить права на санъ правителя? Слѣдовало прибѣгнуть къ выбору посредствомъ голосовъ. Вельможи и бояре собрались, на этотъ конецъ, въ Магнезію, и пригласили туда патріарха съ духовенствомъ. Между тѣмъ поручили Палеологу начальство надъ войсками.

Патріархъ, находившійся въ Никеѣ, отправился въ путь, и по прибытіи своемъ въ Магнезію, былъ встрѣченъ у стѣнъ города всѣмъ дворомъ. Бояре вышли къ Арсенію на встрѣчу, и Михаилъ Палеологъ, взявъ за узду патріаршаго коня, довелъ его до царскаго шатра. При всѣхъ случаяхъ, гдѣ свѣтская власть приходила въ столкновеніе съ духовною, Палеологъ являлся почтительнымъ слугою духовенства. Въ возмездіе за его преданность, духовенство провозгласило Палеолога достойнѣйшимъ занимать санъ правителя. Но происки Палеолога не ограничилися этимъ саномъ. Всѣ виды простирались далѣе; онъ мѣтилъ выше подъ предлогомъ малолѣтства Іоанна. Клевреты Палеолога умѣли внушить народу мысль о возведеніи Михаила въ санъ императора. Вдругъ со всѣхъ сторонъ послѣдовали прошенія о возложеніи императорскаго вѣнца на главу Михаила. Бояре и духовные сошлись вмѣстѣ для совѣщанія объ этомъ предметѣ, и чувствовавъ себя не въ силахъ противудѣйствовать народному голосу, уступили Палеологу мѣсто на императорскомъ престолѣ возлѣ Іоанна.

Такимъ образомъ имперія Греческая увидѣла двухъ императоровъ, изъ коихъ одинъ, по малолѣтству своему, состоялъ подъ опекою у другаго.

XXVIII.

РАСПРИ МИХАИЛА СЪ ЦЕРКОВІЮ. ЗАВОЕВАНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. ОСЛѢПЛЕНІЕ ІОАННА.

Михаилъ возшелъ на престолъ при всеобщемъ ликованіи, но благочестивый *Арсеній*, отгадывавшій уже тогда замыслы Михаила,

Digitized by Google

съ сильнымъ подозрѣніемъ въ душѣ участвовалъ при вѣнчаніи новаго императора. Онъ даже намѣревался отлучить отъ Церкви Михаила и всѣхъ клевретовъ его, какъ данная Палеологомъ торжественная присяга, хранить дни Іоанна, обезоружила гнѣвъ патріарха.

Скоро удалось Палеологу затмить совершенно своего царственнаго товарища. Война съ Бальдовиномъ и съ деспотомъ Эпира выказала его превосходство предъ всѣми его современниками. Ослѣпленный императоръ латинскій, не взирая на свою слабость, потребовалъ отъ Михаила уступленія *Солуни*, Македоніи и *Θракіи* до стѣнъ Царьграда. Палеологъ отвѣчалъ Бальдовину съ усмѣшкою, что онъ не только ему ничего не уступитъ, но потребуетъ съ своей стороны возвращенія Грекамъ ихъ столицы Константинополя. Переговоры прекратились, и Палеологъ приготовился къ борьбѣ. Но чтобы дѣйствовать удачнѣе противъ Бальдовина, онъ началъ съ нанесенія ударовъ его союзникамъ, и открылъ войну противъ Михаила, деспота эпирскаго. Михаилъ былъ врагъ опасный: кромѣ своихъ собственныхъ силъ онъ опирался на могучихъ союзниковъ. Князь ахайскій, король Манфредій и Сербскій народъ, стояли съ нимъ за одно дѣло. Однако храбрость и знаніе Іоанна Палеолога, брата императора, предводительствовавшаго войскомъ греческимъ, превозмогли и мужество эпиратовъ, и пылкость крестоносцевъ, и стойчивость германской конницы, присланной деспоту на помощь отъ Манфредія. Михаилъ эпирскій былъ побѣжденъ въ двухъ рѣшительныхъ битвахъ, и князь ахайскій попался Грекамъ въ плѣнъ.

Отъ Диррахіума до Θессаліи все повиновалось Палеологу. Вслѣдствіе столь блистательныхъ успѣховъ, императоръ осыпалъ милостями своего брата, даровавъ ему титулъ деспота, наградилъ щедро вождя Стратигопуло, и явилъ себя особенно благосклоннымъ ко всѣмъ лицамъ, бывшимъ въ немилости покойнаго императора. Настало время заняться покореніемъ Царьграда, но прежде нежели приступить къ описанію этого важнаго событія, должно обратить вниманіе на внутреннія дѣла греческаго двора.

Палеологъ, столь щедрый и великій во всѣхъ случаяхъ, оказывалъ себя жестокимъ и злымъ въ отношеніи къ Іоанну Ласкарису.

Digitized by Google

Патріархъ Арсеній, который раздѣлялъ съ Михаиломъ попеченіе о лицѣ Іоанна, постигалъ замыслы Палеолога, и изъявлялъ ему часто неудовольствіе. Наконецъ видѣвъ бездну, открытую подъ стопами младенца, онъ рѣшился отстранить себя отъ дѣлъ, дабы не быть свидѣтелемъ предстоявшихъ событій. Сначала Арсеній удалился въ монастырь, сохраняя званіе патріарха, потомъ онъ былъ замѣненъ *Никифоромъ*, епископомъ ефесскимъ, и сосланъ на покой. Но высшее духовенство въ имперіи и народъ остались съ Арсеніемъ, и Никифоръ не почитался чистымъ избранникомъ Церкви, но хитрымъ льстецомъ Палеолога, умѣвшимъ происками достигнуть высшаго церковнаго сана.

Распри съ Церковію пріостановили на нѣкоторое время походъ Палеолога противъ Царьграда. Наконецъ, когда лучшіе изъ пастырей Церкви были удалены, Арсеній заточенъ въ обитель, *Еммануилъ солунскій* и *Андроникъ сардикскій* сосланы въ ссылку, императоръ рѣшился приступить къ войнѣ противъ Латинъ.

Извѣстный вождь, цесарь *Стратигопуло* овладѣлъ Константинополемъ безъ малѣйшаго усилія. Бальдовинъ не имѣлъ болѣе арміи, венеціанскій флотъ находился въ Черномъ морѣ, а Греки и Генуэзцы стояли на сторонѣ Палеолога.

Іюля 25, 1261 года, столица восточной имперіи возвратилась подъ владычество Грековъ. Жившіе въ Константинополѣ Латины удалились въ *Негропонтъ* на венеціанскихъ судахъ; императоръ Бальдовинъ спасся побѣгомъ.

Въ день Успенія Михаилъ Палеологъ вступилъ торжественно въ свою новую столицу, чрезъ *златыя врата*.

Духовенство, предшествованное образомъ *Одигитріи*, сопровождало императора. Греки были въ восторгѣ, и какъ при дворѣ, такъ и въ народѣ, общія мысли обращались къ радости. Только *Іоаннъ Торникъ*, князь одного ѳессалійскаго округа, называемаго *Большая Влахія*, проливалъ слезы. «Теперь все пропало, «прорѣкалъ Іоаннъ. Михаилъ поселится въ Константинополѣ; «за нимъ послѣдуютъ туда наши воины, и всѣ изнѣжатся въ этомъ «роскошномъ городѣ. Мы умѣемъ теперь бороться съ Турками, «но тогда у насъ не достанетъ духа сражаться съ этимъ наро-

Digitized by Google

«домъ. Турки сойдутъ съ горъ, вторгнутся въ Европу, завою-«ютъ Константинополь, и покорятъ всю имперію». Никто изъ слышавшихъ не вѣрилъ пророчанію *Іоанна*. Его считали лишеннымъ разсудка, но слова ясновидѣвшаго старца сбылись съ ужасною точностію.

Палеологъ приступилъ со рвеніемъ къ возстановленію Царьграда и къ исправленію городскихъ зданій. Онъ помогалъ обѣдневшему народу изъ своихъ собственныхъ денегъ, и былъ отцемъ нуждающихся. Народъ принималъ его съ восторгомъ. Но Михаилъ среди общей радости былъ печаленъ. Его тревожило неправильное низложеніе патріарха Арсенія, служившее ему упрекомъ. Онъ рѣшился примириться со святителемъ, и такъ какъ патріарха Никифора не было болѣе на свѣтѣ, то Палеологъ созвалъ епископовъ, и предложилъ имъ возвратить Арсенія на патріархію. Императоръ зналъ заранѣе, что это предложеніе будетъ принято всею Церковію, уважавшею Арсенія, и что народъ, почитавшій Арсенія мученикомъ, страдавшимъ за истину, увидитъ его съ восторгомъ на патріаршемъ престолѣ. Предчувствіе Михаила оправдалось. Церковь и народъ приняли единодушно его предложеніе, и Арсеній возвратился съ торжествомъ на вселенскую каѳедру. Но скоро по прибытіи его въ Царьградъ открылись для Арсенія новые источники слезъ: благочестивый патріархъ не могъ быть равнодушнымъ свидѣтелемъ тѣхъ истязаній, коимъ подвергался несчастный императоръ *Іоаннъ*.

Палеологъ, уже съ начала царствованія своего, взиралъ неблагосклонно на Іоанна. Исполненный властолюбія, онъ не охотно дѣлился почестями и державою съ отрокомъ, который могъ быть ему современемъ опаснымъ соперникомъ; сверхъ этого, Палеологъ имѣлъ сына Андроника, и предпочиталъ зрѣть на Византійскомъ престолѣ свое собственное потомство, нежели отродіе Ласкариса. Побужденный сестрами своими, которыя, подобно ему, были также одарены честолюбіемъ, Палеологъ рѣшился лишить Іоанна средствъ царствовать. Но не дерзая посягнуть на неповинную жизнь вѣнчаннаго отрока, онъ приказалъ ослѣпить его.

Это ужасное преступленіе совершилось въ день Рождества, 1262 года, и лишенный зрѣнія Іоаннъ былъ заключенъ въ замокъ.

Digitized by Google

Одно злодѣяніе ведетъ къ другимъ. За Іоанномъ пострадали всѣ ему приверженные, и великая душа Михаила затмилась поступками недостойными столь великаго человѣка.

Превосходнымъ явилъ себя въ этомъ случаѣ благочестивый патріархъ Арсеній. Созвавъ всѣхъ епископовъ, бывшихъ въ Царьградѣ, онъ напомнилъ имъ о данной Михаиломъ присягѣ быть оберегателемъ Іоанна; изобразилъ въ трогательныхъ словахъ, какъ ужасно эта клятва была нарушена, и обращаясь къ собору, прибавилъ слѣдующія слова: «Подымаю на главу виновнаго тотъ мечь, «который Спаситель вложилъ мнѣ въ десницу для отдѣленія пра«ваго отъ виноватаго, и по данной мнѣ отъ Бога власти, отлучаю «Михаила Палеолога отъ стада вѣрныхъ.» Въ досадѣ на патріарха, Михаилъ отправилъ пословъ къ Урбану IV-му для переговоровъ о примиреніи Востока съ Западомъ. Послы были приняты ласково, но исторія умалчиваетъ о послѣдствіяхъ этого посольства.

XXVIII.

ВОЙНА МИХАИЛА СЪ ВИЛЛАРДУЭНЕМЪ АХАЙСКИМЪ.

Теперь увидимъ мы Палеолога снова великимъ. Священное дѣло защиты государства противъ Латинъ вызываетъ его вторично на поприще славы.

Положеніе Палеолога было самое тягостное. Бальдовинъ, князь ахайскій, деспотъ эпира, и болгарскій царь, подымались на него войною. Приговоръ Арсенія тяготѣлъ надъ его совѣстію, и отчуждалъ ему Грековъ. Одной только закаленной душѣ Михаила дано было бороться съ этими враждебными силами. Онъ принялъ бой и восторжествовалъ.

По внушенію папы Урбана IV и по приглашенію Венеціанъ, недовольныхъ Палеологомъ, за его пристрастіе къ Генуэзцамъ, князь ахайскій Виллардуэнь предпринялъ войну противъ Михаила. Греческое войско вступило съ своей стороны въ Морею, и поразило въ нѣсколькихъ сраженіяхъ дружины Виллардуэня. Но разъ, въ одной битвѣ, случилось и князю ахайскому остаться побѣдителемъ. Тогда Генуэзцы, видѣвъ измѣну въ счастіи Ми-

Digitized by Google

хаила, обратились къ папѣ съ просьбою снять анаѳему, лежавшую на Генуэзской общинѣ по приговору папы за дружбу къ Михаилу, и предложили Урбану IV вооружиться противъ Грековъ. Папа готовъ уже былъ послать имъ разрѣшеніе на открытіе военныхъ дѣйствій, какъ новое ходатайство Палеолога о соединеніи Церквей пріостановило опредѣленіе Урбана IV. Обезпеченный со стороны Генуи, Михаилъ задумалъ тогда о сближеніи съ Венеціею, и вступилъ въ мирные переговоры съ республикою св. Марка. Венеція, гордая успѣхомъ морскихъ походовъ своихъ противъ Генуи, приняла предложенія Михаила, и, не смотря на угрозы папы, постигавшаго наконецъ всю хитрость Палеолога, подписала миръ, по которому греческій императоръ обязался отстранить Генуэзцевъ отъ своихъ владѣній. Генуя, побѣжденная Венеціею близъ Солуни и на берегахъ Сициліи, узнала съ прискорбіемъ объ этомъ мирѣ; но лишенной судовъ своихъ, въ сраженіи при Трапани, ей оставалось только терпѣть и ожидать.

Будучи столь же искусенъ въ политикѣ, какъ и мужественъ на полѣ брани, Палеологъ не утратилъ ни одного часа для отплаты Виллардуэню за его побѣду.

Часъ былъ самый благопріятный. Воззванія папы къ западу о вооруженіи противъ Грековъ оставались безъ отвѣта. Бальдовинъ, скитаясь по свѣту, обращался тщетно къ владѣтелямъ коронъ французской и англійской, прося у нихъ помощи. Никто не внималъ ему. Генуя оплакивала свой флотъ. Венеція была благосклонна къ Грекамъ. Пользуясь этимъ часомъ, Михаилъ рѣшился уничтожить княжество Ахайское. Напавъ со всѣми своими силами на Виллардуэня, онъ разбилъ его, взялъ въ плѣнъ, и присоединилъ его владѣнія къ имперіи Греческой. За Виллардуэнемъ, Палеологъ пошелъ сокрушать Михаила эпирскаго. Но смерть похитила скоро сего князя. Послѣ его кончины, Эпирское государство раздѣлилось на два удѣла. Первый удѣлъ, состоявшій изъ *Ѳеспротіи, Молоссиды, Акарнаніи* и *Долопіи*, достался старшему сыну Михаила Никифору, женившемуся во второмъ бракѣ на Евлогіи, сестрѣ Палеолога. Другой удѣлъ, состоявшій изъ Ѳессаліи, достался побочному его сыну Іоанну.

Digitized by Google

XXIX.

ССЫЛКА ПАТРІАРХА АРСЕНІЯ.

Теперь мы приступаемъ къ одному изъ тѣхъ торжественныхъ моментовъ, которые въ исторіи государствъ опредѣляютъ рѣзко характеристику времени. Въ тринадцатомъ вѣкѣ, не только на западѣ, но и въ восточномъ мірѣ, сила державная часто доходила до столкновеній съ властію духовной. Мы сказали выше, что Палеологъ за ослѣпленіе Іоанна былъ отлученъ отъ Церкви патріархомъ Арсеніемъ. Этотъ приговоръ тяготѣлъ еще надъ императоромъ. Михаилъ вспоминалъ съ горемъ, что вѣнценосцу Греческой имперіи запрещено было присутствовать при совершеніи литургіи. Онъ обратился къ патріарху съ просьбою о снятіи съ него отлученія, но Арсеній отвѣчалъ Михаилу, что большія преступленія требуютъ искупленія, и далъ почувствовать императору, что однимъ только отрѣченіемъ отъ престола можно ему будетъ омыть вину свою противъ Іоанна. Думая поколебать твердость Арсенія угрозами, Палеологъ возразилъ ему, что онъ покорится папѣ. Но Арсеній, въ полномъ сознаніи несбыточности этой угрозы, остался непоколебимъ. Тогда Палеологъ рѣшился свергнуть его съ патріархіи. Арсеній былъ лично неугоденъ Михаилу. Онъ стоялъ рѣзко за преимущества и права духовенства и любилъ давать императору наставленія, которыя Михаилу не нравились.

Дабы облечь сверженіе Арсенія во всѣ формы законности, Палеологъ созвалъ соборъ изъ духовенства и высшаго свѣтскаго синклита. Предъ соборомъ явился одинъ изъ патріаршихъ послушниковъ, и обвинилъ Арсенія въ трехъ пунктахъ:

1) Въ отмѣненіи молитвы за здравіе императора, читанной до того времени на литургіи; 2) въ допущеніи султана Кай-Кавуза въ церковную купальню, хотя онъ и не былъ крещенъ; 3) въ допущеніи Кай-Кавуза и его стражи въ день пасхи, къ причащенію Св. Таинъ. Арсеній отказался предстать предъ соборъ въ качествѣ обвиненнаго, разгласилъ этотъ соборъ не законнымъ сходбищемъ, и не подалъ ему объясненій касательно помянутыхъ трехъ обвиненій; но сообщилъ императору частныхъ

Digitized by Google

образомъ, что такъ какъ на литургіи читалось уже нѣсколько молитвъ за здравіе государя, то онъ отмѣнилъ одну изъ нихъ, чрезмѣрно длинную, и припомнилъ Палеологу, что отлученный государь не можетъ имѣть права ни на какую молитву. Касательно допущенія Кай-Кэкуза въ церковную купальню, Арсеній призналъ это обвиненіе безсмысленнымъ, ибо между церковными и городскими купальнями не находилось разницы; что же касается до допущенія Кай-Какуза къ причастію, Арсеній возразилъ, что вина лежала не на немъ, но на епископѣ Пизидійской епархіи, увѣрившемъ патріарха, что Кай-Кавузъ и семейство его удостоились уже давно принять крещеніе. Это объясненіе, писанное слогомъ твердымъ, и лишенное того отпечатка умиленія, котораго отъ патріарха ожидали, не обратило на себя вниманія собора; но для избѣжанія новыхъ соблазновъ, императоръ рѣшился опять прибѣгнуть къ переговорамъ, и сообщилъ Арсенію, что между обѣими властями, духовной и свѣтской, побѣда должна неминуемо остаться на сторонѣ послѣдней, ежели духовная отдалится отъ умѣренности. Въ то же время онъ возобновилъ свое ходатайство о снятіи съ него отлученія. Арсеній, растроганный просьбами Палеолога, готовъ уже былъ оказать снисхожденіе, какъ вдругъ разразилась между Михаиломъ и патріархомъ новая гроза. Въ одно воскресеніе, императоръ, все еще отлученный, шелъ съ патріархомъ изъ дворца по направленію къ святой Софіи. Когда они дошли до храма, началась литургія, и Палеологъ вздумалъ воспользоваться этимъ мгновеніемъ, чтобы проникнуть въ храмъ вмѣстѣ съ патріархомъ.

Арсеній, отгадавъ замыселъ императора, обратился къ нему съ гнѣвомъ, и повелѣлъ Михаилу немедленно удалиться.

Смущенный приговоромъ владыки, Михаилъ возвратился во дворецъ, но когда насталъ слѣдующій день, онъ потребовалъ суда отъ собора. На основаніи 63 Канона Апостоловъ, низлагающаго того епископа, который по троекратному приглашенію, не явился на судъ собора, святители признали Арсенія виновнымъ, и низложили его. Тутъ этотъ великій мужъ явилъ себя вполнѣ достойнымъ званія пастыря Христова стада. Арсеній сложилъ съ себя знаки патріаршаго достоинства съ радостію,

Digitized by Google

обратился къ своему ближнему духовенству, и простился съ нимъ въ духѣ смиренія. Когда дошло до описи церковной утвари, Арсеній сдалъ всѣ сокровища Церкви въ величайшемъ порядкѣ, и унесъ съ собою только то, что онъ принесъ на патріархію, т..е. *мантію* и три серебреныхъ монеты, заслуженныя имъ личными трудами. Когда предстали передъ нимъ посланные отъ собора, Арсеній сказалъ имъ: «Братіе, вы испол«няете долгъ вашъ; пусть скажетъ императоръ, куда мнѣ отпра«виться въ ссылку. Я пойду, куда ему угодно будетъ повелѣть, «даже и на смертную казнь».

Въ вечеру послѣдняго числа мая мѣсяца, стражи пришли взять его изъ патріаршаго дома. Остановясь на наружныхъ ступеняхъ храма св. Софіи, Арсеній принесъ Богу краткую молитву, и послѣдовалъ смиренно за воинами. Посаженный въ убогую ладью, онъ былъ перевезенъ въ островъ *Проконисъ*, современный Мармара, и заключенъ на этотъ островъ въ рыбачью хижину.

Казалось, съ приговоромъ Арсенія всѣ смуты церковныя должны были прекратиться. Но не то случилось на дѣлѣ. Церковь, исключая тѣхъ лицъ, которыя засѣдали на соборѣ, возстала вся въ пользу Арсенія, и православіе ужаснулось при слухѣ объ истязаніяхъ, претерпѣнныхъ низложеннымъ патріархомъ.

Никто изъ духовныхъ не хотѣлъ болѣе имѣть общенія съ членами собора. Императоръ пытался примирить умы своимъ краснорѣчіемъ, но Арсеній остался любимцемъ Церкви и народа. Историкъ Лебо прекрасно оцѣниваетъ эти событія, и говоритъ: «Aussi faut-il avouer que les causes de sa condamnation étaient «bien frivoles, et qu'il les avait parfaitement détruites. «La seule faute qui méritait censure, était cette opiniâtreté invin«cible à refuser à l'Empereur la pénitence que les canons de l'«Eglise n'ont pas interdite aux plus grands pécheurs, d'autant «plus qu'il s'agissait d'un crime irréparable, et qu'on ne pour«rait expier par aucune autre voie». (*)

Мы изложили подробно дѣло патріарха Арсенія, ибо въ немъ

(*) Hist. du bas Empire, T. 10, p. 345.

Digitized by Google

выражается превосходно, какимъ умиленіемъ и твердостію былъ проникнутъ духъ Православной Церкви, когда она приходила въ столкновеніе съ властію мірскою. Какъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ этомъ, православіе совершенно различествуетъ отъ католицизма. Владыки западной Церкви, не только дозволяютъ себѣ возражать силѣ державной, но выходя изъ всѣхъ предѣловъ умѣренности, возстаютъ на нее явно, дѣлаются возмутителями и вооружаютъ подданныхъ противъ государей. То ли замѣчаемъ мы въ Церкви восточтой. Власть духовная сопротивляется иногда силѣ державной; но это сопротивленіе никогда не выходитъ изъ предѣловъ простаго возраженія, и хотя святители восточной Церкви и умираютъ жертвами своей непоколебимости, но и эта мученическая смерть служитъ доказательствомъ ихъ покорности закону.

Вотъ причина, по которой Православная Церковь осталась невредимою среди всѣхъ своихъ бѣдствій; вотъ залогъ ея будущаго торжества.

XXX.

РОДСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ ПАЛЕОЛОГА СЪ НОГАЕМЪ ХАНОМЪ ТАТАРСКИМЪ. ПАТРІАРХЪ ГЕРМАНОСЪ И ІОСИФЪ. ПРИМИРЕНІЕ ИМПЕРАТОРА СЪ ЦЕРКОВІЮ.

Съ того времени, какъ Палеологъ пребывалъ въ Царь-градѣ, предсказаніе Іоанна Торника сбывалось ежедневно болѣе. Турки становились опасны, азіятскія области, угнѣтенныя жадными правителями, обремепявшими народъ податями, передавались Туркамъ для избѣжанія разоренія.

Хаденій, любимецъ Палеолога, составивъ *кадастръ* всѣмъ имѣніямъ въ *Виѳиніи*, *Мизіи*, *Лидіи*, *Каріи*, *Фригіи* и *Пафлагоніи*, отбиралъ эти имѣнія на императора, назначая каждому владѣтелю личное содержаніе. Народы жаловались, призывали Турокъ, и Михаилъ въ отчаяніи не зналъ, что̀ предпринять; страшась Татаръ, господствовавшихъ въ Иконіумѣ, страшась болгарскаго царя, онъ искалъ союзниковъ между другими Татарами, блуждавшими отъ береговъ Волги до Чернаго моря. Наконецъ сблизясь съ *Ногаемъ*, предводителемъ силы хана орды Кипчакской, Палео-

Digitized by Google

логъ выдалъ за него побочную дщерь свою *Евфросинію*. Тогда Ногай отложился отъ своего хана, и основалъ государство отдѣльное на сѣверъ отъ понта Евксинскаго. Съ другой стороны, жители Малой Азіи успокоились по прибытіи въ Никею Іоанна Палеолога, достойнѣйшаго изъ Грековъ того времени; Іоаннъ принялъ въ руки бразды управленія, низвергъ *Хаденія* и всѣхъ ненасытныхъ его клевретовъ, и возвратилъ каждому его собственность. Политическіе вопросы замолкли на нѣкоторое время, но распри съ Церковію возгорѣлись снова.

На мѣсто Арсенія былъ возведенъ въ патріарха *Германосъ*, епископъ адріанопольскій, мужъ нрава кроткаго и ума образованнаго, пастырь безкорыстный и достойный, любившій науки и ученыхъ. Первымъ его попеченіемъ было заняться успѣхами народнаго просвѣщенія, и патріархъ, въ ревности своей къ наукѣ, пригласилъ Палеолога поручить высшій надзоръ за училищами *Оловолю*, мужу извѣстному тогда въ ученомъ мірѣ.

Но Германосъ имѣлъ очень важный недостатокъ. Его западное направленіе не нравилось народу. Онъ былъ склоненъ къ соединенію Церквей, онъ мечталъ о примиреніи съ Римомъ. Эти чувства, эти мысли имѣли между Греками очень мало приверженцевъ. Напротивъ того они усиливали партію Арсенія, и тревожили Церковь и народъ. Эта тревога дошла до высшей степени, когда злодѣи осмѣлились возвести на Арсенія обвиненіе въ умыслѣ на жизнь императора.

Патріарху сдѣланъ былъ по этому дѣлу запросъ, и онъ отвѣчалъ допросителю, извѣстному историку *Пахеримію*: «что « сдѣлалъ я императору? Будучи патріархомъ, я возвелъ его на « престолъ; но онъ, въ возмездіе мнѣ, свергнулъ меня съ патріар- « хіи безъ причины! Теперь я живу на пустомъ островѣ, питаясь « подаяніемъ сострадательныхъ лицъ, и раздѣляю пищу съ убоги- « ми. Я не ропщу и не жалуюсь на мою участь. Предоставляю « Германосу пользоваться всѣми почестями, сопряженными съ его « саномъ; я нисколько ему не завидую. Что же касается до обви- « ненія, на меня взводимаго, то пусть отвѣчаютъ на эту клевету « окружающія насъ горы, которыя слышали ежедневно мои моленія « объ императорѣ. » Отвѣтъ Арсенія обезоружилъ императора.

Digitized by Google

Палеологъ, соболѣзнуя о немъ, назначилъ изгнаннику триста золотыхъ монетъ годоваго содержанія; но сомнѣваясь, чтобы патріархъ принялъ эту милость отъ руки императора, Палеологъ приказалъ вручить ему означенную сумму отъ имени императрицы.

Вслѣдствіе этого великодушнаго поступка все казалось спокойнымъ въ кругу Церкви восточной. Но вдругъ возстала среди ея новая буря. Духовникъ императора, іеромонахъ Іосифъ былъ ея возбудителемъ. Этотъ честолюбивый инокъ жаждалъ взойдти на патріаршій престолъ. Внушивъ императору, что избраніе Германоса не совершенно согласовалось съ канонами Церкви, онъ получилъ отъ Палеолога приказаніе уговорить Германоса отказаться добровольно отъ патріархіи. Императоръ желалъ видѣть другаго пастыря на престолѣ патріаршемъ, ибо ему казалось, что разрѣшеніе отъ церковнаго отлученія, данное ему Германосомъ, сочтется въ народѣ несправедливымъ. Повинуясь волѣ государя своего, Германосъ сошелъ съ каѳедры, и будучи мужъ высокаго достоинства, онъ сошелъ съ нея какъ примѣрный христіанинъ. Германосъ отвергъ съ презрѣніемъ присланные ему дары, и сказалъ, отправляясь снова къ паствѣ своей въ Адріанополь: «Я буду «получать пищу мою отъ Церкви, коей я пастырь, и Тотъ, Который питаетъ малыхъ птенцевъ, и меня не забудетъ.»

За низложеніемъ Германоса послѣдовало избраніе новаго патріарха. Епископы, отгадывая волю императора, избрали *Іосифа*. Тогда Царьградъ узрѣлъ торжественное каяніе императора. Допущенный къ принесенію гласнаго покаянія, Палеологъ, окруженный стражами, отстоялъ обѣдню на паперти святой Софіи. По принесеніи безкровной жертвы, онъ вступилъ въ храмъ, повергся ко стопамъ патріарха, и просилъ гласно разрѣшенія грѣховъ. Патріархъ, возлагая на поверженнаго руку свою, прочелъ грамоту, въ которой изображались преступленія Палеолога, и въ заключеніе простилъ его. Не довольствуясь этимъ прощеніемъ, Палеологъ преклонялъ колѣно предъ всѣми епископами, и просилъ у нихъ прощенія.

По окончаніи этого трогательнаго обряда, императоръ былъ допущенъ къ причащенію. Взыскательный Іосифъ, въ ознаменованіе примиренія императора съ Церковію, потребовалъ, чтобы Ласка-

Digitized by Google

рису назначено было богатое содержаніе, чтобы изгнанные возвратились изъ ссылки, чтобы заключенные были освобождены, и чтобы патріаршіе указы уважались наравнѣ съ императорскими. Благородный Палеологъ на все согласился.

XXXI.

СМЕРТЬ ПАПЫ УРБАНА IV И АЦЦО. ВОЙНА КАРЛА И МАНФРЕДІЯ.

Происшествія на Востокѣ отвлекли насъ на нѣкоторое время отъ Рима. Между тѣмъ какъ въ Царьградѣ происходили несогласія между Арсеніемъ и Палеологомъ, въ Италіи война Урбана IV съ Манфредіемъ, и гоненіе папы на Конрадина, возмущали весь Западъ. Имперія продолжала быть безъ главы. Пользуясь этимъ анархическимъ состояніемъ, Урбанъ IV сдѣлался настоящимъ средоточіемъ западной политики. Вліяніе папы на Людовика IX подчинило его волѣ всѣ дѣйствія французскаго короля. Карлъ графъ прованскій, братъ Людовика святаго, князь предпріимчивый и властолюбивый, сдѣлался главнымъ орудіемъ Урбана. Вельфы пріобрѣли въ Карлѣ сильную опору.

Въ исторіи западной Церкви, Урбанъ IV оставилъ по себѣ память установленіемъ праздника тѣла Господня (corpus Domini). Онъ смягчилъ также духовные приговоры, тяготѣвшіе на цѣлыхъ государствахъ, и отлучавшіе отъ Церкви цѣлые народы. Тѣмъ областямъ, городамъ и государствамъ, гдѣ за грѣхи не многихъ лежали общія духовныя запрещенія, Урбанъ IV дозволилъ совершать литургію съ закрытыми вратами, и съ отстраненіемъ отлученныхъ лицъ. Эта снисходительность не доказываетъ однако въ Урбанѣ IV ни кроткаго духа, ни любви къ его паствѣ.

Всеобщее негодованіе западныхъ христіанъ, грозившее отпаденіемъ отъ папы, заставило образумиться Урбана IV. Вотъ слова знаменитаго Муратоpія: «Убѣдившись наконецъ, что гроза духовныхъ запрещеній, въ это время столь не рѣдкихъ, обратилась во вредъ святой религіи тѣмъ, что ослабила вѣру даже и въ добрыхъ сынахъ ея, онъ смягчилъ строгость этого обычая, неизвѣстнаго въ теченіи столькихъ вѣковъ для Церкви и введеннаго единственно съ цѣлію наказывать злыхъ,—смягчилъ его тѣмъ, что дозволилъ

Digitized by Google

отлученнымъ совершать литургію и причащеніе Св. Таинъ съ затворенными вратами» (*).

Полагая себя истиннымъ, законнымъ государемъ королевства Сициліи и Апуліи, Урбанъ IV уступалъ его за деньги и подъ условіемъ разнымъ лицамъ. Сперва онъ обратился къ Людовику IX, и съ уговоромъ признать папу верховнымъ государемъ, предложилъ одному изъ сыновей Людовика быть сицилійскимъ королемъ. Но король французскій, изъ уваженія къ правамъ Конрадина, котораго онъ считалъ законнымъ государемъ Сициліи, отбросилъ предложеніе папы. Наконецъ Урбанъ IV заключилъ сдѣлку съ Карломъ прованскимъ, по которой корона сицилійская поступила брату Людовика IX.

Однако Урбанъ не успѣлъ насладиться зрѣлищемъ паденія Манфредія. Смерть похитила его въ октябрѣ 1264 года, и на его мѣсто возшелъ Климентій IV, епископъ *Сабины*, родомъ изъ Провенціи. Въ это же время скончался въ Италіи и другой витязь партіи Вельфовъ, знаменитый Аццо VII, маркграфъ эстенскій. Мураторій изображаетъ его слѣдующимъ образомъ: «Князь достопамятный своимъ великимъ благочестіемъ, кротостію и другими добродѣтелями, усердный поборникъ партіи Церкви, постоянно сопротивлявшійся всѣмъ усиліямъ императора Фридриха II, Эччелино и другихъ враговъ своихъ» (**).

По кончинѣ доблестнаго Аццо, Феррара поступила подъ управленіе племянника его Обиццо.

Недолго спустя по возшествіи новаго папы, утвердившаго вполнѣ договоръ предшественника своего съ братомъ Людовика IX, касательно Сициліи, Карлъ открылъ походъ противъ *Манфредія*.

(*) «E perciochè egli finalmente si avvide, che il fulmine degli interdetti, sì allora frequenti, volgeva in danno della santa religione, e raffreddava anche i buoni nel culto di Dio, temperò il rigor di quel rito, incognito per tanti secoli alla chiesa, e introdotto solamente per castigare popoli cattivi, e non già popoli *inuniti, con permettere a porte chiuse, ed esclusi gli scommunicati, l'uso delle messe e dei sacramenti.*» Annali d'Italia, подъ 1264 годомъ.

(**) Principe di gloriosa memoria per l'insigne sua pietà, per la sua clemenza, e per altre virtù, costantissimo sempre nel partito della chiesa, contro tutti gli sforzi di Frederigo II-do augusto, di *Eccelino*, e di altri suoi nemici.

Digitized by Google

Тогда Италія узрѣла снова общую борьбу между обѣими партіями, ее раздиравшими. Съ одной стороны стали *Вельфы*, подъ начальствомъ Карла, съ другой *Гибеллины*, подъ хоругвію Манфредія. Климентій IV возобновилъ прежніе переговоры, отлучавшіе Манфредія отъ Церкви, приказалъ всѣмъ воинамъ, сражавшимся за Церковь, называться *Крестоносными*, и отпустилъ грѣхи всѣмъ врагамъ Манфредія. Вслѣдствіе этой пагубной снисходительности вся Италія содрогнулась отъ неистовствъ, чинимыхъ *Вельфами*, и Муратopій, описывая событія 1265 года, говоритъ: «I Guelfi commisero dapertutto le enormità, che si possono «immaginar, senza ricordarsi d'essere Cristiani e Crociati.»

По прибытіи своемъ въ *Римъ*, Карлъ вѣнчался на престолъ Сицилійскій, и папа Климентій IV, пребывавшій въ Витербѣ, назначилъ пять кардиналовъ для совершенія коронаціи.

Этотъ торжественный обрядъ былъ исполненъ въ день Епифоніи 1266 года, среди *Базилики* ватиканской.

Карлъ при полученіи короны клялся быть вассаломъ Церкви. «Prestò il Re Carlo il giuramento ed il liggio omaggio alla «Chiesa Romana pel Regno di Sicilia, di là e di quà del Faro, «di cui fu investito dal papa».

Спустя нѣсколько дней послѣ вѣнчанія, Карлъ выступилъ въ походъ. *Рикордъ*, кардиналъ и легатъ папы, сопровождалъ короля, съ порученіемъ возбуждать подданныхъ Манфредія къ бунту противъ ихъ государя. Манфредій, съ своей стороны, собралъ парламентъ изъ бароновъ и вассаловъ королевства; изобразилъ имъ свое положеніе, просилъ ихъ содѣйствія, и обѣщалъ имъ стоять храбро за свободу государства. Съѣхавшіеся на парламентъ бояре и дворяне, обѣщали Манфредію быть ему сподвижниками, но когда дѣло дошло до настоящаго самоотверженія, то каждый изъ клявшихся въ вѣрности вспомнилъ только о себѣ, и измѣны превзошли всѣ ожиданія. Приводимъ слова Муратopія: «На словахъ расточали ему лестныя обѣщанія, но въ сердцахъ ихъ уже кипѣли иныя страсти, и каждый помышлялъ только о собственныхъ интересахъ и выгодахъ и проч.» (*)

(*) Delle belle parole e promesse n'ebbe quante ne volle, ma negli animi loro già bollivanno altri desiderii, e ognuno pensava ai proprii interessi e vantaggi etc.

Digitized by Google

Довѣрчивый Манфредій, опираясь на обѣщаніе парламента, собралъ войско, и ожидая подкрѣпленій изъ Сициліи, Апуліи, Тосканы, расположился станомъ на границахъ своихъ владѣній, около Санъ-*Жермано*. На берегахъ рѣки *Гарильяна*, сталъ одинъ изъ лучшихъ его стратиговъ, извѣстный Конте ди *Казерта*, (Conte di Caserta); но этому воину суждено было первому подать примѣръ измѣны. Войска Карла, переправясь чрезъ рѣку, заняли всю страну, лежавшую въ тылу *Манфредія*, и несчастный сынъ великаго Фридриха II нашелся вынужденъ отступить къ *Беневенту*.

Смущенный при зрѣлищѣ столькихъ измѣнъ, онъ прибѣгнулъ къ мирнымъ предложеніямъ, но непреклонный Карлъ отвѣчалъ посланнику его: «Скажи султану ночерскому, что съ нимъ не хочу я ни мира, ни перемирія, и что скоро либо я пошлю его въ адъ, либо онъ меня въ рай» (*). Онъ называлъ Манфредія султаномъ, ибо въ его войскѣ служили Сарацины.

Вслѣдствіе столь рѣшительнаго отказа на предложенныя имъ условія, Манфредій увидѣлъ, что съ Карломъ оставалось только раздѣлаться на полѣ брани. Буйные Сарацины, служившіе въ его войскѣ, храбрые Германцы, желавшіе доказать на дѣлѣ преданность свою къ *Гогенштауфенамъ*, потребовали битвы. Она совершилась 26 февраля 1266 года, и тамъ, гдѣ сыны Германіи и Аравіи сразились съ Французами, побѣда досталась Карлу очень дорого; но измѣна неаполитанскаго дворянства рѣшила споръ въ пользу Французовъ. Увидѣвъ себя потереннымъ, храбрый Манфредій бросился среди непріятеля, и погибъ пронзенный нѣсколькими ударами. Сначала не знали, куда онъ скрылся. Но неизвѣстный солдатъ, найдя его тѣло на полѣ сраженія, взвалилъ останки этого знаменитаго витязя на *осла*, и сталъ возить ихъ по лагерю. «Trovallo un ribaldo, говоритъ Муратерій, e postolo atraverso «sopra' un asino l'andava mostrando pel campo».

Карлъ созвалъ тогда всѣхъ измѣнниковъ, столь постыдно покинувшихъ своего доблестнаго государя, и получивъ отъ нихъ увѣреніе, что это точно Манфредій, приказалъ предать его землѣ.

(*) Dite al Sultano di Nocera, ch'io con lui non voglio ne pace, ne tregua, e che in breve, o io manderò lui all' inferno, o egli me in paradiso.

Digitized by Google

Манфредій, какъ отлученникъ, не удостоился получить христіанскаго погребенія. Его тѣло зарыли въ яму около Беневентскаго моста, но воины обѣихъ сторонъ, изъ уваженія къ блистательному мужеству покойнаго, и въ память его великихъ подвиговъ, воздвигли надъ нимъ памятникъ, покрывшій стыдомъ побѣдителя его Карла и папу Клементія IV. Съ чувствомъ умиленія въ душѣ, каждый воинъ, Французъ или Германецъ, Сарацинъ, или Италіянецъ, явился на могилу Манфредія съ камнемъ въ рукѣ. Эти камни, почтительно сложенные вмѣстѣ надъ прахомъ убіеннаго, образовали холмъ. «Такъ какъ онъ умеръ отлученнымъ отъ Церкви, то Карлъ велѣлъ похоронить его не далеко отъ Беневентскаго моста, въ простой ямѣ, въ которую каждый солдатъ на память броситъ по камню» (*).

XXXII.

ПОКОРЕНІЕ КАРЛОМЪ НЕАПОЛЯ. ПОРАЖЕНІЕ И МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ КОНРАДИНА.

Смерть Манфредія открыла Карлу врата Неаполя. Сицилія и Апулія покорились его власти. Но вскорѣ узнали жители этой стороны, чего стоитъ измѣнять хорошему государю для пріобрѣтенія себѣ лучшаго.

Народы Южной Италіи думали, что съ прибытіемъ Французовъ и при новомъ правительствѣ, возвратится для нихъ златый вѣкъ (**), полагали, что уничтожатся всѣ пошлины и налоги, но увидѣли противное. Войска, пришедшія съ Карломъ, предавались грабительству и всякаго рода безпорядкамъ, самъ Карлъ, при чрезмѣрномъ сребролюбіи своемъ, оказывалъ себя взыскательнымъ до крайности относительно сбора податей. Отеческое правленіе Манфредія замѣнилось притѣснительнымъ самоуправствомъ пришедшихъ изъ Франціи мытарей.

(*) Perchiochè era morto scommunicato, Carlo ordinò che fosse sepellito presso il ponte di Benevento in una *vil fossa*, sopra cui ogni soldato per *memoria* gettò una pietra. *Muratori.*

(**) S'erano figurati i popoli di quelle contrade, che colla venuta dei Francesi, tornerebbe il secol d'oro.—Муратори.

Digitized by Google

Тогда многіе изъ измѣнниковъ, предавшихъ доблестнаго Манфредія, возопили, проклиная свое прежнее заблужденіе, но уже было поздно.

Побѣды Карла отозвались и союзникамъ Манфредія, Гибеллинамъ Сѣверной Италіи. Партія Вельфовъ восторжествовала во всѣхъ городахъ, гдѣ прежде Гибеллины имѣли верхъ. Даже самые Пизане, столь искренно любившіе Манфредія, прибѣгнули къ папѣ съ повинною, и просили его снять съ ихъ общины тяготѣвшее на ней отлученіе. Клементій IV-й взыскалъ съ Пизанъ тридцать тысячъ лиръ, и примирилъ ихъ снова съ Церковію. Карлъ, назначенный отъ папы *викаріемъ* имперіи въ Тосканѣ, вступилъ въ эту прекрасную часть Италіи съ войсками, и опираясь на *Вельфовъ*, довелъ ихъ противниковъ до крайности. Гибеллинамъ оставалась только одна надежда. Они ожидали спасенія отъ *Конрадина*, сына императора Конрада.

Къ нему обратились съ просьбою придти въ Италію города Тосканы и Ломбардіи, и всѣ почитатели памяти Фридриха и Манфредія въ Сициліи и Апуліи, изъявили готовность покол[illegible]ть желѣзное иго, на нихъ лежавшее.

Этотъ приманчивый зовъ, этотъ обманчивый восторгъ легкомысленныхъ Неаполитанцевъ, привлекъ несчастнаго Конрадина въ Италію. Онъ сошелъ туда съ *Альпъ*, сопровожденный сильнымъ ополченіемъ, и погибъ также, какъ и Манфредій, жертвою измѣны. Нѣжная мать Конрадина, какъ будто бы предчувствовавъ злополучный конецъ этого похода, старалась удержать сына своего въ Германіи. Но ея просьбы остались безъ вниманія.

Влекомый непреоборимой судьбой своею, Конрадинъ послушался четырехъ измѣнниковъ, двухъ братьевъ *Ланчіа* и двухъ братьевъ *Капече*, неблагодарныхъ Карлу, и августѣйшая глава его, вмѣсто короны, получила вѣнецъ мученическій.

Въ началѣ 1268 года, двинулся Конрадинъ изъ *Вероны*, и отправился чрезъ Павію къ Пизанамъ. Одни только эти три города, *Пиза*, *Павія* и *Верона*, были ему преданы. Въ нихъ однихъ партія Гибеллинъ считалась сильнѣйшею. Юный Фридрихъ, герцогъ австрійскій и штаерскій, предводительствовалъ конницею Конрадина. Въ ту пору Фридрихъ былъ самъ бездомцемъ. Его владѣнія повиновались Оттокару, чешскому королю.

Digitized by Google

Сначала судьба улыбнулась Конрадину. Онъ одержалъ верхъ надъ союзниками Карла въ Тосканѣ. Сама *Апулія*, хотя и подъ очами у Карла, начала шевелиться въ его пользу.

Карлъ прибѣгнулъ къ строгимъ мѣрамъ, чтобы удержать въ покорности своихъ непостоянныхъ подданныхъ, у которыхъ любовь къ новому была застарѣлою болѣзнію. Мураторій, говоря о королевствѣ обѣихъ Сицилій, выражается въ слѣдующихъ словахъ: «Непостоянство и перемѣнчивость этого народа были застарѣлою болѣзнію, пробуждавшеюся и каждый разъ, когда представлялся случай увлечься какой-нибудь новизною». (*)

Въ особенности устрашили Карла Сарацины, поселенные въ Апуліи Фридрихомъ II-мъ, и искренно преданные его потомству.

Согласно со всѣми предыдущими случаями, и соображаясь съ правилами политики римской каѳедры, Климентій IV разразилъ гнѣвъ свой на Конрадина и предалъ его *анаѳемѣ*. Но отлученный юноша, не страшась приговора папы, прибылъ въ Римъ, и былъ тамъ принятъ съ восторгомъ всѣми Гибеллинами. Пиза отправила свои галеры на помощь Конрадину, и эти галеры нанесли пораженіе Карлову флоту. За этой побѣдою Сицилія возстала противъ Французовъ. Вскорѣ войско Конрадина возросло до такой степени, что многіе предсказывали уже гибель Карлу, и поздравляли Конрада съ сицилійской короною.

Ослѣпленные, они не отгадывали истины и не предчувствовали, что скоро настанетъ для Конрадина роковой часъ!

Августа 23, 1268, совершилось пораженіе Конрадина, недалеко отъ озера *Фучина*, на равнинѣ *Санъ-Валентино*.

Карлъ, побѣжденный въ началѣ битвы, умѣлъ съ сбереженнымъ отрядомъ напасть на Конрадина, въ то время, какъ этотъ юноша и войско его, отдыхали нерадиво послѣ побѣды. Застигнутые въ расплохъ Карломъ, Гибеллины разбѣжались, и съ ними скрылся и несчастный Конрадинъ съ Фридрихомъ австрійскимъ.

Послѣ труднаго странствованія сквозь Кампанію, Конрадинъ и товарищъ его достигли *Астуры*, замка лежащаго въ Маремме.

(*) L'incostanza e la volubil pede di quella gente è una febbre vecchia, che si risveglia sempre ad ogni occasione di novità. Annali d'Italia. T. II. стр. 399.

Digitized by Google

Тутъ были они преданы Якопомъ или Іоанномъ *Франжипани*, владѣльцемъ этого замка. Карлъ заточилъ сперва Конрадина въ темницу, а потомъ предалъ его на судъ большой думѣ (gran parlamento), на которую были созваны бояре, дворяне, городскіе выборные и правовѣды, т. е. baroni, sindaci delle città, e giureconsulti. Исторія разсказываетъ, что лучшая часть думы, а именно правовѣды и французское рыцарство, признали Конрадина невиннымъ, изъ уваженія къ родовымъ его правамъ на сицилійскій престолъ, но предатели, люди робкіе и искатели фортуны, стали за Карла, и вмѣстѣ съ этимъ алчнымъ и кровожаднымъ завоевателемъ, приговорили Конрадина и Фридриха австрійскаго къ смертной казни.

Октября 29-го Конрадинъ, съ его товарищами, былъ выведенъ на торговую площадь (piazza del mercato) въ Неаполѣ, и при всеобщемъ воплѣ и смятеніи народа, возведенъ на устроенные подмостки. Тутъ ему прочли приговоръ, осуждавшій его на смерть, и палачъ отрубилъ ему главу. За Конрадиномъ легли на плаху юный Фридрихъ и графъ Герардъ да-Донаратико (conte Gerarde da Donoratico di Pila). Съ Конрадиномъ пресѣкся родъ *свевскихъ* императоровъ, а въ Фридрихѣ погасло племя старѣйшихъ герцоговъ австрійскихъ.

Славный историкъ Муратори въ негодованіи своемъ восклицаетъ: «Этою жестокостію король Карлъ заслужилъ себѣ вѣчное безславіе какъ отъ современниковъ, такъ и потомковъ, и даже отъ собственныхъ своихъ подданныхъ Французовъ» (*).

XXXIII.

СМЕРТЬ ЛЮДОВИКА IX ВЪ АФРИКѢ. ПАПА ГРИГОРІЙ X. ОТНОШЕНІЕ ЕГО КЪ КАРЛУ ИМП. РУДОЛФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

Между тѣмъ какъ Карлъ торжествовалъ въ Апуліи, и великолѣпно вступалъ въ столицу свою Неаполь, братъ его Людовикъ IX-й, король французскій, погибалъ въ Африкѣ отъ болѣзни. Въ исполненіе даннаго имъ обѣщанія, святый Людовикъ отправился

(*) Un infamia universale si acquistò il Re Carlo presso tutti gli allora viventi, e anche presso i posteri, e fino presso i suoi stessi Francesi, per questa sua crudeltà.

Digitized by Google

противъ невѣрныхъ въ 1270 году. Его сопровождалъ папскій легатъ, и многочисленное воинство слѣдовало за его хоругвію. Въ ожиданіи брата своего Карла, обѣщавшаго придти къ нему на помощь, и въ надеждѣ на признанныя чувства тунисскаго бея, обольщавшаго Людовика IX самыми ласковыми грамотами, король французскій приталъ къ африканскимъ берегамъ въ Тунисѣ. Но какъ горько довелось королю разочароваться, когда онъ увидѣлъ въ беѣ явнаго врага, а въ братѣ своемъ равнодушнаго союзника, не думавшаго болѣе идти къ нему на помощь! Людовикъ IX-й, укрѣпившись въ развалинахъ *Карѳагена*, рѣшился ожидать брата, но Карлъ не являлся. Между тѣмъ повальныя болѣзни открылись во французскомъ лагерѣ, и цвѣтъ французскаго рыцарства погибъ отъ заразы. Іоаннъ графъ *Неверскій*, сынъ *Людовика*, и кардиналъ легатъ пали жертвою смертоноснаго недуга. Наконецъ занемогъ и самъ король. Страданія тѣла не ослабили души этого набожнаго государя, и 25 августа 1270, онъ скончался среди общей печали. Крестоносное воинство было въ отчаяніи.

Оставшіеся еще въ живыхъ воины ожидали смерти съ часу на часъ. Наконецъ предталъ Карлъ со флотомъ и осадилъ Тунисъ. Три мѣсяца продолжалась осада. Бей, видѣвъ себя потерянным, приступилъ къ мирнымъ переговорамъ. Карлъ снизошелъ на его просьбу, и миръ былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1, бей обязался заплатить крестоносцамъ 150,000 унцъ золота; 2, обѣщался освободить христіанъ, находившихся у него въ неволѣ; 3, допустилъ въ своихъ владѣніяхъ отправленіе и проповѣдываніе христіанской вѣры; 4, принялъ обязанность вносить ежегодно Карлу 40,000 скудій въ видѣ дани.

Вслѣдствіе этого договора Крестоносцы и Сицилійяне удалились отъ береговъ африканскихъ. Французы провозгласили королемъ своимъ *Филиппа*, старшаго сына Людовика IX-го. Карлъ былъ предметомъ общей ненависти. Его обвиняли въ умышленномъ бездѣйствіи, въ предательствѣ, и говорили гласно, что онъ вовлекъ брата своего въ этотъ походъ, дабы извлечь изъ него личную пользу. Но никогда еще не выказывалась съ такой мрачной стороны алчная душа короля сицилійскаго, какъ послѣ бури, разбившей крестоносный флотъ около *Трапанц*. Безъ состраданія

Digitized by Google

къ потерпѣвшимъ, Карлъ присвоилъ себѣ всѣ остатки кораблекрушеній, спасенные стараніемъ людей, или выброшенные моремъ на берегъ. Онъ нехотѣлъ внять ни воплю несчастныхъ, просившихъ о возвращеніи имъ послѣдняго ихъ имущества, ни ходатайству союзниковъ, потерпѣвшихъ въ Африкѣ за его дѣло. Опираясь на законъ короля *Вильгельма Злаго* (Guglielmo il cattivo), и на существовавшій въ то время обычай, пользоваться остатками кораблекрушеній, ненасытный Карлъ нашелъ еще средство обогатиться. Выписываемъ здѣсь слова Муратория: « Commise il Re « Carlo in sì funesta congiuntura un azione delle più nere; impercio « chè di tutto quello che si potè salvare e ricuperare dal naufra- « gio, egli si fece padrone, allegando un impia legge del Re « Guglielmo, e una lunga sua infame consuetudine, che tutte le « robe dei naufraganti erano del fisco Nel tribunale di quel avido « Principe, riuscì inutile ogni ragione e doglianza».

Том: II стр: 420. An; d'Itulia.

Смерти Людовика IX предшествовала, почти двумя годами, кончина папы Клементія IV-го. Кардиналы собрались въ Витербѣ для избранія ему преемника, но взаимная ихъ зависть и коварство были причиною долгихъ несогласій. Западная Церковь вдовствовала три года, наконецъ конклавъ поручилъ шести кардиналамъ избрать папу, и назначенные избиратели, дабы не дать повода къ новымъ неудовольствіямъ и соблазнамъ, отъ которыхъ смущался весь западный міръ, возвели на римскую каѳедру лице совершенно постороннее, не имѣвшее кардинальскаго достоинства, и пребывавшее уже давно внѣ Италіи. Они возложили *тіару* на главу Тебальдо *Висконтія архидіакона*, находившагося въ Сиріи, и извѣстнаго своимъ усердіемъ къ благу христіанъ.

Къ великой радости всѣхъ жителей Сиріи и Палестины, новоизбранный папа принялъ возложенный на него *санъ*. Подъ именемъ *Григорія* X-го воспелъ онъ на римскую каѳедру, и немедленно по прибытіи въ Италію, обнаружилъ желаніе быть успокоителемъ, а не возмутителемъ міра.

Григорій X-й предназначилъ себѣ три важныхъ труда. Первою его заботою было уничтожить убѣжденіемъ и силою слова по-

Digitized by Google

литическія партіи, терзавшія Италію; второю вывесть Германію изъ *анархіи* посредствомъ избранія императора; третьею соединить Восточную и Западную Церковь вмѣстѣ, дабы христіанство составляло одинъ общій міръ. Папа успѣлъ только достигнуть втораго предмета. Хотя увѣщанія его *Вельфамъ* и Гибеллинамъ были самыя отеческія, но никто изъ Вельфовъ не внималъ имъ, ибо сицилійскій король, глава этой партіи по всей Италіи, умѣлъ противудѣйствовать внушеніямъ Григорія. Желая посредствомъ *Вельфовъ* достигнуть владычества въ цѣлой Италіи, Карлъ разрушалъ всѣ благія дѣйствія Григоріевой политики.

Въ 1273 году, послѣ двадцатитрехъ-лѣтней анархіи, Западная имперія узрѣла наконецъ главу, въ особѣ *Рудольфа габсбургскаго* графа, владѣтеля многихъ замковъ въ *Эльзаціи* и другихъ частяхъ Германіи. Въ этотъ же самый годъ, Григорій X-й, будучи во Флоренціи, старался примирить между собою Вельфовъ съ *Гибеллинами*. Убѣжденные его краснорѣчіемъ Флорентинцы, условились 2 іюля, жить между собою въ мирѣ. Но Карлъ приказалъ своему военачальнику въ Тосканѣ не внимать этому міру, и *Гебеллины* въ отчаяньи прибѣгнули съ жалобами къ доброму Григорію. Разгнѣванный папа оставилъ Флоренцію. Но Карлъ не обратилъ вниманія на его гнѣвъ. Король сицилійскій занималъ столь важное мѣсто въ Италіи, что *Миланъ*, *Болонія*, *Піемонтъ*, *Тоскана*, находились подъ его исключительнымъ вліяніемъ. Онъ затѣялъ даже завоевать *Геную*. Но эта община умѣла защитить свою свободу.

Генуя и Павія, Вильгельмъ монферратскій, и *Альфонсъ* король кастильскій, заключили между собою союзъ противъ Карла, и удержали свободу Сѣверной Италіи. Но папа изъ страха къ Карлу не одобрилъ этого союза.

Григорій, хотя и не любилъ короля сицилійскаго, но слушалъ его совѣтовъ. По требованію Карла, Вильгельмъ монферратскій, Генуя и Павія были отлучены отъ Церкви. Это отлученіе удивило Италію, и позднѣйшіе историки, говоря о немъ, приписываютъ опредѣленіе папы несчастному его ослѣпленію: « Ma è ben da « stupire, говор. Мураторій, come Gregorio X^mo per cagion di « questa lega fulminasse la scommunica contra di quei popoli, e

Digitized by Google

« contra del Marchese, quasi che fosse un delitto il diffendersi « dalla prepotenza del Re Carlo, nè fosse più lecito ai Principi « colle Città libere d'Italia, il far delle leghe. Gran polso che « doveva aver nella corte ponteficia il Re Carlo, per cui impulso « possiam credere emanate queste censure».

Итакъ, не смотря на умѣренность своего характера и на благія цѣли, къ которымъ онъ стремился, Григорій X-й, по примѣру своихъ предшественниковъ, и по судьбамъ предначертаннымъ для Италіи, былъ, какъ папа, не примиритель, но возмутитель Италійскаго полуострова. Не къ успокоенію партій послужила духовная власть Григорія, но къ порожденію новыхъ соблазновъ.

XXXIV.

ЛІОНСКІЙ СОВОРЪ.

Посмотримъ, до какой степени удалось Григорію достигнуть третьяго предмета, къ которому онъ стремился, и увѣнчались-ли его труды въ пользу соединенія Церквей. Въ 1274 году сошелся въ *Ліонѣ* соборъ, на которомъ присутствовали около пяти сотъ епископовъ, семьдесятъ игумновъ и до тысячи другихъ духовныхъ лицъ. На этомъ соборѣ засѣдали также полномочные императора Михаила Палеолога, и сближеніе между Востокомъ и Западомъ было предметомъ переговоровъ. Но что породили эти совѣщанія? какая причина побудила Палеолога ходатайствовать у папы о соединеніи Церквей? и какой плодъ собрала всемірная Церковь отъ этого собора? На означенные вопросы исторія отвѣчаетъ ясно.

Переводимъ здѣсь слова западныхъ историковъ. Михаилъ Палеологъ, страшась крестоваго похода, проповѣданнаго противъ невѣрныхъ Григоріемъ X-мъ, и опасаясь честолюбія Карла сицилійскаго, располагавшаго значительными силами, искалъ ходатайствомъ своимъ о соединеніи Церквей заслужить благоволеніе Запада. Въ Ліонѣ было много разсуждаемо о Церкви, но еще болѣе о Сиріи, Палестинѣ, и о завоеваніяхъ на Востокѣ. Папа, живній долго въ восточныхъ странахъ, мечталъ непрестанно о сокрушеніи *Ислама*, и о возвращеніи подъ власть Римской Церкви всѣхъ мѣстъ, завоеванныхъ нѣкогда Крестоносцами, и потерянныхъ впослѣдствіи Христіанами.

Digitized by Google

Ліонскій соборъ имѣетъ болѣе права называться политическимъ конгрессомъ, нежели духовнымъ соборомъ, ибо всѣ важные предметы международной политики входили въ кругъ его совѣщаній. Рудольфъ Габсбургскій былъ на соборѣ утвержденъ папою въ санѣ императора, и въ возмездіе за это утвержденіе онъ укрѣпилъ за папою всѣ владѣнія, поименованныя въ дипломахъ *Людовика Благочестиваго*, *Отона* I, *Генриха* I и *Фридриха* II. Императоръ обязался также не безпокоить Карла сицилійскаго, и не обнаруживать правъ на его корону. Альфонсъ, король кастильскій, обратилъ на себя особенное вниманіе папы, но всѣ усилія Григорія не могли примирить Альфонса съ Карломъ. Однако папѣ удалось уговорить Альфонса отказаться отъ императорской короны. Король кастильскій, почитавшій себя главою имперіи и королемъ *Римлянъ*, уступилъ права свои Рудольфу Габсбургскому. Исторія повѣствуетъ, что Григорій былъ вынужденъ прибѣгнуть къ угрозамъ. Опасаясь отлученія, Альфонсъ, дотолѣ упорный, согласился наконецъ на требованіе папы.

Но касательно Церкви, кромѣ нѣкоторыхъ пунктовъ, относящихся болѣе до *дисциплины*, нежели до части догматической, на соборѣ Ліонскомъ не было соглашено ничего важнаго, и главныя разногласія, существовавшія, и до сихъ поръ существующія между обѣими Церквами, не получили разрѣшенія. Ліонскій соборъ оставилъ по себѣ одинъ только результатъ въ исторіи Церкви. Онъ увеличилъ ожесточеніе Грековъ противъ Латинъ, и опредѣленія его были отвергнуты востокомъ. Этотъ соборъ послужилъ также Карлу сицилійскому случаемъ увеличить число преступленій, тяготѣвшихъ уже на его совѣсти. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ мужей Италіи, ученый и краснорѣчивый богословъ *Ѳома Аквинскій*, (Tomaso dei conti di Aquino) сдѣлался, по словамъ *Данта*, жертвою Карла. Призванный папою на Ліонскій соборъ, Ѳома отправился туда изъ Неаполя, гдѣ преподавалъ Богословію. Но болѣзнь, развившаяся въ немъ вслѣдствіе даннаго ему *яда*, прекратила его дни въ дорогѣ. Дантъ приписываетъ это отравленіе злобѣ и страху Карла, боявшагося извѣтовъ знаменитаго богослова, лишившагося двухъ братьевъ своихъ по приказанію короля сицилійскаго. *Данныя*, на которыхъ

Digitized by Google

высокій поэтъ Италіи основываетъ свое обвиненіе, не дошли до насъ. Но жизнь Карла указываетъ намъ достаточно, что отъ короля сицилійскаго можно было ожидать возможныхъ злодѣяній.

Дѣятельность Карла не ограничивалась одною Италіею. Его дальновидные замыслы, его безпредѣльное честолюбіе простирались гораздо далѣе. Онъ намѣревался завоевать восточную имперію, и пользуясь смутами, волновавшими Греческую Церковь, старался составить себѣ въ Византіи партію на образецъ Вельфовъ. Обстоятельства благопріятсвовали замысламъ Карла. Палеологъ имѣлъ много враговъ. Низложенный *Арсеній* былъ любимецъ Церкви и народа. Новый патріархъ *Іосифъ*, созданіе придворной партіи, почитался крамольникомъ. Ему попрекали въ глаза его поведеніемъ противъ Арсенія и Германоса, и говорили: «пастырь «подобный тебѣ не только не имѣетъ права снять съ кого-нибудь «отлученія, но самъ достоинъ быть отброшенъ отъ Церкви». Во главѣ партіи, противной Іосифу, стоялъ инокъ *Іакинѳъ*, мужъ отважный и краснорѣчивый, поддержанный *Марѳою*, сестрою императора.

Іосифъ употребилъ сперва кроткія мѣры для водворенія мира въ Церкви, но увидѣвъ упорность своихъ противниковъ, онъ рѣшился прибѣгнуть къ строгости. По его внушенію, императоръ приказалъ сажать непокорныхъ въ заточеніе, или ссылать въ отдаленныя мѣста. Но чѣмъ болѣе свѣтское правительство обнаруживало строгости, тѣмъ глубже вкоренялась ненависть къ Іосифу. Это общее неудовольствіе не останавливалось на одномъ патріархѣ; оно восходило выше, и самъ императоръ былъ предметомъ общаго ропота.

Палеологъ терялъ много отъ неумѣнья пользоваться Церковію, какъ орудіемъ управленія. Уваженіемъ къ самостоятельности и независимости Церкви онъ пріобрѣлъ бы себѣ въ духовенствѣ сильную опору; но играя судьбою высшаго сана въ церковной іерархіи, и раздѣливъ Церковь на двѣ партіи, на малую, придворную, составленную изъ однихъ честолюбцевъ, и на общую, народную, поглощавшую въ себя все черное и бѣлое духовенство

Digitized by Google

Православной Церкви, императоръ доводилъ себя до унизительной крайности — искать опоры внѣ своего народа, и до необходимости прибѣгать къ соображеніямъ, недостойнымъ его прежней славы.

Одно изъ самыхъ неудачныхъ его дѣйствій было ходатайство у Григорія X о соединеніи Церквей. Въ этомъ ходатайствѣ выказывается даже величайшая недобросовѣстность, ибо проницательный Палеологъ могъ заранѣе знать, что соединеніе Церквей было невозможно, что Востокъ отброситъ его, и что искать этого соединенія было не только мечтать о невозможномъ, но значило лгать предъ совѣстью.

Слабость, чувство уединенія среди подданныхъ, неуважавшихъ его болѣе, необходимость искать опоры противъ внѣшнихъ враговъ, заставили Палеолога прибѣгнуть къ этому ходатайству; но оно болѣе повредило императору, нежели доставило ему пользы.

Выписываемъ здѣсь мѣсто изъ пятой части, всеобщей исторіи *Роттека*, превосходно обрисовывающее положеніе Палеолога:

« Michael, der Stifter des lezten Byzantinischen Kaiser-
« hauses, bemühte sich eifrig die zersplitterten Theile des
« ehemaligen Reiches wieder zú einem Ganzen zú sammeln.
« Aber das Werk ging über seine Kräfte; und obschon im
« einzelnen viel gutes durch Klugheit und Muth bewirkte:
« der im allgemeinen fortschreitenden Auflösung vermochte
er nicht zü steuern. Sein verzweifelter Versüch, durch wieder
« Vereinigung der griechischen mit der römischen Kirche, das
« Abendland sich zü befreünden, vermehrte nur das *Uebel*, in-
« dem derselbe die Gemühter der fanatischen *Walkis* von ihm
« abwandte, und zü den Bedrängnissen der bürgerlichen Zwie-
« tracht, noch jene der religiösen gesellte. Auch fühlten
« jetzt, da der Thron wieder in Constantinopol stand, die ent-
« fernten *Asiatischen* Prowinzen eine für sie verderbliche
« Erschlaffung der Regierungsthätigkeit. Die gefährlichste
« Gränze, die türkische, ward entblöst».

Digitized by Google

XXXV.

ПОЛИТИКА МИХАИЛА ПАЛЕОЛОГА СЪ СОСѢДНИМИ ГОСУДАРСТВАМИ.

Хотя Палеологъ и забывалъ объ укрѣпленіи турецкой границы, но онъ заботился много объ охраненіи имперіи отъ внѣшнихъ враговъ.

Съ владѣтелями *Эпира* императоръ состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Племянникъ Палеолога *Андроникъ Тарханіотъ* имѣлъ за собою въ супружествѣ княжну эпирскую. На границахъ *словянскихъ* государствъ, *Сербіи*, *Болгаріи*, *Далмаціи*, стояли сильныя ополченія. Многочисленный флотъ, подъ начальствомъ *Наварха Филантропена*, охранялъ берега и острова имперіи. Военными силами предводительствовалъ *Іоаннъ* братъ императора, мужъ испытанный въ браняхъ.

Но къ сожалѣнію, имперія Греческая имѣла одного только подобнаго военачальника. Тамъ, гдѣ не проникалъ взоръ Іоанна, управленіе гражданское и военное шло неудачно. Особенно страдали области, находившіяся въ *Азіи*. Весь край, омываемый *Меандромъ*, нѣкогда цвѣтущій, лежалъ запущенный. Богатые монастыри, одно время разсадники людей знаменитыхъ въ духовенствѣ и въ наукѣ, распространители просвѣщенія и богатства, ободрители земледѣлія въ Малой-Азіи, стояли покинуты и служили убѣжищемъ для дикихъ звѣрей, или для воровъ. Отъ береговъ Синяго залива (Glaucus sinus), омывающаго приморье *Каріи*, до предѣловъ Виѳиніи, весь край былъ покрытъ развалинами. Имперія, простиравшаяся нѣкогда до Тигра, оканчивалась у Сангарія, и сообщенія съ *Ираклією*, или съ *Амастрою*, производились моремъ. Безъ пособія судовъ, доставлявшихъ этимъ городамъ средства къ защитѣ, они сдѣлались бы давно добычею Турокъ.

Михаилъ имѣлъ сына *Андроника*, опредѣленнаго быть ему преемникомъ. Опасаясь оставить престолъ юношѣ неопытному и неодаренному большими способностями, Михаилъ пожелалъ окружить его надежными союзниками. Венгерскій король Сте-

Digitized by Google

фанъ V показался ему самымъ вѣрнымъ пріятелемъ, и Палеологъ исходатайствовалъ дочь его *Анну* въ супруги для *Андроника*. Венгерская королевна прибыла въ Царь-градъ, и патріархъ Іосифъ совершилъ обрядъ бракосочетанія ея съ Андроникомъ, въ храмѣ св. *Софіи*. Въ слѣдующемъ 1272 году, новобрачные были вѣнчаны на престолъ, и Андроникъ получилъ титулъ императора Римлянъ. Онъ клялся быть покорнымъ волѣ отца своего, почитать Церковь и уважать права духовенства. Синодъ, съ своей стороны, грозилъ отлученіемъ тому, кто дерзнетъ не повиноваться Андронику.

Родство съ венгерскимъ государствомъ составляло, конечно, важное обезпеченіе для безопасности Андроника, но Венгрія лежала далеко отъ Воспора. Между монархіею Магіаръ и Царь-градомъ находилась цѣлая система государствъ славянскихъ, которые имѣли довольно важное въ то время значеніе.

Болгарія повиновалась Константину Тешу, Сербія имѣла своего владаря, принимавшаго титулъ короля *Далмаціи*, *Хорватіи*, *Діоклеи*, *Сербіи* и *Расціи*. Кралемъ сербскимъ былъ *Стефанъ Урошъ*, имѣвшій двухъ сыновей. Старшій сынъ Стефана назывался *Урошъ-Драгутинъ*, и былъ женатъ на венгерской королевнѣ. Младшій именовался *Урошъ-Милютинъ*. Палеологъ рѣшился привязать къ себѣ обоихъ государей славянскихъ узами родства. Болгарскій царь былъ вдовъ. Михаилъ предложилъ ему въ супруги племянницу свою Марію, дочь сестры его *Евлогіи*. Бракъ состоялся подъ условіемъ, что *Месемврія и Анхіолу*, два города, принадлежавшіе нѣкогда Болгарамъ, будутъ имъ возвращены. Но когда дошло дѣло до исполненія договора, то Михаилъ отозвался невозможностію его исполнить, по причинѣ ненависти, которую Греки, составлявшіе самую значительную часть населенія этихъ городовъ, питали къ Болгарамъ. Между тѣмъ онъ приказалъ предупредить Константина, что при малѣйшемъ его покушеніи завладѣть этими городами, зять императорскій, Татаринъ *Ногай*, вступитъ немедленно съ Ордой своею въ Болгарію, и разоритъ это государство. Дипломатическая хитрость Михаила удалась вполнѣ. Царь болгарскій не осмѣлился двинуться съ мѣста.

Digitized by Google

Съ Сербіею завязались также переговоры о заключеніи брачнаго союза. Палеологъ, полагая Драгутина больнымъ и неспособнымъ царствовать по смерти отца, предложилъ брату его въ супруги третью дочь свою *Анну*. Патріархъ Іосифъ, епископъ *Троянополиса*, и хартофилаксъ *Векк*ъ, провожали нарѣченную невѣсту до *Верси*. Приданое княжны Анны считалось однимъ изъ самыхъ богатыхъ. Но простота сербскихъ нравовъ была столь велика, что видъ этихъ сокровищъ не произвелъ другаго впечатлѣнія въ этомъ добродушномъ народѣ, кромѣ безотчетнаго удивленія. Краль жилъ въ самомъ простомъ домѣ. При зрѣлищѣ византійскихъ драгоцѣнностей, онъ спрашивалъ, на что онѣ, и къ чему служатъ. Когда патріархъ представилъ кралю, что кромѣ привезеннаго приданаго, находится еще много другихъ вещей въ пути, Стефанъ Урошъ воскликнулъ: «Не нужны намъ этѣ вещи; мы ихъ знать не хо«тимъ». Указавъ Грекамъ на супругу старшаго своего сына, сидѣвшую въ углу за пряжею, и одѣтую очень скромно, краль прибавилъ: «Вотъ чѣмъ занимаются, и какъ рядятся, наши жены».

Кралевскій столъ соотвѣтствовалъ простотѣ общаго образа жизни. Изумленные Греки продолжали путь до *Ахриды*, опасаясь дорогою быть добычею разбойниковъ. Но когда, по прибытіи въ этотъ городъ, они узнали, что Драгутинъ здоровъ и будетъ непремѣнно царствовать по смерти отца, то, ужасаясь оставить княжну Анну среди сербскихъ варваровъ, послы возвратились съ нею въ Царьградъ. Признательный Михаилъ благодарилъ ихъ искренно за избавленіе дочери отъ обязанности жить среди столь необразованнаго народа.

На Западѣ Византійской имперіи сіяло еще довольно яркимъ блескомъ *Эпирское* государство. Чувствовавъ необходимость жить въ союзѣ съ государемъ Эпира Никифоромъ, Палеологъ выдалъ за него племянницу свою, одну изъ дочерей Евлогіи. Никифоръ, довольный своей участію, соблюдалъ строгій миръ въ отношеніи къ Грекамъ. Но владѣтель Ѳессаліи, храбрый Іоаннъ, о которомъ мы уже говорили, и сосѣдъ его Іоаннъ де ла Рошъ (Jean de la Roche), князь ѳивскій и аѳинскій, безпокоили Палеолога. Воины отважные, они сражались удачно съ Греками, и разъ около *Димитріады* Палеологъ лишился цѣлой арміи, отъ руки

Digitized by Google

Іоанна Комнена, и отъ меча пяти-сотъ аѳинскихъ всадниковъ. Опасаясь союза между князьями ѳессалійскимъ и аѳинскимъ съ могучимъ Карломъ королемъ Сициліи, Палеологъ рѣшился противудѣйствовать этому союзу посредствомъ папы. Дабы сдѣлаться достойнымъ благосклонности Григорія X, онъ предложилъ переговоры о соединеніи Церквей, убѣжденъ будучи заранѣе въ невозможности этого соединенія, но въ надеждѣ, что вліяніе папы удержитъ Карла отъ похода на Востокъ.

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО КРИТИЧЕСКИХЪ ЗАМѢЧАНІЙ

ПО ПОВОДУ НОВѢЙШИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ О НАСЕЛЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.

Русское Географическое Общество возъимѣло прекрасную мысль: содѣйствовать успѣхамъ отечественной статистики разработкою основныхъ данныхъ по главнымъ отдѣламъ науки и изданіемъ статистическихъ монографій, по мѣрѣ изготовленія ихъ членами, въ видѣ Сборника, принявъ при этомъ за правило—ограничиваться въ изложеніи ближайшими, такъ сказать непосредственными выводами, не подчиняя ихъ какой-либо, напередъ составленной, системѣ. Первая книжка Сборника, вышедшая въ маѣ минувшаго года, какъ по занимательности содержанія, такъ и по обработкѣ статей, смѣло можетъ стать на ряду съ лучшими иностранными изданіями сего рода. Къ сожалѣнію, недостатокъ времени лишаетъ меня возможности представить русскимъ читателямъ подробный отчетъ въ содержаніи этой любопытной книги; между тѣмъ, желая и съ своей стороны принесть лепту въ сокровищницу науки, которой посвящены были первые годы ученой моей дѣятельности, я, по поводу помѣщенной въ Сборникѣ статьи г. Веселовскаго, подъ заглавіемъ: «Пространство и степень населенности европейской Россіи,» намѣренъ предложить нѣсколько замѣчаній объ этомъ предметѣ, въ недавнее время обратившемъ на себя вниманіе не только спеціалистовъ, но и всѣхъ друзей отечественной статистики.

Г. Веселовскій основалъ свои выводы на изысканіяхъ извѣстнаго нашего ученаго, академика П. И. Кеппена. И такъ скажемъ сна-

Digitized by Google

чала о достоинствѣ матеріаловъ, а потомъ разсмотримъ, какое употребленіе сдѣлалъ изъ нихъ авторъ.

Для выводовъ о степени населенности страны нужны двѣ посылки: величина пространства страны и итогъ народонаселенія. Кому не извѣстно, до какой степени разнятся показанія географовъ и статистиковъ касательно объема даже европейской Россіи, не говоря уже объ азіатской части имперіи, которая еще менѣе обслѣдована, и разница съ которою доходитъ до огромной цыфры—117,000 квадратныхъ миль! Только въ недавнее время опредѣленіе пространства Россіи утверждено на болѣе прочныхъ основаніяхъ, благодаря точнымъ вычисленіямъ, произведеннымъ, по порученію Академіи Наукъ, г. Швейцеромъ, на основаніи вышедшей въ 1840 г. спеціальной карты западной части Россійской имперіи. Вычисленія эти, обнимающія пространство 39 губерній (*), величиною въ 74,098 кв. миль, не оставляютъ ничего желать въ отношеніи къ ихъ точности. Къ этимъ вычисленіямъ г. Кеппенъ присоединилъ пространство остальныхъ губерній, руководствуясь результатами генеральнаго межеванія и другими источниками. Конечно, не всѣ между послѣдними данными достовѣрны, но такъ какъ мы не имѣемъ лучшихъ, то статистику остается пока довольствоваться опредѣленіемъ величины европейской Россіи, сдѣланнымъ г. академикомъ Кеппеномъ, которое во всякомъ случаѣ довольно близко къ истинѣ.

Кромѣ пространства, степень населенности страны условливается числомъ ея жителей. Первыя мѣры русскаго законодательства, давшія ученымъ возможность судить приблизительно о величинѣ народонаселенія въ нашемъ отечествѣ, относятся къ царствованію Петра Великаго, положившаго начало такъ называемымъ ревизіямъ, которыя сперва имѣли въ виду частную цѣль—опредѣленіе военныхъ и финансовыхъ средствъ государства, а потому обнимали только податныя сословія и притомъ одного мужескаго пола. Съ этою частною цѣлію русское правительство, по временамъ,

(*) Въ 37 ми губерніяхъ пространство изслѣдовано вполнѣ, а въ 2 хъ только отчасти.

Digitized by Google

соединило и другіе болѣе обширные виды. Такъ въ Высочайшемъ манифестѣ, обнародованномъ въ 16 день ноября 1781 года, по поводу предстоявшей четвертой ревизіи, повелѣвалось подвергать исчисленію всѣхъ подданныхъ имперіи, съ обозначеніемъ лѣтъ, пола и состоянія каждаго; а пятая ревизія, продолжавшаяся съ 1794 по 1796 годъ, замѣчательна по тщательности, съ которою она произведена.

Между тѣмъ, министерство Финансовъ, послѣ окончанія восьмой ревизіи, желая пополнить ея результаты свѣдѣніями о прочихъ сословіяхъ, не вошедшихъ въ перепись, обращалось къ тѣмъ высшимъ начальствамъ, въ вѣдомствѣ коихъ состоятъ сіи сословія, и по полученіи нужныхъ данныхъ, составило общую вѣдомость о населеніи обоего пола въ Россіи за 1836 годъ. Эта вѣдомость, напечанная въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (*), есть чрезвычайно важный статистическій документъ. При всемъ томъ однако же нельзя не замѣтить, что часть этой вѣдомости, относящаяся къ классамъ народа, изъятымъ отъ переписи, отличается меньшею точностію въ сравненіи съ данными, полученными путемъ ревизіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, бросимъ краткій взглядъ на способъ составленія матеріаловъ, которыми министерство Финансовъ должно было руководствоваться въ своихъ исчисленіяхъ. Вѣдомости о дворянахъ, какъ извѣстно, ведутся дворянскими депутатскими собраніями, а оттуда поступаютъ въ герольдію. Онѣ обнимаютъ только тѣхъ изъ отставныхъ и служащихъ дворянъ губерніи, которые внесены въ родословныя дворянскія книги; а такъ какъ наши законы не обязываютъ благородныхъ людей быть непремѣнно приписанными къ обществу, то многія изъ лицъ, пріобрѣтшихъ службою потомственное дворянство, не заботятся о внесеніи себя и своихъ семействъ въ родословную дворянскую книгу. Правда, съ 1844 года, правительственныя мѣста доставляютъ въ герольдію о служащихъ въ ихъ вѣдомствѣ потомственныхъ дворянахъ подробные списки, въ которыхъ обозначается, записаны ли лица сіи въ родословныя книги,

(*) Журн. М. В. Д. за 1837 годъ, N 7, стр. 77 и слѣд.

Digitized by Google

и если записаны, то по какой именно губерніи, и которые служатъ весьма хорошимъ дополнительнымъ средствомъ къ опредѣленію точнаго числа самаго высшаго сословія въ государствѣ. Но въ то время, когда составлялась сказанная вѣдомость, не было этого важнаго источника. Еще болѣе трудностей представляетъ приведеніе въ извѣстность многочисленнаго класса людей, называемыхъ разночинцами: не составляя особеннаго общества, подобно дворянству и горожанамъ, и не имѣя своихъ представителей, они подчинены, смотря по мѣсту ихъ жительства, единственно контролю городской и земской полиціи. Отъ того разница въ оффиціальныхъ показаніяхъ относительно величины этого класса достигаетъ огромныхъ цыфръ. По донесеніямъ епархіальныхъ начальствъ, которыми пользовался г. Корсаковъ, въ 1835 году, находилось въ имперіи 3,507,772 разночинцевъ обоего пола по одному Православному вѣроисповѣданію (*), между тѣмъ какъ изданныя министерствомъ Финансовъ свѣдѣнія, относящіяся къ 1836 году, ограничиваютъ число ихъ 138,656 душъ по всѣмъ вообще исповѣданіямъ (**). Эта ужасная разница отчасти можетъ быть объяснена сбивчивостію понятій о разночинцахъ, которыхъ истинное юридическое значеніе не всякому извѣстно и съ которыми не рѣдко смѣшиваются другія сословія. Здѣсь кстати замѣтить, что на основаніи формы, данной въ руководство приходскимъ священникамъ, при составленіи исповѣдныхъ книгъ всѣ безъ исключенія дворяне, какъ личные, такъ и потомственные, причисляются къ разночинцамъ; только для приказныхъ или статскихъ полагается особенная графа.

Указавъ на неточности, представляемыя даже лучшими изъ оффиціальныхъ источниковъ о народонаселеніи Россіи, мы не должны однако же преувеличивать ихъ важности, ибо число лицъ, къ которымъ неточности эти могутъ относиться, къ счастію, не значительно въ сравненіи съ общею массою жителей имперіи.

(*) См. Законы народонаселенія въ Россіи, во II томѣ матеріаловъ для Статистики Россійской Имперіи, стр. 216.

(**) ibid. стр. 218.

Digitized by Google

У насъ же, при настоящемъ положеніи статистики, какъ справедливо замѣчаетъ г. Кеппенъ, неумѣстно было бы доискиваться крайней точности, и пять процентовъ болѣе или менѣе до времени не заслуживаютъ вниманія; а потому всѣ друзья статистики должны быть признательны министерству Финансовъ за обнародованіе означенной вѣдомости, которая главнымъ образомъ основана на результатахъ переписи, и которой достовѣрность, въ отношеніи къ рѣшительному большинству народонаселенія, не подвержена сомнѣнію. Къ сожалѣнію, при продолжительности промежутковъ, отдѣляющихъ одну ревизію отъ другой, данныя, помѣщенныя въ этой вѣдомости, по необходимости должны устарѣть прежде, нежели представится возможность замѣнить ихъ другими, имѣющими такую же или высшую степень достовѣрности. Между тѣмъ, для статистика во всякое время не только любопытно, но и необходимо знать число жителей въ государствѣ; ибо состояніе всѣхъ элементовъ общественной жизни тогда только представится намъ въ истинномъ свѣтѣ, когда мы будемъ разсматривать ихъ сравнительно съ народонаселеніемъ. Отсюда стараніе ученыхъ удовлетворить настоятельнымъ нуждамъ науки сообщеніемъ новѣйшихъ свѣдѣній о величинѣ народонаселенія въ томъ или другомъ государствѣ, съ цѣлію дать по крайней мѣрѣ приблизительно вѣрное понятіе о современномъ состояніи этого важнаго вопроса въ области статистики. Между попытками этого рода, относящимися къ Россіи, особенно замѣчательны двѣ: одна изъ нихъ принадлежитъ академику П. Н. Кеппену, а другая чиновнику Статистическаго отдѣленія при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, г. А. К. Разсмотримъ сравнительное достоинство трудовъ обоихъ статистиковъ.

Въ первый разъ г. Кеппенъ предпринялъ изслѣдовать величину народонаселенія Россіи за 1838 годъ. Главнымъ руководствомъ ему служили перечневыя книги о числѣ душъ и податей, каждогодно поступающія изъ казенныхъ палатъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ. Но неутомимый изыскатель не оставилъ ихъ безъ тщательной повѣрки и безъ сравненія съ другими оффиціальными источниками, каковы напр. обозрѣніе питейныхъ сборовъ съ 1835 по 39 годъ и отчеты по вѣдомствамъ военному

Digitized by Google

и государственныхъ имуществъ, а также пользовался трудами частныхъ лицъ, занимавшихся на мѣстѣ изученіемъ той или другой части нашего обширнаго отечества. Въ новомъ изслѣдованіи своемъ, относящемся къ 1846 году, г. Кеппенъ принялъ въ основаніе прежнія свои исчисленія, присоединивъ къ нимъ за восемь лѣтъ 10% приращенія; ибо, судя по отчетамъ Св. Синода, между жителями Россіи, исповѣдующими Православную вѣру, ежегодный перевѣсъ родившихся надъ умершими составляетъ $1^{1}/_{8}$ процент. Касательно этой прибавки, мы не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, хотя и признаемъ трудъ его во всѣхъ другихъ отношеніяхъ заслуживающимъ полнаго и совершеннаго уваженія. Во-первыхъ, выводы, основанные на донесеніяхъ епархіальныхъ начальствъ, еще не даютъ точнаго понятія о дѣйствительныхъ перемѣнахъ въ составѣ народонаселенія губерній, по причинѣ поступленія значительнаго числа людей въ военную службу, о которыхъ свѣдѣнія не доставляются въ Синодъ. Во-вторыхъ, мѣра приращенія, принятая г. Кеппеномъ, будучи вѣрна въ отношеніи ко всей имперіи, не можетъ быть примѣнена ко всѣмъ отдѣльнымъ частямъ ея, представляющимъ въ этомъ отношеніи значительную разницу; ибо, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ губерній народонаселеніе каждогодно увеличивается двумя процентами и даже болѣе (*), въ другихъ оно оказываетъ несравненно меньшіе успѣхи и даже обнаруживаетъ наклоненіе къ уменьшенію (**). Отъ упущенія изъ виду этого обстоятельства самая большая разница между показаніями г. Кеппена и дѣйствительною прибылью народонаселенія, въ теченіе восьми лѣтъ, по нѣкоторымъ губерніямъ могла составить около 10 процентовъ. Конечно, предлагаемый нами способъ исчисленія значительно уве-

(*) Въ Херсонской губерніи ежегодный перевѣсъ родившихся надъ умершими, въ теченіи 10-ти-лѣтія, съ 1838 по 1847 годъ, равняется 21,178 душъ, что въ отношеніи къ числу жителей этой губерніи составляетъ около 3 проц.; еще значительнѣе успѣхи народонаселенія въ Землѣ Донскихъ Казаковъ ($3^{1}/_{10}$%), гдѣ въ теченіи 10 лѣтъ родилось 267,387 болѣе, нежели умерло.

(**) Въ С.-Петербургской губерніи родилось 292,225, а умерло 293,314 обоего пола.

Digitized by Google

личилъ бы трудность работы, и безъ того слишкомъ сложной и обширной; но все же онъ не невозможенъ, особенно для ученыхъ, имѣющихъ пребываніе въ столицѣ, гдѣ находятся на лицо всѣ оффиціальные статистическіе документы, относящіеся къ сему предмету. Для сравнительнаго изученія успѣховъ народонаселенія въ разныхъ мѣстахъ имперіи, весьма хорошими источниками служатъ отчеты Синода и вѣдомости объ иновѣрцахъ, поступающія въ департаментъ иностранныхъ исповѣданій; а зная законы о воинской повинности, дѣйствовавшіе въ послѣднее время, и число податныхъ душъ въ каждой губерніи, можно соотвѣтственно тому сдѣлать вычетъ изъ общаго итога ея жителей, ежели бы встрѣтилось затрудненіе въ полученіи положительныхъ свѣдѣній о томъ, сколько именно людей поступило въ рекруты изъ разныхъ мѣстъ Россіи со времени восьмой ревизіи.

Теперь обратимся къ вѣдомости г. А. К. Вѣдомость эта относится къ 1846 году, т. е. къ тому же времени, къ которому относятся изслѣдованія Кеппена; но данныя, заключающіяся въ ней, получены совершенно другимъ путемъ. Не прибѣгая къ критической оцѣнкѣ и сравненію источниковъ, составитель вѣдомости основалъ свои показанія на отчетахъ начальниковъ губерній, присоединивъ къ концу своего труда любопытные выводы касательно рождаемости, смертности и приращенія народа въ каждой губерніи, а также степени ея населенности и отношенія между числомъ живущихъ въ ней иновѣрцевъ и православныхъ. Выводы эти, сдѣланные съ цѣлію облегчить ученыхъ, занимающихся статистикою, и, безъ сомнѣнія, стоившіе не малыхъ трудовъ почтенному автору, свидѣтельствуютъ о благородной любви его къ наукѣ; при всемъ томъ, сравнивая вѣдомость А. К. съ данными академика Кеппена, мы не усомнимся отдать преимущество послѣднимъ, по слѣдующимъ причинамъ: г. А. К., какъ выше замѣчено, руководствовался исключительно отчетами губернаторовъ, обнимающими народонаселеніе одного гражданскаго вѣдомства, но не касающимися лицъ, имѣющихъ отношеніе къ военной службѣ; между тѣмъ какъ число жителей, принадлежащихъ къ военному вѣдомству, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ весьма значительно, такъ напр. въ Харьковской

Digitized by Google

губерніи въ настоящее время находится болѣе 200,000 военныхъ поселянъ обоего пола, что̀ составляетъ около $^1/_7$ части всего народонаселенія этой губерніи. Къ сожалѣнію, составитель вѣдомости упустилъ изъ виду это обстоятельство (*), принятое въ соображеніе г. Кеппеномъ, который, гдѣ слѣдовало, сдѣлалъ нужныя дополненія. Притомъ самый способъ собранія части статистическихъ свѣдѣній, служащихъ матеріалами для приложеній къ губернаторскимъ отчетамъ, не внушаетъ полнаго довѣрія. Я разумѣю свѣдѣнія, коихъ собраніе сопряжено съ затрудненіями, какъ, иногда, по недостатку должнаго вниманія въ самихъ собирателяхъ, такъ еще болѣе потому, что часто, при всемъ ихъ желаніи, они не имѣютъ никакихъ средствъ доискаться истины. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать отъ донесенія земскаго исправника вѣрнаго изображенія перемѣнъ въ составѣ уѣзднаго народонаселенія, когда не рѣдко и многіе изъ владѣльцевъ, особенно имѣющихъ обширныя помѣстья, до производства новой ревизіи, не въ состояніи дать удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ: въ какой мѣрѣ увеличилось или уменьшилось число жителей въ принадлежащихъ имъ вотчинахъ? Даже по управленію государственными имуществами, гдѣ прилагается болѣе старанія къ собранію вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній, встрѣчаются кое-какія неисправности въ оффиціальныхъ источникахъ,—такъ напр., лѣтъ шесть тому назадъ, считалось въ имперіи казенныхъ крестьянъ болѣе, чѣмъ было ихъ на самомъ дѣлѣ. Это произошло отъ того, что, по нѣкоторымъ губерніямъ, къ числу ревизскихъ душъ прибавляли новорожденныхъ, не исключая умершихъ и отданныхъ въ рекруты (**). Наконецъ преувеличенность показаній обратила на себя вниманіе заботливаго начальства и подверглась надлежащему исправленію.

Послѣ всего сказаннаго, мы, конечно, не будемъ обвинять г. Веселовскаго, если, имѣя возможность выбора между двумя источ-

(*) Въ вѣдомости А. К. показано число военныхъ поселянъ только по одной Херсонской губерніи.

(**) См. въ приложеніяхъ къ отчету харьк. палаты госуд. им. за 1847 годъ, N 12-й, вѣдомость о народонаселеніи.

Digitized by Google

никами, онъ предпочелъ руководствоваться вычисленіями г. Кеппена. Жаль только, что онъ не исправилъ единственнаго недостатка ихъ, о которомъ сказано было выше (*).

Разсмотрѣвъ достоинство матеріаловъ, послѣдуемъ за авторомъ въ его объясненіяхъ и выводахъ. Въ началѣ статьи г. Веселовскій справедливо замѣчаетъ, что степень населенности есть вещь относительная, и что масштабъ, выведенный изъ наблюденій по этому предмету въ Западной Европѣ, не можетъ быть примѣненъ къ Россіи, которая находится подъ вліяніемъ другихъ, какъ естественныхъ, такъ и экономическихъ условій. По поводу этой

(*) Считаю не лишнимъ привесть данныя вѣдомости А. К. и сравнить ихъ съ показаніями ак. Кеппена.

Число жителей въ Европейской Россіи въ 1846 году:

	По вѣдомости А. К.	По Кеппену.
1 Архангельская губернія. . . .	237,686	253,000
2 Астрахапская.	138,766	284,400
3 Бессарабская область.	809,734	792,000
4 Виленская губернія.	792,470	863,700
5 Витебская	759,558	789,500
6 Владимірская.	1,140,355	1,246,500
7 Вологодская	821,742	822,200
8 Волынская.	1,413,485	1,445,500
9 Воронежская.	1,658,704	1,657,900
10 Вятская	1,565,485	1,662,800
11 Гродненская	874,230	907,100
12 Земля Донскихъ Казаковъ . .	— —	704,300
13 Екатеринославская губернія. .	925,518	870,100
14 Казанская	1,332,391	1,342,900
15 Калужская.	996,196	1,006,400
16 Кіевская.	1,730,124	1,342,900
17 Ковенская	912,193	915,500
18 Костромская.	1,003,033	1,054,600
19 Курляндская.	504,542	553,300
20 Курская.	1,773,806	1,680,000
21 Лифляндская.	777,185	814,100

Digitized by Google

мысли, еще прежде высказанной Гг. Кенеемъ и Горловымъ, одинъ изъ нашихъ ученыхъ недавно изложилъ совершенно противное мнѣніе, основываясь на томъ, что въ наукѣ не должно

22 Минская	1,010,965	1,046,400
23 Могилевская	860,410	931,300
24 Московская	1,504,364	1,374,700
25 Нижегородская	1,104,794	1,178,200
26 Новогородская	711,970	907,900
27 Олонецкая	255,491	263,100
28 Оренбургская	1,706,837	1,948,500
29 Орловская	1,458,542	1,502,900
30 Пензенская	974,584	1,087,200
31 Пермская	1,585,425	1,637,700
32 Подольская	1,540,254	1,703,000
33 Полтавская	1,688,334	1,783,800
34 Псковская	714,481	775,800
35 Рязанская	1,286,519	1,365,900
36 С.-Петербургская	488,325	643,700
37 Саратовская	1,746,717	1,718,600
38 Симбирская	1,201,429	1,318,900
39 Смоленская	1,059,743	1,170,600
40 Ставропольская	203,044	526,400
41 Таврическая	584,434	572,900
42 Тамбовская	1,649,686	1,750,900
43 Тверская	1,315,291	1,327,700
44 Тульская	1,264,399	1,227,000
45 Харьковская	1,454,960	1,467,400
46 Херсонская	967,323	842,400
47 Черниговская	1,403,083	1,430,000
48 Эстляндская	285,283	310,400
49 Ярославская	1,005,479	1,008,100
	51,199,349	54,092,300

По присоединеніи народонаселенія С.-Петербурга и Земли Войска Донскаго, общій итогъ жителей въ Европейской Россіи, по вѣдомости А. К., будетъ простираться до 52,349,360, т. е. 1,743,940 менѣе,

Digitized by Google

быть двухъ единицъ сравненія, какъ не должно быть двухъ мѣръ и вѣсовъ (*). Положеніе весьма вѣрное, но оно едва ли можетъ быть примѣнено къ настоящему случаю. Подлежатъ сравненію только предметы однородные; пространство же, состоящее изъ мерзлой тундры, или сыпучаго песку, не имѣетъ ничего общаго съ плодородною землею. Для большей ясности приведемъ примѣръ. Представимъ себѣ двѣ страны ровнаго объема, изъ которыхъ въ одной цѣлая треть пространства занята озерами и рѣками, между тѣмъ какъ въ другой на долю ихъ приходится только $^1/_6$ всей поверхности. Конечно, ни одинъ статистикъ и географъ, при сравненіи степени населенности и источниковъ богатства обѣихъ странъ, не будетъ считать части, находящейся подъ водою, ибо на ней нельзя ни сѣять хлѣба, ни разводить пастьбищъ. Но развѣ способнѣе къ воздѣлыванію сыпучіе пески и

нежели выходитъ по вычисленіямъ г. Кеппена. Признавая расчеты этого ученаго, по изложеннымъ выше причинамъ, нѣсколько преувеличенными, я вполнѣ убѣжденъ въ преимуществѣ ихъ предъ вѣдомостію А. К., между показаніями которой и дѣйствительнымъ числомъ жителей разница, по нѣкоторымъ губерніямъ (на пр. Новгородской, и въ особенности Ставропольской), можетъ доходить отъ 20 до 100 проц. У г. Кеппена нѣтъ такихъ крайностей. Если же, по обнародованіи результатовъ послѣдней ревизіи, окажется, что они въ общемъ итогѣ болѣе согласны съ вѣдомостію, нежели съ данными г. Кеппена, то это обстоятельство нисколько не должно измѣнить нашего мнѣнія объ относительномъ достоинствѣ труда обоихъ ученыхъ, ибо въ статистическихъ источникахъ не рѣдко однѣ ошибки ослабляютъ дѣйствіе другихъ. Такъ, напр., преувеличенность въ показаніяхъ о числѣ государственныхъ крестьянъ по нѣкоторымъ губерніямъ, должна была отчасти покрыть недочетъ, происшедшій отъ пропуска г. А. К. народонаселенія, принадлежащаго къ военному вѣдомству. Статистика въ этомъ отношеніи представляетъ сходство съ математикою, гдѣ иногда новая погрѣшность, сдѣланная при повѣркѣ прежней, приводитъ къ вѣрному результату.

(*) Профессоръ Вернадскій въ 36 N Московскихъ вѣдомостей за 1851 годъ. См. статью о движеніи народонаселенія въ Россіи.

Digitized by Google

тундры, которыми такъ богато наше отечество, и которые составляютъ явленіе почти неизвѣстное въ другихъ европейскихъ государствахъ ? Вотъ почему было бы неумѣстно искать у насъ плотности населенія, свойственной Западной Европѣ, гдѣ страны, имѣющія менѣе 1000 жителей на квадр. милю, считаются еще слабо населенными, и мы, по примѣру г. Веселовскаго, находимъ болѣе правильною классификацію академика Кеппена (*), который принимаетъ для Европейской Россіи слѣдующія три категоріи: 1) губерніи сильно населенныя, въ которыхъ на одну квадр. милю приходится свыше 1,400 жителей; 2) губерніи съ среднимъ населеніемъ, имѣющія на кв. милю отъ 700 до 1400 жителей, и 3) бѣдно населенныя, въ которыхъ жителей менѣе 700 на квад. милю. Но въ то же время, оставаясь вѣрными однажды принятому правилу, считаемъ нужнымъ замѣтить, что, на основаніи сказаннаго, нельзя допустить одного общаго масштаба для всѣхъ частей обширнаго нашего отечества, представляющихъ столько различія въ качествѣ почвы и климатѣ, и что, для надлежащаго понятія о степени населенности страны, необходимо, при сравненіи пространства ея съ числомъ жителей, исключить земли, негодныя для хозяйственнаго употребленія, если мы хотимъ, чтобы выводы наши, какъ удачно выразился г. Веселовскій, не были простою ариѳметическою задачею, но фактомъ, имѣющимъ важное экономическое значеніе. При такомъ воззрѣніи на предметъ, намъ представятся въ истинномъ свѣтѣ и многія частныя явленія, не удовлетворительно объясняемыя нашими статистиками, — на пр. почему Черниговская губернія, въ которой приходится 1,430 жителей на кв. милю, считается хорошо населенною; тогда какъ Воронежская, имѣющая 1,371 жител. на квад. милю, слыветъ еще страною съ посредственнымъ населеніемъ. Такое мнѣніе, конечно, образовалось не случайно, но имѣетъ основаніе въ физическомъ свойствѣ обѣихъ губерній, изъ которыхъ послѣдняя, превосходя первую естественными удобствами, можетъ безъ затрудненія прокормить гораздо бо́льшее число людей. Гг. Кеппенъ и Веселов-

(*) См. Ueber die Dichtigkeit der Bevölkerung in den Provinzen des Europäischen Russland, von Köppen, стр. 7.

Digitized by Google

ский, упустивъ изъ виду это обстоятельство, придали частному факту, имѣющему особенную причину, слишкомъ обширное значеніе: отъ того классификація, ими установленная, опирается на шаткомъ основаніи, хотя мы и не отвергаемъ, что она даетъ довольно вѣрное понятіе объ отношеніяхъ населенности въ Европейской Россіи, разумѣется, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ и нѣкоторыхъ изъ южныхъ губерній, для которыхъ необходимъ другой масштабъ, потому что наибольшая часть ихъ пространства состоитъ изъ земель совершенно неспособныхъ къ воздѣлыванію.

Указавъ точку зрѣнія, съ которой, по мнѣнію нашему, слѣдуетъ смотрѣть на вопросъ о населенности, для того, чтобы статистическія наблюденія по сему предмету могли быть приведены къ единству, требуемому наукою, и вмѣстѣ съ тѣмъ принести практическую пользу, мы должны самое рѣшеніе этого вопроса предоставить будущимъ изслѣдователямъ, за неимѣніемъ въ настоящее время полныхъ и сколько нибудь вѣрныхъ свѣдѣній о количествѣ безплодныхъ земель въ разныхъ мѣстахъ имперіи. Если же мы изложили свои мысли, по поводу статьи г. Веселовскаго, то не потому, чтобы считали справедливымъ требовать отъ автора болѣе того, нежели сколько онъ сдѣлалъ, но потому, что неудовлетворительность матеріальной части статистики еще не исключаетъ возможности имѣть о ней правильныя теоретическія понятія, для того, чтобы ихъ можно было употребить въ дѣло, по пріобрѣтеніи нужныхъ данныхъ. Впрочемъ, благодаря мѣрамъ правительства, наука вскорѣ будетъ въ состояніи рѣшить удовлетворительнымъ образомъ вопросъ о населенности въ Россіи. Коммиссіи, назначенныя для уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ, приведутъ въ точную извѣстность источниковъ богатства этой части народонаселенія. Сверхъ того, чрезъ посредство Гг. предводителей дворянства, собраны свѣдѣнія о количествѣ удобной земли въ каждой губерніи по уѣздамъ, по случаю происходившихъ въ нынѣшнемъ году засѣданій губернскихъ комитетовъ о земскихъ повинностяхъ. Ждемъ съ нетерпѣніемъ обнародованія сихъ свѣдѣній, пополняю-

Digitized by Google

щихъ одинъ изъ самихъ чувствительныхъ пробѣловъ отечественной статистики; а между тѣмъ, пока исполнятся наши надежды, будемъ благодарны г. Веселовскому и за тѣ результаты, которые извлечены имъ изъ матеріаловъ г. Кеппена, и которымъ онъ умѣлъ придать особенный интересъ, посредствомъ искусной группировки данныхъ.

Изъ примѣненія къ губерніямъ Европейской Россіи—категорій, установленныхъ г. Кешеномъ, получается слѣдующій любопытный выводъ:

	Общее число жителей.	Пространство.	На кв. милю приходится жителей.
Въ 15 губер. 1-й категоріи	21.239,600	15,142	1,666
— 20 — 2 — —	19.662,800	19,047	1,032
— 14 — 3 — —	13.189,900	58,925	223
И того . . .	54.092,300	90,117	600

Замѣчая, что губерніи, хорошо населенныя, занимаютъ сплошною массою всю средину имперіи, между тѣмъ какъ губерніи съ посредственнымъ и слабымъ населеніемъ разсѣяны на ея сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ оконечностяхъ, — г. Веселовскій справедливо приписываетъ это различіе вліянію естественныхъ и историческихъ причинъ: ибо все пространство, лежащее вокругъ Москвы и далѣе на югъ отъ сей столицы до 49 градусовъ широты, есть древнее достояніе Россіи, и, притомъ, по качеству почвы и климату, представляетъ гораздо менѣе препятствій для жизни человѣка сравнительно съ большею частію нашихъ пограничныхъ губерній. Отсюда видно, что самъ авторъ чувствовалъ неудовлетворительность обыкновеннаго способа опредѣленія насе-

Digitized by Google

ленности, а только не привелъ вопроса въ общую научную форму, которая, по мнѣнію нашему, можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: *степень населенія страны опредѣляется отношеніемъ числа жителей ея къ части пространства, какъ дѣйствительно воздѣланной, такъ и къ той, которая хотя не обработана, но способна къ воздѣлыванію* (*). Что же касается до прочихъ причинъ, не принадлежащихъ къ категоріи естественныхъ, то вліяніе ихъ на населенность не измѣняетъ сущности изложеннаго здѣсь правила: ибо, если число жителей въ извѣстной странѣ не соотвѣтствуетъ ея естественнымъ удобствамъ, то, каковы бы ни были причины такой несоразмѣрности, страна эта будетъ принадлежать къ слабонаселеннымъ; между тѣмъ какъ въ краю, хотя обширномъ, но бѣдномъ землею, представляющею выгоды для жизни, населеніе — не значительное по сравненію съ площадью этого края, на самомъ дѣлѣ, по плотности своего распредѣленія, можетъ быть весьма значительнымъ и сопровождаться всѣми тѣми благопріятными явленіями, которыя обыкновенно находятся съ нимъ въ тѣсной связи, каковы: процвѣтаніе промышленности, просвѣщенія и успѣхи общественной жизни народа.

Александръ Рославскій.

Харьковъ.

(*) Статистика принимаетъ раздѣленіе земель на плодородныя и безплодныя, какъ готовый фактъ, предоставляя агрономіи рѣшить вопросъ: что собственно должно разумѣть подъ именемъ непроизводительныхъ или безплодныхъ земель.

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ОБЪ ОПРЕДѢЛЕНІИ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ настоящую минуту, съ изданіемъ Областнаго Русскаго словаря, которымъ мы обязаны второму отдѣленію Академіи Наукъ, открывается обширное поле для изслѣдованій и соображеній филолога, посвятившаго себя изученію славянскаго и русскаго языковъ; но для того, чтобъ эти изслѣдованія не повели къ новымъ ошибкамъ, отнимая съ одной стороны коренныя русскія слова, и присвоивая съ другой слова чужеземныя, нужно принять въ соображеніе весьма многія обстоятельства. Изъ числа сихъ обстоятельствъ мы беремъ на себя смѣлость указать на тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ языкамъ восточнымъ.

Не подвержено никакому сомнѣнію, что въ русскій языкъ вошло довольно восточныхъ словъ уже съ первыхъ поръ существованія нашего языка: мы находимъ нѣсколько восточныхъ выраженій въ Словѣ о Полку Игоревѣ (*), и даже встрѣчаются онѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ (**). Но не должно изъ этого заключать, что всякое слово, представляющееся нынѣшнему русскому страннымъ и какъ будто иноземнымъ, принадлежитъ къ числу пришлыхъ словъ: такое убѣжденіе непремѣнно поведетъ къ многочисленнымъ ошибкамъ. Прежде всего филологъ, отыскивающій корень русскаго слова, пусть обозрится вокругъ, допроситъ родныя славянскія нарѣчія, потомъ пусть обратится къ родственнымъ

(*) Происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ было мною указано въ примѣчаніяхъ къ Шейбаніадѣ.

(**) Наприм. слово *катыганъ* имѣетъ монголотюркское происхожденіе: въ монгольскомъ языкѣ *хатаху*, въ тюркскомъ *катмакъ*, значитъ сохнуть; *катканъ* въ татарскомъ значитъ «сухой», а въ Казанской губерніи «хворостъ» называютъ русскіе мужики *котыжникъ*.

Digitized by Google

индо-германскимъ языкамъ, и уже по полученіи отказа со всѣхъ сторонъ, пусть принимается отыскивать слово у восточныхъ народовъ. Въ этомъ порядкѣ изысканій не слѣдуетъ увлекаться иллюзіями, и сколько-нибудь подобными созвучіями и значеніями объяснять искомое слово: въ противномъ случаѣ очень легко не дойдешь до настоящаго корня и остановишься на мнимомъ. Примѣромъ можетъ служить предположеніе профессора Грота, приписывающаго булга, булгатить, булгачить, и прочимъ словамъ этого корня скандинавское происхожденіе (исланд. bulgia, волна, нѣм. Woge, Welle), между тѣмъ какъ настоящій корень этого слова есть тюркское *булга*, *булгакъ*, тревога (глаголъ тюрк. *булгамакъ*, монгольскій *бюлигю*—мутить, тревожить), а скандинавскій корень имѣетъ одно происхожденіе съ индо-германскими названіями волны (*).

Но не здѣсь оканчивается работа филолога: можетъ случиться, что желаемое слово не будетъ найдено и въ восточныхъ языкахъ. Тогда предстоитъ восходить ученому по той лѣстницѣ, по которой онъ спустился, и опять обратиться къ славянскимъ корнямъ. Скажутъ, кчему же такая безполезная трата времени и труда? Потому, что только изъ сравнительнаго языкознанія можетъ быть выведена истина, призракъ которой не трудно встрѣтить на первомъ шагу, но должно остеречься отъ него. Этотъ обратный путь изысканія служитъ повѣркою первому, и всѣ тѣ, которые занимались филологическими работами, не разъ имѣли дѣло съ подобнымъ методомъ.

Описавъ кругъ филологическаго труда, вмѣстѣ съ тѣмъ мы укажемъ и на пособія его. Само собою разумѣется, что прежде всего необходимо полное знаніе изслѣдуемыхъ языковъ, но это знаніе не должно ограничиваться однимъ практическимъ пониманіемъ языка, взятаго въ извѣстную эпоху: съ критическимъ взглядомъ на законы движенія звуковъ въ языкѣ должно быть соединено историческое знакомство съ постепеннымъ развитіемъ этихъ законовъ, иначе все дѣло кончится созвучіемъ, а нѣтъ

(*) Можно указать еще и на другія слова, имѣющія восточное происхожденіе, но случайно созвучныя съ европейскими, наприм. *карга* (татар. ворона), и проч.

Digitized by Google

ничего опаснѣе этого оружія. Напримѣръ, чрезвычайно легко вывести русское «тина» отъ арабскаго подобозначащаго «тинъ», но укажите мнѣ исторически путь, по которому арабское слово, не употребляемое ни въ тюркскомъ, ни въ персидскомъ языкахъ,— разумѣю здѣсь не книжный языкъ, — могло проникнуть въ русскій говоръ. Посему, кромѣ знанія языковъ теоретически и исторически, нужно еще знакомство съ ихъ взаимными филологическими и историческими отношеніями, какъ показываетъ предыдущій примѣръ. Затѣмъ должно обратить вниманіе и на тѣ законы, которыми руководствуется языкъ, прилагая свою эвфонію къ иностранному слову: такъ мы должны знать, вслѣдствіе чего восточное слово «ханджаръ» въ русскомъ языкѣ переобразилось въ «кинжалъ». При этомъ также должно обращать вниманіе и на перемѣны въ самомъ значеніи словъ, получающихъ въ другомъ языкѣ или иной оттѣнокъ или даже другое значеніе; напримѣръ, слово *сарай*, въ восточныхъ языкахъ означающее «дворецъ», у насъ получило иной унизительной смыслъ.—Отъ несоблюденія всѣхъ сихъ условій очень легко сравнивать новое турецко-османское слово *вирмекъ*, давать, которое въ тюркскомъ вездѣ говорится *бирмекъ*, съ нашею старинною *вирою*, или русское *боярин* ставить на ряду съ неупотребительнымъ въ тюркскомъ *бай-ер* богатый мущина (*). Равнымъ образомъ весьма легко смѣшать тюрко-монгольское *буранъ*, означающее непогоду, мятель, съ русскимъ словомъ буря: первое употребительно и въ османскомъ подъ формою *бура*, и на югѣ Россіи подъ формою *бора*.

При опредѣленіи областныхъ словъ, прежде всего должно обратить вниманіе на мѣстность, въ которой слово употребляется по преимуществу, чтобъ этимологическое изслѣдованіе начать съ сосѣдей, а не съ отдаленныхъ мѣстъ. Посему странно, напримѣръ, предполагать въ псковскомъ или олонецкомъ нарѣчіи обиліе татарскихъ словъ, или отыскивать въ сибирскомъ нарѣчіи слова скандинавскія. Но избѣгая такихъ крайностей, должно имѣть еще въ виду по преимуществу ближайшія иноземныя на-

(*) Въ старинномъ тюркскомъ найдется слово, еще болѣе близкое къ русскому *боярь*: это *баири*, значащее «старый», но и его не льзя принимать корнемъ для нашего слова.

Digitized by Google

рѣчія: такъ, напримѣръ, при опредѣленіи сибирскихъ словъ должно съ большою осторожностью обращаться къ османскому нарѣчію.

Изъ этого общаго взгляда, распространяться о которомъ въ настоящее время мы не признаемъ надобности, очевидно слѣдуетъ, что отечественное языкознаніе должно въ подобныхъ изслѣдованіяхъ занимать первое мѣсто, и что оріенталисты и другіе изслѣдователи иноземныхъ нарѣчій должны подчиниться по большей части рѣшенію славянскихъ филологовъ, которымъ принадлежитъ право разработать матеріалы, доставленные лингвистами. Конечно, въ этомъ случаѣ было бы весьма важно встрѣтить филолога, который бы соединялъ въ себѣ всѣ сіи условія, и мы даже имѣемъ на-глазахъ два такихъ дарованія, но, къ сожалѣнію, первый изъ этихъ филологовъ, болѣе блестящій, нежели глубокій, пошелъ по иному пути, чисто-литературному, а отъ другаго, живущаго теперь въ Москвѣ, наука еще ожидаетъ плода трудовъ и знанія его.

Обращаясь къ восточнымъ языкамъ, мы отдаемъ первенство, при опредѣленіи восточныхъ словъ въ русскомъ, тюркскому языку, который съ первыхъ историческихъ временъ русскаго народа доставлялъ, хотя и не обильные матеріалы, нашему говору. За тюрко-монгольскимъ слѣдуетъ персидскій, и наконецъ арабскій, имѣвшій вліяніе уже посредственное. Посему для слова *балбесъ*, означающаго неуклюжаго недоросля, гораздо лучше искать корень въ тюркскомъ *бильмезъ* (у Качинцевъ и Сагайцевъ это слово выговаривается *белбесъ* *), незнайка, чѣмъ въ семитическо-русскомъ смѣшеніи баалъ-бѣсъ. Мы говоримъ—лучше, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ мы несомнѣнно признавали *белбесъ* отдаленныхъ Качинцевъ первообразомъ для русскаго *балбесъ*, хотя переходъ бильмеза (билмезъ, билмесъ) въ балбеса, по примѣру бусурманина отъ мусульманина, весьма возможенъ.

И. БЕРЕЗИНЪ.

(*) Свѣдѣніемъ этимъ я обязанъ князю Н. А. Кострову

Digitized by Google

ПАПЫ И ВОСТОКЪ

ВЪ XIII ВѢКѢ.

XXXVI.

ПОЛИТИКА ПАЛЕОЛОГА ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ПАПѢ.

Григорій X былъ исполненъ вниманія къ Палеологу. Папа и императоръ Грековъ обмѣнивались уже нѣсколько разъ послами. Палеологъ желалъ вести духовные переговоры съ Григоріемъ для полученія политическаго результата. Но цѣль императора не иначе могла быть достигнута, какъ при большой уступчивости со стороны духовенства греческаго. Церковь восточная, вмѣсто угодливости, оказала императору сопротивленіе.

Созвавъ разъ епископовъ, Палеологъ сказалъ имъ: «чего хотятъ Римляне? Поминовеніе папы при совершеніи таинъ? Но мы поминаемъ при этомъ случаѣ, не только епископовъ, но и другихъ! Они желаютъ, чтобы папа былъ старшій между равными, (Primus inter pares), но этотъ титулъ не есть иное что, какъ почесть, угожденіе простому тщеславію. Что же касается до апелляціи къ папѣ, то кто изъ насъ рѣшится когда-нибудь пуститься за море, чтобы просить суда у папы? И такъ лучше пожертвовать этими ничтожностями, чтобы спасти имперію отъ опасныхъ враговъ».

Однако патріархъ Іосифъ, сколь ни былъ хитръ и угодливъ ко двору, возсталъ противъ предложеній императора, и приказалъ *хартофилаксу* Векку, подъ опасеніемъ отлученія, сдѣлать Палеологу возраженіе. Веккъ, въ увлекательной рѣчи, предложилъ передъ

Digitized by Google

собраніемъ отступленія Латинъ отъ ученія Православной Церкви, и прибавилъ, что будучи поставленъ между гнѣвомъ власти мірской и опасностію погубить душу, онъ предпочтетъ всегда впасть въ немилость императора.

На другой день, Векк былъ взятъ подъ стражу, и заточенъ въ башню. Это наказаніе, несправедливое во всѣхъ отношеніяхъ,— ибо оно падало на мужа достойнаго, призваннаго въ совѣтъ для изложенія своихъ чувствъ, и глубоко проникнутаго истинною своей вѣры,—возбудило всеобщее негодованіе. Патріархъ Іосифъ, вспомнивъ святость своихъ обязанностей какъ пастырь православія, разослалъ всюду окружную грамоту, подписанную имъ и многими епископами, въ которой обязался предъ цѣлымъ міромъ, не соглашаться никогда на соединеніе Церквей, не смотря ни на какія истязанія, и объявилъ, что онъ не допуститъ впредь къ причастію никого изъ тѣхъ, которые пристанутъ къ Латинамъ. Императоръ гнѣвался, но не дерзалъ посягнуть на особу патріарха, которому былъ обязанъ снятіемъ отлученія.

Папа, какъ хитрый политикъ, не надѣялся на добросовѣстность Палеолога, и прибѣгалъ къ понудительнымъ средствамъ, чтобы заставить его уступить требованіямъ латинскаго духовенства.

Григорій непрестанно грозилъ Грекамъ, то войною съ Венеціанами, то нападеніемъ Карла; но греческая Церковь оставалась непоколебимою. Палеологъ, въ досадѣ, говорилъ духовнымъ, что дѣло шло не о предметахъ, но о трехъ неважныхъ статьяхъ, касательно поминовенія папы на молитвахъ, объ его первенствѣ между равными, и о прибѣжищѣ къ его суду. Владыки греческіе возражали съ своей стороны, что уступить папѣ право быть верховнымъ судіею, значило разрушить самостоятельность Греческой Церкви. Народъ раздѣлялъ мнѣніе Церкви, и всѣ усилія императора склонить патріарха и епископовъ на уступчивость, оставались безъ успѣха.

Въ ту пору скончался низложенный патріархъ Арсеній, завѣщая Церкви и православному народу стоять твердо за неприкосновенность восточной Церкви, и возобновляя прежній церковный приговоръ, произнесенный нѣкогда надъ императоромъ.

Digitized by Google

Палеологъ, въ гнѣвѣ своемъ на духовенство, вздумалъ поколебать его твердость посредствомъ строгости.

На всѣхъ уважателей Арсенія открылось жестокое гоненіе. Иныхъ заточали, другихъ лишали имѣній. Всюду разсылались войска съ приказаніемъ понуждать къ соединенію съ Латинами. Богатые и честолюбивые, страшась истязаній, или въ надеждѣ на милость государя, признали первенство папы; но народъ остался непоколебимъ. Лебо, описывая жестокость Палеолога, сожалѣетъ, что въ дѣлѣ добромъ было обнаружено столько зла, и говоритъ: « Paléologe imploya pour une bonne cause toutes les rigueurs « qui sont d'usage pour en faire prévaloir une mauvaise.»

Въ народѣ и Церкви составились двѣ партіи: одной принадлежали поклонники *Арсенія*, т. е. самые ожесточенные враги латинства, другой люди умѣренные, но не менѣе приверженные къ самостоятельности Греческой Церкви. Первые назывались *Арсенитами*, другіе отличались именемъ правившаго въ то время патріарха, и назывались *Іосефитами*.

Легаты Григорія X были свидѣтелями всѣхъ жестокостей Палеолога, и вмѣсто порицанія, воздавали императору похвалу. Они были первыми его ободрителями на этомъ кровавомъ поприщѣ. Наконецъ, когда уже терпѣніе страдавшихъ было истощено, составилось посольство, изъявившее готовность ѣхать въ *Ліонъ*, для переговоровъ о соединеніи съ Западной Церковію.

Первымъ членомъ этого посольства былъ низложенный патріархъ *Германосъ*, вторымъ епископъ *Никеи Θеофанъ*, третьимъ *логоѳетъ Георгій*, *Акрополитъ*. Послы отправились изъ Константинополя вмѣстѣ съ легатами *Григорія*, и по прибытіи въ Ліонъ, были приняты съ большими почестями. Патріархъ Іосифъ, въ изъявленіе своего неудовольствія, удалился въ монастырь *Перивлепта*.

Послы, съ самаго прибытія своего въ Ліонъ, оказались покорными папѣ, и на обѣднѣ, отпѣтой въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, повторили символъ вѣры вслѣдъ за Латинами, не измѣняя изложенія его о происхожденіи Святаго Духа.

Папа представилъ собору, что Греческая Церковь желаетъ соединиться съ Римскою, и что она готова ей покориться и при-

Digitized by Google

знать папу главою всей христіанской Церкви. Хотя требованія папы и различествовали отъ тѣхъ трехъ пунктовъ, къ которымъ нѣкоторые изъ Грековъ готовы были присоединиться, но уступчивые послы Палеолога не имѣли духа отторгнуть ихъ, и соблазненные милостями Григорія, подтвердили отъ имени Греціи подчиненность восточной Церкви римскому владыкѣ. Это горестное для чести Акрополита и Германоса событіе, совершилось на четвертомъ засѣданіи Ліонскаго собора.

XXXVII.

ПАПА НИКОЛАЙ III.

По возвращеніи посольства изъ *Ліона*, новые соблазны обнаружились въ Царьградѣ. Историкъ *Пахимерій*, описывая неудовольствіе патріарха *Іосифа* на пословъ греческихъ, говоритъ, что патріархъ при заключеніи себя въ монастырь *Перивлепта*, условился съ Палеологомъ, только въ томъ случаѣ возвратиться на патріаршую каѳедру, ежели соединеніе Церквей не состоится. Въ противномъ случаѣ, Іосифъ обязался сойдти съ каѳедры, дабы уступить мѣсто другому епископу, болѣе его благосклонному къ соединенію съ Римомъ. Трудно принять на себя отвѣтственность за достовѣрность этого условія, ибо Іосифъ былъ такъ проницателенъ, что зналъ заранѣе, каковъ будетъ исходъ ліонскихъ переговоровъ, но подъ какимъ бы предлогомъ оно ни случилось, Іосифъ объявилъ императору твердую волю свою оставаться на патріаршей каѳедрѣ, дабы не предать ее въ руки недостойныхъ сыновъ Православной Церкви.

Разгнѣванный императоръ созвалъ преданное ему придворное духовенство, и по приговору этого неправильнаго сонмища, Іосифъ былъ низложенъ съ патріархіи и сосланъ въ загородный монастырь на берега *Воспора*. Низложеніе Іосифа случилось 11-то января 1275 года, и торжествующій Палеологъ приказалъ халкидонскому епископу, при совершеніи литургіи въ день поклоненія веригъ апост. Петра, поминать на эктеніяхъ не Іосифа, но *Григорія*, яко верховнаго пастыря всей святой Апостольской и каѳолической Церкви. Угодливый епископъ, не смѣя ослушаться императора, провозгласилъ папу главою вселенской Церкви. Но его гласъ раз-

Digitized by Google

дался по имперіи, какъ призывъ къ возстанію. *Лебо* живописно выражается, говоря:

« Ce fut comme le cri d'un héraut, qui annonçoit la guerre».

Народъ и Церковь пришли въ невыразимое волненіе, и Палеологъ, видѣвъ необходимость успокоить тревожившіяся совѣсти, созвалъ всѣхъ греческихъ епископовъ для избранія патріарха. Выборъ палъ на хартофилакса Векка, какъ на мужа исполненнаго науки и приверженности къ православію. Императоръ утвердилъ его въ новомъ санѣ, но *Векка* добродѣтелію своею сдѣлался досаденъ Палеологу. Заступаясь непрестанно за страждущихъ и невинно гонимыхъ, онъ доходилъ иногда до отважности. Разъ патріархъ забылся до такой степени, что отказалъ Палеологу въ причащеніи, потому что императоръ не изъявлялъ готовности помиловать одного осужденнаго.

Это событіе сдѣлалось гласно по всей имперіи, ибо многія лица были свидѣтелями, какъ патріархъ отстранилъ Палеолога отъ причастія, говоря ему: « отказывая мнѣ въ помилованіи несчастнаго, ты « дѣлаешься недостойнымъ принять въ себя Того, кто есть Богъ « милосердія». Разгнѣванный императоръ удалился изъ церкви, и нѣсколько времени спустя, *Векка*, постигая свое положеніе, пожелалъ удалиться въ тотъ самый монастырь, гдѣ пребывалъ Іосифъ.

Между тѣмъ на Западѣ 10 января 1276 года, собирался конклавъ кардиналовъ для избранія преемника умершему папѣ Григорію X-му. Западная церковь узрѣла тогда невиданное еще событіе. Въ теченіи шестнадцати мѣсяцевъ, четыре папы возложили тіару на главу свою. За Григоріемъ былъ избранъ Иннокентій V-й, скончавшійся 22 іюня, за Иннокентіемъ вступилъ на римскую каѳедру Адріанъ V-й, который правилъ только два мѣсяца. Преемникъ Адріана былъ Іоаннъ XXI, родомъ изъ Португалліи, мужъ въ силѣ возраста, обѣщавшій Церкви долгое правленіе. Но 16-го мая 1277 Іоаннъ былъ задавленъ обрушившимся потолкомъ въ его почивальнѣ. На мѣсто Іоанна вошелъ кардиналъ *Гаэтани*, подъ именемъ Николая III-го. Новый папа принадлежалъ дому *Орсини*, отличался своимъ умомъ, дѣятельностію и приверженностію къ черному духовенству. Конклавъ, полагаясь на замѣчательныя способности кардинала Гаэтани, избралъ его папою;

Digitized by Google

обстоятельства требовали мужа одареннаго энергіею, и способнаго отстранить отъ Италіи угрожавшія ей бѣдствія. Императоръ Рудольфъ и король сицилійскій готовы были между собою сразиться, ибо Карлъ отказывался уступить Тоскану имперіи, и не взирая на право Рудольфа назначать сенатора для Рима, намѣревался удержать за собою это достоинство. Итакъ отъ 10-го января 1276 по 16 мая 1277 года, Римская Церковь лишилась четырехъ владыкъ: Григорія X-го, Иннокентія V-го, Адріана V-го и Іоанна XXI. Исторія разсказываетъ различно о кончинѣ этихъ пастырей. Но извѣстные писатели церковные, а именно Raynoldus in Annal. Eccles. и Martinus Polonus, ссылаясь на лѣтопись города *Форли* утверждаютъ, что изъ четырехъ папъ, два скончались по волѣ Божіей, а два вслѣдствіе яда: «Papæ quatuor mortui, duo di-«vino judicio, et duo veneno exhausto».

Папа Гаэтани оставилъ по себѣ неизгладимые слѣды въ исторіи новаго Рима. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ Рудольфа, гонимаго королемъ *Бршемыслемъ*, оттокаріемъ *чешскимъ*, Николай III-й заставилъ императора уступить Церкви всю Романію, которую императоры удерживали за собою, какъ законные государи *экзархата* Равенскаго. Ссылаясь на дарственный актъ, подписанный *Пипиномъ*, королемъ французскимъ, и на другіе дипломы, не имѣвшіе впрочемъ никакой законной силы, Николай III-й требовалъ настоятельно уступки этой прекрасной области. Долго Рудольфъ не соглашался на требованіе папы, но подъ угрозою отлученія отъ Церкви и изъ страха видѣть себя вовлеченнымъ въ войну съ Карломъ *сицилійскимъ*, Рудольфъ согласился наконецъ отдать Романію. Николаю III-му.

Парижская лѣтопись, описывая это событіе, прибавляетъ: «sem-«per Romani pontifices de Republica aliquid volunt emungere, «quum imperatores ad imperium assumuntur.»]

Слѣдуя этой политикѣ, папы сдѣлались не только независимы въ отношеніи духовномъ, но заняли даже почетное мѣсто между государями. Вступивъ въ кругъ земныхъ владѣтелей, они часто жертвовали Церковію въ пользу временныхъ интересовъ.

Вторымъ попеченіемъ папы было униженіе короля сицилійскаго. Николай III питалъ личную вражду къ Карлу. Король былъ

Digitized by Google

чрезмѣрно властолюбивъ и жестокъ. Не уважая ни папы, ни императора, онъ, вопреки совѣтамъ Николая, правилъ Сициліею и Апуліею желѣзнымъ жезломъ. Имѣя въ виду овладѣть всей Италіею, онъ не уступалъ Тосканы имперіи, и удерживалъ за собою мѣсто сенатора города Рима. Простирая замыслы свои и на Восточную имперію, Карлъ былъ союзникомъ всѣхъ противниковъ Палеолога. Предвидя, что ему трудно будетъ достигнуть цареградскаго престола безъ содѣйствія православнаго духовенства, Карлъ протягивалъ руку всѣмъ врагамъ Рима и папъ.

Сверхъ того, будучи чрезмѣрно гордъ, онъ не сравнивалъ никого съ собою въ знатности рода. Николай III-й, ослѣпленный высокостію своего сана, предложилъ Карлу брачный союзъ между племянницею короля и его племянникомъ. Король отвѣчалъ папѣ, что его племянница, будучи рода королевскаго, правившаго государствомъ нѣсколько столѣтій, по праву наслѣдства, не могла сочетаться съ родственникомъ такого государя, который вступилъ на престолъ по милости нѣсколькихъ избирателей. Это личное оскорбленіе, падавшее не только на особу Николая III-го, но на папъ вообще, было главной причиною ненависти Николая III-го къ Карлу. Папа рѣшился унизить короля сицилійскаго, и примѣрнымъ постоянствомъ достигъ своей цѣли. Карлъ, опасаясь вражды Рудольфа и возстанія *Гибеллинъ*, преклонилъ главу предъ папою. «Egli temeva, говоритъ Муратopій, che un papa di « tanto nerbo, gli rivolgesse contra l'armi del Re Ridolfo, e degli « Italiani; т. е. онъ опасался, чтобы столь могущественный папа не обратилъ противъ него оружія короля Рудольфа и Итальянцевъ.

Король возвратилъ Тоскану имперіи, и отказался отъ римскаго сенаторства. Тогда Николай III-й издалъ законъ, по которому опредѣлилъ довѣрять впредь санъ сенатора однимъ лицамъ незнатнаго чина. Но этотъ законъ былъ скоро нарушенъ, и при слѣдующемъ папѣ, Карлъ сдѣлался снова сенаторомъ Рима.

Среди своихъ разнообразныхъ и многочисленныхъ трудовъ, Николай III не оставилъ заняться примиреніемъ Вельфовъ съ Гибеллинами. Доминиканецъ Fra Latino, и братъ папы Бертольдъ *Орсино*, объѣхали съ этой полезной и истинно христіанской

Digitized by Google

цѣлію, *Ломбардію*, *Тоскану*, *Романью* и *Марку*. Лежавшія на Гибеллинахъ отлученія были сняты, и всѣмъ даровано прощеніе, подъ условіемъ повиноваться внушеніямъ одного папы. Но смерть поразила Николая III неожиданно. Не взирая на свѣжесть лѣтъ, и на умѣренный образъ жизни, предвѣщавшій папѣ вѣкъ долгій, Николай III скончался 22 августа отъ удара. Мураторій удивляется, что столь неожиданная кончина папы не внушила никому мысли объ его отравленіи; тѣмъ болѣе, что отъ врага, подобнаго Карлу сицилійскому, Николай III и могъ только ожидать одного *яда*. «Fu assai che non corresse sos-«petto di veleno in cosi inaspettata morte, sapendossi che «l'aver egli con tanta altura esercitato il governo suo, gli aveva «tirato addosso l'odio di *parecchi*, e massimamente di Carlo «Re di Sicilia». Т. е. удивительно, какъ кончина его, столь неожиданная, ни въ комъ не родила подозрѣнія объ отравѣ, тѣмъ болѣе, что строгостію своего управленія онъ возбудилъ къ себѣ ненависть въ многихъ, а въ особенности въ Карлѣ, королѣ сицилійскомъ.

Николай III любилъ пышность, и среди великолѣпныхъ зданій, имъ воздвигнутыхъ, забывалъ о сбереженіи денегъ. Онъ истратилъ на прихотливыя строенія большую часть суммъ, собранныхъ для вспомоществованія святымъ мѣстамъ. Любивъ пристрастно своихъ родственниковъ, Николай III обогатилъ ихъ беззаконными путями. Многіе лишились своихъ имѣній для обогащенія его племянниковъ. Владѣтели Сориано утратили свое богатство, подъ предлогомъ *ересіи*. Другіе землевладѣльцы пострадали по инымъ причинамъ. Но ни одно изъ приписанныхъ имъ преступленій не было доказано. Алчные племянники управляли папою, и повинуясь слѣпо ихъ желаніямъ, Николай III дѣлался орудіемъ и исполнителемъ самыхъ неправильныхъ требованій.

По смерти Николая III вступилъ на Римскую каѳедру Мартинъ IV, родомъ изъ Франціи. Новоизбранный папа занималъ прежде должность келаря при церкви св. Мартина въ Турнѣ, и не задолго до смерти Николая III былъ возведенъ въ степень кардинала. Конклавъ намѣревался возложить тіару на Итальянца, но требованія Карла, и насилія, къ коимъ онъ отважился прибѣгнуть, заставили конклавъ повиноваться волѣ сицилійскаго короля.

Digitized by Google

Вооруживъ жителей Витербо, Карлъ окружилъ мѣсто сборища кардиналовъ, и отдѣливъ отъ конклава тѣхъ изъ членовъ, которые казались ему ненадежны, онъ приказалъ своему главному клеврету Рихорду *Аннибильдеско*, держать ихъ безъ пищи, въ строгомъ заточеніи, до того времени, пока согласятся на избраніе турскаго келаря, прозваннаго въ Италіи, *il Turoncuse*. «Ridotti a pane ed acqua, convenne, говоритъ Мураторій, «che i Cardinali Italiani elegessero quel Papa, che piacque al Re «Carlo, cioè un papa Francese», т. е. посаженные на хлѣбъ и на воду, кардиналы италіянскіе по необходимости избрали въ папы того, который наиболѣе нравился Карлу, т. е. папу французскаго.

Этотъ соблазнъ произошелъ въ Витербо, въ февралѣ мѣсяцѣ 1281 года. Хотя Карлъ и успѣлъ возвести на Римскую каѳедру лице ему преданное, но съ восшествіемъ Мартина IV свѣтило Карла стало померкать, и міръ приписалъ неудачи, разразившіяся на Карла гнѣву Божію. Теперь пора обратить снова взоръ нашъ къ востоку.

XXXVIII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОКУШЕНІЙ НА СОЕДИНЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ. ПАЛЕОЛОГЪ. ПАПА МАРТИНЪ IV.

Мы сказали выше, что недолго по смерти Григорія X вступилъ на Римскую каѳедру *Іоанна* XXI. Его правленіе ознаменовалось, въ отношеніи къ востоку, очень важными событіями. Греческая имперія, при зрѣлищѣ погибавшей Церкви своей, возстала противъ римскаго давленія, и защитила самостоятельность своей народной Церкви и цѣлость православной вѣры.

Въ отвѣтъ на граматы *Іоанна* XXI Михаилъ, и сынъ его *Андроникъ*, писали къ папѣ самыя покорныя посланія, признавая его преемникомъ святаго Петра и верховнымъ владыкою. Патріархъ *Веккъ* поздравлялъ *Іоанна* съ прекращеніемъ церковныхъ распрей между древнимъ и новымъ Римомъ, но относительно происхожденія Святаго Духа, облекалъ слова свои въ столь Bumiebamtech формы, что смыслъ его рѣчей могъ подлежать различному толкованію. Между тѣмъ переписка императора съ Римомъ болѣе и болѣе разглашалась по имперіи.

Наконецъ, когда народъ увидѣлъ, до какой степени прости-

Digitized by Google

ралась пагубная снисходительность *Векка* къ папѣ, со всѣхъ концевъ государства духовенство и народъ возопіяли на предателей.

Никифоръ, сынъ Михаила Комнена, государя *эпирскаго*, *Іоаннъ* владѣтель *Патрасса*, побочный братъ Никифора, стали во главѣ возстанія. Императоръ послалъ ихъ усмирить. Но предводители его войскъ, Андроникъ Палеологъ, Кантакузенъ и *Іоаннъ Палеологъ*, всѣ трое близкіе родственники императора, присоединились къ православнымъ сынамъ Церкви.

Воздѣйствіе народное было такъ сильно, что у Михаила не осталось ни одного вождя, способнаго бороться съ разъяреннымъ народомъ. Всѣ родственники императора, исключая его сына, перешли на сторону защитниковъ греческой самостоятельности. Іоаннъ Патрасскій созвалъ нѣсколькихъ епископовъ, для обсужденія вопроса о соединеніи Церквей, и этотъ немногочисленный синодъ, отбросивъ всякое общеніе съ Римомъ, признадъ Михаила Палеолога еретикомъ.

По смерти Іоанна XXI положеніе дѣлъ еще болѣе запуталось. Михаилъ отправилъ къ Николаю III пословъ съ приказаніемъ изучить характеръ новаго папы, и высмотрѣть его сношенія съ Карломъ сицилійскимъ, главнымъ страшилищемъ Михаила.

Папа, съ своей стороны, отправилъ въ Царьградъ четырехъ монаховъ, съ приказаніемъ слѣдить за императоромъ, казавшимся ему ненадежнымъ католикомъ. Этимъ дѣятелямъ было поручено не обнаруживать вражды, существовавшей между Николаемъ III и Карломъ. Напротивъ того, они обязаны были грозить Михаилу королемъ сицилійскимъ, въ случаѣ если императоръ окажется колеблющимся католикомъ.

Монахи явились въ Константинополь, и потребовали, чтобы греческое духовенство представило папѣ соборное прошеніе о снятіи съ него отлученія за прежній расколъ; чтобы императоръ и патріархъ подчиняли впредь утвержденію папы всѣ назначенія по Греческой Церкви; чтобы легатъ папы, въ качествѣ блюстителя за единствомъ Церкви, пребывалъ непрестанно въ Константинополѣ. При малѣйшемъ колебаніи со стороны Михаила, монахи должны были немедленно грозить вторженіемъ Карла въ предѣлы Восточной имперіи.

Digitized by Google

Положеніе Михаила было самое затруднительное. За нѣсколько времени до прибытія римскихъ монаховъ, Палеологъ искалъ сблизиться съ народомъ греческимъ посредствомъ низложенія *Векка*, котораго обвиняли въ предательствѣ. Патріархъ былъ сосланъ въ обитель св. Панкратія. Тутъ предстали вдругъ папскіе посланные, требовавшіе рѣшительнаго уничтоженія самостоятельности Восточной Церкви. Не зная, какъ извернуться изъ столь труднаго положенія, Михаилъ рѣшился лгать передъ всѣми, надѣясь коварствомъ успокоить и Грековъ и *Римлянъ*. По его приказанію, латинскіе монахи были сведены въ темницы, дабы убѣдиться въ искренности императора, державшаго въ желѣзахъ своихъ близкихъ родственниковъ, за ихъ преданность православію. Съ другой стороны Михаилъ обольщалъ греческое духовенство торжественнымъ и клятвеннымъ обѣщаніемъ, не дѣлать дальнѣйшихъ угожденій и уступокъ Риму. Протостраторъ Андроникъ Палеологъ, племянникъ его Іоаннъ, и *крайчій Рауль*, сидѣли дѣйствительно въ темницѣ. Но это доказательство показалось императору недостаточнымъ. Для довершенія обмана, императоръ возстановилъ *Векка* на патріаршій престолъ, и по словамъ Пахимерія, приказалъ составить грамоту, наполнилъ ее ссылками на святыхъ отцевъ, затемнявшими совершенно ея смыслъ, поддѣлалъ болѣе ста подписей епископовъ, никогда не существовавшихъ, и вручивъ это лживое посланіе монахамъ, поручилъ представить его папѣ въ знакъ своей преданности. Въ то же время Палеологъ отдалъ на казнь Николаю III двухъ почтенныхъ сыновъ православія, *Игнатія* и *Мелетія*, упорно стоявшихъ за свою вѣру. Императоръ предавалъ этихъ достохвальныхъ чадъ Церкви и отечества, въ отмщеніе за ихъ вражду къ нему.

Между тѣмъ на Римскую каѳедру возшелъ Мартинъ IV, папа преданный совершенно королю сицилійскому. Страшась Мартина, болѣе нежели его предшественниковъ, Михаилъ отправилъ къ нему епископовъ *Иракліи* и *Никеи*, съ поздравительной граматой. Папа, будучи преданъ Карлу, принялъ греческихъ пословъ съ большимъ высокомѣріемъ, и, со свойственной его соотечественникамъ заносчивостію, сказалъ: «императоръ греческій, и всѣ «лицемѣры, показывающіе свою преданность Риму, суть измѣн-

Digitized by Google

«ники, обманывающіе Западную Церковь». Въ заключеніе своихъ словъ, Мартинъ IV произнесъ надъ Михаиломъ *анаѳему*, и отлучилъ всѣхъ его приверженцевъ отъ всемірной Христовой Церкви. Какъ прямодушный французскій рыцарь, онъ сказалъ дрожавшимъ епископамъ: «Я уважаю протостратора и всѣхъ «защитниковъ прежняго вашего ученія, ибо лучше быть добро-«совѣстнымъ и откровеннымъ раскольникомъ, нежели наподобіе «Михаила и васъ погружаться въ измѣну и ложь. Благородныя «жертвы Михаиловой злости вполнѣ заслуживаютъ моего соу-«частія». Испуганные епископы удалились, и одинъ изъ нихъ, глубоко проникнутый словами Мартина IV, скончался отъ горести на обратномъ пути.

Суровость Мартина къ посламъ Палеолога объясняется не однимъ прямодушіемъ папы, но и преданностію его королю Карлу, мечтавшему о покореніи *Византіи*. Уничтоживъ законъ Николая III о римскомъ сенаторствѣ, Мартинъ IV возвратилъ этотъ санъ королю Карлу. Не осталось въ областяхъ Церкви Римской ни одного важнаго мѣста, которое бы не находилось въ рукахъ какого-нибудь приверженца короля сицилійскаго. Наконецъ, повинуясь волѣ Карла, папа отлучилъ Михаила Палеолога отъ Церкви. Это отлученіе было предшественникомъ предпринятаго Карломъ похода на Востокъ. Величаво и сильно готовился на эту войну король Силиціи и Апуліи, но обстоятельства домашнія, возмущеніе Сициліи, и послѣдствія этого славнаго возстанія, заставили Карла отказаться отъ его предпріятія. Выписываемъ слова примѣрнаго историка Муратоpія, несравненнаго цѣнителя и критика Италійской исторіи: (*) «по настоянію Карла, замышлявшаго идти войною на императора константинопольскаго, папа отлучилъ отъ Церкви греческаго императора Михаила Палеолога. Но это отлученіе сильно повредило не только Карлу, но и самой Церкви. Король сицилійскій, намѣреваясь вторгнуться въ Греческую имперію, дѣлалъ большія приготовленія, собралъ многочисленное войско и флотъ, и, можетъ быть, дѣйствительно увѣнчалъ бы полнымъ

(*) «Il Papa, ad istanza di esso Re, che meditava di portar le sue armi contro all'Imperador de Costantinopoli, scommunicò l'Imperador Greco Mi-

Digitized by Google

успѣхомъ столь обширное предпріятіе, если бы домашнія безпокойства не помѣшали его замысламъ.

XXXIX.

ЛАКАНАСЪ И АСОНЪ.

Палеологъ, узнавъ о пріемѣ, сдѣланномъ папою его посламъ, и о произнесенномъ на него отлученіи, намѣревался немедленно пресѣчь свои сношенія съ Римомъ; онъ готовъ былъ низвергнуть *Векка* съ патріархіи, и возстановить *Іосифа* въ этотъ санъ. Но Іосифъ отказался отъ всякаго общенія съ императоромъ, отвергнутымъ и восточной и западной Церковію.

Тогда Палеологъ, ожесточенный и на Востокъ и на Западъ, предался самымъ звѣрскимъ порывамъ, и *Пахимерій*, одинъ изъ лучшихъ византійскихъ историковъ, говоритъ, что дѣянія Палеолога въ ту пору могли бы только однѣми слезами быть описаны. Гоненіе императора пало особенно на защитниковъ православія. Они казались ему живымъ упрекомъ за его постыдное поведеніе въ отношеніи къ Греческой Церкви. Но появленіе на сценѣ міра одной изъ тѣхъ личностей, которыя показываются только какъ орудія правосудія Божія, отвратило кровавый гнѣвъ Палеолога отъ несчастныхъ жертвъ православія.

Среди добродушнаго и простаго народа *Болгарскаго*, явился человѣкъ низкаго происхожденія, проложившій себѣ путь къ престолу. Этотъ человѣкъ, принимавшій личину вдохновеннаго, питался только хлѣбомъ и травами, и отъ растительной пищи своей былъ прозванъ Греками *Лаканасъ*.

Отвратительная нечистота этого человѣка, занимавшагося пастьомъ свиней, внушала къ нему презрѣніе. Но какъ всѣ роковые люди, онъ умѣлъ краснорѣчіемъ своимъ обращать презрѣніе въ удивленіе, и наконецъ презиратели становились его поклонниками. Онъ говорилъ о будущемъ своемъ величіи, какъ о неминуемомъ приговорѣ судьбы, и когда, въ своей прозорли-

chele Paleologo. Il che tornò in danno gravissimo non meno del Re che della Chiesa stessa. E veramente di grandi preparamenti di gente e di navi faceva il Re di Sicilia per invadere l'Impero Greco. Forse avrebbe egli eseguito con buon successo così vasta impresa, se non si fosse da quì a non molto attaccato il fuoco alla casa propria. Ann. d'Italia, Ч. II, p. 491.

Digitized by Google

вости, онъ увидѣлъ, что часъ пробилъ, этотъ вдохновенный простолюдинъ сказалъ народу: *подымись*!—и добродушный народъ Болгарскій послѣдовалъ за нимъ. Сначала *Лаканасъ* прославился успѣхами своими противъ Татаръ. Очистивъ предѣлы Болгаріи отъ натиска Монголовъ, онъ рѣшился свергнуть съ престола Константина Теша, и его династію, имѣвшую въ себѣ много крови греческой, по Маріѣ, супругѣ Константина и племянницѣ Михаила Палеолога.

Противъ Лаканаса возстали въ одно время и царь болгарскій, и греческій императоръ. Первый былъ убитъ въ сраженіи, вторый, будучи раненъ около Адріанополя, возвратился въ Царьградъ. Марія держалась въ *Тырновѣ* съ сыномъ своимъ Михаиломъ. Болгарія была у ногъ, презрѣннаго прежде, и за низость происхожденія своего, и за необразованность свою, *Лаканаса*. Палеологъ рѣшился возстановить въ этомъ царствѣ законный порядокъ, и возвратить Болгарскій престолъ *Іоанну*, сыну царя Михаила. *Іоаннъ*, проживавшій дотолѣ на берегахъ *Скамандра*, явился къ Палеологу, сочетался съ *Ириною* дщерію императора, вѣнчался царемъ болгарскимъ въ св. Софіи, и принялъ имя *Асона*. Въ тоже время, Михаилъ, послѣдній сынъ Михаила Ангела *Комнена*, деспота эпирскаго, сочетался бракомъ съ *Анною*, другою дщерію греческаго императора.

Вслѣдъ за совершеніемъ этихъ двухъ браковъ, греческое воинство двинулось къ Болгаріи. Въ этомъ государствѣ господствовали три партіи. Иные держались стороны несчастной Маріи, супруги Константина *Теша*, другіе ожидали прибытія *Асона*, поддержаннаго сильнымъ греческимъ воинствомъ, третьи, а съ ними и весь православный Болгарскій народъ, готовы были покориться истинному представителю болгарской народности, простолюдину, выражавшему въ особѣ своей главный бытъ при-Дунайскихъ Словенъ, а именно бытъ сельскій. Предъ этимъ роковымъ простолюдиномъ все преклоняло главу. Города сдавались ему съ восторгомъ, крѣпости отворяли ему врата свои, воины строились подъ его знаменемъ. Но что болѣе всего побуждало *Словенъ* къ покоренію себя человѣку, котораго настоящее имя неизвѣстно даже исторіи, это чуждость его всего греческаго. Онъ былъ

Digitized by Google

тогда чистымъ выраженіемъ идеи словенской, идеи, которая, при великой простотѣ и необразованности Болгарскаго народа въ тринадцатомъ вѣкѣ, могла только олицетвориться въ особѣ простолюдина, принадлежавшаго низшему слою общества.

Сила этой идеи была такъ велика, что *Марія*, осажденная въ Тырновѣ, измѣривъ, съ греческой хитростію, все ея могущество, приказала сказать отвратительному Лаканасу, что она будетъ его супругою, если только онъ утвердитъ Болгарскій престолъ за ея сыномъ.

Простолюдинъ согласился на этотъ бракъ, и утратилъ любовь народа. Скоро жизнь столицы надоѣла ему. Съ своей стороны, жители Тырнова, изнѣженные безпрестанными сношеніями съ Греками, не охотно зрѣли на престолѣ человѣка простаго. Они измѣнили ему, и схвативъ Марію, отправили ее въ Адріанополь. Лаканасъ въ то время боролся съ Татарами.

Асонъ, пользуясь обстоятельствами, вступилъ въ Тырнову, и былъ провозглашенъ Царемъ. Но непостоянные Тырновцы скоро разлюбили своего избранника, и Асонъ бѣжалъ изъ своей столицы, вмѣстѣ съ сокровищами царей болгарскихъ. Ему удалось скрыть ихъ въ *Мисимвріи*. Между тѣмъ въ Тырновѣ нѣкто Тертерій восшелъ на престолъ царскій.

Не находя болѣе опоры въ Болгаріи, оба соперника, *Лаканасъ* и *Асонъ*, рѣшились прибѣгнуть къ помощи *Ногая*. Они предстали предъ ханомъ съ подарками, и льстивыми словами Асонъ опирался на покровительство Палеолога, прислашаго нарочнаго посла къ *Ногаю*, для ходатайства въ пользу *Асона*. Гордый татаринъ принялъ подарки отъ обѣхъ сторонъ, и обращаясь со всѣми высокомѣрно, наслаждался униженіемъ *Словенъ* и *Грековъ*.

Разъ, Ногай приказалъ просителямъ явиться предъ его судилищемъ. Лаканасъ, Асонъ и греческій посолъ предстали предъ *Ногая*, но вмѣсто суда, Лаканасъ и посолъ Палеолога, по мановенію хана, пали пронзенные копіемъ. Та же участь ожидала и Асона; но благочестивая *Ефросинія*, дочь Палеолога и супруга *Ногая*, заступилась за несчастнаго болгарскаго князя, и спасла ему жизнь. Испуганный жестокостію Ногая, Асонъ бѣжалъ изъ его ставки, и предпочитая безбурную жизнь подъ благословеннымъ небомъ Фригіи, превратностямъ жизни общественной, поселился снова на берегахъ *Скамандра*.

Digitized by Google

НАРОДНЫЯ ПОСЛОВИЦЫ,

СЪ ОБЪЯСНЕНІЕМЪ ПРОИСХОЖДЕНІЯ И ЗНАЧЕНІЯ ИХЪ.

Не лишнимъ, кажется, будетъ въ настоящее время,—время историко-археологическаго направленія у насъ въ Россіи,—познакомить русскихъ читателей съ народными пословицами, которыхъ большая часть, по своему происхожденію, относится къ весьма глубокой древности, нерѣдко языческо-славянской, а по качеству и значенію, представляетъ типъ самаго мѣткаго и тонкаго остроумія.

До-сихъ-поръ, у насъ не было систематическихъ объясненій родныхъ пословицъ (*), величайшимъ счастіемъ почту для себя, если настоящимъ посильнымъ трудомъ своимъ сдѣлаю доброе начало и найду въ любителяхъ родной старины русской сочувствіе къ этой трудной работѣ,—говарю трудной, потому что многія изъ пословицъ имѣютъ происхожденіе *историческое* и *аллегорическое*: и слѣд., чтобъ, по возможности, точно объяснить ихъ, для этого *необходимо* нужно быть знакому съ давнопрошедшею судьбою, обычаями, предразсудками и духомъ.

На основаніи этой необходимости, пословицы должно раздѣлить на два разряда: къ первому слѣдуетъ отнесть пословицы *историческія*, т. е. такія, которымъ начало далъ какой-нибудь древній обычай, необыкновенное событіе, даже, иногда, просто смѣшной случай; ко второму *аллегорическія*, т. е. такія, въ которыхъ, подъ образомъ животныхъ или разныхъ вещей, ярко очерчены недостатки, слабости и заблужденія людей во всѣхъ отрасляхъ домашняго и общественнаго ихъ быта.

Въ представленныхъ здѣсь пословицахъ читатель найдетъ тѣ и другія.

(*) А труды г. Снегирева? *Ред.*

Digitized by Google

1. *Якъ камень у воду.*

Пропалъ, изчезъ, какъ камень, брошенный въ воду... Пословица эта собственно означаетъ потерю чего-нибудь безъ возврата; въ переносномъ смыслѣ, выражаетъ вѣчное забытіе о нанесенномъ оскорбленіи или обидѣ,—оставленіе гнѣва или ненависти; яснѣе, — незлопамятствованіе, послѣ котораго слѣдуетъ начало дружбы. Для лучшаго уразумѣнія этой пословицы, приведемъ ее сполна, въ связи съ обстоятельствомъ, породившимъ ее. Чтобъ примирить двухъ враговъ, старики уговариваютъ ихъ забыть оскорбленія, и тутъ же приговариваютъ: *пакиньте гнъватца, нехай іено усе, што было, згине марнъ, пропадзе, якъ той камень у вадзъ* (перестаньте сердиться, забудьте,—что было между вами, пусть оно пропадетъ, какъ камень, брошеный въ воду).—Начало этой пословицы восходитъ къ самой древней эпохѣ славянскаго язычества. Извѣстно, что Славяне древніе не иначе предпринимали войну или объявляли миръ врагамъ, какъ по соизволеніи боговъ своихъ (идоловъ), которыхъ обыкновенно вопрошали въ такихъ случаяхъ жрецы (*); смотря потому, какова была на то воля божествъ, народъ воевалъ или мирился (**). Въ случаѣ мира, вожди славянскіе приглашали враговъ на берегъ моря или рѣки; когда послѣдніе являлись на условленное мѣсто, первые выступали впередъ и *бросали камни въ воду* (***), чѣмъ показывали согласіе свое на миръ, т. е. согласились забыть о враждѣ, какъ о камняхъ, брошеныхъ въ воду. Тоже самое дѣлали и приглашенные враги; затѣмъ, подавали другъ-другу правую руку и клали у ногъ идола *камни*, оружіе и деньги (****).

(*) См. *Prawda Ruska* P. Rakowieckiego, T. 1. str. 53.

(**) Напр. *Венеды* испрашивали у бога Свѣтовида согласіе на войну и на миръ... *Czas*, Krakow. Gazeta, 1851 r. N. 113. *Сравн. Helmold*, lib. II, cap. 12, p. 89—90; *Sax. Gram.* Hist. Dan. cap. XIV, p, 330—321.

(***) *Sax. Gram.* Hist. Dan. p. 297; *Dytm. Merseb.* chron. l. VI.

(****) Трактатъ Игоря съ Греками въ 945-г. См. *Prawda Ruska* P. Rakowieckiego, t. I. str. 53.

Digitized by Google

Сначала, такой обрядъ, какъ священный, былъ дѣломъ общественнымъ, государственнымъ, такъ сказать; впослѣдствіи, обратился въ домашнее, повседневное, семейное обыкновеніе... Поссорясь между собою два семейства, выступали одинъ противъ другаго съ камнями въ рукахъ; но, въ случаѣ примиренія, подавали другъ другу правую руку, цѣловались и мѣнялись камнями; потомъ, возвращаясь домой, подходили къ колодцу и туда бросали камни, приговаривая: «чтобъ прошла наша вражда, какъ пройдутъ эти камни на дно воды въ колодцѣ.» Такой обычай до сихъ поръ сохраняется въ Молдавіи, Валахіи и Сербіи (*). Похожій обычай есть въ Галиціи, Герцоговинѣ и въ губерніяхъ Гродненской и Ковенской. Случается не разъ, что раздраженные противъ своего *головы*, *старосты* или даже экономa, собираются для совѣщанія межъ собой, и, набравъ камней, отправляются поколотить нелюбаго имъ *подпанка* (вице-барина); но встрѣтивъ дорогой какое-нибудь непріязненное животное или птицу, заслышавъ вой собаки, страшное мычаніе коровы или вола (что все, по понятію предвѣщаетъ неудачу), возвращаются домой (**) и бросаютъ камни въ колодецъ, приговаривая: *нехай јено прападзе зъ каменемъ у вадзѣ* (т. е. Богъ съ нимъ!.. прощаемъ ему!..). Не потому ли и колодцы у нѣкоторыхъ неспокойныхъ, раздражительныхъ домохозяевъ до того запружены бываютъ камнями, что нужно очищать ихъ отъ этихъ обязательныхъ символовъ частыхъ ссоръ?? Отчегоже и не сдѣлать такаго предположенія объ этихъ запруживаніяхъ, когда сами утверждаютъ такъ?.. какъ бы ни было, но пословица: *якъ камень у воду*, выродилась изъ древняго славянскаго обыкновенія (обряда) — заключать миръ посредствомъ бросанія камней въ воду... Хотя самый обычай обрядоваго примиренія изгладился въ теченіе столькихъ вѣковъ и особенно вѣковъ христіанскихъ, но память объ немъ сохранилась въ означенной пословицѣ.

(*) Brevis notitia fundationis Theodori Koriathowitz pro religionis Ruthenis ordinis s. Basilii ad Munkacs, *Cassoviæ*, an. 1799. p. 74.

(**) Такъ же поступаютъ, если встрѣтятся съ священникомъ или съ старыми людьми, и тѣ, зная ихъ намѣреніе, успѣютъ усовѣстить и успокоить ихъ.

Digitized by Google

2. *Вырвався, якъ шляхцицъ зъ Канапель.*

Выскочилъ (*обозвался*), *какъ шляхтичъ изъ Конопель*... Пословица эта имѣетъ слѣдующее значеніе: «не знаетъ, въ чемъ дѣло, а споритъ, возражаетъ.» Происхожденіе ея историческое.

Нужно знать, что слово *Конопе́ль* происходитъ не отъ *конопля* — растеніе, а отъ деревушки или *застѣнка* (*) *Конопли* (**). Преданіе говоритъ, что въ этомъ застѣнкѣ былъ какой-то шляхтичъ богатый, который не умѣлъ ни читать, ни писать, а только зналъ *гроши добывать* (деньги наживать).—Какъ богатый, да еще необразованный, онъ ни во что ставилъ всѣхъ своихъ сосѣдей, даже нѣкоторыхъ именитыхъ помѣщиковъ, современныхъ магнатовъ, въ томъ числѣ и извѣстнаго Карла *Радзивила* (Panie kochanku!!). Узналъ объ этомъ гордый воевода виленскій, владѣтель Несвижа, Койданова и Клецка, и захотѣлъ проучить полу-панка неуча шляхтича. Для этого созвалъ домашній несвижскій сеймикъ, на который пригласилъ всѣхъ богатыхъ своихъ сосѣдей—помѣщиковъ, въ томъ числѣ и шляхтича изъ Конопель. Шляхтичъ чуть съ ума не сошелъ отъ такой радости: приглашеніе на княжескій сеймъ еще болѣе надменности поселило въ душѣ его. Онъ самъ не зналъ, какъ нарядиться на сеймикъ:—навьючилъ на себя всѣ свои золотыя и серебряныя регаліи, запрягъ шестернею допотопную ковчегообразную колымагу, и въ такомъ видѣ отправился въ Несвижъ... Не обошлось безъ смѣху, когда онъ появился на дворѣ княжескомъ.—Когда шляхтичъ вошелъ въ залъ, гдѣ былъ назначенъ сеймикъ, его встрѣтилъ лакей и сказалъ, что уже всѣ мѣста заняты; но коноплянинъ, ни мало не сконфузившись такимъ извѣстіемъ, потащился впередъ, и, увидѣвъ никѣмъ не занятое первое мѣсто, назначеное для Радзивила, безцеремонно усѣлся на немъ. Всѣ сидѣвшіе съ удивленіемъ посмотрѣли на дерзкаго шляхтича,

---

(*) *Околотокъ* или *островокъ*, гдѣ особыми племенами съ древнихъ временъ живетъ мелкая шляхта бѣлорусская, переименованная теперь въ вольныхъ хлѣбопашцевъ и даже однодворцевъ.

(**) Въ Минской губерніи, Игуменскомъ уѣздѣ.

Digitized by Google

но, предупрежденные Радзивиломъ, ни полслова не сказали ему и только улыбнулись въ душѣ. Открылся диспутъ, который довольно долго продолжался: не привыкшій къ подобнымъ засѣданіямъ, да и не понявъ, о чемъ тамъ толковали, шляхтичъ вздремнулъ; въ это время секретарь сейма подошелъ къ нему, и, разбудивъ его, спросилъ: «какъ ваша милость рѣшитъ этотъ вопросъ?.» Пробужденный конопляникъ, какъ бы сквозь сонъ отвѣчалъ заученною фразою: «да этаго быть не можетъ,—я не согласенъ (nie pozwalam)!..»—Какъ такъ! возразили сидѣвшіе въ первыхъ рядахъ креселъ...—«Да не согласенъ я!. Вотъ и баста!..»—Что вы, что вы? закричали чуть ли не всѣ, присутствовавшіе на сеймикѣ.. Какъ можно не соглашаться на то, чтобъ дворянинъ имѣлъ первенство предъ мѣщаниномъ?..—«А!.. да я не слышалъ этого»... отвѣчалъ неучь... Раздался смѣхъ по всей залѣ, и послышались голоса: «Что это за штука? Кто онъ такой?.. Не мѣщанинъ ли онъ какой, что защищаетъ мѣщанъ и хочетъ выхлопотать имъ первенство предъ шляхтою?..»—Въ эту минуту изъ боковыхъ дверей вышелъ Радзивилъ и громко сказалъ: «да это—шляхтичъ изъ Конопель»!!.. Всѣ захлопали въ ладоши и расхохотались; нѣкоторые же прокричали: «вотъ вырвался шляхтичъ изъ Конопель!!»—Бѣднаго конопляника выпроводили изъ зала и этимъ униженіемъ немало сбавили съ него спѣси, такъ что самозванецъ-магнатъ пересталъ гордиться своимъ богатствомъ, и рѣшился, на старости лѣтъ, взяться за граматику, географію, ариѳметику и исторію...

Съ-тѣхъ-поръ, между шляхтою пошла поговорка: *вырвался, якъ шляхцицъ зъ Канапель*... Когда кто-нибудь вмѣшивается въ разговоръ и споритъ о томъ, чего не знаетъ или не разслушаетъ,—говорятъ въ насмѣшку: вырвался, какъ шляхтичъ—конопляникъ!.. и этимъ конфузили выскочку, болѣе чѣмъ самымъ ругательствомъ; потому что анекдотъ о конопляникѣ извѣстенъ почти всякому *застенковому* шляхтичу.

У поляковъ, есть варіантъ этой пословицы: *wyrwał się jak Filip z Konopi*: здѣсь указано даже имя шляхтича, посрамленнаго на сеймѣ (*).

(*) См. Krótkie przypowieści dawnych Polaków... *Krakow.* 1819 г.

Digitized by Google

3. *Ноги дзярэць, а боты на кійку нясэць.*

Варіантъ: носъ дзярець, а чабары на кручку цагнець.

Задираетъ, высоко поднимаетъ ноги (носъ), а сапоги несетъ (тащитъ) на палочкѣ (на крючкѣ).—Пословица эта употребляется мужичками въ насмѣшку противъ голой *застѣнковой* шляхты, которая, по своей бѣдности, воспитанію и одеждѣ почти не различается отъ обыкновенныхъ крестьянъ, а въ обществѣ съ ними *задираетъ носъ*... Нужно знать, что застѣнковая шляхта не что иное, какъ обѣднѣвшіе безпомѣстные дворяне,—остатки древней многочисленной свиты при дворахъ владычествовавшихъ польскихъ королей, удѣльныхъ конфедераціонныхъ магнатовъ и вообще богатыхъ владѣльцевъ. Было время, когда короли польскіе или удѣльные магнаты (какъ напр. Ходкевичи, Радзивилы и пр., которые имѣли свои войска, стражу, тѣлохранителей и вели между собою войны), за малѣйшую услугу во время путешествій, охоты и пирушекъ, дарили своимъ любимцамъ-угодникамъ и прислужникамъ клочки земли, и награждали, отъ имени королей, потомственнымъ дворянствомъ. Нѣкоторые изъ этихъ самозванцевъ-дворянъ впослѣдствіи сдѣлались богатыми и вышли въ знатные люди; но большая часть изъ нихъ,—безъ всякаго воспитанія и образованія,—поселялась на даровыхъ земляхъ, обстроивалась и жила кое-какъ доходами съ обработки полей, продажи скота, лошадей и т. п. Впослѣдствіи, эти бѣдные доморощенные дворяне, или, какъ ихъ зовутъ застѣнковая шляхта, состояніемъ своимъ сравнялись съ крестьянами, нѣкоторые даже стали ниже ихъ: принуждены сами пахать землю, пасти стада, убирать сѣнокосы, доить коровъ, копать гряды въ огородахъ; мало того, въ настоящее время дошли до того, что даже нанимаются у богатыхъ мужичковъ для полевыхъ и домашнихъ работъ: ясно, что, при такомъ положеніи обстоятельствъ, они не могли, и тѣмъ болѣе не могутъ теперь, одѣваться *по-дворянски*, а стали носить зипуны (свитки) изъ простаго сѣраго крестьянскаго сукна и лапти изъ лыкъ,—и только по праздникамъ наряжаться въ бо-

Digitized by Google

лѣе тонкіе сюртуки, сапоги и шапки съ козырьками. Между тѣмъ, не смотря на свою бѣдность, они всё-таки твердо помнятъ о своемъ псевдо-дворянскомъ происхожденіи отъ незапамятныхъ временъ Сигизмунда III, Владислава IV или Яна-Казимира; и хотя большая часть изъ нихъ, по нынѣшнему преобразованію, за неимѣніемъ дворянскихъ документовъ, попала въ однодворцы или вольные хлѣбопашцы (съ обязательствомъ рекрутства), но все-таки не хотятъ вести хлѣба-соли съ сосѣдами-мужичками, нерѣдко гораздо почище и побогаче ихъ. Тотъ же самый, который нанимается у мужичка за *пáробка* (работника, поденщика), держитъ себя въ *почтительномъ* отдаленіи отъ него и постоянно твердитъ о своемъ *шляхетствѣ* (хотя недоказанномъ). Онъ ни за что не пойдетъ на игрище крестьянъ и не приметъ участія въ дружеской бесѣдѣ ихъ; напротивъ, держится своего застѣнка и только съ *застѣнковыми* камрадами предается всякимъ возможнымъ забавамъ и потѣхамъ. — Промучась всю недѣлю за тяжкой работою, *шляхтуны* отправляются въ воскресный день въ ближайшую церковь (или костёлъ), или на вечеринку, и тутъ-то, во время своего путешествія, презабавны они: такъ какъ праздничный нарядъ есть единственный, въ которомъ щеголяютъ они въ извѣстныя эпохи года, то и обходятся съ нимъ крайне-осторожно; обыкновенно мужчины — сюртуки, а женщины — платья несутъ подъ мышкою, а башмаки (чабары) или сапоги (боты) — за плечами на веревочкахъ или на палочкахъ.... Разумѣется, при встрѣчѣ съ мужикомъ, всѣ они держатъ себя по-*шляхéтски*, т. е. отворачиваются отъ мужика и не хотятъ здороваться съ нимъ. Тутъ-то невольно вырвется изъ устъ мужичка насмѣшливая улыбка и дома, межъ своими, а подчасъ и въ глаза этимъ же гордецамъ, какъ придутъ къ нему просить работы, замѣтитъ: «видишь,—голъ, какъ соколъ, а туда же и онъ гордится!... шляхтура этакая!... *ноги дзярéць, а боты на кійку пясéць*....

Пословица эта очень вѣрно характеризуетъ остроуміе бѣлорусскаго мужика и вмѣстѣ неумѣстную надменность застѣнковой шляхты.—Отсюда очень понятно происхожденіе и значеніе этой бойкой и меткой пословицы!...

Digitized by Google

4) *Схавай грашульку на зязюльку.*

Варіантъ: Схавай три грошы у руку на куку.

Припрячь денежку на ту пору, какъ явится кукушка и прокричитъ куку, т. е. *на весну*. — Происхожденіемъ своимъ пословица эта обязана древнему преданію Славянъ о кукушкѣ. Еще язычники — Славяне вѣрили, что, съ появленіемъ въ лѣсахъ кукушки, начиналась весна, и что тотъ, кто, услышавъ ея голосъ въ первый разъ, зазвенитъ деньгами (въ рукѣ или въ карманѣ), будетъ счастливъ цѣлый годъ; если же не имѣетъ на ту пору при себѣ денегъ, то потерпитъ величайшую потерю или неудачу въ предпринимаемомъ дѣлѣ, — если это будетъ дѣвица, то не выйдетъ за мужъ въ тотъ годъ. На основаніи этого, древніе Славяне считали величайшимъ преступленіемъ убить кукушку, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя племена славянскія боготворили ее (*). — Это преданіе о кукушкѣ вполнѣ сохранилось. Влюбленная поселянка, заслышавъ въ первый разъ голосъ кукушки, спѣшитъ побренчать деньгами, и, если на это бренчанье кукушка отвѣтитъ: *куку*, то гадаетъ о своемъ замужствѣ въ текущемъ году. Новоженцы бренчатъ деньгами и спрашиваютъ кукушку: «какъ долго проживемъ мы вмѣстѣ (**)?» Сколько разъ отвѣтитъ кукушка, столько, вѣрятъ, проживутъ они.... (хотя извѣстно изъ наблюденій естествоиспытателей, что кукушка болѣе 20 разъ не повторяетъ: куку....). Но всего важнѣе то повѣрье, что если мужчина забренчитъ деньгами, то у него будетъ водиться копейка въ-продолженіи всего года.... Оттого-то подобно предкамъ своимъ Славянамъ, считаютъ грѣхомъ застрѣлить кукушку.

На основаніи такого происхожденія этой пословицы о кукушкѣ, можно указать и значеніе ея (пословицы); она будетъ имѣть такой смыслъ: «носи весною при себѣ деньги, чтобъ, какъ

(*) *Noworocznik* Aug. Bielowskiego, *Lwow*, 1837 г.—См. Слово—*Zievonia*.

(**) *Нѣмцы* спрашиваютъ: Kuckuk, sag'mir an, wie viel Jahr ich noch leben kann?... *Поляки* говорятъ: Moja kukuleczko! sliczna Panienczko! ile ja będę żył lat z moją ulubioną?...

Digitized by Google

услышишь въ первый разъ—*куку*, могъ забренчать имя и такимъ образомъ выворожить себѣ счастье»; въ переносномъ же смыслѣ будетъ значить: «береги деньги на весну, или — что́ тоже —на черный день, потому что весна для крестьянъ тоже, что́ черный день, т. е. весною въ деревняхъ обыкновенно бываетъ недостатокъ въ запасахъ хлѣба, огородныхъ овощей и т. п.;—слѣд., кто не сберегъ денегъ на весну, тотъ будетъ несчастливъ, т. е. потерпитъ голодъ.

5) *Мядвѣдзь што ско́чиць, то цыганъ гро́шы вало́чиць.*

Варіантъ: Мядвѣдзь танцуецъ, цыгану на сало *шанцуецъ*.

Медвѣдь скачетъ, а цыганъ деньги забираетъ, или: *медвѣдь скачетъ и тѣмъ кормитъ Цыгана, зарабатываетъ ему сало.* — Пословица эта ведетъ свое начало отъ недавно еще существовавшаго медвѣдеводства. Теперь оно уже уничтожено; шлявшіеся лѣнивые Цыгане обращены въ хлѣбопашцевъ. Но очень недавно—было время, когда Цыгане почти промышляли медвѣдеводствомъ. Поймавъ нѣсколькихъ медвѣдей и сдѣлавъ ихъ ручными, пріучали этихъ животныхъ къ разнымъ фокусъ-покусамъ, и потомъ цѣлымъ хороводомъ (по нѣскольку семействъ вмѣстѣ) шлялись по городамъ и селамъ; тамъ забавляли народъ ловкостію своихъ питомцевъ и за то получали плату не только деньгами, но и всякими продуктами, а особенно любимымъ ими саломъ свинымъ. Хлѣбъ очень легкій!.. трудовъ никакихъ, — всего, что́ смотрѣть за своими питомцами; а между-тѣмъ, все семейство было сыто и даже очень сыто.... Понравилась такая жизнь Цыганамъ, и они кочевали бы такъ до скончанія міра; — но вотъ бѣда!... не довольствовалось черное отродье подачкою, — стало воровать лошадей, свиней и т. п.; видно, какъ ни корми волка, а онъ все-таки въ лѣсъ глядитъ.... Ну и прибрали ихъ къ рукамъ, — запретили шляться и засадили за плугъ.... Изъ этого можно видѣть, какъ ѣдка и многозначительна пословица: медвѣдь скачетъ, а Цыганъ деньги забираетъ!!.. Въ самомъ дѣлѣ, медвѣдь трудится, мучится, а Цыганъ ни за что деньги беретъ.... Не правда ли, что на Божьемъ свѣтѣ весьма много есть такихъ Цыгановъ?.... Какъ часто *медвѣди* работаютъ, трудятся, а

Digitized by Google

плата... *Цыганамъ* достается!!!. Очевидно, что эта пословица направлена противъ людей праздныхъ, которые ничего не дѣлаютъ, а между тѣмъ живутъ припѣвaючи,—словомъ, противъ тѣхъ, которые любятъ чужими руками жаръ загребать.... Пословицу эту мужички употребляютъ противъ своихъ экономовъ, старостъ и управителей, которые, пользуясь отсутствіемъ помѣщиковъ, ботатѣютъ потолику, поколику бѣднѣютъ крестьяне....

6) *Хоць вы насъ капутъ, то мы не галёмъ.*

Хоть ты убей насъ, не пойдемъ. Слова —*капутъ* и *галемъ*,— очевидно, исковерканные, особенно *галёмъ* — вмѣсто француз. *allons*... Пословица эта очень нова, — выродилась изъ событія 1812 года.... Извѣстно, что французскіе офицеры и солдаты весьма жестоко обращались въ то время съ русскими крестьянами; заставляли ихъ не по силамъ возить и носить тяжести, такъ-что мучили не только людей, но и лошадей и воловъ. — Такъ-какъ эта пословица существуетъ по преимуществу въ *Борисовщинѣ* (*), то нужно думать, что Французы слишкомъ дались въ знакъ Борисовцамъ; видно, очень жутко приходилось бѣднымъ, когда, не смотря на ругательства и побои, осмѣливались возражать своимъ мучителямъ и отказывались исполнять ихъ приказанія. — Смыслъ этой пословицы таковъ: — ихъ заставляли перевозить раненыхъ, аммуниціи и разныя другія вещи военныя; измученные сами, видя, что ихъ лошаденки и волы падали на ходу отъ усталости, холоду и голоду, бросали поводья и въ отчаяніи кричали: «хоть вы зарѣжьте насъ, дальше не пойдемъ!»

Впослѣдствіи, значеніе этой пословицы обобщилось и сдѣлалось обширнѣе: нынѣ Борисовцы, въ упрекъ Нѣмцамъ или Французамъ, — живущимъ при помѣщикахъ, въ случаѣ угрозъ первыхъ за неисполненіе какого-нибудь порученія, говорятъ: *хоць вы насъ капутъ, то мы не галёмъ*; очевидно, въ этомъ случаѣ пробивается насмѣшка и даже пренебреженіе къ чужеземнымъ наемникамъ.

(*) Борисовскій уѣздъ, Минской губерніи.

Digitized by Google

7) *Бабиныхъ грушъ нарушъ: своё трави, бабъ няни.*

Не трогай бабьихъ грушъ; своихъ натряси, да бабъ поднеси. Здѣсь ясно говорится объ угожденіи женщинамъ вообще и въ особенности старухамъ-бабамъ. И въ самомъ дѣлѣ, между крестьянами, не смотря на простоту, *необразованность*, въ высшей степени преобладаетъ уваженіе къ женщинамъ, особенно къ бабамъ.... Судя потому, что деревенская женщина ни во что не мѣшается въ дѣлахъ важныхъ (*), какихъ-нибудь торговыхъ оборотахъ, денежныхъ предпріятіяхъ, — никакъ не поймешь, почему оказываютъ такое угожденіе женщинамъ?.. И отчего именно угожденіе какое-то боязливое, соединенное со страхомъ и покорностію?.. А вѣдь эта пословица очень ясно говоритъ о раболѣпствѣ предъ женщинами.... Кажется, не сдѣлаемъ натяжки, если начало этой пословицы возведемъ къ древнему вѣрованію Славянъ въ могущество старухъ-бабъ, *вѣдьмарокъ* (вѣдунья, *вѣдьмарка*). У язычниковъ — предковъ нашихъ, старухи-*знахарки* очень важную роль (**) играли въ дѣлахъ религіи и разныхъ священно-жреческихъ обрядахъ; онѣ считались исполнительницами воли боговъ и нечистой силы (*нечистика* ***): оттуда выродилась *Баба-Яга*, оттуда явилось понятіе о хитрости бабъ. По наслѣдству отъ предковъ-Славянъ, бабы *знахарки* занимаются ворожбою, гаданьями, колдованьями, приговариваньями, составленіемъ настоекъ изъ разнаго *зелья* (травъ) и заговариваньями; очень быть можетъ, что, на основаніи такого повѣрья, оказываютъ боязливое уваженіе къ женщинамъ, особенно старухамъ-бабамъ. — А можетъ быть, въ этой пословицѣ говорится только объ угожденіи молодыхъ парней-жениховъ старымъ женщинамъ, отъ которыхъ зависитъ судьба жениха, сватающагося за извѣстную дѣвушку: въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, все

(*) Даже рабски-азіатски подчинены женщины мужчинамъ.

(**) См. мое *изслѣдованіе о вовкалакахъ*, на основаніи повѣрій.

(***) См. тамъ же.

Digitized by Google

рѣшаютъ женщины, мужчины не мѣшаются въ такія бабьи дѣла. — Наконецъ, можетъ быть, означенною пословицею потому внушается угожденіе женщинамъ, особенно старухамъ-бабамъ, что онѣ бываютъ раздражительнѣе, а слѣдовательно и мстительнѣе мужчинъ.... Извѣстно, что женщина подчасъ и добрѣе и милостивѣе, а не рѣдко во гнѣвѣ неумолимѣе всякаго мужчины....

8) *Валá зъѣдуць, зайца забыоць.*

Пока убьютъ зайца, такъ съѣдятъ вола. — Пословица эта очень вѣрно характеризуетъ старинныя дворянскія охоты (облавы), соединенныя съ величайшими издержками: отсюда выродилась означенная пословица.... И теперь еще водятся такія охоты барскія; но что онѣ значатъ въ сравненіи съ прежними, какія были, напримѣръ, у русскихъ магнатовъ?... Извѣстно (*), что, когда Янушъ Радзивилъ затѣвалъ охотиться, то къ нему съѣзжалось столько народа дворянскаго и недворянскаго, что, для прокормленія его, требовалось не *одного вола*.... — Употребляя эту пословицу, ясно даютъ знать, что затѣй и расходовъ во время охоты бываетъ множество, а дѣло кончается ловлею какого-нибудь зайца, что, дѣйствительно, и бываетъ; не разъ, охотники проблуждаютъ весь день по лѣсу, и ничего не принесутъ домой.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПАВЕЛЪ ШПИЛЕВСКІЙ.

Варшава,
1852 года, мая 28 дня.

(*) Изъ преданія жителей Несвижа; кромѣ того, объ этихъ охотахъ Радзивиловскихъ хранится рукопись въ несвижской замковой библіотекѣ.

Digitized by Google

КРОМВЕЛЬ БУДЕТЪ-ЛИ КОРОЛЕМЪ?

(Отрывокъ изъ неизданной исторіи Англійской республики и Кромвеля, Гизо).

Въ минуту рѣшительныхъ успѣховъ Длиннаго-парламента, когда Карлъ I-й, выданный Шотландцами, былъ уже въ его рукахъ, въ концѣ 1646 года, Кромвель, прогуливаясь въ одно утро съ Лудловомъ, сказалъ ему: «что за низость служить парламенту! Какъ ни будь вѣренъ, но, если какой-нибудь законникъ оклевещетъ тебя, то ужъ никогда не смоешь его пятна, а служа подъ начальствомъ одного человѣка, приносишь пользу, и не боишься ни порицаній, ни зависти» (1). Монархія еще существовала; республика едва еще виднѣлась въ перспективѣ; а Кромвель, въ порывѣ честолюбія, уже сердился, что спорили о власти или дѣлили ее съ нимъ, что парламентъ не изчезъ передъ нимъ, какъ король, и что полководецъ-побѣдитель не былъ единственнымъ повелителемъ.

Черезъ пять лѣтъ, въ 1651 году, англійская революція и счастье Кромвеля сдѣлали огромные шаги; Карлъ I-й погибъ на эшафотѣ; объявлена была республика; Кромвель, своей ворчестерской побѣдой, уничтожалъ раждавшіяся надежды Карла II и послѣднія силы роялистской партіи; онъ съ торжествомъ возвратился въ Лондонъ. 10 декабря онъ созвалъ къ оратору Нижняго парламента на совѣтъ нѣкоторыхъ изъ военачальниковъ и представителей парламента; съ одной стороны находились здѣсь Флитвудъ, Десборугъ, Гаррисонъ, Валлей, товарищи въ войнѣ и въ побѣдѣ генерала,

(1) Ludlow, *Memoires*, t. 1. pag. 209; въ *Collection des Memoires de la Revolution d'Angleterre*, par m. Guizot.

Digitized by Google

съ другой —Витлокъ, Виддрингтонъ, Сентъ-Джонъ, Ленталъ, гражданскіе вожди и дѣятели революціи.

«Теперь, такъ какъ прежній король умеръ, а сынъ его совершенно низложенъ, я считаю необходимымъ приступить къ установленію прочнаго правленія для націи. Я созвалъ этотъ совѣтъ для того, чтобы мы вмѣстѣ могли обсудить, что надобно дѣлать и что предложить парламенту».

Гаррисонъ. «Лордъ генералъ предлагаетъ, я думаю, учредить такую форму правленія, которая бы обезпечивала нашу гражданскую и религіозную независимость, чтобы не лишить себя милостей, которыми Господь ущедрилъ насъ. Какъ это сдѣлать, — вотъ въ чемъ теперь вопросъ».

Витлокъ. «Дѣйствительно, это великій вопросъ, и очень было бы жаль, еслибъ собраніе такихъ способныхъ и достойныхъ особъ ничѣмъ его не рѣшило. Я покорнѣйше спросилъ бы, прежде всего, не нужно-ли объяснить, на какомъ основаніи установить эту форму правленія: сдѣлать-ли совершенную республику, или ввести въ нее какую-нибудь примѣсь монархіи».

Кромвель. «Милордъ Витлокъ коснулся настоящаго пункта въ вопросѣ; мое намѣреніе дѣйствительно таково, чтобы опредѣлить, что лучше: учредить республику, или монархическое правленіе смѣшанное, и если надо будетъ допустить что-нибудь монархическаго, то на кого возложить эту власть».

Десборугъ и Валлей. «Почему-жъ бы не могъ этотъ народъ, подобно другимъ, имѣть республиканскій образъ правленія? И, притомъ же, еслибъ мы допустили что-нибудь монархическаго, то кого избрать намъ? Старшій сынъ короля ведетъ съ нами войну, другой сынъ — тоже врагъ нашъ.

Виддрингтонъ. «Третій сынъ покойнаго короля, герцогъ глочестерскій, всегда въ нашихъ рукахъ, онъ столько молодъ, что не можетъ поднять противъ насъ оружіе, или проникнуться идеями нашихъ враговъ».

Витлокъ. «Можно старшему сыну короля, или его брату, герцогу Йоркскому, назначить извѣстное время, чтобъ они явились въ парламентъ, и тогда, на условіяхъ, которыя покажутся приличными и дѣйствительными для обезпеченія

Digitized by Google

нашей гражданской и религіозной свободы, вмѣстѣ съ ними можно учредить образъ правленія».

Кромвель. «Это дѣло чрезвычайно трудное; но я, дѣйствительно, думаю, что, еслибъ это можно было сдѣлать безъ нарушенія нашихъ правъ, — Англичанъ и христіанъ, образъ правленія съ небольшою примѣсью власти монархической былъ бы очень полезенъ и дѣйствителенъ».

И послѣ долгихъ толкованій, совѣтъ разошелся, не сдѣлавъ ничего, потому что Кромвель не увидѣлъ средства привести его къ своей цѣли (1).

Но онъ вывѣдалъ мнѣнія значительныхъ людей, и надѣялся привлечь ихъ на свою сторону, когда наступитъ минута дѣйствовать. Къ концу слѣдующаго (1652) года, его личное положеніе стало въ одно и то же время выше и затруднительнѣе; каждый день готова была вспыхнуть борьба между войскомъ и парламентомъ: парламентъ хотѣлъ ограничить войско; войско хотѣло заставить парламентъ разойдтись и избрать себѣ преемниковъ. Благодаря съ одной стороны надеждамъ войска, съ другой—опасеніямъ парламента, Кромвель при этой борьбѣ видимо возвышался. Къ нему относились и съ европейскаго материка, и въ самой Англіи, какъ къ будущему правителю государства. Графъ д'Эстрадъ, посланникъ Людовика XIV въ Голландіи, былъ уполномоченъ кардиналомъ Мазарини стараться о возстановленіи хорошихъ отношеній между Франціей и Англіей; онъ писалъ къ кардиналу: «Узнавъ о намѣреніяхъ вашего высокопреосвященства относительно предложенія Англіи, я поспѣшилъ передать ихъ другу моему въ Лондонъ, и просилъ какъ можно скорѣе отвѣта. Сегодня утромъ онъ пріѣхалъ самъ въ этотъ городъ, и сказалъ мнѣ со стороны г. Кромвеля, что республика требуетъ, чтобы король призналъ ее, и поскорѣе бы присылалъ посланника, и чтобы было заплачено ея подданнымъ за то, что взято у нихъ на морѣ.... Потомъ онъ сказалъ мнѣ, что г. Кромвель поручилъ ему передать мнѣ, что, если вашему высокопреосвященству нельзя будетъ оста-

(1) Whitelocke, Memorials of the English affairs, p. 516; edit de 1732.

Digitized by Google

ваться во Франціи и ваши враги заставятъ васъ удалиться изъ нея,—онъ обѣщалъ, что вы будете хорошо приняты въ Англіи, если захотите удалиться сюда, и республика будетъ оказывать вамъ всѣ почести; что данъ будетъ хорошій домъ для вашего помѣщенія, гдѣ вы будете совершенно безопасны, и можете свободно совершать свое богослуженіе, и что, если вздумаете отправиться въ Римъ, дадутъ корабли для васъ и для всего вашего экипажа, и вамъ будетъ можно ѣхать, куда угодно» (1). Такимъ-то образомъ Кромвель, вслѣдствіе простаго политическаго предвидѣнія, уже располагалъ гостепріимствомъ и кораблями Англіи. Это значило дѣйствовать королевски, не бывши королемъ: положеніе, въ которомъ нельзя оставаться; будучи такъ близко къ вершинѣ, надобно либо утвердиться, либо упасть.

7-го ноября 1652 года Кромвель, встрѣтивши Витлока, который прохаживался въ Сент-Джемскомъ паркѣ, остановилъ его съ «вѣжливостію, большею чѣмъ обыкновенною», и отведя въ сторону, сказалъ ему:

«Милордъ Витлокъ, я знаю вашу вѣрность доброму дѣлу, за которое взялся я, вмѣстѣ съ другими нашими друзьями. Знаю также вашъ превосходный умъ и особенную дружбу ко мнѣ. Я хочу потолковать съ вами на счетъ нашихъ важныхъ дѣлъ. Дѣйствительно, милордъ, намъ съ вами вездѣ мѣсто разсуждать объ опасномъ положеніи, въ которомъ всѣ мы находимся, и о средствахъ употребить въ пользу успѣхи, которые даровалъ намъ Богъ. Вмѣсто того, чтобы потерять ихъ какъ дуракамъ, и самимъ себя терзать внутренними несогласіями и взаимными неудовольствіями, намъ надобно соединить въ одно наши совѣты, наши руки и сердца, чтобы принесло плодъ то, что мы купили такъ дорого, цѣною такихъ опасностей, такихъ сокровищъ и столько пролитой крови».

Витлокъ. «Это правда, милордъ; наши теперешнія опасности мнѣ кажутся большими тѣхъ, какія мы когда-то видѣли на полѣ битвы; какъ говоритъ ваше превосходительство, мы

(1) Le comte d'Estrades au cardinal Mazarin; 7 mars 1653. — Archives des affaires étrangères de France.

Digitized by Google

сами трудимся именно надъ собственнымъ уничтоженіемъ, чего никогда не могли сдѣлать съ нами наши враги. Нисколько не удивительно, что такое храброе войско, какъ ваше, совершенно усмиривши своихъ враговъ, предается честолюбивымъ замысламъ и затѣваетъ заговоры; я скорѣе дивлюсь тому, что ваши отважные офицеры, которые остаются теперь въ бездѣйствіи, и которымъ часто кажется, что заслуги ихъ плохо вознаграждены, не начинаютъ открытаго возмущенія. Солдаты, отъ нечего дѣлать, также легко могли предаваться всякаго рода безпорядкамъ; послѣ Бога, милордъ, единственно ваши превосходныя распоряженія такъ долго удерживали ихъ въ порядкѣ, и не давали имъ бунтовать».

Кромвель. «Я дѣлалъ и буду дѣлать все, что могутъ мои бѣдныя усилія для того, чтобы удержать ихъ въ порядкѣ и покорности».

Витлокъ. «Ваше превосходительство до сихъ поръ дѣйствовали удивительнымъ образомъ».

Кромвель. Дѣйствительно, Богъ благословилъ меня обильно въ этомъ отношеніи, и, надѣюсь, продолжитъ свои благословенія. Какъ ваша милость изволили замѣтить, армейскіе офицеры склонны къ возмущеніямъ и ропоту, видя, что не получаютъ ни выгодъ, ни повышенія, ни мѣстъ, которыя даются людямъ, ничего не потерпѣвшимъ и ничѣмъ не отваживавшимся для республики; ихъ вліяніе на солдатъ производитъ между ними подобное недовольство и ропотъ. Что касается до членовъ парламента, то войско начинаетъ слишкомъ обнаруживать свою досаду противъ нихъ, и мнѣ хотѣлось бы, чтобъ оно имѣло поменьше поводовъ къ тому; но въ самомъ дѣлѣ, ихъ гордость, ихъ честолюбіе, жаръ, съ которымъ они стараются захватить для себя и для своихъ друзей всѣ почетныя и выгодныя мѣста, замедленія, которыя они производятъ въ дѣлахъ, ихъ очевидные замыслы упрочить навсегда за собою власть,—все это, милордъ, даетъ людямъ слишкомъ основательный поводъ дурно говорить о нихъ, и смотрѣть на нихъ съ отвращеніемъ. И такъ-какъ въ ихъ рукахъ находится высшая народная власть, такъ-какъ они никому не обязаны отдавать отчетъ, и не встрѣчаютъ никакой силы высшей или

Digitized by Google

равной имъ, которая бы свидѣтельствовала или исправляла ихъ образъ дѣйствій,—то очень трудно надѣяться отъ нихъ хорошаго учрежденія правительства. Нѣтъ, именно нельзя надѣяться на это. Если мы забудемъ Бога, то и Богъ насъ забудетъ; и эти люди подвергнутъ насъ смятеніямъ, если допустить ихъ слѣдовать ихъ путямъ. Надо придумать какое-нибудь средство усмирить ихъ, или мы погибнемъ ».

Витлокъ. « Но вѣдь мы же признали ихъ верховною властью; отъ нихъ мы получаемъ порученія и отъ нихъ заимствуемъ свою важность; трудно найдти средство къ усмиренію ихъ ».

Кромвель. « А что, еслибъ кто-нибудь вздумалъ сдѣлаться надъ ними королемъ? »

Витлокъ. « Я думаю, что лекарство было бы хуже самой болѣзни ».

Кромвель. « А почему вы такъ думаете »?

Витлокъ. « Для васъ лично, милордъ, королевскій титулъ не прибавилъ бы ровно ничего. Надъ войскомъ и милиціею, вы и теперь, какъ генералъ, имѣете вполнѣ королевскую власть. Что касается до произведенія въ гражданскіе чины, тѣ, которыхъ вы назначаете, рѣдко получали отказъ. Относительно законовъ,—правда, вы не имѣете права отмѣнять ихъ, но за то трудно постановить что-нибудь такое, что вамъ не нравится. Налоги установлены, и вы располагаете деньгами, которыя получаются отъ сборовъ. Что касается до иностранныхъ дѣлъ,—хотя для формы они предлагаются парламенту,—но на самомъ дѣлѣ, хорошаго-ли, дурнаго-ли успѣха въ переговорахъ, ждутъ единственно отъ вашего превосходительства, и просьбы иностранныхъ министровъ адресуются только къ вамъ. И такъ, на мой взглядъ, вы, и въ качествѣ генерала, только при меньшей опасности и торжественности,—вы такъ же могущественны, и на такой же стоите ступени, чтобъ дѣлать добро, какъ если бы приняли и королевскій титулъ ».

Кромвель. « Какую же вы видите опасность въ принятіи этого титула? »

Digitized by Google

Витлокъ. «А вотъ какую. Одинъ изъ главныхъ предметовъ спора между нами и нашими противниками, это вопросъ, какое будетъ у насъ учреждено правленіе, монархическое или республиканское. Если ваше превосходительство приметъ королевскій титулъ, то уже не будетъ болѣе неизвѣстности касательно характера вашихъ намѣреній, и монархія явится въ вашей особѣ. И вопросъ будетъ не въ томъ уже, республиканское или монархическое будетъ у насъ правленіе, но кому, Кромвелю или Стюарту быть монархомъ. Это будетъ вопросъ личный вмѣсто вопроса общественнаго; часть республики, очень многочисленная и очень сильная, когда увидитъ, что ея надежды рушились, оставитъ васъ; вы будете ослаблены, ваше вліяніе будетъ ограничено, и ваше дѣло будетъ въ явной опасности рушиться».

Кромвель. «Вы правы; но какое же другое средство предложите для уврачеванія нашихъ смутъ и опасностей?»

Витлокъ. «Это очень мудрено. Однакожъ, я много думалъ объ этомъ предметѣ, и нѣкоторыя изъ этихъ идей таковы, что почти нельзя и сообщить ихъ вамъ, по крайней мѣрѣ это опасно было бы для меня».

Кромвель. «Прошу васъ, милордъ, какія это идеи? Сообщите ихъ мнѣ. Каковы бы онѣ ни были, онѣ не будутъ для меня оскорбительны, потому-что онѣ будутъ отъ васъ; я съ удовольствіемъ выслушаю ихъ, будьте увѣрены».

Витлокъ. «И такъ, я напередъ прошу у васъ прощенія въ томъ, что буду говорить о Карлѣ Стюартѣ, королѣ шотландскомъ. Ваше могущество, успѣхи, которые Богъ даровалъ парламенту и войску подъ вашимъ начальствомъ, поставили принца въ очень плохое положеніе. Самъ онъ, и всѣ его окружающіе, охотно склонятся ко всему, что подастъ какую-нибудь надежду возвратить ему—свою корону, имъ—имѣніе и отечество. Посредствомъ особеннаго договора вы можете совершенно обезопасить себя, вашихъ друзей и ихъ имѣніе; по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ вы можете сдѣлать самихъ себя, а равно и свое потомство, такими великими, какими не бывали никогда никакіе подданные. Вы можете власти назначить границы,

Digitized by Google

можете поставить наше дѣло внѣ всякой опасности, удержавши за собою и за тѣмъ лицомъ, которое назначите послѣ себя, начальство надъ войсками. И такъ, я предлагаю вашему превосходительству послать къ шотландскому королю и вступить въ переговоры касательно этого предмета. Прошу у васъ извиненія въ сказанномъ мною; это чисто—дѣйствіе моей привязанности и желанія служить вашему превосходительству, вмѣстѣ со всѣми честными людьми, и я покорнѣйше прошу васъ нисколько не сомнѣваться въ моей испытанной вѣрности въ отношеніи къ вашему превосходительству и къ республикѣ».

Кромвель. «Увѣряю васъ, я нисколько не сомнѣваюсь въ вашей дружбѣ и вашей вѣрности мнѣ и республикѣ. Много можно сказать въ пользу того, что вы предлагаете; но это дѣло такъ важно, и такъ щекотливо, что надо побольше подумать и потолковать объ немъ, нежели сколько можемъ сдѣлать мы сегодня же: мы поговоримъ съ вами объ этомъ въ другое время (1)».

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ Кромвель не возобновлялъ съ Витлокомъ этого разговора, и Витлокъ оставался въ томъ убѣжденіи, что лишился благосклонности генерала, предлагая ему сдѣлать королемъ другаго. На самомъ дѣлѣ онъ ошибался: Кромвель былъ не злопамятенъ, и не вспоминалъ объ этомъ разговорѣ, потому-что другаго рода интересъ заставилъ его вовсе забыть о немъ. Еслибъ онъ нашелъ полезнымъ снова обратиться къ «превосходному уму и вѣрной дружбѣ» Витлока, онъ, конечно, не поколебался бы сдѣлать это. Но его занимали заботы болѣе важныя даже, чѣмъ желаніе королевскаго титула: завязалась наконецъ послѣдняя борьба между нимъ и Длиннымъ парламентомъ; ему надо было получить не титулъ, но самую власть. Онъ получилъ ее, и, подъ именемъ протектора, царствовалъ самодержавно, какъ не царствовалъ въ Англіи ни одинъ король. Онъ самовластно объявлялъ войну и заключалъ миръ; низвергалъ и возстановлялъ парламенты; отмѣнялъ законы; уничтожалъ или отмѣнялъ приговоры, кон-

(1) Whitelocke, *Memorials*, p. 548.

Digitized by Google

фисковалъ и раздавалъ, какъ хотѣлъ, земли; заключалъ въ тюрьму, или изгонялъ преступниковъ изъ Англіи; увеличилъ налоги, для выдачи жалованія солдатамъ, и начальникамъ своихъ войскъ поручилъ управлять страною, для сбора податей. Англія покорилась съ самоотверженіемъ, или лучше, съ охотою и признательностію; внутри, порядокъ и благосостояніе были возстановлены въ общихъ интересахъ гражданской жизни; отнѣ, дѣла государства производились сильною рукою и съ достоинствомъ. Внѣ этого правленія, не видно было ничего, кромѣ опасности и замѣшательствъ: власть Кромвеля была необходима и славна; она была неограниченна.

Но эта неограниченная власть не была прочна; принятая всѣми, какъ необходимая и временная, въ глазахъ народа она не была ни законною, ни окончательною. Волновались и затѣвали возмущенія не только побѣжденныя партіи, роялистскія и республиканскія, не только характеры гордые, Сидней, Ваны, Лудловы, и народныя имена Гаррисоновъ, Лильбурновъ, Вильдмановъ хватались за всѣ случаи къ протесту или къ сопротивленію, но и народная масса также протестовала, хотя глухо,—народъ покорялся, но не предавался.

Никто лучше самого Кромвеля не чувствовалъ этого положенія: это былъ умъ замѣчательно-свободный, и такой же разсудительный, какъ и отважный; онъ умертвилъ короля и прогналъ парламентъ; но черезъ этотъ самый опытъ онъ узналъ, что истинное, національное правленіе Англіи—парламентъ и король.

Не смотря на столько насилій и переворотовъ, въ глазахъ англійскаго народа не погибли три государственныя начала: парламентъ, корона и законъ. Участіе народа въ правленіи посредствомъ двухъ палатъ, королевская власть наслѣдственная, и законъ,—это собраніе учрежденій, обычаевъ, формъ, преданій и судебныхъ рѣшеній, представлявшихъ правосудіе,—вотъ что, по общему сознанію, было законною властію. Кромвель не могъ соединить въ своемъ лицѣ всѣ элементы этой власти, потому-что онъ не назывался королемъ Стюартомъ; но онъ могъ называться королемъ и имѣть при себѣ парламентъ, и это было бы, по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ, законнымъ порядкомъ вещей, сообразно съ исторіею и политическими вѣрованіями народа.

Онъ такъ глубоко былъ убѣжденъ въ этомъ, что даже возстановленіе законной власти иногда представлялось его уму, если не какъ вѣроятность, то, по крайней мѣрѣ, какъ пунктъ сомнительный, и онъ позволялъ говорить объ этомъ предметѣ. Лордъ Брогиль, нѣкогда бывшій роялистомъ, и потомъ ставшій однимъ изъ его довѣренныхъ лицъ, однажды сказалъ ему, что онъ цѣлое утро провелъ въ Сити. «Что толкуютъ тамъ?» спросилъ его Кромвель. — «Что вы ведете переговоры съ королемъ, который скоро будетъ возстановленъ и женится на вашей дочери». Кромвель нисколько не оскорбился, и лордъ Брогиль прибавилъ, что, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, это лучшее, что можно было сдѣлать: «вы можете предписать королю какія хотите условія, и сохранить свою теперешнюю силу съ меньшимъ безпокойствомъ и опасностью.—«Король никогда не проститъ мнѣ за кровь своего отца», сказалъ Кромвель.—«Вы только участникъ въ этомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ другими, а честь возстановленія короля будетъ принадлежать вамъ однимъ». Кромвель возразилъ: «Карлъ такъ развращенъ, что погубилъ бы насъ всѣхъ», и перемѣнилъ разговоръ безъ всякой, впрочемъ, досады, изъ чего лордъ Брогиль заключилъ, что онъ часто думалъ объ этомъ способѣ (1).

Почти около этого же времени маркизъ де-Герфордъ, одинъ изъ почетнѣйшихъ совѣтниковъ Карла I, который по смерти короля жилъ въ уединеніи въ своихъ помѣстьяхъ, лишился старшаго сына своего лорда Бошама. Кромвель, неупускавшій ни одного случая сблизиться съ вельможами-роялистами, выразилъ ему черезъ сэра Эдуарда Сиденгама свое соболѣзнованіе. Лордъ Герфордъ отвѣчалъ, какъ слѣдовало, на эту вѣжливость. Вскорѣ затѣмъ протекторъ пригласилъ маркиза къ себѣ на обѣдъ. Не зная, какъ отказаться, и разсудивъ, что Кромвель въ случаѣ отказа могъ бы разорить его и всѣхъ его родственниковъ, лордъ Герфордъ сказалъ, что онъ исполнитъ желаніе его свѣтлости.

(1) Burnet, *Histoire de mon temps*, t. 1, p. 149, dans la Collection des Memoires relatifs à la Revolution d'Angleterre.

Digitized by Google

Кромвель принялъ его со всѣми видимыми знаками уваженія, и послѣ обѣда, взявши его за руку, увелъ въ свой кабинетъ, гдѣ, оставшись съ нимъ наединѣ, сказалъ, что желалъ видѣть его, чтобы попросить у него совѣта: «потому что, прибавилъ онъ, я не въ состояніи долѣе нести бремя, которое тяготѣетъ на мнѣ; я усталъ; и вы, милордъ, какъ человѣкъ уважаемый и благоразумный, съ большей опытностію, и занимавшійся дѣлами правленія,—скажите мнѣ, прошу васъ, что мнѣ дѣлать?» Лордъ Герфордъ, удивленный этими словами, отказывался отъ отвѣта; онъ всегда служилъ королю Карлу; былъ ближайшимъ его совѣтникомъ, ни что такъ не было не согласно съ его началами, какъ слышать подобныя вещи отъ протектора, и подавать ему—протектору, свои совѣты. Кромвель настаивалъ, говорилъ, что не приметъ ни извиненій, ни отговорокъ, и требовалъ, чтобы маркизъ говорилъ совершенно свободно, съ полною увѣренностію, что слова его, каковы бы они ни были, не причинятъ ему никакого вреда. «Милордъ», отвѣчалъ лордъ Герфордъ, принужденный говорить, «послѣ этого увѣренія, съ вашей стороны, я выскажу вамъ все, что думаю: вы можете остаться такъ же великимъ, и утвердить величіе вашего имени и вашей фамиліи навсегда. Нашъ молодой государь.... то-есть, мой государь и государь всѣхъ—далеко.... Возвратите ему тронъ, и, сдѣлавши это, вы получите, что желаете для себя».—Я былъ слишкомъ далеко, и молодой человѣкъ не можетъ простить, спокойно отвѣчалъ Кромвель.—«Если ваша свѣтлость согласны на это», отвѣчалъ маркизъ, «я возьму на себя устроить дѣло съ моимъ государемъ». Кромвель сказалъ только, что, въ своемъ положеніи, онъ не можетъ положиться на то. Послѣ того, они разстались; и до конца жизни Кромвеля, лордъ Герфордъ никогда ни въ чемъ не былъ потревоженъ (1).

Но эта терпимость была только терпимость побѣдителя, и только въ обыкновенномъ разговорѣ; хотя онъ позволялъ говорить при себѣ о Карлѣ Стюартѣ, но на самомъ дѣлѣ думалъ о королевской власти только для себя, и только для

(1) Lives of the Friends und Contemporaries of the lord Chancellor Clarendon, by Lady Theresa Lewis, t. III., 121.—Londres, 1852.

Digitized by Google

одного себя. Только, чѣмъ ближе считалъ онъ себя къ цѣли, тѣмъ менѣе говорилъ о томъ; въ важныхъ дѣлахъ — обыкновенно молчаніе предшествуетъ дѣйствованію. Кромвель очень хорошо зналъ притомъ, что нельзя ничего было сдѣлать безъ парламента, который бы заставилъ его возложить на себя корону; и въ 1655 году, онъ, поспѣшивъ распустить республиканскій парламентъ, который хотѣлъ было ограничить его протекторскую власть, торжественно отрекся отъ всякой мысли о королевскомъ достоинствѣ: «если бъ вы мнѣ предложили, сказалъ онъ парламенту, эту одну вещь.... я говорю такъ послѣ долгихъ размышленій, говорю передъ Богомъ, и всегда до настоящаго дня былъ того мнѣнія, какъ извѣстно многимъ изъ моихъ слушателей,—если бы, говорю, вы включили въ нашъ утвердительный актъ, — утвердить наслѣдственную власть въ моей фамиліи, я—отказался бы отъ нея! И я не могъ бы иначе дѣйствовать по моимъ настоящимъ убѣжденіямъ и по сознанію, хотя и не могу сказать, что будетъ угодно сдѣлать Богу со мною, съ вами, съ націей, для наказанія насъ за то, что мы пренебрегли драгоцѣнными случаями, дарованными намъ отъ Него (1)»; такимъ образомъ соединялъ онъ предусмотрительность съ лицемѣріемъ, и грозилъ въ ту самую минуту, какъ говорилъ для успокоенія умовъ.

Къ концу 1656 года ему показалось, что настала пора; онъ почувствовалъ, наконецъ, что раболѣпный, покорный парламентъ находился въ его рукахъ Для достиженія этой цѣли, онъ сдѣладъ поступокъ, быть можетъ, болѣе насильственный сдѣланнаго имъ за три года передъ тѣмъ—т. е. изгнанія Длиннаго-парламента. Не смотря на усилія его правительства, чтобъ обезпечить благопріятные для него выборы, избраны были триста членовъ оппозиціонныхъ или независимыхъ. Въ день открытія засѣданія, когда явились они у дверей Нижняго-парламента, имъ не позволено было войдти. Они тотчасъ же черезъ палату потребовали отвѣта, по чьему приказанію входъ имъ былъ заперть. «По приказанію государст-

(1) Cromwell's Letters and Speeches, with elucidations, by Th. Carlile. T. II, p 337.—Londres, 1845.

Digitized by Google

веннаго совѣта, отвѣчали имъ; приказаніе въ самомъ дѣлѣ было дано. Палата спросила опять, по какой причинѣ дано было это приказаніе; совѣтъ единогласно отвѣчалъ, что въ силу акта, утвержденнаго протекторомъ, никто не могъ быть избранъ въ члены парламента, кромѣ тѣхъ, кто привязанъ искренно къ существующему правительству, боится Бога, и хорошаго поведенія; чтобы обезпечить исполненіе этого важнаго распоряженія; совѣтъ долженъ былъ повѣрять всѣ выборы, и онъ не отказывалъ въ своемъ одобреніи ни одному изъ избранныхъ, которые представили ему требуемыя поручительства. Палата, не пускаясь въ дальнѣйшія объясненія, отослала недовольныхъ ходатайствовать самихъ передъ совѣтомъ, чтобы получить отъ него одобреніе, и оставила ихъ, «потому-что, говорила она, ей пора заниматься важными дѣлами отечества (1).»

Послѣ этого очищенія новаго парламента, и послѣ такого опыта его наглой покорности, Кромвель могъ ожидать всего. Внѣ парламента состояніе умовъ и партій, казалось, благопріятствовало его надеждамъ. Кавалеры большею частію упали духомъ, и, не надѣясь болѣе на возвращеніе короля, казалось, были расположены довольствоваться возвращеніемъ монархіи; нѣкоторые, болѣе упорные и болѣе безразсудные, ласкали себя надеждой, что,—если королевская власть однажды возстановлена, то народъ не допуститъ, чтобы вѣнецъ былъ на чьей бы то ни было головѣ, а не на головѣ законнаго короля, и находили очень хорошимъ, если самъ Кромвель воздвигнетъ тронъ, въ надеждѣ, что онъ тотчасъ же падетъ. Пресвитеріанцы особенно желали торжества своей религіозной системы въ церкви и конституціоннаго правленія въ государствѣ; Кромвель хорошо смотрѣлъ на ихъ духовенство, поддерживалъ ихъ въ дѣлѣ пропаганды, оказывалъ имъ большія пособія; въ религіозномъ отношеніи они имѣли рѣшительный перевѣсъ передъ другими исповѣданіями; еслибы Кромвель, ставши королемъ, могъ подчиниться законному порядку и управлять вмѣстѣ съ парламентомъ, то почему бы народу не согла-

(1) Journals of the House of Commons, t. VII, p. 223—226.

Digitized by Google

ситься на перемѣну государя, отъ которой будетъ зависѣть утвержденіе его вѣры и его свободы? Сектанты, почти всѣ жаркіе республиканцы, болѣе другихъ не хотѣли монархіи; однакожъ многіе и изъ нихъ начинали утомляться своими столь безполезными политическими усиліями и своими вѣрованіями; Кромвель покровительствовалъ имъ, сколько позволяла общая нетерпимость, и, навѣрное, болѣе чѣмъ всякая другая власть; свобода совѣсти была, конечно, одно изъ любимыхъ его началъ, и съ самыми восторженными сектами, между прочимъ съ квакерами, у него были сношенія, и онъ имѣлъ друзей между ними. Наконецъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ управлялъ уже, какъ настоящій король; все ему удавалось; послѣдніе удары, нанесенные имъ, доказывали, что его отвага не будетъ имѣть границъ; и друзья и недруги, и люди равнодушные, большею частію, были склонны вѣрить, что счастье Кромвеля не будетъ имѣть ихъ также, и рѣшились или довѣриться ему, или предаться съ самоотверженіемъ.

Узнавъ вѣрнымъ чутьемъ объ этихъ общественныхъ расположеніяхъ къ себѣ, Кромвель снова принялся съ своими приближенными за важный вопросъ; это были люди совершенно разнородные и въ различной степени пользовавшіеся его дружбою: роялистъ лордъ Брогиль, воинъ, интриганъ и ловкій придворный,—кто бы ни былъ его генераломъ или государемъ; пресбитеріанецъ Пьерпуанъ, обладавшій основательнымъ и свободнымъ умомъ, готовый поддерживать всякое правленіе, которое надѣялся обратить ко благу отечества; правовѣды: Витлокъ, Виддрингтонъ, Глейнъ, Сентъ-Джонъ, Ленталь, ревностные поборники власти, если только не требовалось отъ нихъ жертвъ, и больше всѣхъ пользовавшійся довѣренностію Кромвеля, Джонъ Тюрлое, государственный секретарь, которому поручены были всѣ дѣла управленія на твердой землѣ и въ Англіи, и вся корреспонденція о внутреннихъ и семейныхъ дѣлахъ, служитель тонкій, дѣятельный и скромный, не имѣвшій притязаній ни на независимость, ни на славу, отъ чего и былъ онъ сколько удобенъ, столько же полезенъ своему господину. Передъ этими разнородными повѣ-

Digitized by Google

ренными, можетъ быть, даже передъ самимъ Тюрлое, Кромвель не открывалъ, однакожъ, вполнѣ своихъ замысловъ; хотя, по природѣ столько же стремительный, сколько ловкій, лѣтами и опытомъ онъ наученъ былъ осторожности, но возбуждая въ нихъ своими разговорами то любопытство, то соревнованіе, онъ со дня на день наводилъ ихъ на путь, который долженъ былъ его самого довести до цѣли, оставляя между тѣмъ всегда въ запасѣ средства остановить ихъ или дать имъ понять, что они ошибаются.

Подозрѣніе относительно этой работы вскорѣ распространилось не только въ Англіи, но даже и на твердой землѣ. Это, собственно, для Франціи не было ни новымъ, ни неожиданнымъ явленіемъ. Въ предшествовавшемъ году, одинъ парижскій горожанинъ, слѣдившій довольно тщательно за современными событіями, ужасный кромѣ того врагъ англійскихъ революціонеровъ и Кромвеля, писалъ въ своемъ дневникѣ: «Въ настоящемъ мѣсяцѣ разнеслись по Парижу стран«ные слухи; говорили, будто Кромвель, недовольствуясь верхов«ной властью, которую присвоилъ себѣ въ Англіи, Шотландіи «и Ирландіи, подъ именемъ протектора этихъ трехъ націй, «тайно желалъ получить титулъ короля; и чтобъ достигнуть «этого съ согласія всего міра христіанскаго, послалъ двухъ «англійскихъ католиковъ въ Римъ, которые подъ рукою до«говаривались объ этомъ съ его святѣйшествомъ, и старались «внушить ему, что давши свое согласіе на честолюбивый за«мыселъ этого похитителя, онъ непремѣнно возвратитъ въ «лоно церкви несмѣтное число душъ, которыя признаютъ «его могущество и власть надъ собою. Время покажетъ намъ, «способенъ-ли этотъ извѣстный лицемѣръ къ такой прекрас«ной мысли, и можетъ-ли изъ такого злаго начала родиться «такое великое благо для всѣхъ отцеубійцъ этого острова (1)».

Только что собрался парламентъ, какъ г. де-Бордо, французскій посланникъ въ Лондонѣ, написалъ къ г. де-Бріеню: «Г. протекторъ далъ мнѣ сегодня аудіенцію, которой я

(1) Этотъ журналъ, начинающійся съ 1648 и продолжающійся до 1657 года, находится между рукописями національной библіотеки, подъ N 1238 bis. Онъ состоитъ изъ пяти томовъ, означенныхъ буквами *a*, *b*, *c*, *d*, *e*.

Digitized by Google

«просилъ у него.... Я вышелъ отъ него убѣжденнымъ, сколько «его словами, столько же и внѣшнимъ видомъ, что болѣе «внутреннія, чѣмъ внѣшнія дѣла Англіи занимали его умъ, и «его образъ дѣйствій въ продолженіе послѣднихъ дней, под- «тверждаетъ, что онъ въ большой тревогѣ, или имѣетъ боль- «шой замыселъ (1)».

Спустя мѣсяцъ, онъ писалъ еще: «Г. протекторъ все еще «показываетъ видъ, что не хочетъ ничего измѣнять; не смотря «на то, общіе слухи ходятъ, что парламентъ сдѣлаетъ какое- «то нововведеніе въ его пользу, послѣ того какъ назначены «будутъ средства для поддержанія войны съ испанскимъ ко- «ролемъ (2)».

А въ началѣ декабря 1656 г. писалъ: «сегодня парла- «ментъ разсуждалъ о преемствѣ, и несмотря на оппозицію «нѣкоторыхъ армейскихъ офицеровъ, дѣло будетъ рѣшено; «я слышалъ, однакожъ, что ничего не сказано опредѣ- «леннаго въ это утро. Нѣкоторые думаютъ, что пред- «ложеніе будетъ отложено до тѣхъ поръ, пока закончатся «всѣ прочія дѣла; другіе полагаютъ, что несогласіе армей- «скихъ офицеровъ заставитъ отложить его на болѣе долгое «время; и хотя болѣе вѣроятности, что г. протекторъ дол- «женъ успѣть въ своемъ замыслѣ, такъ какъ ему остается «овладѣть не слишкомъ сильными умами, тѣмъ не менѣе «трудно утверждать это такъ смѣло, какъ дѣлаетъ то полков- «никъ Локкартъ: онъ выигралъ бы гораздо меньше, еслибъ «соображалъ свои рѣчи съ рѣчами своего господина». И на- конецъ, въ послѣднихъ числахъ тогоже мѣсяца: (3) «Нѣкото- «рые думаютъ, что слухъ о высадкѣ короля Великобри- «таніи въ Шотландіи распространяется съ цѣлію при- «дать болѣе правдоподобія предложенію, которое должно быть «сдѣлано на этихъ дняхъ въ пользу фамиліи г. протектора; «много разъ уже косвенно толковали объ этомъ предметѣ, и

(1) Г. де-Бордо къ г. де-Бріеню, 21 сент. 1656 г.; *Archives* des affaires étrangères de France.

(2) Тотъ же къ тому же, 26 окт. 1656 г.; *тамъ* же.

(3) Тотъ же къ тому же, 11 декабря 1656. Тамъ же. — Полковникъ Локкартъ былъ тогда посланникомъ Кромвеля во Франціи.

Digitized by Google

«армейскіе офицеры, повидимому, всѣ противились этому; «но теперь, кажется, рѣшено говорить объ этомъ открыто. «Съ третьяго дня большая часть членовъ ожидали объявленія, и «назначенная отсрочка даетъ поводъ говорить, что люди воен- «ные еще не слишкомъ хорошо расположены. При всемъ «томъ, общее мнѣніе то, что они согласятся, и это сопротивле- «ніе оказываютъ только для того, чтобы не потерять довѣ- «ренности низшихъ чиновъ, которымъ не можетъ понравиться «учрежденіе совершенной монархіи. Джентльмены и закон- «ники, изъ которыхъ состоитъ этотъ корпусъ, и многіе «другіе изъ всѣхъ сословій Англіи, желаютъ ея; даже при- «вязанные къ королевской фамиліи думаютъ, что для нея «все было бы полезнѣе, еслибъ споръ остался между ею и «фамиліей протектора. Впрочемъ если онъ проживетъ сколько- «нибудь послѣ учрежденія, о которомъ идетъ рѣчь, то его дѣти «могутъ сохранить достоинство (1)».

Когда все такимъ образомъ было приготовлено, частію стараніями самого Кромвеля, частію естественнымъ ходомъ вещей, — Кромвель рѣшительно вступилъ въ битву, и первый ударъ его обратился на тотъ самый парламентъ, который долженъ былъ сдѣлать его королемъ. Обезобразить и унизить его было мало; нужно было сильно дать почувствовать несостоятельность этого единственнаго собранія, которое, не смотря на свое униженіе, все еще смотрѣло на себя, какъ на хранилище народнаго владычества, гдѣ сливались безъ различія и разграниченія, всѣ власти, и откуда распространяли они свое владычество на страну. Парламентъ самъ подалъ Кромвелю случай обнаружить опасность такого положенія передъ глазами Англіи. Одинъ сектантъ, Джемсъ Найлеръ, сперва солдатъ, потомъ квакеръ, безумнѣйшій изъ безумцевъ, началъ проповѣдывать, что Христосъ, снова сошедши на землю, воплотился въ немъ, и позволялъ себѣ всякаго рода выходки, то сумасбродныя, то безчинныя; женщины, бродяги-фанатики слѣдовали за нимъ всюду, воспѣ-

(1) Тотъ же къ тому же, въ концѣ 1656 г. безъ означенія дня. *Archives des affaires étrangères de France.*

Digitized by Google

вая гимны въ честь ему и чуть не боготворя его. Онъ былъ арестованъ въ Бристолѣ, и представленъ въ Лондонъ, гдѣ парламентъ, вмѣсто того, чтобъ отослать его къ обыкновеннымъ судьямъ, составилъ по этому дѣлу длинную записку, потребовалъ его къ себѣ, и рѣшилъ, что самъ будетъ судить его. Дѣло тянулось въ продолженіе десяти засѣданій; парламентъ утверждалъ, что онъ такъ же, какъ три совокупныя власти прежняго парламента, имѣетъ право жизни и смерти. Если бы нѣкоторые законовѣды, между прочимъ, Витлокъ, не подали своего голоса противъ, этотъ безумный поругатель святыни былъ бы, навѣрное, повѣшенъ; изъ 178 голосовъ, 82 члена, въ числѣ которыхъ находился и самъ Ричардъ Кромвель, были этого мнѣнія. Нейлера приговорили привязать къ позорному столбу, проколоть ему языкъ каленымъ желѣзомъ, высѣчь публично и заключить въ тюрьму на тяжелыя работы на столько лѣтъ, на сколько угодно будетъ парламенту (4). Кромвель имѣлъ осторожность допустить такое рѣшеніе, иначе онъ оскорбилъ бы общественное чувство, возстановленное противъ поругателя святыни. Но другое общественное чувство возставало также и противъ нарушенія общаго права, противъ парламента, присвоивавшаго себѣ судебную власть, унижавшаго судъ присяжныхъ судей и всѣ законныя формы. Кромвель жадно схватился за этотъ случай; въ ту самую минуту, какъ исполнялось рѣшеніе, онъ написалъ къ оратору парламента: «Вѣрный и возлюбленный другъ мой! Мы узнали о судѣ, произведенномъ вами недавно надъ нѣкоторымъ Джемсомъ Найлеромъ. Намъ чужда и противна всякая мысль оказать, прямо или косвенно, хотя бы малѣйшую поддержку лицамъ, виновнымъ въ такихъ мнѣніяхъ и поступкахъ, или даже просто знавшимъ о преступленіяхъ вышеречennаго Найлера. Но такъ-какъ на насъ отъ имени народа возложено управленіе государствомъ, и такъ-какъ неизвѣстно, до чего могутъ дойдти дѣйствія, которыя парламентъ позволяетъ себѣ совершенно безъ нашего участія, то намъ жела-

(4) *Journals of the House of Commons*, t. VII, p. 448—449. *State Trials* t. V, col. 811 842.

Digitized by Google

тельно, чтобы парламентъ позаботился извѣстить насъ о причинахъ и побужденіяхъ, на которыхъ онъ основывается, поступая такимъ образомъ (1)».

Такимъ образомъ Кромвель выставлялъ на видъ недостатки республиканской конституціи, и дѣлалъ парламентъ отвѣтственнымъ въ одномъ изъ тѣхъ явныхъ нарушеній права, какія самъ дѣлалъ не разъ прежде; и въ тоже время, не роняя себя никакимъ потворствомъ необузданнымъ сектантамъ, оставался въ ихъ глазахъ непринимавшимъ участія въ тѣхъ жестокостяхъ, которымъ одинъ изъ нихъ подвергся.

Послѣ парламента, онъ поставилъ себѣ цѣлію унизить и уронить войско, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ своихъ сподвижниковъ, которыхъ недоброжелательства или силы опасался. Подъ предлогомъ содержанія милиціи предложенъ былъ билль объ учрежденіи десятинной пошлины съ доходовъ прежнихъ роялистовъ (2); дѣйствительной же цѣлію билля было дать амнистію тѣмъ majors généraux, которые, въ предшествовавшемъ году, каждый въ своемъ округѣ, наложили подобную пошлину, и узаконить такимъ образомъ въ одно и то же время и пошлину и военную власть, которая незаконно ее наложила. Все заставляло вѣрить, что этотъ билль былъ предложенъ съ согласія Кромвеля; въ 1655 году онъ учредилъ les majors généraux, и далъ имъ всѣ инструкціи. При первомъ словѣ о биллѣ въ парламентѣ, самъ Тюрлое началъ поддерживать это предложеніе (3); но, къ великому удивленію всѣхъ, когда началось преніе, одинъ изъ зятьевъ Кромвеля, Джонъ Клэйполь, мужъ его любимой дочери Елисаветы, первый всталъ и сказалъ: «этотъ билль заключаетъ въ себѣ двѣ части: продол«женіе десятинной пошлины съ имѣнія кавалеровъ, и актъ «амнистіи тѣхъ властей, которыя первоначально учредили ее. «Я не понимаю, какимъ образомъ могла быть принята пер-

(1) 25 декабря 1656 г.; *Cromwells Letters and Speeches*, t. II. p. 449.
(2) 25 декабря 1656 г., Буртонъ, Parliamentary Diary, t 1, p. 230—243.
(3) Тюрлое, *State-Papers*, 1 vol p. 786; Parliamentary History (Londres, 1760), t. XXI, p. 48—53.

Digitized by Google

«вая часть, если только вы сами не хотите нарушить амни-«стію, дарованную приверженцамъ покойнаго короля. Вы про-«стили имъ ихъ вину,—стало быть, не можете снова наказывать «ихъ мѣрой, обратно дѣйствующей.—Или хотите вы нало-«жить это бремя на ихъ потомство, и наказывать дѣтей за вину «отцовъ? Я согласенъ на вторую часть, на актъ амнистіи для «властей, которыя въ минувшемъ году собирали пошлину; но «надѣюсь, что позаботятся о вознагражденіи ихъ другимъ бил-«лемъ. Я только поднимаю дичь, а преслѣдовать ее предоставляю «тѣмъ, чей голосъ здѣсьимѣетъ болѣе важности, чѣмъ мой. Мое «мнѣніе то, что этотъ билль долженъ быть отмѣненъ (1)».

Les majors généraux были сильно раздражены; имъ измѣнялъ тотъ самый, отъ кого получили они свое назначеніе, и предавалъ ихъ ненависти, возбужденной противъ нихъ самовольными мѣрами, предписанными имъ же самимъ Ламбертъ, Десборугъ, Валлей, Бутлеръ и ихъ друзья, горячо защищали этотъ билль. Одушевленные примѣромъ Клэйполя, законовѣды и придворные упорно противились имъ. Споръ перешелъ въ ругательства и личныя оскорбленія. Однажды, когда Бутлеръ грубо отозвался о кавалерахъ, Гарри Кромвель, двоюродный братъ протектора, сказалъ ему въ отвѣтъ: «Нѣкоторые изъ этихъ господъ думаютъ и говорятъ, что такъ какъ нѣкоторые изъ кавалеровъ сдѣлали проступки, то ихъ слѣдуетъ наказать всѣхъ. Отсюда слѣдовало бы, что такъ-какъ нѣкоторые изъ majors généraux сдѣлали тоже кой-какіе проступки, то и они всѣ заслуживаютъ наказаніе.» Majors généraux поднялись съ своихъ мѣстъ; одинъ изъ нихъ, Кельсей, попросилъ Гарри Кромвеля назвать, кого онъ хочетъ обвинить: «Я готовъ, сказалъ «Гарри; прошу у парламента позволенія назвать ихъ, и обя-«зуюсь доказать, что они виновны въ нестерпимыхъ поступкахъ». Парламентъ вспыхнулъ; «но этотъ огонь былъ угашенъ», говоритъ тотъ же самый членъ, который разсказываетъ объ этомъ обстоятельствѣ,—«степенными водовозами, которые всегда го-«товы для такихъ случаевъ.» Выходя изъ засѣданія, нѣкоторые друзья изъ majors généraux угрожали Гарри Кромвелю гнѣвомъ протектора; Гарри въ тотъ же вечеръ отправился въ

(1) Бюртонъ, Parliamentary Diary, t. 1, p. 310.

Digitized by Google

Виталль, и повторилъ своему двоюродному брату, что говорилъ въ парламентѣ, и тутъ же прибавилъ, что принесъ и бумаги, которыми готовъ подтвердить свои обвиненія. Кромвель принялъ дѣло въ шутку, и, снявши съ своихъ плечъ богатый красный плащъ, отдалъ его вмѣстѣ съ своими перчатками Гарри, «который въ тотъ же день пришелъ», говоритъ разскащикъ, въ парламентъ, «чтобы похвалиться перчатками и новымъ плащемъ, къ большому удовольствію однихъ и чрезвычайному безпокойству другихъ. Это была прекрасная выходка его свѣтлости (1)».

Веселый и энергически насмѣшливый, хотя и нѣсколько грубоватый въ своихъ остротахъ, Кромвель всегда находилъ столько же удовольствія дурачить своихъ противниковъ, какъ и побѣждать ихъ, и, навѣрное, очень забавлялся ихъ удивленіемъ и гнѣвомъ, когда они увидѣли себя такъ униженными и одураченными. Онъ предвидѣлъ сопротивленіе его планамъ со стороны нѣкоторыхъ majors generaux, и болѣе заботился о томъ, чтобы предать ихъ публичному осмѣянію, нежели боялся раздражить ихъ. Теперь его занимала одна мысль: поставить себя въ сторонѣ, выше парламента и войска, представить народу въ своемъ лицѣ единственный оплотъ противъ ихъ чрезмѣрныхъ притязаній, и утвердить такимъ образомъ высшую ступень своего счастья на справедливомъ негодованіи народа противъ собственныхъ орудій.

Новыя и важныя обстоятельства дали еще сильнѣйшій толчокъ его замысламъ, и усилили его желанія. Въ Англіи и на твердой землѣ снова стали составляться заговоры къ его низверженію. Одинъ изъ его прежнихъ офицеровъ, раздѣлявшій нѣкогда съ нимъ всѣ трудности войны, а иногда и постель, полковникъ Сексби, республиканецъ смѣлый, дышавшій ненавистью и неутомимый, ѣздилъ изъ Лондона въ Брюссель, изъ Брюсселя въ Мадритъ, изъ Мадрита въ Парижъ, изъ Парижа въ Кельнъ, возбуждая противъ него кавалеровъ и нивелёровъ,

(1) Турлое, *State-Papers*, t. VI, p. 20; Буртонъ, Parliamentary Diary, t. I, p. 369; Маркъ Нобль, Memoirs of the Protectoral House of Cromwell, t. I, p. 67—73.

Digitized by Google

католиковъ и анабаптистовъ, внушая надежды изгнаннымъ Стюартамъ и возбуждая къ Кромвелю ненависть испанскаго короля, набирая солдатъ и подкупая убійцъ. Въ Брюсселѣ подписанъ былъ королемъ испанскимъ трактатъ о томъ, что онъ отдаетъ 6,000 испанцевъ въ полное распоряженіе Карла II, который долженъ былъ попытаться вторгнуться въ Англію. Одинъ квартирмейстеръ, отозванный изъ арміи Монка, Мильсъ Синдеркомбъ, товарищъ Сексби, и такой же ожесточенный заговорщикъ, какъ и тотъ, приготовлялъ планы убійства въ Лондонѣ, кругомъ Витгалля и на всѣхъ пунктахъ, гдѣ часто проходилъ протекторъ. Полиція Турлое увѣдомляла постоянно Кромвеля о всѣхъ этихъ замыслахъ, и Мазарини, съ радостію видя его въ войнѣ съ Испаніею, посылалъ къ нему всѣ свѣдѣнія, которыя могли быть ему полезны. Кромвель захотѣлъ еще вѣрнѣе обезпечить себѣ помощь Франціи, и предложилъ кардиналу оборонительный и наступательный союзъ. Мазарини отвѣчалъ, что христіаннѣйшій король не отказался бы отъ этого, лишь бы протекторъ вступилъ на тронъ, и, сдѣлавъ власть свою наслѣдственною, положилъ конецъ неопредѣленности, которая не позволяетъ французскому двору заключить съ нимъ тѣсную дружбу (1). Такимъ-то образомъ, Кромвель шелъ все впередъ однимъ путемъ, движимый въ одно и то же время честолюбіемъ и благоразуміемъ, своими желаніями и опасностями.

Онъ рѣшился наконецъ обнаружить настоящее положеніе дѣлъ. 19 января 1657, Турлое поднялся съ своего мѣста въ парламентѣ, и торжественно открылъ заговоръ Сексби и Синдеркомба на жизнь протектора, представилъ всѣ подробности, всѣ доказательства, и далъ вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовать, что есть еще другія бо́льшія, хотя еще и скрытыя, опасности (2). Искреннее или притворное, только сочувствіе было глубоко:

(1) Кларендонъ, *History of the Rebellion*, I, XV, t. VI, p. 14, 15, 47 etc.— Кларендонъ, *State-Papers*, t. III, p. 315, 321, 324, 327, 338.—Турлое, *State-Papers*, t. VI, p. 33, 182. — Годвинъ, *History of the Commonwealth* of England, t. VI, p. 238, 333 и слѣд.

(2) Буртонъ, *Parlamentary Diary* t. I, p. 354. Кларендонъ, State-Papers, t. III, p. 325. — Турлое, *State-Papers*, t. V, p. 777. — *State-Trials*, t. V, col. 842 872.

Digitized by Google

рѣшено было совершить во всѣхъ трехъ королевствахъ благодарственный молебенъ за открытіе заговора; назначили комитетъ, которому поручено было явиться къ протектору и спросить, въ какой день угодно ему будетъ принять парламентъ и выслушать искреннее выраженіе его чувствованій: «я желалъ-бы «прибавить къ этому нѣчто,—сказалъ одинъ вовсе незначительный членъ, г. Эшъ,—нѣчто, что̀ очень бы могло послужить «къ безопасности его свѣтлости, и нашей собственной, и что̀ «положило бы конецъ всѣмъ замысламъ нашихъ враговъ; именно, «чтобы его свѣтлость благоволилъ принять на себя правленіе «въ духѣ древнихъ нашихъ учрежденій. Тогда наши вольности «и спокойствіе, безопасность и привиллегіи его свѣтлости, «были бы упрочены на твердыхъ основаніяхъ». Эти слова возбудили страшный шумъ: «я не понимаю, сказалъ г. Ро«бинсонъ, что̀ значитъ это указаніе на древнія наши учреж«денія, и не знаю, какъ мы должны разумѣть ихъ; древнія «учрежденія,—это Карлъ Стюартъ; надѣюсь, что мы не ста«немъ призывать его». «Членъ, высказавшій это предложеніе, «сказалъ г. Гейландъ, нѣкогда вмѣстѣ съ другими трудился «надъ разрушеніемъ того, что̀ хочетъ возстановить теперь: «король, лорды и общины,—вотъ что составляло древнія «учрежденія, и что̀ мы ниспровергли, проливая нашу кровь «и жертвуя нашимъ достояніемъ. Не хотите ли вы сдѣлать «милорда-протектора величайшимъ лицемѣромъ, посадивши его «на тронъ. Какъ преступно подобное предложеніе! Ужели за «это вы будете когда-либо назначать благодарственные молебны? «Пусть погибнетъ, пусть умретъ эта мысль, потому-что она «гнусна! Заклинаю васъ, чтобы эта мысль никогда не нашла «отголоска между нами (1)».

Отвергаемое съ такою силою предложеніе г. Эша имѣло и поборниковъ, но они защищали его робко и нерѣшительно. Кончилось тѣмъ, что оно пало, какъ несвоевременное, безъ отверженія и какъ будто съ общаго согласія. «Я никогда не видалъ», говоритъ Томасъ Буртонъ, самъ присутствовавшій

(1) Буртонъ, *Parliamentari Diary*, t. I, p. 356–364.

Digitized by Google

при этомъ, «чтобы такой жаркій споръ угасалъ такъ странно, точно блуждающій огонь (1)».

Не въ первый, однакожъ, разъ парламентъ слышалъ такія слова; не задолго передъ тѣмъ, полковникъ Вилліамъ Джефсонъ, неизвѣстно по какому случаю, предложилъ именно Кромвеля сдѣлать королемъ; но это предложеніе, едва выслушанное, пало безъ всякаго шума. Когда онъ, вскорѣ послѣ того, обѣдалъ въ Витгаллѣ, Кромвель ласково пѣнялъ ему, и говорилъ, что не понимаетъ, что за мысль пришла ему сдѣлать подобное предложеніе? «Пока я буду занимать свое мѣсто въ парламентѣ, отвѣчалъ Джефсонъ, прошу позволить мнѣ держаться своего мнѣнія, хотя оно и будетъ имѣть несчастье не нравиться». И Кромвель, потрепавъ его по плечу, сказалъ ему: «перестань, ты сумасшедшій!» — «Вскорѣ увидали, говоритъ Лудловъ, какого рода сумасшествіемъ одержимъ былъ полковникъ; непосредственно за тѣмъ онъ получилъ роту пѣхоты для своего сына, оксфордскаго студента, и кавалерійскій полкъ для себя самого (2)».

Надобно было, однакожъ, выдти изъ этой неопредѣленности, значительной, но безплодной, возбуждавшей страсти, но не ведшей къ цѣли; было приготовлено рѣшительное предложеніе; обратились съ требованіемъ къ Витлокку, чтобъ онъ представилъ его парламенту; онъ отказался, давши обѣщаніе содѣйствовать его утвержденію, когда оно будетъ сдѣлано (3); онъ былъ изъ тѣхъ, которые хотятъ, чтобы событія шли впереди, желая лучше принять на себя отвѣтственность за нѣсколько рабскую угодливость, чѣмъ за немного смѣлую выходку. Альдерманъ сэръ Христофоръ Пеккъ, одинъ изъ представителей лондонской Сити, взялся за это порученіе. Кромвель недавно произвелъ его въ кавалеры, и ему, какъ коммиссару питейныхъ сборовъ, слѣдовало отдавать отчеты, которыя его немножко затрудняли. 23 февраля, только что собрался парламентъ, онъ всталъ,

(1) Буртонъ, *Parleamentari Diary*, t. I, p. 366. (2) Лудлоу, *Memoires*, t. II, p. 356. (3) Уитлокъ, *Memorials*, p. 656.

Digitized by Google

и показывая длинную бумагу, которую держалъ въ рукѣ, попросилъ позволенія прочесть ее. «Это, говорилъ онъ, относится къ окончательному утвержденію народной власти, и къ обезпеченію свободы и собственности». Поднялась нежданная буря, потому-что никто не ошибался на счетъ предмета предложенія: республиканцы, военные и гражданскіе, воспротивились чтенію, возставали противъ неправильности формы, засыпали Пекка вопросами и упреками, простерли насиліе даже до того, что стащили съ мѣста, на которомъ онъ сидѣлъ, близъ оратора, и хотѣли вывести его вонъ изъ палаты. Но приверженцы протектора, особенно законовѣды, мужественно поддерживали предложеніе и его составителя. Опредѣлено было подавать голоса, и чтеніе было принято 144 голосами противъ 54; за тѣмъ слѣдовало самое чтеніе, и рѣшено преніе возобновить на другой день (1).

Актъ былъ названъ такъ: «Покорнѣйшая просьба и увѣщаніе кавалеровъ, гражданъ и мѣщанъ, присутствующихъ «въ парламентѣ этой республики»; онъ возстановлялъ монархію, прося Кромвеля принять королевскій титулъ, и назначить себѣ преемника.

На другой день, 24 февраля, Турлое писалъ къ Монку, тогдашнему губернатору Шотландіи: «мы вчера попали въ «парламентѣ въ жаркій бой; одинъ альдерманъ, членъ отъ «Сити, принесъ сюда бумагу съ надписью: «*Увѣщаніе* и проч., «въ которой просить милорда-протектора принять королевскую власть, и на будущее время сзывать парламенты, составленные изъ двухъ палатъ». И потомъ, изложивши Монку различныя статьи проэкта, Турлое оканчиваетъ слѣдующими словами: «Я извѣщаю васъ о всѣхъ подробностяхъ для того, «чтобы вы приняли мѣры къ успокоенію особъ, которыя стали «бы сомнѣваться на счетъ обстоятельствъ этого дѣла. Увѣряю «васъ, что этотъ проэктъ происходитъ отъ одного парламента, «и что его свѣтлость ничего не зналъ о преложеніяхъ, прежде «чѣмъ онѣ высказаны были въ парламентѣ; и никто еще не «знаетъ, не отвергнетъ-ли ихъ его свѣтлость даже и въ томъ

(1) *Journals of the House of Commons*, t. VII, p. 496. — Ludlow, *Memoires*, t. II, p. 357—360.

Digitized by Google

«случаѣ. когда бы онѣ всѣми были приняты. И, безъ всякаго «сомнѣнія, онъ сдѣлаетъ это, если найдетъ, что интересы чест-«ныхъ людей и правое дѣло не будутъ чрезъ это вполнѣ обез-«печены. Не мѣшаетъ также вамъ получше освѣдомляться о «состояніи окружающихъ васъ войскъ, потому-что безпокой-«ные умы воспользуются этимъ предлогомъ, какъ и всякимъ «другимъ, чтобы посредствомъ ложныхъ извѣстій возбудить «въ нихъ недовольство (1)».

Извѣщеніе это пришло въ самую пору, потому-что 27 февраля, въ тотъ самый день, какъ парламентъ держалъ торжественный постъ, чтобы призвать свѣтъ свыше для великаго, предстоявшаго ему пренія, сто офицеровъ, подъ предводительствомъ многихъ major-généraux, Ламберта, Десборуга, Флитвуда, Валлея, Госса, явились къ Кромвелю. и заклинали его не принимать королевскаго титула: «Этотъ титулъ, говорили ему они, не угоденъ войску; онъ будетъ предметомъ соблазна для народа Божія и предметомъ радости для его враговъ; онъ полонъ опасностей лично для васъ и для трехъ націй; онъ готовитъ пути къ возвращенію Карла Стюарта».

Кромвель имъ отвѣчалъ тотчасъ же: «первый, предлагавшій мнѣ этотъ титулъ, сегодня является органомъ пришедшихъ сюда офицеровъ (2). Что до меня, то я, касательно этого предмета, никогда не затѣвалъ никакихъ интригъ. Было время, когда вы не морщились при словѣ *король*, потому-что актъ, на основаніи котораго утверждено настоящее правленіе, представленъ былъ мнѣ вмѣстѣ съ этимъ титуломъ, — я вижу здѣсь одного, который могъ бы подтвердить это, — и я отказался принять его. Отчего же теперь этотъ же самый титулъ пугаетъ васъ, вы это знаете лучше меня. Я, съ своей стороны, такъ же мало вижу въ этомъ важности, какъ и вы; это не больше, какъ перо на шляпѣ. Во всякомъ случаѣ, вы сдѣлали изъ меня своего мученика: вы заставили меня разпу-

(1) Это письмо Турлое къ Монку, сколько мнѣ извѣстно (говоритъ Гизо), до сихъ поръ еще не издано; я обязанъ имъ г. Траверу Тулесъ, который потрудился отыскать подлинникъ въ рукописяхъ замка Литлевкотта и списать для меня съ него копію.

(2) Онъ намекалъ на полковника Милльса, который говорилъ отъ лица своихъ товарищей.

Digitized by Google

стить Длинный-парламентъ, который, сказать по правдѣ, очень избаловался, засѣдая такъ долго. Вы заставили меня созвать парламентъ, конвентію, назначенную вами; и что же онъ сдѣлалъ? Заставилъ дрожать отъ ужаса.... Если было у человѣка двѣнадцать коровъ, эти люди полагали, что у кого нѣтъ коровъ, тотъ имѣлъ право войдти въ долю къ сосѣду. Кто-бы тогда могъ сказать, что ему принадлежитъ что-нибудь, еслибъ дѣло продолжалось все такимъ же образомъ? Надо было разогнать ихъ. Потомъ созванъ былъ парламентъ опять; пять мѣсяцевъ засѣдалъ онъ, и едва слышалъ я что-нибудь объ его существованіи во все это время; онъ только что пересматривалъ основный актъ,— надо было разпустить и этотъ парламентъ. Черезъ нѣсколько времени вамъ захотѣлось сдѣлать majors généraux. Вначалѣ, это учрежденіе, вызванное вновь возникавшими и опасными возмущеніями, было очень плодотворно; и вы, majors généraux, вы хорошо исполняли свою обязанность. Вы могли бы продолжать: кто же васъ заставилъ представить парламенту билль касательно этого предмета, какъ сдѣлали вы недавно, и привлечь на себя ударъ? Почти только-что получили вы власть, какъ нетерпѣливо стали требовать созванія парламента. Я былъ противъ этого; но вы увѣрены были, что, своей силой и кредитомъ, заставите избрать людей по желанію вашего сердца. Вамъ это не удалось, и нація оскорблена: это очевидно. Пора дать опредѣленное устройство правленію, и отбросить всѣ эти своевольныя проволочки дѣла, такъ непріятныя націи. Изъ самыхъ дѣйствій этого парламента вы ясно видите, что ему нужна узда, противодѣйствія; что произошло съ Джемсомъ Нейлеромъ, можетъ произойдти и съ вами. Въ силу своей судебной власти, они простираютъ притязанія на вашу жизнь и на жизнь всѣхъ членовъ. Но основный актъ протекторства даетъ ли мнѣ возможность имъ сопротивляться (1)»?

Дѣйствія, приведенныя Кромвелемъ, были неопровержимы, и его голосъ полонъ былъ власти надъ его прежними сподвижниками. Многіе оставили сопротивленіе, между прочими трое изъ majors généraux, Валлей, Госсъ и Берри. Начали

(1) Буртонъ, *Parliamentary Diary*, t. 1, p. 382—384.

Digitized by Google

договариваться; заключили тѣмъ, что вопросъ о королевскомъ титулѣ останется нерѣшеннымъ до конца преній, и что ни одинъ параграфъ билля не будетъ имѣть обязательной силы до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о всѣхъ. Съ этимъ условіемъ офицеры приняли парламентъ, состоящій изъ двухъ палатъ, дано Кромвелю право назначить себѣ преемника, и они обязались мирно продолжать пренія.

Съ 23 февраля по 30 марта это преніе занимало двадцать четыре засѣданія, изъ которыхъ семь, противъ обычаевъ парламента, продолжались по цѣлымъ днямъ, до полудня и послѣ полудня. Немногочисленныя подробности, которыя сохранились объ этомъ предметѣ, показываютъ, повидимому, что засѣданія эти, хотя были продолжительны и жарки, но не были возмущены никакимъ насиліемъ. Только, когда послѣ разсмотрѣнія всего проэкта, возвратились къ первой статьѣ, которою возстановлялась королевская власть, и которая оставлена была нерѣшенною, парламентъ приказалъ запереть двери, чтобъ ни одинъ членъ не могъ выйдти безъ именнаго позволенія. Многіе, безъ сомнѣнія, желали освободиться отъ необходимости принимать участіе въ такомъ затруднительномъ вопросѣ; сто восемьдесятъ пять членовъ подавали голоса; 60 противъ и 123 въ пользу этой статьи, которая и была принята въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «да будетъ угодно вашей свѣтлости принять имя, титулъ, достоинство и служеніе короля Англіи, Шотландіи и Ирландіи, и всѣхъ владѣній и земель, имъ подвластныхъ, и пользоваться властію сообразно съ законами этихъ націй». И чтобы слогъ акта непосредственно согласовался съ монархическими привычіями, вмѣсто того, чтобъ назвать этотъ актъ: «просьба и увѣщаніе», его озаглавили: «нижайшая просьба и желаніе (1)».

Ничто не заставляетъ думать, чтобы впродолженіе этого пренія сильно волновался самый народъ, или чтобы обращалъ на него особенное вниманіе. Современные журналы, подвергавшіеся строгой цензурѣ, или жестоко запуганные, выражаются съ сухой и краткой осторожностью; въ нихъ находятся выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «25 марта парламентъ при-

(1) 4 марта 1657. Турлое, *State-Papers*, t. VI, p. 23.

Digitized by Google

нялъ весьма важное намѣреніе, о которомъ мы будемъ говорить послѣ (1)» Утомленный и недовѣрчивый народъ мало безпокоился о своихъ повелителяхъ, и перемѣнахъ, которыя имѣли интересъ для нихъ однихъ. Страсть, равно какъ и дѣятельность, сосредоточивалась кругомъ правительства, въ его слугахъ и его врагахъ, и хотя жаръ значительно ослабленъ былъ борьбою, сомнѣніе и осторожность были все-таки велики. Турлое писалъ 3-го марта къ Генри Кромвелю, второму сыну протектора, главноначальствовавшему въ Ирландіи: «Его свѣтлость говорилъ офицерамъ въ очень ясныхъ, но «любезныхъ и ласковыхъ выраженіяхъ, и къ ихъ полному «удовольствію, судя по донесеніямъ. Однакожъ, я не могу еще «сказать, какой будетъ исходъ. Мнѣ не нравится физіономія «и настоящій ходъ дѣлъ; я боюсь, что въ устахъ извѣстныхъ «людей нѣтъ и не будетъ твердыхъ началъ; я надѣюсь, что «тѣ, кому хотѣлось бы достигнуть этого, съумѣютъ покориться «десницѣ Божіей, премудро располагающей всѣмъ (1)». И почти въ ту же самую минуту, Генри Кромвель писалъ изъ Дублина къ Турлое: «Благословляю Господа за то, что его «свѣтлость внушаетъ большей части членовъ парламента та«кую привязанность и довѣренность къ себѣ, что они сочли «долгомъ засвидѣтельствовать такое совершенное довольство «его управленіемъ, и даже пришли къ мысли, что для инте«ресовъ націи надобно еще болѣе распространить границы «его власти.... Что касается до важности этихъ предложеній,— «самихъ въ себѣ, то хотя нѣкоторые изъ нашихъ великихъ «умовъ и не могутъ переварить ихъ, но изъ этого не слѣдуетъ, «чтобы онѣ не нравились и мнѣ. Такъ-какъ они не могутъ «согласиться на то, что дѣлаетъ парламентъ, созданный ихъ «руками, то я вижу въ нихъ только людей, неспособныхъ «жить спокойно и допустить какое бы то ни было правленіе. «Не слѣдуетъ вовсе приписывать большой важности испорчен«нымъ желаніямъ такихъ больныхъ умовъ, и я такъ мало обра«щаю вниманія на ихъ недовольство, что смотрю на все про«исходящее, какъ на самый удобный случай вырвать эти

(1) *Public Intelligencer*, 30 марта. — *Mercurius politicus*, 2 апрѣля. Fodwin, *History of the Commonwealth*, t. IV, p. 355.

Digitized by Google

терніи, которыя всегда будутъ такъ несносны для его свѣтлости.... Да дастъ мнѣ Господь увидѣть, сколько безопаснѣе полагаться на людей уважаемыхъ, пользующихся всеобщей довѣренностью, честныхъ и благоразумныхъ, чѣмъ на людей, которые позволяютъ себѣ обнаруживать всю свою ненависть, и которые умѣютъ поддерживать себя только продолжая дѣлать замѣшательства. Что до меня, при этомъ, какъ и при всякомъ другомъ случаѣ, я буду употреблять всѣ силы къ тому, чтобъ покорить свою волю волѣ того, въ руки котораго предаю судьбу вашу, такъ же, какъ и мою (1)».

Замѣчателенъ образецъ благоразумнаго спокойствія со стороны этихъ двухъ людей, имѣвшихъ такое близкое участіе въ ходѣ событій, и говорившихъ между собой съ совершенной свободой и искренностію.

Только что кончивъ свою работу 27 марта, парламентъ избралъ коммиссаровъ, которымъ поручено было спросить протектора, въ какой день назначитъ онъ аудіенцію, для представленія къ нему членовъ парламента; и, черезъ четыре дня, 31 марта, въ одиннадцать часовъ, Кромвель, окруженный главнѣйшими чинами своего правительства, принялъ парламентъ въ Витгаллѣ, въ той же самой торжественной залѣ, которою, за восемь лѣтъ до того, шелъ Карлъ I-й между двумя рядами солдатъ, на эшафотъ. «Съ соизволенія вашей «свѣтлости,—говорилъ ему парламентскій ораторъ, сэръ Томасъ «Видрингтонъ,—я получилъ отъ парламента Англіи, Шотлан«діи и Ирландіи приказаніе представить вамъ, отъ его имени, «эту нижайшую просьбу Я знаю, что говорю передъ важ«ною особой, которой возвышенный умъ умѣетъ удалять и «разсѣявать всѣ безполезные толки, какъ солнце разсѣиваетъ «туманъ. Я не больше, какъ слуга, и выражаю не свои лич«ныя мысли и чувства, но объясняю только то, что поручилъ «мнѣ сказать парламентъ. Я похожъ на садовника, который «собираетъ цвѣты въ саду своего господина, и дѣлаетъ изъ «нихъ букетъ; я представляю вашей свѣтлости то, что собралъ «въ саду парламента».

(1) Thurloe, *State-Papers*, t. VI, p. 93.

Digitized by Google

Вндрингтонъ подробно объяснилъ осмнадцать пунктовъ просьбы: возстановленіе королевской власти и другаго парламента, который долженъ былъ получить названіе *втораго парламента*, способъ избранія, или производства въ различные члены составленнаго такимъ образомъ парламента, опредѣленіе постоянныхъ общественныхъ доходовъ, исключительное господство протестантскаго исповѣданія съ нѣкоторой терпимостью для сектъ,—таковы были главныя распоряженія, которыя онъ оправдывалъ безъ разбора, но не безъ искусства, самыми разнородными авторитетами—Авраамомъ и Аристотелемъ, Библіей и великой хартіей, догматами христіанства и юридическими преданіями Англіи. «Я кончилъ,—сказалъ онъ въ «заключеніе,—объясненіе различныхъ видовъ управленія, предло«женнаго въ нашей просьбѣ, но не всѣхъ статей; остается еще «одинъ пунктъ. Парламентъ имѣетъ такое доброе мнѣніе объ «этомъ планѣ управленія, какой вытекаетъ изъ всѣхъ въ сово«купности взятыхъ пунктовъ, что покорнѣйшее желаніе его со«стоитъ въ томъ, дабы вы благоволили принять ихъ всѣ. Они «расположены такъ, что образуютъ собою одну цѣпь; это какъ «будто зданіе, благоустроенное и прочно скрѣпленное; если «вынуть одинъ камень, все рушится. Отверженіе одного изъ «этихъ пунктовъ дѣлаетъ всѣ прочіе несоединимыми и неудо«боисполнимыми; они всѣ — дѣти одной матери — парламента; «надѣемся, что ваша свѣтлость усыновитъ ихъ всѣхъ: *или ни«чего, или все* (aut nihil, aut totum dabit) (1)».

Кромвель тотчасъ же отвѣчалъ «Конечно, господинъ ора«торъ, мнѣ бы надобно имѣть мѣдный лобъ, еслибъ этотъ планъ «правленія, который парламенту угодно было предложить мнѣ «черезъ васъ, не повергъ меня въ сильнѣйшее безпокойство: «очевидно, благосостояніе, миръ, всѣ сокровища трехъ націй и «честнѣйшихъ людей въ свѣтѣ, заключаются въ этомъ актѣ, «столь великомъ и столь важномъ. Я говорю, что одна эта «мысль должна возбудить во мнѣ чувства глубочайшаго благо«говѣнія и страха Божія, какими никогда никто не былъ про«никнутъ. Я провелъ эти послѣдніе годы, если можно такъ «сказать, въ огнѣ, посреди нашихъ смутъ; когда я соберу

(1) Burton, *Parliament Diary*, t. I, p. 397, 413.

Digitized by Google

«на малое пространство, такъ чтобы видѣть все вдругъ, — «все, до сихъ поръ случившееся со мной съ тѣхъ самыхъ «поръ, какъ я занялся дѣлами республики, — все это не напол- «нило бы, и, по моему мнѣнію, не могло бы столько наполнить «мое сердце и умъ страхомъ и благоговѣніемъ передъ Богомъ, «чувствами свойственными христіанину. — сколько наполняетъ «дѣло, предлагаемое мнѣ вами теперь. Еслибъ я, по поводу «этого обстоятельства, передалъ вамъ вдругъ рѣшеніе, не до- «жидаясь, чтобы отвѣтъ внушенъ былъ въ сердце и вложенъ «въ уста отъ Того, который до сего времени былъ моимъ Бо- «гомъ и руководителемъ, это вамъ слишкомъ мало бы дало «основаній вѣрить въ выборъ, сдѣланный вами, потому-что «моя рѣшимость имѣла бы тогда совершенно видъ желанія «плотскаго; и еслибъ оно, дѣйствительно, происходило изъ та- «кого источника, то каковъ бы ни былъ исходъ этого дѣла, «онъ могъ бы быть во всякомъ случаѣ несчастіемъ для всѣхъ «трехъ націй, и для васъ, которые, я убѣжденъ, при всемъ «этомъ, имѣете доброе намѣреніе, и имѣете въ виду искренно «только славу Божію и благо своего народа. И такъ, «видя, до какой точки достигли вы въ этомъ дѣлѣ, и «что вы, съ своей стороны, исполнили, я считаю нужнымъ «сказать вамъ одно слово, то, что мнѣ нужно сколько-нибудь «времени, дабы совѣщаться объ этомъ съ Богомъ и съ собст- «веннымъ сердцемъ. Надѣюсь, что ни досада душъ слабыхъ или «безразсудныхъ, ни желанія тѣхъ, которые могли бы обна- «руживать притязанія на дѣла не совсѣмъ хорошія, не заста- «вятъ меня отвѣчать вамъ иначе, какъ искренно и съ призна- «тельностію, отдавая справедливость вашей ревности и чест- «ности, и такъ, чтобы отвѣтъ мой послужилъ во благо тому, «чему служимъ мы, — вы и я, и чему обязаны служить. «И дѣло дѣйствительно стóитъ размышленія, — глубокаго раз- «мышленія съ моей стороны, и я сочту себя обязаннымъ дать «вамъ отвѣтъ такъ скоро, какъ только будетъ это для меня «возможно (1)».

Неизвѣстно, что происходило въ душѣ Кромвеля и окружавшихъ его по окончаніи этой аудіенціи; черезъ три дня,

(1) Burton, *Parliam. Diary*, t. I, p. 413—416.

Digitized by Google

3 апрѣля, онъ потребовалъ, чтобы Парламентъ прислалъ къ нему коммиссаровъ за полученіемъ отвѣта, и въ тотъ же самый день, въ три часа по полудни, большая депутація, состоявшая изъ восьмидесяти двухъ членовъ, дѣйствительно отправилась въ Витгалль: «мнѣ чрезвычайно жаль, сказалъ имъ Кромвель, «что я не могъ раньше высказать Парламенту моего же-«ланія; я чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ въ эти по-«слѣдніе два дня, вчера и въ середу. Я обдумывалъ, сколько «могъ, содержаніе бумаги, представленной мнѣ Парламентомъ «въ послѣдній вторникъ, и просилъ Бога, дабы даровалъ мнѣ «сдѣлать отвѣтъ, приличный мнѣ и достойный Парламента. «Должнымъ считаю засвидѣтельствовать вамъ, что вы позабо-«тились о двухъ важнѣйшихъ интересахъ, которые имѣетъ «Богъ въ этомъ мірѣ, — объ религіи и покровительствѣ, долж-«номъ исповѣдающимъ ее, о гражданской свободѣ и народномъ «правѣ. Это дѣла истинно христіанскія и почетныя, и вы по-«заботились объ нихъ, какъ христіане и какъ люди съ честію, «какъ истинные Англичане, каковы вы дѣйствительно. И для «этихъ двухъ интересовъ, если Богъ удостоитъ меня, я буду «жить и умру. Позвольте мнѣ теперь сказать вамъ, что одинъ «или два пункта меня поражаютъ. Вы предлагаете мнѣ, вмѣ-«сто моего теперешняго, другой титулъ. Вы требуете, чтобы «мой отвѣтъ былъ категорически ясенъ и рѣшителенъ, и «между предложеніями, которыя мнѣ дѣлаете, не оставляете «мнѣ никакой свободы выбора. Я не осуждаю васъ за такой «образъ дѣйствія; я считаю себя обязаннымъ сообразоваться «съ вашимъ рѣшеніемъ, вы люди благоразумные и облеченные «всякимъ довѣріемъ; не судить о томъ, что́ вы сдѣлали, это — «обязанность. Я былъ бы слишкомъ дикъ, еслибъ не сознавалъ «величайшей чести, которую вы мнѣ дѣлаете этой бумагой, «и, чрезъ ваше посредство, свидѣтельствую Парламенту мою «глубочайшую признательность. Но все-таки я долженъ ска-«зать: что́, можетъ быть, прилично вамъ предложить мнѣ, «то, можетъ быть, не прилично, — принять мнѣ. Пусть благо-«волитъ Парламентъ, — я прошу этого прибавить къ вашей «благосклонности, къ вашей привязанности и снисходитель-«ности ко мнѣ, — еще одну милость — не принимать въ дур-

Digitized by Google

«ную сторону отвѣта, который я ему даю, какъ нахожу «его въ моемъ сердцѣ, — именно, что я не способенъ при- «нять на себя такую тяжесть и такое бремя. Видя, что я не «могу принять ни одной изъ вещей, которыя вы мнѣ пред- «лагаете, если не приму ихъ всѣ, я не пришелъ къ той «мысли, что принять это бремя подъ этимъ титуломъ есть моя «обязанность передъ Богомъ и передъ вами. Я знаю, что все, ска- «занное мною въ похвалу вашего новаго плана правленія, можно «обратить противъ меня и сказать мнѣ: «если такъ много «превосходныхъ вещей въ этомъ планѣ, то ужели вы отвер- «гаете его изъ-за одного неудовлетворительнаго пункта»? — Но «ничего нельзя насильно вырвать изъ совѣсти человѣка; и по «истинѣ, этотъ отвѣтъ говоритъ мнѣ моя совѣсть. Если пар- «ламентъ рѣшилъ окончательно: «весь планъ, или ничего», то «я не долженъ побуждать васъ измѣнить ваше рѣшеніе. Вотъ «все, что́ я имѣлъ сказать. Я желаю и не сомнѣваюсь, что вы «передадите мой отвѣтъ парламенту вѣрно и искренно (1)».

Парламентъ понялъ уловки и темноту этого отвѣта; онъ опредѣлилъ, что непремѣнно настоитъ въ своей просьбѣ, по- ручилъ депутаціи изложить письменно причины, которыми руководствовался онъ при этомъ важномъ рѣшеніи, и выслу- шавъ и одобривъ донесеніе этой депутаціи, члены рѣшили, чтобы коммиссары шли спросить у протектора, въ какой день угодно ему принять парламентъ, который намѣренъ предло- жить ему чтеніе о причинахъ своего прошенія, и, если по- желаетъ, оставить съ него копію (2).

Въ четвергъ 8 апрѣля дѣйствительно было это новое свиданіе. Оффиціальныхъ документовъ объ этомъ свиданіи не сохранилось; не сохранилось и изложенія причинъ парламента, ни отвѣта со стороны Кромвеля; но современные журналы говорятъ, что протекторъ явился здѣсь менѣе упрямымъ въ своемъ отказѣ; онъ говорилъ о своей болѣзненности, о своей неспособности; поелику же парламентъ настаивалъ на своемъ предложеніи, то Кромвелю ничего больше не оставалось, какъ по- требовать совѣта, а у кого онъ могъ просить его, какъ не у

(1) Cromwels Lettres and Speeches, t. II, p. 497—500.
(2) Journals of the House of Commons, t. VII, p. 519—524.

Digitized by Google

самого же парламента? И такъ, онъ желалъ болѣе подробнаго изложенія причинъ, которыя заставляли парламентъ такъ упорствовать въ твоемъ рѣшеніи. Еще требовалъ онъ съ своей стороны позволенія изложить свои сомнѣнія, свои страхи, свои недоумѣнія. Онъ готовился дать отчетъ въ своихъ собственныхъ опасеніяхъ, которыя, быть можетъ, превышались опасеніями противными. Онъ надѣялся, что когда дѣло пойдетъ такимъ образомъ съ той и другой стороны, то впослѣдствіи, быть можетъ, и остановится на какомъ-нибудь планѣ, который будетъ равно приличенъ для парламента и для него, и который удовлетворитъ интересамъ всей націи (1).

Очевидно, журналы вышли изъ предѣловъ своей всегдашней осторожности съ разрѣшенія протектора, поелику онъ самъ счелъ нужнымъ передать народу это очень важное преніе.

На другой день парламентъ рѣшилъ, что принимая въ соображеніе вчерашнее предложеніе его свѣтлости, слѣдуетъ отправить къ нему коммиссаровъ; что ихъ надлежитъ уполномочить отобрать устно отъ протектора его сомнѣнія и недоумѣнія, касательно различныхъ пунктовъ просьбы; чтобы они представили его свѣтлости причины, достаточныя для его удовлетворенія, поддерживая рѣшенія парламента; и чтобы о пунктахъ, которыя окажутся неудовлетворительными его свѣтлости, донесли ему—парламенту (2).

Такимъ образомъ завязалося торжественное преніе между Кромвелемъ и парламентомъ, который непремѣнно хотѣлъ показать протектору, что онъ не долженъ отказываться отъ королевской власти. Сто коммиссаровъ, которые почти всѣ были лица значительныя въ парламентѣ, и большею частью друзья Кромвеля, назначены были для этой миссіи.

Въ ту самую минуту, какъ коммиссары принимали эту миссію, въ Лондонѣ возставала шайка фанатиковъ, чтобы учредить, говорили они, также монархію, но единственно законную монархію, то-есть, Христову. Ихъ называли,

(1) *Mercurius politicus* 9 avril 1657; Godwin, *History of the Commonwealth*, t. IV, p. 359.

(2) Journal of the House of Commons, t. VII, p. 521.

Digitized by Google

и сами они назывались людьми пятой монархіи. Всякій законъ, кромѣ закона Божія, открытаго въ священныхъ книгахъ, всякая другая власть, кромѣ власти Христовой, которой представитель есть соборъ святыхъ, должны быть ниспровержены. 9 апрѣля, двадцать человѣкъ изъ нихъ, подъ предводительствомъ одного бочара Веннера, собрались въ Шореднчѣ, всѣ «въ «сапогахъ со шпорами», чтобы отправиться потомъ на мѣсто общаго свиданія; но отрядъ кавалеріи предупредилъ ихъ и арестовалъ тотчасъ же. На ближайшемъ полѣ, гдѣ назначено было это общее свиданіе, на которое не явился никто, нашли оружія, памфлеты, приготовленныя для раздачи, и знамя, на которомъ написанъ былъ красный левъ «*спящимъ*», съ слѣдующимъ девизомъ: «кто разбудитъ его»? Нѣкоторые, весьма значительные люди, major général Гаррисонъ, адмиралъ Лаусонъ, полковники Ришъ, Окей и Данверсъ, оподозрѣнные собственными поступками, или отзывами сектантовъ, были также арестованы. Спустя еще день, Турлой, по приказанію протектора, отдалъ парламенту отчетъ о заговорѣ и мѣрахъ, принятыхъ къ его уничтоженію; какъ человѣкъ испытанный, онъ объявилъ безъ преувеличенія, что и число и качество лицъ, предпринимавшихъ этотъ ударъ, «незначительны и даже достойны презрѣнія». Но онъ приписывалъ его, и не безъ основанія, господствовавшему направленію умовъ и партій; онъ сообщилъ подробности о секретной организаціи этихъ сектантовъ, и объ ихъ сношеніяхъ со всѣми недовольными настоящимъ политическимъ ходомъ дѣлъ. Парламентъ понялъ и возвеличилъ дѣйствіе Турлоя: когда онъ сдѣлалъ это предложеніе, и оно было принято, ораторъ оффиціально сказалъ ему: «господинъ секретарь, я имѣю приказаніе «засвидѣтельствовать вамъ, отъ имени парламента, его искрен«нюю благодарность за ваши превосходныя попеченія и ваши «счастливыя усилія въ раскрытіи этого дѣла, и за важныя «услуги, которыя вы оказали республикѣ и парламенту въ этомъ «случаѣ и во множествѣ другихъ». И въ то же время коммиссары, назначенные явиться къ протектору, были уполномочены сказать ему, что «парламентъ получилъ донесеніе государст«веннаго секретаря, котораго важность цѣнитъ вполнѣ, и что

Digitized by Google

непосредственно за тѣмъ займется основательнымъ его изслѣдованіемъ (40)».

Вотъ подъ какими предзнаменованіями открылись, 11-го апрѣля, между коммиссарами парламента и протекторомъ, совѣщанія, долженствовавшія рѣшить вопросъ, будетъ или не будетъ Кромвель королемъ.

Не слишкомъ благородное и непріятное зрѣлище представляетъ комедія, которую упрямо разыгрываютъ важные люди въ важномъ дѣлѣ. Кромвель и парламентъ, оба напередъ знали, чего недоставало для управленія Англіею; оба были убѣждены, что только возстановленіе королевской власти могло сообщить ему правильный и прочный характеръ. Они убили цѣлый мѣсяцъ въ совѣщаніяхъ и объясненіяхъ, какъ будто, дѣйствительно, имѣли нужду другъ съ другомъ совѣщаться. На самомъ дѣлѣ, ни парламентъ ничего не говорилъ Кромвелю, ни Кромвель парламенту; они обращались въ своихъ рѣчахъ, тотъ и другой, къ публикѣ, которой не было въ Витталлѣ; къ оппозиціоннымъ, но умѣреннымъ республиканцамъ, которыхъ надѣялись склонить на свою сторону; къ цѣлой странѣ, чтобы она содѣйствовала ихъ желанію—утвердить новую королевскую власть, и принудила бы прежнія партіи къ ея принятію (41).

Обнаружилось замѣшательство въ началѣ перваго свиданія: кто первый будетъ говорить? Коммиссары ли, излагавшіе причины своей просьбы, или протекторъ, съ своими возраженіями? Та и другая сторона хотѣла другъ друга выпытать, вывесть, какъ говорится, на свѣжую воду,—общее расположеніе въ послѣдній періодъ революціи, когда почти всѣ, даже самые отважные, становятся скептиками и людьми осторожными, и стремятся къ тому, чтобы избѣжать вовсе или покрайней мѣрѣ ослабить свою отвѣтственность. Какъ легко можно было предвидѣть, перевѣсъ имѣло желаніе протектора.

(40) *Journal of the House of Commons*, t. VII, p. 521—522; Thurloe, *State-Papers*, t. VI, p. 184—186.

(41) Подробный отчетъ объ этихъ совѣщаніяхъ въ памфлетѣ, озаглавленномъ: *«что монархія есть лучшій, древнѣйшій и единственно законный образъ правленія»*, изданномъ въ 1660 г., и находящемся въ большомъ собраніи памфлетовъ Сомерса (Somers's Tracts), t. VI, p. 346—412.

Digitized by Google

Витлокъ началъ говорить, а Кромвель въ этотъ день только выслушалъ коммиссаровъ парламента. Въ продолженіе пяти совѣщаній, которыя происходили отъ 11 до 21 апрѣля, девять изъ нихъ говорили поочередно, и каждый раскрывалъ почти однѣ и тѣ же идеи — законовѣды, особенно Витлокъ и Глеинъ, люди ученые и разсудительные, но мелочные и напыщенные; человѣкъ придворный, воинъ и политикъ, лордъ Брогилль, болѣе дѣловой и краткій; онъ передалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ мысли своихъ товарищей и свои собственныя:

«Титуломъ королевскимъ, и никакимъ болѣе, наши древ«ніе законы отличаютъ всегда верховную власть; древнія на«чала, если онѣ хороши, стоятъ больше новыхъ, хотя бы и «онѣ были также хороши; что утверждено временемъ и опы«томъ, то имѣетъ за себя болѣе ручательствъ, и носитъ въ «самомъ себѣ больше авторитета.

«Лучше верховнаго правителя привести въ соотвѣтствіе съ «существующими законами, чѣмъ измѣнять существующіе за«коны, чтобы привесть ихъ въ соотвѣтствіе съ нимъ.

«Нація, законнымъ образомъ собранная въ парламентѣ, «изслѣдывала, какое титло болѣе прилично верховному прави«телю, и, послѣ торжественнаго пренія, остановилась на ко«ролевскомъ титулѣ, какъ на такомъ, черезъ который народъ «лучше узнаетъ свои обязанности въ отношеніи къ верховному «правителю, а верховный правитель свои обязанности въ от«ношеніи къ народу, — тотъ и другой на основаніи древнихъ «и всѣмъ извѣстныхъ законовъ.

«Между людьми, которые въ нашемъ отечествѣ признаютъ «какое-нибудь правленіе, нѣтъ ни одного почти, который бы «не считалъ себя обязаннымъ повиноваться или древнимъ за«конамъ, или законамъ новымъ, которые составляютъ вмѣстѣ «ваша свѣтлость и парламентъ. И такъ, если верховный пра«витель этихъ трехъ королевствъ будетъ называться королемъ, «то тѣ, которые чтутъ древніе законы, охотно примутъ его прав«леніе, какъ утверждающееся на основаніи, ими уважаемомъ, «и тѣ, которые признаютъ новые авторитеты, сдѣлаютъ тоже «самое, потому-что авторитеты эти будутъ соединены вмѣстѣ «съ этимъ титуломъ; и такъ изъ приверженцевъ ни древнихъ,

Digitized by Google

«ни новыхъ авторитетовъ не будетъ ни одного, который бы «не получилъ удовлетворенія.

«Древніе авторитеты признаютъ верховнаго правителя подъ «*королевскимъ* титуломъ, и существующій авторитетъ (парла- «ментъ) не желаетъ признавать его тоже ни подъ какимъ дру- «гимъ титуломъ, кромѣ королевскаго; если вы отвергнете его, «наши враги не поднимутся ли снова? Не станутъ ли они под- «держивать себя въ своихъ шаткихъ надеждахъ, говоря межъ «собою, и говоря своимъ союзникамъ, что ихъ предводитель «носитъ титулъ, одобряемый не только всѣми древними пар- «ламентами, но даже и настоящимъ, между тѣмъ какъ нашъ «предводитель не извѣстенъ древнимъ законамъ, и отказался «принять титулъ, который хочетъ признать за нимъ парла- «ментъ, самимъ имъ созванный?

«Если ваша свѣтлость будетъ носить титулъ короля, всѣ, «которые повинуются и служатъ вамъ, будутъ совершенно обез- «печены закономъ гораздо древнѣйшимъ нашихъ раздоровъ, «именно, закономъ, изданнымъ въ 11-й годъ царствованія Ген- «риха VII, который ограждаетъ отъ всякаго преслѣдованія «всѣхъ тѣхъ, кто служитъ какому-бы ни было, только — ко- «ролю. Этотъ законъ, кажется, слишкомъ разуменъ, потому «что онъ заботится не объ интересѣ какого-нибудь лица, или «фамиліи, но о спокойствіи и благосостояніи народа. Цѣль вся- «каго правительства доставлять народу правосудіе и безопас- «ность, и лучшее средство достигнуть этой цѣли — есть призна- «ніе верховнаго правительства. Если ваша свѣтлость будете «облечены титуломъ, такъ же какъ и обязанностію короля, и «если подъ сѣнію этого, народъ будетъ наслаждаться миромъ, «и пользоваться своими правами, то развѣ безумцы отверг- «нутъ эти благодѣянія, чтобы достигнуть той же цѣли подъ «другимъ лицемъ.

«Теперь у насъ претендентъ на королевство въ разводѣ «съ существующею въ нашемъ отечествѣ королевской властью; «мы знаемъ, что лица разведшіеся могутъ перевѣнчаться; но «если одно изъ нихъ выйдетъ за другое, это начисто уничто- «житъ всякія надежды.

«Наконецъ, и это самый сильный доводъ, парламентъ

Digitized by Google

«сегодня подаетъ вамъ этотъ совѣтъ; совѣты парламента «всегда должны имѣть, и, я увѣренъ, всегда будутъ имѣть боль«шую силу и большую важность. И этотъ совѣтъ идетъ не «одинъ; его сопровождаетъ, что́ касается до нашихъ граждан«скихъ и религіозныхъ правъ, множество превосходныхъ вещей «которымъ ваша свѣтлость уже блистательную отдали справед«ливость; и идетъ онъ отъ парламента, который представилъ уже «вашей свѣтлости неопровержимыя доказательства своей при«верженности, и который, если ваша свѣтлость послушаетъ «его въ этомъ, будетъ ободренъ представить вамъ еще болѣе «такихъ доказательствъ (1)».

Кромвель слушалъ эти предложенія съ видимымъ удовольствіемъ, но въ великомъ душевномъ волненіи: это былъ человѣкъ не съ простыми и опредѣленными идеями, и онъ не постоянно шелъ къ своей цѣли, а уклонялся во всѣ стороны, идя къ ней, издали еще пытая почву, и бросаясь по всѣмъ путямъ окольнымъ, и даже противоположнымъ. Пока ему говорили, его сильное воображеніе быстро рисовало передъ нимъ самые сокровенные изгибы, также какъ и различные фазы его положенія, всѣ близкія или отдаленныя, вѣроятныя или только возможныя, слѣдствія дѣла, о которомъ разсуждалъ. Онъ нѣсколько разъ начиналъ и переставалъ говорить, болѣе плодовитый и рѣчистый, чѣмъ законовѣды, принимая и возпроизводя свои размышленія, воспоминанія, намеки, предчувствія; несвязный и темный, то по увлеченію, то съ намѣреніемъ, бросалъ иногда искры свѣта, а чаще скрывалъ свою настоящую мысль, какъ человѣкъ, никогда не допускающій поймать себя, и увѣренный въ то же время, что самъ найдетъ себя, когда захочетъ, въ лабиринтѣ своей души. «Если ваши доводы, сказалъ онъ ком«миссарамъ, — о возложеніи на меня этой одной вещи, коро«левскаго титула, основываются на необходимости, — что́ж! «тогда мнѣ нечего отвѣчать вамъ; что́ должно быть, то и бу«детъ». И онъ предоставилъ кратко, въ выраженіяхъ ясныхъ и рѣзкихъ, все, что́ говорили законовѣды для доказательства, что королевская власть составляетъ дѣйствительно титулъ и званіе необходимое, столь тѣсно соединенное съ основными зако-

(1) Somers's Tracts, t. VI. p. 352—364.

Digitized by Google

нами Англіи, что ихъ исполненіе невозможно безъ его помощи: «но «если, внѣ этой помощи, можно найдти какое-нибудь лекарство, «какое-нибудь средство, говорилъ опять Кромвель, тогда ваши «доводы уже не непремѣнны, и вопросъ уже не есть вопросъ не- «обходимости, а просто пользы и приличія.... Такимъ образомъ, «королевство не пустое слово, четыре или пять буквъ,—это вер- «ховная власть, какое бы названіе она ни носила, и высшій автори- «тетъ, хотя давшій ей это имя могъ бы тоже, пожалуй, дать ей и «другое. Дважды дѣйствительно ей дано было другое названіе, во «первыхъ *стражей англійской независимости* (1), когда основана «была эта республика, и потомъ носимое много теперь. И дѣйстви- «тельно я могу сказать, что тому и другому слову оказываемо «было повиновеніе, почти всеобщее, всѣми сословіями и всякаго «рода людьми. Что до меня, безъ тщеславія могу сказать, что «съ самаго начала протекторства до настоящаго времени, за- «коны имѣли свободный ходъ, даже никогда не имѣли они болѣе «свободнаго хода даже въ тѣ годы, названные, и по справедливо- «сти названные, днями Гальціоны и мира, отъ двадцатаго года «царствованія Елисаветы до временъ короля Іакова и короля «Карла. И еслибъ здѣсь находилось еще болѣе милордовъ-судей, «чѣмъ есть дѣйствительно, они могли бы, можетъ быть, ска- «зать еще нѣчто болѣе.... Я принялъ на себя постъ, на ко- «торомъ нахожусь теперь, не въ надеждѣ сдѣлать какое-ни- «будь добро, но только съ желаньемъ воспрепятствовать боль- «шому злу, — злу ужасному, которое я видѣлъ почти разливав- «шимся на народъ; мы бурно стремились впередъ, въ смѣшеніи «и въ безпорядкѣ, и оттого среди крови; я былъ орудіемъ «тѣхъ, которымъ хотѣлось, чтобъ я принялъ на себя бремя, «которое теперь несу.... Нѣкоторые изъ васъ знаютъ, и мнѣ «можно самому это сказать, что я знаю, какъ меня называли, «съ перваго дня до сихъ поръ. Я съ перваго шага на по- «прищѣ общественныхъ дѣлъ шелъ отъ низшихъ должно-

(1) *Custodes libertatis Angliae*,—таково было названіе, которымъ въ 1649 г., въ минуту учрежденія республики, замѣнено названіе короля въ заглавіи приговоровъ судебныхъ мѣстъ и всѣхъ прочихъ публичныхъ актовъ; оно относилось собственно, какъ кажется, къ коммиссарамъ большой печати, которые были стражами общественной свободы по опредѣленію парламента. (Godwin, Hist. of the Commonwealth, t. III, p. 9).

Digitized by Google

«стей къ высшимъ. Сперва я былъ капитаномъ кавалерій-«скаго экскадрона, и исполнялъ, какъ могъ, обязанности «своего званія, и Богу угодно было благословить меня. Говоря «откровенно и съ ребяческой простотою, касательно того, что «думали великіе и умные люди, я желалъ, чтобы мои подчи-«ненные помогали мнѣ въ моемъ дѣлѣ. У меня былъ тогда «весьма достойный другъ, благородный человѣкъ, и я знаю, «что его память драгоцѣнна для всѣхъ васъ, — это Джонъ «Гампденъ. Въ первую мою компанію я видѣлъ, что наши воины «были всюду разбиты; я попросилъ Гампдена, чтобы онъ «къ арміи милорда Экссекса прибавилъ нѣсколько новыхъ пол-«ковъ, и сказалъ ему, что я могъ быть полезенъ, приведши «съ собой людей, одушевленныхъ храбростью, которая что-«нибудь значила въ нашемъ предпріятіи. Мои слова справед-«ливы, видитъ Богъ, что я не лгу. — «Ваша конница, гово-«рилъ я ему, состоитъ большею частію изъ старыхъ слугъ, «отжившихъ свой вѣкъ, либо молодцовъ, шатавшихся по ка-«бакамъ, и другихъ въ такомъ же родѣ; у противниковъ она «состоитъ изъ дѣтей джентльменовъ, кадетовъ и вообще людей «порядочныхъ. Неужели вы думаете, что негодяи низкаго «сорта, каковы ваши, могутъ спорить съ джентльменами, «полными рѣшимости и чести? Не принимайте въ дурную сто-«рону моихъ словъ; я знаю, что вы ихъ не примете въ дур-«ную сторону; вамъ надобно имѣть людей, одушевленныхъ «мужествомъ, которое могло бы заставить ихъ идти такъ же «далеко, какъ могутъ идти джентльмены; иначе вы всегда бу-«дете разбиты». — Гампденъ былъ умный и достойный че-«ловѣкъ; онъ сказалъ мнѣ, что я говорю правду, но что это «неисполнимо. Я сказалъ ему, что могу сдѣлать кой-что, и «дѣйствительно сдѣлалъ кой-что. Приписывайте это чему уго-«дно; я ободрилъ людей, которые имѣли въ себѣ страхъ Бо-«жій, и что дѣлали, то дѣлали съ сознаніемъ, и съ этого дня, «я вамъ говорю, они никогда не были разбиты, и всюду, гдѣ «бились съ непріятелемъ, оставались побѣдителями.... Я осмѣ-«ливаюсь приложить это и къ настоящему предпріятію, по-«тому-что здѣсь все для меня.... Я вамъ говорю, что есть «такіе люди въ этой націи, люди благочестивые, проникнутые

Digitized by Google

«такимъ же духомъ, люди, которые никогда не будутъ по-«бѣждены духомъ міра и плоти, пока сохранятъ свою чистоту; «и я дѣйствую съ вами совершенно искренно, когда говорю, «что Богъ, я убѣжденъ, не благословитъ предпріятія, каково «бы оно ни было, королевство или другое какое, если оно «оскорбитъ этихъ людей по справедливости и по уважительнымъ «причинамъ. Они могутъ, конечно, быть недовольны и не по «праву, но я былъ-бы рабомъ, еслибъ осудилъ себя угодить «такимъ недовольнымъ. Но я вамъ говорю, что есть люди че-«стные и преданные великимъ интересамъ правительства и сво-«бодѣ народной, которые, я знаю, не хотятъ этого титула. «Я согласенъ, что это не есть частица ихъ честности—не хотѣть «покориться приказаніямъ парламента; однакожъ, долгъ и моя со-«вѣсть предписываютъ мнѣ просить васъ не налагать на меня этихъ «тяжкихъ вещей, я хочу сказать—тяжкихъ для тѣхъ, которые «не хотятъ королевскаго титула.... Конечно, самъ Промыслъ «отвергъ королевскій титулъ; и это произошло не въ припадкѣ «гнѣва или страсти, но вслѣдствіе разсужденій, какихъ не бы-«вало никогда ни у одного народа; это было результатомъ де-«сятилѣтней или двѣнадцатилѣтней междоусобной войны, въ «которой много было пролито крови. Я не говорю о томъ, «справедливо-ли это было сдѣлано, или нѣтъ; мнѣ нѣтъ нужды «говорить вамъ, какое было-бы мое мнѣніе, если-бы надо было «снова сдѣлать тоже; но если начнутъ изслѣдывать, и если «кто-нибудь найдетъ, что Богъ, въ своемъ гнѣвѣ, истребилъ «не только всю королевскую фамилію, но имя и самый титулъ!... «Это сдѣлалъ не я, и не тѣ, которые предложили мнѣ власть, »которую я ношу теперь,—это сдѣлалъ Длинный-парламентъ!

«Я хочу теперь сказать вамъ, которые составляете собою «такую значительную часть парламента, что я чрезвычайно «тронутъ словомъ: *окончательное учрежденіе;* и, по моему мнѣ-«нію, кто не тронулся бы этимъ, недостоинъ жить въ Англіи; «и я сдѣлаю съ своей стороны все, что̀ буду въ состояніи, «чтобы изгнать изъ отечества всякаго, кто не желаетъ окончатель-«наго утвержденія, потому-что не имѣть окончательно установ-«леннаго правленія—большое несчастіе для народа.... И дѣй-«ствительно, я говорилъ уже это и говорю опять; я думаю,

Digitized by Google

«что этотъ образъ правленія, который вы предлагаете, доста-«витъ народу возможность пользоваться всѣми вещами, въ «пользу коихъ мы объявили себя уже такъ давно. Вотъ что «заставляетъ меня такъ любить эту бумагу, и все, что въ ней «содержится, съ нѣкоторыми прибавленіями, которыя я на-«мѣренъ теперь же предложить вамъ; и наконецъ окончательное «утвержденіе!... за исключеніемъ одного только пункта, о ко-«торомъ мы разсуждаемъ теперь. Я слышалъ ваши мнѣнія; вы «слышали мое; я вамъ высказалъ мою мысль и мое сердце; пусть «Господь покажетъ конецъ, какой Ему будетъ угодно (44)!»

Тогда онъ приступилъ къ самому *Прошенію*, и разбиралъ одно за другимъ различныя распоряженія, между прочимъ тѣ, предметомъ которыхъ были условія избранія въ члены парламента, способъ повѣрки избраній, наименованіе членовъ другаго парламента, судей, всѣхъ государственныхъ чиновъ, опредѣленіе постояннаго общественнаго дохода; и для каждаго изъ этихъ пунктовъ онъ указывалъ измѣненія, которыхъ желалъ, и которыя почти всѣ были справедливы и внушены твердымъ знаніемъ условій порядка и потребностей власти. «Онъ настоялъ также, по истинному-ли убѣжденію, или чтобъ «угодить народному чувству, сильно волновавшемуся, особенно «въ той партіи, которую онъ находилъ нужнымъ привлечь къ «себѣ, на преобразованіе гражданскихъ законовъ и преобразова-«ніе нравовъ, съ снисходительностію раскрывая полезныя слѣдствія «простаго производства въ дѣлахъ жизни общественной, и бла-«гочинія въ народной нравственности. Онъ передалъ коммисса-«рамъ письменно свои замѣчанія и свои предложенія: «И вотъ, «сказалъ онъ, я кончилъ съ моей стороны; когда вамъ угодно «будетъ передать мнѣ ваши мысли, относительно всѣхъ «сихъ пунктовъ, тогда я буду въ состояніи дать оконча-«тельный отвѣтъ, смотря потому, что внушитъ мнѣ Богъ. «Я говорю это не къ тому, чтобъ сдѣлать какую-нибудь уловку, «и не къ тому, чтобы заставить васъ принять какое-нибудь «условіе; но только тогда я могу во всемъ и на все честнымъ «образомъ рѣшиться насчетъ того, чего вы можете требовать

(44) *Somers's Tracts*, t. VI, p. 365—373; *Cromwell's Letters and Speeches*, t. II p. 515—561.

Digitized by Google

«отъ меня съ благоразумiемъ, и сказать то, что Богъ позволитъ мнѣ отвѣчать вамъ (1)».

Черезъ день послѣ того, 23 апрѣля, коммиссары, посредствомъ Витлокка, представили парламенту свое донесенiе касательно этихъ совѣщанiй. Они много разъ занимали парламентъ этимъ предметомъ, и парламентъ съ благоразумной осторожностью сдѣлалъ все, что могло помочь имъ ему въ переговорахъ, не приводя въ затрудненiе. Когда парламентъ узналъ отъ коммиссаровъ о всѣхъ колебанiяхъ, неясностяхъ, въ отвѣтахъ Кромвеля, и о невозможности получить отъ него ясный отвѣтъ, то сначала обнаружилъ нѣкоторое неудовольствiе; онъ, конечно, хотѣлъ помочь протектору сдѣлаться королемъ, но не хотѣлъ сдѣлать его королемъ противъ его воли, и брать такимъ образомъ на одного себя отвѣтственность въ возстановленiи монархiи; однакожъ тотчасъ-же приступилъ къ разсмотрѣнiю измѣненiй, какихъ требовалъ Кромвель въ планѣ правленiя, предоставленномъ въ просьбѣ. Преніе было гораздо продолжительнѣе и жарче, чѣмъ можно было предполагать, даже между друзьями протектора присутствовали въ парламентѣ два класса людей, если не двѣ партiи,—и именно, старинные приверженцы монархiи, которые съ неудовольствiемъ и только по нуждѣ согласились на республику, и республиканцы утомленные, но не разубѣжденные, которые соглашались на возвращенiе монархiи по той-же причинѣ и съ такимъ-же неудовольствiемъ. При каждомъ вопросѣ обнаруживались и сталкивались эти два направленiя, одни желали спасти по крайней мѣрѣ хоть частицы рушившейся республики; другiе, пользуясь этимъ случаемъ, хотѣли возвратить монархической власти всю ея силу и всѣ права. Кромѣ того, тѣ изъ нихъ, которые въ насилiяхъ и грабежахъ республиканскихъ принимали дѣятельное участiе, уже боялись послѣдствiй, которыя могла произвесть реакцiя монархiи, и на каждомъ шагу требовали то для себя лично, то для имущества, надежнаго обезпеченiя. Столь запутанное и жаркое, преніе это занимало, съ 23 до 30 апрѣля, пять длинныхъ засѣданiй, изъ которыхъ послѣднее продолжалось съ восьми часовъ утра до восьми съ

(4) Cromwell's Letters and Speches, t. II, p. 561—584.

Digitized by Google

половиной вечера, такъ что члены не ходили даже и обѣдать, «чего я еще никогда до тѣхъ поръ не видалъ», говоритъ Томасъ Буртонъ въ своемъ журналѣ (1).

Кромвель занимался и трудился еще болѣе, чѣмъ парламентъ; независимо отъ своихъ колебаній, притворныхъ или искреннихъ, онъ хотѣлъ, чтобы вопросъ тянулся долѣе, безпрестанно предлагаемый и обсуждаемый передъ публикой, для того ли, чтобъ убѣдить ее, или для того, чтобъ напугать перспективою новыхъ переворотовъ, – сильное средство убѣжденія, которымъ отлично пользуются вожди революцій. Онъ приказалъ напечатать и распространить отчетъ о своихъ совѣщаніяхъ съ коммиссарами парламента; въ главныхъ журналахъ были публикованы рѣчи, которыя говорилъ онъ. Онъ приглашалъ къ себѣ подъ различными предлогами военныхъ сановниковъ, извѣстныхъ и ничтожныхъ, расположенныхъ къ нему и нерасположенныхъ, и дѣлалъ все, чтобы пріобрѣсть или ихъ приверженность или нейтралитетъ; даже съ самыми близкими къ нему людьми, которыхъ содѣйствіе было несомнѣнно, онъ постоянно хлопоталъ о томъ, чтобъ поддержать ихъ довѣренность и ихъ ревность: «Протекторъ, говоритъ Витлоккъ, часто «совѣтовался объ этомъ дѣлѣ, и о другихъ важныхъ дѣлахъ, съ «лордомъ Брогилемъ, Пьерпуанемъ, сэромъ Шарлемъ, Вольс«леемъ, Турлоемъ и со мною; онъ запирался съ нами часа на «три или на четыре для особеннаго разговора, и тогда никого «не допускали къ нему. Иногда онъ былъ очень веселъ, и, «отлагая въ сторону свое величіе, показывалъ къ намъ величай«шее дружество, и, въ родѣ развлеченія, сочинялъ вмѣстѣ съ «нами стихи, и каждый долженъ былъ пробовать свой талантъ. «Обыкновенно онъ приказывалъ принесть табаку, трубки и «свѣчу, и по временамъ самъ курилъ; потомъ опять возвращался къ своему важному дѣлу (2)».

Всѣ вообще увѣрены были, что дѣло онъ хочетъ устроить, и что дѣйствительно устроитъ: «Пресбитеріанцы, писалъ полковникъ Итусъ къ Гейду, говорятъ, что все готово, и что, хотя

(1) Буртонъ, *Parliam.* Diary, t. II, p. 23 91; Journals of the House of Commons, t. VII, p. 523—529.

(2) Whitelscke, *Memorials* p. 656.

Digitized by Google

республиканцы парламентскіе и военные сначала поговаривали очень громко, но теперь довольно ослабѣли, и начинаютъ подумывать, что не будутъ въ состояніи оказать никакого сопротивленія (1)». Сиръ Францискъ Руссель, на дочери котораго женатъ былъ Ганри Кромвель, писалъ 27 апрѣля, къ своему зятю: «Я въ этомъ письмѣ прощаюсь съ вашимъ превосходительствомъ, потому-что мое ближайшее письмо будетъ, вѣроятно, адресовано къ герцогу Йоркскому. Вашъ отецъ начинаетъ выходить изъ облаковъ, и намъ кажется, что рѣшился принять королевскую власть. Большіе толки, которые ходили въ послѣднее время, по поводу этого обстоятельства, почти что прекратились, и я не думаю, чтобъ произошелъ хотя малѣйшій безпорядокъ. Я сегодня имѣлъ съ вашимъ отцемъ небольшой разговоръ объ этомъ важномъ дѣлѣ; онъ очень веселъ, и, кажется, далекъ отъ всякихъ недоумѣній (2)».

Ближайшіе приверженцы Кромвеля не были такъ увѣрены: «Конечно, писалъ Турлой къ Ганри Кромвелю, его свѣтлость въ большомъ недоумѣніи, и, однакожъ, никогда ни одинъ человѣкъ не получалъ такого яснаго призыва; сколько я могу видѣть, парламентъ никакъ не убѣдится, чтобы правленіе могло получить окончательное устройство какимъ-нибудь другимъ образомъ. Большая часть солдатъ не только согласны, но даже довольны; нѣкоторые ворчатъ, но мнѣ кажется, что и только. На что бы ни рѣшился его свѣтлость — это будетъ собственное его рѣшеніе, потому-что отвнѣ ни что не можетъ противиться ни его согласію, ни отказу.... Вѣрно только то, что его образъ дѣйствій во время совѣщаній съ коммиссарами подаетъ большія надежды, что онъ уступитъ, наконецъ, парламенту. Время покажетъ, что будетъ; что до настоящаго, мы можемъ только дѣлать догадки (3)».

Но эти сомнѣнія принадлежали только старымъ дипломатамъ, и безпокойство чувствовалъ только самый довѣренный слуга; публика не раздѣляла ихъ; она твердо увѣрена была въ благопріятномъ рѣшеніи и въ успѣхѣ; начали даже носиться

(1) 10 апрѣля 1657; Кларендонъ, State-Papers, VIII, p. 335.
(2) Форстеръ, Statesmen of the Commonwealth, t. V, p. 353. Буртонъ, *Parliam. Diary* t. II, p. 118.
(3) 21 апрѣля 1657; Турлой, State-Papers, t. VI, p. 219.

Digitized by Google

слухи, что приготовлена корона и отнесена въ Витталль (1), и Кромвель, въ нѣкоторыя минуты откровенности, самъ подтверждалъ эти общественные толки, проговаривал, что въ своемъ домашнемъ совѣтѣ, послѣ третьяго совѣщанія съ коммиссарами паламента, онъ убѣдился, что ему надлежало принять королевскій титулъ (2)».

30 апрѣля, разсужденія, касательно измѣненій въ просьбѣ, были кончены; парламентъ сталъ просить у протектора ауді-енціи, чтобы явиться къ нему опять; ауді́енція была коротка и холодна. Кромвель принялъ изъ рукъ Витлокка измѣненную просьбу, взглянулъ на послѣднія фразы, и удовольствовался только слѣдующими словами, сказанными скоро и тихо, «что «эта бумага опять требуетъ нѣкотораго совѣщанія; что онъ «не можетъ теперь назначить для этого дня парламенту; а «когда назначитъ, то увѣдомитъ его; что это будетъ тотчасъ, «какъ только окажется возможность, что самъ онъ можетъ это «сдѣлать (3)».

Для него мало было, что большая часть измѣненій въ прошеніи были сдѣланы; затрудненіе было не тутъ, и не въ парламентѣ. Не смотря на горячія свои старанія, онъ не успѣлъ у нѣкоторыхъ самыхъ популярныхъ начальниковъ арміи; они упорствовали въ своей оппозиціи по зависти, по личному достоинству, по республиканской вѣрности, по сектаторскому фанатизму, нѣкоторые даже, близкіе родственники Кромвеля, Флитвудъ, зять его, и Десборугъ, его шуринъ, по семейнымъ своимъ интересамъ, въ томъ убѣжденіи, что возстановленіе монархіи обратится въ пользу Карла Стюарта. Не больше успѣлъ Кромвель и у народа вообще; онъ не противился, но и не споспѣшествовалъ его намѣренію; онъ не добился того, чтобы заставить его смотрѣть на это, какъ на дѣло важное и само-по-себѣ полезное. Народъ присутствовалъ при предпріятіи съ равнодушнымъ любопытствомъ, какъ при дѣлѣ личнаго часто-

(1) Форстеръ, Statesmen of the Commonwealth t. V, p. 354; Вильвудъ, Memoirs, p. 116.

(2) Витлоккъ, *Memorials*, p. 656.

(3) Буртонъ, *Parliamentary Diary*, t. II, p. 101; Journal of the House of Commons, t. II, p. 629

Digitized by Google

любія и политической партіи; глубокій истинктъ говорилъ ему, что собственное его состояніе отъ этого мало перемѣнится, что событіе это, если и совершится, не дастъ ему двухъ желаемыхъ имъ предметовъ: истиннаго короля и истиннаго парламента. Возбудить довѣренность народовъ нельзя по произволу, и самымъ искуснымъ не удается убѣдить людей, которыхъ они часто обманывали.

Но Кромвель никогда не отказывался. Ему не хотѣлось вѣрить, чтобы, въ его собственной фамиліи, сопротивленіе было непобѣдимо. 5 мая, онъ велѣлъ сказать комиссарамъ парламента, чтобъ явились къ нему на другой день, послѣ полудня, а самъ, въ тотъ же день, назвался обѣдать къ шурину своему Десборугу, куда привелъ и зятя своего Флитвуда. Тутъ, простой и веселый по обыкновенію, онъ шутилъ надъ монархіею, повторяя свою любимую фразу, что «это перо на шляпѣ, и что онъ удивляется, отчего люди не даютъ дѣтямъ играть ею». Но Флитвудъ и Десборугъ оставались серьёзными и продолжали упорствовать. «Въ этомъ дѣлѣ, говорили они, было гораздо больше, чѣмъ онъ хотѣлъ видѣть. Тѣ, которые побуждали его къ этому, вовсе не были врагами Карла Стюарта; и если онъ согласится, то навлечетъ на друзей своихъ и на себя самого неминуемую гибель». — «Вы слишкомъ несговорчивые товарищи, сказалъ онъ имъ шутя: — съ вами ничего не сдѣлаешь», и оставилъ ихъ, рѣшившись идти далѣе, несмотря на ихъ нерасположеніе (1). На другой день, 6 мая, онъ объявилъ явившимся по его приглашенію, комиссарамъ парламента, что въ слѣдующій день приметъ весь парламентъ въ Вестминстеръ-Галлѣ, въ такъ-называемой расписанной залѣ и дастъ тамъ рѣшительный отвѣтъ на прошеніе. Мѣсто, назначенное для этой аудіенціи, повидимому показывало, что рѣшеніе его быть королемъ было принято; обыкновенно онъ принималъ парламентъ у себя, въ Витгалльскомъ дворцѣ, гдѣ самъ жилъ; только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, при открытіи засѣданій, или по случаю кокого-либо важнаго событія, онъ перебирался въ Вестминстеръ-Галль, въ расписанную залу, и оттуда посылалъ въ парламентъ посольство

(1) Лудловъ: *Memoires*, t. II, p. 362. Hist. of the Commonwealth, t. IV, p. 207

Digitized by Google

для приглашенія его къ себѣ (1). Но 7-го мая, часамъ къ одинадцати утра, когда собравшаяся палата ожидала послѣдняго его слова, одинъ изъ коммиссаровъ, Лентгалль, отъ лица протектора объявилъ, что поутру протекторъ посылалъ искать въ городѣ всѣхъ, кого можно найдти, чтобъ выразить имъ желаніе, аудіенцію парламента отложить до-завтра, и что только одни комиссары имѣютъ явиться къ нему въ тотъ же вечеръ, въ 5 часовъ, потому-что ему нужно съ ними переговорить (2). Наканунѣ, прогуливаясь въ Сентджемскомъ паркѣ, Кромвель встрѣтилъ Десборуга, — и объявилъ ли ему начисто, или только намекнулъ объ окончательномъ своемъ рѣшеніи принять корону, только Десборугъ, день-ото-дня все болѣе вооружавшійся противъ этого, въ свою очередь объявилъ протектору, что, на его взглядъ, и дѣло и фамилія Кромвеля погибли, и что рѣшившись ничего не предпринимать противъ него, онъ никогда ничего не сдѣлаетъ и въ пользу его; затѣмъ они разстались, одинъ съ новой нерѣшимостью, другой въ раздраженіи. Воротившись домой, Десборугъ нашелъ у себя полковника Прайда, того самого, который, 6 декабря 1648 года, выгналъ, по приказанію своего генерала, всю пресбитеріанскую партію изъ палаты Депутатовъ; онъ недавно произведенъ былъ Кромвелемъ въ кавалеры, и въ настоящее время слылъ однимъ изъ самыхъ несговорчивыхъ республиканцевъ. «Кромвель рѣшился принять корону», сказалъ ему Десборугъ. «Онъ не сдѣлаетъ этого, отвѣчалъ Прайдъ. — «Какъ ты ему помѣшаешь?» — «Достань мнѣ получше составленное прошеніе, и я помѣшаю ему». Въ тужъ минуту они вмѣстѣ отправились къ доктору Овену, одному изъ любимыхъ проповѣдниковъ Кромвеля, который сдѣлалъ его вице-канцлеромъ Оксфордскаго университета; теологъ былъ одного духа съ офицерами, и охотно составилъ желаемое прошеніе (3). Кромвель, безъ сомнѣнія, извѣщенъ былъ объ этомъ; отъ этого и произошло замедленіе принять парламентъ. Онъ не принялъ даже въ тотъ вечеръ коммиссаровъ, хотя нарочно

(1) Sedwin: Hist. of the Commonwealth, t. IV, p. 365.
(2) Journals of the House of Commons, t. VII, p. 531.
(3) Лудловъ: *Memoires*, t. II, p. 363—364.

Digitized by Google

созвалъ ихъ; больше двухъ часовъ они дожидались его, когда, отправляясь смотрѣть барберійскую лошадь, которую привели въ его садъ, онъ показался въ залѣ, гдѣ они собрались. Онъ слегка извинился, говоритъ Лудловъ, что заставилъ ихъ такъ долго ожидать себя, и попросилъ ихъ придти на другой день утромъ. (1) Утромъ, 8 мая, коммиссары дѣйствительно собрались опять, и въ то ли время, когда они были у протектора, или когда возвращались въ парламентъ для отданія отчета въ своемъ разговорѣ, офицеры пришли къ дверямъ парламента и требовали, чтобы ихъ впустили подать прошеніе. Когда они введены были въ парламентъ, одинъ изъ нихъ, полковникъ Месонъ, дѣйствительно представилъ прошеніе, составленное докторомъ Овеномъ, и подписанное двумя полковниками, семью подполковниками, восемью майорами и шестнадцатью капитанами. Офицеры удалились; прошеніе было прочитано: «они, говорили просители, подвергали опасности «жизнь свою, сражаясь противъ монархіи, и готовы были «опять сдѣлать это для защиты національной свободы, но за- «мѣчая, что нѣкоторые люди усиливаются ввести въ ихъ странѣ «прежній порядокъ вещей, и съ этою цѣлію побуждаютъ ихъ «генерала принять титулъ короля, чтобы погубить его и ис- «хитить власть изъ рукъ вѣрныхъ служителей Бога и обще- «ства, они просятъ парламентъ не подавать содѣйствія такимъ «людямъ и такимъ умысламъ, крѣпко стоять за доброе дѣло, «для котораго они всегда готовы отдать свою жизнь (2).»

Приведенный въ затрудненіе парламентъ колебался и ждалъ, что будетъ; когда Кромвеля извѣстили о случившемся, онъ тотчасъ же послалъ за Флитвудомъ, и горько жаловался, что онъ допустилъ подобное прошеніе; онъ долженъ былъ и могъ бы воспрепятствовать этому, потому-что хорошо зналъ, что онъ, Кромвель, рѣшился не принимать короны противъ воли арміи. За тѣмъ онъ потребовалъ, чтобы Флитвудъ тотчасъ же воротился въ парламентъ, и не далъ этому дѣлу идти дальше, а комиссарамъ приказалъ пригласить, отъ его

(1) *Тамъ-же*, Journal of the House of Commons, t. VII, p. 531.
(2) *Journals of the House of Commons*, t. VII, p. 531; Лудловъ: *Memoires*, t. II, p. 365—366.

Digitized by Google

лица, парламентъ въ тотъ же самый день явиться въ Вит-Галль для полученія отъ него рѣшительнаго отвѣта. Флитвудъ повиновался; комиссары и вся палата повиновалась; какъ скоро они собрались въ торжественной залѣ, вошелъ Кромвель.

«Я отвѣчаю, господинъ ораторъ, сказалъ онъ, на жела-«нія, которыя парламентъ изъяснилъ мнѣ въ этой бумагѣ, на-«званной имъ прошеніемъ. Я согласенъ, что это дѣло причи-«нило парламенту, къ величайшему моему сожалѣнію, много за-«трудненій и стоило ему много времени. Меня тоже оно нѣ-«сколько затруднило и заставило долго думать. Такъ какъ «я, къ несчастію, былъ причиною потери вами столькаго вре-«мени, то въ настоящемъ случаѣ я постараюсь отнять его «какъ можно меньше.

«Я, сколько могъ лучше, обсудилъ въ умѣ своемъ все это «дѣло. Я думаю, что этотъ актъ имѣетъ цѣлію утвердить на-«родное правленіе на прочныхъ основаніяхъ касательно сво-«боды и гражданскихъ правъ, которыя суть права націи. «Очень много также видно тутъ попеченій о безопасномъ поль-«зованіи честныхъ людей тою великою, естественною и рели-«гіозною свободою, которая есть свобода совѣсти. Вотъ суще-«ственныя основанія этого акта, и я, нѣсколько уже сдѣлав-«шій на этомъ поприщѣ и еще намѣревающій сдѣлать, «если Богъ продлитъ мою жизнь въ этомъ мірѣ, — я считаю «долгомъ засвидѣтельствовать, что намѣренія и расположенія «почтенны и честны, и дѣло достойно парламента.

«Только, къ несчастію, я ни переговорами моими съ ва-«шими комиссарами, ни моими собственными размышленіями не «убѣдился, какъ вы, въ необходимости того, на что вы такъ «часто настаивали, въ необходимости королевскаго титула. «Я утверждаю, при всемъ почтеніи и уваженіи, что въ дѣлахъ «общественныхъ никакое частное сужденіе не можетъ быть «положено на одни вѣсы съ сужденіемъ парламента. Но въ «томъ, что̀ касается до самихъ лицъ, всякій человѣкъ, при-«званный отдать Богу отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, долженъ «въ извѣстной мѣрѣ оправдывать свое поведеніе, и въ соб-«ственной совѣсти находить одобреніе того, что̀ дѣлаетъ. Въ ту «минуту, когда вы даете такъ много различнаго рода правъ,

Digitized by Google

«вы не можете отказать мнѣ въ томъ, которое есть не только «право, но долгъ.... Я думалъ и думаю, что, если бы въ этомъ «обстоятельствѣ я сдѣлалъ что-нибудь соотвѣтственное вашему «желанію, то я сдѣлалъ бы это по крайней мѣрѣ съ сомнѣ- «ніемъ; а что дѣлается съ сомнѣніемъ, то не есть искреннее дѣй- «ствіе, а не искреннее дѣйствіе есть грѣхъ для дѣлающаго....

«Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, я считаю своимъ дол- «гомъ.... только я желалъ бы сдѣлать это раньше, изъ ува- «женія къ парламенту, которому обязанъ столько,—я желалъ «бы, говорю я, сдѣлать это раньше, чтобы избавить его отъ «потраченнаго времени и скуки, а также и изъ уваженія къ ва- «шимъ коммиссарамъ, которымъ, надо признаться, я очень не- «разсудительно докучалъ.... Наконецъ, говорю искренно и «окончательно, хотя всѣ распоряженія вашего правительствен- «наго акта я нахожу превосходными, исключая одного, ка- «сающагося до меня, именно, — титула, мой отвѣтъ таковъ: «я не былъ бы честный человѣкъ, если бы не сказалъ «вамъ, что могу принять правленіе, трудности и тяжесть ко- «тораго мнѣ лучше извѣстны, чѣмъ кому другому, но не могу «принять этого правленія съ титуломъ. Вотъ мой отвѣтъ на «ваше великое предложеніе (1)».

Парламентъ молча удалился, и разсужденіе объ этомъ предметѣ отложено было до 13 мая.

Около шести недѣль послѣ того, 26 іюня 1657 года, въ Вестминстеръ-Галлѣ сдѣлано было возвышенное мѣсто. На немъ подъ балдахиномъ поставлено было, принесенное изъ Вестминстерскаго аббатства, королевское кресло Шотландіи. Спереди пониже поставленъ былъ столъ, покрытый ковромъ розоваго генуезскаго бархата, съ золотою бахрамою. На этомъ столѣ были: Библія, мечъ и скипетръ республики. Передъ столомъ, въ креслахъ сидѣлъ сэръ Томасъ Виддрингтонъ, ораторъ парламента. Въ нѣкоторомъ разстояніи амфитеатромъ разставлены были скамьи, назначенныя для членовъ обѣихъ палатъ парламента. Пониже оставлены были мѣста для алдерменовъ Сити и остальныхъ зрителей.

(1) *Cromwell's Letters and Speeches*, t. II, p. 586—588. *Лудлов. Memoires*, p. 63 I, · I.

Digitized by Google

Часамъ къ двумъ, окруженный многочисленною и великолѣпною свитою, Кромвель вошелъ въ залу. Члены, или лорды *другой палаты*, слѣдовали непосредственно за нимъ. Кавалеры, граждане, и жители графствъ, городовъ и мѣстечекъ, избранные засѣдать въ парламентѣ, шли послѣ нихъ. Среди шумныхъ восклицаній, Кромвель сѣлъ на государственное кресло. По лѣвую сторону у него были лордъ-мэръ Сити и голландскій посланникъ; по правую посланникъ французскій и Робертъ, графъ Варвикъ. Ораторъ; отъ имени парламента, подалъ Кромвелю великолѣпную мантію пурпуроваго бархата, опушенную горностаемъ, богато переплетенную Библію съ золотыми застежками, мечъ съ богатымъ эфесомъ и массивный золотой скипетръ. Сказавъ рѣчь объ этихъ четырехъ эмблемахъ, ораторъ взялъ Библію, разскрылъ ее передъ Кромвелемъ и прочиталъ слѣдующую формулу присяги:

«Въ присутствіи и во имя Всемогущаго Бога, я обѣщаюсь «и клянусь, всею моею властью и всѣмъ моимъ разумѣніемъ «поддерживать и сохранять истинную христіанскую протестантско-реформатскую религію, въ чистотѣ ея, какъ она содержится во святомъ Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта; также «всею моею властью верховнаго начальника трехъ націй стараться о сохраненіи мира и спокойствія всѣхъ истинныхъ «правъ народа, и наконецъ управлять народомъ этихъ націй «во всемъ согласно съ законами».

Кромвель приклонилъ, докторъ Мэнтонъ прочиталъ молитву. Герольдъ, при звукѣ трубъ, провозгласилъ его высочество Оливьера Кромвеля протекторомъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи и всѣхъ владѣній и территорій, отъ нихъ зависящихъ. На что народъ отвѣчалъ восклицаніями: «Да здравствуетъ многія лѣта его свѣтлость! Гуцца!» (1)

Такъ освящено было правленіе Кромвеля, постановленное *униженнымъ прошеніемъ* парламента, съ измѣненіями, потребованными въ немъ Кромвелемъ. Это не была уже республика. Но тутъ не было и наслѣдственнаго права и королевскаго титула, то-есть монархіи.

(1) Буртонъ, *Parliam. Diary*, t. II, p. 511—515; *Parliam. History*, t. XXI, p. 148, 152—159.

Digitized by Google

Въ самомъ ли дѣлѣ отказался отъ ней Кромвель? Въ этомъ можно сомнѣваться. Многія дѣла показываютъ, что онъ отложилъ свои надежду, но не отрекся отъ ней, и что точно такъ же, какъ нѣкогда для овладѣнія властью онъ укротилъ парламентъ войскомъ, надѣялся, для увѣковѣченія власти въ своемъ родѣ, укротить войско парламентомъ. Но это тайна, оставшаяся между Богомъ и душею Кромвеля; на землѣ и въ исторіи протекторъ умеръ, отказавшись быть королемъ.

Иравъ ли онъ былъ въ своемъ отказѣ? Въ его время и вокругъ него вопросъ этотъ былъ сильно оспориваемъ. Враги обвиняли его въ нерѣшительности и малодушіи. «Начальники и офицеры арміи», писалъ одинъ изъ нихъ къ сэру Эдуарду Гиду, «смѣются надъ его надеждами и презираютъ его за его боязнь: въ мнѣніи безпристрастныхъ зрителей, онъ поочередно играетъ и упускаетъ свое счастіе (1)». Самые искреннie друзья были удивлены и опечалены, видя, какъ онъ колеблется и отступаетъ въ этомъ пунктѣ: «всякій благоразумный человѣкъ», писалъ Турлой къ Ганри Кромвелю, «удивляется такимъ отнагательствамъ; если этотъ парламентъ не постановилъ опредѣленнаго рѣшенія, то нѣтъ надежды, чтобы какой другой парламентъ когда-нибудь сдѣлалъ это: никогда никакой парламентъ не посвятитъ на это столько времени, и не сдѣлаетъ половины того, что сдѣлалъ этотъ (2)».

Очевидно, во мнѣніи своихъ современниковъ, Кромвель унизилъ себя своимъ поведеніемъ въ этомъ обстоятельствѣ; онъ предпринималъ больше того, сколько могъ; онъ желалъ и отказался. Когда человѣкъ поставленъ такъ высоко и на такой скользской покатости, онъ долженъ или постоянно подниматься вверхъ, или стоять неподвижно; если онъ останавливается, пытаясь подняться еще нѣсколько, онъ скатывается внизъ.

Если бы Кромвель держался только за свою власть, то онъ могъ бы порадоваться своей рѣшимости; остановленный послѣ толчка, парламентъ не хотѣлъ, или не смѣлъ показать никакой досады; въ войскѣ всякое колебаніе прекратилось; довольные, но не упоенные своимъ успѣхомъ, оппозиціонные офицеры соединились вокругъ протектора, который, не смотря на неудачу, до послѣдняго дня своей жизни оставался могущественнымъ и страшнымъ.

(1) M. Broderick a sir Edouard Hyde, 7 мая 1659; Clarendon, *State-Papers*, t. III, p. 339.

(2) 29 апрѣля 1657; Thurloe, *State-Papers*, t. IV, p. 243.

Digitized by Google

Но власти, даже неограниченной, недостаточно было для Кромвеля; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ державныхъ геніевъ, которые родятся для управленія, для которыхъ крѣпость и продолжительность этого правленія есть насущная потребность. Несовершенство его собственнаго правленія, грубаго и ненадежнаго, хотя сильнаго и славнаго, безпокоило его и не нравилось ему; мысль его не могла ни удовольствоваться имъ, ни успокоиться на немъ; онъ желалъ быть королемъ, не для бо́льшей власти или бо́льшаго блеска, но потому-что монархія была естественнымъ, правильнымъ и прочнымъ правительствомъ Англіи. Честолюбіе его не могло довольствоваться меньшимъ; укорять его въ этомъ, значитъ укорять его въ превосходствѣ и не признавать печати его величія.

По самому этому превосходству, онъ не обманывалъ себя въ исполнимости и своихъ великихъ желаній; имѣя власть сдѣлаться королемъ, онъ не сдѣлался имъ, потому-что понялъ, что ему не быть истиннымъ королемъ. Онъ хотѣлъ, какъ для себя самого, такъ и для Англіи положить конецъ революціонному и ненадежному положенію; но стремленіе къ этой цѣли не ослѣпило его ни насчетъ препятствій, ни насчетъ тщеславія полу-успѣха: не могши сдѣлаться законнымъ королемъ, онъ остался протекторомъ.

Удивительный урокъ далъ этотъ, одинъ изъ величайшихъ честолюбцевъ, честолюбцамъ всѣхъ временъ!

Кромвель самъ не зналъ, съ какою справедливостью оцѣнилъ онъ, въ этомъ великомъ испытаніи, свое положеніе и свою судьбу, — какія великія истины парили надъ этимъ поведеніемъ, въ которомъ онъ соображался только съ своимъ благоразуміемъ и здравымъ смысломъ.

Недавно въ Лондонѣ поднятъ былъ вопросъ: между статуями, долженствующими украшать новое зданіе парламента въ Вестминстерѣ, гдѣ будетъ поставлена статуя Кромвеля? въ ряду-ли великихъ мужей Англіи, или въ ряду ея королей? Напрасный вопросъ: Кромвель самъ рѣшилъ его, отказавшись быть королемъ

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ПОЛНЫЙ РУССКО-ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ, сост. И. (?) *Ивашковскимъ*: (.) значительно обогащенный словами и примѣрами, заимствованными изъ латинскихъ и русскихъ писателей и стихотворцевъ. Издалъ И. Эйнерлингъ. Томъ I-й, столбцовъ (по два на страницѣ) 1064; томъ II, столбц. 1070; томъ I—1849 г. II—1851.

Это два первые тома (всѣхъ будетъ четыре) русско-латинскаго словаря, составленнаго бывшимъ профессоромъ Московскаго Университета *Семеномъ Мартыновичемъ* Ивашковскимъ. Ивашковскій издалъ нѣсколько книгъ по части древне-классической филологіи; болѣе же всего извѣстенъ онъ по греческо-русскому словарю. Послѣдній его трудъ, русско-латинскій словарь, представленъ имъ былъ въ Академію Наукъ и удостоенъ ею демидовской преміи. Академія выдала еще кромѣ того сумму на изданіе.

Тѣмъ не менѣе словарь Ивашковскаго до сихъ поръ не весь изданъ. Прошло по крайней мѣрѣ пять лѣтъ послѣ того, какъ назначена была Академіею премія, — а вышло, какъ видите, только два тома. Причина этой медлительности не показана издателемъ, г. Эйнерлингомъ. Тотъ и другой томы снабжены разными предисловіями, послѣсловіями, объявленіями, но только не поясняющими, а скорѣе затемняющими дѣло. Судите сами: цензурованъ словарь былъ въ Москвѣ въ 1845 году; предисловіе издателя къ I-му тому (оноже и послѣсловіе ко II-му) цензуровано въ 1847 году; первый томъ вышелъ въ 1849, вторый въ 1851 году; при послѣднемъ томѣ, то-есть вышедшемъ въ 1851 году, послѣсловіе отъ 1847 года!!... О смерти составителя (она, вѣроятно, была главною причиною того, что словарь до сихъ поръ не напечатанъ) не сказано ни слова. Даже начальная буква его имени означена не такъ. Наконецъ, г. Эйнерлингу, какъ можно судить изъ его предисловія къ I-му тому или послѣсловія ко II-му, кажется, неизвѣстны прежніе русско-латинскіе словари, по объему не многимъ развѣ уступающіе словарю Ивашковскаго: словарь Розанова (1825 и 1826 г.) и словарь Беликова

Digitized by Google

(3 части, 1846 и 1847 г.). Г. Эйнерлингъ говоритъ, что даже въ Германіи нѣтъ столь обильнаго нѣмецко-латинскаго словаря. Съ этимъ еще менѣе можно согласиться: извѣстный словарь Георга будетъ еще «обильнѣе»; есть и другіе, не менѣе пространные.

Тѣмъ страннѣе такая запутанность въ предисловіи издателя, что вообще словарь изданъ исправно: опечатокъ мы замѣтили не много.

Подробный разборъ «полнаго русско-латинскаго Словаря» отлагаемъ до другаго времени, когда выйдутъ остальные два тома. А теперь ограничимся только извѣщеніемъ о немъ; наше извѣщеніе, сколько помнится, еще первое: до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ не извѣщалось о выходѣ этого словаря; не помнимъ, были ли даже объявленія о немъ.

Во всякомъ случаѣ это дѣйствительно самый лучшій русско-латинскій словарь. Жаль только, что Ивацковскій внесъ въ него много славянскихъ выраженій, много даже русскихъ провинціализмовъ; не только никому не придетъ въ голову справляться о нихъ, но многіе изъ нихъ даже непонятны. За чѣмъ попали въ русско-латинскій словарь: обаче, обанадесять, обезстудствоватися, обезтлѣнити, обезчадити, вѣтую, горнецъ? За чѣмъ попали: граю, дощанъ, дубаню, жгутить, обай, обдала, обавки? Чтобы дать понятіе о томъ, въ какой степени загроможденъ словарь Ивашковскаго подобными словами, вотъ перечень только тѣхъ словъ, которыя нашли мы на послѣднихъ *пяти* страницахъ: охрабрить, охранъ, охреніе, охреянъ, охрипаніе, охудѣть, оцапка, оцвѣтаю, оцеть, оцынжать. оцѣждою, оцѣніе, оцѣпъ, очадѣлый, очанка, оченіе, очереть, очертянка, очеса, очески, очестливо, очкованіе, очкую, очунуться, ошаяваться, ошеекъ, ошейка, ошибъ, ошкуръ, ошуюю, ощадливость, ощепокъ, ощурки. Тридцать три слова! А всего на этихъ пяти страницахъ русскихъ словъ около 70: значитъ, почти половина словъ не нужныхъ. Не пользовался ли словаремъ Ивашковскаго еще въ рукописи знаменитый переводчикъ Фауста, г. Овчинниковъ?.... Эти пять страницъ выбраны нами на удачу: но мы пересматривали и въ другихъ мѣстахъ, — то же самое! На примѣръ, столб. 258 (всѣхъ словъ 9): крохать, крошица, крошня, крохоборъ; столб. 288: кутня, кутъ, кучельба (всѣхъ словъ 11); столб. 346 (всѣхъ словъ 13): лылы, лыскать, лыскарь, лысто, лысунъ, лысуха, лытою, лытка; изъ остальныхъ пяти словъ: *ль*, *львенокъ*, тоже можно бы было выключить. Замѣтимъ при этомъ, что и прежніе наши лексикографы страдаютъ этой ненужною полнотою. Напрасно г. Эйнерлингъ не исключилъ подобныя слова: словарь много бы тогда выигралъ.

Digitized by Google

Мы сейчасъ сказали, что не у одного Ивашковскаго,—у всѣхъ нашихъ лексикографовъ встрѣчаются провинціализмы и другія странныя, не многимъ понятныя, слова; у Ивашковскаго ихъ только больше, чѣмъ у другихъ. Чѣмъ же это объяснить? какая причина любви къ подобнымъ словамъ? ужели они не могутъ уяснить себѣ настоящей цѣли *русско*-латинскаго, *русско*-греческаго, *русско*-нѣмецкаго, и т. п. словарей? А понять ее, кажется, не мудрено. Русско-латинскій, на примѣръ, словарь долженъ служить пособіемъ при переводахъ съ русскаго на латинскій; потому при составленіи его главное вниманіе нужно обращать на то, чтобы легче было пріискивать латинскія выраженія, соотвѣтственныя русскимъ. Для этого нужно, чтобы изъ русскихъ словъ входили въ словарь *всѣ* общеупотребительныя и существенныя, но только *общеупотребительныя и существенныя*; слова обветшалыя, провинціализмы тутъ совершенно лишнія и только безъ пользы обременяютъ книгу. Кому придетъ въ голову искать *обанадесять*, когда онъ можетъ найдти то же самое подъ словомъ *двѣнадцать*? или—вѣтую, обезчадити? Кто, кромѣ развѣ Овчинникова, употребляетъ слова: обай, обдала, обавки, оцынжать, лылы? Развѣ тотъ, кто вздумаетъ переводить Фауста г. Овчинникова на латинскій языкъ. Почему же наши лексикографы не понимаютъ такой простой и очевидной истины? Главнѣйшая причина этому страшному явленію заключается, мнѣ кажется, въ томъ, что наши лексикографы (я разумѣю преимущественно словари древнеклассическихъ языковъ) мало знакомились съ заграничными трудами по части лексикографіи. За границею, особенно въ Германіи, это дѣло доведено до изумительнаго совершенства. И не мудрено: тамъ цѣлую жизнь посвящали ему десятки, если не сотни, людей. Есть у кого, есть чему поучиться! Но у насъ многіе не хотятъ этого дѣлать.

Непростительно пренебрегать трудами нашихъ предшественниковъ; не менѣе, если не болѣе, непростительно съ завязанными глазами, безсознательно, идти по ихъ слѣдамъ. Западная Европа съ трудомъ отрѣшается теперь отъ старыхъ предразсудковъ; видитъ сама, что многое въ ея жизни существуетъ только по праву давности, потому только, что когда-то было нужно, или по крайней мѣрѣ необходимо, неизбѣжно. Потому мы, перенося на русскую почву плоды европейской цивилизаціи, должны поступать крайне осмотрительно и сознательно; брать у нея только то, что̀ дѣйствительно необходимо.

Объ этомъ мы заговорили теперь вотъ по какому обстоятельству. Въ нашихъ русско-латинскихъ и русско-греческихъ словаряхъ

Digitized by Google

приходилось намъ встрѣчать съ латинскимъ переводомъ такія слова: *саламата*, *макароны*, *ружье*, даже *черви*, *бубны*, *трефы*, *пики*, и прочія названія картъ, и вообще множество такихъ словъ, которыя точно не могутъ быть переведены по-латини, потому что понятія, выражаемыя этими словами, не были извѣстны древнему Римлянину или древнему Греку. Было время, когда писали обо всемъ по-латини, когда даже гнушались природнымъ языкомъ, и писали по-латини даже о такихъ предметахъ, которые могутъ быть выражены только на новомъ языкѣ. Но кто теперь станетъ писать по-латини о преферансѣ, о макаронахъ, и т. п. Да и вообще нужно ли, полезно ли въ настоящее время писать по-латини *болѣе*, чѣмъ сколько требуется для ознакомленія съ латинскимъ языкомъ? По этому случаю мы хотимъ теперь вкратцѣ повторить сказанное нами объ этомъ въ другое время. Когда идетъ дѣло объ истребленіи безполезнаго предразсудка, повтореніе не лишне.

Сперва скажемъ о томъ, *возможно* ли писать въ полномъ смыслѣ по-латини. Если не возможно, то, очевидно, — и безполезно. Въ европейской литературѣ существуютъ сотни книгъ о латинской стилистикѣ. Раскройте этѣ стилистики, эти *антиварвары* (antibarbari),— и что же вы найдете на первыхъ страницахъ ихъ! — Что не было ни одного ученаго, который бы не дѣлалъ ошибокъ противъ чистоты и изящества латинской рѣчи, хотя многіе изъ нихъ не только писали, но даже и говорили почти только по-латини впродолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и слыли за превосходныхъ стилистовъ.... Ученые «мужи» безпрестанно ловятъ другъ друга въ промахахъ, издѣваются другъ надъ другомъ, часто довольно неучтиво, и всѣ— пишутъ по-латини съ ошибками. Нигдѣ, можетъ быть, бренность и вмѣстѣ самодовольствіе человѣческой природы не высказывается въ такомъ свѣтѣ, какъ въ латинской стилистикѣ. Антиварвары наполнены ошибками знаменитостей стилистики. «Перелистуйте, говоритъ Кребсъ, авторъ одного изъ лучшихъ антиварваровъ, перелистуйте, говоритъ онъ, антиварваръ, и найдете, что многое вы слышали изъ устъ ученыхъ, *впрочемъ почтенныхъ* мужей, или читали въ ихъ сочиненіяхъ».

Всѣ стилисты говорятъ, что особенно трудно избѣжать въ латинской рѣчи идіотизмовъ роднаго языка; и для избѣжанія галлицизмовъ, германизмовъ, руссизмовъ и т. п., совѣтуютъ думать по-латини, когда пишешь!... Легко сказать: думай полатини! Если не думали вполнѣ полатини люди ученые, трудолюбивые, годовъ по пятидесяти иногда писавшіе и говорившіе полатини, такъ заботливо старавшіеся о чистотѣ латинской рѣчи; если не достигали этого даже и тѣ изъ нихъ, которые съ трудолюбіемъ и тщательностію соединяли даровитость, то они этимъ уже доказали невозможность думать

Digitized by Google

по-латини, а слѣдовательно невозможность и писать по-латини вполнѣ правильно. Странно! какъ господа антиварвары не поймутъ до сихъ поръ истины простой, аксіомически вѣрной, что, наприм., Русскій и можетъ, пожалуй, думать на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ языкѣ, но думать по-латини, по-нѣмецки, по-французски, т. е. какъ Римлянинъ, Нѣмецъ, Французъ,—не можетъ. Вѣдь всѣ согласны въ томъ, что какъ всякій отдѣльный человѣкъ, такъ и всякій народъ имѣетъ свою особность, свой характеръ,—а характеръ народа всего явственнѣе, опредѣлительнѣе вызначается въ языкѣ; потомъ, что характеръ какъ человѣка, такъ и народа можно уничтожить, но измѣнить, вполнѣ измѣнить, нельзя. Заставьте человѣка съ малолѣтства говорить только на иностранномъ языкѣ,—онъ все-таки никогда не будетъ ни Французомъ, ни Нѣмцемъ. Чѣмъ онъ будетъ, это каждому изъ читателей, вѣроятно, извѣстно. Особенно трудно подѣлаться подъ настоящую латинскую рѣчь: латинскій языкъ значительно отличается отъ новыхъ языковъ, и притомъ крайне точенъ. Непонятно, какъ до сихъ поръ пишутъ на немъ ученыя сочиненія. Въ немъ чрезвычайно мало отвлеченныхъ понятій, онъ весь проникнутъ практическимъ, матеріальнымъ направленіемъ римскаго народа, исполненъ выраженій, взятыхъ изъ воинскаго быта,—и какъ странно звучатъ эти выраженія въ мирныхъ устахъ какого-нибудь ученаго Нѣмца! Понятно, почему писали по-латини, и писали обо всемъ въ Западной Европѣ годовъ двѣсти, триста тому назадъ. Причины этому были историческія. Съ легкой руки Римлянъ, внесшихъ въ завоеванныя ими страны свое право, свою цивилизацію, свой языкъ, Европа долго находилась подъ римской опекою. Западная Церковь, избравшая латинскій языкъ своимъ органомъ, укрѣпила еще болѣе эту опеку. Понятно, почему писали по-латини, когда новая Европа еще смутно понимала себя, когда кругъ ея понятій былъ далеко тѣснѣе круга понятій классическаго міра, и человѣкъ видѣлъ въ классической древности всю премудрость; когда языки ея еще не выработались, мало способны были къ выраженію сколько-нибудь возвышенныхъ надъ будничною жизнію понятій. Но зачѣмъ теперь писать на языкѣ, на которомъ не выразишь и десятой доли нашихъ понятій иначе, какъ неточными описаніями, перифразами, когда на своихъ языкахъ мы можемъ выразить всѣ свои понятія точно и ясно? Языку ли народа практическаго, матеріальнаго, самобытно въ области мысли ничего почти, кромѣ права, не завоевавшаго, ему ли быть нашимъ ученымъ, общимъ языкомъ? Пусть Нѣмцы пишутъ на латинскомъ языкѣ тощія диссертаціи, пусть они переводятъ латинскими стихами Шиллера (и это у нихъ бываетъ): намъ они не примѣръ въ этомъ случаѣ.

Digitized by Google

Впрочемъ и тамъ давно многіе возстаютъ противъ обычая писать по-латини; и, сколько намъ извѣстно, дѣльнаго отпора имъ со-стороны антиварваровъ еще не было.

А сколько трудовъ употребляется на пріобрѣтеніе даже маленькаго умѣнья писать по-латини! Послѣ предварительной подготовки, продолжающейся лѣтъ пять, шесть, и болѣе, и состоящей въ переводахъ съ латинскаго на отечественный языкъ и съ отечественнаго на латинскій, заставляютъ наконецъ будущаго писателя изощрять и собственныя творческія силы. Латинь сперва, конечно, выходитъ плоховата. Ее поправляютъ. Говорятъ, что онъ преимущественно долженъ держаться Цицерона, Цезаря и еще нѣсколькихъ писателей, отъ которыхъ дошли до насъ только маленькіе отрывки. Къ другимъ писателямъ онъ тогда только имѣетъ право обращаться, когда Цицеронъ, Цезарь его не выручатъ, и то съ крайней осторожностію. Даже на Ливія онъ не смѣетъ полагаться: въ немъ много patavinitatis. О Саллюстіѣ и говорить нечего: это, по выраженію одного древняго грамматика, «пренеобразованный воръ старинныхъ словъ Катона.» Все основывается на авторитетѣ: «сказано у Цицерона»,—вотъ по большей части въ чемъ заключаются всѣ причины, по которымъ вы должны употребить то или другое слово, тотъ или другой оборотъ. Этого мало. Тотъ самый учитель, который строго слѣдитъ за чистотою вашей рѣчи, въ разговорѣ, въ письмѣ своемъ собственномъ безпрестанно самъ дѣлаетъ ошибки. Съ тѣхъ поръ, какъ латинскій языкъ сталъ языкомъ школъ и монастырей, онъ до XV вѣка съ каждымъ столѣтіемъ, съ каждымъ даже десятилѣтіемъ болѣе и болѣе портился: писавшіе и говорившіе на немъ должны были приноравливаться къ понятіямъ толпы и въ мысли и въ выраженіи; да и сами притомъ были почти незнакомы съ классическими писателями. Съ XV вѣка нѣкоторые стали знакомиться съ классической литературою и заботиться о чистотѣ латинскаго языка. Но они не въ силахъ были ни отстать отъ ошибокъ, которыя затвердили еще въ азбукахъ, грамматикахъ, молитвенникахъ, — ни сами не дѣлать новыхъ ошибокъ. И это продолжается до сихъ поръ. «Перелистуйте, повторимъ слова Кребса, антиварваръ, и вы найдете, что многое вы или слышали изъ устъ людей ученыхъ, впрочемъ почтенныхъ, или читали въ ихъ сочиненіяхъ.»

Digitized by Google

АНТИКРИТИКА.

О КНИГѢ: ЕСТЬ ЛИ ГДѢ КОНЕЦЪ СВѢТУ.

Прочитывая рецензію о третьей части сочиненія подъ заглавіемъ «Есть ли гдѣ конецъ свѣту?», помѣщенную въ 3 N Современника текущаго (1852) года, мы крайне затруднились понять цѣль ея.... Если она составлялась для руководства будущихъ читателей книги, то ужъ по крайней мѣрѣ ей слѣдовало бы придержаться собственныхъ словъ своихъ и приводимый текстъ выписывать *съ дипломатической точностью*. Указывая на 95 страницу, она осуждаетъ слова: «вѣсъ въ Азіи больше чѣмъ въ Европѣ». Желая повѣрить выписку, мы заглянули въ книгу, внимательно прочли всю страницу, и не могли отыскать въ ней самаго перваго изъ приведенныхъ словъ, а оно и есть предметъ сужденія.... Страницѣ 101 приписываются слова: «Александръ Македонскій велъ армію на югъ Азіи, чтобъ завладѣть западной страной Индіей»:—Вмѣсто *западной*, мы нашли въ книгѣ на указанномъ мѣстѣ слово «завидной». Въ выпискѣ слово *западной* напечатано курсивомъ, чтобъ читатель не упустилъ изъ виду очевидной нелѣпости и не подумалъ, будто въ самомъ дѣлѣ герой древности надѣялся найдти въ Азіи западную Индію, находящуюся въ Америкѣ.... Точно также слово «плотинами» (стран. 64) превратилось въ выпискѣ въ слово—плотами.... Полагать, что наставникъ *пишущей* и читающей *братіи* (воспользуемся выраженіемъ рецензіи) плохо читаетъ по-русски—въ головѣ не вмѣщается!... Полагать же умышленное искаженіе текста въ выпискахъ, передъ которыми особымъ пунктомъ объявлено: «мы не шутимъ и выписываемъ *вездѣ* съ дипломатической точностью»,—полагать, говоримъ, подлогъ, значило бы подозрѣвать критика и благонамѣренность журнала.... Мы не вдаемся, однако, въ эти, немножко совѣсть возмущающіе выводы, мы ограничимся только заключеніемъ, что подобные разборы благонамѣренныхъ произведеній отечественной литературы напрасно увеличиваютъ толщу и вѣсъ журналовъ. Что̀ тутъ почерпнетъ читающая публика? Ровно ничего, или, что̀ еще хуже, ложное понятіе о предметѣ.... Не менѣе того характеризуетъ себя рецензія и въ другихъ замѣчаніяхъ на книгу, увѣряя, напримѣръ, будто змѣи вовсе не состоятъ въ спискѣ опасныхъ животныхъ Азіи, хотя въ книгѣ на страницахъ 103 и 104 сказано:—«Здѣсь (т. е. въ Азіи) гроза болотъ крокодилъ и змѣй-удавъ... Досадно только, «зачѣмъ въ Азіи поселились гады и такіе лютые звѣри!... Холера «зарождается въ болотахъ жаркой-полосы, тамъ, гдѣ прохлаждаются—«змѣи-удавы, носороги и буйволы....» — Можетъ быть всего этого не при-

Digitized by Google

мятная рецензія? Но такъ думать о себѣ не позволяетъ она выпи-
ской вслѣдъ затѣмъ словъ (105 страницы): «гадовъ истребить
можно порохомъ.»

Рецензія дѣлаетъ еще и переводы текста въ родѣ слѣдующихъ:

Переводъ: *Вытеръ ничто*, а *воздухъ имѣетъ видъ голубаго хрусталя* (?).

Оригиналъ: «*Воздухъ* все равно, что *ничто*, — такъ тонка и
«легка *жидкость*, составляющая атмосферу земли. Слой воздуха въ
«нѣсколько верстъ толщиною чуть-чуть замѣтенъ; сколько жъ нужно
«верстъ для того, чтобъ онъ имѣлъ видъ голубаго хрусталя, *какимъ*
«*представляется* онъ глазамъ нашимъ въ громадномъ сводѣ небесъ?»

Переводъ: *Осетры, бѣлуги и стерляди ловятся* только *въ Волгѣ* да *въ Дунаѣ*.

Оригиналъ: «Осетръ, бѣлуга, стерлядь ловятся въ величайшей
«рѣкѣ Европы Волгѣ и отчасти въ Дунаѣ. Вообще рыбы довольно
«во всѣхъ озерахъ и рѣкахъ Европы.

Переводъ: *въ Азіи на дивномъ горбѣ трутся облака.*

Оригиналъ: «какая жизнь на серединѣ Азіи, на этомъ дивномъ
«горбѣ, о который трутся облака?»

Переводъ: *Холера есть животное.*

Оригиналъ: «.... однимъ словомъ, все хорошо на югѣ Азіи, до-
«садно только, зачѣмъ въ ней поселились гады и такіе лютые звѣри!...
«Къ-счастью, противъ этой болѣзни найдено лекарство — порошокъ,
«составляемый изъ 7 золотн. селитры, 1 золотн. сѣры, съ такой же
«пропорціей угля; желательно было бы найти еще средство и про-
«тивъ животнаго, которое зарождается въ болотахъ жаркой-полосы,
«тамъ, гдѣ прохлаждаются змѣи-удавы, носороги и буйволы. А жи-
«вотное это ужаснѣе всѣхъ прочихъ: оно забирается даже въ наши,
«менѣе счастливыя земли, и сдѣлалось на свѣтѣ *извѣстнѣе тигровъ*
«*и крокодиловъ. Кому не знакома холера?* Отечество ея счастли-
«вая Азія!...»

Переводъ: *въ срединѣ Африки жить никакъ нельзя.*

Оригин.: «Изъ описанія Африки видно, что въ ней по берегамъ
«можно еще жить кое-какъ, но въ серединѣ никакъ нельзя. Негры
«живутъ однако жъ да и сказки разсказываютъ, сидя подъ тѣнью
«адансоніи.»

Переводъ: *любопытнѣйшее путешествіе въ Африку* есть пу-
тешествіе француза Вальяна.

Оригин.: «изъ любопытнѣйшихъ путешествій по Африкѣ есть
«путешествіе француза Вальяна.»

Переводъ: *въ Гренландіи высыпаетъ спирту и таетъ медвѣдь.*

Digitized by Google

Оригин.: «Гренландія отличается вѣчными снѣгами и моровомъ, «при которыхъ *иногда* застываетъ ртуть и спиртъ и таетъ *отъ «радости* бѣлый медвѣдь.»

Переводъ: *Мексиканскій заливъ затопилъ всю жаркую-полосу.*

Оригин.: «холодъ сообщаютъ Америкѣ частью горы высокія, «частью воды Океана, затопившія въ ней, подъ именемъ Мексикан- «скаго залива, всю жаркую полосу.»

И такъ очевидно, что рецензія далека отъ цѣли служить руководствомъ для читателей разсматриваемаго сочиненія.—Нельзя ль же, думали мы себѣ, найдти въ этихъ бесѣдахъ о книгѣ другой какой-нибудь хорошей стороны? Намъ ужасно хотѣлось вѣрить, что въ нихъ найдти можно по крайней мѣрѣ назидательные теоретическіе взгляды, способные пролить свѣтъ на тайну популярнаго стиля вообще. Къ сожалѣнію не сбылись и эти ожиданія. Много ль, напримѣръ, пользы въ слѣдующемъ разсужденіи?

«Для дѣтей и пр. писать *и легко и трудно.* Легко пото- «му, что для нихъ не требуется изложенія отвлеченностей и труд- «ныхъ вопросовъ науки.... Трудно потому, что неразвитый умъ чи- «тателя требуетъ строгаго выбора предмета бесѣды и крайней яс- «ности изложенія.»

По нашему иначе: по нашему, если предметъ сочиненія простъ, никакого не должно встрѣтиться затрудненія изложить его во всей ясности. Тогда все дѣло въ томъ, чтобъ каждую вещь называть только настоящимъ ея именемъ. Посмотрите на дѣтей и простолюдиновъ, которые, объясняясь между собой безъ всякихъ реторическихъ познаній, вполнѣ понимаютъ другъ друга, а почему? по одной только причинѣ,—по причинѣ простоты и доступности предмета бесѣды. Нѣтъ, г. рецензентъ, на тайну популярнаго стиля вы взглянули, если позволительно такъ выразиться, однимъ только глазомъ. Искусство это *трудно и трудно.* Въ томъ-то здѣсь и задача вся, что трудные и отвлеченные предметы требуется сдѣлать понятными для всѣхъ и каждаго. Популярность слога по всей справедливости уподобить можно телескопу, который самые неуловимые лучи звѣздъ, *отвлеченныхъ* отъ сферы зрѣнія нашего неизмѣримыми пространствами, дѣлаетъ ощутительными и замѣтными. Да, надобно самому побывать на этой аренѣ, сойдти съ нея съ торжествомъ, и тогда уже проповѣдывать объ искусствѣ побѣждать. Практическое подтвержденіе высказываемыхъ нами понятій о популярномъ сочиненіи на каждомъ шагу встрѣтить можно въ книгѣ, которой, по разумѣнію рецензіи, такъ легко давать наставленія. Не лучше ль бы съ довѣренностью любознательнаго ученика вникнуть въ нѣкоторыя мѣста

Digitized by Google

этого сочиненія, хоть бы въ трактатъ о полярной звѣздѣ, о географической широтѣ и долготѣ мѣстъ и т. п.... Тамъ вы застанете авторовъ въ фартукѣ за мастерскимъ ихъ станкомъ. Васъ поразитъ тамъ новость дѣла; вы увидите, какъ подъ орудіями ихъ соображенія огромныя глыбы главныхъ идей распадаются на сподручные для ихъ читателей обломки, доли понятій, какъ части эти прилаживаютъ они одну къ другой, чтобы впослѣдствіи, по нумерамъ, читатель самъ могъ составить изъ нихъ стройное цѣлое, которое въ раздробленіи сдѣлалось для него уже доступнымъ.

Разномысліе о популярномъ слогѣ долго, кажется, будетъ яблокомъ раздора между пишущей и критику творящей братіей. Точка разъединенія приводимой рецензіи съ книгою поселилась, очевидно, на самой оконечности пера. Одно изъ нихъ очинено по правиламъ истинной педагогики, о другомъ же этого сказать нельзя. Оттого-то, когда одно изъ нихъ направляется къ востоку, другое тянется къ западу. Писавшее рецензію не можетъ разстаться съ подробностями дѣла, до котораго однажды дотронулось; писавшее книгу изъ бездны данныхъ выбираетъ тѣ только, которыя необходимы для сущности темы. Теоретически и рецензіи извѣстенъ этотъ *тактъ*, какъ объ этомъ судить можно по началу ея бесѣдъ о книгѣ; но теорія и практика—двѣ вещи весьма различныя: что̀ знаемъ по теоріи, то не всегда съумѣемъ примѣнить къ дѣлу.

Эти рѣзкія черты между рецензіей и спорнымъ отрывкомъ популярной литературы нашей мы приводимъ не наобумъ, а на основаніи ясныхъ фактовъ. Большая-медвѣдица первая станетъ въ защиту нашу. О вѣрности изображенія въ книгѣ этого созвѣздія мы съ рецензіей спорить не станемъ. Но тутъ не видно еще большой бѣды. Все назначеніе чертежа только помочь словамъ указать на небѣ полярную звѣзду, и цѣль эта вполнѣ достигается. Если-бъ поэтому требовалось опредѣлить погрѣшность цифрой, мы не рѣшились бы поставить тутъ и $^1/_{100}$ доли, вмѣсто полной единицы. Слѣдующее за тѣмъ содержаніе текста также успѣшно выполняетъ свое назначеніе. Указавъ на одно изъ дѣйствительныхъ положеній созвѣздія, авторы приковываютъ къ нему вниманіе читателя отнюдь не для трактата обо всѣхъ подробностяхъ годовыхъ и суточныхъ передвиженій этой части неба, а ровно для того только, чтобы по ходу этой группы звѣздъ въ избранный моментъ дать распознать центръ оборота полярнаго неба отъ востока на западъ, то-есть по направленію, противоположному суточному движенію земли. Развѣ текстъ не во всей силѣ раскрываетъ это дѣло? Значитъ, употребленныя средства удовлетворительны и направлены вѣрно. Съ какой же стати рецензія требу-

Digitized by Google

еть всѣхъ подробностей движенія этихъ звѣздъ, говоря: все сказанное «о положеніи большой-медвѣдицы на небѣ рѣшительно несправедливо, *ибо созвѣздія вообще измѣняютъ свои положенія не только относительно часовъ дня, но и времени года.*» Мы желали бы спросить критика-астронома, бываетъ ли большая-медвѣдица въ положеніи, изображенномъ въ книгѣ? Если бываетъ, то обнаруживаетъ ли тогда это созвѣздіе признаки вращенія вокругъ оси неба въ одну сторону со всѣми свѣтилами небесными по направленію отъ востока къ западу? Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта весьма занимательно было бы слышать, какую въ этихъ данныхъ она указала бы намъ невѣрность? — Никакой? — Такъ книга совершенно права, права гораздо болѣе, чѣмъ заключеніе приводимыхъ замѣчаній, удостовѣряющее, что «*Большая-медвѣдица половину сутокъ движется къ востоку, а другую половину къ западу.*» — Чтожъ это, маятникъ что ли? Поэтому и солнце на видимомъ суточномъ ходу своемъ вокругъ земли тоже половину сутокъ идетъ въ одну, а половину въ другую сторону, такъ же какъ безъ сомнѣнія и оборотъ шара-земнаго есть не оборотъ, а качаніе маятника?!

Вотъ и еще фактъ. Чего желаетъ замѣчаніе: «*всякій нѣсколько «знакомый съ астрономіей легко убѣдится*, что авторы разбира- «маго сочиненія не имѣютъ *точнаго понятія объ этой наукѣ*, «*когда увѣряютъ, что*, еслибъ попробовать замѣтить, на примѣръ, «1 мая нынче или въ будущемъ году, на полволоска нельзя было-бы «найдти разности ни въ точкѣ горизонта, гдѣ солнце бросаетъ пер- «вый лучъ свой въ этотъ день, ни во времени, когда лучъ этотъ яв- «ляется изъ-за земли. Такая же самая точность въ ходѣ луны и звѣздъ «отъ края до края горизонта на каждой точкѣ дуги свода небес- «наго». — Само собою разумѣется, и тутъ требованіе тѣхъ же подробностей. Надобно было книгѣ сказать, не во гнѣвъ маленькимъ читателямъ, что эллипсисъ орбиты земной не есть не подвиженъ, что въ тысячи лѣтъ онъ дѣлаетъ оборотъ на одномъ изъ фокусовъ своихъ въ сторону противоположную ходу планетъ.... Ужели отъ изложенія этихъ едва уловимыхъ тонкостей науки книга сдѣлалась бы удобопонятнѣйшею и увѣрила бы читателя своего въ постоянствѣ міровыхъ движеній, на которыхъ она стремится утвердить въ неразвитомъ понятіи способы опредѣленія географической долготы мѣстъ.

Къ той же категоріи принадлежитъ замѣчаніе о знакахъ зодіакальныхъ, о транспортирѣ, представляющемся въ астрономіи въ формахъ квадранта, сектанта, о южномъ полюсѣ, по которому, какъ сказано въ книгѣ, *можно* измѣрять широту, какъ по сѣверному, и дѣйствительно измѣряется. И тамъ камень преткновенія — подроб-

Digitized by Google

ности и подробности. Что съ этой стороны сказала бы рецензія о первомъ курсѣ сочиненія гг. Данилевскаго и Оссовскаго? Тамъ просто-за-просто она увидѣла бы только поученіе о двухъ-трехъ главныхъ истинахъ. О, какое обширное поле для критики! Подъ добрый часъ ей не трудно было бы наполнить своими поученіями столько же страницъ журнала, сколько въ книгѣ листковъ по-крайней мѣрѣ.

—

Источникомъ порицаній на книгу «Естьли гдѣ конецъ свѣту?»— мы признали не астрономію (если позволительно и азбуку этого высокаго знанія назвать этимъ именемъ), а діаметрально противоположныя понятія критика и авторовъ о популярномъ стилѣ. Мнѣніе наше подтвердили мы многими указаніями на бесѣды самаго Современника. Еслибъ къ приведеннымъ прибавить нужно было еще больше фактовъ, мы нашли бы ихъ сколько угодно; но какъ въ этомъ не предвидится никакой надобности, то мы считаемъ за лучшее понизить нашъ рефракторъ и навести его на движеніе пера критики внѣ скользкихъ путей популярной системы.

Въ первыхъ строкахъ бесѣдъ говорится: «вопросъ, есть ли конецъ свѣту? сдѣлать себѣ можетъ только дитя, когда оно еще не знаетъ, *что земля есть шаръ, а шаръ не имѣетъ концевъ*....» Какъ считать послѣднее изъ предложеній — главнымъ, или придаточнымъ, въ параллель предъидущему? Въ первомъ случаѣ союзъ *а* ставитъ его въ противоположность съ предложеніемъ третьимъ отъ конца и лишаетъ его всякаго смысла (дитя еще не знаетъ.... *а* шаръ не имѣетъ концевъ). Въ другомъ случаѣ, какъ параллель предъидущему придаточному, оно можетъ быть пополнено другимъ союзомъ *что* и представится въ неслыханной формѣ (а что шаръ не имѣетъ концевъ). Почему бы перу, искушенному такой опытностью, что оно можетъ давать уроки другимъ перьямъ, не исключая популярныхъ, не признать этого предложенія за придаточное къ предъидущему придаточному, и выразиться: когда дитя еще не знаетъ, что земля есть *шаръ, не имѣющій концевъ*?.... Дѣло какъ нельзя лучше уладилось бы....

Кстати бы еще коснуться нѣкоторыхъ плеоназмовъ рецензіи, похожихъ на слѣдующій: «такъ и талантъ встрѣчаются не *сплошь и рядомъ у каждаго* изъ пишущей братіи», — хоть мимоходомъ упомянуть о многихъ грамматическихъ ересяхъ.... но уже наскучили толки о перьяхъ; пора обратиться къ мыслямъ, къ этимъ лучамъ *втораго послѣ совѣсти* свѣтила въ духовно-вещественномъ мірѣ. Но какъ разумъ одно изъ верховныхъ достояній человѣка, то въ дальнѣйшихъ взглядахъ нашихъ обѣщаемъ хранить величайшую осто-

Digitized by Google

рожность и высказывать иныя истины тогда только, когда онѣ представляться будутъ яснѣе солнца.... безъ пятенъ!

На 84 страницѣ книги, вслѣдъ за описаніемъ строенія европейскаго материка, читаемъ:

«Въ странѣ, гдѣ природа кажется такой рабочею, дѣятельною, «гдѣ суша, остреями скалъ врѣзываясь въ грозныя тучи, толщами «горъ заваливая бездну и пучины, представляется воюющею съ не- «бомъ и океаномъ, въ странѣ, до-крайности изрытой прѣсными и «солеными водами, и жизнь дремать не можетъ. Подъ предводитель- «ствомъ человѣка царство растительное и животное являются здѣсь «облагороженными и съ очевидной печатью разума, торжествуя надъ «естественными затрудненіями со стороны климата и почвы. Около «временъ Рождества Христова Европа представляла собою неразум- «ную массу лѣсовъ, горъ, болотъ; теперь въ ней повсемѣстно цвѣ- «тутъ и красуются жатвы, рощи, сады и виноградники; даже болота «и низменныя мѣста осушены и покрыты землею, даже безплодные «скаты горъ одѣлись благороднѣйшею растительностью, оживлены «безчисленными стадами домашняго скота.»

Объ этомъ отрывкѣ рецензія говоритъ, что глубоко-философскій смыслъ его *ускользаетъ отъ ея проницательности*, и выставивъ себя, — быть-можетъ, неумышленной замашкой пера, — въ столь невыгодной перспективѣ, она справедливо предвидитъ, какое отсюда вывести можно заключеніе. «Намъ скажутъ, пожалуй, прибавляетъ рецензія, что надобно быть *неразумной массою*, чтобъ не восхищаться глубиною мысли и картинностью выраженія въ этой тирадѣ».... Только, г. критикъ, не упускайте изъ виду, что думать и говорить — двѣ совсѣмъ различныя вещи. Въ глаза *высказывать* другому все, что̀ въ немъ видимъ, величайшій недостатокъ образованности и приличія. Поручиться можно и за самихъ авторовъ — и они въ минуту невыносимой досады, что съ популярнаго пера ихъ не рѣдко срываются вовсе не-популярныя тирады, доступныя только для развитыхъ умовъ, не отпустили бы такого сарказма. Тѣмъ менѣе повода ожидать этого съ нашей стороны. Если мы и не нашли въ бесѣдахъ Современника того, чего ожидали и желали бы, все же тутъ нѣтъ еще побудительной причины огорчаться и выходить изъ границъ приличія. Мы уже довольны и тѣмъ, что самъ критикъ находитъ возможнымъ сближеніе настоящихъ бесѣдъ его съ строеніемъ европейскаго материка за двѣ тысячи лѣтъ назадъ. Еще успокоительнѣе для насъ положительность рецензіи въ этомъ случаѣ: указавъ, что̀ не подъ силу ей, она съ тѣмъ вмѣстѣ приводитъ предметы и доступные ея понятію. Вотъ они: «*зубръ*

Digitized by Google

почти вездѣ истребленъ въ Европѣ. Куры (фазаны, павлины) *принадлежатъ къ числу прелестнѣйшихъ птицъ Азіи. Изъ насѣкомаго, называемаго шпанской мухой, аптекари дѣлаютъ изъѣстные пластыри. Асса-фетида находится въ Азіи въ небольшомъ количествѣ. Родина чаю Азія, и именно берегъ восточнаго океана»*, и пр. и пр....

Что̀ касается до *крапивы* и *чертополоха*, а также до *жуковъ и таракановъ (черныхъ)*, которые, по мнѣнію критики, омрачаютъ славу европейской органической природы, то мы рѣшительно не согласны съ критикой. Развѣ на этихъ, по видимому негодныхъ существахъ, не замѣтна печать разума? Конечно нельзя ожидать отъ нихъ такихъ же успѣховъ, какъ отъ хлѣбныхъ растеній, фруктовъ и огородныхъ овощей, а также отъ собакъ и лошадей дресированныхъ, отъ улучшенныхъ породъ птицъ и скота, но все же и объ нихъ кое-что выгодное сказать можно. Крапива? Развѣ г. критикъ не кушалъ этого зелья?... Развѣ не сдѣланы уже попытки обращать ее въ пряжу и ткани?—Съ чертополохомъ мы незнакомы лично, но быть можетъ и это былье для кого-нибудь пригодно, хоть по-крайней-мѣрѣ дляословъ, не обѣгающихъ никакой дряни. Да уже одно то, что отверженныя существа эти сознаютъ свою негодность и отъ всего порядочнаго сторонятся въ углы и щели, не мало говоритъ въ ихъ пользу. Бездарность, изъявляющая притязаніе на геній, вотъ что непростительно; напротивъ та же бездарность, прикрывающая себя смиреніемъ и скромностью, представляется сносною и даже заслуживающею нѣкоторое участіе. Эта черта благоразумія въ особенности замѣтна на тараканахъ (да и на прочихъ домашнихъ насѣкомыхъ, конечно знакомыхъ рецензіи), которые, чтобъ не показаться слишкомъ докучливыми, избѣгаютъ даже свѣта дневнаго. Какъ же не находить въ этомъ признаковъ соображенія? Требовать же отъ таракановъ, чтобъ они занялись нагрѣваньемъ полюса и разводили въ *Якутскѣ* персики для пріобрѣтенія благородства, рѣшительно излишне и неумѣстно, особенно, если вспомнить ученье старухъ объ антипатіи къ огню, развитой у этихъ насѣкомыхъ до того, что они предчувствуютъ пожаръ и заранѣе выселяются изъ угрожаемаго пожаромъ дома. Задача рецензіи въ состояніи привести въ отчаяніе скромныхъ обитателей курныхъ щелей. Намъ какъ-будто слышатся уже ихъ дерзновенные клики: «да что̀! тараканье ль дѣло превращать зиму въ лѣто, холодныя страны въ жаркія? Что̀ намъ за оказія поправлять хозяйство, да еще въ чужихъ, не-европейскихъ городахъ (*). Пусть де критика сама отправится въ Сибирь къ плугу,

(*) Якутскъ въ Азіи, въ Сибири.

Digitized by Google

а намъ предоставитъ перо!.... Скорѣе жъ намъ разводить здѣсь за нее каракульки на бумагѣ, чѣмъ браться за дѣло, рѣшительно намъ несродное».

Миновавъ много самыхъ очевидныхъ несообразностей во взглядахъ рецензіи, причисляющей, на примѣръ, къ предметамъ оракула наблюденія физіологовъ о вліяніи луны не только на воды океана, но и на жизненные организмы, отвергающей замѣчательность узла Альпійскихъ хребтовъ С.-Готарда, необычайную силу бурь въ жаркихъ странахъ, словомъ, миновавъ неисчислимые доводы невѣденія, сопутствуемаго китайской самоувѣренностью во всезнаніи, мы не можемъ пропустить безъ замѣчанія, что рецензія не всегда одинаково выражается *объ ускользающихъ отъ ея проницательности* предметахъ. Такъ, называя толкованія книги о петербургской погодѣ неосновательными, она желала сказать только, что для нея трактатъ этотъ не доступенъ. И вотъ трактатъ этотъ цѣликомъ: пусть всякій посудитъ — критика-ль права, или книга съ нами вмѣстѣ (*).

«Есть поговорка; *на дню семь пятницъ*: эта истина, какъ дважды-два, изображаетъ петербургскую погоду. Объ ней догадываться можно по одному уже положенію Петербрурга на земномъ шарѣ. На глобусѣ, на картѣ видно, что отъ Петербурга до экватора 60° (градусовъ), то-есть самымъ прямымъ путемъ 6300 верстъ, а до полуденнаго круга всего 30° (градусовъ), или 3150 верстъ. Стоитъ, по этому, подуть хоть слабому вѣтру изъ-за Невы (отъ сѣвера), часовъ черезъ нѣсколько и нанесло холоду. Оттого въ Петербургѣ не рѣдкость крутые переходы отъ сильнаго жару къ холоду, и на оборотъ, при чемъ, по неосторожности, и въ іюлѣ мѣсяцѣ простудиться можно. Съ запада прилегаетъ море: отъ него лѣтомъ дышетъ холодомъ и сыростью, зимой—оттепелью и снѣгомъ. Море имѣетъ ту самую странность, какъ ключи водные, вода которыхъ лѣтомъ холодна, точно со льдомъ, зимою не замерзаетъ и даже зеленѣетъ травою. Ключи идутъ изъ глубины земли, куда не доходитъ ни жаръ лѣтній, ни холодъ зимній, и гдѣ своя постоянная теплота. Если въ ключевой водѣ два-три градуса тепла, то лѣтомъ она и должна казаться со льдомъ, зимою жъ теплою, какъ во время оттепели. Воды моря также глубоко лежатъ въ землѣ: отъ волненія верхніе слои перемѣшиваются съ нижними, и, по огромному объему водъ, не могутъ ни согрѣться замѣтно отъ лѣтнихъ жаровъ ни остынуть очень отъ зимнихъ морозовъ,—и потому море, относительно температуры, то есть теплоты страны, составляетъ какъ бы маховое колесо: и холодъ лишній, и тепло лишнее оно при-

(*) Слѣдуетъ выписка отъ 48—53 стран. соч. «Есть ли гдѣ конецъ свѣту»? Ч. 3

Digitized by Google

«нимаетъ въ себя, и, въ случаѣ надобности, отпускаетъ на расходъ, «приводя такъ, чтобы и жаръ лѣтній, и холодъ зимній не были «слишкомъ рѣзки. Отъ юга набѣгаетъ воздухъ теплый, съ сыростью «и электричествомъ, а отъ востока, ни теплый, ни слишкомъ хо- «лодный, но за то сухой. По свойствамъ четырехъ сторонъ гори- «зона, легко предсказать всякую перемѣну погоды. Вѣтеръ изъ-за «Невы предвѣщаетъ лѣтомъ ясную, прохладную погоду, зимою—мо- «розъ; вѣтеръ отъ востока (верховой)—тоже, но съ меньшимъ хо- «лодомъ. Отъ моря вѣтеръ, по простонародному *моряна* (отъ за- «пада), лѣтомъ навѣваетъ прохладу, зимою—тепло, снѣгъ, облака и «тучи. Южный—сильное тепло, дождь, громъ.... зимою—снѣгъ, от- «тепель. При наблюденіяхъ вѣтра замѣчать надобно и силу его, или, «что все равно, скорость. Чѣмъ сильнѣе теченіе воздуха, тѣмъ ближе «перемѣна погоды. Не безполезно также знать, какой былъ вѣтеръ «до перемѣны: — дѣйствія противоположныхъ вѣтровъ замедляютъ «перемѣну погоды, дѣйствія одинакихъ—ускоряютъ ее. Подобныя «наблюденія служить могутъ до того вѣрнымъ основаніемъ, что, опи- «раясь на нихъ, обозначить можно даже, черезъ сколько часовъ, или «черезъ сколько дней наступитъ перемѣна. Но для безошибочности та- «кихъ предсказаній, нужно бы все примѣтить и записывать съ величай- «шею точностью, по примѣру мореплавателей, наблюдающихъ напра- «вленіе судна, скорость его и другія обстоятельства, съ обозначені- «емъ всего градусами и числами. Есть термометръ (тепломѣръ), на «которомъ видны не только послѣдніе, но и прежніе градусы тепла: «можно бы, кажется, сдѣлать и такой инструментъ, на которомъ само «отмѣчалось бы—откуда, какъ долго и съ какой силою дулъ вѣтеръ».

«Выше сказано, что сѣверный вѣтеръ приноситъ ясную погоду, «а южный—облака и тучи,—изъ этого родиться можетъ вопросъ: «ужели жъ полярное небо всегда ясно и безоблачно, а тропическое «грозитъ дождемъ, громомъ и молніей?—Для разрѣшенія задачи нуж- «но только вспомнить дѣйствіе тепла и холода на сырой воздухъ. Въ теплыхъ странахъ юга, если бъ воздухъ былъ и свѣтелъ, за пе- «реходомъ въ холодную страну, онъ необходимо мутится, нахмури- «вается и порождаетъ видимые клубы пара, облака, а при значи- «тельнѣйшемъ охлажденіи—тучи. Воздухъ же холодныхъ странъ сѣ- «вера, за переходомъ въ теплую страну, теряетъ свои тучи, облака «и туманы, и дѣлается прозрачнымъ. Почти то же разумѣть дол- «жно и о вѣтрахъ отъ запада и востока: дыханіе холода проясняетъ «небо, дыханіе тепла—нахмуриваетъ, только не въ такой сильной степени».

Digitized by Google

«Но изъ всего доселѣ сказаннаго не ясно еще видно—отчего «въ Петербургѣ на дню семь пятницъ, отчего въ одинъ день слу- «читься можетъ столько перемѣнъ погоды? Развѣ въ другихъ мѣс- «тахъ вѣтры не могутъ дуть въ одинъ день съ разныхъ сторонъ»?...

«Чтобъ отвѣтъ на это былъ короче и яснѣе, надо представить «себѣ Петербургъ перенесеннымъ куда-нибудь на огромную рав- «нину, хоть, напримѣръ, въ средину Россіи. И тамъ были бы съ «одной стороны полюсъ, съ другой воды моря, горы; но уже не «могло бы случиться столькихъ перемѣнъ погоды въ краткое время. «Вѣтеръ сѣверный и тамъ напосилъ бы холодъ, но уже не такъ «скоро за отдаленностью полярныхъ странъ. Для перехода воздуха «отъ полярнаго круга до средины Россіи, надобно нѣсколько недѣль «времени или большой силы вѣтра. И для перехода морскаго воз- «духа также нужно было бы больше времени, такъ какъ тамъ отъ «моря гораздо бо́льшее разстояніе. А какъ вѣтры смѣняются доволь- «но часто, то воздухъ, способный сдѣлать перемѣну погоды, бо́льшей «частію и не успѣлъ бы долетѣть до мѣста въ небольшіе проме- «жутки времени между вѣтрами одной и другой стороны горизонта».

«На настоящемъ своемъ мѣстѣ, по близости моря и полярнаго «круга, Петербургъ съ своею погодою до нельзя послушенъ вѣтрамъ «сѣверному и западному, а всего менѣе южному. Полярный воздухъ «въ нѣсколько часовъ можетъ къ нему приспѣть, а морской и того «скорѣе, такъ какъ до моря всего два шага. Не мало значитъ и то, «что къ сѣверу отъ Петербурга много озеръ и болотъ, а озера и «болота лѣтомъ, подобно морю, прохлаждаютъ. Если бъ зимой озе- «ра не замерзали, то и они, также, какъ и не замерзающія моря, ос- «лабляли бы холодъ. Съ восточной стороны Петербурга лежитъ *Ла- «дожское-озеро*, которое величиною съ доброе море,—воды его лѣ- «томъ сильно прохлаждаютъ. Не замерзай онѣ зимою, восточный вѣ- «теръ былъ бы далеко не такъ суровъ. Замѣчательно, что зимою въ «Петербургѣ тепла всегда двумя-тремя градусами больше, чѣмъ за «городомъ или на Невѣ и на возморьи. Этимъ, конечно, обязанъ Пе- «тербургъ своей гигантской жизни. Въ немъ болѣе десяти тысячъ отап- «ливаемыхъ зданій, слишкомъ полмилліона жителей, множество паро- «выхъ фабрикъ и заводовъ. Такія причины не могутъ оставаться «безъ слѣдствій».

Все сказанное здѣсь о бесѣдахъ Современника по поводу 3 части сочиненія гг. Данилевскаго и Оссовскаго приводимъ къ двойному обоюду острому вопросу: полезна ли въ мнѣніи этого журнала разсматриваемая книга, или вредна?...

Digitized by Google

Полезна?... Къ чему жъ такое усилie. въ подрывъ авторитета журнала, искажать подлинный видъ книги невѣрными выписками?

Вредна?... Какимъ же образомъ опредѣлить благонамѣренность журнала, радующагося сильному ходу изданія съ такимъ запасомъ ложнаго ученія по всѣмъ возможнымъ отношеніямъ? Вопросъ о благонамѣренности журнала тѣмъ серьезнѣе, что книга назначена для дѣтей и для читателей, которыхъ, быть можетъ, весь курсъ ученія долженъ ограниваться подобными руководствами.

Мы готовы дутать, что рецензія не случайно, а изъ предусмотрительности бросила на своихъ страницахъ выраженіе *«неразумная масса»*. Легче же ей допустить на себя эту фразу, нежели подвергнуться которому-нибудь лезвію обоюду-остраго вопроса, неизбѣжнаго послѣ сличенія рецензіи съ книгою. Журналъ, по системѣ вѣроятностей, расчитывалъ, какъ кажется, на одно изъ двухъ: или читатели его пробѣгутъ рецензію безъ должнаго вниманія, или же, взвѣсивъ ее, воспользуются подготовленнымъ на ея счетъ эпитетомъ. На что изъ этого болѣе расчитывалось?—судить трудно: для этого хорошо было бы покороче знать читателей Современника.

ЖУРНАЛИСТИКА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ 1852. N 6, ИЮНЬ.

Въ *«Проселочныхъ Дорогахъ»* можно бы указать нынѣшній разъ не мало хорошаго: но лучше ужъ дождемся терпѣливо окончанія романа. Другихъ оригинальныхъ произведеній въ первомъ отдѣлѣ іюньской книжки От. Зап. нѣтъ, и потому перейдемъ къ отдѣлу наукъ, гдѣ помѣщены: любопытная статья *С. М. Соловьева* — «Крестоносцы и Литва», и третья часть также очень интересной статьи «Исторіи Испанской литературы», составляемой, какъ извѣстно, по книгѣ Тикнора.

Не можемъ также не обратить вниманія на критическую статью С. Д. Шестакова о второй книгѣ «Пропилеевъ». Статья эта написана съ знаніемъ дѣла и добросовѣстно, хотя собственно критикой, по нашему мнѣнію, названа быть не можетъ. Скорѣе это подробное извѣщеніе о выходѣ второй книги «Пропилеевъ», дающее, правда, знакомство съ содержаніемъ и достоинствами этого прекраснаго изданія, но для человѣка, уже знакомаго съ самою книгой, мало интересное. Мы хотимъ сказать, что рецензія г. Шестакова страдаетъ отсутствіемъ полемическаго характера, придающаго, для большинства, столько жизни и интереса серьёзнымъ явленіямъ ученаго міра.

Digitized by Google

Очень можетъ быть, что вторая книга Пропилеевъ такъ безукоризненно хороша, что критикѣ не остается ничего дѣлать болѣе, какъ написать ей панегирикъ да познакомить вкратцѣ съ ея содержаніемъ. Въ такое конечно положеніе поставлены бы были мы, напримѣръ, если бы вздумали писать на нее рецензію. Но когда за это дѣло берется ученый спеціалистъ, невольно ждешь отъ него самостоятельнаго взгляда на дѣло, который не можетъ же не разойдтись въ чемъ-нибудь со взглядомъ издателя, выразившимся въ общемъ планѣ изданія, въ выборѣ статей и др., и со взглядами сотрудниковъ. Въ статьѣ г-на Шестакова есть конечно и возраженія, но они какъ-то мало интересны и таковы по характеру, что имъ не суждено разрастись въ благотворную ученую полемику. Замѣчаніе, сдѣланное нами, не есть прямой упрекъ г. Шестакову. Весьма вѣроятно, какъ сказали мы выше, что больше и нечего было сказать противъ статей, напечатанныхъ во второй книгѣ «Пропилеевъ;» но не былъ ли такъ умѣренъ въ своихъ возраженіяхъ г. Шестаковъ изъ боязни, очень впрочемъ понятной и не предосудительной, повредить изданію въ глазахъ публики, если бы онъ испестрилъ свою рецензію замѣчаніями и возраженіями? Въ такомъ случаѣ онъ ошибся: ничѣмъ не поддерживается такъ долго интересъ къ изданію, какъ возбужденными о немъ толками и разнорѣчивыми сужденіями.

Въ Смѣси нынѣшней книжки Отечеств. Записокъ помѣщенъ между прочимъ разсказъ *г. Михайлова*: «Поэтъ». Признаемся, намъ было чрезвычайно грустно прочесть это имя, не безъ успѣха появившееся въ литературѣ, въ смѣси, подъ такою пустою вещью, какъ «*Поэтъ*». Искупите скорѣе этотъ грѣхъ, г. Михайловъ, и подарите насъ чѣмъ-нибудь, на что бы вы потратили и болѣе мысли, и болѣе сердца, и болѣе любви къ дѣлу. Согласитесь сами, какая же литературная дѣятельность безъ этихъ условій?

По нашему личному мнѣнію, очень хороша въ «разныхъ разностяхъ» статья *г. Дамке* объ операхъ г. Рубинштейна «Куликовская битва». Впрочемъ это дѣло музыкантовъ.

Въ приложеніи къ нынѣшней книжки От. Зап. начали печатать переводъ англійскаго романа «*Опекунъ*», мистриссъ Каролины Нортонъ.

За взаимное восхваленіе Отечественныхъ Записокъ С.-Петербургскими Вѣдомостями и обратно не оставитъ, безъ сомнѣнія, воздать имъ обоимъ по заслугамъ исконный врагъ ихъ, Сѣверная Пчела.

—

Digitized by Google

Современникъ. N 6. Іюнь. Въ отдѣлѣ изящной словесности изъ оригинальныхъ произведеній первое мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ занимаетъ очень миленькій и граціозный разсказъ г. Авдѣева: «Нынѣшняя любовь». Прочитать такую повѣсть въ лѣтніе жары, когда литература совершенно изсякаетъ, истинное наслажденіе. Разсказъ начинается очень игривымъ, веселымъ, но полнымъ мысли вступленіемъ, которое не можемъ не выписать.

«Было, говорятъ, время, когда, подъ сводомъ темно-синяго неба, «на берегу журчащаго ручейка, подъ обаятельной истомой вѣчной «весны, въ тихіе сумерки какой нибудь юноша встрѣчался съ извѣ«стной ему дѣвой и.... и были счастливы: они любили.

«Было время: рыцарь, сыскавъ даму своего сердца, становился «передъ нею на одно колѣно; дама повязывала ему черезъ плечо «шарфъ, и онъ отправлялся въ невѣдомыя страны. Тамъ рыцарь ру«билъ направо и рубилъ налѣво: рубилъ невѣрнаго мусульманина— «за то, что онъ невѣрный, и рубилъ храбраго рыцаря—потому, что «онъ храбрый; а дама, сидя одна въ высокой залѣ замка, пряла или «вышивала, слушала пѣсни бродячаго менестреля: вы думаете, что «рыцарь сражался, а дама занималась хозяйствомъ—ничуть не бывало! «они любили.

«Вотъ, красная дѣвица сидитъ за досчатой перегородкой съ «сквозными щелями и грызетъ орѣхи, а молодой парень, въ смежной «избѣ, расправивъ усъ, съ поклономъ вытягиваетъ чару вина: дѣвица «и парень любятъ, и любятъ не вино и орѣхи, а другъ друга!

«Вотъ, раздушенный и напудренный маркизъ говоритъ мадри«галъ нарумяненной маркизѣ, у которой, подъ розовой губой, налѣ«плена черная мушка: они любятъ.

«Блѣдный юноша, въ чильдъ-гарольдовомъ плащѣ, свирѣпо смотритъ на едва живую дѣву: они любятъ.

«Господинъ во фракѣ говоритъ дамѣ грубости, а дама смѣется: «они любятъ.

«Интересный господинъ сидитъ съ интересной дамой, и оба изъ «всѣхъ силъ стараются показать, что они скучаютъ: они любятъ.

«Хорошенькая женщина разсѣянно замѣчаетъ, что нынче нѣтъ «любви, а молодой человѣкъ, съ стеклышкомъ въ глазу, спрашиваетъ «ее: «что это такое любовь?» — они страстно другъ друга любятъ.

«И все это любовь въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ! И «дѣйствительно, въ извѣстное время и въ извѣстномъ краю любовь «выражалась такъ, а не иначе. Послѣ этого, въ самомъ дѣлѣ можно, «какъ господинъ съ стеклышкомъ въ глазу, спросить: да что жъ это "такое любовь?

Digitized by Google

«Любовь, милостивые государи и государыни, была всегда одна «и та же любовь, которую вы, вѣроятно, очень хорошо знаете, и «потому опредѣлять ее совершенно излишне; но, въ различныя вре«мена, всегда была великая разница въ признакахъ любви: въ ней «исключительно проявлялся духъ каждой эпохи. Всегда и во всякое «время — это была струна, по звуку которой можно было узнавать «внутреннюю настроенность современнаго человѣка. Любовь маркиза «XVIII столѣтія не то, что̀ любовь нынѣшняго француза; итальянецъ «и англичанинъ любятъ каждый по своему, и про это-то чувство «можно безъ всякаго парадокса выразиться: «скажи мнѣ, какъ ты лю«билъ, и я скажу, кто ты.»

«И вотъ это всемірное и всевѣковое чувство, рождавшееся, пе«рерождавшееся и вырождавшееся, дошло и до насъ. И изъ насъ «бо́льшая половина отдала ему свою дань увлеченій, молодыхъ и «свѣтлыхъ надеждъ, горячихъ вѣрованій и тяжелыхъ разъубѣжденій. «Но выплыли мы изъ этой кипящей жизненной струи, — выплыли «болѣе или менѣе счастливо. Иного нехотя выбросила вдругъ житей«ская волна прямо на сухой берегъ, и, какъ опьянѣлый, смутно ози«рается онъ кругомъ и не сознаетъ еще, гдѣ онъ и что̀ съ нимъ, и «не чувствуетъ еще тѣхъ ранъ и ушибовъ, которыхъ въ-вѣкъ, мо«жетъ быть, не залечить ему. Другой, истомленный и измученный, тяжело добирается до берега и долго, худой и блѣдный, какъ пластъ «лежитъ на немъ, съ трудомъ переводя дыханіе, пока не отлежится «А иной выскочитъ какъ встрепаный, фыркнетъ и встряхнется, такъ «что брызги кругомъ полетятъ.... глядишь, онъ ужь сухъ какъ гусь «и, не оглядываясь, пошелъ себѣ гоголемъ. Но благо тому, кто вы«несъ изъ этой живой струи новый запасъ силъ, кто окрѣпъ и освѣ«жился въ ней, бодро ступилъ твердой ногой на берегъ и, отличивъ «просвѣтленнымъ взглядомъ дальнюю цѣль, пошелъ къ ней смѣло и «весело....

«Любопытно намъ — не холоднымъ взглядомъ скептика и не сквозь «эффектную призму повѣствователя, ставящаго своихъ героевъ, для «вящаго интереса, въ театральныя позы — посмотрѣть на нынѣшнюю «любовь; посмотрѣть взглядомъ наблюдателя, спокойно сидящаго на «берегу, но съ теплымъ участіемъ и, можетъ быть, съ невольнымъ «вздохомъ и улыбкой подмѣчающаго маленькіе и обыкновенные слу«чаи знакомой намъ и уже обмелѣвшей нынѣ переправы.

«Изъ длинной вереницы болѣе или менѣе интересныхъ юношей «и дѣвъ, иногда сѣдыхъ юношей и весьма зрѣлыхъ дѣвъ, которую «воображеніе и память проводятъ передъ нами, мы выбираемъ всѣхъ «чаще встрѣчаемыхъ нынѣ юношу и дѣву. Вотъ, съ противополож-

Digitized by Google

«ныхъ береговъ, они подходятъ, по мягкому склону, къ заманчивой «струѣ. *Какъ тверда и осторожна ихъ поступь, какъ неробко и об-*«*думанно идутъ они!* Нѣтъ въ нихъ смѣлости и ловкости опытныхъ «пловцовъ, но нѣтъ также ложныхъ и неуклюжихъ ухватокъ ученн-«ковъ, по книгамъ учащихся искусству; видна въ нихъ неопытность, «но видна и породистая кровь, которая словно въ своихъ составныхъ «частяхъ носитъ и вырабатываетъ всѣ привычки и убѣжденія отцовъ. «Вотъ, шутя они затрогиваютъ еще игривую струйку и, кажется, не «думаютъ ступать глубже; *но нужды нѣтъ, что не кидаетесь вы,* «*мышиные пловцы, какъ кидались наши дѣды, прямо съ обрыва,* «*зажмуривъ глаза и очертя голову, — нужды нѣтъ! горячая* «*кровь жаждетъ холодной и опьяняющей влаги, склонъ такъ мя-*«*гокъ и незамѣтенъ, обрывъ не виденъ....* и идете вы дальше и даль-«ше, сами того не замѣчая, — идете, весело плескаясь, и вдругъ — «ухъ! кажется, вы[illegible]лись по уши....

«Счастливый путь, друзья! посмотримъ, какъ-то выплывете вы!»

За симъ повѣствуется о томъ, какъ одинъ совершенно-петер-бургскій молодой человѣкъ, пріѣхавшій по казенной надобности въ губернскій городъ, влюбляется въ молодую дѣвушку, которая ему платитъ взаимностью. Любовь эта приняла было такіе огромные размѣры, что непремѣнно бы кончилась бракомъ, еслибъ петер-бургскій герой не узналъ, что за героиней очень незначительное приданое. Сюжетъ, какъ вы видите, очень простъ и незатѣйливъ, но онъ разсказанъ такъ умно, разсказъ пересыпанъ такими острыми замѣтками, все произведеніе такъ цѣло, такъ закруглено, что не смо-тря на то, что мы крайніе неохотники до легкаго чтенія, мы бы сдѣлались страстными любителями легкой литературы, еслибъ въ ней всегда появлялись такія вещи.

Для образчика слога, которымъ написанъ этотъ разсказъ, и за-мѣтокъ, которыми преисполненъ, прибѣгну еще къ нѣсколькимъ выпискамъ. Вотъ тирада о губернскихъ невѣстахъ:

«Не знаю, извѣстно ли читателямъ, что во всѣхъ провинціаль-«ныхъ городахъ, какъ бы они пріятны ни были, есть два сорта не-«вѣстъ: одинъ, если позволено мнѣ будетъ такъ выразиться, назначаемыя «собственно для внутренняго обихода, другія — непремѣнно на вывозъ. «Въ первыхъ преобладаетъ элементъ провинціяльный, во вторыхъ — «общечеловѣческій. Невѣсты домашнія, суровы съ пріѣзжими жени-«хами, не скоро даже попадаются имъ на глаза, думаютъ про себя, «что онѣ не стараются бросаться въ глаза, позволяютъ себѣ страст-«но влюбляться въ мѣстныхъ юношей и выходятъ замужъ или за ка-«кого нибудь пожилого чиновника, довольно мягко приготовленнаго се-

Digitized by Google

«мейное гнѣздо, или за молодого помѣщика съ усиками и заложен-
«нымъ имѣніемъ. Невѣсты внѣшнія вообще очень изящны и съ пер-
«ваго раза бросятся вамъ въ глаза. Онѣ не питаютъ никакой склон-
«ности къ мѣстнымъ кавалерамъ, хотя очень милы съ ними,— и мѣст-
«ные кавалеры, совершенно увѣренные въ ихъ недоступности, весь-
«ма безкорыстно съ ними танцуютъ и любезничаютъ. Репутація
«этихъ невѣстъ, не смотря на самый подозрительный и бдительный
«надзоръ подругъ, остается незапятнанною подозрѣніями въ какой
«нибудь мѣстной любви; но зато если явится какой нибудь пріѣзжій
«молодой человѣкъ — о! тогда кончено! каждый ихъ шагъ, каждое
«слово будетъ взвѣшено, обсужено и осуждено непремѣнно. Не то,
«чтобы невѣсты для пріѣзжающихъ были особенно благосклонны къ
«нимъ: нѣтъ! онѣ только имѣютъ талантъ какъ-то исключительно
«остановить на себѣ ихъ вниманіе, и если вы услышите отъ кого ни-
«будь, что въ такомъ-то городѣ есть такая-то милая дѣвица, будьте
«увѣрены, что это невѣста для пріѣзжающихъ. Но не всегда на-
«дежды этихъ невѣстъ и ихъ матушекъ сбываются: много иногда
«перебываетъ заѣзжей молодежи прежде, нежели какой нибудь счаст-
«ливецъ увезетъ одну изъ нихъ, на законномъ основаніи, въ иныя
«страны. Долго онѣ иногда томятся и вянутъ въ ожиданіи этого сча-
«стливца; иныя и совсѣмъ увядаютъ не дождавшись; иныя, неблаго-
«пріятствуемыя счастьемъ, выходятъ и за мѣстнаго жениха, но тогда
«онѣ становятся уже губернскими львицами. Вообще внутреннія не-
«вѣсты питаютъ къ внѣшнимъ легкую зависть и отчасти ненависть,
«внѣшнія къ внутреннимъ — маленькое презрѣніе; но это имъ нисколь-
«ко не мѣшаетъ быть соединенными узами нѣжнѣйшей дружбы.»

А вотъ лирическое мѣсто. Авторъ проситъ читательницъ вспом-
нить ихъ первый балъ:

«Ни въ какой книгѣ вы не вычитаете того, что пронесется пе-
«редъ вами чудной вереницей при этомъ воспоминаніи; никакой вол-
«шебный разсказъ не заставитъ такъ сильно биться ваше сердце, ни
«отъ одной драмы такъ тоскливо не сожмется оно, какъ отъ этого
«воспоминанія! Нужды нѣтъ, былъ ли этотъ балъ въ великолѣпной
«залѣ какого нибудь барскаго дома, былъ ли онъ въ небольшой,
«оклеенной жолтенькими обоями, комнатѣ—все равно! Молодость, ме-
«чты и надежды для всѣхъ одинаково драпируютъ стѣны! Вспомните
«ваше бѣлое, пышное вашей свѣжестью, платье, вспомните букетъ
«вашихъ цвѣтовъ и того, кто привезъ вамъ этотъ букетъ. Помните
«ли, какъ точно облако пронеслось у васъ передъ глазами при пер-
«вомъ шагѣ въ залу? помните ли, какъ высоко вздымалась ваша стыд-
«ливая грудь?... Раздвинулась толпа, пахнуло вамъ въ лицо горячимъ

Digitized by Google

«воздухомъ, грянулъ оркестръ, и ловкая рука обхватила вашъ станъ..., «и понеслись вы по залѣ, не чувствуя подъ собою паркета, и страшно «и чудно-пріятно вамъ. Помните ли, какъ новъ былъ тогда вамъ раз- «говоръ вашихъ кавалеровъ, и какъ надоѣли они вамъ впослѣдствіи? «Помните, былъ ли между этихъ кавалеровъ одинъ, котораго бы вамъ «хотѣлось встрѣтить тамъ, или тутъ только въ первый разъ вы встрѣ- «тили его? И гдѣ-то онъ теперь, и таковъ ли онъ теперь, какъ вамъ «казался тогда? А вы?...»

Такого рода отступленій пропасть. Но всѣ они совершенно кстати, нисколько не мѣшаютъ быстротѣ разсказа, и нисколько не и замѣдляютъ дѣйствія, не смотря на то, что почти весь *романъ* только изъ нихъ и состоитъ.

Намъ особенно понравилось то мѣсто въ новомъ произведеніи г. Авдѣева, гдѣ онъ такъ просто, живо и образно описываетъ борь- бу, происходящую въ душѣ его героя, размышляющаго, жениться ему или нѣтъ? Вотъ оно:

«Что́ же мѣшаетъ, однакожь, исполненію желаній Черкова? Онъ «имѣетъ нѣкоторое состояніе; вмѣстѣ съ приданымъ Сашеньки, умѣ- «ривъ нѣсколько свои требованія, они могли бы жить довольно удоб- «но. Такъ! но умѣрить желанія—развѣ это легко? Развѣ легко огра- «ничивать свои привычки, каковы бы онѣ ни были? Разная бываетъ «бѣдность, и переходъ отъ гаванской сигары къ рижской ровно столь- «ко же непріятенъ, какъ отъ саксонскаго табаку къ такъ называемому «тютюну».

«Прощай, семейное счастіе!» вздыхая, думалъ Черковъ, и пе- «редъ нимъ рисовалась Сашенька, милая, любящая Сашенька, такая «хорошенькая, такая умненькая, и съ ней много хорошенькихъ вещей «рисовалось его молодому воображенію»....

— «Женюсь! говорилъ онъ рѣшительно и, въ знакъ твердости «рѣшенія, крѣпко ударялъ кулакомъ по столу.—*И вотъ улетучи- «лось изъ постоянное кресло въ операхъ; широколиственные Дебаты «сжимались до ненавистнаго ему формата русскихъ газетъ*; га- «ванская сигара принимала вкусъ капустнаго листа съ претензіей на «табакъ, *и сама Сашенька являлась вовсе не въ томъ хорошень- «комъ платьѣ, которое къ ней такъ идетъ*»....

Въ заключеніе нашего отзыва о новомъ произведеніи г. Ав- дѣева, мы должны изъявить радость, что авторъ, кажется, бросаетъ свое прежнее мрачное направленіе, за которое его такъ порицали въ нашемъ журналѣ.

За этимъ разсказомъ напечатано продолженіе романа г. Па- наева: «Львы въ провинціи». Не понимаемъ, для чего авторъ

Digitized by Google

Актеона, *Утра на Невскомъ Проспектѣ*, *Петербургскаго фельетониста* и другихъ прекрасныхъ разсказовъ и физіологическихъ очерковъ, тратитъ время на составленіе такого пустаго романа, какъ «Львы въ провинціи». Еслибъ г. Панаевъ не писалъ этой вещи, то его литературная репутація много бы выиграла: объ немъ вспоминали бы, какъ о талантливомъ и занимательномъ разскащикѣ. И если были въ прежнихъ его произведеніяхъ грѣхи, то ихъ никто бы не сталъ судить, помня, что для своего времени г. Панаевъ былъ замѣчательный писатель. Но теперь почтенный г. Панаевъ вздумалъ опять заняться литературой, и по неволѣ должно его судить. Много говорить о его романѣ не станемъ, тѣмъ болѣе, что мы уже о немъ кое-что сказали. Романъ этотъ, кромѣ того, что плохъ въ эстетическомъ отношеніи, очень отзывается дурнымъ тономъ; вмѣсто очерковъ, нравовъ и анализа характеровъ, въ немъ поминутно говорится о головныхъ проборахъ, брюкахъ, шаляхъ, ливреяхъ и о другихъ туалетныхъ принадлежностяхъ. По этому романъ г. Панаева производитъ на васъ такое же непріятное впечатлѣніе, какое вы ощущаете въ обществѣ съ неприрожденнымъ денди—сдѣлавшимся вслѣдствіе великихъ трудовъ и усилій, искуственно, сознательно, такъ сказать, по принципу по системѣ человѣкомъ «хорошаго тону». Отъ него вы только и слышите о томъ, что̀ на комъ какъ надѣто, въ какомъ экипажѣ выѣхалъ на гулянье такой-то, какія ливреи нынче больше носятъ, и проч.

Правду сказалъ Иногородный Подписчикъ, что многія подробности романа г. Панаева болѣе интересны для куаферовъ и портныхъ, чѣмъ для обыкновенныхъ читателей.

Современникъ продолжаетъ печатать переводъ Энеиды. Престранно видѣть въ великосвѣтскомъ журналѣ переводъ этого классическаго, или, лучше сказать, класснаго произведенія. Для чего его печатаетъ Современникъ? А вотъ для чего. Современникъ наконецъ услыхалъ, что литература дѣло серьезное, что не годится кормить публику только лакомствами; при этомъ онъ также замѣтилъ вездѣ распространяющуюся любовь къ классической древности; но такъ какъ онъ съ ней не знакомъ и не знаетъ толку въ ея произведеніяхъ, а потребность напечатать что-нибудь въ такомъ родѣ ему представлялась слишкомъ настоятельной,—то онъ сталъ думать, что̀ бы напечатать такое, какъ говорится, *классическое*. За этимъ родился вопросъ въ головѣ Современника: «Да по чемъ узнать, какое произведеніе классическое, какое нѣтъ? Никакъ не узнаешь»! Но скоро смышленый журналъ догадался, въ чемъ дѣло. «А»!—смекнулъ онъ,—«классическое то, что̀ скучно, — Энеида скучна, стало быть, она классическая, стало быть, и надо ее напечатать.» Но мы совѣ-

Digitized by Google

товали бы Современнику лучше печатать переводы біографій великихъ людей, составленныхъ Корнеліемъ-Непотомъ. Пускать бы по одной біографіи въ нумеръ.

За Энеидой помѣщена переводная статья Диккенса: «*Очерки Лондонскихъ нравовъ*».

Въ наукахъ помѣщена статья Д. М. Перевощикова: «*Новыя матеріалы для исторіи Ньютоновой книги: Математическія начала естественной философіи.* Имя автора говоритъ о достоинствѣ этой статьи. Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщена первая статья о *Маріи Стюартъ* и презанимательная статья о *рыбоводствѣ*.

Переходимъ къ Новому Поэту. На этотъ разъ онъ на насъ произвелъ очень непріятное впечатлѣніе одной не литературной выходкой, относящейся къ сферѣ журнальной закулисной стратегіи. Намъ непріятна эта выходка потому, что мы считали Новаго Поэта неспособнымъ на такія дѣла. Такія штуки со стороны рецензента «Отечественныхъ Записокъ» нисколько не удивительны, напротивъ—насъ бы удивило, еслибъ хоть одинъ нумеръ «Отечественныхъ Записокъ» прошелъ безъ подобной штуки. Но, повторяемъ, за Новымъ Поэтомъ до настоящей минуты мы никогда ничего подобнаго не замѣчали.... Въ редакціи Москвитянина получена статья г. Эраста Благонравова, въ которой нашъ московскій фельетонистъ въ порывѣ великодушія произноситъ почти панегирикъ своему *противнику* Новому Поэту: опровергая его ложныя положенія, онъ однако ставитъ его и Иногороднаго Подписчика въ образецъ литературной добросовѣстности всѣмъ прочимъ рецензентамъ и фельетонистамъ. Но видно г. Благонравовъ сглазилъ Новаго Поэта!

Новый Поэтъ начинаетъ статью свою разсказомъ о винномъ погребкѣ. Любопытно прочесть, съ какимъ краснорѣчіемъ говоритъ онъ объ этомъ предметѣ. Слогъ удивительный! ясность изложенія доведена до послѣдней крайности. Это высшая точка.... краснорѣчія. Вотъ какъ онъ выражается (стр. 324):

«Въ одномъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ—кажется, въ Бостонѣ—нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мистеръ Стронгъ.... только не мистеръ Стронгъ, играющій роль въ остроумномъ романѣ г. Теккерея: «Пенденнисъ», переводъ котораго тянется другой годъ въ нашихъ журналахъ,—а другой, американскій мистеръ Стронгъ.... содержалъ винный погребъ. Онъ усердно и добросовѣстно занимался своимъ дѣломъ, продавалъ вина неподдѣльныя, «тонкія, съ букетомъ, безъ примѣси сандала, спирта или другихъ какихъ либо грубыхъ веществъ, и въ короткое время пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность. Во всѣхъ сколько нибудь зажиточныхъ и об-

Digitized by Google

«разованныхъ американскихъ домахъ подавались вина только съ этикетомъ мистера Стронга. Имя его сдѣлалось псевдонимомъ хорошаго «вина, и число покупщиковъ его увеличивалось съ каждымъ годомъ. «Какъ у всякаго богатаго *хозяина*-торговца, у мистера Стронга было «много *молодцовъ* (commis) по найму; но молодцамъ этимъ онъ не «давалъ воли. Каждый изъ нихъ, подъ строгимъ надзоромъ хозяина, «исполнялъ свою обязанность усердно, не заносясь, не умничая и не «выходя изъ своей сферы. Мистеръ Стронгъ имѣлъ глазъ повсюду, «самъ завѣдывалъ и управлялъ всѣмъ при ихъ пособіи и въ важныхъ «случаяхъ собственною особою являлся, обыкновенно, въ лавкѣ: оттого «и дѣла мистера Стронга шли отлично.... Такъ прошло нѣсколько «лѣтъ.... Утомился и облѣнился съ годами мистеръ Стронгъ, махнулъ «рукою, началъ смотрѣть на все сквозь пальцы и давать волю своимъ «молодцамъ.... Въ винѣ подъ фирмою Стронга появились разныя стран«ныя и непріятныя примѣси. Добродушные покупщики сначала не «замѣтили этого, а если нѣкоторые изъ нихъ и замѣчали, то думали: «ну, что́ж такое! это выдалась такъ одна бутылка, это случается!» «и продолжали все покупать въ его погребѣ.... А вино дѣлалось все «хуже и хуже.... Покупщики сомнительно покачивали головами, однако «все продолжали покупать у него, по привычкѣ (привычка — великое «дѣло!) Наконецъ мистеръ Стронгъ вовсе пересталъ заниматься своимъ «погребомъ и отдалъ все на руки молодцамъ, оставивъ имъ, однако, «свою фирму.... Молодцы обрадовались да и пошли куралесить: вмѣсто «краснаго вина и хереса, они стали безъ церемоніи продавать чистую «водку и сандалъ, вмѣсто искрометнаго шампанскаго—подслащенную и «нешипучую жидкость, и еще при этомъ увѣряли въ своей добросо«вѣстности и распускали вредные слухи на счетъ другихъ погребщи«ковъ. Покупщики, однако, догадались наконецъ, въ чемъ дѣло—пере«силили свою привычку и перешли къ другимъ погребщикамъ,—видно, «уже мѣра терпѣнія ихъ переполнилась.... А молодцы принуждены были «запереть лавочку и искать себѣ какого нибудь другаго промысла.

«Этотъ нравоучительный анекдотъ напечатанъ въ одномъ изъ по«слѣднихъ нумеровъ самаго замѣчательнаго бостонскаго журнала, а «именно въ « Daily evening Traveller ».

«Незначительный и не имѣющій ни для кого ни малѣйшаго инте«реса, кромѣ развѣ обитателей Бостона, анекдотъ этотъ навелъ меня, «однако, на различныя размышленія».

«По поводу этого я началъ размышлять о томъ, что глазъ опыт«наго хозяина, его распорядительность и дѣятельность необходимы

Digitized by Google

«не только въ винной или какой нибудь торговлѣ, но даже въ дѣлѣ «литературномъ и ученомъ, какъ, напримѣръ, въ изданіи журнала. «Горе журналисту, если онъ дастъ въ своемъ изданіи полную волю «молодцамъ или, что̀ еще хуже, совершенно предоставитъ имъ свой «журналъ, дозволивъ распоряжаться подъ своею фирмою! *Молодцы* «какъ разъ выскажутся, обнаружатъ, въ чемъ дѣло, а публика поте- «ряетъ довѣренность къ журналу, и прочее».

«Такіе печальные примѣры случались часто въ Соединенныхъ «Штатахъ. Журналъ, имѣвшій до десяти, до пятнадцати тысячъ под- «писчиковъ, предоставленный настоящимъ редакторомъ или хозяиномъ «своимъ молодцамъ, въ теченіе двухъ лѣтъ терялъ до девяти съ поло- «виной тысячъ подписчиковъ и прекращался.— Avis aux journalistes»!

Къ чему этотъ анекдотъ? къ чему это Avis журналистамъ? какая хитрая тактика! Мы знаемъ, что такая тактика не удастся не только съ редакторами, но даже съ винными погребщиками. Вотъ примѣръ. Жилъ въ одномъ городѣ честный негоціантъ. Онъ торговалъ винами высшихъ сортовъ, какихъ ни одинъ погребщикъ того города не имѣлъ. Но сбыть этимъ винамъ былъ весьма плохъ — требователей на нихъ было очень мало, ибо города того тогда еще не касалась цивилизація, и онъ былъ погруженъ во мракъ невѣжества. Неразборчивая публика брала вина у другихъ погребщиковъ и съ наслажденіемъ пила медокъ, подкрашенный сандаломъ, и мадеру, разбавленную кизляркой. Погребщики торговали съ большимъ барышемъ, смѣялись надъ непризнаннымъ погребщикомъ, говоря, что онъ отсталъ отъ вѣка, что не современно пить цѣльныя, чистыя вина и что такой пуризмъ очень смѣшонъ. Но обстоятельства перемѣнились. Старое поколѣніе того города наконецъ все вымерло и уступило мѣсто молодому, которое, подъ вліяніемъ цивилизаціи и образованности, явилось знатокомъ винъ всевозможныхъ сортовъ, поэтому оно обратилось съ требованіями къ непонятому и неоцѣненному до тѣхъ поръ погребщику. Представьте теперь себѣ положеніе остальныхъ погребщиковъ, которые не держали у себѣ хорошихъ винъ, а подчивали публику французской подслащенной водкой, цимлянскимъ и сантуринскимъ. Они перетрусились: имъ пришла въ голову мысль, что непризнанный погребщикъ можетъ подорвать современемъ ихъ торговлю. Долго думали они, какое бы изобрести средство для отвращенія столь несчастной катастрофы,—и наконецъ рѣшились распускать слухъ, что прежде непризнанный погребщикъ продавалъ хорошія вина, но съ тѣхъ поръ какъ окружилъ себя молодыми прикащиками, у него стала продаваться дрянь, ибо *новые молодцы* стали надувать публику, разбавляя заграничныя вина внутренними продуктами. Они

Digitized by Google

объ этомъ кричали повсюду и даже не посовѣстились намекнуть печатно, дабы это дошло до ихъ соперника погребщика и заподозрило бы въ глазахъ его молодыхъ прикащиковъ, но погребщикъ самъ очень хорошо зналъ толкъ въ винахъ, самъ выписывалъ ихъ изъ за-границы, и зналъ, что у него продается. Такимъ образомъ усилія спекулляторовъ остались тщетными: и погребщикъ и прикащики его смекнули, въ чемъ дѣло, и отъ души посмѣялись надъ аферистами. Avis aux chevaliers d'industrie!

Разсказавъ свой милый анекдотъ, Новый Поэтъ вступаетъ въ полемику съ Москвитяниномъ, которому всѣ русскіе журналы почти исключительно посвящаютъ свои фельетоны и отдѣлы журналистики. Въ этомъ нумерѣ Новый Поэтъ очень благородно и сильно негодуетъ на Москвитянинъ за его пристрастіе. Это ювеналовское негодованіе излилось слѣдующимъ простымъ способомъ: Новый Поэтъ говоритъ:

«Въ 8 N «Москвитянина», въ критикѣ, на стр. 140, сказано, «между прочимъ: «Особенно не пріятно читать стихотвореніе г. Не«красова «Блаженъ незлобивый поэтъ», не *потому впрочемъ*, что *«стихъ изъ рукъ вонъ плохъ* (это куда-бъ ужь ни шло), а *потому*, «что оно написано на *извѣстную* тему и по *извѣстному* поводу» (?!!).

«Что это такое?

«Я не могу не повторить здѣсь снова стихотворенія г. Некра«сова, *изъ рукъ вонъ плохого*, по мнѣнію сочинителей критикъ въ «Москвитянинѣ», и не привести, рядомъ съ этимъ стихотвореніемъ, «стиховъ, помѣщенныхъ въ этомъ же 8 N «Москвитянина» на ту же «*извѣстную* тему, по тому же *извѣстному* поводу: да судятъ чи«татели, какимъ эстетическимъ вкусомъ и нелицепріятіемъ отличаются «эти сочинители критикъ».

За симъ слѣдуетъ очная ставка стихотворенія г. Некрасова съ стихотвореніемъ г. Берга. Послѣ этой операціи Новый Поэтъ объявляетъ, что ему кажется удивительнымъ, отчего рецензентъ Москвитянина называетъ произведеніе Некрасова изъ рукъ вонъ плохимъ, между тѣмъ какъ Москвитянинъ напечаталъ стихотвореніе г. Берга, которое Современникъ только изъ уваженія къ чувствамъ, въ немъ выраженнымъ, не называетъ плохимъ. Я замѣчу мимоходомъ Новому Поэту, что онъ проворѣчитъ Современнику, ибо въ этомъ журналѣ мы часто встрѣчаемъ насмѣшки надъ стихотворными, равно какъ и надъ прозаическими произведеніями, въ которыхъ хотя и выражались самыя возвышенныя и благородныя чувства, но форма которыхъ порицалась Современникомъ. Не помню гдѣ я слышалъ мнѣніе, что чѣмъ выше предметъ, тѣмъ досаднѣе и обиднѣе, когда берется восхвалять его бездарность.

Изъявивши свое удивленіе, Новый Поэтъ довольно ясно намекаетъ на пристрастіе Москвитянина. На все это имѣемъ мы сказать ему слѣдующее:

Новый Поэтъ удивляется, что стихотвореніе г. Некрасова не нравится рецензенту Москвитянина; мы съ своей стороны удивляемся,

Digitized by Google

что оно нравится Новому Поэту. Но мы не подозрѣваемъ его въ пристрастіи—мы очень хорошо знаемъ причину восторга, который возбуждаетъ въ немъ произведеніе г. Некрасова. Дѣло объясняется очень просто: всѣмъ извѣстно совершенное отсутствіе эстетическаго вкуса, которымъ такъ славится Новый Поэтъ. Это безвкусіе выразилось особенно ярко при оцѣнкѣ стихотворныхъ произведеній, которую иногда позволялъ себѣ беззаботный фельенистъ Современника. Всѣмъ памятно, какъ безпощадно трунилъ Новый Поэтъ надъ замѣчательнѣйшими русскими стихотворцами, и какъ жестоко былъ за то наказанъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, мы объявляемъ Новому Поэту, что не имѣемъ силъ объяснить ему, чѣмъ нехорошо стихотвореніе г. Некрасова, и отчего стихотвореніе г. Берга, которое, хотя и далеко нельзя назвать *удовлетворительнымъ*, все-таки лучше стихотворенія, предложеннаго Современникомъ. Стихи въ этомъ отношеніи то же, что музыка. Ежели въ васъ нѣтъ эстетическаго чувства и вамъ не нравится, напримѣръ, какая-нибудь италіанская арія, то вамъ нельзя растолковать посредствомъ силлогизма, что въ ней есть хорошаго и насильно *заставить* васъ чувствовать красоты его. Для этого есть только одно средство: ежели вы еще не очень стары и не лишены отъ природы извѣстныхъ дарованій, то можно васъ заставить начать снова ваше воспитаніе, и, принуждая васъ поминутно созерцать великіе образцы изящнаго, очистить и облагородить ваши чувства. Стихотвореніе г. Берга тѣмъ лучше стихотворенія г. Некрасова, что въ немъ есть чувство. Стихотвореніе же г. Некрасова по содержанію своему—совершенная проза: оно холодно и написано *на заданную тему*. Большая часть его есть ни что иное, какъ переложеніе въ стихи извѣстнаго лирическаго мѣста изъ «Мертвыхъ Душъ»,—но замѣчательно, что мысль, выраженная у Гоголя въ прозѣ, является образцомъ чистой, неподдѣльной поэзіи, а переложенная г. Некрасовымъ въ стихи является самой сухой, безжизненной и безцвѣтной прозой. Еще разъ повторяемъ: это стихотвореніе написано *на заданную тему*. Знаете ли, что̀ напоминаетъ произведеніе г. Некрасова?—Случалось ли вамъ читать Ариѳметику или Грамматику въ стихахъ, или историческія событія, изложенныя въ хронологическомъ порядкѣ и выраженныя дубовыми виршами. Цѣль такихъ произведеній—облегчить память ребенка при заучиваніи фактовъ. Но для чего написано стихотвореніе г. Некрасова?—Впрочемъ, между произведеніями вышеозначеннаго рода, оно можетъ занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Оно можетъ быть поставлено рядомъ съ великимъ латинскимъ двустишіемъ:

Tolle me, mu, mi, mis,
Si declinare domus vis,—

и даже съ мадригаломъ, предложеннымъ г. Цумптомъ:

Fiele Verber sind auf is
Masculini generis, и проч.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

ПИСЬМА ПЕТРА I КЪ Г-НУ БАЛКУ (*).

ГОСПОДИНЪ БРИГАДИРЪ БАЛКЪ;

Указали мы Генералу-порутчику Ностицу, и Генералу маеору Гордону быть сюда а команду надъ гарнизономъ Элбинскихъ и надъ тѣмъ городомъ вручить тебѣ. а надъ тѣми войски, которые определены были для транспорту въ дацкую землю, указали мы вручить команду Брегадиру Петру Яковлеву, однакожъ имѣть тебѣ яко старшему верховную притомъ каманду надъ гарнизономъ и надъ тѣмъ корпусомъ. И вамъ надлежитъ обще съ нимъ о содержаніи войскъ нашихъ имѣть доброе попеченіе. такожъ и городъ Элбингъ держать въ добромъ охраненіи. и никому оного безъ указу нашего не отдавать. но покрайнѣй мѣре оборонять, и стараться дабы оной гарнизонъ удоволствованъ былъ доволнымъ провіантомъ для содержанія той крѣпости, такожъ и протчее все было въ добромъ учрежденіи и охраненіи, а о

(*) Редакторъ обязанъ этими примѣчательными матеріалами благосклонности Якова Ивановича де-Санглена, который доставилъ ихъ ему при слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. М. П. Препровождая при семъ письма Петра I къ г. брига-«диру Балку, прошу васъ помѣстить оныя въ вашемъ журналѣ, въ кото-«ромъ, преимущественно, печатается все, что относится до нашего отечества «и до славы сыновъ его».

«Я получилъ эти письма, для сообщенія публикѣ, отъ отставнаго г. «ротмистра Николая Васильевича Левенецъ, женатаго на дочери покойнаго «тайнаго совѣтника Петра Ѳедоровича Балкъ-Полева, Евгеніи Петровнѣ. «Дѣдъ ея женатъ былъ на дѣвицѣ Полевой, послѣдней въ родѣ, и по высо-«чайшему соизволенію началъ именоваться Балкъ-Полевымъ. Бригадиръ же «Балкъ, къ которому писалъ Петръ Великій, доводится прадѣдомъ нынѣшней «г-жѣ Левенецъ, рожденной Балкъ-Полевой. Ей достались по наслѣдству «эти письма, которыя сберегались изъ роду въ родъ съ величайшимъ благо-«говѣніемъ фамиліею Балкъ-Полевъ въ бархатномъ альбомѣ, украшенномъ «золотыми арматурами».

«Примите увѣреніе, и проч.».

Digitized by Google

пропитанiи того нашего гарнизону и другово корпусу учинить тебѣ того города з жителми такожъ и съ полскими близъ того мѣста обрѣтающимися повѣтами договоръ. О чемъ намъ королевского величества полского присланной обер-эалкенмейстеръ онъ Оицтуиъ доносилъ именемъ Короля своею. что они къ даче пропитанiя себя готовыхъ представляютъ и дабы оные чрезъ комисаровъ своихъ то пропитаніе доброволно давали. Буде же доброволно давать не будутъ. то по разсмотренію положить на нихъ провiантъ противъ порцей войскъ. и выбирать; токмо никакихъ налогъ и обидъ имъ отнюдь не чинить и никакихъ иныхъ поборовъ. кромѣ того определенного збирать не дерзать подъ опасенiемъ жестокого истязанiя. А со экономій королевскихъ никакихъ поборовъ вамъ не требовать. понеже мы оные отъ всѣхъ налоговъ уволнить повелѣваемъ. И что чинитися будетъ, о всемъ къ намъ писать. А которой мундирунокъ з города Элбинга на полки наши дѣлать генералу Ностицу повелено, и оной по прежнему нашему указу додѣлывать. Такожъ и денежную казну у генерала Ностица принять, и впредь на содержанiе гарнизона и протчего войска збирать опредѣленные пошлины и протчее, что безъ отягченiя жителей быть можетъ. Петръ.

Изъ Санктпетерзбурха,
Ноября въ 20 день, 1710 г. (1).

господинъ бригадиръ

По полученiи сего указу пришли къ намъ немедленно вѣдомость, сколько генералъ порутчикъ Ностицъ съ Елбинскихъ жителей, такъ же и съ уѣзду Элбинского и з другихъ повѣтовъ полскихъ собралъ денегъ и что на тѣ денги построилъ салдатомъ мундиру и прочево и что себѣ взялъ, такожъ пришли къ намъ реестръ мастеровымъ людемъ всякихъ мастерствъ, которые есть въ Елбинку. сколко которого мастерства; Piter.

Изъ Санктъ Питербурха
въ 10 д. Декабря, 1710 (2).

---

(1) Мѣсяцъ, число и годъ означены собственноручно.
(2) Мѣсто, мѣсяцъ, число и годъ выставлены собственноручно.

Digitized by Google

ГОСПОДИНЪ БРИГАДИРЪ

Понеже мы вѣдомость имѣемъ, что шведской корпусъ изъ Померанiи впаденiе учинить намѣренъ въ Полшу вскоре. того ради повелѣваемъ вамъ немедленно взятой въ Елбинге въ полонъ швецкой гварнизонъ какъ наискоряя послать за пристойнымъ карауломъ прямымъ путемъ въ Ригу (1), а самому тебѣ надлежитъ того смотрѣть и развѣдывать, что когда тотъ корпусъ швецкой вступитъ въ Полшу безъ супротивленiя отъ саксонскихъ и протчихъ союзничьихъ войскъ и станутъ приближатца къ Елбингу, то дать тебѣ знать и согласитца съ командеромъ надъ прусскими вблизе стоящими въ Елбинскомъ дистриктѣ войски, чтобъ они тотъ городъ и крѣпость у тебя приняли, и въ такомъ опасномъ себѣ случаѣ тотъ городъ имъ позволить осадить своими людми и вытить съ гварнизономъ вонъ и итить безопаснѣйшимъ путемъ къ Ригѣ, однакожъ смотрѣть того, чтобъ безъ нужды къ войнѣ того не учинить. Петръ.

Изъ Москвы, Февраля 16 дня, 1711 г.

ГОСПОДИНЪ БРИГАДИРЪ

Которые есть въ Элбингу карабелные плотники и тѣхъ выпли немедленно (давъ имъ на проѣздъ денегъ) чрезъ Ригу и Смоленскъ на Воронежъ къ Господину Адмиралу Графу Апраксину, которые тамъ зело нужны надобны. Piter.

Изъ Смоленска, въ 10 день Марта, 1711 года.

УКАЗЪ БРИГОДИРУ ГОСПОДИНУ БАЛКУ И ПРОТЧИМЪ ОФИЦЕРАМЪ ГВАРНИЗОНА ЭЛБИНСКОГО (2).

Напредъ сего въ нашемъ указѣ за собственнымъ нашимъ приписанiемъ посланномъ къ Брегадиру Балку прошедшаго Апрѣля въ 28 день повелено ему, что ежели Шведы изъ Померанiи вышедъ приближатца къ самому Элбингу, или оной и атакавать захотятъ, то бъ того города отнюдь ни

(1) «Съ которыми мортиры двѣ мѣдныя, взятыя знамена и все (?) послать». Собственноручная приписка на полѣ.

(2) Собственноручная надпись.

Digitized by Google

оныхъ и никому иному безъ особливого нашего указу не отдавалъ кромѣ того, что развѣ пріѣхавъ туда комнатной нашъ Графъ Александръ Головкинъ, и объявя нашъ указъ о томъ городе какое опредѣленіе учинитъ. по которому ему исполнять повелѣнно. Инакоже по всякой возможности отъ Шведовъ когда оныѣ наступать будутъ оной оборонять, и для того велено ему Брегадиру тотъ городъ и крѣпость прилѣжно нынѣ осмотря укрѣплять немедленно, и удовольствовать правіантомъ и протчими принадлежностми, а Вислою повелѣли Мы Генералу Янусу Оонъ Эберстету послать въ Элбингъ нѣсколко тысячь бочекъ правіанту. Но понеже можетъ быть, что помянутому Брегадиру Балку иногда какая смерть случитца, или отъ непріятелей въ той атаке убитъ быть можетъ. того ради вамъ симъ повелѣваемъ, дабы вы того города Элбинга какъ выше изображено никому безъ нашего имяннаго указу или опредѣленія Графа Александра Головкина не отдавали, но оной вышеписаннымъ образомъ обороняли до крайней мѣры. и отнюдь къ здачѣ оного не склонялися, и подчасъ такой непріятелской атаки надлежитъ у мещанъ Элбинскихъ ружье все обрать, и буде городъ великъ, и не чаете его своимъ гарнизономъ содержать, то въ нужномъ случае хотя одинъ замокъ обороняйте оставя городъ, ежели бъ кто паче чаянія изъ оонцеровъ *изъ вышнихъ или нижнихъ* (1), ктобъ онъ ни былъ въ Элбинге презрѣвъ вѣность свою къ намъ и присягу, какимъ нибудь способомъ склонился къ здаче того города Элбинга непріятелемъ Шведамъ или кому иному, то оного яко измѣнника повелѣваемъ взять за арестъ, а команду принять надъ гарнизономъ Элбинскимъ кому изъ оонцеровъ по старшеству чина, и поступать по вышеписанному нашему указу съ согласія и совѣту другихъ оонцеровъ. Петръ.

Изъ Яворова, въ 9 д. Маія, 1711.

P. S. Такожъ надлежитъ вамъ всѣхъ своихъ женъ и дѣтей отослать тотчасъ въ Ригу по сему указу (2).

---

(1) Курсивомъ напечатанное собственноручная приписка на полѣ.

(2) Мѣсто, время отправленія и постскриптумъ приписаны собственноручно.

Digitized by Google

господинъ бригадиръ.

Понеже намъ городъ Элбингъ чрезъ своихъ къ намъ отправленныхъ депутатовъ предлагалъ о нужномъ своемъ состоянiи, въ которое оной чрезъ войну сiю введенъ, и для того насъ о освобожденiи отъ нѣкоторыхъ указомъ нашимъ отъ того города учиненныхъ претензей просилъ, и понеже мы съ особливой милости прошенiе сего города выслушавъ, помянутымъ депутатомъ нашу всемилостивѣйшую резолюцiю на то дать соизволили, того ради мы вамъ о семъ нашемъ всемилостивѣйшемъ изволенiи обьявляемъ, чтобъ вы потому поступали и по оному во всемъ исполнили. а имянно. оставили мы оному городу отъ васъ претендованныя полатки на 8 ригиментовъ, и повелеваемъ вамъ того ради, чтобъ вы тѣхъ полатокъ съ нихъ болѣе не требовали, и эксекуцiею не правили, такожде не изволяемъ мы, чтобъ въ ономъ городе новыя пошлины и иныя налоги отъ васъ введены, и впротчемъ въ ихъ купечествѣ какая помѣшка учинена была. но чтобъ все сiе при старомъ обыкновенiи оставлено было, такожъ отъ того города претендованныя штурмовыя денги и подарки оному городу всемилостивѣйше оставили, и для того не надлежитъ вамъ тѣхъ денегъ болше со оного претендовать, такожъ и на сiе мы оному городу всемилостивѣйше позволили, что ежели оной на 5,266 человѣкъ какъ оные насъ обнадеживаютъ, уже дѣйствительно мундиръ дали, то со оного болѣе мундира не требуйте. что же принадлежитъ о пропитанiи и содержанiи нашего гарнизона и ежели вамъ индѣ гдѣ взять невозможно. то оной снабдить и удоволствовать въ томъ тѣмъ городомъ имѣютъ. однакожъ и вамъ надлѣжитъ смотрѣть, чтобъ вамъ какъ и прежде ежели возможно, съ округъ лежащихъ воеводствъ провiантъ елико можно збирать и безъ многихъ отъ поляковъ жалобъ учинить возможно, однакожъ ничего иного кромѣ того съ нихъ не требовать, кромѣ того провiанту, и не надлѣжитъ тебѣ съ того города на свою персону денегъ болши того брать, какъ опрѣделенное жалованье и порци сочиняютъ, и впротчемъ надлежитъ вамъ имѣть и держать въ гарнизоне доброй порядокъ и поступокъ,

Digitized by Google

и з городомъ и жителми такъ поступать, чтобъ они на васъ жалобы приносить и никакой причины не имѣли. Петръ.

Данъ въ Яворовѣ, Маія въ 19 д. 1711 г.

—

ГОСПОДИНЪ БРЕГАДИРЪ

Корпусъ, которой отправленъ въ слученіе къ Саксонскимъ войскамъ (которыми нынѣ командуетъ Брегадиръ Яковлевъ) вручили мы подъ команду господину послу нашему Князю Долгорукому, того для и вы бутте ему послушны, и когда онъ будетъ отъ васъ требовать денегъ, такожъ артилеріи и амуниціи, тогда отпускайте по ево писмамъ. Петръ.

Изъ Ярославля, въ 29 д. Маія 1711. (Получ. 20 Іюня).

—

ГОСПОДИНЪ БРЕГАДИРЪ

При отъѣздѣ своемъ отпустилъ жену свою въ Элбингъ къ вамъ, и что ей понадобитца денегъ на покупку какой мелочи, дайте изъ собранныхъ у васъ денегъ. Петръ.

Изъ Нарвы, 1 Сентября, 1611.

—

ГОСПОДИНЪ БРЕГАДИРЪ.

Когда къ вамъ будетъ писать Господинъ Генералъ Фелцейхмейстеръ Брюсъ о приготовленіи дву тысячь лопатокъ, тогда по тому ево писму исполняйте безъ умедленія. Петръ.

Изъ Риги, въ 6 д. Декабря, 1711 г.

—

ГОСПОДИНЪ БРЕГАДИРЪ

Когда къ вамъ пріѣдетъ Господинъ Генералъ Фелцейхмейстеръ Брюсъ, и чего онъ будетъ отъ васъ требовать, въ томъ будьте ему послушны. Петръ.

Изъ Риги, въ 8 д. Декабря, 1711 г. (Получ. 5 д. Генв.).

—

Digitized by Google

На нижеписанные пункты Брегадиръ Балкъ требуетъ указу.	
1.	
Гварнизоннымъ салдатомъ на грацкой ли домашней пище быть поволите или правіантъ давать.	Быть на городскомъ корму
2.	
Жалованье афицеромъ и салдатомъ давать ли и исъ какой казны, а съ Москвы въ присылке никакой денежной казны нѣтъ.	Буде замешкаетъ да горазда съ Москвы, то дать на нѣсколко мѣсяцовъ изъ собраныхъ денегъ по нуждѣ.
3.	
Какъ будутъ требовать изъ зборной казны съ поветовъ отъ вышнихъ командировъ денегъ безъ имянного указу давать ли.	Не давать (*).

Въ Перноу, въ 11 день Декабря, 1711.

ГОСПОДИНЪ БРЕГАДИРЪ *Дупликатъ.*

По полученіи сего указу переведите чрезъ Элбинскихъ жителей векселъ на восмь тысячь ефимковъ въ Амстрадамъ или въ Гагу, чтобъ отданы были тамъ послу нашему Князь Борису Куракину. Буде жъ Элбинскіе жители не могутъ того учинить или у васъ денегъ не достанетъ, и то здѣлай чрезъ Кинесберского бурмистра, у которого мы (будучи въ Кинесберхѣ) стояли, ибо онъ обещался намъ векселя переводить, и чево недостанетъ ему въ платежъ отъ васъ денегъ, о томъ къ намъ пишите, зело сіе нужно исправить. Петръ.

Изъ Ревеля, въ 16 д. Декабря, 1711 г.

---

* Резолюціи собственноручныя.

Digitized by Google

P. S. Противъ посланного при семъ писма парчю пришлите сюда не мешкавъ и денги за оную заплати изъ Елбинскихъ доходовъ.

—

ГОСПОДИНЪ БРЕГАДИРЪ.

По полученіи сего исъ привезенныхъ въ Элбингъ ста тысячь рублевъ переведи десять тысячь рублевъ въ Галандію къ Андрѣю Матвѣеву, и хъ Князю Куракину, а какъ оные перевесть, и о томъ писалъ къ вамъ пространнѣе Графъ Головкинъ. Петръ.

Изъ Ревеля при отъѣзде въ Санктпетерзбурхъ,
Декабря 26-го, 1711 г.

—

ГОСПОДИНЪ БРЕГАДИРЪ

Учинено ныне межъ нами и его Королевскимъ Величествомъ Полскимъ согласіе, дабы изъ города Элбинга нашъ гарнизонъ вывесть, и напротивъ того во оной его Королевского Величества гварнизонъ впустить; и когда отъ его Королевского Величества съ указомъ комендантъ прибудетъ, то вы исъ того города Элбинга съ салдаты вытте немедленно, а оной и обрѣтающіяся въ немъ пушки и прочіе воинскіе припасы отдайте оному съ росписокю: а имянно артиллерію и амуницію и протчее, что отъ Шведовъ взято. Петръ.

Данъ въ Грибсвалде въ 12 д. Сентября 1712 году.

—

ГОСПОДИНЪ КАМЕНДАНТЪ.

Предъ симъ посланъ къ вамъ указъ, дабы вы изъ Эльбинга присланные изъ Риги мѣдные мартир.ы, такожъ и бомбы заранее выслали водою къ Мемелю, дабы тою высылкою показать образъ Полякомъ, а нынѣ съ Королевскимъ Величествомъ Польскимъ будучи здѣсь, положено, чтобъ въ Ельбингъ ввесть имъ свой гарнизонъ, а нашъ вывесть, того для конечно помянутые мартиры и бомбы высылайте не мешкавъ и убирайтеся уже совсѣмъ не для лица, какъ прежде къ

Digitized by Google

вамъ писано. и когда отъ его Королевскаго Величества Польского съ указомъ учрежденной ихъ комендантъ съ людми къ Ельбингу придетъ, тогда вы своихъ салдатъ выведите, а самъ одною своею персоною тутъ останься, и что есть въ той фартецыи, а имянно артилерію, амуницыю и протчіе воинскіе припасы отдайте тому коменданту имянно съ росписко (*).

Петръ.

P. S. Къ нашему прибытію, когда мы назадъ воротимся, приготовте яхты.

Изъ Грибсвалда, 12 дня Сентября, 1712 г. Полученъ 25 дня Сентября, съ курiромъ съ порутчикомъ Елагинымъ. (А на другомъ дупликатѣ подписано: 16 дня Сентября. Получено 27 дня).

—

ГОСПОДИНЪ КАМЕНДАНТЪ

Для Поляковъ что вы имѣете отъ насъ указъ изъ Эльбинга выступить и для того что бутъто вы имѣете по тому указу скоро изъ Эльбинга выступить, покажите Полякомъ образъ высылкою присланныхъ изъ Риги медныхъ нашихъ мартировъ и бомбъ, которые вышлите напередъ водою въ Мемель. Однакожъ вы содержая того гварнизону имеете тайно всякую осторожность и доброй присмотръ и до другова нашего указу держитесь тутъ по прежнему. Петръ.

Получен. 25 дня Сентября.

—

ГОСПОДИНЪ БРЕГАДИРЪ *Дупликатъ.*

Предъ симъ писали мы къ вамъ дабы салдатъ на нѣкоторое время близъ Эльбинга на судахъ еще задержать, и понеже Турецкой Паша которой отправленъ изъ Царяграда въ Польшу чаемъ что и къ Елбингу будетъ, того для невѣску нашу кронъпринцесу отправте водою къ Мемелю, а оттоль сухимъ путемъ къ Ригѣ и для того отправте при ней подполковника своего Болобонова съ салдаты, а досталной ее обозъ чего за малостью судовъ положить будетъ не мочно

(*) Большая часть подлинника писана условными буквами.

Digitized by Google

вместе съ полковыми обозами и з достальными салдатами отправте сухимъ путемъ и прикажите тому подполковнику чтоб онъ отъ Мемеля Курляндіею старался общее съ подполковникомъ олонецкого драгунского полку которой въ Курляндіи о подводахъ на чемъ бы было ей до Риги доѣхать и для того чтобы оне заранее съ тѣмъ драгу. подполковникомъ согласилися и подводы безобидно съ Курлянскихъ обывателей собрали. а для нашего конвою оставьте салдатъ только двести человѣкъ и те бы были на судахъ въ Елбингу не гараздо блиско или хотя и на берегу въ удобномъ мѣстѣ, гдѣбъ не было блиско жилья чтобъ не дать лица имъ помянутому турченину, а для себя дайте голосъ что вы остались въ Елбингу толко на короткое время дождатца насъ (*). Петръ.

Изъ Лепциха, 6 дня Октября 1712.
Получена 13 дня Октября съ курьеромъ Шушеринымъ. (А на другой копіи написано: таково получено чрезъ почту 14 д. Окт.).

ГОСПОДИНЪ БРИГАДИРЪ

Писали вы, что Елбинкъ по двухъ или трехъ дняхъ Саксонцамъ отдать хотѣли, а того, что городъ отдали ль, также и невѣску нашу кронпринцесу, также и салдатъ къ Ригѣ отправили ль или еще нѣтъ, о томъ не пишете, и ежели еще паче чаянія салдаты не отправлены, то какъ наискоряя ихъ къ Ригѣ отправляйте хотя однихъ и безъ невѣски нашей кронпринцесы (ежели она зачѣмъ скоро собратца не можетъ) чтобъ отправленной отъ Салтана Турчанинъ людей нашихъ въ Елбинку не засталъ, однакожъ и ей объяви чтобъ и она для помянутого дѣла такожъ въ Елбинку не мешкала, жену свою и абозы всѣ отправь при полку жъ напередъ, а самъ одинъ остался въ Елбинку и какъ получишь вѣдомость о помянутомъ Турчанинѣ что онъ будетъ въ Елбинкъ, то и ты самъ заранее прежде ево пріѣзду выѣдь во Гданскъ, а салдатъ оставь на судахъ толко сто человѣкъ и тѣбъ жи-

(*) Большая часть подлинника писана условными буквами.

Digitized by Google

ли (на судахъ) въ Бранденбурскихъ Прусахъ дабы тотъ Турчанинъ никакова подозрѣнія о нашихъ людяхъ не имѣлъ.

Петръ.

Изъ Карлсъбада въ 12 д. Октября 1712 г. Полученъ 21 д. чрезъ курира Кишкина. (А на другомъ дупликатѣ отмѣчено, что отправленъ въ 13 д., полученъ 28 д. съ капитаномъ Петромъ Соловымъ (?).

—

ГОСПОДИНЪ БРЕГАДИРЪ

По полученіи сего указу досталныхъ людей что велено было задержать на водѣ сто человѣкъ отпустите немедленно за первыми къ Ригѣ, о протчемъ о всемъ чините по посланнымъ къ вамъ первымъ указомъ и къ намъ о томъ пишите, и пришлите взятымъ въ Елбинску желѣзнымъ швецкимъ пушкамъ и прочему къ намъ роспись, и ежели слюзы починены и не скоро каналъ замерзнетъ, то оные пушки и протчее отпустите водою къ Мемелю. Петръ.

Изъ Карлсъбада въ 27 д. Октября 1712 г.
Полученъ чрезъ почту 5 дня Ноября.

—

ГОСПОДИНЪ БРЕГАДИРЪ

Когда пришлетъ къ вамъ посолъ нашъ при дворѣ обрѣтающейся Князь Василей Долгорукой по денги девяносто тысячь рублевъ, которые лежатъ у васъ въ Элбинге; и тогда вы тѣ денги присланнымъ отъ него отдайте ни мало удержавъ не отписываясь о томъ къ намъ; да съ Москвы велено прислать въ Элбингъ сто десять тысячь рублевъ, и когда оныя привезутъ и будетъ ихъ требовать помянутой посолъ нашъ Князь Долгорукой, и по оныя кого пришлетъ съ писмомъ своимъ, и вы оныя потому жъ отдайте не отписываясь о томъ къ намъ. Петръ.

Изъ Питербурха, въ 12 Февраля, 1712 (*).

(*) Место и время отправленія—собственноручная приписка.

Digitized by Google

ГОСПОДИНЪ БРЕГАДИРЪ

Понеже изъ Курляндіи полку Семеновскому указано маршировать въ Прусы въ слученіе къ полку Преображенскому, того для пришлите имъ какъ наискорее отъ Элбинка и Мемлю толикое число судовъ (на чемъ бы они могли переѣхать чрезъ Куршъ и Ѳришъ гаѳы къ Элбинку) съ матрозы, съ парусами и съ протчимъ что къ нимъ принадлежитъ: и о пропуске ихъ къ Кинесберхскому Губернатору Князю Голштенскому отъ насъ писано. Петръ.

Получено 25 дня Апреля 1712 чрезъ курира Танеева.

ПИСЬМО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА.

ГОСПОДИНЪ БРЕГАДИРЪ

Писмо твое чрезъ подпорутчика Симина до насъ дошловъ которомъ пишешь объ мундире, а имянно тысяча епанечь, которой повелено тебѣ отправлять до Боура, а ты отправилъ до насъ в Торунь, чего тебѣ такъ дѣлать не надлежало, понеже велено тебѣ ихъ отправить, а не намъ, и ты ихъ и отправляй. Алексѣй.

Изъ Торуни, Декабря 2 дня 1711 году.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

ПИСЬМО КРЕСТЬЯНИНА ПОМЬЩИКА ЛАЧИНОВА КЪ ГОСПОДИНУ (*).

Изъ актовъ, относящихся къ царствованію Алексѣя Михайловича, мы видимъ, что не смотря на строгія запрещенія правительства—курить и нюхать табакъ, и жестокія наказанія, положенныя уложеньемъ за нарушеніе этого запрещенія, —употребленіе табаку было сильно распространено въ Россіи. Курили многіе изъ высшаго сословія народа, курили торговые и посадскіе люди, наконецъ и крестьяне отдаленныхъ отъ Москвы мѣстъ прельстились запретнымъ плодомъ и не убоялись уподобиться «образу сатанинскому и войску дьяволю.» Жители ближнихъ къ Москвѣ городовъ курили меньше; надзоръ за ними былъ строже. Не только мущины, но и женщины даже, какъ видно изъ приведеннаго письма, заразились общимъ примѣромъ и стали «пихать себѣ въ носъ тобакъ проклятое зелье.» – Вообще обычай курить и нюхать табакъ прививался у насъ скоро: Русскіе полюбили страстно запрещенный плодъ. — Карлиль, посолъ Карла II, говоритъ о употребленіи табаку въ Россіи слѣдующее: «употребленіе табаку запрещено въ Россіи въ 1654 году; но не смотря на то, всѣ Россіяне весьма охотно употребляютъ табакъ, особенно курительный, дымомъ коего они до того натягиваются, что падаютъ часто въ обморокъ, а нюхательный держатъ въ рожкѣ.»— Прежде 1649 года табакъ въ Россію доставляли преимущественно Англичане; но въ 1649 году царскимъ указомъ вся внутренняя торговля была запрещена Англичанамъ,—и одною изъ причинъ такого ограниченія былъ привозъ табаку и другихъ заповѣдныхъ товаровъ. Изъ словъ письма, сообщеннаго мною, видно, что торговать табакомъ, послѣ Англичанъ, начали Греки, которые, по словамъ Котошихина, «живутъ на Москвѣ для продажи многіе годы; и дается имъ кормъ и питье довольно.» Начальство городовъ, куда пріѣзжали Греки торговать «заповѣдными товары,» какъ видно, смотрѣло сквозь пальцы на ихъ продѣлки, брало съ нихъ «посулы великіе,» а иногда и само покуривало и повнхивало тобакъ—зелье проклятое.

Челомъ тебѣ, государь батюшка, бью низехонько, Иванъ Васильевичь,—я крестьянишка твой убогій Стёпка Боровинъ. Велѣлъ ты мнѣ, государь, за отчинкою твоею Самборомъ смотрѣть, и я, господине, по силамъ своимъ смотрю. А нынѣ на отчинкѣ на твоей грѣхъ и соблазнъ приключился великій, и мнѣ того грѣха, крестьянишкѣ убогому, не порѣшить; пріѣзжа къ намъ по Ивановѣ днѣ, съ Шатцка посадскій человѣкъ Петрушка Захарчинъ, и сталъ онъ на Кириловомъ твоего крестьянишки дворѣ, и соблазнъ учинилъ великій, и сталъ тобакъ зелье проклятое курить, а такого,

(*) Письмо это досталось мнѣ, вмѣстѣ съ разными другими фамильными бумагами, отъ предковъ моихъ Лачиновыхъ. Василій Ивановичь Лачиновъ, къ которому письмо адресовано, какъ видно изъ другихъ современныхъ актовъ, былъ стольникомъ, и жилъ постоянно въ Москвѣ: деревня Самборъ еще и теперь находится во владѣніи рода Лачиновыхъ. *Т. Шишкинъ.*

Для удостовѣренія московскихъ скептиковъ желательно было бы видѣть подобные документы въ подлинникѣ. *М. П.*

Digitized by Google

государь, срама у насъ не водилось; слышно намъ—на другихъ сторонахъ той скверный обычай тобакъ курить многіе посадскіе люди и торговые завели, а у насъ того богопротивнаго обычая до сей поры не токмо видно, да и слышно не было. Нынѣ—молвить страшно,—и у насъ, государь, на твоей на отчинкѣ, отъ того проклятаго Петрушки обычай той завелся, и твои государевы крестьяне—Кирилла Собакинъ, да Семенъ Ерофеевъ, да Антонъ Бѣлобоковъ, да того Антона сынъ Петрушка, да Савельевъ Алешка, да Жуковъ Макаръ, чуть не въ явь той табакъ курятъ, и я ихъ, государь, къ попу нашей отчинки отсылалъ—и попомъ не унялись, и побилъ я ихъ, по данной мнѣ, государь, тобою волюшкѣ, батожьемъ, и унялись они на время мало, а нынѣ униматься не хотятъ; и бабы, государь: Жукова Макара жонка Оленка, да дочка ее Степанидка той тобакъ зелье проклятое въ носъ себѣ пихаютъ, и я ихъ унималъ, а онѣ меня скверно ругаютъ. А того посадскаго человѣка Петрушку съ твоей отчинки я согналъ съ безчестьемъ, и на того посадскаго человѣка грамотку извѣстную въ Шатцкъ спосылати хотѣлъ; а вѣдомо мнѣ стало: той посадскій человѣкъ у Гречанъ торговыхъ людей тобакъ закупаетъ, и тѣ Гречане Шатцкимъ начальнымъ людямъ посулы даютъ великія и много людей не мелкихъ той тобакъ скупаютъ и курятъ, и какъ бы мнѣ, государь, съ своей грамоткой отвѣтчикомъ не стать, и что укажешь, государь, по тому дѣлу,—тому такъ и быть. А мнѣ, государь, больше дѣлать нечего и не въ мочь; крестьянъ твоихъ, государь батюшка, унять не могу: ино они уймутся, а курятъ потомъ пуще прежняго и меня не слушаютъ. А съ тѣмъ, государь, тобакомъ проклятымъ не подпасть бы намъ Божью да Государеву гнѣву, и вовсе не загинуть; и безъ того грѣховъ на насъ много,—старинный обычай по правдѣ не держимъ, худое творимъ. А ты на меня, государь, не серчай, а я тѣхъ крестьянъ унималъ, и служилъ тебѣ во всемъ вѣрно. А гречишку твою продалъ я не за тридцать, а за тридцать три рубли, и тѣ деньги тебѣ съ Трошкою посылаю, и въ чемъ противу тебя согрѣшилъ и несмысленно сдѣлалъ, то мнѣ милостиво прости и рѣшецьице твое о тобашникахъ съ Трошкою прикажи, а я твои ручки и ножки цѣлую и твой Степка Боровинъ на вѣки холопишка вѣрный. Сентября 4, 1661 г.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ИСТОРІЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНЪЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. Сочин. *Сергѣя Соловьева*, **томъ второй.** Москва. 1852 года.

Настоящую книгу г. Соловьевъ начинаетъ главою о княжескихъ отношеніяхъ вообще. Эта глава поставлена сочинителемъ какъ призма, въ которую онъ хочетъ смотрѣть на Русскую исторію отъ смерти Ярослава Великаго; и потому глава эта должна обратить на себя преимущественное вниманіе читателей; всѣ остальныя главы настоящей книги представляютъ болѣе или менѣе подборъ и группировку фактовъ изъ Русской исторіи на тему, изложенную въ первой главѣ.

Начавъ читать первую главу, мы были обрадованы нѣкоторымъ успѣхомъ г. Соловьева; онъ нынче уже признаетъ подлинность Ярославова завѣщанія во всей его полнотѣ; а *прежде всѣми силами старался заподозрить его: называлъ позднѣйшею вставкою, говорилъ, что выраженія, употребленныя лѣтописцемъ, принадлежатъ къ тѣмъ мѣстамъ лѣтописи, которыя постоянно встрѣчаются въ извѣстныхъ случаяхъ, и находилъ какія-то несообразности въ ходѣ событій другъ за другомъ* (1). Теперь всѣ препятствія къ признанію завѣщанія неподложнымъ не существуютъ. Кудажъ они дѣвались? Они устранены рецензіею, помѣщенною въ 14 нумерѣ Москвитянина за прошлый годъ. И такъ, рецензіи Москвитянина достигаютъ своей цѣли: туманъ, напущенный родовиками на Русскую исторію, начинаетъ проясняться; самый упорнѣйшій изъ родовиковъ, хоть въ одномъ уже согласился съ рецензіею Москвитянина; конечно это начало очень еще незначительно; но тѣмъ не менѣе Москвитянинъ, видя успѣхъ своихъ рецензій, признаетъ уже своею обязанностію продолжать начатое, чтобы въ конецъ разсѣять туманъ родоваго быта, и тѣмъ болѣе, что большинство публики уже давно признаетъ правильнымъ взглядъ на Русскую исторію, высказываемый въ рецензіяхъ Москвитянина. А посему во имя

(1) Истор. отн. между кн. Рюр. дома. Стр. 71, 72 и 73.

Digitized by Google

науки и съ искреннимъ желаніемъ лучшихъ успѣховъ г. Соловьеву, мы постараемся въ настоящей рецензіи отчетливо разсмотрѣть настоящій его трудъ.

Признавши неподложность Ярославова завѣщанія, г. Соловьевъ пишетъ: «По словамъ лѣтописца, Ярославъ предъ смертію сказалъ сыновьямъ слѣдующее: «Вотъ я отхожу отъ этого свѣта, дѣти мои! любите другъ друга, потому, что вы братья родные отъ одного отца и отъ одной матери», и потомъ, передавши съ пропусками слова лѣтописи въ переводѣ, толкуетъ ихъ по своему: «Вотъ всѣ наставленія, всѣ права и обязанности! Князья должны любить другъ друга, слушаться другъ друга, слушаться старшаго брата, какъ отца; ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ относительно старшаго, какъ Государя всей страны; выставляются на видъ одна связь родственная, одни обязанности родственныя; о государственной связи, государственной подчиненности нѣтъ и помину. Любите другъ друга и не ссорьтесь, говоритъ Ярославъ своимъ сыновьямъ, потому-что вы дѣти одного отца и одной матери». Но все это не отличительный характеръ Ярославова завѣщанія, всѣ завѣщанія московскихъ князей (включительно до В. князя Ивана Васильевича) писались въ этомъ же тонѣ. Вотъ они: великій князь Иванъ Даниловичъ Калита въ своемъ завѣщаніи пишетъ: «Аже Богъ что розгадаетъ о моемъ животѣ, даю рядъ сынамъ своимъ и княгини своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву; а се есмь имъ раздѣлъ учинилъ. Се далъ есмь сыну своему большему Семену: Можайскъ, Коломну со всѣми коломенскими волостьми.... А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ, Кремичну, Рузу.... А се далъ есмь сыну своему Андрею: Лопастну, Съверьску, Нарунижское, Серпоховъ.... А се даю княгини своей съ меньшими дѣтьми: Сурожикъ, Мушкину гору, Радонежское.... А по-грѣхомъ ци имуть искати Татарове, которыхъ волостій, а отоимуться, вамъ сыномъ моимъ и княгинѣ моей подѣлити вы ся опять тыми волостьми на то мѣсто.... А приказываю тобѣ, сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меньшими дѣтьми, по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ. А кто сю грамоту порушитъ, судитъ ему Богъ» (1). Характеръ Ярославова завѣщанія и завѣщанія Ивана Даниловича, какъ всякой видитъ, совершенно одинаковъ. Ярославъ говоритъ: «Се азъ отхожу свѣта сего», и Калита пишетъ: «Аже Богъ что розгадаетъ о моемъ животѣ». Ярославъ раздѣляетъ свои владѣнія сыновьямъ: Изяславу отдаетъ

(1) Собр. Г. Г. и Д. Т. 1. N 22.

Digitized by Google

Кіевъ, Святославу Черниговъ, Всеволоду Переяславль, Игорю Владиміръ, Вячеславу Смоленскъ; тоже дѣлаетъ и Калита; у Ярослава сказано: «Сеже поручаю въ себѣ мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему, сего послушайте, яко же послушасте мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто»; и сказалъ Изяславу: «Аще кто хощетъ обидѣти брата своего, то ты помогай, его же обидятъ». И у Калиты написано: «А приказываю тебѣ, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою съ меньшими дѣтьми, по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ». Развѣ это не одно и тоже: «да то вы будетъ въ мене мѣсто»; при жизни отецъ былъ печальникъ своей семьи, а по смерти его старшій сынъ, слѣдовательно, въ томъ и другомъ завѣщаніи старшій сынъ *вступаетъ вмѣсто отца.* Далѣе Ярославъ говоритъ сыновьямъ: «Имѣйте въ себѣ любовь, пребывайте мирно, послушающе братъ брата»; и у Калиты сказано: «А по грѣхомъ ци имуть искати Татаровѣ, которыхъ волостій, а отоимуться, вамъ сыновомъ моимъ и княгини моей подѣлити вы ся опять тыми волостьми на то мѣсто». Развѣ это не то же, что: «имѣйте въ себѣ любовь, пребывайте мирно, послушающе братъ брата». Отецъ завѣщеваетъ сыновьямъ снова дѣлить между собою волости, ежели случится, что Татары отнимутъ одну изъ ихъ волостей; это самый ясный приказъ братьямъ любить другъ друга. Ярославъ назначаетъ себѣ преемникомъ въ великомъ княженіи старшаго сына Изяслава: «Поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну своему». Конечно, у Калиты нѣтъ таковаго назначенія, но это потому, что въ его время назначеніе въ великіе князья зависѣло отъ монгольскаго хана. Такимъ образомъ оба завѣщанія носятъ одинъ характеръ, а г. Соловьевъ называетъ Іоанна Калиту княземъ «хозяиномъ собственникомъ» (1). Слѣдовательно и Ярославъ былъ тоже хозяинъ собственникъ, и въ этомъ отношеніи нисколько не отличался отъ Калиты.

Теперь продолжимъ сравненіе послѣдующихъ духовныхъ грамотъ, писанныхъ московскими князьями: Въ грамотѣ великаго князя Ивана Ивановича сказано: «Аже что Богъ размыслитъ о моемъ животѣ, даю рядъ своимъ сыномъ князю Димитрію и князю Ивану, и своему братаничу князю Володимеру, и своей княгини.... А се даю сыну своему Димитрію: Можайскъ, Коломну со всѣми волостьми.... А се даю сыну своему Ивану Звенигородъ со всѣми волостьми.... А братаничъ мой князь Володимеръ вѣдаетъ уѣздъ своего отца.... А се далъ есмь княгини своей Александрѣ изъ коломенскихъ воло-

(1) Ист. отн. между кн. Рюрик. дома, стр. 337.

Digitized by Google

стей Похряве, Пѣсочну.... А ци по грѣхомъ имуть изъ Орды искати Коломны, или Лопастеньскихъ мѣстъ, или отъмѣньныхъ мѣстъ Рязанскихъ, а ци по грѣхомъ отоймется которое мѣсто, дѣти мои князь Дмитрей, князь Иванъ и князь Володимеръ въ то мѣсто и княгини подѣлятся безпеньными мѣстьми.... А хто сію грамоту порушитъ, судитъ ему Богъ» (1). Эта грамота совершенно одинакова съ грамотами Ярослава и Калиты; въ ней только недостаетъ одного назначенія старшаго сына печальникомъ надъ младшими; но это потому, что старшій сынъ былъ еще малолѣтнымъ, и самъ имѣлъ нужду въ печальникѣ.... Димитрій Донской въ своей грамотѣ пишетъ: «Даю рядъ сыномъ своимъ и своей княгинѣ; приказываю дѣти свои своей княгинѣ: а вы дѣти мои живите за одинъ, а матери своее слушайте во всемъ.... А се даю сыну своему Василью Коломну со всѣми волостьми.... А се даю сыну своему Юрью Звенигородъ со всѣми волостьми.... А се даю сыну своему Андрею-Можайскъ со всѣми волостьми.... А се даю сыну своему Петру Дмитровъ со всѣми волостьми.... А се даю сыну своему князю Ивану Раменейцо.... А се благословляю сына своего князя Василья своею отчиною великимъ княженіемъ.... А сына своего Юрья Галичемъ.... Андрея Бѣлымъ Озеромъ.... Петра Углечемъ полемъ.... А се даю княгини своей.... А по грѣхомъ котораго сына моего Богъ отъиметъ, и княгини моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ; которому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои изъ ее воли не вымутъ.... А дѣти моя, молодшая братья княжы Васильевы, чтите и слушайте своего брата старшаго князя Василья въ мое мѣсто своего отца: а сынъ мой князь Василій держитъ своего брата князя Юрья и свою братью молодшую, въ братьствѣ безъ обиды» (2). Эта грамота сходна съ Ярославовымъ завѣщаніемъ не только по характеру, но и по многимъ выраженіямъ; такъ Ярославъ говоритъ: «Сынове мои, имѣйте въ собѣ любовь»; и у Донскаго сказано: «А вы, дѣти мои, живите за одинъ»; или у Ярослава: «Сего (Изяслава) послушайте, якоже послушаете мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто»; и у Донскаго: «Дѣти моя, молодшая братья княжы Васильевы, чтите и слушайте своего брата старшаго князя Василья въ мое мѣсто своего отца». Духовная грамота великаго князя Василья Дмитріевича здѣсь нейдетъ въ сравненіе; ибо у него былъ только одинъ сынъ, слѣдовательно не могло быть и раздѣла и наставленій жить съ братьями. Василій Васильевичъ въ своей духовной пишетъ совершенно такъ же, какъ и Донской: «Даю рядъ своимъ дѣтемъ и своей княгинѣ. Приказываю свои дѣти

(1) Собр. Г. Г. и Д. Т. 1., N 26. (2) Собр. Г. Г. и Д. Т. 1, N 34.

Digitized by Google

своей княгинѣ: а вы мои дѣти живите за одинъ, а матери своей слушайте во всемъ, въ мое мѣсто своего отца. А сына своего Ивана благословляю своею отчиною великимъ княженіемъ.... А сыну своему Юрью даю Дмитровъ.... Андрею Углѣче поле.... Борису Ржеву.... Андрею меньшему Вологду.... А княгинѣ своей даю Ростовъ.... А по грѣхомъ у котораго у моего сына вотчины отоймется, и княгини моя уйметъ у своихъ сыновъ изъ ихъ удѣловъ, да тому вотчину исполнитъ; а дѣти мои изъ ее воли не вымутся.... А вы дѣти мои чтите и слушайте своего брата старѣйшаго Ивана, въ мое мѣсто своего отца; а сынъ мой Иванъ держитъ своего брата Юрья и свою братью меньшую въ братствѣ безъ обиды» (2). Въ грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича сказано: «Приказываю дѣтей своихъ меньшихъ Юрья съ братіею сыну своему Василью, а ихъ брату старѣйшему, а вы дѣти мои Юрьи, Дмитрей, Семенъ, Андрей, дръжите моего сына Василья, а своего брата старѣйшаго, въ мое мѣсто своего отца, и слушайте его во всемъ; а ты сынъ мой Василей дръжи свою братью молодшую Юрья съ братьею во чти безъ обиды. Благословляю сына своего старѣйшаго Василья своею отчиною великими княжествы, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой, и что ми далъ Богъ.... Да благословляю сына своего Юрья, даю ему городъ Дмитровъ.... Да благословляю сына своего Дмитрея, даю ему городъ Угличе поле.... Семену Бѣжецкій верхъ.... Андрею Верею.... А котораго моего сына не станетъ, а не останется у него ни сына, ни внука: ино удѣлъ его весь къ московской землѣ, что есми ему ни далъ, то все сыну моему Василью.... А которой сынъ мой неучнетъ сына моего Василья слушати во всемъ, или учнетъ подъ нимъ подыскивати великихъ княжествъ; ино не буди на немъ милости Божіей» (2). Въ этой грамотѣ по ея характеру также невидно различія съ завѣщаніемъ Ярослава. Ярославъ назначаетъ старшаго сына преемникомъ въ великомъ княженіи, тоже дѣлаетъ и Иванъ Васильевичъ; Ярославъ приказываетъ младшимъ сыновьямъ слушаться старшаго, тоже приказываетъ и Иванъ Васильевичъ; Ярославъ назначаетъ старшаго сына вмѣсто себя отцомъ для младшихъ, точно тоже назначеніе и у Ивана Васильевича; и наконецъ, Ярославъ раздаетъ города младшимъ сыновьямъ, и Иванъ Васильевичъ также раздаетъ города младшимъ сыновьямъ. А г. Соловьевъ великаго князя Ивана Васильевича называетъ послѣднимъ княземъ-хозяиномъ и первымъ государемъ, (3) и посему его распоряженія государственными, а не родовыми; распо-

(1) Соб. Г. Г. и Д. N 87. (2) Ibid. N 144. (3) Ист. отн. между кн. Рюр. дома, стр. 333.

Digitized by Google

ряженія же Ярославовы одинаковы съ распоряженіями Ивана Васильевича; слѣдовательно, и Ярославъ былъ государь въ настоящемъ значеніи этого слова, а не старѣйшина рода, и завѣщаніе его выражаетъ не уставъ родовыхъ отношеній князей, а уставъ княжескихъ отношеній государственныхъ, точно такъ же, какъ завѣщаніе В. Князя Ивана Васильевича и завѣщаніе другихъ московскихъ князей, его предшественниковъ. И такъ, не только историческіе, но даже оффиціальные памятники свидѣтельствуютъ, что Ярославово завѣщаніе вовсе не выражало собою правила родовыхъ отношеній между князьями, потомками Ярослава.

Теперь перейдемъ къ другимъ мнимымъ основаніямъ родовыхъ отношеній между князьями, засвидѣтельствованнымъ будто бы лѣтописями. Г. Соловьевъ говоритъ: «Изъ словъ лѣтописца, изъ словъ самихъ князей, какъ они у него записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу». И во первыхъ, приводитъ свидѣтельство лѣтописи, что будто бы «*старшій* князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской землѣ, о своей чести и о чести своихъ родичей». Мы рѣшительно не знаемъ, откуда взялъ г. Соловьевъ такое свидѣтельство. Онъ ссылается въ примѣчаніи на 145 страницу II-го тома пол. собр. русскихъ лѣтописей. Но тамъ старшій князь не называется отцемъ, и вовсе нѣтъ помину о томъ, чтобы на немъ лежала обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода; тамъ просто сказано: «А ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ, а думай гадай о Русской земли и о своей чести и о нашей». Здѣсь, по ясному смыслу лѣтописи, дѣло идетъ, не о томъ, чтобы блюсти выгоды цѣлаго рода, о которомъ вовсе не упоминается, а о томъ, чтобы думать-гадать о Русской землѣ, защищать Русскую землю. Самъ Всеволодъ Юрьевичъ, къ которому относились приведенныя здѣсь слова лѣтописи, говоритъ Рюрику Ростиславичу, В. К. Кіевскому: «Вы есте нарекли меня во своемъ племени во Володимерѣ старѣйшаго; а нынѣ сѣлъ еси въ Кіевѣ, а мнѣ еси не учинилъ части въ Русской землѣ, но роздалъ еси инѣмъ моложшымъ братьи своей; даже мнѣ въ ней части нѣтъ, да то ты, а то Кіевъ и Русская область; а кому еси въ ней часть далъ, съ тѣмъ же ей и блюди и стрежи; да како ю съ нимъ удержишь, а то узрю же, а мнѣ ненадобѣ» (1). Слѣдовательно, по словамъ самого Всеволода, дѣло идетъ не о выгодахъ цѣлаго рода, а о защитѣ Русской земли; и Всеволодъ, признанный старѣйшимъ въ Володимери племени,

(1) Пол. Собр. Рус. лѣт. Т. II. стр. 144.

Digitized by Google

не заступаетъ мѣсто отца; ибо онъ не раздаетъ областей въ Русской землѣ, а самъ требуетъ себѣ волости въ Русской землѣ, т. е. собственно заботится объ увеличеніи своихъ владѣній, и о распространеніи своего вліянія надъ другими князьями не въ значеніи старѣйшаго въ родѣ, а въ смыслѣ сильнѣйшаго владѣтеля.

Далѣе г. Соловьевъ говоритъ: «старшій князь имѣлъ право судить и наказывать младшихъ», и приводитъ свидѣтельства лѣтописей: 1-е (т. II, стр. 41): «А ты меня старѣй, а ты мя съ нимъ и суди». Это говорилъ Изяславу Мстиславичу Ростиславъ Юрьевичъ, который, не получивъ волости отъ отца, бѣжалъ къ Изяславу въ Кіевъ; 2-е, «Мстиславъ Володимиричь поточи Полотьстіи князи.... зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть въ Русскую землю въ помощь» (т. II, стр. 12 и 15); и 3-е, «Святополку, какъ старшему въ родѣ, поручено было отъ родичей наказать Давыда Игоревича». (т. I, стр. 112). Но всѣ сіи свидѣтельства нисколько не подтверждаютъ мнѣнія г. Соловьева. Ибо, хотя Ростиславъ Юрьевичъ точно говорилъ Изяславу: «ты меня старѣй, а ты мя съ нимъ и суди», но въ словахъ сихъ заключается не мнимый законъ о правѣ старѣйшины въ княжескомъ родѣ, а личное убѣжденіе Ростислава, который, бѣжавши отъ отца къ его врагу Изяславу, самовольно назвалъ отцова врага своимъ отцомъ и старшимъ, чтобы воспользоваться его покровительствомъ. А Мстиславъ Владимировичъ отправилъ полоцкихъ князей въ ссылку, не какъ старшій въ родѣ, (ибо полоцкіе князья не принадлежали къ Ярославову роду), а какъ государь Русской земли, и наказывалъ ихъ не за то, что они не слушались его какъ старшаго, а за то, что они преступили крестное цѣлованіе, и болѣе радѣли о пользѣ половецкаго хана; лѣтопись прямо говоритъ: «Поточи Полотьстіи князѣ, еже преступиша хрестьное цѣлованіе, и зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть въ Русскую землю въ помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье»,—т. е., не слушали его тогда именно, когда онъ ихъ звалъ въ помощь Русской землѣ. Святополкъ же наказывалъ Давыда Игоревича не по своей волѣ, а по приговору другихъ князей, слѣдовательно, вовсе не какъ старшій въ родѣ, а какъ исполнитель чужаго суда, въ которомъ и самъ былъ не больше, какъ подсудимый. Въ лѣтописи здѣсь именно сказано, что В. К. Святополкъ одинъ безъ приговора всѣхъ князей, даже и не могъ судить удѣльнаго князя; ибо князья говорили ему: «чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на-нь, обличилъ бы и предъ нами, и управъ бы и, створилъ ему» (т. I, стр. 111). Въ сихъ словахъ лѣтописи мы видимъ прямое свидѣтельство, что по тогдашнему закону между

Digitized by Google

князьями судъ надъ удѣльнымъ княземъ принадлежалъ не великому князю, а общему приговору всѣхъ князей: «*обличилъ бы и предъ нами*».

Продолжая отыскивать мнимыя обязанности великихъ или старшихъ князей къ удѣльнымъ или младшимъ, г Соловьевъ наконецъ говоритъ: «старшій князь раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ дочерей княжескихъ замужъ», и приводитъ свидѣтельство лѣтописи: «Всеволодъ (Ольговичъ) отда двѣ Всеволодковиѣ Володимери внуцѣ, едину за Володимира за Давыдовича, а другу за Ярославича за Дюрдя» (т. II, стр. 20); но въ этомъ свидѣтельствѣ мы видимъ только примѣръ Всеволода Ольговича, а отнюдь не общій законъ для великаго или старшаго князя; и притомъ здѣсь говорится только о выдачѣ замужъ сиротъ дочерей княжескихъ, а о раздачѣ волостей нѣтъ и помину. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что раздача волостей между потомками Ярослава преимущественно производилась по договорамъ между князьями, или по наслѣдству. Въ 1097 году русскія волости были раздѣлены по договору всѣхъ князей на Любечскомъ съѣздѣ (1). Въ 1102 году Святополкъ отдавалъ Новгородъ своему сыну по договору съ Мономахомъ (2). Въ 1113 году Мономахъ посадилъ своихъ сыновей Святослава въ Переяславлѣ, а Вячеслава въ Смоленскѣ (3); но онъ здѣсь раздавалъ волости не какъ великій князь младшимъ князьямъ, а какъ отецъ дѣтямъ, и притомъ волости принадлежали ему какъ отчина, которою онъ владѣлъ по наслѣдству отъ отца, еще не бывши великимъ княземъ. Въ 1123 году, по смерти Давыда Святославича Черниговскаго, занялъ Черниговъ братъ его Ярославъ, по наслѣдству, а не по волѣ Мономаха, бывшаго тогда великимъ княземъ (4). По смерти Мономаха, когда великимъ княземъ сдѣлался сынъ его Мстиславъ, бывшій прежде въ Переяславлѣ, то другой сынъ его Ярополкъ занялъ Переяславль вовсе не по Мстиславовой дачѣ; ибо въ лѣтописи сказано: «Сѣде Кыевѣ Мстиславъ, а Ярополкъ братъ его иде Переяславлю» (5). По смерти Мстислава, Ярополкъ, сдѣлавшись кіевскимъ княземъ, отдалъ Переяславль Мстиславову сыну Всеволоду, но отнюдь не по обязанности великаго князя, а по договору съ Мстиславомъ: «Якоже ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ», какъ прямо сказано въ лѣтописи (6). Въ 1142 году Всеволодъ Ольговичъ, сдѣлавшись великимъ княземъ кіевскимъ, раздавалъ волости, но не по обязанности старшаго князя, а по договорамъ съ князьями, какъ и сказано въ лѣтописи: «И уладився о вѣлость, и да Берестій, Дрогичинъ и Вщижъ» (7). Въ 1149 году

(1) Пол. соб. Русск. Лѣт. Т. I, стр. 109. (2) Ibid. стр. 117. (3) Т. II. Руск. Лѣт. стр. 4. (4) Ibid. стр. 9. (5) Т. I. Русск. Лѣт. стр. 129. (6) Ibid. 132. (7) Т. II, стр. 19.

Digitized by Google

Юрій Долгорукій, сдѣлавшись великимъ княземъ кіевскимъ, посадилъ своихъ сыновей: Ростислава въ Переяславлѣ, Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Бѣлгородѣ, Глѣба въ Каневѣ, и Василька въ Суздалѣ (1). Но онъ раздавалъ сіи города не какъ великій князь по обязанности къ удѣльнымъ князьямъ, а какъ отецъ дѣтямъ, желая удержать всѣ сіи города за собою. А въ 1195 году старѣйшій князь Всеволодъ Юрьевичъ не токмо не раздаетъ волостей, но даже самъ требуетъ у младшихъ, и говоритъ Рюрику Ростиславичу: «вы есте нарекли мя во всемъ своемъ племени во Володимерѣ старѣйшаго; а нынѣ сѣлъ еси въ Кіевѣ, а мнѣ еси части не учинилъ въ Русской землѣ, но роздалъ еси инѣмъ моложьшимъ братьи своей» (2).

Такимъ образомъ, всѣ мнимыя обязанности старшихъ князей въ отношеніи къ младшимъ, придуманныя г. Соловьевымъ, по свидѣтельству лѣтописей не существовали на Руси. Теперь обратимся къ обязанностямъ младшихъ князей. Соловьевъ говоритъ: «младшіе князья обязаны были оказывать старшему глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ въ правду, являться по первому зову, выступать въ походъ, когда велитъ. Для обозначенія отношеній младшихъ князей къ старшему употреблялись слѣдующія выраженія: младшій ѣздилъ подлѣ стремени старшаго, имѣлъ его господиномъ, былъ въ его воли, смотрѣлъ на него». Разберемъ каждую изъ сихъ обязанностей порознь, засвидѣтельствованы ли онѣ лѣтописями, и свидѣтельствуютъ ли о родовыхъ отношеніяхъ князей. Относительно первой обязанности *оказывать старшему уваженіе*, мы дѣйствительно находимъ свидѣтельство лѣтописи; подъ 1159 годомъ Ростиславъ говоритъ князьямъ, приглашавшимъ его на кіевскій престолъ: «оже мя въ правду зовете съ любовію, то я всяко иду Кіеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцомъ себѣ въ правду и въ моемъ вы послушаньи ходити» (3). Но то же самое завѣщаваетъ и В. К. Иванъ Васильевичъ своимъ младшимъ сыновьямъ: «А вы дѣти мои дръжыте моего сына Василья, а своего брата старѣйшаго, въ мое мѣсто своего отца, и слушайте его во всемъ». А В. К. Иванъ Васильевичъ, по признанію самого г. Соловьева, былъ Государь и заботился о государственныхъ отношеніяхъ, а не о родовыхъ; слѣдовательно и въ словахъ Ростислава заключаются не родовыя, а государственныя владѣльческія отношенія князей. Вторая обязанность: *являться по первому зову*, также засвидѣтельствована лѣтописью; такъ Мономахъ, покоривши Святополкова сына Ярослава: «веля ему къ себѣ приходити, когда 'тя позову» (4). Но это явно приказъ

(1) Т. II. лѣт. стр. 45. (2) Ibid. 144. (3) Ibid. 85. (4) Ibid. 8.

Digitized by Google

побѣдителя побѣжденному а не старшаго родича младшему; такъ и Римляне писали условія съ побѣжденными народами, которыхъ принимали въ число союзниковъ. Наконецъ, третья обязанность: *выступать въ походъ, когда велитъ*, также засвидѣтельствована лѣтописью, и также указываетъ не на отношенія младшаго родича къ старшему, а подчиненнаго къ начальнику; и великій князь Иванъ Васильевичъ не разъ сбиралъ князей на Новгородъ, и въ другіе походы, и князья исполняли его повелѣнія; а Иванъ Васильевичъ и по мнѣнію г. Соловьева былъ уже государь, а не старшій родичь.

Далѣе г. Соловьевъ говоритъ: «Всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственною любовію съ обѣихъ сторонъ, родственною любовію между четвероюдными напримѣръ (!): но какъ скоро это условіе изчезало, то вмѣстѣ рушилась всякая связь, всякая подчиненность, потому что никакого другаго отношенія, кромѣ родоваго, не было; младшіе слушались старшаго до тѣхъ поръ, пока имъ казалось, что онъ поступаетъ съ ними какъ отецъ; если же замѣчали противное, то вооружались» (1). Конечно, всѣ сіи заключенія и выводы авторъ почерпнулъ изъ фактовъ Русской исторіи, по крайней мѣрѣ каждый такъ долженъ предполагать; но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, поддержитъ ли Русская исторія выводы г. Соловьева, наведемъ справку по лѣтописямъ. По словамъ Соловьева, «всѣ права и обязанности князей другъ къ другу условливались родственнымъ чувствомъ, родственною любовью съ обѣихъ сторонъ». По этому, любовь только и родственное чувство подчиняли удѣльныхъ князей великому князю; но лѣтописи говорятъ совсѣмъ иное. Начнемъ разсматривать отношенія русскихъ князей другъ къ другу съ сыновей Ярослава: въ 1073 году Святославъ и Всеволодъ выгнали Изяслава изъ Кіева, очевидно не по любви и не по родственному расположенію; въ 1077 году по смерти Святослава, Изяславъ съ Ляхами пришелъ добывать Кіева, Всеволодъ вышелъ противъ него на Волынь, и заключилъ съ Изяславомъ миръ, уступя ему Кіевъ, а за собой оставя Переяславль, Черниговъ и Смоленскъ, конечно, также не по родственному расположенію, а потому, что считалъ для себя выгоднѣе безъ войны удержать за собою три богатыя области. Въ 1093 году, по смерти Всеволода, Владимиръ Мономахъ уступилъ Кіевъ Святополку Изяславичу и призналъ его великимъ княземъ также не по родственному расположенію, а не желая войны, въ которой не видѣлъ для себя выгодъ, какъ прямо сказано въ лѣтописи: «Володимеръ же нача размышляти, река: аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ

(1) Стр. 3—4.

Digitized by Google

Святополкомъ взяти. И размысливъ, посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову» (1). Въ 1097 году на Любечьскомъ съѣздѣ Святополкъ и Мономахъ признали за Ростиславичами и Святославичами занятыя ими владѣнія, также вовсе не по родственному расположенію, а единственно для отстраненія Половцевъ, которыхъ наводили на Русь и Святославичи и Ростиславичи; въ лѣтописи князья сами высказываютъ это побужденіе къ миру; они говорятъ: «почто губимъ Русскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половцы землю нашу несутъ розно» (2). Услыхавши объ ослѣпленіи Василька Ростиславича, Мономахъ и Святославичи вооружаются на Святополка, также не изъ родственнаго расположенія къ Василько, а только для того, чтобы обезопасить самихъ себя и Русскую землю; Мономахъ прямо говоритъ Святославичамъ: «Поидѣте къ Городьцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Руской земли и въ насъ въ братьи, оже вверже въ ны ножъ; да аще сего неправимъ, то большее зло встанетъ въ насъ, и начнетъ братъ брата закалати, и погибнетъ земля Руская, и врази наши Половци пришедше возмуть землю Русьскую» (3). Въ сихъ словахъ нѣтъ и помину о родственной любви и о родственныхъ чувствахъ, а единственно одна забота о собственной безопасности, и о защитѣ государства отъ варваровъ Половцевъ. Въ 1140 году Всеволодъ Ольговичъ, занявши Кіевъ и сдѣлавшись великимъ княземъ, конечно не по родственной любви ходилъ войною на Андрея Владимировича Переяславскаго, на Вячеслава Владимировича Туровскаго и на Изяслава Мстиславича Владимирскаго; и не по родственнымъ чувствамъ также заключилъ съ ними миръ, а потому, что не успѣлъ выгнать ихъ изъ волостей, и находилъ невозможнымъ безъ нихъ удержаться въ Кіевѣ, какъ прямо сказано въ лѣтописи: «И съдумавъ оже ему безъ нихъ нелзѣ быти, и давъ имъ прошеніе ихъ и крестъ къ нимъ цѣлова» (4). Въ 1142 году Всеволодъ Ольговичъ соединился съ Мономаховыми потомками противъ своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ и старался ссорить родственниковъ, конечно также не по родственной любви, а единственно изъ того, чтобы не отдать имъ лучшей части Черниговскихъ владѣній и земли Вятичей, какъ прямо говорили его родственники: «Се въ Кіевѣ сѣдиши, а мы просимъ у тебе Черниговской и Новгородской волости, а Кіевское не хочемъ». Или въ другомъ мѣстѣ: «Любовь имѣеть съ Мстиславичи съ шурьями своими, а съ нашими ворогы, и осажался ими около, а намъ на безголовье и безмѣстье и собѣ» (5). Въ 1146 году Давыдовичи, князья черниговскіе, приняли сторону Изяслава Мстиславича

(1) Пол. лѣт. Т. I. стр. 93. (2) ibid. 109. (3) ibid. 111. (4) Соб. лѣт. Т. II. стр. 17. (5) ibid. 18—19.

Digitized by Google

Кіевскаго противъ своихъ двоюродныхъ братьевъ Ольговичей, также не по родственной любви, а для того только, чтобы удержать свои волости, и при помощи Изяслава пріобрѣсть новыя волости отъ Изяславовыхъ противниковъ Ольговичей, чего и достигли, ибо по прогнаніи Святослава Ольговича Изяславъ имъ далъ Новгородъ Сѣверскій и Путивль (1). Въ 1170 году одиннадцать князей соединились съ Андреемъ Боголюбскимъ противъ кіевскаго князя Мстислава Изяславича, конечно, также не по родственной любви къ Андрею. Не по родственной же любви и Всеволодъ Юрьевичъ былъ признанъ старѣйшимъ отъ придънѣпровскихъ Мономаховичей; припомнимъ слова его къ Рюрику Ростиславичу въ 1195 году: «Вы есте нарекли мя во своемъ племени во Володимерѣ старѣйшаго; а нынѣ сѣлъ еси въ Кіевѣ, а мнѣ еси части не учинилъ въ Руской землѣ, но роздалъ еси инѣмъ моложьшимъ братьи своей; да же мнѣ въ ней части нѣтъ, да то ты, а то Кіевъ и Руская область; а кому еси въ ней часть далъ, съ тѣмъ же ей и блюди и стрежи; а како ю съ нимъ удержишь, а то узрю же, а мнѣ ненадобѣ». Въ сихъ словахъ, конечно, никто не-отъищетъ и намековъ на родственную любовь. И такъ, факты Русской исторіи не оправдываютъ вывода, сдѣланнаго г. Соловьевымъ, что будто бы всѣ права и обязанности князей другъ къ другу условливались родственнымъ чувствомъ и родственною любовью. Послѣ этого ясно, что сей выводъ почерпнутъ г. Соловьевымъ не изъ Русской исторіи. Не изъ сей же исторіи взятъ и слѣдующій выводъ, что будто бы съ прекращеніемъ родственныхъ чувствъ и любви рушилась между князьями всякая связь и всякая подчиненность; будто бы никакого другаго отношенія, кромѣ родоваго, не было между ними. Этотъ выводъ также уже опровергнутъ вышеприведенными фактами Русской исторіи, изъ которыхъ видно, что связь между русскими князьями была чисто владѣльческая, а не родовая, что соединяли князей заботы объ обезпеченіи владѣній, и о защитѣ Русской земли. Вотъ и еще фактъ, ясно показывающій, что общая защита Русской земли связывала князей даже на перекоръ требованіямъ родства. Въ 1148 году Давыдовичи и Ольговичи, прося мира, говорили Изяславу Мстиславичу: «То есть было преже дѣдъ нашихъ и при отцахъ нашыхъ, миръ стоитъ до рати, а рать до мира; нынѣ же на насъ про то не жалуй, оже есмы устали на рать, жаль бо ны есть брата своего Игоря, а того есмы искали, абы ты пустилъ брата нашего; аже уже братъ нашь убитъ, а пошелъ къ Богови, а тамо намъ всѣмъ быти, а то Богови правити; а мы доколѣ хочемъ Русскую землю

(1) Ibid. 32. (2) Ibid. 144.

Digitized by Google

губити? а быхомъ уладили»; на что Изяславъ отвѣчалъ: «Вы еста ко мнѣ хрестъ цѣловали на томъ, оже вы брата Игоря не искати, и того еста съступила и до сыти ми пересердіе учинила еста; нынѣже всего того не поминаю Рускія дѣля земля и хрестьянъ дѣля; аже есте ко мнѣ прислалися мира дѣля.... нынѣ же цѣлуйте на томъ хрестъ, оже вы про Игоря ворожды неимѣти»; и далѣе лѣтописецъ говоритъ: «Тако на томъ цѣловаша хрестъ у святомъ Спасѣ ворожду про Игоря отложити, а Руской земли блюсти, и быти всимъ за одинъ братъ» (1). Мы бы и еще представили не одинъ десятокъ фактовъ, изъ которыхъ видно, что связью между князьями была именно Русская земля, государство, а не родовыя отношенія; но не желая утомлять читателей, прекращаемъ выписки противъ достаточно уже опровергнутыхъ положеній г. Соловьева, и обращаемся къ другимъ.

Г. Соловьевъ, желая доказать, что будто бы въ борьбѣ Андрея Боголюбскаго съ Ростиславичами въ 1174 году государственныя отношенія противополагаются родовымъ, говоритъ: «Однажды старшій князь, раздраженный непослушаніемъ младшихъ, приказалъ имъ выѣхать изъ волостей, отъ него полученныхъ; тѣ послали сказать ему: «ты насъ гонишь изъ Руской земли безъ нашей вины.... Мы до сихъ поръ чтили тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, но какъ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ за всѣми», и прибѣгаютъ къ суду Божію, т. е. къ войнѣ, къ открытому сопротивленію. Въ этихъ словахъ выразилось ясно сознаніе тѣхъ отношеній, какихъ наши древніе князья хотѣли между собою и своимъ старшимъ, потому что здѣсь они противополагаютъ эти отношенія другимъ, какихъ они не хотятъ обращайся съ нами, какъ отецъ съ дѣтьми, а не какъ верховный владѣтель съ владѣтелями подчиненными себѣ, съ подручниками;— здѣсь прямо и ясно родовыя отношенія противополагаются государственнымъ» (2). Но на дѣлѣ смыслъ словъ лѣтописи совсѣмъ не тотъ, какой хочетъ извлечь изъ нихъ г. Соловьевъ. Вотъ обстоятельства борьбы Андрея Боголюбскаго съ Ростиславичами смоленскими. Въ 1164 году Ростиславичи, недовольные Мстиславомъ Изяславичемъ, приступили къ союзу съ Андреемъ Боголюбскимъ, и помогли ему выгнать Мстислава изъ Кіева въ 1169 году, за это Боголюбскій утвердилъ за Рюрикомъ Ростиславичемъ Овручъ, за Давыдомъ Ростиславичемъ Вышгородъ, и за Мстиславомъ Ростиславичемъ Бѣлгородъ; потомъ, когда умеръ посаженный Андреемъ въ Кіевѣ братъ его Глѣбъ, то отдалъ Кіевъ старшему Рости-

(1) Ibid. стр. 38—39. (2) Разбираемая книга стр. 4.

Digitized by Google

славичу Роману. А въ 1174 году Андрей, недовольный тѣмъ, что Ростиславичи не выдали ему нѣкоторыхъ бояръ, приказалъ имъ, какъ ослушникамъ, очистить приднѣпровскіе города и удалиться въ Смоленскъ, въ Кіевъ же назначилъ своего брата Михаила, княжившаго въ Торческѣ; старшій изъ Ростиславичей дѣйствительно удалился въ Смоленскъ, а остальные трое братьевъ захватили Кіевъ и отдали его Рюрику. Андрей, раздраженный такимъ поступкомъ, снова прислалъ имъ приказъ оставить Приднѣпровье. И тогда-то они отвѣчали ему: «Мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви; аже еси съ сякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ». Но изъ приведенныхъ обстоятельствъ дѣла видно, что не любовь соединила Ростиславичей съ Боголюбскимъ, а неудовольствіе на Мстислава Изяславича и желаніе выгнать его изъ Кіева, и что Ростиславичи держали себя въ отношеніи къ Боголюбскому не какъ дѣти къ отцу, но какъ владѣльцы самостоятельные къ владѣльцу, имъ покровительствующему по взаимному договору; о чемъ они сами свидѣтельствуютъ, говоря Боголюбскому: «Брате! въ правду тя нарѣкли есмы отцемъ собѣ, и крестъ есмы цѣловали къ тобѣ, и стоимъ въ крестномъ цѣлованьи, хотячи добра тобѣ; а се нынѣ намъ путь кажеши изъ Рускіе земли безъ нашея вины». Въ словахъ: «а ты намъ путь кажеши безъ нашея вины», ясно слышенъ голосъ не дѣтей къ отцу, а владѣльцевъ, которые требуютъ суда съ владѣльцемъ, состоящимъ съ ними въ союзѣ. А въ требованіи Боголюбскаго, чтобы Ростиславичи вышли изъ Приднѣпровья, нѣтъ и намеку на какія-нибудь новины, на перемѣну въ междукняжескихъ отношеніяхъ; задолго еще до Боголюбскаго Ярославовы внуки подобное требованіе посылали къ другимъ Ростиславичамъ галицкимъ въ 1100 году (1); а Мономахъ въ 1117 году вывелъ Глѣба изъ Минска, а Ярослава Святополчича лишилъ княжества Волынскаго; (2) въ 1130 году Мстиславъ Владимировичъ отправилъ въ заточеніе князей полоцкихъ (3); въ 1140 году Всеволодъ Ольговичъ требовалъ, чтобы Изяславъ Мстиславичъ оставилъ Владиміръ Волынскій, и чтобы Андрей Владимировичъ вышелъ изъ Переяславля и Вячеславъ изъ Турова (4). Слѣдовательно, требованіе Боголюбскаго было одинаково съ требованіями его предшественниковъ. Наконецъ, въ словахъ Ростиславичей: «оже еси съ сякими рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку», вовсе нѣтъ противоположенія родовыхъ отношеній государственнымъ. Слова сіи вовсе не

(1) Пол. собр. лѣт. Т. I. стр. 116. (2) Т. II. стр. 8. (3) Ibid. 13. (4) Ibid. 16.

Digitized by Google

значатъ: «обращайся съ нами какъ отецъ съ дѣтьми, а не какъ верховный владѣтель съ владѣтелями подчиненными себѣ, съ подручниками». Ростиславичи здѣсь говорятъ: обращайся съ нами какъ съ князьями, а не какъ съ подручниками и простыми людьми. Ибо извѣстно, что слово *князь* въ то время на Руси означало владѣльца, государя; *подручникъ* же означалъ не подчиненнаго владѣтеля, а простаго подданнаго, находящагося въ чьей либо власти; сами Ростиславичи называютъ подручникомъ не князя, а простаго подданнаго: «не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку»; и въ договорѣ Олега съ Греками въ 911 году подручниками названы подданные, а не подчиненные князья; тамъ послы Олеговы говорятъ: «послани отъ Олга, великаго князя Русскаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ» (1), или: «да храните любовь къ всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего», (2) или тамъ же: «и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его (Олега) сущихъ Руси», т. е. посланы отъ князя Олега и отъ подвластныхъ ему бояръ; храните любовь ко всѣмъ подданнымъ нашего князя; отъ всей Руси, подвластной Олегу.

Г. Соловьевъ, продолжая сколько-нибудь подводить къ фактамъ Русской исторіи придуманныя имъ родовыя отношенія князей, наконецъ впадаетъ въ противорѣчіе и своей теоріи и самымъ фактамъ. Такъ онъ говоритъ: «Старшій раздавалъ волости младшимъ; когда онъ былъ дѣйствительно отецъ, то распоряжался этою раздачею по произволу, распоряжался при жизни, завѣщавалъ, чтобъ и по смерти его было такъ, а не иначе; но когда старшій былъ отецъ только названный, то онъ не могъ распоряжаться по произволу, потому что при малѣйшей обидѣ младшій считалъ себя въ правѣ вооруженною рукою доставать себѣ должное; вообще, старшій не предпринималъ ничего безъ совѣта съ младшими, покрайней мѣрѣ съ ближайшими къ себѣ по старшинству; этимъ объясняются множественныя формы въ лѣтописи: *посадили*, *выгнали* и проч., которыми обозначаются распоряженія цѣлаго рода; обыкновенно старшій князь, по занятіи главнаго стола, дѣлалъ рядъ съ младшею братьею касательно разпредѣленія волостей» (стр. 5). По лѣтописямъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ случаи, гдѣ великій князь раздавалъ своимъ сыновьямъ волости по произволу и при жизни, и завѣщавалъ по смерти сохранять его распоряженія; такъ Мономахъ въ 1114 году посадилъ одного своего сына Святослава въ Переяславлѣ, а другаго, Вячеслава, въ Смоленскѣ, потомъ въ томъ же году перевелъ въ Переяславль третьяго

(1) Пол. соб. Руск. Лѣт. Т. I, стр. 11. (2) Ibid. стр. 14.

Digitized by Google

сына, Ярополка, а въ 1118 году Андрея посадилъ во Владимирѣ Волынскомъ, недавно отнятомъ у Ярослава Святополковича, и меньшему сыну Юрію еще прежде отдалъ землю Суздальскую. Въ Лаврентіевской лѣтописи есть даже упоминаніе, что Мономахъ отдалъ Переяславль исключительно Ярополку и Мстиславу съ ихъ потомствомъ; тамъ сказано, что Ярополкъ по смерти Мстислава перевелъ Мстиславова сына, Всеволода, изъ Новгорода въ Переяславль, « по хрестьному цѣлованью, акоже ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по отню повелѣнью, акоже бяше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ » (1). Но всѣ сіи распоряженія относились собственно къ наслѣдственнымъ владѣніямъ Мономаха, или къ тѣмъ, которыя онъ добылъ оружіемъ; такъ Переяславль и землю Суздальскую онъ получилъ по наслѣдству отъ своего отца Всеволода, который самъ въ свою очередь получилъ ихъ также по наслѣдству отъ своего отца Ярослав; Смоленскъ Мономахомъ также полученъ по наслѣдству отъ отца, который придобылъ себѣ эту область во время смуты Изяслава съ Святославомъ; Владиміръ Волынскій Мономахъ самъ добылъ оружіемъ, отнявши его у Ярослава Святополчича. То же сдѣлалъ, кажется, Мстиславъ Владимировичъ, отдавши завоеванный Полоцкъ сыну своему Изяславу, а наслѣдственный Смоленскъ—Ростиславу. Но въ наслѣдственныхъ волостяхъ свободно распоряжались не одни отцы, какъ то утверждаетъ г. Соловьевъ, а и братья и дяди: такъ въ 1133 году Ярополкъ Владимировичъ вывелъ своего брата Юрія изъ Переяславля, и перевелъ туда изъ Полоцка племянника Изяслава Мстиславича; потомъ, въ 1135 году промѣнялъ Переяславль Юрію на часть ростовскихъ и суздальскихъ владѣній. Слѣдовательно, вымышленный г. Соловьевымъ порядокъ, по которому будто-бы одни отцы безпрекословно распоряжались раздачею волостей, на Руси не существовалъ, а былъ порядокъ свободнаго распоряженія въ наслѣдственныхъ или завоеванныхъ областяхъ. И такъ, г. Соловьевъ здѣсь противорѣчитъ фактамъ Русской исторіи. А далѣе, говоря, что старшій ничего не предпринималъ безъ совѣта съ младшими, и что по занятіи главнаго стола, дѣлалъ рядъ съ младшими относительно распредѣленія волостей, онъ противорѣчитъ самому себѣ, противорѣчитъ своей теоріи; ибо прежде, двѣ страницы назадъ, онъ говоритъ, что всѣ права и обязанности между князьями условливались родственнымъ чувствомъ, родственною любовію обѣихъ сторонъ; а здѣсь говоритъ, что старшій дѣлалъ рядъ съ младшими, вступалъ съ ними въ договоръ, слѣдовательно, условливались взаимныя отношенія договоромъ, а не родственнымъ чувствомъ; слѣдовательно, здѣсь уже дѣйствовали не ро-

(1) Ibid. стр. 132.

Digitized by Google

довыя отношенія, а отношенія владѣльческія, государственныя; князья даже опредѣляли извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться въ своемъ поведеніи, какъ говоритъ самъ же г. Соловьевъ, и даже приводитъ свидѣтельство лѣтописи, гдѣ одинъ князь говоритъ другому: «рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинитъ, то въ волость, а мужъ у голову.' А Давыдъ виноватъ» (1). Вина же Давыда, какъ видно изъ обстоятельствъ дѣла, состояла въ томъ, что онъ въ 1177 г. по распрѣ не пришелъ на помощь къ другимъ князьямъ, на которыхъ напали Половцы, и тѣмъ допустилъ Половцевъ разбить князей и ограбить нѣсколько городовъ; слѣдовательно, здѣсь является новое доказательство, что правила, которыхъ держались князья въ отношеніи другъ къ другу, основывались не на родовыхъ началахъ, а на государственныхъ, и конечною цѣлію своею имѣли безопасность владѣній, защиту Русской земли, и за несоблюденіе сихъ правилъ наказывались даже сами великіе князья: такъ, когда кіевскій князь Романъ Ростиславичъ не наказалъ Давыда за сдѣланный имъ проступокъ въ Половецкой войнѣ; то Святославъ черниговскій съ другими князьями вооружился противъ него и выгналъ его изъ Кіева.

Разсказавши о правахъ и обязанностяхъ князей, будто бы основанныхъ на мнимыхъ родовыхъ отношеніяхъ князей другъ къ другу, г. Соловьевъ переходитъ къ раскрытію того, какъ поддерживалось единство княжескаго рода. По его словамъ, это единство «поддерживалось тѣмъ, что каждый членъ княжескаго рода въ свою очередь надѣялся достигнуть старшинства и соединеннаго съ старшинствомъ владѣнія главнымъ столомъ кіевскимъ». Но надежда на достиженіе старшинства и на полученіе будто бы связаннаго съ нимъ владѣнія главнымъ столомъ кіевскимъ, была явно невозможна для большей части князей, слѣдовательно и не могла поддерживать единства въ княжескомъ родѣ. На самомъ же дѣлѣ и по свидѣтельству лѣтописей единство княжескаго рода поддерживалось правомъ всѣхъ княжескихъ потомковъ на владѣніе какою-либо долею Русской земли и исключеніемъ изъ этого права всѣхъ непринадлежащихъ къ потомству Равноапостольнаго Владимира; ибо мы во всей древней Русской исторіи не видимъ ни одного примѣра, гдѣ бы допускался быть государемъ въ Русской землѣ кто-либо непринадлежащій къ роду русскихъ князей; а напротивъ встрѣчаемъ примѣры, что князья вооружились на того, который, не принадлежа къ княжескому роду, временно захватилъ княжескую власть въ одной русской области. Такъ, когда въ 1210 году боярин Володиславъ за-

(1) Пол. соб. лѣт. Т. II, стр. 119.

Digitized by Google

нялъ Галичъ и вокняжился тамъ, то на него немедленно вооружились не только русскіе князья, но и короли венгерскій и польскій, и говорили: «*не есть лѣпо боярину княжити въ Галичи*». Лѣтописецъ объ этомъ боярнѣ, схваченномъ въ самомъ Галичѣ, и погибшемъ въ заточеніи, говоритъ: «нашедъ зло племени своему и дѣтемъ своимъ княженія дѣля; ибо вси князи не призряху дѣтій его того ради» (1).

Потомъ г. Соловьевъ раскрываетъ, на чемъ основывалось старшинство, и говоритъ: «Основаніемъ старшинства было старшинство физическое, причемъ дядя имѣлъ преимущество передъ племянниками, старшій братъ передъ младшими, тесть передъ зятемъ, мужъ старшей сестры передъ младшими шурьями, старшій шуринъ передъ младшими зятьями». Со всѣмъ симъ можно согласиться: въ каждомъ родствѣ, въ княжескомъ ли или въ другомъ какомъ, этотъ порядокъ старшинства болѣе или менѣе одинаковъ; но этотъ порядокъ относится къ князьямъ какъ родственникамъ, а не какъ къ государямъ, владѣтелямъ; князья, какъ государи, имѣли другія отношенія, и старшинство здѣсь признавалось правомъ на то или другое владѣніе весьма рѣдко и только при пособіи другихъ благопріятствующихъ условій. Мы здѣсь не имѣемъ нужды представлять фактовъ изъ лѣтописей, ибо они уже представлены нами прежде въ 14 книгѣ Москвитянина 1851 года и въ 11 книгѣ нынѣшняго года (2); и потому желающіе могутъ обратиться къ указаннымъ книгамъ.

Далѣе г. Соловьевъ, раскрывая, какимъ образомъ и на какомъ основаніи иногда цѣлыя племена (линіи) князей исключались изъ родоваго старѣйшинства, говоритъ: «Случись, что князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на степени внуковъ, несовершеннолѣтнихъ, для нихъ прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда понятно, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода; такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству; они говорили: какъ прадѣды наши лѣствицею восходили на великое княженіе Кіевское, такъ и намъ должно достигать его лѣствичнымъ восхожденіемъ. Но когда въ этой лѣствицѣ вынималась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ, такіе исключенные изъ старшинства князья считались въ числѣ изгоевъ». Такъ какъ въ древней Руси князья при владѣніи тѣми или другими удѣлами всего менѣе обращали вниманіе на старшинство, а получали владѣнія по другимъ отношеніямъ и условіямъ, то посему и не было нужды въ исключеніи изъ старшинства, и та-

(1) Пол. соб. лѣт. Т. II. стр. 160. (2) Въ рецензіи о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ Славянъ, и въ рецензіи на публичныя лекціи г. Соловьева.

Digitized by Google

коваго исключенія на самомъ дѣлѣ по свидѣтельству лѣтописей никогда не бывало на Руси, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что г. Соловьевъ не представилъ ни одного лѣтописнаго свидѣтельства, ни даже косвеннаго, о таковомъ исключеніи, и всѣ свои выводы построилъ на одномъ произвольномъ толкованіи слова *изгой;* а посему и на рецензентѣ лежитъ обязанность разсмотрѣть толкованіе этого слова. Г. Соловьевъ основалъ свое толкованіе на уставѣ В. К. Всеволода, въ которомъ сказано: «Изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣеть, холопъ изъ холопства выкупиться, купецъ одолжаеть, а се четвертое изгойство, и себе приложимъ, аще князь осиротѣетъ». Но ежели принимать выраженіе Всеволодова устава: «*Аще князь осиротѣетъ*», въ смыслѣ: *у котораго князя умретъ отецъ*, то значитъ допускать, что всѣхъ князей въ древнее время на Руси называли *изгоями*, ибо естественно, что у всѣхъ князей умирали отцы, и слѣдовательно, всѣ князья рано или поздно дѣлались сиротами; прибавлять же произвольно: какъ то дѣлаетъ г. Соловьевъ: *только тѣ князья, у которыхъ умерли отцы при жизни дѣдовъ*, значитъ пересочинять Всеволодовъ уставъ, навязывать ему то, о чемъ онъ вовсе не говоритъ; ибо *осиротѣть*, ни въ одномъ древнемъ памятникѣ, ни въ современномъ намъ языкѣ, не значитъ — *лишиться отца при жизни дѣда*. Слѣдовательно, для настоящаго вѣрнаго перевода Всеволодова устава нужно пріискать другое значеніе слову *осиротѣть*, и оно встрѣчается въ древнихъ памятникахъ и значитъ *лишиться состоянія, обѣднять, сдѣлаться нищимъ;* такъ въ древнихъ челобитныхъ простолюдины писали къ государю: «А мы сироты твои государевы посадцкіе и уѣздные всякихъ чиновъ люди» (1). Въ древнемъ и новомъ языкѣ, прилагательное *сирый* значитъ бѣдный, неимущій состоянія. Да и теперь еще въ нѣкоторыхъ уѣздахъ *сирота* значитъ *нищій* (2). Посему выраженіе устава: «аще князь осиротѣетъ», будетъ значить: *ежели князь лишится владѣній;* что совершенно согласно съ Всеволодовымъ уставомъ; ибо, дѣйствительно, князь, лишившійся владѣній, перестаетъ быть княземъ и дѣлается изгоемъ, потому что быть княземъ владѣльцемъ безъ владѣнія невозможно, какъ нельзя быть попомъ не зная грамотѣ, купцомъ безъ денегъ, холопомъ не состоя въ холопствѣ. И такъ, съ отъисканіемъ настоящаго древняго значенія слова—*осиротѣть*, вся теорія исключенія князей изъ старшинства исчезаетъ сама собою, не оставляя никакого слѣда въ Русской исторіи, и свидѣтельствуя собою развѣ только то, что она выдумана г. Соловьевымъ для объясненія тѣхъ многочисленныхъ фактовъ Русской исторіи, которые никакъ не объясняются ни родовымъ старѣйшинствомъ, ни родовыми отношеніями князей.

(1) Времен. кн. 4. отдѣл. III. стр. 32. (2) Опытъ областнаго словаря, стр. 203.

Digitized by Google

Разсказавши о томъ, какъ поддерживалось единство въ княжѣскомъ родѣ, г. Соловьевъ говоритъ, что старшій Кіевскій столъ находился въ общемъ родовомъ владѣніи; потомъ задаетъ вопросъ: «но другія волости оставались ли постоянно въ наслѣдственномъ владѣніи извѣстныхъ племенъ княжескихъ, или, соотвѣтствуя различнымъ степенямъ старшинства, переходили къ князьямъ различныхъ племенъ при ихъ движеніи къ старшинству лѣствичнымъ восхожденіемъ?» И чтобы рѣшить этотъ вопросъ въ пользу движенія князей изъ одной волости въ другую, приступаетъ къ дѣлу такъ: «Для рѣшенія этого вопроса, говоритъ онъ посмотримъ, какъ поступали князья въ началѣ, когда различныя случайныя обстоятельства не нарушили еще чистоты ихъ отношеній. Когда умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наслѣдство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знакъ отсутствія наслѣдственности волостей, и движенія князей изъ одной волости въ другую по старшинству лѣствичнымъ восхожденіемъ; потомъ, когда Святославъ Ярославичъ по изгнаніи брата получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ Кіевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ». Здѣсь прежде всего у каждаго раждается вопросъ: почему г. Соловьевъ представилъ только два примѣра, и мы на это отвѣчаемъ, что онъ поступилъ такъ по самой простой причинѣ, именно потому, что всѣ остальные факты Русской исторіи противорѣчатъ его теоріи, отвергаютъ лѣствичное движеніе князей изъ одной волости въ другую, (какъ это доказано въ нашей рецензіи на публичныя лекціи г. Соловьева всѣми фактами на пространствѣ 120 лѣтъ); но что всего замѣчательнѣе, что и настоящіе два примѣра не поддерживаютъ теоріи движенія князей; ибо, во-первыхъ, ежели бы Игорь былъ переведенъ изъ Владимира въ Смоленскъ на основаніи сей теоріи, то на мѣсто Игоря переведенъ бы былъ во Владимиръ кто-нибудь младшій, и на мѣсто младшаго посаженъ Вячеславовъ сынъ, Борисъ; но по лѣтописямъ дѣло было совсѣмъ не такъ: былъ ли кто переведенъ во Владимиръ Волынскій по переводѣ Игоря въ Смоленскъ, ни одна лѣтопись не упоминаетъ, Борисъ же Вячеславичъ былъ оставленъ безъ области, слѣдовательно, здѣсь былъ разсчетъ занять Вячеславово владѣніе, и оставить его сына не при чемъ, а не теорія движеній изъ одной волости въ другую. Тоже мы видимъ и во второмъ примѣрѣ; г. Соловьевъ говоритъ, что когда Святославъ Ярославичъ занялъ Кіевъ, то Всеволодъ перешелъ изъ Переяславля въ Черниговъ. Но въ лѣтописяхъ нѣтъ и помину

Digitized by Google

объ этомъ переходѣ, а напротивъ, есть свидѣтельство, что Святославъ даже былъ погребенъ въ Черниговѣ, и Всеволодъ является княземъ черниговскимъ уже по смерти Святослава и по занятіи Кіева Изяславомъ. Слѣдовательно, Черниговъ оставался за Святославомъ и тогда, когда онъ владѣлъ Кіевомъ, занялъ же Всеволодъ Черниговъ уже по смерти Святослава, чрезъ договоръ съ Изяславомъ, которому онъ уступилъ Кіевъ съ достоинствомъ великаго князя, и тѣмъ болѣе мы должны съ симъ согласиться, что Переяславль и Смоленскъ не переходили изъ владѣній Всеволодовыхъ, и навсегда остались въ его потомствѣ, и дѣти Святослава не разъ приводили Половцевъ за тѣмъ, чтобы отнять Черниговъ у Всеволода. Такимъ образомъ, и здѣсь не было движенія князей изъ одной волости въ другую лѣствичнымъ восхожденіемъ, а было только присоединеніе одной волости къ другой, усиленіе владѣній того или другаго князя. И такъ, теорія движенія лѣствичнымъ восхожденіемъ не существовала между русскими князьями даже по примѣрамъ, представленнымъ у г. Соловьева. Не было равнымъ образомъ и особыхъ изгойскихъ княжествъ, въ которыя г. Соловьевъ окрестилъ области: Полоцкую, Галицкую, Рязанскую, Туровскую и даже почти Черниговскую; ибо послѣ приведеннаго выше объясненія, что такое значилъ князь изгой, ясно для всякаго, что у князей изгоевъ не могло быть княжествъ, когда они потому именно и назывались изгоями, что не имѣли владѣній. А напротивъ, всѣ русскія княжества, за исключеніемъ Кіевскаго, составляли отчинныя владѣнія той или другой княжеской вѣтви потомковъ Владимира Святаго, да и самое Кіевское княжество Мономаховичи постоянно старались обратить въ свою отчину, хотя и не могли успѣть въ этомъ окончательно, частію по ссорамъ въ самомъ племени Мономаховомъ, и частію по притязаніямъ Ольговичей.

Здѣсь мы назвали русскія княжества отчинными владѣніями разныхъ вѣтвей княжескаго рода, именно потому, что они не рѣдко носятъ это названіе въ самыхъ лѣтописяхъ. Самъ г. Соловьевъ сознается въ этомъ, и чтобы поддержать свою теорію о небываломъ нераздѣльномъ родовомъ владѣніи князей на Руси, старается объяснить слово *отчина* по своему замышленію. Онъ говоритъ: «Мы встрѣчаемъ въ лѣтописи слово *отчина*: князья, неисключенные изъ старшинства, употребляютъ это слово для означенія отдѣльныхъ волостей; въ какомъ же смыслѣ они употребляютъ его? Въ настоящемъ ли его смыслѣ, какъ наслѣдственнаго владѣнія, или въ другомъ какомъ-либо? Въ 1097 году князья, внуки Ярославовы, собрались вмѣстѣ и рѣшили, чтобъ каждый изъ нихъ держалъ свою отчину: Святополкъ волость отца своего Изяслава—Кіевъ, Владимиръ Мономахъ отцовскую во-

Digitized by Google

лость—Переяславль, Святославичи—Черниговъ; но мы никакъ не поймемъ этого распоряженія, если станемъ принимать слово *отчина* въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія для одной линіи, потому что Кіевъ былъ столько же отчиною Святополка, сколько и отчиною всѣхъ остальныхъ князей: и Всеволодъ и Святославъ княжили въ немъ; но если здѣсь Кіевъ называется отчиною Святополка не въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія исключительно для него и для потомства его, то не имѣемъ никакого права и Переяславль и Черниговъ считать отчинами Мономаха и Святославичей въ другомъ смыслѣ. Еще примѣръ на восточной сторонѣ Днѣпра: въ 1151 году Ольговичи—дядя, Слятославъ Ольговичъ, и племянникъ, Святославъ Всеволодовичъ, говорятъ Изяславу Давыдовичу: «у насъ двѣ отчины, одна моего отца, Олега, а другая твоего отца, Давыда, ты братъ, Давыдовичъ, а я Ольговичъ, такъ ты, братъ, возьми отца своего Давыдово, а что Ольгово, то намъ дай, мы тѣмъ и подѣлимся». Вслѣдствіе чего Давыдовичъ остался въ Черниговѣ, а Ольговичамъ отдалъ Сѣверскую область. Но для Святослава Всеволодовича Черниговъ былъ точно также отчиною, какъ и для Давыдовича, потому что отецъ его Всеволодъ Ольговичъ княжилъ въ Черниговѣ, и когда Давыдовичъ получилъ Кіевъ, то Черниговъ, отчину свою, уступилъ Святославу Ольговичу. И такъ, что же такое разумѣлось подъ отчиной? Отчиною для князя была та волость, которою владѣлъ отецъ его и владѣть которою онъ имѣетъ право, если на родовой лѣствицѣ занимаетъ ту же степень, какую занималъ отецъ его, владѣя означенною волостью, потому что владѣніе волостями условливалось степенью на родовой лѣствицѣ, родовыми счетами». Мы здѣсь слово въ слово выписали толкованія автора, имѣя въ виду показать рѣзкій обращикъ того, до чего можетъ увлечь писателя напередъ составленная теорія, почерпнутая не изъ самой исторіи, а заимствованная со стороны, и какъ авторъ, увлеченный такою теоріею, можетъ запутать самый простой историческій вопросъ. Оба примѣра, представленные здѣсь г. Соловьевымъ, объясняются очень просто и естественно изъ самыхъ событій того времени. Такъ въ 1097 году внуки Ярославовы, утомленные междоусобными войнами, происшедшими вслѣдствіе нарушенія вотчинныхъ правъ ихъ отцами, сошлись въ Любечѣ и порѣшили возстановить сіи права въ томъ видѣ, въ какомъ они были по завѣщанію Ярослава, т. е., чтобы Святополкъ владѣлъ отчиною отца своего Изяслава, Кіевомъ, Мономахъ—отчиною Всеволода, Святославичи—отчиною отца своего Святослава, именно тѣми владѣніями, которыя отцы ихъ получили отъ Ярослава; слѣдовательно, при такомъ рѣшеніи, въ которомъ основою, закономъ, было положено завѣщаніе

Digitized by Google

Ярослава, устранялся всякій юридическій вопросъ о томъ, что Кіевомъ владѣли и Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, ибо по Ярославову завѣщанію законнымъ отчинникомъ Кіева былъ одинъ Изяславъ. Такимъ образомъ и по свидѣтельству настоящаго примѣра, представленнаго г. Соловьевымъ, отчина есть наслѣдственное владѣніе, полученное отъ отца и дѣда. Во второмъ примѣрѣ вопросъ о вотчинахъ разрѣшается такъ же естественно историческими фактами; здѣсь основаніемъ права на владѣніе поставленъ упомянутый уже Любечскій съѣздъ князей въ 1097 году; на этомъ съѣздѣ, какъ уже сказано, за Святославичами утверждена отчина отца ихъ Святослава, которую они и раздѣлили между собою такъ: Давыдъ, какъ старшій, получилъ Черниговъ; слѣдующій за Давыдомъ, Олегъ,—землю Сѣверскую и Вятичи, и наконецъ меньшій изъ братьевъ, Ярославъ,—владѣнія Муромскія и Рязанскія. Такимъ образомъ законными, установленными взаимнымъ раздѣломъ братьевъ, вотчинами сдѣлались: для Давыдовичей — Черниговъ, для Ольговичей — земля Сѣверская и Вятичи, для Ярославичей—Муромъ и Рязань. Потомъ, вслѣдствіе преобладанія Всеволода Ольговича надъ родными братьями и Давыдовичами, этотъ законный раздѣлъ измѣнился: Всеволодъ, сдѣлавшись великимъ княземъ Кіевскимъ, хотѣлъ большую часть дѣдовской отчины присвоить себѣ въ явное нарушеніе раздѣла, учиненнаго сыновьями Святослава, думая удовлетворить родныхъ и двоюродныхъ братій владѣніями на кіевской сторонѣ Днѣпра; противъ чего въ 1142 году возстали и родные и двоюродные его братья, и цѣловали между собою крестъ не соглашаться на его распоряженія; и сперва родной братъ Игорь говорилъ: «даетъ ны по городу, Берестій, Дрогичинъ, Черторыескъ и Кльчьскъ, а отчинѣ своей недасть Вятичь»; потомъ и всѣ четверо братьевъ родные и двоюродные послали сказать Всеволоду: «се въ Кіевѣ сѣдиши, а мы просимъ у тебе Черниговской и Новогородцкой (Сѣверской) волости, а Кіевское не хочемъ». Такимъ образомъ, мы здѣсь ясно видимъ, что отчинныя права Святославовы внуки отстаивали еще въ 1142 году противъ Всеволода Ольговича. Тоже повторилось и въ приводимомъ отъ г. Соловьева примѣрѣ, въ 1151 году. Давыдовичи, по смерти Всеволода Ольговича, принявши сторону Изяслава Мстиславича кіевскаго противъ Юрія Долгорукаго, усилились и захватили нѣкоторыя владѣнія Ольговичей, союзниковъ Долгорукаго; и когда въ 1151 году Юрій, разбитый подъ Кіевомъ, принужденъ былъ оставить и придѣпровье и своихъ союзниковъ Ольговичей на волю Изяслава Мстиславича; то сіи послѣдніе, оставшись безъ помощи, принуждены были прибѣгнуть къ великодушію своего противника Изяслава Давыдовича и просить полюбов-

Digitized by Google

ного законнаго раздѣла отчинъ; въ такомъ случаѣ, конечно, и та и другая сторона должна была взять за основаніе законный взаимный раздѣлъ отчинъ, учиненный сыновьями Святослава, и посему не законное насильственное занятіе Чернигова Всеволодомъ здѣсь не могло уже входить въ разсчетъ. И такъ, и второй примѣръ г. Соловьева говоритъ, что отчина есть наслѣдственное владѣніе, полученное отъ отца и дѣда. Г. Соловьевъ еще приводитъ, какъ бы въ подтвержденіе своей мысли, что «когда Изяславъ Давыдовичъ получилъ Кіевъ, то Черниговъ, отчину свою, уступилъ Святославу Ольговичу», но, увы, и этотъ фактъ, взятый такъ, какъ онъ находится въ лѣтописи, не поддерживаетъ, а въ концѣ опровергаетъ мысль г. Соловьева. Дѣйствительно, въ 1158 году Изяславъ Давыдовичъ, занявши Кіевъ, желая удержать въ союзѣ съ собою Святослава Ольговича и Святослава Всеволодича, уступилъ первому, по ихъ вооруженному требованію, Черниговъ; но уступка Чернигова далеко не была передачею отчины Давыдовичей Ольговичу,—это свидѣтельствуетъ самъ Святославъ; онъ въ 1159 году жаловался, что Изяславъ далъ ему «Черниговъ съ 7-ю городовъ пустыхъ, а въ нѣхъ сѣдятъ псарево же и Половци; а всю волость Черниговскую собою держитъ и своимъ сыновцомъ» (1). Да и эта уступка семи пустыхъ городовъ, очевидно, была только на время, и для поддержанія союза; ибо въ томъ же 1159 году Изяславъ Давыдовичъ говорилъ Святославу: «Оже ты самъ не идеши, ни сына пустиши, аже ми Богъ дасть успѣю Галичю, а ты тогда нежалуй на ми, оже се почнешь поползывати изъ Чернигова къ Новугороду» (2). Здѣсь Изяславъ Давыдовичъ ясно признаетъ отчиною Ольговичей Новгородъ Сѣверскій, Черниговъ же своимъ пожалованіемъ. И такъ, толкованіе г. Соловьева, что «отчиною для князя была та волость, которою владѣлъ отецъ его, и владѣть которою онъ имѣетъ право, если на родовой лѣствицѣ занимаетъ ту же степень, какую занималъ отецъ его, владѣя означенною волостью», нисколько не принадлежитъ къ Русской исторіи, явно противорѣчитъ всѣмъ фактамъ, представляемымъ лѣтописями, и свидѣтельствуетъ только о безотчетномъ увлеченіи г. Соловьева небывалымъ родовымъ бытомъ русскихъ князей.

Въ заключеніе первой главы г. Соловьевъ усиливается по своему разрѣшить вопросъ: въ какомъ отношеніи находились волости младшихъ князей къ старшему? И, по обычаю, думая разрѣшить его родовыми отношеніями князей, говоритъ: «Мы видѣли, что отношенія между старшими и младшими были родовыя, младшіе князья хотѣли быть названными сыновьями и нисколько не подручниками старшаго, а такое воззрѣніе должно было опредѣлить и отношенія ихъ къ по-

(1) Собр. лѣт. Т. II, стр. 84. (2) Тамъ же.

Digitized by Google

слѣднему по волостямъ: не допуская подручничества, они никакъ не-могли допустить дани, какъ самаго явственнаго знака его, не могли допустить никакого государственнаго подчиненія своихъ областей старшему въ родѣ князю; послѣдній, по этому, не могъ имѣть значенія главы государства, верховнаго владыки страны, князя всея Руси, который выдѣлялъ участки земли подчиненнымъ владѣльцамъ во временное или наслѣдственное управленіе. Волости находятся въ совершенной независимости одна отъ другой и отъ Кіева, являются отдѣльными землями, и въ тоже время составляютъ одно нераздѣльное цѣлое вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній, вслѣдствіе того, что князья считаютъ всю землю своею отчиною, нераздѣльнымъ владѣніемъ цѣлаго рода». Такъ какъ настоящее заключеніе г. Соловьева состоитъ изъ указаній на его же выводы, опровергнутые нами выше, то и намъ остается только указать на наши опроверженія его выводовъ. Мы уже доказали, что отношенія князей, какъ владѣльцевъ, были не родовыя, а владѣльческія, государственныя, что младшіе, т. е. удѣльные князья, хотѣли быть не сыновьями старшаго, а самостоятельными союзными его князьями на взаимныхъ условіяхъ и договорахъ, отчего въ лѣтописяхъ не рѣдко назывались *ротниками*, т. е. клявшимися, цѣловавшими другъ другу крестъ, что слово *подручникъ* значило не подчиненнаго владѣтеля, а простаго подданнаго; слѣдовательно, и отсутствіе платежа дани изъ удѣльныхъ волостей великому князю, вытекало не изъ родовыхъ отношеній князей, а изъ того, что князья удѣльные не были простыми подданными великаго князя, а также, какъ и великій князь, были князьями самостоятельными и подчиненными ему на основаніи взаимныхъ договоровъ, крестныхъ грамотъ; удѣльные князья, Ярославовы внуки и правнуки, не платили съ своихъ областей дани великимъ князьямъ, точно на томъ же основаніи, на которомъ и московскіе удѣльные князья не платили съ своихъ областей дани московскимъ великимъ князьямъ, а между московскими князьями, по признанію самого г. Соловьева, были уже отношенія не родовыя, а владѣльческія. Земля Русская въ понятіи князей потомковъ Ярославовыхъ не могла считаться нераздѣльнымъ владѣніемъ цѣлаго рода; ибо мы уже видѣли, что она была раздѣлена на отчины равныхъ вѣтвей княжескаго дома, князья воевали за свои отчины, и въ договорахъ между собою ссылались на свои отчинныя права.

И такъ, теорія родовыхъ отношеній между русскими князьями не существовала; она не принадлежитъ Русской исторіи и внесена въ нее со стороны; это ясно для всякаго. Теперь слѣдуетъ посмотрѣть, какъ г. Соловьевъ думаетъ подвести подъ нее свое изложеніе событій Русской исторіи, но объ этомъ поговоримъ послѣ. И.

—

Digitized by Google

стихныя сказки, Григорія *Данилевскаго*. С.-Петербургъ, въ тип. П. Фишера. 1852. Стр. 131, въ 12 д.

Переложеніе народныхъ сказокъ въ стихи, по нашему мнѣнію, дѣло трудное, неблагодарное, и даже едва ли полезное. Народныхъ сказокъ, такъ же какъ и народныхъ пѣсенъ, ни перелагать, ни пересоздавать нельзя. Въ первомъ случаѣ это будутъ только блѣдные сколки съ своихъ подлинниковъ, сколки, которые не столько воскресятъ, сколько исказятъ старину, какъ новыя поправки искажаютъ старое зданіе; во второмъ, какъ бы поэтъ ни былъ талантливъ, даже геніаленъ, какъ бы хорошо ни зналъ онъ всѣ повѣрья и преданія народа, его нравы, его духъ,—сказка, пересозданная имъ, можетъ быть хороша, но она все-таки будетъ—сказка, сочиненная тѣмъ или другимъ лицомъ,—сказка, почерпнутая изъ народныхъ преданій, но никакъ не народная.

Народная пѣсня, по самому своему приложенію къ музыкѣ (голосу), всегда слагается въ стихотворной формѣ, народная сказка всегда въ прозаической именно потому, что въ эту форму гораздо свободнѣе вмѣщаются всѣ народныя выраженія и прибаутки, всѣ поговорки и сравненія, однимъ словомъ, всѣ богатства народнаго языка. И такъ, переложеніе народныхъ сказокъ въ стихи, прежде всего, измѣняетъ ихъ первобытную форму и облекаетъ въ другую, вовсе имъ несвойственную; потомъ оно стѣсняетъ самаго перелагателя до того, что часто онъ долженъ замѣнять народныя выраженія своими, хотя и имѣющими одинаковое значеніе съ народными, но далеко не имѣющими ихъ колорита.

Можетъ быть, намъ скажутъ, что и Жуковскій, и Пушкинъ, и Языковъ, и Лермонтовъ перелагали народныя русскія сказки въ стихи и перелагали прекрасно. Совершенно согласны, но что же изъ этого?

Пушкинъ даже началъ свое литературное поприще, или по-крайней мѣрѣ положилъ основаніе своей литературной извѣстности, русской сказкой—*Русланомъ и Людмилой*, но это не переложенная народная сказка, а сказка, созданная имъ самимъ изъ русскихъ народныхъ сказокъ. Вальтеръ-Скоттъ, своими историческими романами, повсюду пробудилъ стремленіе къ народности. Всѣ бросились собирать народныя пословицы, народныя пѣсни, народныя сказки. Всѣ принялись воскрешать старину, принялись отряхать ее отъ пыли вѣковъ, и эта-то эпоха была у насъ въ особенности богата стихотворными переложеніями народныхъ сказокъ. Пушкинъ тоже увлекся этимъ вліяніемъ, и переложилъ въ стихи сказку *о*

Digitized by Google

царевичъ Салтанъ. Но это была только попытка, только игрушка генія, и если эта сказка имѣла успѣхъ, такъ именно оттого, что Пушкинъ мастерски переложилъ ее и мастерски удержалъ въ ней характеръ, весь цвѣтъ народнаго языка. То же можно сказать о сказкахъ Жуковскаго. Но и Жуковскій, и Пушкинъ, и Языковъ, и Лермонтовъ, написавшій сказку объ *Опричникѣ*, которую, впрочемъ, скорѣе можно причислить къ его собственнымъ созданіямъ, чѣмъ къ переложеніямъ, пріобрѣли себѣ славу и доставили народность своимъ сочиненіямъ не сказками.

Бросивъ этотъ бѣглый взглядъ на стихотворныя переложенія народныхъ сказокъ вообще, обратимся теперь собственно къ сказкамъ г. Данилевскаго.

Мы уже замѣтили, что стихотворная форма несвойственна народной сказкѣ, и что сверхъ того она стѣсняетъ перелагателя. Г-ну Данилевскому предстояло въ этомъ случаѣ двойное затрудненіе. Онъ перелагалъ украинскія сказки даже не въ стихъ роднаго ихъ языка, а въ стихъ русскій. Онъ переводилъ свои сказки съ одного нарѣчія на другое, и притомъ переводилъ еще прозу стихами. При такой переработкѣ трудно не отступить отъ подлинника и даже не отступить далеко. А что же тогда останется народнаго въ сказкѣ? Мысль, но мысль, переданная въ измѣненной формѣ и лишенная всей той обстановки, безъ которой она уже теряетъ настоящее свое значеніе. Потомъ собственныя имена мѣстности, собственныя имена дѣйствующихъ лицъ и только.

Можно ли, напримѣръ, по слѣдующимъ стихамъ догадаться, что эти стихи составляютъ начало народной сказки, слышанной г-мъ Данилевскимъ, какъ онъ самъ говоритъ, отъ хуторянъ, между Зміевымъ и Изюмомъ:

Въ степи нѣмой, пустынно-необъятной,
Въ глуши полей, осыпанныхъ ковылью,
Широкимъ лопухомъ, янтарной кашкой
И голубымъ петровымъ-батогомъ,
Подъ воздухомъ налитымъ ароматомъ —
Клубники, ландышей и дикихъ яблонь,
Лиловыхъ колокольчиковъ и мака,
И розъ, и тысячи цѣлебныхъ травъ....

Положимъ, что начало это очень хорошо, но такъ можетъ начать свое стихотвореніе только какой-нибудь современный поэтъ, а народъ не начинаетъ своихъ сказокъ такими длинными и подробными описаніями и степи, и ея цвѣтовъ, и ея воздуха.

Далѣе встрѣчаемъ стихъ:

Digitized by Google

Ходилъ въ кунтушѣ бѣломъ, въ черной шапкѣ,
Въ уму не постижимыхъ шароварахъ....

И яркость, и бѣлизна цвѣта, и чрезмѣрная огромность какой бы то ни было вещи, хотя бы и ширина шаровары, у народа обыкновенно выражается сравненіемъ съ другой видимой вещью, но никогда ссылкою на темную, отвлеченную идею.

Подобныхъ мѣстъ, вовсе невѣрныхъ народности, въ сказкахъ г. Данилевскаго много; и есть въ нихъ еще какая-то растянутость, между тѣмъ какъ народный разсказъ всегда идетъ живо и быстро. Правда, что въ народныхъ сказкахъ часто встрѣчаются повторенія одного и того же дѣйствія, одного и того же событія, но эти повторенія всегда передаются тамъ коротко, и въ нихъ нѣтъ ничего лишняго, ничего, кромѣ того, что только нужно для выраженія дѣйствія или событія.

Въ сказкѣ «*Живая свирѣль*», начало которой мы привели здѣсь, вотъ какъ повторяется описаніе мирныхъ занятій казака и его лѣни:

. . . . . Сталъ казакъ опять лѣниться,
Курить табакъ, стрѣлять по дикимъ уткамъ,
И цѣлые часы лежать межъ ульевъ,
Въ полудремотѣ, глядя безмятежно
Въ прозрачный, знойный и душистый воздухъ.
А въ воздухѣ, недвижно и неслышно,
Какъ сонные, какъ пьяные отъ жара,
Предъ нимъ висѣли пестрые жучки,
И комары, и огненныя мухи,
И съ трепетными крылышками пчелы....
Молчала вся таинственная степь.

Здѣсь очень замѣтно, что послѣдніе восемь стиховъ, перепечатанныхъ нами курсивомъ, во все незаимствованы авторомъ изъ народнаго разсказа, а приставлены къ нему произвольно. Народъ любитъ красоты природы и рисуетъ иногда картины ея, но рисуетъ широко и размашисто, и притомъ всегда въ своемъ мѣстѣ, т. е., говоря или о широкой степи, или о синемъ морѣ, или о темномъ лѣсѣ; но ни въ одной народной сказкѣ не найдете вы анализа мелочныхъ подробностей природы по поводу лѣниваго полудремлющаго казака.

Все это говоримъ мы о сказкахъ г. Данилевскаго только въ примѣненіи ихъ къ народности; что же касается до самаго его стиха, онъ довольно хорошъ, хотя и не всегда ровенъ. Есть стихи, въ которые слово насильно втиснуто, и втиснуто не иначе, какъ съ измѣненіемъ его правильнаго ударенія. Есть мѣста,—и этихъ гораздо больше,—гдѣ стихъ плавенъ и звученъ. Многія описанія живы, картинны, полны теплаго чувства къ красотамъ природы. Но вотъ еще

Digitized by Google

одинъ недостатокъ *Степныхъ сказокъ*: перекладывая сказки свои съ малороссійскаго наречія на русское, авторъ хотѣлъ съ тѣмъ вмѣстѣ сохранить въ нихъ національный колоритъ какимъ-то особымъ, но неудачнымъ, складомъ рѣчи, составляющимъ что-то среднее между рѣчью малороссійской и русской.

Всѣхъ сказокъ въ книжкѣ, изданной г. Данилевскимъ, семь: *Живая свирѣль*,—*Крымскій плѣнникъ Ивашко*,—*Сонъ въ майскую ночь*,—*Огненный цвѣтокъ*,—*Оборотень*,—и *Походъ казаковъ*. Изъ нихъ первыя шесть авторъ слышалъ отъ придонецкихъ хуторянъ, между Зміевымъ и Изюмомъ, а послѣднюю разсказалъ онъ «на основаніи думы, записанной И. И. Срезневскимъ, со словъ слѣпца бандуриста въ Екатеринославской губерніи». Эта послѣдняя сказка, по нашему мнѣнію, лучшая.

Изъ предисловія и примѣчаній, приложенныхъ къ сказкамъ, видно, что авторъ занимался своимъ предметомъ добросовѣстно и даже съ любовью; что онъ изучалъ нравы и повѣрья Украинцевъ и любитъ Украйну. Все предисловіе согрѣто теплымъ сердечнымъ чувствомъ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ въ немъ г. Данилевскій объ Украйнѣ, о ея сказкахъ и пѣсняхъ:

«Небо не обошло въ дарахъ природы слободскихъ хуторянъ. Рѣка Донецъ, на всемъ протяженіи отъ села Малиновки до горы Кременца, полна самыхъ плѣнительныхъ картинъ. Правый берегъ его, низменный и влажный, богатъ изумительно роскошною растительностію. Дубовые лѣса, не смотря на топоръ владѣльцевъ ихъ, до нынѣ полны истинно сказочной таинственности. Среди нихъ черныхъ кущей дремлютъ величавыя, обрамленныя камышемъ и павиликою, озера. Серебряный крикъ лебедя и золотая флейта иволги чудно нарушаютъ тишину этихъ вѣковыхъ дебрей. Мшистые вязы и дубы здѣсь такъ густы и высоки, что шелестъ шаговъ теряется у подножія ихъ безъ отголосковъ и чуть-чуть слышатся крики птицъ, порхающихъ надъ ихъ темною листвою. Иногда, надъ узкими полянами лѣса, пролетаетъ съ пронзительнымъ карканьемъ стая грачей, и тогда сквозь эту волнующуюся бездну, какъ сквозь черную, устлавшую небо власяницу, кажется, что солнце внезапно погасло и настала на землѣ какая-то чудная фантастическая ночь. Пролетаетъ эта стая, ослѣпительное солнце снова сыплетъ снопы своихъ лучей на зеленыя луговины прогалковъ, а путникъ, зашедшій въ эту таинственную дебрь, все еще не можетъ опомниться, съ трепетомъ прислушивается къ каждому звуку, съ трепетомъ вглядывается въ каждый листокъ пестрыхъ травъ, и въ причудливыхъ образахъ являются ему среди пустыни—и бѣлая вѣтка черемухи, и медовой ка-

Digitized by Google

луцеръ, и бархатистая полоса сочнаго любистка, и барвинокъ, и нечосапанночка, и заячья-капустка, и алая троянда, и голубые колокольчики, и цѣлая бездна цвѣтовъ благоухающаго лѣса.

«Въ долгія зимнія ночи, въ тѣсной свѣтелкѣ низенькой мазанки, подъ завываніе мятелей и волковъ, подъ трескъ «каганца» и жужжаніе веретенъ, хуторяне, куря коротенькія люльки, собираются къ любимымъ своимъ балагурамъ слушать сказки. Лѣтомъ изъ степи, изъ-за Донца, являются къ слобожанамъ на приходскіе праздники и ярмарки слѣпцы съ бандурами, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, суконныхъ свиткахъ, съ мѣшкомъ за плечами и съ маленькими провожатыми: провожатые народъ большею частію плутовской, загорѣлый, съ рыжими косматыми волосами и въ веснушкахъ; въ то время, какъ ихъ дѣды, оперши изсохшія руки на звонкострунныя бандуры, поютъ, покачивая сѣдою головою, они достаютъ изъ мѣшка все лучшее по части припасовъ, и преспокойно принимаются ѣсть, или обходятъ съ шапкою слушателей, собираютъ деньги и не всегда сполна передаютъ ихъ своимъ «Гомерамъ». При уходѣ бандуриста на хуторѣ является нѣсколько новыхъ пѣсенъ, а иногда и цѣлая дума, заученная со словъ слѣпаго старца за какой-нибудь ручникъ, пару сапоговъ или кусокъ сала».

—

Монгольская надпись на памятникѣ князя Ясункѣ, племянника Чингисъ-хана, объясненная *Дорджи-Банзаровымъ*, Членомъ-корреспондентомъ Археологическаго Общества; съ предисловіемъ *П. С. Савельева*, съ приложеніемъ снимка съ надписи. Спб. 1851, стр. 47, въ 8-ю д.

Восточная археологія—одна изъ тѣхъ спеціальностей, которая не только у насъ, но и во всей Европѣ, имѣетъ мало цѣнителей, и открытія по этой части ускользаютъ отъ вниманія современной критики, дѣлаясь извѣстными не рѣдко только черезъ десятки лѣтъ послѣ того, какъ онѣ сдѣланы. Передъ нами лежитъ книжка, заключающая въ себѣ одно изъ примѣчательнѣйшихъ археологическихъ изслѣдованій; а мы доселѣ не встрѣчали нигдѣ даже простаго извѣщенія о выходѣ ея въ свѣтъ,—извѣщенія, какими наши журналы, имѣющіе притязаніе на полноту своей библіографической хроники, удостоиваютъ даже Сонники и Поваренныя книги!

Чтобы оцѣнить трудъ г. Банзарова, надобно самому быть знатокомъ восточныхъ языковъ и древностей. Не принадлежа къ числу такихъ знатоковъ, мы ограничимся скромною долею референтовъ, тѣмъ болѣе, что пониманіе вопроса чрезвычайно облегчаетъ намъ предисловіе г. Савельева къ изслѣдованію о надписи. Замѣтимъ во-

Digitized by Google

обще, что изданіе этого изслѣдованія облечено въ строгія формы науки и удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ ученой критики. Въ предисловіи г. Савельевъ сообщаетъ исторію изслѣдуемаго памятника и попытокъ объяснить надпись. Затѣмъ, г. Банзаровъ представляетъ объясненіе труднѣйшихъ словъ надписи, сопровождая свои изслѣдованія многочисленными филологическими примѣрами, и возстановляетъ надпись вполнѣ.

Монгольская надпись, объясненная нынѣ г. Банзаровымъ, есть та знаменитая надпись, о которой лѣтъ пятнадцать тому спорили академикъ Шмидтъ и О. Іакинѳъ. Она хранится нынѣ въ Азіатскомъ музеѣ Петербургской Академіи Наукъ.

Особенная важность этой надписи заключается въ томъ, что это—*древнѣйшій*, доселѣ извѣстный памятникъ письменности Монголовъ.

Первыя обстоятельныя извѣстія о нахожденіи этого памятника сообщилъ почтенный Г. И. Спасскій, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ 1818 г. Памятникъ состоитъ изъ гранитной плиты въ 2 аршина 13 вершк. длины и 15 вершковъ ширины. Первоначально стоялъ онъ при рѣчкѣ Кыркырѣ, близъ китайской границы; оттуда перевезенъ былъ въ Нерчинскій заводъ, и наконецъ—въ Петербургъ

Первыя попытки въ чтеніи надписи сдѣланы были сибирскими толмачами и дамами, еще во время нахожденія тамъ памятника. Они безъ труда разобрали нѣкоторыя слова, которыя не представляли затрудненія, именно:

«.... Чингисъ-Ханъ.... послѣдуя временамъ.... всѣ монгольскіе народы»....

Г. Ванчиковъ, учитель монгольскаго языка въ Кяхтѣ, разобралъ еще нѣсколько словъ; но, къ сожалѣнію, непонятые архаизмы онъ перевелъ гадательно. Надпись переведена имъ вполнѣ такъ:

«Когда Чингисъ-Ханъ соизволилъ овладѣть сартольскимъ наро-«домъ и присоединить къ древнему становищу всего монгольскаго «народа, находящіеся вообще по Онону побѣждены тремя стами «тридцатью пятью посланными».

Г. Шмидтъ, когда памятникъ привезенъ былъ въ С. Петербургъ, составилъ новый переводъ надписи и помѣстилъ его въ Запискахъ Академіи Наукъ. Вотъ его переводъ:

«Отъ Чингисъ-Хана, когда онъ, покоривъ сартагольскій народъ, «воротился и положилъ конецъ враждѣ отъ прежнихъ временъ всѣхъ «монгольскихъ народовъ, всѣмъ тремъ стамъ тридцати пяти Elje «(демонамъ).... въ знакъ изгнанія».

Digitized by Google

Наконецъ г. Банзаровъ представляетъ слѣдующій переводъ, простой и ясный, съ объясненіемъ всѣхъ словъ, затруднявшихъ прежнихъ переводчиковъ:

«Когда Чингисъ-Ханъ, послѣ нашествія на народъ Саргагулъ «(Хивинцевъ), возвратился, и люди всѣхъ монгольскихъ поколѣній «собрались въ Бога-Сучигаѣ,—то Исушке получилъ въ удѣлъ триста «тридцать пять воиновъ хонгодарскихъ».

«Сравнивъ съ этимъ переводомъ два прежніе, кяхтинскаго учителя и петербургскаго академика, (замѣчаетъ г. Савельевъ), читатель увидитъ, что оба они равно далеки отъ истины, а въ отношеніи здраваго смысла кяхтинскій переводъ далеко превосходитъ петербургскій, который заставляетъ могучаго Чингисъ-Хана ставить монументъ въ честь 335 демоновъ!! Мы бы не упомянули объ этомъ обстоятельствѣ, если бы самъ Шмидтъ не назвалъ перевода Ванчикова «безсмысліемъ» и «вздорною болтовнею сумасшедшаго», а свой—«имѣющимъ логическій смыслъ». Это сравненіе обоихъ переводовъ напоминаетъ полемику, которую желательно бы забыть, для чести ученой литературы: увидѣвъ переводъ г. Ванчикова, бывшій сарептскій толмачъ, почитавшій себя тогда монополистомъ по монгольской части, вооружился противъ почтеннаго О. Іакинѳа, которому произвольно приписалъ переводъ, и наговорилъ ему печатно незаслуженныя непріятности. О. Іакинѳъ отвѣчалъ съ достоинствомъ и скромностію ученаго, а предсѣдатель комитета объ устройствѣ выставки печатно подтвердилъ свидѣтельство знаменитаго нашего синолога о непричастіи его къ новому переводу надписи».

Смыслъ надписи выходитъ очень простой: Исункѣ, племянникъ Чингисъ-Хана, получилъ отъ своего знаменитаго дяди небольшой отрядъ, и для увѣковѣченія этой милости поставилъ памятникъ. Въ историческомъ отношеніи надпись замѣчательна, какъ древнѣйшій образчикъ монгольской письменности, и какъ выраженіе того памятнаго въ исторіи Азіи и Европы момента, когда Чингисъ-Ханъ, на хурилтаѣ (сеймѣ), раздавалъ царства и удѣлы своимъ потомкамъ, и тѣмъ надолго рѣшилъ судьбы многихъ странъ и народовъ, въ томъ числѣ и Россіи. Р.

—

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ ВЪ XVII ВѢКѢ, составилъ *Самуилъ Величко*, бывшій канцеляристъ канцеляріи войска Запорожскаго. 1720. Томъ второй. Издана Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1851.

Кіевская Коммиссія для разбора актовъ неутомимо трудится для пользы отечественной Исторіи и преимущественно Малороссійскаго края. Изданія ея столь же важны, сколь и необходимы для всякаго, кто занимается исторіею Малороссіи по множеству вновь изданныхъ матеріаловъ, любопытныхъ въ высшей степени. Такъ изо всѣхъ, доселѣ изданныхъ малороссійскихъ лѣтописей, лѣтопись Самуила Величка занимаетъ безспорно первое мѣсто; ни исторія Конисскаго, увлекательно, но желчно и безъ всякой критики писанная, ни исторія Ригельмана, подробная, но весьма дурно составленная компиляція, не могутъ сравниться по степени многочисленности и важности сообщаемыхъ ими свѣдѣній относительно исторіи Малороссіи съ лѣтописью Величка. Онъ не мудрствуетъ лукаво, какъ Конисскій, а просто собираетъ всѣ, какія только могъ найдти въ находившихся у него подъ руками казацкихъ лѣтописцахъ, факты, и притомъ съ большою разборчивостью и осторожностью; у него нѣтъ тѣхъ неосновательныхъ сказочныхъ извѣстій, какихъ много у Конисскаго. Лѣтопись Величка вся пропитана любовью къ родинѣ, къ ея славному прошедшему, къ геройскимъ подвигамъ сыновъ ея, и враждебнымъ чувствомъ къ Полякамъ, губителямъ отчизны, какъ онъ ихъ называетъ; но съ другой стороны Величко не слѣпъ относительно недостатковъ, вкравшихся въ свойства казаковъ; онъ говоритъ: «Народъ нашъ козакъ рускій истинній, простодушній и правосердечній», но тутъ же присовокупляетъ: «завсегда (хотя и къ великому своему вреду) до брани и кровопролитія склонній». Величко, можно сказать, со слезами на глазахъ описываетъ конечное опустошеніе Малороссіи по ту сторонѣ Днѣпра, разоренной Поляками и еще болѣе Турками. Судьба этой Малороссіи, претерпѣвшей несравненно болѣе той, которая лежитъ по сю сторону Днѣпра, и со времени Богдана Хмельницкаго почти постоянно принадлежала Россіи, занимаетъ первосте-

Digitized by Google

пенное мѣсто въ повѣствованіи Величка во второмъ томѣ его лѣтописи. Послѣдуемъ же за его разсказомъ и сообщимъ читателю, что у него новаго, сравнительно съ другими малороссійскими лѣтописями.

Второй томъ Величка раздѣленъ на XXVII главъ, или, какъ онъ ихъ называетъ, *раздѣловъ*. Въ каждомъ *раздѣлѣ* описанъ годъ Малороссійской Исторіи, такъ что второй томъ лѣтописи Величка начинается разсказомъ о событіяхъ 1660 года и оканчивается 1686 годомъ.

Богданъ Хмѣльницкій, умершій въ 1657 году, оставался до своей кончины вѣренъ данной имъ присягѣ на подданство Россіи. Но сынъ его, Юрій, по кончинѣ его и послѣ кратковременнаго гетманства Ивана Выговскаго, получившій гетманскій урядъ, съ самыхъ первыхъ дней своего гетманства сталъ колебаться въ вѣрности, и, лишь только въ 1660 году польскія войска вошли въ Украйну, Юрій Хмѣльницкій вѣроломно оставилъ имъ на жертву боярина Шереметева съ русскимъ войскомъ, которое такимъ образомъ, при Чудновѣ, было разбито соединеннымъ татарополь-скимъ войскомъ, и почти все истреблено или забрано въ полонъ. Причиною измѣны Хмѣльницкаго, по словамъ Величка, стр. 14, было то, что, получивъ при утвержденіи себя гетманомъ отъ русскаго правительства въ Переяславѣ статьи менѣе выгодныя, чѣмъ тѣ, которыя были даны отцу его Богдану въ Глуховѣ, онъ за то питалъ недоброжелательство къ Россіи, надѣясь отъ Польши получить болѣе выгодныя условія, которыми, дѣйствительно, манилъ его король польскій, Янъ Казимиръ, черезъ своего посла каштеляна Волинскаго. Не мало раздражило также Юрія гордое обращеніе съ нимъ надменнаго Шереметева, который будто бы сказалъ о немъ за глаза, намекая на его молодость: «прилично бы тому гетманишку еще гусь пасть, а не гетмановать». Измѣнивъ Россіи, Юрій тотчасъ же утратилъ владычество надъ восточною (по сю сторону Днѣпра) Малороссіею, гдѣ полки казацкіе остались вѣрны Россіи подъ управленіемъ переяславскаго полковника Сомка, дяди измѣнника Юрія (*). Тогда между Юріемъ и Сомкомъ началось взаимное междоусобіе; причемъ Сомку помогали русскія войска подъ начальствомъ князя Ромодановскаго, а Юрію—Поляки и крымскіе Татары. Успѣхъ былъ то на той, то на другой сторонѣ; война же, какъ и должно было ожидать отъ междоусобной войны, велась съ крайнимъ ожесточеніемъ, особенно со стороны Юрія, о которомъ Величко (стр. 22) пишетъ, что, вторгнувшись въ Восточную Малороссію и негодуя на

(*) Сестра Сомка была второю женою гетмана Богдана Хмѣльницкаго.

Digitized by Google

жителей ея за то, что они не переходятъ на его сторону, онъ «не «только мельницы и села, но и мѣстечки, какія на его дорогѣ при- «лучились, з церквами божественными чрезъ огнь обернулъ въ пепелъ. «Въ Лукомлѣ, городѣ полка Лубенскаго, какъ безумный много не- «виннаго народа вырубалъ, и весь безъ остатку истребилъ бы, если бы «на счастіе жителей въ то время не находился тамъ преосвященный «странствующій отецъ Паисій Лигаридъ, митрополитъ Газскій, и не заде- «ржалъ его въ той ярости своимъ святительскимъ совѣтомъ и прошеніемъ». Величко, стр. 26, пишетъ, что всѣ старые полковники и Западной Украйны съ негодованіемъ смотрѣли на это междоусобное кровопролитіе, и совѣтовали гетману Юрію, чтобы онъ, отринувши союзъ польскій, вѣчно оставался вѣренъ Россіи, и, выпросивъ себѣ за измѣну прощеніе царя Алексѣя Михайловича, «старался инымъ способомъ, а не междоу- «собною бранью и кровопролитіемъ, урядъ свой гетманской, съ поправою «пактовъ «переяславскихъ утвердить». Впрочемъ, *младоумній Хмѣль- ниченко*, какъ называетъ его Величко, не только не послушалъ этого спа- сительнаго совѣта, но, и отрѣшивши тѣхъ полковниковъ отъ должностей, отдалъ ихъ уряды другимъ легкомысленнымъ и легкомысленной его волѣ послушнымъ. Сомко всячески старался сдѣлаться гетманомъ, и для того въ городѣ полку Кіевскаго Козелецъ собралъ съѣздъ пол- ковниковъ, однако не достигъ желаемаго. Почему же?—Величко на это въ отвѣтъ говоритъ: «Меѳодій, епископъ Оршанскій, Могилевскій и «Мстиславскій, на томъ же Козельскомъ съѣздѣ будучи, *не позволилъ* «Сомкѣ: *цалимъ зостати Гетманомъ*». Такъ сильно было вліяніе духо- венства на внутреннія дѣла Малороссіи. Впрочемъ, о характерѣ этого Меѳодія можно судить еще изъ того, что «однажды, въ присутствіи «князя Ромодановскаго, Меѳодій, увидѣвшись съ Сомкомъ и поссо- «рившись, грозились другъ въ друга выстрѣлить изъ пистолетовъ». Что не удалось Сомкѣ, то удалось Бруховецкому; простой запорож- скій казакъ, *бывшій старшій слуга покойнаго* гетмана Богдана Хмѣльницкаго, прибылъ изъ Запорожья предложить Ромодановскому свои услуги въ войнѣ съ Юріемъ. Ромодановскій принялъ его ласъ- ково, и хитрый Бруховецкій умѣлъ втереться въ милость не только къ Ромодановскому, но и къ Меѳодію, котораго благосклонность, какъ мы видѣли выше, много значила, и такимъ образомъ приготовить себѣ путь къ гетманскому уряду, какъ замѣчаетъ глубокомысленно Величко: *«на пришлую людскую, свою вѣчевную погибель»*.

Потерпѣвъ подъ Каневымъ, іюля 16, 1662 года, сильное пора- женіе отъ Ромодановскаго и Сомка, Юрій Хмѣльницкій отплатилъ имъ въ свою очередь тѣмъ же подъ Бужинымъ, но тѣмъ не могъ поддержать своего падавшаго гетманства. Онъ видѣлъ негодованіе

Digitized by Google

короля польскаго, утратившаго подъ Каневымъ значительную часть войска, видѣлъ и слышалъ всеобщее проклятіе своихъ же казаковъ за опустошеніе ихъ страны крымскими ордами, которыя онъ постоянно приглашалъ къ себѣ на помощь, и которыя, разумѣется, не щадили и его областей; получить же прощеніе отъ государя царя Алексѣя Михайловича онъ отчаявался послѣ того, какъ дерзнулъ сражаться съ его войсками. Слабый и нерѣшительный, далеко не владѣя высокими способностями своего отца, онъ рѣшился сложить съ себя власть гетманскую, столь безславно и къ укору отеческаго имени имъ носимую, и въ началѣ октября 1662 года удалился въ Кіевъ, гдѣ принялъ иноческій образъ съ именемъ Гедеона. Впрочемъ, тѣмъ онъ еще не кончилъ свое позорное поприще. Юрій Хмѣльницкій былъ послѣдній гетманъ, владѣвшій обѣими Украйнами, восточною и западною до своей измѣны. Съ того времени постоянно видимъ двухъ гетмановъ: одного въ восточной, а другаго въ западной Украйнѣ. Когда Юрій сложилъ гетманскую власть, ее принялъ зять его (*) Павелъ Тетеря, признавши надъ собою власть короля польскаго. Впрочемъ, замѣчаетъ Величко, было много и такихъ, которые хотѣли поддаться снова Россіи, однако не могли воспрепятствовать Тетериной партіи одержать верхъ; энергически Величко говоритъ о Тетериныхъ казакахъ: «Для сребра и злата не только «изъ нихъ каждый далъ бы себѣ выколоть око, но брата и отца «своего не пощадилъ бы» (стр 33). А Бруховецкій въ 1663 году избранъ на нѣжинской радѣ гетманомъ восточной Украйны; правленіе свое началъ онъ тѣмъ, что соискателя своего Сомку и державшихъ его сторону полковниковъ Васюту и Оникія черниговскаго казнилъ мечемъ въ г. Борзнѣ; остальныхъ же людей себѣ враждебной партіи отослалъ въ Москву въ ссылку, а самъ дѣятельно сталъ готовиться къ нападенію на Тетерю, желая возвратить подъ свою власть и западную Украйну. Впрочемъ, король польскій Янъ Казимиръ, предупредилъ его; въ концѣ 1663 года онъ собралъ многочисленное войско и съ нимъ двинулся на восточную Украйну, горя нетерпѣніемъ возвратить Польшѣ эту страну, которую онъ въ рѣчи, говоренной на сеймѣ, по случаю предполагаемаго похода, называлъ «зѣницею ока корони Польской, яблокомъ златымъ, стѣною каменною «и твердымъ отъ непріятелей басурмановъ защищеніемъ державы «своей». Перешедши Днѣпръ, король двинулся прямо на Глуховъ, думая покореніемъ этого значительнаго города устрашить всю Украйну. Но Глуховъ упорно оборонялся, пока Бруховецкій съ 30-тысяч-

(*) Павелъ Тетеря женатъ былъ на Еленѣ, дочери Богдана Хмѣльницкаго, когда она осталась вдовою послѣ перваго своего мужа Данінла Виговскаго.

Digitized by Google

нымъ казацкимъ войскомъ не поспѣшилъ ему на помощь. Въ прошедшей, января 30, 1664 года, подъ стѣнами Глухова битвѣ Поляки потерпѣли совершенное пораженіе, и были выгнаны совершенно изъ восточной Украйны. У Величка находимъ весьма подробное и любопытное описаніе осады Глухова, и побѣды подъ этимъ городомъ, одержанной Бруховецкимъ, на стр. 78—85. Побѣду эту Величко ставитъ выше побѣдъ Богдана Хмѣльницкаго; ибо этотъ послѣдній одерживалъ ихъ съ помощію Крымскихъ Татаръ, а Бруховецкій съ одними казаками поразилъ сто-тысячное польское войско, находившееся подъ предводительствомъ самого короля. Одолѣвъ Поляковъ, Бруховецкій, желая покорить власти своей и западную Украйну, перешелъ Днѣпръ и осадилъ Чигиринъ, столицу гетмана Тетери, однако безуспѣшно, и долженъ былъ возвратиться во-свояси; только запуганный Тетеря, опасаясь новаго нападенія, перенесъ столицу свою въ Корсунь. Однако Бруховецкій не отказался отъ своихъ покушеній на западную Украйну, и въ 1665 году, перешедши Днѣпръ, овладѣлъ почти всѣми городами ея, кромѣ Бѣлой Церкви, отъ которой отступилъ съ урономъ, «вслѣдствіе, какъ пи«шетъ Величко, стр. 89, измѣны въ войскѣ своемъ какого-то Де«щика и неблагорасположенія къ себѣ своего войска». Впрочемъ, Бруховецкій на самое короткое время достигъ своей цѣли; онъ былъ единственнымъ гетманомъ Украйны на обоихъ берегахъ Днѣпра; ибо Тетеря, услышавъ о его приближеніи, уѣхалъ въ Польшу. Тогда Бруховецкій, какъ бы не находя болѣе, что дѣлать въ Украйнѣ, въ августѣ 1665 г. отправился въ Москву, гдѣ принятъ былъ благосклонно царемъ; получивъ отъ него боярскій чинъ, Бруховецкій женился на дочери одного боярина. Отсутствіе Бруховецкаго было вредно въ томъ отношеніи, что западная Украйна снова отдѣлилась отъ восточной, избравъ гетманомъ Петра Дорошенка. Съ явленіемъ вновь двухъ гетмановъ, возобновились междоусобія. Дорошенко, чувствуя свое безсиліе, искалъ дружбы и союза хана крымскаго, который обѣщалъ ему содѣйствовать, но отклонилъ предложенія короля польскаго, Яна Казимира, предлагавшаго ему на выгодныхъ условіяхъ принять его съ казаками въ подданство. Величко пишетъ (стран. 101): «Дорошенко придержался еще неутралства своего, и раз«мышлялъ долго, съ которымъ бы изъ трехъ монарховъ: «Російского, Полского и Турецкого пріити въ союзъ и избрати «себѣ за протектора». Однако, когда въ январѣ 1667 года въ Андруссовѣ заключено между Россіею и Польшею тринадцатилѣтнее перемиріе, по которому восточная Украйна по Днѣпръ осталась за Россіею, а западная предоставлена Польшѣ, Янъ Казимиръ рѣшился

Digitized by Google

склонить Дорошенко на свою сторону, если не убѣжденіями, то силою. И, хотя Дорошенко, съ помощію Татаръ крымскихъ, разбилъ польскаго вождя Маховскаго, однако, чувствуя, что одному ему невозможно болѣе бороться съ Польшею, при Подгайцахъ, въ октябрѣ 1667 года, поддался Польшѣ. Все это—переговоры Дорошенко съ Крымомъ и Польшею, вліяніе на казаковъ Андруссовскаго договора, который и помѣщенъ въ лѣтописи вполнѣ—описано у Величка подробно и обстоятельно съ множествомъ новыхъ данныхъ, коихъ тщетно бы мы стали искать въ другихъ источникахъ. Состояніе восточной Украйны Величко (стр. 136) описываетъ такъ: «на «сей сторонѣ Днѣпра, хотя желаемая между народомъ позверховне «тишина обрѣталася; однако внутрной злобы пламень въ сердцахъ «людскихъ возгорался, и всенародное на гетмана Бруховецкаго не«годованіе разширилось». Этотъ пламень вспыхнулъ въ 1668 году; опасаясь за свою собственную власть и даже жизнь, Бруховецкій думалъ спасти себя измѣною Россіи, и первый сталъ виновникомъ всеобщаго мятежа въ Малой Россіи, вслѣдствіе котораго великороссійскіе воеводы съ войсками выгнаны изо всѣхъ городовъ, кромѣ Кіева, Переяславля, Чернигова и Нѣжина. Однако, измѣна не предупредила, а ускорила гибель Бруховецкаго. Узнавъ, что этотъ легкомысленный правитель, не подумавъ о своей беззащитности, оттолкнулъ отъ себя единственную свою опору — Россію, Дорошенко тотчасъ проникъ въ восточную Украйну, яко бы на помощь Бруховецкому противъ Ромодановскаго, шедшаго съ велико-россійскими войсками карать его измѣну; но, соединившись съ войскомъ Бруховецкаго, схватилъ его и казнилъ; Бруховецкаго выдали Дорошенку его же люди. Любопытно, какими чертами описываетъ безпристрастный Величко буйное казацкое войско, разсвирѣпѣвшее, какъ лютый звѣрь отъ запаха крови: «того жъ вечера, звѣронравное войско козацкое, въ обоихъ обозахъ Дорошенковомъ и Бруховецкаго «сполне съ собою поподпивавши, зашумѣло было на убійство Доро«шенка; но Дорошенко нѣсколькими куфами (мѣра) горѣлки ула«дилъ оное, однако свирѣпству и шаленству (безумству) ихъ недо«вѣряючи, выѣхалъ на ночь со всею старшиною своею на край «обозу своего, и тамъ находился во всякой чулости (осторожности), «поколь съ того мѣста рушилъ (двинулся)». Жители городовъ, въ своеволіи и самоуправствѣ, не уступали войсковымъ казакамъ; вотъ обстоятельство, приводимое Величкомъ (стр. 164): «Какъ только «Полтавцы услыхали о кончинѣ Бруховецкого, то, по наущенію «Клима Чернушенка, наказнаго полковника Полтавского, на Григорія «Вѣтязенка, полковника своего совершенного, и на Ивана Обѣденка

Digitized by Google

«асаула полковаго, какія-то вины сложивши, насильственно изъ до-«мовъ ихъ побрали, къ пушкамъ поковали, а вскорѣ и тирански «на-смерть позабивали, а домы ихъ до основанія разграбили.... а по-«томъ избрали и постановили себѣ полковникомъ Демьяна Гуджола». Какъ мало казаки были расположены къ Полякамъ, хотя признавали ихъ верховное владычество, и какъ чувствовали благопріятное расположеніе къ Русскимъ, не смотря на явныя съ ними непріязненныя дѣйствія, видно изъ обстоятельства, приводимаго Величкомъ (стр. 166): «Дорошенко.... зичливости (благорасположенія) своей ко «Царскому Величеству весьма не тратячи.... послалъ тайно къ Ромо-«дановскому (который было вошелъ въ Украйну), давая ему знать «о своемъ съ сильными Татарскими и Козацкими войсками прибли-«женіи, и совѣтуя ему немедленно отступить назадъ, поколь Орда не «наскочитъ; а Орду нарочно при себѣ удерживалъ, не позволивши «оной ни мало напередъ себя выходить». Это чувство любви къ Россіи спасло Малороссію, не смотря на многочисленныя измѣны. Убивъ Бруховецкаго, Дорошенко «сдѣлался, по словамъ Величка, *обоимъ войскамъ* единымъ гетманомъ», но не на долго: немедленно ему нашлись соперники — сначала запорожецъ Суховѣй, потомъ черниговскій полковникъ Демьянъ Игнатовичъ Многогрѣшный, послѣдній подъ верховнымъ владычествомъ Россіи.

У Величка помѣщены совершенно вполнѣ не только 29 Глуховскихъ статей, февраля 12 д. 1669 года данныхъ новому гетману Демяну Игнатовичу Многогрѣшному (стр. 180 — 211), но и новыя Глуховскія статьи подъ заглавіемъ: «*Придатокъ статей новыхъ къ тѣмъ же Глуховскимъ статьямъ, по челомбитью Нѣжинскихъ и Кіевскихъ мѣщанъ въ крайнихъ нуждахъ ихъ, составленихъ и указомъ Царскаго Величества тогдижъ закрепленихъ*, (стран. 211—221). Дорошенко захотѣлъ вытѣснить Многогрѣшнаго, и хотя собственныя войска его были разбиты подъ Рогинцами наказнымъ гетманомъ Стріевскимъ, однако онъ, призвавъ на помощь орду, разбилъ на голову Стріевскаго, и присоединилъ къ своему гетманству весь Лубенскій полкъ. Но за такое честолюбіе. не отступавшее отъ мысли за одно съ невѣрными Татарами проливать крови своей же братіи Малороссіянъ, Лукашъ Мартиновичъ, кошевой атаманъ запорожскій, и всѣ запорожцы прислали обличительное и укорительное посланіе, отличающееся, какъ и всѣ ими писанныя, рѣзкими и энергическими выраженіями; (оно помѣщено у Велички, стр. 224—226). Мы видѣли, что Дорошенко по договору въ Подгайцахъ въ 1667 году поддался Польшѣ; однако, это подданство было только по названію, и взаимныя отношенія Украйны и Польши опредѣлены не

Digitized by Google

были, а были отложены впредь до коммиссіи. Новоизбранный король Михаилъ, изъ роду князей Вишневецкихъ, назначилъ эту коммиссію въ г. Острогѣ, въ концѣ 1669 года. Дорошенко съ своей стороны отправилъ туда своими коммиссарами: Петрановскаго и Тарасенка, давъ имъ, какъ пишетъ Величко, *обширную инструкцію*, часть которой, попавшуюся ему въ руки, онъ и внесъ въ свою *Лѣтопись* (стр. 227—232). Условія Дорошенка, въ этой инструкціи изложенныя, показались Полякамъ такъ тяжелы, что они подъ разными предлогами коммиссію отсрочили, и коммиссаровъ Дорошенка ни съ чѣмъ отправили домой. Этотъ поступокъ Поляковъ имѣлъ важныя послѣдствія для всей Украйны. Дорошенко, сдѣлавъ себѣ равно враждебными обѣ могущественныя державы сосѣднія, Россію и Польшу, и никакъ не будучи въ состояніи отстаивать свою самостоятельность только своими собственными силами, рѣшился на то, на что до него не рѣшался еще ни одинъ малороссійскій гетманъ. Правда, ни одинъ изъ нихъ не стыдился союза съ крымскою Ордою, и силами ея всѣ они пользовались противъ своихъ соперниковъ, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшился явно отдаться подъ власть невѣрныхъ. Дорошенко же, какъ пишетъ Величко, *постановилъ*, однако, послѣ долговременнаго обсужденія и колебанія, *радъ не радъ, искати себѣ у Порти Отоманской пріязни и протекціи и отъ Поляковъ оборони*. Впрочемъ, не вдругъ рѣшился Дорошенко на столь важный шагъ, а уже тогда, когда Поляки не только поставили въ подвластной имъ части Украйны гетманомъ Михаила Ханенка, но и отклонивъ всѣ его покушенія помириться съ ними на Острожской коммиссіи, подтвердили вышеупомянутаго Ханенка гетманомъ *тогобочной* Украйны, а Дорошенка объявили измѣнникомъ. Вообще всѣ дѣйствія Острожской коммиссіи, взаимныя обсылки Дорошенка и польскихъ коммисаровъ, чрезвычайно подробно изложены у Величка со множествомъ новыхъ и доселѣ неизвѣстныхъ подробностей (стр. 238—288). Тогда, въ концѣ 1670 года, Дорошенко, видя, что отъ Поляковъ надобно ждать ничего болѣе, какъ открытой вражды, поддался совершенно Портѣ. Величко, по этому поводу, замѣчаетъ: «И таковимъ-то дѣйствіемъ и состояніемъ едина по обоихъ сторонахъ «Днѣпра сущая малая Росія бѣдная и упадлая козако-руская от- «чизна, того 1670 года на всеконечній свой упадокъ и запустѣніе *на три гетманства* и части раздѣлися». Изъ этихъ *трехъ* гетмановъ Многогрѣшный, благодаря затруднительному положенію Дорошенка, возвратившій вмѣстѣ съ Лубенскимъ полкомъ подъ свою власть всю сегобочную Украйну, имѣлъ пребываніе въ Батуринѣ; Дорошенко въ Чигиринѣ, а Ханенко въ Умани. Про этихъ пос-

Digitized by Google

лѣднихъ *двухъ* гетмановъ. Величко остроумно замѣчаетъ, что они жили, какъ *два кота*, въ одинъ мѣшокъ брошенные, т. е. грызлись и дрались безпрестанно. Днѣпръ былъ естественною границею между Украйною *тогобочною* и *сегобочною*, но между владѣніями двухъ *тогобочныхъ* гетмановъ никакой подобной границы не было, а потому и враждебныя столкновенія были непрерывные. Подъ 1671 годомъ у Величка находятся два весьма любопытныхъ акта: 1) универсалъ польскаго короля Михаила о присягѣ, данной кіевскимъ митрополитомъ Іосифомъ Нелюбовичемъ Тукальскимъ на вѣрность Польшѣ (стр. 291—294), и 2) письмо Дорошенка къ Запорожцамъ и ихъ кошевому атаману Лукашу (стр. 295—302). Въ этомъ послѣднемъ, чрезвычайно любопытномъ и важномъ актѣ, очень умно и основательно писанномъ, Дорошенко излагаетъ всю политику свою съ того времени, какъ онъ сталъ гетманомъ, оправдываетъ всѣ свои дѣйствія и особенно послѣднее, самое трудное къ оправданію, отданіе себя подъ власть невѣрныхъ. Изложивъ съ жаромъ, что отъ Россіи и Польши послѣ Андрусовскаго договора надѣяться больше нечего, Дорошенко говоритъ: «Що я увидѣвши и старожитной сла«вы вашей войска Запорожского въ поруганіе Полякамъ допустити «несхотѣвши, радъ не радъ *зъ жалемъ сердечнимъ* мусилемъ удати«тися до Порти Отоманской». Однако, союзъ съ невѣрными весьма не полюбился какъ вообще малороссіянамъ, такъ и запорожцамъ въ особенности, привыкшимъ жить добычею, отъ нихъ полученною, и потому они отпустили весьма сухо посланца, присланнаго Дорошенкомъ, не давъ даже никакаго письменнаго отвѣта на краснорѣчивое его посланіе. Въ 1672 году гетманъ Многогрѣшный былъ выданъ генеральною старшиною присланному изъ Москвы боярину, на томъ основаніи, пишетъ Величко, яко бы онъ пересылался съ Дорошенкомъ, желая вмѣстѣ съ нимъ отдаться подъ покровительство Оттоманской Порты. Главная же причина паденія Многогрѣшнаго видна изъ 3-й статьи Конотопскихъ или Козако-Дубровскихъ статей, данныхъ новоизбранному послѣ Многогрѣшнаго гетману Ивану Самойловичу (и помѣщенныхъ у Величка вполнѣ, стр. 306—328). Въ оной статьѣ сказано: «Великому Государю Его Царскому Величе«ству били челомъ генералніе обозной Петръ Забѣла, да судія «Иванъ Самойловъ, да Иванъ Домонтовъ, писарь Карпъ Мокрѣевъ и «полковники и сотники и вся старшина и все войско Запорожское, «чтобы они *отъ* нашего новобраного Гетмана *никакой неволи и же«сточи, какъ отъ измѣнника Демка было, не терпѣли, и чтобъ «онъ надъ ними войсковою старшиною никакой справедливости «безъ совѣту всей старшины и безвинно не чинилъ*—дабы не по

Digitized by Google

«воли, но по суду и праву посполитому поступалъ». И такъ изъ этого видно, что гетманъ Многогрѣшный, который здѣсь названъ *измѣнникомъ Демкою*, слишкомъ произвольно и самовластно поступалъ съ генеральною старшиною, и, вооруживъ ее противъ себя, тѣмъ былъ самъ виновникомъ своего паденія. Многогрѣшный съ семействомъ сосланъ былъ на житье въ Архангельскъ. Любопытныя извѣстія находимъ у Величка, стр. 305, о жизни избраннаго послѣ Многогрѣшнаго гетманомъ Ивана Самойловича. Между тѣмъ Дорошенко, отдавшись подъ покровительство Турковъ и призвавши ихъ на помощь противъ Поляковъ, жестоко отомстилъ этимъ послѣднимъ. Въ первый же походъ Турки, съ помощію Дорошенка, овладѣли Каменцомъ, о которомъ Величко пишетъ: «онъ яко Божіею силою «есть зъ натури уфундованній, такъ здавался быти въ очахъ людскихъ нѣгди недобутимъ». Самъ же Дорошенко, дотолѣ едва державшійся въ Чигиринѣ, овладѣлъ Уманью, столицею своего соперника Ханенко, и большею частью *тогобочной* Украйны. Впрочемъ, счастіе здѣсь постоянно переходило съ одной стороны на другую, и, когда Янъ Собѣскій, въ 1673 году, разбилъ Турковъ подъ Хотиномъ, то Ханенко съ польскими войсками и съ запорожцами, присланными изъ Сѣчи, едва было не захватилъ самого Дорошенка, осадивъ его въ Стеблевѣ, и доведши до послѣдней крайности. Однако, призванные на помощь Дорошенкомъ крымскіе Татары не только освободили его, но и заставили Ханенка искать спасенія на той сторонѣ Украйны у гетмана Самойловича, который принялъ его ласково и, по словамъ Величка, отвелъ ему *для житья* городъ, кто говоритъ, Козелецъ, а кто—Лохвицу. Такъ какъ русская Малороссія сравнительно съ *тогобочною* пользовалась несравненно бо́льшимъ спокойствіемъ и благосостояніемъ, то междоусобія и войны, которыхъ театромъ была постоянно *тогобочная* Украйна, эта арена, на которой состязались и въ могучихъ схваткахъ пробовали силы свои три великія державы: Россія, Польша и Турція, содѣйствовали къ населенію нашей сегобочной Украйны. Величко пишетъ: «Многіи «Уманцѣ и иныхъ Украинскихъ городовъ тамошнихъ жители тоей «беди (*) не дожидаючися, а свои красніе жилища угодія и всякіи «изобилія з великимъ жалемъ опустивши, тогожъ 1673 року прей«шли на сюю Днепра сторону». Весьма любопытныя и новыя находимъ у Величка (стр. 341—342) свѣдѣнія о Мазепѣ, который впервые въ исторіи Малороссіи является по слѣдующему случаю: Мы уже видѣли, что Запорожцы, не будучи благорасположены къ

(*) Т. е. угрожавшаго нашествія Турковъ.

Digitized by Google

Дорошенку за его союзъ съ Турками, поддерживали его соперника Ханенко. Восторжествовавъ надъ послѣднимъ и мстя Запорожцамъ, Дорошенко всѣхъ ихъ, сколько ему попалось въ руки, отправилъ въ подарокъ хану крымскому *чрезъ Ивана Мазепу, ротмистра надворной корогви своей.* Запорожцы на дорогѣ перехватили его, и, освободивъ своихъ собратій, чуть было не убили Мазепу, но потомъ, убѣжденные кошевымъ атаманомъ Сѣркомъ, заковали его въ крѣпкія кандалы, въ которыхъ онъ и находился нѣсколько лѣтъ. Тутъ-то по этому поводу Величко пишетъ о Мазепѣ: «Тотъ Мазепа былъ «значній шляхтичъ Козакорускій; отецъ его Степанъ Мазепа жилъ «въ Бѣлоцерковщинѣ, въ маетности своей Мазепинцяхъ. Сынъ его, «вислухавши прежде въ Кіевѣ риторики, одійшолъ до Полски, гдѣ «подобно скончавши философію, яко былъ дворакъ и бѣглецъ во «всякихъ рѣчахъ, залецился на службу до двору королевского, и «былъ близкимъ боку короля тогдашнего Яна Казимера. Егда же «тотъ король маршируючи подъ Глуховъ былъ въ Бѣлой Церкви, «тогда онъ, оставивъ королевскую службу, засталъ при отцу своему «еще въ живыхъ бывшему. Когда же—потомъ — Дорошенко гетма- «номъ поставленъ, тогда и онъ Иванъ Степановичъ Мазепа къ нему «Дорошенку присвоился, и для своей расторопности и цекавости «вскорѣ отъ Дорошенка учиненъ ротмистромъ надворной его ком- «паньи». Находясь въ плѣну у запорожцевъ, Мазепа усильно молилъ о своемъ освобожденіи гетмана Самойловича, который наконецъ выкупилъ его изъ неволи за тысячу талеровъ и 20 кухъ горѣлки (водки), и взялъ къ себѣ. Мазепа, какъ человѣкъ умный и дѣловой, ему былъ очень полезенъ, и за его усердную и вѣрную службу Самойловичъ сдѣлалъ его сначала дворяниномъ гетманскимъ, потомъ войсковымъ генеральнымъ эсауломъ. За всѣ эти благодѣянія Самойловича Мазепа послѣ отплатилъ тѣмъ, что былъ причиною безвинной гибели Самойловича и его семейства. Захвативъ Мазепу, кошевой атаманъ запорожскій Иванъ Сѣрко со всѣмъ войскомъ написали къ Дорошенку отъ 26 октября 1673 года преядовитое посланіе, пропитанное и желчью и юморомъ, которое любопытные могутъ прочитать у Величка, стр. 343 — 346. Хотя Дорошенко, вытѣснивъ Ханенко, и остался на томъ берегу Днѣпра единственнымъ гетманомъ, но многіе города, какъ-то Умань, Ладыжинъ, Лисянка и другіе, прежде состоявшіе подъ властію Ханенка, не признавали надъ собою власти Дорошенка. Вслѣдствіе этого, Дорошенко призвалъ на помощь Турковъ, которые въ 1674 году многочисленными полчищами явились въ Украйну. Жители ея, видя неминуемую гибель, умоляли Самойловича о помощи. Тотъ, по приказанію царя

Digitized by Google

Алексѣя Михайловича, вмѣстѣ съ русскими войсками, состоявшими подъ начальствомъ князя Ромодановскаго, перешелъ Днѣпръ, но не сдѣлалъ никакой помощи бѣднымъ Украинцамъ, а былъ только свидѣтелемъ паденія одного за другимъ украинскихъ городовъ. Весьма живо, подробно и даже краснорѣчиво описана у Величка исторія этого нашествія, уподоблявшагося Батыеву; мѣстами разсказъ его, при всей своей удивительной простотѣ, достигаетъ высокой степени драматическаго интереса. Чтобы показать, до какой степени Величко выше другихъ малороссійскихъ лѣтописцевъ, и оправдать наше мнѣніе, что онъ, какъ по добросовѣстному и умному собиранію матеріаловъ, по обилію новыхъ и достовѣрныхъ данныхъ, такъ и по простому, но мѣстами нелишенному истиннаго интереса разсказу, заслуживаетъ названіе историка, а не просто лѣтописца, мы приводимъ здѣсь разсказъ его о нападеніи Турковъ на Сѣчь Запорожскую, такъ какъ этотъ разсказъ, можно сказать, составляетъ отдѣльный эпизодъ. Мы видѣли вражду Дорошенка съ Запорожцами; будучи характера весьма мстительнаго, онъ подучилъ турецкаго султана на ихъ гибель. Султанъ приказалъ хану крымскому съ 15,000 янычаръ и съ своими ордами идти на Сѣчь и разорить ее. Далѣе мы будемъ говорить словами Величка, замѣняя только индѣ непонятныя читателю малороссійскія слова русскими: «Когда кончился «постъ Филиповскій, тогда онъ, Ханъ, со всѣмъ войскомъ своимъ «двинувшись изъ Крыму, пошолъ до Сѣчи Запорожской степями, по«одаль на нѣсколько миль отъ берега Днѣпровскаго, дабы не замѣ«чену быть отъ Запорожцевъ, по островахъ и вѣткахъ Днѣпровскихъ «зимовавшихъ; объ этомъ походѣ хана все войско низовое ни малѣйшаго «извѣстія не имѣло. Третьей тогда или четвертой ночи по Рожде«ствѣ Христовомъ, о полуночи, сблизившися Ханъ до Сѣчи, снялъ «чрезъ Орду сторожу Сѣчовую, за версту или за двѣ на мѣстѣ при«личномъ стоявшую. Отъ которой сторожи, когда увѣдомился, что «уже больше нигдѣ индѣ, и ни въ самой Сѣчи нѣтъ сторожи, и что «войско въ Сѣчи спитъ пьяное безпечно въ куреняхъ своихъ, радъ «тому былъ весьма, и тотчасъ одного лучшаго изъ поиманныхъ сто«рожей Запорожцевъ выбравши, и волю ему учинити зо собливимъ «награжденіемъ обѣщавши, приказалъ ему тою *фортою* (дверью), «какая по ихъ же сторожей показанію на тотъ часъ была незаперта, «впровадити янычаровъ пѣхотою внутрь Сѣчи Запорожской; и такъ «з тимъ вожемъ Запорозкимъ пославши всѣхъ янычаровъ въ Сѣчь, «приказалъ имъ вшедши въ нее какой слѣдуетъ учинить надъ пьяно«спящими Запорожцами промыселъ. А самъ Ханъ с Ордою вколо «Сѣчь объѣхавши, и густо обступивши, стоялъ не поодаль ея на

Digitized by Google

«готовѣ, чтобы и духа бѣжать имѣющихъ не выпустить Запорожцевъ. «*Но що чоловѣкъ собѣ обѣцуе, то Богъ ницуе:* аще бо и вѣдалъ «Ханъ тое, що войско между днями праздничными привыкло подпи-«вать и беспечно спать, но запамятовалъ то, что и множество его «на праздникъ до Сѣчи з луговъ Низо-Днѣпровыхъ привыкло соби-«раться, и что между ними больше трезвыхъ, чѣмъ пьяныхъ. И такъ «о томъ полуночномъ часѣ, когда все войско ниединой и нималѣйшей «прежде не имѣло въ себѣ тревоги и о намѣреніи бусурманскомъ «вѣдомости, и заключившись въ куреняхъ своихъ безпечно отпочи-«вало, тогда янычаре, пойманнымъ войждемъ Запорожскимъ незатво-«ренною фортою въ Сѣчь тихо уведенніи, всѣ оной улицы и переулки «собою наполнили, и какъ въ церквѣ стѣснились. Готовое же имѣя въ «рукахъ оружіе, Богомъ всевидящимъ наразумѣ были помраченны, «такъ что и не сообразили, что далѣе дѣлать и какимъ способомъ то «рыцарское Низо-Днѣпровскихъ казаковъ, какъ Мальтійскихъ кавале-«ровъ, гнѣздо опровергнути, и самихъ всѣхъ до конца тамъ же вы-«бити; ниже начальники ихъ янычарскіе, тѣсноты ради тогдашней, «могли другъ съ другомъ сойтись и посовѣтоваться, какъ свое злое «намѣреніе привести къ концу. Всю тогда, какъ выше мы сказали, «Сѣчь собою янычаре наполнивши и всѣми пушками Сѣчовыми ов-«ладѣвши, и всѣ вообще мѣста занявши, были нѣсколько часовъ въ «недоумѣніи и тихомъ молчаніи. Когда же з полуночи повернуло «(къ разсвѣту), и благоволилъ Богъ Вседержитель отъ настоявшея «тогда погибели соблюсти въ цѣлости *жребій* свой, тое Православное «и преславное войско Низовое Запорожское, тогда отгна сонъ въ «нѣкоемъ куренѣ едному Шевчику. Той убо, на дѣло свое вставши «и кватеку отворивши, когда сквозь оконечную щѣлину началъ при-«сматриваться, рано ли еще или нѣтъ, какъ увидѣлъ неожиданныхъ «гостей, и между ними непріятелей Турковъ биткомъ набитую улицу; «то, сего хотя и устрашился, однако тотчасъ нѣсколько свѣчекъ въ «куренѣ своемъ тихо засвѣтивши, далъ знать въ тихомолку пяти или «шести человѣкамъ казакамъ, въ томъ же куренѣ еще не спавшимъ, «но въ одномъ углѣ закрывшись тихо въ карты игравшимъ. Которые «то услыша и карты покинувъ, тотчасъ кинулись тихо до всѣхъ «оконъ куреня своего, и неоттворяя ихъ начали въ оконечніи щели-«ны присматриватись, правду ли имъ сказалъ Шевчикъ. Когда же и «сами увидѣли полную Сѣчь своихъ непріятелей Турковъ, тогда тот-«часъ всѣхъ своего куреня товарищей, которыхъ было до трехъсотъ «съ половиною, тихо побудили и бѣду предлежащую имъ открыли. «Они, какъ возможно поспѣшнѣе вставъ, тихо поубиравшись и сна-«рядившись оружіемъ, по наущенію своего атамана курѣннаго такой

Digitized by Google

«учинили порядокъ, что до каждаго окна по нѣскольку десятковъ «человѣкъ лутшихъ стрѣльцовъ поставили, съ тѣмъ, чтобы они без- «престанно стрѣляли, а другіе чтобы заряжали мушкеты. Каковый «порядокъ тако въ куренѣ томъ устроивши и Господу Богу помо- «лившись, тотчасъ всѣ окна и оконницы разомъ отворили, и густо «и безпрестанно въ тѣсноту янычаровъ начали стрѣлять и вельми ихъ «убивать. Что иные курени услыхавъ и тѣхъ же непріятелей своихъ «явно увидѣвъ, тотчасъ со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ оконъ курен- «ныхъ, по улицахъ и переулкахъ Сѣчовыхъ, сильно густый и не- «прерывный мушкетній огонь запалили, и какъ молніею непрестан- «ною темную тогда ночь въ Сѣчи своей просвѣтили, такъ тяжко раз- «Турковъ, что отъ одного выстрѣла два и три падало. Янычаре же «тѣсноты ради своей не будучи въ состояніи оружія своего до оконъ «курѣнныхъ просто исправити, на воздухъ стрѣляли, и какъ козлы, «между собою мятущися часто густо убиваеміи на землю падали, и «въ своей истой крови утопали. Когда же ихъ въ улицахъ и переул- «кахъ порѣдшало такъ, что едва третья часть въ живихъ осталась, «тогда Запорожцы, увидя, что изъ куреней одинъ противъ другого «на непріятелей стрѣляючи и сами себѣ должны были вредить, крик- «нули единогласного до ручного бою. И такъ тотчасъ со всѣхъ ку- «реней разомъ, съ мушкетами, съ луками, *списами*, саблями и дре- «коліемъ высыпавши, начали останокъ Турковъ тѣхъ невистрѣленныхъ, «ручнымъ боемъ доканчивати и нещадно убивать; и на самомъ раз- «свѣтѣ ихъ докончили и всю Сѣчь и всѣ курени со всѣхъ сторонъ, «даже и церковь Божественную и пушки всѣ кровію бусурманскою «окрасили и осквернили; и всѣ улицы и переулки Сѣчовіе тѣми не- «пріятельскими трупами съ ихъ же кровію споммѣшанными и силь- «нымъ тогдашнимъ морозомъ замороженными и склеѣнными, напол- «нили такъ, что изъ пятнадцати тысячъ Янычаръ едва полторы ты- «сячи съ Сѣчи убѣжало, и отъ Татаръ на ихъ коней было посажено. «Ханъ тогда съ Ордами, около Сѣчи стоявшій и ожидаемой ловитвы «чаявшій, неблагополучный конецъ дѣла увидѣвъ, восплакалъ, и какъ «волкъ (подобіемъ Мамая древняго отъ Россіянъ на полѣ Куликовѣ «и рѣкѣ Непрядвѣ побѣжденного) взвылъ, столь не малое число от- «борныхъ Стамбульскихъ янычаровъ сверхъ чаянія въ Сѣчи Запо- «рожской утративши и погубивши, съ котораго неблагополучія ве- «ликимъ страхомъ волнуемый отъ Сѣчи двинувшись днемъ и ночью «поспѣшалъ до Крыму, опасаясь, дабы и самого его раздразненные «Запорожцы, на коней всѣвши, не догнали и не разгромили. Скоро «тогда по хмурной и темной и многокровной ночи тогдашней, хмур- «ній и не веселій день дался видѣти очамъ людскимъ, тогда тотчасъ

Digitized by Google

«съ общаго войскового совѣта, а главное по приказанію Кошового «Сѣрка, подъ двѣ тысячи доброго панцерного товарищества Запорож-«ского на конь всѣвши, и около Сѣчи обыкновенную объѣздку учи-«нивши, пошло въ слѣдъ за Ханомъ, и мили двѣ съ половиною отъ «Сѣчи, прошедши и боязнь Ханскую, что онъ безъ всякого ковар-«ства бѣжалъ прямо въ Крымъ, уразумѣвши, повернуло и само до «Сѣчи и наконецъ службы Божьей поспѣло. А по службѣ Божьей «все войско общій благодарственный Богу Спасителю своему и Пре-«святой Дѣвѣ Богородицѣ и Защитницѣ своей всеблагоутробной мо-«лебенъ отпѣвши, разошлось до куреней своихъ, и чрезъ весь день «тотъ во всѣхъ куреняхъ гуляло, и съ оружія палило и изъ пушекъ «всѣхъ кровію бусурманскою довольно окропленныхъ палити велѣло, «трупы побитыхъ въ половину съ кровію и снѣгомъ смѣшанныхъ и «какъ валы и могилы по улицахъ и переулкахъ Сѣчовихъ смерзшихся «оставивши янычаровъ. Переночевавши тотчасъ какъ только стала «заниматься заря, немедленно по приказу Кошевого *ударено въ котлы* «на раду, въ которую когда войско сошлось, тогда совѣтовалось «(радилось), что дѣлать съ трупами побитыхъ янычаръ. На которой «радѣ одни радили — вытащивъ изъ Сѣчи трупы тѣ по ихъ же бу-«сурманскому обычаю попалить, а другіе молвили: поодаль отъ Сѣчи «на снѣденіе звѣрямъ и птицамъ оттащивши предать, третьи гово-«рили въ землю позарывать; четвертые совѣтовали: въ воду покидать. «Изъ этихъ совѣтовъ три оставлено, а именно: погребать въ землю, «потребовало бы много времени, а нихто даромъ трудиться и крѣпко «замерзшую землю копать не похочетъ; другой совѣтъ сжечь тѣла «оставленъ потому, что пришлось бы понапрасну потерять много «дровъ. Третье — еслибы отдать звѣрямъ на снѣденіе, тогда звѣри «тѣмъ розстервившись, и живому войску могли бы впредь вредить; «а на четвертомъ совѣтѣ все войско остановилось, а именно трупы «побитыхъ янычаръ, вытащивши изъ Сѣчи, Днѣпровскимъ отдать «глубинамъ и быстринамъ. По этому опредѣленію тотчасъ нѣсколько «сотъ человѣкъ на Днѣпръ для учиненія прорубей отправлено, а «инымъ трупы, въ кучи смерзшіеся, раздѣлять и къ тащенію при-«готовлять приказано; третьимъ немедленно съ конями и арканами «готовымъ быть съ общаго совѣта повелѣно. А когда въ обѣденномъ «часу козаки съ Днѣпра дали знать Кошовому и *атаманъ* (етар-«шинѣ), что пять или шесть обширныхъ прорубей на Днѣпрѣ уже «учинили, тогда тотчасъ велѣно трупы тѣ янычарскіе, въ своей соб-«ственной крови угрязнувшіе, и сильными тогдашними морозами «смерзшіеся, арканами привязывать, потомъ прикрѣплять до стремянъ «*кулбачихъ* и прочь изъ Сѣчи по нѣскольку, по двадцати и больше,

Digitized by Google

«*плитами* и *брилами* (*) вытаскивать, и тащить до прорубей, а пе-«шіе козаки, окружавшіе прорубы, тѣ труповъ янычарскихъ смерз-«шіеся *брили* въ проруби втаскивали и подъ ледъ отправляли. А «такъ какъ въ теченіе того дня всѣхъ труповъ изъ Сѣчи неуспѣли «выволочить, то и на другой день до поры обѣденной тѣмъ же дѣ-«ломъ войско было занято. Добычи Запорожцамъ отъ труповъ по-«битыхъ янычаръ досталось весьма не много, развѣ только оружіе; «ибо на побитыхъ и измерзшихся трупахъ кафтаны, кунтуши, ко-«жухи, шаравары, шапки, поясы и чоботы, отнюдь всѣ были въ «крови бусурманской какъ вымочены, и въ одну плиту измерзшіеся, «и еслибы ихъ хто похотѣлъ снимати, и руки свои тѣмъ сквернити, «то развѣ бы по одному трупу топоромъ розрубалъ и платье съ него «здиралъ лоскутьями. Ибо и оружіе какое осталось (сначала оружіе «тотчасъ по окончаніи битвы еще изъ средины труповъ не совсѣмъ «смерзшихся повытащено), достали не иначе, какъ разрубивъ трупы, «промежъ коихъ оно находилось, топорами, а *роги* и *шабелтаси* «также около нихъ обрѣзывали. Когда такимъ образомъ всѣ тѣ тру-«пы Днѣпровскимъ глубинамъ были отданы, тогда все войско обще «кинувшись, всѣ улицы и переулки въ Сѣчи, полные крови бусур-«манской, поочищали, повыскобливали и за Сѣчь съ снѣгомъ повы-«метали, также стѣны куренные и пушки Сѣчовые, кровью сильно «запачканные, пообтесовывали и пообмывали, и всю Сѣчь совершенно «отъ той скверны очистили. А переночевавши и рано утренюю, а по «ней и службу Божію (обѣдню) раножъ отправивши, къ тому же и «благодарственный молебенъ отпѣвши и воды освященіе учинивши, «пошли всѣ священники тамошніе Сѣчовые со всѣмъ клиромъ цер-«ковнымъ по всѣхъ улицахъ, куреняхъ и переулкахъ Сѣчовыхъ, без-«престанно молитвы отъ осквернѣнія читаючи и водою священною «вездѣ окропляючи. Тотчасъ послѣ оной церемоніи, отъ скверны «очистительной, все войско въ куреняхъ своихъ, а иные значитель-«нѣйшіе у Сѣрка атамана Кошевого, до самого вечера гуляло и под-«пивало, но уже тихо безъ громовъ пушечныхъ и ружейныхъ. Пе-«реночевавши, какъ скоро сталъ свѣтъ, немедленно все войско въ ряду «собралось и оружіемъ янычарскимъ въ кучи прежде сложеннымъ, «метавъ жребій по куренямъ по обычаю козацкому, подѣлилось и «приказало Кошевому своему Сѣрку до гетмана Дорошенка писать, «упрекая его въ таковомъ злобномъ противъ себя поступкѣ; а само «войско того же дня, одно въ острова и *вытки* свои розъѣхалось, а

(*) *Курсивомъ* означены тѣ слова, которыя по-русски перевести нѣтъ соотвѣт-ствующихъ словъ.

Digitized by Google

«другое до праздника Богоявленского въ Сѣчи удержалось, а по празд-«никѣ и то до своихъ вѣтокъ розъѣхалось». (Величка, стр. 356—364).

Не менѣе подробно и обстоятельно пишетъ Величко и о послѣдовавшихъ за симъ событіяхъ собственно Запорожской исторіи; такъ какъ она, можно сказать, составляетъ совершенно отдѣльную отъ общей исторіи Малороссіи часть, то мы и отсылаемъ читателя прямо къ книгѣ Величка. Но считаемъ долгомъ упомянуть, что описаніе похода кошеваго атамана Запорожцевъ Ивана Сѣрка въ Крымъ въ отмщеніе хану за его предательское нападеніе на Сѣчь, не только въ высшей степени любопытно, сообщая множество новыхъ подробностей, характеризующихъ то время и его дѣятелей, но и написано увлекательно, живо и наглядно. Тутъ же Величко вставилъ вполнѣ письмо кошеваго Сѣрка къ хану, образецъ простаго, даже грубаго, но выразительнаго слога. (Величка, стр. 365—384). Извѣстіемъ о кончинѣ митрополита кіевскаго Іосифа Тукальскаго и Польскаго, эпитафіею, ему сочиненною, оканчивается у Величка *роздѣлъ* XVI, въ коемъ событія исторіи Малороссіи доведены до кончины царя Алексѣя Михайловича или до 1676-го года. (Величка, стр. 384—388).

Документы, коими изобилуетъ лѣтопись Величка, придаютъ ей, ужъ и безъ того обильной новыми и важными фактами, еще болѣе важности. Такъ, напримѣръ, въ помѣщенномъ въ роздѣлѣ XVII, прелюбопытномъ письмѣ гетмана Дорошенка къ кошевому атаману Ивану Сѣркѣ (Величка, стр. 390—394), въ коемъ онъ оправдывается отъ клеветъ, которыя противъ него распущалъ гетманъ Иванъ Самойловичъ, яко бы онъ, Дорошенко, съ Татарами воюетъ *сегобочную* Украйну, читаемъ слѣдующее, въ высшей степени важное мѣсто: «Подъ часъ нынѣшняго упадку и всеконечного безсилія «Поляковъ, могли бы мы, при всесильной помощи Божіей, *взгля-«домъ уволненя* отъ ихъ Поляковъ *Подолскихъ, Волынскихъ, По-«лѣскихъ и Литовскихъ градовъ и земель нашихъ*, прежде Пра-«вославныхъ, нынѣ же въ Унію насильственно обращенныхъ, *Русскихъ* «того (*на чомъ и Богдана Хмельницкого антецессора моего, до-«бре памятнаго была интенція*), *доказати и въ вожделѣную «старожитной свободы ихъ и Святого Православія преоблекти «визу*» Изъ этого видно, какъ жестоко ошибаются тѣ, которые видятъ въ возстаніи Богдана Хмѣльницкаго вспышку простаго негодованія противъ утѣсненія паповъ, или, что еще хуже, разъигравшееся буйство и своеволіе казаковъ, будто бы враговъ всякаго благоустройства. Нѣтъ! Въ западной Россіи, не смотря на двухсотлѣтнее порабощеніе Поляками, живо сохранилось воспоминаніе о томъ, что нѣкогда она была самостоятельной, и Богданъ Хмѣльницкій

Digitized by Google

и нѣкоторые изъ его преемниковъ имѣли въ виду освободить отъ Поляковъ не одну Малороссію только, но вообще всю западную Россію; преданіе о народной самобытности, поддерживаемое ненавистью къ Полякамъ, живо было въ западной Россіи въ XVII вѣкѣ. Честолюбію Дорошенка скоро были положены предѣлы. Гетманъ Самойловичъ донесъ царю Ѳеодору Алексѣевичу, что союзники Дорошенка. орды Крымскія и Бѣлогородскія, каждое лѣто опустошая Волынію и Подолію, на обратномъ пути вторгаются всегда и въ сегобочную Украйну, и «что даже самые Чигиринскіе жители, съ Та«тарами содружившись и на кони ихъ всѣвши, въ эту Днѣпра сто«рону вторгались; сами всякія движимыя имѣнія людскія себѣ в ко«рысть брали, а братію свою Православныхъ Христіанъ безъ вся«каго милосердія въ неволю бусурманамъ похищать и отводить» (Величка, стр. 397). Вслѣдствіе этого повелѣно было князю Григорію Григоріевичу Ромодановскому вмѣсмѣ съ гетманомъ Самойловичемъ идти на Чигиринъ и вытѣснить Дорошенка. Наскучивъ вреднымъ союзомъ съ невѣрными, Дорошенко, лишь только въ январѣ 1676 года Ромодановскій и Самойловичъ подступили къ Чигирину, сложилъ съ себя гетманство и сдалъ городъ. Отправленный на жительство въ Москву, Дорошенко женился тамъ на дочери одного знатнаго боярина и мирно окончилъ дни свои. Чигиринъ же сдѣлался предметомъ состязанія Турковъ и Русскихъ; не думая отказаться отъ владычества надъ Украйною, Турки выставили съ своей стороны гетманомъ Юрія Хмѣльницкаго, сына знаменитаго Богдана. Мы видѣли, что Юрій постригся въ монахи подъ именемъ Гедеона, но этимъ не кончилось его житейское поприще. Послѣ взятія Каменца Турками, Юрій Хмѣльницкій, или, какъ его называютъ Величко и другіе малороссійскіе лѣтописцы, Хмѣльниченко, находясь въ дорогѣ изъ Умани въ Кіевъ, былъ захваченъ Татарами, которые и отправили его въ Константинополь, гдѣ онъ и жилъ, пока Турки, потерявъ Дорошенка, не вывели Юрія изъ монастыря, и, сдѣлавъ его гетманомъ съ титуломъ князя русскаго, послали его въ Украйну, воображая, что одного имени Хмѣльницкаго будетъ достаточно привлечь всѣхъ Малороссіянъ на его сторону. Однако, весьма немногіе признали Юрія гетманомъ; первое же нападеніе Турковъ на Чигиринъ въ августѣ 1677 года, описанное у Величка весьма подробно и живо (стр. 418—452), кончилось совершеннымъ ихъ пораженіемъ. Не таковъ былъ результатъ вторичнаго, случившагося въ 1678 году, нападенія Турковъ на Чигиринъ, превосходно описаннаго Величкомъ (стр. 453—466). Въ глазахъ Ромодановскаго и Самойловича, дѣйствовавшихъ робко и нерѣшительно, Чигиринъ палъ, и мужест-

Digitized by Google

венный гарнизонъ его весь истребленъ; доблестные же вожди—Ромодановскій и Самойловичъ, рады были, что успѣли, по добру-поздорову, оставить между собою и Турками Днѣпръ, не безъ потери, однако, значительной части войска. А всѣ города тогобочной Украйны разрушены въ конецъ Турками. Описавъ эти плачевныя событія, Величко замѣчаетъ: «Пропалъ Чигиринъ и остатокъ тогобочной «Украины для неслушности и коварства Ромодановскаго, а подобно «и для недоброхотства къ нему Самойловичего; бо ясно тое между «войскомъ Великоросійскимъ и Малоросійскимъ—было грухнуло, «что визирь Турецкій, имѣя у себя въ неволѣ Андрея Ромодановскаго, пойманнаго Татарами въ Украйнѣ въ 1668 году, велѣлъ сказать Ромодановскому: если ты меня не допустишь взять Чигиринъ, «такъ я велю съ сына твоего живого содрать кожу, и, наполнивъ «ее сѣномъ, пришлю тебѣ». Запорожцы прислали Самойловичу обличительное посланіе отъ 25 сентября 1678 года, гдѣ винили его, что онъ, ради своего честолюбія, былъ виною совершеннаго запустѣнія тогобочной Украйны. (Это посланіе напечатано у Величка, стр. 466—472). Не смотря на опасность, угрожавшую Польшѣ со стороны Турковъ, безнаказанно опустошавшихъ ее до самыхъ ея нѣдръ, король польскій, Янъ Собѣсскій, старался о введеніи уніи во всѣхъ ея областяхъ, еще оставшихся вѣрными православію, и съ этою цѣлію назначилъ съѣздъ въ Люблинѣ, въ январѣ 1680 года. Циркуляръ короля, созывавшій епископовъ, и любопытныя подробности объ этомъ съѣздѣ, который не послужилъ ни къ чему, развѣ только взволновалъ умы, находимъ у Величка (стр. 473—489). Такъ какъ распространился было слухъ, будто Турки намѣрены возобновить нападеніе на Сѣчь, то гетманъ Самойловичъ и писалъ къ атаману кошевому Сѣркѣ и Запорожцамъ (письмо находится у Величка, стр. 489—492), предостерегая ихъ, и обѣщая, въ случаѣ надобности, помочь войсками велико-и мало-россійскими. Короткій и сухой отвѣтъ Запорожцевъ, крайне недовольныхъ Самойловичемъ (у Величка стр. 492—493), весьма любопытенъ; поблагодаривъ за готовность его помочь имъ, они пишутъ: «Впрочемъ, если бы Ваша «Вельможность для нужды нашей вздумалъ безпокоить свою гет«манскую особу съ такою пріязнію и доброхотствомъ, какую вы уже «обнаружили къ Ладыжину, Умани, Чигирину, Каневу и инымъ «Украинскимъ городамъ и повѣтамъ сегобочнымъ, то лучше совѣту«емъ оставаться вамъ дома, а не любоваться вблизи, какъ мы будемъ «погибать, какъ равнодушно смотрѣли вы на гибель Чигирина». Какой ѣдкій упрекъ гетману, и притомъ, какъ ловко высказанный; вообще эти письма Запорожцевъ, коими изобилуетъ книга Величка, въ

Digitized by Google

высшей степени интересны и оригинальны. 1-го августа 1680 года умеръ, пишетъ Величко, славній атаманъ кошевій Иванъ Сѣрко. Преемникъ его, Иванъ Стягайло, написалъ къ Самойловичу, отъ 10 августа 1680 года, письмо (у Величка стр. 498—500) гораздо болѣе дружелюбное. Одинъ изъ Запорожцевъ, Суховѣй, вздумалъ было идти по стопамъ Дорошенка, и надъ остатками тогобочной Украйны быть гетманомъ; однако Самойловичъ не далъ ему привести въ исполненіе этого замысла, и заставилъ ни съ чѣмъ возвратиться на Сѣчь (у Величка стр. 509—511). Король польскій, Янъ Собѣсскій, не смотря на неуспѣхъ, сопровождавшій съѣзъ Люблинскій, не отказался отъ мысли—во всей западной Руси, подвластной Польшѣ, ввести унію, и съ этою цѣлію склонилъ на свою сторону епископа львовскаго, Іосифа Шумянскаго, дотолѣ ревнителя православія: любопытныя подробности объ отступничествѣ Шумянскаго и объ усиліяхъ короля Яна III ввести унію, находимъ у Величка (стр. 503—509). Упомянувъ о смерти царя Ѳеодора Алексѣевича и о воцареніи Іоанна и Петра Алексѣевичей и сестры ихъ Софіи, Величко (стр. 513) такъ оригинально рисуетъ намъ портретъ Великаго Петра: «Тотъ царь Петръ бысть великотѣлесенъ и многосиленъ, быстро-«уменъ, къ бранемъ и разнымъ потѣхамъ приклоненъ; лица былъ «бѣловдячного, взору очесъ прозорливого и грозного, власовъ з на-«туры рудыхъ, обаче всегда чернофарбуемыхъ и мало кому свѣдо-«мыхъ, гласу бысть сипкогрубаго. По Нѣмецкому добрѣ говорити «изучился, майстеръ бысть совершенной корабелного строенія и «штуки токарской». Далѣе (стр. 513—519), у Величко слѣдуетъ бѣглый, но довольно подробный обзоръ исторической дѣятельности Петра Великаго; мы выпишемъ то, что непосредственно относится къ политикѣ его относительно Исторіи Малороссіи: «Императоръ «сей Російскій первый, Петръ Великій, во время вшествія Швед-«скаго въ Малороссію, року 1708, любо (хотя) видалъ (издалъ) пе-«чатніи свои грамоти, виражаючи въ нихъ прошлии на разныхъ мѣ-«сцахъ военніи надъ Шведомъ побѣды и утвержаючи народъ Мало-«россійскій въ вѣрности ку себѣ, а обѣшаючи за тую вѣрность, въ «первой грамотѣ, по отдаленю непріятеля Шведа отъ своей Дер-«жави такими волностями Малороссіянъ ударствовати, яковими ни-«хто з подданнихъ подъ свѣтомъ у своихъ Монарховъ не имѣлъ по-«хвалитися; однакъ з тоею обѣтницею удержавшись, заразъ по кон-«чинѣ Гетмана Скоропатскаго, року 1722, надъ чаяніе Малороссій-«ское, мимо древніе права и волности войска Запорожского и наро-«ду Малоросійского, вмѣсто гетмана устроилъ въ Малой Росіи Кол-«легію и збори разніе нѣгди предъ тимъ не бывалии учредилъ и

Digitized by Google

«обременилъ зѣло всѣхъ Малороссіянъ, такъ шляхетской Козацкой, «яко и посполитой кондиціи сущихъ». Здѣсь Величко, какъ и всѣ другіе малороссійскіе лѣтописцы, увлекшись любовію къ прошедшему своей родины, ложно обсудилъ дѣйствія Великаго Петра. Этотъ мудрый государь смотрѣлъ, сглаживая слѣды самостоятельности Малороссіи, не на интересы одной области, но на пользу всего государства, которая, конечно, не допускаетъ въ одномъ и томъ же государствѣ отдѣльнаго порядка вещей для каждой области. Притомъ, порядокъ вещей, существовавшій въ Малороссіи, уже пережилъ свое существенное назначеніе; онъ былъ искусственный, вызванный необходимостью постоянной обороны противъ Поляковъ, Татаръ и Турковъ. Когда же Малороссія сдѣлалась составною частью Россіи, а преобразованіе Петра дало этой послѣдней новыя силы, тогда Малороссія уже перестала нуждаться въ своемъ исключительномъ устройствѣ, и съ другой стороны, наравнѣ съ другими областями государства, должна была нести его повинности. Патріотизмъ Величка несравненно болѣе примирительнаго и безпристрастнаго характера, чѣмъ патріотизмъ Конисскаго, автора «Исторіи Русовъ». Любовь этого послѣдняго къ родинѣ—какая-то фанатическая, граничащая съ энтузіазмомъ; желчною, горькою насмѣшкою, даже ложно составленными обвиненіями, преслѣдуетъ онъ тѣхъ, въ комъ думаетъ видѣть враговъ своей родины. Не таковъ характеръ любви Величка къ родинѣ: онъ такъ же сочувствуетъ ея славному прошедшему, сожалѣетъ о немъ, но внутренно сознаетъ, что прошедшее невозвратимо, что облеченная въ форму казачества самобытность Малороссіи была ненадежна, и что для этого славянскаго ручья не могло существовать иной болѣе славной будущности, какъ влиться въ русское море.

Обращенная въ пустыню, западная, или тогобочная, Украйна состояла подъ властію Турковъ. Султанъ турецкій въ 1683 году отдалъ ее во владѣніе Дукѣ, господарю волошскому. Величко (стр. 527) говоритъ: «Сказывали, будто Господарь Дука за немалую «сумму купилъ было себѣ у Царя Турецкого пустую Козацкую «Украйну, и для своего въ ней панованія желалъ наполнить ее людьми съ Восточнаго берега Днѣпра; а для своей Господарской резиденціи въ полку Браславскомъ за Бугомъ, въ городкѣ Печеръ, велѣлъ себѣ выстроить знаменитый домъ, и въ немъ живучи, хотѣлъ владѣть обѣими землями—Украинскою и Волошскою». Впрочемъ, гетманъ Самойловичъ не допустилъ его привести въ исполненіе этотъ умыслъ, и стражайше запретилъ жителямъ *сегобочной* Украйны переходить на тотъ берегъ Днѣпра (стр. 528—531). Довольно по-

Digitized by Google

дробно разсказывая о случившемся въ этомъ (1683) г.—освобожденіи города Вѣны королемъ польскимъ Іоанномъ III, Величко (стр. 535) упоминаетъ объ одномъ обстоятельствѣ, объясняющемъ удивительный успѣхъ послѣдняго,—обстоятельствѣ, о которомъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ намъ не случилось встрѣчать намека, а именно: что Іоаннъ III находился въ тайныхъ ссылкахъ съ ханомъ крымскимъ, и убѣдилъ его не усердно помогать Туркамъ. Хотя гетманъ Самойловичъ универсалами и запретилъ казакамъ идти на помощь королю Іоанну, звавшему ихъ въ походъ, однако, благодаря щедрымъ обѣщаніямъ этого послѣдняго, съ нимъ въ походѣ къ стѣнамъ Вѣны было до 20 тысячъ казацкаго войска съ полковниками Палѣемъ, Искрою и Самусемъ. Любопытныя извѣстія у Величка (стр. 546—547) находимъ о послѣднихъ годахъ жизни и о смерти Юрія Хмельницкаго: «Отставивъ Дуку, Царь Турецкій вручилъ власть надъ запустѣлою «Украйною *нестатковъ* и розстризъ Юрасовѣ Хмельниченковѣ; а учи- «нивши его своимъ на Украйнѣ Гетманомъ, придалъ еще титулъ и «Княженія Сарматійского и велѣлъ ему жить въ Немировѣ, владѣючи всею «Украйною тогобочною и справуючися на томъ урадѣ Гетманскомъ «такъ, какъ бы надлежало доброму и *цнотливому* справоватись че- «ловѣку. Невѣдомо, сколько годовъ онъ Хмельниченко въ Немировѣ «гетмановалъ, что з Гетманского и княжеского титулу поднесся въ «пыху (гордость) великую, и не только въ Немировѣ и во всѣхъ «околичныхъ городахъ и селахъ тамошнихъ, *дабелами* издирствами «небывалыми и работизнами несносными отяготилъ было жителей; «но и многихъ, не заслуживавшихъ смерти, тирански поступаючи, «безбожно погубилъ и позабивалъ невинно, отнюдь никому не пока- «зуя милосердія; и если только бывало хотя малую причину на кого- «нибудь находилъ, то безъ всякого милосердія и респекту строги «приказывалъ забивати и умерщвляти; такъ, напримѣръ, Кова- «ленка, полковника Браславскаго, пріѣхавшаго къ нему съ по- «здравленіемъ на праздникъ, велѣлъ разстрѣлять, вспомнивъ ка- «кое-то непріятное слово, нѣкогда Коваленкомъ ему сказанное. «Когда же приспѣло время и самому злому злѣ погибнути, тогда «одинъ богатый жидъ Немѣровскій Орунъ безъ его Хмельниченкова «вѣдома, по своему жидовскому обыкновенію, отправилъ веселе «(свадьбу) сыну своему. За что онъ Хмельниченко узлившися ве- «лѣлъ жида Оруна поймать и къ себѣ привести; но когда жидъ «остерегшись ушолъ, тогда жидовка Оруниха въ дому своемъ взя- «та и до Хмелниченка приведена, которую Хмелниченко безъ вся- «кого разсмотрѣнія, за пречоное веселле, велѣлъ живую облупи- «ти (съ живой содрать кожу). Тогда жидъ Орунъ увѣдомясь о та-

Digitized by Google

«комъ Хмельниченковомъ надъ женою своею тиранствѣ и самъ то-«го же боячись, скоротечно забѣгъ до Каменца Подолского и всѣ «поступки здирства и тиранства Хмелниченка, со слезами подроб-«но донесъ пашѣ Каменецкому; а паша о томъ донесъ въ Стамбулъ «(Константинополь). Зъ Стамбулу тотчасъ до паши того Каменец-«кого и еще до двухъ пашей, присланъ указъ, дабы Хмельниченка «изъ Немирова въ Каменецъ призвали, о всѣхъ поступкахъ его ро-«зыскали и по заслугахъ судили. Жидъ доказалъ Хмельниченку при-«званному въ Каменецъ передъ пашами съ очей на очи все, о чемъ «заочно доносилъ. Тогда всѣ три паши выѣхали изъ Каменца къ «Дунаю, тамъ у конца мосту Дунайского за всѣ злые поступки «розстригу Хмельниченка судили и къ смерти присудили. Вслѣд-«ствіе этого опредѣленія янычаре, тотчасъ схвативъ Хмельниченка, «закинули ему на шею веревку и тамъ тотчасъ его удавили». Таковъ былъ безславный конецъ безславной жизни сына знаменитаго Богдана Хмельницкаго. По кончинѣ Хмельниченка, отъ господаря волошскаго присланъ былъ въ Немировъ наказнымъ турецкимъ гетманомъ Янѣй Драгиничъ, человѣкъ добрый и спокойный. Король польскій Іоаннъ III выгналъ Драгинича и на мѣсто его посадилъ гетманомъ Куницкаго. Величко пишетъ (стр. 548): «По Куницкомъ «были еще въ Немировѣ Гетманы отъ Поляковъ Могила и Самусь; «но нѣтъ вѣдома, въ которомъ именно году дѣлались Гетманами, «сколько времени оставались Гетманами и когда перестали гетман-«ствовать». Такъ гетманство въ западной Украйнѣ, гдѣ оно перво-начально возъимѣло начало, пало само собою, силою обстоятельствъ. Дальше Величко (стр. 550) пишетъ. «Послѣ Самуся Гетмановъ въ «Немировѣ и Браславѣ болѣе уже не было, а было полковники: «Туркулецъ, Абазинъ и иные, имѣя при себѣ войско Козацкое и «Волошское, готовое на защиту Польши; *но и тіи вси вскорѣ чрезъ «хитрянство Лядское преведени и на пшекъ введени*». Любопыт-но обстоятельство, которому присываетъ Величко (стр. 553) послѣ-довавшую за тѣмъ у Россіи съ Крымомъ войну: «во время размѣна «обосторонняго плѣнныхъ, взятыхъ въ Чигиринскую войну, подъ «Переволочною, Татары, получая подарки отъ Государей Російскихъ, «*на досажденіе Россіяномъ вимовляли, же* (что) *тіе подарунки «мають отъ Монарховъ Російскихъ чрезъ шабли*». Таковъ-то былъ предлогъ къ началу войны Россіи съ Крымомъ, которой гетманъ Самойловичъ обязанъ былъ концемъ не только власти, но и жизни.

Любопытны и важны подробности, находимыя у Величка, о переговорахъ Польши съ Россіею о заключеніи вѣчнаго мира. Андрусовскій договоръ, по краткости времени, на которое былъ заклю-

Digitized by Google

ченъ, скорѣе можно назвать перемиріемъ; а взаимная польза обоихъ государствъ, Россіи и Польши, равно угрожаемыхъ общимъ врагомъ Турками, требовала прочнаго и тѣснаго между ними союза. Въ 1680 году были посыланы въ Польшу для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ окольничій Прончищевъ и думный дьякъ Емельянъ Украинцовъ. Объ ихъ пребываніи въ Польшѣ и переговорахъ съ тамошними думными людьми находимъ любопытныя подробности у Величка, стр. 393—397, извлеченныя изъ діаріуша или дневника посольства, писаннаго на польскомъ языкѣ. Вѣчный миръ между Россіею и Польшею заключенъ наконецъ въ Москвѣ въ 1686 году; у Величка (стр. 562—594) договоръ помѣщенъ вполнѣ (договоръ заключалъ въ себѣ 33 статьи). За тѣмъ у Величка (стр. 594—597) слѣдуетъ универсалъ короля Іоанна III, которымъ онъ, по просьбѣ Іосифа Шумянскаго, епископа львовскаго, предоставилъ греко-россійскому духовенству относительно ихъ имуществъ тѣ же права, какими пользовались духовныя лица римскаго исповѣданія. Вслѣдствіе вѣчнаго мира, заключеннаго въ 1686 году между Россіею и Польшею, король польскій Іоаннъ III послалъ запорожскимъ и донскимъ казакамъ грамоту (у Велички стр. 597—602), въ коей зоветъ изъ нихъ охотниковъ въ свое войско. Второй томъ лѣтописи Величка оканчивается 1686 годомъ, и именно: *списокъ благословенной грамоты Іоакима Московскаго Патріарха Митрополиту Кіевскому Гедеону-Святополку князю Четвертинскому* (стр. 603—612).

Мы нарочно вдались въ подробности при разборѣ лѣтописи Величка, желая обнаружить хотя отчасти все богатство такъ тщательно и добросовѣстно собранныхъ въ ней историческихъ матеріаловъ, изъ которыхъ весьма многіе, даже большую часть можно найдти только у него. Не довольствуясь свѣдѣніями, найденными въ казацкихъ лѣтописяхъ, большая часть коихъ намъ донынѣ неизвѣстна, Величко вносилъ въ свою *лѣтопись* всѣ акты и документы, какіе только попадались ему подъ руку, и тѣмъ несказанно много придалъ ей важности и цѣны. Притомъ, какъ въ собраніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ казацкихъ лѣтописцевъ, такъ и во внесеніи въ свою лѣтопись подлинныхъ документовъ, Величко руководствовался истинно историческимъ тактомъ, замѣнявшимъ ему историческую критику, которой онъ не могъ знать; у него не найдете полу-вымышленныхъ и сказочныхъ разсказовъ и подробностей, которыми такъ изобилуетъ *Исторія Русовъ*; равно не найдете перевода весьма плохаго сочиненія *Шевалье* о казацкихъ войнахъ, который Ригельманъ вставилъ въ свое сочиненіе, гдѣ, конечно, много важнаго, но

Digitized by Google

еще болѣе пустаго и лишняго. Наконецъ, что̀ касается до изложенія и слога, то и въ этомъ отношеніи Величко̀ по справедливости долженъ занять первое мѣсто между малороссійскими лѣтописцами; его сочиненіе, скромно имъ названное *лѣтописью*, исполнено мѣстъ высокаго историческаго интереса, и въ малороссійской литературѣ должно занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе всего этого, не можемъ не принести живѣйшей благодарности отъ лица всѣхъ, занимающихся отечественной исторіей, *Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ* за обнародованіе столь любопытнаго и важнаго матеріала для Исторіи Малороссіи, и съ нетерпѣніемъ ждемъ появленія *третьяго* тома Величка, который, какъ думаемъ, будетъ вмѣстѣ и послѣднимъ.

А. КЛЕВАНОВЪ.

Апрѣля 3, 1852 г.

СИЛА ВОЛИ. Романъ Г. *Такарева*. Тифлисъ. Въ тип. Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. 1852. Въ 12 д. л., стр. 243.

Авторъ этого романа задалъ себѣ—развить философскій тезисъ: что̀ можетъ сдѣлать человѣкъ, обладающій силою воли.

Герой его, какъ выражается самъ авторъ, «по имени Георгій, по отечеству Александровичъ, по фамиліи Вендовъ, по роду графъ, по чину ротмистръ гвардіи», — остался рано круглымъ сиротою и обладателемъ огромнаго состоянія. Опекунъ далъ ему образованіе блестящее, по поводу котораго молодой графъ Георгій, еще бывши юношею, «прекрасно изъяснялся и писалъ на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ, читалъ Горація и Пиндара à livre ouvert, и легко, свободно выдержалъ экзаменъ на кандидата. Стрѣлялъ какъ Прево, бился на шпагахъ какъ Севербрюкъ, ѣздилъ верхомъ какъ графъ Левашовъ, рисовалъ какъ Соколовъ, игралъ на фортепьяно какъ маленькій Рубинштейнъ, и пѣлъ какъ Маріо». Всѣ эти необыкновенные таланты не спасли, однакожъ, его отъ обыкновенныхъ глупостей молодости. Попавъ на свою волю, графъ Георгій очень скоро разочаровался жизнью, какъ Чальдъ-Гарольдъ, а вслѣдъ за тѣмъ промоталъ и все свое имѣніе, какъ Блудный сынъ. Бывши Чальдъ-Гарольдомъ, онъ хотѣлъ застрѣлиться отъ скуки, отъ пресыщенія всѣми благами жизни; кончивъ карьеру, какъ Блудный сынъ, т. е. оставшись безъ куска хлѣба, онъ снова захотѣлъ жить, для того, чтобы бороться съ судьбой.... Здѣсь проявляется въ героѣ первый признакъ его силы воли.

«Перешедъ отъ состоянія Лукулла къ состоянію пролетарія», Георгій перешелъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, изъ гвардіи въ гражданскую

Digitized by Google

службу, и началъ добывать себѣ копѣйку трудомъ.... Зная, что онъ превосходно стрѣлялъ, превосходно бился на шпагахъ, превосходно рисовалъ, и, наконецъ, превосходно игралъ на фортепьяно и пѣлъ, читатели, вѣроятно, подумаютъ, что герой г. Такарева, для поддержки своего существованія, непремѣнно прибѣгнулъ къ которому-нибудь изъ этихъ талантовъ? Ничуть не бывало: Георгій не захотѣлъ воспользоваться ни однимъ изъ нихъ, а просто «подрядился съ нѣкоторыми журналами поставлять имъ статьи», которыя, какъ говоритъ авторъ, не доставляли ему большаго дохода. При его искусствѣ играть на фортепьяно, какъ Рубинштейнъ, и пѣть, какъ Маріо, кажется, гораздо было бы ему выгоднѣе дать вокальный или инструментальный концертъ.

Говорятъ, что когда придетъ бѣда на человѣка, такъ жди другой, жди и третьей. Точно то же случилось и съ Георгіемъ. Потерявъ состояніе, онъ, какъ на-смѣхъ, встрѣтилъ въ самое это время «женщину прекрасную, въ лицѣ которой, казалось, такъ и отпечатывалась доброта, отъ которой, казалось, такъ и вѣяло страстью, которая такъ и *благоухала* любовью». Онъ полюбилъ ее истинно, въ первый разъ въ жизни, и «оглушенный, отуманенный, упоенный, забылся до того, что разъ какъ-то высказалъ ей, какъ горячо онъ любитъ ее.... Но красавица холодно и насмѣшливо, съ высоты своего величія, напомнила ему—кто онъ и кто она».

Результатомъ этого холоднаго отказа было то, что Георгій занемогъ горячкою. Онъ выздоровѣлъ, но за двумя первыми бѣдами нагрянула, по обыкновенію, третья. «Время болѣзни и бездѣйствія значительно уменьшило его доходы, тогда какъ леченіе увеличило расходы». Георгій, спасшись отъ горячки, чуть-чуть не умеръ съ голода. Но натура его была крѣпка, и чѣмъ больше бѣдъ разражалось надъ нимъ, тѣмъ упорнѣе проявлялась въ немъ сила воли. Еще больной и слабый, онъ снова принялся работать, думать, и размышленіе навело его на то, что ему не достаетъ еще нравственнаго воспитанія. Тутъ онъ началъ себя перевоспитывать, и «наконецъ, достигъ до *удовлетворительныхъ результатовъ*. Онъ создалъ себѣ свои основныя начала, съ которыми онъ можетъ уже выдержать всѣ удары судьбы.—Онъ *выцѣдилъ* этотъ благодѣтельный сокъ изъ пота, крови и слезъ своихъ».

Когда Георгій кончилъ такимъ образомъ свое нравственное образованіе и когда три бѣды прошли надъ нимъ, судьба опять ему улыбнулась, и къ пріобрѣтенной имъ силѣ воли присовокупила снова силу богатства: ему досталось наслѣдство отъ какого-то дальняго родственника. На этотъ разъ Георгій распорядился своимъ богатст-

Digitized by Google

вомъ благоразумнѣе: вмѣсто того, чтобъ безпутно его проматывать, онъ поѣхалъ сперва путешествовать по Европѣ, а потомъ отправился на Кавказъ, во-первыхъ для того, чтобы «отъ жизни образованной перейдти къ жизни дикой», а во-вторыхъ, «наслышавшись, что Кавказъ самая лучшая школа для молодыхъ людей, онъ захотѣлъ пополнить имъ свое воспитаніе, далеко еще не совершившееся вполнѣ, хотя многое уже сдѣлано было имъ для него. *Выцѣдивъ* себѣ изъ опыта правила и основныя начала жизни, онъ захотѣлъ еще приспособить къ нимъ свою волю и закалить ее такъ, чтобы съ нею онъ могъ все предпринять и все исполнить».

Вступивъ снова въ военную службу и пріѣхавъ въ Тифлисъ, Георгій ждетъ тамъ, впродолженіе нѣсколькихъ дней, командировки въ экспедицію. Вотъ отрывки изъ его дневника, писанные въ это время:

«Да, я забылъ, между прочимъ, сказать, что я познакомился здѣсь съ одною женщиною, которая обратила на себя мое вниманіе. Во всякомъ другомъ городѣ, даже я, вѣроятно, замѣтилъ бы ее, но въ Тифлисѣ, гдѣ такъ немного дамъ, особенно теперь, лѣтомъ, это лицо не только остановило, но даже поразило мое вниманіе. Баронесса Штейнгауптъ принадлежитъ къ одной изъ лучшихъ фамилій у насъ въ Россіи. Она такъ хороша собою, ея томныя, голубыя очи, ея богатые льняные локоны, бѣлизна ея лица,—рѣдкость здѣсь—въ Грузіи, странѣ черноокихъ красавицъ,—такъ очаровательны, что будь я помоложе нѣсколькими годами, я влюбился бы въ нее какъ дуракъ, т. е. какъ двадцатилѣтній юноша. Эта женщина умна, образованна, начитана, съ прекрасными аристократическими манерами, богата, съ большимъ знаніемъ свѣта и умѣньемъ жить, однимъ словомъ,—эта женщина вполнѣ то, что въ столицахъ называютъ львицею. Ея мужъ занимаетъ здѣсь значительное и почетное мѣсто и теперь въ походѣ. Познакомившись, я скоро сблизился съ нею. Неудивительно: мы здѣсь, можетъ быть, только двое, которые вполнѣ понимаемъ другъ друга».

У баронессы обѣдъ. Послѣ обѣда, она, со всѣми гостями, а въ томъ числѣ и съ Георгіемъ, ѣдетъ на прогулку, верхомъ. Георгій подлѣ нея. Когда кавалькада выѣхала за городъ и взобралась на одно возвышеніе, баронесса предлагаетъ ему остановиться и полюбоваться видами.

«Черезъ эту остановку,—продолжаетъ опять Георгій въ своемъ дневникѣ,—мы нѣсколько отстали отъ другихъ, и потому, когда мы увидѣли себя наединѣ, между нами завязался разговоръ, который не могъ бы продолжаться при другихъ, потому что, вѣроятно, онъ не былъ бы понятъ.

Digitized by Google

— Скажите, спросила она меня:—вы, вѣрно, не успѣли еще по-скучать здѣсь?

— Не скажу этого, отвѣчалъ я,—былъ со мной этотъ грѣхъ и здѣсь.

— Какъ! не смотря на то, что̀ видѣли и видите?

— Не смотря на то, что̀ видѣлъ и вижу, не смотря на двѣ чудныя картины изъ ботаническаго сада, которыя, конечно, уже извѣстны вамъ.

— Странно! я поняла бы скуку въ Петербургѣ, Парижѣ, Лондонѣ, но здѣсь—въ Тифлисѣ....

— Развѣ вы не скучаете и здѣсь?

— О! да я давно уже въ Тифлисѣ.

— А я развѣ въ продолженіе тѣхъ нѣсколькихъ дней, какъ я здѣсь, не могъ имѣть свободнаго времени?

— Въ отношеніи къ себѣ я скажу вамъ, что и здѣсь есть, если не сама свѣтскость, то подражаніе ей; видно, что она прокрадывается сюда.

— А между тѣмъ азіятецъ, конечно, лучше любаго европейца, любителя и знатока комфорта, понялъ истинное наслажденіе жизни.

— Подите же и скажите теперь это закоснѣлымъ Европейцамъ!— Послѣ долгихъ бореній, удалось имъ, посредствомъ труда, кое-какъ защитить себя отъ всѣхъ невзгодъ холодной, блѣдной, безсолнечной природы, и вотъ возгордились эти выслуженники, ces parvenus, и кричатъ, что только они одни понимаютъ жизнь, что только они одни постигли, что̀ такое удобства и наслажденія ея, что только они одни обладаютъ ими, что только ихъ общественная жизнь можетъ назваться жизнью, а остальное все мракъ, бездна, совершенная пустота!

— Да, баронесса, это все такъ. Это дѣйствительно мнѣніе Европейцевъ о себѣ. А я не иначе объясняю себѣ скуку, которая теперь всюду преслѣдуетъ меня, какъ этою восхваленною общественною жизнью Европейцевъ. Скажите!—это ли жизнь? Узнавши ее во всѣхъ ея подробностяхъ, я всякій разъ, какъ подумаю о ней, пожимаю плечами и съ сожалѣніемъ улыбаюсь, глядя на людей, живущихъ этою жизнью и находящихъ ее достаточною. Ничего менѣе полнаго, ничего мелочнѣе не знаю я нашей общественной жизни. У насъ нѣтъ добродѣтелей, нѣтъ пороковъ; изъ страстей мы сдѣлали страстишки, которыя всегда смѣшны, когда проявляются; изъ чувствъ нашихъ мы сдѣлали какія-то сахарныя куколки съ сусальнымъ золотомъ, которыя таютъ при первыхъ лучахъ даже сѣвернаго солнца. Идей давно уже нѣтъ въ нашемъ обществѣ; всѣ эти вопросы, кото-

Digitized by Google

рые возникли теперь въ Европѣ, всѣ не наши, а украдены нами у древнихъ, которые, право, знали гораздо больше нашего и давно уже практически рѣшили эти вопросы, признавъ ихъ неудобопримѣняемыми, тогда какъ мы, не пользуясь опытностью прошедшихъ тысячелѣтій, опять стараемся примѣнять ихъ къ практической жизни, какъ глупые ребята, вопреки здравому смыслу.—Какая же это жизнь:—безъ страстей, безъ чувствъ, безъ идей?—жизнь разслабленнаго старика, разбитаго параличемъ, которому ничего болѣе не остается дѣлать, какъ лечь въ гробъ и возвратиться въ ничтожество, изъ котораго онъ вышелъ. Стара, дряхла, вѣтха Европа. Было время жизни и для нея, оно прошло уже давно, пришла и ея пора умирать.—Вотъ что опытъ заставляетъ насъ думать, и поневолѣ съ насмѣшкою покачаешь головою, вспомнивъ Лермонтова, да примешься скучать».

Изъ этого разговора, котораго, по мнѣнію Георгія, не могъ бы понять никто, кромѣ его и баронессы, трудно понять только то, въ чемъ больше всего старается убѣдить насъ авторъ, т. е., что этотъ разговоръ ведутъ мужчина и женщина необыкновенные, натуры *широкія*, существа, стоящія выше другихъ людей. Бывало, авторъ вложитъ въ уста своему герою какую-нибудь пышную фразу, заставитъ его назвать наши страсти *страстишками*, наши чувства *сахарными куколками съ сусальнымъ золотомъ*,—и всѣ вѣрятъ на слово, что герой его дѣйствительно великъ. Теперь прошли тѣ блаженныя времена; теперь, что̀ бы ни говорилъ авторъ, какъ бы ни старался онъ увѣрить насъ, что чувства у его героевъ не *конфектныя*, страсти не *пряничныя*,—никто не повѣритъ величію дѣйствующихъ лицъ его до тѣхъ поръ, пока не увидитъ въ нихъ самихъ живаго образа величія.

Желанная командировка въ экспедицію получена наконецъ, и Георгій, «безъ желѣзныхъ дорогъ, безъ пароходовъ и аэростатовъ», перелетѣлъ къ мѣсту своего назначенія. «Курьерская тройка отслужила ему не хуже ковра самолёта».

Лагерь подъ Салтами, которыя послѣ продолжительной, правильной осады, рѣшено было взять приступомъ. «Всѣ готовились къ нему; и солдаты, и офицеры ожидали его съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, какъ обыкновенно ожидаютъ всегда роковой минуты, которая должна рѣшить судьбу. Настала ночь.—Лагерь, подъ зоркимъ бдѣніемъ часовыхъ, заснулъ крѣпкимъ и успокоительнымъ сномъ, но видно было, какъ порою вздрагивало все это мощное тѣло, какъ будто въ какой-нибудь лихорадочной дрожи, подъ вліяніемъ какого-нибудь фантастическаго, нерѣдко пророческаго сновидѣнія.—

Digitized by Google

Многіе заснули.—Сколько изъ нихъ заснули въ послѣдній разъ предъ тѣмъ вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ, отъ котораго пробудитъ ихъ лишь звукъ трубы Архангела, призывающаго на судъ въ Іосафатову долину!...»

«Вызвѣздило небо, и луна бросила свой матовый свѣтъ на зубчатыя, уже полуразрушенныя стѣны Салтовъ изъ-за высоко-выдвигающихся пиковъ, которые совпадали теперь съ темною синевою ночнаго неба. На сѣверѣ гнѣздились тучи и какъ будто собирались хлынуть грозою и дождемъ на полудремлющій лагерь.—Тихо и торжественно было все кругомъ, лишь порою, вырвавшійся изъ ущелья вѣтеръ, съ страшнымъ свистомъ, или заунывнымъ ревомъ перелеталъ черезъ лагерь, раздувая огонь пылающихъ костровъ. Иногда раздавался одинокій выстрѣлъ винтовки, по временамъ визжало надъ лагеремъ ядро, или слышенъ былъ вдали, за стѣною, трескъ лопавшейся бомбы».

«На аванпостахъ, лѣниво раскинувшись на буркѣ, съ сигарою въ зубахъ, лежалъ Георгій, въ кругу нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, съ которыми недавно свела и познакомила его судьба, и сблизила походная жизнь. Передъ ними пылалъ огромный костеръ, который яркимъ пламенемъ своимъ чудно рисовался на черномъ фонѣ и какимъ-то алымъ свѣтомъ освѣщалъ находящіяся близъ него палатки. На этомъ кострѣ виднѣлся большой мѣдный чайникъ, который держали два казака на длинномъ шестѣ и въ которомъ грѣлась вода для согрѣвающаго пунша.—Фантастически игралъ свѣтъ этого костра на лицахъ лежащихъ близъ него, въ полукружіи, офицеровъ, и бросалъ мурильевское освѣщеніе на загорѣлыя, оживленныя ихъ физіогноміи и на живописный ихъ походный нарядъ. Вотъ закипѣла вода въ чайникѣ, казаки сняли его, и черезъ нѣсколько минутъ ароматическій пуншъ налитъ былъ въ серебряные стаканы. Безпечно лежали всѣ эти молодые люди, нисколько не думая о томъ, что̀ ждетъ ихъ завтра, что завтра, можетъ быть, они скажутъ на вѣки прости многимъ товарищамъ, или страданія отъ раны заволокутъ ихъ свѣтлыя мечты, ихъ разноцвѣтныя надежды. Не думая ни о чемъ, курятъ они, кто сигары, кто трубки, и по мѣрѣ того, какъ учащаются стаканы пунша, остроумнѣе и живѣе становятся ихъ разговоры».

За этой картиной кануна битвы, довольно вѣрно и живо очерченной, дѣйствительно слѣдуетъ разговоръ, въ которомъ, однакожъ, гораздо меньше замѣтно остроумія, чѣмъ жалкаго и блѣднаго подражанія бивачнымъ разговорамъ Марлинскаго. Вотъ, напримѣръ, какія остроты говорятъ другъ другу офицеры:

Digitized by Google

«— Клянусь! воскликнулъ среднихъ уже лѣтъ, не большаго роста, но плотной мужчина:—этотъ Краевъ никогда не перестанетъ быть сладострастною перечницею. Настоящій *козелъ*, только и думаетъ, что объ актрисахъ.

—Потому что лучше ихъ я ничего не знаю въ мірѣ, мой добрый морякъ! Попадись и ты въ ихъ хорошенькія лапки, такъ, увѣряю тебя, и ты пойдешь на всѣхъ парусахъ.

—И вдругъ вздумаетъ бросить якорь въ какой-нибудь бездонной гавани, прибавилъ живой и острый брюнетъ, князь Вахтинскій....»

Вѣроятно, эти *люди* съ ихъ *прлничными* чувствами къ актрисамъ и съ ихъ остротами *изъ сусальнаго золота*, выведены авторомъ *для контраста* съ его героемъ, который тутъ же разсуждаетъ вотъ какъ:

«—Я ожидалъ большаго отъ войны, я мечталъ, что она имѣетъ свои упоенія, свои увлеченія, свои сильныя ощущенія. Я разочаровался и въ этомъ, какъ разочаровался во всемъ, и вижу теперь, что и къ опасностямъ, къ самой смерти, привыкнешь также, какъ ко щамъ и соли. On se blase même sur le danger».

Эти мудрыя размышленія Георгія и плоскія остроты его товарищей были прерваны гикомъ и выстрѣлами прорвавшихся за русскую цѣпь Чеченцовъ. Ударили тревогу; прискакалъ адъютантъ и отдалъ Георгію приказаніе, чтобъ онъ съ своимъ батальйономъ тотчасъ же прогналъ хищниковъ, а съ разсвѣтомъ дня началъ штурмовать аулъ.

Аулъ взятъ, разрушенъ, горитъ. Георгій остановился въ занятой имъ позиціи, чтобы дать отдохнуть солдатамъ, перевязать и унести раненыхъ. «Онъ вложилъ въ ножны свою окровавленную шашку, сѣлъ на камень, поникъ головою на руку, и задумался, смотря на страшную картину разрушенія, раскидывающуюся передъ нимъ. Вдругъ слышитъ онъ женскіе вопли, умоляющій голосъ: пять или шесть казаковъ и милиціонеровъ тащатъ черкешенку». Разумѣется, что черкешенка была молода и хороша, разумѣется, что Георгій крикнулъ на солдатъ и взялъ ее подъ свое покровительство. Авторъ говоритъ, что «едва только пятнадцатая весна украшала своими цвѣтами ея головку, что овалъ ея лица былъ правиленъ, какъ ликъ рафаэлевой Мадонны, что ея растрепавшіеся волосы длинными, черными прядями падали до пятъ ея, что станъ ея былъ строенъ и тонокъ, какъ пальма оазиса, что ея черныя очи, налитыя слезами, пророчили утѣхи тому, кто могъ бы подернуть ихъ другою влагою, влагою нѣги....» Понявъ, что Ге-

Digitized by Google

оргій былъ ея избавителемъ, черкешенка бросилась къ ногамъ его во-первыхъ съ благодарностью, а во-вторыхъ съ просьбой, чтобы онъ спасъ еще ея дѣда, израненнаго старика, замертво лежащаго въ той саклѣ, изъ которой вытащили ее казаки. Надобно вамъ сказать, что Георгій, кромѣ многихъ европейскихъ языковъ, зналъ еще и татарскій. Поэтому, онъ тотчасъ-же понялъ, чего хочетъ отъ него дѣвушка, и тотчасъ же исполнилъ ея просьбу. Старику успѣли подать помощь во-время; онъ ожилъ. Экспедиція кончилась, и Георгій, получивъ чинъ полковника, возвратился въ Тифлисъ, гдѣ помѣстилъ у себя въ домѣ и дѣда и внучку. Дѣвушку зовутъ Аеша, старика Хаджи Аласкеръ Бекъ. Это былъ одинъ изъ главныхъ наибовъ Шамиля. Георгій испросилъ позволеніе у начальства оставить этого военноплѣннаго сановника при себѣ, впредь до его выздоровленія.

Здѣсь только начинаетъ развиваться полная интрига романа. Георгія (какъ этого и должно было ожидать), любитъ Аеша, и любитъ еще баронесса. Георгій, еще не забывшій первой своей любви, не любитъ ни ту, ни другую. Къ Георгію ѣздитъ нѣкто Рельскій, чиновникъ, прежде служившій въ Петербургѣ и перемѣстившійся, по службѣ же, въ Тифлисъ, человѣкъ очень хорошо знающій и свѣтъ и женщинъ, и вообще сердце человѣческое,—однимъ словомъ, человѣкъ бывалый. Онъ любитъ Аешу. При мужѣ баронессы служитъ молодой грузинскій князь, Кайхосро, дикарь съ атлетическими формами и необузданными страстями; онъ любитъ баронессу.

У кого-то изъ жителей Тифлиса былъ балъ. На балѣ былъ Рельскій, былъ Георгій, была баронесса, былъ и Кайхосро. Рельскій, который до тѣхъ поръ ровно ничего не зналъ ни о любви баронессы къ Георгію. ни о любви Кайхосро къ баронессѣ, увидѣлъ на этомъ балѣ вотъ что:

Георгій танцовалъ съ баронессой; танцуя, они разговаривали. Рельскому нельзя было разслушать ихъ разговора, но ему казалось, что онъ слышитъ въ звукахъ голоса баронессы «что-то неслыханное имъ до сихъ поръ, что-то особенно гармоническое, какія-то чудныя, задушевныя ноты, которыя вызывали сердце на уста». Разговаривая, баронесса смотрѣла на прекрасную бѣлую камелію, стоящую на окнѣ. Георгій сорвалъ для нея цвѣтокъ, но въ самое это время его выбрали въ фигуру мазурки. Пока обѣ руки его были заняты, онъ взялъ стебель цвѣтка въ зубы, и кончивъ фигуру, подалъ его баронессѣ. Тутъ Рельскій опять замѣтилъ, «что будто рука баронессы какъ будто дрогнула нѣсколько, принимая камелію, которая передъ этимъ касалась губъ Георгія, и, забывшись, мгновенно поднесла ее къ своему *обонянію*, какъ будто бы она имѣла запахъ. Когда-же

Digitized by Google

баронесса стала благодарить Георгія, въ голосѣ ея послышалось еще больше этихъ звучащихъ, задушевныхъ нотъ, такъ что на этотъ разъ Рельскій понялъ все». Т. е., онъ понялъ, что баронесса влюблена въ Георгія.

Потомъ онъ увидѣлъ, что все вниманіе Кайхосро сосредоточивается опять на той же баронессѣ, которая подала ему поводъ къ такимъ любопытнымъ наблюденіямъ; что Кайхосро, глядя на баронессу, «забылъ, и гдѣ онъ и что окружаетъ его, что всѣ желанія, всѣ помыслы его души поглощены одною ею». Рельскій и тутъ понялъ все (удивительно догадливый человѣкъ!). Онъ понялъ, что Кайхосро любитъ баронессу, понялъ, какой неистовой страстью онъ любитъ ее, и понялъ даже, каково должно быть проявленіе этой страсти, очень похожей на страсть Казимодо къ Эсмеральдѣ.

Въ ту же минуту Рельскій подошелъ къ Кайхосро, — въ ту же минуту возбудилъ въ немъ ревность, вырвалъ у него его тайну, и потомъ, черезъ нѣсколько дней, заключилъ съ нимъ союзъ на гибель Георгія, котораго Кайхосро непремѣнно хочетъ убить, хоть середи дня, хотя при свидѣтеляхъ, только бы поскорѣе. Рельскій совѣтуетъ ему сдѣлать это тайно.

Трудно повѣрить, чтобы человѣкъ образованный, знающій свѣтъ, приглядѣвшійся уже и къ людямъ и къ женщинамъ, изъ-за привязанности къ черкешенкѣ, къ которой могла его увлечь не больше какъ минутная прихоть, сталъ подбивать дикаря на убійство своего товарища. Неужели тифлисскій климатъ могъ вдохнуть въ русскаго страсти горца и образъ мыслей итальянца?.... Злодѣй выбранъ авторомъ, для его романа, очень неудачно.

Георгій получаетъ командировку на какое-то слѣдствіе. Ночью мчится онъ на курьерской тройкѣ, по глухой, уединенной дорогѣ закавказья. При спускѣ къ рѣчкѣ, когда ямщикъ осадилъ лошадей, на него нападаетъ цѣлая шайка разбойниковъ. Это Кайхосро съ своими людьми. Въ Георгія стрѣляютъ изъ ружей, изъ пистолетовъ, но темно: ни одна пуля не попадаетъ въ него. Наконецъ къ нему приближается самъ Кайхосро и вызываетъ его на бой. Георгій, ничего не понимающій, хочетъ его разспросить, хочетъ уговорить, но никакія увѣщанія не помогаютъ: дикарь жаждетъ крови, нападаетъ, и Георгій по неволѣ долженъ защищаться, что, впрочемъ, при его искусствѣ биться на шпагахъ, какъ Севербрюкъ, нисколько его не затрудняетъ. Кайхосро съ двухъ ударовъ непремѣнно бы лежалъ на землѣ съ разрубленнымъ черепомъ, если бы великодушный противникъ не щадилъ его. Отъ этого снисхожденія и отъ темноты бой длится, а между тѣмъ послышался колокольчикъ. Грузины, состав-

Digitized by Google

лявшіе свиту Кайхосро, разочли, что дѣло можетъ быть плохо, если не кончится до пріѣзда другаго путешественника. Одинъ изъ нихъ поднялъ винтовку; грянулъ выстрѣлъ; Георгій схватился за грудь, опустилъ шашку, зашатался. Въ ту же минуту, шашка Кайхосро скользнула по его головѣ и задѣла слегка его плечо. Поняв, наконецъ, что здѣсь всякое великодушіе не у мѣста, Георгій собралъ послѣднія свои силы, бросилъ шашку и выстрѣлилъ въ своего врага изъ пистолета, въ упоръ. Потомъ «оба пали», говоритъ авторъ.

Въ эту минуту колокольчикъ былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ; Грузины поспѣшили разбѣжаться.

Георгій не умеръ, да онъ и не могъ умереть по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что сцена, которую привели мы сейчасъ, происходитъ на 129-й страницѣ романа, а ихъ остается еще почти столько же; во-вторыхъ.... но вторую причину мы объяснимъ словами самого автора, сокращая только разсказъ его.

«Въ небольшой, богато убранной опочивальнѣ, среди всѣхъ прихотей роскоши и самаго утонченнаго, истинно артистическаго вкуса, въ опочивальнѣ, убранной бархатомъ, шелкомъ, дорогими коврами и цвѣтами, и исполненной какимъ-то особеннымъ ароматомъ, согрѣтой теплотою поэзіи, дышащей здѣсь во всемъ, даже въ малѣйшихъ бездѣлушкахъ, въ роскошной постелѣ, на ложѣ страданія лежалъ Георгій, блѣдный, исхудалый, но все еще прекрасный. На всѣхъ чертахъ его строго правильнаго лица лежала печать глубокаго страданія и говорила, что онъ вынесъ тяжелую, утомительную борьбу съ смертью....»

«Тихо спустился вечеръ, свѣжій еще, но живительный, весенній, апрѣльскій вечеръ. Ярко зажглись звѣзды на темно-синемъ небосклонѣ.... Вотъ, подъ серебрянымъ Куромъ, изъ-за полуразвалившейся башни древней крѣпости, выглянулъ мѣсяцъ, проскользнулъ влюбленнымъ лучемъ сквозь растворенныя двери балкона опочивальни, и, озаряя имъ роскошный виноградный садъ, прильнулъ страстнымъ поцѣлуемъ къ возлюбленнымъ своимъ одалыкамъ—цвѣтамъ....»

«Какъ будто пробужденный этимъ живительнымъ напѣвомъ весенняго вечера, страдалецъ тихо открылъ свои глаза, и взоръ его упалъ на стоящую на колѣняхъ, у изголовья его, дѣвушку, прекрасную, какъ майскій день, скорбящую, какъ олицетворенная печаль. Безмолвно, неподвижно стояла она, закинувъ назадъ длинныя косы своихъ шелковыхъ черныхъ волосъ, и блестящими отъ слезъ очами болѣзненно, съ сильнымъ душевнымъ трепетомъ, слѣдила за всѣми измѣненіями лица страдальца, и уста ея, полуоткрытыя, какъ будто лепетали невѣдомую молитву».

Digitized by Google

«Вдругъ послышался стукъ кареты, остановившейся у подъѣзда, и черезъ нѣсколько минутъ на балконѣ, среди цвѣтовъ и померанцовыхъ деревьевъ, мелькнуло стройное, воздушное видѣніе другой женщины, облеченной во всю роскошь простаго, но истинно аристократическаго наряда. Какъ заоблачная пери, промелькнула она тамъ, и неслышными шагами, какъ будто не касаясь пола, подошла къ постели и опустилась на мягкую оттоманку, стоявшую подлѣ. Молча развязала она ленты своей шляпы, и, бросивъ ее на софу, тихо, съ сильнымъ трепетомъ, взяла руку страдальца и запечатлѣла на ней живой и теплый поцѣлуй любви и дружбы....»

Читатели уже, конечно, догадались, что одна изъ этихъ женщинъ была Аеша, другая—баронесса. Обѣ онѣ ходили за Георгіемъ во время его безпамятства, обѣ явились ему въ ту минуту, когда онъ опомнился. Могъ ли же умереть Георгій при такой обстановкѣ всего его окружающаго, при которой, говоря простымъ русскимъ изрѣченіемъ, *умирать не надобно*, и при такихъ теплыхъ попеченіяхъ двухъ любящихъ его женщинъ, которыя, по словамъ самого автора, могли бы, кажется, «мертвецу вдохнуть снова жизнь, отъ него отлетѣвшую?»

Виноватъ, я совсѣмъ забылъ сказать, что съ колокольчикомъ, который разогналъ Грузинъ, во время схватки Кайхосро съ Георгіемъ, ѣхалъ докторъ, тоже куда-то посланный изъ Тифлиса, и что онъ перевезъ Георгія обратно въ Тифлисъ, въ его роскошную опочивальню. Кайхосро оказался убитымъ на-повалъ.

Георгій выздоравливаетъ и вмѣстѣ блаженствуетъ. Аеша не отходитъ отъ него, баронесса навѣщаетъ его всякій день. Но каждому извѣстно, что прочнаго блаженства нѣтъ на землѣ. Онъ догадывается, наконецъ, что обѣ эти женщины любятъ его (странно, что онъ такъ долго не могъ догадаться!). Это открытіе его безпокоитъ, и вотъ тутъ-то нужна ему вся сила его воли. Онъ рѣшается разстаться съ ними, и для этого Аешу отправляетъ въ Петербургъ, къ сестрѣ, въ той надеждѣ, что свѣтскія удовольствія исцѣлятъ ее отъ любви; а отъ баронессы самъ уѣзжаетъ въ Кисловодскъ, гдѣ кстати ему надобно окончательно излечить свою рану.

Въ Кисловодскѣ, своей силой воли, Георгій дѣлаетъ чудеса. Прежде всего онъ встрѣчаетъ тамъ графиню Рамирскую, петербургскую жительницу и бездушную кокетку, по милости которой, за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, застрѣлился одинъ изъ друзей Георгія, молодой человѣкъ, увлеченный графинею въ ея сѣти. Георгій тогда же поклялся наказать графиню, которую считаетъ прямою убійцею своего друга. «Не месть, а наказаніе будетъ это,—говоритъ

Digitized by Google

онъ, — и нѣтъ во мнѣ жалости къ этой женщинѣ. Одною силою своей разумной воли совершу я то, что безсильны сдѣлать законы. Посмотримъ,—эта воля, которую я такъ заботливо закалялъ въ горнилѣ всякаго рода испытаній, часто грустныхъ и мучительныхъ для души,—посмотримъ,—пріобрѣла ли она ту силу, ту гибкость и твердость, ту непреодолимость, которыя хотѣлъ я ей дать. Это будетъ первымъ практическимъ примѣненіемъ моего воспитанія къ жизни. Увидимъ, годится ли оно и не ошибся ли я? Не придется ли начать снова?.... Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ.—Я чувствую, что силы воли достаточно у меня, и принимаю девизомъ своимъ: «vouloir, c'est pouvoir».

Бѣдная графиня! послѣ этой угрозы невольно трепещешь за нее, чувствуешь заранѣе, что она, какъ говорится, пропала!

Для приведенія въ исполненіе задуманнаго наказанія, Георгій располагалъ изъ Кисловодска проѣхать въ Петербургъ. Но сама судьба помогла ему. Онъ встрѣтился съ графиней въ Кисловодскѣ, и поступилъ съ ней какъ Цезарь: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Силою своей воли онъ, въ нѣсколько свиданій, влюбилъ ее въ себя, и, потомъ, вдругъ, въ минуту страстнаго признанія, когда графиня таяла отъ любви и нѣги, грозно и сурово взглянулъ на нее, грозно напомнилъ ей Анатолія, и съ язвительной улыбкой, съ вѣжливымъ поклономъ, вышелъ изъ будуара, сказавъ еще въ передней, что графиня спрашиваетъ стаканъ воды. На другой же день весь Кисловодскъ зналъ, что Георгій одурачилъ графиню, и на другой же день она должна была уѣхать изъ Кисловодска.

«Между гостями, посѣтившими въ тотъ годъ Кисловодскъ, была молоденькая дѣвушка, свѣжая, какъ майскій день. Родители этой дѣвушки стали прочить ее за одного богатаго, стараго генерала, и участь малютки была рѣшена даже безъ вѣдома ея. Георгій узналъ это, понялъ мелочные разсчеты родителей, участь, грозящую дѣвушкѣ, и душа его закипѣла негодованіемъ. Онъ рѣшился воспрепятствовать этому браку, спасти малютку, которая не имѣла достаточно силъ, чтобы сопротивляться. Въ короткое время онъ подбилъ, уговорилъ одного молодаго человѣка припяться волочиться за дѣвушкой, и воодушевилъ его наконецъ до рыцарства, а ее до того мужества, что она рѣшилась сказать своимъ почтеннымъ родителямъ наотрѣзъ, что не хочетъ выходить за генерала. Однимъ ударомъ своей могучей воли, онъ завелъ новую интригу, разбилъ всѣ разсчеты и предположенія родителей, разстроилъ сватьбу и спасъ дѣвушку отъ горькой участи—быть женою постылаго ей старика».

Другая молодая дѣвушка, «брюнетка Ростина», влюблена въ одного молодаго драгунскаго офицера Анслова. Ансловъ и самъ влю-

Digitized by Google

бленъ въ нее, но у него недостаетъ *силы воли* на то, чтобъ открыться въ своей любви. Георгій помогъ и этому горю. На одной прогулкѣ, въ окрестностяхъ Кисловодска, онъ сказалъ Ростиной: Boudez moi tout le long de la promenade, и научилъ ее, что̀ ей дѣлать. Ростина сказала Анслову, что Георгій наговорилъ ей дерзостей Ансловъ приходитъ вызывать его на дуэль. Георгій отвѣчаетъ, что онъ не въ правѣ вступаться за дѣвушку, которая не сестра его и не невѣста. Этотъ отказъ такъ сильно подстрекнулъ Анслова, что онъ въ ту же минуту бѣжитъ къ Ростинымъ, дѣлаетъ предложеніе и потомъ опять приходитъ къ Георгію вызывать его. На другой день Георгій идетъ съ нимъ стрѣляться. Первый выстрѣлъ достался Анслову, но онъ слишкомъ счастливъ для того, чтобъ убить человѣка, и даже для того, чтобы вѣрно выстрѣлить. Притомъ же, ожидая выстрѣла съ сложенными на крестъ руками, Георгій устремилъ на Анслова взоръ, въ которомъ было столько воли,—взоръ, отъ котораго тотъ, кто находится подъ нимъ, смущается, дрожитъ и перестаетъ быть опаснымъ соперникомъ. Ясно, что по поводу этого взора, Георгій нисколько не боялся быть убитымъ. Въ самомъ дѣлѣ, грянувшій выстрѣлъ Анслова заставилъ его только снять фуражку и поклониться. Потомъ онъ протянулъ сопернику руку, и признался въ своей хитрости. Въ эту минуту летѣлъ воробей, Георгій прицѣлился въ него изъ своего пистолета и оторвалъ ему пулей голову, чѣмъ и доказалъ, что онъ дѣйствительно стрѣляетъ какъ Прево, если еще не получше.

Но это еще не всѣ подвиги Георгія въ Кисловодскѣ. Тамъ есть молоденькая и хорошенькая дамочка, Лелева, которая, послѣ отъѣзда графини Рамирской, сдѣлалась первой львицей водъ. Георгій заводитъ съ ней интригу. Вотъ какъ объясняетъ онъ причину этой интриги баронессѣ, которая тоже пріѣхала въ Кисловодскъ съ больнымъ мужемъ.

«Прежде, чѣмъ я рѣшился на эту интригу, я взвѣсилъ все, и увидѣлъ, что тутъ нѣтъ никакого безчестія, что она не повлечетъ за собою никакого несчастія. Лелева свободна, она въ разводѣ съ мужемъ, она влюблена въ меня теперь по уши; она будетъ плакать, разставаясь со мной, но потомъ скоро забудетъ, и утѣшится съ другимъ. Слѣдовательно, взвѣсивъ все, я не увидѣлъ никакого препятствія моей интриги съ нею, и потому рѣшился не отказывать себѣ въ удовольствіи, къ которому манила она меня, и разыграть съ ней маленькій эпизодъ въ родѣ Ринальда съ Армидой. Вы знаете, какъ смотрю я на жизнь, вы сами понимаете очень хорошо, какъ бѣдна она хорошими днями, какъ мало цвѣтовъ среди ея терній, какъ рѣдки бываютъ въ ней удовольствія; вы знаете, что вслѣдствіе

Digitized by Google

этого я ловлю удовольствія всюду, гдѣ только представляются они мнѣ, и наслаждаюсь ими, пока способенъ наслаждаться. Вы знаете, что я далеко не эгоистъ, чтобы беречь удовольствія для одного себя и не дѣлиться ими съ другимъ. И вотъ почему я не могъ отказать въ немъ Лелевой, которая, посредствомъ интриги со мною, выиграла по крайней мѣрѣ то, что въ жизни своей, которая неизвѣстно еще какова будетъ, она имѣла нѣсколько чудныхъ, упоительныхъ минутъ любви и поэзіи. Вотъ касательно ея, теперь касательно меня самого: скажите, для чего, видя и понимая все это, и будучи ни болѣе, ни менѣе, какъ человѣкъ, я откажу себѣ въ удовольствіи—быть любимымъ хорошенькою женщиною?—Теперь, когда я высказалъ вамъ свое profession de foi, надѣюсь—загадка моя объяснилась вамъ вполнѣ».

Послѣ этого объясненія, баронесса благодаритъ Георгія, говоритъ, что она, дѣйствительно, вполнѣ его понимаетъ, и пророчитъ ему блестящую будущность,—пророчитъ, что онъ «будетъ однимъ изъ тѣхъ двигателей, которымъ Богъ вручаетъ управленіе массами, которые двигаютъ людей впередъ». Георгій и самъ предчувствуетъ, что судьба предназначаетъ его для чего-то высшаго, благороднѣйшаго. Мы не такъ хорошо понимаемъ Георгія, какъ понимаетъ его баронесса, и потому никакъ не умѣемъ опредѣлить: отъ силы или отъ безсилія воли, рѣшился онъ *не отказывать себѣ въ удовольствіи* и разыграть съ Лелевой маленькій эпизодъ въ родѣ Ринальда съ Армидой? Не понимаемъ даже, для чего этотъ эпизодъ вставленъ въ разсказъ? Неужели для того, чтобы пополнить характеръ героя тѣми философскими *принципами*, которые онъ высказываетъ баронессѣ, и которые уже слишкомъ избиты?

Изъ Кисловодска баронесса опять возвратилась въ Тифлисъ, а Георгій отправился въ Петербургъ, повидаться съ сестрой и посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ Леша. Какъ предполагалъ онъ, такъ и случилось. Онъ нашелъ въ ней уже не дикарку, которую спасъ на развалинахъ Салтовъ, а свѣтскую дѣвушку вполнѣ, которая начинала уже улыбаться нѣкоторымъ изъ молодыхъ людей, ее окружающихъ. Свиданіе съ ея избавителемъ, образъ котораго началъ было уже изглаживаться изъ ея живаго воображенія, и о которомъ она вспоминала уже безъ тоски, безъ грусти, больше какъ объ отцѣ и благодѣтелѣ, нежели какъ о возлюбленномъ, чуть чуть снова не зажгло въ ней прежней любви. Георгію стоило только дунуть, чтобы раздуть эту искру въ пожаръ; но онъ обладалъ силой воли, и потому этого не сдѣлалъ, а напротивъ, повелъ себя такъ благоразумно, что усмирилъ эту возникающую бурю. Потомъ, чтобъ

Digitized by Google

упрочить побѣду своей воли, онъ сыскалъ Аешѣ въ женихи юношу съ артистической душой, съ умомъ свѣтскимъ и многообъемлющимъ, и при томъ «въ аристократической оболочкѣ»,—однимъ словомъ, такого, что Аеша невольно увлеклась его очарованіемъ и вышла за него замужъ.

Пока устроивалась свадьба Аеши, баронесса овдовѣла. Георгій опять въ Тифлисѣ, и чувствуетъ, наконецъ, что онъ можетъ любить баронессу *«любовью»*, и даже любовью *широкой*. Въ одинъ прекрасный вечеръ сидѣли они вдвоемъ «на балконѣ, уставленномъ душистыми экзотическими растеніями. Молчали они оба, но громко, безпрерывно говорили ихъ души и мѣнялись одна съ другой мыслями и чувствами, понимали другъ друга, совпадали, тонули одна въ другой».

Вдругъ входитъ человѣкъ и подаетъ Георгію пакетъ. Наконецъ, сбылось пророчество баронессы и предчувствіе Георгія.—«Я получилъ весьма важное назначеніе,—говоритъ онъ,—мнѣ нужны помощница, другъ. Людмила! будь имъ!»

— Я твоя давно, отвѣчаетъ баронесса.

А между тѣмъ:

«И ярче, все ярче блистала луна, и громче, все громче свисталъ соловей».

Да не подумаютъ читатели, что мы вставили здѣсь куплетъ изъ извѣстнаго романса: *«На зарѣ ты ее не буди»*, нѣтъ, надобно полагать, что въ минуту объясненія Георгія съ баронессой это, дѣйствительно, совершалось въ тифлисской природѣ, потому что такъ гласятъ послѣднія строки романа.

Очевидно, что авторъ имѣлъ намѣреніе создать что-то высокое, олицетворить какой-то колоссальный характеръ....

Изданіе книги очень небрежно. Словъ, неправильно написанныхъ и знаковъ препинанія, неправильно разставленныхъ, такъ много, что это даже затрудняетъ чтеніе. Мы готовы были отнести всѣ эти ошибки къ опечаткамъ, но опечатки, выставленныя въ концѣ книги, не заключаютъ въ себѣ и десятой части всѣхъ ошибокъ. Слѣд. опечатки сами по себѣ, а ошибки сами по себѣ.

OUBLIEZ LE BOUT DE VOTRE NEZ, farce-fantastique, en trois tableaux. Kiew. Imprimerie de J. C. Valner. 1851, page 249, in 8.

Французскій фантастическій фарсъ, изданный въ Кіевѣ въ красивой обверткѣ изъ атласной бумаги, съ хорошенькими, иллюминованными виньетками,—однимъ словомъ, со всѣми претензіями на *ве-*

Digitized by Google

иколлюное парижское изданіе, ужъ по одной своей наружности и по рѣдкости такого явленія заставляетъ сказать о себѣ нѣсколько словъ.

Къ сожалѣнію, внутреннее достоинство фарса не совсѣмъ соотвѣтствуетъ его наружности и украшеніямъ.

У графа де-Лотрень былъ другъ Лупино, который, умирая, поручилъ ему своего малолѣтнаго сына, и для вѣрнѣйшаго обезпеченія будущности ребенка, взялъ съ графа, у котораго тоже была малолѣтная дочь, Клотильда, обѣщаніе, выдать ее, въ свое время, за молодаго Лупино. Клотильда живетъ въ Парижѣ, у своей тетки, у которой она и воспитывалась. Ей стукнуло семнадцать лѣтъ. Отецъ, который живетъ гдѣ-то внѣ Парижа, и, какъ кажется, ужъ давно не видалъ Лупино, требуетъ, однакожъ, чтобы она исполнила его обѣщаніе. Но Лупино Клотильдѣ не нравится, а нравится ей другой молодой человѣкъ, Поль дю-Монси, и Клотильду нельзя в этомъ и обвинять. Лупино провинціалъ, пріѣхавшій въ первый разъ въ Парижъ, и не имѣющій никакихъ манеръ; Поль дю-Монси самый свѣтскій молодой человѣкъ съ турнюрой элегантной, съ манерами благородными; Лупино носитъ сапоги съ отворотами, зеленый сюртукъ и галстухъ, болѣе или менѣе, но всегда красный; Поль дю-Монси носитъ шитыя рубашки и палевыя перчатки; Лупино глупъ, какъ лошадь, и дуренъ, какъ смертный грѣхъ; Поль дю-Монси и уменъ и хорошъ, какъ свѣтлый день. Вслѣдствіе своего ума, и глупости Лупино, дю-Монси разсчелъ, что такого соперника не надобно ни стрѣлять, ни колоть, а лучше всего одурачить. Онъ подговариваетъ нѣсколькихъ своихъ пріятелей разыграть съ нимъ комедію, и вотъ они начинаютъ дурачить Лупино, и дурачатъ до тѣхъ поръ, что онъ самъ торжественно отрекается отъ своей невѣсты.

Если читатели пожелаютъ узнать, почему фарсъ называется «*Oubliez le bout de votre nez*», и что въ немъ смѣшнаго, потому-что въ фарсѣ должно же быть что-нибудь смѣшное, мы можемъ имъ разсказать только вотъ что:

Пріятель дю-Монси, Герюсакъ, выдаетъ себя простаку Лупино за некромантика — и Лупино этому вѣритъ. Герюсакъ даетъ ему какой-то черной порошокъ, и увѣряетъ его, что если онъ станетъ нюхать этотъ порошокъ вмѣсто табаку, то каждое его желаніе исполнится само собой,—Лупино вѣритъ и этому. Наконецъ, Герюсакъ говоритъ, что нюхая порошокъ, никакъ не должно думать о *кончикѣ своего носа*, потому-что въ противномъ случаѣ порошокъ не только потеряетъ свою силу, но даже навлечетъ несчастье. Лупино вѣритъ всему; онъ безпрестанно набиваетъ себѣ носъ порош-

Digitized by Google

комъ, маретъ кончикъ носа, и чтобъ не думать о немъ, щиплетъ себя за колѣни, за икры, за бока, и даже щиплетъ чужія колѣни и бока, если они попадаются ему подъ руку. Пока онъ выдѣлываетъ всѣ эти штуки, мистификаторы обстанавливаютъ его такъ, что все вокругъ него идетъ какъ нельзя лучше; но потомъ вдругъ, какъ бы нечаянно, они напоминаютъ ему о кончикѣ его носа, и все измѣняется, и Лупино приходитъ въ отчаяніе.... Онъ убѣждается наконецъ, что всѣ его несчастія происходятъ отъ носа, хочетъ отрѣзать себѣ носъ и совѣтуется съ Герюсакомъ, что̀ ему дѣлать. Герюсакъ говоритъ, что для избавленія отъ несчастій ему предстоятъ два средства: или дѣйствительно отрѣзать носъ, или отказаться отъ невѣсты; что оба эти средства равно сильны, но въ первомъ случаѣ нужна операція, послѣ которой можетъ сдѣлаться ракъ, а во второмъ не нужно никакой операціи. «Носъ или невѣста?»—спрашиваетъ Герюсакъ. Лупино, при всей своей глупости, разсчелъ, что лучше остаться съ носомъ безъ невѣсты, чѣмъ съ невѣстой безъ носа.

Ужъ по самому объему фарса видно, что онъ разстянутъ до безконечности, и если есть въ немъ что забавное, оно утоплено въ этой растянутости.

Очень жаль, что графъ де-Лотрень не потрудился самъ пріѣхать въ Парижъ и взглянуть попристальнѣе на молодаго Лупино. Онъ, вѣроятно, увидѣлъ бы самъ, что человѣкъ до такой степени глупый, вовсе негодится въ мужья его дочери, и слѣдовательно, избавилъ бы Поля дю-Монси отъ труда дурачить Лупино, а автора отъ труда писать свой фарсъ, и отъ издержекъ на его роскошное изданіе.

—

О ПРИГОТОВЛЕНІИ И УПОТРЕБЛЕНІИ КРОВЕЛЬНАГО АМЕРИКАНСКАГО ТОЛЯ. С. Петербургъ. 1852 года. Въ типогр. *К. Витеберга*. Въ 8 д. л., стр. 8.

Въ 1850 году, представлены были на выставку сельскихъ произведеній, въ С. Петербургѣ, листы изъ приготовленной новгородскимъ помѣщикомъ, А. Н. Игнатьевымъ, массы, для крытія крышъ, подъ названіемъ: кровельный американскій толь. Это издѣліе было признано за отличный кровельный матеріялъ, и изобрѣтатель, представившій его, награжденъ медалью. Въ составъ массы толя входятъ: пенька, кожа, волокнистыя части дерева, фарфоровая глина, нѣкоторыя химическія вещества, составляющія, какъ говоритъ издатель брошюры, секретъ его фабрикаціи, и асфальтъ. Кровельный американскій толь приготовляется въ плотныхъ листахъ темностальнаго цвѣта. Каждый листъ въ 17 квадратныхъ вершковъ. Десять такихъ листовъ составляютъ квадратную сажень.

Digitized by Google

Въ брошюрѣ изложенъ и самый способъ покрыванія кровель толемъ. Имъ кроется такъ же, какъ и бумагой, т. е., по тесу, хотя бы дурнаго качества, старому и подостланному не плотно, въ родѣ рѣшетника. Только бумага кладется на крышу цѣльными листами, а листы толя въ первомъ, т. е., нижнемъ ряду крыши, вырѣзываются треугольниками и кладутся широкимъ краемъ внизъ, наблюдая, чтобы одинъ конецъ прибиваемаго листа заходилъ на конецъ другаго по крайней мѣрѣ на вершокъ. Положивъ такимъ образомъ первый рядъ, и прикрѣпивъ нижній край его гвоздями, кладется второй рядъ, уже цѣлыми листами, углами внизъ; при чемъ опять наблюдается, чтобы края нижняго листа втораго ряда закрывали края листовъ перваго ряда, тоже на вершокъ, и т. д. Въ положенные такимъ образомъ листы вбиваются гвозди посрединѣ запуска одного листа на другой. Верхъ крыши оканчивается или обыкновеннымъ загибомъ послѣдняго листа, съ одной стороны крыши на другую, если такъ придется, или особымъ листомъ, положеннымъ на гребень крыши. Гвозди для этого употребляются обыкновенные, однотесные.

Авторъ брошюры говоритъ, что толевая крыша долго не требуетъ никакой окраски и по крайней мѣрѣ въ первый годъ ее даже не должно красить, для того, чтобы она лучше выстоялась и окрѣпла, шляпки же гвоздей, для предохраненія отъ ржавчины, можно покрыть черной масляной краской или просто смолой. За тѣмъ онъ прибавляетъ, что когда толевая крыша хорошо выстоится, отвердѣетъ и почти, такъ сказать, окаменѣетъ, то она, сверхъ своего свойства—совершенной непромокаемости, получитъ еще свойство невоспламеняемости; что тогда ее можно красить, и она уже будетъ держать краску несравненно долѣе желѣзной крыши; и что, наконецъ, по свойству асфальта, входящаго въ массу толя, такая крыша предохранена болѣе всякой другой отъ громовыхъ ударовъ.

Кровельный американскій толь продается въ конторѣ сбыта этого матеріала, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ магазинѣ русскихъ издѣлій, у купца Сысоева, по 1 р. 50 коп. сер. за квадратную сажень. По этому разсчету толевая крыша обойдется гораздо-дешевле желѣзной.

Контора принимаетъ на себя обязанность и доставлять толь во всѣ мѣста, а также, по требованіямъ покупателей, высылать къ нимъ и кровельщиковъ.

Желательно, чтобы наши сельскіе хозяева воспользовались этимъ изобрѣтеніемъ г-на Игнатьева, повидимому, весьма полезнымъ.

—

Digitized by Google

искусство, не учась живописи, быть живописцемъ. Подарокъ любителямъ и любительницамъ рисовальнаго искусства, художникамъ, декораторамъ: по самымъ простѣйшимъ способамъ безъ бумаги и полотна снимать сходно съ природою ландшафты и прочія изображенія и предметы, могущіе служить превосходнѣйшимъ украшеніемъ великолѣпныхъ залъ, гостинныхъ, пріемныхъ и другихъ комнатъ, съ примѣненіемъ этой методы къ *снимкѣ* плановъ чугунныхъ дорогъ, къ топографическимъ и географическимъ картамъ; также искусство снимать сходно съ оригиналомъ планы, рисунки, ланкарты, растенія, узоры, силуэты и прочія изображенія; скопировка и сколка съ живописныхъ и гравированныхъ картинъ, приготовленіе слоновой кости для живописи, съ присовокупленіемъ новооткрытаго зеркала для рисованія; чищеніе и уничтоженіе пятенъ на гравированныхъ, рисованныхъ и масляныхъ картинахъ; искусство чистить золотыя рамы; составленіе лаковъ для масляныхъ, рисованныхъ и гравированныхъ картинъ. Сочиненіе практическое. Переводъ съ французскаго. Съ эпиграфомъ: «Penser au bonheur des ses semblables, c'est ajouter à son propre bonheur», который въ переводѣ изображенъ тако: «печься о благополучіи своихъ ближнихъ, значитъ умножить свое собственное благополучіе». Москва. 1852 года. Въ тип. Т. Т. Волкова и комп. въ 12 д. л., стр. 32.

Нельзя не вѣрить въ прогрессъ человѣчества: въ этой вѣрѣ все больше и больше убѣждаютъ насъ новые факты, къ числу которыхъ безспорно принадлежитъ и книжечка, лежащая теперь передъ нами. За нѣсколько лѣтъ назадъ было издано «*Искусство въ три часа сдѣлаться живописцемъ*». Теперь предлагаютъ намъ «*Искусство* (вовсе) *не учась живописи, быть живописцемъ*», и потомъ предлагаютъ еще, не учась же, выучиться столькимъ искусствамъ, что какъ разъ приходится по искусству на каждую страницу книжки, — не явный ли это прогрессъ человѣческой изобрѣтательности?

Къ крайнему нашему сожалѣнію, мы совершенно не помнимъ способа, посредствомъ котораго можно въ три часа сдѣлаться живописцемъ. Что же касается до способа, или лучше сказать, до способовъ, потому что ихъ два,—не учась живописи, быть живописцемъ, то они очень просты:

Способъ первый. Возьми стекло, положи его на рисунокъ, который хочешь снять, и «тутъ можно рисовать (на стеклѣ, разумѣется) всѣ очерки, тѣни и свѣтлыя мѣста изображеній, тонкою, маленькою волосяною кисточкою, съ разведенною въ маслѣ черною краскою»; потомъ положить на стекло тонкую бумагу, прижать

Digitized by Google

пальцами лѣвой руки, поводить по бумагѣ правой рукой,—и рисунокъ готовъ.

Способъ второй, (и при томъ) открытый въ послѣднее время во Франціи.

«Смочи плоскую сторону гладкаго стекла (да какая же сторона у гладкаго стекла можетъ быть не плоской?) распущенною въ водѣ камедью, въ которую подбавь не много уксусу, и и, что еще лучше, намажь слегка яичнымъ бѣлкомъ. При чемъ, когда оно высохнетъ, положи его на рисунокъ, съ котораго хочешь снять копію, и, посредствомъ кисточки, обмакнутой въ разведенный сурикъ, списывай желаемое. При чемъ должно имѣть мокрый листъ бумаги, который тотчасъ положить на стекло. Потомъ *положи на бумагу кисть, коею писалъ* (это, вѣроятно, условіе необходимое, безъ котораго ничего не выйдетъ), и покрѣпче прижми бумагу къ стеклу. Послѣ чего сними бумагу, пока яичный бѣлокъ еще не разспустился, отъ чего явится на ней вѣрная копія съ рисунка.»

Хороши ли будутъ копіи съ рисунковъ, сдѣланныя по этимъ способамъ людьми, не учившимися живописи,—за это, разумѣется, ни авторъ, ни переводчикъ книжки не отвѣчаютъ. Ихъ дѣло было предложить способы, ваше—воспользоваться ими, какъ знаете сами.

Сдѣлаться декораторомъ и «*безъ бумаги и полотна снимать сходно съ природою ландшафты и прочія изображенія и предметы, могущіе служить превосходнѣйшимъ украшеніемъ великолѣпныхъ залъ, гостиныхъ, пріемныхъ и другихъ комнатъ*», гораздо труднѣе, чѣмъ сдѣлаться живописцемъ, потому-что способа, какъ писать *безъ полотна и бумаги*, выпуклыя картины, *могущія служить превосходнѣйшимъ украшеніемъ великолѣпнѣйшихъ залъ*, не пойметъ никто.

Вообще вся книжка написана такимъ языкомъ, какимъ пишутся афиши о разныхъ балаганныхъ представленіяхъ.

Не худо бы авторамъ и переводчикамъ подобныхъ книжёнокъ взять въ соображеніе, что вмѣстѣ съ прогрессомъ человѣческой изобрѣтательности, совершается и прогрессъ недовѣрія публики къ великолѣпнымъ заглавіямъ, составляющимъ чистую галиматью, и что книжныя спекуляціи теперь не такъ хорошо удаются, какъ въ «добрыя старыя времена».

—

Digitized by Google

ЖУРНАЛИСТИКА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ. 1852, № 7-Й. ИЮЛЬ. *Лола Монтезъ,* (изъ записокъ путешественника) г. С. Бабушкина. Довольно живо разсказанный небольшой эпизодъ изъ жизни этой прославленной искательницы приключеній. Жаль только, что не извѣстно достовѣрно, исторически-ли это вѣрный разсказъ очевидца, или попытка художника олицетворить интересный типъ Лолы Монтезъ. Но не будемъ останавливаться долго на этомъ разсказѣ, и спѣшимъ перейдти къ разбору послѣдняго произведенія г. Григоровича: *Проселочныя дороги,* романъ безъ интриги. Романъ этотъ, тянувшійся въ семи книгахъ Отечественныхъ Записокъ, доставилъ намъ столько матеріала для чтенія, пробуждалъ въ насъ попеременно столько разнородныхъ ощущеній: смѣха и радости, грусти, и, подъ часъ, скуки, что было бы неблагодарно не поговорить о немъ обстоятельно. Прежде всего замѣтимъ, что мысль написать большой романъ безъ интриги могла родиться только въ наше время, когда требованіе характеровъ отъ литературныхъ произведеній сдѣлалось такъ сильнымъ, что даже одни очерки типовъ, хотя бы и слабо завязанныхъ въ общій ходъ дѣйствія, стали цѣниться многими болѣе, нежели очень интересные по оригинальности событій и запутанности дѣйствія, но *безхарактерные*, если можно такъ выразиться, романы. Г. Григоровичъ воспользовался этою современною потребностью, и предложилъ публикѣ цѣлую галлерею провинціальныхъ типовъ, кое-какъ связанныхъ съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. За то, что онъ далъ намъ, мы, конечно, ему благодарны, и постараемся показать ниже всѣ достоинства этого подарка, но не можемъ, однако, удержаться отъ замѣчаній, что родъ, къ которому принадлежатъ «Проселочныя дороги», все-таки ложный. Разумѣется, и характеры, сами по себѣ взятые, безъ живаго участія ихъ въ какомъ-нибудь дѣйствіи, могутъ быть очень интересны. Самый разительный примѣръ тому представляютъ характеры, выведенныя въ «Мертвыхъ душахъ», но не нужно забывать, что главный интересъ здѣсь заключается не въ томъ, что выведено нѣсколько, хотя бы и художественно отдѣланныхъ, характеровъ, а въ томъ, что вслѣдствіе глубины анализа и широты задуманныхъ типовъ, они представляютъ уже общій и притомъ нравственный интересъ, какъ олицетворенные, и, въ этомъ олицетвореніи, осужденные представители множества такихъ чертъ, которыя мы безпрестанно встрѣчаемъ въ окружающей насъ дѣйствительности и въ себѣ самихъ. У г. Григоровича, на-

Digitized by Google

противъ, нѣкоторые изъ выставленныхъ характеровъ имѣютъ только одинъ интересъ курьезнаго. Какъ вводныя лица, бѣгло и живо очерченныя, и притомъ, оттѣняющія какую-нибудь сторону изображаемаго быта или какую-нибудь черту одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, они не только позволительны, но и составляли бы украшеніе романа или другаго художественнаго произведенія, но они не имѣютъ права, не входя дѣятельно въ движеніе событій, занимать насъ долго своими похожденіями, и рисоваться предъ нашими глазами, заслоняя главныхъ дѣйствующихъ лицъ и замедляя ходъ дѣйствія. Другое дѣло, повторяемъ, если бы всѣ выведенныя авторомъ лица были истинно типическія; тогда все произведеніе могло бы уже цѣниться съ другой точки зрѣнія: но ни той ни другой оцѣнки, строго говоря, романъ г. Григоровича не выдерживаетъ. Какъ романъ, онъ не удовлетворителенъ, впрочемъ, не потому, чтобы въ немъ не было интриги. Похожденія Балахнова даже въ такомъ видѣ, какъ они взяты у г. Григоровича, имѣютъ полное право составить занимательное содержаніе романа, но сюда внесено столько ненужныхъ и совершенно постороннихъ обстоятельствъ, весь ходъ дѣйствія такъ растянутъ, упущено изъ виду подробное развитіе такихъ важныхъ отношеній (Балахнова съ женой), что интересъ, одно изъ главнѣйшихъ условій романа, съ трудомъ поддерживается отъ первой до послѣдней части. Съ другой стороны, романъ г. Григоровича не можетъ быть разсматриваемъ весь и какъ собраніе характеристическихъ и поучительныхъ типовъ. Многіе изъ выведенныхъ характеровъ слишкомъ мелки, слишкомъ случайны и слишкомъ поверхностно взяты для этого. — Поэтому, существенно хорошимъ въ романѣ г. Григоровича можно назвать только: все, что касается самого Балахнова, составляющее едва-ли болѣе половины всего романа, и такіе характеры, которые возведены до типичности и пробуждаютъ въ читателѣ ясныя, опредѣленныя и притомъ, нравственно плодотворныя къ нимъ отношенія, каковы: Карачаевъ и Бобоховъ. Остальное имѣетъ только случайныя и частныя достоинства.

Высказавъ такъ рѣзко и прямо существенные (о нѣкоторыхъ мелкихъ мы еще скажемъ ниже) недостатки новаго произведенія г. Григоровича, мы тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ переходимъ къ оцѣнкѣ его достоинствъ. Но для этого позвольте разсказать вкратцѣ содержаніе романа. Въ Горшковскомъ уѣздѣ, въ помѣстьѣ Ханскихъ-прудахъ, живетъ владѣтель ихъ Аристархъ Ѳедоровичъ Балахновъ. Такъ какъ лицо это есть главное въ романѣ, и, притомъ, лучшее, то во-первыхъ, мы постараемся познакомить читателей покороче съ этою замѣчательною личностью, во-вторыхъ, сдѣлаемъ это по возможности

Digitized by Google

словами самого автора. И такъ, начнемъ съ того, что вообразимъ себя въ тарантасѣ трехъ барышенъ Кокуркиныхъ, ѣдущихъ къ Балахнову. Такимъ образомъ, мы успѣемъ познакомиться съ общимъ впечатлѣніемъ, производимымъ Ханскими-Прудами, и уже на первый разъ составить себѣ нѣкоторое понятіе объ ихъ владѣльцѣ. Усадьба въ деревнѣ не то, что домъ въ городѣ: она предоставляетъ гораздо болѣе способовъ хозяину высказать себя во внѣшности.

«Вскорѣ тарантасъ очутился на перекресткѣ. Не смотря на страшную путаницу дорогъ, сбившихся въ этомъ мѣстѣ какъ паутина, тарантасъ смѣло выбрался изъ лабиринта и свернулъ направо. Не мѣшаетъ замѣтить, что тремъ барышнямъ, ихъ кучеру и даже тремъ клячамъ такъ хорошо была извѣстна дорога, что всѣ они достигли бы цѣли своей поѣздки съ завязанными глазами. Благодаря, впрочемъ, тонкой предусмотрительности владѣльца дороги, одинъ безграмотный, да и то развѣ въ томъ случаѣ, еслибъ онъ принадлежалъ къ другому уѣзду, могъ сбиться съ пути. На перекресткѣ воздвигался бѣлый столбъ съ прибитою наверху вычурною доскою; изображенная на доскѣ рука выразительно указывала на надпись: *Дорога въ Ханскіе-пруды.* Немного погодя показался другой столбъ, но уже каменный, съ тою же надписью; вся разница заключалась въ томъ, что надпись казалась вылетавшею изъ клюва фантастической птицы, намалеванной на бѣломъ циферблатѣ.

«.... Минула верста, и новый столбъ, въ видѣ каменнаго обелиска, возвѣстилъ краснорѣчиво, что до Ханскихъ-Прудовъ оставалось всего одна верста. Дѣйствительно, можно уже было различить садъ, часть деревни, лѣпившейся по косогору, и наконецъ, мало по малу между головастыми ветлами, плотно обсаженными вокругъ зеленаго берега, сверкнули самые пруды. Ханскіе-Пруды, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, принимали какую-то фантастическую физіономію, вовсе несвойственную обыкновеннымъ помѣстьямъ. Можно было подумать, что подъѣзжаешь къ волшебному замку, или, по крайней мѣрѣ, къ губернскому городу. Такъ, напримѣръ, высокій деревянный заборъ, окружавшій садъ, казался издали рядомъ великолѣпныхъ зданій; выбѣленный мѣломъ и исполосованный узорами, заборъ этотъ былъ увѣнчанъ на всемъ своемъ протяженіи остроконечными и круглыми выступами въ видѣ кровель; безчисленное множество оконъ, дверей, воротъ, сводовъ всѣхъ возможныхъ архитектуръ и вкусовъ, которые были намалеваны на заборѣ, довершали обманъ. Но всего болѣе былъ бы озадаченъ путешественникъ, еслибъ привелось ему очутиться между двумя пирамидами, которыя украшены были арабесками пестраго, но неопредѣленнаго содержанія, и обозначали въѣздъ въ помѣстье.

Digitized by Google

«Передъ нимъ раскрывалась широкая луговина; слѣва окоймляли ее пруды, перерѣзанные великолѣпною плотиной, обсаженной ветлами; справа тянулся рядъ зданій, которыя какъ бы служили продолженіемъ извѣстному уже забору; зданія эти были облѣплены снаружи пестрыми вывѣсками наподобіе звѣринца. Конюшни украшались лошадьми и козлами; на фронтонѣ скотнаго двора виднѣлась полосатая корова, которую доила румяная баба; на кровлѣ флигеля, гдѣ помѣщались дворовые, красовался искусно-намалеванный кучеръ, въ красной рубашкѣ, съ балалайкою въ рукѣ, и т. д. Дорога къ барскому дому шла черезъ плотину; подлѣ самаго спуска воздвигалась новая пирамида; четкія надписи, смотря по тому, куда смотрѣли онѣ—на востокъ, на югъ, сѣверъ или западъ, возвѣщали, что отъ Ханскихъ-Прудовъ до Кавказа 1,800 верстъ, до Италіи 2,100, до Петербурга 1,200, до Парижа 2,813. Когда барышни въѣхали на плотину, на прудахъ показалось стадо лебедей; но барышни не обнаружили никакого удивленія; „какъ частыя гости Аристарха Ѳедоровича Балахнова, и притомъ почти домашніе люди, невольно посвященные въ нѣкоторыя тайны, онѣ знали въ совершенствѣ, что стадо лебедей, живописно плавающее въ отдаленіи, состояло изъ деревянныхъ чучелъ, пущенныхъ такъ только, для вящшаго эффекта».

Таковъ наружный видъ резиденціи Аристарха Ѳедоровича, дающій уже намъ не малое понятіе о немъ самомъ. Не трудно догадаться съ перваго раза, что вы имѣете дѣло съ однимъ изъ тѣхъ мелкочестолюбивыхъ помѣщиковъ, какихъ, къ несчастью, не мало можно найдти въ различныхъ краяхъ обширной Россіи. Собственная пустота и неспособность отдаться истиннымъ и живымъ интересамъ, ограниченный кругозоръ, въ которомъ держатъ ихъ мелкія провинціальныя интриги, безпрестанно разжигающія ихъ больное самолюбіе и заграждающія отъ нихъ всѣ другіе вопросы, скучная жизнь безъ дѣла въ провинціи—вотъ что развиваетъ подобные характеры, часто на стыдъ и разореніе ихъ самихъ и ихъ несчастныхъ семействъ. Конечно, такой полной, такой цѣльной обстановки не встрѣтите вы, можетъ быть нигдѣ въ дѣйствительности вокругъ такихъ лицъ, и никому, вѣроятно не приходило въ голову означить на столбахъ разстояніе своего помѣстья отъ Кавказа, Италіи, Петербурга и Парижа, но не нужно забывать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ художественнымъ изображеніемъ полнѣйшаго типа этого рода; мелкихъ же зачатковъ подобныхъ помѣщичьихъ наклонностей, конечно, не мало встрѣчалъ всякой, ѣзжавшій по различнымъ закоулкамъ нашего отечества. Но остановимъ пока наши преждевременныя соображенія, и будемъ продолжать, по даннымъ автора, изученіе этого интереснаго типа. Мы

Digitized by Google

уже видѣли его усадьбу, посмотримъ теперь на него самого въ одну изъ торжественныхъ минутъ жизни, въ день его рожденія. Нечего, конечно, объяснять, что, въ дополненіе къ деревяннымъ лебедямъ и другимъ наружнымъ украшеніямъ Ханскихъ-Прудовъ, они должны быть наполнены внутри многочисленною дворнею, бѣдными приживальщиками и мелкопомѣстными гостями, составляющими неизбѣжную свиту такихъ людей, какъ Аристархъ Ѳедоровичъ. Теперь перенесемся же въ залу въ ту минуту, когда все разнородное общество, наполнившее домъ Балахнова, по случаю его рожденія, ждетъ торжественнаго выхода самого хозяина изъ его кабинета.

«На первомъ мѣстѣ, какъ и слѣдовало ожидать, находился г. Кошкинъ» (другъ хозяина и человѣкъ почти равный ему въ общественномъ положеніи); «закинувъ правую ногу назадъ, онъ стоялъ облокотившись на спинку креселъ Лизаветы Семеновны, (жены Балахнова), сидѣвшей подлѣ жены его. Впереди ихъ толпились дѣти.» За тѣмъ расположены были приличнымъ образомъ остальныя гости и проживальщики, и въ углу экономка, приготовлявшая все нужное для чая. «Позади господъ, въ почтительномъ отдаленіи, стояли дворовые люди, размѣстившіеся по степенямъ ихъ заслугъ и большаго или меньшаго почета ихъ должности. Такъ, напримѣръ, старая няня, повязанная новымъ набивнымъ платкомъ, стояла у двери гостиной въ главѣ горничныхъ, прачекъ, стряпухъ и судомоекъ; старый кучеръ, отставленный отъ должности по преклонности лѣтъ, старый маляръ съ огромной клюквой вмѣсто носа и свромутными глазами, составляли у двери прихожей авангардъ остальной дворовой челяди, головы которой представляли безконечную перспективу разнокалиберныхъ и разноцвѣтныхъ макушекъ».

«Какъ передніе ряды этого общества, такъ и задніе, находившіеся уже далеко за дверьми залы, хранили глубокое молчаніе. Изрѣдка лишь легкій «тш! тш!..» раздавался изъ перваго ряда, имѣя цѣлью прекратить нескромный голосъ Карачаева, мѣшавшій разслышать, что происходило за дверьми кабинета, куда были направлены всѣ взоры.

«При малѣйшемъ шорохѣ, раздававшемся за этою дверью, все оживало, и басистый гулъ, подобный тому, какой бываетъ въ сосновомъ лѣсу при вѣтрѣ, проносился изъ одного конца залы въ другой.

«Но тревога оказывалась фальшивою, и снова воцарялось молчаніе, позволявшее разслышать нетерпѣливое біеніе сердецъ.

«Наконецъ, дверь отворилась, и на порогѣ показался Аристархъ Ѳедоровичъ....

Digitized by Google

«На немъ была голубая, небеснаго цвѣта, венгерка, обшитая по всѣмъ швамъ черными шнурками; розовый галстучекъ, небрежно повязанный вокругъ воротничковъ à l'enfant, шелъ какъ нельзя болѣе къ его красивому лицу, только что спрыснутому о-де-колонью.

«Величіе, смѣшанное съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ растроганнаго чувства, обозначалось во всѣхъ чертахъ его. Прежде всего Балахновъ подошелъ къ женѣ и поцаловалъ ее нѣсколько разъ сряду, потомъ пожалъ руку Кошкину, поклонился его супругѣ и обратился безъ различія къ остальнымъ гостямъ».

Слѣдуютъ поздравленія гостей и дворни, и поднесеніе крендолей почетнѣйшими лицами изъ послѣдней.

«Приказавъ поставить крендели на столъ, Аристархъ Ѳедоровичъ величественно повернулся къ двери гостиной и сказалъ: «благодарю»! потомъ повернулся къ дверямъ залы, привѣтливо улыбнулся и тоже сказалъ: «благодарю».

«Аристархъ Ѳедоровичъ видимо былъ растроганъ; но когда очередь дошла до дѣтей, и ему предстояло высказаться не какъ сосѣду, но какъ отцу, онъ не выдержалъ, и двѣ крупныя слезы повисли на его рѣсницахъ. Во все время, какъ продолжались привѣтствія дѣтей, онъ стоялъ съ платкомъ въ рукѣ и опущенными взорами.

«Видно было, что ему хотѣлось обнять ихъ, посадить къ себѣ на колѣни, перецаловать, и вѣрно послушался бы онъ влеченія своего сердца, еслибъ разсудокъ не говорилъ ему, что такіе порывы не совмѣстны съ строгою торжественностью настоящей минуты....»

И такимъ оставался онъ всегда, во всѣхъ счастливыхъ и трудныхъ положеніяхъ жизни, всюда, куда ни попадалъ онъ, заносимый различными обстоятельствами. Разумѣется вполнѣ и истинно величественнымъ былъ онъ у себя дома, гдѣ ничто не мѣшало ему исподоволь подготовить для себя приличную торжественную обстановку, или среди мелкихъ помѣщиковъ, облагодѣтельствованныхъ его ласками или ослѣпленныхъ его превосходствомъ; но если въ другихъ мѣстахъ не всегда и не все соотвѣтствовало высокимъ стремленіемъ горшковскаго мужа, то самъ онъ оставался неизмѣнно твердымъ и величественнымъ. И такихъ-то свойствъ души не съумѣлъ оцѣнить достойно жалкій Горшковской уѣздъ!

По крайней мѣрѣ мы застаемъ нашего героя въ борьбѣ чуть-ли не со всѣмъ уѣздомъ, въ борьбѣ, гдѣ мало по малу покидаютъ Аристарха Ѳедоровича почти всѣ его союзники, и онъ продолжаетъ ее вести одинъ, хотя и съ глубокими внутренними терзаніями, но постоянно спокойный и важный по наружности, не переставая задавать тону всякой встрѣчной мелюзгѣ, пока, наконецъ, всѣ несча-

Digitized by Google

стія, разомъ обрушившись на этотъ величавый дубъ, не подламывають его окончательно. Эта-то борьба до самаго исхода своего и составляетъ главнѣйшимъ образомъ содержаніе романа г. Григоровича. Мы не станемъ слѣдить за всѣми подробностями этой длинной исторіи, и ограничимся только объясненіемъ происхожденія ея и главнѣйшими моментами.

«Лѣтъ восемь назадъ, говоритъ авторъ, когда еще Ханскіе-Пруды именовались *Косыми-Журавлями*, Аристархъ Ѳедоровичъ дѣйствительно игралъ нѣкоторую роль между помѣщиками своего уѣзда. Домъ его былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ сосѣдей и преимущественно тѣхъ, которые были побогаче. Въ числѣ послѣднихъ являлся по какому-то особенному случаю, чаще другихъ, нѣкто господинъ Солонеевъ, человѣкъ истинно порядочный и достойный. Дружба не была, однакожъ, продолжительна. Пріятели не сошлись въ какомъ-то незначущемъ пунктѣ, повздорили и разстались. Сказывали, впрочемъ, будто Солонеевъ пересталъ ѣздить въ Ханскіе-Пруды единственно потому-что *раскусилъ* наконецъ Аристарха Ѳедоровича....» Благодаря провинціальнымъ сплетнямъ и общему участію, принятому въ этомъ дѣлѣ, бывшіе пріятели перессорились на смерть. Сначала были горячія личныя объясненія, потомъ объясненія письменныя. На этомъ послѣднемъ полѣ, Балахновъ, владѣя врожденнымъ краснорѣчіемъ и дипломатическою тонкостью, сокрушилъ своего соперника, съумѣлъ поддержать къ нему непріязненныя чувства другихъ сосѣдей, и занялъ между ними твердую позицію. Въ душѣ его зароились тогда самыя жгучія и честолюбивыя надежды. Имѣя на сторонѣ своей большую часть сосѣдей, онъ могъ смѣло надѣяться между ними на выборахъ на видное мѣсто.

«Чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, Аристархъ Ѳедоровичъ позаботился измѣнить обыкновенный образъ своей жизни: слѣдовало теперь зажить такъ, чтобъ ослѣпить, закружить, завертѣть и закормить весь уѣздъ. На этомъ основаніи, изъ четырехсотъ душъ онъ поспѣшилъ заложить двѣсти (другія двѣсти принадлежали его женѣ). Мѣсяцъ послѣ того, по Прудамъ (уже переименованнымъ въ Ханскіе) заплавали лебеди; изъ топкихъ болотъ поднялись фантастическія бесѣдки; на проселкахъ возникли пирамиды и обелиски; комнаты оклеились новыми обоями; все преобразовалось: тонкія вины полились рѣкою, и весь уѣздъ, упитанный изысканными яствами, заплясалъ въ большой залѣ подъ звуки нарочно-выписаннаго оркестра».

Всѣми этими средствами Аристархъ Ѳедоровичъ достигъ окончательнаго торжества, какъ вдругъ пріѣхалъ изъ-за границы и поселился въ своихъ помѣстьяхъ въ Горшковскомъ уѣздѣ дядя Соло-

Digitized by Google

неева, богачъ и князь. Стоило ему объѣхать съ визитами всѣхъ сколько нибудь значительныхъ лицъ въ уѣздѣ (исключая Балахнова), задать блестящій балъ и потомъ маскарадъ, «и черезъ мѣсяцъ домъ Балахнова сдѣлался исключительнымъ пристанищемъ незначущихъ помѣщиковъ и помѣщицъ, неудостоившихся чести быть приглашенными княземъ, или не получившихъ отъ него визита».

«Поставленный такимъ образомъ во враждебное отношеніе съ половиною уѣзда, Аристархъ Ѳедоровичъ не упалъ, однакожъ, духомъ. Обѣды и вечера продолжались по прежнему въ Ханскихъ-Прудахъ. Какъ бы тамъ ни было, но общество незначительныхъ помѣщиковъ все-таки, въ общей сложности, должно было превышать числомъ голосовъ враждебное общество. Съ такими-то надеждами Балахновъ поѣхалъ на выборы. Но кто опишетъ его ужасъ? чье перо возьмется передать ударъ, нанесенный его честолюбію, когда его забалотировали, и на почетное мѣсто, такъ привѣтливо ему улыбавшееся, избранъ былъ Солонеевъ.... Рука Аристарха Ѳедоровича, готовая уже протянуться къ врагу въ случаѣ удачи, вооружилась перомъ, упитаннымъ ядомъ. Письма Балахнова, наполненныя сарказмами и эпиграммами, въ стихахъ и прозѣ, заходили въ числѣ многихъ экземпляровъ по уѣзду. Кой какія лица, и особенно одинъ старенькій помѣщикъ, по имени Фуколъ Ивановичъ, движимый благородными порывами души, покусился помирить враговъ: все было напрасно. Желчь кипѣла ключемъ въ оскорбленномъ сердцѣ Балахнова, и не суждено ей было остывать десятки лѣтъ. Щелчокъ, полученный Аристархомъ Ѳедоровичемъ, казалось, придалъ ему еще болѣе энергіи: онъ рѣшился прежде всего измѣнить планъ своихъ дѣйствій, и вмѣсто открытой войны повелъ онъ войну тайную, огражденную траншеями и подкопами. Первымъ его дѣломъ было укрѣпить за собою окончательно своихъ приверженцевъ. Достигнуть этого было весьма не трудно; стоило только продолжать давать обѣды, вечера и празднества, слѣдовало во всякомъ случаѣ, обнаруживать ко всѣмъ въ ровной степени радушіе и гостепріимство. Завербовавъ въ свой отрядъ все, что не принадлежало къ обществу Солонеева, Балахновъ направилъ свои мысли на другой пунктъ. Для достиженія тайной цѣли, ему необходимо было придать себѣ болѣе вѣсу въ уѣздѣ, собственно какъ владѣльцу. Для этого оказались нужными наличныя деньги; не раздумывая долго, Аристархъ Ѳедоровичъ заложилъ женнины двѣсти душъ и принялся покупать прилежащія къ Ханскимъ-Прудамъ земли, лѣса, рощи и даже избенки; разсчетъ былъ такого рода: «пускай себѣ все будетъ съ изъянцемъ, плоховато и шатковато, но за то всего будетъ много: мечется въ

Digitized by Google

глаза только то, что видишь, изъяна никто не замѣтитъ». Слѣдуя такому хитрому предначертанію, Аристархъ Ѳедоровичъ увѣренъ былъ, что восторжествуетъ со временемъ надъ враждебными сосѣдями».

Просимъ здѣсь извиненія у автора и читателей за множество сдѣланныхъ нами выписокъ; но мы не рѣшились замѣнить собственнымъ сухимъ изложеніемъ мѣткихъ и бойкихъ словъ автора во всемъ, что̀ касается рисовки личности самого Балахнова, составляющей главный интересъ романа; въ дальнѣйшемъ, мы постараемся, впрочемъ, не обременять нашей статьи выписками, безъ крайней нужды.

Двухъ предположенныхъ цѣлей, т. е., завербованія себѣ голосовъ и пріобрѣтенія прилежащихъ къ его имѣнію земель, Балахновъ добивается всѣми позволительными и непозволительными средствами. Для первой цѣли онъ рѣшается спускаться даже до мелкопомѣстныхъ дворянъ, къ которымъ ѣздитъ на именины, похороны и т. д., разумѣется, сохраняя при этомъ надлежащую высоту надъ ними. Для второй онъ также употребляетъ всѣ зависящія отъ него средства и даже совершаетъ поѣздку въ Москву. Вся эта многочисленная дѣятельность Аристарха Ѳедоровича даетъ автору поводъ къ изображенію множества провинціальныхъ личностей и сценъ, часто не лишенному мѣткости и вѣрности, и всегда сопровождаемому тою непринужденною веселостью, которая заставляетъ простить автору много каррикатурнаго и небрежнаго. Точно также пользуется г. Григоровичъ и поѣздкою Аристарха Ѳедоровича въ Москву, чтобы нарисовать намъ нѣсколько сценъ изъ различныхъ сферъ московской жизни, между которыми книжная лавка, игра въ клубѣ и въ особенности московскій денди-плутъ Тохтамышевъ и его компанія заслуживаютъ вниманія. Но, къ сожалѣнію, мы никакъ не можемъ остановиться на всемъ этомъ, во-первыхъ, потому, что даже краткое изложеніе всѣхъ событій, случающихся съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ и окружающими его лицами, заняло бы слишкомъ много мѣста, во-вторыхъ потому, что большая часть ихъ какъ-то мало вяжется съ общимъ ходомъ романа, и, останавливаясь на нихъ, мы невольно должны бы были упустить изъ виду нить романа.

Не смотря на всѣ усилія Аристарха Ѳедоровича, дѣла его, впрочемъ, какъ-то плохо клеятся.

Съ одной стороны жена его, женщина въ сущности кроткая и прекрасная, въ особенности истинная мать семейства, оказывается не совсѣмъ способною понять и раздѣлить высокіе помыслы мужа. Занимаясь исключительно дѣтьми, она рѣшительно не содѣйствуетъ Аристарху Ѳедоровичу въ его великихъ дѣлахъ, и еще менѣе старается о занятіи выгоднаго и блестящаго положенія въ свѣтѣ. Конечно, Аристархъ Ѳедоровичъ найдется и въ этомъ случаѣ.

Digitized by Google

Собственнымъ примѣромъ, постояннымъ наблюденіемъ и внушеніями, онъ добьется до того, что жена его, по крайней мѣрѣ при гостяхъ, будетъ вести себя, какъ слѣдуетъ женѣ Балахнова. Но все это не обойдется безъ домашнихъ сценъ, какъ хотите, все-таки, непріятныхъ. Кромѣ того Лизавета Семеновна простираетъ до того равнодушіе къ возвышеннымъ интересамъ мужа, что даже осмѣливается напомнить ему о дѣтяхъ, въ то время, какъ Аристархъ Ѳедоровичъ собирается заложить послѣднее имѣніе. Все это вызываетъ домашнюю сцену, одну изъ самыхъ лучшихъ по отдѣлкѣ въ романѣ г. Григоровича.

Съ другой стороны, при покупкѣ земель, для расширенія своихъ владѣній, онъ встрѣчаетъ нѣкоторыя затрудненія, обидныя потому въ особенности, что они случались большею частію по непредвидѣннымъ и ничтожнымъ обстоятельствамъ, и почти всегда въ такое время, когда, по видимому, не оставалось уже никакого сомнѣнія въ успѣхѣ. Такъ, по капризу жены нѣкоего Окатова, одного изъ друзей Балахнова, онъ принужденъ былъ отказаться отъ покупки земли, хотя и страшно дорого продаваемой и въ хозяйствѣ ни къ чему негодной, но за то лежавшей на самой большой дорогѣ, слѣд. на виду, и притомъ принадлежавшей нѣкогда ненавистному Солонееву и дорогой этому послѣднему по нѣкоторымъ отношеніямъ. Точно также въ Москвѣ принужденъ онъ былъ упустить изъ рукъ, по недостатку какихъ-нибудь тысячи рублей, имѣнье, продаваемое сосѣдомъ Бобоховымъ. Наконецъ пріобрѣтеніе голосовъ идетъ также чрезвычайно вяло, хотя Аристархъ Ѳедоровичъ дѣлаетъ, кажется, все для успѣха своего дѣла, и даже, кому нужно, проигрываетъ деньги съ этою цѣлью. Два самые преданные человѣка, Окатовъ и Кошкинъ, уже давно мало по малу оставили Балахнова и передались на сторону противниковъ. Такимъ образомъ, осталось лишь нѣсколько лицъ, частью пріобрѣтенныхъ въ поѣздку въ Москву, частію завербованныхъ разными путями въ своемъ уѣздѣ. Но у Балахнова есть природный умъ и краснорѣчіе, представительная наружность, и, наконецъ, возможность перезаложить имѣніе; разумѣется, въ случаѣ надобности, не будетъ упущено ни одно и изъ этихъ пособныхъ средствъ, и такъ, дѣло еще не окончательно проиграно. Въ такомъ-то, довольно, впрочемъ, неопредѣленномъ положеніи находится Балахновъ при наступленіи выборовъ. По всему этому ясно уже для каждаго смертнаго, что Аристарху Ѳедоровичу нужно дѣйствовать теперь какъ можно сильнѣе и преимущественно озадачивающимъ чернорядское дворянство образомъ. Тѣмъ болѣе ясно это для самого Балахнова. И такъ, пріѣхать въ губернскій городъ прежде другихъ, нанять лучшій домъ, сдѣлать

Digitized by Google

должныя приготовленія къ великолѣпному балу—все это ужъ, разумѣется, предметы первой необходимости. Далѣе остается не малая надежда на эффектъ, который произведетъ Аристархъ Ѳедоровичъ своимъ появленіемъ во враждебномъ обществѣ, сохраняя то величіе, ясность и благородство, которыя не оставляютъ его ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни, и какъ бы говоря своимъ противникамъ: смотрите, какого человѣка вы забалотировали въ прошедшіе выборы. Между тѣмъ, не упущены изъ виду и другія средства: посланъ нарочный въ Ханскіе-Пруды къ Лизаветѣ Семеновнѣ съ приказаніемъ немедленно пріѣхать въ Черноряжскъ, «взявъ съ собой всѣ бальныя платья и также для визитовъ». Внизу письма, вмѣсто постскриптумъ, Аристархъ Ѳедоровичъ просилъ захватить всѣ бумаги, касающіяся женинаго и дѣтскаго имѣнья; бумаги эти, писалъ онъ, необходимы для справокъ касательно общаго положенія дѣлъ имѣнья въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Съ пріѣздомъ Лизаветы Семеновны, и особенно, послѣ того, какъ она объѣздитъ съ визитомъ черноряжскихъ барынь, и за тѣмъ послѣдуетъ блестящій балъ, общественное положеніе его приметъ, естественнымъ образомъ, самый благопріятный колоритъ. Между тѣмъ, балы передъ выборами уже начинаются. Первый, на который приглашенъ между прочимъ и Балахновъ, дается Балаклеевыми. Будетъ весь городъ. Аристархъ Ѳедоровичъ ясно чувствуетъ, что появленіе его на этомъ балѣ, среди враговъ, будетъ важнымъ шагомъ. «Сознавая всю важность такого предмета, говоритъ авторъ, Аристархъ Ѳедоровичъ принялся обдумывать каждое движеніе, каждый шагъ, каждое слово, которому суждено излиться изъ краснорѣчивыхъ устъ его. Затѣмъ, онъ обратилъ исключительное вниманіе на дамъ; зная, какимъ авторитетомъ пользуются нѣкоторыя изъ нихъ въ домашнемъ быту, онъ поспѣшилъ обогатить свой умъ запасомъ риторическихъ фигуръ и оборотовъ самого обворожительнаго свойства. Фигуры эти заняли въ мозгу его совершенно особое отдѣленіе, двери котораго предназначалось раскрывать однѣмъ только особамъ прекраснаго пола».

«Часовъ въ десять вечера Аристархъ Ѳедоровичъ вышелъ изъ своего кабинета, вооруженный съ головы до ногъ, какъ Минерва. Наружная броня его, состоявшая изъ чернаго фрака, черныхъ панталонъ, высокаго, бѣлаго, непомѣрно-туго накрахмаленнаго галстуха и такого же жилета, казалась столько же надежною, столько нравственное его вооруженіе.

«Музыка гремѣла уже полнымъ оркестромъ, къ великому удовольствію танцоровъ и вящшему наслажденію уличной черни, которая мѣсила грязь подъ окнами Балаклеевскаго дома, когда Аристархъ Ѳедоровичъ вступилъ въ большую залу».

Digitized by Google

Но съ этой минуты начинается для горшковскаго мужа рядъ быстро слѣдующихъ пораженій, оканчивающихся совершеннымъ его паденіемъ. Прежде всего, на балѣ онъ далеко не производитъ ожиданнаго впечатлѣнія. Нѣкоторые изъ враговъ его перешептываются и пересмѣиваются, глядя на него. Другіе не оказываютъ ему рѣшительно никакого вниманія, а жена Окатова, урожденная княжна Жирофле-Никитская, даже просто отворачивается отъ него. Въ заключеніе бѣдствія, на балъ неожиданно появляются какіе-то пріѣзжіе князь и графъ, для которыхъ танцуютъ даже девятую кадриль прежде четвертой, и которые, поглотивъ всеобщее вниманіе, разумѣется, окончательно затираютъ Балахнова, сколько онъ ни выпячиваетъ грудь и не становится на видныя мѣста. Тутъ же своими глазами онъ совершенно убѣждается, что Окатовъ находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ Солонеевымъ, и узнаетъ отъ Бобохова, что ожидаемые изъ Москвы голоса не пріѣдутъ на выборы. Вмѣстѣ съ тѣмъ открывается, что планъ его озадачить дворянство блестящимъ баломъ, уже извѣстенъ всему городу, между тѣмъ какъ Аристархъ Ѳедоровичъ не увѣренъ даже совершенно, состоится ли онъ дѣйствительно. Дѣло въ томъ, что жена Балахнова еще не пріѣзжала до сего времени въ Черноряжскъ, и, главное, не привозила съ собой бумагъ, нужныхъ для справокъ касательно общаго положенія дѣлъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Послѣ это понятно, что сонъ Аристарха Ѳедоровича былъ очень тревоженъ и полонъ безотрадныхъ видѣній въ эту ночь, и что онъ очень не ласково встрѣтилъ поутру Карачаева, пріѣхавшаго, по его предположенію, изъ Ханскихъ-Прудовъ, но безъ Лизаветы Семеновны; оказалось, впрочемъ, что Карачаевъ уже полторы недѣли какъ выѣхалъ изъ имѣнія Аристарха Ѳедоровича, и не знаетъ ничего о письмахъ его къ женѣ. Это нѣсколько успокоило Балахнова. Но такъ какъ до выборовъ оставалось уже слишкомъ мало времени, то нужно было принимать рѣшительныя мѣры, и Карачаевъ, по просьбѣ Балахнова, отправляется въ тотъ же день въ Ханскіе-Пруды съ порученіемъ непремѣнно привезти съ собой Лизавету Семеновну.

Но здѣсь пора намъ объяснить, какія козни строятся противъ Аристарха Ѳедоровича въ самыхъ нѣдрахъ его семейства, и какую роль играетъ во всемъ этомъ Карачаевъ, а вмѣстѣ и познакомить читателя съ этою любопытною личностью, не разъ уже упомянутою въ теченіе нашего разсказа.

«Карачаеву лѣтъ сорокъ. Лицо его правильно и могло бы быть красиво, еслибъ не безобразили его красные налитые кровью бѣлки и багровыя жилки, разсыпанныя какъ червячки по всей кожѣ. Онъ

Digitized by Google

былъ высокъ ростомъ, статенъ, лысъ, но это былъ, однакожъ, не жиръ, а скорѣе опухлость, свойственная людямъ, употребляющимъ давно и крайне-неумѣренно сердцекрѣпительные напитки.... Во всей наружности Карачаева, въ его походкѣ, движеніяхъ проглядывала какая-то безалаберная, безпутная удаль, смѣшанная, однакожъ, съ прямотою и добродушіемъ. Карачаевъ былъ, дѣйствительно, благороднѣйшій и честнѣйшій малый; дурное воспитаніе и вслѣдъ затѣмъ дурное общество придали ему ту грязную и непривлекательную форму, въ которой представляется онъ теперь читателю».

Такими чертами характеризуетъ этого человѣка самъ авторъ. Не входя въ подробный анализъ этого характера, мы обозначимъ въ краткихъ словахъ только участіе его въ дѣйствіи романа. Часто посѣщая Аристарха Ѳедоровича, какъ сосѣдъ, и притомъ, связанный съ нимъ дѣлами, Карачаевъ съ тѣмъ грубымъ, но часто вѣрнымъ инстинктомъ, какой дается нерѣдко людямъ истинно добрымъ и честнымъ, хотя бы и огрубѣвшимъ отъ дикой жизни, привязался всѣми силами души къ Лизаветѣ Семеновнѣ, которой положеніе дѣйствительно заслуживало глубокаго участія. Сначала привязанность его выражалась лишь въ томъ, что онъ безпрекословно слушался во всемъ Лизаветы Семеновны, и даже не пилъ, когда она не хотѣла этого; кромѣ того онъ считалъ своею обязанностью не допускать никого, даже самого Аристарха Ѳедоровича, сказать о ней что-либо дурное. На поведеніе Балахнова, какъ и на все его окружающее, онъ не обращалъ большаго вниманія. Онъ спорилъ и ссорился съ нимъ всякій разъ, когда они расходились въ чемъ-нибудь, но въ сущности любилъ и его за хлѣбосольство и всегдашній радушный пріемъ, не стараясь разбирать, откуда происходило это. И можетъ быть никогда бы не успѣлъ онъ разсмотрѣть хорошенько Аристарха Ѳедоровича, если бы искреннее участіе въ Лизаветѣ Семеновнѣ не открыло ему, наконецъ, глаза на его жалкое и безсовѣстное поведеніе. По большей части люди *раскусываютъ* своего ближняго только тогда, когда лично потерпятъ отъ него что-либо; Карачаевъ, напротивъ, обратилъ вниманіе на поведеніе Аристарха Ѳедоровича только потому, что отъ него страдала Лизавета Семеновна, за то тѣмъ безпристрастнѣе былъ судъ его, и тѣмъ съ большимъ правомъ могъ онъ стать совершенно на сторону послѣдней. Видя, что Балахновъ изъ пустаго тщеславія готовъ разориться самъ и разорить жену и дѣтей, и оставаясь постоянно въ Ханскихъ-Прудахъ, между тѣмъ какъ владѣлецъ ихъ разъѣзжалъ по уѣзду для собиранія голосовъ, онъ наконецъ успѣлъ убѣдить Лизавету Семеновну, что она обязана принять всѣ зависящія отъ нея мѣры, чтобы во-время остановить Ари-

Digitized by Google

старха Ѳедоровича отъ совершеннаго разоренія. Слѣдствіемъ этихъ совѣщаній было то, что Лизавета Семеновна не поѣхала сама въ Черноряжскъ, куда ждалъ ее съ такимъ нетерпѣніемъ мужъ, и не привезла бумагъ, нужныхъ для перезалога имѣнія.

Но обратимся къ разсказу. Послѣ приведеннаго сейчасъ объясненія, понятно, что поѣздка Карачаева въ Ханскіе-Пруды не имѣла никакого успѣха. Но скрывать далѣе обманъ было уже теперь невозможно, и гнѣвъ Аристарха Ѳедоровича вспыхнулъ со всею силою. Карачаевъ вспылилъ также, и въ первый разъ въ жизни рѣшился высказать Балахнову всю правду, думая остановить его отъ поѣздки на выборы. Но не такаго характера былъ Аристархъ Ѳедоровичъ. О дальнѣйшемъ разсказывать грустно. Балахнова, какъ и слѣдуетъ ожидать, ухайдакали, по выраженію нѣкотораго Лукьянова, и выбрали, разумѣется, злѣйшихъ враговъ его, и между прочимъ Кошкина на его мѣсто. Есть отчего схватить горячку. Это Аристархъ Ѳедоровичъ, конечно, и сдѣлалъ, причемъ ухаживалъ за нимъ, отвезъ его въ деревню и просиживалъ неотлучно при немъ цѣлыя ночи до выздоровленія тотъ же Карачаевъ. Здѣсь собственно оканчивается романъ Балахнова, хотя и дальнѣйшее за тѣмъ, именно нѣсколько сантементальное исправленіе его, не лишено интереса, особенно по тому участію, которое принимаетъ въ этомъ дѣлѣ Карачаевъ, успѣвая выказаться при этомъ съ своихъ лучшихъ сторонъ.

Новый романъ г. Григоровича, собственно говоря, не одинъ романъ: кромѣ похожденій Балахнова, онъ заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе полныя исторіи и другихъ вводныхъ лицъ. Оттого онъ и вышелъ такъ длиннымъ. Мы уже высказали сначала наше мнѣніе о неправильности плана, избраннаго авторомъ для своего произведенія, и потому, не возвращаясь вновь къ этому предмету, постараемся указать на другіе удачно обработанные типы изъ множества выведенныхъ г. Григоровичемъ. Кромѣ Карачаева, о которомъ мы уже успѣли сказать нѣсколько, слѣдуетъ обратить вниманіе на Бобохова, Буржуа-жантильйомъ, какъ его очень удачно прозвалъ Карачаевъ. Къ сожалѣнію, предѣлы статьи не позволяютъ намъ долго останавливаться на этомъ лицѣ, но не можемъ не указать читателямъ на прекрасно выставленныя его отношенія къ матери и сестрамъ, къ московскому денди-плуту Тохтамышеву, къ содержателю театра въ уѣздномъ городѣ, и другія, гдѣ онъ рисуется рѣзко и вѣрно. Можно бы указать и на отдѣльно вѣрныя и мѣткія черты также въ другихъ лицахъ, равно какъ на нѣкоторыя живыя и бойкія картины, но мы предпочитаемъ лучше остановиться на этихъ трехъ цѣльныхъ типахъ, ибо изображенія только такого рода считаемъ вполнѣ достой-

Digitized by Google

ными искусства. Но болѣе всего, повторяемъ, благодарны мы даровитому автору за Балахнова; такое полное, подробное и обстоятельное изображеніе личности рѣдко встрѣчается въ нашей литературѣ. И таково глубоко свойство истинно-художественно задуманныхъ типовъ, что отдѣльныя черты, въ нихъ сведенныя, не переставая носить на себѣ печать индивидуальности, принимаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе широкій, общечеловѣческій характеръ, и какъ бы напоминаютъ намъ многое въ насъ самихъ, и въ другихъ, заставляя глубже всматриваться въ тѣ внутреннія побужденія, изъ которыхъ вытекаютъ человѣческія дѣйствія. Оттого подобные характеры глубоко интересуютъ наше нравственное чувство.

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы познакомить читателя, хотя въ общихъ чертахъ, съ планомъ, главнѣйшимъ содержаніемъ и существенными достоинствами и недостатками послѣдняго романа г. Григоровича. Переходимъ къ тѣмъ частнымъ замѣткамъ и соображеніямъ, на которыя наведены мы были во время продолжительнаго чтенія «Проселочныхъ дорогъ». Замѣтки эти назначаются нами собственно для самого автора, но, можетъ быть, не лишены будутъ интереса и для нѣкоторыхъ читателей.

Намъ часто казалось при чтеніи, что г. Григоровичъ вносилъ въ романъ свой слишкомъ свѣжія впечатлѣнія, не давъ имъ переработаться окончательно и принять ту форму, въ которой они должны входить въ художественное произведеніе. «Проселочныя дороги» иногда напоминали намъ записную памятную книжку путешественника, въ которой онъ бѣгло набрасываетъ свои мысли: мимоходомъ замѣчаетъ о чемъ нибудь интересномъ и достойномъ описанія, нѣсколькими штрихами очерчиваетъ для памяти какую нибудь любопытную личность и т. д. Во всѣхъ такихъ случаяхъ авторъ замѣтокъ или сохраняетъ въ памяти полнѣйшее представленіе о тѣхъ предметахъ, которые упомянуты только въ его книжкѣ, и надѣется ввести его въ дѣло, когда нужно будетъ привести въ порядокъ свои записки, или полагается на свой талантъ и только отмѣчаетъ въ книжкѣ счастливую мысль, нахлынувшую на него чѣмъ-либо, въ видѣ чертъ, удобныхъ для будущей художественной или какой-либо иной обработки. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что составляя часто богатый матеріалъ и, можетъ быть, источникъ многихъ превосходныхъ произведеній въ будущемъ, подобныя замѣтки не представляютъ, однако, для посторонняго настоящаго интереса. Объяснимъ сказанное частнымъ примѣромъ. Всматриваясь въ жизнь, каждый художникъ встрѣчаетъ иногда черты и положенія, которыя, по самой ли природѣ его, или по особенному направленію мыслей, про-

Digitized by Google

истекающему отъ рода его занятій, представляются ему съ такой стороны, съ какой не представляются другимъ: такъ, напр., гдѣ другой видитъ простыя и обыкновенныя явленія, онъ открываетъ богатые матеріалы для художественнаго воспроизведенія, часто мгновенно и несовершенно ясно для самого себя, дополнивъ и округливъ незначительный фактъ, онъ видитъ въ немъ данныя для цѣлой комедіи, драмы, повѣсти и т. д. Но есть огромная разница между этою первоначальною схваткою предмета въ дѣйствительности и тѣмъ полнымъ и круглымъ цѣлымъ, въ которое долгимъ трудомъ долженъ развиться онъ, чтобы стать дѣйствительно тѣмъ, что провидѣлъ въ немъ художникъ. Въ возможности все будущее развитіе заключается, пожалуй, и въ этомъ зародышѣ художественнаго произведенія, но только для автора. Посторонній человѣкъ можетъ не найдти даже никакого интереса въ первоначальныхъ бѣглыхъ очеркахъ. Присутствіе многихъ характеровъ въ романѣ г. Григоровича объясняется только этимъ путемъ: авторъ видѣлъ въ нихъ данныя, которыя при настоящей обработкѣ могли бы быть очень интересны, но заняться обработкой не успѣлъ, и потому они вышли, пожалуй, забавны—и больше ничего. При этомъ нѣкоторые, какъ напр. характеръ Попельковскаго, взяты даже не изъ живой дѣйствительности, а навѣяны другими произведеніями. Точно то же можно сказать и о нѣкоторыхъ картинахъ и сценахъ. Очень можетъ быть, что для полнаго объясненія всѣхъ ненужныхъ длинноть романа нужно бы принять къ соображенію и другія, можетъ быть, постороннія искусству обстоятельства, но мы не хотимъ останавливаться на такомъ предположеніи.

О вліяніи англійскихъ романистовъ, замѣченномъ нами въ Проселочныхъ Дорогахъ, мы уже имѣли случай сказать прежде. Всякое постороннее вліяніе бываетъ, впрочемъ, двоякое: благотворное или неблаготворное; въ настоящемъ случаѣ мы не задумаемся признать второе, потому, между прочимъ, что оно ограничилось только внѣшностью, не внеся никакого новаго живаго начала въ литературную дѣятельность г. Григоровича.

О слишкомъ крупной и подъ-часъ даже вычурной рисовкѣ, которою авторъ какъ будто замѣняетъ иногда недостаточную тонкость и мелочность отдѣлки, мы также замѣтили уже прежде.

Наконецъ,—и это послѣднее замѣчаніе,—г. Григоровичъ сдѣлалъ, по нашему мнѣнію, важную ошибку, упустивъ изъ виду отношенія Балахнова къ женѣ, которыя будучи разработаны какъ слѣдуетъ, дали бы роману болѣе серьёзное значеніе и сообщили бы болѣе стройности его теченію. Вообще чрезвычайно странно видѣть, что какіе-нибудь Васильковы и тому подобныя лица занимаютъ собою

Digitized by Google

значительное мѣсто въ романѣ, между тѣмъ какъ Лизавета Семеновна остается какъ бы въ тѣни, и только въ одной, впрочемъ, прекрасной сценѣ, объясняется ея положеніе и ярко рисуются ея отношенія къ мужу. Конечно, тогда романъ получилъ бы, можетъ быть, нѣсколько иное окончаніе, но, сказать по правдѣ, мы не видимъ совершенно необходимымъ окончанія, придуманнаго авторомъ. Говоримъ—придуманнаго, и не безъ основанія, ибо нельзя не видѣть, что какъ ни цѣльно задумалъ авторъ своего героя, онъ задумалъ его, однако, не въ дѣйствіи, а просто какъ типическую личность, надъ судьбою которой сохранилъ нѣкоторое право произвола.

Вотъ все, что̀ мы нашли сказать о послѣднемъ произведеніи г. Григоровича. Не смотря на многіе и довольно важные недостатки «Проселочныхъ Дорогъ», они, безъ сомнѣнія, составляютъ замѣтное явленіе въ нашей текущей литературѣ, и служатъ намъ новымъ свидѣтельствомъ мѣткой наблюдательности, не измѣняющей автору нигдѣ.

Но перейдемъ къ другимъ отдѣламъ нынѣшней книжки Отечественныхъ Записокъ.

Въ отдѣлѣ Наукъ помѣщена статья: Каролинги въ Италіи, *П. Н. Кудрявцева:* объ ней будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Въ критикѣ нельзя не указать на статью *П. М. Леонтьева*, о первомъ выпускѣ изслѣдованій о Древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря, *графа Алексѣя Уварова.*

Въ смѣси, наконецъ, помѣщенъ между прочимъ сокращенный переводъ одной главы изъ извѣстнаго романа Дюма, съ слѣдующимъ чрезвычайно забавнымъ примѣчаніемъ: «Извѣстный магикъ и шарлатанъ Каліостро, до сихъ поръ еще лицо *не вполнѣ разгаданное.* Въ дополненіе къ очерку этого характера, выведеннаго въ романѣ В. Р. Зотова, представляемъ нашимъ читателямъ небольшой разсказъ, *почерпнутый изъ записокъ* того времени. Думаемъ, что разсказъ этотъ, любопытный по многимъ отношеніямъ, *еще яснѣе обрисуетъ* Каліостро».—Теперь мы начинаемъ понимать, для чего печатался «Старый домъ». Неужели Отечественныя Записки не шутя стараются объ объясненіи публикѣ личности Каліостро. Какой неблагодарный трудъ предпринимаютъ онѣ! Любопытно также, хотя и въ другомъ отношеніи, доставленное *Т. Шишкинымъ*, «Описаніе театральнаго увеселенія, чрезъ французскихъ комедіантовъ Ея Императорскаго Величества (Елизаветы Петровны) представленнаго.»

—

Digitized by Google

Современникъ. N 7. **июль**. Въ этомъ нумерѣ на первомъ планѣ помѣщена статейка г. Потѣхина «Забавы и удовольствія въ городкѣ», посвященная *М. Н. Каткову*. Статейка эта намъ очень понравилась. Она не повѣсть и не разсказъ, и не намѣревается быть ни тѣмъ, ни другимъ. Это, просто, описаніе городскихъ увеселеній, обнаруживающее въ авторѣ наблюдательность и умѣнье писать легко и занимательно. Намъ очень нравится, что г. Потѣхинъ изложилъ запасъ своихъ наблюденій въ видѣ физіологическихъ очерковъ, а не втиснулъ ихъ насильственно, какъ это сплошь да рядомъ у насъ дѣлается, въ рамку повѣсти или романа. Хвала ему, что онъ устоялъ противъ яростнаго потока всеобщаго направленія. Повѣсть и романъ теперь сдѣлались какой-то всемѣщающей литературной формой. Какого бы роду ни накопился запасъ мыслей въ головѣ современнаго русскаго человѣка, какъ бы ни было прозаично содержаніе этого запаса—современный русскій человѣкъ, во что бы то ни стало, старается втиснуть его въ форму повѣсти или романа. Такъ на примѣръ, ежели ему хочется представить публикѣ нѣсколько очерковъ характеровъ,—то онъ не пользуется формою, созданною Теофрастомъ и подновленною Лабрюеромъ, но пишетъ романъ и старается дать художественную форму своимъ психологическимъ наблюденіямъ. Съ перваго разу покажется, что въ его романѣ дѣйствуютъ живые люди, но, при болѣе внимательномъ чтеніи, эти люди оказываются только ходячими характеристиками и психологическими замѣтками. Ежели вы человѣкъ отъ природы склонный къ нравоученіямъ, и васъ сокрушаютъ ошибки, промахи и проступки современнаго общества, то очень естественно, что вамъ захочется сказать наставительное слово въ назиданіе современнаго человѣка. Но такой родъ произведеній теперь осмѣянъ, и вамъ нельзя написать просто, нравоученіе, потому что требуются публикою только повѣсти и романы. Вы не чувствуете въ себѣ способности къ такого рода произведеніямъ, потому вы долго колеблетесь, и, наконецъ, побѣжденные сильнымъ желаніемъ добра ближнему, пишете повѣсть, изъ которой, не смотря на ваше доброе желаніе, выходитъ Богъ знаетъ что.

То же случается съ повѣстями и романами, которые пишутся съ цѣлью научить человѣка одѣваться къ лицу, готовить кушанье, причесываться по модѣ и т. д. Особенно въ послѣднее время расплодилось много такихъ поваренныхъ и парикмахерскихъ романовъ. Но обратимся къ статейкѣ Современника, по поводу которой мы все это наговорили. И такъ, повторяемъ: г. Потѣхинъ очень хорошо сдѣлалъ, что изложилъ свои наблюденія надъ бытомъ городковъ въ формѣ совершенно соотвѣтственной имъ, и удобно ихъ вмѣщающей...

Digitized by Google

Что касается до внутренняго содержанія статейки, то и въ этомъ отношеніи она намъ понравилась: намъ было очень пріятно замѣтить въ ней совершенное отсутствіе *притязаній* и насмѣшливаго тона, съ которымъ обыкновенно смотрятъ наши современные писатели на русскій провинціальный бытъ. Авторъ предлежащаго намъ разсказа высказываетъ теплое сочувствіе этому быту, смотритъ безъ иронія на его увеселенія, самъ желаетъ отъ души ему веселиться, и приглашаетъ читателей раздѣлить съ нимъ это желаніе. Разсказъ его дышетъ веселостію, и отличается отсутствіемъ злыхъ выходокъ; изрѣдка только авторъ позволяетъ себѣ насмѣшку надъ нѣкоторыми дурными чертами провинціальнаго быта: но онъ смѣется только надъ *истинно-дурными* чертами, оставляя въ покоѣ мнимо-дурныя, каковы суть: бѣдность, русскія перчатки, неловко сшитые фраки и вообще все то, надъ чѣмъ такъ безпощадно глумятся денди салоновъ натуральной школы.

Чтобы лучше познакомить читателей со статейкой автора, въ первый разъ, послѣ Московскихъ Вѣдомостей, выступающаго на литературное поприще, приведемъ изъ нея нѣсколько выписокъ.

«—Если бы я былъ соломенкой, что бы вы изъ меня сдѣлали? спрашиваетъ у дѣвицы молодой человѣкъ, которому суждено было сдѣлаться соломенкой.

— Я сдѣлала бы изъ васъ шляпку для себя! отвѣчаетъ дѣвица.

— Какъ я вамъ благодаренъ! Что можетъ быть пріятнѣе удовольствія быть надѣтымъ на вашу прелестную головку? Ну, а вы, что бы со мной сдѣлали, еслибъ я былъ соломенка? спрашиваетъ молодой человѣкъ у другой дѣвицы.

— Я-съ?... Право не знаю: ничего бы не сдѣлала,...

— Нѣтъ, этого нельзя: надобно непремѣнно что-нибудь сдѣлать. Что же бы вы сдѣлали?

— Я положила бы васъ на столъ.

— Да нѣтъ, это все ничего не значитъ нѣтъ, вы скажите, что бы вы именно со мной сдѣлали?

— Да, я, право, не знаю-съ.... Что же мнѣ съ вами дѣлать?....

— Эхъ, да скажите ему, что вы бы эту соломенку велѣли на овинѣ хорошенько просушить, а послѣ велѣли бы цепами хорошенько выколотить! подхватилъ уже знакомый намъ господинъ, имѣющій право быть со всѣми на пріятельской ногѣ и говорить всѣмъ дерзости.

— Ну, что же, вы сдѣлали бы это со мной?

— Да что же мнѣ дѣлать съ вами?... ну, сдѣлала бы!..,

— Очень, очень вамъ благодаренъ: прекрасное желаніе, нечего сказать!... Благодарю васъ, очень благодаренъ!...

Digitized by Google

«Новому фанту назначается: *быть кораблемъ*. Фантъ принадлежитъ дѣвицѣ.

— Если бы я была кораблемъ, что бы вы со мной сдѣлали? спрашиваетъ она одного изъ кавалеровъ съ весьма смѣлыми манерами.

— Что-съ?... Я бы васъ нагрузилъ брильянтами и пригласилъ бы всѣхъ посмотрѣть на васъ.

— А вы что бы со мною сдѣлали? спрашиваетъ корабль-дѣвица свою подругу.

— Я поѣхала бы кататься по рѣкѣ!

— А я увязала бы васъ лентами, матеріями и стала бы на васъ все любоваться! прибавила другъ дѣвицы-корабля, крѣпко цѣлуя ее.

«Потомъ фантъ долженъ въ одномъ углу пропѣть, въ другомъ проплясать, въ третьемъ сказку сказать, а въ четвертомъ помолчать. Далѣе мѣняютъ ленты, продаютъ кофе съ сухарями и сливками, представляютъ нищаго съ сумкой. Иногда проигравшій фантъ выходитъ на середину комнаты и говоритъ:

Горю, горю на камешкѣ:
Кто меня любитъ, тотъ меня смѣнитъ!

«Смѣняющій эту жертву огня имѣетъ право ее поцаловать, но, разумѣется, позволяютъ себѣ это только дѣвицы съ своими подругами. Любимую форму разъигрыванія фанта составляетъ: *быть оракуломъ*. Обреченный садится на стулъ и покрывается большимъ толстымъ платкомъ. Желающіе услышать отъ него предсказаніе подходятъ и безмолвно касаются до головы его пальцами. Само собою разумѣется, что оракулъ не можетъ сказать правды и возбуждаетъ общій веселый смѣхъ.

«*Маскируются* обыкновенно только лица, принадлежащія къ высшему слою городского общества; *рядятся*, напротивъ, только въ низшемъ. Но вообще и маски и ряженые создаютъ свои костюмы изъ домашнихъ средствъ: изъ старыхъ платьевъ, платковъ, лентъ, цвѣтовъ и проч. Какое нибудь веселое семейство въ одинъ святочный вечеръ задумываетъ маскироваться.

— Но какже? въ какіе костюмы?

— Я наряжусь испанцемъ! говоритъ одинъ изъ членовъ этого семейства.

— А я — подъячимъ.

— А я — цыганкой.

— А я — русской крестьянкой: у меня будетъ чудесный костюмъ.

— Вы все выдумываете пустые костюмы. А вотъ у меня такъ будетъ занимательный: я одѣнусь волшебникомъ и буду предсказывать.

Digitized by Google

— Да какой же это будетъ костюмъ? Изъ чего ты его сдѣлаешь?

— Очень просто. У маменьки есть черный атласъ, споротый со стараго салопа: изъ него можно сшить мантію; кругомъ обложить ее позументомъ; вырѣзать изъ золотистой бумаги звѣздъ, полу-мѣсяцевъ, разныхъ гіероглифовъ — вотъ и весь костюмъ. Надѣну какую-нибудь страшную маску, возьму въ руки черную трость — вотъ и все.

«Костюмъ испанца создается такимъ же образомъ: шьется коротенькій плащъ изъ какой-нибудь старой шолковой или полу-бархатной мантильи, надѣваются узенькіе панталоны, женскіе чулки и башмаки; голова, за неимѣніемъ настоящей испанской шляпы, украшается разогнутой треугольной, которая чрезъ это принимаетъ форму тирольской соломенной шляпы, или, лучше, той, какою въ нашихъ театрахъ украшаются головы жидовъ. Костюмъ подъячаго воспроизводится съ бо́льшею вѣрностію и съ бо́льшимъ удобствомъ. Въ каждомъ городкѣ, навѣрно, есть какой-нибудь старожилъ, у котораго сохранились фраки, панталоны и чулки если не временъ очаковскихъ и покоренья Крыма, то ближайшихъ къ нимъ. И вотъ желающій имѣетъ полную возможность надѣть мундиръ изъ зеленой матеріи съ краснымъ воротникомъ, жолтые или бланжевые въ обтяжку брюки, черные чулки, башмаки съ пряжками и шляпу корабликомъ. Воображеніе, бо́льшею частію пылкое и преувеличивающее, помогаетъ докончить этотъ костюмъ различными аттрибутами: какими-нибудь мѣдными очками съ огромными круглыми стеклами, чернилицей, повѣшенной на пуговицѣ мундира, перомъ, заткнутымъ за ухо, огромной тавлинкой, могущей вмѣстить нѣсколько фунтовъ табаку и по величинѣ своей едва ли не годной для пресловутаго великана замѣчательной волшебной оперы: «Красавица съ золотыми волосами». Для русской крестьянки у знакомой кумушки достается богатый шолковый сарафанъ, кисейная съ безмѣрными рукавами рубашка и бархатная, унизанная жемчугомъ и отдѣланная канителью стеклярусомъ повязка.

« — Погоди-ка, я сама спрошу его».

«И любопытная бѣжитъ въ прихожую. Тамъ она находитъ слугу костюмированнаго, у котораго воротникъ шубы былъ поднятъ еще сверху большимъ платкомъ, такъ что закрывалъ все лицо и, казалось, препятствовалъ ему дышать. Этотъ слуга былъ окруженъ дворней, которая съ любопытствомъ и смѣхомъ тормошила его, добиваясь узнать его особу, но вѣроятно, по приказанію своихъ господъ, а можетъ быть также и ради собственнаго интереса, онъ

Digitized by Google

упорно отбивался отъ всѣхъ и скрывалъ тайну. Барышня подошла къ нему.

— Господа велѣли тебѣ сказать, кто они! сказала она.

— Нѣту-съ, не велѣно сказывать! отвѣчалъ онъ, отворачиваясь къ стѣнѣ, и, вѣроятно опасаясь, чтобы глухая улыбка, которая разлилась по его физіономіи, не просіяла и сквозь самый покрывавшій ее платокъ.

— Да, полно, скажи: тебѣ говорятъ, что ужь господа признались, кто они; велѣли также и тебѣ сказать!

«Но слуга, весьма довольный своею ролью, упорно сохранялъ молчаніе.

— Нѣтъ ужь, барышня, мы пытали спрашивать, да ничего не добились.

— Да чего тута добиваться-то: извѣстно это Тишка-съ!

— Какъ, бишь, тебѣ не Тишка: Тишка бы и сталъ отнѣкиваться: тотъ бы ужь давно все разболталъ, а этотъ, ишь ты, ровно баринъ!

— Эко дѣло: не велѣли, такъ и пишкнетъ. А ты взглянь на леврею-то: развѣ не видишь, что ихпинская!

— Да, смотри, ихпинская! пошелъ! у нихъ, чай, нѣту и зимней-то: одна лѣтняя: а какъ ѣдутъ куда зимой, такъ Тишка-то всегда полушубокъ подъ низъ вздѣваетъ.

— Ну же скажи, дружокъ, чей ты! настаивала любопытная барышня.

— Да, погоди, сестра, я вотъ, сейчасъ узнаю, кто они: спрошу кучера, сказалъ братъ любопытной сестрицы.

— Нѣтъ, сударь, пытали и его тормошить, такъ и тотъ туда же: закрываетъ бороду рукавицей, да и только. Мы, молъ, тебя въ сугробъ свалимъ да и лошадей-то распряжемъ: молчитъ—да и все тутъ; слова не пропустилъ.

— А вотъ, погодите, я самъ спрошу.

«И молодой человѣкъ, преслѣдуемый всей своей дворней, отправляется въ сѣни. Костюмированный лакей бѣжитъ за ними же и, чтобы предупредить откровенность кучера, не добѣжавъ еще до него, кричитъ во все горло:

Digitized by Google

— Ей, Микита, нишкни! не велѣно сказывать!

— Ахъ, такъ это с—кіе и есть! Микита — кучеръ, а лакеемъ —Еристархъ! Такъ и есть! посыпались замѣчанія отъ дворни.

— Что, братъ, хотѣлъ скоморошить, да еще, видно, не понавыкъ: самъ сказалъ! Тебѣ бы замокъ къ губамъ-те привѣсить, ато туда же шалью завязали.

— Они, они и есть. То-то, я смотрю, и лошаденки пѣненскія такія поджарыя да мохнатыя.

— Врешь, пустомеля! замѣтилъ оскорбившійся Еристархъ, или, въ переводѣ, Аристархъ.—Это и лошади-то не городскія: нарочно изъ деревни привели, чтобы по нимъ не узнали. Вотъ и видно, что врешь. Эти чай рыжія, а у насъ городскія-то карія.

— Ха, ха, ха! опять заговорилъ! Эхъ, ты, Еремей! тоже выряднлся. Я ли, не я ли, молъ, комедь играю, да самъ и разсказываетъ все! Ну, ужь!... ха, ха!...

«Между тѣмъ молодой человѣкъ, довольный открытіемъ, спѣшитъ въ залу.

— Что. узнали? Кто? спрашиваетъ его сестра.

— Узналъ, узналъ. Это—С.

— Ну, мы такъ и думали! Вотъ видите, мы знаемъ: кто вы! Вы—С. Откройтесь же да покажитесь.

«Но маски упорствуютъ.

— А какіе у васъ чудные костюмы! просто, прелесть! Только скажите, пожалуста, къ какой вы націи принадлежите? спрашиваютъ хозяева закостюмированнаго въ метаморфизированный старый атласный салопъ.

— Я—чародѣй. Знаю всѣ секреты, отгадываю будущее, управляю всѣми духами. Я могу все сдѣлать, что захочу.

— Ахъ, какой вы страшный! Ну, отгадайте же мое будущее.— Что мнѣ будетъ?

— Вамъ?... Вы въ этомъ году влюбитесь и выйдете замужъ.

— Какимъ же образомъ я влюблюсь и въ кого?

— Одинъ молодой человѣкъ, красавецъ собою, заронитъ въ вашу душу искру; эта искра разгорится въ пламень, который воспламенитъ въ васъ сильную страсть. Эта страсть будетъ страшна и

Digitized by Google

сладостна: ваше сердце будетъ страдать отъ нея и наслаждаться. Много препятствій ожидаетъ васъ, много горя испытаете вы: но я повелѣваю покровительствовать вамъ одному доброму генію: онъ будетъ летать за вами и приведетъ къ желанной цѣли. Вы....

— Ой, ой, сколько вы наговорили!... Довольно, довольно! Но я вамъ не вѣрю. Этакой страсти не бываетъ.

— Ну, волшебникъ, скажи-ка, что со мною будетъ? спрашиваетъ молодой человѣкъ, членъ семейства хозяевъ.

— Великъ вашъ путь и дологъ, но безсмертіе ожидаетъ васъ.— Вы идете по терновому пути; но этотъ путь ведетъ васъ къ славѣ. Много враговъ, но много и друзей у васъ. Вотъ вижу: какая-то прелестная дѣва чаруетъ васъ; но берегитесь ея.

— Не угодно ли вамъ лучше потанцовать что-нибудь подъ фортепьяны? прерываетъ хозяйка.

— Ахъ, нѣтъ, позвольте, маменька, это очень любопытно: волшебникъ славно говоритъ.

— Полно, мой другъ, возражаетъ мать въ полголоса:—кажется, при дѣвицахъ неприлично говорить такія вещи; ито ужь онъ сестрѣ столько наговорилъ, что я не знала, куда дѣваться отъ стыда....

— Нѣтъ, вы послушайте, какъ онъ говоритъ: какой даръ слова, и видно, что очень начитанъ....»

Такова статейка.... Лучше всего въ ней то, что она писана просто и *безъ претензій*, — качество, которое такъ рѣдко встрѣчается во всякаго рода статейкахъ и даже *статьяхъ*. Нѣкоторымъ изъ читателей можетъ придти въ голову вопросъ, отъ чего журналъ Современникъ, который впродолженіи зимняго сезона (времени, когда журналы больше всего читаются), помѣщалъ произведенія, доставлявшія только одно неудовольствіе, тогда какъ въ лѣтніе жары мы встрѣчаемъ въ двухъ нумерахъ къ ряду очень миленькія вещи (мы говоримъ о произведеніяхъ гг. Авдѣева и Потѣхина). Это случилось, вѣроятно, вслѣдствіе распоряженія редакціи Современника, распоряженія, сдѣланнаго подъ вліяніемъ особаго эстетическаго вкуса, свойственнаго этой редакціи. Что по ея мнѣнію хорошо, она печатала зимой, то, что похуже, она оставляла къ лѣту, потому зимой она печатала повѣсти и разсказы съ претензіями, а къ лѣту оставляла простыя повѣсти безъ претензій, авось-де лѣтомъ и такъ сойдутъ.

Романъ г. Панаева, «Львы въ провинціи», все еще не прекращается; прекрасныя статьи Диккенса тоже продолжаются; Энеида двигается впередъ.

Digitized by Google

Въ наукахъ помѣщена интересная статья гг. Хотинскаго и Писаревскаго о свѣтописи, и «Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ», въ переводѣ г. Д. Перевощикова.

Изъ статеекъ, составляющихъ отдѣлъ библіографія, намъ понравилась рецензія на сборникъ, изданный г. Фроловымъ: она безпристрастна и написана легко и съ знаніемъ дѣла. Хороша также маленькая рецензія на диссертацію г-на Капустина: «Дипломатическія сношенія Россіи съ Западною Европою во второй половинѣ XVIII вѣка.»

Переходимъ къ главному, т. е. собственно журнальному отдѣлу Современника, фельетону Новаго Поэта. Не шутя, это главный отдѣлъ Современника. Въ немъ выражается духъ, направленіе и взглядъ на литературу этого журнала. Ни «критика», ни «науки» Современника не относятся къ этому *журналу*. Статей для этого отдѣла Современникъ не выбираетъ, а кто что хочетъ, тотъ то и помѣщаетъ. Весьма часто попадаются здѣсь статьи, совсѣмъ не относящіяся къ наукѣ. Современнику, кажется, нѣтъ никакого дѣла до этой части журнала, и науки, и критика, и даже отчасти русская словесность существуютъ въ немъ только для *проформы*. Журналъ Современникъ собственно заключается въ Новомъ Поэтѣ. Новый Поэтъ вмѣщаетъ въ себѣ и науки, и критику, и словесность, и художества.... У него есть свой взглядъ на всѣ эти предметы, которому онъ всегда вѣренъ, и который выражаетъ аккуратно въ каждомъ нумерѣ. Но не смотря на то, что Новый Поэтъ постоянно вѣренъ своему направленію, то-есть, идеѣ, выражаемой его особою, онъ часто измѣняетъ свою форму. Онъ началъ свое поприще съ пародій, и являлся тѣшить почтеннѣйшую публику почти въ каждомъ нумерѣ. Но потомъ являлся все рѣже и рѣже, такъ что совсѣмъ было прекратился, и былъ на долгое время замѣненъ другимъ фельетонистомъ, который хотя и уступилъ Новому Поэту въ легкости писать, веселости шутокъ, умѣньѣ пересыпать изъ пустаго въ порожнее, искусствѣ все говорить такъ, чтобъ ничего не выходило въ результатѣ, но который былъ неизмѣримо выше своего предшественника въ отношеніи образованія и даровитости. Мы говоримъ о Иногородномъ Подписчикѣ, который печатаетъ теперь въ Библіотетѣ для Чтенія. Когда Иногородный Подписчикъ пересталъ печатать свои письма въ Современникѣ, поле фельетона опять захватилъ въ свою власть Новый Поэтъ. Онъ опять было принялся за пародіи, *но ему не посчастливилось*, и онъ, ни мало не унывая, принялся за новаго рода штуки и фарсы—ударился въ аллегорію. Эта аллегорія состоитъ изъ тонкихъ намековъ на то, чего не вѣдаетъ никто. Новый Поэтъ начинаетъ каждую свою статью какимъ-нибудь анекдотомъ. Очень не многіе изъ его анекдотовъ понятны,

Digitized by Google

остальные всѣ состоятъ изъ какихъ-то темныхъ намековъ, которые могутъ только интересовать тѣхъ, на кого намекаетъ деликатный фельетонистъ.

Нынѣшній фельетонъ начинается тоже аллегоріей. Новый Поэтъ разсказываетъ на пространствѣ пяти страницъ довольно мелкой печати о томъ, какъ жилъ-былъ какой-то литераторъ, одаренный огромнымъ самолюбіемъ. Новый Поэтъ подробно описываетъ потомъ и образъ жизни этого литератора, и въ заключеніе своего разсказа прибавляетъ, что какой-то меценатъ пожертвовалъ ему капиталъ на усовершенствованіе его изданій. Непосредственно за этимъ разсказомъ Новый Поэтъ разсказываетъ объ улучшеніяхъ новаго «Пантеона!».. О литература!!!.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

БОЛЬШАЯ БАРЫНЯ. Сочиненіе *В. Вонлярлярскаго*. Двѣ части. 1852 г. Москва. Въ университетской типографіи.

Москвитянинъ уже не разъ имѣлъ случай высказывать свое мнѣніе о произведеніяхъ г. Вонлярлярскаго. Не имѣя на нынѣшній разъ ничего прибавить къ общимъ сужденіямъ объ особенностяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ таланта этого писателя, мы ограничимся разборомъ его послѣдняго произведенія. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы спѣшимъ сказать прежде всего, что въ этомъ романѣ есть мысль, ясное присутствіе которой обличаетъ новое направленіе въ дѣятельности автора, и даетъ ему новое право на вниманіе критики. Отнынѣ, мы надѣемся, автору не возможенъ уже возвратъ къ такимъ произведеніямъ, которыя не вызывались ничѣмъ кромѣ желанія занять нѣсколько времени читателей ловкимъ разсказомъ о неправдоподобныхъ и запутанныхъ происшествіямъ, какъ это было напр. въ «Силуетѣ». Вступивъ разъ въ свои права, мысль становится уже обязательною для автора въ его дальнѣйшей дѣятельности. И потому въ этомъ отношеніи, намъ остается желать только, чтобы г. Вонлярлярскій скорѣе пріобрѣлъ тотъ навыкъ въ искусномъ воплощеніи мыслей, недостатокъ котораго замѣчается еще въ «Большой Барынѣ».—Но посмотримъ, что за мысль вызвала на свѣтъ новый романъ г. Вонлярлярскаго и въ какой степени счастливо выразилась эта мысль въ его романѣ?

Такъ называемый большой свѣтъ имѣетъ много чарующаго и ослѣпляющаго для людей, знакомыхъ съ нимъ мало и издалека, или случайно и на короткое время попадающихъ въ его сферу. Этотъ внѣшній лоскъ, эта тонкая выдѣлка всѣхъ отношеній, эта наружная деликатность, сдѣлавшаяся простой привычкою истинно свѣтскихъ людей, легко можетъ показаться на первый разъ естественнымъ выраженіемъ непосредственныхъ чувствъ и сердечныхъ движеній человѣка. Люди, привыкшіе постоянно жить въ свѣтѣ, очень хорошо знаютъ цѣну всему сказанному; вполнѣ понимая нѣкоторыя преимущества этой утонченности отношеній, или, лучше сказать, сдѣлавъ съ малолѣтства

Digitized by Google

привычку къ такимъ формамъ жизни, они однако никогда не подкладываютъ подъ нихъ ничего лишняго, и по тому самому никогда не испытываютъ горькаго разочарованія, неизбѣжнаго въ томъ, кто бы, въ простотѣ души, прикидывалъ на свой аршинъ всѣ проявленія простой свѣтскости. Въ людяхъ, особенно одаренныхъ отъ природы сердечностью и особенно наклонныхъ къ простодушной вѣрѣ въ искренность всѣхъ людскихъ словъ и поступковъ, случайное и близкое столкновеніе съ свѣтомъ можетъ легко возбудить даже истинно драматическое положеніе особенно при участіи любви. Съ другой стороны пресыщеніе удовольствіями большаго свѣта, смутная потребность тѣхъ простыхъ отношеній и тѣхъ смѣлыхъ сердечныхъ движеній, которыя такъ рѣдко встрѣчаются въ свѣтской жизни, наконецъ особенное богатство организаціи, могутъ иногда на время, разумѣется при благопріятныхъ обстоятельствахъ, пробудить въ человѣкѣ, даже и привыкшемъ къ постоянной свѣтской жизни, живое сочувствіе къ простому, безъискуственному, даже грубому человѣку, и сообщить особую прелесть отношеніямъ къ нему. Особенно въ женщинѣ, совершенно избалованной и пресыщенной роскошью, лестью и проч. можетъ родиться иногда подобная мимолетная прихоть, и если конечно эта прихоть не оставитъ въ ней въ скоромъ времени никакого слѣда, и прежнія привычки и потребности возникнутъ съ новою силою; то не всегда остается безвредною эта прихоть для человѣка, сдѣлавшагося жертвою ея. Подобная мысль служила уже основою не одному художественному произведенію въ литературахъ иностранныхъ, и даже породила недавно въ нашей литературѣ небольшую повѣсть. Г. Вонлярлярскій нѣсколько измѣнилъ эту уже довольно избившуюся, хотя и не вполнѣ исчерпанную мысль; въ чемъ состоитъ эта перемѣна, мы увидимъ далѣе при подробномъ разборѣ.

Романъ начинается пріѣздомъ отставнаго штабъ-ротмистра Петра Авдѣевича Мюнабы-Полевелова въ деревню, доставшуюся ему послѣ отца. Это возвращеніе отставнаго штабъ-ротмистра къ домашнимъ пенатамъ, его первыя деревенскія впечатлѣнія и знакомство съ своею дворнею и хозяйствомъ, нарисованы живо. Послѣ краткаго отдыха, первою заботою штабъ-ротмистра, страстнаго охотника до лошадей, было освѣдомиться о состояніи конюшни и экипажей. Оказалось, что лошадей была всего пара и то разношерстныхъ; что же касается до экипажей, то оказалось на лицо только какая-то развалина брички; по этому случаю вызванъ былъ на сцену кучеръ покойнаго барина, Тимошка. Желая познакомить читателя съ манерою автора и съ его

Digitized by Google

умѣньемъ рисовать нѣкоторыя житейскія подробности, мы выписываемъ вполнѣ всю эту сцену свиданія барина съ Тимошкой.

«На пришедшемъ было пупцовое лицо съ усами и нечисто выбритымъ подбородкомъ; волосы его подстрижены были въ кружокъ и прикрывали плоское темя, а на каждой изъ рукъ недоставало по нѣскольку пальцевъ.

Онъ молча выждалъ, пока баринъ повернулся въ его сторону, и, поклонившись ему, тряхнулъ головой.

— Поди-ка сюда, любезный! сказалъ штабъ-ротмистръ.

Тотъ сдѣлалъ два шага и снова остановился.

— Нѣтъ, братъ, сюда, сюда поближе!

Дѣтина сдѣлалъ еще два шага.

— Ну, теперь разскажи-ка мнѣ, что это такое?—спросилъ Петръ Авдѣевичъ и указалъ пальцемъ на остовъ брички.

«Эвто?»

— Да, это, вотъ это!

«А прахъ его знаетъ,» отвѣчалъ спокойно тотъ.

— Какъ же прахъ его знаетъ?—

«Да такъ, прахъ его знаетъ!»

— И ты, кучеръ, смѣешь мнѣ такъ отвѣчать?—

— «Какой я кучеръ, сударь?»

— Да вѣдь ты Тимошка?—

«Такъ что же что Тимошка? и Тимошка, да не кучеръ, а коли есть у кого кучеръ, такъ есть и лошади и всякой снарядъ, а то и былъ кучеръ, хорошій кучеръ, сударь, да на эвтомъ не наѣздишься», прибавилъ Тимошка, нанося ногою жестокій ударъ несчастному остову.

«Выходка Тимошки не только не разгнѣвала господина, а напротивъ того страхъ понравилась ему; окинувъ взглядомъ формы бывшаго отцовскаго кучера, штаб-ротмистръ нашелъ его по себѣ.

«Петръ Авдѣевичъ не *любилъ мямлей*, и будь хоть пьянъ, хоть грубъ, да лихой, такъ спасибо, говорилъ онъ подчиненнымъ своимъ уланамъ; и тутъ, смягчивъ голосъ, онъ ограничился легкимъ выговоромъ за неисправность въ сараѣ и небрежность Тимофея въ сбереженіи брички.

— «Да чего тутъ беречь? да какая жъ тутъ бричка? да эвто же съ позволенія сказать, не бричка,—возразилъ Тимофей, нанося вторичный ударъ жалкимъ остаткамъ родительскаго экипажа.—Да вѣдь вольно же было покойному барину! не докладывалъ я развѣ, что Сельской какъ разъ проведетъ; дрожки были не бричкѣ чета, сударь, дрожки добрыя; вѣдь эвто только названіе что бричка; «нѣтъ промѣняю», говоритъ, «а ты молчи, не люблю, чтобъ разсуждали со мною,» вотъ и промѣняли,

Digitized by Google

а что наѣздили? двухъ годовъ не наѣздили,—сыпаться стала, и какая ѣзда была у покойника, вѣдь только слава что ѣзда; проѣдутся въ церковь бывало, вотъ и вся ѣзда!—

«А давно ли ты здѣсь?» спросилъ Петръ Авдѣевичъ, «и какъ я тебя не знаю?»

— Да я, сударь, правду сказать не то, чтобы давно, какъ сыскался,—отвѣчалъ Тимошка, значительно понизивъ голосъ.

«Откуда же это?»

— Да былъ грѣхъ такой, сударь.—

«Грѣхъ?»

— Смапили сосѣдніе ребята, такъ отлучился маленько.—

«То есть бѣжалъ?»

— Былъ грѣхъ, сударь, былъ, что ужъ тутъ, не утаишь,—повторялъ Тимошка, поглаживая свои волосы и переминаясь. Онъ видимо смутился.

Петръ Авдѣевичъ, замѣтившій перемѣну въ лицѣ Тимофея, завелъ рѣчь о другомъ».

Въ слѣдствіе дальнѣйшаго совѣщанія съ кучеромъ оказалось необходимымъ для укомплектованія конюшни ѣхать въ городъ на конную ярмарку. Сказано, сдѣлано. При самомъ почти въѣздѣ въ городъ удалой штабъ-ротмистръ съ опасностью жизни спасаетъ какихъ-то незнакомыхъ дамъ, которыхъ сломавшуюся карету лошади понесли было подъ гору. Оказались, что дамы были сестра и племянница городничаго, и штабъ-ротмистръ сдѣлался, разумѣется, героемъ праздника. Нечего и говорить о томъ, что спасенная молодымъ и статнымъ человѣкомъ дѣвушка чувствуетъ къ нему съ разу сердечное расположеніе. Съ своей стороны также Петръ Авдѣевичь находитъ ее очень пріятною дѣвушкой. Вообще штабъ-ротмистръ какъ нельзя болѣе пришелся по обществу, въ которое занесъ его случай. Городничій съ разу полюбилъ его какъ роднаго, и уже прочилъ его въ женихи своей племянницы. Не входя въ подробности объ обѣдѣ и вечерѣ у городничаго, нарисованныхъ довольно рѣзкими, хотя подъ часъ и грубыми красками, мы продолжаемъ слѣдить за развитіемъ романа. Приглашенный, разумѣется, въ деревню къ спасеннымъ имъ вдовѣ съ дочерью, Петръ Авдѣевичь побуждается къ этой поѣздкѣ и собственными своими сердечными склонностями, и потому, не долго думая, черезъ какую нибудь недѣлю отправляется съ визитомъ къ Елизаветѣ Парфеновнѣ. Принятый, конечно, такъ какъ принимаютъ въ деревнѣ людей, которыхъ прочатъ въ женихи дочери, отставной штабъ-ротмистръ сдѣлался почти домаш-

Digitized by Google

нимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ. Въ городѣ и по сосѣдству всѣ уже говорили о близкой свадьбѣ. Петръ Авдѣевичь и самъ бы не прочь отъ этого, да остановливало его на время одно обстоятельство: собственное его имѣніе было плохо, а ожидать богатаго приданаго отъ извѣстной своей скупостью Кочкиной было трудно. Впрочемъ городничій, полюбившій Петра Авдѣевича, какъ роднаго сына, можетъ быть и уладилъ бы это дѣло. Такимъ образомъ все шло благополучно, какъ вдругъ одно странное происшествіе прервало мирное теченіе начинавшагося романа и дало ему совсѣмъ иной ходъ.

Въ сосѣдствѣ съ городомъ находилось богатое село Графское. Сюда-то ждали владѣтельницу его, графиню Наталью Александровну Бѣлорѣцкую. Очень можетъ быть, что большая барыня, пріѣхавъ въ свое помѣстье, пожила бы тамъ нѣсколько времени, возбуждая толки и зависть своею роскошью, красотою и причудами и, даже не удостоивъ никого изъ сосѣдей своимъ знакомствомъ, воротилась бы опять въ Петербургъ, не оставивъ никакого слишкомъ замѣтнаго слѣда въ мирномъ уѣздѣ. Но судьба рѣшила иначе. Разъ какъ-то Костюковскому помѣщику показалось слишкомъ скучно въ его деревнѣ. Позвавъ, для совѣщаній по этому предмету прикащика, онъ узналъ отъ него, что охота за волками еще не приспѣла, но что въ деревнѣ въ зимнее время есть много и другихъ развлеченій: напр. гаданья различнаго рода. При этомъ прикащикъ даже разсказалъ ему про любопытный случай съ покойнымъ барономъ, который узналъ имя своей суженой, спросивъ на перекресткѣ проѣзжающихъ. Это обстоятельство заинтересовало скучающаго штабъ-ротмистра до такой степени, что онъ, не думая долго, рѣшился испытать самъ этотъ родъ гаданій, тѣмъ болѣе, что справедливость его могла быть повѣрена тутъ же на мѣстѣ: у штабъ-ротмистра была уже, какъ извѣстно, на примѣтѣ суженая. Наставленный, какъ слѣдуетъ, прикащикомъ о всѣхъ пріемахъ гаданья, Костюковскій помѣщикъ, одѣвшись потеплѣе, отправился на перекрестокъ ждать проѣзжихъ. Ждать ему пришлось не долго. Скоро послышался звонъ колокольчика, потомъ другаго и показалось два дорожныхъ экипажа.

Петръ Авдѣевичь, сообразно правиламъ гаданья, остановилъ первый экипажъ и постучавъ въ окно, спросилъ объ имени и отчествѣ проѣзжающей. Въ возкѣ оказалась дама, которая сначала, разумѣется, страшно испугалась незнакомаго мужчины, представившагося ей такимъ страннымъ образомъ, ночью, въ неизвѣстныхъ мѣстахъ, потомъ отвѣчала однако, что ее зовутъ Натальей. Это имя немного озадачило

Digitized by Google

Петра Авдѣевича, ожидавшаго услышать совсѣмъ другое, и онъ уже хотѣлъ было удалиться; но проѣзжая дама, видя, что онъ не предпринимаетъ никакихъ наступательныхъ дѣйствій, успѣла уже ободриться и стала разспрашивать его о дорогѣ въ село Графское. Свѣдѣнія, сообщенныя ей Петромъ Авдѣевичемъ, были не утѣшительны; до Графскаго оставалось еще верстъ сорокъ, лошади устали до послѣдней степени, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, не довезли бы даже до слѣдующей деревни. Однимъ словомъ, положеніе проѣзжей дамы оказалось самымъ критическимъ, и она, разумѣется, съ удовольствіемъ приняла предложеніе переночевать въ близь-лежащемъ помѣщичьемъ домѣ.

Нѣтъ конечно надобности объяснять догадливому читателю, что проѣзжая дама была сама владѣтельница села Графскаго — графиня Наталья Александровна Бѣлорѣцкая. Это лицо принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ лучшимъ въ романѣ. Съ самаго перваго появленія своего на сцену до послѣдней минуты оно остается вѣрнымъ себѣ и постоянно выдержаннымъ типомъ. Собственно говоря это, впрочемъ не характеръ съ рѣзко-обрисованными и выражающимися въ дѣйствіи преимущественно индивидуальными чертами, а довольно общій типъ богатой, балованной и прихотливой свѣтской женщины, урвавшейся на время отъ свѣтскихъ условій, и живущей на свободѣ, безъ тысячи глазъ ежеминутно слѣдящихъ за нею. Но всѣ черты, свойственныя этому типу, выставлены чрезвычайно искусно и вѣрно. Каждую минуту, въ каждомъ поступкѣ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи вы постоянно видите ни въ чемъ неизмѣняющую себѣ большую барыню, съ тѣмъ врожденнымъ и нисколько неизысканнымъ кокетствомъ, съ тою внѣшнею прелестью обращенія, съ тѣми подъ часъ какъ будто глубоко сердечными словами, которыя способны сбить съ толку не только полудикаго Петра Авдѣевича, но и человѣка поболѣе его видавшаго свѣтъ.

Переночевавъ въ домѣ Петра Авдѣевича и совершенно очаровавъ его незнакомою ему прелестью обхожденья и своими аристократическими привычками, графиня уѣзжаетъ на другой день, пригласивъ, конечно, къ себѣ сосѣда. Такъ началось знакомство отставнаго штабъ-ротмистра Мюнабы-Полевелова съ графинею Бѣлорѣцкою. Выѣзжая изъ Петербурга, графиня конечно готовилась къ оригинальной жизни и страннымъ знакомствамъ въ деревнѣ, и то и другое представлялось ей въ привлекательномъ свѣтѣ. Поэтому встрѣча съ Петромъ Авдѣевичемъ была для нея истинной находкой. Сначала заинтересовавъ ее своею дикостью и странностью, онъ потомъ понравился ей своими

Digitized by Google

прямыми и искренними словами, своею отвагою, своимъ истиннымъ благородствомъ. Все это было интересно для нея по своей новизнѣ. Кромѣ того, онъ особенно мастерски выдумывалъ для нея разнообразныя деревенскія удовольствія, между которыми охота на волковъ играла главную роль. Одну изъ этихъ поѣздокъ на охоту позвольте передать вамъ словами автора, для того чтобы представить другой образчикъ его искусства разсказывать.

«Послѣ чаю, М-г Clément [пришелъ доложить ея сіятельству, что сани у подъѣзда.

— Ваше сіятельство не раздумали?—спросилъ штабъ-ротмистръ.

«Напротивъ», отвѣчала графиня, «чѣмъ темнѣе дѣлается ночь, тѣмъ страшнѣе подумать о волкахъ, и потому тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ я ѣду».

— Но извольте одѣться потеплѣе.

«Я холода не боюсь».

— Однако, ваше сіятельство, хотя вѣтру и нѣтъ большаго, а морозитъ на порядкахъ.

«Ѣдемъ», сказала графиня, вставая.

Французъ подалъ ей горностаевую шубку, соболій капишонъ, муфту, портъ-сигаръ, мѣховыя башмаки и шубу. Прежде чѣмъ успѣлъ Петръ Авдѣевичъ зарядить два ружья, Наталья Александровна сидѣла уже въ розвальняхъ, запряженныхъ тройкою. Пересадивъ Наталью Александровну спиною къ кучеру, штабъ-ротмистръ спросилъ ее, не угодно ли ей взять кого нибудь съ собою, но получивъ отвѣтъ: зачѣмъ?—приказалъ кучеру трогать.

— Ба, да это ты, Тимошка? воскликнулъ Петръ Авдѣевичъ, узнавъ въ кучерѣ своего вѣрнаго служителя.

«Небось, баринъ, повѣрилъ бы я барыню-то кому другому?» отвѣчалъ Тимошка, снимая шапку; «на грѣхъ мастера нѣтъ, нападетъ звѣрь, такъ какъ бы иногда не струсилъ другой, да не надѣлалъ бѣды».

— А ты не боишься ничего? — спросила несовершенно твердо графиня, которую замѣчаніе Тимошки обдало холодомъ.

«Богъ помилуетъ, матушка графиня, авось справимся, и вашу милость не выдадимъ; будь мы вдвоемъ съ бариномъ, и не подумалъ бы кажется, а....»

— Если бы ты не подумалъ съ бариномъ, такъ не думай и со мной,

Digitized by Google

мой другъ, — отвѣчала графиня. — Петръ Авдѣевичъ, — прибавила она, — поѣдемте въ самое дикое мѣсто.

«Вы, ваше сіятельство, не извольте только говорить громко, звѣрь хитеръ, услышитъ, пожалуй не пойдетъ», отвѣчалъ штабъ-ротмистръ, понизивъ голосъ; «а ты Тимошка, прибавь ходу, да объѣхавъ лада, что у рѣчки, спустись въ низину, да держись лѣвой стороны, тутъ самый переходъ и есть».

— Знаемъ-съ, — отвѣчалъ Тимошка, стегнувъ лошадей.

Ночь была темна, луна скрылась, и сливаясь съ небомъ, представляла взорамъ ѣхавшихъ одну темную непроницаемую полосу. Лошади бѣжали рысью, усадьба осталась позади; снѣгъ скрипѣлъ подъ санями и лишь изрѣдка встрѣчалась имъ то черная неподвижная сосна, то одинокій пень, то темною грядой на бѣломъ полѣ стоялъ безлиственный рядъ кустовъ.

Глубое молчаніе, царствовавшее какъ въ природѣ, такъ равно и въ розвальняхъ, привело графиню въ невольный трепетъ, но, вспомнивъ о Петербургѣ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, она улыбалась при мысли о томъ, что сказали бы обожатели ея и чопорныя дамы, если бы волшебный лорнетъ могъ указать имъ, что она сидитъ въ крестьянскихъ дровняхъ въ обществѣ Петра Авдѣевича и кучера его Тимошки въ глухую декабрьскую ночь, среди пустыхъ полей и лѣсовъ, наполненныхъ волками; сколько эпиграммъ внушила бы она столичнымъ поэтамъ, сколько злыхъ улыбокъ вызвала бы она на уста свѣтскихъ женщинъ и въ тоже время, какъ бы позавидовали ей тѣже самыя женщины и Петру Авдѣевичу тѣже самые поэты!

— Теперь ступай тише, Тимошка, — проговорилъ штабъ-ротмистръ, выкидывая изъ саней привязанный на длинной бичевкѣ кулекъ, набитый сѣномъ.

«На что это?» тихо спросила графиня.

— Это, ваше сіятельство для того, чтобы приманить звѣря, — отвѣчалъ также тихо Петръ Авдѣевичъ; — услышавъ крикъ поросенка, котораго я стану потискивать, волки бросятся за нами вслѣдъ и, увидя кулъ, сдуру примутъ его за самого поросенка.

«Но вы не сдѣлаете ему вреда?»

— Кому это? поросенку.

«Да!»

— О нѣтъ, ваше сіятельство, вѣдь я только легонько пожму ему

Digitized by Google

ногу; пусть себѣ похромаетъ день другой, и живъ останется, ручаюсь вамъ; вотъ извольте замѣчать теперь по правой сторонѣ, а я буду смотрѣть на лѣво; мѣсто надежное, вотъ и тропы пошли въ гору; если же ваше сіятельство увидите огоньки или самаго волка, то извольте только легонько толкнуть меня, но ни слова!

«Богъ мой, какъ это весело!» прошептала графиня голосомъ, дрожавшимъ отъ страха.

— Еще какъ весело будетъ, погодите, ваше сіятельство, — прибавилъ едва слышно штабъ-ротмистръ.

Сани въ это время поровнялись съ мельницею; оставивъ ее вправѣ, они стали спускаться въ низину, пролегавшую между молодымъ и частымъ соснякомъ.

Лошади шли шагомъ; поросенокъ, пожимаемый ногами Петра Авдѣевича, изрѣдка оглашалъ окрестность пронзительнымъ жалобнымъ крикомъ своимъ, а куль, слѣдовавшій за санями на разстояніи двадцати шаговъ, прыгалъ во всѣ стороны, и цѣпляясь иногда за отдѣльно стоявшіе кустики, дѣлалъ большіе скачки.

— Ужъ не холодно ли вамъ, ваше сіятельство? — спросилъ штабъ-ротмистръ, нагнувшись къ графинѣ; — вы мнѣ кажется изволите дрожать.

«Нѣтъ, но мнѣ страшно немножко, Петръ Авдѣевичъ», отвѣчала графиня, «и ежели бы вы позволили прислониться къ вамъ, то, мнѣ кажется, я бы меньше боялась».

— Съ великимъ удовольствіемъ, Наталья Александровна, извольте сѣсть, какъ вамъ только угодно будетъ.

Штабъ-ротмистръ помогъ графинѣ податься нѣсколько назадъ, а самъ помѣстился къ ней такъ близко, что лѣвый бокъ его сдѣлался ея опорою.

То, что чувствовалъ Петръ Авдѣевичъ отъ легкаго прикосновенія ея сіятельства, превосходило всякое блаженство; онъ согласился бы не перемѣнять положенія во всю жизнь.

— Теперь ловко вамъ, ваше сіятельство! — спросилъ онъ, и слово «очень» произнеслось устами графини надъ самымъ его ухомъ. Петръ Авдѣевичъ забылъ про волковъ, про Пелагею Власьевну, про ружье свое, даже про поросенка, который, пользуясь разсѣянностію штабъ-ротмистра, прервалъ дикую свою пѣсню и, притаясь въ мѣшкѣ, сталъ изрѣдка похрюкивать. Но вдругъ въ темномъ углу сосняка мелькнуло нѣсколько двойныхъ фосфорическихъ огоньковъ, ихъ не замѣтилъ бы

Digitized by Google

Петръ Авдѣевичъ, не замѣтила бы графиня, наблюдавшая за противоположною стороною; но замѣтилъ ихъ кучеръ Тимошка; подобравъ возжи, онъ концемъ кнута своего легонько дотронулся до барина.

Штабъ-ротмистръ вздрогнулъ.

«Берегите слѣва,» шепнулъ ему Тимошка.

Забывъ на этотъ разъ самую графиню, Петръ Авдѣевичъ давнулъ ногою поросенка и, схватясь за ружье, согнулся такъ низко, что голова его коснулась колѣнъ.

Едва крикъ животнаго раздался изъ мѣшка, какъ три волка однимъ прыжкомъ очутились шагахъ въ двадцати отъ куля.

— Вотъ они, вотъ они! — радостно крикнула графиня.

«Тише, ваше сіятельство!

— Ахъ виновата, совсѣмъ забыла, но что же вы не стрѣляете, Петръ Авдѣевичъ? вотъ видите ли, они уходятъ.... ахъ, какъ досадно!...

Волки дѣйствительно скрылись въ опушку; поднявъ голову, штабъ-ротмистръ не безъ досады сдѣлалъ графинѣ строжайшій выговоръ и заключилъ его тѣмъ, что ежели ея сіятельство и впредь станетъ кричать такъ громко, то лучше воротиться домой, а такимъ образомъ охотиться нельзя ни подъ какимъ видомъ.

Чувствуя себя виноватой, Наталья Александровна каялась отъ всей души и, взявъ Петра Авдѣевича обѣими ручками своими за руку, такъ мило испрашивала у него прощенія, что Петръ Авдѣевичъ наконецъ великодушно простилъ Наталью Александровну, и охота началась снова.

Не знаю, одарены ли волки способностію сообщать другъ другу грозящія опасности, но на разстояніи десяти слѣдующихъ верстъ, хотя голосъ поросенка и не умолкалъ ни на минуту, хотя фосфорическіе огоньки и свѣтились порою въ чащѣ опушекъ, но ни одинъ звѣрь не выбѣгалъ на дорогу и не приближался къ санямъ.

Ножки графини озябли до того наконецъ, что она принуждена была сознаться въ томъ Петру Авдѣевичу, который безъ церемоніи отыскалъ ихъ въ складкахъ шубы ея сіятельства и, переложивъ къ себѣ подъ шинель, сталъ тереть такъ усердно, что не прошло и получаса, какъ ножки свои замѣнила графиня ручками, и ручки оттеръ Петръ Авдѣевичъ.

Digitized by Google

За часъ до разсвѣта, возвратились съ неудачной охоты и хозяйка и гость села Графскаго, промерзшіе до костей.

Штабъ-ротмистръ, хотя и говорилъ нескладно, но не промѣнялъ бы ночь эту ни на какія другія.

Графиня, отогрѣвшись у камина, начала смѣяться, и во время ужина, поднося Петру Авдѣевичу бокалъ съ шампанскимъ, поздравила его съ наступившимъ новымъ годомъ и объявила рѣшительно, что намѣрена ѣздить за волками каждую ночь.

Слушая и смотря на ея сіятельство, за неимѣніемъ поэтовъ и чопорныхъ столичныхъ дамъ, улыбался и даже зло улыбался одинъ monsieur Clément, бывшій каммердинеръ покойнаго графа; но что думалъ онъ въ это время, то зналъ одинъ онъ».

Понятно, что подобныя поѣздки вполнѣ способны были вскружить голову Петру Авдѣевичу и возбудить въ немъ самыя странныя мечты. Совсѣмъ иначе смотрѣла на это графиня.

«Петръ Авдѣевичъ, говоритъ авторъ, незамѣнимый во время катаній и волчьихъ охотъ, не имѣлъ въ особѣ своей ничего такого, что заставило бы Наталью Александровну позабыть петербургскія causeries. Впрочемъ съ гостемъ своимъ не церемонилась графиня, признавая въ немъ добраго и небезсмысленнаго человѣка; она была увѣрена, что благосклонность ея къ нему не возбудитъ въ Петрѣ Авдѣевичѣ никакого дерзновеннаго чувства; дерзновеннымъ назвала бы графиня всякое сердечное чувство ничтожнаго помѣщика къ ея сіятельству. Самая мысль о возможности быть любимою штабъ-ротмистромъ не приходила на умъ графинѣ, — нужно же было что нибудь дѣлать въ селѣ Графскомъ; сидѣть одной?— тоска; читать? — на чтеніе употребляла Наталья Александровна по два часа въ день. Завести кругъ знакомства? — въ уѣздѣ съ кѣмъ напримѣръ?— съ Кочкиными? съ городничимъ, съ штатнымъ смотрителемъ? такая идея не могла и коснуться ума графини, а слѣдовательно и Петръ Авдѣевичъ, такъ нечаянно ниспосланный судьбою, былъ истинный кладъ для села Графскаго; онъ же, сверхъ безкорыстія и доброты, обладалъ рѣдкимъ въ уѣздахъ качествомъ, былъ человѣкомъ безъ всякихъ претензій. Скажи ему графиня: «Петръ Авдѣевичъ, вы сегодня мнѣ надоѣли, пойдите спать, но съ завтрашняго числа не ложитесь цѣлую недѣлю», и Петръ Авдѣевичъ почелъ бы себѣ за счастье выполнить волю ея сіятельства, потому что съ перваго взгляда на ея сіятельство, онъ пересталъ думать о себѣ, о Пелагеѣ Васильевнѣ, о

Digitized by Google

Костюковѣ, короче, обо всемъ, кромѣ графини Натальи Александровны».

Изъ подобнаго различія взглядовъ на одно и тоже, обоихъ касающееся, дѣло уже нужно ожидать драматическаго столкновенія, и оно безъ сомнѣнія вышло бы даже при естественномъ развитіи романа. Но автору хотѣлось усилить драматическій интересъ своего произведенія, и онъ прибѣгнулъ къ натяжкамъ, которыя много повредили цѣлости и достоинству рамана. Такъ напр. недовольной любовью своего героя къ графинѣ, которая, разумѣется, не могла имѣть благопріятнаго для него исхода, онъ хотѣлъ запутать его еще болѣе, и заставилъ графиню вести съ нимъ чрезвычайно странный разговоръ, который конечно подалъ бы поводъ всякому, тѣмъ болѣе простоватому Костюковскому помѣщику, подумать, что графиня желаетъ выйдти за него замужъ. Вообще съ этой минуты романъ, кажется намъ, принимаетъ ложное теченіе, и даже характеръ штабъ-ротмистра измѣняется по произволу автора; по-крайней мѣрѣ, онъ представляется такимъ невѣждою и чудакомъ, какимъ трудно себѣ вообразить отставнаго уланскаго штабъ-ротмистра. Вся эта неправильность нужна была автору для трагическаго окончанія. Но послѣдуемъ за теченіемъ романа.

Множество благодѣяній, оказанныхъ графинею изъ прихоти Петру Авдѣевичу, разумѣется, подали ему поводъ еще къ большимъ надеждамъ на отвѣтную любовь съ ея стороны. Наконецъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ графиня, какъ уже сказано выше, завела съ нимъ чрезвычайно странный разговоръ о бракѣ, и заключила его приказаніемъ явиться къ свѣтлому празднику въ Петербургъ, замѣчая, что къ этому времени кончится ея трауръ. Не мудрено было бѣдному штабъ-ротмистру окончательно убѣдиться въ желаніи графини выйдти за него замужъ. Нечего конечно разсказывать, что во время знакомства своего съ графиней, Петръ Авдѣевичъ забылъ совершенно всѣхъ прежнихъ знакомыхъ, и между прочимъ свою бывшую невѣсту. Всѣ они однако не упускали изъ виду похожденій своего прежняго пріятеля, и толковали ихъ по своему. Поэтому, когда Костюковскій помѣщикъ, рѣшившись наконецъ ѣхать въ Петербургъ, является къ городничему просить денегъ подъ залогъ имѣнья, тотъ уже знаетъ о его намѣреніи, и нисколько не разочаровываетъ его въ невозможности такого неравнаго брака. Съ вырученными за запродажу имѣнья деньгами штабъ-ротмистръ отправляется въ Петербургъ, и послѣ многихъ странныхъ похожденій, является наконецъ къ графинѣ, которая принимаетъ его, конечно ласково, но даже не помнитъ его имени, и зоветъ просто сосѣдомъ. Впрочемъ, по волѣ автора, даже и это обстоятельство не открываетъ глазъ несчастной

Digitized by Google

жертвѣ недоразумѣнія, пока наконецъ нѣсколько французскихъ фразъ, сказанныхъ на его счетъ, не ошеломляютъ его, какъ громомъ. Почти тотчасъ же онъ уѣзжаетъ къ себѣ въ деревню, которую въ заключеніе несчастій отнимаютъ у него за долгъ. Управляющій графини извѣщаетъ ее объ этомъ обстоятельствѣ и получаетъ приказаніе выкупить имѣнье, во что бы то ни стало. Большая барыня остается такимъ образомъ вѣрною себѣ до послѣдней минуты, но Костюковскій помѣщикъ страшно обижается этимъ, и покинувъ свое имѣнье, умираетъ отъ холода и голода въ лѣсу, во владѣніяхъ графини Бѣлорѣцкой. Это обстоятельство даетъ поводъ автору къ лирической выходкѣ, которою и заключается романъ.

Такимъ образомъ новое произведеніе г. Вонлярлярскаго, начатое хорошо, и ловко завязанное, оканчивается, какъ мы видѣли, совершенно страннымъ и неожиданнымъ образомъ, съ нарушеніемъ важныхъ условій: естественности теченія романа, вѣрности характеровъ и наконецъ правдоподобія происшествія; все это съ единственною цѣлью сильнаго драматическаго эффекта въ концѣ. Въ этомъ состоитъ главнѣйшій недостатокъ романа. Изъ другихъ, мелкихъ, мы укажемъ на нѣкоторую преувеличенность въ изображеніи смѣшныхъ провинціальныхъ сценъ, а также на замѣтную наклонность автора пользоваться для возбужденія смѣха не совсѣмъ чистымъ комизмомъ. Такова напр. сцена съ разорваннымъ платьемъ штабъ-ротмистра въ домѣ городничаго.

Этимъ мы заключаемъ разборъ новаго произведенія г. Вонлярлярскаго, отъ души желая, чтобы наши замѣчанія послужили въ пользу плодовитому автору при его дальнѣйшей, какъ мы надѣемся, обширной литературной дѣятельности.

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ РУССКИХЪ ПѢСЕНЪ, собранныхъ и переложенныхъ для пѣнія и фортепіано г. *Гурилевымъ* и изданныхъ въ Москвѣ г. *Грессеромъ*.

Безыскусственная народная пѣсня есть
зеркало народной души.

Если вы, читатель, надѣетесь найти въ этой статьѣ не только подробный разборъ и безукоризненную оцѣнку такихъ великихъ предметовъ, какъ національная пѣсня и національное пѣніе вообще, но даже покушенія на какую бы то ни было критику въ этомъ дѣлѣ, то спѣшу

Digitized by Google

уничтожить вашу надежду, потому что пишущій эти строки вовсе не имѣетъ высокомѣрнаго желанія слыть критикомъ чего бы то ни было, ибо онъ не пользуется достаточнымъ для этого авторитетомъ.... Но если вы любите наши пѣсни въ ихъ немудреномъ, простомъ видѣ; если вы, вмѣстѣ со мною, дивитесь тому пренебреженію, въ какомъ онѣ несправедливо остаются до сихъ поръ въ высшемъ и даже среднемъ классахъ русскаго общества; если ваше сердце сильно и невольно бьется, когда вы нечаянно услышите чистый, вѣрный и звучный голосъ нашихъ народныхъ пѣвцевъ, если въ извѣстныя, тяжелыя минуты душевнаго горя, разочарованія, обманутой любви, въ минуты сердечной, невыразимой тоски вы способны плакать или, по крайней мѣрѣ, глубоко содрогаться при задушевно-скорбномъ и искреннемъ мотивѣ родной нашей мелодіи, то вамъ, конечно, не будетъ непріятно, когда о такихъ дорогихъ и близкихъ вашей душѣ предметахъ заговоритъ съ вами даже и человѣкъ неизвѣстный. Впрочемъ въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, вы имѣете полное право оставаться при своихъ личныхъ мнѣніяхъ; но надѣюсь, что лишняя чужая мысль, будетъ ли она, или не будетъ противорѣчить вашимъ взглядамъ на наши пѣсни, не сдѣлаетъ вамъ никакого вреда, не оторветъ васъ ни отъ какихъ очарованій....

Но если, облекшись въ смѣшную и неумѣстную мантію свѣтскости или аристократизма, вы скажете мнѣ, подобно многимъ русскимъ, желающимъ блеснуть фальшивымъ европеизмомъ: «Что можно написать о такихъ банальныхъ предметахъ, какъ русскія пѣсни, все это грубо, всѣмъ извѣстно.... Наши крестьяне поютъ свои пѣсни, но не читаютъ ни какихъ толковъ о нихъ; стало быть и писать тутъ не для чего. Дѣло другое—европейская музыка: здѣсь есть, о чемъ поговорить, потому что здѣсь видно развитіе, прогрессъ искусства въ строгомъ смыслѣ; здѣсь видны разнообразіе, жизнь, изящное, вкусъ!... Если вы, читатель, дѣйствительно выскажете подобное мнѣніе о нашихъ національныхъ пѣсняхъ, то останетесь неправѣе, но только откровеннѣе многихъ, потому что эти многіе, питая антипатію, подобную вашей, уже не осмѣливаются высказывать ее нынче съ такою рѣзкостью; напротивъ, всѣ они являются *на словахъ* величайшими поклонниками и цѣнителями вообще всего *народнаго*, слѣдовательно и народныхъ пѣсенъ, хотя и не знаютъ ни одной изъ нихъ наизусть, и никогда не играютъ и не поютъ ихъ.... Впрочемъ я увѣренъ, что въ этомъ щекотливомъ обстоятельствѣ вы, читатель,

Digitized by Google

отдѣлаетесь благоразумнымъ молчаніемъ, которое однакожъ не всегда бываетъ знакомъ согласія.... Во всякомъ случаѣ, если вы выслушаете меня до конца, то, можетъ быть, вполнѣ согласитесь со мною, и замѣтите сами, что наши народныя пѣсни иногда больше выражаютъ вашихъ собственныхъ чувствъ національныхъ, и что наши мелодіи, свѣжія, чистыя, исполненныя энергіи и страсти,—подобно русскимъ красавицамъ,—неуступятъ италіянскимъ аріямъ, исполненнымъ фіоритуръ, руладъ и другихъ украшеній, которымъ мы можемъ удивляться, но которыя плохо дѣйствуютъ на простую душу.... «C'est trop.... par exemple! Ecoutons!» восклицаете вы. Отвѣчу вамъ, какъ съумѣю.

Вы знаете, что отъ искусствъ прежде всего требуютъ самобытной, оригинальной идеи, облеченной въ простыя и доступныя каждому человѣку формы. Это главное. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ знаменитые эстетики всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Національная же русская пѣсня, какъ нельзя больше, удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, потому что оригинальность, простота и выразительность составляютъ главный ея характеръ, что̀ единогласно признается нынче даже иностранцами, не смотря на то, что они еще до сихъ поръ имѣютъ весьма смутное понятіе о коренныхъ чертахъ нашихъ пѣсенъ и судятъ о нихъ только по Сборникамъ Прача и Кашина. Прежде, чѣмъ приступимъ къ Сборнику г. Гурилева, мы скажемъ нѣсколько словъ о значеніи пѣнія и музыки вообще. Предметъ, конечно, не новый, но онъ теперь для насъ почти необходимъ, если желаемъ хотя приблизительно уяснить характеръ національныхъ пѣсенъ вообще, и нашихъ въ особенности. Начнемъ съ опредѣленія музыки.

«Что тако пѣніе или музыка вообще»? Вотъ предметъ, который еще до сихъ поръ, особенно у русскихъ, опредѣляется различно. Всѣхъ опредѣленій музыки мы приводить здѣсь не будемъ; замѣтимъ только, что лучшее изъ нихъ принадлежитъ Г. Фетису, который говоритъ: «La musique peut se définir «*L'art d'émouvoir par la combinaison des sons*» т. е. музыка есть искусство потрясать душу посредствомъ совокупленія звуковъ. Это опредѣленіе столько же кратко, сколько и полно. Каждый народъ наслаждается музыкою по-своему и вводитъ въ него разнообразные оттѣнки и характеры, обусловливаемые мѣстнымъ вкусомъ и природными наклонностями, которые, въ свою очередь, обусловливаются клима-

Digitized by Google

томъ, въ которомъ живетъ народъ, его историческими событіями, имѣвшими вліяніе на его судьбу, свойствами окружающей его природы, и т. д. все это отражается не только въ словахъ народной пѣсни, но и въ ея мелодіи. Поэтому вкусъ и музыка (о другихъ искусствахъ мы не упоминаемъ здѣсь, потому что для этого было бы нужно входить въ длинныя объясненія, которыя могли бы имѣть только косвенное отношеніе къ нашему предмету) вкусъ и музыка, говоримъ, народовъ, живущихъ въ умѣренныхъ или жаркихъ поясахъ, не могли и не могутъ быть сходны со вкусомъ и съ музыкой народовъ сѣверныхъ, окруженныхъ мрачными лѣсами, холодомъ, тундрами, громадами снѣга и льда, неизмѣримыми и голыми степями. Это извѣстно всѣмъ. Какимъ же образомъ мы можемъ требовать, напримѣръ, отъ русской пѣсни, нѣги сладострастія, игривости и пр. въ той степени, въ какой эти качества являются въ пѣсняхъ южныхъ европейскихъ народовъ (*)? Въ русской пѣсни есть и нѣга, и страсть, и игривость, и жаръ, но на столько, на сколько отличается этими свойствами наше сѣверное небо. О малороссійскихъ пѣсняхъ и говорить нечего: въ нихъ отразились не только сладострастіе и игривое воображеніе Малороссовъ, но даже и ихъ лѣнь. Замѣтимъ кстати, что въ малороссійскихъ мелодіяхъ гораздо меньше такъ называемой *пьвучести*, нежели въ русскихъ. Такъ дѣйствуютъ на характеръ народной пѣсни причины климатическія; теперь перейдемъ къ причинамъ историческимъ, касающимся Россіи.

Кому не извѣстно, что историческая судьба нашего отечества была судьбою тяжелою, грустною, переполненною всевозможными насиліями и испытаніями: всѣ эти безпрерывныя междоусобія, безпорядки внутренніе, войны внѣшнія, часто насильственныя; всѣ эти нашествія варваровъ; это двухсотлѣтнее иго татарское, однимъ словомъ, всѣ эти государственныя и общественныя бѣдствія не могли не врѣзаться глубоко въ духъ народа юнаго, свѣжаго, впечатлительнаго, мужественнаго, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ природы кроткаго и терпѣливаго въ несчастіяхъ. Настроенность души и ума этого народа, зависившая столько же отъ причинъ случайныхъ, сколько и отъ наитія самой матери-природы русской, вполнѣ отразилась въ его родной

(*) Объ азіатскихъ и п. др. народахъ мы не упоминаемъ потому, что у нихъ, какъ извѣстно, не только особенный музыкальный вкусъ, но даже и особенная гамма.

Digitized by Google

пѣснѣ, вполнѣ перелилась въ его музыкальные мотивы и дала имъ совершенно особенный колоритъ, не замѣчаемый въ пѣсняхъ другихъ націй, колоритъ и формы совершенно безъискусственные, легко доступные всякому, потому что здѣсь работали не умъ и знанія, а сердце и душа, а что истекаетъ изъ сердца и души, то неотразимо и дѣйствуетъ на сердце и душу. Въ тѣ ужасныя времена русскій крестьянинъ находилъ для себя минутное, но сладкое утѣшеніе только въ пѣніи; только въ пѣснѣ могъ онъ жаловаться на свои невзгоды, печали и страданія; одной ей могъ передавать всѣ движенія своей души, свою любовь, свою тоску, свои радости и тихіе восторги. Русскій народъ пѣлъ, какъ могъ, но пѣлъ по внушенію искреннихъ и глубокихъ чувствъ, по внушенію одной природы и своего музыкальнаго такта, не имѣя никакого понятія объ основныхъ законахъ музыки и, потому, создалъ такую пѣсню, вполнѣ подладиться подъ которую ни въ пѣніи, ни въ сочиненіи музыки не можетъ ни одинъ иностранецъ, будь онъ даже самымъ искуснымъ и геніальнымъ артистомъ: подобная работа по силамъ только чисто русскому таланту, да и тотъ въ этомъ случаѣ долженъ вооружиться всѣми средствами, роднаго слова и музыкальной науки. Это доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что всякій болѣе или менѣе искусный музыкантъ легко составитъ вамъ такъ называемый европейскій музыкальный мотивъ въ италіянскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, или въ какомъ-нибудь другомъ вкусѣ, но или вовсе не сможетъ, или сможетъ только съ величайшимъ трудомъ написать новый мотивъ истинно русскій. Это относится даже къ нашимъ соотечественникамъ, которые или вовсе не одарены національнымъ инстинктомъ, или заглушили въ себѣ этотъ инстинктъ предубѣжденіями, самолюбіемъ и фальшивыми взглядами на искусство. Это, также, извѣстно всѣмъ. У насъ писали и пишутъ очень много такъ называемыхъ русскихъ пѣсенъ; но многія ли изъ нихъ приняты нашимъ народомъ, многія ли изъ нихъ сдѣлались вполнѣ популярными, т. е. многія ли изъ нихъ пришлись по сердцу русскому человѣку, угадали его характеръ, тактъ и сроднились съ чувствами и бытомъ? Увы! весьма и весьма немногія, и именно потому, что въ пѣсняхъ новѣйшаго издѣлія не достаетъ того, чѣмъ превзбыточествуютъ коренныя наши пѣсни, т. е. простоты, выразительности, задушевности, искренности и той размашистой вокализаціи, освоиться съ которою можетъ только геніяльный русскій композиторъ. Вслѣдствіе чего нашъ крестьянинъ отвергнувшись отъ нынѣшнихъ, довольствуется своими старинными мелодіями, которыя

Digitized by Google

уже вполнѣ слились съ его смысломъ и чувствомъ, и которыя всосаны имъ, такъ сказать, съ молокомъ матери. По этому, отнять у нашего крестьянина его родную пѣсню, значитъ оторвать у него половину сердца, похитить лучшую и вѣрнѣйшую его собесѣдницу и утѣшительницу въ горѣ, въ радости, въ счастьи, въ весельѣ, лучшую его помошницу въ трудѣ и лучшаго товарища во время отдыха. За то взгляните, какъ нашъ мужичекъ и благодаренъ за это своей пѣснѣ, какъ онъ ласкаетъ, голубитъ и жметъ къ своему сердцу каждый ея звукъ. Какъ бы дорожа и словомъ и мотивомъ этой чародѣйки, онъ желаетъ продлить ихъ какъ можно дольше, и, потому, одинъ и тотъ же слогъ переводитъ съ непостижимымъ разнообразіемъ и необъяснимыми оттѣнками на нѣсколько тактовъ, такъ что во многихъ нашихъ пѣсняхъ одинъ стихъ разлагается на весь мотивъ. Въ нашихъ коренныхъ пѣсняхъ характеръ словъ всегда въ ладу съ характеромъ музыки, а это такое достоинство, которымъ весьма часто не могутъ похвалиться мотивы даже и знаменитѣйшихъ европейскихъ композиторовъ, особенно французскихъ и италіянскихъ.... Это, впрочемъ, весьма понятно: народная пѣсня не дѣлается на заказъ, тогда какъ композиторы, геніальные и не геніальные, работаютъ большею частью на срокъ, слѣдовательно, даже и понимая всѣ требованія искусства, они не имѣютъ времени заниматься окончательною отдѣлкою своихъ произведеній. Объ этомъ уже столько писано вездѣ, что входить въ дальнѣйшія подробности мы считаемъ лишнимъ, тѣмъ болѣе, что настоящій предметъ нашей статьи есть только роскошная, брызжущая жизнью красавица русская пѣсня.... Чтобъ понимать всѣ ея достоинства, все ея могущество, всю ея неотразимую и неизъяснимую прелесть, необходимо слышать, какъ поется она нашею молодою влюбленною крестьянкой или нашимъ молодымъ, влюбленнымъ крестьяниномъ, одаренными энергическимъ голосомъ и вѣрнымъ слухомъ. Замѣтьте, какъ эти простыя существа одушевляются во время пѣнія своихъ заунывныхъ или удалыхъ мотивовъ. Въ каждомъ звукѣ ихъ неизломанныхъ голосовъ дрожитъ или тоска, или счастье, или глубокая задумчивость, или размашистое веселье; каждый ихъ музыкальный переходъ поразительно уясняетъ для души и сердца разнообразные оттѣнки одного и того же чувства, будетъ ли оно скорбнымъ, тяжелымъ, или сладкимъ, отраднымъ. Удрученный внѣшними обстоятельствами, которымъ по необходимости должно было покориться, русскій въ минуту радостнаго увлеченія и, какъ бы забывъ обо всемъ грустномъ, начиналъ свою пѣсню въ веселомъ, мажорномъ тонѣ; но, какъ

Digitized by Google

бы снова вспомнивъ о своей тяжелой долѣ и какъ бы невольно поддавшись своей постоянной сердечной тоскѣ, онъ впадалъ въ тонъ печальный, минорный; потомъ какъ бы опомнившись и собравъ всю энергію своей души, онъ опять модулировалъ въ ладъ мажорный, веселый, соблюдая при всемъ этомъ всѣ правила такъ называемыхъ ритмовъ, кадансовъ и модуляцій. Въ нашихъ пѣсняхъ рѣшительно нѣтъ такихъ музыкальныхъ переходовъ, которые не были бы согласны съ основными законами европейской музыки, не смотря на то, что эти переходы были сдѣланы людьми, не имѣвшими никакого понятія не только о теоріи музыки, но даже и о нотахъ: это было слѣдствіемъ только правильнаго музыкальнаго инстинкта, составляющаго для человѣка одинъ изъ великихъ даровъ природы. Всякій, кто будетъ смотрѣть на наши слова только какъ на дееирамбъ въ честь русской пѣсни, можетъ увѣриться въ ихъ справедливости, разобравъ подробно хотя напримѣръ такія изъ нашихъ коренныхъ мотивовъ, какъ «Не бѣлы-то снѣги», «Ахъ, таланъ ли мой», «Не одна-то во полѣ дороженька», «Не кукушечка во сыромъ бору», «Ахъ ты садъ ли мой садочикъ», «Цвѣли, цвѣли цвѣтики, да поблекли», «А ты душечка, красная дѣвица», «Скучно, матушка, весною жить одной», и пр. Въ этихъ, какъ и во всѣхъ нашихъ протяжныхъ пѣсняхъ, разлита такая задушевность, такая искренность, такая сердечная правда, такая выразительность, столько уловимыхъ слухомъ и понятныхъ душѣ, но не передаваемыхъ языкомъ оттѣнковъ чувства, что имъ, этимъ милымъ пѣснямъ,

.... Безъ волненья внимать невозможно!...

Какъ сказалъ нашъ поэтъ, которой прибавляетъ:

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ (*) живыхъ,
И дышетъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ!...

Единственная вещь, которой русскій не измѣнилъ ни сердцемъ, ни душей, это — его пѣсня. Во всемъ другомъ онъ покорился вліянію времени, силѣ жизненныхъ обстоятельствъ, требованіямъ вѣка и предначертаніямъ судьбы; но пѣсня по прежнему остается для него неприкосновенною. Онъ составилъ поговорку: *Изъ пѣсни слова не*

(*) Также и въ музыкальныхъ созвучіяхъ.

Digitized by Google

выкинешь. Эту поговорку у насъ объясняютъ различно; но мы думаемъ, что она произошла просто изъ одной любви, изъ одной сердечной привязанности къ родной пѣснѣ, потому-что, какъ мы уже замѣтили выше, русскій отъ всей души дорожитъ каждымъ ея словомъ и каждымъ ея звукомъ. Кромѣ того, русскіе крестьяне по природѣ остаются величайшими врагами всего вычурнаго, всего блестящаго, но не грѣющаго, всего мудренаго, вытекающаго только изъ головы, но не идущаго изъ сердца, всѣхъ тѣхъ заморскихъ прикрасъ музыкальнаго искусства, которыя нынче въ большемъ ходу, и о которыхъ мы поговоримъ въ другой разъ поподробнѣе. Изъ всѣхъ музыкальныхъ украшеній русское національное пѣніе допускаетъ, собственно, только *portamento* и *руладу*. Портаменто, какъ извѣстно, состоитъ въ плавномъ переходѣ голоса отъ одного звука къ другому, высшему или низшему сравнительно съ первымъ, такъ чтобъ второй изъ этихъ звуковъ былъ взятъ нѣсколько раньше, чѣмъ того требуетъ точное дѣленіе нотъ. Это украшеніе до такой степени просто, что его совѣстно и называть *украшеніемъ*.... Что жъ до рулады, то она является въ нашихъ народныхъ пѣснях чисто-русскою, совершенно особенною, ни мало не похожею на рулады италіянскія. Наша рулада даже не есть, собственно, украшеніе пѣнія или мелодіи, но составляетъ вполнѣ самую мелодію, потому что безпрерывные и разнообразные переливы голоса, на одинъ и тотъ же слогъ въ нашихъ пѣсняхъ не составляютъ варьированія главной темы и не производятся во время такъ называемыхъ кадансовъ. Если же нашу руладу и можно отнести къ числу украшеній пѣнія, то совершенно не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово принимается въ музыкѣ европейской: наша рулада есть украшеніе только потому, что она способствуетъ выражать различныя измѣненій одного и того же чувства и одной и той же мысли, почему она и составляетъ необходимую принадлежность и рѣзкую особенность коренныхъ русскихъ напѣвовъ. Слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ ее можно назвать однимъ изъ *средствъ* нашего народнаго пѣнія, но нельзя относить къ числу украшеній пѣнія. Европейская же рулада помогаетъ выказывать только обработку и силу голоса, не касаясь непосредственно ни чувства, ни мысли, почему и можетъ произвольно употребляться или не употребляться въ пѣніи, ибо смыслъ музыкальныхъ фразъ отъ этого не измѣняется. Относительно же Mordente или двойныхъ апподжіатуръ, групетто изъ трехъ и четырехъ нотъ, трилей короткихъ и длинныхъ, пассажей всякаго рода и варіацій, мы замѣтимъ здѣсь только то, что они вовсе не дружатся съ безъискуственнымъ характеромъ нашихъ

Digitized by Google

народныхъ пѣсенъ, и не идутъ къ нимъ вовсе какъ сѣдло къ коровѣ.... По этому русскіе крестьяне не увлекаются подобными румянами и бѣлилами при своемъ пѣніи и остаются постоянно вѣрными его прототипу.

Все то, о чемъ мы здѣсь упомянули, должно преимущественно относиться къ нашимъ *протяжнымъ* пѣснямъ; чтожъ до *быстрыхъ*, *плясовыхъ* и *хороводныхъ* русскихъ мотивовъ, то можно сказать, что въ нихъ преобладаютъ особенная, оригинальная бойкость, особенная экспрессія, особенное удальство, особенное простонародное кокетство, свойственныя только русской націи. Но какъ въ первыхъ, такъ и во вторыхъ простота въ словѣ и звукѣ, доходящая иногда даже до наивности, составляетъ неотъемлемую, коренную черту. Еслибъ мы захотѣли подтверждать свои слова примѣрами, намъ пришлось бы выписать здѣсь почти всѣ наши пѣсни, потому что въ каждой изъ нихъ болѣе или менѣе отразилось то, о чемъ упоминалось въ этой статьѣ. Вообще же должно замѣтить, что слова нашихъ коренныхъ пѣсенъ, какъ произведеній народнаго духа, не развитаго художественно, получаютъ всю свою цѣну и всю свою прелесть только тогда, когда не бываютъ отдѣлены отъ самыхъ напѣвовъ, такъ что въ этомъ случаѣ слова поясняются музыкой, а музыка словами. Но наша національная музыка всегда оставалась и остается до сихъ поръ выше нашихъ національныхъ стиховъ, потому что музыкальный инстинктъ русскаго народа развитъ гораздо сильнѣе, чѣмъ инстинктъ поэтическій, неопровержимымъ доказательствомъ чего служатъ сами же наши пѣсни: въ ихъ стихахъ встрѣчается иногда то, что оскорбитъ иногда образованное эстетическое чувство; но въ ихъ мелодіяхъ не встрѣчается ничего, что было бы противно даже изощренному музыкальному чувству. Обстоятельство очень простое, но о немъ у насъ не упоминалъ еще никто печатно, и потому наша мысль, можетъ статься, принята будетъ не всѣми нашими читателями; но мы не отступимся отъ нея до тѣхъ поръ, пока намъ положительно не докажутъ нашего заблужденія....

Отличительною чертою нашихъ народныхъ поэтовъ, какъ извѣстно, служитъ, между прочимъ, то, что они всегда любятъ брать сравненія изъ природы и примѣнять ихъ тотчасъ къ чувствованіямъ сердца и души. Хотя подобныя сравненія попадаются въ нашихъ пѣсняхъ безпрестанно, но нисколько не утомляютъ слушателя потому именно, что онѣ употреблены не для одного только поэтическаго эффекта, но и для

Digitized by Google

сильнѣйшаго уясненія тайныхъ движеній души. Поэтическіе оттѣнки слова рождаются здѣсь уже сами собой, естественно, безъ всякихъ натяжекъ и, потому, неотразимо дѣйствуютъ на каждаго русскаго. Взгляните, какою прелестью, свѣжестью и выразительностью дышатъ, напримѣръ, слѣдующія сравненія:

Ужъ какъ палъ туманъ на синее море,
А злодѣй-тоска — въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ!

Какъ мало словъ и какъ много онѣ значатъ: тутъ цѣлая грустная сердечная поэма! Присоедините эти слова душевной тоски къ глубоко выразительному мотиву этой пѣсни, и очарованіе ваше будетъ полно, особенно если вы еще не совсѣмъ завяли, если вы любите или любили. Эта пѣсня не только заставитъ васъ вспомнить о вашемъ былomъ, но даже заставитъ задуматься надъ нимъ снова, какъ, можетъ быть, вы задумывались когда-то.... Сознайтесь, читатель, что рѣдкая изъ нынѣшнихъ модныхъ и чуждыхъ намъ по своему духу арій способна произвести на васъ подобное впечатлѣніе....

Характеръ всѣхъ нашихъ народныхъ стихотвореній есть, собственно, лирическій; слѣдовательно и музыка нашихъ народныхъ пѣсенъ должна была принять тотъ же самый характеръ, отъ чего какъ въ тѣхъ, такъ и въ другой является нѣкоторое однообразіе, недостатокъ движенія. Однимъ словомъ, недостатокъ драматизма есть единственный недостатокъ, которымъ можно упрекнуть и наши народные стихи, и нашу народную музыку. Но драматизмомъ они и не могли отличаться, потому что онъ является въ обществахъ вслѣдствіе бурныхъ, несдержанныхъ страстей, великихъ противорѣчій, вслѣдствіе утонченности понятій о любви и чести. — Въ древнемъ нашемъ обществѣ была и драма, это правда; но въ этой драмѣ участвовалъ только мужчина, который увлекался или личною храбростью и личнымъ честолюбіемъ, или интересами государственными, т. е. увлекался такими предметами, которые не только не способствуютъ въ прямомъ смыслѣ развитію искусствъ и ихъ драматизма, но даже задерживаютъ это развитіе. Это извѣстно всѣмъ. Источникъ красотъ и разнообразія искусства есть страстная, свободная душа человѣка и любовь со всѣми ея чарами. У насъ не было драматическихъ поэтовъ и, потому, не было драма-

Digitized by Google

тической музыки. Наша драматическая поэзія въ лицѣ Пушкина, и наша драматическая музыка въ лицѣ Глинки есть результаты развитія новѣйшаго русскаго общества. У насъ уже есть и народная драма, и народная опера, но еще нѣтъ народной симфоніи, о возможности которой и о простѣйшихъ средствахъ распространить во всѣхъ общественныхъ нашихъ классахъ любовь и уваженіе къ русской пѣснѣ и къ русской музыкѣ вообще мы намѣрены поговорить въ одной изъ слѣдующихъ своихъ статей; теперь же обратимся къ предмету, избранному нами на этотъ разъ.

Говоря о нашихъ національныхъ пѣсняхъ, мы сожалѣемъ, только о своемъ безсиліи выразить перомъ всю ихъ прелесть, всю ихъ экспрессію, всю ихъ глубину, всю ихъ вѣрность русской природѣ и русской жизни, однимъ словомъ, все то, отъ чего такъ сильно и сладко бьется всякое русское сердце, все то, что успокоиваетъ и облегчаетъ всякую русскую душу, когда слышишь напѣвы нашей милой, святой родины. Никакое искусство не дѣйствуетъ на насъ съ такою всемогущею и неотразимою силой, какъ музыка, особенно музыка національная. Противорѣчить этому — значитъ лгать на себя и оскорблять свое національное чувство. Мы очень хорошо знаемъ, что у насъ, особенно въ послѣднее время, уже многіе отдаютъ полную справедливость нашимъ безъискусственнымъ пѣснямъ; но *многіе* еще не значитъ *всѣ*; да притомъ и эти *многіе* иногда какъ-будто стыдятся слишкомъ явно выражать тотъ восторгъ, которому каждый изъ насъ больше или меньше способенъ поддаваться внутренно, когда мы слушаемъ родныя свои мелодіи.

И такъ, если пѣніе во всѣ времена и для всѣхъ народовъ составляло величайшее и благороднѣйшее наслажденіе, то не смѣшно ли, не нелѣпо ли предполагать, будто оно изобрѣтено человѣкомъ въ подраженіе пѣнію птицъ, завыванію вѣтра и другимъ явленіямъ природы? «Нѣтъ, нѣтъ!—энергически восклицаетъ Фетисъ: этого не могла быть: человѣкъ поетъ точно также, какъ говоритъ, какъ движется, какъ спитъ, единственно вслѣдствіе своего душевнаго расположенія и устройства своего организма». Въ самомъ дѣлѣ, кто не согласится съ этою весьма простою и вмѣстѣ убѣдительною истиной? И однакожъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ журналовъ даже въ 1852 году повторилъ устарѣвшую и фальшивую догадку о произхожденіи вокальной, т. е. первоначальной музыки. Подобная выходка доказываетъ, что редакція этого журнала не имѣетъ привычки просматривать въ рукописяхъ статьи

Digitized by Google

своихъ сотрудниковъ и, такимъ образомъ, неумышленно поддерживаетъ ложныя и уже оставленныя почти всѣми идеи....

Вслушайтесь внимательно въ наши народныя пѣсни, разсмотрите ихъ безпристрастно, и вы, читатель, какъ нельзя лучше, убѣдитесь сами, что каждая изъ нихъ есть или тихая, задушевная и чистая элегія, заключающая въ себѣ вздохъ взаимной или отверженной любви, или эмблема народной игривости, народнаго удальства и народной оригинальности. И послѣ этого у насъ все-таки еще встрѣчаются люди, которые безсмысленно попираютъ ногами подобные перлы національнаго генія, подобныя сокровища русской души, или забавляются ими только подъ пьяную руку!... Но не далеко то время, когда русская природа возьметъ свое, и когда наша родимая пѣсня явится во всемъ своемъ лучезарномъ, полномъ и законномъ блескѣ....

Все сказанное нами здѣсь о русской пѣснѣ и русской музыкѣ, конечно, не составляетъ и милліонной доли того, что можно бы и должно бы сказать о нихъ; но мы предоставляемъ это людямъ болѣе насъ свѣдущимъ и искуснымъ въ этомъ важномъ предметѣ. Теперь же мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ *Сборникахъ* русскихъ пѣсенъ.

Мы уже замѣтили однажды, что составить полный и изящный во всѣхъ отношеніяхъ Сборникъ нашихъ народныхъ пѣсенъ значитъ совершить великій и благородный подвигъ на пользу національной музыки. Покушенія на подобный подвигъ были у насъ уже давно; но это были не больше какъ только *покушенія*; потому-что для достиженія безупречныхъ результатовъ въ этомъ дѣлѣ не достаточно посредственныхъ музыкальныхъ знаній и малыхъ матеріальныхъ способовъ, которыми, повидимому, располагали и располагаютъ составители извѣстныхъ у насъ пѣсенныхъ Сборниковъ. Объяснимся. Относительно нашихъ національныхъ пѣсенъ какъ произведеній словесныхъ, нѣсколько у насъ есть Сборниковъ, но — какъ мы замѣтили выше, — наши національные стихи такъ слиты съ нашими національными мотивами, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга значитъ показывать ихъ красоты только вполовину. Слѣдовательно, чтобъ составить *настоящій* Сборникъ нашихъ пѣсенъ, необходимо издать ихъ съ нотами, даже со всѣми нотными варіантами, потому-что, какъ извѣстно, одна и та же пѣсня поется у насъ въ разныхъ мѣстахъ съ различными измѣненіями, т. е. или съ сокращеніями, или съ прибавленіями, какъ въ

Digitized by Google

словахъ, такъ и въ музыкѣ. Не говоря уже о томъ что у насъ, по утвержденію Сибираковъ, вовсе не извѣстны тѣ пѣсни, которыя поются только въ Сибири, мы не имѣемъ достаточныхъ понятій о тѣхъ мелодіяхъ, которыя принадлежатъ исключительно многимъ изъ нашихъ наиболѣе отдаленныхъ отъ столицъ губерній. Въ нынѣшнее же время, отличающееся особенною дѣятельностью въ разработкѣ всего народно-русскаго, можно было бы ожидать и появленія полнаго во всѣхъ отношеніяхъ Сборника русскихъ пѣсенъ; но для этого нужны огромныя матеріальныя средства и много терпѣнія. Кромѣ того, въ отношеніи къ музыкѣ работа подобнаго рода должна быть оживотворена сильнымъ, неподдѣльнымъ талантомъ, основательнымъ музыкальнымъ образованіемъ и инстинктомъ національности. Стало быть это дѣло не такъ легко и просто, какъ оно представляется многимъ съ перваго взгляда. По этому-то у насъ и нѣтъ до сихъ поръ того, что мы однажды назвали *Кодексомъ народной музыки*. Въ самомъ дѣлѣ, что у насъ издано по этой части въ музыкальномъ отношеніи? Кромѣ двухъ, наиболѣе извѣстныхъ, нотныхъ Сборниковъ Прача и Кашина, было напечатано два, три коротенькихъ Сборника русскихъ и малороссійскихъ пѣсенъ, переложенныхъ для фортепіано неизвѣстными авторами, Сборники Алферьева, Бернарда и, наконецъ, нынѣшній Сборникъ г. Гурилева. О другихъ не стоитъ упоминать. Г. Сахаровъ хотя и обѣщался присоединять ноты къ своимъ «Пѣстямъ Русскаго народа», но не сдержалъ своего обѣщанія. А любопытно было бы видѣть, какимъ образомъ онъ выпутался бы изъ этого труднаго дѣла послѣ тѣхъ охуждевій, которыми онъ осыпалъ всѣ предшествовавшіе музыкальные труды по этой части. Слѣдовательно и г. Сахаровъ, подобно многимъ бывшимъ до него собирателямъ русскихъ пѣсенъ, оказалъ большую или меньшую услугу только отечественной литературѣ, но не оказалъ никакой услуги отечественной музыкѣ. Впрочемъ подобной, т. е. музыкальной услуги онъ самъ, лично, и не могъ оказать, потому что онъ вовсе не музыкантъ. Это доказывается его странными, черезъ чуръ рѣзкими выходками противъ музыкальныхъ законовъ, противъ употребленія аккомпанемента для русскихъ пѣсенъ и пр. Уважая и цѣня вполнѣ благородный и трудный подвигъ г. Сахарова, мы все-таки не можемъ не замѣтить, что для человѣка, хоть немного знакомаго съ музыкой, покажутся крайне дикими слѣдующія фразы, помѣщенныя въ «*Обозрѣніи сборниковъ*» и въ «*Примѣчаніяхъ*» къ нему (Пѣсни Рус. нар. ч. 1, издан. 1838 г.,):

«Замѣтно, что Прачъ изучалъ русское пѣніе, видно, что онъ боролся съ исполиномъ; но онъ, *какъ восторженный композиторъ, забо-*

Digitized by Google

тился о мелодіи и гармоніи сообразно своему вкусу. Неуловимые русскіе мотивы, *поражавшіе* его слухъ, *остались на всегда собственностью народа.* Пришлецъ посягнулъ *на измѣреніе* нашего пѣснопѣнія: *вставилъ* Русскія пѣсни *въ нотныя рамки, заклеймилъ ихъ роковыми четвертями.* Все то, что казалось ему не музыкальнымъ, онъ *дополнилъ Италіянскими мотивами;* все то, что было въ его глазахъ страннымъ, онъ, уничтожилъ». Что Прачъ изучалъ русское пѣніе, что онъ боролся съ исполиномъ—это понятно и неподвержено сомнѣнію; но мы рѣшительно не понимаемъ, почему нужно быть *восторженнымъ* композиторомъ, чтобъ заботиться о мелодіи и гармоніи сообразно со своимъ вкусомъ: это дѣлается и восторженными и не восторженными композиторами. Мы не понимаемъ также, какимъ образомъ русскіе мотивы попали въ число *неуловимыхъ*, когда они весьма удобно уловляются слухомъ русскаго человѣка, даже вовсе не имѣющаго понятія о законахъ музыки. Мы не понимаемъ тоже, что значитъ *измѣрять пѣсни*: при составленіи стиховъ и музыкальныхъ мотивовъ работаетъ вѣрный слухъ и производитъ то, что у насъ называютъ стихотворнымъ и музыкальнымъ ритмомъ; ритмъ значитъ, собственно, размѣръ, слѣдовательно *измѣрять пѣсни*, т. е. музыкальные мотивы, значитъ *измѣрять размѣръ*.... что очень странно и совершенно безполезно. Должно уловлять музыкальный ритмъ, чтобъ передать его вѣрно бумагѣ, но измѣрять его не за чѣмъ. Прачъ, разумѣется, не дѣлалъ этого. Мы не понимаемъ также, какъ можно обѣщать приложеніе нотъ къ «Пѣснямъ Русскаго народа» и въ тоже время осуждать своего предшественника за то, что онъ *вставилъ Русскія пѣсни въ нотныя рамки:* развѣ г. Сахаровъ могъ бы обойтись безъ подобныхъ же рамокъ, еслибъ онъ дѣйствительно издалъ обѣщанныя имъ ноты? Кромѣ того, извѣстно всѣмъ, что въ музыкѣ употребляются простыя четверти, но *роковыхъ* четвертей въ музыкѣ нѣтъ: какое же отношеніе можетъ быть между рокомъ, т. е. судьбою, и четвертью, т. е. четвертою частью цѣлой или круглой ноты?... Если въ Прачевскомъ Сборникѣ много неточностей, произвольныхъ измѣненій, отклоненій отъ типа русской пѣсни, то не должно забывать, что это былъ *первый* трудъ по части національной нашей музыки, трудъ добросовѣстный и полезный *для* своего времени, слѣдовательно не заслуживающій такихъ насмѣшекъ, какими осыпаетъ его г. Сахаровъ. Далѣе, упоминая о Сборникѣ Кашина, г. Сахаровъ говоритъ: «Въ каждой пѣснѣ видно, что редакторъ *заботился* о сохраненіи *единообразія*; ему (т. е. редактору) непремѣнно нужно было *подвести* всѣ

Digitized by Google

пѣсни подъ одинъ избранный мотивъ». — Что значитъ: *редакторъ заботился о сохраненіи единообразія въ каждой пѣснѣ*? — Г. Сахаровъ долженъ былъ объяснить, въ чемъ именно состоитъ то однообразіе, которымъ онъ упрекаетъ талантливаго и трудолюбиваго Кашина. — Что значитъ: «ему, т. е. Кашину, непремѣнно нужно было *подвести* всѣ *пѣсни подъ одинъ избранный мотивъ*»? Какимъ же образомъ возможно *подводить всѣ мотивы подъ одинъ избранный мотивъ*? Да и что же это за *избранный* мотивъ? Вы бы должны были указать намъ на него, если только вамъ удалось открыть и это избранничество. Вообще должно замѣтить, что подобныхъ антимузыкальныхъ замѣчаній встрѣчается у г. Сахарова довольно много; а сбивчивости его сужденій въ этомъ случаѣ много способствуютъ его шероховатый слогъ и неправильный языкъ. Мы могли бы привести на это многія доказательства, но боимся утомить ими нашихъ читателей. Скажемъ только, что мы внимательно разсматривали Сборники Прача и Кашина, и нашли, что они, т. е. эти два Сборника, не смотря на свою неполноту и нѣкоторыя несовершенства относительно нотнаго перехожденія, заслуживаютъ отъ насъ больше вниманія и благодарности, чѣмъ хулы и мелкихъ насмѣшекъ, какъ труды первоначальные, породившіе подражателей. Замѣтимъ кстати, что Сборникъ Кашина гораздо вѣрнѣе, и, если можно такъ выразиться, народнѣе, чѣмъ Сборникъ Прача, потому-что этотъ послѣдній при переложеніи русскихъ пѣсенъ увлекался вкусомъ своего времени, тогда какъ первый старался приноровиться къ духу народной нашей пѣсни. Оба они слѣлали, что могли, и за это имъ всегдашнее спасибо отъ всѣхъ любителей русскаго пѣнія. Но пора обратиться къ Сборнику г. Гурилева. Въ этомъ Сборникѣ помѣщено всего только *сорокъ шесть* пѣсенъ, именно: 1. Не одна-то во полѣ дороженька; 2. Вдоль по Питерстой; 3. Лучина лучинушка; 4. Во полѣ березонька; 5. Не бѣлы-то снѣги; 6. По мосту мосту; 7. Вспомни, вспомни, мой любезный; 8. Ты поди, моя коровушка домой 9. Не кукушечка во сыромъ бору; 10. У воротъ дѣвка стоитъ; 11. Скучно, матушка, весною жить одной; 12. Какъ у насъ во садочкѣ; 13. Ужъ какъ палъ туманъ; 14. У насъ было на улицѣ; 15. Ахъ ты, степь, моя степь моздокская; 16. Зеленая роща всю ночь прошумѣла; 17. Ты отрада, радость мой; 18. Посѣюль я конопельку; 19. Во лѣсахъ то было во дремучихъ; 20. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ; 21. Какъ за рѣчинькой слободушка стоитъ; 22. Что цвѣли-то, цвѣли цвѣтики; 23. Я вечеръ въ саду младешенька гуляла; 24. Изъ-подъ камушка быстра рѣчинька течетъ; 25. Молодка молодая;

Digitized by Google

26. Не пой, не пой, соловушекъ; 27, Ахъ, сѣни мои; 28. Очи, мои очи; 29. Мнѣ моркотно молоденькѣ; 30. Возлѣ рѣчки, возлѣ моста; 31. Ты поѣдешь, моя радость; 32. Вечоръ я былъ на почтовомъ на дворѣ; 33. Ивушка, ивушка зеленая моя; 34. Помнишь ли меня, мой свѣтъ; 35. Не будите меня молоду; 36. Что это за сердце; 37. Ахъ, что жъ ты, голубчикъ; 38. Ахъ, по морю, морю синему; 39. Заинька попляши; 40. Ай, во полѣ липонька; 41. А мы просо сѣяли; 42. Заплетися плетень; 43. Ахъ, на горѣ макъ; 44. Хожу я по улицѣ; 45. По улицѣ мостовой; 46. Во саду ли въ огородѣ.

Относительно этихъ сорока шести пѣсенъ мы скажемъ, во-первыхъ, что для насъ рѣшительно не понятно, почему онѣ названы г. Гурилевымъ *избранными*? Вѣдь слово *избранный* значитъ *самый любимый, самый лучшій*: а извѣстно, что нашъ народъ *всѣ свои пѣсни* почитаетъ *равно хорошими, равно любимыми*, лишь бы только онѣ употреблялись кстати. Слѣдовательно *избранничества* тутъ быть не можетъ никакого. Во-вторыхъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ и добросовѣстности какъ со стороны переложенія пѣсенъ на ноты, такъ и со стороны самаго изданія этихъ пѣсенъ, трудъ г. Гурилева, подобно трудамъ его предшественниковъ на этомъ поприщѣ, не удовлетворителенъ въ настоящее время во многихъ отношеніяхъ, если допустить, что онъ изданъ для удовлетворенія всѣхъ русскихъ вообще, а не для удовлетворенія только тѣхъ *любителей* русскаго пѣнія, которые забавляются имъ, катаясь въ лодкахъ, или распивая чаи по рощамъ.... Послѣдняго мы допускать не хотимъ, и потому будемъ смотрѣть на Сборникъ г. Гурилева, какъ на дѣло серьезное. Хотя этотъ Сборникъ появился уже довольно давно, но о немъ еще никто не говорилъ ни слова печатно. Если наша теперешняя статья запоздала, то не мы этому виною... При томъ наши слова могли пройти, а можетъ-быть и пройдутъ вовсе незамѣченными; слѣдовательно и торопиться съ ними было не для чего: мы ждали и ждемъ въ этомъ случаѣ голоса нашихъ талантливыхъ и любимыхъ композиторовъ, но не дождались, и, можетъ статься, еще не дождемся долго.... Это обстоятельство служитъ извиненіемъ пишущему эти строки, если онъ даже и ошибается въ своихъ сужденіяхъ....

Нѣкоторыя пѣсни г. Гурилевъ только перепечаталъ, придѣлавъ къ нимъ свой аккомпанементъ; но весь же Сборникъ лишенъ какъ словесныхъ, такъ и нотныхъ варіантовъ; предисловія при немъ нѣтъ никакого;

Digitized by Google

не указано, въ какихъ мѣстахъ Россіи поются нѣкоторыя изъ этихъ 46 пѣсенъ именно такъ, какъ онѣ явились теперь въ переложеніи на ноты. Все это было бы необходимо въ трудѣ серьезномъ, способномъ раздвигать область нашей народной музыки; но отъ всего этого издатели нынѣшняго Сборника отклонились.... Хорошая печать, бѣлая бумага, портретъ автора—все это, конечно, вещи пріятныя, но онѣ составляютъ только наружное достоинство изданія, тогда-какъ въ наше время можно было бы, даже должно бы заботится больше о внутреннихъ достоинствахъ подобныхъ вещей... Не говоря уже о томъ, что этотъ Сборникъ вмѣщаетъ въ себѣ только 46 пѣсенъ, и что, слѣдовательно, онъ въ этомъ случаѣ крайне неудовлетворителенъ, мы даже принуждены сказать, что переложеніе г. Гурилева грѣшитъ весьма часто (не знаемъ *умышленно* или *неумышленно*) противъ основныхъ музыкальныхъ правилъ, строгое соблюденіе которыхъ никогда не можетъ назваться педантизмомъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ переложеніе на ноты національныхъ пѣсенъ. Ошибки или недосмотры, хотя даже и не слишкомъ важные, всегда бываютъ непріятны для людей, нѣсколько знакомыхъ съ требованіями музыкальной науки, и вредны для людей, вовсе не знакомыхъ съ нею, потому-что подобныя бездѣлицы сбиваютъ съ толку такихъ особъ, которыя вполнѣ довѣряютъ всему печатному. Если же полагать, что ошибки этого рода сдѣланы умышленно, то мы не понимаемъ, въ чемъ состоитъ достоинство подобнаго умысла.... Мы уже сказали, что не имѣемъ никакого желанія вдаваться въ какую бы то ни было критику, и потому не хотѣли бы приводить и объяснять даже нѣкоторыхъ, замѣченныхъ нами въ трудѣ г. Гурилева погрѣшностей противъ генералъ-баса; но въ такомъ случаѣ наши замѣчанія, пожалуй, показались бы только вымышленными придирками, сказанными для бо́льшаго эффекта.... Единственно по этому мы и позволяемъ себѣ разобрать здѣсь, напримѣръ, хоть N 1 Гурилевскаго Сборника.

Въ этомъ N въ третьемъ тактѣ, въ аккомпанементѣ, поставленъ сперва *кварт-секст-аккордъ*, потомъ *доминант-септаккордъ* лада *G* на нашу *D*; верхній голосъ, т. е. *D* втораго такта падаетъ на квинту внизъ т. е. на ноту *G* третьяго такта, тогда какъ басовое *G* втораго такта падаетъ на кварту внизъ, т. е. на ноту *D* третьяго такта; отъ чего и является сухость или жесткость между послѣдованіями верхняго голоса съ голосомъ басовымъ.

Въ четвертомъ тактѣ, въ аккомпанементѣ, поставленъ на третье и четвертое времена *доминонт-септаккордъ* лада *C*; а въ пятомъ

Digitized by Google

тактѣ употребленъ на первое и второе времена *аккордъ тоники C-molle*, такъ что верхній и басовый голоса образовываютъ ходъ неправильными октавами, потому-что оба эти голоса поднимаются на кварту вверхъ, т. е. съ *G* на *C*. Это ошибочное послѣдованіе голосовъ тѣмъ болѣе непріятно, что является въ весьма тихомъ темпѣ, и что образуетъ такъ называемый *совершенный каданс*, котораго здѣсь вовсе не нужно, и избѣжать котораго весьма легко.

Въ девятомъ тактѣ, въ аккомпанементѣ, употребленъ на третье время *нонаккордъ*, тогда какъ верхній голосъ беретъ ноту *F*, т. е. октаву основаннаго баса этого аккорда. Всѣ лучшіе композиторы, какъ старинные, такъ и нынѣшніе, употребляютъ *нону* этого аккорда только тогда, когда она стоитъ выше его основнаго баса, но не наоборотъ, какъ это сдѣлано у г. Гурилева. Въ такомъ тихомъ темпѣ, каковъ темпъ этой пѣсни, *нона* является не въ видѣ преходящей ноты, но въ видѣ звука, принадлежащаго аккорду, слѣдовательно должна необходимо покориться правилу, установленому на свойствахъ тональности европейской гаммы.

Сказанное нами о второмъ, третьемъ, четвертомъ и пятомъ тактахъ этой пѣсни относится, разумѣется, и ко второй ея половинѣ, гдѣ является одинаковая мелодія и одинаковый аккомпанементъ.

Всѣхъ подобныхъ недостатковъ, небрежностей, не встрѣчаемыхъ даже въ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ Сборниковъ, мы могли бы насчитать въ переложеніи г. Гурилева довольно много; но это заставило бы насъ слишкомъ растянуть свою статью, которая и безъ того вышла уже довольно длинна. Если же намъ возразятъ, что ошибки этого рода вещь простая, и что не стоитъ и обращать вниманія на ихъ тѣмъ болѣе, что безъискусственная конструкція нашихъ народныхъ мелодій не всегда можетъ удобно покориться правиламъ музыкальной теоріи; что отъ подобныхъ переложеній нужно требовать только того, чтобъ голосъ пѣсни былъ вѣрно переданъ нотами, и больше ничего, потому-что все остальное — вздоръ; если, повторяемъ, намъ сдѣлаютъ возраженіе такого рода, то мы замѣтимъ, что единственная заключающаяся въ немъ правда состоитъ въ томъ, чтобъ голосъ пѣсни вѣрно передавался нотами; а остальное все — ложь, потому что вѣрность переложенія на ноты какого бы то ни было мотива, вовсе не исключаетъ музыкальной правильности этого переложенія. Наши пѣсни чрезвычайно музыкальны, и, потому, правильны; а правильная музыкальная мелодія непремѣнно рождаетъ правильную музыкальную гармонію. Были люди,

Digitized by Google

и между ними находится г. Сахаровъ, которые печатно усиливались доказывать, что для нашихъ пѣсенъ сопровожденіе, правильный басъ и пр. есть предметы совершенно лишніе, что для нихъ кажется совершенно непонятнымъ и страннымъ, когда придѣлываютъ басъ тамъ (т. е. въ нашихъ пѣсняхъ), гдѣ онъ не существуетъ. Людямъ, незнакомымъ съ теоріей музыки это дѣло, конечно, можетъ представляться именно такимъ, а не другимъ, т. е. противуположнымъ образомъ, потому-что они могутъ судить только о томъ, что имъ *видно* и *слышно*. Мелодію нашихъ пѣсенъ они слышатъ, и потому увлекаются ею; но сопровожденія или аккомпанемента этой мелодіи они слышать не могутъ потому, что это сопровожденіе не употребляется или почти не употребляется, при пѣніи русскимъ народомъ большей части его пѣсенъ, несмотря на то, что это сопровожденіе существуетъ, хотя и остается неслышимымъ для всякаго, кто не знаетъ музыки. Правильный аккомпанементъ никакимъ образомъ не можетъ уменьшать достоинства нашихъ народныхъ мелодій, потому-что онѣ порождены правильнымъ музыкальнымъ чувствомъ нашего народа, а правильное музыкальное чувство, создавая мелодію, всегда вмѣщаетъ въ себѣ и сопровождающую ее гармонію. Слѣдовательно мелодія и гармонія раждаются всегда вмѣстѣ, въ одно и то же время, такъ что одна безъ другой существовать не могутъ. Еслибъ это не относилось и къ нашимъ, какъ ко всякимъ другимъ народнымъ пѣснямъ, то онѣ были бы явленіями ложными, вполнѣ анти-музыкальными. Но дѣло въ томъ, что, не смотря на всю свою безъискусственность и простоту, наши мелодіи требуютъ величайшей осторожности и чрезвычайной тонкости музыкальнаго чувства отъ того человѣка, который вздумаетъ придѣлывать къ нимъ аккомпанементъ, потому-что тутъ приходится, собственно, не придѣлывать свой, а только угадывать тотъ, который уже существуетъ, но который остается неслышимымъ. По этому-то наши пѣсни и были постоянно относительно аккомпанемента камнемъ преткновенія для всѣхъ, покушавшихся сохранить ихъ на бумагѣ во всей ихъ первобытной простотѣ. Возьмись за подобную работу человѣкъ съ огромнымъ музыкальнымъ талантомъ и классическимъ музыкальнымъ образованіемъ, тогда русская пѣсня, безъ сомнѣнія, явилась бы во всемъ блескѣ своей нѣсколько дикой, но все-таки могущественной и неотразимой красоты. Въ нашихъ мелодіяхъ есть особенные ритмы, особенный складъ, особенная вокализація, особенные каданcы, составляющіе ихъ оригинальный характеръ, и потому только о сохраненіи всѣхъ этихъ атрибутовъ должно заботиться при переложеніи ихъ на бумагу: по-

Digitized by Google

правки, сообразныя съ характеромъ общей европейской музыки, здѣсь были бы совершенно неумѣстны, потому-что отъ подобныхъ поправокъ наши мелодіи казались, и до сихъ поръ кажутся, какими-то двуличными, лживыми.... Къ несчастію подобныя поправки у насъ дѣлаются и до сихъ поръ, когда музыкальное чувство составителя Сборника русскихъ пѣсенъ не можетъ управиться съ данною мелодіей.... Во всякомъ случаѣ русская національная мелодія не во враждѣ, а напроливъ въ большой связи и пріязни со всѣми основными законами европейской музыки, слѣдовательно не допускаетъ такъ называемыхъ грамматическихъ музыкальныхъ ошибокъ. Замѣчать же подобныя ошибки у насъ покуда еще необходимо, потому-что большинство русской публики не владѣетъ до сихъ поръ основательными теоритическо-музыкальными познаніями. Что-жъ касается до тѣхъ господъ, которые съ какимъ-то смѣшнымъ пренебреженіемъ подшучиваютъ надъ употребленіемъ различныхъ терминовъ, — принадлежащихъ, собственно, музыкальной наукѣ и иногда вполнѣ необходимыхъ, если пишешь или говоришь о музыкѣ, — то ихъ наивныя шуточки можно назвать просто пошлостями, порожденными, или претензіями на свѣтскость, или невѣжествомъ въ музыкальномъ дѣлѣ, т. е. въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ ни одного лишняго термина, слѣдовательно нѣтъ и ничего смѣшнаго. *Разсуждать съ важностью* о какомъ-нибудь одномъ аккордѣ, конечно, не для чего, потому-что всякая *важность* тутъ была бы, въ самомъ дѣлѣ, смѣшна; но обозначать аккорды ихъ именами, понятными всякому порядочному музыканту, мы не считаемъ лишнимъ, особенно, если нужно сдѣлать музыкальный разборъ и показать правильность или неправильность хода голосовъ. Что бы вы сказали, читатель, еслибъ увидѣли въ печати фразу въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей: «*Знающій* щитается *человекамъ* сухимъ; *лутче* быть *не* знающимъ и наслаждатса *безъ* атчетна *въ семъ*». Само собою разумѣется, что вы до нѣкоторой степени признали бы, или не признали бы справедливости мыслей, вложенныхъ въ эти фразы; но вмѣстѣ съ тѣмъ, прибавили бы, конечно, что человѣкъ, написавшій ихъ или пренебрегаетъ благозвучіемъ русскаго языка и требованіями нашей орѳографіи, или не имѣетъ о нихъ достаточныхъ понятій, хотя и не можетъ назваться вполнѣ безграматнымъ, потому-что онъ все таки *написалъ* свою фразу.... Приведенныя нами ошибки или недосмотры г. Гурилева въ дѣлѣ музыки — рѣшительно одно и то же, что ошибки написанной нами фразы относительно русскаго языка и русской орѳографіи. Всѣ правила музыкальной науки есть правила не произвольныя, но основанныя на коренныхъ началахъ

Digitized by Google

красоты музыкальнаго искусства и, потому, онѣ признаны всѣми музыкальными геніями, которые, раздвигая предѣлы музыки и давая ей большую и большую свободу, никогда не проповѣдывали употребленія ошибокъ даже относительно музыкальной орѳографіи или грамматики. Разсказывая подобную вещь, мы разсказываемъ такую новость, которая извѣстна всѣмъ музыкантамъ, слѣдовательно и г. Гурилеву. Странно, что онъ не позаботился оградить себя отъ подобныхъ упрековъ въ такомъ дѣлѣ, какъ современное переложеніе національныхъ мотивовъ на ноты, гдѣ по преимуществу требуется отдѣлки классической, хотя отнюдь не классическо-педантской. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя не быть благодарными гг. Гурилеву и Грессеру и за то, чѣмъ они уже подарили всѣхъ любителей и любительницъ русскаго пѣнія. Должно думать, что издатели и не ограничатся выпускомъ только этихъ *сорока шести* пѣсенъ, и, можетъ быть, въ скоромъ времени представятъ русской публикѣ продолженіе своего труда, такъ радушно принятаго всѣми, кому дорого національное наше искусство, и которые восхищаются имъ и изучаютъ его, по крайней мѣрѣ, на столько, на сколько это зависитъ отъ ихъ воли и способностей. **Н. З.**

НОВОГОРОДСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ. (*)

Настоящее письмо я намѣренъ посвятить обзору здѣшнихъ губернскихъ вѣдомостей за послѣднее трехлѣтіе. Прежде всего считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о планѣ губернскихъ вѣдомостей вообще. Планъ изданія вѣдомостей опредѣленъ Высочайшимъ Положеніемъ 1845 г.: онѣ состоятъ изъ двухъ отдѣленій — оффиціальнаго и неоффиціальнаго; въ первомъ помѣщаются распоряженія правительства и губернскаго начальства; во второмъ печатаются всякія общеполезныя статьи, какъ заимствованныя изъ другихъ изданій, такъ и оригинальныя, при чемъ особенное вниманіе обращается на статьи мѣстнаго интереса. Такъ какъ вѣдомости есть газета административная, то наполненіе

(*) Мы считаемъ губернскія вѣдомости однимъ изъ важнѣйшихъ, если не источниковъ отечественнаго просвѣщенія, то по крайней мѣрѣ однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для распространенія полезныхъ свѣдѣній, на будущее время, потому мы старались всегда обращать вниманіе редакторовъ на предметы, о коихъ желательно получать отъ нихъ извѣстія. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы помѣщаемъ это дѣльное обозрѣніе нашего достойнаго корреспондента. *Ред.*

Digitized by Google

неоффиціяльной ихъ части оригинальными статьями не есть необходимость: послѣднія печатаются только тогда, когда редакція ихъ имѣетъ; стало быть, оригинальныя статьи губернскихъ вѣдомостей всегда случайны. Такъ Новгородскія вѣдомости со времени своего основанія до 1849 года не заключали въ себѣ ни одной оригинальной статьи, и только съ 1849 года, благодаря почти единственному вкладчику, г. Игнатьеву, сдѣлались интересными и обратили на себя общее вниманіе. Впрочемъ, мы думаемъ, что неоффиціяльная часть всѣхъ вообще Г. В. можетъ быть чрезвычайно интересною, даже безъ содѣйстія постороннихъ лицъ, при одномъ участіи редакціи: стоитъ только печатать матеріалы статистическіе, этнографическіе, сельско-хозяйственые, замѣчательныя происшествія губерніи, и т. д., такъ какъ всѣ подобные матеріалы, почти въ обработанномъ видѣ, стекаются въ губернскомъ правленіи каждой губерніи, и потому всегда доступны для редакціи. Какъ бы то ни было, Новгородскія вѣдомости весьма много сдѣлали для мѣстной Исторіи и Древностей; мы считаемъ не безполезнымъ разсмотрѣть всѣ помѣщенныя въ нихъ до настоящаго года оргинальныя статьи и матеріалы, и тѣмъ дать имъ бо́льшую гласность, которой многіе изъ нихъ по справедливости заслуживаютъ.

Въ 1849 году были помѣщены слѣдующія статьи г. Игнатьева: 1) Мшага (N 16); 2) еще о Мшагѣ (N 25); 3) Церковь Рождества Богородицы, что на Молотковѣ въ Новгородѣ (N 29, 30, 31 и 33); 4) Краткое извѣстіе о крестныхъ ходахъ и нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ, бывшихъ въ Новгородѣ до XVIII вѣка (N 32); 5) Осада Новгорода въ 1170 г. (N 36, 37, 38 и 40); 6) Новгородскій Саввинъ Вишерскій общежительный монастырь (N 37, 38, 39 и 40; 7) Краткое историческое описаніе Новгородскаго Десятиннаго дѣвичьяго монастыря (N 45); 8) о древнемъ ямскомъ учрежденіи въ Россіи (N 48, 49, 50 и 51); къ этому же разряду оригинальныхъ статей причислимъ и *знаменитый* Дневникъ старицы Маріи, урожденной княжны Одоевской (N 41, 42 и 47). Къ числу историческихъ матеріаловъ должно отнести: 1) Наказъ гвардіи поручику Кайсарову 6 августа 1738 г. о сборѣ въ Новгородской губерніи рекрутъ и драгунскихъ лошадей, по случаю бывшей тогда войны съ Турціею; 2) Указъ статскому совѣтнику Новгородскому вице-губернатору Бредихину, 23 февраля 1740 г. о молебствіи и торжествованіи въ Новгородѣ по случаю заключенія мира съ Турціею, съ снимками подписей рукъ канцлера барона Андрея Остермана, кабинетъ-министра Артемія Волынскаго, Павла Ягужинскаго и князя Черкаскаго (N 34); 3) Указъ полковнику, новгородскому вице-

Digitized by Google

губернатору, Бредихину, 1735 г. октября 16 дня, о присылкѣ въ С.-Петербургъ съ гвардіи капраломъ Ешуковымъ хранящихся въ Новгородѣ разныхъ историческихъ актовъ; 4) Челобитная къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу Новгородскаго Михалицкаго Рождественскаго монастыря, игуменьи Леониды Игнатьевой на насиліе софійскихъ митрополичьихъ крестьянъ, и о потравѣ ими пожней и луговъ, около Грузинскаго погоста, принадлежавшихъ тому монастырю (N 36); 5) Грамота царя Василія Іоанновича Шуйскаго, данная устюжской Крестовоздвиженской церкви попу Іосифу о пожалованіи ему вотчины, дарованіи разныхъ льготъ, и освобожденіи крестьянъ его отъ разныхъ пошлинъ и суда намѣстничаго (N 41); 6) Выписка изъ служилой кабальной книги Новгородской приказной палаты 1598 г. (N 41); 7) Грамота Царя Іоанна Васильевича, данная каргопольскому Богоявленскому монастырю, 1500 г., о дарованіи тому монастырю разныхъ льготъ, освобожденіи его отъ суда каргопольскихъ намѣстниковъ и о дозволеніи ловить рыбу на рѣкѣ Чесмѣ (N 44). Сверхъ того, при описаніи церкви молотковской приведены цѣликомъ всѣ сохранившіяся у нея грамоты и историческіе акты.

Объ статьи о Мшагѣ любопытны. Въ настоящее время ямъ Мшага съ окрестъ-лежащими деревнями называется обыкновенно *Княжій Дворъ*, потому что тутъ находится небольшой дворецъ Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Гвардейскими и Гренадерскимъ корпусами; здѣсь же въ лѣтнее время располагается лагеремъ Гренадерскій корпусъ. Нынѣ Мшага принадлежитъ вѣдомству Государственныхъ Имуществъ, имѣетъ болѣе 500 душъ жителей, которые ведутъ небольшую торговлю съ Псковскою губерніею предметами земледѣльческой промышленности, и занимаются также извозомъ. Въ селѣ есть довольно красивая церковь во имя Воскресенія Христова, въ которой по преданію принесли благодарственное молебствіе Москвичи за побѣду Шелонскую. Но самая важная примѣчательность Мшаги та, что въ окрестностяхъ ея, на берегахъ Шелони, произошла знаменитая въ исторіи Шелонская битва 1471 года. Вотъ что говоритъ г. Игнатьевъ о мѣстѣ битвы: «Архивская лѣтопись, болѣе другихъ объясняющая его словами: *недошедша Мустца и Сольцы*, несправедливо у насъ объясняется нѣкоторыми историками, что будто бы Шелонская битва Новгородцевъ съ Москвитянами была близъ тогдашняго Новгородскаго города Порхова, что нынѣ Псковской губерніи. Сопки или курганы такъ называемаго *великаго побоища* оканчиваются не доходя далеко посада Сольцы, Псковской же губерніи, отстоящаго отъ Мшаги

Digitized by Google

19½ верстъ; а отсюда до Порхова около 50 верстъ и по нынѣшнему устройству дорогъ. Переправа же Московскаго войска была противъ такъ называемаго Струпинскаго погоста, потому что это самый мелкій рукавъ р. Шелони, который и высыхаетъ въ половинѣ іюня, такъ что по немъ съ того времени уже ѣздятъ въ бродъ; здѣсь же протекаетъ и рѣка Мшашка или тогда Дрянь, которая въ это время почти совсѣмъ высыхаетъ: и это-то всего лучше объясняетъ такъ называемую архивскую лѣтопись. Во всякомъ, наконецъ, другомъ мѣстѣ переправа въ бродъ невозможна, какъ по необыкновенной быстротѣ Шелони, такъ и по глубинѣ ея, гдѣ проходятъ во всякое время до глубокой осени грузныя суда и барки. Но кромѣ указанія лѣтописи болѣе отмѣлей, способныхъ къ переправѣ въ бродъ, нигдѣ, кромѣ вышеозначеннаго мѣста, нѣтъ.» Въ память побѣды надъ Новгородцами Іоаннъ III воздвигъ обѣтную церковь въ селѣ Велебицахъ, въ 7 верстахъ отъ Мшаги; церковь эта существуетъ и понынѣ, но по ветхости уже оставлена для богослуженія. Есть преданіе, говоритъ г. Игнатьевъ, что эта церковь была возобновлена по повелѣнію Императрицы Екатерины I-й.

Описаніе Молотковской церкви весьма интересно. Основаніе этой церкви относится къ 1199 году; тогда же, или вскорѣ вослѣ того, былъ устроенъ здѣсь женскій монастырь, существовавшій болѣе 500 лѣтъ и упраздненный въ 1764 г. при введеніи штатовъ. Молотковскій монастырь былъ въ большой чести у Новгородцевъ и былъ благодѣтельствуемъ русскими государями; въ особенности покровительствовали ему цари Ѳедоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ, и Императрица Анна Іоанновна; Лжедимитрій также одарилъ монастырь землями и угодьями. Въ настоящее время ни одина изъ церквей новгородскихъ не сохраняетъ столько памятниковъ древностей, какъ Молотковская, за исключеніемъ, разумѣется, Софійскаго собора; въ ней есть нѣсколько панагій, пожертвованныхъ разными святителями; пелена надъ образомъ, даръ царицы Ирины Ѳедоровны; три древнихъ креста съ мощами святыхъ угодниковъ, ризы, украшенныя жемчугомъ, относящіяся къ XVI вѣку; хоругви и большое бронзовое паникадило съ драгоцѣнными каменьями, даръ Императрицы Анны Іоанновны, и мн. др.; здѣсь-то г. Игнатьевъ открылъ Молотковскую лѣтопись и Дневникъ старицы Маріи, бывшей настоятельницы Молотковскаго монастыря. О Молотковской лѣтописи мы ничего не скажемъ, такъ какъ она еще не издана; не потревожимъ праха княжны Одоевской, распространяясь о приписываемомъ ей г. Игнатьевымъ дневникѣ собственнаго сочиненія, тѣмъ болѣе, что Москвитянинъ уже въ 1850 году далъ свое правдивое

Digitized by Google

мнѣніе объ этой поддѣлкѣ; замѣтимъ еще, что г. Игнатьевъ смѣшиваетъ въ своемъ описаніи слова: *актъ* и *фактъ*, называемыя послѣднимъ словомъ грамоты и др. письменные документы.

Небольшая статья о крестныхъ ходахъ и особыхъ церковныхъ обрядахъ въ Новгородѣ также не лишена интереса; изъ нея мы узнаемъ, что въ прежнее время было въ Новгородѣ въ теченіи года 35 большихъ и малыхъ крестныхъ ходовъ. Особые обряды, существовавшіе здѣсь, были: 1) чинъ новолѣтія, о которомъ скажемъ ниже; 2) чинъ хожденія на осляти, состоявшій въ томъ, что архіерей, сидя на ослѣ, держалъ въ одной рукѣ Евангеліе, а другою благословлялъ народъ. Осла за поводъ велъ государевъ намѣстникъ; бояре, дѣти боярскіе, дьяки и другія почетныя лица города шли около осла. Къ числу иконъ, подымавшихся въ этотъ ходъ изъ Софійскаго собора, присоединяли и огромную вербу, украшенную финиками и другими сухими плодами; передъ вербою шла почетная стрѣлецкая стража. Крестный ходъ совершался въ недѣлю Ваій, передъ литургіею, изъ Софійскаго собора въ церковь Входа Іисуса Христа во Іерусалимъ, находящуюся также въ крѣпости. 3) Чинъ пещнаго дѣйствія, изображавшій исторію трехъ отроковъ, ввереннныхъ въ огненную пещь по повелѣнію Навуходоносора. Вотъ какъ описываетъ г. Игнатьевъ эту процессію: (*) «въ субботу (ближайшую къ Рождеству Христову) передъ вечерней все высшее и младшее духовенство и гражданское начальство собиралось въ архіерейскомъ домѣ въ крестовой или грановитой палатѣ (тамъ, гдѣ нынѣ церковь Іоанна Архіепископа); здѣсь находились и мнимые отроки съ своимъ учителемъ, и халдеи въ оригинальныхъ костюмахъ: въ хитонахъ и шеломахъ; халдеи держали въ рукахъ пальмы и трубки съ пловучею травою. При прибытіи архіерея вся процессія вступала въ Софійской соборъ, гдѣ была устроена пещь, вмѣсто амвона противъ царскихъ дверей; вечерня начиналась и оканчивалась по обыкновенію, но самый обрядъ происходилъ на утрени, на 7 пѣсни канона. Тогда отроки со свѣчами въ рукахъ, послѣдуемые учителемъ и халдеями, становились предъ архіереемъ, и халдеи начинали провозглашать: «этодѣти Царевы, которые повелѣнія царя нашего не слушаютъ; тѣлу златому не поклоняются, а мы ихъ ввержемъ въ пещь и будемъ жечь. Видите ли сію пещь, огнемъ горящую и вельми распаляемую! она уготована вамъ на мученіе»! — «Не на мученіе, а вамъ на обличеніе», отвѣчаютъ отроки. Тутъ халдеи ввергаютъ ихъ въ пещь, и, махая

(*) По какому же документу? *М. П.*

Digitized by Google

пальмами, показываютъ, какъ они ее разжигаютъ. И вотъ, по благословенію архіерейскому, въ пещь съ шумомъ опускается искусно сдѣланный рѣзной ангелъ и отроки поютъ: Благословенъ еси Боже отецъ нашихъ! Тогда халдеи провозглашали: «Ужасъ видимъ мы: трехъ ввергнули, четвертаго зримъ, и той вельми страшенъ». Отроковъ послѣ этого выводили изъ пещи, и служба продолжалась и оканчивалась по обыкновенію, кромѣ того, что послѣ славословія читались въ пещи апостолъ и Евангеліе; на божественной литургіи отроки, учитель и халдеи шли на маломъ и большомъ выходахъ. Обрядъ или чинъ пещнаго дѣйствія уничтоженъ былъ Петромъ Великимъ.» 4) Погребеніе странныхъ на убожьихъ домахъ. Обрядъ этотъ совершался въ Семикъ, названный по этому *праздникомъ мертвецовъ*. Убожьи дома, или иначе скудельницы, находились при Рождественскомъ монастырѣ на полѣ и при церквахъ св. Лазаря и Двенадесяти Апостоловъ на Пропастяхъ; незнаемъ, откуда заимствовалъ г. Игнатьевъ извѣстіе, что скудельница была и при церкви Симеона Богопріимца? На скудельницахъ погребались тѣла умершихъ странниковъ, нищихъ, преступниковъ, погибшихъ отъ насильственной смерти, также жертвы мороваго повѣтрія и всѣ тѣ, безъ различія званія, кто имѣлъ несчастіе умереть въ Семикъ. Трупы не предавались землѣ до дня общаго погребенія, т. е. Семика, наканунѣ котораго архіерей назначалъ изъ городскаго и посадскаго духовенства лицъ, долженствовавшихъ совершать печальный обрядъ погребенія и получавшихъ за то отъ казны положенную плату. Покойниковъ клали въ одну общую яму, закрывали полотномъ, и предавали землѣ, причемъ читалась общая заупокойная молитва. Можно себѣ представить, какая вредная атмосфера была въ окрестностяхъ убожьихъ домовъ, потому что тѣла лежали иногда по цѣлому году непогребенными. Не удивительно послѣ того, что моръ такъ часто и губительно свирѣпствовалъ у нашихъ предковъ.

Въ статьѣ—«Осада Новгорода 1170 г. войсками Андрея Георгіевича Боголюбскаго», описывается довольно подробно замѣчательный фактъ Новгородской исторіи; въ память этого событія произошло празднованіе Знаменія Божіей Матери, принятое тогда же всею Россіею. Не станемъ болѣе распространяться объ этой статьѣ, потому что она составляетъ отрывокъ изъ полной исторіи царствованія Андрея Боголюбскаго, приготовленной къ изданію г. Игнатьевымъ. Намъ не нравится заносчивость и рѣзкій диктаторскій тонъ, съ какимъ г. Игнатьевъ отзывается о безсмертномъ твореніи Карамзина, говоря, будто знаменитый исторіографъ не сказалъ *ничего дѣльнаго* о Боголюбскомъ

Digitized by Google

(стр. 172), такъ же какъ и другіе наши историки, и что только ему, г. Игнатьеву, суждено произнести окончательный судъ и правдивое мнѣніе о Боголюбскомъ (стр. 196). Припомнимъ г. Игнатьеву старинную русскую пословицу....

Описанія монастырей Савина-Вишерскаго и Десятиннаго дѣвичьяго очень удовлетворительны, особенно перваго. Помѣщеніе подобныхъ статей должно составлять прямую обязанность губернскихъ вѣдомостей и быть особеннымъ предметомъ стараній ихъ радакцій. Когда-то мы прочтемъ историческое описаніе нашихъ древнѣйшихъ монастырей Юрьевскаго, Хутынскаго и Антоновскаго? Подробное описаніе ихъ могло бы быть интереснымъ не только для мѣстныхъ жителей, но и для обширнаго класса поклонниковъ русской святыни, и отчасти полезнымъ для отечественной исторіи. Возлагаемъ надежду на г. Игнатьева, представившаго прекрасные образцы подобныхъ описаній въ поименованныхъ нами статьяхъ. Основателемъ Савво-Вишерскаго монастыря былъ св. Савва, изъ извѣстной фамиліи Бороздиныхъ; вообще Саввинъ монастырь, вписалъ въ свои лѣтописи имена многихъ дворянскихъ фамилій, съ честію служившихъ отечеству, какъ-то: Глазатыхъ, Аничковыхъ, Бѣляевыхъ и др. Чрезвычайно любопытна и въ высшей степени поучительна жизнь св. Саввы, изложенная г. Игнатьевымъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Болѣе 300 лѣтъ существовала скромная обитель св. Саввы, претерпѣвая всѣ несчастія загородныхъ монастырей Новгородскихъ, которые часто дѣлались жертвою пламени отъ своихъ и чужихъ, въ случаѣ осады Новгорода. Съ XVIII вѣка монастырь этотъ болѣе и болѣе приходилъ въ упадокъ и былъ упраздненъ при введеніи штатовъ. «Мірскіе люди, говоритъ г. Игнатьевъ, поселясь въ бывшемъ монастырѣ, ввели въ него все мірское. По какому-то, довольно странному, обычаю, богатые изъ прихожанъ приняли въ обыкновеніе непремѣнно праздновать свадьбы въ бывшихъ игуменскихъ кельяхъ. Черезъ семь лѣтъ послѣ своего упраздненія, Саввинъ монастырь представлялъ уже однѣ жалкія развалины. Ограда, братскія келліи и другія монастырскія службы обрушились; на Покровской церкви, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи св. Саввы, не было даже и креста»!..

Въ это-то время самъ Богъ послалъ возобновителей забытому монастырю. Двое молодыхъ дворянъ, В. П. Глазатовъ и И. И. Аничковъ, служившіе вмѣстѣ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, и бывшіе между собою друзьями, оставивъ службу, стали употреблять всѣ усилія, чтобъ возстановить Саввинъ монастырь изъ его праха.

Старанія ревностныхъ сподвижниковъ угодника Божія не остались

Digitized by Google

тщетными: они успѣли склонить на пожертвованія и ходатайство многихъ знатныхъ особъ своего времени, и 30 мая 1770 г. былъ снова открытъ Саввинъ монастырь. Строителемъ возобновленной обители былъ назначенъ отецъ Варлаамъ Глазатовъ, незадолго предъ тѣмъ постриженный въ монахи Вяжицкаго монастыря; но ревностнѣйшимъ ея управителемъ сдѣлался послушникъ Аничковъ, пожертвовавшій на монастырь все свое имущество, которое заключалось въ 800 душъ крестьянъ и каменномъ домѣ въ Новгородѣ. Умилительно читать подвиги самоотверженія и высокой добродѣтели въ вѣкъ эгоизма и невѣрія. Умолчимъ обо всѣхъ трудахъ, понесенныхъ знаменитыми возобновителями Савво-Вишерскаго монастыря, коимъ награда на небесахъ; скажемъ только, что преемникъ отца Варлаама (+1789 г.), от. Іосафъ Аничковъ, обладалъ и краснорѣчивымъ перомъ, что можно видѣть изъ его собственноручныхъ записокъ о возобновленіи и устройствѣ монастыря, приводимыхъ мѣстами г. Игнатьевымъ и хранящихся въ ризницѣ возобновленной обители. Вотъ слова автора статьи о добродѣтеляхъ о. Іосафа: «разсказываютъ очевидцы, еще помнящіе отца Іосафа, о его необыкновенныхъ добродѣтеляхъ, о милосердіи къ ближнимъ, и о щедрости къ убогимъ. Обитель его всегда служила упокоеніемъ странныхъ, нищихъ. Удаляясь иногда изъ обители въ Новгородъ, онъ старался и тамъ отыскивать и помогать бѣднымъ, посѣщалъ содержавшихся въ тюрьмахъ, и словомъ, гдѣ только могъ, старался отереть слезы несчастія. Говорятъ, что многіе знавшіе о. Іосафа, встрѣчая его, спрашивали: куда онъ такъ спѣшитъ и откуда? *Къ моимъ добрымъ друзьямъ*, или *отъ моихъ добрыхъ друзей*, отвѣчалъ обыкновенно о. Іосафъ». Отецъ Іосафъ скончался въ 1812 году. «Этотъ день былъ воскресный, и отшедшій въ миръ въ селенія небесныя ожидаетъ тамъ великаго, но для него не страшнаго, дня общаго воскресенія.... Вѣсть о кончинѣ его поразила всѣхъ. Надобно было видѣть, говорятъ очевидцы, кто у насъ не оплакивалъ отца Іосафа: всѣ стремились къ монастырю, чтобъ воздать послѣдній долгъ усопшему, и малый Саввинъ монастырь не могъ уже вмѣстить толпы сѣтующаго народа. Плакала братія, лишась своего мудраго и попечительнаго наставника; оплакивали родные, друзья и всѣ, кто только зналъ его; плакали нищіе, убогіе, лишась въ немъ своего покровителя. Говорятъ, когда погребали его, то не однократно отъ плача монашествующая братія прерывала надгробное пѣніе (*). Въ настоящее время Саввинъ и Десятинъ монастыри, находятся въ довольно хорошемъ положеніи.

(*) Сколько такихъ драгоцѣнныхъ событій пропадаетъ у насъ за недостаткомъ гласности. *М. П.*

Digitized by Google

О древнемъ ямскомъ учрежденіи въ Россіи. Какъ попытка разъяснить на основаніи сохранившихся актовъ образованіе, бытъ и права ямскаго сословія, статья эта заслуживаетъ благосклоннаго вниманія историковъ. Подобныя добросовѣстныя изысканія внутреннихъ учрежденій государства весьма много облегчаютъ труды историковъ-прагматиковъ; къ сожалѣнію, русская литература еще очень небогата дѣльными историческими монографіями; большая часть нашихъ историковъ составитъ прежде всего свою систему и потомъ уже по ея мѣркѣ пригонитъ историческіе факты; впрочемъ, объ этомъ столько разъ уже было говорено г. редакторомъ Москвитянина, что повторять старое какъ-то неловко, хотя есть такія истины, которыя не мѣшало бы иногда повторять!

Современникъ, вмѣнившій себѣ въ обязанность обозрѣвать всѣ губернскія вѣдомости, счелъ долгомъ указать своимъ читателямъ на Дневникъ княжны Одоевской, сочиненія г. Игнатьева, а умолчалъ объ его истинно замѣчательныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же вѣдомостяхъ. Мы бы совѣтывали г. Игнатьеву, дополнивъ настоящую статью, перепечатать ее въ какомъ-нибудь журналѣ, имѣющемъ большій кругъ читателей; желательно также, чтобъ г. Игнатьевъ собралъ когда-нибудь всѣ свои статьи и матеріалы, и издалъ ихъ отдѣльной книгой: мы увѣрены, что, при настоящемъ расположеніи читающей публики къ историческимъ сочиненіямъ, книга его не залежалась бы.

Изъ матеріаловъ приведемъ любопытнѣйшій—о присылкѣ изъ Новгорода въ Петербургъ древностей. «Понеже извѣстно, что вновѣгородѣ, встенѣ надъ кукуйскими воротами, внепокрытой казармѣ, многие до древности принадлежащие, собраные о россійскомъ народѣ книги, исторіи и описаніи и протчие всякие древние письма. Того рада повелѣваемъ вамъ оные письма, по полученіи сего, изъ оной казармы всѣ безызятія выбравъ, втой казарме осмотрѣть вамъ самимъ іпокласть въ ящики, и тѣ ящики увязать цыновками и запечатавъ отправить впокрытомъ судне ссимъ посланнымъ, лейбъ-гвардіи капраломъ Лаврентьемъ Ешуковымъ, внемедленномъ времени, а воскольких ящикахъ и котораго числа оные писма отправлены будутъ, репортовать». Подлинный подписали Андрей Остерманъ, Павелъ Ягужинскій и князь Василей Черкасской.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію оригинальныхъ статей 1850 года. Статья, которою начаты наши вѣдомости за 1850 г., весьма кстати и у мѣста, это—*1 января 1700 года* (N 1). Въ ряду преобразованій, предуготовлявшихъ новую политическую жизнь для Россіи, указъ Государя Петра Великаго отъ 20 декабря 1699 г. о

Digitized by Google

празднованіи и счисленіи на будущее время Новаго года не съ 1 сентября, а съ 1 января, долженъ занять не послѣднее мѣсто: ничто такъ сильно не могло подѣйствовать на умы современниковъ, какъ этотъ указъ. День Симеона Лѣтопроводца (1 сентября), кромѣ освященнаго временемъ обычая, былъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ днемъ для нашихъ предковъ: къ этому времени были пріурочиваемы всѣ важнѣйшія правительственныя распоряженія и дѣйствія, какъ-то: сборъ податей, отчетность по судебнымъ и др. присутственнымъ мѣстамъ, сроки отпусковъ служилыхъ дворянъ и пр. Въ государствѣ земледѣльческомъ по преимуществу, какимъ была и есть Россія, счисленіе Новаго года отъ 1 сентября дѣйствительно болѣе сообразно съ законами природы, чѣмъ съ 1 января; но *обычай деспотъ межъ людей*; государства, опередившія насъ въ образованности, вели другой порядокъ лѣтосчисленія, и мурдый преобразователь, желая пріурочить свою Россію къ семьѣ европейскихъ государствъ, рѣшился прежде всего сгладить угловатыя наружныя формы старинной русской жизни, чтобъ онѣ не бросались въ глаза иноземцамъ. Къ числу этихъ-то угловатостей принадлежало и времясчисленіе отъ сотворенія міра и съ 1 сентября. Трудно было привыкнуть къ новому порядку вещей, но державная воля Великаго Монарха была исполнена. Г. Игнатьевъ описываетъ празднованіе Новаго, 1700, года въ Москвѣ и въ другихъ городахъ Россіи, основываясь на указахъ Царя и запискахъ Голико а; послѣ того авторъ переходитъ къ особенностямъ празднованія Новаго года въ Новгородѣ, которыя состояли въ слѣдующемъ: въ этотъ день, въ крѣпости, передъ Софійскимъ соборомъ, устроивалось особое возвышенное мѣсто, *на немъ же лѣто начинать*, какъ сказано въ рукописномъ уставѣ, откуда г. Игнатьевъ заимствовалъ матеріалы для настоящей статьи. По окончаніи обыкновеннаго молебствія митрополитъ Новгородскій всходилъ на этотъ помостъ, и, обращаясь къ народу, возглашалъ многолѣтіе царствующему Государю, Государынѣ и всѣмъ членамъ царскаго семейства, потомъ святѣйшему патріарху; за тѣмъ, обращаясь къ царскому намѣстнику, говорилъ и ему многолѣтіе со всѣмъ семействомъ. Намѣстникъ отвѣчалъ тѣмъ же митрополиту. Послѣ того всходилъ на возвышеніе кто-нибудь изъ старшихъ духовныхъ лицъ въ Новгородѣ, обыкновенно же юрьевскій архимандритъ, и провозглашалъ многолѣтіе митрополиту. Послѣ архимандрита царскій намѣстникъ на томъ же мѣстѣ говорилъ общее многолѣтіе и заключалъ его обращеніемъ ко всему православному люду: будьте здравы людіи Боговы да Государевы на многія лѣта»! Въ этотъ день раздавалась бѣднымъ

Digitized by Google

милостыня и нерѣдко прощались преступники, «да начнутъ новое лѣто милосердіемъ».

Краткое историческое описаніе Новгородскаго Дѣтинца или Крѣпости (N 2, 3, 4, 7, и 10). Авторъ начинаетъ статью слѣдующимъ образомъ: «если мы признаемъ кремль Московскій сердцемъ Руси, то здѣшній дѣтинецъ былъ также нѣкогда сердцемъ великаго Новгорода. Здѣсь заключается вся святыня вѣры, вся жизнь народная. Если мы изложимъ всю бытопись Новгородскаго кремля, то этимъ самымъ выскажемъ цѣлую народную исторію въ продолженіи многихъ вѣковъ, среди множества событій. Много страшныхъ политическихъ бурь прогремѣло надъ вѣковыми твердынями Новгородскаго дѣтинца; судьба народа измѣнялась, но онъ остался все тѣмъ же: онъ все тотъ же безмолвный свидѣтель минувшаго, самовидѣцъ дѣлъ свѣтлыхъ и темныхъ, славныхъ и безславныхъ». Все это такъ, только представленный г. Игнатьевымъ, историческій очеркъ черезъ чуръ уже кратокъ: онъ, такъ сказать, скользитъ только на поверхности событій, не касаясь ихъ причинъ и не всегда представляя ихъ послѣдствія. Этотъ очеркъ есть ничто иное, какъ переложеніе на современный языкъ разсказовъ лѣтописей, безъ критическаго обсужденія ихъ внутренняго смысла; лѣтописецъ часто передаетъ намъ одинъ ходъ, либо результаты событій, иногда даже онъ на него только намекаетъ, не желая, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, разсказать событіе во всей его подробности; дѣло историка выяснить эти недомолвки лѣтописца и представить въ ясномъ и приличномъ свѣтѣ историческое происшествіе. Впрочемъ, этотъ недостатокъ можетъ быть приписанъ только первой половинѣ историческаго описанія; вторая же написана въ размѣрѣ удовлетворительномъ для подобнаго рода сочиненій; особенно живо и занимательно изложенъ ходъ событій во время шведскаго разоренія 1613 г. Эта статья г. Игнатьева, подобно многимъ другимъ его сочиненіямъ, не изъята нѣкоторыхъ частныхъ недостатковъ. Такъ, ссылки на источники, дѣлаемыя авторомъ, почти всегда невѣрны, и какъ будто поставлены у него для приданія большей важности сочиненію, а не для того, чтобъ дать возможность читателю повѣрить слова автора; еще оригинальнѣе дѣлаетъ г. Игнатьетъ, ссылаясь на архиръ консисторіи и на неизданную лѣтопись Молотковскую. Допустить подобныя ссылки можнобъ было въ такомъ только случаѣ, еслибъ авторъ приводилъ *подлинныя* слова акта или лѣтописи, а это онъ не всегда соблюдаетъ. Филологическія толкованія словъ: *долбежникъ*, *Кукуевская* башня, *водяные* ворота, и др., мало убѣдительны и едва ли спра-

Digitized by Google

ведливы; первое онъ производитъ отъ слова *долбня* (палка, посохъ), съ которою, будтобы, Новгородцы любили прогуливаться; второе отъ голландскаго слова codde-смотри; а водяные ворота названы, по его мнѣнію, оттого, что служили мѣстомъ выхода на рѣку въ случаѣ осады крѣпости, между тѣмъ какъ въ лѣтописи сказано, что они назначены были для прохода на рѣку во время водосвященія, «которое совершалось прежде ежемѣсячно; тутъ же, на берегу, для этой цѣли существовалъ въ прежнее время и теремецъ, на что есть также указаніе въ лѣтописи. Прибавимъ къ случаю, что и въ настоящее время *долбежникъ* употребительно здѣсь въ смыслѣ упрямецъ, кто хочетъ настоять на своемъ, твердитъ (долбитъ) одно и тоже. Г. Игнатьевъ имѣетъ ошибочное понятіе объ избраніи владыкъ въ Новгородѣ; такъ, описывая побудительныя причины несогласія Іоанна III съ Новгородомъ, авторъ говоритъ: «въ Москвѣ духовенство проклинало Новгородцевъ, и благословляло Іоанна казнить строптивыхъ рабовъ. Новгородцы, всегда зависѣвшіе отъ Москвы по дѣламъ церковнымъ, были тогда безъ владыки: не задолго предъ этимъ скончался архіепископъ ихъ Іона. Не смѣя отнюдь просить тогда митрополита о постановленіи на мѣсто Іоны новаго архипастыря Новгороду, Новгородцы спѣшили сами избрать себѣ новаго владыку. Собравшись въ дѣтинецъ для совѣщанія, они положили нѣсколько жребіевъ съ именами достойныхъ на архіерейскую каѳедру, на главный престолъ Софійскаго храма. Жребій палъ на простаго Іеродіакона Николаевскаго Вяжицкаго монастыря, Ѳеофила, котораго нарѣкли тогда владыкою Новгорода, и ввѣрили судьбу народа въ настоящее смутное время, отлагая посвященіе его до окончанія войны: всѣ были твердо увѣрены, что Великій Князь Московскій покончитъ съ ними по старинѣ». Изъ этихъ словъ видно, что г. Игнатьевъ признаетъ избраніе Ѳеофила случаемъ исключительнымъ, тогда какъ подобная форма избранія владыкъ была обыкновенною въ Новгородѣ до временъ Іоанна III; для доказательства нашихъ словъ укажемъ на избраніе Мартирія въ 1193 г, Спиридона въ 1229 г., Алексѣя въ 1319 г, Іоанна въ 1388 г. Симеона въ 1415 г. Ѳеодосія въ 1421 г. (см. I Нов. лѣт.). Прибавимъ еще, что жребіевъ съ именами достойныхъ клали на престолъ Софійскаго собора не *нѣсколько*, а только три; протопопъ выносилъ сперва одинъ свертокъ съ именемъ и читалъ его вѣчу, потомъ другой; тотъ же, чье имя оставалось на престолѣ, и былъ объявляемъ владыкою, несмотря на его санъ духовный; онъ могъ быть и простымъ чернецомъ и даже бѣлымъ священникомъ, каковыми были напр. Іоаннъ и Григорій Калѣка.

Digitized by Google

Жребій вынимали иногда, кромѣ протопопа, и другія лица, такъ при избраніи Мартирія 1193 г. жребіи вынималъ какой-то слѣпецъ, высланный съ вѣча, а Спиридона младенецъ князь Ростиславъ. Случалось и такъ, что нареченный владыка оставался по нѣскольку лѣтъ безъ посвященія, и даже не бывалъ вовсе посвящаемъ въ санъ архіерея, какъ напр. Ефремъ, Ѳеодосій, бывшій игуменъ Клопскаго монастыря, Арсеній, монахъ хутынскаго монастыря и др. Вообще вся эта статья сшита, какъ говорится, на живую нитку.

Слѣдующая, третья, статья г. Игнатьева носитъ названіе: Древніе памятники Новгородскаго Дѣтинца (NN 12, 13, 14, 18, 22 и 25). Заглавіе этой статьи не соотвѣтствуетъ содержанію: ее слѣдовало бы назвать: древніе памятники Новгородскаго Софійскаго собора, потому что, кромѣ собора и находящихся въ немъ памятниковъ древности, авторъ не касается никакого другаго памятника крѣпости; но несмотря на неправильное заглавіе, несмотря на неполноту нѣкоторыхъ мѣстъ описанія, мы считаемъ эту статью лучшею изъ всѣхъ, какія только написалъ г. Игнатьевъ о Новгородѣ. Софійскій соборъ съ его гробницами князей и святителей можетъ по справедливости быть названъ Вестминстеромъ Новгородской республики. Авторъ предлагаетъ біографіи епископовъ, архіепископовъ и митрополитовъ, почившихъ подъ сѣнію св. Софіи, а также и тѣхъ святителей, которые вслѣдствіе политики или собственнаго желанія упокоились въ другихъ обителяхъ, но которые управляли Новгородскою паствою; не оставлена безъ вниманія и жизнь князей, избравшихъ своею усыпальницею храмъ св. Софіи,—такъ что бо́льшая часть настоящаго сочиненія г. Игнатьева есть рядъ жизнеописаній замѣчательныхъ лицъ, жизнеописаній, въ которыхъ живо и занимательно изображена почти вся исторія Новгорода; затѣмъ остальная, меньшая часть статьи, посвящена поверхностному обозрѣнію стѣнной и иконной живописи собора, его украшеній внѣшнихъ и внутреннихъ, перестроекъ, достопримѣчательностей ризницы и библіотеки. Порядокъ, принятый авторомъ для обозрѣнія святыни и древностей, не хронологическій, но описательный, и потому не очень удобенъ для читателя, но зато пригоденъ для посѣтителя, который бы пожелалъ разсматривать памятники такъ, какъ они размѣщены въ настоящее время въ храмѣ; для такого посѣтителя настоящая статья можетъ служить прекраснымъ руководителемъ по Софійскому собору. Крайне жаль, что ризница и библіотека собора оставлены почти безъ вниманія авторомъ, между тѣмъ какъ полное описаніе ихъ могло бы быть крайне любопытнымъ; впрочемъ мы надѣемся, что г. Игнатьевъ

Digitized by Google

сдержитъ свое обѣщаніе и дополнитъ современемъ настоящую статью. Укажемъ теперь и на недостатки статьи. Авторъ пишетъ: архіепископъ Мартирій происходилъ отъ *благородныхъ* родителей, по фамиліи *Рушаниныхъ*. Неизвѣстно, отъ какихъ родителей происходилъ Мартирій, а слово Рушанинъ значитъ урожденецъ города Старой *Русы*: странный недосмотръ! Жизнь митрополита Іова, современника Петра Великаго, заслуживаетъ большаго вниманія со стороны автора: Іовъ былъ замѣчательнѣйшимъ лицемъ своего времени; Петръ I-й всѣ распоряженія его ставилъ въ образецъ по другимъ епархіямъ. Не говоря вообще о заслугахъ Іова, упомянемъ только, что онъ своимъ иждивеніемъ основалъ въ Новгородѣ нѣсколько духовныхъ училищъ, изъ коихъ одно было преобразовано впослѣдствіи въ семинарію; учредилъ богадѣльни для вдовъ, сиротъ и престарѣлыхъ воиновъ, и всѣ это содержалъ собственными средствами; наконецъ, добрый архипастырь самъ, какъ простой работникъ, трудился при устроеніи бастіоновъ и копаніи рвовъ, когда Петръ Великій, послѣ пораженія своего при Нарвѣ, рѣшился привести въ оборонительное положеніе ветхія твердыни Новгорода. Обо всемъ этомъ грѣшно было бы умалчивать въ статьѣ, посвященной жизнеописаніямъ новгородскихъ іерарховъ. Вотъ еще замѣчательный отрывокъ изъ настоящаго сочиненія г. Игнатьева объ Іоакимовской лѣтописи: «Да будетъ же благословенна и достохвальна для потомства память первосвятителя Іоакима, мирно почившаго послѣ многолѣтнихъ подвиговъ вѣры! Настало потомъ время,—и прахъ его возмутился историческимъ громомъ и филологическими распрями нашихъ ученыхъ: говорю о томъ времени, когда Татищевъ предъявилъ ученому міру о какой-то лѣтописи Іоакимовой, и вотъ *совопросники вѣка сего*, и въ главѣ ихъ Карамзинъ, всѣ пришли въ движеніе: умы и перья писателей (которыя, что мечи, обоюду остры, не смотря на то, что мертвые срама не имутъ), все вооружилось на опроверженіе мнимой лѣтописи, такъ безбожно приписываемой Іоакиму. Вотъ мнѣніе Карамзина объ этомъ: «сію шутку многіе приняли за истину и начали говорить о лѣтописцѣ Іоакимѣ. Слогъ сей лѣтописи есть новый и т. д.» Все это справедливо, какъ и сказаніе этой лѣтописи о томъ, что супруга В. Кн. Владиміра Святаго, Анна, была Болгарская Царевна, а не сестра Византійскихъ императоровъ Василія и Константина, когда это утверждено всѣми современными историками, не только Византійскими, но Нѣмецкими и даже Арабскими. Но вотъ и я скажу здѣсь свое мнѣніе; можетъ быть оно и ново, но основано на довольномъ изученіи мѣстности Новгородскаго края. Татищеву дѣйствительно могъ достаться списокъ лѣтописи, но-

Digitized by Google

сящій названіе Іоакимовскаго, который во многихъ мѣстахъ разнствуетъ въ своихъ сказаніяхъ противъ Нестора, и къ тому же, наполненный легендами, этотъ списокъ могъ быть пріобрѣтенъ (какъ писалъ Татищевъ) отъ какого-то архимандрита Мельхиседека, которому онъ достался какъ нибудь отъ старообрядцевъ. А между ними здѣсь нѣкоторые донынѣ имѣютъ списки Новгородскихъ лѣтописей подъ разными названіями, приписываемые разнымъ писателямъ. Между ними-то случалось встрѣчать списки лѣтописей, будто бы писанные Максимомъ Грекомъ, вовсе незнакомымъ съ мѣстною Новгородскою исторіею, и Іоакимомъ. Въ этомъ случаѣ я вызываю всякаго желающаго на опытѣ повѣрить добросовѣстность моего мнѣнія, и *тогда уже бросить въ меня пращею историческаго злословія; но, кажется, оно сокрушится о булатъ справедливости; бросая мой вызовъ, я смѣло ожидаю своего противника.* Далѣе, не обращая вниманія на всю нелѣпость этихъ мнимыхъ лѣтописей и невѣжество искажающихъ ихъ переписчиковъ, я рѣшительно утверждаю, что лѣтопись, подъ названіемъ Іоакимовской, могла какъ нибудь достаться Татищеву, несмотря на то, что владѣльцы рѣдко дѣлятся своими рукописями съ людьми, не принадлежащими къ ихъ мнѣніямъ. Страсть придавать всему видъ глубокой древности побуждаетъ къ тому такъ называемыхъ нашихъ старообрядцевъ, и они готовы приписывать какому угодно извѣстному лицу трудъ иконописанія, и вотъ этимъ-то случаемъ явилось въ свѣтъ извѣстіе о лѣтописи Іоакимовой. Да, говоря о спискахъ, что есть здѣсь нѣсколько неизданныхъ, которые мѣстами разнствуютъ противъ извѣстныхъ, нельзя не упомянуть о хранящемся въ здѣшнемъ Николаевскомъ соборѣ, писанномъ въ пол-листъ, и, какъ видно по самымъ буквамъ, недалѣе царствованія Петра Великаго; многія мѣста его дѣйствительно повѣствуютъ иначе о многихъ событіяхъ; въ окончаніи сказано, что этотъ списокъ есть списокъ съ другаго; но много есть подобныхъ, находящихся болѣе у частныхъ лицъ. Многія изъ здѣшнихъ церквей имѣли свои списки, что служитъ доказательствомъ грамотности здѣшняго духовенства. Эти списки большею частію утеряны; но выписки изъ нихъ еще имѣются при нѣкоторыхъ изъ церквей. И такъ Татищевъ можетъ быть виновенъ въ томъ, что повѣрилъ на слово Іоакимовской лѣтописи, но едвали желалъ онъ подлогу или имѣлъ какой нибудь другой ученый умыселъ.» Во-первыхъ, тонъ этого эпизода вовсе неприличенъ и неумѣстенъ въ статьѣ серьезнаго содержанія; если г. Игнатьеву хотѣлось непремѣнно повѣдать свѣту свое мнѣніе о происхожденіи Іоакимовской лѣтописи, то онъ могъ внести его въ примѣчанія,

Digitized by Google

а не вводить въ рамку разсказа. Во-вторыхъ, *совопросники вѣка сего и въ главѣ ихъ Карамзинъ* стремились доказать, и, кажется, доказали *подложность* Іоакимовской лѣтописи, а не разыскивали лице, сдѣлавшее подлогъ: все равно, Татищевъ ли его сдѣлалъ, или кто-нибудь изъ старообрядцевъ,—дѣло не въ имени, а въ самомъ фактѣ. Татищевъ тутъ виноватъ только въ томъ, что самъ поддался на обманъ, и рѣшился обнародовать лѣтопись, подложность которой, можетъ быть, самъ сознавалъ (*). Въ-третьихъ, касательно лѣтописи Никольскаго собора замѣтимъ, что она писана едвали въ царствованіе Петра Великаго; по нашему мнѣнію, она составлена въ концѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе императрицы Екатерины II-ой; это позднѣйшая компиляція изъ Софійскаго Временника, Гизелева Синопсиса и другихъ извѣстныхъ компиляцій; мѣстъ, неизвѣстныхъ по другимъ спискамъ лѣтописей, въ ней весьма мало. Впрочемъ, если г. редактору Москвитянина угодно будетъ удѣлить мѣсто въ своемъ журналѣ для варіянтовъ какъ этой, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, извѣстныхъ мнѣ рукописныхъ сборниковъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ въ Новгородѣ, то я доставлю ему современемъ эти свѣденія (**). Наконецъ, въ-четвертыхъ, этотъ отрывокъ невольно напоминаетъ собою Дневникъ... и извѣстный стихъ дѣдушки Крылова....

Послѣдняя оригинальная статья въ губернскихъ вѣдомостяхъ 1850 г. есть «Андрей Юрьевичъ Боголюбскій» (N 36, 38, 40 и 42). Статья эта вмѣстѣ съ осадою Новгорода 1170 г., помѣщенною въ прошломъ году, объемлетъ политику и дѣйствія Боголюбскаго относительно Новгорода; при всемъ томъ она есть не болѣе, какъ отрывокъ изъ полной исторіи Боголюбскаго, составленной г. Игнатьевымъ; мы оставляемъ разборъ этого отрывка до появленія въ свѣтъ всего сочиненія, обѣщаннаго еще въ 1849 г. въ двухъ томахъ. Справедливость требуетъ, однакожъ, замѣтить, что послѣ того, что̀ сдѣлано г. редакторомъ Москвитянина для біографіи этого замѣчательнаго лица Русской исторіи, послѣ того, какъ приведена въ ясность самая запутанная часть изслѣдованій, т. е. хронологія, уже не трудно идти другимъ по расчищенной дорогѣ. Впрочемъ г. Игнатьевъ обѣщаетъ сказать *свое* мнѣніе, какъ о Боголюбскомъ, такъ и объ удѣльной системѣ: qui vivra—verra.

Пересмотримъ теперь матеріялы, помѣщенные въ теченіе 1850; г.

(*) О подложности—еще вопросъ. *Ред.*

(**) Москвитянинъ будетъ очень благодаренъ за такую статью, но она, кажется, заняла бы приличнѣе мѣсто въ трудахъ нашего историческаго общества. *Ред.*

Digitized by Google

Всѣ они доставлены въ редакцію отъ г. Игна[illegible]е изъ нихъ очень любопытны. 1) Извлеченіе изъ явочной книги Новгородской приказной палаты (NN 8 и 11). Изъ этихъ грамотокъ сдѣлаемъ маленькую выписку, изъ закладной, въ которой видѣнъ костюмъ тогдашнихъ щеголей (1674 г.): «іверскаго монастыря стряпчей Петръ Марковъ заложилъ ему платья своего: кафтанъ отласный красный скозыремъ, пуговицы серебреныя золоченыя, да ферязи,—они крыты дорогами красными спухомъ, запанки шелку зеленаго, у кистей перевивано золотомъ; да охабень изуфряной темнозеленый, нашивка накладная, пуговицы серебряныя золоченыя; шапка соболья, вершокъ чернаго сукна; да партище сукна кармазину вишневаго полпята аршина, да палатку верхъ пестрятиной хлопчатые бумаги, а полы полотняные браные; а денегъ за тотъ ево закладной животъ взялъ онъ Петръ у него сорокъ рублевъ и т. д.» 2. Выпись изъ дѣла помѣстнаго приказа о покупкѣ патріархомъ Никономъ въ 1653 году у стольника князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго родовыхъ его вотчинъ, находящихся въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Деревской пятинѣ: сельца Рахинъ Мостъ, усадища Плоскаго и деревни Зарѣчья съ пустошами (N 11). Эта грамота замѣчательна тѣмъ, что въ ней самъ царь называетъ Никона великимъ государемъ, тогда какъ присвоеніе этого титула вмѣнялось ему въ преступленіе. Еще мы встрѣтили здѣсь выраженіе: въ той вотчине отхожихъ селъ, и деревень и починковъ и пустошей и селищъ и займищъ, і внихъ дворовъ и во дворехъ людей поименомъ, и мѣстъ дворовыхъ, и пашни, и сѣна, и лѣсу, и рыбныхъ ловель, и звѣриныхъ стоялъ и бобровыхъ гоновъ, рекъ и озеръ, и вспудовъ, и перевезей, и отхожихъ поженъ и всякія угодья и т. д.» Изъ этихъ словъ видно, что въ тѣ поры водились еще въ Новгородскомъ уѣздѣ бобры. 3. Сказаніе о побоищѣ православнаго христолюбиваго воинства со зловѣрными Нѣмцы и Литвой на Усть рѣцѣ, идеже Весь Бѣлая (N 23). Это отрывокъ изъ Молотковской лѣтописи, нѣсколько поясняющій и дополняющій извлеченіе изъ рукописи объ осадѣ Тихвинскаго монастыря, въ 1613 г., приложенное къ III тому Полнаго собранія лѣтописей. Замѣчательное выраженіе этого витіеватаго отрывка: «нача бо (Михаилъ Ѳеодоровичъ) правити мудро мудрокормный карабль царствія». 4. Грамота царя Василія Іоанновича Шуйскаго, данная въ 1609 г. устюжской приходской Крестовоздвиженской церкви, о пожалованіи денежной и хлѣбной руги, да о мѣстной праздничной свѣчѣ (N. 28). Грамота обыкновеннаго содержанія. 5. Сказаніе о блаженномъ преставленіи великаго государя, царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича, всея Россіи. Отрывокъ изъ Молотков-

Digitized by Google

ской лѣтописи (N 32). Этотъ панегирикъ писанъ по всей вѣроятности кѣмъ-нибудь изъ духовныхъ того времени, которымъ вообще благодѣтельствовалъ царь Борисъ. Вотъ какъ неизвѣстный панегиристъ восхваляетъ царя: «Любезенъ же бываетъ царю Ѳеодору шуринъ его, яко правитель мудръ и милосердецъ, нищія питая, обидимыя поборая, яко бо Саулъ царь Израиля, повинныя повсегда милуя и неповинныя любляше, яко отецъ сирымъ бяше, яко исполнитися писанію: вмалѣ былъ вѣренъ, надъ многими поставленъ, въ радость Господа своего вниде, и иному писанію глаголющу: око слѣпымъ, нога хромымъ, столпъ и страхъ и мѣрило, извѣстно къ свѣту права подвластныя, отъ Вышняго Промысла правленіе пріимъ роду человѣческу, всяко смятеніе міра исправляше, высокопарный орелъ, огнь попаляя нечестія, баня омывающая скверну, гумно чистотѣ, вѣтръ плевелу, одръ по Бозѣ трудившимся, трубо спящимъ, воевода мирный, вѣнецъ побѣды, плавающимъ пристанище, кораблю богатству, на враги оружіе, стѣна ненарушима, мечь ярости, зломыслящихъ сѣть, степень неразрушимымъ, зерцало житія, съ Богомъ все творя». Вотъ заключеніе панегирика: «паки реку, како бысть люти дни тыя, егда преставися сей великій государь царь и великій князь Борисъ Ѳеодоровичъ всея Руссіи, паче рещи, зліи быша дни тыя, нехошу же братія повѣствовати, почто быша смути велиціи на Руси по честнѣй, праведнѣй и блаженнѣй его кончинѣ: по слову писанія, кладу перстъ во устнѣ моя, яко удобіе молчанію есть, паче нежели глаголамъ. Воистинну реку, кто не восплачетъ зря его отъ насъ блаженное представленіе! кто убо пребудетъ чуждъ тыя велицей печали и каковаго лишихомся властителя и благокормчаго земли Руськой правителя, попечителя добрымъ добра, орла высокопарнаго, вся премудростію и благостію полезная строя. О Господи Боже! Вся бо премудростію строя, пріими убо во царствіи своемъ въ мирѣ сего благаго правителя и царя христіанска, и сопричти его къ твоему избранному стаду, достоинъ бо сей есть во вся времена пѣти тебѣ со гласы благоугодившими въ вѣчномъ, неизглаголанномъ царствіи твоемъ». 6. Выпись изъ окладныхъ и дозорныхъ книгъ Новгородскаго дворцоваго приказа, данная 1694 г. бывшему Воскресенскому дѣвичьему монастырю на землю и угодья (N. 37). Кромѣ мѣстнаго интереса, не представляетъ ничего особеннаго. 7. Грамота царя Михаила Ѳеодоровича, данная въ 1613 году московскимъ торговымъ людямъ гостиной сотни на освобожденіе ихъ отъ разныхъ податей и повинностей за ихъ вѣрность и осадное сидѣнье въ войну съ Польшею (N. 51). Г. Игнатьевъ нашелъ списокъ этой грамоты въ старорусской городской думѣ; подлинникъ же ея находится, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ Москвѣ.

Digitized by Google

Прошедшій 1851 годъ начался не очень счастливо для здѣшнихъ вѣдомостей: первая ихъ половина не заключала въ себѣ ни одной оригинальной статьи, исключая двухъ писемъ въ редакцію: 1, о благотворительномъ концертѣ въ Новгородѣ г. А. Д. (N 12), и 2, о троичномъ бѣгѣ въ Тихвинѣ, г. Бровцына (N 21); мы уже думали, что единственный вкладчикъ нашихъ вѣдомостей, г. Игнатьевъ, пересталъ для нихъ трудиться; но вторая половина обрадовала насъ, тѣмъ болѣе потому, что, кромѣ статей г. Игнатьева, стали появляться статьи и новыхъ сотрудниковъ. Перечислимъ сперва эти статьи: 1) о солнечномъ затмѣніи 16 іюля 1851, наблюденія И. Лесневскаго (N 27 и 31), 2) о числѣ концовъ въ древнемъ Новгородѣ, И. Красова (N 34), 3) Паломникъ, или указатель святыни и древностей города Новгорода и его окрестностей, іеромонаха Пл. Шишкина (N 40, 42, 43, 47 и 50), 4) Краткое историческо-археологическое описаніе Новгородской Спасъ-Нередицкой церкви (N 29 и 30), 5) Матеріялы для исторіи русскаго иконописанія до конца XVII вѣка (N 32, 41, 42 и 44), 6) Сельскія школы Новгородской губерніи, въ селеніяхъ Померанѣ и Чудовѣ; старинная Новгородская пѣсня (N 41 и 49). Послѣднія три статьи принадлежатъ г. Игнатьеву. Изъ поименованныхъ здѣсь статей мы не будемъ разсматривать «О числѣ концовъ въ древнемъ Новгородѣ» и «Сельскія школы Нов. губерніи», потому что первая составляетъ отрывокъ изъ напечатаннаго здѣсь впослѣдствіи сочиненія г. Красова «О мѣстоположеніи древняго Новгорода», которое уже было разобрано нами въ 23 N Москвитянина за прошлый годъ; вторая же, не заключая въ себѣ ничего замѣчательнаго, напечатана и въ Сѣверной Пчелѣ. За тѣмъ разсмотримъ прочія статьи. *Наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ* г. Лесневскаго изложены очень занимательно. Въ первой статьѣ объяснены причины затмѣнія и указаны предметы въ природѣ, на которые въ это время должны обращать вниманіе наблюдатели; вторая же статья заключаетъ въ себѣ описаніе дѣйствительнаго наблюденія автора. Такъ какъ Новгородская губернія находилась внѣ линіи узловъ, образуемыхъ пересѣченіемъ лунной орбиты съ плоскостію эклиптики, то и должно было отказаться намъ отъ удовольствія видѣть полное затмѣніе; здѣсь было видимо большое частное. Инструменты, которыми пользовался г. Лесневскій, были: 1) компасъ Шеделя, величиною въ столовую тэрелку, основанный на трехъ нивеллирныхъ винтахъ, имѣвшій два взаимно перпендикулярные ватерпаса, вдѣланные въ серебряную доску бусоли; 2) небольшой компасъ съ флюгеромъ для опредѣленія направленія вѣтровъ и для повѣрки времени; 3) зрительная труба Адамса, и

Digitized by Google

4) сильный рефракторъ, которымъ, впрочемъ, не пользовался г. Лесневскій, потому что отказался отъ намѣренія вводить свои наблюденія въ математическія вычисленія. Для наблюденія надъ состояніемъ температуры были у автора два термометра, выставленные одинъ на сѣверъ, другой на югъ. Утро 16 іюля было пасмурное, южный вѣтеръ легонько поднималъ тучевыя облака надъ горизонтомъ, все предвѣщало бурю; но къ полудню погода перемѣнилась, а къ $3^1/_2$ часамъ небо почти совершенно очистилось и дало возможность насладиться любытнымъ явленіемъ природы. Начало затмѣнія записано у автора въ 4 часа 25 мин., конецъ въ 6 ч. 24 м., но этого времени не должно считать положительно вѣрнымъ, потому что точное среднее мѣстное время не могло быть опредѣлено авторомъ. Термометръ опустился съ 24° на 15° въ 5 ч. 30 м. Для нагляднаго поясненія приложенъ къ статьѣ рисунокъ фазовъ затмѣнія.—*Паломникъ* іеромонаха Шишкина подобенъ указателю г. Игнатьева, изданному отдѣльной брошюрой въ прошломъ году, но изложенъ нѣсколько подробнѣе и отчетливѣе. Польза подобныхъ указателей несомнѣнна. Желательно, чтобъ этотъ Паломникъ былъ дополненъ описаніями окрестныхъ достопримѣчательностей Новгорода и изданъ отдѣльной книгой въ маломъ форматѣ: только тогда онъ и достигнетъ цѣли, которая опредѣляется его названіемъ. Къ этой статьѣ приложено два хорошихъ рисунка Софійскаго собора и два плана (верхняго и нижняго ярусовъ) того же собора.—*Краткое историческо-археологическое описаніе Новгородской Спасъ-Нередицкой церкви г. Игнатьева.* Историческая часть описанія этой церкви рѣшительно не вѣрна. Авторъ говоритъ: «слово Нередица означаетъ мѣсто, непринадлежащее къ городу, тогда какъ близъ лежащее с. Городище не только входило въ составъ г. Новгорода, но, принадлежа къ Славянскому концу его, было мѣстопребываніемъ князей Новгородскихъ». Почему слово *Нередица* означаетъ мѣсто, не принадлежащее къ городу, этого никакъ нельзя понять, потому что авторъ не представилъ филологическаго пути, по которому онъ дошелъ до такого сближенія словъ *Нередица* и *городъ*. Любопытно было бы также знать, откуда г. Игнатьевъ заимствовалъ извѣстіе, что городище принадлежало къ городу, и еще къ Славянскому концу? Лѣтопись намъ говоритъ противное: см. III Новг. годы 6673,7074 и др. Далѣе г. Игнатьевъ говоритъ: «основателемъ церкви былъ Ярославъ Всеволодовичъ князь Новгородскій, устроившій здѣсь мужскій монастырь во имя Преображенія Господня, подъ названіемъ Спасъ-Нередицкаго; это было въ 1196 году» (см. Нов. лѣт. стр. 20)». Напрасно будете искать въ лѣтописи

Digitized by Google

указанное авторомъ мѣсто въ подкрѣпленіе своихъ словъ: ссылка приведена здѣсь для важности. Вотъ что говоритъ первая Новгородская лѣтопись объ этомъ предметѣ: «въ тоже лѣто (6706, т. е. 1198) заложи церковь камяну князь великый Ярославъ, сынъ Володимірь, внукъ Мстиславль, въ имя святаго Спаса Преображенія, Новѣгородѣ, на горѣ, а прозвище Нередицѣ, и начаша дѣлати мѣсяца іюня въ 8, на святого Ѳедора, а концяша мѣсяца сентября.» Стало быть, и годъ основанія и имя основателя церкви, а не монастыря, образовавшагося, вѣроятно, впослѣдствіи, спутаны г. Игнатьевымъ. Спутавши историческіе факты, авторъ не остановился на этомъ, но пріискалъ и отца основателю—Всеволода псковскаго; вотъ что говоритъ онъ далѣе: «здѣшнее настѣнное письмо изображаетъ болѣе событія изъ жизни святаго князя Всеволода Псковскаго, *отца основателя* Нередицкой церкви, князя Ярослава.» Вообще вся историческая часть статьи написана небрежно; видно, что авторъ, не имѣя подъ рукою лѣтописей, писалъ на память, придумавъ ссылки для довѣрчивыхъ читателей. Часть археологическая, т. е. описаніе иконъ, утвари и пр., должно полагать, отдѣлана отчетливѣе, хотя и здѣсь попадаются слишкомъ смѣлыя предположенія, напр.: «на хорахъ сохранилось довольно замѣчательное изображеніе семейства какого-то князя. Самъ князь изображенъ среднихъ лѣтъ, брада малая и круглая, очи темныя, на главѣ его шапочка княжеская, опушенная бѣлымъ мѣхомъ; одежда его хитонъ свѣтло-лиловый, на плечахъ мантія княжеская, алая съ гасами, въ рукахъ книга. Княгиня женщина среднихъ лѣтъ, одѣтая въ княжескую синюю шубу, зарукавье желтое, вѣроятно, золотое: на головѣ ея убрусецъ бѣлый. Далѣе стоитъ пять фигуръ мужескихъ, всѣ онѣ молоды, послѣдній изъ нихъ младенецъ, на всѣхъ длинные кафтаны синіе съ петлицами желтыми, пояса желтые съ бахрамой, на головахъ высокія полуовальныя шапки, синія жъ, сапоги полуовальные, красные. Очень жаль, что далѣе рисунокъ забѣленъ. Сходство этого рисунка съ первымъ листомъ Воскресенскаго или Святославова Сборника, хранящагося въ Московской оружейной палатѣ, до того велико, что можно принять его за вѣрный списокъ; но удивительно, почему именно художнику вздумалось изобразить семейство князя Святослава въ клеймахъ настѣннаго писанія Нередицкой церкви». Археологическое Общество, получивъ копію съ этого рисунка, усомнилось въ его подлинности, и потому обратилось къ здѣшнему епархіальному начальству съ просьбою сличить присланный рисунокъ съ церковнымъ: оказалось, что такого рисунка въ Нередицкой церкви не имѣется!.. Въ Нередицкой церкви есть также изображеніе св. Равно-

Digitized by Google

апостольнаго князя Владимира, который, сколько намъ извѣстно, пишется обыкновенно такъ: лицемъ средовѣкъ, брада и волосы русые, вообще вся физіономія чисто славянская, одежда его—малиновая шуба съ гасами, въ правой рукѣ крестъ. Подобное же изображеніе Просвѣтителя Русской земли находится въ часовнѣ Николая Чудотворца, что на крѣпостной стѣнѣ. Спрашивается, откуда иконописецъ могъ знать черты и физіономію св. князя? Положимъ, онъ писалъ по готовымъ образцамъ; но откуда же взялись эти образцы?..

Нельзя не благодзрить г. Игнатьева за добросовѣстное собраніе и обнародованіе *матеріяловъ для исторіи русскаго иконописанія*. Статья эта еще не кончена; мы надѣемся видѣть ея продолженіе въ нынѣшнемъ году. Русская Археологія и Исторія должны, кажется, оставить надежду сдѣлать какія-либо капитальныя для себя пріобрѣтенія въ матеріялахъ, т. е. открытіе неизвѣстныхъ лѣтописей, уставовъ и т. п.: всѣ они почти приведены въ извѣстность и изданы. Теперь должно уже обращать отчетливое вниманіе на историческіе документы меньшей важности, которыми прежде не дорожили, какъ-то: на сборники, надписи, преданія, пѣсни; словомъ, ловить каждый звукъ сѣдой старины. Время и обстоятельства многаго насъ лишили; будемъ же дорожить по крайней мѣрѣ тѣмъ, что еще осталось, чтобъ имѣть возможно-полное понятіе о жизни и дѣлахъ нашихъ предковъ.

Разсмотрѣвъ по возможности подробно неофиціальную часть здѣшнихъ Вѣдомостей за послѣднее трехлѣтіе, сознаемся, что онѣ по богатству историческихъ статей и матеріяловъ, едва ли уступаютъ въ этомъ отношеніи какимъ-либо другимъ; за то прочія отдѣленія, статистическій и этнографическій, въ нихъ, къ сожалѣнію, еще не затронуты. Конечно многое, сообщенное постояннымъ ихъ вкладчикомъ г. Игнатьевымъ, желательно было бы видѣть въ болѣе исправномъ и очищенномъ видѣ, чѣмъ такъ, какъ оно находится въ нихъ теперь; но отдавая должную справедливость трудолюбію и способностямъ г. Игнатьева, не обинуясь скажемъ, что онъ очень смѣлъ въ рѣшеніи историческихъ вопросовъ, увлекается своимъ предметомъ, и потому легко впадаетъ въ ошибки. Замѣчанія, какія намъ пришлось сдѣлать на его статьи, проистекаютъ не изъ желанія найдти въ нихъ что-нибудь ошибочное, которое во всякомъ человѣческомъ трудѣ неизбѣжно, а доказываютъ вниманіе, съ которымъ мы слѣдимъ за его трудами. Мы сочтемъ себя вполнѣ вознагражденными, если г. Игнатьевъ, принявъ къ свѣдѣнію наши замѣчанія, будетъ трудиться съ прежнимъ рвеніемъ, но съ большею осторожностію. Можно имѣть основательную надежду, что наши вѣдомости и въ ны-

Digitized by Google

нѣшнемъ году будутъ столь же занимательны и богаты историческими статьями, какъ и въ предшествовавшіе годы. Статьи, обѣщанныя редакціею для нынѣшняго года, суть: 1. Древности города Бѣлозерска, съ рисунками, іеромонаха Платона Шишкина; 2. Окрестности Новгорода, его же; 3. Митрополитъ Дмитрій Сѣченовъ, г. Игнатьева; 4. Жизнь св. Іоанна Архіепископа Новгородскаго, его же; 5. о пространствѣ древняго Новгородскаго княжества, его же; 6. Шестое января 1515 года въ Новгородѣ, его же, 7. Юридическое право Новгородскаго Софійскаго собора, его же, 8. Церковь Рождества Христова на Поляхъ, или могила князей Долгорукихъ въ Новгородѣ, его же; 9. Городъ Старая Руса и памятники ея древностей, его же. Изъ матеріяловъ редакція обѣщаетъ помѣстить: 1. Духовную грамоту игумена Кирилла бѣлозерскаго; 2. Четыре грамоты Ѳерапонтова монастыря; 3. Письма митрополита Іова къ Петру Великому, Дмитрію митрополиту ростовскому, Стефану Яворскому и другимъ замѣчательнымъ лицамъ временъ Петра I; 4. Опись царскихъ даровъ Кириллову монастырю, данныхъ въ поминъ, и мн. др. Такое заманчивое перечисленіе статей, находящихся въ распоряженіи редакціи, было бы кстати для какого-угодно учено-литературнаго журнала передъ наступленіемъ подписки. Мы дадимъ отчетъ читателямъ Москвитянина объ всѣхъ этихъ статьяхъ въ свое время.

И. КУПРІЯНОВЪ.

Новгородъ.
25 января 1852 г.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ХИМІИ. *В. Реньо.* Переводъ *П. Егорова.* Спб. 1852. Въ 8 *д. л.* 392 стр., съ чертежами.

Это переводъ извѣстнаго сочиненія «Premiers éléments de chimie,» написаннаго членомъ Парижской академіи наукъ Викторомъ Реньо, который принадлежитъ къ числу ученѣйшихъ химиковъ. Сочиненіе его — популярное, но отличается отъ бо́льшей части руководствъ этого рода тѣмъ, что авторъ не пропускаетъ ни одного изъ положеній науки, какъ бы ни трудно, съ перваго раза, казалось оно для неспеціалиста, но объясняетъ каждое самымъ общепонятнымъ образомъ. Ученый переводчикъ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, сдѣлалъ, по совѣту профессора Воскресенскаго, нѣкоторыя отступленія отъ подлинника, отчего книга его немного потеряла въ отношеніи къ полнотѣ, но выиграла въ ясности изложенія. Г. Егоровъ обѣщаетъ въ скоромъ времени издать въ такомъ же видѣ руководство къ органической и технической химіи.

Digitized by Google

НАЧЕРТАТЕЛЬНАЯ ГНОМОНИКА, или легкое и простое указаніе устроивать солнечные часы на всякихъ плоскостяхъ, равно и на кривыхъ поверхностяхъ или окружностяхъ шара и прямаго цилиндра, безъ всякихъ вычисленій. Пер. съ франц. сочиненія Молле. М. 1852. Въ 8 д. л. 58 стр. и 12 л. чертежей.

Не одинъ хронометръ не можетъ съ такою точностію показывать время, какъ хорошо устроенные солнечные часы. Но устройство ихъ требуетъ особенныхъ познаній, которыя желающіе могутъ найдти въ Гномоникѣ Молле, изрядно переведенной на русскій языкъ.

УСТАВЪ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЙ С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОМПАНІИ ДЛЯ ОБЖИГАНІЯ ИЗВЕСТИ. Спб. 1852. Въ 8 д. л. 92 стр.

Предполагаемая компанія будетъ 24-ю въ числѣ существующихъ у насъ по сіе время. Вотъ на какихъ основаніяхъ учреждена она. Обжиганіе извести, по возрастающему числу построекъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, составляетъ важную отрасль мѣстной промышленности. Въ Рюдерсдорфѣ, близъ Берлина, уже нѣсколько лѣтъ устроены для обжига извести печи съ безпрерывною топкою, которыя превосходятъ всѣ существующія для этой цѣли, какъ за границею, такъ и у насъ, и имѣютъ то преимущество, что известь обжигается въ нихъ скорѣе, ровнѣе и чище. Учредители компаніи пріобрѣли привиллегію на эти печи, и полагаютъ приступить къ исполненію своего предпріятія, собравъ капиталъ въ 330 т. р., раздѣленный на 3300 акцій, цѣною каждая во 100 р. с.

АРИѲМЕТИКА И ПРИЛОЖЕНІЕ ПРАВИЛЪ ЕЯ КЪ ВЫКЛАДКАМЪ НА СЧЕТАХЪ. Составилъ *И. Лѣсневскій*. Новгородъ. Въ тип. Мининскаго. 1852. Стр. 64.

ПРИЛОЖЕНІЕ ГИМНАЗИЧЕСКАГО КУРСА АЛГЕБРЫ къ рѣшенію геометрическихъ и тригонометрическихъ задачъ, состав. *И. Лѣсневскій*. Новгородъ. Въ тип. Губернскаго Правленія. 1852. Стр. 57. Съ рисунками.

Привѣтствуя первыя произведенія новгородскихъ типографій, выписываемъ предисловіе автора:

«Программою, утвержденною Высшимъ Начальствомъ, приказано оканчивать гимназическій курсъ Математики слѣдующими статьями: « При-

Digitized by Google

ложеніе Алгебры къ Геометріи: о построеніи соизмѣримыхъ и не соизмѣримыхъ алгебраическихъ выраженій; съемка плановъ и нивеллированіе.» Въ предлежащей книгѣ я старался изложить эти статьи, строго придерживаясь порядка ихъ, означеннаго въ программѣ. Изложеніе мое не обширно, однакожъ въ немъ я не пропустилъ, кажется, ни одного правила, котораго знаніе необходимо: извѣстно, что часть физики, разсуждающая о силахъ, и вся математическая географія не могутъ быть удобопонятны для незнающаго свойствъ кривыхъ втораго порядка,—я изложилъ эту статью, хотя и въ сокращенномъ видѣ. Въ статьѣ о съемкѣ плановъ, которая нужна для каждаго владѣльца участкомъ земли, я обратилъ большое вниманіе на общеупотребительное у насъ производство съемки посредствомъ астролябіи и проч.

«Считаю излишнимъ выписывать здѣсь сочиненія, которыя мнѣ служили пособіемъ при составленіи этого приложенія Алгебры. Чтеніе текста само покажетъ, что въ приложеніи этомъ собраны лучшія задачи и простѣйшіе способы ихъ рѣшенія.»

Рекомендуемъ эти полезныя книжки и учителямъ и ученикамъ математики.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ ФЕЛЬДШЕРСКИХЪ ШКОЛЪ, сост. медико-хирургомъ *Мейснеромъ* и штабъ-лекаремъ *Эйзенахомъ*. Спб. 1852. Въ 8 д. л. 383 стр.

Руководство это раздѣляется на 6 частей: 1) Способъ ходить за больными; 2) Анатомія; 3) Хирургія; 4) Рецептура; 5) Фармакологія, и 6) Правила подавать помощь мнимо-умершимъ и внезапно-заболѣвшимъ. За достоинство этой книги ручается то, что она одобрена Военно-Медицинскимъ ученымъ комитетомъ, и принята, какъ учебникъ, во всѣхъ фельдшерскихъ школахъ военнаго вѣдомства. По ясности же и общедоступности изложенія, она можетъ принести большую пользу и во многихъ другихъ случаяхъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ нѣтъ врача, или надобно долго ожидать его прибытія, а между тѣмъ необходима скорая помощь.

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНОЙ ОСПЫ ВЪ ЕВРОПѢ. Разсужденіе доктора *К. Грума*. Спб. 1852. Въ 8 д. л. 34 стр.

Брошюра извѣстнаго нашего медицинскаго писателя посвящена разсмотрѣнію вопроса о вторичномъ оспопрививаніи, вопроса, который въ настоящее время обращаетъ на себя особенное вниманіе врачей.

Digitized by Google

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ПОНИ, ЭМСКАГО ОСЛА. Соч. *М. Ростовской.* Спб. 1852. Въ 12 д. л. 182 стр.

Какъ извѣстно, животное, избранное героемъ этого разсказа, не пользуется большою репутаціею въ отношеніи умственныхъ способностей. Но талантъ автора «Приключеній Пони» умѣлъ найдти въ немъ много достоинствъ, даже возвысить его до идеала; умѣлъ разсказать эти приключенія занимательно, живо, прекраснымъ языкомъ, такъ, что «Пони, Эмскій оселъ» имѣетъ полное право сдѣлаться любимцемъ всѣхъ дѣтей, которыя желаютъ быть умными и читаютъ хорошенькія книжки.

О КОМНАТНЫХЪ ДАМСКИХЪ СОБАЧКАХЪ. Соч. *М. А. В.* Спб. 1852. Въ 12 д. л., 34 стр.

Вамъ, милыя созданія, миніатюрные шпицы, стриженыя болонки, вамъ, курносые мопсы, плясуньи шарло, вамъ, безшерстныя американскія собачки — вамъ посвящается сей слабый трудъ, какъ доказательство питаемой къ вамъ любви. Примите его благосклонно, съ тѣмъ же вниманіемъ, съ какимъ онъ предлагается вамъ. Конечно, для васъ пріятнѣе было бы получить по кусочку сахару; но сахаромъ васъ кормятъ прекрасныя ручки хозяйки, а книжечки для васъ еще никто не издавалъ. Здѣсь собрано все, что только требуется для вашего благосостоянія: описаны ваши породы, изложена метода воспитанія и содержанія, разсказано о средствахъ, какъ сберегать васъ отъ простуды, отъ насморка и отъ кашля; доказана польза, какую приносите вы въ домашнемъ и общественномъ быту; наконецъ приведено нѣсколько историческихъ повѣствованій о подвигахъ, которые совершили ваши предки, начиная съ тѣхъ временъ, когда гуси спасли Римъ. Драгоцѣнныя собачки! купите себѣ по экземплярчику. Говорятъ, что вы избалованы и капризны: купите хоть изъ каприза. Милыя собачки! вы можете играть съ книжечкой сколько угодно, можете даже изорвать ее играя: ничего, тѣмъ больше разойдется экземпляровъ.... Во Франціи вздумали обложить весь собачій родъ податью. Оказалось, что изъ трехъ милліоновъ собакъ, которыми наполнена Франція, около одной трети комнатныхъ собачекъ. Положимъ, что въ Россіи наберется только десятая часть этого количества, — и вотъ, трактатъ «о комнатныхъ собачкахъ» расходится въ числѣ 100 т. экземпляровъ. Издатель въ барышахъ, и собачки благоденствуютъ....

Digitized by Google

ЖУРНАЛИСТИКА.

ПАНТЕОНЪ. Журналъ литературно-художественный. N 4, 5, 6.

Мы въ долгу передъ читателями Москвитянина, не бесѣдовавши съ ними такъ долго о Пантеонѣ и о Библіотекѣ для Чтенія: не прибѣгая къ тѣмъ извиненіямъ, къ какимъ имѣлъ обычай прибѣгать покойный издатель Благонамѣреннаго, тѣмъ болѣе, что это было бы совершенно несправедливо, мы скажемъ просто настоящую причину, — мы все ждали накопленія матеріаловъ для бесѣды. Какъ — замѣтятъ намъ — неужели одна книжка Пантеона или Библіотеки, не даетъ достаточнаго содержанія для небольшой библіографической статейки? Что жъ дѣлать однако, если это такъ? спросимъ мы въ свою очередь, — что жъ дѣлать, если журналы наши поставляютъ критика въ *критическое* положеніе?.... Прибѣгать, по примѣру иногороднаго и другихъ подписчиковъ, къ различнымъ уклоненіямъ, не относящимся къ настоящему дѣлу, т.-е. къ разбору предмета, мы, признаемся откровенно, и не умѣемъ и не хотимъ, — давать публикѣ сухіе перечни считаемъ совершенно неумѣстнымъ.

Вотъ теперь — дѣло другое: передъ нами три довольно объемистыхъ и изящно изданныхъ книжки Пантеона, и хотя внутреннее, скрытое подъ роскошною внѣшностью, не Богъ знаетъ какъ важно, но все таки есть о чемъ поговорить.

Прежде всего возьмемся за отдѣлъ *Изящной Словесности.* Въ трехъ разсматриваемыхъ нами нумерахъ журнала, помѣщены, *во-первыхъ*, три драматическихъ произведенія — два переводныхъ и одно оригинальное. Изъ переводныхъ одно, *Семейная драма*, принадлежитъ къ числу довольно дюжинныхъ, хотя ловко составленныхъ и эффектныхъ французскихъ продуктовъ, въ которыхъ есть все — и завязка, и развязка и трескотня, нѣтъ только настоящей драмы. Другое же переводное произведеніе принадлежитъ великой писательницѣ, или, лучше сказать, первому поэту нашего времени: значитъ, о немъ обязана говорить критика.

Отношеніе критики къ произведеніямъ первостепенныхъ талантовъ, своихъ ли, чужихъ ли, все равно, должно быть прежде всего правдиво и искренно: самыя ошибки геніальныхъ писателей необыкновенно поучительны, и критикъ обязанъ воспользоваться всѣми положительными или отрицательными указаніями, какія даетъ великое дарованіе въ каждомъ, даже слабомъ своемъ произведеніи. Критикъ, встрѣчая, напримѣръ, въ великомъ писателѣ извѣстную перемѣну направленія, извѣстное новое стремленіе, — долженъ попытаться разъяснить себѣ *исторически* причины такого измѣненія, усвоить себѣ, если возможно, новое стремленіе, — хотя бы сначала измѣненіе направленія было кри-

Digitized by Google

тику непріятно, а новое стремленіе расходилось съ его стремленіями. На сколько большая часть изъ нашихъ критиковъ неспособны къ такому, весьма, впрочемъ, естественному смиренію, мы видимъ на каждомъ шагу: видимъ или въ тупой враждѣ къ талантамъ, или въ другихъ оскорбительныхъ и смѣшныхъ проявленіяхъ. Такое отношеніе критики къ произведеніямъ талантовъ — недостатокъ. Постараемся же, указывая на оный, избѣжать его по возможности.

Начнемъ съ того, что мы считаемъ фактомъ весьма важнымъ и многознаменательнымъ, во-первыхъ-то, что одинъ изъ первостепенныхъ талантовъ нашего времени, авторъ многихъ пламенныхъ, увлекательныхъ, хотя часто необузданно-страстныхъ романовъ, *подвергшійся по справедливости многимъ осужденіямъ предъ лицемъ здраваго разсудка*, обратился ко взгляду на жизнь несравненно болѣе мирному и спокойному; во-вторыхъ, то, что, освоившись съ эпическою формою, овладѣвши ею какъ мастеръ, онъ вдругъ бросаетъ ее, и отдаетъ преимущество формѣ драматической; въ-третьихъ, наконецъ, и то, что эту драматическую форму онъ прилагаетъ почти исключительно къ явленіямъ повседневной, семейной дѣйствительности, стремится произвести драматическое впечатлѣніе не трескучими эффектами, не лихорадочными изображеніями неистовства страстей человѣческихъ, а простыми, тихими, только внутреннюю психическую драму допускающими картинами. Все это, повторимъ опять, для насъ факты многознаменательные, факты, съ которыми связывается много современныхъ художественныхъ вопросовъ, факты, вызывающіе насъ на повѣрку всѣхъ почти прежнихъ впечатлѣній, — на оцѣнку настоящей литературной минуты, на логическія умозаключенія о будущихъ судьбахъ, формахъ и назначеніи искусства.

Комедія Ж. Санда, возбуждающая такія, далеко не библіографическія, размышленія, называется «*Свадьба Викторины*». Содержаніе ея такъ просто, что не ложится даже въ сухой разсказъ; міросозерцаніе высказывается съ такою рѣзкостью, что эта рѣзкость вредитъ даже художественности впечатлѣнія; колоритъ всего — такой идиллическій, что кажется даже напряженно-идиллическимъ. «Свадьба Викторины» въ художественномъ отношеніи не выше «Клавдіи» и много ниже «Мольера», не смотря на всѣ недостатки этой послѣдней драмы. «Свадьба Викторины,» равно какъ и «Клавдія», и «Франсуа le Champi», и «La petite Fadette», безъ имени Санда, да безъ двухъ-трехъ яркихъ молній великаго таланта — показались бы просто сладкими, даже приторными произведеніями, съ обыденнымъ, азбучнымъ припѣвомъ о торжествѣ добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, если взять отдѣльно произведенія

Digitized by Google

Санда послѣдней эпохи, взять не исторически, безъ отношенія къ создавшему ихъ внутреннему процессу—Жанну, (за исключеніемъ двухъ-трехъ типовъ) Грѣхъ господина Антуана, La marre au Diable, и другія произведенія,—какъ далеки всѣ они, вмѣстѣ съ драматическими попытками автора, отъ художественной красоты, тонкости и простоты *Тевверино*, отъ глубокаго, поучительнаго анализа, характеризующаго *Ораса*, отъ страстности созданія *Валентины*, отъ смѣлой концепціи *Жака* (мы говоримъ объ этихъ романахъ, разумѣется, только со стороны художественной): какъ все это слабо, скажете вы невольно, какое резонерство вмѣсто анализа, какой напряженно-идиллическій колоритъ, вмѣсто художническаго спокойствія, какъ непріятно-рѣзко кидается въ глаза изъ-за каждой фигуры міросозерцаніе автора, и какъ очевидно, что самое это міросозерцаніе не перешло еще въ плоть и въ кровь, взято какъ будто на прокатъ, не уяснено для самаго поэта. Между тѣмъ размышляя о тѣхъ странностяхъ и крайностяхъ, въ которыя впадалъ авторъ *Леліи* и *Консуэло*,—приходишь невольно къ заключенію о необходимости другихъ крайностей, въ которыя впала теперь геніальная писательница: такія крайности въ историческомъ процессѣ не рѣдки: вы встрѣтите ихъ много даже въ дѣйствительности; XVIII вѣкъ, породившій Казанову, Маркиза де-Сада и Парни—порождалъ также и самыя скучныя идиллическія поэмы, мечталъ объ аркадской чистотѣ и невинности пастуховъ и пастушекъ: въ домахъ несчастья и разврата, вы найдете часто чувствительные романы Августа фонъ-Лафонтеня. Такія крайности даже необходимы, и притомъ никогда не рождаются случайно: въ сочиненіяхъ Санда даже въ самымъ лихорадочныхъ, можно прослѣдить зародыши этого ложно-идиллическаго направленія: Пьеръ Гюгенепъ, съ его сухою моралью—первый прототипъ всѣхъ этихъ Франсуа и другихъ слезливо-добродѣтельныхъ лицъ, которыя на одинъ манеръ кроитъ теперь Сандъ, въ своихъ драмахъ и идилліяхъ, всѣхъ этихъ вялыхъ и безстрастныхъ фигуръ, не возбуждающихъ къ себѣ никакого теплаго сочувствія. А между тѣмъ, избави насъ Боже отвѣстись безъ уваженія къ этимъ неудавшимся идилліямъ, живымъ памятникамъ болѣзненнаго внутренняго процесса, отголоскамъ благороднѣйшихъ стремленій къ болѣе спокойному и чистому міросозерцанію—къ этимъ вопіющимъ свидѣтельствамъ противъ разочарованія, которымъ походя клеймятъ нашъ вѣкъ. Процессъ такой души, какъ душа Санда,—поучителенъ въ самыхъ крайностяхъ. Когда послѣ этихъ идиллій—случайно развертываемъ мы Lettres d'un voyageur, въ которыхъ слышится такая жажда покоя и мира душевнаго, мы понимаемъ происхожденіе этихъ идиллій,

Digitized by Google

и надѣемся, что Сандъ дойдетъ наконецъ до положительныхъ, прямыхъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что явные задатки таковыхъ лежатъ уже въ *Теверино*, этомъ чистомъ художественномъ перлѣ, ясномъ, простомъ и вполнѣ изящномъ въ отношеніи къ формѣ.

Съ другой стороны, какъ мы сказали уже, многознаменательны и переходъ Санда къ драматической формѣ и желаніе упростить, такъ сказать, драматическія впечатлѣнія: на сколько такіе факты къ связи съ современностью, пояснять, кажется, нечего, тѣмъ болѣе, что въ свое время мы намѣрены въ особой статьѣ подвергнуть изслѣдованію, такъ сказать, ревизіи, различныя драматическія впечатлѣнія, какъ тѣ, которыя утратили уже силу и дѣйствіе, такъ и тѣ, которыя живы еще доселѣ. Здѣсь замѣтимъ только одно: Сандъ по непосредственному вдохновенію угадала, какіе источники драматическихъ ощущеній уже изсякли, и какіе пробиваются вновь наружу, но этими новыми источниками она не пользуется еще какъ художникъ. Явленія самыя простыя она изображаетъ красками на розовой водицѣ—и только явленія отрицательныя ей удаются: такъ, Денисъ Ронсіа удался ей гораздо болѣе, чѣмъ добродѣтельныя лица въ Клавдіи, Арманда Бежаръ—истинно живое лице въ противуположность ходячимъ фразамъ, которыми вмѣсто лицъ наполнена драма *Мольеръ*. Вообще—добродѣтель слишкомъ суха, строга, а слѣдовательно и мало привлекательна въ послѣднихъ произведеніяхъ Санда. Этою добродѣтелью—и притомъ сладенькою, Седеневскою, наполнена и преисполнена «Свадьба Виторины», прекрасно переведенная по-русски въ 4 N Пантеона.

Вотъ все, что могли мы сказать, не о самой комедіи Санда, о которой говорить много нечего, а по ея поводу.

Оригинальное драматическое произведеніе, которымъ подарилъ публику Пантеонъ, называется: «*Талисманъ*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, въ стихахъ и прозѣ, соч. кн. Кугушева.» Мы должны сказать откровенно, что хотя знаемъ очень много нелѣпостей въ нашей отечественной драматургіи,—но наравнѣ съ «Талисманомъ» можемъ поставить развѣ только «Странную свадьбу», г. Воскресенскаго. И созданіе и выполненіе равно *поразительны* въ «Талисманѣ»: претензіи на драматизмъ и на новость положеній таковы, что возбуждаютъ невольный смѣхъ: чувства, или, лучше сказать; *чувствія*—самыя тонкія. Вотъ, напримѣръ, какъ изъясняется чувствительная женщина, которую мужъ засталъ у любовника.

«Передъ вами женщина, повидимому виновная, но не преступная.... «Да, мой другъ.... позвольте мнѣ васъ назвать этимъ именемъ, по-

Digitized by Google

«тому что я люблю васъ какъ друга.... болѣе.... какъ отца. Сирота, «безъ состоянія, воспитанная въ домѣ одной дальней родственницы, я «съ малолѣтства привыкла не имѣть своей воли.

Я сирота. Отъ самой колыбели
Ласкъ матери была я лишена,
Ея уста дитя *свое* (?) не *грѣли* (?)
И пѣсни сладкія не наводили сна
На глазки *бѣдненькой* малютки.
Мой первый взглядъ, улыбка, смѣхъ
И первыя слова, ребяческія шутки
Не наводили слезъ, надежды и утѣхъ
На сердце матери», и т. д.

Все это *жалости подобно*, и главное—удивительно грамотно; но лучше всего, что мужъ молчитъ на всю ахинею, которая стремится изъ устъ его дражайшей половины....

Но не одни только *чувствія* и романтическій бредъ составляютъ отличительный характеръ *комедіи*. Въ ней есть и сторона *натуральная*, въ петербургскомъ смыслѣ этого слова. Представитель *натуральной* стороны въ комедіи—отецъ влюбленнаго юноши—воплощенная скупость—старикъ Чужбининъ. Въ производствѣ этого лица претензія уже не просто смѣшна, а отвратительна.

Кромѣ драматическихъ произведеній есть еще въ Пантеонѣ романъ г. Лунскаго (С. К.) «Бракъ какихъ мало» Занимать публику разборомъ этого безцвѣтнаго и скучнаго продукта мы не намѣрены. Замѣтимъ только, что авторъ особенно симпатизируетъ нѣмцу-лакею, пріѣхавшему съ какимъ-то владѣтельнымъ графомъ, и чрезвычайно грандіозно живописуетъ обхожденіе *образованнаго* лакея нѣмца съ нашими доморощенными неучами—лакеями.

Другое дѣло—разсказъ г. Савинова: «*Переметная жизнь. Странствованія, приключенія и похожденія Петра Ивановича Пустошкина*». Герой этого разсказа—фигляръ, приключенія его—странны, нѣсколько эксцентричны, но разсказъ написанъ такъ живо, умно, съ такою теплотою, что мы прочли его съ величайшимъ удовольствіемъ. Тутъ есть жизнь, видна работа съ натуры, видно разумное сочувствіе автора къ выведеннымъ имъ лицамъ, виденъ здравый и простой взглядъ на жизнь.

За то, «*Пріятный домъ*, дагерротипный оттискъ П. Доленго,» принадлежитъ къ числу такихъ неудачныхъ дагерротиповъ, какіе хорошіе дагерротиписты оставляютъ у себя и не выпускаютъ въ публику.

Отдѣлъ «Исторіи и теоріи искусства» заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи:

Digitized by Google

1) *Томасъ Муръ*, статья г. Горковенко.

2) Алексѣй Егоровичь Егоровъ, П. П. Каменскаго.

3) Грезъ, статья Шарля Блана.

4) Письмо о музыкѣ къ А. Д. Улыбышеву по случаю толковъ о Моцартѣ и Бетховенѣ, А. Серова.

5) Жуковскій и романтизмъ, М. М. Достоевскаго.

6) А. Е. Мартыновъ, Гр. Данилевскаго.

Нѣкоторыя изъ этихъ статей стоятъ того, чтобы о нихъ поговорить поподробнѣе, каковы статьи гг. Горковенко, Каменскаго и Достоевскаго: объ остальныхъ мы умолчимъ.

Статья о Томасѣ Муре, оригинальная ли она или переводная—мы не знаемъ навѣрное,—прекрасна потому, что даетъ полное и притомъ вѣрное понятіе о дѣятельности Томаса Мура, о характерѣ его поэзіи. Пріятно было бы намъ увѣриться, что статья эта—оригинальная. Пора русскимъ журналамъ совокупными силами приняться за дѣльный трудъ, подвергнуть русской, самобытной оцѣнкѣ явленія чужеземныхъ литературъ: у насъ много говорятъ объ иностранныхъ писателяхъ, часто повторяютъ разныя великія имена, но до сихъ поръ еще по части оцѣнки писателей, даже современныхъ, мы не имѣемъ ничего, кромѣ самыхъ жалкихъ компиляцій.

Г. Каменскій, авторъ статьи о художникѣ Егоровѣ, знакомый уже намъ и нашимъ читателямъ по прекрасной статьѣ о трагикѣ Мекреди,—писатель съ умомъ, съ развитымъ эстетическимъ чувствомъ, и, что у насъ весьма рѣдко, съ обширною начитанностью. Его коротенькую статью о нашемъ знаменитомъ русскомъ художникѣ, не только прочтешь, но и перечитаешь съ большимъ наслажденіемъ. Г. Каменскій мастерски выставилъ нѣсколько чертъ, рисующихъ характеръ Егорова, какъ человѣка, и притомъ какъ русскаго человѣка. «Егоровъ», говоритъ онъ, «какъ человѣкъ, отъ волоса до мозга и отъ ногтей до горла, «русскій. Въ молодости, его характеризовали физическая сила, моло«дечество, удаль, красная рубаха, черная съ бѣлой полоской балалайка, «сулейка водки, вмѣсто вина, сухарная вода на запивку, пѣсня заунывная «или разгульная, смотря по расположенію духа; въ старости—разумная «опытность, молчанка себѣ на умѣ, твердость желѣзная противъ всѣхъ «гоненій и несчастій, и безукорное самодовольство стараго ямщика, «который смотритъ въ окно на молодаго, приговаривая: *пъжали и «мы когда-то.*»

Кромѣ того, г. Каменскій серьёзно смотритъ на искусство—и это, въ нашихъ глазахъ, большое достоинство.

Digitized by Google

«Какъ художникъ», говоритъ г. Каменскій, «Егоровъ былъ человѣкъ «глубоко проникнутый вѣрою и духовно-библейскимъ міромъ. Онъ «не отъ другихъ зналъ, а самъ ощущалъ свое высокое призваніе, и «видѣлъ въ немъ не просто призваніе художественное, а назначеніе «свыше быть проповѣдникомъ слова Божьяго — средствами, ему дарованными, и въ каждомъ ударѣ своей кисти и карандаша, чаялъ хвалу «Всевышнему. Набожный въ высочайшей степени, онъ не начиналъ «ни одной картины иначе, какъ послѣ молитвы. Проникнутый своими «сюжетами, онъ даже во снѣ видѣлъ святыя изображенія Саваоѳа, «Іисуса Христа, Божіей Матери и Апостоловъ. На многихъ эскизахъ «онъ самъ показывалъ намъ, за тайну, внизу подпись слѣдующаго «содержанія: такого-то числа, сію картину видѣлъ я во снѣ».

Благодарность г. Каменскому, что онъ умѣлъ оцѣнить многія высокія черты характера нашего знаменитаго Егорова, какъ человѣка и какъ художника.

Статья г. Достоевскаго: «Жуковскій и романтизмъ» — не говоритъ собственно ничего новаго, ибо ни о чемъ не писано у насъ такъ много, какъ о романтизмѣ, но намъ понравилось отношеніе автора къ разсматриваемому имъ предмету. Видно, что авторъ зрѣло обдумалъ свои, хотя и не новыя, основныя положенія. Кромѣ того, въ статьѣ г. Достоевскаго мы нашли чрезвычайно интересныя подробности о послѣднихъ минутахъ жизни нашего поэта.

Въ отдѣлѣ «*Мемуаровъ*» — въ трехъ разсматриваемыхъ нами NN Пантеона, окончены Записки Иффланда, отъ которыхъ, признаться сказать, мы ожидали гораздо болѣе. Записки Иффланда наполнены всего болѣе подробностями, очень скучными, о личной его жизни, объ отношеніяхъ къ директорамъ театровъ, и т. д., — тогда какъ въ запискахъ всякаго знаменитаго артиста ищешь, конечно, всего болѣе наблюденій и замѣчаній, относящихся къ его спеціальному дѣлу: таковыхъ, къ сожалѣнію, мы почти вовсе не встрѣтили.

Все остальное въ Пантеонѣ, т.-е. театральная лѣтопись, обозрѣніе иностранныхъ театровъ, и собственно смѣсь, составлено очень хорошо и разнообразно. О «Вѣстникахъ» журнала Петербургскомъ и Московскомъ, замѣнившихъ прежній отдѣлъ, «Балагуръ,» мы, по обычаю, умалчиваемъ. Замѣтимъ только, что Московскій балагуръ господина Кони забѣгаетъ уже къ Современнику, и говоритъ ему разныя любезности, на свой ладъ. На Москвитянинъ онъ сильно сердится за его молчаніе.

За то мы считаемъ нужнымъ говорить — о Репертуарѣ русской

Digitized by Google

сцены, къ какимъ бы печальнымъ результатамъ ни приводило насъ разсматриваніе наличной русской драматургіи. Слѣдующія *штуки* (pieces) помѣщены въ трехъ NN Репертуара.

1) Старина, *комедія* въ 1 дѣйствіи, г-жи Каменской, 2) Разлука таже наука, *оригинальная комедія* въ 1 дѣйствіи въ стихахъ, г. П. И. Григорьева, обѣ въ 4 N, 3) Три тысячи рублей серебромъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, П. С. Ѳедорова, въ 5 N, 4) Богатый холостякъ и двое женатыхъ, *оригинальная комедія*, соч. П. И. Григорьева, въ 6 N.

Изъ *оригинальныхъ комедій* г. Григорьева — мы прочли только стихотворную, т.-е. *Разлука таже наука*. Содержаніе ея до наивности пошло, все вертится на ссорѣ двухъ супруговъ, которые въ минуту разрыва убѣждаются въ томъ, что любятъ другъ друга. Есть тутъ, разумѣется, дядюшка, который и начинаетъ комедію слѣдующимъ образомъ:

Ха!, ха!, ха!, ха! племянникъ пишетъ мнѣ,
Что онъ въ ужаснѣйшемъ отчаяньѣ, въ заботѣ....
Что будто онъ нашелъ въ своей женѣ
Не агнца—демона въ капотѣ.

Жена жалуется напротивъ, что «мужъ готовитъ ей оковы», и т. д. Дядюшка же и кончаетъ комедію желаніемъ:

Дай Богъ, чтобъ каждый мужъ съ женою,
Начавши драмою, комедіей кончалъ.

Намъ съ своей стороны остается пожелать, чтобы авторы перестали писать комедіи на подобные случаи, и, главное, такими *печальными* стихами.

«Старина» г-жи Каменской — великосвѣтская пословица, не хуже и не лучше другихъ.

Водевиль г. Ѳедорова—какъ всѣ водевили г. Ѳедорова. Всего лучше въ немъ *наивные* заключительные куплетцы, совершенно аркадскіе:

Что богатство, что и слава!
Для чего намъ ихъ искать?
Безъ любви и мира, право,
Счастью въ жизни не бывать.
Мы о прихотяхъ забудемъ.
Но съ любовью да съ трудомъ,
И съ согласьемъ, вѣрно, будемъ
Въ полномъ счастьѣ жить вдвоемъ.

На это нѣкто г. Коринкинъ возражаетъ такъ же аркадски:

Для чегожъ вдвоемъ жить вѣчно?
Будемъ жить и вчетверомъ....
Богъ порадуетъ, конечно,
Насъ и дочкой и сынкомъ....

Digitized by Google

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

ДРАМЫ А. ДЕ МЮССЕ.

(Comedies et proverbes dramatiques. Paris. 4 vol.)

Альфредъ де-Мюссе, какъ драматургъ, слишкомъ рѣзко выдвигается изъ ряда обыкновенныхъ французскихъ и нѣмецкихъ производителей. Художникъ по натурѣ, онъ прежде всего не могъ удовлетвориться той формою, которую сообщили драмѣ французскіе романтики 30-хъ годовъ, съ другой стороны, какъ поэтъ новаго времени, онъ не ударился въ ложный классицизмъ, недавно еще увлекшій талантливаго автора Лукреціи, Понсара. Обѣ формы казались для него равно мертвыми и безжизненными, равно несовременными. И дѣйствительно—чуждаться и той и другой онъ имѣлъ полное право.

Никто не станетъ спорить, что въ наше время, какъ классическая трагедія Корнеля, Расина и Вольтера, такъ равно и классическая комедія Мольера и Реньяра, могутъ имѣть успѣхъ только pour la rareté du fait, что какъ той, такъ и другой мы не въ силахъ принудить себя сочувствовать. Многіе, которымъ удалось видать знаменитую Рашель, увлеченные ея геніальнымъ талантомъ, принимались, по собственному свидѣтельству ихъ, за Расина съ упорнымъ желаніемъ открыть въ немъ что-либо драматическое, и разумѣется, находили въ немъ только то, что̀ есть въ немъ дѣйствительно: — великолѣпную реторику, дивныя элегическія мѣста, однимъ словомъ — de beaux vers, de vers à retenir.... Энергія Корнеля для читателя нашего времени кажется растраченною на частности,—лучшее изъ его произведеній, *Сидъ*, хорошо только тамъ, гдѣ носитъ на себѣ печать испанскихъ романсовъ, и блѣднѣетъ при сравненіи съ первоначальными источниками; его влюбленные Римляне смѣшны какъ нельзя болѣе,—женщины лишены всякой женственности, и потому нелѣпы. Вольтеръ уже понятнѣе для насъ: въ его трагедіяхъ затронуты подчасъ вопросы близкіе къ намъ, его форма свободнѣе формъ его предшественниковъ,—но эта форма, свободная до дерзости въ отношеніи къ его времени, для насъ все-таки—тѣсна и узка. Его драматическія сочиненія, и въ особенности предисловія къ нимъ, имѣютъ большой интересъ, но интересъ чисто историческій. Что̀ ка-

Digitized by Google

сается до комедіи французовъ, то надобно сказать правду, что, при отличномъ выполненіи, она можетъ еще имѣть успѣхъ, хотя для каждаго, сколько-нибудь понимающаго дѣло критика, видно на каждомъ шагу, какъ геніальный талантъ великаго Мольера спутанъ оковами ложной теоріи изящнаго. Мольеръ истинно въ своей тарелкѣ въ фарсахъ, гораздо болѣе чѣмъ въ такъ называемой высокой комедіи, хотя Буало упрекалъ его именно за эти самые фарсы, говоря, что онъ

> Peut etre de son art eut emporté le prix,
> Si *moins ami du peuple*, en ses doctes peintures
> Il n'eut point fait souvent grimacer ses figures,
> Quitté pour le *bouffon* l'agréable et le fin
> Et sans honte a Terence allié Tabarin.

Замѣчательно, что именно тамъ, гдѣ Мольеръ свободно отдается прихотямъ своей плебейской фантазіи, не заботясь о сохраненіи того, что Буало называется «l'agréable et le fin»,—гдѣ у него менѣе рефлексіи, тамъ выходятъ у него лица живыя, типическія, каковы: «Пурсоньякъ» и «Мѣщанинъ во дворянствѣ», выдаются сцены, полныя неистощимой веселости, какъ въ «Скапиновыхъ обманахъ»,—но и «Мизантропъ» и «Тартюфъ»—для нашего времени ни болѣе, ни менѣе, какъ сухія этюды, хотя правда, что на нихъ лежитъ клеймо мастера. Что такое этотъ ханжа Тартюфъ въ сравненіи съ многостороннимъ лицемѣромъ Анджело въ «Measure»? Анджело, не только ханжа и лицемѣръ, — онъ прежде всего Анджело: Тартюфъ только ходячая схема, генерическое названіе, идея безъ осязаемаго тѣла: психологическая вѣрность его есть абстрактная, только мыслимая вѣрность, вся комедія — не болѣе какъ психологическій матеріалъ, замѣчательная этюда отвлеченно взятой страсти, этюда разобщенная съ жизнію, не представляющей ничего столь рѣзкаго и столь изолированнаго. Такова же точно и большая часть женщинъ Мольера; его Селимена, Агнеса, Изабелла—ходячія теоріи кокетства съ разными его оттѣнками, теоріи, проведенныя съ нещадною послѣдовательностью, съ величайшею логическою вѣрностью,—но не имѣющія опредѣленнаго, тѣлеснаго образа.... И случалось ли вамъ, послѣ комедіи Мольера, вслѣдъ за нею же прочесть какую-либо изъ комедій Шекспира? Не покушаясь сравнивать ихъ между собою,—ибо въ наше время нельзя уже безъ шутки сравнивать Шекспира и Мольера,—мы постараемся опредѣлить впечатлѣніе, производимое такимъ совмѣстнымъ чтеніемъ. У Мольера—всѣ событія совершаются по самымъ простымъ законамъ, вся канва и всѣ пружины комическаго дѣйствія—рабски вѣрны дѣйствительно-

Digitized by Google

сти. У творца Бури, Цимбелина и Двѣнадцатой ночи, всѣ событія въ высшей степени произвольны, странны, часто даже фантастичны: произвольность на столько же царствуетъ въ комедіяхъ Шекспира, на сколько видна самая послѣдовательная необходимость въ его трагедіяхъ. И между тѣмъ — Просперо и Миранда, Клотенъ и Леонатъ — живыя лица, а Мольеровскіе Арнольфъ и Агнеса, Сганарель и Изабелла — голыя схемы вѣрно-развитыхъ страстей. И вглядываясь глубже въ фантастическую постройку «*Бури*» или «*Сна въ лѣтнюю ночь*», мы постепенно все болѣе и болѣе вдаемся въ чародѣйный міръ, открываемый намъ великимъ волшебникомъ, въ міръ, который наполненъ живыми существами, но который есть міръ — истинно комическій, т. е. движущійся по своимъ особымъ законамъ, по произволу свободнаго юмора. И раскроемъ ли мы всякаго истиннаго комика, Аристофана или Гоголя, вездѣ найдемъ мы тотъ же самый юмористическій колоритъ на событіяхъ и такія же типическія, живыя лица безъ ярлыковъ той или другой страсти на лбу.

Когда Французы принялись за изученіе и за переводы Шекспира,—имъ прежде всего бросилась въ глаза причудливая форма его произведеній, эта фантастическая игра свободнаго юмора. Не одни Французы впрочемъ были на столько близоруки, чтобы не видать, какая богатая руда дѣйствительности разработана въ этихъ творчески-разнообразныхъ формахъ. Стоитъ только вспомнить судъ доктора Джонсона о Гамлетѣ, судъ чрезвычайно наивный, добродушно ограниченный. Джонсонъ приписываетъ этой трагедіи The praise of variety—и упрекаетъ трагедію въ томъ, что дѣйствіе не возрастаетъ въ ней постепенно и т. д.,—а докторъ Джонсонъ былъ въ свое время оракуломъ критики. Та же самая наивность перешла и въ перваго французскаго переводчика Шекспира—честнаго и благороднаго, но ограниченнаго Лѣтурнёра, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдній, какъ французъ, подчиненный піитикѣ Буало, и боявшійся оскорбить фернейское божество—до робости умѣренъ въ похвалахъ Шекспиру. Извѣстно, какою циническою бранью осыпалъ Вольтеръ несчастнаго переводчика, извѣстно, какъ смѣлый разрушитель всего прошедшаго — вслѣдствіе самолюбія оказался несостоятельнымъ въ сужденіяхъ о великомъ британскомъ поэтѣ. Одинъ Дидро смѣло выступилъ съ самымъ фанатическимъ поклоненіемъ Шекспиру,—но это поклоненіе было хорошо въ немъ только какъ непосредственное чувство. Дидро поклонился въ Шекспирѣ тому, чего въ этомъ послѣднемъ нѣтъ—безпорядку и хаосу; онъ какъ бы принялъ за сигналъ слова Джака Кеда въ Генрихѣ VI: «нашъ порядокъ—безпорядокъ».

Digitized by Google

Таково же точно и поклоненіе французскихъ романтиковъ 30-хъ годовъ, — во главѣ которыхъ стоятъ уродливо-геніальный Гюго и смѣтливый производитель Александръ Дюма, маркизъ де-ла-Пальепери. Есть что-то комическое въ энергическомъ манифестѣ, которымъ глава школы разразился въ предисловіи къ своему нелѣпому «Кромвелю». Шекспиръ является здѣсь во главѣ всѣхъ поэтовъ — но вовсе не потому, что высшій разумъ присутствуетъ въ его созданіяхъ. Гюго радъ бы былъ фактами доказать совершенное невѣжество своего идола, его преимущественную наклонность къ созданію гротесковъ и бюрлесковъ — ибо «le grotesque et le burlesque» — слово новаго искусства: въ формѣ его произведеній онъ и не видитъ и не обоготворяетъ ничего инаго, кромѣ чудовищной произвольности. Собственно говоря, Гюго и Дюма поняли въ Шекспирѣ единственно ту дикую, слѣпую энергію, которая разъ только, въ молодую эпоху дѣятельности, проявилась у Шекспира, какъ послѣдователя Марлоу, въ трагедіи «Титъ Андроникъ» — и всѣ ихъ драмы нечто иное, какъ безжизненныя этюды страннаго и чудовищнаго; ихъ влекло къ себѣ не истинное, а переходящее за предѣлы истиннаго Лучшая критика на эти лихорадочныя попытки—драма замѣчательнаго художника, Проспера Мериме: «*Семья Карвахаль*». Мериме, разнообразному Протею, принадлежитъ лучшая трагедія, какую только имѣютъ Французы, равная по крайней мѣрѣ съ юношескими подвигами Гете и Шиллера: «La Jacquerie»,— мастерская, строгая и полная живыхъ лицъ историческая картина. Здѣсь впервые—свободная форма шекспировской драмы не взята на прокатъ для парада, а служитъ необходимою оболочкою содержанія.

Самую свободу формы французскіе романтики взяли только съ одной стороны, поняли въ ней только переносъ дѣйствія на различныя мѣста,— но остались все-таки рабами рутинныхъ эффектовъ, которые съ такимъ принебреженіемъ обходилъ великій мастеръ, какъ нѣчто недраматическое и недостойное искусства. Не смотря по этому на поклоненіе Шекспиру, романтики, въ силу ложнаго стремленія къ эффектамъ, позволяли себѣ передѣлки въ его драмахъ: напомнимъ только передѣлку *Венеціанскаго Мавра* Альфредомъ де-Виньи: въ послѣднее время, Александръ Дюма придумалъ даже свою собственную развязку для Гамлета — и Французы, по всѣмъ видимостямъ, остались очень довольны этою развязкою.

Альфредъ де-Мюссе не имѣетъ въ этомъ отношеніи ничего общаго съ своими соотечественниками. Произвольность, даже нѣкоторая причудливость формы, у него не подражаніе: у него, какъ у всякаго истиннаго художника, есть неодолимое отвращеніе къ пу-

Digitized by Google

стозвоннымъ эффектамъ,—а такъ какъ сцена, въ настоящее время, слишкомъ далека отъ подобнаго эстетическаго цѣломудрія, то естественно, что поэтъ пишетъ по большей части для будущей сцены. Это есть слѣдствіе и недостатка въ немъ самомъ истинной драматической объективности: будь А. де- Мюссе поэтъ съ такимъ же народнымъ значеніемъ, какъ Шекспиръ, онъ непремѣнно преобразовалъ бы театръ въ своемъ отечествѣ, заставилъ бы всѣхъ подчиниться капризамъ своей формы, ради общедоступнаго и полнаго значенія содержанія: но, какъ поэтъ субъективный, еще мало вышедшій изъ своей субъективности, онъ варьируетъ почти повсюду одно и то же скудное содержаніе, выводитъ повсюду одни и тѣ же типы, только съ различными оттѣнками. Глубже всѣхъ своихъ соотечественниковъ понимаетъ онъ, въ чемъ заключается истинно-комическое и истинно-трагическое воззрѣніе на жизнь;—но силы его растрачиваются на выраженіе почти одного своего собственнаго *я*,—свой собственный, въ немъ самомъ понятный скептицизмъ, онъ вноситъ въ создаваемый имъ міръ, вмѣсто того, чтобы, подобно Шекспиру, освѣщать его свѣтомъ положительнаго разума. Въ этомъ, впрочемъ, виноватъ не столько самъ Мюссе, сколько переходная эпоха, къ которой онъ принадлежитъ. Мы думаемъ, что безъ твердой и разумной вѣры въ Немезиду—невозможенъ истинно драматическій поэтъ и не возможно ни одно серьезное драматическое произведеніе.

Любимый типъ А. де-Мюссе, и въ драмахъ его, какъ въ поэмахъ, остается все тотъ же Франкъ, только поставленный въ иныя обстоятельства, брошенный въ иную, такъ сказать, болѣе практическую сферу.... И надобно замѣтить, что, чѣмъ болѣе сфера приближается къ обыкновенной жизни, тѣмъ яснѣе становится этотъ характеръ, тѣмъ болѣе освобождается онъ отъ ложнаго трагическаго величія, тѣмъ искреннѣе высказывается его натура. И Рафаэль Гаручи въ «Les marrons du feu», и Андрей дель Сарто, и Лорензаччіо и Октавій (Les caprices de Marianne), и Пердиканъ (On ne badine pas avec l'amour), и Фантазіо и наконецъ Фортуніо въ комедіи Le Chandelier—все это чада одной мысли, но эта мысль постепенно уясняется и упрощается въ нихъ. Еще больше: любимый типъ поэта постоянно двоится въ всѣхъ его драмахъ: беззаботному и нагло счастливому Рафаэлю Гаручи противопоставленъ безумно страстный и сосредоточенный аббатъ Дезидеріо, мужу Андрею дель Сарто—юноша Кордіани, гулякѣ Октавіо—мечтательный Челіо, пламенному Разеттѣ (Венеціянская ночь)—флегматически спокойный принцъ, наивному и готовому на всѣ жертвы Фортуніо—безсовѣстный циникъ Клаварошъ; но кто же не видитъ, что поэтъ раздвоилъ самъ себя

Digitized by Google

въ контрастахъ, что эти контрасты только по одному виду контрасты, а въ сущности двѣ стороны одного и того же характера? Которая же изъ двухъ сторонъ одерживаетъ побѣду?... Иногда одна, иногда другая, и, можетъ быть, въ этомъ колебаніи заключается величайшее достоинство А. де-Мюссе. Онъ искреннѣе многихъ другихъ поэтовъ, онъ не увѣряетъ ни себя ни другихъ въ окончательномъ торжествѣ одной стороны своей натуры надъ другою: какъ художникъ углубляется онъ съ одинакою любовью какъ въ ту, такъ и въ другую—и не рѣшается пожертвовать одною въ пользу другой. Въ этомъ заключается и прелесть и недостатокъ его таланта. Тревожа множество психологическихъ вопросовъ, онъ не рѣшаетъ ни одного изъ нихъ, и не рѣшаетъ вовсе не потому, что не умѣетъ, а потому, что не хочетъ;—не хочетъ же потому, что онъ слишкомъ добросовѣстенъ въ своемъ наивномъ, сердечномъ и часто глубоко-грустномъ скептицизмѣ. Вслѣдствіе же этого, всѣ его повѣсти и драмы представляютъ обильную пищу для психологическаго изученія: вы вѣрите искренности писателя, дорожите его откровеніями, дорожите даже его противорѣчіями съ самимъ собою, какъ результатомъ мучительнаго внутренняго процесса, и едва ли не болѣе отрадное чувство выносите вы изъ этого лабиринта не рѣшенныхъ вопросовъ, чѣмъ изъ произведеній, проводящихъ рѣшеніе проблеммы съ математическою точностью и безпощадностью.

Обратимся же опять къ изученію этого типа въ драмахъ Мюссе. Замѣчательно, что только въ нихъ этотъ типъ постоянно раздвоенъ: въ повѣстяхъ уже снова сосредоточенъ онъ въ одно лицо.

Les marrons du feu (Обезьяна и каштаны)—первое выраженіе этого раздвоенія. Здѣсь являются два лица—гуляка, повѣса и пьяница Рафаэль Гаручи, и аббатъ Аннибалъ Дезидеріо, мрачный, грустный, весь подавленный безумною страстью, готовый для удовлетворенія ея на всякое злодѣйство, слишкомъ безхарактерный для того, чтобы бороться съ нею, слишкомъ робкій для того, чтобы не знать, какъ Рафаэль, никакихъ границъ—и между тѣмъ, аббатъ имѣетъ много общихъ чертъ съ Рафаэлемъ: это, пожалуй, даже тотъ же Рафаэль, только не дошедшій посредствомъ пресыщенія до беззаботнаго равнодушія къ добру и злу, къ жизни и смерти, къ любви и къ женщинѣ. Онъ не пріобрѣлъ еще того страшнаго качества, которое Нѣмцы называютъ Sicherheit, не перешагнулъ еще бездны, отдѣляющей человѣка отъ другихъ существъ, но уже стоитъ надъ нею; для него еще многое есть преступленіе, что для Рафаэля—только дѣтская забава. Его натура глубже натуры Рафаэля, который пріобрѣлъ свою холодность и беззаботность чрезвычайно легко.

Digitized by Google

И между тѣмъ, танцовщица Камарго любитъ не его, пламенно-страстнаго безумца, а гуляку и циника Рафаэля. Рафаэль едва-едва не утонулъ на берегу моря, но ему во всемъ удача: матросы вытащили его изъ воды, и онъ преспокойно бесѣдуетъ съ Камаргò и бѣситъ ее своей безсовѣстностью и холодностью. Камаргò тоже старается попасть въ его тонъ, равнодушно замѣчая:

C'est le vrai defaut de L'Jtalie
Que ses soleils de Juin font l'amour passager....

но ея равнодушіе только маска.... Она хочетъ исторгнуть у Рафаэля признаніе въ томъ, что онъ ее не любитъ, она говоритъ даже противъ себя, что «половина безумной любви—почти дружба», а Рафаэль уклоняется отъ прямаго отвѣта, или отвѣчаетъ вопросами. Наконецъ, Камарго спрашиваетъ его, позволитъ ли онъ ей выйдти за-мужъ? Рафаэль съ величайшимъ равнодушіемъ спрашиваетъ объ имени ея жениха. «И вы простите мнѣ, что я васъ покину»?... «Отъ всего серд«ца,—отвѣчаетъ онъ. Послушайте: дружба ваша мнѣ дорога, но бу«демъ откровенны. Два года! Это немного длинно. Что дѣлать? Такова «исторія сердца: такъ все скоро проходитъ въ немъ. Все замираетъ «въ немъ, какъ звукъ, *все, кромѣ скуки!* Я самъ, который говорю «это вамъ—что̀ я такое»?... И Рафаэль правъ, Рафаэль искренень по своему, онъ не можетъ дажѐ понять, чтобы на вещи можно было смотрѣть иначе; онъ не вѣритъ въ силу страсти, презираетъ женщинъ,—Камаргò въ особенности. Но Камарго—волканъ: она не долго въ силахъ прикрываться холоднымъ равнодушіемъ, и когда Рафаэль даритъ ей на память свой вѣеръ, сравнивая его съ собою, и говоря, что это — портретъ хозяина, «Да! точно портретъ! «отвѣчаетъ Камаргò. О проклятіе! хаосъ—клянусь небомъ! стыдъ «и позоръ. Глупый человѣкъ! и могъ ты попасть въ разстав«ленныя мной тенета. Говори! Кто я? что̀ я дѣлаю? Твой лобъ не «обсохъ еще отъ нашихъ вчерашнихъ поцѣлуевъ.... О!—стыдно и «жалко!... Ты—скотъ, ты безумно радъ, что я покидаю свою до«бычу. Да гдѣ бъ ты ни былъ, на концѐ свѣта, я сыщу тебя, хоть «бы идти босыми ногами. Бойся любви моей, Гаручи!... Она без«мѣрна, какъ море. Гробъ предо мной,—но прежде—тебя я втолкну «туда. Кто лижетъ, тотъ и кусается, кто обнимаетъ, можетъ заду«шить».... А Рафаэль, въ отвѣтъ на эти неистовыя угрозы, восхищается ея глазами, дразнитъ ее снова ласками и клятвами.... Камаргò и вѣритъ и не вѣритъ въ эти клятвы, и отдается ему снова съ циническимъ упоеніемъ!... Сцена мастерская и въ высокой степени истинная, хотя, можетъ быть, истинная до наготы. Отношенія Рафаэля и Камарго, по первому впечатлѣнію, тѣ же самыя, какъ и

Digitized by Google

отношенія Франка и Бельколоре, но вглядитесь въ нихъ поглубже, и между ними откроется огромная разница. Камарго уже не одинъ чудовищный развратъ, какимъ является Бельколоре: она — женщина, искренняя, страдающая, любящая,—поэтъ, уже не только безъ озлобленія, но съ глубокимъ участіемъ, всматривается въ ея страданія. И Рафаэль уже не Франкъ, сохранившій среди пресыщенія стремленіе къ свѣжимъ впечатлѣніямъ,—напротивъ, пресыщеніе влечетъ его къ безмѣрному цинизму.... Дошедшій до безстрастія, до невѣрія въ страсть другихъ, до полнаго презрѣнія къ женщинѣ, онъ, однако, не въ силахъ смѣло и прямо разстаться съ надоѣвшей ему женщиной, какъ Франкъ, да и не имѣетъ въ этомъ нужды, какъ Франкъ. Еще особенность въ характерѣ Рафаэля: онъ юмористъ въ высшей степени: если бъ вы не знали его отношеній къ Камарго, если бъ невысказался передъ вами этотъ человѣкъ всѣмъ своимъ безъисходнымъ и отчаяннымъ скептицизмомъ, вы бы, по способу выраженія, готовы были принять его за одного изъ юмористовъ Шекспира, за Филиппа Фоконбриджа, за Генриха V; но всмотритесь въ него: онъ ужаснетъ васъ отсутствіемъ того живаго начала, которое приковываетъ васъ къ упомянутымъ лицамъ, которое выноситъ ихъ цѣлыми и невредимыми изъ грязной среды жизни, поднимаетъ ихъ до истиннаго трагическаго величія, до широкаго міросозерцанія.

Въ слѣдующей за тѣмъ сценѣ, является аббатъ Дезидеріо, дающій серенаду подъ окнами Камарго. Какъ онъ смѣшонъ, этотъ бѣдный, страстный аббатъ, разорившійся на серенады, и все еще не дошедшій до горькаго разубѣжденія въ любви и женщинѣ!—какъ уничтожаетъ его блестящій Рафаэль, когда, выходя изъ дома Камарго, говоритъ цинически, что «оставляетъ ему мѣсто славное, еще теплое!» А бѣдный аббатъ оскорбленъ его шуткой,—онъ до того еще смѣшенъ и наивенъ, что готовъ, какъ рыцарь, вступиться *за честь* своей богини. На вопросъ о своемъ имени, Рафаэль отвѣчаетъ совершенно въ духѣ шекспировскихъ юмористовъ:

> On me nomme seigneur Vide-Bourse, casseur
> De pots; c'est en anglais, blockhead maitre tueur
> D'abbés. Pour le seigneur Garuci, c'est son pere
> Le plus communement qui *reste* avec ma mere.

Рафаэль и аббатъ условливаются драться, но предварительно идутъ вмѣстѣ ужинать.

Поэтъ переноситъ насъ въ театральную уборную Камаргò—и нѣтъ возможности отказать въ симпатіи этой женщинѣ. «Женщина, говоритъ она сама съ собою, — «кладетъ въ любимую душу часть «своей души. Иначе, зачѣмъ и откуда эта жажда возврата, этотъ

Digitized by Google

«ужасъ потери.» Она любитъ — она искренно любитъ. «Женщина «живетъ любовью и умираетъ отъ любви», продолжаетъ она.... Но уже слышится что-то зловѣщее въ ея стонахъ; эта бесѣда съ самой собою — не даромъ: подобныя женскія натуры отдаются беззавѣтно, но не вынесутъ измѣны. Для нихъ нѣтъ границъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ: чувство стыда и страха давно заглушено въ нихъ развратомъ — и въ этомъ заключается то общее, что̀ имѣетъ Камарго̀ съ Бельколоре. Видимо и ясно, что поэтъ еще самъ не высвободился изъ-подъ вліянія этаго типа, что онъ еще является ему въ получудовищномъ образѣ. Послѣ, мы уже не встрѣтимъ этаго характера въ такомъ преувеличенномъ видѣ.... Бернеретта уже не Камарго̀ и еще менѣе Бельколоре.... Марко̀, въ повѣсти «Октавій», только проходитъ передъ нами, какъ фантастическое сновидѣніе. Но въ фантазіи «Уста и чаша», да здѣсь,—ясно, какую важную роль играетъ этотъ типъ въ психологическомъ процессѣ поэта.

Чтоже такое этотъ типъ? Прежде всего, онъ—не новъ,—не нова и мысль представить его какъ нѣчто губительное, какъ нѣчто похожее на моровую язву. Этотъ типъ женщины мы встрѣчаемъ во многихъ романахъ и драмахъ прошлаго вѣка, то выставленный на позоръ во всей ужасающей наготѣ порока и моральнаго безобразія, то смягченный лучами раскаянія. Не многіе изъ нашихъ читателей знаютъ вѣроятно старую англійскую драму: «Барнвельтъ», когда-то имѣвшую огромный успѣхъ и обязанную этимъ успѣхомъ подобному женскому типу, разоблаченному тамъ съ самымъ прозаическимъ цинизмомъ, — вѣроятно также не многіе помнятъ драму Лессинга «Миссъ Сара Сампсонъ» и страшный характеръ Марвудъ. Этотъ типъ—вполнѣ наслѣдіе прошлаго столѣтія: онъ является тамъ повсюду—и въ литературѣ и въ повседневной жизни,—каждый изъ замѣчательныхъ людей того времени заплатилъ ему свою дань. Для разъясненія этаго типа мы должны сдѣлать довольно значительное отступленіе и напомнить читателямъ замѣчательную драму Лессинга. Въ ней, равно какъ и въ «Барнвельтѣ», этотъ характеръ является разоблаченнымъ со всѣми сокровенными пружинами своихъ дѣйствій. Къ чести нашего вѣка, должно сказать, что этотъ типъ пересталъ уже быть намъ понятнымъ, такъ что едва ли возможны теперь представленія «Барнвельта», или «Миссъ Сары Сампсонъ», не смотря на высоко-моральную цѣль обѣихъ драмъ и на мастерскую концепцію послѣдней Какъ поэтъ новаго времени, Мюссе не могъ и не хотѣлъ представить этаго характера въ прозаической дѣйствительности; у него это—какой-то страшный фантастическій призракъ, къ кото-

Digitized by Google

рому онъ какъ будто боится подвести поближе, хотя даетъ чувствовать, что самъ знакомъ съ нимъ вполнѣ, лицемъ къ лицу. Что этотъ типъ, какъ и многое, завѣщанъ ему, сыну XIX столѣтія, прошедшимъ вѣкомъ—въ томъ убѣдятъ насъ его «Confessions». Желая по возможности пояснить въ этой этюдѣ нашего поэта, какъ изъ него самаго, такъ изъ постороннихъ вліяній, на него дѣйствовавшихъ, мы прибѣгаемъ невольно къ анализу характера Марвудъ—этаго мастерскаго созданія одного изъ величайшихъ писателей прошлаго вѣка, жившаго всѣми интересами своей эпохи, коснувшагося всѣхъ почти психологическихъ вопросовъ, ее волновавшихъ.

Молодой человѣкъ, по имени Мелльфонтъ, увезъ дочь сэра Вилльяма Сампсона—Сару. Мелльфонтъ — слабъ, добръ и безхарактеренъ, Сара добродѣтельна и чиста. Мелльфонтъ ее любитъ страстно, а между тѣмъ все откладываетъ день сватьбы, не потому чтобы не хотѣлъ жениться, а потому что чего-то опасается. Это что-то—Марвудъ, женщина, съ которой былъ онъ въ связи, которая ему опротивѣла, которую онъ ненавидитъ и которой между тѣмъ ничего не стоитъ заставить его слѣдовать за собою. Письмо, полученное отъ нея и заключающее въ себѣ увѣдомленіе о ея пріѣздѣ, повергаетъ Мелльфонта въ какое-то неистовое отчаяніе. «Можетъ ли это быть? «говоритъ онъ.— Опять вижу я эту проклятую руку и не леденѣю «отъ ужаса. Точно-ль это она? Да чтожъ я сомнѣваюсь?.... Она, «она. О другъ! письмо отъ Марвудъ! Какая фурія, какой дьяволъ «открылъ ей мое мѣстопребываніе?.... Чего она хочетъ отъ меня?...» И когда потомъ, въ припадкѣ своего бѣшенства, Мелльфонтъ говоритъ, что за этотъ пріѣздъ она поплатится жизнію,—«Жизнью»?—возражаетъ его вѣрный Нортонъ. «Одинъ ея взглядъ, и вы опять «у ея ногъ. Подумайте, что́ вы дѣлаете? Вы не должны говорить «съ ней, или — горе бѣдной миссъ!» Но Мелльфонтъ боится, чтобы Марвудъ не явилась къ Сарѣ, — онъ идетъ на свиданіе. Такъ приготовляетъ насъ драматургъ къ знакомству съ своей страшной Марвудъ. Паническій страхъ вѣрнаго слуги, ужасъ и отчаяніе самого Мелльфонта, — все заставляетъ насъ ждать чего-то необыкновеннаго, чего-то выходящаго изъ круга повседневныхъ явленій: но не торопитесь заранѣе своимъ заключеніемъ. Въ Марвудъ вовсе нѣтъ ничего необыкновеннаго: только обыкновенное разоблачено въ ней съ страшною истиною. На Мелльфонта она имѣетъ вліяніе потому, что знаетъ его очень хорошо, знаетъ его слабыя стороны и безсовѣстно пользуется его деликатностью, его благородными свойствами. Мелльфонтъ, не смотря на свою вѣтренность, такъ чистъ и добръ, что готовъ повѣрить даже въ искрен-

Digitized by Google

ность Марвудъ. Марвудъ—демонски умна. Она знаетъ, какъ за него взяться, знаетъ, что, въ настоящемъ случаѣ, ничего не возьметъ угрозами: «Любовь и слезы—единственное оружіе, какое употреблю я противъ него», говоритъ она,—расчитываетъ въ особенности на дочь, которую насильно взяла изъ пансіона, куда помѣстилъ ее Мельфонтъ. «Въ Арабеллѣ видитъ онъ драгоцѣнную часть самаго себя, а во «мнѣ погибшую женщину, пресытившую его до утомленія». Когда докладываютъ ей о приходѣ Мельфонта, она совѣтуется съ своей Ганной, какую физіономію ей состроить,—и бросается къ нему на встрѣчу съ искреннею радостью, съ распростертыми объятіями. «Марвудъ, говоритъ онъ, — я думалъ, что вы примете меня иначе!» «Отъ чего же иначе?... и какъ иначе?... Съ бо̀льшею любовью, мо«жетъ быть? съ бо̀льшимъ восторгомъ? Ахъ я несчастная! я не «могу выразить всего, что̀ чувствую!» Мельфонтъ какъ будто не поддается на эту удочку—онъ ждетъ упрековъ, готовъ отвѣчать на упреки въ невѣрности. И что же? Марвудъ снова поражаетъ его неожиданной стратегемой. «Милая, чудная душа, зачѣмъ хотите вы «насильно заставить меня вспомнить о *пустякахъ*, которые *я про«стила* вамъ въ ту же минуту, какъ о нихъ узнала?» И напрасны увѣренія Мельфонта, что это вовсе не пустяки. «Ваше сердце, «Мельфонтъ, преглупенькое и предобренькое. Оно, пожалуй, убѣ«дитъ себя во всемъ, что̀ угодно вашему воображенію. Повѣрьте «мнѣ, я знаю васъ лучше васъ самихъ». Огромленный Мельфонтъ чувствуетъ свое опасное положеніе и хочетъ уйдти. «Скажите мнѣ «прямо, Марвудъ, спрашиваетъ онъ,—за чѣмъ вы ко мнѣ пріѣхали, «что̀ вы отъ меня хотите? Но,—продолжаетъ онъ, самъ на себя по«давая оружіе,—скажите мнѣ *безъ этой улыбки, безъ этаго взгля«да, въ которыхъ цѣлый адъ обаянія.*» Марвудъ еще болѣе ободрена этимъ признаніемъ,—она принимается съ дьявольской софистикой разоблачать Мельфонту его собственное, внутреннее состояніе: «Послушай-ко, мой милый Мельфонтъ,— я вѣдь понимаю, что̀ те«перь съ тобою. Твои желанія и твоя маленькая *склонность*—те«перь твои тираны. Ну и пусть ихъ, пусть они нашумятся до̀сыта. «Противиться имъ—глупо. Усыпишь ихъ и наконецъ совершенно по«бѣдишь, только давши имъ полную волю. Пройдутъ сами! Упрек«нешь ли ты меня, милый вѣтренникъ, чтобы я когда-нибудь рев«новала, когда прелести посвѣжѣе моихъ отрывали тебя отъ меня «надолго?—Я всегда позволяла тебѣ эти измѣны и послѣ нихъ боль«ше пріобрѣтала, чѣмъ теряла. Ты съ новой страстью, съ новой «искренностью возвращался въ мои объятія, и они были тебѣ всегда «легкими узами, — никогда тяжелыми цѣпями. Не сама ли я была

Digitized by Google

«часто твоей повѣренной? Отъ чего же ты думаешь, что я буду те-
«перь ослѣплена себялюбіемъ? Если еще не прошелъ пылъ твоей
«страсти къ прекрасной деревенской барышнѣ, — если у тебя еще
«первые припадки любовной лихорадки, если ты не въ силахъ обой-
«тись безъ обладанія ею, — кто же тебѣ мѣшаетъ отдаваться страсти
«сколько угодно и насколько угодно? Для чего жъ тебѣ нелѣпо-
«сти-то дѣлать и бѣжать изъ отечества?» Мельфонтъ возражаетъ на эту хитросплетенную рѣчь, что съ добродѣтельной дѣвушкой онъ научился различать любовь отъ сладострастія. «Вотъ какъ! нагло-
«насмѣшливо говоритъ безтрепетная Марвудъ. Стало быть твоя но-
«вая богиня дѣвушка съ нравственностью? Сами вы не знаете, муж-
«чины, чего вы хотите: то нравятся вамъ въ насъ самыя грязныя
«рѣчи, самыя непристойныя шутки, — то надобно вамъ, чтобы мы
«такъ и дышали добродѣтелью, чтобы семь мудрецовъ было у насъ
«на языкѣ. А хуже-то всего то, что вамъ равно надоѣдаетъ и то
«и другое. Будь мы глупы или разумны, добродѣтельны или рас-
«путны — все равно, понапрасну станемъ трудиться сдѣлать васъ
«постоянными». Но Мельфонтъ твердо стоитъ въ своемъ намѣре-
ніи, — хотя всякому видно, что это твердость человѣка, въ отчаяніи стоящаго у бездны и закрывающаго глаза, твердость страуса, прячущаго голову въ свои перья. Марвудъ — все его прошедшее, прошедшее, съ которымъ нѣтъ у него возможности раздѣлаться, прошедшее постыдное, но обаятельное. Скачковъ не бываетъ въ моральномъ процессѣ. Любовь Сары не могла вдругъ уврачевать душу, истощенную ласками Марвудъ. Вѣчное, разумное правосудіе неумолимо мститъ за оскорбленіе себя. Передъ Мельфонтомъ бездна, и вы знаете навѣрное, что Марвудъ втянетъ его въ эту бездну. Для этого владѣетъ она всѣми средствами — умомъ, обаяніемъ красоты и цинизма, безсовѣстностью, незнающею никакихъ границъ и предѣловъ. Характеръ ея нисколько не преувеличенъ, а только развитъ съ художественной полнотою — и вотъ причина, по которой мы привели его для объясненія нѣсколько туманныхъ типовъ поэта нашего времени. Но повторяемъ опять: какъ поэтъ нашего времени, Мюссе не былъ способенъ на воспроизведеніе этаго характера во всей безпощадной истинѣ — онъ окружилъ его туманною и поэтическою ореолою. И Бельколоре и Камарго — какія-то сновидѣнія. Важенъ только слѣдъ этихъ сновидѣній въ моральномъ процессѣ поэта.

Обращаясь снова къ драмѣ А. де-Мюссе, мы вкратцѣ разскажемъ ея содержаніе. Рафаэль за ужиномъ уступаетъ Камарго аббату и вмѣсто себя посылаетъ его на свиданіе. Камарго узнаетъ обманъ, и чтобы отмстить за себя, побуждаетъ Дезидерію убить

Digitized by Google

Рафаэля. Рафаэль умираетъ подъ его кинжаломъ и умираетъ такъ, какъ жилъ, безпечнымъ циникомъ. Послѣдняя сцена происходитъ у Камарго: въ этой сценѣ много энергіи, и потому мы цѣликомъ передаемъ ее читателямъ.

КАМАРГО.

Войдите!

(Аббатъ входитъ. Онъ подаетъ ей кинжалъ. Камарго смотритъ на него нѣсколько минутъ, потомъ встаетъ и идетъ къ постели).

Долго онъ страдалъ?

АББАТЪ.

Какое!

Минуту.

КАМАРГО.

Что̀ сказалъ онъ?

АББАТЪ.

Говорилъ,

Что кружится земля.

КАМАРГО.

И только?

АББАТЪ.

Что имѣнье

Шуту Пальфоріо онъ отдаетъ.

КАМАРГО.

И больше

Ни слова?

АББАТЪ.

Нѣтъ, ни слова.

КАМАРГО.

На мизинцѣ

Кольцо алмазное носилъ онъ. Принесите
Его скорѣй.

АББАТЪ.

Не льзя.

КАМАРГО.

Вѣдь не далеко

То мѣсто, гдѣ вы бросили его?

Digitized by Google

АББАТЪ.

Да! не льзя!

КАМАРГО.

Аббатъ! свое всегда
Держу я слово.

АББАТЪ.

Не сегодня.

КАМАРГО.

Что же?

АББАТЪ.

Но....

КАМАРГО.

Ты не убивалъ его, проклятый!

АББАТЪ.

Пусть небо разразитъ меня, когда
Я этого не сдѣлалъ.

КАМАРГО.

Отъ чего же
Нейдешь ты?

АББАТЪ.

Да его я бросилъ въ море.

КАМАРГО.

Какъ! въ море? нынче ночью?

АББАТЪ.

Да, синьора.

КАМАРГО.

Ну—на себя сердитесь.... я хотѣла,
Клянусь душею, этаго кольца.

АББАТЪ.

Хоть бы сказали мнѣ по крайней мѣрѣ.

КАМАРГО.

Да какъ же я тебѣ могу повѣрить,
Презрѣнный! Честью что ли станешь клясться?
Или рукой окровавленной? Чѣмъ
Докажешь ты?... Я ничего не знаю.
Ты хвастаешь быть можетъ. Ты бы руку
Его отрѣзалъ и принесъ ко мнѣ!

Digitized by Google

АББАТЪ.

Синьора, темно было.... Море близко....
Его я бросилъ.

КАМАРГО.

Ничего не знаю.

АББАТЪ.

Но мой кинжалъ окровавленъ, синьора;

КАМАРГО.

Не рѣдкость кровь.

АББАТЪ.

Не далеко и трупъ,
Синьора, — можетъ быть возмется кто-нибудь....

КАМАРГО.

Ночь темная и море широко.

АББАТЪ.

Но блѣденъ я, смотрите.

КАМАРГО.

А сегодня
Была блѣдна я тоже, мой любезный
Аббатъ, играя Тизбу.

АББАТЪ.

Ради неба,
Синьора!

КАМАРГО.

Впрочемъ, хорошенько вы
Взгляните. Можетъ быть увидите. Окно
Выходитъ прямо на море.
(Уходитъ).

АББАТЪ.

Но.... Боже!...
Она ушла.... Я друга своего
Убилъ и заслужилъ огонь мученій.
Я замаралъ свой санъ и прогналъ ее.
Вотъ и мораль комедіи вамъ всей.

Мы сказали уже, что этотъ жалкій типъ не встрѣтится намъ уже болѣе нигдѣ въ произведеніяхъ нашего поэта.... но слѣды его вліянія замѣтны во многихъ женскихъ характерахъ драмъ и повѣстей Мюссе. Вообще въ созданіи женскихъ лицъ проглядываетъ у

Digitized by Google

Мюссе какой-то насмѣшливый скептицизмъ, и бо́льшая часть его женщинъ по прямой линіи ведутъ свое происхожденіе отъ Изабеллъ и Агнесъ Мольера: все различіе между ними только въ томъ, что женщины Мюссе несравненно изящнѣе и граціознѣе. Съ другой стороны, ни у одного современнаго писателя не найдете вы такой простодушной, фантастической вѣры въ любовь и въ силу любви, такой искренней, глубокой симпатіи ко всякому молодому, свѣжему, дѣвственному впечатлѣнію,—и развѣ у Ж. Санда только встрѣтятся вамъ такія, писанныя огнемъ и пламенемъ, страницы, какъ у Мюссе. Поэтъ, какъ будто наперекоръ горькимъ опытамъ, наперекоръ дорого купленному скептецизму, вынесъ цѣлымъ и невредимымъ молодое, благоуханное чувство. Мы привели уже разъ чудный разговоръ двухъ дѣвочекъ изъ комедіи: «A quoi revent les jeunes filles» — но нужно было бы приводить почти каждую сцену этой граціозной фантазіи, чтобы на каждомъ шагу видѣть подтвержденіе нашей мысли. Нигдѣ скептецизмъ поэта не высказывался такъ ясно, какъ въ лицѣ герцога Лаэрта, и нигдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ онъ искреннѣе, какъ въ созданіи юноши Сильвіо.... нигдѣ не смѣялся Мюссе такъ умно надъ любовью, и нигдѣ не былъ онъ объективнѣе, непосредственнѣе въ изображеніи ея дѣвственныхъ порывовъ,—нигдѣ наконецъ не придавалъ онъ такаго идеально чистаго колорита совершенно чувственнымъ впечатлѣніямъ. Мы не рѣшаемся анализировать этой чудной фантазіи—и переходимъ къ другимъ драматическимъ произведеніямъ поэта.

На первомъ мѣстѣ поставимъ мы трагедію «*Лорензаччіо*», хотя не станемъ передавать ея содержаніе. Произведеніе юношеское, какъ *Фіэско*, какъ *Гёцъ фонъ Берлихингенъ*—эта трагедія исполнена такой же энергіи, какъ двѣ эти драмы. Изученіе и пониманіе Шекспира отражается не на одной только формѣ ея: широкія рамы картины, многообразіе содержанія, широкія штрихи, какими обрисованы характеры,—и наконецъ всего болѣе, вѣра въ трагическую Немезиду, неумолимую и разумную—все это, вмѣстѣ взятое, ставитъ чрезвычайно высоко трагедію Мюссе. Въ немъ есть то, чего не доставало Гёте, чтобы быть истиннымъ драматургомъ, сочувствіе къ политической сферѣ и глубокое пониманіе ея пружинъ; въ немъ есть съ другой стороны то, чего недоставало автору Валленштейна, сочувствіе къ обыкновенному, ежедневному; есть, однимъ словомъ, то же здравое, разумное чутье жизни, которое проникаетъ простыя и недосягаемо-высокія созданія Шекспира. Въ характерѣ главнаго героя и въ его трагической гибели сказалась опять задушевная мысль произведеній Мюссе. Лорензаччіо достигъ своей страшной

Digitized by Google

цѣли, но когда, по достиженіи ея, онъ оглянулся на путь, пройденный имъ, онъ понялъ, что этотъ путь уничтожилъ самую цѣль, что въ душѣ его подорваны всѣ вѣрованія и въ самаго себя и въ другихъ, и дѣйствительность оправдываетъ его невѣріе—и онъ гибнетъ трагическою жертвою своего собственнаго заблужденія.

Другая драма Мюссе—не менѣе замѣчательная по своей основной мысли и по мастерскому очерку характеровъ: «*Андрей дель-Сарто.*» Андрей дель-Сарто—итальянскій живописецъ, но да не подумаютъ читатели, что это одинъ изъ тѣхъ полупомѣшанныхъ художниковъ, которые являются въ нашихъ россійскихъ драматическихъ фантазіяхъ. Прежде чѣмъ онъ художникъ, — дель-Сарто человѣкъ энергически-страстный и вмѣстѣ слабый, высокій и искренній въ своихъ заблужденіяхъ, простой въ своихъ энергическихъ дѣйствіяхъ. Послѣ искусства всего болѣе любитъ онъ ученика своего Кордіани, даровитаго и пламеннаго юношу,—но больше, несравненно больше искусства, любитъ дель-Сарто жену свою Лукрецію: нѣтъ ничего, чего бы онъ для нея не сдѣлалъ: онъ разорился, вошелъ въ долги, промоталъ деньги французскаго короля для того, чтобы удовлетворить ея прихотямъ. И Лукреція — ему измѣнила, и Кордіани—любовникъ Лукреціи. Между тѣмъ, Кордіани—не злодѣй, даже не эффектный герой, оправдывающій себя софизмами,—нѣтъ, все можно простить ему за искренность, за пламень его безумной страсти. «Теперь, когда она моя, говоритъ онъ своему другу, теперь, когда сижу я за своимъ столомъ, и когда, какъ тихія слезы льются у меня безумные стихи, говорящіе ей о моей любви,—и чудится мнѣ, словно милая тѣнь ея склоняется ко мнѣ на плечи и читаетъ ихъ; теперь, когда есть любимое имя въ моихъ устахъ ... о другъ! кто не видалъ сто, тысячу разъ въ своихъ сновидѣніяхъ обожаемаго существа, созданнаго для него, живущаго для него? И пусть на одинъ день только увидать эту головку, прижать ее къ груди и умереть.—Не думаешь ли ты, что я обольстилъ ее?» говоритъ онъ даже,—«что она обдумывала и что я обдумывалъ? Цѣлый годъ я вижу ее каждый день—говорю ей и она отвѣчаетъ, понимаетъ каждый жестъ мой». — Вы еще прежде готовы оправдать Кордіани, съ перваго его появленія, съ первыхъ его словъ другу. Онъ только что избавился отъ опасности быть пойманнымъ, и между тѣмъ первыя слова его другу своему Дамьяну: «Она меня любитъ, она меня любитъ! Что́ ты мнѣ говоришь? я счастливъ. Взгляни на меня—она меня любитъ. Со вчерашняго дня я бѣгаю по этому саду, бросаюсь на сырую траву, толкаю статуи и деревья, покрываю страстными лобзаніями траву, по которой она ходила».

Digitized by Google

Но вотъ является самъ дель-Сарто. Онъ истинный художникъ, полный самаго эстетическаго чутья жизни. Споры учениковъ объ искусствѣ онъ прерываетъ простыми словами: «Разсужденіе, друзья «мои, сухая почва: оно-то все и убиваетъ. Меньше предисловій и «больше книгъ. Вы живописцы, дѣти мои; да будутъ же нѣмы ва«ши уста и пусть говоритъ за васъ ваша правая рука. Правда, при«рода вѣчно хочетъ быть новою—но остается всегда та же». Не видя Кордіани, и на вопросъ о немъ получая въ отвѣтъ, что онъ нездоровъ, дель-Сарто съ восторгомъ говоритъ о своемъ юномъ другѣ въ немъ сосредоточены всѣ надежды великаго художника. Въ слѣдующей за тѣмъ сценѣ, Андрей раскрываетъ передъ нами всю бездну, въ которую вовлекла его безразсудная страсть къ Лукреціи, и еще страшнѣе становится его положеніе, когда преданный ему старикъ объявляетъ, что въ прошлую ночь молодой человѣкъ выскочилъ изъ окна комнаты Лукреціи и ранилъ его кинжаломъ. Онъ самъ подстерегаетъ любовниковъ, онъ убѣждается, что Кордіани, дитя его сердца, обманулъ его, что Лукреція ему не вѣрна.... Не ждите страшнаго мщенія отъ великаго, благороднаго Андрея, но не ждите также холоднаго самопожертвованія отъ этой страшной натуры. Какъ человѣченъ, какъ трогателенъ, какъ кротокъ онъ въ объясненіи съ Кордіани. «Ты знаешь», говоритъ онъ ему, «что я не вижу «здѣсь ни ненавистнаго преступленія, ни попранія святой дружбы— «перерѣзана только нить, связывающая меня съ жизнью». Онъ требуетъ только, чтобы Кордіани уѣхалъ. «Я привыкъ къ терпѣнію», говоритъ онъ. «Чтобы быть любимымъ этою женщиной, я цѣлые годы «гонялся за ея тѣнью. Я съизнова готовъ начать тотъ же подвигъ». Бѣдный дель-Сарто! ужели не знаетъ онъ, что это невозможно? Кордіани даетъ ему слово ѣхать, и—не въ силахъ сдержать своего слова, страсть его слишкомъ слѣпа, слишкомъ безумна, чтобы онъ могъ ее пересилить. Андрей снова застаетъ его у Лукреціи, дерется съ нимъ на поединкѣ, ранитъ его.... но что ему въ мщеніи? Великая, любящая натура его высказываетъ все въ слѣдующихъ словахъ: «Зачѣмъ я прогналъ жену, убилъ этого человѣка?... я не оскорбленъ, только несчастенъ».... И когда узнаетъ онъ, что рана Кордіани не смертельна, что Лукреція бѣжала съ нимъ,—онъ опять рабъ своей безумной страсти. Первое движеніе его—сѣсть на коня, скакать за ними по піемонтской дорогѣ, потомъ онъ падаетъ, обезсиленный отчаяніемъ. Все кончено для него.... слава, честь, любовь. Равнодушно выпиваетъ онъ чашу съ ядомъ,—а одинъ изъ учениковъ догоняетъ на дорогѣ бѣглецовъ, и говоритъ имъ: «Что вы бѣжите? вдова Андрея дель-Сарто можетъ быть женою Кордіани».

Digitized by Google

Третья, замѣчательная драматическая попытка даровитаго поэта—«*Венеціанская ночь*», чудная, граціозная фантазія, которая можетъ быть названа вполнѣ художественнымъ произведеніемъ. Въ ней замѣчательно развитъ женскій характеръ, хотя здѣсь въ особенности и въ комедіи *Le Chandelier* высказывается довольно нецеремонно скептическій взглядъ поэта на женщинъ,—взглядъ, наслѣдованный имъ отъ Мольера. Героиня *Венеціанской ночи* Лауретта влюблена въ молодаго Венеціанца *Рацетту*, и между тѣмъ должна выйдти замужъ за какого-то нѣмецкаго князя. Рацетта—пылокъ и страстенъ до безумія,—онъ не хочетъ слушать никакихъ оправданій, никакихъ возраженій, требуетъ безграничнаго самопожертвованія, потому что способенъ на безграничныя безумства. «Для кого», говоритъ онъ, «столько дней и столько ночей бродилъ я вокругъ этихъ стѣнъ? «Для кого я все бросилъ? Не говорю о моихъ обязанностяхъ —*я «ихъ презираю*, не говорю объ отчизнѣ, о семьѣ, о друзьяхъ, всего «этого найдешь въ волю, *было бы золото*. Но наслѣдство моего «отца—гдѣ оно?... Я потерялъ даже свои эполеты.... только ты одна «привязываешь меня къ міру. Нѣтъ, нѣтъ, кто поставилъ цѣлую «жизнь на карту, тотъ не долженъ покидать игры». Рацетта говоритъ подъ вліяніемъ страсти, безпощадно послѣдовательной въ своихъ выводахъ: на все смотритъ онъ подъ однимъ угломъ зрѣнія, и все то, что было бы отвратительной аффектаціей въ другомъ, менѣе страстномъ человѣкѣ—это презрѣніе къ долгу, эта вѣра въ силу одного золота, понятно, какъ минута, въ этомъ человѣкѣ минуты. Будь онъ одинъ изъ надоѣвшихъ всѣмъ героевъ нашего времени, холоднорасчетливыхъ въ своихъ преступленіяхъ, будь онъ, однимъ словомъ, менѣе искренъ, онъ возмутилъ бы нравственное чувство: но онъ весь отдается минутѣ.... И вы понимаете, почему онъ готовъ на самоубійство, какъ понимаете въ заключеніи пьесы, почему онъ такъ вѣтренно отдѣлывается отъ своей безумной страсти и снова бросается въ жизнь съ отвагой юности, съ безпечностью ребенка. Въ немъ много любви къ жизни, много жизненнаго начала.... Онъ такъ безавѣтно отдается впечатлѣнію, такъ искренно вѣритъ въ него, что не хочетъ и не можетъ видѣть препятствій: на робкія мольбы бѣдной дѣвочки, уже обрученной съ уполномоченнымъ князя, «Француженка что ли ты»? восклицаетъ онъ.—«Неужели солнце «было такъ блѣдно въ день твоего рожденія, что кровь оледенѣла «въ твоихъ жилахъ?... или ты меня не любишь»? Когда Лауретта покидаетъ балконъ, бросивши ему на прощанье свой золотой крестикъ, онъ готовъ броситься въ море, онъ плачетъ, какъ дитя. Гондола съ веселыми товарищами и прекрасными женщинами плыветъ

Digitized by Google

мимо—и онъ глухъ на ихъ зовъ, глухъ на ихъ насмѣшки.... Но онъ уже перемѣнилъ свое намѣреніе, онъ не хочетъ утопиться, а надѣваетъ маску и входитъ въ домъ маркиза делла-Ронда, отца Лауретты. Тамъ онъ оставляетъ Лауреттѣ кинжалъ и записку, требуя отъ нея убійства князя такъ же безумно, какъ прежде хотѣлъ утопиться. Лауретта въ отчаяніи—она твердо вѣритъ, что Рацетта рѣшится на самоубійство: она уже кается въ своей любви къ этому человѣку, который самъ «страшнѣе всѣхъ несчастій», она уже не любитъ его.... Положеніе ея въ высшей степени странно.... различныя чувства волнуютъ ея грудь: она ждетъ князя и должна убить его.... И князь является.

Это—другая сторона того же самаго типа. На сколько Рацетта дитя минуты, на столько князь человѣкъ рефлексіи. Онъ жилъ въ одномъ идеальномъ мірѣ, но за то эта жизнь вѣчной рефлексіи состарила его. Къ дѣйствительной жизни приступаетъ онъ съ готовыми данными, съ математическими формами, съ заданными себѣ напередъ мыслями. Точно также, какъ и страшный Рацетта, онъ не знаетъ границъ своему скептицизму, но онъ спокойнѣе смотритъ въ даль, онъ болѣе властелинъ самого себя: съ самаго перваго появленія этого блестящаго и юнаго мудреца, не трудно отгадать, что на его сторонѣ останется побѣда. Съ холоднымъ флегматизмомъ сѣвернаго человѣка, свѣряетъ онъ портретъ своей жены съ оригиналомъ, но умѣетъ быть граціозно-любезнымъ при этой странной повѣркѣ. Онъ врагъ излишнихъ церемоній, онъ удивляется, что Лауретта робѣетъ передъ нимъ. «Вы молоды, синьйора», говоритъ онъ ей, «я также. Но такъ какъ мнѣ не запрещены ни романы, ни комедіи, «ни трагедіи, ни повѣсти, ни исторіи, ни записки, я могу передать «вамъ то, чему я изъ нихъ научился. Въ каждой музыкальной пьесѣ «есть всегда интродукція, тема, двѣ-три варіаціи, анданте и престо. «Въ интродукціи, музыканты еще не довольно согласны, стараются «съиграться, пытаютъ другъ друга; тема настроиваетъ ихъ: всѣ мол«чатъ или тихо аккомпанируютъ, только одинъ гармоническій го«лосъ владычествуетъ надо всѣмъ. Не зачѣмъ, кажется, пояснять мое «сравненіе. Варіаціи бываютъ длиннѣе или короче, смотря по распо«ложенію духа». Но страсть къ теоріямъ не до такой степени сильна въ немъ, чтобы онъ не сознавался подчасъ въ ихъ ошибочности.... нѣтъ! онъ благороденъ и искренъ, онъ проситъ прощенія у Лауретты въ томъ, что приступилъ къ ней съ готовою заранѣе мыслью, и этимъ самымъ мастерски льститъ ея самолюбію.... но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ даетъ чувствовать, что проситъ прощенія, какъ сильный, а не какъ слабый.... Онъ рисуетъ пылкой Венеціанкѣ картину сво-

Digitized by Google

боды, роскошной жизни, которая ждетъ ее, и самъ умѣетъ явиться въ этой картинѣ такъ гуманнымъ, такъ нѣжнымъ.... Онъ береть у нея кинжалъ, не хочетъ знать содержанія записки, которая виднѣется за газомъ платья. Онъ вполнѣ спокоенъ, вполнѣ à son aise.— «Я помню», говоритъ онъ, «слова Шекспира о Венеціанкахъ». — Какія?—«Вѣроломны какъ волна». И между тѣмъ онъ говоритъ, что только глупцы считаютъ возможнымъ презирать женщинъ. Есть, однимъ словомъ, что-то чрезвычайно обаятельное въ деспотическомъ вліяніи на другихъ этого человѣка... И бѣдный Рацетта тщетно ждетъ подъ балкономъ условнаго сигнала. Снова раздается симфонія, снова мчится гондола съ веселыми гуляками, снова зоветъ его.... «Будь такъ»! говоритъ онъ. «Пусть же всякое любовное безумство «кончается такъ весело, какъ мое»!

Основная мысль прелестной пьесы Мюссе, кажется намъ, не требуетъ никакихъ поясненій. На днѣ этой страсти, этой любви, лежитъ скептицизмъ самый отчаянный,—и, съ другой стороны, въ скептицизмѣ нѣмецкаго князя скрывается много истинно-гуманнаго, жизненнаго, разумнаго.

Мы сказали, что въ созданіи Лауретты выразился въ особенности скептическій взглядъ поэта на женщину, и назвали такіе женскіе типы мольеровскими—потому что должны были сравнить Мюссе съ поэтомъ его же націи, и потому что, какъ Мольеръ, такъ и Мюссе равно брали матеріалы изъ окружавшей ихъ дѣйствительности. Но между тѣмъ и другимъ поэтомъ та же разница, какъ между XVII и XIX вѣкомъ. Обманутые мужья, проведенные опекуны были во времена Мольера любимою темою комиковъ и сатириковъ. Ригористъ Буало посвятилъ цѣлую X-ю сатиру на изображеніе недостатковъ *прекраснаго* пола

Je sais que c'est un texte ou chacun fait sa glose,
Que de maris trompés tout rit dans l'univers,
Epigrammes, chansons, rondeaux, tables en vers
Satire, comedie; et sur cette matiere
J'ai vu tout ce qu'ont fait La Fontaine et Moliere;
J'ai lu tout ce qu'ont dit Villon et Saint-Gelais,
Arioste, Maret, Bocace, Rabelais
Et tous ces vieux recuiels de satires naives,
Des malices du sexe immortelles archives.

Къ числу всѣхъ этихъ писателей, Депро могъ бы прибавить и суроваго Макьявелли, одна изъ комедій котораго (Мандрагора) есть циническій памятникъ нравовъ эпохи. Никогда, можетъ быть, не было столько мужей-рогоносцевъ и мужей, состоящихъ подъ башмакомъ

Digitized by Google

дражайшихъ половинъ, какъ въ эту эпоху и въ предшествовавшую ей: умы самые энергическіе и самые строгіе подвергались часто нареканію въ этомъ отношеніи: укажемъ на Лютера, котораго поэтъ Лемніусъ преслѣдовалъ эпиграммами за его Катарину де-Бора,—на Мольера въ особенности, который цѣлую жизнь былъ жалкою игрушкой вѣтренной кокетки, который вложилъ частицу самаго себя въ своихъ Альсестовъ, Арнольфовъ, Жоржъ-Данденовъ. Взглядъ на женщину былъ въ это время смѣсью самаго страннаго обожанія, выражавшагося въ безконечныхъ petit soins или ухаживаньяхъ, съ самымъ наглымъ презрѣніемъ, къ которому поводъ подавали сами женщины. Приводимъ опять сухаго Буало:

Peut être avant deux ans, ardente à te de plaire,
Eprise d'un cadet, ivre d'un mousquetaire,
Nous la verrons hanter les plus honteux brèlans,
Donner chèz la cornu rendez-vous aux galants,
De Phèdre dedaignant la pudeur enlantine
Suivre à front découvert Z.... et Messaline....
Compter pour grands exploits vingt hommes ruinés,
Blessés, battus pour elle et quatre assassinés.

У Мольера встрѣчаемъ мы одинъ женскій типъ, который въ состояніи даже пугать насъ своей страшной вѣрностью тогдашней дѣйствительности — лице Анжелики въ комедіи: «Georges Dandin ou le mari confondu.» Эта пьеса точно такъ же не можетъ быть представляема въ наше время, какъ и вышеупомянутая драма Лессинга, не смотря на то, что она—одна изъ лучшихъ комедій Мольера. Въ этомъ характерѣ Анжелики женское кокетство лишено уже всякой граціи, и перестаетъ даже быть кокетствомъ, а требуетъ для себя инаго имени.

Мы не станемъ слѣдить причинъ подобнаго воззрѣнія у Мольера,—что же касается до причинъ, по которымъ у Мюссе является тотъ же типъ,—хотя, разумѣется, смягченный и обозначенный болѣе граціозными чертами,—то онѣ ясно выскажутся намъ въ его «Октавіѣ». Замѣтимъ только, что Мюссе—поэтъ въ полномъ смыслѣ слова: онъ не ригористъ и не сатирикъ, какъ Буало; онъ не односторонній комикъ, какъ Мольеръ,—у него виновата не одна женщина, виноватъ равно и мущина,—онъ готовъ иногда вѣрить въ чистоту и невинность, готовъ въ порокѣ искать оправдательныхъ чертъ.... но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ веселостью старыхъ комиковъ издѣвается онъ надъ обманутыми мужьями, съ величайшею истиною изображаетъ кокетокъ.

Лауретта въ «Венеціанской ночи» еще только инстинктивная кокетка, граціозный ребенокъ, исполненный неясныхъ стремленій и самаго вѣроломнаго лукавства. Три превосходнѣйшихъ типа женскаго

Digitized by Google

кокетства: Жаклина въ *Le Chandelier*, Маріанна въ Les caprices de Marianne и Мадамъ де-Лери въ «Un caprice.»

Чудное созданіе—эта жена брюзгливаго, ревниваго и глупаго нотаріуса Метръ Андрѐ,—чудное созданіе, не смотря на то, что съ самымъ безтрепетнымъ мѣднымъ лбомъ притворяется спящею, когда мужъ приходитъ отыскивать дѣйствительно спрятаннаго въ ея комнатѣ капитана Клавароша,—бранитъ его же, бѣднаго и растерявшагося отъ неудачныхъ поисковъ супруга и горько жалуется на свою судьбу.... Она ни на минуту не перестаетъ быть граціозною—и вы не возмущаетесь, когда она хохочетъ вмѣстѣ съ безсовѣстнымъ Клаварошемъ надъ будущимъ подсвѣчникомъ, т. е. подставнымъ любовникомъ!... Но здѣсь-то и ждетъ ее судьба. Фортюніо, выбранный въ подсвѣчники, весь—любовь и юношеская чистота: онъ вполнѣ высказывается въ своей милой и полной глубокаго чувства пѣснѣ:

Si vous croyez que je vais dire
Qui j'ose d'aimer,
Je ne saurais pour un empire
Vous la nommer.

Nous allons chanter à la ronde
Si vous voulez,
Que je l'adore et qu'elle est blonde,
Comme les blés.

Je suis ce que sa fantaisie
Veut m'ordonner
Et je puis, s'il lui faut ma vie,
La lui donner.

И онъ сдержитъ свое обѣщаніе, благородный кудрявый ребенокъ.... Онъ узнаетъ, что Жаклина его обманываетъ, онъ подслушиваетъ ея откровенную бесѣду съ Клаварошемъ—и все-таки готовъ идти для нея на вѣрную гибель.... И Жаклина побѣждена или, лучше сказать, въ ней самой ея свѣтлая женственная сторона одержала побѣду надъ темною.... «Вы знали, что я лгу, что я обманываю, что я насмѣха«юсь надъ вами—и что я васъ гублю? вы знали, что я люблю Кла«вароша и дѣлаю все, что онъ хочетъ? что я играю комедію? что «вчера я васъ провела? что я подла и стою презрѣнія? что я под«вергаю васъ смерти изъ-за своего удовольствія?... Вы знали все это, «вы вполнѣ знали?... Ну.... ну!... *теперь* чтоже вы знаете?... Знаешь «ли ты, что я тебя люблю, ребенокъ? что мнѣ нужно твое проще«ніе или смерть, что я хочу на колѣнахъ умолять о немъ?...»

Но не думайте, чтобы эта развязка была у Мюссе разрѣшеніе вопроса. Характеръ, торжествующій въ лицѣ Фортюніо, гибнетъ въ

Digitized by Google

лицѣ Челіо въ «Капризахъ Маріанны». Маріанна любитъ не его, а пьяницу и гуляку Октавіо, хотя Октавіо всѣми силами хлопочетъ за Челіо, хотя Октавіо не любитъ Маріанны. На могилѣ Челіо говоритъ онъ Маріаннѣ: «я не умѣю любить: умѣлъ одинъ Челіо.»

И въ этомъ-то, какъ мы уже сказали разъ, заключается величайшее достоинство Мюссе. Онъ не рѣшаетъ окончательно ни одного вопроса. Въ характерѣ *Барберины* (La Quenouille de Barberine) такъ же искренно создаетъ онъ апотеозу женской вѣрности,—въ *Камиллѣ* (On ne badine pas avec l'amour) рисуетъ идеалъ дѣвственной чистоты.... Какъ истинный поэтъ, онъ отдается всѣмъ впечатлѣніямъ съ беззавѣтною искренностію, и вѣритъ въ жизнь, въ красоту и въ разнообразіе ея явленій. Отъ этаго и въ самомъ скептицизмѣ его нѣтъ ничего сухаго: есть напротивъ что-то трогательное и неотразимо-влекущее.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

ПОВѢСТИ АЛЬФРЕДА-ДЕ-МЮССЕ.

Octave, Les deux maitresses, Fréderic et Bernerette, и проч. (Nouvelles). *Paris. 1 vol.*

(Окончаніе).

Пора, наконецъ, приступить намъ къ повѣсти, которая можетъ назваться задушевной исповѣдью поэта, къ его Октавію, къ этой книгѣ жизни, на которой повсюду отпечатлѣны слѣды

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ,

къ книгѣ, которой ни юноша, кипящій тревожными стремленіями, ни мужъ, перекипѣвшій въ борьбѣ съ жизнію—не могутъ отказать въ участіи. Странная, въ самомъ дѣлѣ, эта книга!—отъ иныхъ страницъ ея вѣетъ ледянымъ холодомъ и безотрадностью отчаянія; другія такъ и дышатъ пыломъ молодаго сердца, вѣрою въ жизнь, вѣрою quand meme.... Книга, исполненная поразительныхъ противорѣчій, въ которой ядовитая насмѣшка дружится съ жаркими слезами раскаянія, разубѣжденіе съ пламенною молитвою, самонадѣянная гордость съ кроткимъ и скорбнымъ смиреніемъ,—въ которой ни одинъ вопросъ не рѣшенъ и тронуты всѣ вопросы, всѣ струны человѣческой души, и которая оканчивается горестнымъ стономъ разбитаго сердца, дребезжащимъ отголоскомъ порванныхъ струнъ.... Книга, родственная съ исповѣдью меланхолика Рене, съ дневникомъ скептика Обермана,—столько же задушевная, какъ первая, столько же глубокая, какъ вторая, и болѣе ихъ искренняя, простая и чистая. Никто изъ героевъ времени не разоблачалъ себя съ такою безпощадною истиною, никто не становился менѣе на ходули, какъ это простодушное дитя вѣка, и ни на комъ изъ нихъ, можетъ быть, не тяготѣли такъ сильно всѣ страданія эпохи, ни чье сердце не понесло, можетъ быть, болѣе опасныхъ язвъ. И не «на диво черни простодушной» раскрыты эти болѣзненныя язвы.... нѣтъ! разбитое сердце героя разсказа должно было непремѣнно вылиться въ этой безпритязательной исповѣди.

Digitized by Google

«Чтобы писать исторію своей жизни, надобно прежде жить: потому не свою собственную пишу я исторію».

«Пораженный еще въ молодости отвратительнымъ нравственнымъ недугомъ, я пересказываю то, что случилось со мною въ продолженіе трехъ лѣтъ. Будь я одинъ боленъ, я бы не говорилъ ничего; но много другихъ, подобно мнѣ, страдаютъ тою же болѣзнью, и я пишу для нихъ, не зная съ увѣренностью, обратятъ ли они на это вниманіе; но, если и никто не прочтетъ моей книги, я все-таки получу ту пользу отъ своихъ словъ, что самъ излечусь, и какъ лисица, попавшая въ тенёта, отгрызу зубами плѣнную лапу».

Много располагаетъ въ свою пользу такое простое, дѣльное и грустное предисловіе, гораздо больше, чѣмъ буква *я*, выставленная недавно на дневникѣ одного изъ героевъ нашего времени, больше даже, чѣмъ насильственно-холодный тонъ дневника настоящаго Печорина. Чѣмъ-то искренне-унылымъ, какою-то настоящею усталостью сердца звучатъ эти немногія строки. Вы вѣрите уже, что передъ вами выскажется весь человѣкъ, что онъ сниметъ съ себя маску холоднаго лицемѣрія, что онъ не разскажетъ вамъ ни больше, ни меньше того, что имъ дѣйствительно прожито.

А между тѣмъ, не подумайте, чтобы простодушное сознаніе сына вѣка происходило отъ ограниченности его натуры; едва ли не глубже своихъ собратій слѣдитъ онъ до самыхъ корней тотъ нравственный недугъ, на который жалуется въ самомъ началѣ, едва ли не у одного его является замашка связать личный вопросъ своей собственной натуры съ жизнію цѣлой эпохи, цѣлой генераціи, вывести его изъ прошедшаго, едва ли, наконецъ, не здѣсь только найдется то полное достоинства смиреніе, которое отрѣшаетъ сердце отъ его исключительныхъ скорбей и радостей, приводя ихъ къ знаменателю, общему для большей части лицъ одной и той же эпохи, одного и того же направленія, которое заставляетъ человѣка смотрѣть на себя, какъ на одно изъ безчисленныхъ звѣньевъ великой цѣпи Здѣсь нѣтъ поклоненія своему собственному, мелочному *я*,—здѣсь, это *я*, безъ малѣйшей натяжки, раздѣляетъ само себя, анатомируетъ и судитъ само себя, отыскиваетъ въ самомъ себѣ общіе симптомы недуга эпохи.

«Во времена войнъ имперіи — въ то время, какъ мужья и братья были въ Германіи, тревожныя матери произвели на свѣтъ поколѣніе горячее, блѣдное, нервное. Зачатыя въ промежутки битвъ, воспитанныя въ училищахъ подъ барабанный бой, тысячи дѣтей мрачно озирали другъ друга, пробуя свои слабые мускулы. По

Digitized by Google

временамъ являлись къ нимъ, покрытые кровью, отцы, поднимали ихъ къ залитой въ золото груди, потомъ слагали на землю это бремя и снова садились на коней».

Но война окончилась, Кесарь умеръ на далекомъ островѣ.

«Тогда на развалинахъ міра сѣла тревожная юность. Всѣ эти дѣти были капли горячей крови, напоившей землю: они родились среди битвъ, для битвъ.... Въ головѣ у нихъ былъ цѣлый міръ: они глядѣли на землю, на небо, на улицы и на дороги: все было пусто, и только приходскіе колокола гудѣли въ отдаленіи».

«Три стихіи дѣлили жизнь, разстилавшуюся передъ юношами; за ними—навсегда разрушенное прошедшее, передъ ними—заря безграничнаго небосклона—первые лучи будущаго, и между этихъ двухъ міровъ.... нѣчто подобное Океану, отдѣляющему старый материкъ отъ Америки, не знаю, что-то неопредѣленное и зыбкое, море тинистое и грозящее кораблекрушеніями, переплываемое по временамъ далекимъ бѣлымъ парусомъ или кораблемъ съ тяжелымъ ходомъ,—настоящій вѣкъ, однимъ словомъ, который отдѣляетъ прошедшее отъ будущаго, который—ни то, ни другое, и походитъ на то и на другое вмѣстѣ, гдѣ на каждомъ шагу недоумѣваешь, идешь ли по сѣменамъ или по праху»....

«И имъ оставалось только настоящее, духъ вѣка, ангелъ сумерекъ—не день и не ночь: они нашли его сидящимъ на мѣшкѣ съ костями и закутаннымъ въ плащъ эгоистовъ, дрожащимъ отъ холода. Смертная мука закралась къ нимъ въ душу при взглядѣ на это видѣніе—полу-мумію и полу-прахъ; они подошли къ нему, какъ путешественникъ, которому показываютъ въ Стразбургѣ дочь стараго графа Сарвердена, бальзамированную, въ гробу, въ вѣнчальномъ нарядѣ. Страшенъ этотъ ребяческій скелетъ, ибо на худыхъ и блѣдныхъ рукахъ его обручальное кольцо, а голова распадается прахомъ посреди цвѣтовъ».

Въ такой поэтически-страшной картинѣ изображаетъ поэтъ общее состояніе эпохи. Нѣчего, кажется, и пояснять читателямъ, что картина эта есть чисто мѣстная французская, что мы, полные свѣжихъ соковъ жизни, можемъ смотрѣть на нее прямо и смѣло, какъ наблюдатели, не ужасаясь и не отвращаясь, а помня правило древности: «я человѣкъ, и ничто человѣческое не считаю себѣ чуждымъ».

Мы не станемъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ начальной мысли поэта, за его упреками и проклятіями Гёте и Байрону, какъ провозвѣстникамъ разочарованія.... «О Боже!» говоритъ онъ, обращаясь къ пѣвцу Лары, «я, который говорю съ тобою, я, который не болѣе, какъ слабый ребенокъ, я выстрадалъ, можетъ быть,

Digitized by Google

«больше бѣдствій, чѣмъ ты, а все-таки вѣрю въ надежду, все-таки «благословляю Бога».

«О, народы будущихъ вѣковъ»! оканчиваетъ онъ свое вступленіе, «когда въ жаркій лѣтній день склонитесь вы подъ плугомъ на «зеленомъ лугу отчизны, когда подъ лучами яркаго, чистаго солнца, земля, щедрая мать, будетъ улыбаться въ своемъ утреннемъ «нарядѣ земледѣльцу; когда, отирая съ спокойнаго чела священный потъ, вы будете покоить взглядъ на безпредѣльномъ небосклонѣ.... вспомните о насъ, которыхъ не будетъ ужь болѣе; скажите себѣ, что дорого купили мы вашъ будущій покой—пожалѣйте «насъ больше, чѣмъ всѣхъ вашихъ предковъ: у нихъ много горя, «которое дѣлало ихъ достойными состраданія, у насъ нѣтъ того, «что ихъ утѣшало»....

Герой, отъ лица котораго говоритъ поэтъ, начинаетъ исповѣдь жизни—съ перваго разубѣжденія, съ первой любви. За ужиномъ, послѣ маскарада, весь въ упоеніи отъ полноты жизни, отъ полноты блаженства, улыбнувшагося ему въ прекрасной, отдавшейся ему женщинѣ, онъ случайно видитъ ея невѣрность, видитъ такъ ясно, что нѣтъ возможности сомнѣваться. Что же?— первая минута его—не бѣшенство, а холодное спокойствіе, оттого ли, что совершенно спокойно обманываютъ его любовница и пріятель, оттого ли, что въ немъ самомъ впервые проснулся демонъ вѣка. Но за этимъ ледянымъ неестественнымъ спокойствіемъ слѣдуетъ порывъ безумной лихорадки, безумія, опять переходящаго въ какое-то отупѣніе. Соперникъ его зналъ его любовь, нѣсколько разъ говорилъ ему, что подобныя отношенія—для него неприкосновенны. Понятно, что бѣдный ребенокъ во время дуэли смотритъ на него съ изумленіемъ. Въ первый разъ въ жизни, говоритъ онъ, видѣлъ я передъ собою изверга. Я измѣрялъ его полупомѣшаннымъ взглядомъ, разглядывалъ, какъ онъ созданъ. Вспомните стараго и великаго младенца Отелло, когда онъ смотритъ на ноги Яго: исключительныя натуры всегда такъ чисты, что не понимаютъ ничего нечистаго. Тщетно опытъ жизни говоритъ имъ, что все это такъ есть, и даже, можетъ быть, должно быть; тщетно сами себя станутъ они увѣрять, что все это очень обыкновенно: герой Мюссе сознается прямо, что открытіе чьего-нибудь вѣроломства производило на него всегда то же дѣйствіе, какъ пожатіе каменной десницы статуи коммандора на Дона Жуана. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы подобныя натуры сами были совершенно не способны къ чему-либо дурному: нѣтъ! можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто-либо; но посреди какой бы-то ни было грязной среды, ихъ

Digitized by Google

не покидаетъ инстинктивное чутье изящнаго и благороднаго: оно сильнѣе у нихъ всѣхъ опытовъ жизни, оно остается одинаково тонко вопреки дѣйствительности.

Другое качество героя Мюссе— страшное самолюбіе; нужды нѣтъ, что впослѣдствіи это самолюбіе готово на самопожертвованія, почти на самоуничтоженіе,—все-таки оно лежитъ въ основѣ всѣхъ дѣйствій, всѣхъ страстей, всѣхъ чувствованій. Октавій, раненый на дуэли, не въ силахъ простить своему сопернику, не смотря на всю искренность раскаянія этого послѣдняго, не въ силахъ, однимъ словомъ, совершить побѣды надъ самимъ собою. Онъ плачетъ, но это слезы бѣшенства. «Чего я никакъ не могъ понять, говоритъ онъ, «такъ это—не то что моя любовница разлюбила меня, а «то, что она меня обманула. Я не понималъ, по какой причинѣ «женщина, не связанная ни долгомъ, ни выгодою, можетъ лгать «одному, любя другаго». Многимъ, вѣроятно, покажется это врожденной ненавистью ко лжи въ натурѣ героя—и мы готовы согласиться съ ними, но только въ половину: въ чистой ненависти ко лжи, какъ происходящей отъ любви къ правдѣ—нѣтъ ничего рѣзкаго, расходящагося съ жизнію; любовь къ правдѣ жизни безконечно-человѣколюбива въ самой враждѣ, масштабъ ея для измѣренія дѣлъ человѣческихъ—великъ и широкъ. Но на половину, разумѣется, это такъ, разумѣется это происходитъ отъ перваго качества натуры героя. «Всякій разъ, говоритъ онъ, какъ я влюблялся въ жен- «щину, я это ей высказывалъ, и всякій разъ, какъ разлюблялъ ее, «точно такъ же высказывалъ». И его чутье опять вѣрно, но вѣрно только отвлеченно. Въ каждомъ данномъ фактѣ жизни найдется безконечное множество оттѣнковъ, отъ которыхъ все зависитъ; этого-то онъ и не понимаетъ, въ этомъ-то и заключается самая сущность его моральнаго недуга. Въ немъ нѣтъ, однимъ словомъ, объективности.

Наконецъ, еще черта отличаетъ Октавія: мысль постоянно почти расходится у него съ дѣломъ, если же и сливается иногда съ нимъ, то какъ-то случайно, какъ-то не разумно, безсознательно. Онъ клянется другу своему Дежене (лицу сначала весьма мало выдающемуся) не видать больше измѣнившей ему женщины, и первое дѣло его по выздоровленіи—бѣжать къ ней, осыпать ее безплодными упреками. Спросите его—зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? онъ и самъ этого не знаетъ, онъ, по его собственному выраженію, «опьянѣлъ отъ отчаянія». Здѣсь прорвалась наружу его дикая, страстная натура, какъ прорвалась она въ *разочарованномъ* Печоринѣ, когда онъ загоняетъ коня, чтобы догнать Вѣру, и рыдаетъ, не достигнувши цѣли. Спросите отчета въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ у всякой по-

Digitized by Google

добной волканической организаціи: она не дастъ вамъ его, она не можетъ дать: такъ есть, такъ сдѣлалось— да и все тутъ!...

И не кончается еще драма первой любви героя.... Съ величайшею истиною создана поэтомъ женщина — первый предметъ страсти и первый толчокъ къ разочарованію. Раскаяніе ея такъ искренно, и такъ она хороша въ своемъ отчаяніи, что въ душѣ бѣднаго ребенка отвращеніе перемѣшано съ безумною страстью. «Я не хотѣлъ ее видѣть; но черезъ четверть часа воротился. Не «знаю, какая отчаянная сила влекла меня.... Я глушался ею и «обожалъ ее; я чувствовалъ, что любовь къ ней—моя гибель, «что жить безъ нея не возможно». И что же? Послѣ ея горькихъ слезъ и рыданій—онъ находитъ ее преспокойно сидящею за туалетомъ, ожидающею его соперника ... Въ безумствѣ своемъ, онъ доходитъ до того, что бьетъ ее. А Дежене только хохочетъ при его разсказѣ....

Любовница не отстаетъ отъ него, по какому-то странному женскому капризу: она приходитъ къ нему ночью.... Безумный Октавій хочетъ опять убить ее и убить себя, и когда она съ ужасомъ отскакиваетъ отъ него, проклинаетъ ее навсегда. « Напрасно!» холодно замѣчаетъ Дежене,—«ты что-то слишкомъ прихотливъ, она— «премилая женщина». Этотъ другой характеръ начинаетъ мало по малу раскрываться со всею холодностью и спокойствіемъ своего разубѣжденія. «Когда эта женщина приходила къ тебѣ, говоритъ онъ, «ясно, что она тебя любила. Можетъ быть, въ настоящую минуту она «тебя не любитъ, но тогда она тебя любила—и прекрасно».. И убѣжденный, или, лучше сказать, распаленный словами Дежене, бѣдный Октавій дѣлаетъ безумную, унизительную глупость, пишетъ записку къ своей любовницѣ, и, разумѣется, понапрасну, потому что женщины такого рода тогда только и гонятся за человѣкомъ, когда онъ за ними не гонится. Во всякомъ случаѣ, дикое, непосредственное и необузданное страстное начало натуры впервые принесено имъ здѣсь въ жертву—и принесено не высокому чувству моральнаго долга, а разсчету холоднаго разврата. Слѣдствія, разумѣется, страшны. На другое же утро, онъ спрашиваетъ себя, что ему теперь дѣлать? Положеніе его отчаянное. Внѣ любви этой женщины, для него ничего нѣтъ въ жизни.

И Дежене, безъ жалости, безъ страха разоблачаетъ передъ нимъ любовь и женщину, съ адскимъ хохотомъ, съ безконечнымъ цинизмомъ, съ злобною ироніею. Онъ фанатическій поклонникъ чувственнаго наслажденія, энтузіастическій жрецъ его, истинный послѣдователь Казановы и другихъ героевъ прошлаго вѣка, —

Digitized by Google

въ этомъ онъ поэтъ, какъ Байронъ, возведшій въ апотеозу чувственную любовь Донъ-Жуана и Гаиде;—онъ великій софистъ, котораго слова ослѣпляютъ и поражаютъ, такъ что противъ нихъ не найдешься ничего сказать,—практическій философъ, глубоко знающій тайны жизни. Но правъ ли онъ самъ даже, этотъ человѣкъ наслажденій и ледяной иронiи?.... Убѣдился ли онъ самъ окончательно, что въ жизни точно нѣтъ ничего инаго, кромѣ того, что онъ уже видѣлъ?.... И наконецъ, добросовѣстно ли поступаетъ онъ, имѣющій претензiи на гуманность, давая въ руки ребенку самый острый ножъ?

Дѣйствительность какъ будто за одно съ Дежене, какъ будто еговорилась съ нимъ. Вскорѣ послѣ этого, Октавiй встрѣчаетъ въ Булоньскомъ лѣсу пріятельницу своей любовницы. Она съ такимъ жаркимъ участiемъ утѣшаетъ его, что неопытный ребенокъ готовъ повѣрить ея искренности. Онъ въ ту же минуту отдается женской дружбѣ со всѣмъ пыломъ и увлеченiемъ, и почти въ ту же минуту видитъ сладострастное движенiе, встрѣчаетъ сладострастный взглядъ, которые тотчасъ поясняютъ ему—въ чемъ дѣло. Новое подтвержденiе софистики Дежене, новое право не вѣрить въ чувство и презирать женщину!....

Но полно, такъ-ли? Точно ли можно презирать женщину и не вѣрить въ любовь? Сердце человѣческое, вопреки опытамъ жизни, не само ли жаждетъ любить, стремится вѣрить? Не тоскуетъ ли оно тоскою смертною, когда увѣряетъ себя, что ему нечего любить и не во что вѣрить? Самъ холодный Дежене совершенно ли высвободился изъ-подъ гнета этой тоски?.... Мы увидимъ, что нѣтъ. Общую язву эпохи, поэтъ еще прежде, во введенiи обозначилъ слѣдующимъ образомъ: «мужчины, отдѣлившись отъ женщинъ, прошептали слово, оскорбившее ихъ смертно: презрѣнiе. Они отдались вину и прелестницамъ». Точно такъ же отдался и Дежене, отдался уже давно, застарѣлъ, огрубѣлъ въ этой праздной и пустой жизни, онъ сталъ фанатикомъ своихъ мнѣнiй; но подождите, придетъ минута—затрепещетъ и побѣднѣетъ этотъ холодный и гордый человѣкъ передъ немезидою своей собственной совѣсти, увидитъ явно ту ложь, въ которой онъ убѣждалъ самъ себя и другихъ, почувствуетъ, что онъ любилъ и любитъ этого бѣднаго, разбитаго имъ ребенка.

А покамѣстъ—Октавiй наединѣ съ самимъ собою, оставленный всякимъ живительнымъ чувствомъ. Ему страшно, и страхъ его понятенъ: жизнь боится смерти, а моральная смерть поразила его сердце: внутри его пусто: ни любви, ни вѣры—и не пришло еще время проснуться какой-нибудь надеждѣ, какъ просыпается она

Digitized by Google

въ душѣ Франка, когда съ груди его падаетъ букетъ Дейдаміи. Объ этомъ букетѣ, объ этой связи съ прошлыми, лучшими, кроткими впечатлѣніями, ничто не напоминаетъ Октавію. Передъ нимъ только бездна холоднаго разврата—и онъ ринется въ нее, и когда выдетъ на свѣжій воздухъ жизни, то будетъ уже окончательно разбитъ, будетъ неспособенъ дышать ароматомъ букета, который судьба ему броситъ въ кару и въ мученіе.

Тщетно ищетъ онъ какихъ-нибудь опоръ въ своихъ старыхъ книгахъ. Одинъ изъ мудрецовъ далекаго прошедшаго, развернутый имъ наудачу, учитъ его равнодушію къ добру и къ злу, къ правдѣ и ко лжи. «О Боже, Боже!, восклицаетъ онъ въ глубокомъ отчаяніи, «вотъ женщина, которая говоритъ мнѣ о любви и ко-«торая меня обманываетъ; вотъ человѣкъ, который говоритъ мнѣ «о дружбѣ и совѣтуетъ искать разсѣянія въ развратѣ; вотъ другая «женщина, которая плачетъ и хочетъ утѣшить меня мускулами «своего подколѣнка; вотъ книга, которая говоритъ о мудрости и «отвѣчаетъ: можетъ быть! все равно».

И между тѣмъ, эта благородная юная натура такъ упорно еще держится за свою святую сторону, что не вдругъ отдается пороку, что рѣшается на отчаянную трагическую борьбу сама съ собою, на борьбу безъ основъ, безъ надеждъ, безъ вѣрованій. Чувственное наслажденіе слилось для него нераздѣлимо съ первою любовью; въ этомъ—его счастіе и несчастіе. Разубѣжденный по разсудку, онъ инстинктивно юнъ, свѣжъ и пламенно страстенъ, какъ всѣ герои нашего поэта. Отъ этого, голосъ натуры говоритъ въ немъ громко, необузданно. Тщетно хочетъ онъ вдаться въ изученіе, тщетно мечтаетъ онъ, что его исцѣлитъ уединеніе,—книжная мудрость не заглушитъ жажды страсти: уединеніе влечетъ къ природѣ, а природа къ любви, и опять къ любви и все къ любви. И все яснѣе для него софистика Дежене, и неизбѣжнымъ является ему чудовищное, отвратительное средство исцѣленія.

Разъ вечеромъ, идя по обыкновенію подъ окна невѣрной любовницы съ растравленными язвами сердца, Октавій встрѣчаетъ случайно пьянаго работника. Несчастный ребенокъ дошелъ уже до того, что завидуетъ его отупѣлому состоянію, и самъ идетъ въ кабакъ. Тамъ онъ напивается, и, кромѣ того, встрѣчаетъ одну изъ тысячи несчастныхъ тварей, которыя всего болѣе способны поселить отвращеніе къ женщинѣ. Къ несчастію еще, она кажется ему похожею на его любовницу; онъ съ наслажденіемъ отчаянія упивается этимъ сходствомъ, съ бѣшеною злобою топчетъ въ грязь всѣ свѣжія, лучшія воспоминанія, пародируетъ съ болью сердца

Digitized by Google

бывалыя свиданія.... тяжелая, раздирающая душу сцена, которую понять вполнѣ можетъ только тотъ, кто самъ испыталъ нѣчто подобное.... Есть что-то насильственное и вмѣстѣ безсильное въ этомъ озлобленіи на прошедшее: опозорить, осквернить его, растоптать подъ ногами—вотъ что невольно приходитъ человѣку въ голову въ подобныя минуты, а между тѣмъ, не это прошедшее оскверняетъ онъ, а самаго себя. И отсюда одинъ только шагъ къ самому наглому разврату. Понятно, что Октавій похваляется своимъ поступкомъ передъ Дежене, что онъ приходитъ въ бѣшенство и краснѣетъ, когда Дежене безжалостно уличаетъ его въ ночныхъ прогулкахъ подъ окна прежней любовницы, и съ хохотомъ передаетъ ему, какъ она смѣется надъ этими прогулками.

И вотъ онъ совершенно въ рукахъ Дежене и компаніи; онъ ведетъ жизнь такую же, какъ они, но въ самую эту жизнь приноситъ онъ свои мечты; въ прелестницахъ хотѣлъ-бы онъ видѣть древнихъ Фриній, въ игрокахъ—героевъ отчаянной смѣлости и чудовищныхъ удачъ, а на дѣлѣ все выходитъ голо и бѣдно. «Я началъ, говоритъ онъ, понимать вѣкъ и узнавать, въ какое время мы живемъ».

Въ кружкѣ Дежене, невѣріе въ любовь и въ женщину принято за самую положительную аксіому въ мірѣ. Этой аксіомѣ приносятся всѣ возможныя жертвы. Но не смотря ни на что, Октавій остается все тѣмъже страннымъ мечтателемъ, тоскуетъ все такъ же по своей любви, насилуетъ себя, чтобы не любить, а между тѣмъ не можетъ видѣть женщинъ безъ волненія. Зачѣмъ же и для чего онъ насилуетъ себя? Октавій слишкомъ искрененъ, чтобы не признаться въ причинѣ. Вотъ что говоритъ онъ, и чего не сказалъ бы, вѣроятно, ни одинъ изъ героевъ времени:

«Я имѣлъ претензію слыть за разъочарованнаго, а между тѣмъ въ тоже самое время былъ полонъ желаній, и распаленное воображеніе увлекало меня за всѣ предѣлы. Я говорилъ, что не ставлю ни во что женщинъ: голова моя истощалась въ химерахъ, и я говорилъ, что предпочитаю эти химеры дѣйствительности. *Наконецъ единственнымъ наслажденіемъ стало для меня быть неестественнымъ. Довольно было, чтобы какая-нибудь мысль выходила изъ круга обыкновенныхъ, чтобы она оскорбляла здравый смыслъ, и я становился тотчасъ же ея поборникомъ, рискуя выставлять на показъ самыя гнусныя чувства*».

Это еще не все,—слушайте далѣе искреннюю, безпощадную исповѣдь героя:

Digitized by Google

«Величайшимъ недостаткомъ моимъ было—подражаніе всему, поражавшему меня не красотой своей, а странностью, и, не желая слыть за подражателя, я вдавался въ преувеличенія, чтобы показаться оригинальнымъ».

Эта черта не требуетъ, кажется, комментаріевъ, но подъ нее подводится безконечное множество явленій; ей объясняется много пружинъ въ натурѣ современнаго человѣка; она разъоблачаетъ его неестественную холодность, его апатичную безтрепетность, его ледяной эгоизмъ. A force de forger on devient forgeron—и всѣ эти качества изъ привычки обращаются, наконецъ, во вторую натуру человѣка, но первоначальная основа ихъ—именно такова. Сдѣлать не такъ, какъ другіе, пойти дальше другихъ, въ добрѣ или въ злѣ—все равно, какъ случится,—вотъ девизъ жизни Печорина; довести эти качества до крайнихъ границъ смѣшнаго,—вотъ задача *демона*—Тамарина. А основа этой основы, безъ всякаго сомнѣнія,—отсутствіе настоящей самостоятельности, той самостоятельности, которая стремится отмѣтить жизнь свою дѣломъ.

И какъ бы ни застарѣлъ человѣкъ въ страшной привычкѣ быть постоянно на ходуляхъ, все-таки никогда не можетъ онъ дойдти до полнаго, невозмутимаго убѣжденія въ правдѣ подобной жизни,—сознаніе просыпается даже въ Дежене: на безумныхъ оргіяхъ, онъ, то отдается самой поэтической мечтательности, то ломаетъ стулья и бьетъ окна въ порывахъ неистоваго отчаянія. И нельзя быть иначе: душа человѣческая не подниметъ безнаказанно такого бремени лжи.

Октавій рисуетъ общество и вспоминаетъ женщинъ, которыя тогда ихъ окружали. Одна изъ нихъ въ особенности произвела на него сильное впечатлѣніе, итальянка Марко, съ античной красотой, съ безконечной жаждой наслажденія, съ какимъ-то смутнымъ чутьемъ своей силы. «Горе тому, кто тебя полюбитъ, Марко!» говоритъ онъ ей, впиваясь взглядомъ въ ея черные глаза. «Forse!» (можетъ быть) отвѣчаетъ она съ совершенно итальянскимъ, неподражаемымъ жестомъ; но Октавій отдается ей только при блескѣ свѣчъ, при шумѣ бѣшеной оргіи, при звонѣ стакановъ. Наединѣ съ нею, больной ребенокъ опять тоскуетъ, опять мечтаетъ, опять плачетъ.

До конца уже исчерпана имъ вся эта жизнь. Онъ стоитъ на такомъ пунктѣ, когда самъ человѣкъ темно предчувствуетъ, что неизбѣженъ крутой поворотъ, что жить *такъ* дольше нельзя, что за этимъ предѣломъ—неизбѣжный застой, невыносимый для живой души. И Октавій, въ свою очередь, разъоблачаетъ другу своему Дежене всю ложь ихъ взаимной жизни, какъ прежде Дежене разъоблачилъ передъ нимъ всю несостоятельность, всю шаткость его

Digitized by Google

мечтаній и вѣрованій. Эта сцена, составляющая переломъ въ разсказѣ, такъ важна по своему внутреннему значенію, что мы считаемъ необходимымъ въ цѣлости передать ее читателямъ.

«Возьми перваго встрѣчнаго, говоритъ Октавій, и скажи ему: «смотри, вотъ люди проводятъ жизнь въ томъ, что пьютъ, ѣздятъ верхомъ, смѣются, играютъ, наслаждаются всѣми удовольствіями; никакая граница ихъ неудерживаетъ; законъ ихъ произволъ; женщинъ у нихъ въ волю; они богаты. Заботъ—ни единой: каждый день—праздникъ». Что же ты думаешь? Если только этотъ человѣкъ не строгій аскетъ, онъ отвѣтитъ много-много, что это слабость человѣческая, а можетъ быть и просто, что это—счастіе, какое только вообразимо.

«Брось его въ эту жизнь, посади его за столъ, подлѣ женщины, дай ему стаканъ вина, кучу золота каждое утро и потомъ скажи ему: вотъ жизнь твоя. Ты будешь сладко спать, а лошади будутъ ржать у тебя на конюшнѣ; ты будешь кататься верхомъ на гуляньѣ, а погребъ твой наполнится старыми винами; ты будешь проводить ночи въ пьянствѣ, а банкиры твои за тебя удвоятъ, утроятъ твои капиталы. Пожелай только, и твои желанія—дѣйствительность. Ты—счастливѣйшій изъ людей; но бѣда, если въ одинъ прекрасный вечеръ выпьешь ты черезъ мѣру, и тѣло твое перестанетъ быть способнымъ къ наслажденію. И это ужасное несчастіе, ибо всякое горе исцѣлимо, кромѣ этого. Въ славную теплую ночь ты будешь галопировать въ лѣсу съ веселыми товарищами: лошадь подъ тобой оступится, ты упадешь въ ровъ, полный тины, и можетъ статься, что пріятели, не совсѣмъ трезвые, посреди ликованій, не услышатъ твоихъ стоновъ; можетъ статься, проѣдутъ мимо, не видавши тебя, и клики радости ихъ замолкнутъ въ отдаленіи, а ты будешь влачиться по землѣ разбитыми членами. Ты проиграешся когда-нибудь: у счастья погода измѣнчива. Когда ты воротишься домой и сядешь къ камину,—страшись ударить себя въ лобъ, страшись, чтобы не увлажились печалью твои глаза или не стали обращаться во всѣ стороны, ища друга; страшись особенно вообразить вдругъ въ своемъ уединеніи, что гдѣ-нибудь, подъ бѣднымъ кровомъ, въ мирной семьѣ, люди засыпаютъ рука съ рукою: передъ тобой, на твоемъ великолѣпномъ ложѣ, будетъ сидѣть, вмѣсто подруги, блѣдная тварь, любовница твоихъ денегъ. Ты склонишься къ ней головою, чтобы облегчить пламенную грудь, а она будетъ размышлять: онъ что-то очень печаленъ,—должно быть, потеря значительна; слезы твои ее обезпокоютъ, пожалуй обвѣтшаютъ платья, пожалуй кольца снимутся съ ея рукъ. Не на-

Digitized by Google

зывай ей имени того, кто обыгралъ тебя въ этотъ вечеръ; пожалуй она завтра его встрѣтитъ, и прельститъ на твою погибель. Вотъ что такое человѣческая слабость; въ силахъ ли ты вынести ее? Ты человѣкъ? берегись пресыщенія: мертвый лучше живаго, пресытившагося жизнію. Есть у тебя сердце?... берегись любви,— это нехорошо, больше того—это смѣшно для развратника; развратники платятъ своимъ любовницамъ, и женщина имѣетъ право презирать только одного человѣка въ свѣтѣ,—того, кто ее любитъ. Есть у тебя страсти? смотри за своимъ лицомъ: стыдно солдату бросить оружіе, стыдно развратнику показаться къ чему либо привязаннымъ; ко всему долженъ онъ прикасаться мраморными руками, натертыми масломъ, изъ которыхъ бы все ускользало. Ты вспыльчивъ? ну, коли хочешь жить, научись убивать: видно бываетъ иногда преблое. Есть у тебя совѣсть—простись со сномъ: развратникъ, раскаивающійся поздно,—что корабль, въ который проникла вода, ни назадъ къ берегу, ни впередъ въ путь; тщетно дуютъ вѣтры, тщетно влечетъ его океанъ: онъ вертится на одномъ мѣстѣ и исчезаетъ въ пучинѣ. Бойся страданій за свое тѣло, бойся отчаянія за свою душу. О несчастный! бойся людей: пока идешь ты своей дорогой, тебѣ все будетъ видѣться безконечная равнина, и по ней цвѣтущею гирляндою цѣлая вереница плясуновъ, сплетенныхъ руками, какъ звѣнья одной цѣпи, но это только миражъ: кто смотритъ подъ ноги, знаетъ, что они пляшутъ на шелковомъ снуркѣ, повѣшенномъ надъ бездною и что много падшихъ поглощено безмолвною, неизмѣримою бездною. Не поскользнись же. Сама природа замкнула для тебя свои священныя внутренности: деревья и кусты не признаютъ тебя: ты нарушилъ законы матери, ты уже не братъ ея птенцамъ, и завидя тебя, смолкаютъ лѣсныя птицы. Ты одинъ! страшись Бога! ты одинъ стоишь передъ Нимъ, какъ холодное изваяніе на пьедесталѣ своей воли. Небесная роса уже не прохлаждаетъ, а жжетъ тебя. Вѣтеръ не даетъ тебѣ лобзанія жизни, священнаго удѣла всего живущаго. Каждая женщина, обнимаемая тобою, беретъ у тебя искру твоей силы, не сообщая ни одной искры своей: ты истощаешь себя надъ фантомами: гдѣ упадетъ капля твоего пота —выростетъ гнилое быліе, растущее на могилахъ. Умирай же: ты врагъ всего, что любитъ; замкнись въ свое отчужденіе, не жди старости; не оставляй по себѣ чада на землѣ, не расположай испорченной крови: разсѣйся какъ дымъ, не отнимай солнечнаго свѣта у распускающагося хлѣбнаго зерна».

«Окончивъ эту рѣчь, я упалъ на кресло, и цѣлые потоки слезъ полились изъ моихъ глазъ. О Дежене! вскричалъ я, рыдая, не то

Digitized by Google

говорилъ ты мнѣ. Ужели ты не зналъ, а если зналъ, то что же не говорилъ?

«Но Дежене самъ ломалъ руки; онъ былъ блѣденъ, какъ гробовой саванъ, и слеза бѣжала у него по щекѣ».

Мы сказали уже, что бываютъ для человѣка такія минуты, когда онъ смутно чувствуетъ, что нельзя жить болѣе такъ, какъ жилъ онъ до сихъ поръ, что долженъ непремѣнно совершиться въ немъ какой-либо моральный кризисъ—и этотъ внутренній голосъ рѣдко его обманываетъ. И тогда обыкновенно вызываетъ онъ снова свою погибшую молодость, свои живыя впечатлѣнія,—подразумѣвается, если въ немъ не истратились еще окончательно силы, требующія этой свѣжей пищи. Этотъ моментъ моральнаго процесса играетъ важную роль въ жизни почти всѣхъ героевъ А. де Мюссе. Почти каждому изъ нихъ прошедшее бросаетъ букетъ Дейдаміи, и почти каждому бросаетъ его въ утѣшеніе и вмѣстѣ въ кару. Иначе и быть не можетъ по законамъ вѣчной справедливости. Задатки мукъ лежатъ въ самой натурѣ человѣка, насильственно разорвавшаго всѣ связи съ непосредственными впечатлѣніями, и снова жаждущаго, снова вымаливающаго ихъ—они и точно дадутся ему, да самъ то онъ не можетъ наслаждаться безпечно, беззавѣтно, просто, ихъ благоуханіемъ, и, вмѣшается или не вмѣшается карающая судьба въ его дѣла, онъ самъ отравитъ себѣ чистыя наслажденія: извѣрившійся въ любви, развѣ способенъ онъ отдаться ей съ вѣрою?... истощенный развратомъ, развѣ можетъ онъ оцѣнить чистоту и цѣломудріе? обманутый нѣсколько разъ, развѣ не выпесъ уже онъ изъ своего прошедшаго печальнаго убѣжденія, что можно лгать съ самымъ яснымъ челомъ? истерзанный женскимъ кокетствомъ въ былые годы, развѣ не научился онъ самъ терзать любящую женщину, терзать безъ цѣли, изъ чистаго дилеттантизма? Все это онъ вынесъ изъ своего прошедшаго, всему этому онъ научился на свою собственную гибель. Паѳосъ Октавія въ изображеніи подобнаго состоянія нисколько не кажется намъ преувеличеннымъ. Онъ чувствуетъ, что зашелъ уже слишкомъ далеко, что наступила минута самаго крутаго поворота, и что цѣлый адъ внутреннихъ мукъ готовитъ ему будущее въ кару и въ очищеніе. Какъ ту, такъ и другое судьба посылаетъ ему по мѣрѣ справедливости, на основаніи вѣчныхъ, разумныхъ законовъ правды: сѣмена той и другаго поровну заброшены въ него самого.

И начинается новая жизнь.

Отецъ Октавія зоветъ его къ себѣ на смертномъ одрѣ, и Октавій ѣдетъ въ деревню, но застаетъ только трупъ: послѣднее слово,

Digitized by Google

написанное въ дневникѣ покойнаго, было слово любви: «Сынъ мой, прощай, я люблю тебя и умираю». Все, что окружаетъ нашего героя, напоминаетъ ему о жизни этого простаго и полнаго любви человѣка, и старый, преданный слуга, Ларивъ и самыя стѣны дома. *«Мнѣ казалось иногда, что онѣ смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ, когда я закутывался въ шлафрокъ отца и садился въ его кресла.—* Дневникъ отца возбуждаетъ въ немъ всѣ святыя чувства. *Дѣвственный снѣгъ на вершинахъ горъ не столько чистъ, какъ чиста была твоя святая старость: на не похожи были твои сѣдины. Отецъ, отецъ! дай ихъ мнѣ, онѣ моложе моихъ бѣлокурыхъ волосъ. Дай мнѣ жить и умереть,*—какъ ты». И онъ принимается подражать внѣшней жизни своего отца; онъ готовъ вѣрить даже, бѣдный ребенокъ, что настало успокоеніе... Ошибка, печальная ошибка.... То демоническое начало, которое живетъ въ немъ, скажется непремѣнно, неизбѣжно.... Оно еще не уходилось, оно требуетъ не слезъ, а страданій.

Октавій встрѣчаетъ женщину, которая, какъ онъ же, бѣжала въ уединенную, сосредоченную жизнь: мадамъ Пьерсонъ, или Брижитта-Роза, какъ зовутъ ее окрестные жители—ангелъ утѣшитель бѣдныхъ, и первое чувство Октавія — нѣкоторая зависть къ ея темной и вмѣстѣ полной жизни. Но до какой степени онъ не способенъ уже понять чистоты,—ясно изъ того, что ему странно, какъ она, видя его въ первый разъ, весело принимаетъ предложеніе—проводить ее. и смѣло опирается на его руку. Мадамъ Пьерсонъ старше Октавія: на слова его объ опытности, она отвѣчаетъ: «я знаю, что большая часть людей зовутъ такъ свои безумства и печали; но что̀ можете вы знать въ ваши лѣта»?... Но бѣдная женщина и сама не знаетъ, какъ обманывается на счетъ своей страсти: ея жизненная опытность, ея практическій, здоровый смыслъ—нѣчто внѣшнее, нѣчто навѣянное сферою жизни; внутри ея живетъ жажда любви, до сихъ поръ еще неиспытанной. И тщетно борется она съ этой жаждою, тщетно,—потому что борется во имя внѣшняго, насильственно наложеннаго долга. Октавій любитъ ее, и отъ этой страстной любви не спасутъ ее ни совѣты догматическаго Меркансона, ни чувство страха, ни благоразуміе. Меркансонъ—сухъ, какъ всякій догматистъ; чувство страха—только темный инстинктъ; благоразуміе въ Брижиттѣ—не разумное созданіе долга, а затверженныя азбучныя правила. А между тѣмъ, на нѣкоторое время, она совершенно подчиняетъ себѣ Октавія, на нѣкоторое время онъ самъ подчиняется до того, что не говоритъ даже о любви: онъ любитъ искренне, страстно, безумно, и между

Digitized by Google

тѣмъ испыталъ уже разъ, что признаніе въ любви можетъ заставить Брижитту навсегда удалить его отъ себя.... Приходитъ минута увлеченія. ..

И что́ же потомъ?... Демоническое начало проснулось....Октавій мучитъ любимую женщину, то ревностью, то равнодушіемъ, то цинизмомъ. Мы отказываемся слѣдить даже за разсказомъ, потому что должны были бы передавать его цѣликомъ. Въ настоящую же минуту, для насъ важна только моральная задача характера. Октавій всѣми силами старается разрушить то блаженство, котораго добивался такъ упорно, и, наконецъ, ему удается довести Брижитту до самаго ложнаго положенія—до двойственности чувства, до привязанности къ другому, не уничтожающей, впрочемъ, любви къ нему. Здѣсь-то и начинаются муки Октавія—муки, созданныя имъ самимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшныя и искреннія, доходящія до бѣшенаго отчаянія, до покушенія на убійство. Но есть лучшая сторона въ натурѣ несчастнаго Октавія—она спасаетъ и его и Брижитту. Онъ благородно отрекается отъ себялюбія: Брижитта уѣзжаетъ, чтобы выйдти замужъ за простодушнаго, чистаго и благороднаго юношу Шмидта.

«Черезъ часъ потомъ, почтовой брикъ проѣхалъ фонтенблоскую заставу. Молодой человѣкъ сидѣлъ въ немъ одинъ: онъ въ послѣдній разъ взглянулъ на родной городъ, исчезавшій въ отдаленіи, и поблагодарилъ Бога за то, что изъ трехъ страдавшихъ по винѣ его существъ, осталось несчастнымъ только одно».

Этимъ грустнымъ и благороднымъ самопожертвованіемъ—оканчивается разсказъ Октавія.

Намъ остается теперь кинуть бѣглый взглядъ на другія повѣсти А. де Мюссе. Существенное отличіе ихъ отъ его драматическихъ попытокъ и отъ Октавія состоитъ въ томъ, что обычный типъ не является уже ни въ одной съ тою рѣзкою особенностію, съ какою является онъ въ исчисленныхъ нами до сихъ поръ произведеніяхъ. Выходъ изъ этой исключительности представляютъ уже и многія изъ комедій, въ особенности: Il ne faut jurer de rien, Le chandelier; въ повѣстяхъ же, почти рѣшительно, теряемъ мы изъ глазъ Франка, котораго слѣдили до сихъ поръ повсюду. За то здѣсь выступаетъ блистательно поэтическая способность Мюссе,—способность творить живые образы, безъ всякой напередъ заданной мысли, тонкое пониманіе всякаго чувства, мастерской анализъ сердечныхъ движеній. Этихъ повѣстей не много: *Двѣ любовницы*, *Эмеллина*. *Сынъ Тиціана*, *Фредерикъ и Бержеретта*, *Круазиль*, *Марго*. Разбирать въ подробности каждую изъ нихъ, мы

Digitized by Google

считаемъ довольно труднымъ и нѣсколько излишнимъ. Большею частію, онѣ извѣстны нашимъ читателямъ по переводамъ. Повѣсть: *Фредерикъ и Бержеретта*, въ особенности вызвала сочувствіе, но едва ли не глубже по основѣ *Эммелина*, и едва ли не наивнѣе всѣхъ:—*Двѣ любовницы*. Общія свойства таланта Мюссе, показанныя нами въ анализѣ его чисто субъективныхъ произведеній,—отражаются и здѣсь. Повсюду—тотъ же безпощадный, то грустный, то насмѣшливый скептицизмъ, и рядомъ съ нимъ—живое, пламенное сочувствіе къ молодымъ, свѣжимъ впечатлѣніямъ. Укажемъ въ послѣднемъ отношеніи на дивную страницу въ *Эммелинѣ*, когда бѣдная женщина глядится въ зеркало, трепещетъ за свою красоту въ ночь передъ роковымъ свиданіемъ съ Жильберомъ, на ея безумно-страстное письмо къ сестрѣ, полное какаго-то лихорадочнаго упоенія; напомнимъ сцены съ м-мъ де Парнь въ «Двухъ любовницахъ», отношеніе Фредерика и Бержеретты; вездѣ, все-тотъ же, поэтъ, создавшій *Нинону* и *Нинетту*. Не многіе такъ глубоко понимаютъ жизнь сердца, не многіе такъ жарко сочувствуютъ ей, какъ скептическій авторъ Роллы;—но не многіе же такъ ловко смѣются надъ ней. Не спрашивайте его, вѣритъ ли онъ въ любовь, которой придаетъ такую непобѣдимую силу въ нѣкоторыхъ своихъ повѣстяхъ и комедіяхъ, не спрашивайте его, уважаетъ ли онъ женщину, которую такъ мастерски анализируетъ, которой паденію и страданію онъ такъ горячо сочувствуетъ.... Не спрашивайте вообще какого-либо положительнаго отвѣта, отвѣты будутъ—противорѣчія, но въ противорѣчіи услышите вы болѣзненный стонъ разбитаго сердца, добросовѣстное сознаніе своей собственной несостоятельности въ разрѣшеніи задачи, и вмѣстѣ, ничѣмъ незаглушимое стремленіе къ истинной красотѣ и чистотѣ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Театръ:—первое представленіе трагедіи Понсара «Улиссъ»;—послѣднія представленія г-жи Рашель въ Брюсселѣ. — Евгеній Бюрнуфъ. — Кемберворть. — Альредъ де-Мюссе въ Академіи наукъ. — Литературныя новости. — Древности Намюра.

Въ Парижѣ важная сценическая новость. Авторъ «Лукреціи» и «Шарлотты Кордѣ» поставилъ на сценѣ Французскаго Театра пьесу въ античномъ родѣ: «Улиссъ», трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ и эпилогомъ. Мы знакомы съ этимъ произведеніемъ знаменитаго французскаго драматурга по первому дѣйствію, которое цѣликомъ помѣщено въ фельетонѣ газеты Independance Belge, и по двумъ отчетамъ о первомъ представленіи этой пьесы, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ корресподенту помянутой газеты, Жюлю Лекомту, а другой—фельетонисту Journal des Debats, Жюль Жанену.

Имѣя подъ руками эти источники, постараемся познакомить нашихъ читателей съ новымъ произведеніемъ г. Понсара.

Прологъ. Улиссъ на берегу Итаки. Но онъ еще не знаетъ, куда забросила его судьба и не узнаетъ своей родины. Является *Минерва* въ образѣ молодаго пастуха; она ему говоритъ, что онъ на родинѣ; даетъ ему наружность старика, чтобы онъ въ видѣ нищаго пробрался въ домъ свой, и, ни кѣмъ не узнанный, удобнѣе могъ развѣдать, что тамъ дѣлается. На сцену, по повелѣнію *Минервы*, являются Наяды, и помогаютъ Улиссу въ его костюмировкѣ, воспѣвая гимнъ въ честь его возвращенія. — Занавѣсъ опускается въ ту минуту, когда Улиссъ, надѣвъ суму и согнувшись надъ клюкой, медленными шагами идетъ въ домъ свой.

Первое дѣйствіе. Театръ представляетъ пещеру стараго служителя Улиссова Евмея; она открыта; съ обѣихъ сторонъ ея по столу; въ одномъ изъ угловъ маленькая статуя Юпитера. Смеркается. На сценѣ Евмей и его слуга. Приближается Улиссъ.

Чтобъ дать понятіе о томъ, что происходитъ между этими тремя лицами, достаточно припомнить читателямъ то мѣсто изъ Гомерова эпоса, гдѣ Улиссъ встрѣчаетъ у Евмея свою старую собаку Арго, которая узнаетъ его и умираетъ отъ радости, при видѣ своего стараго хозяина.

Digitized by Google

Евмей оказываетъ гостепріимство страннику. Являются пастухи, или, какъ отваживается называть ихъ г. Понсаръ, согласно съ подлинникомъ, свинопасы, и садятся за вечерю.

Улиссъ искусно заводитъ рѣчь о самомъ себѣ. Онъ слышитъ слова сожалѣнія объ его смерти, изъ которыхъ видитъ, какое имѣютъ уваженіе къ его памяти. Онъ объявляетъ своимъ собесѣдникамъ, что Улиссъ живъ, и что онъ его встрѣтилъ во время своего странствованія. Со всѣхъ сторонъ раздаются восклицанія, въ которыхъ выражается радость, смѣшанная съ сомнѣніемъ и недовѣрчивостью. Въ эту минуту странникъ предсказываетъ скорое возвращеніе Улисса. Потомъ онъ дѣлаетъ распросы насчетъ своей жены и сына, и узнаетъ отъ Евмея, что Пенелопа можетъ служить образцомъ для всѣхъ вдовъ, а Телемакъ, по справедливости, назваться доблестнѣйшимъ изъ сыновей. Но при этомъ ему разсказываютъ о тѣхъ ужасныхъ безпорядкахъ, которыхъ жертвою стала Итака съ тѣхъ поръ, какъ туда нагрянула шайка жениховъ его жены. Улиссъ выслушиваетъ непріятные для него разсказы о всѣхъ безчинствахъ, театромъ которыхъ является его домъ; онъ спрашиваетъ, есть ли защитникъ у Пенелопы: но ему отвѣчаютъ, что Телемакъ еще очень молодъ и скорѣе разсудителенъ, чѣмъ силенъ, и что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ времени, когда будетъ наконецъ въ состояніи отмстить за всѣ обиды, нанесенныя памяти его отца. Въ это время входитъ Телемакъ, привѣтствуемый Евмеемъ и хоромъ пастуховъ. Улиссъ смотритъ на него съ страстною нѣжностію. Оставшись съ нимъ наединѣ, онъ ему открывается, и здѣсь, по увѣренію французскаго фельетониста, происходитъ одна изъ самыхъ блистательнѣйшихъ сценъ, которыя когда-либо являлись на театрѣ. Они разстаются, назначивъ на завтра свиданіе въ домѣ Пенелопы. Дѣйствіе кончается хорами пастуховъ, провожающихъ Телемака.

Второе дѣйствіе. Внутренность дома Пенелопы. Вечеръ. На сценѣ хоры служанокъ, готовящихся къ оргіи. Евриклея, старая кормилица Улисса, читаетъ имъ моралъ и ставитъ въ примѣръ *вѣрныхъ служанокъ* (les servantes fidèles), которыя окружаютъ Пенелопу, трудящуюся надъ своей нескончаемой тканью. Евриклея совѣтуетъ Пенелопѣ надѣть лучшіе наряды къ приходу жениховъ, которые должны скоро явиться въ ея покои. Пенелопа противится ея совѣтамъ, и жалуется на положеніе, въ которое ее поставило отсутствіе мужа. Въ это время Телемакъ вводитъ нищаго. Нищій заводитъ опять разговоръ объ Улиссѣ, и его до глубины души разстрогиваетъ любовь къ нему Пенелопы и всѣхъ домочадцевъ. Рецензентъ газеты L'Independance Belge увѣряетъ, что эта сцена

Digitized by Google

представляетъ образецъ величественной простоты, и что г. Понсаръ здѣсь является не только переводчикомъ, но даже *сотрудникомъ* Гомера.

Шумно вторгаются на сцену женихи, уже разгоряченные виномъ. Они настоятельно требуютъ, чтобы Пенелопа сдѣлала окончательный выборъ между ними, и даютъ ей сроку до завтрашняго дня.

« ....., le jour, vous tissiez votre voile,
Et la nuit, aux flambeaux, vous défaisiez la toile:
Et c'est après quatre ans que, de la ruse instruite,
Nous vous avons surprise en ce travail des nuits.
— Or, la toile est tissée, en dépit de vous-même,
Et vous cherchez en vain un nouveau stratagème.
Je vous avertis donc, reine, que dès demain
Il vous faut résigner à conclure l'hymen. »

Пенелопа въ смущеніи, но, по совѣту Улисса, она рѣшается на послѣднюю хитрость, и говоритъ, что принимаетъ предложеніе. Хоры поютъ, и женихи удаляются въ ожиданіи завтрашняго дня.

Но между тѣмъ Евриклея узнаетъ Улисса по шраму, который она замѣтила на его ногѣ, во время омовенія. Улиссъ проситъ ее сохранить это втайнѣ.

Дѣйствіе опять кончается хорами, и на этотъ разъ поютъ *невѣрныя* служанки (Les servantes infidèles), которыя, по уходѣ своей госпожи, радостно спѣшатъ на безчинное пиршество.

Дѣйствіе третье. Театръ представляетъ залу пиршества во дворцѣ Улисса. Оргія. Женихи сидятъ за столомъ. Женщины наливаютъ имъ вино, и пьютъ вмѣстѣ съ ними. Хоры поютъ.

Входитъ Улиссъ и проситъ милостыню. Его отталкиваютъ. Пастухи принимаютъ его подъ свою защиту. Входитъ Телемакъ, въ сопровожденіи Евмея. Улиссъ едва удерживается, чтобъ не открыться. Является прорицатель Теоклименъ, упрекаетъ пирующихъ за ихъ буйство, и грозитъ имъ мщеніемъ боговъ. Наконецъ приходитъ Пенелопа; она держитъ лукъ Улиссовъ, и говоритъ женихамъ:

« Vous qui siégez, mangeant nos bœufs et nos moutons,
Buvant le vin d'Ulysse et poursuivant sa veuve,
Prétendants, je vous viens proposer une épreuve.
Je me suis décidée à choisir un époux,
Pour que mon fils enfin soit délivré de vous;
Mais lequel choisirai-je, et comment, à quel signe,
Saurai-je distinguer lequel est le plus digne?
Si je m'en rapportais à mes yeux, j'aurais peur
De juger faussement, car l'aspect est trompeur.
Que faire donc? — Eh bien! je vous ouvre la lice;
Disputez-moi; celui qui tendra l'arc d'Ulysse,

Digitized by Google

Et qui fera passer un trait bien décoché,
Par douze anneaux d'airain, sans qu'aucun soit touché,
Celui-là deviendra mon mari; pour le suivre
Je quitterai ce toit où j'aurais voulu vivre,
Ce toit qu'en mon exil je pleurerais souvent,
Et que je n'oublierai jamais, même en rêvant.
— Il faut pour tendre l'arc, il faut pour viser juste,
Etre adroit comme Ulysse, et comme lui robuste;
Mais je ne puis sans honte, après Ulysse mort,
Choisir un autre époux moins adroit et moins fort.

Женихи соглашаются на это предложеніе. Мѣдныя кольца развѣшиваются по колоннамъ, поддерживающимъ своды залы. Соперникамъ даютъ лукъ, но никто изъ нихъ не можетъ натянуть его: пастухи смѣются надъ безполезными ихъ усиліями.

Выступаетъ Улиссъ и требуетъ, чтобъ ему позволили состязаться съ ними. Женихи противятся. Подымается ссора. Пенелопа удаляется по просьбѣ Телемака. Улиссъ между тѣмъ овладѣваетъ лукомъ, натягиваетъ его безъ малѣйшаго усилія, и стрѣла, пущенная имъ, пролетаетъ сквозь всѣ кольца. Хоры гремятъ. Женихи молчатъ, со стыдомъ и ужасомъ взирая на нищаго, а Улиссъ, не давъ имъ опомниться, хватаетъ другую стрѣлу, и пронзаетъ ей Антиноя, самаго надмѣннаго изъ всѣхъ женіховъ. Прочіе хотятъ броситься на Улисса, но онъ становится съ Телемакомъ впереди пастуховъ, и восклицаетъ:

« Vous ne m'attendiez pas, quand vous pilliez mes biens!
Vous me croyez encore sous les murs de Pergame,
Lorsque, de mon vivant, vous poursuiviez ma femme,
Sans pudeur, sans remords, sans avoir sous les yeux
Le blâme des humains, ni le courroux des Dieux.
Ah! vous ne saviez pas qu'au jour de la justice,
Terrible, armé du glaive, apparaîtrait Ulysse.
— Le voila. Pâlissez; car la mort est sur vous. »

Напрасно грабители просятъ пощады; стрѣлы оскорбленнаго домовладыки, одна за другой, летятъ въ ихъ толпу; нѣкоторые изъ нихъ прячутся за столъ, который имъ на этотъ разъ служитъ щитомъ; другіе силятся противиться. — Занавѣсъ опускается.

Эпилогъ. Театръ представляетъ дворъ при домѣ Улисса. Статуя Минервы подъ сѣнію оливы. Двери, ведущія въ залу пиршества, закрыты. Оттуда виднѣются трупы убитыхъ женіховъ. Улиссъ сидитъ на мраморномъ тронѣ у подножія статуи Минервы. Онъ принялъ прежній свой видъ. На немъ царскія одежды. Въ рукѣ его скипетръ. Телемакъ стоитъ у трона, *опершись на мечъ*; хоръ пастуховъ поетъ гимнъ въ честь возвращенія и побѣды своего государя. Приходитъ Пенелопа; она едва можетъ повѣрить, что нищій, которому она оказала гостепріимство,— ея супругъ.

Digitized by Google

LE CHOEUR.

« O reine, c'est Ulysse, approchez-vous du trône!

EURYCLÉE.

C'était lui, ce vieillard qui demandait l'aumône!

PÉNÉLOPE.

Et comment se fait-il, qu'il fût alors si vieux,
Et qu'il soit à présent jeune et semblable aux Dieux?

TÉLÉMAQUE.

Il était transformé par Minerve elle-même!

LE CHOEUR.

Tout est facile aux Dieux! leur puissance est suprême!

PÉNÉLOPE.

Si c'est Ulysse, il peut dissiper mes soupçons,
Qu'il dise un des secrets que nous seuls connaissons.

ULYSSE (souriant).

Le temps triomphera de ce cœur si farouche.
(A Euryclée.)
Nourrice, je suis las; fais préparer ma couche.

PÉNÉLOPE (regardant fixement Ulysse)

Prépare ce beau lit, couvert d'un dais royal,
Que lon a transporté hors du toit nuptial.

ULYSSE.

O reine! vous tenez un propos qui m'afflige,
Qui donc a transporté ce lit? par quel prodige
C'est chose difficile; en voici la raison:
Un énorme olivier ombrageait ma maison;
Je le coupai moi-même, à trois pieds de la terre;
J'en façonnai le tronc à l'aide de l'équerre;
J'en fis le pied d'un lit, qu'on n'en peut detacher,
Et construisis autour notre chambre à coucher;
Si bien qu'il eût fallu, pour transporter ma couche,
Déraciner d'abord et déplacer la couche.

PÉNÉLOPE (courant à Ulysse, et lui jetant les bras autour du con).

Ah! c'est lui! c'est Ulysse, Ulysse que je vois.
C'est toi; car notre lit n'est connu que de toi.
Te voilà! — Ce bonheur n'a pas été le nôtre,
De passer nos beaux ans, l'un toujours près de l'autre;
Mais je te vois enfin, Ulysse! cher époux!
Nous vieillirons ensemble, et c'est encore bien doux.

ULYSSE (la tenant embrassée).

Soyez bènis, ô Dieux, qui me rapprochez d'elle,
Et qui me la rendez si sage et si fidèle! »

Слѣдуетъ еще хоръ, и пьеса кончается.

Французскія газеты сыплютъ панегирики этой трагедіи-эпопеѣ, Въ самомъ дѣлѣ пьеса очень замѣчательна. Она, *по возможности*.

Digitized by Google

вѣрна античному духу. Говоримъ—по возможности, ибо знаемъ за достовѣрное, что французу изобразить античную жизнь почти невозможно, и мы можемъ насчитать до пяти препятствій, которыя ему должны встрѣтиться на пути возсоздаваемаго имъ міра. Первое препятствіе заключается въ характерѣ французскаго ума, которому не дана тайна совершеннаго пониманія чужихъ національностей. Второе—заключается въ бѣдности свѣдѣній, которыя имѣютъ французы по классической древности; третье препятствіе французъ найдетъ въ самомъ языкѣ своемъ, который рѣшительно не способенъ поддѣлываться подъ торжественно-простую рѣчь древнихъ; наконецъ ему придется бороться со стихомъ, которымъ принято писать французскія трагедіи: александрійскій стихъ—рѣшительно не годенъ для произведеній такого рода. Мы знаемъ, что многія изъ этихъ препятствій повредили античности произведеній и самого Андрэ Шенье. Впрочемъ, всѣ эти препятствія Понсаръ одолѣлъ, *сколько могъ*, и пьеса вышла прекрасна. Обстановка пьесы великолѣпна. Роли были слѣдующимъ образомъ распредѣлены между актерами. Роль *Улисса* занималъ Жефруа, *Телемака*—Делоне, *Евмея*—Вобанъ, *Антиноя*—Шери, *Пенелопы*—M-elle Sudith, *Минервы*—M-elle Nathalie (та и другая новыя артистки, недавно-принятыя въ общество французскаго театра). Музыку для хоровъ написалъ Гуно, protégé г-на и г-жи Віардо.—На первомъ представленіи былъ президентъ республики и много апплодировалъ.

—

Браво и рукоплесканія еще раздаются, межъ-тѣмъ какъ пароходъ уноситъ ту, которой одно имя возбуждаетъ ихъ, которой обольстительный талантъ покоряетъ себѣ всѣхъ, все и всегда.... Г-жа Рашель недавно въ послѣдній разъ играла въ Брюсселѣ.

Послѣдніе два вечера были самые великолѣпные. *Адріенъ Лекуверръ* превзошла Федру; а Федра, по крайней мѣрѣ, равнялась Герміонѣ; мы не говоримъ уже о сборѣ, потому что послѣднее представленіе артистки всегда кажется болѣе привлекательнымъ, болѣе совершеннымъ, оставляетъ по себѣ болѣе воспоминаній и тѣмъ болѣе внушаетъ сожалѣній, когда нѣтъ надежды видѣть ее опять и опять.

Послѣ Адріени, вамъ постоянно такъ и слышится басня о двухъ голубкахъ, сказанная съ такимъ неподражаемымъ вкусомъ, съ такимъ глубокимъ чувствомъ; у васъ не выходитъ изъ памяти эта сцена третьяго дѣйствія, безъ сомнѣнія, лучшая во всей пьесѣ гг. Скриба и Легуве, въ которой аристократка съ такимъ бѣшенствомъ говоритъ комедіанткѣ: я погублю васъ! а комедіантка отвѣчаетъ съ величавымъ презрѣніемъ: а я вамъ покровительствую.

Digitized by Google

Самая тонкая, самая деликатная особенность, которая дѣлаетъ изъ роли Адріени одно изъ прекраснѣйшихъ созданій г-жи Рашель,— это удивительная способность различать мученія ревности, которыя ея сценическій инстиктъ открылъ въ ней, какъ въ артисткѣ, и дѣйствительными страданіями, добычею коихъ дѣлается женщина, такъ что вымыслъ становится дѣйствительностію. Инстинктъ или разсчетъ, но это во всякомъ случаѣ возвышенно; это великолѣпная молнія избраннаго таланта, которая должна сопровождаться и дѣйствительно сопровождается громомъ рукоплесканій.

Не считаемъ за нужное говорить о неотразимомъ могуществѣ стиховъ Федры въ четвертомъ дѣйствіи, а лучше остановимъ вниманіе на этой граціи и достоинствѣ, съ которыми Адріенъ является среди женщинъ, принадлежащихъ къ высшему обществу, съ тѣмъ, чтобы, какъ говоритъ она, найдти для себя образецъ между ними. Это верхъ изящества, и взгляды предубѣжденія невольно, такъ сказать, слѣдятъ за каждымъ ея комплиментомъ, обращеннымъ всегда такъ кстати. Голосъ еще спокоенъ, но въ ея глазахъ уже сбирается буря.

Агонія пятаго дѣйствія ужасна и мучительна, и на помощь разбитому горестью голосу являются тѣлодвиженія, совершенство которыхъ трудно затмить, и которыя не думаемъ, чтобы можно было превзойти когда нибудь. Этотъ истинно ужасный крикъ, этотъ отчаянный жестъ любви и молодости, страстно любящей жизнь, которая ее оставляетъ,—это ужасная, раздирающая сердце истина!

Успѣхъ былъ необычайный, но небольше однакожъ того, который имѣло представленіе Герміоны; а между тѣмъ, съ каждымъ днемъ увеличиваются безпрестанныя, изнурительныя усилія этой лихорадочной, калифорнійской дѣятельности, для которой желѣзныя дороги стали опасными помощниками, и—чтоже?—Несмотря на геркулесовскіе труды этой женщины, повидимому такой слабой, наступаетъ сцена страсти,—и ея голосъ, почти сейчасъ обезсилѣвшій до послѣдней степени, становится гибкимъ, звучнымъ, и отъ сильныхъ сотрясеній этого вдохновеннаго голоса огромная аудиторія теряется между страхомъ и удивленіемъ.

Таковы были зрители, такова была актриса, въ послѣднихъ трехъ дѣйствіяхъ *Андромахи*.

Любовь, презрѣніе, чувствительность, гнѣвъ, иронія, всѣ чувства, которыя поэтъ поочередно влагаетъ въ уста дочери Елены, преемственно выражались въ голосѣ, въ тѣлодвиженіяхъ, во взглядахъ великой артистки. Ничто не остается въ тѣни, все высказывается выпукло; каждая частность содѣйствуетъ очарованію удивительнаго цѣлаго, такъ что при нѣкоторыхъ нѣмыхъ положеніяхъ мы,—

Digitized by Google

а съ нами вмѣстѣ и другіе, безъ сомнѣнія,—спрашивали самихъ себя, не столько ли же, при такой всемощности своего голоса, краснорѣчива и прекрасна она въ самомъ своемъ молчаніи.

Мущины вообще щедро платятъ дань удивленія таланту г-жи Рашель, а женщины еще болѣе, особенно въ Брюсселѣ. Оркестръ представлялъ этому сколько очевидное, столько же и прекрасное доказательство, потому что большинство въ немъ состояло изъ дамъ; большое удовольствіе, и—скажемъ это безъ ложной скромности — драгоцѣнный урокъ доставила намъ возможность слышать, сколько умныя, столько же и справедливыя замѣчанія, высказанныя прекрасными сосѣдками, по поводу жестовъ и интонаціи г-жи Рашель.

Тѣнь Расина вздрогнула бы, безъ всякаго сомнѣнія, еслибъ могла слышать, какъ эти нѣжные голоса передъ поднятіемъ занавѣса шептали цѣликомъ блестящія страницы, и какъ при поднятіи занавѣса—воцарялось благоговѣйное молчаніе тотчасъ же, какъ великая артистка являлась на сценѣ. Дамы апплодируютъ мало, какъ извѣстно, но мы на лету схватили нѣсколько выраженій, невольно вызванныхъ удивленіемъ, которыя еслибъ могла слышать г-жа Рашель, стоили бы для нея оглушительныхъ браво мущинъ.

Что касается до насъ, чье энтузіастическое сочувствіе сильно оживляется при этихъ прекрасныхъ представленіяхъ,—на этотъ разъ у насъ одна заслуга—быть точнымъ отраженіемъ впечатлѣній другихъ, и, для большей славы артистки,—вѣрно сохранить, что слышали вокругъ себя.

Таковы отзывы одного изъ фельетонистовъ L'Indepedance Belge о послѣднихъ представленіяхъ г-жи Рашель въ Брюсселѣ.

—

Читатели, вѣроятно, уже знаютъ о смерти одного изъ знаменитѣйшихъ современныхъ Санскритологовъ, издателя Комментарія къ Яснѣ, Евгенія Бюрнуфа. Сообщаемъ переводъ статьи Филарета Шаля, напечатанной въ Journal des Débats.

«Какое имя, какое право или какія предварительныя занятія уполномочиваютъ меня обсуживать здѣсь труды и умственную жизнь нашего стараго товарища по коллегіуму Франціи, Евгенія Бюрнуфа?— Я не имѣю на это ни права, ни имени. Передъ лицомъ этихъ обширныхъ занятій, я теряюсь въ массѣ публики. Мнѣ неизвѣстны ни древній Сасктритъ Ведъ, ни языкъ Бгагавата, ни Пали, ни Пракритъ; я не знаю ни одного языка Азіи и не въ состояніи разбирать восточныя письмена».

«Еслибъ я не воспользовался ясными и дѣльными обозрѣніями г. Моля, превосходными трудами Бартелеми Сен-Илера, умными разборами Ампера, наконецъ, всѣхъ тѣхъ, которые при жизни Бюр-

Digitized by Google

нуфа писали,—его соперниковъ, друзей, почитателей, сослуживцевъ, чтобъ ориентировать насъ въ подземныхъ лабиринтахъ, открытыхъ, раскопанныхъ и освѣщенныхъ этимъ скромнымъ и могучимъ умомъ,—еслибы я не воспользовался всѣми названными трудами, то безъ внимательнаго чтенія того, что Біо (это чудное соединеніе молодости съ страстью и крѣпкаго мужества съ сѣдиною) напечаталъ въ Journal des Savants, я не могъ бы дать ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое былъ Бюрнуфъ, о всей совокупности его трудовъ и о томъ мѣстѣ, которое занимаетъ онъ въ благородномъ строѣ просвѣтителей рода человѣческаго, тѣхъ,

Qui vitai lampada tradunt,

какъ говоритъ за Лукреціемъ Бэконъ.

Эту мысль, которая, не смотря на логическую строгость, есть скорѣе чувство, нежели мысль, хотѣлъ бы я передать и распространить. Это не сужденіе; я вовсе не чувствую склонности къ тому, что Эдмондъ Бюркъ называетъ *la canditature de redicule*, и въ свое оправданіе сошлюсь на авторитетъ знаменитыхъ людей, мною названныхъ. Все мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы воспроизвести ихъ мысли о Бюрнуфѣ и его сочиненіяхъ. Изъ нихъ уже выведутъ заключеніе; изъ нихъ увидятъ, чѣмъ обязаны мы Бюрнуфу, этому великому критику, неугасимый свѣточь котораго освѣщаетъ путь его преемникамъ въ далекой перспективѣ обширныхъ и темныхъ изысканій. Современная эрудиція, исчерпавшая открытія, касающіяся Рима и Греціи, по-крайней-мѣрѣ, тѣ, которыя были ей доступны, открыла въ концѣ XVII столѣтія новое поприще, столь же трудное, какъ и новое, которому суждено возстановить современемъ и первыя, темныя загадки европейской исторіи.

Миссіонеры и путешественники открыли древній міръ Индостана. Что памятники брамманизма, писанные на священномъ языкѣ, были сохранены религіознымъ тщаніемъ жрецовъ,—въ этомъ нельзя сомнѣваться; вскорѣ имѣли въ рукахъ нѣкоторые разбросанные отрывки изъ нихъ; сколько неожиданнаго свѣта должны были пролить они даже на происхожденіе западной Европы; всѣ памятники греческіе и римскіе подтверждали ихъ. Путь былъ проложенъ, но эти открытія шли, какъ и всѣ дѣла человѣческія, шагъ за шагомъ сквозь тысячу трудностей и окольныхъ путей.

Были миссіонеры католическіе и протестантскіе, которые поощряли эти завоеванія человѣческаго духа въ области прошедшаго; были и другіе, которые стремились отнять у нихъ всякую бодрость. Пандиты сами были невѣжды или лгали. Къ сомнѣніямъ однихъ христіанъ, къ небрежности другихъ, къ интересамъ сектъ, которыя

Digitized by Google

искажали текстъ и коверкали число, къ запутанности литературной, которая съ давнихъ поръ царствовала на полуостровѣ, ко всему этому присоедините интересы и предразсудки буддизма, занявшаго мѣсто браманизма, интересы и предразсудки браманизма, представителями котораго были часто люди, незнавшіе ихъ происхожденія,—присоедините сюда книги враждебныхъ сектъ, наконецъ, удивительную новость занятій, къ которымъ не былъ никто приготовленъ. Уже запаслись индусскими драмами, элегіями, гимнами различныхъ эпохъ, большими поэмами и, наконецъ, произведеніями эпохи упадка, написанными на священномъ языкѣ; но не было ни исторіи, ни критики, ничего, что бы могло руководить изслѣдователей; всюду громадное, неизвѣстное, и вмѣсто всякаго свѣта, тонкость, которая, какъ говоритъ Сенека, проливаетъ самый обманчивый свѣтъ; и онъ зналъ это. Пураны, нѣчто въ родѣ гимновъ Каллимаха, были завоеваны, но не Веды, священная книга по преимуществу. Около половины XVIII вѣка остановились на этомъ пунктѣ.

Тогда-то жаръ къ распространенію и возобновленію, столь различно оцѣненный, столь сбивчивый, овладѣлъ Европою и устремилъ Англію къ торговому завоеванію Индіи, Францію на болѣе обширное и затруднительное поле теорій и реформъ. Возрастающее могущество Англіи въ Индіи благопріятствовало изслѣдованію Санскритамъ; мы не думали объ томъ, чтобы помѣшать Англичанамъ утвердиться въ ней, и сдѣлали большую ошибку, выдавши имъ этотъ старый міръ. Не станемъ, однакожъ, клеветать ни на эпоху, ни на нашихъ отцовъ. Если они ошиблись, чему я желаю вѣрить по многимъ причинамъ, то въ тѣхъ поколѣніяхъ, которыя непосредственно намъ предшествовали, было сильное стремленіе ко благу человѣчества; если хотите, это галюцинація, но кроткая, благородная, непричастная интересамъ, сильная, и какъ бы электрическій токъ восторга, который вдругъ воспламенялъ сердца. Мы видимъ,—и это одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ того времени и тѣхъ людей, отъ которыхъ мы такъ далеки,—что простой солдатъ, почти не зная грамотѣ, пожираемый охотою отбить у науки священныя книги Персіи и Индіи, незапамятные источники (такъ по-крайней-мѣрѣ онъ думалъ) всѣхъ возможныхъ религій, отправляется изъ Парижа безъ денегъ, безъ протекціи, съ однимъ только мѣшкомъ за спиною, и идетъ пѣшкомъ одинъ къ завоеванію Ведъ и книгъ Зороастра.

Анкетиль Дюперронъ принесъ только эти послѣднія, и ихъ онъ истолковалъ по своему разумѣнію. Во время этого отважнаго странствія, описаніе котораго принадлежитъ осьмнадцатому столѣтію, онъ учился у потомковъ Гвебровъ всему, что они знали: уже пятнадцать

Digitized by Google

столѣтій, какъ они не понимали оригинальныхъ произведеній, написанныхъ на зендскомъ древнемъ языкѣ Персовъ; ихъ современное истолкованіе слѣдовало частному преданію, которое сохранилось въ ихъ школахъ, и въ основѣ котораго лежали переводъ и объясненія священныхъ книгъ, составленныя во времена Сассанидовъ на языкѣ Пельви, который въ свою очередь сталъ для нихъ непонятенъ. Переводъ Зендавесты Анкетилемъ представляетъ не воспроизведеніе этого преданія, а далекій, разумѣется, не полный и невѣрный отблескъ смысла, который съ давнихъ поръ былъ искаженъ и ложно понимаемъ.

Наконецъ Веды появились въ Европѣ, переводъ Анкетиля былъ напечатанъ, изученіе Санскрита привлекало самые значительные и проницательные, но не всегда строгіе умы Германіи, Англіи и Франціи, когда Евгеній Бюрнуфъ выступилъ на это безграничное поприще съ грамматикой *Пали*, священнаго языка буддистовъ по ту сторону Ганга,(1)—языка, котораго еще не успѣли изучить; съ помощію друга своего, г. Лассена, онъ дошелъ до того, что разобралъ его. Бюрнуфъ родился грамматикомъ, въ томъ смыслѣ, который св. Августинъ придавалъ этому слову: *Grammaticae pend divinam vim*. Это угадываніе всѣхъ формъ, одѣваемыхъ словомъ человѣка, порчи измѣненій и преобразованій языка, никогда и никому не было дано въ такой степени. Это былъ, по словамъ нелицемѣрнаго судьи, г. Вильменя, геніальный филологъ. Была между языкомъ Ведъ, самой старой формою санскритскаго языка, который онъ зналъ основательно, и стариннымъ персидскимъ языкомъ въ текстахъ Зороастра тайная связь, скрытое сродство, въ чемъ онъ сомнѣвался при первомъ взглядѣ, и въ чемъ убѣдилъ его опытъ. Благодаря примѣненію самой вѣрной и самой остроумной методы сравнительной грамматики, онъ пришелъ къ тому заключенію, что древне-персидскій языкъ есть только діалектъ, весьма близкій къ древнему Санскриту. Онъ нашелъ весь древній языкъ; возстановилъ грамматику, создалъ словарь, первый издалъ Вендидаду съ аналитическимъ комментаріемъ (2), книгу Зороастра, самое важное изъ всего, что для насъ осталось.

Такимъ образомъ, не только текстъ персидскаго законодателя былъ возстановленъ и понятъ, потерянный языкъ найденъ и призванъ къ жизни, испорченный переводъ священныхъ книгъ Гвебровъ поправленъ и объясненъ смыслъ ихъ религіи; но и отношенія персидской расы къ Гиндусамъ той и другой стороны и къ различ-

(1) *Essai sur le Pali*, ou langue sacrée, de la presqu'île ou de là du Gange, par E. Burnouf et C. Lassen, Paris 1826 in 8°.

(2) *Vendidad Sadé*, l'un des livres de Zoroastre, publié par M. Burnouf, Paris in folio. 1829–43.

Digitized by Google

нымъ племенамъ одного происхожденія были ясно опредѣлены. Двадцати-восьми лѣтній Парижанинъ зналъ лучше Персовъ языкъ Зороастра, который они потеряли, а онъ нашелъ. Необыкновенный начинатель, творецъ въ силу сомнѣнія и проницательности, — цѣлая новая и обширная вѣтвь историческихъ занятій, выходила изъ рукъ его. Европейскіе ученые, которые теперь разработываютъ ее, могутъ только идти по указаніямъ и на основаніи работъ того, результаты котораго они единодушно приняли.

Смѣлость даже до дерзости, если дѣло идетъ о цѣли; осмотрительность, доходящая до самого мелочнаго сомнѣнія въ веденіи работъ, проницательность и терпѣніе характеризуютъ въ высокой степени этотъ вдвойнѣ одаренный умъ; и эти два свойства его составляютъ истинное чудо. Нѣтъ ничего, на что бы онъ не рѣшился, нѣтъ ничего, чего бы онъ не доказалъ; его жизнь была жертвою, принесенною этой религіи сомнѣнія съ научной смѣлостью.

Получивши въ 1831 премію Воянея, о которой мы упоминаемъ только для памяти, (3) онъ сдѣлалъ изъ Зендскаго языка, открытаго имъ, ключь для всего на свѣтѣ, и это неожиданное примѣненіе привело къ результатамъ еще болѣе удивительнымъ; особенность великихъ умовъ въ томъ и состоитъ, чтобы не вращаться въ одномъ и томъ же кругу, находить одно за другимъ кольца цѣлой цѣпи, примѣнять новое истолкованіе къ прежнему счастливому, подражать природѣ и Творцу ея.

Зендъ, языкъ Зороастра, представлялъ Бюрнуфу ключь ко всей первобытной цивилизаціи Персовъ. Обладатель такого талисмана, онъ доискивался съ помощію его смысла самой странной и самой темной загадки, которую намъ оставила древняя исторія. Персеполисъ, со временъ Александра Великаго, своими клинообразными надписями, покрывавшими полуобвалившіяся стѣны его, остатки дворцовъ и гробницъ, высѣченныхъ въ скалахъ, казалось, вызывалъ безсильную проницательность ученыхъ; не знали, ни на какомъ языкѣ были они написаны, ни даже въ какомъ духѣ. Наконецъ, лѣтъ 50 тому назадъ Гротефендъ рискнулъ на смѣлое предположеніе: онъ прочелъ, или полагалъ, что прочелъ на одной изъ надписей Персеполиса имя Дарія, на другой имя Ксеркса; его догадка была справедлива, но какъ подтвердить ее? какъ ему доказать свою гипотезу? Это было невозможно.

Честь этого дѣла была сохранена для Бюрнуфа, котораго *Commentaire sur Yaçna* (4) дополнилъ превосходное изслѣдованіе объ языкѣ

(3) Mémoire manuscrit sur la transcription des alphabets de l'Inde ancienne et moderne.

(4) *Commentaires sur le Yaçna*, l'un des livres religieux des Perses, par E. Burnouf. Paris 1833; in 4°.

Digitized by Google

зендскомъ. Онъ доказалъ, что послѣдній былъ почти тождественъ съ языкомъ надписей Персеполиса, которыя онъ прочелъ и объяснилъ всѣ (1), что догадка Гротефенда справедлива, и что они дѣйствительно относятся къ династіи Кировъ. Ключь, который онъ далъ самъ, отыскавши древнее наръчіе персидское, былъ до такой степени достовѣренъ, что другъ его Лассенъ, также владѣвшій имъ, въ Боннѣ, дошелъ самъ собою и почти въ тоже время до того, что могъ читать клинообразныя надписи. Это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ перваго открытія Бюрнуфа; съ тѣхъ поръ оно развернулось во всѣхъ направленіяхъ. Разобрали и объяснили надписи династіи Кира; можно было повѣрить Геродота подлинными памятниками. Сохранилась біографія Дарія, начертанная по его приказанію на скалахъ Бизитуны; мы можемъ возстановить лѣтописи Персіи.

Здѣсь не останавливается удивительная плодотворность этого открытія, которое было результатомъ терпѣливой проницательности. Великія монархіи средней Азіи, которыхъ исторія ограничивалась спискомъ собственныхъ именъ, сомнительными преданіями, нѣкоторыми твердыми пунктами, означенными Библіею, пришли наконецъ въ извѣстность; начали разбирать клинообразныя надписи Вавилона и Ассиріи, которыми наполнило наши музеи разрытіе Ниневіи; благодаря пріуготовительнымъ работамъ Бюрнуфа, ихъ двойственному и обширному приложенію и свѣту, брошенному имъ на единственный путь, по которому надобно было идти, исторія древней Азіи готова выйдти во всей полнотѣ изъ своихъ гробницъ.

Ничто не приноситъ столько чести человѣческому духу и ничто не доказываетъ лучше его могущества, какъ простота и единство этихъ результатовъ, выросшихъ изъ одного зерна, въ силу самаго естественнаго и нормальнаго развитія. Изученіе Санскрита вызвало Зороастра и Дарія; оно вызоветъ въ скоромъ времени Ассирію и Вавилонъ. Слѣдуя другимъ путемъ и, такъ, сказать, раздвоясь, оно приведетъ этаго необыкновеннаго изслѣдователя прошлаго и неизвѣстнаго въ новыя темныя страны, которыя онъ извѣдаетъ и освѣтитъ также ярко. Мы видѣли, что Бюрнуфъ при началѣ своего поприща изучалъ съ Лассеномъ Пали, наръчіе нѣкоторыхъ загангскихъ Буддистовъ.

Эта религія, которая считаетъ болѣе сектантовъ, нежели всякая другая, сдѣлалась предметомъ живѣйшаго любопытства. Со всѣхъ сторонъ ученые доискивались памятниковъ, которые Китай доставлялъ Абель-Ремюзъ, Тибетъ Ксомѣ де-Коросу, Монголія Шмидту, островъ Цейланъ Тюрнуру, и Непалъ Годгсону. Обознаться въ

(1) *Mémoires sur deux inscriptions cunéiformes* Paris 1837, in 4°.

Digitized by Google

этой кучѣ собранныхъ матеріаловъ сдѣлалось невозможнымъ: къ запутанности временъ и сектъ, изъ которыхъ проистекали различныя сочиненія, присоединилась запутанность источниковъ, изъ которыхъ почерпали извѣстія. Каждый переводчикъ, считая только себя въ правѣ дѣлать объясненія и подчиняя цѣлое своей системѣ, которая искажала подробности его, увеличивалъ хаосъ и удвоивалъ мракъ. Годгсонъ, англійскій резидентъ въ Непалѣ, вынесъ изъ этой долины Индостана 80 сочиненій буддистскихъ, которыя онъ подарилъ въ 1837 году Азіатскому обществу въ Парижѣ. Бюрнуфъ захватилъ ихъ въ свои руки и воспользовался ими также хорошо, какъ Зендомъ и надписями Персеполиса. Онъ издалъ обширный переводъ Бгагаватъ-Пураны (6) и Опытъ о Зендѣ (7). Достигнувши полнаго развитія силъ, онъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ посвящалъ самому неизвѣстному въ Европѣ предмету свое терпѣніе и твердость. Въ это время онъ привелъ въ порядокъ страшную запутанность расъ и доктринъ; выпутываясь изъ всего, что могло затруднить новое изученіе, онъ кончилъ тѣмъ, что указалъ каждой расѣ ея мѣсто, каждому имени достовѣрность, каждому народу его значеніе; онъ постановилъ даты; переводя надписи, расположилъ по классамъ эпохи различныхъ буддистскихъ школъ; указалъ тѣ изъ нихъ, которыя передали свои творенія странѣ, въ которую вторглись, наконецъ опредѣлилъ главныя идеи, изъ которыхъ истекали доктрины. Весь мракъ былъ разсѣянъ его введеніемъ къ исторіи буддизма (8); ученый, раскрывшій гробницы Ахеменидовъ, вдругъ открылъ и объяснилъ обширный метафизическій и соціальный міръ, живой, чуждый Европѣ и едва самъ себя знавшій.

Его рука охладѣла надъ вторымъ томомъ этого сочиненія, въ которомъ онъ исправлялъ послѣднія корректуры. Неудивительно, что исполнявшій работы, столь громадныя по своей глубинѣ, изнемогъ преждевременно подъ бременемъ своихъ открытій и труда, который онъ на себя наложилъ. Тѣло жило слишкомъ не долго; излишнее напряженіе умственныхъ способностей въ самыхъ тонкихъ выкладкахъ должно было уничтожить матерію, которая служила ему орудіемъ.

Онъ оставилъ послѣ себя рукописное сочиненіе о Зендѣ, словарь Бурманскаго языка, гдѣ, по словамъ одного изъ самыхъ свѣду-

(6) *Bhaghavata Purana*, histoire poëtique publié et traduit par Burnouf. Paris, 1840—1847, 3°.

(7) *Etudes sur la langue et sur les textes zends*, par Burnouf Paris 1840—1850 in 8°.

(8) *Introduction à l'histoire du bouddhisme indien*, par E. Burnouf. Paris, 1844, in 4°.

Digitized by Google

ихъ цѣнителей (1), «переходъ отъ первоначальнаго смысла словъ къ отвлеченному, которое было необходимо для выраженія идей буддизма, объясненъ остроумными и философскими наведеніями». Желалъ бы знать болѣе, желалъ бы, чтобы болѣе краснорѣчивое слово, болѣе ясное изложеніе позволили мнѣ присоединить къ моему искреннему и глубокому удивленію передъ этимъ великимъ изобрѣтателемъ тѣ, отъ которыхъ теперь зависитъ почтить достойнымъ Франціи образомъ память Евгенія Бюрнуфа, столь скромнаго въ своей жизни, невзыскательнаго въ своихъ вкусахъ, столь добраго и очаровательнаго, который, и въ созданныхъ имъ трудахъ и въ сердцахъ его знавшихъ, оставилъ неизгладимое воспоминаніе.

Недавно умеръ одинъ изъ лучшихъ учениковъ г. Прадье, Карлъ Кембервортъ: проведши зиму въ ужасныхъ страданіяхъ, онъ отправился на лѣто въ Ангіенъ, въ надеждѣ найдти тамъ спокойствіе и поправить здоровье; но здѣсь черезъ нѣсколько дней умеръ отъ чахотки. Ему было сорокъ два года.

Кембервортъ оставилъ много произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя не окончены. Послѣднимъ его трудомъ была статуя изъ мрамора, *Самолюбіе*, но смерть не дала ему кончить этого произведенія. Извѣстны двѣ его группы *Павла и Виргиніи*, *Негритянки*, *Неизмѣнная любовь*, *Индіянка*, и мраморная статуя — въ третью долю обыкновенной величины—герцога Монпансье (эта статуя находится еще въ мастерской). Всѣ эти произведенія дышатъ особенной граціей и изяществомъ формы; они исполнены съ тѣмъ прекраснымъ вкусомъ, который художникъ получилъ въ школѣ г. Прадье.

Оставивъ мастерскую Прадье, Кембервортъ долго путешествовалъ по южной Америкѣ. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ среди богатой и роскошной американской природы, онъ сдѣлалъ много любопытныхъ и богатыхъ этюдовъ; отсюда-то онъ и вынесъ обширное знаніе особеннаго характера тропическихъ племенъ, который видѣнъ въ нѣкоторыхъ изъ его статуй.

Растительность Бразиліи дала ему поводъ къ тѣмъ маленькимъ, но дорогимъ чеканнымъ издѣліямъ, которыхъ онъ сработалъ такъ много въ послѣдніе годы своей жизни, именно, ящичковъ, подсвѣчниковъ, чернильницъ, цвѣточныхъ вазъ, столовыхъ часовъ, украшающихъ коллекціи и этажерки любителей и знатоковъ. Кембервортъ былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ скульпторовъ въ этомъ родѣ, составляющемъ предметъ наиболѣе выгодной заграничной торговли Франціи.

---

(1) Эдольстанъ Дюмерильъ.

Digitized by Google

Гдѣ теперь французская литература? — Она ужъ другой день въ Академіи, по случаю принятія Альфреда де Мюссе въ число ея членовъ. Чисто литературной приманки довольно было, чтобы привлечь многочисленную публику. Авторъ «*Роллы*» въ Академіи! не есть ли это знакъ измѣненія атмосферы, всецѣлаго измѣненія эпохи? Это измѣненіе, — все на него указываетъ, все его характеризуетъ. Вотъ въ недальнемъ разстояніи три человѣка совершенно различной природы—г. де Фелецъ, Дрозъ и Дюпати, которые могли считаться представителями прошедшаго французской литературы, и которые одинъ за другимъ исчезаютъ изъ Академіи. Навѣрно менѣе другихъ странно то обстоятельство, которое заставило Альфреда де Мюссе произносить похвалу Дюпати, которому онъ наслѣдовалъ. Среди всѣхъ этихъ признаковъ современныхъ переворотовъ авторъ «*Каприза*» являлся гордымъ свѣжимъ образомъ юношескихъ лѣтъ. Одно присутствіе его возбуждало воспоминаніе о всѣхъ этихъ вдохновенныхъ поэмахъ, *l'Espoir en Dieu*, *la Nuit de Mai*, *la Nuit d'août*, *les Stances à la Malibran*. Мардошъ, герой *испанскихъ и итальянскихъ сказокъ*, могъ въ волю ломаться въ углу залы; но послѣ всего этого не былъ ли онъ все-таки забавенъ? Одно изъ самыхъ умныхъ мѣстъ рѣчи Альфреда де Мюссе было то, гдѣ онъ примирялъ свое прошедшее, иногда нѣсколько буйное, съ присутствіемъ своимъ въ Академіи; еще лучше то, что новоизбранный умѣлъ быть справедливымъ къ Дюпати и хвалить его безъ преувеличенія. Конечно, не легко сказать что-нибудь эстетическое по поводу одного изъ капитальныхъ произведеній покойнаго академика *Voitures versées*, и при всемъ томъ Альфреду де Мюссе удалось высказать по этому случаю много тонкихъ, примѣчательныхъ взглядовъ на драматическое искусство, на эту смѣсь музыки и словъ, которая называется *opéra-comique*. Низаръ, уполномоченный принять Альфреда де Мюссе, напомнилъ ему, можетъ быть, ужъ слишкомъ многорѣчиво, что онъ былъ молодъ, что онъ былъ сынъ своего вѣка, что Буало можетъ служить добрымъ и спасительнымъ примѣромъ. Впрочемъ, это только меньшая часть замѣчательной и запечатлѣнной теплой симпатіей рѣчи, въ которой Низаръ нашелъ не одну остроумную и новую черту, чтобъ характеризовать талантъ новаго академика. Естественно представляется вопросъ: какимъ образомъ популярность Альфреда де Мюссе въ послѣдніе годы возрастала, а слава другихъ современныхъ ему поэтовъ уменьшилась? Это потому, что среди всѣхъ новыхъ элементовъ, изъ которыхъ сложился его талантъ, въ немъ какимъ-то особеннымъ образомъ уцѣлѣло кое-что чисто французское. У него есть сила, гладкость, грація, всѣ тѣ качества, которыя менѣе дру-

Digitized by Google

гихъ подвержены измѣненіямъ моды, и которыя не старѣются, потому-что они заложены въ природѣ француза. Онъ остался просто на-просто поэтомъ, поэтомъ остроумнымъ, тонкимъ, нѣжнымъ, и потому стихи его сохраняютъ ту живую прелесть, которой нѣтъ у многихъ другихъ. Мѣсто, которое теперь занимаетъ Альфредъ де Мюссе во французской поэзіи, лучше всего опредѣляется тѣмъ, что и онъ, увы!—имѣетъ свою школу. Фаланга его учениковъ многочисленна. За поэзіей слѣдуетъ театръ; «*Каприз*» породилъ бездну жалкихъ подражаній, которыя прогуливались по всѣмъ сценамъ, подѣлывались подъ рѣчь учителя, стараясь усвоить его манеру. Жаль только одного, что, собственно говоря, въ литературѣ нѣтъ школъ въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно даютъ этому слову; только поколѣнія слѣдуютъ одно за другимъ. Каждое приходитъ въ свое время и творитъ свое дѣло. Мы, конечно, далеки отъ тѣхъ условій, при которыхъ развился талантъ Альфреда де Мюссе. Какова бы ни была литература, имѣющая родиться, она будетъ далеко не тѣмъ, чѣмъ была.

— Наука ли политическая экономія? Странный вопросъ, когда изученіе ея вошло въ составъ всей соціальной системы. Но успѣхи, сдѣланные этою наукою въ послѣднее двадцатилѣтіе, оправдываютъ ли ту важность, которую въ настоящее время присвоиваютъ себѣ профессора ея? Этотъ вопросъ задалъ себѣ виконтъ де-Сенъ-Шаманъ, намѣреваясь перепечатать три сочиненія свои, изданныя въ 1820, 1823 и 1824 годахъ: *Du système d'impôt*, et c.et. *Petit fils de l'homme aux quarante écus* и *Nouvel essai sur la richesse des nations*. Сенъ-Шаманъ былъ уже и тогда весьма замѣчательнымъ экономистомъ, остроумнымъ толкователемъ самыхъ отвлеченныхъ теорій. Нѣкоторыя новыя, оригинальныя, а, главное, очень вѣрныя идеи принадлежали прямо ему, и онъ легко могъ бы буквально перепечатать свои три сочиненія, чтобъ доказать, что слишкомъ не много внесли слѣдовавшіе за нимъ экономисты. Онъ поступилъ лучше: скромно передѣлалъ свой трудъ, который издаетъ теперь подъ заглавіемъ *Traité d'économie publique*. Онъ начинаетъ краткимъ изложеніемъ современныхъ системъ науки и позволяетъ себѣ отвергнуть нѣкоторыя изъ нихъ,—разборъ свѣтлый, приготовляющій умъ къ анализу истинныхъ началъ, на которыхъ Сенъ-Шаманъ основываетъ свой курсъ общественной экономіи. Авторъ оканчиваетъ эту вторую часть главою о вліяніи системъ общественной экономіи на политическое состояніе народовъ; взглядъ на финансы Франціи составляетъ третью и послѣднюю часть. И такъ сочиненіе можетъ хвалиться полнотою, тѣмъ болѣе, что очевидныя отступленія только содѣйствуютъ его

Digitized by Google

единству. Со всѣмъ уваженіемъ, которое должно оказывать подлежащимъ суду, авторъ обозрѣваетъ системы Луи Блана, Бланки, Мишеля Шевалье и другихъ. Не скроемъ, что нѣкоторыя положенія послѣдняго, кажется намъ, опровергнуты не совсѣмъ побѣдоносно. Не его можно упрекать въ отсутствіи ясности, въ бездоказательности, въ томъ наконецъ, что будто онъ слѣпо принималъ преданія предшественниковъ. Точно также нѣкоторые нападки, направленныя на Росси и Сея, не поражаютъ его такъ прямо, какъ думаетъ Сенъ-Шаманъ. Жаль, что Сенъ-Шаманъ не удостоилъ разбора теоріи Милля, котораго трудъ, недавно изданный, заслуживаетъ занять въ богатомъ каталогѣ Гильѣменя мѣсто подлѣ трудовъ Смита, Мальтуса и Рикардо.

— Гильѣменъ безостановочно издаетъ выпуски (livraison) своего *Dictionnaire de l'économie politique*. Между сочиненіями, недавно имъ изданными, особенно стоитъ замѣтить *Examen du système commercial connu sous le nom de système protecteur*, Мишеля Шевалье. Въ Англіи это современный вопросъ.

— Извѣстные Дидо издаютъ подъ редакціею доктора Гёфера новую *Biographie universelle*, которая будетъ состоять изъ тридцати томовъ и 300 выпусковъ. По выпускамъ, уже появившимся, можно судить о той тщательности, съ которою исполняется это важное предпріятіе; статьи Ноеля Деверже (Noël Desvergers), посвященныя императорамъ Адріану и Александру Северу, статьи объ Абелярѣ, Кардиналѣ Альберони, философѣ Д'Аламбертѣ обѣщаютъ отчетливость, краткость, слогъ простой, быстрый, который такъ идетъ къ біографіямъ. Journal des Débats напечаталъ біографію Святаго Амвросія, которая должна войдти въ изданіе Дидо. Эта біографія написана Вильменемъ. Извѣстно, говоритъ Сильвестръ де-Саси, съ какимъ успѣхомъ приложилъ Вильменъ къ изученію отцевъ церкви свою краснорѣчивую критику. Въ біографіи Святаго Амвросія читатели найдутъ все то, чему удивлялись въ прежнихъ сочиненіяхъ Вильменя,— это искусство разсказывать, которое оживляетъ личности и ихъ время, это сочувствіе, которое не исключаетъ свободы сужденія, эту тонкость выраженія, которая подъ его перомъ такъ хорошо соединяется съ благородствомъ чувства.

— Гизо издалъ свои литературные этюды *Shakspeare et son temps* и *Corneille et son temps*. Извѣстно, что Гизо первый распространилъ во Франціи идеи, установившіяся въ литературномъ мірѣ лѣтъ 30 тому назадъ о великомъ англійскомъ поэтѣ, и что, послѣ блестящихъ страницъ его, не было сказано ничего новаго объ этомъ предметѣ. Такимъ образомъ этюдъ о Шекспирѣ не устарѣлъ и не могъ

Digitized by Google

устарѣть. То же можно сказать и о *Corneille et son temps*, одномъ изъ лучшихъ литературныхъ трудовъ Гизо, къ которому онъ приложилъ множество неизданныхъ документовъ, и который, въ самомъ дѣлѣ, есть самое вѣрное отраженіе этой важной и благородной натуры. Гизо обогатилъ этотъ портретъ, а обогатить его значитъ придать еще болѣе сходства. Но этотъ образъ не изолированъ, онъ имѣетъ свою раму, превосходно очерченную славнымъ историкомъ. Состояніе французской мысли до Корнеля, опытъ о поэтахъ современныхъ ему: Шапленѣ, Ротру и Скарронѣ, составляютъ эту раму, въ которую вставлена исторія жизни и трудовъ автора *Сида*.

— Издатель Ренуаръ напалъ на счастливую мысль издать огромный альбомъ подъ заглавіемъ: *Musée dans un fauteuil*. Этотъ альбомъ содержитъ 82 гравюры, представляющія выборъ самыхъ лучшихъ картинъ школы французской, фламандской и голландской, съ портретами, монограммами. Текстъ составляетъ обстоятельное описаніе самыхъ богатыхъ собраній и замѣтки о знаменитѣйшихъ живописцахъ. Почти все извлечено изъ новой исторіи живописцевъ Блана. Тотъ же издатель печатаетъ первый томъ сочиненія Тенгоборскаго: *Etudes sur les forces productives de la Russie*.

Въ Рошфорскомъ кантонѣ, въ провинціи Намюръ, въ Эправской общинѣ, при входѣ въ одинъ гротъ, найденъ въ прошломъ году замѣчательный крестъ. Любопытство жителей было сильно возбуждено, и розысканія, вызванныя этимъ первымъ открытіемъ, вскорѣ увѣнчались большимъ успѣхомъ. Припомнили древній замокъ, который, говорятъ, былъ построенъ надъ этимъ гротомъ и сообщался съ нимъ посредствомъ подземныхъ ходовъ. Сюда начали стекаться жители Рошфора, Эправы, Гана на Лессѣ, Англичане и др.

Здѣсь открыто было много весьма драгоцѣнныхъ и прекрасно сохранившихся медалей Антонина, Гордіана, Константина Великаго. Есть медали св. Елены; одна изъ нихъ съ изображеніемъ Креста Господня, въ то время, какъ его находятъ въ катакомбахъ, и одна съ эмблемою Восточной Имперіи.—Именно, какъ будто на эту гору выпалъ цѣлый дождь медалей. Какое обширное поле для разработки антикваріямъ и нумизматамъ! Мало ли здѣсь матеріаловъ для исторіи этого края, такъ мало извѣстнаго!

Всѣ закоулки, всѣ извилины въ гротѣ были разсмотрѣны. За исключеніемъ древняго ключа и нѣсколькихъ костей, въ гротѣ не находятъ теперь болѣе древностей, но зато чрезвычайно интересны здѣсь возвышенные своды, превосходныя драпри, статуи, колоннады,—

Digitized by Google

настоящія сокровища изъ сталактита и сталагмита. Есть еще по сосѣдству съ нимъ другой, Ганскій гротъ (онъ отстоитъ отъ перваго не болѣе, какъ на 20 мин. ходьбы) съ такимъ величественнымъ входомъ, которому едвали есть подобный.

Это украшеніе природы, почти неизвѣстное до сихъ поръ, будетъ, безъ сомнѣнія, посѣщаться всѣми туристами, отправляющимися въ Ганъ-на-Лессѣ. Эправская община поправляетъ теперь этотъ гротъ. Земля, во многихъ мѣстахъ загражданая проходъ, уже разчищена, и любители, въ сопровожденіи эправскаго проводника, очень пріятнаго и вѣжливаго,—будутъ теперь безпрепятственно разсматривать эти разнородныя чудеса. Гротъ этотъ находится въ четверти льё отъ Эправы и въ одномъ льё отъ Рошфора.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ (*).

Нынѣшняя Иркутская губернія со временъ Петра I подвергалась большимъ измѣненіямъ въ гражданскомъ устройствѣ. Когда Россія раздѣлена была на восемь губерній, Сибирь составляла восьмую подъ именемъ Сибирской губерніи. Пространство ужасное, заключающее въ себѣ весь сѣверъ Азіи. Когда же губерніи раздѣлены были на провинціи, Сибирь состояла изъ провинцій Тобольской, Иркутской и Енисейской. Иркутская провинція съ 1731 по 1765 годъ управлялась вице-губернаторами. Въ 1764 году Иркутская провинція названа губерніею. Въ 1783 году открыто въ Иркутскѣ намѣстничество, и первымъ намѣстникомъ былъ незабвенный Иванъ Варѳоломеевичъ Якоби. Тогда же вся губернія раздѣлена была на четыре области: Иркутскую, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую. Каждая область дѣлилась на уѣзды. Въ области Нерчинской были уѣзды: Нерчинскій, Доронинскій, Стрѣтенскій и Баргузинскій. Уѣздъ Верхнеудинскій принадлежалъ къ Иркутской области. Такимъ образомъ Иркутское Забайкалье дѣлилось на двѣ части, изъ которыхъ западная принадлежала Иркутской области. Раздѣленіе это не выдержало опыта, и въ 1797 году области закрыты, а города въ Нерчинской области: Стрѣтенскъ и Доронинскъ, обращены въ заштатные. Въ 1805 году городъ Баргузинъ уничтоженъ, а по уѣздамъ установлены коммиссарства. За Байкаломъ ихъ было три, въ уѣздѣ Верхнеудинскомъ: Ильинское, Баргузинское и Селенгинское. Уѣздъ Нерчинскій оставленъ безъ коммиссарствъ. Въ 1810 году коммиссарства уничтожены, а вмѣсто ихъ при каждомъ земскомъ судѣ учреждены трактовые засѣдатели. Въ 1822 г. за Байкаломъ открыты два округа: Верхнеудинскій и Нерчинскій, подъ управленіемъ окружныхъ начальниковъ. Наконецъ въ 1851 году округи эти соединены въ одно управленіе, и все Забайкалье названо Забайкальскою областію. Такимъ образомъ Иркутская губернія раздѣлилась на три области и одну губернію. Области Камчатская, Якутская и Забайкальская не принадлежатъ къ

(*) Извлеченіе изъ этой статьи помѣщено было въ N 1 Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Здѣсь изложено подробное описаніе новой области.

Digitized by Google

губерніи, но составляютъ особыя управленія, подчиненныя генералъ-губернатору Восточной Сибири. Въ областяхъ начальники—губернаторы, въ Камчатской—флотскій, въ Якутской—гражданскій, а въ Забайкальской—военный, подъ именемъ наказнаго атамана Забайкальскихъ казачьихъ войскъ. Знаменитая по торговлѣ чаемъ, Кяхта составляетъ особое градоначальство, въ которомъ сосредоточено управленіе пограничное, таможенное и полицейское.

Область Забайкальская граничитъ къ сѣверу съ озеромъ Байкаломъ, къ югу и востоку—государствомъ Китайскимъ, къ западу—Иркутской губерніею; послѣднія границы еще не опредѣлены. Неизвѣстно также раздѣленіе новой области на уѣзды и волости. Въ длину область простирается болѣе нежели на тысячу, а въ ширину верстъ на 400. Южные предѣлы касаются 49 градуса, съ минутами, сѣверной широты, слѣдовательно область лежитъ въ полосѣ умѣреннаго климата: въ Европѣ подъ этою широтою созрѣваетъ виноградъ, но въ Сибири другое.

Мѣстоположеніе. Забайкальская область вся покрыта горами; ихъ можно раздѣлить на двѣ системы — Байкальскую и Становаго хребта, но и это раздѣленіе не вполнѣ удовлетворительно. Отроги горъ идутъ въ разныя стороны, всегда почти по направленію рѣкъ и рѣчекъ, широкими полосами. Байкальскія горы окружаютъ озеро Байкалъ и пускаютъ отроги на югъ. Высочайшія между ними лежатъ къ западу отъ Селеньги по берегу Байкала. Между ними нѣтъ собственно горъ снѣговыхъ или бѣлковъ; однакожъ на вершинахъ, обращенныхъ къ сѣверу, снѣгъ держится круглый годъ. Въ Байкальскихъ горахъ сосредоточена вся дикость и величіе сибирской природы. Чрезъ нихъ идетъ верхняя дорога изъ Иркутска за Байкалъ, и удивляетъ путешественника смѣлостію и трудностію постройки. Яблонный или Становой хребетъ начинается въ Монголіи, идетъ на сѣверъ, склоняясь нѣсколько къ востоку, широкой, болѣе ста верстъ, полосою; раздѣливъ Забайкальскую область на двѣ половины—восточную и западную, тянется по Якутской области, и, поворотивъ за Охотскимъ моремъ къ востоку, раздѣляется по Чукотской землѣ отрогами. Въ этомъ хребтѣ горы высоты умѣренной; но въ отрогѣ между рѣками Онономъ и вершиною Ингоды, близъ китайской границы, возвышается гора Чокондо, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ. Яблонный хребетъ есть возвышенное мѣсто въ области, что̀ доказывается текущими изъ-подъ него рѣками и рѣчками на востокъ въ океанъ, а на западъ въ Селеньгу, которую можно признать какъ бы жолобомъ, въ который стекаютъ рѣки изъ Яблоннаго хребта и Байкальскихъ горъ.

Digitized by Google

Хребетъ Хинганъ выходитъ изъ Монголіи и тянется въ нашихъ предѣлахъ между рѣками Онономъ и Аргунью. Горы эти богаты серебряными рудами и цвѣтными камнями.

Такимъ образомъ сама природа раздѣлила Забайкальскую область Яблоннымъ хребтомъ на двѣ половины, не похожія одна на другую. Восточная искони называется Дауріею, а западную—можно назвать русскою Монголіею; хотя Монголы живутъ въ обѣихъ половинахъ, но въ западной ихъ главная населенность.

Равнины. Заяблонье или Даурія наклонена къ Восточному океану, а Монголія—къ озеру Байкалу.

Хотя Забайкальская область земля гористая, однакожъ не бѣдна и равнинами. Сибиряки называютъ ихъ степями. Равнины тянутся непремѣнно по теченію рѣкъ и рѣчекъ, и произошли, вѣроятно, отъ разлитія водъ, подмывшихъ слабое основаніе горъ. Не вездѣ найдете равнину, которая сливалась бы съ горизонтомъ; здѣшнія степи скорѣе можно назвать долинами; обыкновенно горы сопровождаютъ равнину, по срединѣ течетъ рѣка или рѣчка.

Знатнѣйшія равнины въ западной половинѣ области суть: Боргойская степь, лежащая по теченію рѣчки Джиды, впадающей съ лѣвой стороны въ рѣку Селенгу; Селенгинская степь тянется по лѣвому берегу Селенги верстъ на 100, отъ города Верхнеудинска до Селенги, съ юга на сѣверъ—по дорогѣ въ Кяхту; Хоринская степь идетъ по теченію рѣки Уды съ запада на востокъ, отъ города Верхнеудинска до Яблоннаго хребта верстъ на 300; Баргузинская степь лежитъ по теченію рѣки Баргузина, впадающей въ Байкалъ; Кударинская степь—на устьѣ рѣки Селенги.

За Яблоннымъ хребтомъ лежатъ степи: Ачинская, по теченію рѣки Ачи, впадающей въ Ононъ, степь Ононская идетъ по правому берегу рѣки Онона, между рѣками Тургою и Ононъ-Барзою. Здѣсь возвышается гора Одонъ-Чолонъ, изъ которой долго получали берилы и аквамарины. Отъ Барзи до рѣки Аргуни тянется опять степь. По рѣкѣ Шилькѣ разстилается большая степь верстъ на 100 въ длину, а въ ширину отъ 20 до 70 верстъ. Всѣ здѣшнія степи, обыкновенно, перепоясываются невысокими отрогами горъ, безлѣсными, каменистыми холмами, рѣчками и ключами. На степяхъ непремѣнно кочуютъ Буряты въ войлочныхъ юртахъ; многочисленныя стада лошадей, коровъ, овецъ и верблюдовъ, пасутся круглый годъ на подножномъ кормѣ и оживляютъ пустоту.

Почва. Почва Забайкальской области разнообразна; горы состоятъ изъ камней, иногда совершенно чистыхъ, иногда покрытыхъ слоемъ земли; тогда ростетъ на нихъ лѣсъ и трава. Безлѣсныя, каменистыя горы

Digitized by Google

называются *голцами*, однакожъ и тамъ обитаетъ каменный новелъ, любитель горныхъ травъ, а въ жары удаляются сюда отъ комаровъ и оводовъ олени, изюбри и лоси. Горы, покрытыя березникомъ, считаются удобнѣйшими подъ пашню. На степяхъ вездѣ трава, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны бѣлыя площади минеральной щелочной соли. Подпочва обыкновенно хрящъ или булыжникъ, на немъ слой песчанистой глины, а сверху тонкій пластъ чернозема. Нѣтъ болотъ безконечныхъ и непроходимыхъ; есть песчаныя и щебневатыя розсыпи, но пространство ихъ незначительно. Изобиліе въ плодородныхъ земляхъ превышаетъ настоящую потребность. Сибирь должна дать просторъ стѣсненной народонаселеніемъ Россіи. Поклонники Европы ставятъ въ укоръ намъ множество пустолежащихъ мѣстъ, необработанныхъ и, слѣдовательно, безполезныхъ для человѣка. Мнѣніе одностороннее. Россія не нуждается въ средствахъ пропитанія и хранитъ запасы для будущаго поколѣнія. Въ Германіи, напримѣръ, обработанъ каждый лоскутокъ земли, а народъ тысячами бѣжитъ изъ отечества искать пропитанія въ пустыняхъ Америки.

Немного найдется земель, равныхъ красотою мѣстоположенія Забайкальской области. Надобно забыть слово Сибирь, вѣчные снѣги и ѣзду на собакахъ: это принадлежитъ Камчаткѣ и берегамъ Ледовитаго моря. Путешественникъ, ѣдущій изъ Иркутска вокругъ Байкала, встрѣчаетъ на каждомъ шагу слѣды ужасныхъ переворотовъ земной поверхности и могущества лабораторіи природы. Видитъ ключи, низвергающіеся въ бездну съ ужасныхъ высотъ; достигнувъ вершинъ гольца, онъ покрывается облаками, или видитъ ниже себя громъ и молнію; видитъ угаснувшіе кратеры; миновалась горная дорога, путешественникъ спускается въ широкую долину, посреди которой струится рѣчка, по сторонамъ, въ отдаленіи, синѣютъ горы; табуны скота разбросаны тамъ и сямъ; изъ юртъ Бурятъ струится вѣчный дымъ; въ воздухѣ распѣваютъ жаворонки, а надъ ними крутится огромный бѣлый орелъ; въ перелѣскѣ свищетъ даурскій соловей, а въ травѣ чирикаетъ кобылка. Прибавьте къ этому сильную растительность, разнообразіе цвѣтовъ, и вы скажете: Сибирь страшна только по имени, въ Европѣ имѣютъ объ ней неправильное понятіе.

Рѣки. Рѣки забайкальскія принадлежатъ системамъ рѣкъ Амура и Селенги; или сказать правильно: всѣ рѣки Забайкалья текутъ или въ Восточный океанъ, или въ Байкалъ; такъ угодно было могущественному Становому хребту. Въ Байкалъ впадаютъ рѣки: Селенга, Турка, Баргузинъ и Верхняя Ангара. Селенга выходитъ изъ Монголіи, но откуда, никто не знаетъ, входитъ въ наши предѣлы огромною рѣкою, и разрѣзавъ русскую Монголію на двѣ половины,

Digitized by Google

впадаетъ въ Байкалъ. Съ правой стороны текутъ въ нее изъ-подъ Яблоннаго хребта: Чикай, Хилакъ и Уда, а съ лѣвой рѣчки, изъ Байкальскихъ горъ вытекающія. Берега и русло Селеныи песчаны.

Верхняя Ангара выходитъ изъ-подъ Яблоннаго хребта, протекаетъ между горами въ странѣ дикой, пустынной, и впадаетъ въ сѣверный уголъ Байкала. Верхняя Ангара не описана и на карту положена гадательно. Сколько извѣстно, здѣсь не бывалъ ни одинъ натуралистъ. Въ августѣ мѣсяцѣ приплываютъ сюда изъ Иркутска рыболовныя артели, и наполнивъ бочки омулями, оставляютъ рѣку въ первобытной чистотѣ.

Баргузинъ выходитъ изъ Яблоннаго хребта. По ровнымъ берегамъ его кочуютъ Буряты и стоитъ ничтожный городокъ Баргузинъ.

Къ системѣ Амура принадлежатъ слѣдующія рѣки: Ононъ выходитъ изъ Монголіи, неизвѣстно откуда, и при Уляханскомъ карауле входитъ въ наши предѣлы, течетъ на сѣверовостокъ и соединяется съ рѣкою Ингодою. Рѣка эта примѣчательна тѣмъ, что въ вершинахъ ея родился и ханствовалъ Чингисъ-Ханъ.

Ингода выходитъ изъ Яблоннаго хребта въ нашихъ предѣлахъ, течетъ прямо на востокъ, и соединившись съ Онономъ, образуетъ рѣку Шильку, или, по-тунгусски, Сильгу.

Южнѣе этихъ рѣкъ, по границѣ между Россіею и Китаемъ течетъ рѣка Аргу́нь; она сходится съ Шилькою и составляетъ рѣку Амуръ, знаменитую подвигами нашихъ героевъ XVII столѣтія. Теперь эта рѣчка безполезна для обоихъ государствъ. Русскіе уступили ее Китайцамъ, а подданные богдыхана удалены отъ береговъ Амура по видамъ политическимъ.

Въ Забайкальской области начинается рѣка Витимъ, впадающая съ правой стороны въ рѣку Лену; она течетъ между горами совершенно пустынными, изобилуетъ порогами, а по впадающимъ рѣчкамъ водятся соболи.

Всѣ рѣки Забайкальской области наполнены рыбами; берега ихъ удивительно живописны, потому что текутъ между горами, которыя то спускаются въ рѣку утесами, прямыми какъ стѣна крѣпости, то удаляются отъ береговъ и образуютъ равнины. Кто плавалъ по рѣкамъ сибирскимъ, тотъ равнодушно будетъ смотрѣть на ущеліе Рейна, покрытое виноградниками и развалинами замковъ. Его не удивитъ даже Саксонская Швейцарія, миніатюрными утесами и скалами украшенная.

Озера. Въ Забайкальѣ немало озеръ. Первое мѣсто занимаетъ между ними Байкалъ, общая принадлежность и граница между

Digitized by Google

областію и губерніею Иркутскою. Озеро это въ длину простирается верстъ на тысячу, а въ ширину отъ 30 до 100 верстъ.

Гусиное озеро лежитъ не далеко отъ заштатнаго городка Селенгинска, посреди кочевьевъ Бурятъ, близъ главнаго ихъ капища, гдѣ живетъ верховная духовная особа, хамба-лама. Озеро это образовалось въ половинѣ прошедшаго столѣтія случайно. Рѣчка Темникъ, впадавшая прежде въ рѣку Селенгу, разлилась отъ дождей, бросилась въ стороны и наполнила низменности; между тѣмъ старое устье заметало пескомъ, образовалось озеро, и въ то же время вода промыла стокъ въ Селенгу. Лѣтъ 15 спустя, развелась въ немъ рыба. Теперь озеро убываетъ съ каждымъ годомъ.

Ерàвинскія озера, потомъ Шàкша, Иргѐнь и Укы́рь лежатъ на Хоринской степи. Ерàвинскія озера, соединяясь истоками, занимаютъ пространство верстъ на тридцать. И въ нихъ замѣчаютъ уменьшеніе воды. Шàкша соединяется истокомъ съ Иргенемъ, изъ котораго выходитъ рѣка Хилокъ, впадающая въ Селенгу. Отъ вершинъ Хилка, съ истока рѣки Ингоды считаютъ одни сутки ѣзды чрезъ Яблонный хребетъ.

Въ Даурiи нѣтъ большихъ озеръ; примѣчательны: Кинонъ, Боянъ-Цоготъ, Тарѐй, Колбаджи и Ножѐй. Озеро Барзà близъ китайской границы даетъ самосадочную соль; въ счастливое лѣто собираютъ ея до 10,000 пудовъ. Горбунское озеро даетъ не много соли.

Минеральные источники. Нѣтъ на земномъ шарѣ страны богаче минеральными водами Забайкальской области. Здѣсь текутъ ключи воды горячей, кислой, солоноватой, желѣзистой и пр. и пр. Извѣстныя горячія воды суть: Туркинскія и Баргузинскія на берегу Байкала, и четыре источника въ разныхъ мѣстахъ близъ китайской границы. Кислыхъ водъ, подобныхъ кавказскому Нарзану, считается до 16.

Изъ нихъ примѣчательны:

Погрòминскія на Хоринской степи, по дорогѣ изъ Верхнеудинска въ Нерчинскъ. Онѣ открываются въ мартѣ, апрѣлѣ и даже въ маѣ. Сначала образуется гдѣ-нибудь возвышеніе, оно увеличивается постепенно и превращается въ бугоръ, газъ разрываетъ его, и вода бьетъ фонтаномъ. Съ увеличеніемъ тепла въ атмосферѣ ключъ скудѣетъ и лѣтомъ едва пузырится изъ ничтожной ямочки. Обиліе газа въ первые дни открывшагося родника бываетъ столь ощутительно, что вода, почерпнутая стаканомъ, кипитъ въ немъ какъ шампанское, рветъ закупоренныя бутылки, и выпитая производитъ сильную отрыжку. Въ это время больные пьютъ воду, примачиваютъ ею глаза, дѣлаютъ ванны, нагрѣвая ихъ каленными камнями; другіе наполняютъ водою бутылки, и развозятъ по городамъ. Доказано, что теп-

Digitized by Google

лота солнечная какъ бы уничтожаетъ силу ключа. Утромъ и вечеромъ вода пріятне, въ полдень лишается половины своей силы. — Нѣкоторые выпиваютъ воды по 80 стакановъ ежедневно, не чувствуя ни отягощенія, ни дурноты. Вода на вкусъ пріятно-кисловата съ остротою рейнскихъ винъ, производитъ сильный аппетитъ.

За Яблоневымъ хребтомъ множество кислыхъ ключей: нѣкоторые изъ нихъ постоянно текутъ, не измѣняясь въ обиліи круглый годъ, другіе уничтожаются къ зимѣ. Жаль, что эти дары природы орошаютъ землю малонаселенную, отдаленную отъ Россіи; за то мѣстные жители пользуются ими съ успѣхомъ.

Кислыя воды многимъ чахоточнымъ, пріѣхавшимъ изъ Россіи, возвратили здоровье, а горячія уничтожили много ревматизмовъ, золотухъ и другихъ болѣзней. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время, сильно распространилась въ западной половинѣ любострастная болѣзнь, и питаемая безпечностію и невѣжествомъ, отравляетъ грядущія поколѣнія.

Произведенія природы. Забайкальская область богата металлами и цвѣтными камнями. Здѣсь находятся извѣстные всѣмъ Нерчинскіе сереброплавильные заводы; желѣзо попадается всюду, но желѣзный заводъ пока одинъ, неудовлетворяющій однакожъ потребностямъ народа. Золото разсѣяно вездѣ въ ничтожныхъ признакахъ; недавно открыты по системѣ рѣки Шильки розсыпи удовлетворительнаго содержанія, и обѣщаютъ новый источникъ государственнаго богатства. Въ 1811 году на одной рѣчкѣ, текущей въ Ононъ, открыто олово; та же руда оказалась и по берегамъ рѣки Онона. Ртуть и черный карандашъ попадаются въ горахъ Дауріи; на рѣкѣ Баргузинѣ есть голубая глина, извѣстная у маляровъ подъ именемъ лазори баргузинской.

Изъ цвѣтныхъ камней добываютъ: аметисты, тяжеловѣсы, сердолики, веницу, голубые халцедоны, моховики, агаты, яшму, горный хрусталь, раухтопазъ, аквамарины зеленоватые и оранжевые. Известь, брусяной, жерновой и строевой камень, азбестъ, каменный уголь, горная смола и сѣра, разсѣяны по разнымъ горамъ.

Близъ города Селенгинска есть соловаренный заводъ, а самосадочная соль собирается на оверахъ Барзѣ и Горбунскомъ. Минеральная щелочная соль выступаетъ во многихъ мѣстахъ изъ земли. Слабительная соль во многихъ озерахъ.

Растительное царство здѣсь такъ богато и разнообразно, что составляетъ особую Даурскую флору. Изъ цвѣточныхъ растеній примѣчательны: разнообразныя лиліи, по туземному сараны, бѣлый и вущовый піоны, не душистые однакожъ и не махровые, даурская

Digitized by Google

астра, генціаны и множество другихъ. Цвѣтистые кустарники рододендрона и персики покрываютъ розсыпи горъ. Дикая роза красуется въ мѣстахъ низкихъ.

Растенія лекарственныя: мужикъ корень (Ephorbia pallasia), средство возбудительное и сильное; его уподобляютъ манжурскому жинь-шеню, столь извѣстному въ Китаѣ. Слабительный корень (Sxellera chamiasma) соотвѣтствуетъ своему названію и легко бы замѣнилъ ревень, александрійскій листь и ялапу, за которые мы платимъ деньги иностранцамъ.

Красильныя растенія: серпуха, изъ листовъ которой вываривается превосходная по цвѣту и нелинючая желтая краска, едвали извѣстная нашимъ фабрикантамъ; марена и кора горной ольхи даютъ красную краску.

Строевой и дровяной лѣсъ покрываетъ горы и равнины; въ лѣсахъ такое изобиліе, что жителямъ и въ голову не приходило о сбереженіи ихъ. Кедръ, сосна и листва ростутъ на горахъ, ель и пихта въ низкихъ мѣстахъ, береза черная и бѣлая, осина, тополь, илимъ, ива. На рѣкѣ Аргуни появляется дубъ въ видѣ деревца; за то нѣтъ здѣсь липы, вязу, клену.

Собственно плодовитыхъ садовыхъ деревъ нѣтъ, но въ дикомъ состояніи ростутъ: сибирская яблонь, персики, мѣстами ростутъ вишни, черемуха, боярка, рябина; ягодные кустарники: малина, голубика, смородина трехъ родовъ: черная, маховка и красная, жимолость, таранушка, облепиха, клубника, земляника, брусника и костяника....

Изъ нивяной зелени хорошо поспѣваетъ пшеница, рожь, ярица, ячмень, овесъ и греча. Въ огородахъ садятъ картофель, капусту, рѣпу, морковь, рѣдьку и табакъ. Ленъ и конопли рѣдки.

Царство животное составляетъ для жителей промыселъ и пропитаніе.—Въ лѣсахъ водятся соболи, лисицы, бѣлки, рыси, россомаха, дикія кошки, лоси, олени, изюбри, козули, кабарги, кабаны, медвѣди, волки; иногда забѣгаютъ изъ Монголіи тигры и дикія лошади.

Климатъ. Не смотря на географическое положеніе Забайкальской области между 49 и не сѣвернѣе какъ 53° широты, климатъ ея можно назвать суровымъ, особенно въ Дауріи, отъ Яблоннаго хребта къ востоку. Возвышенное мѣстоположеніе, сухой воздухъ и дыханіе съ Ледовитаго моря причиною того, что зимы здѣсь продолжительны и малоснѣжны; морозъ въ 30° не рѣдкость; весны по большей части сухи, а лѣта дождливы; за то осени превосходны. Снѣгъ начинаетъ исчезать въ мартѣ мѣсяцѣ, въ апрѣлѣ уже сухо и рѣки прошли, но зелень появляется только на солнопекахъ: по утрамъ обыкновенно

Digitized by Google

морозы въ 3, 4 и 5 градусовъ. Май по большей части сухъ и вѣтрянъ, по утрамъ же нерѣдко иней. Іюнь сухъ, днемъ жарко, а ночью холодно; въ половинѣ этого мѣсяца начинаются дожди; съ 15 августа настаетъ хорошая погода и продолжается весь мѣсяцъ сентябрь, будто снова началось лѣто, но зелень видна только на озимяхъ.—По утрамъ бываютъ туманы, къ 10 часамъ они поднимаются и свертываются въ облака, и время это можно назвать театральнымъ измѣненіемъ кулисъ и декорацій. По мѣрѣ того какъ поднимаются туманы, открывается то утесъ, то дерево, то скала, то вдругъ опять все исчезнетъ, и предметы начинаютъ появляться въ другой постепенности, въ другихъ картинахъ. Иногда въ концѣ августа выпадаетъ снѣгъ. Иногда зима начинается въ октябрѣ. Многоснѣжная зима благодатна для хлѣбовъ, но пагубна для скота на подножномъ кормѣ. Вообще снѣгъ лежитъ не равно: гдѣ его много, а въ иныхъ мѣстахъ рѣшительно нѣтъ.

Западная половина области или Монголія имѣетъ болѣе основанія похвалиться климатомъ своимъ, хотя и тамъ рѣдкая зима пройдетъ безъ 30 градусовъ мороза; но весны начинается рано, и губительные инеи случаются не всегда въ началѣ августа, за то лѣто дождливо. Въ Кяхтѣ не рѣдко въ мартѣ мѣсяцѣ ходятъ въ лѣтнемъ платьѣ, а лѣтомъ на открытомъ воздухѣ созрѣваютъ арбузы.

Всѣ увѣрены, что въ Сибири ужасные морозы; никто не хочетъ припомнить, что и въ Россіи не бываетъ 30 град. морозовъ только въ Крымѣ. Правда, что въ Сибири морозъ въ 15 град. самое обыкновенное явленіе, но морозы эти не такъ ощутительны, какъ, напримѣръ, въ Петербургѣ. Дѣло въ томъ, что морозъ въ Сибири, при тихомъ и сухомъ воздухѣ, сносенъ. — За то въ Сибири зимою не бываетъ дождей; тамъ зима, такъ зима.

Главная причина осеннихъ холодовъ есть озеро Байкалъ. Съ 10 мая оно покрыто льдомъ, и вѣтеръ съ него сильно охлаждаетъ окрестности на большое разстояніе; оно же причина тумановъ и сырости осенью. Въ декабрѣ озеро покрывается льдомъ, и тотчасъ является чистый горизонтъ; жители такъ привыкли къ этимъ перемѣнамъ, что за сто верстъ отъ Байкала узнаютъ по чистотѣ неба, что *море стало*.

Воздухъ вообще здоровъ, повальныхъ болѣзней не бываетъ, даже гибельная холера не посѣщала Восточной Сибири, хотя и свирѣпствовала въ Китаѣ и въ сосѣдней съ нами Монголіи.

Слѣды здороваго климата видны особенно между пограничными казаками; тамъ не рѣдко найдете въ семействѣ прадѣда, дѣда, отцевъ и сыновей. Прадѣдъ 90-лѣтній здоровый старикъ, имѣетъ троихъ

Digitized by Google

сыновей отъ 60 до 70 лѣтъ, у нихъ дѣти отъ 40 до 50 лѣтъ; у дѣтей дѣти отъ 20 до 30 лѣтъ, а у послѣднихъ цѣлая орава молочи. Долголѣтію и плодливости содѣйствуетъ не одинъ климатъ, но обильное продовольствіе и образъ жизни. Доказательствомъ служатъ кочевые Буряты, живущіе въ окрестностяхъ: у нихъ глубокая старость и многочисленная семья дѣло весьма необыкновенное; они сами признаются, что Русскіе крѣпче ихъ, но отъ чего, не хотятъ понять.

Жители. Жители Забайкальской области дѣлятся на русскихъ и инородцевъ. Русское племя, господствующее и многочисленное, дѣлится на старожиловъ и поселенцевъ. Къ первымъ принадлежатъ тѣ выходцы изъ Россіи, которые пришли сюда какъ завоеватели, поселились, размножились, и теперь живутъ по городамъ и селамъ; ко вторымъ причисляются люди, сосланные изъ Россіи за легкія преступленія и даже въ зачетъ рекрута. Ихъ поселяютъ или въ новыхъ деревняхъ, построенныхъ на счетъ казны, или приписываютъ къ деревнямъ старожиловъ; а потому казенными поселеніями называются здѣсь только деревни, занятыя поселенцами или посельщиками, на построеніе коихъ деньги отпущены изъ казны.

Инородцами называются туземцы, обитавшіе здѣсь до прихода Русскихъ. — По образу жизни, языку, религіи и нравамъ, они дѣлятся на кочевыхъ и бродячихъ. Первыми называются инородцы пастухи, обитающіе въ войлочныхъ юртахъ на степяхъ, и по временамъ года кочующіе съ мѣста на мѣсто, гдѣ лучше трава. — Они знакомятся съ земледѣліемъ, а весьма ничтожная часть живетъ осѣдло, домами, почему и называются осѣдлые инородцы. Къ инородцамъ кочевымъ причисляются Буряты, племя монгольское, и обурятившіеся или кочевые Тунгусы. Инородцы бродячіе суть одни только Тунгусы, обитающіе въ лѣсистыхъ горахъ, гдѣ водятся звѣри. Народъ этотъ питается добычею, а потому не можетъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ. Все имѣніе ихъ заключается въ ручныхъ оленяхъ; на нихъ вьючатъ они скудные пожитки свои и переходятъ съ рѣчки на рѣчку.

Изъ этого исчисленія видно, что Забайкальская область представляетъ картину человѣчества первобытнаго, второстепеннаго и высшаго. Тунгусъ звѣроловъ, какъ дикарь, бродитъ по лѣсамъ съ винтовкою и кормится добычею, не заботясь о будущемъ; въ прошедшемъ онъ помнитъ одни счастливые дни, когда удавалось ему наѣдаться до пресыщенія, или, при встрѣчѣ съ Русскими, ошеломить голову свою водкою; онъ печется только о настоящемъ. Бурятъ пастухъ заботится о прокормленіи скота, о пріобрѣтеніяхъ для одежды, украшеніяхъ жены, себя и конской сбруи. Наконецъ Русскій — земле-

Digitized by Google

дѣлецъ, звѣроловъ, пастухъ, рыболовъ, мастеровой, купецъ, чиновникъ, воинъ.

Еще есть одно сословіе, о которомъ вспоминать непріятно и стыдно: это каторжные, лишенные за тяжкія злодѣянія правъ состоянія и осужденные закономъ на тяжкую работу. Люди эти принадлежатъ горному вѣдомству и работаютъ на семи заводахъ сереброплавильныхъ и одномъ желѣзоплавильномъ. Они умерли уже политически, слѣдовательно и говорить объ нихъ нечего.

Русская населенность Забайкальской области расположена по рѣкамъ и впадающимъ въ нихъ рѣчкамъ. — Здѣсь нѣтъ ни одного селенія, которое бы довольствовалось исключительно колодезною водою; нѣтъ ни одной деревни, которая бы стояла, какъ сиротка на степи: берите карандашъ и рисуйте видъ каждаго города, каждаго селенія—выйдетъ прекрасный ландшафтъ. Обыкновенно съ лицевой стороны деревни течетъ быстрая рѣчка, кругомъ равнина, назади лѣсъ, а за нимъ возвышается гора.

Въ западной половинѣ области русская населенность тянется по рѣкѣ Селенгѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ. По рѣкѣ Баргузину населенность ничтожна. Берегъ же Байкала украшенъ только Посольскимъ монастыремъ; остальное пространство пустынно, только на устьяхъ рѣчекъ стоятъ одинокія зимовья или домики, въ которыхъ лѣтомъ живутъ рыбаки. По дорогѣ Кругомарской стоятъ однѣ станціи и кое-гдѣ деревушки, населенныя отставными солдатами или военнопоселенцами.

За Яблоннымъ хребтомъ населенность тянется по рѣкамъ Ингодѣ, Шилкѣ, Онону, Аргуни и по впадающимъ въ нихъ рѣчкамъ; въ горахъ между этими рѣками совершенная пустота. По китайской границѣ стоятъ осѣдлые казачьи караулы, отъ рѣки Амура до Кяхты. Здѣсь живутъ и крестьяне на однѣхъ земляхъ съ казаками.

Инородческая населенность разстилается по степямъ Боргойской, Селенгинской, Кударинской, Баргузинской, Хоринской, Ачинской и Ононской, по теченію рѣкъ и рѣчекъ. Бродячіе Тунгусы обитаютъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ, гдѣ не могутъ жить ни Русскіе, ни Буряты. Горы по рѣкѣ верхней Ангарѣ, покрытыя дремучими лѣсами, есть главное обиталище забайкальскихъ Тунгусовъ.

Всѣхъ жителей въ Забайкальской области считалось по 8-й ревизіи мужескаго и женскаго пола 290,638 душъ. Ихъ можно раздѣлить на служащихъ и податныхъ. Къ служащимъ принадлежатъ чиновники по разнымъ частямъ управленія, войска линейныхъ баталіоновъ, казаки пѣшіе и конные, горное вѣдомство. Податное состояніе дѣлится на купцовъ, мѣщанъ, цеховыхъ, крестьянъ, ино-

Digitized by Google

родцевъ и поселенцовъ. Здѣсь нѣтъ помѣщиковъ, слѣд. и крѣпостнаго состоянія, а потому крестьяне раздѣляются на государственныхъ и заводскихъ, подвѣдомственныхъ Нерчинскому горному правленію. Заводскіе крестьяне исполняютъ всѣ государственныя обязанности, но кромѣ того доставляютъ на заводы уголь и руду, за что однакожъ получаютъ особую плату.

Ни одна губернія или уѣздъ въ Имперіи не возрастаетъ такъ быстро въ умноженіи народа, какъ область Забайкальская. Это происходитъ не отъ особенной плодливости женщинъ, не отъ могущества жизни надъ смертію, но отъ безпрестаннаго прилива изъ Россіи людей, ссылаемыхъ за легкія преступленія. Представляемъ доказательства, извлеченныя изъ оффиціальныхъ свѣдѣній.

Всѣхъ жителей считалось:

Въ Верхнеудинскомъ округѣ:		въ Нерчинскомъ:
130,548	д. об. пола въ 1823 году	61,910
158,786	1827	95,643
162,400	1830	109,541
171,159	1835	113,536
164,713	1839	132,324

Видимое уменьшеніе по Верхнеудинскому округу съ 1835 по 1839 г. произошло, какъ думать надобно, отъ вліянія золотыхъ промысловъ. Поселенцы удерживались въ губерніи Енисейской и въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ Иркутской губерніи.

До 1851 года, войска здѣшнія состояли изъ одного линейнаго баталіона, Забайкальскаго казацкаго полка, четырехъ конныхъ Бурятскихъ полковъ и артиллерійскихъ полуротъ. Теперь формируется Забайкальское казачье войско, и будетъ состоять изъ 12 баталіоновъ пѣшихъ казаковъ и изъ шести полковъ конныхъ, каждый въ шесть сотенъ. Четыре полка Русскіе и два Бурятскіе, такъ что всѣхъ войскъ за Байкаломъ будетъ тысячь около двадцати. Они земледѣльцы и воины, годъ на службѣ, а два дома; ученье и смотры будутъ въ продолженіе одного лѣтняго мѣсяца, послѣ весеннихъ полевыхъ работъ. Жалованье и провіантъ получаютъ лишь на службѣ, одежда и лошадь собственныя.

Купцы занимаются торговлею: капиталисты на Кяхтѣ, остальные—по городамъ и селеніямъ, гдѣ скупаютъ изъ первыхъ рукъ произведенія лѣсовъ и земли. Мѣщане служатъ у нихъ прикащи-

Digitized by Google

ками, или занимаются ремеслами и мелочною торговлею. Кяхта оживляетъ промышленность всей Сибири: здѣсь сбываютъ свои произведенія фабриканты, звѣроловъ, земледѣлецъ и пастухъ. Прекратись или ослабѣй кяхтинская торговля, Сибирь останется безъ денегъ. Можно сказать, что въ Забайкальской области всѣ, много или мало, занимаются торговлею, и чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ размѣръ торговли шире, о чемъ будемъ говорить порознь, при обозрѣніи каждой промышленности.

Внутренняя торговля сосредоточивалась прежде на Ононской ярмаркѣ, во владѣніи Бурятъ Хоринскихъ; но теперь ярмарка эта упала. Бывали небольшіе торги на сборныхъ мѣстахъ Тунгусовъ, но и они уничтожились, потому что купцы нашли выгоднымъ отправлять своихъ прикащиковъ въ лѣса, на встрѣчу Тунгусамъ. Положеніе области на китайской границѣ представляетъ возможность производить обширную заграничную торговлю; но малолюдство и бѣдность кочевыхъ Монголовъ, а съ нашей стороны безпечность и непредпріимчивость удерживаютъ развитіе торговли. Настанетъ время, когда Забайкальская область будетъ передавать намъ произведенія Америки, Японіи и тропическихъ острововъ.

Сельская промышленность заключается въ земледѣліи, скотоводствѣ, звѣриныхъ и рыбныхъ промыслахъ, а мѣстами и въ извозѣ.

Земледѣліе. Забайкальская область изобилуетъ хлѣбородными землями. Если народонаселеніе ея утроится, и тогда останется запасъ для будущаго поколѣнія; но лѣнь и безпечность жителей, перенятыя отъ инородцевъ, и возможность, въ первыя времена покоренія туземцевъ, доставать отъ нихъ все даромъ, содержатъ въ настоящее время земледѣліе въ ничтожномъ состояніи, особенно въ Дауріи, за Яблоннымъ хребтомъ. Если процвѣтаетъ оно, то въ западной только половинѣ, у старообрядцевъ, обитающихъ въ четырехъ волостяхъ по рѣкѣ Хилку, впадающей, между Верхнеудинскомъ и Селенгинскомъ, въ Селенгу. Старообрядцы эти, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, во время исправленія книгъ и крестнаго сложенія, бѣжали въ Польшу, но при первомъ раздѣленіи этого королевства, удалены въ Сибирь, за Байкалъ, и тамъ поселены. Народъ крупный, трезвый, трудолюбивый. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ они скоро завелись хозяйствомъ и скоро сдѣлались богаты. Въ настоящее время рѣдкіе изъ нихъ не имѣютъ *заимки*, отдѣльнаго дома гдѣ-нибудь въ удобномъ мѣстѣ, на одиночкѣ, родъ фермы или малороссійскаго хутора. Тутъ у него пашни, сѣнокосы, тутъ держитъ онъ скотъ и работниковъ. У нѣкоторыхъ подъ пашнею болѣе ста десятинъ земли.

Digitized by Google

Они почти всѣ грамотны, а разбогатѣвшіе получаютъ изъ станицъ газеты и журналы. Можно сказать, что четыре старообрядческія волости—житница Забайкальской области, и въ годы неурожая на здѣшней сторонѣ Байкала снабжаютъ хлѣбомъ Иркутскую губернію, и производятъ главный отпускъ муки и зеренъ въ Китай чрезъ Кяхту.

Общаго измѣренія земель здѣсь не было, но когда двѣ деревни заспорятъ о земляхъ, начальство командируетъ землемѣра, онъ миритъ крестьянъ и составляетъ планъ ихъ землямъ. Послѣ того начинается снова споръ, пріѣзжаетъ другой землемѣръ и сочиняетъ новый планъ, непохожій на первый. При общемъ обиліи въ земляхъ, казалось бы, о чемъ спорить?—Причина заключается въ томъ, что никому не хочется расчищать новую землю, нерѣдко покрытую дремучимъ лѣсомъ. Въ самомъ дѣлѣ, приготовить новину для пашни—трудъ тяжкій, особенно для небогатаго крестьянина. Въ первое лѣто онъ успѣетъ снять кору съ деревъ, года въ два они засохнутъ, тогда подъ каждое дерево кладетъ огонь, бревно подгораетъ и падаетъ. Послѣ того пускаетъ общій палъ, и лежащія колоды сгораютъ, удобряя землю пепломъ. Въ слѣдующее лѣто онъ поднимаетъ сохою дернъ, выдираетъ оставшіеся коренья, камни, словомъ сказать, пашня идетъ подъ посѣвъ въ 7, 8 или 9-е лѣто; за то урожай бываетъ по большей части самъ-тридцать. Въ продолженіе 10 лѣтъ пашня даетъ не менѣе самъ-15, потомъ начинаетъ ослабѣвать, по прошествіи 20 лѣтъ ее бросаютъ лѣтъ на десять. Почва здѣсь тонкій слой песчанистаго чернозема, а потому и удобренія навозомъ нѣтъ, хотя въ этомъ матеріалѣ ужасное изобиліе. Сѣютъ по большей части яровые хлѣба, а именно ярицу, яровую пшеницу, ячмень, овесъ, просо и гречу. Преобладаніе яровыхъ происходитъ отъ малоснѣжныхъ зимъ, подвергающихъ пашню выдувкамъ, а потому рожь сѣютъ на пашнѣ среди густаго лѣса, гдѣ снѣгъ держится цѣлую зиму.

Подъ озими пашутъ два раза: въ маѣ и іюнѣ, а съ перваго августа начинаютъ сѣять; подъ яровые — три раза: въ маѣ, въ іюлѣ, а потомъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года; тогда уже сѣютъ. Жатва начинается въ половинѣ августа. **К. щукинъ.**

(До слѣд. книги).

Изъ Петербурга. Извлекаемъ нѣсколько данныхъ изъ Отчета по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1851 годъ. Число учебныхъ заведеній было слѣдующее: университетовъ, лицеевъ и вообще высшихъ учебныхъ заведеній 12; дворянскихъ институтовъ, гимназій и равностепенныхъ имъ среднихъ учебныхъ заведеній 91; уѣздныхъ училищъ 460; приходскихъ, волостныхъ, начальныхъ и

Digitized by Google

другихъ 2384; частныхъ заведеній 775; всего 3722. Учащихся въ нихъ: въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 3 ¾ т. чел., въ среднихъ до 22 т., въ низшихъ слишкомъ 177 т.; всего болѣе 203 т. (противъ предшествовавшаго года болѣе слишкомъ 3 т.). Кромѣ того, еврейскихъ училищъ и школъ въ Имперіи считалось 2531, почти съ 35 т. учащихся.—Ученыхъ степеней и разныхъ медицинскихъ званій удостоено 1105 ч.—Число лицъ, занимавшихся домашнимъ воспитаніемъ, простиралось слишкомъ до 2250 ч.—Публичныхъ библіотекъ въ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ считается 46; всѣ онѣ, кромѣ Одесской и Кишиневской, существуютъ на счетъ добровольныхъ приношеній.—Въ вѣдѣніи Министерства состоитъ 15 ученыхъ и литературныхъ Обществъ, изъ коихъ 5 получаютъ пособіе отъ Правительства.—Сложность вышедшихъ въ свѣтъ оригинальныхъ сочиненій простирается до 802, переводныхъ до 65. Первыя, взятыя въ одномъ экземплярѣ, заключаютъ слишкомъ 8 т., а вторыя до 1000 печатныхъ листовъ. Всего вышло 867 книгъ, почти въ 9 т. печатныхъ листовъ. Сравненіе съ движеніемъ словесности въ 1850 г. показываетъ, что въ 1851 увеличилось какъ число книгъ (171-ю), такъ и обширность ихъ, по количеству печатныхъ листовъ (2,174-мя). Переводы составляютъ, по числу названій, около ⅓ доли, а по количеству листовъ менѣе ⅑. Въ сравненіи съ предъидущимъ годомъ, переводы увеличились 32 названіями и слишкомъ 570 печ. лист. Приращеніе противъ 1850 г. въ оригинальныхъ сочиненіяхъ относится преимущественно къ разряду книгъ учебныхъ и ученаго содержанія; въ переводахъ же—къ литературнымъ сочиненіямъ, романамъ и повѣстямъ.—Число ввезенныхъ въ прошломъ году въ Россію книгъ простирается почти до 770 т. томовъ (противъ 1850 г. болѣе около 126 т.).

Поступившіе въ теченіе 1851 г. изъ всѣхъ почтовыхъ мѣстъ государства отчеты о движеніи суммъ въ 1850 г. представляютъ слѣд. выводы: почтовые сборы составили слишкомъ 4 милл. 400 т. р. с., и за исключеніемъ всѣхъ расходовъ очистилось почтоваго дохода почти 1 милл. 440 т. р. с. Болѣе ¼ части почтоваго дохода по всему государству составили сборы въ столичныхъ почтамтахъ. Количество частныхъ отправленій было слѣд. Писемъ простыхъ 9 милл. 600 т., денежныхъ 1 м. 450 т., посылокъ слишкомъ 280 т., казенныхъ отправленій: пакетовъ простыхъ болѣе 14 м. 800 т., денежныхъ 660 т., посылокъ 430 т. За исключеніемъ столицъ и ихъ губерній, изъ которыхъ частная корреспонденція посылается въ обширномъ размѣрѣ, главнѣйшія цифры частной переписки представляютъ губерніи: Лифляндская, Кіевская, Ярославская, Тверская, Но-

Digitized by Google

вогородская, и Одесса. Менѣе всѣхъ другихъ отправляется частной корреспонденціи изъ губерній Астраханской, Архангельской и Олонецкой; но въ отношеніи къ ихъ населенности она принимаетъ размѣръ довольно значительный. Изъ уѣздныхъ городовъ самую обширную переписку ведетъ Рыбинскъ, какъ центральный пунктъ внутренней торговли: въ немъ на 100 ч. жителей считается въ годъ почтовыхъ отправленій 1,030. Заграничная переписка Россіи съ чужими краями составила въ годовомъ оборотѣ, по числу посланныхъ туда и полученныхъ оттолѣ писемъ, болѣе 750 т. писемъ и до 7½ т. посылокъ.—Въ теченіе 1850 г. было подано къ отправленію капиталовъ казенныхъ и частныхъ слишкомъ на 424½ милл. р. с. (казенныхъ на 211 милл. и частныхъ почти на 213½ м.). Здѣсь не включены суммы, пересланныя по почтѣ въ билетахъ кредитныхъ установленій, трансфертахъ, векселяхъ и другихъ бумагахъ, которыя, хотя и представляютъ капиталы, но посылаются чрезъ почту какъ документы. По числу капиталовъ, отправленныхъ изъ всѣхъ почтовыхъ мѣстъ государства, выходитъ, что на каждые 100 руб. высылалось около 30 р. изъ столицъ. — Въ первые шесть мѣсяцевъ 1851 г. поступило почтовыхъ сборовъ около 2 милл. 250 т. р. с. На почты подано было къ отправленію по внутренней и заграничной корреспонденціи: частныхъ писемъ: простыхъ 5 м. 295 т., денежныхъ 764 т., страховыхъ 578 т., посылокъ 152 т., и того около 6 м. 790 т.; казенныхъ пакетовъ простыхъ и денежныхъ 7 м. 375 т., посылокъ 228 т., и того слишкомъ 7 милл. 600 т. Вотъ обозрѣніе круга дѣятельности столичныхъ почтамтовъ за весь 1851 годъ:

	С.-Петербургскаго.	Московскаго.
Доходовъ поступило	806 т. р. с.	438 т. р. с.
Капиталовъ и посылокъ получено и отправлено на сумму.	218 милл. 390 т. р. с.	79 милл. 762
Пакетовъ, писемъ и посылокъ, принятыхъ и розданныхъ.	7 милл. 626 т.	3 милл. 483
Получено и отправлено почтъ и эстафетъ.	72½ т.	около 6½

Сношенія жителей столицъ по городской почтѣ умножаются съ каждымъ годомъ. Въ 1851 г. по Петербургской городской почтѣ было отправлено: писемъ до 430 т., билетовъ слишкомъ 16 т., періодическихъ изданій около 909 т.; и того слишкомъ 1 м. 354 тыс. Въ Москвѣ по городской почтѣ было переслано: писемъ до 240 т., билетовъ болѣе 14 т.

Г. Руевъ Игнатьевъ напечаталъ въ Новгородскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ духовную грамоту Св. Кирилла, игумена Бѣлоозерскаго,

Digitized by Google

къ удѣльному князю Андрею Дмитріевичу, подлинникъ коей, писанный столбцемъ, находится въ Кирилловѣ-Бѣлоозерскомъ монастырѣ. Содержаніе грамоты слѣдующее: «Во имя Святыя Живоначальныя Троицы. Азъ грѣшныи Кирило игуменъ, смотрихъ яко постиже мя старость, впадохъ бо в частыя и различныя болѣзни, ими жъ ныне одержимъ есмь человѣкомъ, занѣ отъ Бога казнимъ; ради моихъ грѣхъ, болѣзнемъ на мя умножившимся ныне, якожъ иногда никогдажъ, и ничто же възвѣщающе развѣ смерть, и соудъ страшныи Спасовъ будущаго вѣка. И во мнѣ смути сердце мое исхода ради, и страхъ смертныи нападе на мя. Боязнь и трепетъ страшнаго судища прииде на мя, и покрыи мя тма недоумѣния, что сътворюти несвѣмъ, но възвергу печаль на Господа, тои сътворить якоже хощетъ, хощетъ бо всѣмъ человѣкомъ спастися. Се азъ Кирило игуменъ, черньчищо грѣшныи, пишу сию грамоту при своемъ животѣ и въ своее братьи, Богу и Пречистѣи Богородици Матери Божьи, Царици Небеснѣи, и господиноу князю великому, сыну своему Андрѣю Дмитриевичю; и сына своего благословляю въ свое мѣсто священноиноку Инокентия. И ты, господине князь великыи, Бога ради и Пречистое дѣля Богородици и своего ради спасения, имене ради своего, нищего грѣшна человѣка, какову еси, господине, имѣлъ любовь доселѣ къ Пречистѣи Богородици и к нашеи нищетѣ, при моемъ животѣ, тако бы еси, господине, и по моемъ животѣ имѣлъ любовь крѣпку къ Пресвятѣи Богородици, и сыну моему Инокентию и къ моеи братьици, которыи имуть по моему житьицю жити. А игумена слушати. А в твое спасение подавалъ свое жалование грамоты свои Дому Пречистѣи Богородици и моеи нищетѣ, чтобы то, господине, твое жалование и грамоткы неподвижны были, какъ и доселѣ, господине, при моемъ животѣ было: занежъ, господине князь великыи, намъ твоимъ нищимъ нѣчимъ боронитися противу обидящихъ насъ, но токмо, господине, Богомъ и Пресвятою Богородицею и твоимъ, господине, жалованиемъ нашего господина и господаря. А тобе господина князя великаго, сына моего, Андрѣя Дмитриевича, елика испювѣдалъ еси Богу и Пречистѣи Богородицѣ и мнѣ своему отцю, яко человѣкъ плоть нося съгрѣшивъ, въ томъ тобѣ во всемъ Богъ простить и благословитъ. Такожъ и госпожю мою, дщерь, княгиню великую Огрофѣну, Богъ простить и благословитъ. Такожъ и господина и сына моего, князя Ивана, Богъ простить и благословитъ. Такожъ госпожю и дщерь мою, княжноу Анастасию, Богъ простить и благословитъ. А милость Божия и Пречистыи Богородици на тебе на моемъ господинѣ князѣ великомъ Андрѣи Дмитриевичѣ да будетъ,

Digitized by Google

и на твоеи княинѣ великой, госпожѣ нашеи Огрофѣнѣ, и на вашемъ сыну на нашемъ господинѣ князѣ Иванѣ, и всѣхъ вашихъ дѣткахъ и мое благословение и молитва, и братии мое. І господине и сыне, князь великыи Андрѣи Дмитриевичь, много молюся о семъ и челомъ бью съ своею братьицею, по Богѣ и по Пречистѣи Богородици, тобѣ, моему господарю одно: зане игуменъ-отъ имѣтъ-тися жаловати на которую братью, которые, господине, не имуть его слушати, а по волѣ его не ходятъ, а мое житнице грѣшна человѣка имуть перечинивати; азъ господина своего и господаря тобе съ слезами много молю о томъ, чтобы еси, господине, тому не потерпѣлъ быти, ажбы еси сие чюноулъ крѣпко. Кто по моему житници не ходить, а игумена не имѣтъ слушати, и ты ис тѣхъ вели из монастыря выслати».—Господинъ Игнатьевъ приложилъ и fac-simile подлинной грамоты.

Промышленность Черниговской губерніи представляетъ слѣдующія цифры. Заводовъ и фабрикъ считается въ ней 711; въ томъ числѣ болѣе половины (442) винокуренныхъ заводовъ. Годовой оборотъ всѣхъ ихъ простирается слишкомъ до 4 милл. 100 т. р. с.; число рабочихъ составляетъ болѣе 15½ т. человѣкъ. — По суммѣ оборота и по достоинству производимыхъ издѣлій, первое мѣсто принадлежитъ суконнымъ фабрикамъ, потомъ свеклосахарнымъ заводамъ.— Въ мѣстной промышленности одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ посадъ *Клинцы* (*), который въ Черниговской губерніи то же, что̀ село Иваново во Владимірской. Исторія посада довольно любопытна. Въ концѣ XVII вѣка множество раскольниковъ переселились изъ внутреннихъ губерній Россіи въ сѣверные уѣзды Черниговской и южные Могилевской, принадлежавшей тогда Польшѣ. Тогда образовались здѣсь первыя раскольничьи слободы: Климово въ Черниговской и Вѣтка въ Могилевской губ. Немного позднѣе (1690 г.) возникъ и нынѣшній посадъ Клинцы, получившій свое названіе отъ имени перваго своего поселенца, Гордѣя Клинцова, котораго потомки, подъ этою фамиліею, существуютъ и теперь. Первоначальное занятіе здѣшнихъ раскольниковъ было земледѣліе; но потомъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, они принуждены были искать другихъ средствъ жизни, и благодаря своей смѣтливости, принялись за торговлю и промышленность. Послѣдняя привела ихъ къ настоящей степени благосостоянія. — Подъѣзжая къ Клинцамъ изъ Чернигова, вы не увидите его, пока не въѣдете въ самый посадъ, потому что съ этой стороны онъ совершенно заслоненъ лѣсомъ. Но тѣмъ по-

(*) Онъ находится на южной оконечности Суражскаго уѣзда, въ разстояніи отъ Суража 38 и отъ Чернигова 175 верстъ.

Digitized by Google

разительное впечатлѣніе при внезапномъ видѣ, когда, выѣхавъ изъ лѣсу, вдругъ увидите вы огромный посадъ, съ многочисленными каменными зданіями, съ пятью церквами (*), съ широкими улицами, которыя оживлены разнообразною дѣятельностью..... Главная промышленность Клинцовъ—фабрикація суконъ и шерстяныхъ чулковъ; послѣдняя составляетъ исключительную принадлежность этого посада почти въ цѣлой Россіи. На заведеніе суконныхъ фабрикъ въ Клинцахъ имѣли вліяніе военныя событія 12 года. Такъ, первый устроивній здѣсь фабрику былъ клинцовскій житель Лихомановъ, который до эпохи Отечественной войны торговалъ суконами въ Царствѣ Польскомъ. Вынужденный удалиться изъ Польши, по случаю занятія ея Французами, онъ въ 1814 г. основался въ Клинцахъ, выписалъ изъ-за границы механиковъ и мастеровъ, и завелъ первую суконную фабрику. Послѣ ея основанія прошло около 20 лѣтъ, и никто изъ Клинцовцевъ не предпринималъ ничего подобнаго, хотя они производили обширную торговлю въ Царствѣ Польскомъ, а прусскими и польскими суконами во всей Россіи. Но возникъ Польскій мятежъ, и они удалились изъ Польши. Съ усмиреніемъ мятежа, они не находили болѣе выгоднымъ продолжать торговлю, по случаю возвышенія пошлины на сукна, вывозившіяся изъ Царства Польскаго въ Россію. Въ это время, именно въ 1834 г., когда фабрика Лихоманова уже не существовала, вдругъ возникло въ Клинцахъ нѣсколько суконныхъ фабрикъ, которыя всѣ основаны были прежними торговцами суконъ.—Теперь въ Клинцахъ считается 11 суконныхъ фабрикъ, производящихъ въ годъ болѣе 410 т. аршинъ сукна. Первое мѣсто, по обширности производства, принадлежитъ фабрикѣ купцовъ Зубова и Степунина, на коей работаетъ 600 чел.; замѣчательны также фабрики братьевъ Кубаревыхъ. Большая часть клинцовскихъ фабрикъ дѣйствуетъ паровыми машинами.—Что касается до производства шерстяныхъ чулковъ, рубашекъ, фуфаекъ и т. п., то фабрикація ихъ явилась въ Клинцовѣ лѣтъ 30 тому назадъ, и въ настоящее время достигла такого совершенства, что почти вытѣснила заграничныя издѣлія этого рода. Замѣчательнѣйшая изъ шерстяно-чулочныхъ фабрикъ—купца Пентіона, на которой, кромѣ производства суконъ, ежегодно вырабатывается до 2½ т. дюжинъ чулковъ и 500 штукъ фуфаекъ. Всѣхъ чулочно-ткацкихъ фабрикъ въ Клин-

(*) Чрезвычайно замѣчательна, по своей красотѣ и вышинѣ, деревянная колокольня при церквахъ. Она въ пять этажей, вышиною до основанія креста 168 футовъ, и построена, въ 1801 г., клинцовскимъ купцомъ Карташевымъ, *безъ архитектора*.

Digitized by Google

цовъ 7, и присоединивъ къ нимъ мелочное производство въ домахъ, можно положить, что въ посадѣ производится чулковъ не менѣе 20 т. дюжинъ, на сумму до 120 т. руб. сер. Чтобы судить о качествѣ клинцовскихъ чулковъ, достаточно сказать, что изъ пуда хорошо вычесанной шерсти производители приготовляютъ обыкновенно пять дюжинъ чулковъ. — Кромѣ суконныхъ и чулочныхъ фабрикъ, въ Клинцовѣ находится 4 кожевенныхъ завода и 2 свѣчныхъ. Число рабочихъ, употребляемыхъ на фабрикахъ и заводахъ, простирается слишкомъ до 2 т. человѣкъ, а сумма годоваго производства составляетъ около 840 т. руб. сер. Такая фабричная производительность естественно предполагаетъ значительное развитіе ремеслъ и торговли. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ почти ни одного требованія фабрики, которое бы не удовлетворялось на мѣстѣ. Дѣланіемъ бердъ, вязаніемъ ремизовъ, токарнымъ, столярнымъ, слѣсарнымъ, кузнечнымъ и т. п. ремеслами занимаются всѣ тѣ, которые не работаютъ на фабрикахъ или не торгуютъ; а такихъ людей можно насчитать болѣе 4 тысячъ. И если присоединить капиталъ, находящійся въ торговыхъ оборотахъ, къ капиталу фабрикъ и заводовъ, то можно ежегодный общій оборотъ капитала Клинцовъ полагать до *1½ милліона руб. сер.* Это не покажется удивительнымъ, если прибавимъ, что въ Клинцахъ живетъ болѣе 10 т. душъ обоего пола, и что богатые Клинцовцы давно уже привыкли къ роскоши.... Щегольскіе экипажи, вѣнскія коляски, модные фаэтоны, лондо и дорогія лошади — въ Клинцахъ не новость. Щегольствомъ въ одеждѣ, особенно женскаго пола, Клинцы первенствуютъ предъ всѣми другими посадами. Часто увидите женщину въ бархатной *азіятчѣ* (*) съ золотою бахрамою и *шушунѣ* (**), подбитомъ соболями, стоющихъ иногда несравненно дороже платья и салопа нашихъ дамъ. Жители Клинцовъ вообще какъ-то образованнѣе прочихъ посадскихъ, и всѣ уже привыкли къ общежительности....

Разведеніе табаку съ давняго времени составляетъ предметъ народной промышленности въ Полтавской губерніи; табакъ, разводимый здѣсь и въ Черниговской губ., еще съ XVII столѣтія пріобрѣлъ извѣстность въ торговлѣ подъ именемъ черкасскаго и украйнскаго. Въ послѣднее время эта отрасль земледѣлія достигла значительнаго развитія; по соображеніямъ табачныхъ промышленниковъ, Полтавская губ. въ настоящее время выпускаетъ въ продажу болѣе 200 т. пудовъ табаку разныхъ сортовъ, что составляетъ около ¼

(*) *Азіятка* тотъ же сарафанъ, но безъ нагрудниковъ и спинки, завязываемый выше грудей и носимый на лентахъ, или «проймахъ.»

(**) *Шушунъ* — кацавейка, но съ длинными рукавами и густыми сборками сзади.

Digitized by Google

части всего количества табаку, производимаго въ Россіи.— Табаководство распространено наиболѣе въ сѣверной части губерніи, въ уѣздахъ: Роменскомъ, Прилуцкомъ и Лохвицкомъ; въ уѣздахъ: Зеньковскомъ, Миргородскомъ, Хорольскомъ и Переяславскомъ оно встрѣчается мѣстами и въ незначительномъ видѣ; въ степной же юговосточной части губерніи почти вовсе не существуетъ. Относительно физическихъ удобствъ къ успѣшному развитію этой отрасли земледѣлія, сѣверная часть Полтавской губ. имѣетъ за собою важныя преимущества. Почва, за исключеніемъ песчаныхъ мѣстъ по берегамъ рѣкъ, вездѣ черноземная, болѣе или менѣе глубокая и плодородная; при холмистомъ часто положеніи страны, встрѣчается множество мѣстъ, гдѣ табакъ находитъ защиту отъ сухихъ и холодныхъ вѣтровъ. Обиліе воды ключевой и маленькихъ рѣчекъ, которыми питаются пруды при усадьбахъ, обезпечиваетъ вполнѣ необходимую при разведеніи табаку поливку. При значительности скотоводства, въ удобреніи недостатка нѣтъ Климатъ сѣверозападной части Полтавской губ. по крайней мѣрѣ столько же благопріятствуетъ разведенію даже высшихъ сортовъ табаку, какъ и климатъ средней и южной Германіи, гдѣ средняя температура лѣта ниже той, которая требуется для вызрѣванія бакшевныхъ растеній на открытомъ воздухѣ. Между тѣмъ, Германія производитъ значительное количество американскихъ сортовъ табаку, хоторый хотя вообще далеко уступаетъ своею добротою производимому въ Америкѣ, тѣмъ не менѣе однако же удовлетворяетъ неприхотливымъ требованіямъ большинства курителей и составляетъ предметъ значительнаго внутренняго потребленія. Съ такими только скромными видами и въ Малороссіи можно приниматься за разведеніе высшихъ сортовъ табаку. Соперничать съ произведеніями Кубы, Венецуэлы и т. п. малороссійскому табаку конечно никогда не придется, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока средняя температура лѣта не сдѣлается на 4—5 градусовъ выше теперешней; но нѣтъ сомнѣнія, что старательнымъ уходомъ и надлежащей уборкой можно сообщить американскому табаку, производимому въ Малороссіи, качества, при которыхъ бы онъ служилъ для фабриканта годнымъ матеріаломъ для выдѣлки произведеній, приспособленныхъ къ требованіямъ большинства потребителей и по цѣнамъ для нихъ доступнымъ. Разведеніе высшихъ сортовъ табаку въ Полтавской губ. довольно ограниченно и встрѣчается наиболѣе у помѣщиковъ; крестьяне разводятъ *виргинъ* (виргинскій табакъ) только въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Роменскаго уѣзда. Это табакъ весьма низкаго достоинства, и вообще американскій табакъ, производимый въ Полтавской губ., отличается только посредственными качествами,

Digitized by Google

что надо приписать болѣе несоотвѣтствующей уборкѣ, нежели другимъ причинамъ, потому что нѣкоторыя экономіи выпускаютъ въ продажу товаръ весьма удовлетворительный. Главное препятствіе къ развитію этой отрасли заключается въ неудобствахъ сбыта, который стѣсняется ограниченнымъ требованіемъ и монополіей немногихъ фабрикантовъ, закупающихъ здѣсь американскій табакъ. Это заставляетъ не только крестьянъ, но и помѣщиковъ, занимавшихся прежде разведеніемъ американскихъ сортовъ, переходить къ амерсфортскому табаку, совершенно усвоенному здѣшнему климату, и который, по причинѣ постояннаго на него требованія, болѣе простаго ухода за нимъ, въ сравненіи съ американскимъ табакомъ, не смотря на низкія повидимому цѣны, доставляетъ болѣе вѣрныя выгоды.—Амерсфортскій табакъ, по способу его кладки, получаетъ въ торговлѣ различныя названія. Кладка лучшихъ сортовъ производится слѣдующимъ образомъ: оборванные со стебля листья складываютъ въ папуши, по 8—12 въ каждую, корешки сравниваютъ и немного подрѣзываютъ; потомъ папуша связывается стебелькомъ одного изъ положенныхъ въ нее листьевъ. Покупатели лучшихъ сортовъ требуютъ, чтобы папуши были не больше упомянутой мѣры, для удобства мелочной распродажи, и чтобы листья въ нихъ не были разглажены, какъ это дѣлается при кладкѣ американскихъ табаковъ; чѣмъ морщиноватѣе папуша амерсфортскаго табаку, тѣмъ выше она, при другихъ своихъ хорошихъ качествахъ, цѣнится. Уложенный этимъ способомъ табакъ получаетъ въ торговлѣ названіе *махорки*. Папуши махорки складываютъ потомъ въ кипы, аршина 1⅛ вышиною, при чемъ онѣ сгибаются по направленію корешковъ, краями вмѣстѣ, и располагаются такъ, что насквозь кипы оставляются проходы для воздуха, чѣмъ предотвращается сильное разгораніе табаку въ кипѣ; кромѣ того, съ боковъ въ кипу втыкаются глицы, вынимая которыя можно тотчасъ замѣтить возвышеніе температуры въ серединѣ кипы, при чемъ ее перекладываютъ. При правильной укладкѣ кипъ и внимательномъ наблюденіи за ходомъ броженія, въ нихъ совершающагося, махорка пріобрѣтаетъ надлежащій вкусъ и крѣпость, удерживая въ то же время зеленый цвѣтъ, котораго требуютъ отъ нея покупатели. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Роменскаго уѣзда табакъ кладутъ въ большія папуши (листовъ по 30 и болѣе), при чемъ листья разглаживаютъ, и для этого ихъ часто необходимо бываетъ смачивать водою. Въ этомъ видѣ табакъ получаетъ названіе *рубанки*. Сырые листья табачные, сложенные въ большія папуши, въ которыхъ они, будучи предварительно разглажены, плотно прилегаютъ одинъ къ другому, неминуемо приходятъ въ сильное броженіе, въ слѣдствіе

Digitized by Google

чего теряютъ зеленый цвѣтъ, свойственный махоркѣ, бурѣютъ и въ этомъ видѣ получаютъ названіе *киповалаго* табаку. Невыгоды подобнаго способа кладки табаку очевидны.—Стволы табачные, по снятіи съ нихъ листьевъ, раскалываются на-четверо и идутъ въ продажу подъ именемъ *бодылья*. Ихъ покупаютъ табачные фабриканты, но большею частію по такимъ низкимъ цѣнамъ, что лучшіе табаководы не находятъ выгоды продавать ихъ и вывозятъ на плантаніи въ видѣ удобренія.—При кладкѣ табаку, тщательное разсортированіе листьевъ, по ихъ относительной добротѣ, считается лишнимъ, потому что покупатели не требуютъ этого и не оцѣниваютъ. Все бракованіе ограничивается только отдѣленіемъ цѣлыхъ, неповрежденныхъ листьевъ, которые идутъ въ продажу подъ именемъ *чистаго* табаку. Остающійся затѣмъ бракъ состоитъ изъ пятнистаго табаку, т. е. листьевъ, побитыхъ морозомъ, который оставляетъ на нихъ черныя пятна, изъ листьевъ съ желтыми крапинами, которыя замѣчаются на табакѣ перестойномъ, изъ листьевъ порванныхъ и побитыхъ небольшимъ градомъ, который дѣлаетъ ихъ дыравыми. Эти испорченные листы вяжутся отдѣльно отъ чистаго табаку и продаются подъ именемъ *рябухи*. Наконецъ отдѣльно собирается *поверть*, т. е. листья изорванные, безъ стебельковъ, которыхъ нельзя поэтому вязать въ папуши; къ ней присоединяется *пасенье*, т. е. мелкіе листочки, обрываемые при пасенкованіи табаку.—Лучшаго качества махорку производятъ помѣщики, особенно въ Прилуцкомъ и Лохвицкомъ уѣздахъ, гдѣ во многихъ имѣніяхъ статья эта доведена до замѣчательнаго совершенства. Изъ уѣздовъ: Роменскаго, выпускающаго въ продажу наибольшее количество табаку, Гадячскаго и Лубенскаго вывозятся тоже частію весьма хорошіе сорты, но вообще табакъ, въ этихъ уѣздахъ производимый, не отличается особенною добротою. Достоинства *панской* махорки заключаются въ томъ, что она зелена и сохраняетъ этотъ цвѣтъ въ продолженіе года и болѣе; бурый налетъ на поверхности листьевъ считается признакомъ особенно хорошаго вкуса и крѣпости; листья толстые, тяжеловѣсные, сморщенные и аккуратно связанные въ небольшія папуши. Панская махорка закупается на мѣстѣ торговцами, отправляющими ее преимущественно въ Сибирь, гдѣ этотъ табакъ давно уже пріобрѣлъ извѣстность подъ названіемъ *камергерскаго*, отъ имени камергера Будлянскаго, который первый въ этомъ краѣ прославился произведеніемъ отличной махорки, въ мѣстечкѣ Срѣбномъ, Прилуцкаго уѣзда. Крестьянскій табакъ, вообще гораздо низшаго достоинства, свозится для продажи небольшими партіями въ нѣкоторыя значительныя селенія, куда съѣзжаются покупатели вскорѣ послѣ уборки табаку. Самая замѣ-

Digitized by Google

чательная сборка крестьянскаго табаку производится въ мѣстечкѣ Срѣбномъ, откуда вывозятся лучшіе сорты крестьянской махорки, извѣстные въ торговлѣ подъ именемъ *срѣбнинской сборки* или *серебрянки*. Вообще крестьянская махорка, извѣстная въ торговлѣ подъ общимъ именемъ: *сборка*, *розовые табаки*, отъ дурной уборки, подмачиванія при кладкѣ въ папуши, скоро теряетъ зеленый цвѣтъ, и, по причинѣ недостаточнаго часто удобренія почвы, дурной обработки и небрежнаго ухода за плантаціями, никогда не имѣетъ ни крѣпости, ни вкуса, которыми отличается табакъ, производимый помѣщиками. Она вывозится въ столицы и внутреннія и западныя губерніи Россіи. — Выгоды, получаемыя отъ разведенія амерсфортскаго табаку много зависятъ отъ урожаевъ и цѣнъ на него, и не всегда одинаково вознаграждаютъ производителя. Самые лучшіе урожаи рѣдко превышаютъ 100 пудовъ съ десятины, за средній же нельзя принять болѣе 70 пудовъ. Цѣны на амерсфортскій табакъ опредѣляются какъ урожаемъ, такъ и большимъ или меньшимъ требованіемъ на этотъ товаръ. За среднюю цѣну махорки можно принять 1 р. 15 к. сер. за пудъ для помѣщичьяго табаку и 70 к. с. для крестьянскаго; при большей дешевизнѣ, цѣны послѣдняго падаютъ иногда до 30 к. с. за пудъ. Въ послѣднее время цѣны были очень вознаградительны. Панская махорка урожая 1850 г. продавалась по 3 р. с. за пудъ, къ лѣту же 1851 г. эта цѣна возвысилась на ярмаркахъ до 5 р. с. Рябуха идетъ въ продажу обыкновенно за полцѣны, потерть же иногда за $^1/_3$ и даже за $^1/_4$ цѣны чистаго табаку. Бодылья, при низкихъ цѣнахъ, продаютъ иногда не дороже 6 к. с. за пудъ, лѣтомъ же 1851 г. и на нихъ цѣна доходила до 1 р. с. за пудъ. Рубанка продается по одной цѣнѣ съ низшими сортами крестьянской махорки.

«Панскій» табакъ въ славѣ; а какъ живутъ эти паны? Послушаемъ объ этомъ разсказъ кіевскаго путешественника, г. Загорскаго.... «Въ здѣшнихъ имѣніяхъ (т. е. нѣкоторыхъ уѣздовъ Полтавской губ.) нѣтъ видимаго богатства; они малы, но за то всякая статья приноситъ помѣщику доходъ; здѣсь самъ помѣщикъ управляетъ имѣніемъ, рѣдко вы встрѣтите управляющаго, и тамъ, гдѣ онъ есть, всегда, говорятъ, дѣла по имѣнію запутаны (?!). Помѣщикъ и въ полѣ, и на винокуренномъ заводѣ, и въ пасѣкѣ; вездѣ его глазъ слѣдитъ за дѣйствіями прикащика, изъ его же людей, который каждый день испрашиваетъ разрѣшенія на извѣстныя его предположенія Жена (если таковая находится) слѣдитъ за дѣйствіями *хозяйки*, присматриваетъ и за выдѣлкою льна, и за уходомъ домашняго скота, и заказы-

Digitized by Google

ваетъ узоры для ковровъ. Съ перваго раза это покажется скупостію; но нѣтъ, они только не упускаютъ своихъ интересовъ, слѣдятъ за состояніемъ своего имѣнія и знаютъ его хорошо; тамъ же, гдѣ нужно, они помѣщики comme il faut, и живутъ такъ, имѣя землю, населенную съ небольшимъ ста душами, какъ въ пору въ другихъ мѣстахъ и съ тремя-стами. Правда, у нихъ вы не замѣтите, какъ я сказалъ, ни управляющаго, ни экономa, ни разнаго рода безчисленныхъ хозяекъ, какъ это водится въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, съ такимъ же количествомъ душъ; помѣщикъ не франтитъ экипажами и гардеробомъ своимъ и жены своей, не держитъ по двѣ и по три гувернантки и гувернера, и не ѣздитъ далеко изъ своего имѣнія по нѣскольку разъ въ годъ,—развѣ только когда нужно отвезти дѣтей *въ губернію;* да за то небольшое это имѣніе онъ передаетъ цѣлымъ и невредимымъ своимъ дѣтямъ. и за дочкою дастъ тысячъ пять преданаго.... Здѣсь нѣтъ обычая тянуться за другими и жить на барскую ногу, хотя года на три, на четыре,—а потомъ ѣдетъ въ городъ продавать имѣніе, съ переводомъ долга на новаго пріобрѣтателя, а самъ ищетъ быть у значительнаго помѣщика экономомъ, и опять тотъ же кругооборотъ.... Общественная жизнь здѣшнихъ помѣщиковъ, ихъ увеселенія ограничиваются *вечерами*, у каждаго изъ нихъ почти поочередно. На нихъ бываетъ весело; каждый выписываетъ какой-либо журналъ или газету, у каждаго есть фортепьяно, свой порядочный поваръ, цвѣтники, прекрасные сады.... Хорошенькихъ женщинъ много, но—недостатокъ въ кавалерахъ, общій всѣмъ мѣстамъ, расположеннымъ по проселочнымъ дорогамъ. Развѣ когда вблизи квартируетъ какой-либо полкъ, тогда помѣщикъ приглашаетъ на свой вечеръ офицеровъ, предлагаетъ своихъ лошадей, привозитъ жидовъ-музыкантовъ изъ города,—и «барышни» дѣлаются веселѣе, скорѣе ходятъ, взявшись подъ руки, по залѣ, посматривая на гостей.... И самъ хозяинъ съ самодовольнымъ видомъ посматриваетъ на всѣхъ, и на челѣ его разглаживаются морщины, наложенныя заботами, гдѣ сбыть шерсть, и гдѣ ленъ, и онъ только-что не скажетъ: «вотъ какъ у меня!» За тѣмъ раздаются звуки скрипокъ, и пошла писать исторія извѣстная. Въ другихъ покояхъ карты, иногда биліардъ, а иногда компанія собесѣдниковъ, толкующихъ о какомъ-либо давнишнемъ рѣзкомъ поступкѣ одного изъ ихъ земляковъ, или идетъ на выдержку какой-либо анекдотъ про мужичка Малоросса, конечно, съ точнымъ удержаніемъ словъ и выраженій,—и всегда конецъ этихъ анекдотовъ эффектенъ въ высшей степени, и всѣ заливаются добродушнымъ смѣхомъ.... Тамъ за картами горячится какой-то помѣщикъ, зачѣмъ вистующій съ нимъ вмѣстѣ обремизилъ его, вышедши съ

Digitized by Google

короля, а не съ маленькой, и не хочетъ записывать ремиза; на лицахъ каждаго изъ нихъ вы угадете почти вѣрно, кто изъ нихъ проигралъ и кто выигралъ. Случается, что когда счастливо выйдетъ изъ какой-либо игры на семь невѣрныхъ, то долго приводохнетъ,— и все хорошо, и всѣ довольны.... Около часу ужинъ. Уже барышни познакомились съ кавалерами, нѣкоторые изъ этихъ уже ухаживаютъ за ними, барышни дѣлаютъ имъ глазки, курятъ съ ними папиросы.— «Ахъ какой душка этотъ Лельскій,» скажетъ какая-либо «мамзель» (!).— «Да, братецъ, эта А*** папиросы куритъ, такая *эманципированная*,» говоритъ Лельскій своему товарищу,—и за ужиномъ все подаватъ эманципированной барышнѣ то соусу, то жаркаго. Послѣ ужина всѣ расходятся на покой, и барышни долго еще курятъ и трубки, и папиросы, разсказывая про миловидность Лельскихъ, Вельскихъ и другихъ хорошенькихъ офицеровъ.... На другой день, почти послѣ завтрака, карты, вечеромъ, если музыка отправлена, пляшутъ подъ фортепіано, и т. д., и опять та же исторія, оставляющая конечно за собою извѣстные слѣды.... вздохи, мечты, а иногда и счастливый бракъ,—и новая пара помѣщиковъ еще входитъ въ среду, уже намъ отчасти знакомую, и принимаетъ тоже участіе въ тамошнемъ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ».... Картина эта далеко не полна, набросана наскоро, мѣстами небрежно; но въ ней есть нѣсколько вѣрныхъ чертъ; только мы никакъ не можемъ представить себѣ эманципацію, растущую, точно худая трава въ полѣ, среди цвѣтовъ Украйны....

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ МОСКВИТЯНИНА.

Изъ Кіева. Съ началомъ контрактовъ настоящаго года было много благопріятныхъ обстоятельствъ, обѣщавшихъ значительность контрактамъ. Легкіе морозы, санная дорога въ срединѣ января, значительный съѣздъ, огромный привозъ товаровъ, дешевизна ихъ, въ слѣдствіе пониженія пошлины по новому тарифу,—все это обѣщало громадные размѣры контрактовой дѣятельности и счастливыя слѣдствія для всѣхъ, во многихъ отношеніяхъ. Но дальнѣйшій ходъ контрактовъ, общіе толки и наконецъ выводы изъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ офиціально, показали, что начальныя надежды наши не оправдались. Контракты не совсѣмъ и не для всѣхъ были удовлетворительны. Причиной этого общаго явленія нужно счесть безденежье, отчего товаровъ продано не много, не смотря на дешевизну ихъ сравнительно съ прежними годами. Спѣшу объясниться: я хочу сказать своимъ отзывомъ о контрактахъ этаго года то, что они не были такъ дѣятельны и успѣшны, какъ можно было ожидать, основываясь на многихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, преимущественно на пониженіяхъ пошлинъ; но сравнительно съ контрактами

Digitized by Google

прошлыхъ лѣтъ, настоящіе контракты не уступали имъ слишкомъ много. Вотъ вѣдомость о контрактахъ этого года, сравнительно съ прошлогодними, почерпнутая изъ Кіев. Губ. Вед.

Пріѣзжихъ помѣщиковъ, дворянъ и чиновниковъ.	Купцовъ.	Иностранцевъ.	Евреевъ.	Прислуги.	Лошадей.	Привез. товаров.	Продано товаровъ	Городской доходъ за наемъ мѣстъ и лавокъ.	Доходъ жителей за наемъ лавокъ и квартиръ	За гербовую бумагу.	Привезено капиталовъ банкирскими конторами.	Пущено въ оборотъ ими.
1,537	287	150	1,808	5,903	7,100	1,788,000	965,078	10,819 р. 80 к.	22,500	9,148	2,415,000	1,948,000
1,440	285	129	1,423	4,119	6,900	1,320,000	800,853	8,994	21,250	14,883	1,530,000	1,780,000

Примѣчаніе. Въ верхней графѣ помѣщены цифры, относящіяся къ 1852 году, въ нижней — къ 1851-му.

Изъ сравненія настоящихъ контрактовъ съ прошлогодними (которые были едва ли не самыми значительными въ теченіе предшествовавшихъ 17 лѣтъ), по этой таблицѣ оказывается: 1) число пріѣзжихъ было почти одинаково какъ въ прошломъ, такъ и въ этомъ году. 2) Привезено товаровъ теперь менѣе, безъ всякаго сомнѣнія потому, что до 6 января не было хорошей санной дороги на разстояніи почти 100 верстъ отъ Кіева, по Московской дорогѣ, и со стороны Польши и Волыни вовсе не было дороги, слѣдовательно извозъ былъ очень дорогъ. 3) Продажа товаровъ и покупка имѣній въ этомъ году была значительно меньше, въ слѣдствіе недостатка денегъ, происшедшаго отъ множества разныхъ обстоятельствъ. 4) Жители получили доходовъ меньше, потому что многіе изъ Поляковъ не пріѣхали по безснѣжью, иные по безденежью; кромѣ того въ Кіевѣ съ каждымъ годомъ появляются новые дома—новыя квартиры для пріѣзжихъ, отдаваемыя хозяевами подешевле для перваго раза. 5) Банкирскіе обороты, увеличивающіеся 17 лѣтъ сряду, были и въ этомъ году значительные противъ прежняго. Банкирскихъ конторъ было семь

Желая болѣе ознакомить читателя съ контрактами, я скажу еще нѣсколько словъ объ нихъ. Въ статьѣ своей о нихъ (Москв. 1851 г., N 8) я сказалъ, что всего болѣе пріѣзжаетъ на контракты Евреевъ, указалъ причины этого, дѣятельность ихъ, значительное число магазиновъ еврейскихъ изъ Бердичева, Каменецъ-Подольска, все съ заграничными шелковыми товарами. Это обстоятельство въ соединеніи съ торговлею Армянъ, привозящихъ восточные товары, и съ торговлею С.-Петербургскаго англійскаго магазина, производитъ то, что на контрактахъ нашихъ бываетъ почти вдвое болѣе товаровъ заграничныхъ, нежели русскихъ. Такъ напр. въ этомъ году, произведеній иностранныхъ фабрикъ было привезено слишкомъ на милліонъ р., изъ нихъ продано на 400 т. р.; а произведеній русскихъ привезено почти на 650 т. р., продано слишкомъ на 250 т. р. Въ слѣдствіе пониженія пошлины, малаго запроса и дороговизны доставки, иностранные товары продавались значительно дешевле противъ прежнихъ лѣтъ; купцы домогались выручить хотя однѣ издержки. Сбытъ сахарнаго песку былъ весьма ограниченъ, не болѣе 240 т. пуд., по 4 р. 25 к. и 5 р. за пудъ; тогда какъ въ прошломъ году заводчиками пріобрѣтено было его на 2 милліона рублей. Продажи готоваго сахару почти не было; въ небольшомъ количествѣ продаваемъ былъ отъ 8 р. до 8 р. 40 к. за пудъ перваго сорта. Имѣній продавалось очень много, но сдѣлокъ было весьма мало. Цѣны на серебро существовали почти тѣ же, какъ и прежде: оно продавалось отъ 25 до 30 р. сер. за фунтъ. Магазинъ съ серебромъ только и бываетъ одинъ, купца Губкина (изъ Харькова); было два варшавскихъ, но варшавское серебро ежегодно уменьшается въ цѣнѣ, и въ настоящемъ году можно было покупать его очень выгодно.

А вотъ какъ торговали наши Кіевляне: продано желѣза, желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій на 112 т. р. с.; сахару, чаю и другихъ бакалейныхъ и рыбныхъ товаровъ на 105¼ тыс. руб.; шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ товаровъ слишкомъ на 50 т. р.; галантерейныхъ вещей, фаянсовой, фарфоровой и хрустальной посуды на столько же. Изъ привозныхъ товаровъ иностранныхъ продавались наиболѣе шелковые, шерстяные и галантерейные; а изъ привозныхъ русскихъ всѣ продавались довольно успѣшно.

Какъ и въ прежніе годы, контракты были богаты въ этомъ году на разнообразныя удовольствія. Были у насъ и концерты, и маскарады, и балетъ, и спектакли, и чревовѣщатели, и выставка

Digitized by Google

картины. Такъ какъ все это уже дѣло прошлое и не имѣетъ притомъ особой важности для кого бы то ни было, то я не стану распространяться объ этихъ удовольствіяхъ. Довольно сказать, что у насъ были: Серве, Сеймуръ Шиффъ (который впрочемъ пріѣзжалъ на время и не давалъ концертовъ), г-жа Ниссенъ-Саломанъ, г-жа Христіани, Малеръ, Шлетынскій, г-жа Малеско, дѣвицы Торнборгъ, г-жа Карбини, пѣвецъ Соловкинъ.... кажется, всѣ. Ахъ, да! были еще концерты г-жи Богдани, г. Пфейфера (дирижера оркестра, принадлежащаго г. Лопухину), г. Якса-Марцинковскаго, да въ концертахъ Серве слышали мы піаниста де-Винь (de Vigne).

Перейдемъ теперь къ довольно замѣчательной художественной новости, появившейся въ Кіевѣ, хотя и не въ немъ была издана она. Я встрѣтилъ эту новость, на дняхъ, въ Кабинетѣ чтенія и новостей П. П. Должикова, у котораго только можно найдти все, что появляется лучшаго и замѣчательнаго въ сферѣ явленій умственной жизни Кіева. Эта новость — два художественныхъ альбома: Виленскій и Кіевскій, издаваемые И. К. *Вильчинскимъ*. Издатель живетъ въ Вильнѣ (по улицѣ Sawicz, въ домѣ I. W. Römera). Давно уже онъ предпринялъ изданіе всѣхъ знаменитостей и достопримѣчательностей своего края, увлекаемый истинною любовію къ изящному и владѣющій образцово-эстетическимъ вкусомъ. Не смотря на крайнюю недостаточность своего состоянія, онъ не оставляетъ своей любимой цѣли и часто теряетъ послѣднее, изъ благороднаго желанія ознакомить публику со всѣми лучшими, истинно-достойными предметами, въ великолѣпныхъ, изящныхъ и точныхъ изображеніяхъ. Для этого многія рѣдкости срисованы съ оригиналовъ извѣстныхъ художниковъ, иныя—непосредственно съ старинныхъ замѣчательныхъ антиковъ, а картинные виды здѣшняго края Россіи сняты прямо съ натуры талантливыми художниками, нарочно приглашенными для этой цѣли. Рисунки, сцены, портреты, словомъ, все входящее въ альбомы, литографировано и хромолитографировано въ Парижѣ извѣстнѣйшими мастерами своего дѣла. Болѣе 30 европейскихъ художниковъ трудились надъ выполненіемъ этихъ альбомовъ, за то и вышло превосходное изданіе: глядишь и не наглядишься на эти образцово-изящныя изображенія всего прекраснаго, чѣмъ такъ богата наша великая Россія. Любителямъ рѣдкостей предстоитъ прекрасный случай обогатить свои коллекціи этими дивными альбомами. Желающіе пріобрѣсть ихъ могутъ обращаться къ самому издателю, по вышесказанному адресу; я увѣренъ, что всякій, пріобрѣвши ихъ, скажетъ мнѣ спасибо.

Digitized by Google

Скажу теперь нѣсколько словъ о составѣ альбомовъ. (*) Виленскій уже значительно богатъ числомъ своихъ предметовъ. Онъ состоитъ изъ 5 серій, или отдѣловъ, и заключаетъ въ себѣ 121 рисунокъ. Первую серію составляютъ виды мѣстностей и предметовъ, въ большой листъ. Вторую серію составляютъ виды и сцены, въ малый листъ, и портреты геніальныхъ людей. Серію третью наполняютъ портреты замѣчательныхъ историческихъ личностей (in folio minori). Четвертая серія состоитъ изъ разнородныхъ рисунковъ, въ большую осьмушку, рѣзанныхъ на стали и хромолитографированныхъ, съ такими же бордюрами. Наконецъ въ пятой серіи находятся маленькіе образочки, священныя изображенія лицъ и мѣстъ, предназначенныя для молитвенниковъ польскихъ. Надо сказать еще, что, кромѣ художественно выполненныхъ изображеній, многіе рисунки украшены превосходными бордюрами, подобранными съ большимъ вкусомъ. Каждая серія дѣлится на отдѣленія, по содержанію рисунковъ. Въ первой серіи 17 рисунковъ, во второй 39, въ третьей 12, въ четвертой 28 и въ 5—25 рисунковъ, всего 121. Нечего говорить о содержаніи рисунковъ, тѣмъ болѣе обозначать каждый: самое названіе Альбома «Виленскій» показываетъ его мѣстный характеръ.

«Кіевскій Альбомъ» посвященъ изображенію древностей и замѣчательныхъ мѣстностей Кіева, Украйны, Подоліи и Волыни. Сейчасъ видно, что онъ своимъ объемомъ долженъ далеко превосходить «Виленскій», но онъ еще недавно начатъ. Вотъ почему мы встрѣчаемъ въ немъ только *шесть* изображеній, изъ которыхъ три относятся къ нашему благословенному Кіеву и представляютъ его святыни, а три другіе рисунка относятся къ Подоліи и Волыни. Вотъ кіевскія: 1) изображеніе чудотворнаго образа Успенія Божіей Матери, что въ Печерской Лаврѣ, надъ Царскими вратами главнаго алтаря въ большой церкви; 2) изображеніе образа Божіей Матери, предъ которою молился князь Игорь, убитый разгнѣванной толпой, въ 1147 году, и 3) изображеніе иконы Святителя Николая, называемаго *Мокраго*, что въ Софійскомъ соборѣ. Цѣна каждому изображенію 5 р. сер. Я не говорю уже о необыкновенной вѣрности и великолѣпіи изображеній этихъ, едва ли не превосходящихъ своимъ выполненіемъ рисунки Виленскаго альбома. Соотечествен-

(*) Альбомы будутъ непрерывно обогащаться новыми изображеніями, по мѣрѣ приготовленія рисунковъ и по мѣрѣ средствъ издателя, не увеличивающихся отъ неуспѣшной, къ сожалѣнію, продажи, хотя рисунки продаются, каждый отдѣльно, по недорогой цѣнѣ: отъ 20 к. до 5 р. сер.

Digitized by Google

ники! вы, которые благоговѣете предъ святыней, дарованной намъ Богомъ, спѣшите украсить свои домы этими художественными снимками! Они вполнѣ достойны общаго вниманія.—Я забылъ еще сказать, что нѣкоторые рисунки альбомовъ — черные и раскрашенные, и тѣ и другіе истинно художественны, но, разумѣется, первые вдвое дешевле. За рисунками этими можно адресоваться также въ Кіевъ къ Павлу Петровичу *Должикову*, у котораго также можно пріобрѣтать «Сводъ Законовъ» и «Труды Коммиссіи для описанія Кіевскаго Учебнаго Округа,» такъ какъ для этихъ изданій онъ сдѣланъ въ Кіевѣ единственнымъ коммиссіонеромъ.

Изъ литературныхъ новостей я почти ничего не могу поименовать, потому что многое изъ нихъ только готовится къ выходу. Упомяну еще разъ о замѣчательномъ сочиненіи Н. Х. Бунге: *Теорія кредита*, оконченномъ въ печати еще въ прошломъ году, но вышедшемъ подъ оберткой этого года. За тѣмъ близки къ выходу: *Поэзія Украинская*, повѣсти, пѣсни и думы, изданныя Б. Чеховскимъ, и *Стихотворенія* Аѳанасьева. Труды членовъ Коммисіи для описанія здѣшняго Учебнаго Округа дѣятельно продолжаются и печатаются.

Въ типографіи Кіево-Печерской Лавры начали печататься въ послѣднее время *гражданскимъ* шрифтомъ разныя богослужебныя, общеупотребительныя книги. На дняхъ вышли *Утреннія и Вечернія молитвы*, маленькой, красивой книжечкой въ 32 долю, и продаются по 12 коп. сер. Надо сознаться, что многіе изъ насъ, особенно наши дамы, прекрасно владѣя двумя-тремя языками, не умѣютъ даже читать по-славянски. Для нихъ-то очень полезны будутъ молитвенники гражданской печати....

Иностранецъ Гаммершмидъ завелъ у насъ словолитню; впрочемъ наши типографщики выписываютъ все нужное изъ-за границы и значительно совершенствуютъ свои заведенія.

1-го марта, въ нашемъ Университетѣ происходилъ диспутъ на степень доктора медицины. Предметомъ его было сочиненіе *о холерѣ*, представленное диспутантомъ лекаремъ *Яцыною*, воспитанникомъ здѣшняго Университета. Диспутантъ удостоенъ искомой степени.

12 апрѣля, происходилъ диспутъ исправляющаго должность адъюнкта, Н. Хр. *Бунге*, представившаго диссертацію «Теорія кредита» на степень доктора политическихъ наукъ. Оффиціальными оппонентами были: ординарный профессоръ *Иванишевъ*, адъюнкты *Пѣтковъ* и *Вагура*. Диспутъ начался въ часъ и продолжался до трехъ. Уже одна эта продолжительность его показываетъ, что онъ былъ интересенъ и многостороненъ. Надо замѣтить при этомъ, что

Digitized by Google

въ диспутѣ приняли участіе многіе другіе профессора, одни придерживались оппонентовъ, другіе подкрѣпляли диспутанта; отъ этого диспутъ былъ необыкновенно оживленъ и разнообразенъ.... Диспутантъ блистательно, ловко и остроумно отвѣтилъ на всѣ возраженія и единодушно признанъ достоинымъ степени доктора. Диссертація его ждетъ суда критики; нисколько не сомнѣваюсь, что критика въ авторѣ ея будетъ привѣтствовать новаго дѣятеля на полѣ науки. Во время диспута, въ обширной залѣ Университетской было тѣсно отъ множества посѣтителей. **п. с.**

NB. «Москвитянинъ» любитъ иной разъ въ своихъ *мелочахъ* отмѣтить забавную опечатку изъ журналовъ. Да отмѣтитъ же онъ теперь и свои корректорскіе промахи (*). Въ отдѣлѣ «Внутреннихъ извѣстій», въ 6 N, на страницѣ 69, строка 16 сверху, напечатано зеліями вмѣсто: *змѣями*; на страницѣ 78, строка 8 сверху, напечатано Geochichte, вмѣсто Gedichte; на стр. 82, снизу строка 7 и 8, напечатано *косышей* вмѣсто *кнышей*; на стр. 87, строка 12 сверху, напечатано концертахъ, вм. *контрактахъ*. Я указалъ только эти опечатки, потому что замѣтилъ ихъ въ своей статьѣ и захотѣлъ снять съ себя невольный грѣхъ.

(*) Чужихъ *опечатокъ* мы никогда почти не отмѣчаемъ, ибо едва достаетъ времени отмѣчать *ошибки* на свои же корректурные промахи часто указываемъ. *Ред.*

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Выборы англійскаго парламента: сиръ Джемсъ Грагамъ, и проч. — Два слова о Персіи.

Лѣто—пора удовольствій и наслажденій тихихъ и мирныхъ на лонѣ природы. Парижскіе балы надоѣли. Спектакли пустѣютъ. Палаты, какія есть, распущены. Вниманіе сосредоточивается на выборахъ англійскаго парламента. Однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ на будущее время считаютъ Грагама или Грэма. Сообщимъ краткое о немъ извѣстіе.

Сиръ Джемсъ Грагамъ избранъ депутатомъ въ Карлиль. Его фамилія одна изъ древнѣйшихъ около Карлиля. Его предки часто являются въ романахъ Вальтера Скотта, и это уже обстоятельство даетъ ему значительное мѣстное вліяніе. Грагамъ получилъ свой титулъ баронета отъ длиннаго ряда предковъ. Въ первый разъ выступилъ онъ на сцену общественной жизни, 32 лѣтъ, депутатомъ отъ Карлиля — города, представителемъ котораго онъ является и теперь. До этого времени онъ считался въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ упорныхъ виговъ. Долговременное отсутствіе виговъ отъ правительства, и тираническія выходки противниковъ побудили ихъ къ крайностямъ, передъ которыми ихъ политическіе преемники, или наслѣдники, отступили бы съ ужасомъ въ наше время. Сиръ Джемсъ Грагамъ рано обнаружилъ сильный умъ и геркулесовскую организацію. Все, что онъ дѣлалъ когда-нибудь, добро и зло, все дѣлалъ онъ отъ всего сердца, и, можно сказать—всѣми силами. Онъ писалъ памфлеты, дышавшіе ожесточеннымъ демократизмомъ; онъ былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ въ ту эпоху, когда виги брались за эту мѣру съ недовѣрчивостью и равнодушіемъ.

Съ 1820 до 1830 г. сиръ Джемсъ Грагамъ былъ въ оппозиціи, и въ самой жестокой оппозиціи; въ 1830 году съ графомъ Греемъ, лордомъ Бругамомъ и вигами вступилъ онъ въ кабинетъ, и получилъ достоинство перваго лорда адмиралтейства.

Digitized by Google

Въ 1834 году, вмѣстѣ съ лордомъ Дерби (тогда лордомъ Станлеемъ), онъ оставилъ виговъ, потому-что партія, къ которой принадлежалъ онъ до сихъ поръ, предложила ограничить доходы англійскаго духовенства въ Ирландіи только дѣйствительными нуждами, а остальныя суммы употреблять въ пользу общественнаго образованія. Сиръ Джемсъ Грагамъ съ этой минуты является поборникомъ протестантской церкви; онъ присоединился къ Роберту Пилю и вмѣстѣ съ нимъ завязалъ борьбу съ вигами. Вмѣстѣ съ нимъ онъ вступилъ въ 1841 году въ кабинетъ, отрекшись напередъ публично отъ виговъ, какъ природныхъ враговъ англійской церкви, и отказавшись замѣнить покровительственные хлѣбные законы пошлиною опредѣленною, посредственною. Въ 1846 году больше всѣхъ содѣйствовалъ онъ Роберту Пилю въ разрушеніи этой самой системы покровительства, которую прежде защищалъ, и утвержденіи законовъ, благопріятствовавшихъ католикамъ, и, опять вмѣстѣ съ Робертомъ Пилемъ, оставилъ министерство въ іюлѣ того же года.

Съ 1835 по 1841 годъ сиръ Джемсъ Грагамъ употреблялъ всю свою геркулесовскую силу на служеніе анти-папизму, и въ 1846 году до настоящаго времени является такимъ государственнымъ человѣкомъ, къ которому обращены взоры всѣхъ, какъ къ единственному лицу, которое въ состояніи даровать католикамъ свободу вѣроисповѣданія, о которой они не смѣли и мечтать,—и какъ къ единственной силѣ, которая въ состояніи разрушить церковь, утвержденную въ Ирландіи, создать плотную организацію и утвердить незыблемость религіи римско-католической.

Съ 1834 по 1846 годъ сиръ Джемсъ Грагамъ былъ въ высшей степени корсерваторомъ; а съ того времени всѣ видѣли въ немъ будущаго главу министерства и одной изъ демократическихъ партій.

Когда упрекали его въ этихъ внезапныхъ и насильственныхъ перемѣнахъ, сиръ Джемсъ Грагамъ всегда презрительно уклонялся отъ отвѣта, и, къ великому изумленію Палаты и публики, ограничивался слѣдующими словами: «Ну да, я перемѣнилъ свое мнѣніе—вотъ и все». Будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ въ послѣднемъ кабинетѣ сира Роберта-Пиля, онъ навлекъ на себя сильную ненависть, заставивъ почтовое управленіе вскрывать письма Мадзини и другихъ бѣглецовъ. Не смотря на различныя перемѣны общественнаго объ немъ мнѣнія и благосклонности публики, никто никогда не отказывалъ ему въ превосходныхъ правительственныхъ способностяхъ. Къ несчастію, въ оффиціальномъ образѣ дѣйствованія, онъ всегда былъ такъ же самонадѣянъ и рѣзокъ, какъ либеральны, въ настоящую

Digitized by Google

минуту, его мнѣнія. Теперь онъ депутатъ Карлиля, своей первой любви, какъ онъ называлъ его въ своей послѣдней рѣчи.

Сиръ Джемсъ Грагамъ имѣетъ теперь отъ роду 60 лѣтъ; но обладаетъ еще вполнѣ физическими и нравственными силами; онъ съ удивительнымъ постоянствомъ слѣдитъ за всѣми вопросами, и проповѣдуетъ самыя широкія начала; обладаетъ сильнымъ краснорѣчіемъ, въ одно и тоже время твердымъ и мягкимъ, убѣдительнымъ и доказательнымъ.

Чѣмъ всѣ друзья благоразумнаго прогресса особенно должны дорожить въ немъ, — это тѣмъ, что онъ почти одинъ принялъ великія правительственныя начала со всѣми ихъ логическими слѣдствіями,— начала, принятыя и сиромъ Робертомъ Пилемъ за правила дѣйствованія при концѣ его прекраснаго служенія, исполненнаго такихъ высокихъ уроковъ. Характеръ сира Джемса Грагама служитъ ручательствомъ, что если онъ возметъ на себя осуществленіе идей своего знаменитаго наставника, то будетъ дѣлать это открыто, твердо и самостоятельно. Будущее скажетъ намъ, какая роль ему предназначена.

Выписываемъ здѣсь еще замѣчаніе французской газеты о выборахъ:

Въ нижнемъ парламентѣ скоро опять займетъ свое мѣсто г. Гладстонъ, также какъ и другой знаменитый человѣкъ, впродолженіе пяти лѣтъ не принимавшій участія въ общественныхъ дѣлахъ, г. Маколей. Это возвращеніе большое счастье для парламента, гдѣ элементъ литературный, артистическій и философскій становится рѣже и рѣже. Во времена парламентскихъ собраній во Франціи много было истинныхъ артистовъ въ дѣлѣ краснорѣчія, но мало дѣловыхъ людей; въ Англіи—на оборотъ. А между тѣмъ легкое литературное вліяніе будетъ не безполезно для новаго парламента, и теперь, когда романтическій, блестящій Дизраэли погруженъ въ изученіе того, что дважды два—четыре, именно слѣдуетъ возвратиться Маколею для полученія оставленной пальмы первенства въ ораторскомъ искусствѣ.

—

Въ Парижѣ недавно былъ бракъ г. де-Персиньи съ д-цей де-ла-Москова. Бракъ не болѣе, какъ бракъ, но г. де-Персиньи больше, чѣмъ человѣкъ, даже больше, чѣмъ министръ; это живой образъ идеи, олицетвореніе системы, мысль, вполнѣ организованная и дѣйственная.

Г. де-Персиньи одна изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ личностей. Будучи гораздо счастливѣе множества другихъ своихъ теперешнихъ подражателей, или, по меньшей мѣрѣ, своихъ союзниковъ, онъ никогда не сбивался съ дороги, и чѣмъ былъ послѣ 2 декабря, тѣмъ же былъ и передъ крѣпостью Гамъ.

Digitized by Google

Г. де-Персиньи извѣстенъ, какъ человѣкъ храбрый и умный; эти качества не слишкомъ рѣдко сходятся,—хотя и не такъ часто, какъ нѣкоторые думаютъ,—чтобы видѣть въ нихъ особенное достоинство вѣрнаго товарища принца Лудовика Наполеона. Что составляетъ его силу, даетъ ему талантъ, выставляетъ его передъ всѣми на видъ такъ выпукло,—это его вѣра въ звѣзду Лудовика Наполеона.

Г. де-Персиньи вѣритъ, и, не для чего обманываться, вѣритъ съ убѣжденіемъ, вѣритъ слѣпо, что безъ всякаго сомнѣнія явленіе самое рѣдкое въ настоящее время. Г. де-Персиньи вѣритъ въ идею наполеонизма, какъ красавица вѣритъ въ свою красоту, и я не знаю убѣжденія болѣе глубокаго, чѣмъ это убѣжденіе г. де-Персиньи. Онъ вѣрилъ, и будетъ вѣрить; и ничто не въ состояніи поколебать этой вѣры,—ни время, ни люди, ни событія.

Разсказываютъ о какомъ-то ученомъ изобрѣтателѣ теоріи, избитой наукою въ дребезги, что убѣжденіе въ немъ было сильнѣе опыта. Въ случаѣ недостатка, г. де-Персиньи былъ бы ученикомъ этого ученаго. Г. де-Персиньи вѣритъ въ звѣзду принца-президента; г. де-Персиньи вѣритъ въ эру Цезарей; г. де-Персиньи вѣритъ въ г. Персиньи. Глубокія убѣжденія порождаютъ глубокую преданность.

Во времена Петра-пустынника г. де-Персиньи отправился бы съ мечемъ въ рукѣ на завоеваніе Іерусалима; во времена Балафре, г. де-Персиньи умеръ бы съ словами: Vive la ligue! Передъ страсбургской экспедиціей, г. де-Персиньи мечталъ о тюльерійской роскоши для принца-изгнанника. Эта мечта—извѣстно, какъ она перешла въ дѣйствительность—была основою и движущею силою всѣхъ его дѣйствій. Она всецѣло объясняетъ жизнь г. де-Персиньи.

Разсказываютъ, что г. де-Персиньи сказалъ однажды: «если вслѣдствіе нуждъ политическихъ принцъ Лудовикъ Наполеонъ оставитъ меня,—я все-таки его никогда не оставлю».

На возвышеніе г. де-Персиньи всѣ смотрѣли, какъ на предвѣстіе новой политики, которая начнется страхомъ, а кончится — насиліемъ.

Г. де-Персиньи сталъ министромъ, и своими дѣйствіями не оправдалъ ни опасеній своихъ враговъ, ни надеждъ своихъ друзей. Вмѣсто того, чтобы натянуть пружины до послѣдней степени, онъ почти ослабилъ ихъ и прослылъ людоѣдомъ одной партіи, хотя не съѣлъ никого. Говорятъ, что буяны жалуются на него.

И есть за что: буяны надѣялись получить наслѣдство послѣ съѣденныхъ. Добрый народъ!

Г. де-Персиньи министръ. Есть ли, долженъ ли быть онъ человѣкомъ государственнымъ,—еще ничего неизвѣсто. Это—тайна бу-

Digitized by Google

дущаго. И то сказать, говорятъ, будто принцъ-президентъ хочетъ, чтобы въ его правленіе не было государственнаго человѣка. Какъ Людовикъ XIV, онъ хочетъ управлять самъ. Однакожъ и у Людовика XIV были Кольбертъ и Лувуа. Подождемъ.

Г. де-Персиньи простираетъ свое безкорыстіе до самоотверженія.

Извѣстно, что принцъ Лудовикъ Наполеонъ хотѣлъ дать приданое своему министру; г. де-Персиньи не хотѣлъ этого. Здѣсь, быть можетъ, только въ первый разъ принцъ-президентъ и его Пиладъ не соглашались межъ собою.

— Я обязанъ вамъ доказать этимъ мою дружбу, говорилъ принцъ.

— Вы мнѣ вовсе ничѣмъ не обязаны, отвѣчалъ министръ.

Споръ тянулся долго, но наконецъ уваженіе, которымъ г. де-Персиньи обязанъ званію своего друга, заставило его согласиться. Приданое было назначено въ 300 т. фр., которые онъ получитъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

Устроивши дѣло министра, принцъ-президентъ захотѣлъ сдѣлать свадебный подарокъ и его невѣстѣ; г-жѣ Тюрго поручена была закупка. Ларецъ особенно богатъ былъ, говорятъ, кружевами и дорогими каменьями.

Увѣряютъ, что во время приготовленій къ браку случился довольно любопытный эпизодъ. Когда г. де-Персиньи, принятый г. и г-жею де-ла-Москова, былъ офиціально представленъ родственникамъ, онъ встрѣтилъ въ гостиной своей невѣсты герцога Эльхингенскаго.

Присутствіе особы, бывшей прежде въ такой-же тѣсной дружбѣ съ орлеанскимъ домомъ, было, можетъ быть, нарочно подготовлено, чтобы привесть въ замѣшательство г. де-Персиньи; но министръ тотчасъ же нашелся.

Онъ подошелъ къ дядѣ своей невѣсты, и, раскланиваясь съ нимъ, сказалъ:—Господинъ герцогъ, я считаю за счастіе, что встрѣтилъ васъ здѣсь, хотя мы и принадлежимъ къ противнымъ сторонамъ; но вы, подающій такой образецъ благородной вѣрности, которой не въ состояніи уничтожить никакія неудачи,—вы должны понять и мою вѣрность.

Теперь г. де-Персиньи наслаждается удовольствіями медоваго мѣсяца, и забываетъ политику въ замкѣ Фонтенебло, который принцъ президентъ отдалъ въ его полное распоряженіе.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВАРШАВСКІЯ ВѢСТИ.

(Письмо къ редактору).

Въ Польшѣ существуетъ какой-то оригинальный обычай ознаменовывать день *Преполовенія* (половины) поста *разбиваніемъ горшковъ* о ставни и двери домовъ,—обычай, по замѣчанію польскихъ славянистовъ, древній, который ведетъ свое начало чуть ли не отъ временъ языческихъ. Обычай этотъ тщательно сохраняется не только между простонародьемъ — въ деревняхъ, но и между среднимъ сословіемъ — въ городахъ, и даже въ Варшавѣ. Особенно славится въ этомъ отношеніи варшавскій *Старый-Рынокъ* (Stare-Miasto — древній городъ Варшава). Съ разсвѣтомъ, горшки летаютъ изъ оконъ, какъ ядра, и, не рѣдко наполненные золою или пескомъ, попадаютъ на голову ранняго пѣшехода.

—

Въ великорусскихъ губерніяхъ есть обычай—купаться на первый день Пасхи, какъ бы ни было холодно; въ Польшѣ сохраняется какой-то обычай — обливанія водой на 2-й день Пасхи, обычай, извѣстный подъ названіемъ: *шмигусъ* (Szmigus). — Въ давнія времена такъ обливали колодезною или ключевою водою — цѣлыми ведрами.... Конечно, это было въ деревнѣ, въ мірѣ *нецивилизованномъ*; нынѣ, съ водвореніемъ цивилизаціи, въ салонахъ и шмигусъ принялъ тамъ видъ болѣе цивилизованный: нынѣ не обливаютъ ведромъ воды, да и вовсе не водою рѣчною обливаютъ—это какъ-то mauvais genre...., а придумали благовонныя обливанія, особо приготовляемыя на этотъ случай; завелась такъ-называемая *шмигусная-вода* (Woda-Szmigusowa), — которою вздумали торговать нѣкоторые варшавскіе купцы (*). Нѣсколькими каплями этой амбры мужчины обливаютъ женщинъ въ Свѣтлый понедѣльникъ, а слѣдующіе дни—женщины обливаютъ мужчинъ. Впрочемъ, между простымъ классомъ этихъ благовонныхъ водъ не водится: онъ, по обычаю дѣдовъ своихъ, все-таки обливаетъ кувшиномъ или кружкой воды.

(*) Въ варшавской газетѣ *Kurier* объявляемо было (1852 г., N. 99): Шмигусная вода продается у г. *Ковалевскаго*, на *Краковскомъ* проспектѣ, и у г. *Готлиба* въ *Сенаторской* улицѣ.

Digitized by Google

Одна изъ варшавскихъ газетокъ *отрапортовала* на-дняхъ о весьма замѣчательномъ открытіи, именно, объ открытіи *жальника* (*), т. е. древняго языческо-славянскаго *кладбища*, Варшавской губерніи, Калишскаго уѣзда, въ деревнѣ *Марховцѣ*. Если это—не пантославянскій пуфъ, которыми часто надѣляютъ Варшавянъ польскіе археологи, подобно г. *Собѣщанскому*, то можно поздравить славянскій міръ съ небывалымъ открытіемъ.—Вотъ какъ произошло это открытіе. Одинъ молодой археологъ, проѣзжая чрезъ *Марховецъ*, оставался передъ заѣзднымъ домомъ—закурить сигару; подошедши къ очагу, онъ увидѣлъ на раскаленныхъ углѣхъ какой-то впадистый черепокъ, который, какъ разсмотрѣлъ послѣ, оказался обломкомъ урны; — сталъ разспрашивать хозяина заѣзднаго дома о черепкѣ, и узналъ, что марховецкіе поселяне находили не разъ подобные черепки на грунтахъ земель своихъ во время пахатья. — Такъ какъ это было зимою, то повѣрка такого открытія отложена до весны; весною этого года (1852), стали раскапывать тѣ грунты, гдѣ найдены были означенные черепки, и открыли, что огромное пространство между *Марховцемъ* и *Кривичею*, на ¼ аршина (и даже меньше) отъ поверхности земли, усѣяно *урнами* погребальными; при урнахъ нашли *слёзницы* (lacrimatoria).

Болѣе ничего не пишутъ въ польскихъ газетахъ объ этомъ открытіи. Что узнаю послѣ объ этомъ жальникѣ, сообщу въ Москвитянинѣ.

Въ то время, какъ изъ Америки и Австраліи постоянно извѣщаютъ о разныхъ золотыхъ рудникахъ, — не мѣшаетъ извѣстить объ открытіи серебряно-мѣдной руды въ Европѣ, именно въ Радомской губерніи близъ *Кельцъ*, въ имѣніи г. *Коссовскаго*. Этотъ опытный агрономъ-помѣщикъ старается сдѣлать изъ означенной руды полезно-выгодное употребленіе.

—

Довольно-замѣчательную рѣдкость нашли въ Августовской губерніи—*вѣнокъ*, или правильнѣе, полу-вѣнокъ, наподобіе *лука*, — длиною въ 15 дюймовъ, составленный изъ домовыхъ мышей, совершенно приросшихъ одна къ другой головками и задками, и такъ высохшихъ, что только кожа и кости остались. Въ означенномъ вѣнкѣ всякая, вытянутая во всю длину, мышь прячетъ свою головку подъ хвостикъ слѣдующей мыши, а эта слѣдующая съ усиліемъ обхватываетъ предшествующую задними ножками; при каждыхъ двухъ— внизу есть третья, какъ бы вдавленная въ задокъ второй и приросшая спинкою къ брюшку первой. Всѣ эти мыши такъ плотно срослись между собою, что трудно ихъ пересчитать. Начальная, равно

(*) Отъ слова: *жалко, жаль*, — оттуда: *мѣсто плача*....

Digitized by Google

какъ и оконечныя мышцы обращены задомъ одна къ другой. — Эту непонятную причуду натуры нашли въ деревнѣ *Нета*, въ амбарѣ г. Марковскаго. Тамошній простой народъ утверждаетъ, что такое диво смастерила *лисица* (mustela nivalis), величайшая непріятельница мышей: давя и укладывая такъ мышей, она устроиваетъ себѣ гнѣздо.—Предоставляется гг. естествоиспытателямъ рѣшить подобную вещь. — Рѣдкость эта поступила въ Варшавскій зоологическій кабинетъ.

—

Въ нынѣшнемъ году, въ Варшавѣ выходитъ огромнѣйшее сочиненіе неутомимаго труженика, извѣстнаго маститаго ученаго г. *Мацѣёвскаго*: *Исторія Польской Литературы отъ самыхъ древнихъ временъ до 1830 года* (Pismiennictwo Polskie od czasow najdawnieyszych az do roku 1830); все сочиненіе будетъ состоять изъ 150 печатныхъ листовъ (3 тома). До-сихъ-поръ вышло два тома: въ нихъ изложенъ самобытный взглядъ автора на историческое развитіе народной письменности; говорится о разныхъ формахъ проявленія польской литературы; трактуется о пѣсняхъ, сказкахъ и повѣрьяхъ народныхъ; — при этомъ приложены факсимили и автографы XIII, XIV, XV и XVI вѣковъ;—далѣе говорится о вліяніи польской литературы на жизнь народа польскаго и на жизнь сосѣдственныхъ народовъ; представляются источники литературы польской и критическій взглядъ на нихъ; наконецъ, сравнивается польская литература съ чешскою, русскою и нѣмецкою;—тутъ приложены разные факсимили....— Подписка на это замѣчательное сочиненіе принимается въ Варшавѣ у книгопродавца *Ольгебранда*, въ Медовой улицѣ, N 496,—въ С.-Петербургѣ, у *Эйнерлинга* и *Исакова*, — въ Кіевѣ, у *Гликсберга* и *Заводскаго* (*). — Цѣна 12 руб. сер.

—

Корженевскій, извѣстный драматическій писатель и беллетристъ польскій, написалъ прекрасную повѣсть изъ быта Волынскаго Полѣсья, «*Фома безъ прозванія*» (Tadeusz bezimienny). Повѣсть эта печаталась въ фельетонахъ *Варшавской Газеты* (Gazeta Warszawska).

—

А знаменитый *Крашевскій* приводитъ въ восторгъ читателей *Варшавской Газеты* помѣщаемымъ въ ней большимъ романомъ въ 4-хъ томахъ: *Семейныя дѣла* (Interesa familiyne) (**). Вотъ стоило

(*) Контора Москвитянина предлагаетъ свои услуги какъ г. Мацѣевскому, такъ и прочимъ варшавскимъ издателямъ.

(**) Мы надѣемся помѣстить вскорѣ этотъ романъ въ Москвитянинѣ, равно какъ и повѣсть г. Корженевскаго. *Ред.*

Digitized by Google

бы г. Аѳанасьеву, издателю въ Кіевѣ Галлереи польскихъ писателей, обратить вниманіе на этотъ романъ Крашевскаго и хорошенько перевесть его на русскій языкъ; по-крайней-мѣрѣ, изъ такого романа можно было бы сдѣлать вѣрное заключеніе о перѣ знаменитаго польскаго романиста, а то г. Аѳанасьевъ выбралъ для перевода такое сочиненіе Крашевскаго, которое, по признанію самого автора, написано на-скоро и принадлежитъ къ слабымъ, мимолетнымъ его созданіямъ.

—

Въ апрѣлѣ, въ варшавскомъ большомъ театрѣ, давала концертъ на скрипицѣ десятилѣтняя виртуозка *Луиза Бёрвольфъ*, ученица *Берiота*, урожденная въ Белгіи. Варшавская публика вполнѣ оцѣнила и наградила вниманіемъ эту молоденькую артистку, которая уже прославилась въ Парижѣ, Брюсселѣ и Берлинѣ.

—

17 мая, въ первый разъ данъ былъ на сценѣ варшавскаго большаго театра балетъ: *Кристальный дворецъ* (The Building in Hyde Park). Въ этомъ балетѣ особенно очаровательна была любимица варшавской публики—госпожа *Турчиновичъ*: въ танцѣ съ *шаллями* она превзошла себя;—не менѣе отличились дѣвица Каролина *Штраусъ* и г. *Мёнье* (Meunier).—Балетъ поставленъ Романомъ *Турчиновичемъ*.

—

Наконецъ и въ Варшавѣ взялись литографировать портреты знаменитыхъ, или, по-крайней-мѣрѣ, заслуженныхъ артистовъ. Въ маѣ оттиснута группа артистовъ и артистокъ варшавскихъ театровъ: восхитительной танцовщицы госпожи *Турчиновичъ*,—пѣвицъ: дѣвицы *Римли* и г-жи *Ривицкой*, молоденькой, но уже прославившейся драматической актрисы, дѣвицы *Морозъ*,—танцовщика *Тарновскаго*, трагико-актера *Коморовскаго*, знаменитаго комика *Жолковскаго*, и пѣвцовъ *Трошеля* и *Добрскаго*. Удивительно только, почему пропустили г. *Рихтера*, знаменитаго, образованнаго комика, который именно создалъ многія роли въ самыхъ лучшихъ комедіяхъ графа *Фредро* и *Корженевскаго*.

—

Замѣчательное открытіе древнеславянскихъ рѣдкостей въ великомъ княжествѣ Познанскомъ, 9 апрѣля, 1852 г.—Познанское открытіе произвело много шуму, толковъ и догадокъ въ ученомъ польско-славянскомъ мірѣ. Отчего же и намъ русскимъ славянамъ не принять участія въ такомъ торжествѣ современной археологіи? Надѣюсь, что вы, милостивый государь, какъ искренній любитель и цѣнитель всего древнеславянскаго, не замедлите извѣстить въ вашемъ журналѣ объ этомъ важномъ открытіи познанскомъ, о которомъ спѣшу увѣдомить васъ какъ можно подробнѣе.

Digitized by Google

Замѣчательное открытіе это послѣдовало въ самой живописной и вмѣстѣ классической окрестности великаго княжества Познанскаго, именно—въ деревнѣ *Крухові*, подъ *Тршемешномъ*, между *Гнѣзномъ* и *Крушвицею*.—Г-ну Мальчевскому, владѣтелю Крухова, почему-то вздумалось, весною этого года, раскопать одинъ уголъ сада своего для посѣянія *люцерны* (родъ дятлины). Когда стали копать въ означенномъ мѣстѣ, то, въ двухъ футахъ отъ поверхности земли, случайно напали на родъ *подмостка* или *пола*, изъ утоптанной и пережженой глины, длиною въ 21 и шириною въ 18 аршинъ, покрытаго множествомъ углей, золы, *обуглившагося* желѣза и заржавѣвшихъ бронзовыхъ гвоздей. Когда разчистили полъ, посрединѣ его нашли лежавшаго бокомъ *бронзоваго льва* (львенка), величиною съ мопса, одна изъ заднихъ ногъ котораго валялась тутъ же при львенкѣ, совершенно растопленная и превратившаяся въ какой-то уродливый кусокъ бронзы. Когда разсмотрѣли львенка, увидѣли, что онъ заключалъ въ себѣ части разныхъ животныхъ; такъ, лобъ — собачій, уши — кошечьи, грива и хвостъ — львиные;—изъ оставшихся въ цѣлости трехъ ногъ, передняя правая — слоновья, лѣвая—лошадиная, задняя лѣвая — воловья. Передняя правая нога, кажется, умышленно сдѣлана кривою, потому что она не короче прочихъ, и ничуть не мѣшаетъ львенку стоять прямо; быть можетъ, кривизна эта имѣла какое-нибудь символическое значеніе и служила эмблемою какихъ-нибудь языческихъ представленій и понятій. Найденный левъ внутри пустъ; на головѣ у него четвероугольныя дверцы, двигающіяся на завѣскахъ, составляющихъ собственно голову *ящерицы*, упирающейся въ его затылокъ передними лапками; кажется, задними упиралась она въ хребетъ льва, потому что на ней есть слѣды заднихъ лапокъ. Длина льва — 11 дюймовъ, высота до оконечности лба—10 дюймовъ; вѣситъ 6 фунтовъ безъ нѣсколькихъ лотовъ. Скульптурная работа льва довольно замѣчательна; каждаго поразитъ смѣлое и вѣрное очертаніе головы, и искусная, тонкая отдѣлка гривы.

Вокругъ подмостка не оказалось никакого фундамента; быть можетъ, подмостокъ этотъ служилъ поломъ или папертью какого-нибудь *жертвеннаго зданія*, деревяннаго — контины или языческаго капища; потомъ, сгорѣло зданіе, а съ нимъ и все, что тамъ было, кромѣ бронзоваго льва, который, должно думать, имѣлъ назначеніе какого-нибудь *жертвеннаго сосуда* съ рукояткою въ образѣ ящерицы, напримѣръ, сосуда для *жертвенныхъ возліяній* (libationes), совершавшихся у Славянъ во время погребальныхъ церемоній; на основаніи этого, можно предположить, что зола, угли и гвозди суть

Digitized by Google

остатки *сожиганія тѣлъ*, которыхъ пепелъ складывался въ урнахъ. А можетъ быть, левъ былъ не что иное, какъ *гробничная лампа*; и дѣйствительно, онъ весьма похожъ на лампы, употреблявшіяся у Римлянъ, Скиѳовъ и Готѳовъ (1) въ гробовыхъ катакомбахъ....

Напавши на такую драгоцѣнную археологическую рѣдкость, г. Мальчевскій не удовольствовался ею, и, подстрекаемый любопытствомъ, велѣлъ копать выше; любопытство его вполнѣ увѣнчалось исполинскимъ успѣхомъ. Откопали кучу гранитныхъ камней въ объемѣ 8 аршинъ; когда приподняли два верхнихъ камня, нашли около 500 серебряныхъ и мѣдныхъ *монетъ*, по вычищеніи которыхъ разсмотрѣли на нихъ, съ одной стороны, изображеніе *одноглаваго орла*, а съ другой, штемпель *короны*; на нѣкоторыхъ же только *листки* какъ бы *дятлины* съ двумя почками, помѣщенными между среднимъ и боковыми листиками. Чекань на этихъ монетахъ довольно ясная, но грубая....

Нѣсколько этихъ монетъ прислано въ Варшаву: извѣстный варшавскій нумизматъ, г. Карлъ *Байеръ*, призналъ ихъ *ягеллонскими денарками*, которые чеканены были въ Польшѣ отъ времени правленія *Владислава-Ягеллы*, *Казиміра-Ягеллончика*, до Сигизмунда I-го, чѣмъ далѣе, тѣмъ все изъ худшаго металла, и слѣдовательно, принадлежатъ къ XV-му вѣку. *Денарокъ* составлялъ 18-ю часть серебрянаго гроша польскаго (3¼ коп. сер.) и значилъ то же, что *шелегъ*, или, вѣрнѣе, нынѣшнюю русскую денежку.

Образчикъ этихъ денарковъ начертилъ польскій ученый *Бандке*, въ своемъ весьма любопытномъ нумизматическомъ *Сборникѣ* (2).

Г. Мальчевскій, думая найдти больше подобныхъ, или другихъ какихъ-либо подревнѣе, монетъ, велѣлъ осторожно разобрать камни и копать то мѣсто, гдѣ лежали онѣ. Опять удача!—Прокопали 9 футовъ вглубь, и чтоже? отрыли *гробовой* (3) *склепъ* (цѣлую аркаду гробницъ маленькихъ) изъ утоптанной и пережженой глины, вокругъ обнесенный грядою полевыхъ камней въ такомъ же объемѣ,

(1) *Gazeta Warszawska*, 1852 г., № 113.—См. *korrespodencya* Gazety.

(2) См.: *Numizmatyka Polska* Kazimierza-Władysława *Bandkiego*, T. 1, str. 23, № 42, *tablica* 3.

(3) Найденныя монеты ягеллонскія не могли быть одновременны языческо-славянскимъ урнамъ, потому что древность гробницы подъ камнями превышаетъ древность монетъ. Должно думать, что какой-нибудь владѣтель нынѣшняго *Крухова* спряталъ *денарки* подъ наваленными гораздо прежде камнями во время какого-нибудь возмущенія или войны, вовсе не гадавъ о томъ, что подъ грядою этихъ символическихъ камней хранилась археологическая рѣдкость.

Digitized by Google

какъ сверху наваленная куча камней. Когда вскрыли склепъ, увидѣли нѣсколько малыхъ *сводовъ* или *нишъ* (впадистыя отдѣленія); въ каждой нишѣ, бокомъ лежала глиняная *урна* (1). Въ послѣднемъ отдѣленіи (нишѣ) лежала самая большая *урна* съ *бронзовою крышкою* — размѣромъ въ 8 дюймовъ; въ урнѣ этой, въ золѣ найдена часть *желѣзнаго копья—дротика* (2). И дротикъ и крышка (равно какъ левъ, монеты, отломки урнъ, *изразцовъ* и разныя другія вещи) хранятся въ *Кручовѣ* у г. *Мальчевскаго*.

Къ несчастію, урны, какъ только обхватилъ ихъ атмосферный воздухъ, распались на части, а нѣкоторыя разсыпались въ прахъ; изъ собранныхъ кусковъ въ Варшаву присланы три: одинъ — отъ той урны, въ которой найдено копье, и которая, вѣроятно, хранила въ себѣ остатки (пепелъ) какаго-нибудь *вождя* или *военачальника*, какъ можно думать на томъ основаніи, что эта урна была больше всѣхъ и съ бронзовою крышкою; другой — отъ урны незавидной отдѣлки; третій—отъ самой интересной, выполированной въ срединѣ подъ *стекло*.

Далѣе,—копая, отрыли *склепъ*, въ *формѣ эллипсической*, заваленный сверху всякимъ соромъ, имѣющій высокій фундаментъ изъ крупнаго кирпича и полевыхъ камней, спаянныхъ цементомъ. Когда повыбросали щебень (соръ), нашли двѣ большія *урны* и нѣсколько *слезницъ* или *плакальныхъ сосудовъ* (lacrimatoria): то и другое добыто безъ поврежденія. Между урнами и слезницами валялся ягеллонскій *денаръ*; изъ чего видно, что эти урны найдены были гораздо прежде чеканенья денаровъ въ какой-нибудь языческой гробницѣ, и положены сюда въ то время, когда затерянъ былъ здѣсь означенный денаръ.

Наконецъ, расчистивши щебень, нашли развалины печи съ довольно красивыми, изъ жженой глины, изразцами. На нѣкоторыхъ изразцахъ ясно отпечатлѣны гербы древнихъ знаменитыхъ славянскихъ фамилій, напр. гербы: *Вѣнява*, *Наленчъ*, *Топорчикъ*, *Шпильва*, и другіе.... Г. Мальчевскій обѣщаетъ всѣ эти гербы разобрать, объяснить и, впослѣдствіи, представить отчетъ варшавскому ученому обществу объ этихъ своихъ изслѣдованіяхъ.

Вотъ все, что до сихъ поръ могъ узнать о познанскихъ древностяхъ.... Говорятъ, варшавскіе археологи отправятся въ Кручовъ для изслѣдованія найденныхъ рѣдкостей на мѣстѣ открытія. — Дай Богъ, чтобъ это сбылось!... Только бы взялись за дѣло люди знающіе, извѣстные, добросовѣстные. — Что послѣдуетъ.... не замедлю сообщить въ *Москвитянинѣ*.

павелъ шпилевскій.

Варшава.
Мая 29 дня, 1852 г.

---

(1) На остаткахъ урнъ замѣтны изображенія какихъ-то *животныхъ*, *птицъ* и *цвѣтовъ*.

(2) Значитъ, *желѣзо* существовало у Славянъ до христіанской *эры*.

Digitized by Google

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ.

(Окончаніе).

Земледѣльческія орудія у старожиловъ: соха о двухъ сошникахъ,—въ нее запрягаютъ одну лошадь; борона деревянная. У старовѣровъ соха такая же, но гораздо болѣе; у нихъ есть и желѣзныя бороны. Для паханія на горахъ, употребляютъ сабанъ, или соху на одномъ колесѣ; въ нее запрягаютъ пару лошадей.

На одну десятину сѣютъ:

Ржи — — отъ 10 — — до 18 пудовъ.
Ярицы — — 10 — — — 18 — —
Пшеницы— — 10 — — — 18 — —
Ячменю — — 10 — — — 18 — —
Овса — — — 12 — — — 20 — —
Проса 2 пуда.
Гречи 8 ——

Урожай не ровенъ; въ верховьяхъ рѣки Селенги онъ не меньше самъ-12, а въ низовыхъ и Баргузинѣ онъ только самъ-5; вообще неурожайныхъ годовъ болѣе, нежели плодоносныхъ.

Овины только у старообрядцевъ, въ остальныхъ деревняхъ молотятъ безъ сушки.

У селенгинскихъ бурятъ и старообрядцевъ существуетъ искусственное наводненіе полей, множество горныхъ потоковъ и ключей облегчаютъ работу. Рѣчку запружаютъ, и вода изъ нея разливается на всѣ стороны иногда верстъ на пять. Орошеніе производится, вопервыхъ. весною до посѣвовъ, а потомъ, когда хлѣбъ начнетъ трубиться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны слѣды древнихъ водопроводовъ.

Въ восточной половинѣ области, или въ Дауріи, земледѣліе отстало далеко, даже отъ надлежащей мѣры, хотя въ земляхъ ужасное изобиліе.

Земледѣліемъ занимаются всѣ—горожане, крестьяне и казаки, но посѣвы ихъ чрезвычайно малы. Значительное сколько-нибудь земледѣліе у крестьянъ по рѣчкѣ Урульгѣ, впадающей въ Шильку, и по Ундѣ, текущей въ рѣку Ононъ. У здѣшнихъ крестьянъ всегда есть хлѣбъ, даже въ годы неурожаевъ. Особенно прилежатъ къ земледѣлію, переселенные сюда Кавказцы и Малороссіяне. Можно допустить 75 т. десятинъ распаханной земли, хотя по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ гораздо менѣе. Само собою разумѣется, что половина этого количества подъ парами. Здѣсь также преобладаютъ яровые хлѣбы, а рожь сѣютъ гдѣ-нибудь въ лѣсу. Лучшій

Digitized by Google

урожай бываетъ на новинахъ, гдѣ ростетъ березникъ и другіе лиственные кустарники. Мѣсто, выбранное подъ пашню, выжигаютъ весною, вынимаютъ коренья, сушатъ и сжигаютъ. На такой почвѣ десятина ржи даетъ отъ 100 до 150 пудовъ,—ячменя родится около 180 пуд., но бывали примѣры, что десятина давала ярицы 250 пудовъ.

Земли песчаныя, иловатыя, съ тонкимъ слоемъ чернозема, выдерживаютъ три или четыре посѣва сряду, потомъ бросаютъ ихъ года на три. Пахать начинаютъ съ 23 апрѣля, иногда недѣлею раньше. Сперва сѣютъ ярицу, потомъ ячмень, овесъ и пшеницу, а наконецъ съ 12 іюня гречу. Рожь подъ озимь—съ 20 іюля. На одну крестьянскую десятину сѣютъ ржи отъ 8 до 12, ярицы отъ 10 до 12, ячменя 12, овса 16, пшеницы отъ 11 до 12, а гречи 4, 5 и 6 пудовъ. Ранніе хлѣбы поспѣваютъ въ первыхъ числахъ августа. Жнутъ серпомъ, а гречу косятъ особаго рода косою съ граблями. Овиновъ и ригъ не знаютъ Въ посѣвѣ наблюдается слѣдующій порядокъ: послѣ ржи сѣютъ пшеницу, овесъ, ярицу, или наоборотъ, но послѣ ярицы нельзя сѣять пшеницу, если земля не черноземная. Средній урожай самъ-восемь. Каждый крестьянинъ непремѣнно четвертую часть своихъ полей засѣваетъ гречею; ее сѣютъ какъ можно рѣже: десятина, обсѣмененная 5 пудами, даетъ въ хорошій годъ 100 пудовъ. Ленъ и конопли—здѣсь рѣдки и не каждому извѣстны

Земледѣльческія орудія тѣ же, однакоже у богатыхъ въ употребленіи плугъ; въ него запрягаютъ воловъ.

Неурожаи иногда продолжаются нѣсколько годовъ сряду, наипаче въ Дауріи, отъ засухи; тогда появляется кобылка, родъ саранчи, и пожираетъ всю зелень. Весною по утрамъ бываютъ иней; иногда они падаютъ въ продоженіе всего лѣта,—тогда хлѣбъ замерзаетъ. Въ голодные годы жители собираютъ коренья, сѣмена лебеды, дикуши, и мѣшаютъ ихъ съ мукою. Но въ годы урожая крестьянинъ ѣстъ хлѣбъ изъ муки, просѣянной сквозь частое сито. Въ 1810 году, въ Нерчинскѣ продавался хлѣбъ по 10 руб. ассигн. за пудъ, въ 1834 году —по 5 р. 60 коп.

Излишки въ хлѣбѣ сбываются на винокуренный заводъ, въ горные заводы и за границу. Вообще земледѣліе Дауріи хорошо только у заводскихъ крестьянъ и казаковъ. Государственные крестьяне требуютъ понужденія, а буряты сѣютъ хлѣбъ для того, чтобъ получить награду для поощренія. Малые посѣвы истощаются скоро во время неурожая, и производятъ голодъ.

Мельницы въ Забайкальской области водяныя, но объ одномъ, а много о двухъ поставахъ; вѣтряныхъ въ цѣлой области считается 18.

Digitized by Google

Когда Русскіе проникнули въ Забайкальскій край, тамъ обитали Буряты, богатые пастухи и звѣроловы; степи ломились отъ несмѣтныхъ табуновъ лошадей, рогатаго скота и овецъ, на языкѣ туземцевъ даже не было слова—хлѣбъ, всѣ питались мясомъ, молочными сканами и кирпичнымъ чаемъ. Русскимъ не трудно было сдѣлаться богатыми скотоводами: сила и хитрость были на ихъ сторонѣ, а простота и покорность у Бурятъ и теперь составляетъ общую черту ихъ характера. Обширныя долины и малоснѣжныя зимы пріучили скотъ довольствоваться подножнымъ кормомъ цѣлый годъ. Скотоводство здѣшнее важно количествомъ, а не качествомъ скота: лошади и рогатый скотъ средней величины, за то овцы мало уступаютъ киргизскимъ, разница въ томъ, что у киргизской курдюкъ лежитъ поперегъ, а у сибирской виситъ какъ хвостъ. Буряты и казаки пограничные держатъ двугорбыхъ верблюдовъ, но количество ихъ неважно. У нѣкоторыхъ чиновниковъ есть буйволы, приведенные изъ Китая: ихъ держатъ какъ рѣдкость.

И въ количествѣ скота разнится одна половина области отъ другой: въ западной половинѣ его болѣе, нежели въ восточной, хотя оно обратилось тамъ въ неизбѣжную потребность. Духовенство, чиновники, купцы, мѣщане, крестьяне, казаки, Буряты, всѣ имѣютъ табуны по возможности. Даже поселенцы, пришедшіе изъ Россіи, дѣлаются скотоводами, лишь бы удалось кому завестись домомъ. Здѣсь измѣряется состояніе каждаго количествомъ скота, о деньгахъ нѣтъ и слова. Богатѣйшими скотоводами считаются пограничные казаки дистанцій: Цурухайтуевской, Чиндантской и Акшанской: у нихъ есть табуны въ 4,000 лошадей; но это богатство никакой пользы не приноситъ хозяину,—онъ любуется только скотомъ своимъ. Разъ, а много два, промѣняетъ онъ Монголамъ нѣсколько кобылъ на кирпичный чай, полушелковицу, дибу, или финзу для рубашекъ, а для халата вымѣняетъ китайку. Тотъ казакъ считается бѣднякомъ, у котораго 50 головъ разнаго скота. По богатству скота за казаками слѣдуютъ Буряты, а за ними уже—крестьяне.

Лошади здѣсь роста средняго, больше иноходцы и скакуны, нежели рысаки. Въ табунахъ больше половины такихъ лошадей, которыя не видали ни узды, ни сѣдла, отъ всегдашняго пребыванія въ полѣ на подножномъ кормѣ; онѣ боятся людей, и не приближаются къ деревнямъ. Если нужно хозяину поймать лошадь, то дѣло это поручается искуснику; его называютъ укрючникомъ. Мексиканецъ ловитъ дикихъ лошадей веревкою, на концѣ раздвоенною, съ деревянными шарами; бросая ихъ ловко, онъ опутываетъ веревкою ноги лошади; напротивъ, житель Дауріи беретъ въ руки длинный шестъ,

Digitized by Google

и на концѣ его укрѣпляетъ петлю изъ ремня. Съ этимъ орудіемъ садится онъ на быстраго скакуна и вторгается въ табунъ лошадей. Отшибенная лошадь пускается въ бѣгство, а укрючникъ за нею; важность въ томъ, чтобъ успѣть надѣть ей на шею петлю и затянуть,— лошадь захрапитъ и остановится; тогда подбѣгаетъ къ ней укрючникъ и мгновенно надѣваетъ узду. Степная лошадь навсегда сохраняетъ привычки свои, она пуглива, упряма, слабосильна, горяча, испуганная бросается, не видя свѣта, и убиваетъ себя и ѣздока. Трудно пріучить ее къ употребленію овса. Лошади доставляютъ Бурятамъ больше пользы, нежели Русскимъ: инородцы доятъ кобылъ и не гнушаются кониной.

Рогатый скотъ величины посредственной. Быкъ даетъ чистаго мяса отъ 10 до 15 пудовъ, сала пудъ, два, рѣдко три. Корова— отъ шести до осьми пудовъ, сала пудъ или два. Зимою скотъ ни сытъ ни голоденъ, весь день ходитъ онъ по полю, и, разгребая ногою снѣгъ, щиплетъ остатки сухой травы; когда же воротится домой, дадутъ всѣмъ нѣсколько охапокъ сѣна. Хорошо, если у инаго хозяина есть навѣсъ, а то скотъ по большей части проводитъ ночь на вѣтрѣ и морозѣ. Въ это время лучшая дойная корова даетъ молока небольшую чашку. Малой удой происходитъ еще отъ обыкновенія припускать къ коровѣ теленка предъ доеніемъ, иначе она не спуститъ молока. Доказано, что зимою пятнадцать коровъ на подножномъ кормѣ даютъ молока противъ одной стоящей въ клѣву на улучшенномъ кормѣ. Объ этомъ всѣ знаютъ, но иному лѣнь, а у другаго нѣтъ силы запасти сѣна. Весною скотъ отъ худости почти едва ходитъ, и владѣлецъ благодаритъ Бога, если скотъ его добился до зелени. Лѣтомъ отличная корова даетъ молока полведра, а плохая—не болѣе штофа. Между пограничными казаками есть такіе, у которыхъ считается до 2,000 головъ рогатаго скота; между крестьянами и Бурятами, имѣющій 500 головъ и даже 200 считается уже богачемъ.

Забайкальская область доставляетъ въ Иркутскъ зимою до десяти тысячъ мерзлыхъ тушъ, снабжаетъ скотомъ горные заводы, а шкуры идутъ на Кяхту для укупорки ящиковъ съ чаями; въ послѣднее время Кяхта потребляетъ до 80,000 скотскихъ шкуръ ежегодно.

Овцы приносятъ хозяевамъ большую выгоду. Животное это въ одинъ годъ достигаетъ совершеннаго возраста; на третьемъ году родитъ ягнятъ, убитая довольствуетъ хозяина мясомъ, саломъ и мѣхомъ. Овецъ разводятъ преимущественно Буряты; между ними есть богачи, у которыхъ считается до 7,000 овецъ; у самого посредственнаго бурята считается до 200 овецъ. Есть казаки, у которыхъ по 4,000 барановъ. Кони пасутся вмѣстѣ съ овцами; мясо ихъ не уважается

Digitized by Google

ни Русскимъ, ни Бурятомъ. Польза въ ихъ шкурѣ, изъ которой дѣлаютъ дахи, или шубы шерстью наружу. Пухъ идетъ у Русскихъ на чулки и перчатки.

Изъ овечьихъ шкуръ Буряты и Русскіе дѣлаютъ шубы, изъ шерсти катаютъ войлоки, а крестьяне ткутъ свои сукна. Шерсть скупается на Тельминскую суконную фабрику, до 10,000 пудовъ ежегодно, гдѣ ткутъ солдатскія сукна. Главнѣйшая выгода отъ овцеводства состоитъ въ продажѣ Китайцамъ седьмидневныхъ мерлушекъ; было время, что за такую мерлушку платили по 3 р. 40 к. сереб. Теперь цѣна упала до 76 коп. Каждый годъ уходитъ чрезъ Кяхту за-границу до 100,000 мерлушекъ. Эта выгодная торговля уменьшила овцеводство. Какая надобность крестьянину или Буряту ожидать полнаго возраста барана, когда за семидневнаго получаетъ онъ болѣе, нежели за взрослаго.

Въ овцеводствѣ ни крестьянами, ни Бурятами не наблюдается никакой снаровки: овцы черныя мѣшаются съ бѣлыми и производятъ пестрыхъ, между тѣмъ какъ наши сосѣди, Китайцы, дорожатъ только черными мерлушками, изъ которыхъ дѣлаютъ курмы, или короткіе, выше колѣна, халаты.

За Байкаломъ разведены и мериносы изъ породы инерактадъ и электараль. Въ 1840 году считалось ихъ въ отдѣленіяхъ Селенгинскомъ и Акшинскомъ больше 4,000. Шерсти снято было въ послѣдніе два года болѣе 500 пудовъ. Но господа учредители мериносовъ упустили изъ вида вопросъ: куда сбывать шерсть. Ее возили въ Москву; правда, что она весьма одобрена тамошними фабрикантами,—но что́ стоитъ провозъ шерсти на разстояніи 6,000 верстъ? Одно средство поддержать забайкальскихъ мериносовъ—устроить фабрику тонкошерстныхъ суконъ, сбытъ которыхъ въ Китай не подлежитъ нималѣйшему сомнѣнію.

Свиней держатъ одни Русскіе. — Лучшій боровъ вѣситъ около 5 пудовъ.

У бродячихъ инородцевъ, или Тунгусовъ, только ручные олени, на которыхъ они вьючатъ имущество свое; но олень животное слабое, болѣе 5 пудовъ не поднимаетъ вьюка. Между Тунгусами здѣшними нѣтъ богачей оленями такихъ, какъ у Чукчей или Коряковъ, гдѣ считаютъ ихъ десятками тысячъ.

Въ послѣднее время разведены въ нѣкоторыхъ домахъ изюбри, животное изъ породы оленя, занимающее средину между имъ и лосемъ; онъ меньше лося, но больше оленя, статенъ и кротокъ, весьма скоро привыкаетъ къ дому и плодится. Кромѣ шкуры и мяса, онъ

Digitized by Google

доставляетъ каждый годъ хозяину драгоцѣнные рога: ихъ спиливаютъ въ концѣ іюня, когда еще не отвердѣли, и просушиваютъ въ тѣни на сквозномъ вѣтрѣ. Китайскіе медики приписываютъ имъ укрѣпляющее качество, и платятъ Русскимъ за пару большихъ и удачно высушенныхъ роговъ 100 сер. Наши медики не обратили еще вниманія на домашнее лекарство и довольствуются пока эссенціею изъ оленьяго рога. Изюбрь сильнѣе оленя и даже осла; его можно бы пріучать къ домашнимъ работамъ.

Изъ домашнихъ птицъ держатъ здѣсь всѣ породы, кромѣ павлиновъ, о существованіи которыхъ сохранилось только преданіе. Гуси завезены сюда, кажется, изъ Китая: они крупнѣе русскихъ, какъ лебеди, и рѣшительно не могутъ летать.

Между животными домашними примѣчательна китайская кошка; станъ ея и величина такая же, какъ у кошки обыкновенной, но шерсть густая, высокая и мягкая, цвѣтомъ по большой части голубоватая.

Трудно опредѣлить количество скота въ такой сторонѣ, гдѣ оно весною гибнетъ тысячами отъ гололе́дицы, и достигаетъ прежняго количества въ нѣсколько лѣтъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1842 годъ показывалось его: лошадей 141,349, рогатаго скота 187,036, овецъ 439,000, козъ 38,569.

Смѣло говоримъ, что это показаніе уменьшено въ половину: крестьяне и Буряты держатся старинной привычки скрывать свое достояніе; любятъ казаться бѣднѣе, нежели въ самомъ дѣлѣ.

Звѣриные промыслы. Звѣриные промыслы въ Забайкальской области составляютъ важную статью народной промышленности. Нерчинская бѣлка считается лучшею въ торговлѣ, соболи уступаютъ только олекминскимъ; кромѣ того въ лѣсистыхъ горахъ водятся: лисицы, горностаи, хорьки, калоики, бурундуки, рыси, россомахи. Изъ крупныхъ звѣрей: лоси или сохатые, олени, изюбри, казули, кабарги, каменные козлы и бараны, медвѣди, волки. На степяхъ водятся: тарбаганы или сурки, дикія кошки, дзерены, а временемъ джигитсы, или дикія лошади; иногда забѣгаетъ сюда изъ Китая азіатскій тигръ, животное огромное, лютое и кровожадное, и, къ несчастію, тигры легко переносятъ сибирскую морозную зиму. Жители не любятъ незванаго гостя и отправляютъ его на тотъ свѣтъ пулями.

Звѣриными промыслами занимаются всѣ, у кого есть винтовка и собака. Всѣ ждутъ осень, какъ время обѣтованное, и спѣшатъ въ тайгу, съ надеждою отыскать кладъ. Лучшими звѣроловными ухожами почитается все протяженіе Яблоннаго хребта, потомъ горы Байкальскія. Къ счастію жителей, Яблонный хребетъ идетъ посреди

Digitized by Google

области, а потомъ заворачивается къ востоку, гдѣ выходятъ изъ него рѣки Нерча, Горбица и другія. Жители западной половины области уходятъ звѣровать въ вершины рѣкъ Хилка у Чикоя и Баргузина. Ближайшіе по горамъ Байкальскимъ уходятъ въ эти горы. Жители восточной половины отправляются въ вершины рѣки Ингоды, въ хребетъ Хинганъ, въ вершины рѣки Нерчи, нѣкоторые уходятъ даже въ восточные предѣлы Китая по рѣкамъ, текущимъ въ Амуръ, все, однакожъ, придерживаясь Яблоннаго хребта. Здѣсь въ вѣковыхъ лѣсахъ плодятся звѣри подъ мудрымъ надзоромъ природы, здѣсь истребляютъ они другъ друга, а неумолимый человѣкъ уничтожаетъ враждующія и мирныя породы безъ различія. Однакожъ, вниманіе его обращено преимущественно на соболя и бѣлку: это первыя статьи промысла,—ловля прочихъ звѣрей производится мимоходомъ.

Съ 1-го октября собираются промышленники въ артели и отправляются въ тайгу, иногда верстъ за 200 и далѣе отъ домовъ своихъ. Винтовка, фунтъ пороху, три фунта свинцу и собака составляютъ непремѣнную принадлежность каждаго; съѣстными припасами навьючиваютъ лошадей: на одной ѣдетъ верхомъ самъ промышленникъ, а другая и даже третья подъ вьюками. Въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ водятся преимущественно соболи, бѣлки, въ дремучемъ лѣсу, подлѣ какой-нибудь рѣчки, или источника, стоитъ уединенная избушка, по тамошнему зимовье,—въ немъ нѣтъ печи, но одна каменка, будто въ старинной банѣ. Тутъ останавливается артель и выбираетъ камарника,—это сторожъ и кухарка вмѣстѣ; онъ пребываетъ неотлучно въ зимовьѣ, рубитъ дрова, топитъ зимовье и готовитъ кушанье. До восхода солнца встаютъ звѣровщики, завтракаютъ, берутъ винтовки, собакъ, и, помолясь Богу, разсыпаются въ разныя стороны; поздно вечеромъ возвращаются они въ зимовье и кладутъ шкурки въ общую кассу. Въ это время наблюдается между ними совершенный комунизмъ,—до окончанія ловки никто не имѣетъ собственности. Бѣда тому, кто захотѣлъ бы утаить хотя одну шкурку бѣлки. Впрочемъ на подобный поступокъ никто и не рѣшится. Каждый увѣренъ, что утай по добычѣ портитъ счастіе въ промыслѣ.—Артели раздѣляются на соболиныя и бѣлечьи: одни ловятъ соболей, другіе—бѣлокъ; одна артель говоритъ: мы ходили *соболевать*, другая отвѣчаетъ: а мы ходили *бѣлковать*. Даже собаки ихъ пріучены лаять, иная только на соболя, другая на бѣлку. Если случайно встрѣтитъ промышленникъ казулю, сохатаго, оленя, кабаргу, то ужъ, конечно, не упуститъ ихъ изъ вида, какъ подспорье къ провизіи.

Въ прежнія времена было много соболей; тогда ихъ ловили разными ловушками, но теперь одна винтовка въ дѣлѣ. Соболь про-

Digitized by Google

водитъ ночь на деревѣ, или дуплѣ, гдѣ у него гнѣздо.—На разсвѣтѣ онъ спускается на землю искать пищи. Собака промышленника случайно попадаетъ на слѣдъ его, и поднимаетъ лай. Звѣровщикъ уже знаетъ по звукамъ, на кого она лаетъ; онъ спѣшитъ къ вѣрному слугѣ своему; собака, увидѣвъ хозяина, пускается по горячимъ слѣдамъ соболя и вскорѣ догоняетъ его. Завидѣвъ врага, соболь бросается на дерево и скрывается въ сучьяхъ, но собака не перестаетъ лаять. Промышленникъ подходитъ къ дереву, осматриваетъ внимательно каждый сукъ и находитъ бѣглеца. Тогда выбираетъ онъ удобное мѣсто; винтовку ставитъ на сошки, или кладетъ на сукъ ближайшаго дерева, какъ найдетъ удобнѣе, стрѣляетъ—и соболь падаетъ на землю. Промаха нѣтъ, а если бы онъ и случился, звѣровщикъ не признается въ томъ подъ пыткою: его засмѣютъ товарищи, и не дадутъ покоя до смерти. Иногда соболь, взбѣжавъ на дерево, начинаетъ прыгать съ кедра на кедръ, съ лиственя на лиственъ, не останавливаясь; тогда собака преслѣдуетъ его, и лаемъ даетъ знать хозяину, гдѣ она. Случается и такъ, что соболь продолжаетъ прыгать съ дерева на дерево и не остановится до самой ночи; а звѣровщикъ, увлеченный охотою, и не замѣтитъ, что ушелъ далеко отъ зимовья. Тогда онъ ночуетъ подъ тѣмъ деревомъ, гдѣ соболь остановился. Наутро, лишь чуть пошевелился на деревѣ соболь, собака начинаетъ лаять; стрѣлокъ пробуждается и поражаетъ добычу. Тогда усталый и голодный возвращается онъ въ зимовье, но это ни по чемъ, лишь бы добыть соболя. Звѣровщикъ въ лѣсу тоже, что̀ Киргизъ въ степи,—онъ не заблудится, не собьется съ пути, хотя бы совсѣмъ не видно было солнца или звѣздъ. Кора на кедрахъ и соснѣ замѣняетъ ему компасъ; на каждомъ деревѣ сторона, обращенная къ югу, обыкновенно загораетъ отъ солнца, по этому указателю онъ направляетъ путь свой и находитъ зимовье.

Ловля кулёмами, или плашками, не требуетъ большихъ хлопотъ; тонкое бревно или толстую доску поднимаютъ съ одного конца, подпираютъ подпоркою, раздѣленною на двое, и скрѣпленною легкою перемычкою; кладутъ подъ ловушку кусокъ жаренаго рябчика или другаго мяса. Соболь чувствуетъ издали запахъ съѣстнаго, находитъ ловушку, и, послѣ истощенія всѣхъ предосторожностей, понуждаемый голодомъ, лѣзетъ подъ коварную доску, хватаетъ приманку, сбиваетъ насторожку, фальшивая подпорка падаетъ, и несчастный погибаетъ подъ бревномъ или доскою.

Около Байкала—промышленность соболей куркàвками. Подрубаютъ, на берегу рѣчки, сосну или кедръ, такъ, чтобы они упали поперегъ рѣчки и сдѣлали родъ моста. Сучья обрубаютъ, и на самой

Digitized by Google

срединѣ бревна ставятъ деревянную рѣшётку съ отверстіемъ посрединѣ; въ это окно укрѣпляютъ петлю изъ бѣлыхъ конскихъ волосъ. Къ основанію рѣшётки привязываютъ веревкою камень. Куркавка стоитъ вертикально. Соболь, желая по бревну перебѣжать на другую сторону рѣчки, встрѣчаетъ на пути рѣшётку, видитъ въ ней широкое отверстіе, прыгаетъ въ него, падаетъ въ петлю и роняетъ ловушку, въ то же время камень падаетъ съ бревна въ глубокую рѣчку, увлекаетъ за собою рѣшёку, а съ нимъ и соболя. Куркавки осматриваютъ два или три раза въ недѣлю, иначе утонувшій соболь портится въ водѣ.

Бѣлковать, или промышлять бѣлку, отправляются тоже артелями. Здѣсь употребляются тѣ же средства и наблюдаются тѣ же правила, что и въ соболиной ловлѣ.

Домой возвращаются промышленники въ половинѣ ноября, когда снѣга сдѣлаются глубоки такъ, что ни ловцу, ни собакѣ нѣтъ возможности ходить. Нѣкоторые пускаются бѣлковать и весною по насту.

Волковъ и лисицъ ловятъ отравою изъ чилибухи, сулемы и мышьяку. Медвѣдь и кабанъ—добыча скучная; правда, что и на нихъ ставятъ огромныя пасти изъ бревенъ, но эта охота для не многихъ. Оленей, лосей, изюбрей, козуль и кабаргъ—ловятъ больше ямами, прикрывая ихъ слегка хворостомъ. Иногда ставятъ на нихъ натянутые луки со стрѣлами. Рысей и дикихъ кошекъ стрѣляютъ изъ ружей; а тарбагановъ или сурковъ вырываютъ осенью изъ норъ, когда они лягутъ на зимовку,—въ это время они бываютъ чрезвычайно жирны и составляютъ лакомый кусокъ для Бурята.

У кочующихъ до сихъ поръ существуетъ древняя охота, или облава. Ее устроиваютъ по большей части для увеселенія какого-нибудь почетнаго гостя. Въ прежнія времена, когда забакайкальскія степи ломились отъ дзереновъ, дикихъ лошадей, степныхъ кошекъ и кореиковъ, а въ лѣсахъ безпрестанно находились козули, сохаты и олени,—распоряженіе и устройство облавы было очень просто, но время все измѣнило. Звѣровщики говорятъ, что и звѣрь нынѣ сдѣлался хитрѣе. Теперь охотники, на лошадяхъ, вооруженные стрѣлами и винтовками, собираются передъ устьемъ какой-нибудь ложбины; почетные остаются на мѣстѣ, а прочіе разсыпаются въ обѣ стороны, обхватываютъ собою большое пространство лѣса, какъ бы неводомъ, потомъ стѣсняются, кричатъ, стучатъ въ котлы. Испуганный звѣрь бѣжитъ отъ криковъ въ противную сторону, но и тамъ крики и шумъ; ему остается только спуститься въ ложбину—и бѣжать прямо

Digitized by Google

на охотниковъ, стоящихъ въ устьѣ ложбины; тутъ поражаютъ его пулями и стрѣлами. Если звѣрю удастся какъ-нибудь прорваться на степь, тогда преслѣдуютъ его на лошадяхъ, и на всемъ скаку стрѣляютъ изъ луковъ, въ чемъ многіе Буряты весьма искусны.

Звѣриные промыслы приносили бы крестьянамъ и кочующимъ болѣе пользы, если бы не вкралась монополія. По городамъ и селеніямъ живутъ купцы и богатые крестьяне; при каждой надобности въ деньгахъ, снабжаютъ они инородцевъ и крестьянъ деньгами подъ бѣлку или соболей, и по возвращеніи съ промысловъ берутъ у нихъ шкурки за полцѣны. Промышленники чувствуютъ обиду, но боятся озлобить своихъ вѣрителей, иначе они не дадутъ имъ гроша, во время будущей нужды. Другіе разъѣзжаютъ по стойбищамъ Тунгусовъ, и, при пособіи водки, покупаютъ дорогія шкурки за безцѣнки.

Сбытъ звѣровыхъ промысловъ чрезвычайно обширенъ. Одна Кяхта пріобрѣтала нѣкогда до 7 милліоновъ бѣлечьихъ шкурокъ; слѣдовательно, область Забайкальская не могла удовлетворять ее. Теперь сбытъ на Кяхту гораздо уменьшился отъ разныхъ причинъ. Много пушнаго товару идетъ на ярмарки—Макарьевскую, Ирбитскую, въ Москву, въ Петербургъ, а оттуда за границу—въ Европу.

Количество добываемыхъ звѣрей, видимо, уменьшается; такъ и быть должно,—во-первыхъ потому, что число звѣровщиковъ увеличивается, по мѣрѣ умноженія народонаселенія; во-вторыхъ, отъ безразсчетнаго истребленія звѣрей; нѣтъ и слѣдовъ экономіи; каждый думаетъ: про мой вѣкъ станетъ,—и бьетъ звѣря потому только, что попался на глаза. Животныя имѣютъ свои годы—урожай и неурожай; дѣлаютъ общіе переходы изъ одного мѣста въ другое. Во время такихъ приливовъ, Сибирякъ бьетъ, напримѣръ, лосей для одной шкуры, а мясо бросаетъ въ лѣсу, потому что анбары его полны сохатинными тушами.

Приблизительно можно допустить слѣдующее годовое изчисленіе звѣриныхъ промысловъ въ Забайкальской области:

Соболей———2,500 штукъ.	Кабаргъ——— 25,000 штукъ.
Лисицъ——— 3,500 ———	Изюбрей——— 1,000 ———
Бѣлки———900,000 ———	Козуль——— 10,000 ———
Медвѣдей—— 350 ———	Кабановъ——— 200 ———
Волковъ——— 2,000 ———	Рысей———— 15 ———
Колонковъ — 30,000 ———	Степныхъ кошекъ—15 ———

Въ этомъ исчисленіи не показаны олени и лоси, потому что ихъ въ продажѣ оптовой не бываетъ. Нѣтъ количества зайцевъ, сурковъ, выдръ, бурундуковъ и другихъ мелкихъ звѣрковъ.

Digitized by Google

Ловлею дикихъ птицъ занимается каждый про себя; на рынкѣ дичь—большая рѣдкость, и то по праздникамъ. Здѣсь совершенно нѣтъ скупщиковъ этой провизіи, вѣроятно потому, что дичь невѣроятно дешева, отъ изобилія въ ней. На озерахъ водятся разныхъ родовъ утки и гуси, — ловятъ ихъ, во-первыхъ, силками, стрѣляютъ изъ ружей; а лѣтомъ, когда птица линяетъ и не можетъ летать, бьютъ палками. Два или три человѣка садятся въ легкій челнокъ, вооружаются длинными хлыстами изъ тонкой сосны: одинъ гребетъ прямо на стадо, а двое бьютъ гусей хлыстами по шеямъ. Испуганная птица ныряетъ, но лишь чуть показалась на поверхности воды, ловецъ караетъ ее. Въ прежніе годы на Гусиномъ озерѣ считали убитыхъ гусей сотнями,—отъ этого озеро и названіе свое получило.

На степяхъ—дрохвы, птица осторожная и недовѣрчивая. Трудно скрасть ее охотнику, но человѣкъ умѣетъ перехитрить животныхъ.

Въ лѣсахъ водятся: тетерева, двухъ родовъ тетерьки, двухъ родовъ рябчики,—каменные и лѣсные; первые считаются лучшими для стола. Въ восточной Сибири нѣтъ соловьевъ; правда, что въ Дауріи водится птичка подъ этимъ названіемъ, но сходство заключается въ одномъ имени.

Рыбные промыслы. Озеро Байкалъ и Восточный Океанъ,—два неистощимыя плодилища рыбъ,—высылаютъ ежегодно изъ нѣдръ своихъ милліоны рыбъ въ рѣки, несущія имъ дань. Мудрое Провидѣніе такъ устроило, что большая часть морскихъ рыбъ могутъ метать икру только въ рѣкахъ на текучей водѣ. Непонятная для нихъ сила влечетъ самцовъ и самокъ въ рѣки; тамъ выкинувъ икру и молоки, рыба теряетъ послѣднія силы, и несется назадъ теченіемъ рѣки. Въ Охотскѣ и Камчаткѣ вся рыба, зашедшая въ рѣки и рѣчки, лѣзетъ противъ теченія до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до мелкой воды; тутъ погибаетъ она вся отъ недостатка въ пищѣ.

Мы уже сказали, что съ Восточнымъ Океаномъ сообщается Забайкалькая область рѣкой Амуромъ, посредствомъ рѣки Аргуни, Онона, Ингоды и Шильки. Въ эти рѣки идутъ изъ Океана калуги (особенная порода бѣлуги), севрюги, осетры, сазаны. Въ прочихъ рѣкахъ водятся таймени, краснѣры, кони, налимы, сомы, ленки, сиги, пискари, гольцы, окуни; въ озерахъ есть отличные караси и другія рыбы. Достойно замѣчанія то, что во всей Сибири нѣтъ раковъ, но за Яблоннымъ хребтомъ они плодятся во всякой рѣкѣ и рѣчкѣ. Здѣсь нѣтъ правильной ловли рыбы, а слѣдовательно, и продажи: каждый хозяинъ ловитъ про себя. Тунгусы, обитающіе по рѣкамъ Шилькѣ и Амуру, лѣзутъ на дерево, стоящее подлѣ

Digitized by Google

рѣки, и карaулятъ большую калугу или севрюгу, и лишь чуть замѣтятъ на поверхности воды поплавное перо, или даже струю отъ движенія рыбы, тотчасъ поражаютъ ее стрѣлою. Такъ же почти поступаютъ и русскіе. Никому не приходило въ голову, что мерзлыхъ калугъ и севрюгъ можно зимою доставлять въ Иркутскъ, и получать за нихъ хорошія деньги. При всеобщемъ изобиліи въ крупной рыбѣ, Даурія получаетъ ежегодно изъ западной половины области много сушеной рыбы.

Въ западной половинѣ разстилается глубокое озеро Байкалъ съ огромными рѣками, въ него впадающими. Было время, когда Байкалъ и рѣки его кишѣли рыбою; теперь уже не то, однакожъ и понынѣ Байкалъ можно назвать производителемъ рыбъ; въ немъ водятся осетры, таймени, сиги, харюзы, омули и множество другихъ рыбъ. Ловля производится во все лѣто, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и зимою ловятъ подледную рыбу. Главная ловля на берегу озера, принадлежащаго Забайкальской области. Если сѣверо-западный вѣтеръ дуетъ сутокъ двое, рыба изъ глубины приваливаетъ къ берегу, и лишь чуть затихнетъ, рыбаки бросаются въ море на лодкахъ, и закидываютъ огромные неводы такъ, что все обхваченное пространство заключаетъ въ длину версты двѣ, потомъ вытягиваютъ неводы воротами. Житель Петербурга, привыкнувшій видѣть невскія тони, не повѣритъ нашему разсказу. Въ байкальскомъ неводѣ не только матня набита рыбою, но рыба кишитъ въ крыльяхъ; большіе осетры и таймени бросаются изъ стороны въ сторону, ихъ хватаютъ руками, саками и выкидываютъ на берегъ. Кто ѣдалъ уху на берегу Байкала, тотъ невольно скажетъ: невская рыба—щепа!

Основная рыба озера Байкала—есть омуль (Salmo migratorius vel omul). Вѣсомъ бываетъ онъ отъ половины до трехъ фунтовъ. Въ августѣ мѣсяцѣ идутъ омули огромными рунами въ рѣки Селенгу, Баргузинъ и Ангару. Рыболовныя артели пріѣзжаютъ со всѣхъ концевъ области и губерніи Иркутской. Назначены мѣста для ловли, за чѣмъ наблюдаетъ мѣстное начальство. На рѣкѣ Селенгѣ сборнымъ пунктомъ избрана деревня Чертовкина; на прочихъ рѣкахъ, артели останавливаются верстахъ въ 10 отъ устья, чтобъ дать рыбѣ свободный ходъ въ рѣку. Бывали примѣры, что испуганные окуни въ устьѣ рѣки, возвращались назадъ въ море, и рыбаки уходили ни съ чѣмъ. Сперва показываются харюзы и сичи, за ними уже идутъ и омули. Тогда начинаютъ закидывать неводы. Въ прежнія времена изъ одной тони вынимали до 200 т. омулей, теперь этого нѣтъ. Въ Иркутскѣ сохранилась пословица, что рыба въ Селенгѣ идетъ въ такомъ множествѣ и такъ густо, что по ней, какъ по мосту,

Digitized by Google

можно перейдти съ одного берега на другой. Изъ сосѣднихъ деревень доставляютъ бочки, и приходитъ много женщинъ для чистки рыбы. Обыкновенно, омулю распарываютъ брюхо, вынимаютъ внутренности, кладутъ рядами въ бочки, и на каждый сыплютъ соли. Въ бочкѣ бываетъ до тысячи штукъ. Если во время ловли много было рукъ, если погода стояла не жаркая,—рыба выйдетъ хорошая, и сохранится въ бочкахъ до слѣдующаго улова. Соленые омули развозятся по всей области и губерніи; часть поступаетъ даже въ Енисейскую губернію. Замѣчено, что отъ омулей никто не былъ нездоровъ, какъ случается отъ осетровъ, бѣлуги и даже отъ стерляди. Омуль вкусомъ похожъ болѣе на семгу, нежели на сельдя. Ѣдятъ ихъ сырые, приправленные лукомъ и уксусомъ, — вареные въ ухѣ, печеные въ пирогѣ, словомъ—омуль есть единственная рыба въ посты для народа.

Въ прежніе годы рѣка Селенга доставляла около 7 мил. штукъ; теперь ловятъ иногда не болѣе 700 т. штукъ. Люди смышленные догадывались, что омули избрали какую-нибудь другую рѣку, и подозрѣніе пало на рѣку Верхнюю Ангару. Догадка оправдалась, и богатый уловъ вознаградилъ предпринимателя: на слѣдующее лѣто пустились туда другія артели, и годовой уловъ составилъ 10 м. штукъ. Жадность рыбаковъ была такъ велика, что по недостатку рукъ и соли, они должны были валить испортившуюся рыбу въ рѣку.

Кромѣ Селенги и Верхней Ангары, ловятся омули въ рѣкѣ Баргузинѣ. Ежегодный уловъ простирается не болѣе 600 т. штукъ.

Весь омулевый промыселъ можно опредѣлить приблизительно среднимъ числомъ въ 13 м. штукъ ежегодно.

Подледный ловъ омулей производится подлѣ острова Ольхона и на устьѣ рѣчки Бугульденхи, но онъ не важенъ.

Ловля осетровъ составляетъ вторую промышленность послѣ омулей. Въ Байкалѣ ихъ ловятъ у береговъ неводами; случается въ одной тонѣ по сту и по двѣсти осетровъ. По рѣкѣ Селенгѣ добываютъ осетровъ большими вершами и сѣтями о трехъ стѣнахъ, длиною саженъ во сто; выпустивъ сѣть, рыбакъ плаваетъ по материку, и осетръ, случайно попавшійся, запутывается въ сѣти жабрами и переднимъ перьями. Верши дѣлаются изъ толстыхъ прутьевъ, длиною сажени въ двѣ или три, а вышиною соразмѣрно длинѣ. Вершу ставятъ обыкновенно подлѣ крутаго берега, на мѣстѣ глубокомъ, быстромъ, гдѣ дно рѣки было бы чисто. Такія мѣста выбираютъ осетры для метанія икры. Человѣкъ узналъ природу этой рыбы, и на мѣстѣ ея удовольствія воздвигъ пагубу. Верша, поставленная

Digitized by Google

на хорошемъ мѣстѣ, даетъ при счастіи иногда 50 и 100 осетровъ въ сутки. Лучшимъ временемъ считается то, когда вода въ рѣкѣ прибываетъ или убываетъ. Осетры идутъ въ Селеньгу впродолженіе всего лѣта; осенью становятся они на большія глубины, и безъ пищи и движенія остаются всю зиму. Вершу поднимаютъ изъ воды воротомъ, подпираютъ толстой палкою, и хозяинъ лѣзетъ въ нее за добычей. Если онъ какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ уронитъ палку, хранительницу равновѣсія, верша погружается въ рѣку и человѣкъ погибаетъ съ ней; а потому верши осматриваютъ непремѣнно вдвоемъ и даже втроемъ.

Лѣтомъ доставляютъ осетровъ живыхъ въ Иркутскъ: имъ просверливаютъ носовой хрящъ, продѣваютъ *куканъ*, тонкую веревку, длиною въ аршинъ; послѣ того привязываютъ ихъ по обѣ стороны лодки въ водѣ къ толстымъ веревкамъ. Такимъ образомъ лодка, нагруженная невидимымъ товаромъ, переплываетъ черезъ Байкалъ, входитъ въ быструю Ангару, и, пролетѣвъ въ нѣсколько часовъ 60-верстное пространство, останавливается у иркутскаго берега и предлагаетъ покупателямъ живыхъ осетровъ. Случаются во время путешествія на морѣ штурмы, осетръ срывается съ кукановъ, носъ его заживаетъ, но мѣста пребыванія въ неволѣ остаются видимыми, осетръ забываетъ прошедшее и снова попадается въ вершу или въ неводъ. Рыбаки узнаютъ бѣглеца и предаютъ немедленной смерти, потому единственно, что некуда продать кукана. Байкалъ даетъ около 25,000 осетрины.

Недавно жители Селеньги выучились дѣлать паисную икру и производятъ ею значительную торговлю. Прочая рыба ловится въ Байкалѣ и въ рѣкахъ, въ него впадающихъ, и не составляетъ валовой ловли.

Въ Байкалѣ водится рыбка, принадлежащая ему исключительно, это—голомянка. Она не больше четверти длиною, но уродлива, голова составляетъ третью часть тѣла; огромныя на выкатѣ глаза торчатъ какъ бы корольки. Отъ жабровъ до хвоста идутъ два пера, какъ у летающихъ рыбъ; тѣло круглое и съуживающееся къ хвосту какъ веретено, хвостъ широкій. Голомянка состоитъ изъ головной и становой кости, остальное—жиръ. Ее никто не видалъ живой, но лѣтомъ послѣ продолжительныхъ и сильныхъ сѣверозападныхъ вѣтровъ, выкидываетъ ее на берегъ такое множество, что лежитъ буграми. Мертвую не тронетъ ее ни сорока, ни ворона; освѣтитъ солнце, и къ вечеру отъ голомянки останутся однѣ кости.

Говорятъ, что въ озерахъ Сѣверной Америки не такъ давно открыта рыбка, подобная голомянкѣ.

Digitized by Google

После Байкала рыба ловится въ озерахъ: Гусиномъ, Еравинскихъ, Шакшѣ, Иргени, Катакулѣ и Баунтѣ; въ нихъ промышляютъ неводами зимою и лѣтомъ—щукъ, сорокъ, карасей, окуней и проч.

Вотъ краткое изображеніе рыбной промышленности западной половины Забайкальской области. Ее оцѣниваютъ знатоки въ 200,000 руб. серебромъ.

Къ числу промысловъ можно отнести и собираніе кедровыхъ орѣховъ.—Сибирскія горы покрыты кедровникомъ, доставляющимъ пропитаніе бѣлкамъ и другимъ звѣрямъ, а человѣку—лакомство; кромѣ того кедровые орѣхи даютъ превосходное масло, не уступающее оливковому. Урожай кедровыхъ орѣховъ бываетъ не каждогодный и не повсемѣстный: обыкновенно черезъ три, четыре года случаются неурожаи. Навѣрное можно допустить, что жители русской Монголіи собираютъ ежегодно до 25,000 пудовъ кедровыхъ орѣховъ; бо́льшая часть добычи потребляется обывателями, а тысячи двѣ пуд., иногда и болѣе, идетъ въ Иркутскъ. Вообще лѣса сибирскіе доставляютъ жителямъ выгоды, для полученія которыхъ не нужно изнурительныхъ трудовъ. Но какъ обходится Сибирякъ съ благодатнымъ лѣсомъ? Человѣкъ мыслящій съ горестію взираетъ на безпощадное истребленіе лѣсовъ, и сожалѣетъ объ участи потомства. Сибирякъ не полѣзетъ на кедръ за шишками, на яблонь или черемуху за плодами,—онъ безпощадно срубаетъ могущественный кедръ, или кудрявую яблонь, единственно для того, чтобъ сидя на земли обирать плоды. Цѣлые острова, покрытые черемухой, вырубаются, а яблонь удалилась уже отъ селенія, и одни только пни напоминаютъ о существованіи деревъ. Кромѣ того пожары или пальи истребляютъ лѣса ужасными полосами. Иногда путешественникъ видитъ обгорѣлые пни на разстояніи десятковъ верстъ. Обыкновеніе выжигать на пашняхъ и сѣнокосахъ старую траву, производитъ пальи. Крестьянинъ зажжетъ старую солому на пашнѣ или сухую траву на сѣнокосѣ, и преспокойно отправляется домой, или займется другою работою. Огонь съ пашни переходитъ въ лѣсъ, гдѣ непремѣнно есть валежникъ и хвоя. Пламя, раздуваемое вѣтромъ, быстро обхватываетъ дерева, и пожаръ широко распространяется; вѣтеръ гонитъ его впередъ до тѣхъ поръ, пока рѣки или болота не остановятъ опустошителя. Иногда паль свободно гуляетъ по лѣсу до перваго сильнаго дождя; если онъ выберется на степь, покрытую еще сухою травою, тогда погибаютъ сотни рогатаго скота, овецъ и лошадей, сгораютъ юрты Бурятъ, достается и крестьянскимъ селеніямъ. Если паль, гонимый сильнымъ вѣтромъ, приближается къ путешественнику и догоняетъ его, тогда поспѣшно слѣзаетъ онъ съ лошади, высѣкаетъ

Digitized by Google

огнивомъ огонь, и зажигаетъ передъ собою траву. Пламя распространяется и бѣжитъ по вѣтру впереди; путешественникъ ѣдетъ заднимъ въ безопасномъ разстояніи. Заднее пламя, достигнувъ обгорѣлаго мѣста, не находитъ уже пищи и погасаетъ. Правительство нѣсколько разъ запрещало выжигать поля, предписывало имѣть осторожное обращеніе съ огнемъ въ лѣсахъ, но трудно истребить вѣковую привычку въ народѣ, при всеобщемъ изобиліи въ лѣсахъ. Если встрѣтите сибиряка, сидящаго подлѣ срубленной яблони или черемухи, съ которой хладнокровно обираетъ ягоды, и спросите: для чего онъ срубилъ дерево, лишивъ себя и другихъ собирать плоды на слѣдующее лѣто, онъ вамъ скажетъ: «не я первый, не я и послѣдній; всѣ такъ дѣлаютъ!» Подобные отвѣты слышимъ и отъ людей, такъ называемыхъ, образованныхъ: «пользуюсь случаемъ!»

Въ Сибири есть даже охотники смотрѣть на горящіе лѣса. Въ самомъ дѣлѣ, пожаръ природы — зрѣлище величественное, особливо ночью. Пламя бѣжитъ по травѣ на гору, встрѣчаетъ вѣковую сосну или кедръ, змѣится по корѣ его вверхъ, и вдругъ кедръ вспыхиваетъ.—Отъ него загорается другой, третій, далѣе и далѣе.—Огонь идетъ то массою, то прилегаетъ къ землѣ, то мчится по вершинамъ деревъ. Днемъ все небо покрывается дымомъ, воздухъ пахнетъ изгариною, багровое солнце тускло свѣтитъ, словно въ огромномъ фонарѣ съ закопченными стеклами.— Звѣри и птицы погибаютъ; другіе, пораженные издали запахомъ дыма, удаляются. Послѣ пожара остаются только обгорѣлые пни и камни; признаки эти видны иногда лѣтъ 50, пока не возникнетъ новое древесное поколѣніе.

Извозъ. Кяхта ежегодно отправляетъ до полумилліона пудовъ товаровъ, преимущественно чая, но Забайкальская область пользуется крохами выгодъ: ямщики изъ Иркутска и даже изъ Томска, заѣхавшіе въ Кяхту иногда съ пустыми телѣгами или санями, отбиваютъ работу у туземцевъ. Извозомъ преимущественно занимается волость Ильинская, лежащая въ низовьяхъ рѣки Селеньги; ей достается развозъ по всей области бочекъ съ омулями. Они же возятъ желѣзо изъ Петровскаго завода въ Читу. Извозъ въ восточной половинѣ области ничтоженъ; имъ занимается едва-ли болѣе 40 челов.; тамъ нѣтъ двигателя торговли подобнаго Кяхтѣ. Не важный торговецъ привезетъ ничтожное количество товаровъ, или Нерчинскіе заводы отправятъ свой излишній свинецъ въ Колывань, но и тутъ имѣютъ дѣло съ подрядчиками. По всей дорогѣ отъ Кяхты до Байкала и даже до Иркутска нѣтъ ни одного трактира, ни постоялаго двора въ полномъ смыслѣ. Какой-нибудь крестьянинъ принимаетъ

Digitized by Google

въ свой домъ ямщиковъ, снабжаетъ ихъ кушаньемъ, а лошадей—овсомъ и сѣномъ; ломитъ съ нихъ, что̀ захочетъ, и ямщики рады, что въ тѣсной избѣ могутъ выспаться. Правда, что крестьянинъ и семейство терпятъ стѣсненіе, но выгоды заставляютъ молчать. Въ настоящее время для Сибиряка слова: трактиръ, харчевня—то же, что̀ кабакъ.

Извозъ собственно ямщикамъ не приноситъ большихъ выгодъ; онъ въ рукахъ монополистовъ: богатые крестьяне даютъ бѣднымъ деньги взаймы, а послѣ ведутъ съ ними аптекарскій счетъ.

Работы. Здѣшніе крестьяне не ходятъ въ города на заработки, потому что въ городахъ нѣтъ работъ, да сказать правду, и не имѣютъ времени: у каждаго пашня, табунъ скота, а осенью звѣриные промыслы. Обѣднявшій крестьянинъ идетъ къ богатому въ работники. Главнѣйшій классъ работниковъ составляютъ поселенцы. Не будь поселенцевъ, Сибирякъ не управился бы съ огромнымъ земледѣліемъ и скотоводствомъ; безъ поселенцевъ золотые промыслы не давали бы столь важныхъ послѣдствій.

Инородцы обѣднѣвшіе поступаютъ тоже въ работники къ Русскимъ.—Порядочные изъ нихъ крестятся и женятся на Русскихъ. Классъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ новокрещенныхъ.

Исчисливъ народную промышленность Забайкальской области, должно признаться, что западная половина превосходитъ восточную въ земледѣліи, рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ и даже въ скотоводствѣ. Средства у всѣхъ одинаковы, но западная половина многолюднѣе восточной, климатъ мягче, а жители дѣятельнѣе.

Ремесла по городамъ въ плохомъ состояніи: портные, сапожники обыкновенно самоучки, работою занимаются кое-какъ, отъ нечего дѣлать.

Религія. Всѣ старожилы исповѣданія православнаго; между ними нѣтъ ни ересей, ни расколовъ, только въ четырехъ волостяхъ западной половины живутъ старовѣры и раскольники особыми деревнями. Они переселены сюда изъ Польши, и теперь ихъ считается болѣе 8,000 душъ; дѣлятся на нѣсколько сектъ, напр. поповщина, безпоповщина и проч. Нѣсколько разъ обращались они къ православію, и опять впадали въ заблужденіе. Само собою разумѣется, что дѣло кончится побѣдою истины надъ заблужденіемъ. Между поселенцами есть католики, лютеране, жиды и магометане. Ни одно изъ этихъ исповѣданій не имѣетъ храмовъ, но ежегодно пріѣзжаютъ изъ Иркутска пастырь и ксензъ, отправляютъ богослуженіе и пріобщаютъ вѣрующихъ тѣлу и крови Христовой. Жиды собираются на праздники въ одну деревню; здѣсь молятся они въ какой-нибудь избѣ; раввина не имѣютъ. Магометане удовлетворяются ежедневною молитвою.

Digitized by Google

Кочующіе Буряты и Тунгусы вѣры ламайской, или буддизма, имѣютъ кумирни со множествомъ идоловъ скульптурныхъ и рисованныхъ. Богослуженіе отправляется дважды въ мѣсяцъ однимъ духовенствомъ, которое имѣетъ степени. Главное лицо Хамба-Лама живетъ близъ Гусиннаго озера. Малая часть Бурятъ и всѣ Оленные Тунгусы вѣры Шаманской: это дуализмъ, основанный безъ догматовъ на однѣхъ преданіяхъ. Шаманство есть первобытная религія всѣхъ народовъ; она проявлялась вездѣ сама собою.

Просвѣщеніе. Если измѣрять просвѣщеніе народа только грамотностію, то Забайкальская область далеко отстала отъ Иркутской губерніи, особенно половина восточная. Въ городахъ: Верхнеудинскѣ, Нерчинскѣ и Кяхтѣ открыты уѣздныя училища въ началѣ нынѣшняго столѣтія; кромѣ того священники обучаютъ дѣтей своихъ приходовъ безмездно, но за всѣмъ тѣмъ количество грамотныхъ не велико. Вообще крестьянъ, умѣющихъ читать и писать, не болѣе 2000. Старообрядцы всѣ грамотны; отецъ учитъ сына, или уставщикъ съ грамотою передаетъ дѣтямъ правила своей вѣры.

Буряты имѣютъ свою грамоту, и пишутъ столбцами сверху на низъ, но грамотныхъ между ними не много, хотя въ Кяхтѣ и у харинскаго тайши заведены училища, гдѣ обучаютъ читать и писать по-русски. Ламы, или духовные, всѣ умѣютъ читать и писать по монгольски и тибетски. На послѣднемъ языкѣ совершается и богослуженіе ихъ, но очень рѣдкіе изъ нихъ могутъ перевести что-нибудь съ тибетскаго языка на монгольскій. — Бродячіе Тунгусы грамоты не имѣютъ.

Нравы. Природа, раздѣливши Байкальскую область на двѣ половины, раздѣлила и жителей касательно нравовъ и обыкновеній: русскій обитатель Монголіи не похожъ на Даурца. Человѣкъ — созданіе воспріимчивое: если онъ безпрестанно имѣетъ дѣло съ новыми лицами, въ немъ появляются новыя понятія. Кяхтинская торговля заставляетъ крестьянъ ѣздить въ Иркутскъ, въ Кяхту, иногда въ Томскъ. Путешествія проясняютъ понятія его, и научаютъ обращенію съ людьми: напротивъ того Даурецъ всегда дома, всегда видитъ одно и тоже. А потому житель Селенъги проворенъ, живъ, смышленъ, трудолюбивъ, сколько нужно для Сибиряка, и не бѣденъ. Житель Ингоды и Шильки вялъ, простъ, лѣнивъ, безпеченъ и бѣденъ. Понятія его слишкомъ ограниченны; одно пьянство для него наслажденіе и отрада. Если онъ богатъ скотомъ, то не умѣетъ извлечь выгодъ изъ имѣнія своего. Онъ хозяинъ табуновъ, ввѣренныхъ попеченію Всеблагаго Провидѣнія. Въ замѣнъ этихъ недостатковъ онъ гостепріименъ до невѣроятности, честенъ и добръ. Мы говоримъ о крестьянахъ госу-

Digitized by Google

дарственныхъ; крестьяне заводскіе не похожи на нихъ, а казаки пограничные уже другой народъ. Понужденіе къ трудолюбію, обязанность службы, содержатъ ихъ въ постоянномъ вниманіи къ самимъ себѣ.

Горожане отличаются страстью къ домосѣдству и необщительностію, скрытны, недовѣрчивы и неподвижны, подобно Китайцамъ, сосѣдямъ своимъ. Есть исключенія и даже слишкомъ рѣзкія, но они не часты.

Кирпичный чай въ Забайкальской области—общая и неизбѣжная потребность, особенно въ Дауріи. Тамъ пьютъ чай пять разъ въ день съ хлѣбомъ или булками, даже за обѣдомъ и ужиномъ.

Въ Россіи неизвѣстенъ кирпичный чай; только съ прошлаго года появился онъ въ петербургскихъ чайныхъ магазинахъ, открыто на окнахъ, обвернутый въ красную китайскую бумагу. Считаемъ за необходимость сказать объ немъ нѣсколько словъ.

Чай этотъ приготовляется въ Китаѣ; сырыя листы обливаются густымъ отваромъ изъ сарацинскаго пшена; ихъ кладутъ въ формы четырех-угольныя, плоскія, и сильно сдавливаютъ. Когда все высохнетъ, вынимаютъ изъ формъ плитки чая, обвертываютъ въ бумагу и отправляютъ въ Монголію. Сами Китайцы не имѣютъ этого чая. Приготовляютъ его для питья иначе, нежели обыкновенный чай. Отрубивъ кусочикъ чая отъ плитки или кирпича, толкутъ въ ступкѣ, высыпаютъ изъ нее въ кипящую воду и даютъ прокипѣть; послѣ того, прибавивъ масла и молока, пьютъ съ хлѣбомъ.

Новѣйшіе химики нашли въ чаѣ питательное вещество; съ этимъ нельзя не согласиться: бѣдные жители Китайской Монголіи питаются рѣпительно однимъ кирпичнымъ чаемъ; кое-когда приведется имъ скушать чашку паренаго проса, или полакомиться мясомъ дохлой скотины. По китайской границѣ кусочки чая ходятъ вмѣсто монеты. Путешественникъ, пріѣхавъ на мѣсто владычества чая, отдаетъ за прогоны ассигнаціи, и на сдачу предлагаютъ ему куски чая. На слѣдующей станціи принимаютъ отъ него эти же куски за прогоны. Какъ не скажешь, что кирпичный чай монета самая существенная: ее можно употреблять въ пищу и получать за нее другія вещи.

Отъ безмѣрнаго употребленія чая, жители чрезвычайно тощи и вялы; здѣсь не увидите румянаго лица или толстяка; смуглый цвѣтъ кожи, худоба тѣла есть принадлежность Даурца.

Исторія. До прихода Русскихъ обитали по степямъ Дауріи и Монголіи Буряты, а въ лѣсахъ—Тунгусы; ни тѣхъ, ни другихъ нельзя признать первобытными обитателями Забайкальскихъ странъ. Китайскіе историки пишутъ, что за 100 лѣтъ до Р. Х. обиталъ по берегамъ озера Байкала народъ Динъ-Линъ; въ VII столѣтіи по

Digitized by Google

Р. Х. обиталъ здѣсь народъ Гулиханъ; около временъ Чингисъ-Хана говорится уже о народахъ Джелаирахъ, Баркучинахъ, Кештымахъ и Монголахъ. Судя по названіямъ нѣкоторыхъ озеръ, рѣкъ, рѣчекъ, горъ и урочищъ, можно полагать, что здѣсь обитали кромѣ племенъ Манжурскаго и Монгольскаго и племена Турецкія. Остатки послѣднихъ доживаютъ свой вѣкъ близъ нашей границы, около озера Косогола иначе Кусь-Куль. Часть Турецкаго племени, Саха, удалилась на Сѣверъ, и теперь извѣстна подъ именемъ Якутовъ, остальные омонголились и совершенно погрязли въ этомъ народѣ; только племя тунгузское укрылось въ дремучихъ лѣсахъ и до нашихъ временъ сохранило манжурскую самобытность. Буряты говорятъ, что до прихода ихъ на степи Селеньги, Уды и Баргузина, обитали здѣсь Баргуты, народъ земледѣльческій и, вѣроятно, полуосѣдлый; другіе помнятъ о какихъ-то Киргизахъ, и болѣе ничего; даже никто не знаетъ, принадлежали ли они къ огромному ханству завоевателя Чингисъ-Хана. Свидѣтельство о народахъ, здѣсь обитавшихъ, сохранилось до нынѣ, какъ увидимъ ниже.

Въ половинѣ XVII столѣтія Русскіе изъ Якутска пробрались на рѣку Амуръ, по рѣкамъ Алдану и Олёкмѣ. Знаменитый Хабаровъ, а послѣ него Степановъ, покорили всѣ Манжурскія племена, обитавшія по Амуру, срубили города Албазинъ и Камарскій, даже на устьѣ рѣки Амура въ землѣ Гиляковъ стоялъ нашъ острогъ. Крестьяне съ рѣки Лены толпами бросились въ Даурію, построили домы около новыхъ остроговъ и завели пашню.

Въ 1642 году въ Якутскъ пришла вѣсть о большомъ озерѣ Байкалѣ, и воеводы командировали туда пятидесятника Курбата Иванова съ 75 промышленниками и казаками. Благополучно достигли они до желаннаго озера; увидѣли недалеко отъ берега большой и гористый островъ Ольхо́нъ, гдѣ обитали Буряты; переправились чрезъ проливъ, напали на Бурятъ и заставили платить ясакъ царю московскому. Здѣсь услышали они о Тунгусахъ, обитавшихъ по рѣкѣ Верхней Ангарѣ, не мирныхъ и не покорныхъ. Ивановъ командировалъ противъ нихъ десятника Скороходa съ 36 человѣками. Партія пошла на сѣверъ вдоль берега Байкала, отыскала рѣку Верхнюю Ангару, Тунгусовъ, и безъ труда заставили ихъ платить ясакъ. Тунгусы объявили, что гораздо на полдень впадаетъ въ Байкалъ большая рѣка Баргузинъ, по которой обитаютъ Буряты. Казаки не устрашились неизвѣстнаго пути и многолюдства Бурятъ, обогнули Байкалъ, и нервые сухимъ путемъ перебрались на ту сторону озера. Но дѣло кончилось не благополучно. Казаки успѣли только построить укрѣпленное, или, по тогдашнему, острожное зимовье, какъ Буряты напали

Digitized by Google

на нихъ, осадили несчастныхъ смѣльчаковъ, и только двое изъ нихъ успѣли переправиться въ лодочкѣ на другую сторону Байкала.

Въ 1645 году пришелъ къ Байкалу изъ Енисейска вверхъ по рѣкѣ Нижней Ангарѣ атаманъ Василій Колесниковъ; онъ хотѣлъ было переправиться на другую сторону озера, но, устрашась Бурятъ, остался зимовать на здѣшнемъ берегу. На другое лѣто пошелъ онъ берегомъ къ рѣкѣ Верхней Ангарѣ, и заложилъ тамъ острогъ Верхнеангарскій; отсюда перешелъ онъ на рѣку Баргузинъ, гдѣ услышалъ, что на полдень за горами лежитъ озеро Еравня, близъ котораго живутъ Монголы, богатые серебромъ. Колесниковъ отправилъ къ нимъ въ видѣ посольства четырехъ казаковъ, однакожъ на Еравнѣ не было ни одного Монгола. Казаки направили путь къ рѣкѣ Селенгѣ, о которой объявилъ имъ Тунгусъ проводникъ, и вскорѣ нашли владѣніе тайши Турукая. Тайша принялъ ихъ ласково, подарилъ имъ нѣсколько золота и двѣ серебряныя чаши. Колесниковъ думалъ, что золото и серебро добывается во владѣніи Турукая, а потому отправилъ къ нему опять казаковъ съ просьбою показать мѣсторожденіе этихъ металловъ.

За Колесниковымъ отправленъ былъ изъ Енисейска на Байкалъ сынъ боярскій, Похабовъ. Поднимаясь по рѣкѣ Нижней Ангарѣ, онъ вездѣ ставилъ остроги и зимовья, гдѣ мѣстность казалась удобною. Въ 1647 году зимовалъ онъ при впаденіи рѣки Иркута въ Ангару, въ построенной наскоро землянкѣ, послужившей основаніемъ городу Иркутску. Лѣтомъ онъ вошелъ въ озеро Байкалъ и переправился на другую сторону, напалъ было на кочевавшихъ тамъ Монголовъ, но долженъ былъ оставить свое предпріятіе; къ нему явилось четыре казака, посланники атамана Колесникова.

Въ это время кочевалъ гдѣ-то въ верховьяхъ рѣки Селенги монгольскій владѣлецъ Цеценъ-Ханъ (*); говорили, что въ землѣ его есть золотыя и серебряныя руды. Похабовъ отправился къ нему въ видѣ посла, принятъ ласково, но къ огорченію узналъ, что золото и серебро получаютъ Монголы отъ Китайцевъ. Онъ убѣдилъ Цеценъ-Хана отправить посольство въ Москву. Похабовъ возвращался уже въ Енисейскъ, какъ встрѣтился съ 60 человѣками, посланными на помощь ему подъ начальствомъ сына боярскаго Чалкина. Онъ отправилъ его на рѣку Баргузинъ съ тѣмъ, чтобы построилъ тамъ острогъ. Здѣсь услышалъ Чалкинъ о великой рѣкѣ Шилькѣ, и послалъ на нее первую партію. Казаки эти возвратились въ Енисейскъ и объявили тамошнему воеводѣ Пашкову, что на рѣку Шильку есть

(*) Владѣніе Цеценъ-Хана теперь лежитъ по правую сторону рѣки Аргуни.

Digitized by Google

другой путь чрезъ Байкалъ вверхъ по рѣкѣ Селенгѣ, потомъ рѣкою Хилкомъ до озера Иргеня, а отсюда черезъ горы четыре дня пути до рѣки Ингоды, которая впадаетъ въ Шильку.

Въ 1650 году возвратился изъ Москвы въ Енисейскъ послы Цеценъ-Хана, и съ ними тобольскій сынъ боярскій Заболоцкій съ сыномъ и семью казаками; онъ долженъ былъ явиться къ Цеценъ-Хану, какъ посланникъ. Колесникову приказано было проводить ихъ до другаго берега Байкала. Посольство высажено было на берегъ; тутъ напали на него Буряты, и Заболоцкій съ сыномъ и казаками убиты. Впослѣдствіи времени построенъ на этомъ мѣстѣ монастырь, который и донынѣ называется посольскимъ.

Въ 1652 году отправленъ былъ изъ Енисейска сынъ боярскій Бекетовъ, продолжать завоеванія за Байкаломъ; ему дано было сто человѣкъ служивыхъ. Бекетовъ остановился въ Братскомъ острогѣ, отсюда отправилъ онъ пятидесятника Максимова съ казаками, бывшими на рѣкѣ Шилкѣ, съ тѣмъ, чтобы они изъ Баргузина пробрались на озеро Иргень, построили бы мелкія суда и на Хилку шли навстрѣчу Бекетову. Въ первыхъ числахъ октября дошелъ Бекетовъ до Байкала и переправился черезъ него отъ рѣчки Голоусной при благопріятномъ вѣтрѣ, къ устью прорвы, или гавани байкальской, гдѣ и зимовалъ въ построенномъ зимовьѣ.

На другое лѣто вошелъ въ устье рѣки Селенги; поднимаясь вверхъ, дошелъ до устья рѣки Уды, а потомъ и Хилка. Простоявъ тутъ недѣлю въ ожиданіи Максимова, рѣшился идти вверхъ по рѣкѣ Хилку и тогда уже встрѣтился съ Максимовымъ, плывшимъ на плоскодонной баркѣ. Благополучно вошли они въ озеро Иргень и заложили острогъ, назвавъ его Иргеньскимъ.

На другое лѣто перебрался онъ черезъ Яблонный хребетъ; построилъ плоты на рѣкѣ Ингодѣ, но замерзшая рѣка остановила его.— Бекетовъ отправилъ сухимъ путемъ десятника Урасова съ тѣмъ, чтобы на устьѣ рѣки Нерчи заложить острогъ. Урасовъ исполнилъ порученіе свое удачно, и Бекетовъ на другое лѣто расположился въ новомъ Нерчинскомъ острогѣ, стоявшемъ на правомъ берегу Шилка, противъ устья рѣки Нерчи. Въ 1654 году туземцы взволновались и осадили Бекетова въ острогѣ, и вытоптали посѣянный около крѣпости хлѣбъ. Оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Казаки начали роптать, и 30 человѣкъ ушли на рѣку Амуръ, гдѣ Русскіе тогда воевали такъ удачно. Бекетовъ былъ въ крайности; наконецъ и онъ рѣшился съ командою идти на Амуръ и тамъ служить.

Правительство, желая упрочить наши завоеванія въ Дауріи, назначило воеводство въ Нерчинскомъ острогѣ, для чего и опредѣленъ

Digitized by Google

былъ туда енисейскій воевода Пашковъ. Въ 1656 году онъ пошелъ на судахъ вверхъ по рѣкѣ Нижней Ангарѣ, потомъ чрезъ Байкалъ въ рѣку Селенгу, отсюда по рѣкѣ Хилку прибылъ онъ въ Иргенскій острогъ, гдѣ и зимовалъ. Въ 1658 году перебрался онъ черезъ Яблонный хребетъ на рѣку Ингоду, спустился въ Шильку, и на устьѣ рѣки Нерчи заложилъ Нерчинскій острогъ, гдѣ имѣлъ постоянное пребываніе. Пашковъ управлялъ Дауріею до 1662 года; его смѣнилъ Ларіонъ Толбузинъ, кончившій жизнь при осадѣ Албазина Китайцами.

Послѣ того построены остроги: Удинскій, Селенгинскій, Читинскій, Аргузинскій; такимъ образомъ, къ 1689 году все Забайкалье и Даурія по теченію рѣки Амура до Восточнаго Океана принадлежали намъ.

Въ это время ханъ манжурскій возсѣдалъ уже на пекинскомъ престолѣ. Обстоятельство это сильно повредило нашей осѣдлости на рѣкѣ Амурѣ. Подданные багда-хана, ограбленные нѣсколько разъ нашими бѣглыми партіями искателей счастія, жаловались китайскому правительству, и вслѣдствіе того китайскія войска осадили наши острожки на Амурѣ. Русскіе оказали чудеса храбрости, разбивали нѣсколько разъ 10-тысячные корпусы Китайцевъ, вооруженныхъ пушками и ружьями.—Правда, что и Китайцамъ удавалось брать наши укрѣпленія, и отрѣзывать отдѣльныя команды, изъ которыхъ составили они двѣ русскія сотни внутри Китая. Москва съ горестію слушала донесенія героевъ о притѣсненіяхъ на Амурѣ и рѣшилась отправить къ Китайцамъ посланника. Грекъ Николай Спафари отправленъ былъ въ Манжурію черезъ Нерчинскъ въ 1676 году. Въ манжурскомъ городѣ Цицикарѣ, онъ велъ переговоры съ китайскими вельможами,—застращенный, а, можетъ быть, и задаренный, онъ приказалъ Русскимъ оставить рѣку Амуръ и рѣки, въ него впадающія.

Въ 1689 году съѣхались въ Нерчинскъ послы обоихъ государствъ. Съ нашей стороны былъ воевода Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ; въ Китаѣ царствовалъ тогда знаменитый багда-ханъ Канъ-Си, любитель просвѣщенія, а потому въ посольствѣ находилось два іезуита—Жербильянъ и Перейра. Китайцы требовали, чтобы уступили имъ все Забайкалье и мѣста, лежащія къ югу отъ Становаго хребта. Головинъ же настоялъ, чтобъ границею были рѣки Аргунь и Амуръ. Дѣло кончилось тѣмъ, что мы уступили Китайцамъ рѣку Амуръ, а они отказались отъ Забайкалья.

Но какъ границы къ западу отъ Аргуни не были назначены, да и вообще весь трактатъ худо опредѣлялъ торговыя сношенія подданныхъ обѣихъ державъ; почему съ нашей стороны отправленъ былъ

Digitized by Google

посланникомъ въ Пекинъ графъ Савва Владиславичъ. По возвращеніи въ Россію онъ заложилъ на рѣчкѣ Кяхтѣ Троицкосавскую крѣпость, или Кяхту, въ 1728 году. Сюда подданные обѣихъ державъ должны были съѣзжаться для мѣновой торговли, и кромѣ того русскимъ купцамъ дозволено отправлять караваны въ Пекинъ одинъ разъ въ четыре года. Караваны ходили въ Пекинъ съ 1796 года. Купцы наши не умѣли поладить съ пекинскими приставами, и терпѣли каждый разъ убытки; наконецъ торговля установилась въ одной только Кяхтѣ.

Съ этихъ поръ миръ и тишина продолжаются непрерывно между обоими государствами.

Памятники древности. Что Забайкалье имѣло жителей до прихода Монголовъ и Русскихъ, въ томъ удостовѣряютъ сохранившіеся до нашихъ временъ памятники. Въ западной половинѣ области или Монголіи ихъ не много; извѣстны пока: надпись на утесѣ по дорогѣ изъ города Верхнеудинска на Хоринскую степь; она такъ вывѣтрѣла, что издали только примѣтна; недалеко отъ Селеньгинскаго соловареннаго завода, торчитъ изъ земли камень, грубо изображающій голову человѣка. Подобный камень, есть и на Абаканской степи въ Енисейской губерніи, и чуть ли не подобные камни видны въ Малороссіи подъ именемъ бабъ. Во многихъ мѣстахъ видны слѣды древнихъ водопроводовъ для орошенія луговъ и пашенъ.

Даурія напротивъ того богата памятниками старины.—На каждой равнинѣ видны древнія могилы, огражденныя плитами, стоящими вертикально, близко одна отъ другой, и выражающими то звѣзду, то квадратъ, то параллелограмъ. Иногда на могилѣ стоятъ двѣ только плиты: одна въ головахъ, другая въ ногахъ. Монголы никогда не означали могилъ своихъ курганами или камнями; напротивъ того, племена турскія, гдѣ ни кочевали, вездѣ оставляли памятники могильные. Профессоръ Кастренъ, путешествовавшій недавно на счетъ Академіи, говоритъ, что Буряты называютъ эти могилы Кыргизи-Гырь, что̀ значитъ: *домъ Кыргизи.* Жаль, что подробные результаты путешествія г. Кастрена не извѣстны Русскимъ.

На рѣчкѣ Кондуѣ, недалеко отъ рѣки Аргуни, возвышаются и теперь бугры неравной величины.—Одинъ изъ нихъ привлекъ вниманіе крестьянина. Снявъ дернъ, покрывавшій курганъ, и немного земли, онъ увидѣлъ кирпичи и черепицу необыкновенной величины. Казачій урядникъ, Геповъ, продолжалъ разрытіе, и видя множество кирпича, придумалъ построить изъ него въ селѣ Кондунѣ церковь. Курганъ, разрытый до основанія, обнаружилъ древнее зданіе китайской архитектуры; оно имѣло фигуру креста, длиною 48, а шириною 28 саженъ. Горные чиновники нерчинскихъ заводовъ начертили

Digitized by Google

планъ зданія, а г. Спасскій помѣстилъ его съ описаніемъ въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, и тѣмъ дѣло кончилось. Думали, что зданіе есть развалившаяся кумирня. Ученый Монголъ, Доржи Банзаровъ, полагаетъ, что здѣсь былъ дворецъ племянника Чингисъ-Хана, Исункѣ. Неутомимый труженникъ, старецъ Іакинѳъ, говоритъ, что въ этихъ мѣстахъ обиталъ нѣкогда народъ Таба; въ послѣдствіи времени онъ ушелъ на югъ и завоевалъ Сѣверный Китай. Изъ китайкихъ историковъ видно, что народъ Таба имѣлъ гдѣ-то близъ рѣки Аргуни храмъ. Длина этого храма выходитъ въ 68 саженъ, но въ описаніи ширины есть разница. Подробныя изслѣдованія о кондуйскихъ развалинахъ можно видѣть въ Сѣверной Пчелѣ 1851 года.

На рѣкѣ Ононѣ въ 15 верстахъ отъ Мангутскаго караула есть пещера въ утесѣ—произведеніе рукъ человѣческихъ. Ниже на утесѣ видны письмена китайскія, монгольскія и тибетскія. Перевесть ихъ никто не можетъ, вѣроятно потому, что письмена старинныя, а переводчики плохіе. О. Іакинѳъ думаетъ, что эта пищера есть храмъ народа Таба, о которомъ говорятъ китайскіе историки. Согласиться съ этимъ нельзя потому во-первыхъ, что народъ Таба не могъ знать письменъ ни монгольскихъ, ни тибетскихъ, а во-вторыхъ, мѣра пещеры слишкомъ уже мала противъ китайскаго описанія.

По дорогѣ отъ кондуйскихъ развалинъ къ руднику Кличкинскому, въ узкой долинѣ, или по-сибирски, пади, стояла на кругломъ гранитномъ основаніи плита съ надписью на монгольскомъ языкѣ; она упала и переломилась, безъ дальнаго поврежденія надписи. Плита увезена была въ большой Нерчинскій заводъ, а потомъ доставлена въ Петербургъ, и теперь стоитъ на лѣстницѣ въ музеѣ Академіи, но такъ небрежно, что свѣтъ падаетъ на нее прямо и скрываетъ вырѣзанныя буквы. Академикъ Шмитъ увѣрялъ, что надпись эта есть заклятіе 335 эллѣвъ, или злыхъ духовъ; учитель монгольскаго языка въ Кяхтѣ, Ванчиковъ, говоритъ, что надпись означаетъ побѣду Чингисъ-Хана надъ жившими по рѣкѣ Онону племенами, совершенную 335 посланными; наконецъ г. Банзаровъ доказываетъ, что надпись означаетъ удѣлъ одного изъ племянниковъ Чингис-Хана. Онъ переводитъ её такъ: «когда Чингисъ-Ханъ послѣ нашествія на народъ Сартагулъ (Хивинцевъ) возвратился, и люди всѣхъ монгольскихъ поколѣній собрались въ Бага-Сучигаѣ, то Исункѣ получилъ въ удѣлъ 335 воиновъ хонгодарскихъ».

Нѣкоторые монголисты думаютъ, что памятникъ означаетъ суглавъ или совѣтъ, состоявшій изъ 335 человѣкъ. Монголы для народныхъ совѣтовъ собирались обыкновенно въ узкія пади, и рѣшеніе свое ознаменовывали чѣмъ-нибудь видимымъ.

Digitized by Google

Отчего же происходитъ разность въ переводѣ надписи? Во-первыхъ почеркъ письма старинный, во-вторыхъ надпись высѣчена на гранитѣ, который уже вывѣтрѣлся, а надпись лишилась точекъ и крючковъ, измѣняющихъ одну и ту же букву. Далѣе,—языкъ надписи простонародный, старинный, вышедшій изъ употребленія; въ надписи несоблюдено правописанія, и наконецъ, руки ваятеля были неопытны.

Близъ рѣки Аргуни видѣнъ старинный валъ; онъ идетъ съ запада на востокъ, упирается въ лѣвый берегъ Аргуни, и показывается опять на другомъ берегу, наконецъ, теряется въ Монголіи. Внутри его видны небольшія четырех-угольныя укрѣпленія, обнесенныя рвами и валами,—на другой сторонѣ Аргуни, верстахъ въ 10 отъ нея, видны остатки города, укрѣпленнаго валомъ и рвомъ. По всему примѣтно, что внѣшній длинный рядъ прикрывалъ или жилище хана, или стоявшую за нимъ армію. Туземцы не знаютъ, какой народъ воздвигъ валы и рвы.

Извѣстно, что степи, лежащія въ вершинахъ рѣки Онона, были мѣстомъ рожденія Чингисъ-Хана и начальнымъ театромъ его воинскихъ подвиговъ. Ниже по Океану, въ нашихъ предѣлахъ, обиталъ народъ Джелаиръ, съ которымъ Чингисъ велъ кровопролитную и долговременную войну. Есть причины думать, что Джелаиры были Турскаго племени, остатки Дин-Линовъ или Уйгуровъ.

Надобно признаться, что всѣ Забайкальскіе памятники древности не были осмотрѣны учеными глазами. Палласъ не видалъ ничего, кромѣ могилъ; онъ даже не углублялся въ Даурію, но встрѣтился съ вершиною Аргуни. Онъ былъ только натуралистъ, на древности смотрѣлъ мимоходомъ. Учители Нерчинскаго уѣзднаго училища разъѣзжаютъ по Дауріи, но сообщаютъ въ журналы и газеты чисто-литературныя статьи. Профессоръ Кастренъ объѣзжалъ Сибирь, кажется, съ цѣлью отысканія финскихъ племенъ. Онъ былъ и за Байкаломъ, но труды его и результаты изысканій не для Россіи. Теперь открыто въ Иркутскѣ отдѣленіе географическаго общества, и на первый разъ предположено составить карту Восточной Сибири; ученые разсыплются, и, вѣроятно, займутся не однимъ опредѣленіемъ градусовъ долготы и широты.

Забайкальская область поставлена теперь на военную ногу; въ ней формируется до 20,000 войска пѣшаго и коннаго. Мѣстомъ пребыванія наказнаго атамана и военнаго губернатора будетъ селеніе Чита, стоящее по ту сторону Яблоннаго хребта, на высокомъ берегу рѣки Ингоды, которая здѣсь уже судоходна. Окрестности Читы живописны: рѣка Ингода, то скрывается въ рощахъ дикихъ

Digitized by Google

яблоней и черемухъ, то выказывается на полянахъ. Весною покатости горъ покрыты цвѣтущимъ рододендрономъ; черемухи благоухаютъ, а между кустами ярко выказываются цвѣты; это садъ природы, расположенный такъ искусно, что трудно убѣдиться, что здѣсь работала одна природа. Верстахъ въ пяти отъ Читы колышется рыбное озеро Кенонъ. Чита возбуждаетъ чувство радости въ путешественникѣ, переѣхавшемъ черезъ однообразный, пустынный Яблонный хребетъ.

Выборъ мѣста для областнаго управленія удаченъ какъ нельзя лучше. Во-первыхъ, здѣсь центръ Забайкальской области, во-вторыхъ, всѣ товары, идущіе изъ Кяхты, Иркутска, здѣсь грузятся на плоты и спускаются по Ингодѣ въ Нерчинскъ и горные заводы.—Такъ точно и товары, идущіе изъ Нерчинска вверхъ по Ингодѣ, здѣсь перекладываются на возы. Въ настоящее время Чита есть не болѣе, какъ деревня и притомъ небольшая, но центральность управленія возвыситъ ее до степени города не далѣе, какъ чрезъ 10 лѣтъ.

Изъ этого поверхностнаго обозрѣнія открывается однакожъ, что Забайкальская область занимаетъ самую южную полосу Восточной Сибири, граничитъ съ китайскимъ государствомъ, имѣетъ плодородную черноземную почву, которая не требуетъ удобренія;—богата землями и лѣсами; надѣлена звѣриными и рыбными промыслами, имѣетъ богатое скотоводство, и въ будущемъ представляетъ огромныя средства къ пропитанію жителей. Горы и розсыпи даютъ драгоцѣнные металлы и камни; производитъ торговлю съ Китаемъ хлѣбомъ, скотомъ и шкурками ягнятъ. Хлѣбная торговля усиливается съ каждымъ годомъ, потому что составляетъ предметъ необходимости для голодной Монголіи, богатой каменистыми равнинами и горами. Монголы доставляютъ кирпичный чай, съѣстной припасъ и предметъ необходимости для Забайкальской области; потомъ мануфактурныя произведенія фанзу, полушелковицу, китайку, дибу. Ткани эти неизбѣжны для Сибиряковъ, неумѣющихъ ткать даже порядочнаго холста. Монголы всѣ товары получаютъ отъ Китайцевъ, Сибирякамъ же достаются изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ, слѣд по цѣнамъ высокимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что торговлю эту можно усилить, но мѣры несвоевременныя и поспѣшныя вредятъ будущему, а современниковъ обольщаютъ мишурнымъ блескомъ.

Забайкальская область обижена климатомъ: въ Европѣ подъ широтою 49° созрѣваетъ виноградъ на свободномъ воздухѣ, а за Байкаломъ, даже по китайской границѣ, зябнетъ хлѣбъ отъ иневъ на колосѣ. Подобныя несчастія, хотя не каждогодны, однакожъ по-

Digitized by Google

стоянно грозятъ обитателямъ неурожаями. Лѣнь и безпечность жителей вредятъ развитію ремеслъ и торговли; конечно, время и нужды заставятъ Даурца разстаться съ вредными предразсудками и привычками, но въ настоящее время страна за-Яблонская мертва живою смертью.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Іюня 30 скончался въ Москвѣ, на 78 году отъ рожденія, одинъ изъ достопочтеннѣйшихъ и заслуженныхъ гражданъ, старшій воспитанникъ Московскаго Университета, Сенаторъ и Почетный Опекунъ Петръ Семеновичъ Полуденскій.

Въ апрѣлѣ скончалась знаменитая игуменья Бородинскаго монастыря, Марія, которая, лишившись въ 1812 году своего супруга, генерала Тучкова, убитаго на Бородинскомъ полѣ, а вскорѣ послѣ него—и единственнаго сына, посвятила себя Богу, постриглась въ монахини, и основала монастырь около драгоцѣнныхъ для себя могилъ. Мы надѣемся сообщить подробности объ ея жизни.

—

Превосходное произведеніе Рамазанова, бюстъ Гоголя, конченъ, и желающіе могутъ получить его въ мастерской художника или въ конторѣ Москвитянина.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЕ О МИХАИЛѢ НИКОЛАЕВИЧѢ ЗАГОСКИНѢ.

Не даромъ считаютъ високосные года тяжелыми годами. Ужасенъ настоящій високосъ для русской литературы! 21-го февраля потеряли мы Гоголя, 12-го апрѣля—Жуковскаго, и наконецъ 23-го іюня—Загоскина. Нисколько не сравнивая этихъ писателей въ талантахъ, положительно можно сказать, что Загоскинъ пользовался гораздо бо́льшею народностью, принимая это слово въ его извѣстномъ у насъ значеніи. Почти все, что́ знаетъ грамотѣ на Руси—читало и знаетъ Загоскина; къ этому числу должно присоединить всѣхъ безъ исключенія торговыхъ грамотныхъ крестьянъ. Восемь изданій Юрія Милославскаго (переведеннаго на многіе европейскіе языки), три или четыре изданія нѣкоторыхъ другихъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, разошедшихся по всѣмъ отдаленнымъ угламъ Россіи,—ясно и убѣдительно подтверждаютъ слова мои. Въ четыре мѣсяца угасли у насъ три славы, три знаменитости, три послѣднихъ писателя, которые продолжали писать, которыхъ талантъ былъ всѣмъ извѣстенъ, всѣми признанъ. Такая быстрая утрата славныхъ именъ была бы поразительна во всякой литературѣ, гораздо обильнѣйшей и полнѣйшей, а у насъ—это опустошеніе! Безъ сомнѣнія, есть много на Руси людей съ дарованіями замѣчательными, но они какъ-то не высказались вполнѣ: показали нѣкоторыя стороны своего таланта, имѣли заслуженный успѣхъ и—замолчали; другіе еще мало написали, не получили настоящаго значенія, общей извѣстности и общаго признанія: это еще надежды, часто обманчивыя, и высшія ступени поприща русской литературы остаются пусты, мрачны, одѣты глубокимъ трауромъ.

Предоставляя другимъ впослѣдствіи написать полную біографію М. Н. Загоскина, съ исчисленіемъ и оцѣнкою всѣхъ его литературныхъ произведеній и съ указаніемъ почетнаго мѣста, которое онъ долженъ занять въ исторіи русской литературы—я хочу только сказать нѣсколько словъ о немъ, какъ о человѣкѣ, имѣющемъ полное право на участіе и благодарность современниковъ.

Много есть на свѣтѣ добрыхъ людей, но трудно найдти человѣка, въ характерѣ котораго соединялось бы столько простоты душевной, доброты сердечной и ясной, неистощимой веселости, происходившей отъ спокойной, безупречной чистоты сокровенныхъ помышленій и отъ полнаго преобладанія доброты надъ всѣми другими качествами, какъ это было въ покойномъ М. Н. Загоскинѣ. Живой, откровенный и вспыльчивый отъ природы, онъ могъ сказать въ горячемъ, пріятельскомъ спорѣ что-нибудь оскорбительное другому, но едва вылетало огорчительное слово, какъ уже раскаяніе

Digitized by Google

овладѣвало Загоскинымъ, и, чтобъ загладить свою вину, онъ готовъ былъ сдѣлать все для этого человѣка. Эта веселость, не оставлявшая его вовсе до послѣдняго дня жизни, была въ высшей степени сообщительна и увлекательна, какъ все происходящее искренно изъ глубины души. Эта добродушная веселость, разлитая во всѣхъ его сочиненіяхъ, передаваемая языкомъ легкимъ, яснымъ и живымъ, въ соединеніи съ неподдѣльною національностію, произвела, безъ сомнѣнія, тотъ восторгъ *во всѣхъ* читающихъ сословіяхъ, съ которымъ былъ принятъ первый романъ Загоскина (Юрій Милославскій),—восторгъ *общій*, котораго не производилъ *ни одинъ* русскій писатель.

Около тридцати лѣтъ жилъ Загоскинъ постоянно въ Москвѣ, любимый и уважаемый всѣми: мудрено найдти человѣка, который бы не зналъ его лично или не слыхалъ о немъ. Утро посвящалъ онъ дѣятельности литературной и служебной, а вечера проводилъ въ обществѣ, которое потеряло въ немъ человѣка одушевлявшаго московскія бесѣды и пріятельскіе кружки своимъ присутствіемъ, своими веселыми и живыми разговорами. Даже въ послѣдніе два года, будучи постоянно боленъ, онъ выѣзжалъ сначала почти ежедневно, и, увлекаясь живостью и веселостью своего характера, горячо предавался шумному потоку споровъ о разныхъ современныхъ интересахъ и вопросахъ. Будучи по преимуществу русскимъ человѣкомъ въ складѣ своего ума и рѣчи, не рѣдко простымъ и мѣткимъ словомъ обличалъ онъ запутанность отвлеченнаго предмета, о которомъ шелъ споръ, и громкимъ смѣхомъ признавали обѣ спорныя стороны вѣрность живописнаго эпитета. Тяжело, грустно его друзьямъ и всѣмъ близкимъ знакомымъ, привыкать къ мысли, что они никогда уже не увидятъ Загоскина и не услышатъ его голоса, звучавшаго добродушіемъ и жизнью. Грустно должно быть и всѣмъ добрымъ и честнымъ людямъ, что не стало добраго и честнаго человѣка.

Смѣло можно сказать, что впродолженіе всей своей жизни, служебной и домашней, Загоскинъ не сдѣлалъ никому зла, и, по добротѣ своей природы, даже не могъ его сдѣлать, но добра сдѣлалъ онъ много и многимъ. Я не говорю уже о томъ духовномъ добрѣ, которое произвели и будутъ производить большая часть его сочиненій безукоризненною чистотою своего нравственнаго направленія.

Не потому пишутся эти строки, что будто о покойникахъ ничего, кромѣ добраго, говорить не должно, а потому, что должно говорить о нихъ правду.

С. А—въ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Выборы въ Англіи.

(Письмо къ издателю Journal des debats).

Во Франціи,—кромѣ развѣ очень рѣдкихъ исключеній,—общественными дѣлами занимаются больше всего изъ честолюбія; въ Англіи отъ праздности. Джентльменъ-охотникъ за лисицами, по окончаніи охоты,—купецъ, ставшій милліонеромъ и бросившій торговлю, непремѣнно умерли бы со скуки, еслибъ не были членами парламента, который занимаетъ ихъ досуги; это, очевидно, не дѣло честолюбія, а просто дѣло гигіены. Однакожъ избирателямъ нельзя же при подачѣ голосовъ ходить отъискивать наиболѣе скучающихъ и наиболѣе праздныхъ: такимъ лицамъ надобно являться самимъ. Кандидаты эти непремѣнно ознаменовываютъ себѣ какимъ-нибудь чудачествомъ, коимъ пріобрѣтаютъ извѣстность, а если они неизвѣстны, то къ ихъ услугамъ вывѣски, которыя скажутъ ихъ имена и ихъ заслуги. Объявленіе ихъ политическаго мнѣнія дѣлаетъ остальное. Этого можетъ быть достаточно для тѣхъ кандидатовъ, которые сами собою могутъ надѣяться на успѣхъ, благодаря пріобрѣтенной ими извѣстности. Но, если избраніе угрожаетъ сдѣлаться предметомъ спора, въ такомъ случаѣ нужны средства сильныя, — нужно прибѣгнуть къ искательству. Необходимо побывать къ избирателямъ и дѣйствовать на каждаго изъ нихъ отдѣльно. Здѣсь-то и заключается главная трудность. Избиратель—фермеръ; онъ можетъ быть только *протекціонистомъ*, потому что хлѣбный законъ заставляетъ его понизить цѣну на ячмень и на рожъ: и кандидатъ, обѣщавшись ему возвысить цѣну посредствомъ запрещенія, пріобрѣтаетъ его голосъ. Въ городкахъ промышленныхъ надобно поддѣлываться подъ рѣчи г. Кобдена и говорить о свободной торговлѣ. Кандидатъ, могущій обнадежить шеффильдскаго ножевщика, что его ножи безнаказанно будутъ расходиться по всѣмъ пяти частямъ свѣта, будетъ имѣть на своей сторонѣ всѣхъ *free-traders*, т. е. партизановъ свободной торговли.—*Покровительство, свободная торговля,*

Digitized by Google

вотъ два колеса, на которыхъ вертится все дѣло. Есть впрочемъ избиратели, которые, не будучи ни владѣтелями земель, ни фермерами, ни фабрикантами, не интересуются положительно ни свободной торговлей, ни покровительствомъ, и которымъ пріятно бы было рѣшеніе бюджета, уменьшеніе пошлины на солдатъ, установленіе одинаковой для всѣхъ таксы, какъ и пониженіе податей для бѣдныхъ; кандидатъ долженъ твердить имъ великія слова: *финансовая реформа*.

Кандидатство пущено въ ходъ: но ему еще нужно содѣйствіе комитета, гдѣ сосредоточивались бы всѣ средства дѣйствованія, долженствующія напередъ обезпечить избраніе. Дѣло въ томъ, что надобно имѣть нѣсколькихъ вѣрныхъ друзей, которые взялись бы дѣйствовать со всѣмъ жаромъ. Этому-то комитету друзей принадлежитъ забота составлять афиши и распространять свѣденія о кандидатѣ. На этотъ случай у кандидата есть, самыя разнообразныя орудія для публикаціи. У него есть во первыхъ, *board-man*, или человѣкъ-афиша, который, сплюснутый между двумя досками, чрезвычайно похожъ—такъ что легко ошибиться—на ходячій кузничный мѣхъ; есть *pote-bearer*, который носитъ *van* (опахало) съ именемъ избираемаго кандидата, написаннымъ гигантскими буквами. За тѣмъ слѣдуютъ телѣги болѣе или менѣе страннаго вида, кои комитетъ собираетъ отовсуду и предоставляетъ puffers'амъ, или составителямъ пуфовъ, которые нагружаютъ ихъ разными вывѣсками о своемъ кандидатѣ. Все это впрочемъ еще только вывѣска.

Наступилъ день собранія. Вездѣ строятся hustings, нѣчто въ родѣ огромныхъ подмостокъ, на которыхъ возсѣдаютъ кандидаты. Толпа густѣетъ и растетъ, тѣснится и толкается, какъ на ярмарочномъ зрѣлищѣ. Кандидаты, окруженные блистательной свитой друзей, которые ѣдутъ то верхомъ, то въ каретахъ, предшествуемые знаменами и сопутствуемые иногда хоромъ музыкантовъ, являются на выборы среди истинно-театральной торжественности. Они сидятъ на своихъ hustings, постоянно окруженные своими друзьями, которые сходятъ на землю. Часть лѣстницы предоставлена шерифу и его ассесорамъ. Передъ началомъ выборовъ они занимаютъ здѣсь свои мѣста. Шерифъ читаетъ собранію королевскій указъ, которымъ сзываются избиратели, равнымъ образомъ читаетъ и *bridery-act*, или законъ противъ подкуповъ, и послѣ этой формальности объявляетъ, что выборы начинаются.

Каждый кандидатъ представляется тогда собранію избирателей черезъ *mover*'а или друга, который дѣлаетъ предложеніе, и его кандидатство вспомоществуется еще *seconder*'омъ, исчисляющимъ титулы претендента. Потомъ предоставляется говорить самому

Digitized by Google

кандидату, и онъ раскрываетъ свои мнѣнія, и отвѣчаетъ на всѣ предложенныя ему возраженія. Остроты перекрестнымъ огнемъ сыплются присутствующими; самые грубые возгласы дождемъ падаютъ на кандидата, и останавливаютъ его на каждой фразѣ его рѣчи. Иногда въ hustings кидаютъ что-нибудь, по большой части мертвыхъ крысъ, и эта шутка всегда возбуждаетъ въ собраніи смѣхъ. Тогда шумъ возрастаетъ до крайней степени; кричатъ, ревутъ, хохочутъ. Послѣдніе выборы, отъ графства Вестминстерскаго, въ Лондонѣ представляли почти подобную сцену. Нѣсколько значительныхъ иностранцевъ, между которыми находился турецкій посланникъ, и большое число дамъ изъ лучшихъ фамилій Англіи, собрались на мѣсто выборовъ, и занимали галлереи Ковенъ-гарденскаго рынка. Толпы народа тѣснились къ подмосткамъ. Передняя часть постройки была буквально унизана объявленіями, которыми возбуждали избирателей въ пользу лорда Мэдстона, кандидата министерскаго. На афишахъ благороднаго лорда красовались слова: «чай, пиво и табакъ по сходной цѣнѣ». Это объявленіе, долженствовавшее обезоружить большую часть собранія, вызвало самыя жестокія насмѣшки. Несчастный кандидатъ былъ неумолимо освистанъ за свои стихи и свою приверженность къ политикѣ лорда Дерби. Мычанье постоянно мѣшало говорить, и его кандидатство было погребено подъ лавинами эпиграммъ и ругательствъ.

Выборы на Сити имѣли болѣе мирный характеръ. Здѣсь находились герцоги: Немурскій, Монпансье и Омальскій. Одинъ изъ кандидатовъ, сэръ Джонъ Руссель, по своему высокому положенію, какое занималъ въ дѣлахъ государственныхъ, встрѣченъ уваженіемъ присутствующихъ. Въ Мерильбонѣ выборы происходили довольно чинно. Въ другихъ мѣстахъ вовсе не было никакой оппозиціи, и сэръ Дудлей Куттсъ Стюартъ, также какъ г. Бенжаменъ Галль, получили опять свои мѣста безъ всякаго противорѣчія. Извѣстно, что первый изъ нихъ родственникъ Лудовика Наполеона, президента республики, потому что женатъ на принцессѣ Христинѣ, дочери Луціана Бонапарте и сестрѣ принца Канино.

Мы представили самую обольстительную сторону картины, и отселѣ можно видѣть, обольстительна ли она въ самомъ дѣлѣ. Иногда сцена бываетъ менѣе увлекательна; часто случается, что кандидатъ, который предвидитъ грозу, изъ предосторожности приводитъ съ собою сильныхъ *supporters*, поборниковъ своего дѣла. Ихъ присутствіе въ собраніи часто производитъ кровавыя драки; къ этимъ безпорядкамъ надобно еще прибавить многочисленныя покражи, которыя дѣлаются около подмостокъ, и легко понять, какъ необходимо при-

Digitized by Google

вести въ лучшій порядокъ избирательную систему, дающую такой просторъ злоупотребленіямъ. Уже, при послѣднихъ выборахъ, избиратели наводили лорда Пальмерстона на вопросъ о реформѣ въ этомъ родѣ, и спрашивали его, не приметъ ли онъ предложенія замѣнить существующій теперь способъ дѣйствительной подачи голосовъ секретнымъ балотированіемъ. Но бывшій министръ объявилъ, что публичное поданіе голосовъ, каково оно ни есть, кажется ему все-таки предпочтительнѣе секретнаго, какъ болѣе сообразное съ сущностью англійскаго правленія, въ которомъ всѣ акты должны быть публичны. Отвѣтъ, по крайней мѣрѣ, благовидный.

Поданіе голосовъ поднятіемъ къ верху руки, употребляемое также въ большей части случаевъ, менѣе разумно, и можетъ быть слѣдствіемъ увлеченія. Конечно, законъ даетъ кандидату право требовать *poll*, или перебалотировки, но только въ такомъ случаѣ, когда поданіе голосовъ поднятіемъ руки оставляетъ какое-нибудь сомнѣніе относительно избранія. Уваженіе къ болѣе строгому порядку заставляетъ желать лучше секретнаго балотированія. Многіе изъ мирныхъ гражданъ не хотятъ пользоваться своими правами при избраніи, потому что ихъ отталкиваютъ отъ себя непріятности, коимъ могутъ они подвергнуться при подмосткахъ. Они знаютъ, что могутъ получить тамъ нѣсколько добрыхъ тумаковъ въ голову, или по крайней мѣрѣ услышать нѣсколько грубостей, и этого достаточно, чтобы отбить у нихъ охоту участвовать въ выборахъ.

Мы убѣждены также, что много кандидатовъ заслуженныхъ явились бы на балотировку, еслибъ не должны были подвергаться испытанію подмостокъ. Прибавимъ еще, что, при теперешней избирательной системѣ, необходимо имѣть огромное богатство, чтобы искать чести быть избраннымъ. Издержки, которыхъ требуетъ кандидатство, чрезвычайно велики, особенно когда велико самолюбіе. Кандидатъ не слишкомъ значительный, но желающій быть значительнымъ, кромѣ издержекъ на разнородныя публикаціи, долженъ принять на свой счетъ всѣ вообще издержки при избраніи, и сдѣлать подарки своимъ избирателямъ. Пожалуй, читатель воскликнетъ: «Какъ! и это вы называете свободой, независимостью!»

И такъ честь засѣданія въ парламентѣ достается не совсѣмъ даромъ, хотя и кажется такъ; не говоря ужъ объ денежныхъ издержкахъ, еще остается сумма скуки и омерзѣнія, которыя способны остановить самое смѣлое честолюбіе. Какъ подумаешь о всѣхъ несчастливцахъ, имѣющихъ слабость честолюбія, и рѣшившихся въ общественной жизни искать спасительнаго перелома отъ пожирающей ихъ болѣзни, то проникаешься глубокимъ состраданіемъ къ

Digitized by Google

этимъ несчастнымъ, добровольно осуждающимъ себя пить въ такихъ большихъ пріемахъ изъ чаши униженія. Вы видите, что честь,—какъ бы она ни была велика,—прибавить на картѣ къ своему имени коротенькое: М. Р. (Членъ Парламента), покупается слишкомъ дорого въ Англіи.

Отрывокъ изъ письма Шафарика къ редактору Москвитянина.

... Вы желаете слышать отъ меня о послѣднихъ минутахъ Коляра. Онъ уснулъ тихо. Предъ самой кончиной попросилъ онъ своихъ приподнять его, чтобъ могъ онъ еще разъ взглянуть на Божій міръ. И такъ, въ минуту смерти онъ снискалъ покой мудраго: въ жизни—нѣтъ. Его послѣдніе годы были бурны; онъ жилъ въ яростной ненавистной распрѣ съ своими земляками Словаками; его внутреннее было страшно возмущено и растерзано. Это и снѣдало его (1). А содержаніе его, благодаря милости нашего великодушнаго Монарха, было достаточно обезпечено въ это время. Вдова и дочь живутъ въ Вѣнѣ, и получаютъ пенсію (2). Посмертныя его

(1) Могу теперь сообщить нѣкоторыя подробности, любопытныя для читателей. Коляръ, первый, началъ войну Славянъ съ Мадярами, заступаясь за своихъ соотечественниковъ, которыхъ послѣдніе хотѣли омадярить. Жизнь его часто подвергалась опасности. Въ 1839 году онъ получилъ безыменное письмо, въ коемъ ему возвѣщался кинжалъ, въ извѣстный срокъ, если онъ не откажется отъ своего образа дѣйствія. Я былъ тогда въ чужихъ краяхъ, и получивъ о томъ свѣдѣніе, кажется, чрезъ г. Бодянскаго, написалъ тотчасъ бывшему тогда министру народнаго просвѣщенія, С. С. Уварову, прося его о покровительствѣ знаменитому славянину. Министръ отвѣчалъ мнѣ немедленно, что ученое мѣсто для Коляра всегда готово, и онъ можетъ пріѣхать въ Россію когда угодно, заниматься спокойно своими изслѣдованіями. Коляръ однакожъ не нашелъ въ себѣ силъ принять это предложеніе, когда дошло дѣло до окончательнаго рѣшенія, и отвѣчалъ мнѣ, что жизнь его принадлежитъ отечеству, и онъ не оставитъ своихъ, что бы ни случилось съ нимъ.

Онъ любилъ своихъ пламенно, и между тѣмъ сдѣлался предметомъ ихъ ненависти, какъ видно изъ письма. За что? я не могу сказать утвердительно: знаю только, что въ 1846 году начинался у нихъ споръ горячій за Словацкое нарѣчіе, которое Штуръ съ своими приверженцами хотѣлъ ввести въ литературное употребленіе, между тѣмъ какъ Коляръ, (равно какъ и Шафарикъ), настаивали на Чешское, которое было литературнымъ языкомъ для Словаковъ, какъ и для Чеховъ и Моравлянъ. *М. П.*

(2) Коляръ женился въ 1835 году. Мнѣ случилось быть тогда въ Прагѣ, какъ онъ ѣхалъ чрезъ Прагу изъ Венгріи въ Іену къ своей невѣстѣ, въ которую влюбился, чуть-ли не за пятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, еще студентомъ, учившись тамъ вмѣстѣ съ Шафарикомъ. *М. П.*

Digitized by Google

сочиненія: 1) Славянская Италія, и 2) Оботритская древность—въ печати. Пользу ихъ для науки—окажетъ время (3). Для насъ останется Коляръ незабвеннымъ, какъ поэтъ и другъ! Честь его памяти.

Вы хотите получить также свѣдѣніе о всѣхъ своихъ здѣшнихъ друзьяхъ и знакомыхъ?—Челаковскій несчастливъ въ своей семейной жизни: въ Бреславлѣ похоронилъ онъ свою первую, прекрасную, умную,—здѣсь, въ Прагѣ—недавно вторую, великодушную, образованную жену. Дѣтей отъ обѣихъ — много. Онъ издалъ недавно общеславянское собраніе пословицъ, и хрестоматію для гимназій. Пуркиня—все тотъ же прежній, спокойный мудрецъ, основатель и путеводитель здѣшняго физіологическаго института, дѣйствующій на поприщѣ преподаванія (4). *Палацкій* живетъ уединенно, посвятивъ себя исключительно историческимъ изысканіямъ. Происшествія послѣднихъ лѣтъ отняли изъ-подъ ногъ его ту почву, на которой онъ стоялъ. Смертію тестя, адвоката Мехуры, онъ, или, собственно, жена его, получили независимое состояніе. *Вочель* — профессоромъ славянской археологіи въ университетѣ. *Томикъ*—профессоромъ исторіи: оба работаютъ много и для литературы. *Ербенъ* — городской архиваріусъ, какъ писатель—основателенъ и дѣятеленъ. Его regesta исторіи Чешской—въ печати, капитальное сочиненіе. *Штулцъ*—законоучитель въ гимназіи. *Ганка*—все тотъ же, какимъ вы его знаете. *Клачель* живетъ покойно въ своемъ монастырѣ, въ Брнѣ. Въ Аграмѣ работаетъ дѣльно *Кукулевичъ*, который выдалъ недавно вторую часть Arkiv za povestnicu Jugoslavensky. Въ Боннѣ вышла книжка: Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache.

Постарайтесь, чтобъ кто-нибудь издалъ у васъ Апостолъ и Псалтырь по древнѣйшимъ спискамъ, какъ издано Евангеліе по Остромиру. Горе, что вы ничего не дѣлаете для древняго славянскаго языка. Для изученія недостаетъ древнихъ текстовъ.... (5).

(3) Шафарикъ былъ всегда противъ историческихъ фантазій Коляра. Въ 1846 году Коляръ, во время пребыванія моего въ Пештѣ, показывалъ мнѣ свои изслѣдованія и читалъ многіе отрывки. Я слушалъ его предубѣжденный, и былъ пораженъ нѣкоторыми его указаніями, напр. Prisci sive Dauni, Neptunus Consus-Hyppios, и проч. Думая объ нихъ впослѣдствіи, и соображая новѣйшія догадки, и, пожалуй, мечтанія, о Славянахъ въ разныхъ углахъ Европы, я пришелъ къ заключенію или вопросу, что Славяне были первымъ слоемъ европейскаго заселенія. Не прилично сказать это мнѣ здѣсь, въ углу случайнаго примѣчанія, но—пришлось къ слову: пусть такъ и останется. Впрочемъ въ наше время не надо беречь и тантъ мыслей; отъ скорѣйшаго обращенія ихъ, пренія, выигрываетъ истина. *М. П.*

(4) О Пуркинѣ см. мой «Годъ въ чужихъ краяхъ», Ч. I, стр. 86—97 и пр. *М. П.*

(5) Шафарикъ безпрестанно твердитъ объ этихъ изданіяхъ. Мы смѣемъ теперь надѣяться на второе отдѣленіе академіи наукъ. *М. П.*

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

Ученая и литературная дѣятельность въ Воронежѣ сосредоточивается, большею частію, въ здѣшнихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ; но есть дѣятели и внѣ этого средоточія. Хотя въ Воронежѣ кругъ литературныхъ дѣятелей не великъ объемомъ, но за то разнообразенъ содержаніемъ. Правда, что у насъ не много пишущихъ, за то много любителей литературы. Иные, хотя ничего не пишутъ, но постоянно занимаются литературою собственно для своего удовольствія; другіе же не пишутъ потому, что посвящаютъ всѣ свои дарованія и весь досугъ или образованію другихъ, или другимъ служебнымъ занятіямъ, а потому мало имѣютъ свободнаго времени собственно для литературныхъ трудовъ. Но, не смотря на то, нѣкоторые все-таки работаютъ для пользы науки, въ тиши кабинетной. Нѣкоторые помѣщаютъ свои статьи только въ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Многія изъ этихъ статей, по своему содержанію, заслуживаютъ особеннаго вниманія, и написаны, какъ видно, людьми, понимающими потребность читающей публики. Эти статьи преимущественно касаются этнографіи здѣшняго края, исторіи, статистики, хозяйства и пр. т. п. Вотъ статьи, которыя помѣщены въ Воронежскихъ Вѣдомостяхъ въ прошломъ 1851 году:

1) Крутой Логъ, 2) Кудоярово поле, 3) Два брата (легенда), *г. Тиманскаго*; 4) Приметы, *г. Богданова*; 5) Воспоминаніе о Хохлѣ (село), 6) Соплякова Церковь (урочище), *г. Владимірова*; 7) Народныя названія праздничныхъ и другихъ дней, 8) Обычаи, повѣрья и предразсудки крестьянъ села Верхотишанки, 9) Праздники и увеселенія, 10) Одежда, обувь, пѣсни этого же села, 11) Тишанскія ярмарки, 12) Села Старый и Новый Курлаки, 13) Историческія свѣдѣнія объ упраздненномъ Троицкомъ Битюгскомъ монастырѣ, 14) Нѣсколько статис. свѣдѣній о Бобровскомъ уѣздѣ, 15) Первое бритье въ Воронежѣ (анектодъ изъ временъ Петра I), *г. Фонъ-Кремера*; 16) О лѣсахъ Валуйскаго уѣзда, 17) Усманская казенная устроенная дача, *г. Вицинскаго*; 18) Статистическое описаніе части Лебедянскаго

Digitized by Google

уѣзда, *г. Бѣльскаго*; 19) О укрѣпленіи сыпучихъ песковъ, *г. Тарачкова*; 20) О старомъ и новомъ препровожденіи досужаго времени, *г. Малыхина.*

Нѣкоторыя статьи принадлежатъ лицамъ, пожелавшимъ скрыть свои фамиліи, а именно:

21) Похороны въ слободѣ Красной Новохоперскаго уѣзда; 22) Пѣсни и игры крестьянъ Вор. губ.; 23) Урюпинская ярмарка; 24) Воспоминаніе объ Урюпинѣ; 25) Урочища Воронежской губерніи; 26) Муромскій шляхъ; 27) О мѣрахъ къ улучшенію частныхъ имѣній.

Что̀ касается собственно хроники Воронежа, то по этому отдѣлу почти все принадлежитъ редактору Вор. Вѣд. г. *Средину*.

Но особенно въ Вор. Вѣд. отдѣлъ исторіи богатъ различными историческими матеріялами.

Розысканіемъ и собираніемъ у насъ въ Воронежѣ историческихъ и юридическихъ актовъ занимаются Гг. *Второвъ* и *Александровъ-Дольникъ*, и занимаются съ такою любовію къ наукѣ, съ такою энергіею къ дѣлу, что въ продолженіе какихъ-нибудь 2-хъ лѣтъ они успѣли разобрать огромныя кипы старинныхъ бумагъ и документовъ, различныхъ временъ, словомъ—изъ пыли и тлѣнія различныхъ свитковъ и свертковъ воскресили дѣла давно минувшихъ дней, преданье старины глубокой. Всѣ эти историческіе памятники постоянно помѣщаются въ Вор. Вѣдомостяхъ и издаются особо отдѣльными книгами, подъ названіемъ «Воронежскіе Акты». 1-я книжка вышла въ свѣтъ въ прошломъ 1851 году; 2-я вышла въ началѣ нынѣшняго года; 3-я оканчивается печатаніемъ; къ ней, какъ слышно, приложены будутъ: а) старинный видъ (1703) города Воронежа, и б) карта Воронежской губерніи съ показаніемъ прежнихъ границъ ея, въ составѣ воеводствъ, съ обозначеніемъ постепеннаго народонаселенія.

Изданіе (*) этихъ Актовъ важно не для одной исторіи и археологіи, но и для филологіи, потому-что составители Актовъ, желая на многія темныя мѣста сдѣлать комментарій, сочли нужнымъ составить словарь старинныхъ словъ, при которыхъ сдѣлали поясненія значенія каждаго. Сверхъ того они сдѣлали указанія на особенности

(*) Все это изданіе Актовъ отпечатано въ здѣшней губернской типографіи. При типографіи этой находится и литографія для заготовленія присутственнымъ мѣстамъ различныхъ бланковъ; здѣсь же принимаются заказы и для частныхъ лицъ. Въ Воронежѣ, кромѣ этой литографіи, есть еще двѣ литографіи—*одна* частная, принадлежащая г. Кондратьеву, (которому разрѣшено открыть и типографію),—*другая*—находится при Михайловскомъ Воронежскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, въ которой литографируются (по особому способу) записки для классовъ, какъ учебныя пособія для воспитанниковъ этого заведенія.

Digitized by Google

употребленія формъ стариннаго языка, на строеніе и обороты рѣчи. Въ этихъ замѣткахъ филологъ найдетъ много данныхъ для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся строенія нашей рѣчи.

Укажемъ еще на слѣдующіе важные труды, начатые съ нѣкотораго времени, и еще не конченные, но о которыхъ, во всякомъ случаѣ, спѣшимъ увѣдомить любителей наукъ.

1. У насъ готовится къ изданію *Воронежская Флора*, собраніе которой продолжается уже другое лѣто, и есть надежда, что у насъ, въ Россіи, Воронежская Флора скоро (нынѣшнимъ годомъ) явится третьею послѣ Московской и Орловской. Съ нетерпѣніемъ ждемъ выхода этого новаго Сборника ботаническихъ растеній, которыя вполнѣ охарактеризуютъ флору здѣшняго края и дадутъ понятіе о богатствѣ растительнаго царства, которое, какъ мы слышали, здѣсь очень разнообразно особенными видами. Пожелаемъ трудолюбивому собирателю Воронежской Флоры скорѣйшаго выпуска 1-й сотни (1), о выходѣ которой мы подробнѣе поговоримъ въ свое время.

2. Дѣлаются *наблюденія надъ развитіемъ дикорастущихъ растеній*. Результаты этихъ наблюденій еще неизвѣстны.

3. Съ недавняго времени постоянно ведутся *метеорологическія наблюденія* (2). Эти наблюденія важны для Воронежа въ томъ отношеніи, что они послужатъ, во 1-хъ, къ точнѣйшему опредѣленію здѣшняго климата относительно тепла и холода, во 2-хъ, они опредѣлятъ, со временемъ, степень и свойство климата относительно вліянія его на здоровье жителей. Такъ какъ климатъ Воронежской губерніи издавна, по мнѣнію нѣкоторыхъ, считается неблагопріятствующимъ для здоровья (3), потому что многія селенія лежатъ на низменныхъ мѣстахъ, и что, по временамъ, бываютъ частые, удушливые туманы, а метеорологическихъ наблюденій никто не производилъ, то очень пріятно, что положено теперь начало этимъ наблюденіямъ, которыя, современемъ, опредѣлятъ, въ какой мѣрѣ это мнѣніе о климатѣ справедливо, или, напротивъ, окажется несправедливымъ.

4. Недавно мы видѣли только что оконченное сочиненіе — это полное и подробное «*Описаніе Воронежскаго древеснаго питомника*» (съ планомъ), составленное г. Тарачковымъ. Сочиненіе это

(1) Въ настоящее время изъ высушенныхъ растеній, приготовленныхъ къ изданію, болѣе сотни видовъ послано въ Москву на выставку сельскихъ произведеній, имѣющую быть въ августѣ сего года.

(2) Подробности о томъ, кѣмъ ведутся эти наблюденія, гдѣ устроена обсерваторія, результаты наблюдедій, и пр.—будутъ сообщены въ скоромъ времени.

(3) Объ этомъ замѣтилъ еще Гмелинъ во время путешествія своего по Россіи 1768 года.

Digitized by Google

отправлено для помѣщенія въ журналъ «Труды Вольнаго Экономическаго Общества».

Наконецъ, въ Воронежѣ нѣкоторые трудятся и для другихъ ученыхъ Обществъ, какъ-то: для Географическаго, Археологическаго, и для II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, куда нѣкоторые уже и представили (1) свои труды, какъ-то: сборники простонародныхъ словъ, пословицы, поговорки, этнографическія замѣтки, и проч. Здѣсь слѣдовало бы упомянуть объ одномъ замѣчательномъ художественномъ произведеніи, предпринятомъ для пользы науки, но, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, оставимъ до слѣдующаго раза, когда будемъ говорить о дальнѣйшихъ трудахъ по литературной дѣятельности въ Воронежѣ.

Сказавши о сочиненіяхъ, перейдемъ теперь къ чтенію.

Чтеніе журналовъ и газетъ, въ настоящее время, сдѣлалось потребностію всеобщею, потому что журналы и газеты возбуждаютъ всеобщій интересъ или своими политическими новостями, или внутренними и иностранными извѣстіями, или, наконецъ, своимъ литературнымъ достоинствомъ. Въ Воронежѣ, многіе получаютъ по два и по три журнала, и какую-нибудь газету, иные довольствуются однимъ какимъ-нибудь журналомъ или одною газетою Часто слышатся толки о литературныхъ и политическихъ новостяхъ. Не рѣдко слышатся хорошіе отзывы въ пользу того или другаго журнала. Случается слышать и претензіи на недостатокъ или малость хорошихъ статей; одни желаютъ болѣе легкаго чтенія—повѣстей и разсказовъ,—другіе требуютъ статей ученыхъ, и ссылаются на недостатокъ послѣднихъ, и пр., и пр., но о вкусахъ спорить не слѣдуетъ.. Но, во всякомъ случаѣ, многія изъ періодическихъ изданій выписываются постоянно, читаются почти съ жадностію, а берутся у подписчиковъ посторонними лицами чуть не нарасхватъ. Судя потому, какъ въ Воронежѣ развита страсть къ чтенію періодическихъ изданій, и судя по числу народонаселенія, надо бы предполагать, что у насъ періодическихъ изданій выписывается очень много, слѣд. и число подписчиковъ должно быть очень велико, напротивъ, это число не такъ велико, какъ бы слѣдовало ожидать, но и нельзя сказать, чтобы оно было незначительно.

Вотъ перечень, изъ котораго видно, какія періодическія изданія получаются въ Воронежѣ въ настоящемъ году и сколько экземпляровъ каждаго (2). Перечень этотъ будетъ служить для жителей Во-

(1) Г. Второвъ, г. Александровъ-Дольникъ, Малыхинъ и др....

(2) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ Воронежской Почтовой Конторы за май мѣсяцъ.

Digitized by Google

ронежа характеристикою любви къ литературѣ и мѣрою развитія потребности въ чтеніи періодическихъ изданій.

Названіе изданій, получаемыхъ въ Воронежѣ.

	Число экз.
Воронежскія Губернскія Вѣдомости	74
Московскія Вѣдомости	50
Журналъ для чтенія воспитанниковъ Военно-учеб. заведеній	30
Журналъ Современникъ	30
— — — Отечественныя Записки	26
— — — Сѣверная Пчела	24
Земледѣльческая газета	17
Художественный листокъ	14
Библіотека для Чтенія	13
Москвитянинъ	12
С.-Петербургскія Вѣдомости	12
Дѣтскій журналъ, *Чистякова*	12
Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній	11
Русскій Инвалидъ	10
Труды Вольно-Экономическаго Общества	10
Мода	9
Пантеонъ	8
Журналъ Военно-Медицинскій	8
— — — Государственныхъ Имуществъ	6
Христіанское Чтеніе	6
Журналъ для дѣтей, Звѣздочка	6
— — — Министерства Внутр. Дѣлъ	5
Экономъ	5
Вѣстникъ Русскаго Географич. Общества	5
Журналъ для дѣтей: Лучи	5
Извѣстія II Отд. Императорской Ак. Наукъ	4
Коммерческая газета	4
Магазинъ модъ и рукодѣлья	4
Мануфактур. и Горно-Заводскія Извѣстія	4
Журналъ для чтенія солдатъ	4
— — — Коннозаводства и Охоты	4
— — — Министерства Народнаго Просвѣщенія	4
Воскресное Чтеніе	4
Другъ Здравія	4
Сынъ Отечества	4
Творенія Св. Отцовъ	3
	9

Digitized by Google

Журналъ Мануфактуръ и Торговли.	
Сельскій строитель	
Гирлянда.	2
Ваза, журналъ новѣйшихъ работъ и пр.	2
Морской Сборникъ	2
Иностранныхъ газетъ и журналовъ: французскихъ	6
— — — — — — — — — — нѣмецкихъ.	4
Revue Etrangère	6
Музыкальныхъ русскихъ и иностранныхъ.	15

Изъ этого перечня видно, что у насъ въ Воронежѣ выписывается до 50 различныхъ періодическихъ изданій. коихъ и получается около 500 экземпляровъ.

Теперь возьмемъ число народонаселенія города Воронежа, которое простирается до 45 т. человѣкъ. Относя число экземпляровъ получаемыхъ изданій къ числу народонаселенія, находимъ, что число экземпляровъ изданій будетъ относиться къ числу народонаселенія какъ 1:90; это выходитъ, что изъ 90 человѣкъ только *одинъ* выписываетъ какое-либо періодическое изданіе (*). **ХАВАНСКІЙ.**

Воронежъ.
22 іюня 1852 года.

ПЕРВОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

Извѣстно, что Петербургское Археологическое Общество учредило *девять* премій на соисканіе за лучшія сочиненія по объявленнымъ задачамъ. На соисканіе первой преміи поступило одно сочиненіе, о которомъ представлено особою Коммиссіею изъ пяти членовъ Общества, слѣдующее донесеніе:

«Разсмотрѣнная Коммиссіей рукопись, подъ заглавіемъ: «*О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка*», и съ девизомъ: «Господа, отцы и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или недописалъ, чтите исправливая, Бога дѣля, а не кляните», расположена въ трехъ отдѣльныхъ статьяхъ: 1. введеніе, 2. описаніе предметовъ металлическаго производства, и 3. имена художниковъ металлическаго производства, русскихъ и иностранныхъ, жившихъ въ Россіи.

«Въ введеніи сочинитель изложилъ исторію металлическаго производства въ Россіи. Изложеніе его вообще удовлетворительно; нѣкоторые же, замѣченные Коммиссіею недостатки, легко могутъ быть исправлены авторомъ.

(*) Просимъ подобныхъ свѣденій изъ всѣхъ нашихъ губернскихъ городовъ. *Ред.*

Digitized by Google

«Описаніе предметовъ металлическаго производства раздѣлено на три части: въ первой помѣщены издѣлія, принадлежащія къ церковной утвари, во второй издѣлія изъ столовой утвари, въ третьей—издѣлія изъ мужскихъ и женскихъ нарядовъ.

«При описаніи издѣлій церковной утвари, сочинитель во многихъ мѣстахъ приводитъ для поясненія предметовъ тексты изъ старыхъ описныхъ книгъ. Это одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ его изслѣдованія. Такими только источниками мы можемъ объяснить отечественную археологію и узнать въ точности русскую терминологію нашего стараго производства. Къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ онъ не приводитъ указаній, откуда были взяты имъ тексты. Коммиссія полагаетъ просить сочинителя обозначить таковыя мѣста указаніями.

«Нѣкоторые предметы въ этой части только поименованы и оставлены безъ всякаго описанія (таковы: чаша кутейная, чаша оловянная съ кровлею на трисвятое, ушатъ серебряный, три кунгана водосвятныхъ, ведро серебряное водосвятное, блюдо оловянное водосвятное, ковши служащіе, печати церковныя, колокола). Коммиссія полагаетъ просить сочинителя или исключить ихъ изъ изслѣдованія, или дополнить описаніями: ибо одни только названія не объясняютъ историческаго значенія предметовъ.

«Статьи о колоколахъ и о домашней утвари Коммиссія полагала бы просить сочинителя дополнить.

«Въ описаніи утвари мужскихъ и женскихъ нарядовъ помѣщено изслѣдованіе о предметахъ, принадлежащихъ собственно къ описанію русскихъ одеждъ, а не къ металлическимъ произведеніямъ. Коммиссія полагаетъ эти предметы, какъ не принадлежащіе по объявленной программѣ въ составъ сочиненія, предназначеннаго для соисканія преміи, исключить, тѣмъ болѣе, что для описанія русскихъ одеждъ была объявлена во всеобщее извѣстіе особенная задача. Въ этомъ же самомъ описаніи помѣщены нѣкоторые предметы изъ царскаго чина, также не входившіе въ составъ изданной программы.

«Въ исчисленіи художниковъ, занимавшихся въ Россіи металлическими издѣліями, показаны имена, фамиліи и годы; но не означены при многихъ источники, откуда почерпнуты извѣстія. Желательно бы было получить отъ сочинителя дополненія по этому предмету.

«Въ заключеніе, члены Коммиссіи, представляя на вниманіе Общества свое мнѣніе о присланной на соисканіе первой преміи графа А. С. Уварова, рукописи, полагаютъ сочиненіе о металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка, подъ вышеозначеннымъ девизомъ, удостоить полной преміи въ триста рублей серебо-

Digitized by Google

ромъ, если сочинитель его изъявитъ согласіе на перемѣны и дополненія, означенныя въ донесеніи.

«Такое заключеніе о награжденіи автора полною премією основано на томъ, что присланное имъ рукописное сочиненіе есть первое въ русской археологической литературѣ; что оно обнимаетъ собою всѣ предметы, означенные въ программѣ, и раскрываетъ изъ русской археологіи очень много такихъ предметовъ, которые доселѣ не были объяснены.

«Общество, согласясь съ заключеніемъ Коммиссіи, положило: присудить автору означенной рукописи о металлическомъ производствѣ въ Россіи, полную Уваровскую премію, и для узнанія имени его вскрыть запечатанный пакетъ съ девизомъ, приложенный къ рукописи.

«По вскрытіи пакета, оказалось, что авторъ присланнаго на соисканіе преміи сочиненія—И. Е. Забѣлинъ, Членъ-сотрудникъ Общества въ Москвѣ».

—

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ СЪ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ ИЗЪ С. КАСПЕРОВКИ ВЪ ХЕРСОНЪ И ОБРАТНО.

Вношу въ лѣтопись духовной жизни нашего юнаго Новороссійскаго края свѣтлое торжество святыни. Никогда еще душа не горѣла такимъ страстнымъ желаніемъ—владѣть хоть на нѣсколько часовъ кистью великаго Рафаэля, чтобы нарисовать далекому потомству торжественно-чудную картину процессіи; это несбыточно: я передаю событіе въ скромномъ, сжатомъ разсказѣ такъ, какъ оно было.

При потокѣ Днѣпра, въ 25 верстахъ отъ Херсона, лежитъ небольшое селеніе; оно принадлежитъ помѣщицѣ Касперовой; названіе его—Касперовка; называютъ его также Ново-Ивановка. Провидѣнію угодно было прославить эту скромную весь, «*безъ сомнѣнія, для возбужденія въ насъ духа вѣры и покаянія, открывъ среди насъ источникъ знаменій и чудесъ*», какъ выразился вдохновенный ораторъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, здѣсь обновился образъ Божіей Матери Корсунской; онъ принесенъ въ нашъ край изъ Трансильваніи тамошними выходцами; рисунокъ образа изобличаетъ греческій стиль; доска свидѣтельствуетъ о глубокой древности.

Слухъ о благодати Божіей, о помощи, исцѣленіи недуговъ духа и тѣла, которыя Пречистая ниспосылаетъ всѣмъ, прибѣгающимъ къ Ней съ вѣрой, молитвой, сердечнымъ сокрушеніемъ, — быстро, далеко разносится; отвсюду стекаются набожные, страждущіе, скорбящіе.... Наконецъ, жители Херсона, нуждаясь на мѣстѣ въ покровѣ Преблагословенной, какъ бы предугадывая мысль злато-

Digitized by Google

устаго архипастыря, просять у Его Высокопреосвященства — объ учрежденіи ежегоднаго крестнаго хода съ чудотворнымъ ликомъ изъ Касперовки въ Херсонъ; по его ходатайству, послѣдовало 12 января нынѣшняго года Высочайшее соизволеніе на это: перенесеніе иконы будетъ ежегодно въ Херсонъ—въ день отданія Пасхи, обратно въ Касперовку—29 іюня. Преосвященный пожелалъ самъ быть при торжествѣ: онъ прибылъ изъ Одессы на пароходѣ 6 мая, (на другой день изъ Корсуни пріѣхалъ митрополитъ Іосифъ). Г. военный губернаторъ, генералъ-маіоръ М. С. Ильинскій, губернскій предводитель М. Д. Канивальскій, духовенство и друг. встрѣтили святителя; какъ только онъ взошелъ на мостъ, и осѣнилъ паству крестнымъ знаменіемъ, стройный хоръ пѣвчихъ вдругъ огласилъ берега рѣки; раздались божественныя пѣсни; проходя по мосту, владыка благословлялъ народъ; пѣвчіе, предшествовавшіе ему, пѣли церковныя пѣсни: «днесь благодать Святаго Духа насъ собра.... Спаси, Господи, люди твоя....» Преосвященный отправился прямо въ соборъ, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ; тамъ принесено моленіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всей Августѣйшей фамиліи, Святѣйшему Сѵноду, преосвященному Иннокентію и всѣмъ жителямъ Херсона.

На другой день, отслуживъ божественную литургію въ херсонскомъ соборѣ, святитель выѣхалъ въ Бѣлозерку встрѣтить процессію съ чудотворной иконой Богоматери.

Въ самый день Вознесенія, по окончаніи божественной литургіи, по совершеніи молебствія, архимандритъ Доримедонтъ поднялъ съ своего мѣста чудотворную икону, вынесъ изъ храма, и осѣняя ею на всѣ четыре стороны, поставилъ въ кивотъ подъ балдахинъ, который вѣнчаетъ крестъ — символъ спасенія человѣка. Народъ палъ на землю, проливая горячія слезы сокрушенія, благодарности.... Все — благоговѣйное молчаніе. Процессія выстроилась стройно. Вотъ порядокъ ея, опредѣленный въ церемоніалѣ: діаконъ съ крестомъ, два причетника съ фонарями; хоругви, несомыя почетнѣйшими изъ поселянъ; причетники съ пѣніемъ стиховъ въ честь Богоматери, причетникъ съ фонаремъ; священники въ ризахъ по два въ рядъ. Два діакона съ кадилами, повременно обращаясь назадъ, кадятъ икону; чудотворная икона въ кивотѣ подъ балдахиномъ, несомымъ богомольцами; архимандритъ съ діаконами; исправникъ, окружный начальникъ и сельскіе старшины, въ ихъ парадныхъ кафтанахъ. Народъ, раздѣлившись на двѣ части, образовалъ широкую дорогу для процессіи: его было до 1000, а между тѣмъ, какая тишина: всѣ скованы благоговѣніемъ, священнымъ восторгомъ...

Digitized by Google

Трогательно прощаніе мирныхъ жителей съ Пречистой: на колѣнахъ, простирая руки къ чудному образу, они рыдаютъ, умоляютъ Ее не лишать ихъ божественнаго Ея покрова. .. Крестный ходъ, при колокольномъ звонѣ, церковныхъ пѣсняхъ, двинулся впередъ. Въ двухъ верстахъ отъ Бѣлозерки, ее встрѣтилъ Высокопреосвященный; приблизившись къ чудотворному образу, святитель преклонился до земли; помолясь ей, онъ осѣнилъ народъ крестнымъ знаменіемъ; шествіе продолжается; ближайшій холмъ усѣянъ множествомъ народа: это бѣлозерскіе крестьяне вышли встрѣчать Богоматерь.

Достигнувъ Бѣлозерки, процессія останавливается у храма; по возглашеніи перводіакономъ: «ко Пресвятѣй Богородицѣ помолимся!» архимандритъ осѣнилъ святой иконой, на всѣ четыре стороны, народъ; всѣ поютъ: «Пресвятая Богородице, спаси насъ!»; потомъ вноситъ ее въ церковь, полагаетъ на налой среди храма. По отдыхѣ, соборнѣ совершено всенощное бдѣніе: послѣ обычнаго поклоненія предъ образомъ съ пѣніемъ стиха: «о Всепѣтая Мати», священнослужители и богомольцы отходятъ на ночлегъ; діаконы, причетники, поочередно, читаютъ всю ночь акаѳистъ Богоматери; набожные тихо молятся у дверей храма; ночная стража изъ поселянъ. На другой день раннимъ утромъ, архимандритъ совершаетъ молебное пѣніе предъ святой иконой; крестный ходъ, въ томъ же стройномъ порядкѣ, продолжаетъ свое шествіе, до возвышенности, что у херсонской кладбищенской церкви; все пространство между этой церковью и морскими казармами покрыто горожанами: они горятъ нетерпѣніемъ скорѣе встрѣтить Преблагословенную; войско вытянулось въ стройномъ порядкѣ; мѣстное духовенство, въ полномъ облаченіи, заняло свои мѣста. Скоро прибыли сюда ихъ высокопреосвященства архіепископъ Иннокентій и митрополитъ Іосифъ, ихъ превосходительства, и чиновники военнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Процессія виднѣется, все ближе, ближе. .. народъ двинулся впередъ, толпы богомольцевъ сливаются съ толпами встрѣчающихъ.

Процессія наконецъ останавливается; звуки военной музыки оглашаютъ воздухъ; войска отдаютъ честь; хоръ пѣвчихъ поетъ: «Къ Богородицѣ прилежно притецемъ».... народъ падаетъ ницъ. Слабъ языкъ человѣка, чтобы передать эту минуту рая.... Преосвященный Иннокентій принимаетъ святой ликъ изъ рукъ архимандрита; вноситъ ее на устроенный амвонъ; начинается литія; во время ея образъ держатъ два архимандрита. По окончаніи литіи, предъ св. иконой читается молитва съ колѣнопреклоненіемъ, возглашается многолѣтіе Государю Императору Николаю Павловичу, всему Августѣйшему Дому Его, Святѣйшему Синоду, Высокопреосвященному Иннокентію, архіе-

Digitized by Google

епископу херсонскому и таврическому, жителямъ Херсона, всѣмъ православнымъ христіанамъ. Святитель осѣнилъ образомъ народъ на всѣ четыре страны свѣта; народъ палъ на землю, горячо молился Преблагословенной; икона вручена владыкой губернатору и губернскому предводителю; ихъ превосходительства несутъ драгоцѣнную ношу извѣстное пространство, передаютъ потомъ ее архимандритамъ; звонъ во всѣхъ церквахъ; пальба изъ пушекъ потрясаетъ сердца; процессія продолжаетъ шествіе до нашего Успенскаго собора, въ слѣдующемъ порядкѣ: начальникъ жандармской команды подполковникъ А. С. Турчинъ—верхомъ; за нимъ отдѣленіе жандармовъ, по шести въ рядъ, по широтѣ улицы; отрядъ войскъ, квартирующихъ въ Херсонѣ, съ полковымъ знаменемъ; хоръ воспитанниковъ духовныхъ училищъ съ ваіями, пѣніемъ догматовъ въ честь Богоматери; діаконъ съ большимъ крестомъ, а по сторонамъ его два причетника съ фонарями; цеховые знаки, несомые мастеровыми по три въ рядъ; при нихъ старшины цеховъ, одѣтые по формѣ; воспитанники сиротскаго дома по три въ рядъ, съ ихъ надзирателемъ; воспитанники училища дѣтей канцелярскихъ служителей, по три въ рядъ, съ ихъ смотрителемъ; судохозяева съ флагами; новый хоръ духовныхъ воспитанниковъ съ ваіями и пѣніемъ догматовъ; діаконъ съ крестомъ; по сторонамъ его два причетника съ фонарями, воспитанники училища торговаго мореплаванія съ ихъ смотрителемъ; воспитанники гимназіи и пансіона съ ихъ инспекторомъ. Знамя съ градскимъ гербомъ—несетъ градской глава; одинъ изъ почетнѣйшихъ гражданъ херсонскихъ несетъ, рядомъ съ нимъ, Высочайшую грамоту объ основаніи Херсона, на бархатной подушечкѣ; за нимъ идутъ два члена Думы и магистрата, въ мундирахъ. Потомъ, почетнѣйшіе изъ дворянъ нашей губерніи несутъ, на бархатныхъ подушкахъ, грамоты, Высочайше дарованныя намъ въ разное время. Далѣе слѣдовали:

Лѣвая сторона.	*Средина.* (Пѣвчіе).	*Правая сторона.*
Хоругви (краснаго цвѣта) несутъ причетники въ бѣлыхъ стихаряхъ.	Діаконъ съ большимъ крестомъ, по сторонамъ его два причетника съ фонарями.	Хоругви краснаго цвѣта, несутъ причетники въ бѣлыхъ стихаряхъ.
Хоругви (зеленаго цвѣта.)	Священники въ ризахъ, по два въ рядъ, причетники съ двумя фонарями.	Хоругви (зеленаго цвѣта).
Хоругви (палеваго цвѣта).	Протоіерей съ евангеліемъ. Протоіерей и іеромонахи по два въ рядъ.	Хоругви (палеваго цвѣта).

Digitized by Google

	Архіерейскіе пѣвчіе.
	Свѣщеносецъ.
	Соборный протоіерей со знаменательнымъ крестомъ, по сторонамъ его два діакона, изъ коихъ одинъ несетъ чашу со святою водою, другой—кропило на блюдѣ.
	Два діакона съ кадилами.
Хоругви.	Хоругви.
	Два діакона съ рипидами, держа оныя надъ иконою Богоматери.
	Два архимандрита несутъ чудотворную икону.
Хоругви.	Хоругви.
Хоругви.	Хоругви.
	Vподіаконы съ дикиріями.
	Преосвященный, около него съ правой стороны, протодіаконъ, а съ лѣвой—вторствующій діаконъ.

Потомъ начальникъ губерніи съ чиновниками разныхъ вѣдомствъ; богомольцы.

Приблизившись къ Успенскому собору, процессія размѣщается въ видѣ полукруга предъ вратами церковной ограды; владыка принимаетъ на свои руки чудотворный образъ, всходитъ на амвонъ, устроенный для случая. Протодіаконъ возглашаетъ: «Ко Святѣй Богородицѣ помолимся»! Святитель осѣняетъ ею городъ на всѣ четыре стороны; въ это время пѣвчіе и все духовенство поютъ: «Пресвятая Богородице, спаси насъ»!... Архимандриты вносятъ икону въ храмъ, ставятъ на приготовленномъ мѣстѣ; начинается божественная литургія; ее совершаютъ ихъ высокопреосвященства: архіепископъ Иннокентій и митрополитъ Іосифъ, архимандритъ Геронтій, Доридимедонтъ, игуменъ Корсунскаго монастыря іеромонахъ Николай, настоятель собора, протоіерей Максимъ Перепелицынъ и другіе.

Во время священнодѣйствія, по сторонамъ налоя, на которомъ положенъ образъ, стояли, какъ духовная стража, два священника въ богатыхъ ризахъ. Предъ иконой пылали тысячи свѣчей, поставленныхъ рукой благочестивыхъ богомольцевъ. Обѣдня кончилась; архипастырь, митрополитъ и прочее духовенство, исшедъ къ чудотворной иконѣ, прикладываются къ ней; въ это время хоръ пѣвчихъ поетъ кондакъ: «О всепѣтая Мати»!... Во время литургіи, нашъ краснорѣчивый Златоустъ произнесъ намъ въ поученіе одно изъ тѣхъ словъ, которыя носятъ всегда на себѣ отпечатокъ глубоко-сердечнаго убѣжденія; это слово, какъ памятникъ, свидѣтельствующій предъ временъ о важности учрежденія для насъ крестнаго хода, войдетъ въ исторію Херсона; я вношу его также въ лѣтопись:

Digitized by Google

«*Изведе же их вонъ до Виѳаніи, и воздвигъ руцѣ Свои, и благослови ихъ, и бысть егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо (Лук. XXIV, 50—51)*».

«Сынъ на небо, а Матерь—къ намъ!... Тамъ единонадесять Апостоловъ со слезами сопровождаютъ *Отходящаго*; а здѣсь цѣлый городъ съ веселіемъ и торжествомъ срѣтаетъ *Пришедшую*. Не безъ печали было на Елеонѣ; ибо ученики навсегда разлучились на земли съ возлюбленнымъ Учителемъ и Господомъ: нашей радости ничто не возмущаетъ; ибо, пришедшая къ намъ нынѣ Царица неба и земли, хотя въ уреченный день отыдетъ отъ насъ, но вмѣсто сего каждый годъ паки будетъ приходить къ намъ въ день настоящій. Кто могъ ожидать такой великой и богатой милости свыше?—Падемъ же, братія мои, падемъ предъ дивнымъ ликомъ Царицы небесной, и, гласомъ Св. Елисаветы, изъ глубины души воскликнемъ: *откуду намъ сіе, да пріиде Мати Господа нашего къ намъ?*

«Да, братія и сомолитвенники, хотя мнѣ, по самому званію моему, надлежало принимать не мало участія въ семъ новомъ и святомъ дѣлѣ: но когда восхожу мыслію къ началу его, твердо вѣрую и первый предъ всѣми исповѣдую, что собывшееся теперь надъ нами произошло не отъ человѣкъ, а отъ самого Бога: *отъ Господа бысть сіе!* Чтобъ убѣдиться въ семъ, подумайте только о томъ, чего требовалось для сего: требовалось не малаго чего-либо и обыкновеннаго, а того, чтобы св. Икона сія просіяла на всю страну нашу знаменіями и чудесами:—иначе кому бы пришла на мысль бѣдная и малоизвѣстная весь Касперовская? — Но кто могъ облечь ее даромъ чудотвореній, кромѣ Всемогущаго? — *Ты еси Богъ, творяй чудеса единъ!*

«И вотъ, сему-то великому и вся могущему Богу, который творитъ чудеса единъ, и который, по замѣчанію Премудраго, *обновляетъ*, когда то нужно, древнія знаменія и чудеса на земли (Сир. XXXVI, 1—7), благоугодно было показать высокую руку свою и надъ юною страною нашею, и,—безъ сомнѣнія, для возбужденія въ насъ духа вѣры и покаянія, — открыть среди насъ источникъ знаменій и чудесъ, открыть тамъ, гдѣ никто не ожидалъ, открыть въ такой мѣрѣ, чтобы и *косныя во еже вѣровати сердца*, не могли не преклониться предъ новымъ, особеннымъ явленіемъ силы и славы Его. Не достало бы, братія мои, цѣлаго дня настоящаго, если бы мы захотѣли, хотя кратко, пересказать вамъ все, что въ продолженіе немногихъ прошедшихъ лѣтъ совершилось чуднаго отъ пресвятой Иконы сей. Въ свое время мы не преминемъ сдѣлать сіе во славу Матери Божіей и въ духовное утѣшеніе всей страны нашей;

Digitized by Google

теперь довольно сказать, что благодатная сила чудесъ, отъ ней исходящая, ознаменовала себя не только надъ вѣрующими, но и надъ тѣми, кои, не имѣя счастія принадлежать къ сонму чадъ православной церкви, являлись предъ нею не столько по усердію, сколько изъ любопытства. Явились съ сомнѣніемъ, а отошли съ вѣрою и благоговѣніемъ: потому что пріяли отъ прикосновенія къ сей Иконѣ, то, чего никто на землѣ дать не могъ — внезапное исцѣленіе отъ тяжкихъ недуговъ!

«Какъ послѣ сего было веси Касперовской не содѣлаться предметомъ всеобщаго вниманія? — И она, подобно какому либо новому именитому граду, начала переходить изъ устъ въ уста: къ бѣдному храму Касперовскому, какъ къ купели Силоамской, съ своими недугами тѣлесными и душевными устремились всѣ тѣ, кои уже не ожидали помощи на землѣ отъ людей, а могли чаять ее только свыше—отъ самого Бога. Обители града Херсона, по самой смежности своего жительства, были изъ первыхъ, кои по мѣрѣ вѣры своея, удостоились видѣть на себѣ знаменія новооткрывшейся благодати Божіей.

«Но многіе, по разнымъ причинамъ, не могли, какъ бы хотѣлось имъ, оставлять своего мѣста для посѣщенія веси Касперовской; многимъ, какъ и естественно, хотѣлось не только творить, по временамъ, поклоненія предъ чудотворнымъ ликомъ Богоблагодатной, но и имѣть счастіе,—для освященія своего жительства, принять его подъ кровъ дома своего; всѣмъ и каждому, — и не напрасно, представлялось, что съ пришествіемъ чудотворной Иконы во градъ Херсонъ, низойдетъ на него новое благословеніе свыше; никому, наконецъ, не чужда была и та мысль, что самыя стихіи земныя, поля, воды и воздухъ, освятятся шествіемъ Царицы небесной, и, освященныя,—послѣ столькихъ лѣтъ оскудѣнія плодовъ земныхъ, разныхъ недуговъ и лишеній, — начнутъ быть болѣе благопріятными для жизни человѣческой и обильнѣе вознаграждать усилія и труды рукъ нашихъ.

«Такимъ образомъ, переходя отъ помысла къ помыслу, отъ надежды къ надеждѣ, всѣ пришли къ единому святому хотѣнію—видѣть новый ликъ чудотворный въ семъ градѣ.—Мнѣ ли было не раздѣлить сего хотѣнія?—И я, не медля, раздѣлилъ его съ вами; раздѣлилъ съ полною вѣрою, но, признаюсь, не безъ опасеній и недоумѣній. Для насъ, думалъ я, желательно, чтобы Матерь Божія воздвиглась на путное шествіе къ намъ: но угодно ли сіе для ней самой? Избравъ мѣстомъ явленія своего весь смиренную и безмолвную, восхощетъ ли она оставить ее, хотя бы и на время, чтобы явиться во

Digitized by Google

градѣ, гдѣ, какъ замѣтилъ св. Давидъ, происходитъ столько неправдъ и *пререканій — днемъ и нощію*, гдѣ никогда не оскудѣваетъ *отъ стогнъ лихва и лесть*? — (Псал. LIV, ст. 10—11).

«Но съ другой стороны, разсуждалъ я, гдѣ же и быть врачамъ, какъ не тамъ, гдѣ особенно много всякаго рода недужныхъ? Если Божественный Сынъ ея, во время земной жизни своей, не пренебрегалъ ни единымъ изъ грѣшниковъ, любилъ бесѣдовать съ ними, посѣщалъ домы ихъ, и когда, надменные своею праведностію, Фарисеи ставили ему это въ упрекъ, отвѣчалъ, что онъ пришелъ призвать не праведники, а грѣшники на покаяніе; если такъ поступалъ самъ Сынъ ея: то быть не можетъ, чтобы и пречистая Матерь отвергла кого-либо изъ насъ грѣшныхъ и возгнушалась нашею нечистотою, если токмо мы прибѣгнемъ къ ней съ духомъ смиреннымъ и сердцемъ сокрушеннымъ.

«Развѣ, продолжалъ снова противный помыслъ, развѣ грѣхи наши не перешли ли уже мѣру долготерпѣнія Божія? Развѣ, не произнесенъ ли уже и надъ нами оный страшный глаголъ: *Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ!*

«Но самыя знаменія и чудеса отъ лика Богоматери свидѣтельствуютъ, что насъ, какъ усыпленныхъ сномъ грѣховнымъ, хотя громовымъ гласомъ всемогущества, но все еще зовутъ на покаяніе и не оставляютъ какъ совершенно безнадежныхъ и неисправныхъ.

«Среди такого колебанія противныхъ между собою помысловъ, находились мы, братія, даже по начатіи сего дѣла, до самаго того времени, какъ изречена и услышалася о немъ державно-благоволительная воля Помазанника Господня, Его же сердце выну въ руцѣ Божіей. Тогда всѣ сомнѣнія разсѣялись, и мѣсто ихъ заступила радость. И такъ, Матерь Божія, съ радостію возгласилъ я за себя и за васъ, не смотря на грѣховную нечистоту нашу, не отвергаетъ насъ и хощетъ нашего спасенія; иначе кто-бы, — вопреки воли ея, могъ подвигнуть ее на посѣщеніе насъ? — И поелику она останется во градѣ не на малое время, а доколѣ не явятся за нею два первоверховныхъ Апостола (*); то ни единъ изъ жителей града не будетъ лишенъ возможности узрѣть дивный ликъ ея и принести предъ нимъ исповѣданіе во грѣхахъ своихъ. Слава ея любви къ намъ и милосердію!

«Уразумѣй же, градъ Херсонъ, и ты тайну пришествія къ тебѣ Царицы небесной!—И безъ нашего напоминанія, самъ добрѣ вѣси,

(*) Обратный крестный ходъ изъ Херсона въ Касперовку долженъ совершаться ежегодно въ день святыхъ Апостоловъ Петра и Павла.

Digitized by Google

яко не добродѣтели и заслуги твои предъ Богомъ подвигли ее на посѣщеніе тебя. По сему не останавливайся на одной поверхности дѣла: продолжай срѣтать Преблагословенную съ тѣмъ же усердіемъ, съ коимъ срѣтилъ ее нынѣ; окружай ликъ ея всѣми знаками уваженія и любви; освящай шествіемъ ея стогны и домы твои, но первѣе всего знай и твердо помни, что Царица небесная пришла къ тебѣ не ради поклоненій твоихъ, а для спасенія души твоея, что ей нужны не приношенія отъ избытковъ твоихъ, а твое покаяніе и исправленіе твоихъ нравовъ.

« Хощешь ли убо возблагодарить по достоянію *Пришедшую?* благодари сице!

« Мѣсто хладности къ храмамъ Божіимъ и уставамъ святой церкви, да заступитъ у тебя то святое расположеніе ума и сердца, въ коемъ былъ св. Давидъ, когда вѣщалъ: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ!*

« Вмѣсто зловредной привязанности къ роскоши, забавамъ, душетлѣннымъ и безразсуднымъ играмъ, губящимъ время, здоровье, а не рѣдко и состояніе, да водворится у тебя въ сердцахъ и домахъ святая простота и умѣренность, веселіе мирное и чистое, времяпрепровожденіе, достойное человѣка-христіанина.

« Вмѣсто низкой алчности къ прибыткамъ, не разбирающей ни способа, ни средствъ для своего обогащенія, готовой завладѣть для сего даже скромною долею вдовицы и сиротъ, да явится духъ труда и промышленности неукоризненной, умѣніе пользоваться произведеніями нашего края и выгодами нашего мѣстоположенія такъ, чтобы отсюда происходило и возвышалось благо не токмо частное, но и общественное.

« Отцы и матери, видя, какъ Матерь Божія со всею нѣжностію держитъ на рукахъ своихъ Предвѣчнаго Младенца, обратите вниманіе на чадъ своихъ и не спѣшите удалять ихъ отъ сердца и взора своего; давъ имъ бытіе, постарайтесь снабдить ихъ и воспитаніемъ въ страхѣ Божіемъ, а не въ однихъ суетныхъ благоприличіяхъ мірскихъ, памятуя, что въ чадахъ вашихъ вы готовите не только чадъ св. церкви, членовъ обществу, но и себѣ самимъ—утѣшеніе сердца или крушеніе духа на время своей старости.

« Начальники и властители, видя, какъ Царица неба и земли окружена не Серафимами токмо и Херувимами, а и сонмомъ всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ, будьте доступны къ меньшей братіи, не возвышайте ни надъ кѣмъ съ презорствомъ главы своей, и безъ того возвышенной самымъ положеніемъ вашимъ, а преклоняйте и взоры и слухъ, а паче сердце ваше, ко всѣмъ долу лежащимъ, поставляя

Digitized by Google

честь и удовольствіе не въ томъ, чтобы поражать и сокрушать, а въ томъ, чтобы поднять павшее, укрѣпить слабое, исправить заблудшее, исцѣлить пораженное.

« Роптавшіе доселѣ на судьбу свою и тяжесть своего земнаго положенія, примиритесь съ горькимъ жребіемъ вашимъ и начните несть крестъ свой съ вѣрою и въ тишинѣ, памятуя, что и Матерь Божія, коей вы поклоняетесь теперь, всю земную жизнь свою, не менѣе васъ страдала и терпѣла, и уже по успеніи своемъ,—не прежде,—вошла въ славу Сына своего и Бога.

« Враждовавшіе доселѣ между собою—супруги ли вы, или сродники, или чуждые,—поспѣшите сложить невозвратно всѣ ваши неудовольствія и пререканія у подножія сей святой Иконы и прострите другъ ко другу навсегда руку мира и любви: это будетъ самое лучшее приношеніе для любвеобильнаго и кроткаго сердца Преблагословенныя!

« Судія, уклонявшій вѣсы правосудія по вѣтру страстей и выгодъ своихъ, исправь руку и сердце твое: иначе и не приближайся къ чудотворному лику той, которая не терпитъ беззаконія и лукавства!

« Заимодавецъ, отпусти, если можешь,—а возможешь, если захочешь,—долгъ неимущему чѣмъ воздать тебѣ, собрату, въ честь дня настоящаго, и изведи его нынѣ же изъ заключенія, да пріидетъ онъ заутра возблагодарить и помолиться за тебя Матери Божіей.

« Сими и подобными дѣяніями благодари, градъ Херсонъ, Царицу небесную за ея къ тебѣ пришествіе! И когда ты поступишь такимъ образомъ; то будь увѣренъ,—чудотворный ликъ ея не останется и для тебя безъ особенныхъ знаменій: храмы твои поднимутъ выше и выше верхи свои; стогны и домы твои процвѣтутъ миромъ и благолѣпіемъ; пристань твоя преисполнится избытками странъ близкихъ и отдаленныхъ; самый потокъ водный,— главный питатель твой, — забудетъ ярость свою и престанетъ поглощать ежегодно ладіи, къ тебѣ плывущія.

« Чѣмъ, наконецъ, возблагодарить тебя, Преблагословенная Дѣво, мнѣ, коего, при всѣхъ духовныхъ немощахъ его и недостоинствѣ, Ты соблаговолила избрать толикократно какъ бы въ особенное послуженіе дивнымъ ликамъ твоимъ? За Тобою шелъ я нѣкогда, когда Ты воздвиглась изъ богоспасаемаго града Ахтырки, на ежегодное посѣщеніе горы Ахтырской и новоучреждаемой тамъ обители св. Троицы; Тебя срѣталъ я грядущую изъ Лавры Печерской на благословеніе новаго пустынножительства во святыхъ горахъ на брегу Донца; Твоимъ дивнымъ ликомъ изъ обители Куряжской осѣнялъ я столько разъ благословенныя высоты Харькова; отъ Тебя, какъ вѣрую,—ибо въ Твоемъ храмѣ—пріялъ я мысль освятить крестнымъ

Digitized by Google

хожденіемъ стогны одесскіе; и се нынѣ, начиная посѣщать градъ сей, Ты паки благоволила низойти на мои слабыя руки. За толикія милости что воздамъ Тебѣ, Владычице? Точію какъ прежде прославлялъ, такъ и всегда буду прославлять великолѣпое имя Твое; какъ прежде глашалъ, такъ и до конца жизни моей буду возглашать предъ всѣми, радуяся, чудеса Твоя.

« Въ день настоящаго торжества Твоего, дерзну ли молить Тебя еще о единомъ?—Якоже удостоила Ты меня срѣтать и провождать толико разъ чудотворныя изображенія лица Твоего на землѣ; тако сподоби узрѣть самое божественное лице Твое и пасть къ стопамъ Твоимъ тамъ,—куда восшелъ нынѣ съ Елеона Божественный Сынъ Твой. Аминь. »

И паства, увлеченная словомъ пастыря, исполнила желаніе его: съ ранняго утра до глубокой ночи въ храмѣ, предъ святымъ образомъ толпятся набожные, нетерпѣливо ожидая очереди отслужить молебенъ Пресвятой, принести молитву раскаянія, сокрушенія, благодарности, принести мольбы объ избавленіи отъ недуговъ тѣлесныхъ, душевныхъ. Каждый старался ознаменовать пришествіе ея чѣмъ могъ; это продолжается до 29 іюня—день, когда волею Монарха назначено обратное шествіе въ Касперовку; объ этомъ въ свое время.

—

Письмо изъ Херсона о Говардѣ. Прочитавъ въ 3 N Москвитянина небольшую статейку г. Кульжинскаго, я тотчасъ обратился къ графу Б. С. Потоцкому, нынѣшнему владѣтелю Ковалевки, прося сообщить мнѣ: дѣйствительно ли прахъ филантропа Говарда похищенъ изъ Херсона и перенесенъ въ село Ковалевку, когда именно, нѣтъ ли у него какихъ-нибудь документовъ, положительно, подтверждающихъ разсказъ Кульжинскаго, существуетъ-ли въ его имѣніи памятникъ, когда сооруженъ, по какому случаю etc.

Вчера я имѣлъ честь получить отвѣтъ его сіятельства; передаю его читателямъ, какъ документъ для біографіи Говарда:

« Милостивый государь,
Василій Дементьевичъ!

« По желанію вашему я старался узнать, въ какой степени достовѣренъ случай, приписываемый, впрочемъ, не Феликсу (какъ пишетъ г. Кульжинскій), а Викентію Потоцкому; но ни въ здѣшнемъ, ни въ тульчинецкомъ архивѣ, никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ не оказалось; я обращался къ живущему въ Варшавѣ сыну графа Викентія, графу Францу, но и онъ мнѣ отвѣчалъ, что о слухѣ онъ знаетъ, но о достовѣрности его увѣрять не можетъ. Въ томъ-же смыслѣ и всѣ свидѣтельства здѣшнихъ старожиловъ. И такъ я могу служить вамъ только рисункомъ памятника, находящимся въ саду

Digitized by Google

Ковалевки, на островкѣ, среди озера. Изображенія его на лицевой сторонѣ—пеликанъ и бюстъ Говарда; подпись находится съ противоположной стороны. Съ истиннымъ почтеніемъ, » etc.

М. Немировъ, 23 іюня, 1852 года.

Рисунокъ, отличающійся строго-изящной отдѣльной, представляетъ прекрасный монументъ на живописнѣйшемъ мѣстоположеніи: онъ на островкѣ, среди озера, осѣненъ густыми, высокоразросшимися деревьями.... Надпись приковываетъ вниманіе:

« Cy git John Howard

O toi, qui vis dans les plaisirs environé du pouvoir et de l'abondance, pense à ceux qui languissent dans les maladies, le besoin, l'obscurité des prisons, privés de l'air commun a tous. »

Ниже нѣсколько: «Jos. Prukнerskи. 1792 г.»; стало быть, монументъ поставленъ два года по смерти филантропа, но прахъ когда перенесенъ?

У меня, кромѣ этого рисунка, есть еще 4 вида: a) домикъ Говарда, гдѣ онъ жилъ, страдалъ, умеръ; b) памятникъ, противъ тюремнаго замка; c) надгробный памятникъ на хуторѣ Дофине, и d) портретъ, снятый съ медальйона, вылитаго Императорскою Академіей Художествъ, съ медальйона, присланнаго Его Императорскому Величеству Государю Императору отъ Его Высочества, Герцога Глочестерскаго.

Обращаюсь къ письму. На сколько оно рѣшаетъ вопросъ—гдѣ прахъ филантропа, пока ни слова. Замѣчу,—ни статья Кульжинскаго, ни статейка Справочнаго Словаря Края, не указываютъ на время похищенія: на чемъ именно основанъ разсказъ—на народномъ ли преданіи, частномъ разсказѣ, или же на какихъ-нибудь мемуарахъ, запискахъ etc? По этому уже объ статьи едва-ли могутъ заслуживать полнаго, безотчетнаго довѣрія.

Голосъ А. Скальковскаго также былъ-бы важенъ въ настоящемъ случаѣ: едва-ли кто знаетъ такъ хорошо нашъ Новороссійскій край, едва-ли у кого найдете такой обширный запасъ самыхъ разнородныхъ свѣдѣній о немъ.

6 іюля 1852 года.
Херсонъ.

P. S. Я воспользовался пріѣздомъ въ Херсонъ его превосходительства А. Ѳ. Комстадіуса, бывшаго добраго нашего начальника губерніи; онъ ничего не слышалъ о похищеніи, и вполнѣ убѣжденъ, что прахъ добраго Британца покоится на хуторѣ Дофине. Августъ Ѳедоровичъ, въ бытность губернаторомъ, пожертвовалъ нѣсколько тысячъ на покупку солнечныхъ часовъ, перестройку монумента, соору-

Digitized by Google

женнаго по Высочайшему повелѣнію Александра Благословеннаго; онъ лично зналъ филантропа, уважалъ его рѣдкія качества, цѣнилъ великодушную услугу, которую онъ оказалъ его дому. Я считаю долгомъ, уже по этому только, сообщить читателямъ записку, составленную, по моей просьбѣ, собственноручно его превосходительствомъ:

«Говардъ, сколько помню, былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, росту небольшаго, сухощавъ.

« Путешествіе его, по разнымъ направленіямъ свѣта, имѣло цѣль человѣколюбивую; въ числѣ другихъ наукъ, онъ зналъ особенно хорошо и медицину.

« Во время посѣщенія Херсона, сколько помнится, въ 1789 году, моя родная тетка цѣлую недѣлю была больна горячкою. Херсонскіе медики сомнѣвались въ ея выздоровленіи; отецъ мой, узнавъ о пріѣздѣ въ Херсонъ знаменитаго Говарда, обратился къ нему съ просьбой—посѣтить больную. Человѣколюбивый англичанинъ тотчасъ на это согласился, съ отцомъ вмѣстѣ пріѣхалъ къ намъ въ деревню, составилъ самъ въ домѣ средство изъ способовъ, съ нимъ бывшихъ, далъ ей принять; больная почувствовала отъ сего пріема нѣкоторое облегченіе; Говардъ уѣхалъ, приказавъ продолжать пріемъ, но это ободреніе не на долго было, она опять ослабѣла. Говардъ, узнавъ силу дѣйствія его средства, желая видѣть опять больную лично, пріѣхалъ къ намъ во фракѣ, башмакахъ; это было въ холодное время, не помню хорошо, но, кажется, въ осень,—далъ еще что-то, уѣхалъ обратно; онъ простудился, умеръ; больную также постигла смерть. Въ Херсонѣ обласканъ онъ былъ жителемъ французомъ Дофине, у котораго въ домѣ и живалъ, а потомъ на его Дофине хуторѣ похороненъ. Болѣе всего онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ иностранцемъ Le Roux, который въ-послѣдствіи застрѣлился на томъ же хуторѣ».

Слѣды могилы Le Roux видны около памятника Говарда и теперь. Онъ былъ лицомъ неразгаданнымъ, таинственнымъ для современниковъ: многіе считали его тайнымъ агентомъ; но вѣрно то, что онъ жилъ открыто, богато; любилъ гостепріимство; славился рѣдкимъ образованіемъ, необыкновеннымъ знаніемъ европейскихъ языковъ. Богъ знаетъ, что за человѣкъ, говаривали его знакомые: съ французомъ—французъ, съ нѣмцемъ—нѣмецъ, съ англичаниномъ—англичанинъ etc. Его постигло, наконецъ, несчастіе: влюбился; встрѣчаетъ сильнаго соперника; съ отчаянія отринутой любви—онъ застрѣлился.

Нѣкоторые разсказываютъ темное, нелѣпое преданіе, что Говардъ былъ влюбленъ и безнадежно; это заставило его застрѣлиться.

В. НИТРЕСКУЛЪ.

—

Digitized by Google

изъ устюга. Торговля щетиной въ Устюгѣ лишилась одного изъ главныхъ ея производителей. 1-го іюня скончался устюжскій 2-й гильдіи степенный купецъ С. Як. Казаковъ, имѣвшій съ петербургской выставки сельскихъ произведеній 1850 года за весьма хорошую щетину малую серебряную медаль. Впрочемъ, можно смѣло надѣяться, что его дѣятельные сыновья поддержатъ достоинство обработываемаго въ ихъ заведеніяхъ матеріала. Кромѣ того, что покойный Казаковъ былъ опытный купецъ, бѣдные липнлись въ немъ благотворителя. Онъ имѣлъ, за постройку при тюремномъ замкѣ церкви Святителя Митрофана и за безмездное пропитаніе въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ арестантовъ, двѣ золотыя медали, одну на владимірской, а другую на анненской лентѣ.

—

преданіе о кладѣ, *находящемся въ дачахъ села Нижней Залегощи, Тульской губерніи Новосильскаго уѣзда.*

Во время нашествія Литвы на Новосиль и войны подъ Новосилью, сорокъ человѣкъ везли нѣсколько бочекъ золота государственной казны. Ѣхали они отъ рѣки Неручикъ къ Луковому шляху (*); но, видя себя окруженными со всѣхъ сторонъ непріятелями, завхавъ въ глушь лѣсовъ, закопали тѣ бочки съ золотомъ въ землю. Для приметы сдѣлали три земляныхъ насыпи. Когда все это было окончено, напали на нихъ Литовцы и побили ихъ. Съ ними былъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ, который, испугавшись нашествія Литовцевъ, бросился въ недалеко бывшее отъ того мѣста озеро, не глубокое, а потому и не утонулъ въ немъ. Литовцы, вытащивъ этого мальчика изъ воды, взяли его съ собою и отвезли въ Литву. Мальчикъ этотъ, пришедъ въ возрастъ, писалъ къ роднымъ своимъ о кладѣ и мѣстѣ его нахожденія. Признаки мѣста этого клада, по устной молвѣ народа, слѣдующіе: зарытъ онъ на полугорѣ, когда зарывали кладъ, то съ полугоры видѣнъ былъ Луковой шляхъ. При этомъ мѣстѣ было большое озеро, и три верха соединялись вмѣстѣ; одинъ изъ нихъ шелъ по направленію отъ востока къ западу, другой отъ сѣвера къ югу, третій отъ юга къ сѣверу. Изъ мѣста, гдѣ соединялись эти три верха, вытекали ключи. При закапываніи этихъ бочекъ съ золотомъ, въ трехъ шагахъ къ сѣверу, зарытъ ими же котликъ съ мѣдными деньгами, и для замѣтки сдѣлана земляная насыпь въ пол-роста человѣка.

По мнѣнію крестьянъ, если все это истинно, кладъ этотъ долженъ находиться въ мѣстечкѣ, называемомъ Сселки, въ дачахъ села Нижней Залегощи, а по мнѣнію другихъ—въ такъ называемомъ Поповомъ Верху, не далеко отъ Сселокъ. Въ Сселкахъ выпахиваемы были, по удостовѣренію многихъ, сковороды и замки съ ключами, и это служитъ признакомъ бывшаго въ древнія времена здѣсь какого-либо селенія. **ж. г.**

(*) Луковымъ шляхомъ, по мнѣнію народа, называлась большая курская дорога

Digitized by Google

ПЯТИГОРСКЪ. Вотъ главнѣйшія новости отсюда. На нынѣшнее лѣто прибыло на здѣшнія воды около 1000 душъ, по большей части, разумѣется, ищущихъ исцѣленія. Изъ нихъ около 300 пріѣхало изъ внутреннихъ губерній. Даны были два бала, одинъ здѣшними жителями и служащими здѣсь, другой—въ отплату за вниманіе,—посѣтителями, и оба были блестящи. Хозяевами перваго бала были: ея превосходительство Анна Михайловна Всеволожская, и генералы: Козловскій, Ф. Принцъ и Всеволожскій, директоръ здѣшняго управленія минеральныхъ водъ; втораго—генеральша надворная совѣтница Шабельская, отставной генералъ Струковъ и гвардіи поручикъ князь Васильчиковъ. Въ числѣ посѣтителей находятся здѣсь генералы: Кузнецовъ съ семействомъ изъ Варшавы, Реадъ, Козловскій, отставной генералъ Струковъ, семейства Шабельскихъ, Лукиныхъ и проч.—Для новаго и полнаго разложенія минеральныхъ водъ въ Пятигорскѣ, Есентукахъ, Желѣзноводскѣ, Кисловодскѣ. Старомъ Юртѣ, гдѣ вода имѣетъ до +80° по Р., и Чиръ-Юртѣ, прибыли сюда изъ Петербурга профессоры тамошней медико-хирургической академіи—Дубовицкій и Зининъ. Прибавимъ къ этому, что правильныя сообщенія между Пятигорскомъ, Есентуками, Кисловодскомъ и Желѣзноводскомъ (въ 17, 38 и 18 верстахъ отъ перваго изъ нихъ), мѣстами, въ коихъ находятся минеральныя воды разнаго свойства, сообщенія, учрежденныя, подъ надзоромъ дирекціи здѣшнихъ минеральныхъ водъ, еще въ 1849 г., содержателемъ здѣшней казенной гостинницы, купцомъ 1-й гильдіи А. П. Нойтаке, теперь усовершенствованы. Омнибусы ходятъ ежедневно изъ Пятигорска въ Есентуки и Кисловодскъ, къ Нарзану, по одному пути, съ платою по 50 к. сер. съ особы, и въ Желѣзноводскъ по другому пути за 80 к. сер. съ особы въ одинъ конецъ. Они отходятъ изъ Пятигорска въ 7 часовъ утра и возвращаются въ него въ 7 ч. вечера. Этимъ быстрымъ сообщеніемъ посѣтители кавказскихъ водъ обязаны заботливому и благодѣтельному вниманію его свѣтлости князя М. С. Воронцова.—Въ прошломъ году была здѣсь засуха, и въ котловинѣ Пятигорска было страшно душно; теперь идутъ безпрестанные дожди, и до этого времени (20 іюля) было только два жаркихъ дня. Жаръ на солнцѣ восходилъ за +40° по Р.

Это *пока*, до полной статейки о здѣшнихъ водахъ.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ ВО ВРЕМЯ ПРОГУЛКИ НА МОСКОВСКИХЪ УЛИЦАХЪ.

I.

Лѣтомъ въ Москвѣ душно и скучно! Въ это годовое время одна часть жителей, избѣгая неудовольствія—глотать пыль и жариться на солнцѣ, переселяется въ деревню, другая—нанимаетъ миловидныя дачи въ окрестностяхъ Москвы, остальная, неимѣющая деревень для привольнаго житья, ни денегъ для найма и переѣзда на дачи,—довольствуется прогулками за городъ. Къ послѣднему разряду принадлежатъ многіе; въ спискѣ скромныхъ этихъ пѣшеходовъ состоитъ и писавшій эту статью. Прогулки мѣняются; одно и тоже человѣку надоѣдаетъ; ему свойственно искать перемѣны, онъ самъ ей подверженъ и физически и морально. И какая бѣда, если бы это было иначе! Тогда жизнь можно бы уподобить стоячей водѣ на Патріаршихъ прудахъ. Желательно только, чтобы это естественное влеченіе къ перемѣнѣ клонилось всегда къ лучшему, возвышеннѣйшему!...

Однажды вздумалось мнѣ посѣтить Лужники, лежащіе вблизи Новодѣвичьяго монастыря. Утро было прелестное! Безоблачное небо, роскошное сіяніе солнца, сладкое дыханіе воздуха—все предвѣщало прекрасный день; но всегда ли исполняются наши предположенія?—вѣдь они основаны на однѣхъ вѣроятностяхъ! и сколько обольщеній до заката дней! Утро жизни обѣщаетъ намъ радостную молодость, полдень удручаетъ насъ знойнымъ жаромъ, а подъ вечеръ вырываетъ съ корнемъ всѣ милыя мечты; убиваетъ все, что̀ мы любили, чѣмъ мы восхищались, и къ концу земнаго странствія стоимъ мы одиноки, разочарованные передъ горькою дѣйствительностію. Но полно, горевать ли о томъ!—Вѣдь нѣтъ жизни безъ черныхъ дней, безъ жертвъ: это условія жизни, неизбѣжный удѣлъ человѣчества, повелѣвающій проводить эту бурную жизнь съ сердцемъ легкимъ и безъ ропота. Не на то ли намекнулъ Пушкинъ, сказавъ:

Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
проч.

Digitized by Google

А Шиллеръ:

Mir gefällt ein lebendiges Leben,
Mir, ein ewiges Schwanken und Schwinden und Schweben
Auf der steigenden, fallenden Welle des Glücks.

(Мнѣ нравится жизнь *живая!* нравится это вѣчное движеніе, вѣчное колебанье, вѣчное колыханье на воздымающейся и ниспадающей волнѣ счастья)

Отъ Сухаревой башни, забывъ древнюю французскую пословицу: quand il fait beau prends ton manteau, quand il pleut, prends le si tu veux, пустился я въ путь въ легонькомъ лѣтнемъ пальто съ тросточкою въ рукахъ.—Читатель изъ этого убѣдиться можетъ, что я не совсѣмъ отсталъ отъ своего вѣка, въ которомъ все старое, и старыя пословицы забыты, какъ будто протекшее уже никакой связи не имѣетъ ни съ настоящимъ, ни съ будущимъ. Всѣ прельщаются, и не безъ причины, единственно новымъ, юнымъ. Во время моей прогулки испыталъ я, что не худо бы соединять милое настоящее съ отчасти отжилымъ протекшимъ, неизвѣстнымъ будущимъ, и изъ предосторожности накинуть на себя плащъ, или взять вмѣсто тросточки съ львиной головою, давно выдуманный спасительный отдождевникъ (parapluie). Я не говорю о нынѣшнихъ новомодныхъ, которые едва прикрываютъ голову, а о тѣхъ дюжихъ парусинныхъ, которые, подъ огромнымъ сводомъ своимъ, прикрывали человѣка съ головы до ногъ. Эти гигантскіе отдожевники перешли нынѣ въ руки лакеевъ, сидящихся за каретою, или, по нынѣшнему, возлѣ кучера на козлахъ, надъ щеголемъ, промокшимъ отъ дождя, подъ новомоднымъ, безпріютнымъ зонтикомъ.

Люблю Сухареву башню! это памятникъ временъ Великаго Петра, и сколько думъ наводитъ онъ! Здѣсь былъ разсадникъ просвѣщенія въ Россіи; тутъ собирались ученѣйшіе мужи того времени: Лефортъ, Брюсъ, Феофанъ Прокоповичъ, Фарварсонъ, и проч. и съ ними бесѣдовалъ Великій Петръ. По повелѣнію этого государя, Фарварсонъ учредилъ здѣсь морское училище, въ которое поступилъ Магницкій учителемъ ариѳметики, писанной не очень складными виршами. Нынѣ къ этому древнему памятнику присоединяется и память объ Императорѣ Александрѣ, по приказанію котораго учрежденъ резервуаръ, доставляющій жителямъ Москвы чистую воду.—Выхожу на раздольную Сретенку, напоминающую Сретеніе чудотворной иконы Владимірской передъ бѣгствомъ Тамерлана изъ Россіи. Не могу не заглядывать въ протекшее, не вызывать событія первой моей молодости, не помраченной горькою опытностью, и не могу бродить по

Digitized by Google

улицамъ московскимъ, не вспоминая о тѣхъ жителяхъ, которыхъ лѣтъ за 40 и болѣе я посѣщалъ. Владѣльцы этихъ домовъ покоятся давно въ сырой землѣ; а стѣны ихъ жилищъ подправлены, украшены сообразно вкусу вѣка. Человѣкъ умираетъ, и съ опущеніемъ тѣла его въ землю—его какъ будто и не бывало; но неодушевленные предметы, ему принадлежавшіе или произведенные имъ, живутъ цѣлые вѣка. Не намекаетъ ли это, что человѣкъ и на землѣ не совсѣмъ умираетъ? Я назвалъ бы это—пластическимъ его безсмертіемъ.

Вотъ это былъ англійскій купеческій домъ Рованда и К°., знаменитый торговлею, особенно съ Лондономъ. Старинный фасадъ его преобразованъ по новому стилю. Далѣе—это былъ домъ знаменитаго откупщика, г. С*.; тутъ въ разгульные дни весело воспѣвали въ огромной залѣ:

Ахъ, кто выдумалъ хмѣльное,
Тотъ зѣло разумень былъ, и проч.

Теперь верхній этажъ дома отдается внаймы. Это ужъ не барскій домъ для раздольнаго житья, а просто—спекуляція. Еще лѣтъ за 40 назадъ не болѣе, отдать свой домъ внаймы, показалось бы барину оскорбленіемъ своего имени, было бы отсутствіемъ понятія о чести; но что сказалъ бы горделивый г. С*., если бы увидѣлъ въ нижнемъ этажѣ своего дома книжную лавку, и, о ужасъ! вмѣсто дворянскаго герба усмотрѣлъ бы огромную вывѣску книгопродавца въ нѣсколько аршинъ длины и вышины, которая такъ нескромно застилаетъ часть его дома. Вѣрно произнесъ бы энергическое проклятіе, и рѣшительно—отрекся бы отъ своего замка.

А этотъ готическій, прежде пасмурный домъ на дворѣ, имѣющій видъ стариннаго дворца, принадлежалъ князю Волконскому, потомъ графу Ростопчину. Кто при этомъ имени не вспомнитъ о московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ въ 1812 году? Въ минуту выступленія русской арміи изъ села Воронова, графъ приказываетъ разложить солому по комнатамъ огромныхъ своихъ палатъ, беретъ фитиль, и собственною рукою обращаетъ въ пепелъ болѣе 500 т. р., чтобы не было пристанища Французамъ; хотя это не принесло никакой пользы, ибо Кутузовъ не допустилъ непріятеля до села Воронова, но жертва ожесточенія русскаго патріотизма противъ врага была велика, и достойна памяти въ потомствѣ. Нынѣ домъ графа Ростопчина принадлежитъ гр. Ор., и получилъ видъ обновленный, веселый. Вотъ и другой домъ тоже знаменитый,—это бывшій домъ князя Пожарскаго. Странная игра случая: бывшій домъ князя Пожарскаго и графа Ростопчина, этихъ двухъ знаменитыхъ враговъ—

Digitized by Google

Поляковъ и Французовъ, по истеченіи 200 лѣтъ, стояли въ 1812 г. другъ подлѣ друга. Какъ это случилось?—Кто знаетъ!—дѣйствія слѣпаго случая независимы отъ какихъ-либо ясныхъ или очевидныхъ причинъ.

Домъ кн. Пожарскаго былъ послѣ домомъ Г., прославившимся очень оригинальнымъ образомъ. Здѣсь купался хозяинъ въ огромныхъ ваннахъ, наполненныхъ розовою водою, и вмѣстѣ съ запахомъ розъ, выдохлись и домъ и огромное его состояніе. Баринъ этотъ былъ питомцемъ веселой школы XVIII столѣтія, въ которой и въ голову не приходило размѣрять расходы по доходамъ своимъ. Теперь въ домѣ этомъ помѣщается гимназія, — такъ роскошь, мотовство, да и все подвержено измѣненію, переработывается и приноситъ хорошіе плоды.

Вотъ и улица, извѣстная московскимъ львамъ и львицамъ подъ названіемъ Кузнецкаго Моста; здѣсь старожилъ едва что-нибудь узнать можетъ. Въ домахъ Долгорукихъ, Голицыныхъ, Собакиныхъ, Всеволожскихъ и пр., гдѣ вмѣстѣ съ хозяевами жило русское роскошное гостепріимство, живетъ теперь духъ коммерческій; магазинъ подлѣ магазина, портной подлѣ портнихи и т. д. Они наполнили всю улицу модными нарядами, товарами. И вотъ какъ сближаются отдаленнѣйшіе вѣка съ нынѣшнимъ; гдѣ по преданію у боярина Кучки ковали желѣзо, нынѣ куютъ червонцы — изъ чего? изъ чепчиковъ, шляпокъ и пр. Иду мимо, не заглядывая на сотни позлащенныхъ вывѣсокъ. Не обратятся ли эти вывѣски съ какими-то какъ бы руническими надписями въ карманныя эпитафіи? Я ихъ всѣхъ замѣнилъ бы одною: *здѣсь подправляются искусствомъ недостатки природы и подновляется утраченная молодость.* Иду прямо по Никольской улицѣ. Здѣсь стоялъ огромный готической архитектуры домъ гр. П. Б. Ш.*. Я бывалъ въ дѣтствѣ у гостепріимнаго хозяина. Не знаю, почему вздумалось сыну его Н. П. сломать эту колыбель графовъ Ш.* Ибо старинный этотъ домъ выстроенъ былъ фельдмаршаломъ гр. Б. П. Ш.*, сподвижникомъ великихъ дѣлъ Петра. Нынѣ простая ограда занимаетъ мѣсто огромнаго замка и открываетъ флигель, гдѣ жилъ, недавно умершій, гостепріимный хлѣбосолъ Г. Ч.* Онъ, не думая о томъ, продолжалъ въ уменьшенномъ видѣ огромное гостепріимство гр. П. Б. Ш.* Иду далѣе, и не внимая привѣтливымъ приглашеніямъ: «сюда пожалуйте, сюда, у насъ лучшій товаръ, и пр.» вхожу въ Кремль, отдыхаю у арсенала, обставленнаго пушками 20-ти языковъ. И арсеналъ—памятникъ великаго Петра, Кремль дышетъ глубокою, почтенною древностью. Здѣсь русскому какъ-то отрадно и привольно. Каждый предметъ свидѣ-

Digitized by Google

тельствуетъ о многихъ событіяхъ, которыя возбуждаютъ тысячу воспоминаній. Это поприще то славныхъ, то плачевныхъ происшествій. Не здѣсь ли было жилище древнихъ царей нашихъ? Въ наше время, по повелѣнію Императора Николая I, выстроенъ здѣсь великолѣпный дворецъ, изумляющій своею обширностію и богатопозлащеннымъ куполомъ. Кремль и нынѣ пользуется честью, принадлежащею древности. Не сюда ли притекали Государи россійскіе, чтобы тамъ въ первенствующемъ храмѣ принять со священнымъ мѵромъ благословеніе Неба и Церкви?

Не взрывъ ли части Кремля, внушенный злобнымъ мщеніемъ за неудачу, отбросилъ Наполеона на островъ св. Елены, по крайней мѣрѣ не былъ ли первымъ къ тому сигналомъ?

Иду черезъ Троицкіе ворота, черезъ нихъ вступали въ Кремль Годуновъ и Наполеонъ. Первый — на царство; второй какъ будто побѣдителемъ, и въ высокомѣрномъ своемъ самообольщеніи ни тотъ, ни другой не предвидѣли своей участи. Что, если-бы книга судебъ развернулась внезапно передъ ними? Какъ помрачилось бы горделивое ихъ чело среди пышнаго и ненадежнаго для нихъ торжества!....

Выхожу на площадь. Вотъ и бывшая колыбель Нарышкиныхъ. Не отсюда ли выѣхала на вѣнчаніе богатая добродѣтелями Наталья Кириловна, мать Великаго Петра? Теперь собираются здѣсь сокровища, доставляемыя богатою Сибирью. Вотъ и великолѣпный домъ Пашкова. Онъ обращенъ въ гимназію; но старое названіе осталось какъ-бы въ честь, отдаваемую вкусу богатаго строителя этого украшенія Москвы. Нѣтъ болѣе передъ домомъ тѣхъ красивыхъ фонтановъ и разныхъ иноземныхъ птицъ, которыя купались въ прудахъ, водоемахъ, и при Пашковѣ собирали противъ ограды толпу зрителей всякаго рода.—А это? На этомъ мѣстѣ былъ дворецъ Великой Екатерины, подъ названіемъ Пречистенскаго. Тутъ теперь домъ не столько знаменитый зодчествомъ, какъ благотворительностію, щедро разливаемою на бѣдныхъ и сирыхъ рукою почтеннаго вельможи, которому онъ принадлежитъ. Изъ всѣхъ добродѣтелей подъ одну благотворительность поддѣлаться нельзя ни словами, ни голосомъ, ни тѣлодвиженіями. Она скромно обнаруживается лишь облагодѣтельствованными ею.

Однако, долго ли буду я останавливаться при каждомъ предметѣ, и разбирать, что было и что есть? Когда же дойду до Лужниковъ?— Не оглядываясь, иду прямо къ цѣли; но вотъ камень преткновенія. Я замѣчалъ: когда себѣ даешь слово чего-нибудь не дѣлать, тогда искушеніе одолѣваетъ душу, и увлеченные окружающими насъ предметами, мы забываемъ данное себѣ слово. Я на Дѣвичьемъ полѣ. Онъ

Digitized by Google

было издревле, и еще при Императорѣ Павлѣ I, плацъ-парадомъ русскаго воинства. Не могу не остановиться на одномъ происшествіи, бывшемъ на Дѣвичьемъ полѣ вскорѣ по пріѣздѣ Императора Павла I къ коронаціи въ Москву. Въ послѣдній годъ царствованія Императрицы Екатерины II выпущенъ былъ изъ конной гвардіи поручикъ Брандтъ премьеръ-маіоромъ въ Астраханскій гренадерскій, послѣ Архаровскій полкъ. Брандтъ былъ человѣкъ крайне образованный, благородный, вспыльчивый и честолюбивый. Въ одинъ вечеръ получилъ онъ отъ г. экзерциръ-мейстера, полковника N**, записку, чтобы на другой день въ 8-мь часовъ предстаыть полкъ на Дѣвичьемъ полѣ; Брандтъ дошелъ до Зубова, остановился и ожидалъ, чтобы на Спасской башнѣ ударило 8-мь часовъ. Едва пробило 8-мь, какъ Брандтъ вступилъ на плацъ-парадъ, гдѣ уже г. экзерциръ-мейстеръ прохаживался. Брандтъ подошелъ къ нему съ рапортомъ. «Ты запоздалъ, сказалъ экзерциръ-мейстеръ.— По запискѣ вашей, отвѣчалъ Брандтъ, я привелъ полкъ въ 8-мь часовъ.— «Не правда, я приказалъ быть въ 7-мь часовъ».—Записка ваша при мнѣ.—«Покажи». Брандтъ подалъ. Экзерциръ-мейстеръ, прочитавъ записку, разорвалъ ее на мелкіе куски. Это взорвало Брандта: за чѣмъ ты ее изорвалъ, сказалъ онъ: грамотѣ не знаешь, вмѣсто 7-ми написалъ 8-мь и теперь меня обвинить хочешь! «Тише, молодецъ!» и въ запальчивости своей произнесъ экзерциръ-мейстеръ неприличное слово на счетъ прежняго при Екатеринѣ порядка вещей. Но онъ не успѣлъ еще договорить, какъ пощечина была уже на щекѣ его. По командѣ дошло это происшествіе до Государя. Брандтъ былъ разжалованъ въ солдаты и во все время коронаціи оставался рядовымъ въ Архаровскомъ полку. За двѣ недѣли до отъѣзда Императорской Фамиліи въ Петербургъ, пріѣзжаетъ въ Архаровскій полкъ фельдъегерь съ повелѣніемъ представить Императору рядоваго Брандта. Два по тогдашнему секундъ-маіора того-же полка Фонъ-деръ-Фельдены, и я, пріятель Брандта, не зная, чѣмъ кончится этотъ призывъ, крайне испугались. Черезъ нѣсколько часовъ Брандтъ съ торжествующимъ лицомъ возвращается къ намъ и разсказываетъ слѣдующее: онъ введенъ былъ въ кабинетъ Императора, сталъ у дверей во фронтъ и твердымъ голосомъ провозгласилъ: «Здравія желаю Вашему Императорскому Величеству!» Государь, подошедъ къ нему, сказалъ: «У Царя Небеснаго нѣтъ правосудія безъ милосердія и у Царя земнаго быть не должно! Вы поступили противъ субординаціи, я вынужденъ былъ васъ наказать, но вы, какъ благородный человѣкъ, защищали вашу Императрицу. — Поцѣлуемтесь, г. подполковникъ»!....

По окончаніи разсказа, слеза навернулась на глазахъ разскащика и слушателей. Быстрѣе молніи разнеслось великодушіе Императора

Digitized by Google

по всему полю, и восторгъ былъ всеобщій. Сколько теплыхъ молитвъ вознеслось за милосердіе Царя къ Источнику всякаго милосердія и благости!...

Вижу знакомый деревянный домъ; какъ не поговорить о его хозяинѣ, о которомъ вспомнить нельзя, не приводя себѣ на память и драгоцѣнный его музеумъ россійскихъ древностей. Здѣсь хранятся вѣковыя рукописи, славянскія книги, автографы знаменитѣйшихъ мужей, старинныя иконы, кресты, панагіи, разныя утвари, объясняющія намъ домашнюю и общественную жизнь русскаго народа. Все это любопытно, занимательно для знатока и любителя.

Вотъ и Ново-дѣвичій монастырь. Какъ тутъ не остановиться! Не сюда ли удалился къ отрекшейся отъ престола сестрѣ своей Борисъ Годуновъ. Здѣсь умоляли его духовенство и бояре принять державу. Онъ сперва отказывается, потомъ принимаетъ скипетръ и корону. Но вотъ воспоминаніе другаго рода. Здѣсь казнены были мятежники, бывшіе на сторонѣ властолюбивой царевны Софіи. Въ этомъ монастырѣ провела она послѣдніе дни свои, вспоминая о юношескихъ своихъ замыслахъ, оплакивая, можетъ быть, сперва неудачу честолюбивыхъ своихъ плановъ, потомъ, отчужденная отъ всего земнаго, не пала ли она на колѣна предъ крестомъ Спасителя, проливая слезы раскаянія? Раскаяніе это самый благотворный даръ неба. Онъ заключаетъ окончательный расчетъ съ прошедшимъ, перерождаетъ душу и даетъ ей силу неуклонно проводить возобновленную жизнь. Я вошелъ въ обитель, сталъ передъ скромнымъ камнемъ, покрывающимъ прахъ ея. Земное возвращено землѣ! сказалъ я, тамъ даетъ Софья отчетъ, чѣмъ ознаменовала земной путь,—и вышелъ изъ монастыря. На свѣжемъ Божіемъ воздухѣ повѣяло на меня что-то утѣшительное изъ того таинственнаго, незримаго, но предчувствуемаго міра.

II.

Да вотъ и Лужники! — Какъ? это-то знаменитые Лужники, прославленные лужницкимъ старцемъ въ Вѣстникѣ Европы? — Да что въ нихъ? плоская луговина, нѣсколько разбросанныхъ хижинъ, шалашей, огороды, кое-гдѣ жалкая группа деревъ, въ сторонѣ суконная фабрика, за нею церковь, чей-то домъ—вотъ и все,—было чѣмъ похвастать нашимъ поэтамъ и прозаикамъ! Все смотритъ такъ холодно, не на что полюбоваться, развѣ извилистымъ теченіемъ Москвы рѣки, видомъ на Воробьевы горы, мамоновскую дачу. Такимъ образомъ, Лужники выходятъ пьедесталомъ, съ котораго удобно восхищаться отдаленными предметами. Я лучше предпочту идти

Digitized by Google

туда, гдѣ все такъ кажется красивымъ. Вижу тропинку, ведущую къ Москвѣ рѣкѣ, найму тамъ лодку и переѣду на другой берегъ, который прельщаетъ меня своею утесистою горою, густыми кустарниками, богатою зеленью, разбросанными по берегу красивыми домиками, фабрикою; а вдали на высотѣ виднѣется селеніе Воробьевыхъ горъ.... Оттуда смотрѣли нѣкогда на Москву завистливыми глазами татарскіе ханы, Наполеонъ, и, какъ любознательная путешественница, г-жа Сталь-Гольштейнъ. По тропинкѣ дошелъ я до песчанаго берега; вижу на противномъ берегу лодку, но плывущіе по рѣкѣ плоты съ лѣсомъ не позволяетъ ей скоро приблизиться; объѣздъ великъ, а на небѣ грозно. Изъ-за селенія Воробьевыхъ горъ сильный вѣтеръ гналъ огромную темносѣрую тучу прямо на меня. Воротиться—но куда?—отвсюду далеко; лучше и ближе переправиться на противоположный берегъ. Кричу, машу платкомъ, привязавъ его къ тросточкѣ, чтобы тамъ увидѣли бѣдственное положеніе странствующаго москвича; засуетились на другомъ берегу, кажется, кто-то отдаетъ приказаніе; дѣйствительно, человѣкъ бѣжитъ, садится въ лодку, отчаливаетъ, но когда объѣдетъ онъ плоты? Гдѣ искать защиты? нѣтъ ни единаго дерева, подъ которымъ бы можно было укрыться; а густая туча покрываетъ всю сторону какъ будто чернымъ покрываломъ. Вотъ выѣхала лодка изъ-за плотовъ, я радуюсь, какъ вдругъ забушевалъ холодный вѣтеръ, и съ ужаснымъ свистомъ грянулъ крупный, частый дождь, который черезъ нѣсколько минутъ промочилъ меня до костей. Наконецъ, причалила лодка, но,—nulla calamitas sola,—отъ сильнаго вѣтра стала она ко мнѣ не бокомъ, а носомъ въ аршинѣ вышины. Я кое-какъ вскарабкался, ступилъ уже лѣвою ногою на этотъ огромный носъ лодки, какъ отъ напряженія моего она покачнулась, я потерялъ равновѣсіе, поскользнулся, правая нога не успѣла подоспѣть на помощь лѣвой, и погрузилась въ рѣку.

Если бы Харонъ мой не схватилъ меня за лѣвую руку, и не потащилъ за собою, то, вѣрно, не описывалъ бы я этого оригинальнаго купанья. Бурныя волны Москвы рѣки унесли бы тѣло мое въ безпредѣльный океанъ. Какой? право, и самъ не знаю. Говорятъ: у страха глаза велики—и вѣрно. А дождь ливнемъ льетъ. Наконецъ, стою я въ лодкѣ. Вода почти по колѣна. Мы объѣхали плоты, причалили къ берегу, и я опять на твердой землѣ. Харонъ мой немедленно обратился въ услужливаго Меркурія — и повелъ меня прямо въ сушильню, какъ мокрый товаръ, миткаль, кисею и пр.; развѣшиваютъ мое платье, и спасибо африканскому климату сушильни,—чрезъ 2 часа строгаго карантина, гдѣ содержали меня въ легонькомъ одѣ-

Digitized by Google

яніи, я могъ прилично явиться къ жителямъ дома. Но гдѣ я? На бѣлильной фабрикѣ, нашелъ здѣсь милое гостепріимство и хорошенькихъ образованныхъ дамъ. Время текло пріятно, разговоръ нашъ былъ оживленъ и веселъ. Меня оставили обѣдать; за столомъ разговоръ шелъ о претерпѣнныхъ мною опасностяхъ на водахъ Москвы рѣки. Смѣхъ былъ всеобщій. Всѣ дамы безъ изъятія были такъ любезны, что если бы я былъ извѣстнымъ фригійскимъ пастухомъ, и возложили бы на меня обязанность рѣшить, кому вручить яблоко,—то я разрѣзалъ бы его на кусочки по числу дамъ, и на золотомъ блюдѣ поднесъ бы каждой по ломтику,—а золотое блюдо, на память, «ad memoriam posteritatis», оставилъ бы себѣ.

III.

Я остался на фабрикѣ переночевать. По привычкѣ встаю въ 5 часовъ утра. Слышу бѣготню, шумъ, стукъ, фабрика въ дѣйствіи. Не худо узнать, что̀ дѣлается въ бѣльнѣ,—иду туда. Фабрика работаетъ по коммиссіи. Привозный товаръ, по изреченію мастера, *идетъ въ дѣло*, а по моему—на разныя истязанія. Сперва палятъ матерію на раскаленномъ цилиндрѣ, чтобы не оставалось ни малѣйшаго узелка. Слѣдуетъ валка на толчеѣ, потомъ замо̀чка, варка, опущеніе въ хлоръ, кислоту, и послѣ каждой изъ этихъ операцій производится мытье. Отправляютъ въ су̀шильню, крахмалятъ, складываютъ и кладутъ подъ прессъ. Кончилось истязаніе. Болѣе всего понравилась мнѣ, такъ называемая, эластическая кисея. Ее растянутъ, и она опять принимаетъ первобытную свою форму. «Это секретъ», сказалъ мнѣ мастеръ. Я не добивался его узнать, ибо врядъ ли заведу бѣлильню уже изъ одного состраданія, чтобы не подвергать невинной матеріи подобнымъ мытарствамъ.

Впрочемъ, не такъ ли и все идетъ въ подлунномъ мірѣ нашемъ, и не на однѣхъ фабрикахъ? не такъ ли и съ человѣкомъ? Страдай, терпи, молчи, чтобы выстрадавшему, очищенному, отбѣленному, явиться туда, куда Промыслу угодно будетъ направить путь нашъ.

Я переплылъ рѣку и нахожусь опять въ Лужникахъ. Здѣсь убѣдился я, что взглядъ на предметы, насъ окружающіе, часто, если не всегда, зависитъ отъ нашего внутренняго расположенія. Вчера былъ я въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ навѣяла на меня какая-то грусть, и Лужники мнѣ не понравились. Теперь посмотрѣлъ я на нихъ весело, проведя время въ кругу образованныхъ людей, и Лужники явились въ другомъ видѣ, растительность была пышна, шалаши превратились въ веселые домики, вся эта страна вблизи Москвы по-

Digitized by Google

казалась мнѣ миленькою, уединенною деревушкою, и весь горизонтъ Лужниковъ украшался прелестнѣйшими видами.

Возвратясь домой, записалъ я для памяти: не должно судить о предметахъ, насъ окружающихъ, по первому впечатлѣнію; потомъ, никогда не пренебрегать старинными пословицами: quand il fait beau, prends ton manteau, quand il pleut, prends le si tu veux; а по-русски:

Храни себя отъ бѣдъ,
Пока еще ихъ нѣтъ....

А между тѣмъ подумалъ: какъ грустно, что сколько бы ни старался человѣкъ обратить себѣ въ пользу сдѣланные имъ опыты, въ шестьдесятъ-ли, семьдесятъ или болѣе лѣтъ, все еще останется что-нибудь имъ недознанное, неиспытанное, неисправленное. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, а все умрешь, если не совсѣмъ дуракомъ, то все-таки несовершеннымъ умникомъ.

ЯКОВЪ ДЕ-САНГЛЕНЪ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

ТОННИ ЖОАННО, умершій скоропостижно въ Парижѣ, родился въ 1803 году въ Оффенбахѣ (въ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадскомъ) отъ родителей, которые поселились въ этомъ городѣ послѣ нантскаго эдикта. Сначала онъ занимался искусствомъ гравированія, и, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, умершимъ въ 1835 году, украсилъ рисунками и виньетами нѣсколько великолѣпныхъ изданій разныхъ авторовъ. Эта работа, въ которой онъ дѣлалъ успѣхи, которая прославила имя его, однако, мѣшала ему предаться исключительно живописи. Онъ сообщилъ ей легкость и вкусъ, кои доставили успѣхъ его иллюстраціямъ. Въ 1830 году онъ въ первый разъ выставилъ свои картины. Мы назовемъ нѣкоторыя изъ его tableaux de genre, которыя были въ большей славѣ и воспроизведены въ гравюрахъ: *Мина и Бренда на берегу моря*, изъ Вальтеръ-Скотта: Жоанно воодушевился имъ тѣмъ охотнѣе, что прежде украсилъ рисунками его же сочиненія. Въ 1834 году герцогъ Орлеанскій заказалъ ему *Смерть Дюгесклена*; въ 1835 написалъ онъ для принца Жуанвильскаго *Сцену, взятую изъ Шотландской исторіи*. Вотъ списокъ его картинъ, въ теченіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ. Въ 1839 году—*Битва при Росбекѣ* (заказанная королемъ въ 1832 г.); *Смерть Юліана д'Авенеля*. Въ 1840—*Сраженіе при Фонтеноа*; *Дѣтство Дюгесклена*; *Отплытіе Елизаветы, королевы англійской, въ Кенильсворѣ*. Послѣдняя картина была сочинена покойнымъ его братомъ Альфредомъ Жоанно; *Двѣ молодыя женщины подъ окномъ*. Въ 1842—*Переходъ Людовика VII черезъ Меандръ* (эта картина была заказана для исторической галлереи Версальскаго дворца). Въ 1844 г. три картины: предметъ первой взятъ изъ *Андре* г-жи Жоржъ-Зандъ; предметъ второй—изъ *Евангелія*, третій—изъ *Подражанія Іисусу Христу* (всѣ три были заказаны герцогомъ Монпансьé). Въ 1843 и 1845 онъ не выставлялъ ничего. Въ 1846—картину *Король даритъ королевѣ Викторіи два гобелиновые ковра въ замкѣ д'Еи*. Въ 1848 выставилъ онъ двѣнадцать картинъ. Въ 1850—*Смерть святаго Павла, перваго пустынника*; *Отдыхъ послѣ соколиной охоты*; *Семейство*

Digitized by Google

рыбаковъ; *Тирсисъ и Амаранта*; *Рѣка Скамандръ*. Въ этихъ разнообразныхъ твореніяхъ артистъ является почти всегда живописцемъ пріятнымъ, простымъ, плавнымъ, нѣсколько поверхностнымъ, но блестящимъ. По большей части любимый цвѣтъ его сѣрый и серебристый,—пріятный и легкій. Онъ заботится только объ одномъ—нравиться, и успѣваетъ въ этомъ какъ нельзя лучше.

Но искать доказательства счастливой плодовитости живописца должно въ безчисленныхъ рисункахъ, сдѣланныхъ на стали или на деревѣ для изданій съ картинками. Г. Тони Жоанно былъ для нашего столѣтія тѣмъ, чѣмъ былъ Моро для конца прошедшаго. Онъ обогатилъ своими рисунками сочиненія Вальтеръ-Скотта, Купера, Байрона, Мольера, и между прочимъ назовемъ особенно рисунки *Короля богемскаго и его семи замковъ*, изданія Донъ-Кихота, Павла и Виргиніи. Онъ издалъ рисунки къ Евангелію и Подражанію Іис. Христу. Когда застигла его смерть, онъ доканчивалъ рисунки для изданія сочиненій Жоржъ-Зандъ и заготовлялъ еще для сочиненій Виктора-Гюго. Онъ оставилъ также одну недоконченную картину: *Руѳь и Воозъ*, и къ этому-то послѣднему произведенію стремились его мысли и сожалѣнія при первыхъ припадкахъ удара, отъ котораго онъ и умеръ. Цѣлая толпа художниковъ и друзей стеклись на его похороны, чтобы отдать послѣдній долгъ художнику, искусному и скромному, въ которомъ они цѣнили прекрасныя качества его характера и ума. Протестантскій пасторъ, Кокерель сынъ, произнесъ трогательную рѣчь надъ его гробомъ. Останки его преданы землѣ на кладбищѣ Монъмартръ, въ склепѣ, въ которомъ погребены его два брата.

—

РѢЧЬ НИЗАРА. Журналы говорятъ объ очень пріятномъ впечатлѣніи, которое произвела рѣчь г. Низара (меньшаго брата извѣстнаго критика латинскихъ писателей временъ упадка римскаго государства, члена института, и проч.),—рѣчь, которую онъ произнесъ въ Сорбонѣ, при раздачѣ наградъ лавреатамъ. Ораторъ началъ съ похвалы министру просвѣщенія, котораго онъ называетъ *praeses noster*, и принцу-президенту, котораго почтилъ названіемъ *imperator*. Подъ словомъ *imperator* только одни знатоки тонкостей латинскаго языка разумѣли *предводителя*, а не императора, какъ, можетъ быть, думали профаны.

Послѣ приступа, ораторъ перешелъ къ темѣ своей рѣчи. Тема, которую онъ выбралъ, очень шла къ нему, какъ латинскому стилисту à la Цицеронъ: онъ говорилъ *о важности классическаго образованія*. Одинъ изъ французскихъ фельетонистовъ, присутствовавшій при раздачѣ наградъ, говоритъ, что едва ли бы можно было на

Digitized by Google

французскомъ языкѣ осмѣять съ такою граціею, и такъ безжалостно уничтожить фанатическихъ приверженцевъ среднихъ вѣковъ, клевѣтниковъ классической древности, аббата Гома, газету *l'Univers* (*) и пр. Г. Низаръ очень энергически говорилъ противъ нихъ, и каждый его намекъ, который онъ очень искусно сопровождалъ небольшой паузой, вызывалъ громкія одобренія профессоровъ и студентовъ, сопровождаемыя насильнымъ, но громкимъ смѣхомъ и хлопаньемъ въ ладоши, людей, желавшихъ показать, что они знаютъ по-латинѣ, и понимаютъ, что говоритъ г. Низаръ. Ораторъ указалъ на все, что было великаго въ древности, не умалчивая ни о чемъ, что было въ ней дѣтскаго и въ истинномъ смыслѣ слова языческаго. Были мѣста въ его рѣчи принятыя и неблагопріятно: такъ напримѣръ очень многіе приняли съ неудовольствіемъ его слова о Брутѣ. Говорятъ, что лучшее мѣсто рѣчи г. Низара, то, гдѣ онъ вооружается противъ приверженцевъ среднихъ вѣковъ, которыми теперь еще изобилуетъ Франція, и которые, по его словамъ, превозносятъ средніе вѣка во имя религіи, и не говорятъ ни слова о Боссюетѣ и Фенелонѣ, своихъ обличителяхъ (*«Bossuetium et Fenelonem tacent»*) и проч.

Послѣ этого ораторъ опять перешелъ къ похвалѣ классической древности, и заключилъ рѣчь свою похвалой настоящему правительству.

Въ числѣ слушателей г. Низара были архіепископъ парижскій, (встрѣченный рукоплесканіями при входѣ въ залу), и папскій нунцій.

ДѢВИЦА ЛИБЕРТЪ, ЗНАМЕНИТАЯ БОТАНИСТКА.

Она — Бельгійка; живетъ въ городкѣ Мальмеди, близъ Спа. Ученая ботанистка шестьдесятъ лѣтъ своей жизни посвятила изученію цвѣтовъ. «Нѣсколько часовъ, (пишетъ корреспондентъ одной изъ французскихъ газетъ), которые я имѣлъ честь провести въ обществѣ дѣвицы Либертъ, составятъ счастливый періодъ въ моей жизни. Кабинетъ естественной исторіи, куда удостоила ввесть меня дѣвица Либертъ, показывая мнѣ съ рѣдкою обязательностію драгоцѣнныя травы, которыми обладаетъ, — это очаровательная рѣдкость. Дѣйствительно, очень интересно встрѣтить, собранные здѣсь, безчисленные виды растеній, принадлежащіе ко всѣмъ родамъ, ко всѣмъ классамъ и ко всѣмъ семействамъ растительнаго царства. Надобно имѣть организацію, одаренную великимъ терпѣніемъ, чтобы собрать всѣ эти богатства. Любовь къ цвѣтамъ обнаружи-

(*) Газета l'Univers, издаваемая Луи-Вейльо, и аббатъ-Гомъ играли первостепенныя роли въ спорѣ, возникшемъ нынѣшнее лѣто во Франціи по поводу вопроса о томъ, слѣдуетъ ли изучать *языческихъ* писателей.

Digitized by Google

лась въ ученой ботанисткѣ очень рано; съ пятнадцати лѣтъ дѣвица Либертъ предалась изученію древнихъ языковъ, чтобы ознакомиться съ различными системами первыхъ писателей-ботаниковъ. Она не любила дѣтскихъ игръ; нигдѣ не была она такъ счастлива, какъ среди полей, среди лѣсовъ, на горахъ, въ глубокихъ оврагахъ; здѣсь проводила она по цѣлымъ днямъ, отыскивая съ необыкновеннымъ жаромъ предметы своей страсти, своего единственнаго счастія».

«Надобно слышать, какъ она сама разсказываетъ о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ. Я слышалъ ее съ живымъ увлеченіемъ; ея глаза горѣли одушевленіемъ; на ея мужественномъ и характеристическомъ лицѣ отражалось тихое и благородное счастіе. Дѣвица Либертъ родилась въ Мальмеди, и, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, пользуется совершеннымъ здоровьемъ, которымъ обязана правильной и трудолюбивой жизни; ея зрѣніе такъ же здорово и остро, какъ у молодой женщины, въ полномъ цвѣтѣ силы, и—вещь изумительная—при своихъ литературныхъ работахъ, она не знаетъ употребленія очковъ, и только при обозрѣніи *безконечно-малыхъ* тайнобрачныхъ, употребляетъ увеличительное стекло и микроскопъ. Ея прекрасная старость течетъ, какъ потокъ между цвѣтовъ — ея милыхъ пріемныхъ дѣтей. Въ рѣдкіе дни дѣвица Либертъ не дѣлаетъ нѣсколькихъ льё, собирая травы повсюду, гдѣ надѣется отыскать что-нибудь новое. Спеціальное занятіе, которому по преимуществу предается ученая ботанистка, — это *тайнобрачіе*, то-есть, изученіе мховъ древесныхъ грибовъ, лишаевъ и папоротниковъ,—предметъ обширный, о которомъ она написала много изслѣдованій. Въ 1846 году, по случаю болѣзни картофеля, описала она, одна изъ первыхъ, видъ шампиньйоновъ *botrytis*, которымъ дала названіе *vastatrix*—шампиньйонъ-опустошитель».

«Дѣвица Либертъ, членъ множества ученыхъ обществъ, ведетъ переписку со всѣми извѣстными натуралистами Германіи, Франціи и Англіи. Государи, особенно Король прусскій, котораго у ней много собственноручныхъ писемъ, выражали ей многими знаками свое уваженіе и благодарность. Покойный Линкъ, извѣстный профессоръ Берлинскаго университета, называлъ ее Несторомъ ботаниковъ! Недавно ученый Спрингеръ и лордъ Грагамъ посвятили ей новый цвѣтокъ, получившій названіе *Libertia formosa*».

Digitized by Google

ДВА СЛОВА О МАРШАЛѢ ЭКСЕЛЬМАНѢ. Смерть маршала Эксельмана, знаменитаго Наполеоновскаго сподвижника, естественно обратила общее вниманіе на его подвиги, въ особенности подъ стѣнами Парижа, и, потомъ, при Ватерлоо.

«Я часто имѣлъ честь (пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ Independance Belge) слышать, какъ маршалъ Эксельманъ самъ разсказывалъ объ этомъ сраженіи, объясняя свое движеніе съ ясностію, оправдывавшею вполнѣ мысль, которая такъ сильно волновала умъ императора, и которая причинила ему такое глубокое огорченіе, когда онъ увидѣлъ, что предложеніе, вызванное этой мыслію, было отвергнуто Законодательнымъ Собраніемъ.

Императоръ, находясь въ Елизѣ, уже по отреченіи отъ престола, но все еще движимый своимъ инстинктомъ, не терялъ изъ вида дѣйствій англійской и прусской армій, окружавшихъ Парижъ. Видя плохое расположеніе обѣихъ армій, раздѣленныхъ Сеною, онъ съ одного взгляда рѣшилъ, что побѣда надъ той и другой арміей была бы быстра и легка. Онъ предложилъ принять начальство надъ войсками, не какъ императоръ, а какъ простой генералъ, чтобы схватить эту великую побѣду, которая, по его мнѣнію, возстановила бы благоденствіе Франціи, обязываясь, словомъ чести, сложить съ себя это начальство, тотчасъ же по совершеніи своего дѣла. Законодательное Собраніе отвѣчало холоднымъ и суровымъ отказомъ на жаркія и настоятельныя просьбы великаго полководца, который, между тѣмъ, подкрѣплялъ ихъ точными, подробными, энергическими объясненіями ошибокъ непріятеля и своею собственною увѣренностію въ побѣдѣ.

Маршалъ Даву, которому вмѣсто императора поручено было главное начальство, и другіе генералы, не рѣшались выполнить мысль Наполеона. Одинъ Эксельманъ одушевился ею, и хотѣлъ ускорить событіе. «Не вѣрьте, говаривалъ онъ намъ, что только для удовольствія изрубить два или три прусскихъ полка, цѣною безполезно пролитой крови нашихъ, храбрыхъ солдатъ, началъ я тогда сраженіе. Нѣтъ: мое движеніе было предпринято и выполнено, чтобъ завязать настоящее, генеральное сраженіе съ отличными выгодами. Я видѣлъ, что минута благопріятна. Рѣшительная побѣда была несомнѣнна. Я хотѣлъ схватить ее, и дѣйствовалъ безъ приказанія. Я надѣялся, что это движеніе и первый успѣхъ увлекутъ армію. Генералы упорно отказывались слѣдовать за мною. Прусская и англійская арміи были бы разбиты: онѣ на другой день вступили въ Парижъ».

Digitized by Google

Такой же огонь и такой же гнѣвъ горѣлъ въ немъ, когда говорилъ онъ о попыткахъ, какія съ генераломъ Жераромъ дѣлалъ онъ во время Ватерлоскаго сраженія, передъ маршаломъ Груши.

Да будетъ позволено мнѣ прибавить здѣсь еще одно слово маршала Эксельмана, которое, мнѣ кажется, характеризуетъ сколько оригинально, столько же вѣрно, образъ дѣйствій и геній Наполеона на полѣ битвы. Маршалъ говорилъ намъ однажды, что императоръ не видѣлъ ничего особеннаго въ храбрости, которая казалась ему не только первою обязанностію, но естественнымъ условіемъ всякаго французскаго солдата. Онъ цѣнилъ ее только тогда, когда она проистекала изъ безстрашія, могущаго производить великія дѣла. Кто-то вздумалъ спросить его, храбръ-ли былъ императоръ. «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ. — Это первое слово немного удивило всѣхъ. — «Нѣтъ, повторилъ маршалъ Эксельманъ, императоръ не былъ храбръ; онъ *не имѣлъ нужды въ храбрости*. Быть храбрымъ значитъ чувствовать опасность и идти ей на встрѣчу. Для императора *опасность не существовала*. На войнѣ онъ видѣлъ цѣль, которая совершенно овладѣвала его мыслію. Однакожъ, прибавилъ генералъ, при нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ императору приходилось лично защищаться, онъ доказалъ, что былъ храбръ на столько, на сколько это было нужно».

Маршалъ Эксельманъ и самъ обладалъ въ высочайшей степени тѣмъ безстрашіемъ натуры исключительной, которую такъ любилъ Наполеонъ.

—

ПАРИЖСКІЯ УВЕСЕЛЕНІЯ. «Президентъ былъ въ Большой Оперѣ. Прекрасный балетъ «Жизель», въ которомъ танцовала дебютантка г-жа Регина-Фарли, имѣлъ честь его выманить изъ тѣпистаго, впрочемъ, очень сыраго, Сен-Клу. Всѣ власти, по преимуществу административныя, обязанныя смотрѣть за порядкомъ, присутствовали въ театрѣ. Мѣста же въ оркестрѣ, противъ котораго сидѣлъ президентъ, представляли нѣчто въ родѣ министерства. Какова-же была вся зала!

Говорятъ, что президентъ посѣтитъ всѣ безденежныя представленія; онъ также будетъ на балѣ рыночныхъ торговокъ. Какую громкую популярность заслужитъ онъ, если самъ откроетъ балъ съ одной изъ этихъ дамъ. Г-жа Севинье разсказываетъ, что ей хотѣлось воскликнуть: *да здравствуетъ король!*, когда Людовикъ XIV танцовалъ съ ней;—базарныя дамы на этотъ разъ всѣ уподобятся г-жѣ Севинье, но, разумѣется, кромѣ литературы.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ О СЕРДЮКОВѢ ВЪ ВЫШНЕМЪ ВОЛОЧКѢ.

«Были ли вы у насъ на заводѣ?»—спросилъ меня недавній мой волочковскій знакомый.—Нѣтъ, и не знаю, какой это заводъ.—«Побывайте, туда ѣздятъ многіе любопытствовать».—Что-жъ тамъ любопытнаго, по крайней мѣрѣ, что на заводѣ выдѣлываютъ?—«Ничего не выдѣлываютъ, а просто одна вода».

Заводомъ жители Волочка называютъ (и гораздо яснѣе, если не справедливѣе) знаменитый шлюзъ и весь бассейнъ, то-есть, все водохранилище, посредствомъ коего суда изъ Тверцы переходятъ во Мсту.

Не смотря на мелкій дождь и пронзительный осенній вѣтеръ, услужливый знакомый приказалъ срядить небольшую телѣжку въ одну лошадь, и черезъ часъ мы были уже на мѣстѣ.

Прекрасно волновалось озеро, но точка зрѣнія была самая невыгодная; шлюзъ, стиснутый боковыми дамбами, замыкалъ берега въ самомъ узкомъ мѣстѣ: видна была небольшая часть озера, составляющаго болѣе 100 квадратныхъ верстъ (*).

«Можно войдти вонъ въ тотъ каменный домъ», — сказалъ мой спутникъ, наскучивъ стоять подъ дождемъ и на вѣтру.—Хорошо бы было,—отвѣчалъ я,—если бы позволили взойдти подъ самую крышу.

Инженерный офицеръ провелъ насъ между стропилами къ небольшому слуховому окну, обращенному на озеро, которое все ходило и качалось. При каждомъ порывѣ вѣтра бѣлые, какъ снѣгъ, всплески волнъ катились отъ шлюза къ противоположному берегу, какъ будто тысячи бѣлыхъ коней внезапно спустились въ воду, и наперерывъ спѣшатъ обогнать другъ друга; при каждомъ порывѣ вѣтра туманъ рѣдѣлъ, озеро свѣтлѣло, приземистые берега выступали изъ воды.

«Не хотите ли взглянуть лучше на крышу»? — проговорилъ г. Рейнгардъ (имя офицера).—Что же тутъ лучшаго,—подумалъ я.—

(*) 107 квадратныхъ верстъ, а за исключеніемъ острововъ, чистаго стекла воды 60 квадратныхъ верстъ.

Digitized by Google

«Она вѣдь со временъ Петра Великаго все та же, этотъ домъ построенъ Сердюковымъ, и доселѣ остается безъ передѣлокъ и поправокъ».

Въ самомъ дѣлѣ, желѣзная крыша не имѣла ни одного свища, ни одной проржавѣлой щели. Любопытно было осмотрѣть весь домъ, и ласковый офицеръ предложилъ намъ свои услуги. Повсюду видна была заботливость о прочности, по мѣстамъ доходившая до излишества, весь домъ, крыльца, площадки и къ нимъ ступеньки построены изъ кирпича, въ ширину и длину вдвое болѣе нынѣшняго; всѣ ставни, двери (индѣ двойныя) изъ толстаго желѣза, на тяжелыхъ петляхъ; желѣзныя пластины идутъ вдоль ступеней площадокъ и стягиваютъ небольшіе парапеты, которые и безъ того могли бы стоять. Комнаты, расположенныя на двѣ половины, не имѣютъ ничего особеннаго, кромѣ двухъ залъ, оклеенныхъ деревомъ. Въ залѣ верхняго этажа—это стѣнное парке все изъ дуба. Рядомъ съ этимъ заломъ узкая (въ 2 арщина и 14 вершковъ) комната назначена была для ночлеговъ Государя Петра Великаго. Для помѣщенія кровати у оконъ, обращенныхъ къ востоку, и, слѣдовательно, поперегъ комнаты, надлежало переборку на одну четверть выпустить внутрь зала,—что́ и доселѣ остается въ томъ же видѣ. Потому-ли, что Петръ I любилъ вставать съ восходомъ солнца, и за тѣмъ приказалъ поставить кровать на этомъ мѣстѣ, или по другимъ причинамъ—это вполнѣ неизвѣстно. Передъ кроватью, равно и на окнахъ, были занавѣсы изъ золотой тафты, повѣщенные кольцами на золоченыхъ багетахъ. Это убранство сохранялось еще до настоящаго живаго поколѣнія; но теперь ничего подобнаго нѣтъ. Пожалѣвъ отъ души объ утратившемся, мы спустились потомъ въ подвалъ, и, пройдя три отдѣленія, оштукатуренныя, но безъ половъ, наткнулись на кучу песку, за которой стояла лужа воды, гдѣ можно было ощупать трубу изъ цѣльнаго дерева, около 7 вер. въ діаметрѣ, проходящую, кажется, подъ все зданіе. На прощаніе г. Рейнгардъ далъ намъ заостренную палку, и просилъ ею пощупать подъ стѣну. Мы втыкали ее въ разныхъ точкахъ и разныхъ направленіяхъ,—палка шла свободно къ песокъ; ясно было, что весь домъ построенъ былъ безъ всякаго фундамента или бута; даже съ наружной стороны домъ не былъ подведенъ цоколемъ, но весь сплошь кладенъ кирпичемъ до самой своей натуральной песчаной постели. И нигдѣ, ни снаружи, ни внутри, не было замѣтно трещинъ или неправильной осадки. Сколько вѣтровъ и бурь пронеслось надъ нимъ! Вѣроятно, эта замѣчательная величина кирпича, равномѣрно осаждая домъ, не давала ему гдѣлибо разломиться.

Digitized by Google

Много было наружныхъ пристроекъ, но изъ нихъ уцѣлѣли однѣ стѣны одного каменнаго четыреугольнаго зданія, стоящаго одиноко близъ заглохшаго пруда, нѣкогда чистаго и обсаженнаго дубами, коихъ теперь нѣтъ ни одного. Общій голосъ, что то были кладовыя Сердюкова. Можетъ быть и такъ, судя по уцѣлѣвшимъ въ окнахъ желѣзнымъ рѣшеткамъ; но зачѣмъ нужны были въ иныхъ окнахъ рамы чугунныя, которыя и доселѣ на своихъ мѣстахъ остаются?

Ниже пруда, подъ берегомъ бассейнаго истока, найденъ былъ отломокъ чугунной трубы.

Домъ предположено мѣблировать во вкусѣ того времени. Немудрено поставить на видъ вкусъ того времени; но кто возстановитъ намъ тѣ особенности, тѣ неуловимыя черты характера, которыя часто обнаруживаются въ какой-нибудь бездѣлкѣ, причудѣ мебели и другихъ затѣяхъ,—тѣмъ болѣе, что вкусъ того времени еще не обобщалъ всѣхъ и все съ такою неотразимою силою, какъ нынѣ, — тогда характеры могли еще высказываться своеобразно, не боясь упрека въ отступленіи отъ *приличнаго*.

Живое преданіе о Сердюковѣ не совсѣмъ потускнѣло въ Волочкѣ; не излишнее будетъ дѣло—сохранить это преданіе и представить въ связи съ нѣкоторыми данными.

Когда и въ какомъ мѣстѣ родился Сердюковъ, кто такіе были его родители, какое дано было ему воспитаніе, и какія обстоятельства сопровождали это воспитаніе? — Никто въ Волочкѣ не разрѣшилъ этихъ необходимыхъ вопросовъ всякой біографіи, но которымъ проницательный читатель, какъ по своимъ пальцамъ, распредѣляетъ умъ, характеръ, даже самую геніальность, но которые для Петра Великаго не имѣли большой важности. Своимъ свѣтлымъ умомъ онъ постигъ, что какъ ни обставляй натуру хилую, безъ внутренней энергіи, ничего не выйдетъ; своимъ ясновидящимъ взоромъ онъ искалъ повсюду другую натуру; найдя ее, творческимъ словомъ воскрешалъ замкнутыя въ ней способности, вводилъ ихъ въ сродное имъ образованіе: такимъ образомъ пирожникъ Меншиковъ дѣлается знаменитымъ дипломатомъ, расторопный сидѣлецъ Шафировъ—вице-канцлеромъ, а потомъ сенаторомъ, слуга Спафаріева Калмыковъ—контръ-адмираломъ флота, чуткій арапъ Ганнибалъ—инженеръ-генераломъ, калмыкъ и работникъ Евреинова, по порученію хозяина скупавшій рыбу въ Астрахани, занимается потомъ гидравлическими работами,— это былъ Сердюковъ.

Въ Астрахани Государь, осматривая рыбныя лавки и анбары, замѣтилъ одного калмыка, сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ, и приказалъ придти въ домъ, гдѣ останавливался Его Величество. Ми-

Digitized by Google

хаилъ Сердюковъ, крѣпостной купца Евреинова, по праву захватыванія калмыковъ въ плѣнъ на рыбныхъ ловляхъ, явился въ назначенный часъ. Императоръ вошелъ въ болѣе подробные разспросы о торговлѣ и капиталѣ его хозяина, о мѣстахъ рыбной ловли, о средствахъ улучшить рыбные промыслы, былъ очень доволенъ отвѣтами, и отпустилъ Сердюкова, ни о чемъ не предупреждая.

Возвратившись въ Москву, Петръ Великій посылаетъ за Евреиновымъ, спрашиваетъ его, доволенъ ли онъ калмыкомъ Сердюковымъ, вѣренъ-ли онъ, исправно-ли выполняетъ порученія. Евреиновъ отозвался о немъ съ отличной похвалою. Императоръ изъявилъ желаніе имѣть Сердюкова у себя, и тутъ же отдалъ приказъ—записать его въ новогородское купечество. Въ этомъ званіи онъ начинаетъ, по волѣ Государя, снимать разные казенные подряды и другія коммиссіи по Петербургу.

Въ Новгородѣ Сердюкъ женился. Сперва родственниковъ жены, а потомъ и другихъ многихъ, своимъ примѣромъ заохотилъ онъ участвовать въ торговлѣ и другихъ занятіяхъ въ Петербургѣ. Новые сограждане скоро полюбили Сердюкова, за исключеніемъ немногихъ закоснѣлыхъ старовѣровъ, тщетно искушавшихъ его православіе и преданность Государю. На всѣ увѣщанія и посланія тогдашнихъ главъ старовѣрческихъ общинъ, Сердюковъ отвѣчалъ одно: «Вы все толкуете о божественномъ Писаніи, и видите тамъ только свое, а то же божественное Писаніе говоритъ, что дѣло государево—есть дѣло Божіе; нѣсть власть, аще не отъ Бога, тѣмъ же противляяйся власти, Божію велѣнію противится!»

Соображая щедроты Монарха, большія права и привиллегіи, дарованныя имъ Сердюкову, многіе думаютъ, что онъ былъ первый, который подалъ счастливую мысль—уничтожить переволоку, и замѣнить ее на Волочкѣ каналомъ, и составилъ яко бы проектъ на него, равно какъ и на шлюзы. Но это несправедливо. При неразвитыхъ понятіяхъ о частной спекуляціи, находящейся въ тѣсной связи съ государственнымъ благосостояніемъ, большія привиллегіи были необходимою мѣрою—расшевелить предпріимчивость и заставить ее идти объ руку съ видами государства; для Государя были драгоцѣнны люди не только смышленые (а въ нихъ на Руси недостатка не было), но и рѣшительные, которые бы, дѣлая свое дѣло съ пользою, осуществляли, въ то же время, общее дѣло государства, помимо казенныхъ суммъ, не хватавшихъ тогда на необходимѣйшія и важнѣйшія преобразованія. Каналъ и шлюзы были построены ранѣе, но дурно; вскорѣ боковые обрубы сдвинулись съ своихъ мѣстъ, каналъ затянуло иломъ, шлюзы пропускали воду со всѣхъ сторонъ,

Digitized by Google

судоходство прекратилось. Требовалось вычистить и укрѣпить каналъ, починить шлюзы, а вмѣстѣ съ тѣмъ освободить отъ песчаныхъ наносовъ рѣки Цну и Тверцу. Сердюковъ пріѣхалъ въ Волочокъ осмотрѣть работы и взять на нихъ подрядъ, а между тѣмъ объѣхалъ окрестности, снялъ нѣкоторыя мѣста на планъ, представилъ, вмѣстѣ съ своимъ желаніемъ снять подрядъ на поправки, проектъ усовершенствованія вообще канала и чертежъ на соединеніе рѣки Шлины съ Цною. Государь былъ очень доволенъ, и, вмѣсто случайнаго подряда, отдалъ (именнымъ указомъ отъ 26 іюня 1719 года, даннымъ Сенату на имя Новогородца Михаила Сердюкова) каналъ и шлюзы, а равно и работы на проводъ Шлины, въ совершенное хозяйственное распоряженіе Сердюкова и подъ его собственныя издержки, съ единственнымъ почти ограниченіемъ: *и то все содержать ему въ такомъ осмотрѣніи, чтобы судамъ былъ ходъ всегда свободный.* Въ награду за трудъ и издержки, Сердюкову позволено было на рѣкахъ Цнѣ, Шлинѣ и Тверцѣ, при каналахъ и ихъ запорахъ, брать мѣста, по 30 саженъ отъ береговъ, подъ мельничное строеніе *безоброчно и невозбранно, чьи бъ ни были*, владѣть мельницами и пользоваться съ нихъ доходами 50 лѣтъ тоже *безоброчно*, рубить лѣсъ, какъ для канала, такъ и для мельницъ, *чей бы онъ ни былъ, безъ обиды и остановки*; а потому даны были Сердюкову *для охраненія солдаты отъ лейб-гвардіи изъ отставныхъ 6 человѣкъ, а для письма подъячій*, каковыхъ *содержать* Сердюковъ обязанъ былъ *на своемъ кормѣ*; въ Вышнемъ-Волочкѣ и въ Удомельскомъ погостѣ *кабаки и стойки*, равно *таможенные и канцелярскіе сборы* отданы были ему на откупъ на три года, *безъ перекупки* въ камеръ-коллегіи, а со дня возстановленнаго судоходства назначалось Сердюкову брать пошлину съ проходящихъ судовъ. Но дабы знать, въ какомъ видѣ поставитъ Сердюковъ свои работы, приказано было послать изъ Новгорода чиновника, который, сдѣлавши подробную опись канала, затрудненій, въ немъ и по рѣкамъ находящихся, сдалъ все подъ росписку Сердюкову.

Въ вѣкъ преобразованія дурно смотрятъ на преобразователя, гонятъ его усердныхъ слугъ. Не смѣя подойдти и взглянуть въ очи правящаго колесницею, пугаютъ издали его ретивыхъ коней, или втихомолку обрѣзываютъ постромки. Вышневолоцкій ямъ, недовольный уничтоженіемъ переволоки, а съ ней мелкихъ обычныхъ выгодъ, былъ еще болѣе раздраженъ переводомъ съ Волочка складки и перегрузки товаровъ въ село Боровичи и деревню Потерпилицу, въ силу указа, не задолго до пріѣзда Сердюкова состоявшагося

Digitized by Google

(января 22 дня 1719 г.). Этимъ указомъ повелѣвалось перевести въ вышеозначенныя мѣста кладовыя, анбары, какъ казенные, такъ и купеческіе. Сердюковъ принялся было за работу съ усердіемъ и знаніемъ дѣла, хотѣлъ разомъ открыть работы на всѣхъ пунктахъ, но въ Волочкѣ никто не хотѣлъ ему содѣйствовать, ни даже войдти въ какія-нибудь сдѣлки. Сердюковъ обратился въ Новгородъ, къ родственникамъ жены и знакомымъ новгородцамъ, изъ коихъ однихъ приглашалъ въ прикащики и повѣренные по дѣламъ, другимъ поручалъ нанять тамъ рабочихъ и мастеровыхъ людей и привесть ихъ въ Волочокъ. Семейства Бабкиныхъ, Онѣженыхъ, Усачевыхъ, Телятиныхъ, находящіяся теперь въ Волочкѣ, происходятъ отъ этихъ новгородцевъ, агентовъ Сердюкова.

Не смотря на дѣятельныя работы, судоходство съ трудомъ возстановлено было къ концу августа (*).

Все слѣдующее лѣто занимались соединеніемъ Шлины со Цною. Воспользоваться вполнѣ всѣми правами и привиллегіями, Высочайше дарованными Сердюкову, не было никакой возможности. Лѣсъ, валившійся безъ употребленія, или гнившій на корнѣ безъ сбыта, по причинѣ болотъ и непроходимыхъ топей, не давался въ руки Сердюкова; мѣста, выбираемыя подъ мельницы, были большею частію монастырскія, огражденныя неприкосновенностію собственныхъ правъ, другія были ямщиковъ, или частныхъ владѣльцевъ. Какъ при рубкѣ лѣса, такъ и при занятіи мѣста, заводились драки, грозили перебить работниковъ и самихъ отставныхъ лейб-гвардейцевъ. Неугомонные ямщики сверхъ того истребляли матеріалы, приготовленные для ремонта канала и шлюза, воруя ихъ или сбрасывая въ каналъ, валили въ него навозъ и соръ, грабили кабаки, состоявшіе на откупѣ Сердюкова. Среди этихъ тревогъ Сердюковъ выполнялъ неутомимо дѣло Государево, забывая о своемъ. Государь радовался непоколебимой твердости своего избраннаго слуги, но вѣдалъ и о трудностяхъ, а потому приказалъ оставить за Сердюковымъ сборъ десятой доли съ найма подводъ и такъ называемый съ *привальнаго, отвальнаго и*

(*) Вѣрить-ли преданію, какое существуетъ въ Волочкѣ, что будто бы Сердюковъ нѣсколько дней проводилъ суда чрезъ рогожные шлюзы! Говорятъ, пока готовились запоры къ шлюзамъ, Сердюковъ приказалъ поставить рядъ рогожныхъ щитовъ, привѣсивъ къ нимъ по нѣскольку камней для удержанія въ вертикальномъ положеніи, за этимъ рядомъ другой параллельный ему, приворавливая средину каждаго щита противу смычекъ перваго ряда. Набравши такимъ образомъ нѣсколько воды, щиты отнимались, и суда переходили изъ канала въ Мсту.—Можетъ быть и было что-нибудь подобное для мелкихъ судовъ и лодокъ, а еще вѣроятнѣе для плотовъ, которые въ то время ходили до Петербурга съ грузомъ.

Digitized by Google

прикольнаго отъ судовъ, тогда какъ этотъ сборъ, въ указѣ о тарифѣ (отъ 10 ноября 1720 г.) былъ отмѣненъ повсюду по причинѣ жалобъ на задержки и безпокойства отъ сборщиковъ.

Высочайшее вниманіе и милости падали не на безплодную почву. Сердюковъ зналъ, что, по положенію Петербурга, для Государя было самое важнѣйшее—свободное и исправное судоходство, но тѣмъ не менѣе напрягалъ онъ свое усердіе и на то, чтобы прочность и всѣ другія возможныя улучшенія были новымъ случаемъ обрадовать сердце Его Величества. Однихъ пропускныхъ шлюзъ стало бы на вѣкъ Сердюкова, но черезъ нихъ можно было идти судамъ только весеннимъ ходомъ, и въ дождливое время лѣта и осени, и притомъ такъ, что при сильныхъ дождяхъ съ большимъ трудомъ лошадьми могли втащить суда въ каналъ, а изъ канала крайне сильно валило ихъ во Мсту; въ засуху, напротивъ, эти шлюзы не могли поднимать воду въ Тверцѣ до высоты, необходимой для хода судовъ. Надлежало образовать запасной бассейнъ, который бы умѣрялъ эти крайности. Мѣсто было удобное; слѣдовало укрѣпить берега и построить прочную плотину. На нее-то Сердюковъ обратилъ все свое вниманіе, и построилъ на славу; болѣе 120 лѣтъ она не потребовала никакихъ поправокъ, содержа постоянно воду до 3 ар. средней глубины, на пространствѣ болѣе 40 кв. верстъ, а потомъ (при новыхъ на ней постройкахъ) до 7 ар. Прочность этой важной государственной постройки зависѣла сколько отъ искусства строившаго, столько же и отъ выбора его и приготовленія матеріаловъ.

Лѣсъ отпускался изъ казенныхъ дачъ съ разрѣшенія адмиралтейства подъ непосредственный выборъ Сердюкова, кирпичъ обжигалъ онъ съ особеннымъ тщаніемъ и искусствомъ. Полковникъ Карицкій, надстроивавшій на этомъ прочномъ Сердюкова основаніи плотину до содержанія воды въ 7 ар. глубины, и потомъ полковникъ Менелассъ, управлявшій вышневолоцкою судоходною системою, находили старый кирпичъ Сердюкова, не смотря на его вѣковое пребываніе въ водѣ, прочнѣйшимъ и теперь, чѣмъ свѣжій нынѣшней выдѣлки.

Здѣсь нужно упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ. Когда работы приходили къ концу, на Волочкѣ сгорѣлъ только что устроенный кожевенный заводъ Сердюкова. Государь, узнавъ о томъ, прислалъ нарочнаго—разспросить, какъ великъ убытокъ Сердюкова и сколько нужно денегъ на поправку. Посланному Сердюковъ отвѣчалъ: «Велики милости Государя моего и благодѣтеля, въ карманѣ у меня есть деньги, а въ головѣ гораздо больше; отъ нечистой силы

Digitized by Google

оборонюсь крестомъ (*), а отъ злыхъ людей надобно пестомъ; не пришлетъ-ли мнѣ Государь покрѣпче оборону, безъ нея ничего не справишь».

Государь, разсмотрѣвъ это обстоятельство, прислалъ цѣлую команду подъ начальствомъ капитана Рѣдькина, который былъ какъ оберегателемъ работъ и имѣнія Сердюкова, такъ равно и сыщикомъ въ окрестностяхъ Волочка. Зданіе, котораго стѣны съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ и чугунными рамами и теперь еще цѣлы, было помѣщеніе арестантовъ; послѣ уже оно перешло подъ кладовыя Сердюкова. Впослѣдствіи часть этой команды содержала караулы на каналѣ и шлюзахъ, другая, подъ непосредственнымъ начальствомъ капитана Рѣдькина, продолжали поиски въ лѣсахъ и деревняхъ отъ Волочка къ Боровичамъ, Осташкову, Бѣжецку и Торжку. При такой крѣпкой оборонѣ Сердюковъ не только скоро и успѣшно могъ кончить работы, но легко и безопасно устроилъ для себя многія заведенія. Вверхъ по Цнѣ построены были двѣ мельницы, а на Волочкѣ возобновленъ кожевенный заводъ, чтобъ одна и та же сила могла приносить возможно-большіе проценты. Сердюковъ по лѣвую сторону новой плотины построилъ винный заводъ, а по правую—мельницу для распиливанія лѣсу; такимъ образомъ, одинъ и тотъ же протокъ воды двигалъ суда, работалъ на винномъ заводѣ и на пильнѣ.

Въ какой мѣрѣ доволенъ былъ Государь работами Сердюкова, можно судить изъ того, что, по обревизованіи ихъ, за утвержденіемъ прежнихъ (**) привиллегій, предоставлялись ему новыя права и милости царскія:

Брать въ свою пользу пошлину съ проходящихъ судовъ—съ каждой сажени судна по 10 денегъ, съ плотовъ нагруженныхъ—по 3 алтына и 2 деньги, съ лодокъ нагруженныхъ—съ большой 10 денегъ, съ малой 6 денегъ.

Кабаки, таможни, канцелярскіе сборы, отданные прежде въ откупъ Сердюкову на 3 года, повелѣно отдать на 20 лѣтъ *безъ перекупки*, и безъ всякихъ *печатныхъ* и *крѣпостныхъ* пошлинъ за все это время.

(*) Кажется, подъ этимъ разумѣлъ Сердюковъ разныя ночныя пугала, которыми старовѣры хотѣли дѣйствовать на суевѣріе своего сосѣда. Плотина подъ новый бассейнъ и помѣщеніе Сердюкова были саженяхъ въ полуторастѣ отъ старовѣрческаго скита, укрывавшагося на лѣсистомъ холмѣ; могилы и ветхая часовня ихъ доселѣ еще цѣлы. Кража и истребленіе матеріаловъ частію принадлежали имъ, а частію шайкамъ бродягъ и бѣглыхъ солдатъ, укрывавшихся во множествѣ по непроходимымъ лѣсамъ и болотамъ.

(**) Десятая доля съ найма подводъ, съ судовъ привальный, отвальный и прикольный сборъ отмѣнялись.

Digitized by Google

Сердюковъ нанималъ за 15 р. въ годъ у ямщиковъ землю, лежащую у самой плотины, на которой были кое-какіе сараи. Когда же увидѣли ямщики, что на этомъ мѣстѣ обстроивается винный заводъ, то завязали тяжбу. Государь рѣшилъ тяжбу такъ: *купить Сердюкову для ямщиковъ столько же земли въ иномъ мѣстѣ, если же они того не захотятъ, то платить за нее по прежней наемной записи оброку по 15 руб.; а больше того не давать, и тою землею владѣть ему и потомкамъ вѣчно.*

Чтобъ не было никакихъ убытковъ или поврежденій какъ шлюзамъ и каналу, такъ и *припасамъ* (т. е. матеріаламъ для канала) Сердюкова, данъ былъ ему изъ Сената охранительный указъ съ *прочетомъ.*

Если при работахъ на каналѣ окажутся бѣглые люди, такихъ онъ, Сердюковъ, обязанъ возвращать безъ *задержанія съ росписками*, но *пожилыхъ* (штрафныхъ) *денегъ* съ него *неимать и убытковъ и волокитствъ ему нечинить.*

Вмѣсто прежней пятидесятилѣтней *безоброчной* привиллегіи строить мельницы на Цнѣ, Шлинѣ и Тверцѣ, теперь давалось право Сердюкову и съ потомствомъ владѣть тѣми мельницами, *покамѣсть тѣ мельницы въ добромъ содержаніи и на нихъ кожевенные и другіе заводы будутъ.*

Всѣ эти права и привиллегіи опредѣлены указомъ отъ 25 мая 1722 года. Здѣсь же сказано: дворъ, занятый отъ капитана Рѣдькина для колодниковъ, отдать безоброчно Сердюкову для мастеровыхъ, работниковъ и для поклажи припасовъ.

На основаніи указа (отъ 18 января 1721 г.) о покупкѣ купечеству къ заводамъ деревень, Сердюковъ купилъ себѣ нѣсколько таковыхъ, расположенныхъ вверхъ по Цнѣ. Одна часть этого имѣнія пошла черезъ продажу къ г. Зоммеру, а другая—въ приданое за дочерью въ родъ Храповицкихъ. Дочь Сердюкова была замужемъ за генералъ-майоромъ Василіемъ Ивановичемъ Храповицкимъ.

Улица, гдѣ поселились родственники и вызванные изъ Новгорода сотрудники Сердюкова, долго въ Волочкѣ называлась Сердюковскою. У одного изъ таковыхъ, именно—Усачева, хранятся копіи съ поясныхъ портретовъ Сердюкова и его жены, писанныя масляными красками. Самъ Сердюковъ гораздо за 50 лѣтъ, съ широкимъ челомъ, волосы свѣтлорусые, довольно рѣдкіе, борода небольшая, брови напущенные, глаза сѣрые, носъ приплюснутый, щеки впалые съ легкимъ румянцемъ, губы крѣпко стиснутые, какъ выраженіе характера твердаго, въ правой рукѣ разогнутый циркуль. На шелковомъ халатѣ привѣшено что-то круглое, полинявшее, въ родѣ медальйона. Увѣряютъ, что это портретъ Государя. Не знаю, имѣлъ

Digitized by Google

ли Петръ Великій обыкновеніе дарить медальйоны съ своимъ портретомъ, и такой-ли они высокій даръ тогда составляли, какой нынѣ, но мнѣ сдается — не была-ли это другая какая-нибудь медаль за отличіе по работамъ или подрядамъ, даже не медаль ли на право—носить бороду. Сердюковъ, какъ сказано, въ бородѣ.

Портретъ жены очень любопытенъ. Старое морщиноватое, желтое лицо, нижняя губа повалилась въ ротъ, глаза сѣрые крайне сильны и зорки, какъ будто готовы выскочить вонъ, голова запрокинута назадъ съ какою-то отвагою, волосы сѣдые обстрижены и взбиты кверху. Въ тотъ вѣкъ, когда мужчины готовы были положить голову за бороду, женщина позволила себѣ обстричь волосы, ходить безъ повязки, да еще въ такомъ положеніи писать съ себя портретъ—это удивительно.

Погода и краткость времени не дозволили пуститься въ лодкѣ, чтобы поклониться праху достойнаго слуги Государева. Сердюковъ похороненъ на другой сторонѣ озера въ селѣ Градолюбѣ, бывшемъ тогда посольѣ (*) Варлаама Хутынскаго. Въ церкви этого села находятся и доселѣ три образа, пожертвованные Сердюковымъ—Спасъ Нерукотворенный, Божія Матерь и Іоаннъ Предтеча; говорятъ, они отличной работы.

До конца жизни Сердюковъ глубоко чувствовалъ благодѣянія Государевы и умѣлъ ихъ цѣнить по своему. Невдалекѣ отъ Волочка погорѣвшій священникъ пріѣхалъ просить Сердюкова о помощи, и когда онъ наградилъ священника лѣсомъ и деньгами, то служитель алтаря просилъ Сердюкова записать имена самого Сердюкова и его семейства, дабы тотъ могъ поминать ихъ у престола Божія; Сердюковъ отвѣчалъ: «молись, батюшка, за Государя; безъ него я былъ бы ничто, и тебѣ бы нечего было дать». Въ воскресенье и праздничные дни прикащики Сердюкова выходили къ воротамъ съ мѣшками мѣдныхъ денегъ и одѣляли нищихъ; но въ день рожденія и

(*) Въ Тверской губерніи крайне много селъ, которыя имѣютъ несомнѣнные признаки прежде бывшихъ монастырей; но это были не монастыри, а посолья отъ монастырей. Самыя большія въ Тверской губ., были владѣнія по правую сторону Волги, монастырей — Тройцко-Сергіевскаго, Симоновскаго, Донскаго, Калязинскаго, по лѣвую — Старицкаго, Осташковскаго, Волоколамскаго. Какъ эти, такъ и другіе монастыри имѣли обыкновеніе ставить часовню съ образомъ на перепутьяхъ, большихъ проѣздахъ, пристаняхъ, рыбныхъ ловляхъ, въ торговыхъ селахъ. Это называлось ставкою. Старецъ изъ монаховъ или бѣльцовъ, завѣдывавшій этими сборами, жилъ на квартирѣ въ ближайшемъ селеніи. Если сборы гдѣ-либо были значительны, то выстроивалась церковь и келья; то и другое нерѣдко обносилось стѣною; число монаховъ проживало отъ 2 до 7 и до 10. Это называлось посольемъ.

Digitized by Google

тезоименитства Государя, Сердюковъ самъ выходилъ съ чашею, наполненною серебряными копѣечками (такъ называлась, называется и теперь, мелкая монета, прекратившаяся въ царствованіе Петра I-го), и вручая монету нищему, приговаривалъ: «молись о здравіи и спасеніи Государя». При жизни Государя, насчетъ Сердюкова служили монахи въ Градолюблѣ ежедневный молебенъ о здравіи, а по смерти ежедневную обѣдню о спасеніи души Петра I-го. (*). Н. Г**.

Изъ Рыбинска. *Письмо къ редактору Москвитянина.* Вы, конечно, не мало удивитесь, когда я скажу вамъ, что нашелъ здѣсь два театра. Не правда-ли, два театра въ городѣ, и притомъ еще уѣздномъ, — хоть кого подстрекнетъ любопытство побывать въ каждомъ изъ нихъ. Что за театры? Какими средствами они держатся? Почти каждый день играютъ на обоихъ,—кто же зрители, кто цѣнитъ, поддерживаетъ ихъ существованіе? Вопросы, на которые не легко отвѣчать, не легко потому, что объяснить появленіе двухъ театровъ въ уѣздномъ городѣ двухнедѣльной, весьма посредственной ярмаркой — врядъ-ли будетъ похоже на правду. Или общественная потребность, достаточная развитость жителей служитъ ручательствомъ, обезпеченіемъ для самихъ содержателей? Богъ знаетъ. Надо жить и жить въ городѣ, чтобъ сказать что-нибудь о жителяхъ И потому говорить объ этомъ пунктѣ не приходится. Вмѣсто того, скажу что̀ знаю, что̀ видѣлъ, что̀ слышалъ....

Одинъ театръ помѣщается въ постоянномъ зданіи, выстроенномъ извѣстнымъ антрепренеромъ Алексѣевымъ, бывшимъ содержателемъ Ярославскаго, и, сколько мнѣ помнится, Костромскаго театровъ. Теперь занимаетъ его труппа г. Лаврова. Устройство театра напоминаетъ театръ, конечно, Петровскаго парка, въ меньшемъ видѣ, разумѣется. Играются большею частью драмы, трагедіи, уже давно потерявшія свое значеніе—*Смерть и Честь*, *Уголино*, *Кинъ*, *Жизнь Игрока*, *Серафина-Лафайль*, *Клара д'Обервиль*,—вообще все, что̀ въ былыя времена доставляло эстетическое наслажденіе, а нынче только раздражительно дѣйствуетъ на нервы зрителей. Можетъ быть, пріѣздъ г. Полтавцева вызвалъ изъ мрака забвенія эти уродливыя порожденія французской музы и другихъ музъ, пустившихся по ея слѣдамъ въ блаженныя времена французскаго романтизма. Меня, впрочемъ, увѣряли, что это—преобладающее направленіе въ театрѣ г. Лаврова. Откуда взялось оно, рѣшить, кажется, не трудно.

(*) Редакція проситъ убѣдительно автора собрать дальнѣйшія свѣдѣнія о жизни этого необыкновеннаго человѣка, судьбѣ его рода и семейства.

Digitized by Google

Подобныя произведенія еще сильно дѣйствуютъ на массу и не въ провинціи. Истинная драма здѣсь не по плечу, отъ Гамлета отворачивались, какъ отъ скучной пьесы, и высиживали ее только по постороннимъ причинамъ, объ старикѣ Лирѣ нѣтъ здѣсь и помину, — онъ *устарѣлъ*, рѣшили актеры и публика, и упокоились на своемъ безапелляціонномъ рѣшеньѣ. Зато уже и раздолье какое вышеупомянутымъ пьесамъ,—онѣ совершенно вытѣснили комедію. Понятно, что при такомъ направленіи не откуда взяться комическимъ талантамъ. Замѣчателенъ одинъ развѣ *г. Красовскій*, да и тотъ напоминаетъ своей игрой Живокини въ послѣднее время. Репертуаръ его состоитъ почти исключительно изъ фарсовъ, довольно забавныхъ, подчасъ и плоскихъ, гдѣ актеръ безцеремонно обращается и съ авторомъ и съ публикой. На серьёзное дѣло не тратитъ онъ своего таланта,—гоголевскій комизмъ, безъ примѣси фарсовъ, замѣтно ему не по силамъ. Фарсъ—великое дѣло въ провинціи. Безъ фарса нѣтъ комедіи, фарсъ вводятъ и въ драму, какъ бы для поясненія ея содержанія. Стоитъ только заглянуть въ любую аффишу, объявляющую о представленіи какой-нибудь неистовой или просто слезливой драмы. Драма непремѣнно въ *трехъ дѣйствіяхъ* и *пяти картинахъ*, или въ *пяти дѣйствіяхъ* и *семи картинахъ*, со всевозможными притомъ отдѣленіями, доходящими до смѣшнаго. Такъ въ *Боярынѣ Басенкѣ*, Кукольника, между безчисленнымъ множествомъ картинъ и подраздѣленій встрѣтите вы *отдѣленіе такое-то*: *Литовская волчица*. Незнакомый съ драмою и въ толкъ не возьметъ, какимъ образомъ волчица, хотя бы и литовская, затесалась на сцену; знающій же пьесу невольно призадумается надъ этимъ браннымъ словомъ, и спроситъ себя: съ какой цѣлью и для кого составляются подобныя аффиши?

Изъ пріѣзжихъ гостей былъ здѣсь, какъ я уже говорилъ, г-нъ Полтавцевъ. Сожалѣю объ одномъ, что не удалось мнѣ видѣть его въ роли *Башлыка*, въ «*Двуму женщинъ*» Шаховскаго—пьесѣ, гдѣ все-таки больше толку, чѣмъ въ разныхъ драмахъ, которыми такъ щедро угощаютъ здѣсь публику.

Другой заѣзжій гость былъ г. Бантышевъ. Онъ сыгралъ, помнится, три спектакля. «*Для пріѣзда его*», сказано было въ аффишѣ, назначается «*Аскольдова могила*, въ коей роль Торопки будетъ играть первый *Піонеръ* (*), Артистъ и Пансіонеръ Московскихъ театровъ, г. Бантышевъ», — странныя титла, въ которыхъ опять таки проглядываетъ неизбѣжная любовь къ фарсу, умничанью, толкованью.

(*) Забавная опечатка вмѣсто: *пенеръ*.

Digitized by Google

Неизвѣстнаго игралъ ветеранъ ярославской сцены г. *Бѣшенцовъ*, Фрелафа—г. Красовскій, а г. *Чилкинъ* (московскій актеръ)—вѣдьму Вахрамѣевну. Кромѣ Аскольдовой Могилы, игралъ, или, вѣрнѣе, пѣлъ г. Бантышевъ въ *Ямщикахъ*, да еще, не упомню, какіе-то два-три романса.

Вотъ все, что сказать должно о театрѣ г. Лаврова.

Другой театръ находится не далеко отъ перваго, за рѣкой *Черемхой*. Онъ выстроенъ на лѣтніе мѣсяцы г. Соловьевымъ, содержателемъ вологодскаго и костромскаго театровъ. Этотъ театръ—отрадное явленіе въ провинціи. Въ сравненіи съ театромъ г. Лаврова, въ немъ гораздо болѣе жизненнаго начала, и войдя въ него, вы чувствуете, что вы у себя дома, а не за тридевять земель въ неизвѣстномъ царствѣ. Играются подчасъ и здѣсь разныя пресловутыя драмы (прошу найдти хоть одинъ театръ, гдѣ бы онѣ не игрались), но лучшую часть репертуара, на которую обращено больше вниманія, составляетъ комедія въ обширномъ смыслѣ слова. Все, что есть замѣчательнаго въ этомъ родѣ, начиная отъ переводнаго французскаго водевиля до комедій Хмѣльницкаго и Гоголя включительно—все находитъ здѣсь мѣсто. И кто знаетъ, какъ трудно и не провинціальному актеру отъ водевиля перейдти къ Гоголю, тотъ оцѣнитъ все усердіе и честный трудъ соловьевской труппы. Къ чести г. Соловьева должно отнести тоже, что большая часть его труппы состоитъ изъ свѣжихъ молодыхъ дарованій, принадлежащихъ московской и отчасти петербургской сценѣ. Поставленные въ необходимость играть почти безпрестанно и притомъ самыя разнородныя роли, молодые люди, черезъ два-три года, возвращаются иногда на свою сцену замѣчательными артистами. Понятно, какъ важно для русскаго театра подобное обстоятельство—и г. Соловьевъ не упустилъ его изъ виду. Онъ не старается о пріобрѣтеніи въ свою труппу одного или двухъ извѣстныхъ именъ, для заманиванія ими подчасъ неопытной публики. Его театръ—образовательная школа, гдѣ ученикъ выучивается, подмастерье становится мастеромъ. Вотъ почему полное единодушіе, или, какъ нынче говорятъ, *ансамбль*, составляетъ отличительную черту его труппы. Не примите слова—*единодушіе* равнозначащимъ *убогой посредственности:* изъ нижеслѣдующей характеристики потрудитесь уже сами вывести должныя заключенія. Я говорю только, что актеры стараются играть для пьесы, а не для себя, не таращатся одинъ передъ другимъ, а помогаютъ другъ другу въ общемъ дѣлѣ,—безъ этого единодушія не пойдетъ ни одна пьеса, не будетъ въ ней живыхъ лицъ, а только выскочки, куклы, хотя и сознающія, повидимому, свое достоинство, но все-таки неумѣстныя въ дѣлѣ искусства.

Digitized by Google

Вотъ составъ труппы г. Соловьева.

Г. Бѣляевъ, съ московской сцены. Онъ занимаетъ роли резонеровъ, благородныхъ отцовъ и т. п., въ драмахъ и комедіяхъ. Репертуаръ его крайне обширенъ. Особенно памятно мнѣ въ «Ревизорѣ» выполненіе имъ роли Городничаго, выполненіе добросовѣстное, отчетливое. Хорошъ онъ также въ Фельдфебелѣ *Трулльонѣ* въ «*Дочери Полка*», и въ *Кремневѣ*. Онъ же занимаетъ роль моряка *Жевакина* въ «Женитьбѣ». Отличительное свойство его игры—придать болѣе натуральности изображаемому имъ лицу, и это свойство служитъ ручательствомъ, что изъ него выйдетъ современемъ болѣе нежели полезный актеръ для московской сцены.

Г. Докучаевъ—jeune premier. Обладаетъ пріятнымъ теноромъ, отчего ему доступны роли, требующія значительнаго искусства въ пѣніи—роль Антуана въ «Дочери Полка», Вани въ «Анютиныхъ Глазкахъ». Хлестаковъ, какъ обыкновенно водится, лежитъ у него на плечахъ.

Въ pendant къ г. Докучаеву идетъ г. *Дробиковъ*. Онъ тоже занимаетъ роли первыхъ любовниковъ. Кромѣ этого неблагодарнаго амплуа, въ немъ есть талантъ чисто-комическій; мнѣ удалось видѣть, какъ онъ пѣлъ жидовскія пѣсни и плясалъ жидовскіе танцы. Можетъ быть, основавшись на этой болѣе плодотворной почвѣ, онъ пойдетъ впередъ, а не остановится на этой точкѣ замерзанія, гдѣ актеръ изъ свободнаго человѣка однажды навсегда заковывается въ рабскія формы пустаго, безсмысленнаго подражанья.

Г. Монинъ.—Опредѣлить родъ его игры довольно трудно. Рѣзко выдается онъ въ роли *Земляники* въ «Ревизорѣ», и крестьянина-ямщика *Герасима* въ драмѣ Ильина—«*Великодушіе или Рекрутскій Наборъ*». Исполняя этѣ роли, онъ между тѣмъ готовится выступить *Михайломъ Чтрруномъ* въ «*Москалѣ Чаривникѣ*»,—а это переходъ не маловажный, свидѣтельствующій о разнообразіи актера.

Г. Садовскій 2 — актеръ московскаго театра и братъ нашего комика. Кромѣ замѣчательнаго комическаго таланта, въ немъ видно постепенное усовершенствованіе. Не довольствуясь обычнымъ репертуаромъ нашихъ комиковъ, состоящимъ почти исключительно изъ фарсовъ и водевилей, несвойственныхъ нашему духу, онъ съ любовью отдался изученію истинныхъ образцовъ искусства. *Кочкаревъ* въ «Женитьбѣ» и *Осипъ* въ «Ревизорѣ» служатъ тому яснымъ доказательствомъ. Сюда же должно отнести и роль *Ипполита* въ «Рекрутскомъ Наборѣ». Къ другимъ его ролямъ, отличающимся другими достоинствами исполненія, принадлежатъ: *Пьерро* въ «*Материнскомъ Благословеніи*», *Рутли* въ водевилѣ «*Кетли*», стараго бриллiантщика *Морковкина* въ водевилѣ: «*Что имѣемъ—не храним, потерявши —*

Digitized by Google

плачемъ», дворецкаго *Филипа* въ «*Дочери Полка*», *Пятушкова* въ пьескѣ того же имени, *Дезирс-Коибо* въ «*Школьномъ Учителѣ*» и пр. и пр. Во всѣхъ этихъ пьесахъ онъ хорошъ, гдѣ, какъ и на сколько можно быть хорошимъ. Вообще надо сказать, что рѣдкая пьеса обходится безъ участія въ ней г. *Садовскаго 2*.

Г. Разсказовъ, котораго вы, вѣроятно, помните *начинающимъ* на сценѣ московскихъ театровъ. Странствованіе по провинціи принесло ему замѣтную пользу, и онъ теперь не послѣднее лицо на здѣшнемъ театрѣ. Играетъ онъ очень много, главное—роли, занимаемыя у насъ *г. Васильевымъ 1*. Въ «*Материнскомъ Благословеніи*» онъ даже видимо старается подражать по своему прототипу. Напрасно. Комизмъ г. Васильева врядъ-ли можетъ быть отданъ на прокатъ, а г-ну *Разсказову* не слѣдъ занимать его, изъ опасенія навѣки погубить свой собственный.

Г. Платоновъ еще недавно на сценѣ, и не имѣетъ потому рѣзкихъ особенностей.

Г. Пронскій—съ петербургской сцены, актеръ прекрасной наружности и высокаго роста. Онъ не дуренъ въ *Архипѣ* (Рекрутскій Наборъ), и очень эффектенъ въ *Незабвенномъ Годѣ*, въ *Добромъ Геніи* и т. п.

Г. Барсовъ, какъ говорится, на первыхъ драматическихъ роляхъ. Мнѣ ни разу не удалось его видѣть въ драмѣ. Зато въ *Яичницѣ* онъ безподобенъ.

Справедливость требуетъ упомянуть объ гг. *Александровѣ* и *Манакуловѣ*, не смотря на кажущуюся незначительность ихъ амплуа. Первый удачно играетъ слугъ разнаго рода, даже и *Степана* въ «Женитьбѣ». Второй очень хорошъ въ Подьячихъ, напр. въ «Рекрутскомъ наборѣ».

Теперь нѣсколько словъ о замѣчательнѣйшихъ актрисахъ.

Первое мѣсто между ними безспорно принадлежитъ *г-жѣ Михайловой*, актрисѣ съ большой сценической опытностью. У ней еще въ свѣжей памяти то благословенное время, когда безъ *сильнаго чувства* нельзя было быть хорошимъ актеромъ, а сильное чувство выражалось непомѣрно сильными жестами, и слуги и служанки говорили языкомъ своихъ баръ. Г-жа Михайлова благополучно перешла эту ступень, и теперь играетъ комическихъ старухъ, вообще роли Сабуровой 1-й. Глубоко жаль, что постоянное пребываніе въ провинціи лишило ее возможности видѣть хорошіе образцы. Врожденнымъ талантомъ выкупаетъ она этотъ недостатокъ, и выкупаетъ съ избыткомъ. Трудно себѣ представить сваху въ «Женитьбѣ» лучше г-жи Михайловой. Это сама натура. Какъ ходитъ, какъ говоритъ,

Digitized by Google

разводить руками! (*) А старуха Ѳедоровна въ «Рекрутскомъ наборѣ»— какая прелесть, какое очарованіе! Никогда, кажется, не забыть мнѣ той минуты, когда она на колѣняхъ, въ слезахъ умоляетъ бурмистра сжалиться надъ нею, не отдавать сына ея въ рекруты. И потомъ, это проклятіе беззащитной старухи,—нѣтъ, такія сцены не заучиваются, онѣ вырываются, и то не всегда. Посудите теперь, какова же должна быть она въ «Ревизорѣ», слесаршей Пошлепкиной!

Г-жа Докучаева,—извѣстная Москвичамъ подъ именемъ Алинской, и потому говорить объ ней нечего. Сказать развѣ, что лучшія ея роли въ пьесахъ *Кетли*, *Водевиль съ переодѣваньемъ*, *Добромъ геніи*, *Материнскомъ благословеніи*, *Неутѣшной вдовѣ*. Голосъ у ней сильный, пріятный, что̀ видно было изъ выполненія ею роли Маріи въ «Дочери полка».

Г-жа Дробикова играетъ, сколько я замѣтилъ, почти тѣ же роли, что̀ и г-жа Докучаева. Въ особенную похвалу ей сказать должно, что она *умѣетъ* говорить просто и не утрировать своей дикціи. Болѣе всего понравилась она мнѣ въ Марьѣ Антоновнѣ въ «Ревизорѣ».

Г-жа Смирнова—замѣчательный талантъ. Въ ней много такта, надлежащаго пониманья дѣла. Она съ пользой употребляетъ даръ Божій. Лучшей городничихи я не видалъ. Она ловко подмѣтила и представила ея двойственный характеръ. Посмотрите, какъ старается она быть тонкой, свѣтской дамой передъ пріѣзжимъ петербуржцемъ,—вы видѣли ее до 3 акта: она переродилась, откуда взялись манеры, интересничанье, кокетство? Но вотъ она опять передъ вами въ разговорѣ съ дочерью: куда дѣлись манеры и весь этотъ обманъ? Она снова сварливая, пустая болтушка въ поношенномъ ситцевомъ платьѣ, съ чепцомъ на боку. Вотъ онъ, истинный типъ русской женщины этого рода, а не водевильной героини. Душевное спасибо г-жѣ Смирновой: сыграть одну русскую роль уже великая заслуга, говаривалъ покойный авторъ «Ревизора».

Г-жа Маіорова занимаетъ разныя роли. Въ ней много сходнаго съ московской актрисой г-жей Степановой. Перебирая въ умѣ пьесы, гдѣ я ее видѣлъ, припоминается мнѣ *Агафья Тихоновна* изъ «Женитьбы», и *г-жа Журдень* изъ мольеровскаго «*Мѣщанина-Дворянина*».

Этимъ оканчиваю я перечень сюжетовъ соловьевской труппы. Какими покажутся они вамъ—дѣло уже ваше. Мнѣ надо прибавить только, что это комическое направленіе всей труппы, какъ нельзя лучше, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Цѣлый іюль пробылъ здѣсь *г. Садовскій 1-й*. Пріѣздъ его одушевилъ труппу и послужилъ ей

(*) Г. Садовскій подтвердилъ также это мнѣніе. *Ред.*

Digitized by Google

поучительнымъ урокомъ. Изъ десяти данныхъ имъ спектаклей, не было ни одного, которому-бъ не сочувствовали актеры, не сочувствовала публика. Первымъ дебютомъ его была «Женитьба», потомъ—«Ревизоръ». Надо было самому присутствовать на этомъ представленіи. Довольно сказать, что монологъ Осипа во 2-мъ актѣ тянулся почти полчаса, прерываемый на каждомъ словѣ тѣмъ искреннимъ, добродушнымъ смѣхомъ, котораго не услыхать вамъ въ избалованномъ партерѣ столицы. За «Ревизоромъ» давался *«Отецъ, какихъ мало»*, съ извѣстнымъ лицомъ *Пузинымъ. Мѣщанинъ-дворянинъ* не понятенъ въ провинціи—для него требуется публика иного рода. За то офицеръ *Пѣтуховъ* (въ водевилѣ— *Что имѣемъ— не хранимъ, потерявши—плачемъ*) нашелъ большое сочувствіе, также купецъ *Безмѣринъ* въ *«Хорошъ Петербургъ, да друзья одолѣли»*. Шли также водевили: *Бѣда отъ нѣжнаго сердца*, *Бѣда отъ сердца и горе отъ ума* и *Купеческая полька на Нижегородской ярмаркѣ*. Но истиннымъ торжествомъ г. Садовскаго былъ его бенефисъ и вмѣстѣ прощальный спектакль, главной пьесой котораго была *Великодушіе или Рекрутскій наборъ*. Вамъ извѣстна эта драма Ильина, нѣкогда столько занимавшаго московскую публику. Изъ вышеприведеннаго разбора вы видѣли почти всѣ лица, участвовавшія въ этой пьесѣ. И дѣйствительно, она была обстановлена какъ нельзя лучше. Самъ бенефиціантъ занималъ роль старика *Абрама*, крестьянина экономической волости. По этому, нечего уже говорить о выполненіи третьяго акта. Рыбинскіе жители долго не забудутъ этого вечера. За тѣмъ г. *Садовскій* разсказалъ *Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ* — и много нашлось въ городѣ людей, съ благоговѣніемъ ловившихъ каждое слово изъ неоконченной поэмы.... **и. ш—въ.**

—

Мнѣ случилось бесѣдовать съ знаменитымъ нашимъ артистомъ объ его рыбинскомъ путешествіи. Никогда, нигдѣ, не слыхалъ онъ такого искренняго, добродушнаго, громкаго смѣха, какъ въ Рыбинскѣ, во время представленій комедій Гоголя. Смѣхъ мѣшалъ даже игрѣ. Публика надрывала животики, какъ говорится запросто,—и веселье сообщалось магнетически отъ партера на сцену, и со сцены въ партеръ. Добрые русскіе купцы смѣялись отъ чистаго сердца надъ своими братіями въ «Ревизорѣ»: этотъ смѣхъ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ противъ тѣхъ, кто думаетъ, что они оскорбятся комедіей г. Островскаго: «Свои люди— сочтемся». Нѣтъ, они не оскорбятся ею, а развѣ воспользуются. Русскій человѣкъ уменъ: плутъ кивнетъ на сосѣда, а честный обрадуется, посмѣется и похлопаетъ. Ни одного подъячаго не видалъ и не слыхалъ

Digitized by Google

я никогда, который бы оскорблялся «Обедомъ», ни одна дворянка не оскорблялась Простаковою, ни одинъ дворянинъ не оскорблялся Скотининымъ или сыномъ Бригадира.

—

Изъ Кіева получилъ я извѣстіе отъ двухъ своихъ корреспондентовъ, что около Нѣжина найденъ драгоцѣнный кладъ (6 фунтовъ монетъ—Владимировыхъ, Ярославовыхъ, Святополковыхъ).... Читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что Ярославовой монеты долго извѣстенъ былъ одинъ только экземпляръ, принадлежавшій графу А. И. Мусину-Пушкину, (извѣстный нашъ нумизматъ, покойный Иванъ Петровичъ Бекетовъ, давалъ за него десять тысячъ рублей). Второй экземпляръ оказался у А. А. Медынцева, и при осмотрѣ былъ переломленъ А. Н. Оленинымъ. Этотъ экземпляръ достался моему собранію,—и показался мнѣ, къ прискорбію, поддѣльнымъ, послѣ того, какъ простылъ первый пылъ радости. Послѣ его пріобрѣтенія, я забиралъ о немъ справки, кои, однако же, обращались въ его пользу. Третій экземпляръ найденъ лѣтъ десять назадъ, и достался графу С. Г. Строганову. Отличною сохранностію и свѣжестью чекана, онъ возбуждаетъ также подозрѣнія, но по исторіи своего нахожденія, дознанной мною наиточнѣйше—этотъ экземпляръ достовѣренъ вполнѣ. Владимировыхъ монетъ извѣстны были двѣ, кажется.—Новая находка лишаетъ ихъ цѣны, но доставляетъ прекраснѣйшій, драгоцѣннѣйшій подарокъ древней русской исторіи, открываетъ новые для нея виды. **м.** **п.**

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

РАППО И ЕГО ТИВОЛИ.

Кто не знаетъ имени Раппо?—оно стало какъ бы нарицательнымъ, обозначая силача, богатыря. Повсюду знаютъ Раппо, пустившаго по свѣту цѣлое поколѣніе учениковъ-силачей. Но преимущественно о немъ знаютъ у насъ—въ Россіи, въ которой онъ оставался больше, нежели гдѣ-нибудь, и по которой зовутъ его сѣвернымъ геркулессомъ, der Nordische Herkules.

Въ настоящую минуту имя Раппо повторяется чаще всего въ Москвѣ. Всѣ мы полюбили его прекрасное Тиволи, гдѣ мы бываемъ чуть не всякій день, и гдѣ никогда не можетъ быть скучно, Тиволи, какого не бывало еще у насъ, — Тиволи, сдѣлавшееся извѣстнымъ въ одну недѣлю. — Скажите любому извощику: ступай въ Тиволи къ Раппо! — и онъ повезетъ васъ туда не задумываясь, какъ будто Тиволи существуетъ въ Москвѣ лѣтъ двадцать.

Когда же, какъ не теперь, мы обязаны сказать доброе слово о Раппо, нашемъ старомъ пріятелѣ, и о его Тиволи, неизвѣстномъ иногороднымъ читателямъ Москвитянина. Сперва скажемъ о самомъ Раппо, о его жизни и похожденіяхъ.

Карлъ Раппо (правильнѣе Раппъ) родился въ Инсбрукѣ, въ Тиролѣ, въ 1802 году. Еще ребенкомъ отличался онъ своею необыкновенною силою и любилъ гимнастическія упражненія. Въ концѣ десятыхъ годовъ этого столѣтія онъ поступилъ въ труппу гимнастика Рогàрдо, и дебютировалъ въ первый разъ въ Аугсбургѣ, въ Баваріи, подъ именемъ *Молодаго Тирольца* (der junge Tiroler), — и былъ замѣченъ публикой. Вскорѣ послѣ этого его пригласилъ въ свою труппу Турнье (der alte Turnier), у котораго онъ пробылъ одинъ годъ и получилъ при вызовахъ имя *Раппо*, потому что настоящее его имя Раппъ было для того неудобно.—Въ 1825 году онъ женился и путешествовалъ одинъ по Германіи, показывая свои геркулесовскіе опыты. Онъ объѣхалъ въ то время города: Вѣну, Берлинъ, Мюнхенъ, Веймаръ, Штутгардтъ, Дрезденъ и другіе. Потомъ отправился чрезъ Кёнигсбергъ въ Варшаву, гдѣ былъ весьма милостиво принятъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, по желанію котораго принесъ.

Digitized by Google

однажды на рукахъ въ аудіенц-залу, съ улицы, четырехъ гренадеръ. Изъ Варшавы Раппо переѣхалъ въ Россію, и здѣсь оставался до 1830 года, показывая свое искусство игранія шарами, подыманія тяжестей и балансированія ими, — въ столицахъ Москвѣ и Петербургѣ, и во всѣхъ губернскихъ городахъ. Послѣ того онъ отправился въ Европу, уже нося имя Сѣвернаго Геркулеса. Объѣхалъ Англію, Голландію, Францію, Италію, и черезъ Германію воротился опять въ любезную ему Россію, и въ 1839 году, съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ Францомъ, (родившимся въ 1826 году) явился въ Москвѣ, — все еще одинъ, и все тотъ же удивительный богатырь, какимъ зазнали мы его въ началѣ. Мы помнимъ тогдашнія его представленія въ Александровскомъ саду, подъ открытымъ небомъ. Раппо изумлялъ насъ по прежнему, играя чугунными шарами, вертясь на мельницѣ и балансируя на носу и на лбу то деревомъ, съ котораго сбивалъ нѣсколько десятковъ деревянныхъ птичекъ горохомъ, пуская его ртомъ изъ небольшой трубочки; то кораблемъ, на которомъ производилась пушечная пальба, и который, наконецъ, весь обнимался пламенемъ. Двѣнадцатилѣтній сынъ его Францъ не показывалъ тогда еще никакихъ опытовъ, кромѣ того, что подавалъ отцу шары и гири; но уже можно было видѣть по необыкновеннымъ мускуламъ ребенка, что изъ него выйдетъ такой же богатырь и пойдетъ по той же опасной чугунной и желѣзной дорогѣ....

Послѣ 1839 года запали слухи о нашемъ Раппо. Его не стало въ Россіи. Онъ путешествовалъ по Швеціи, Норвегіи, Даніи и потомъ по остальной Европѣ въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Около этого времени случилось съ нимъ извѣстное несчастное происшествіе: въ Славоніи, близъ Петервардейна, на него напали разбойники, въ числѣ 30 человѣкъ; у Раппо же было всего-на-все 11 мужчинъ, 3 сенбернардскихъ собаки и 2 бульдога. Съ помощью собакъ Раппо и его товарищи одолѣли разбойниковъ, положивъ 9 человѣкъ на мѣстѣ, и потерявъ съ своей стороны четверыхъ, въ числѣ которыхъ была маленькая дочь Раппо, застрѣленная на рукахъ матери. Самъ Раппо получилъ 13 ранъ, и былъ послѣ того боленъ въ продолженіе 19 мѣсяцевъ. Въ 1844 году онъ явился опять въ Россіи, въ Петербургѣ, гдѣ давалъ представленія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, уже не одинъ, а съ труппой, состоявшей изъ 40 человѣкъ мужчинъ и женщинъ. Вмѣстѣ съ опытами силы, у него показывались тогда живыя картины, въ видѣ древнихъ статуй, изобрѣтенныя имъ самимъ. Въ это же время явился на сценѣ сынъ его Францъ 18-ти-лѣтній юноша, статный и красивый, какъ Аполлонъ, могучій, какъ Ахиллесъ; онъ бросалъ и игралъ чугунными шарами такъ же, какъ и отецъ, если

Digitized by Google

только не лучше и не граціознѣе его; кромѣ того удивительно балансировалъ разными предметами: флагами, соломинкой, сигарой; бросалъ до 12 небольшихъ мѣдныхъ шаровъ, игралъ тарелками, ножами, и видно было, что съ этимъ молодцомъ искусство атлетовъ пойдетъ еще дальше, и сдѣлается забавой, болѣе веселой, чѣмъ страшной и опасной.... Изъ Петербурга Раппо со своею труппой отправился въ Константинополь, черезъ Россію, и опять посѣтилъ разные ея города: Тулу, Орелъ, Симбирскъ, Тамбовъ, Пензу, Одессу и другіе. Въ Константинополѣ, кромѣ обыкновенныхъ представленій, которыхъ было до ста, далъ 5 представленій во дворцѣ Султана Абдулъ-Межджида, получивъ за каждое по 35 тысячъ піастровъ; кромѣ того получилъ множество другихъ богатѣйшихъ подарковъ— часовъ, табакерокъ, медалей, украшенныхъ брилльянтами, и во все время пребыванія въ Турціи имѣлъ даровое содержаніе — квартиру, лошадей для перевозки богажа, и все, что было нужно. Потомъ онъ отправился въ Египетъ, въ Каиръ и Александрію, гдѣ показывалъ свое искусство Мегмеду-Али, въ Старомъ-Сералѣ, въ присутствіи полнаго гарема, получая за каждое представленіе по 50 тыс. піастровъ, и имѣлъ, какъ и въ Турціи, даровое содержаніе, и фрегатъ на Нилѣ. Послѣ того былъ въ Тунисѣ, Алжирѣ, Мальтѣ, на Іоническихъ островахъ, въ Корфу,—оттуда черезъ Тріестъ отправился въ Вѣну, оттуда въ Пештъ, (во время Венгерскаго возстанія, вслѣдствіе котораго долженъ былъ скрываться трое сутокъ въ погребу, и потерялъ весь богажъ, лошадей и экипажи), — изъ Пешта переѣхалъ въ Прагу, изъ Праги въ Берлинъ, потомъ въ Гамбургъ, Любекъ, Шверинъ, Магдебургъ, Лейбцигъ, Дрезденъ (гдѣ сынъ его Францъ получилъ похвальный аттестатъ отъ Королевско-Саксонской Академіи искусствъ), изъ Дрездена снова въ Берлинъ и Лейбцигъ, и оттуда, въ началѣ этого года, черезъ Стокгольмъ, Або и Гельзингфорсъ, въ Петербургъ, гдѣ давалъ свои послѣднія блистательныя представленія, съ труппой, состоящей изъ 62 человѣкъ, и откуда отправился къ намъ въ Москву.

Вотъ скитальческая, подверженная тревогамъ и опасностямъ жизнь Карла Раппо, его труппы и его семейства, которое, кромѣ жены и извѣстнаго Франца и его жены, состоитъ еще изъ сына Петра, дочери Іозефины и троихъ внучатъ — дѣтей Франца.

Теперь намъ остается сказать о Тиволи Карла Раппо и его представленіяхъ, дѣйствительно невиданныхъ доселѣ нигдѣ и доведенныхъ до изумительной степени совершенства.

Такъ какъ мы будемъ говорить болѣе для иногородныхъ читателей Москвитянина, не знающихъ ничего о послѣднихъ представ-

Digitized by Google

леніяхъ Раппо, то необходимо должны прибѣгнуть къ болѣе подробному изложенію, и постараемся передать словами все то, что̀ можетъ быть выражено изъ этихъ почти невыразимыхъ штукъ и фокусовъ.

Тиволи Карла Раппо устроено въ домѣ и въ саду Кн. С. В. Голицына, близъ Бутырской заставы. Оно заключаетъ въ себѣ столько разнообразныхъ удовольствій, столько зрѣлищъ, что смѣло можетъ почесться въ настоящее время первымъ увеселительнымъ мѣстомъ въ Москвѣ. Здѣсь вы найдете и театръ маріонетокъ, устроенный для дѣтей, но по своей занимательности всегда привлекающій густыя толпы взрослыхъ,—и каруселя, и кегли, и панораму, гдѣ открываются передъ вами живописные берега Рейна, съ его замками и деревнями; — вы засмотритесь на эту рѣку, настоящую рѣку, бѣгущую передъ вами, по которой скользятъ лодки, пароходы и бриги, а вдали видѣются зеленыя берега съ купами деревьевъ, съ рядами маленькихъ хижинъ—и приснится вамъ иная деревня, иныя лѣса и рощи, и станетъ васъ тянуть и манить туда, подъ благоуханныя сѣни.... Но не заглядывайтесь на эти картины природы, и не увлекайтесь ими: васъ ждутъ другія зрѣлища,—гдѣ вы увидите, что все это ничто въ сравненіи съ красотою и картинностью правильно-развитаго человѣческаго тѣла, передъ гармоніей его позъ и движеній.

Надъ вами натянутъ канатъ, на разстояніи 8—10 сажень отъ земли. Всѣ взоры устремлены туда; всѣ хотятъ видѣть отважнаго, рѣшающагося повиснуть въ воздухѣ надъ этой массой шумящаго, волнующагося народа. Вотъ онъ, этотъ молодецъ, статный итальянецъ Боно, въ блестящемъ костюмѣ, лѣпится вверхъ! Онъ идетъ бодро и весело, подплясывая подъ музыку;—вотъ онъ остановился, балансируетъ на одной ногѣ, ложится на спину — всѣ сердца замираютъ отъ страху; иные же изъ публики, заботясь о безопасности своей особы, торопливо уходятъ изъ-подъ каната, разсчитывая, куда упадетъ танцоръ на канатѣ, если вздумается ему полетѣть.... Но напрасно они боятся: онъ не упадетъ, — онъ уже достигъ вершины каната, остановился тамъ, кланяется публикѣ, горделиво торжествуя на высотѣ, и тысячи рукоплесканій летятъ къ нему привѣтомъ.... Потомъ онъ снова начинаетъ свое воздушное путешествіе, и ходчѣе спускается ниже и ниже—рукоплесканія провожаютъ его до конца.... Вся публика спѣшитъ къ цирку; всѣ скамейки, въ 7 рядовъ, кромѣ 3 рядовъ креселъ, мгновенно заняты; иные, нѣсколько опоздавшіе и не слишкомъ взыскательные, виснутъ на деревьяхъ; бьетъ колоколъ — и начинается скачка на коняхъ. Но кому неизвѣстны вольтижированія на коняхъ,—всегда почти одни и тѣ же? Не только всѣ жители столицъ, но и всѣхъ городовъ видали не разъ такія

Digitized by Google

представленія, и потому мы не станемъ описывать ихъ подробно; упомянемъ только, что первый вольтижеръ въ Гиволи Раппо есть, безъ сомнѣнія, Рудольфъ Терци, которому это дѣло извѣстно какъ пять пальцевъ, и который распоряжается на лошади, какъ у себя въ домѣ; и сколько бы вы ни пересмотрѣли представленій въ этомъ родѣ,—вы все-таки увлечетесь, и отъ души похлопаете Рудольфу, когда онъ пронесется мимо васъ, стоя на ногахъ, при полномъ галопѣ лошади, весь ниспрокинувшись назадъ и принимая болѣе и болѣе трудныя позы. Рудольфъ Терци всегда заключаетъ вольтижированія на коняхъ. Послѣ того является на арену извѣстный и перезвѣстный Віоль, Фіоль, Аріоль, Клеоль, Паоль, Миноль—и.... что вамъ угодно. Эта кукла-человѣкъ, этотъ ванька-встанька, ни-дать ни-взять—маріонетка въ большомъ видѣ, кѣмъ-то кидаемая и бросаемая въ воздухъ, съ такимъ же голосомъ и такая же смѣшная,—и всѣ выдвигаются впередъ; шумъ и говоръ пробѣгаетъ по толпѣ; всѣ ждутъ чего-то необыкновеннаго и настораживаютъ вниманіе—и вотъ эта маріонетка начинаетъ бѣгать, прыгать, вертѣться черезъ голову,—стоять на одной рукѣ, падать, вскакивать—и все это такъ легко, такъ непринужденно, что зрители исполнены постояннаго удивленія, и все какъ будто не вѣрятъ, что передъ ними настоящій человѣкъ, и все кажется имъ, что это большая, искусно сдѣланная маріонетка.... Вмѣстѣ съ Віолемъ иногда является на сцену Дитрихъ, и они вмѣстѣ дѣлаютъ изумительныя прыжки и скачки, вскакиваютъ другъ другу на плечи, на голову, не только ногами, но и головой, и подражаютъ на пескѣ плавающему человѣку. Когда Віоль уходитъ, является малешькій Валерьянъ, ученикъ Віоля, удивительнаго сложенія мальчикъ, легкій какъ птица, какъ перо. Съ какой охотой и весельемъ начинаетъ онъ показывать свое искусство; сейчасъ видно, что это ему нипочемъ, что онъ знаетъ свое дѣло, и это дѣло его боится. Но его искусство соединяется обыкновенно съ искусствомъ другаго: ему нуженъ помощникъ, и этимъ помощникомъ для него бываетъ большею частію Дитрихъ. Валерьянъ вспрыгиваетъ Дитриху на голову, такъ же легко, какъ вспрыгнулъ бы на стулъ, и стоитъ тамъ граціозно безъ всякаго движенія, даже на одной ногѣ, когда тотъ ходитъ, или почти бѣгаетъ по аренѣ. Эта штука кончается обыкновенно тѣмъ, что Дитрихъ ложится ничкомъ на землю, держа на головѣ Валерьяна, и потомъ опять съ нимъ приподнимается, при громѣ рукоплесканій. Валерьянъ соскакиваетъ сверху на песокъ, но не просто,—нѣтъ, онъ наровитъ перевернуться въ воздухѣ и стать въ граціозную позу, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Потомъ, подброшенный кверху ногами Дитриха, (кото-

Digitized by Google

рый ложится для этого снова на землю, только спиной), — онъ опять вертится въ воздухѣ мельницей, и садится или становится на подошвы Дитриховыхъ ногъ. Сколько надо вѣрности въ прыжкѣ, чтобы, перевернувшись на высотѣ двухъ-трехъ аршинъ, попасть подошвами въ подошвы! Затѣмъ, а равно и прежде и послѣ, онъ дѣлаетъ разные мелкіе прыжки и рѣзанія въ воздухѣ, не меньше поразительныя, но неуловимыя ни для какого пера и кисти, и непripоминаемыя никакимъ воображеніемъ, какъ переливы и рулады иной пѣсни, всякой разъ измѣняемыя искуснымъ пѣвцемъ. Послѣ этихъ представленій слѣдуетъ одна изъ извѣстныхъ *аренныхъ* сценъ— *Мистеръ-Коксъ и его сынъ во французскомъ манежѣ, Кавалерія пѣшкомъ*, или что-нибудь въ этомъ родѣ, гдѣ первое мѣсто занимаетъ опять-таки Віоль, удивительный и смѣшной во всякомъ фарсѣ, во всякомъ движеніи, во всякомъ словѣ: онъ смѣшонъ и тогда, когда садится на лошадь, и тогда, когда ѣдетъ, говоря: en trot! en trot! и когда смотритъ въ лорнетъ на зрителей, и когда падаетъ, и когда ходитъ. Ни подъ какой уродливой одеждой не спрячется въ немъ и удивительный комикъ, и удивительный гимнастикъ. Но кончился спектакль въ циркѣ; начинаются представленія волшебной магіи профессора Бильса. Эти представленія также не дурны, и г. Бильсъ исполняетъ нѣкоторые фокусы не хуже другихъ мастеровъ этого дѣла; весьма хорошо и чисто играетъ кольцами, достаетъ изъ пустаго мѣшка безчисленное множество яицъ, сперва куриныхъ, потомъ индѣячьихъ и гусиныхъ, и наконецъ, вѣроятно, строфокамилювыхъ или кандоровыхъ и неизвѣстно какихъ, потому что одно яйцо едва помѣщается въ мѣшкѣ.... но петерпѣливая публика, видавшая многое-множество восточныхъ магиковъ, ждетъ невиданныхъ зрѣлищъ, и спѣшитъ занять мѣста въ такъ называемомъ Большомъ Театрѣ, гдѣ соединяется весь цвѣтъ артистовъ Раппо, цвѣтъ, можетъ быть, гимнастиковъ и атлетовъ цѣлаго міра, исполняющихъ дѣйствительно невиданныя нами доселѣ представленія, какія можетъ исполнить только такая, такъ искусно и съ такимъ знаніемъ дѣла составленная труппа. Раппо назвалъ главныя свои представленія — *Олимпійскій стадій, или вверху внизу, въ воздухѣ, на землѣ, на хрусталѣ и на стеклѣ*, и это названіе къ нимъ очень идетъ. Поднимается занавѣсъ — и вы видите передъ собою 20—30 и болѣе красивыхъ и стройныхъ молодцовъ, одѣтыхъ въ самые свѣтлые, блестящіе костюмы и состязующихся между собою въ разныхъ гимнастическихъ упражненіяхъ: одни бѣгаютъ и прыгаютъ, кружась безпрестанно на воздухѣ, другіе ползаютъ змѣями по землѣ на однѣхъ рукахъ, третьи подымаютъ и бросаютъ гири, иные балансируютъ на

Digitized by Google

канатѣ, составляя прекрасныя группы и пирамиды; иные зыблются и носятся на шарахъ, играя въ это время блестящими мячиками, или подбрасывая палочки, или кружа на нихъ блюда и тарелки. Между этой толпой крѣпкихъ и статныхъ юношей, особенно рисуются: Вальнеръ, широкоплечій и красивый блондинъ, Гомутъ, на диво сплоченный человѣкъ, весь какъ бы одинъ мускулъ, развитый до послѣдней степени, живой, проворный, легкій и гибкій,—онъ вѣчно въ движеніи, вѣчно бѣгаетъ, прыгаетъ, носится, какъ перо.... Вотъ Людеманъ, тоже превосходно сложенный мужчина, изумляющій своими экзерциціями на слабонатянутомъ канатѣ; вотъ Бѣно, бравый парень, также хорошо сложенный,—да и кто изъ нихъ худо сложенъ! Всѣ молодцы, всѣ крѣпкіе и красивые парни! Тутъ же выступаетъ и нашъ знакомецъ Дитрихъ, и маленькій живчикъ Валерьянъ,—является много новыхъ лицъ,—но, не описывая подробно всѣхъ этихъ необыкновенныхъ и въ высшей степени занимательныхъ представленій, я укажу на нѣкоторыя, замѣчательныя болѣе другихъ, и болѣе другихъ покорныя перу, безъ помощи чертежа. Выносятъ столъ; на него ставятъ четыре графина, налитыхъ какою-то красною жидкостью; на эти четыре графина ставятъ стулъ, на каждую пробку по ножкѣ, и на этотъ стулъ, зыблющійся и качающійся, взбирается Гомутъ; онъ подымается по спинкѣ и останавливается наверху, ничѣмъ не держась, кромѣ своей самоувѣренности и безстрашія; потомъ становится головой на ребро спинки, и такъ остается нѣсколько минутъ. Послѣ этого онъ слѣзаетъ, и на тѣ же графины кладетъ тазъ, донышкомъ кверху, въ которое помѣщается еще графинъ, и на него Гомутъ становится головой, держась рукой за горлышко. Въ это время подносятъ къ нему столикъ съ бутылкой, стаканомъ, кускомъ хлѣба, сигарой и свѣчой; рукой, которая у него свободна, онъ наливаетъ изъ бутылки стаканъ вина, пьетъ, закусываетъ хлѣбомъ, наливаетъ и выпиваетъ еще, потомъ закуриваетъ сигару, и тихо переворачивается на пробкѣ кругомъ, попыхивая дымомъ, и наконецъ пускаетъ руки,—и держится единственно на одной головѣ, — кунстштюкъ, исполняемый только однимъ Гомутомъ. Вотъ еще гимнастическій опытъ: приносятъ нѣсколько покатый столъ, на который кладутъ особеннаго устройства подушку; на нее ложится Сеніусъ, и беретъ въ ноги шаръ, бревно или бочку и начинаетъ подбрасывать, обхватывая этотъ шаръ или бревно подошвами ногъ, какъ руками, и заставляя его прыгать, кружиться и подплясывать подъ музыку, и это бревно или бочка носятся въ воздухѣ, красиво блестя и сверкая золотыми звѣздами, которыми они усѣяны. Между этими представленіями иногда проползетъ по

Digitized by Google

сценѣ крокодиломъ Шеферъ, на однѣхъ рукахъ, виляя въ воздухѣ ногами, какъ двойнымъ хвостомъ. Иногда явится дѣвица Дюпре, прозванная въ Германіи Gummi-Mädchen (дѣвушка-эластикъ), и начнетъ дѣлать такія удивительныя турдефорсы изъ своего тѣла, какихъ рѣшительно ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ описать; или Дитрихъ, милый и веселый Дитрихъ, выйдетъ на ходуляхъ, представляя пьянаго клоуна; его кидаетъ изъ стороны въ сторону; вотъ онъ уронилъ платокъ и хочетъ поднять, но рука не достаетъ до земли,—онъ расходится, нагибается на ходу — и опять мимо и мимо! наконецъ онъ придумываетъ слѣдующій фокусъ: онъ перекувыркивается на ходуляхъ, да, перекувыркивается — и схватываетъ платокъ! — Или выбѣгаютъ три атлета: Вальнеръ, Занднеръ и Гирзигъ; — они становятся другъ на друга, въ самыхъ граціозныхъ позахъ, блестя своими прекрасными костюмами; вскакиваютъ одинъ къ другому на плечи: Занднеръ къ Вальнеру, а Гирзигъ къ Занднеру, и вся эта живая пирамида движется быстро по сценѣ, мигъ—и Гирзигъ уже на полу, Занднеръ перевертывается въ воздухѣ, а Вальнеръ стоитъ въ позѣ бойца, показывая свое прекрасное тѣлосложеніе. И долго они бѣгаютъ и кружатся передъ зрителями, устроивая болѣе и болѣе граціозныя и трудныя группы, и разнообразя ихъ всевозможнымъ образомъ, чего передать нѣтъ никакихъ средствъ, и долго вы любуетесь ими, пока не выйдетъ на сцену Францъ Раппо, этотъ красивѣйшій изъ самыхъ красивыхъ по тѣлосложенію юноша, этотъ царь атлетовъ новѣйшаго времени, — и всѣ другіе, казавшіеся вамъ дотолѣ огромными богатырями, обращаются въ какихъ-то ребятъ, куда-то исчезаютъ мгновенно — и рисуется онъ одинъ, этотъ образецъ мужской красоты, этотъ настоящій человѣкъ! Ему подаютъ чугунное ядро, вѣсомъ въ 35, 40 или 48 фунтовъ, и онъ начинаетъ бросать имъ въ воздухъ, принимая его на руку, на плечи, катая вокругъ шеи и по рукамъ — и все это съ изумительною ловкостію и граціею. Эти экзерциціи онъ кончаетъ по большой части тѣмъ, что, взявши еще къ шару тарелку и куриное яйцо, начинаетъ играть ими въ воздухѣ, и они носятся, мелькая и пестрѣя, и вы думаете наконецъ, что это совершенно одинакія тяжести, и что кидать ими вовсе не трудно. Вотъ несутъ столъ со множествомъ графиновъ и тазовъ; Раппо съ быстротою мысли строитъ изъ нихъ пирамиду (не за тѣмъ-ли такъ быстро, чтобы некогда было подумать объ опасности опыта?): онъ ставитъ на графины тазы, на тазы графины, тамъ опять графины и опять тазы, наконецъ одинъ тазъ и графинъ — и на этотъ графинъ взлетываетъ нашъ атлетъ яснымъ соколомъ, прикасаясь къ стеклу только пальцами ногъ, — и въ это время кидаетъ тарелками, шари-

Digitized by Google

ками, балансируетъ японскимъ зонтикомъ изъ флаговъ, составляя и разбирая его тамъ же вверху, или окружаетъ себя цѣлымъ десяткомъ палочекъ, на которыхъ вертятся тарелки; — это представленіе одно изъ самыхъ великолѣпныхъ, но въ то же время и самое опасное. Я видѣлъ многихъ, дерзавшихъ вслѣдъ за Раппо на подобный опытъ, и летавшихъ сверху внизъ головой, и боялся за всѣхъ, когда они лепились на графинѣ, но никогда не боялся за Франца Раппо, смѣлаго и отважнаго, какъ никто, и назначеннаго самою природою для всѣхъ удивительныхъ экзерцицій; я не боялся за него даже и тогда, когда вмѣсто графиновъ онъ садился на бокалы... Вотъ еще прекрасный опытъ, исполняемый также Францомъ Раппо. Я не знаю, какъ и посредствомъ чего это дѣлается, но опишу то, что видитъ зритель, и предоставлю каждому судить объ этомъ, какъ угодно. На техническомъ же языкѣ атлетовъ этотъ гимнастическій опытъ называется магнетическимъ экспериментомъ. Приносятъ скамейку, на одномъ концѣ которой утвержденъ шестъ аршина въ полтора; на него кладутъ ребромъ другой шестъ въ 2 аршина, такъ что одна четверть его спускается на одну сторону, а три четверти на другую; на ту, гдѣ одна четверть, вѣшаютъ гирю въ два пуда, а на другой конецъ ставятъ графинъ, и на него садится Францъ Раппо, балансируя палочками, или играя шариками,—тогда гирю снимаютъ, но шестъ съ графиномъ и балансирующимъ на немъ атлетомъ остается какъ прежде и только едва-едва зыблется то къ верху, то къ низу. Но лишь только Раппо спрыгнетъ съ графина, прихвативъ его проворно рукою,—какъ шестъ падаетъ на полъ. Иногда Францъ Раппо играетъ передъ публикой тремя палочками, необыкновенно красиво и ловко, или, подобно Сенiусу, кидаетъ ногами бревно, что дѣлаетъ съ большею граціею и чистотою, нежели тотъ, или, наконецъ, играетъ гирями, подымая 3 двух-пудовика на одномъ большомъ пальцѣ, и потомъ унося ихъ всѣ подъ мышкою, точь-въ-точь какъ это дѣлывалъ, а временами дѣлаетъ и теперь его отецъ, все еще крѣпкій и могучій богатырь. Этими гирями (что вмѣстѣ съ шарами составляетъ высшую школу гимнастики, и причемъ, какъ и при всѣхъ другихъ экзерцицiяхъ, вы не забываете любоваться превосходнымъ тѣлосложеніемъ атлета) кончаются обыкновенно представленія олимпійскаго стадія, при участіи другихъ артистовъ, выбѣгающихъ мгновенно на сцену и начинающихъ дѣлать каждый свое, что называется по-русски, кто во что горазъ — и все это, весь этотъ кипящій дѣятельностью муравейникъ атлетовъ, освѣщается неизбѣжнымъ бенгальскимъ огнемъ. Затѣмъ слѣдуетъ какая-нибудь изъ пантомимъ—*Итальянская арлекинада, Военныя большія эволюціи, Нападеніе разбойниковъ, Мельники, Арлекинъ-статуя и другія* Занавѣсъ опускается и зажигаютъ фейерверкъ, причемъ иногда Дитрихъ дѣлаетъ saltum mortale черезъ 40 человѣкъ солдатъ съ ружьями, которые въ моментъ прыжка выстрѣливаютъ. Иногда Гомутъ влѣзаетъ на зыблющійся шестъ, аршинъ въ 40 вышины, и среди пламени и треска фейерверка и летящихъ вокругъ ракетъ, становится на шестѣ на

Digitized by Google

голову и въ такомъ положеніи остается до тѣхъ поръ, пока всѣ хлопанья утихнутъ и вмѣсто огненныхъ змѣй и колесъ останутся одни дымящіяся палки. Но это еще не конецъ. Начинается гулянье по саду, музыка; на лугу устроиваются столы съ ужинающими и пьющими чай; все кипитъ новою жизнью и новымъ весельемъ.... а эти длинныя темныя аллеи, съ нависшими темными деревьями, гдѣ мелькаетъ иногда кедръ или пихта, этотъ мракъ, перебиваемый разноцвѣтными огнями тысячи фонарей, развѣшанныхъ по сучкамъ, эти группы гуляющихъ и это небо, по которому изрѣдка проносятся огненными лентами ракеты—этотъ неопредѣленный говоръ и шелестъ — все это такъ волшебно, чудесно, заманчиво, и растеряешься весь, и не знаешь, куда итти, гдѣ стоять, гдѣ сидѣть: вездѣ весело, вездѣ хорошо....Ступайте, ступайте въ Тиволи къ Раппо, ступайте и веселитесь! За рубль серебромъ вы тамъ увидите то, чего, можетъ быть, въ ту самую минуту нельзя увидѣть больше нигдѣ и ни за какія деньги! Браво Раппо! Спасибо Раппо! Нельзя не пожелать, чтобы и на слѣдующій годъ у насъ устроилось такое же Тиволи, чтобы добрый Раппо воротился къ намъ опять со своею труппою и былъ вознагражденъ за понесенные убытки.

Вотъ вамъ Тиволи Раппо, какъ мы его видѣли и какъ припомнили. Можетъ быть лучшая половина опытовъ, частію не замѣченныхъ, частію неуловимыхъ для пера, ускользнула отъ насъ, — чтожъ дѣлать! Никогда не опишешь всего, что въ состояніи сдѣлать артисты Раппо, — они всякой разъ разнообразятъ свои представленія, и всякой разъ зритель уноситъ съ собой новое впечатлѣніе. Что дѣлалъ Францъ Раппо въ свой бенефисъ; что дѣлалъ Віоль въ свой, — того можетъ быть они не повторятъ никогда. Чтобы имѣть полное понятіе о Тиволи Раппо, — надо видѣть все это самому и быть много разъ.

О балахъ, только что начинающихся въ особоустроенномъ Карломъ Раппо залѣ, мы еще не можемъ сказать ничего Наша публика къ нимъ не привыкла, да и ночи еще такъ хороши, что трудно въ это время заманить кого нибудь подъ кровлю.

Въ заключеніе моей статьи скажу еще нѣсколько словъ о названномъ мною царемъ атлетовъ, Францѣ Раппо. Да не подумаютъ читатели и зрители, что онъ развилъ только одни тѣлесныя способности. Этотъ замѣчательный юноша очень хорошо образованъ, и въ его кабинетѣ, между гирями, ядрами и эспадронами, вы найдете прекрасную походную библіотеку, гдѣ мелькнутъ вамъ имена: Шиллера, Гёте, Байрона и другихъ. Онъ очень хорошо знаетъ исторію, а географію главныхъ городовъ Европы изучилъ на мѣстѣ, и знаетъ не хуже иного географа. Съ нимъ пріятно поговорить о чемъ вамъ угодно. Онъ настоящій артистъ. Краткая біографія его отца записана мною съ его словъ — и потомъ просмотрѣна самимъ Карломъ Раппо, и потому я кончу извѣстной итальянской пословицей, выворотивъ ее на изнанку: Se non é ben trovato, é vero. Ш.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

НЕКРОЛОГЪ М. Н. ЗАГОСКИНА.

Іюня 23 въ 5 часовъ по-полудни скончался извѣстный русскій литераторъ Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ, авторъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ историческихъ романовъ: «Юрій Милославскій,» который доставилъ нашему краснорѣчивому и занимательному разсказчику громкую извѣстность.

Михаилъ Николаевичъ больше извѣстенъ у насъ, какъ романистъ, о драматическихъ же его произведеніяхъ говорилось очень мало. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ его комедій весьма замѣчательны. Онѣ принадлежатъ къ школѣ комедій покойнаго князя А. А. Шаховскаго; въ нихъ встрѣчаются часто положенія истинно комическія; таковы его комедіи, «Баготоновъ», «Урокъ холостымъ» и многія другія.

Вѣроятно въ скоромъ времени издастся полное собраніе его сочиненій, и Москвитянинъ будетъ имѣть случай представить публикѣ полную ихъ оцѣнку.

Тѣло Михаила Николаевича погребено въ Дѣвичьемъ монастырѣ; погребеніе происходило въ пятницу, 27 іюня.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА МОЕГО ЗНАКОМАГО.

На-днях ъ я зашелъ къ редактору мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. Съ нѣкотораго времени я почти не читаю отдѣла нашихъ журналовъ—«*Изящная Словесность*».... Я полюбилъ вѣдомости, издаваемыя по всей Руси, при губернскихъ правленіяхъ.... можетъ быть это странность, но *chaque baron a sa fantaisie*, а что́ причудливѣе, что́ страннѣе фантазіи бываетъ иногда!... А что я баронъ, могу представить длинный рядъ доказательствъ, самыхъ краснорѣчивыхъ, хотя и правда, что къ моей фамиліи не идутъ ни фонъ, ни де.... Какъ бы то ни было, я съ жадностію прочитываю «неоффиціальныя части» всѣхъ нашихъ губернскихъ вѣдомостей, и скучаю, смертельно скучаю въ ожиданіи слѣдующей почты; дождавшись ее, я отправляюсь къ редактору, забираю цѣлую кучу вѣдомостей и ретируюсь домой.... онъ не видитъ больше ни меня, ни своихъ вѣдомостей до слѣдующей почты....

Я сказалъ: на-днях ъ отправился къ редактору; онъ былъ дома; въ томъ же халатѣ, въ той же бархатной шапочкѣ, въ томъ же лежачемъ положеніи, съ сигарой въ зубахъ, съ Москвитяниномъ въ рукахъ.... Видѣть редактора въ такомъ положеніи два раза въ недѣлю—сдѣлалось для меня насущною потребностью.... Первый мой вопросъ: получены ли вѣдомости? «Нѣтъ еще; садитесь; сейчасъ пошлю въ редакцію....» Перелистывая попавшуюся подъ руки книгу, я разсѣянно спросилъ: «сколько у васъ подписчиковъ на вѣдомости?»—«Да наберется до 700,» отвѣчалъ онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ.... «Жителей?»—«Жителей, жителей.... до 950,621,» отвѣчалъ онъ, нѣсколько понизивъ голосъ. «Изъ 950,651 жителей, только 700 пренумерантовъ, не много ж у васъ читателей!...»—«Что-ж дѣлать, я употребилъ всѣ усилія, истощилъ всѣ средства, чтобы возвысить вѣдомости, чтобы пріобрѣсти

Digitized by Google

возможно большее число подписчиковъ. Обращался напримѣръ къ стряпчимъ, исправникамъ, становымъ приставамъ открыть вездѣ подписку. Вонъ тамъ на столѣ нѣсколько отвѣтовъ.» Я взялъ эти отвѣты, пробѣжалъ; подписчиковъ по уѣздамъ нашлось не много; одинъ отвѣтъ обратилъ на себя мое вниманіе своею исключительною оригинальностію: «пренумерантовъ, желающихъ подписаться на объявленіе, не оказалось во вверенномъ мнѣ станѣ, а потому таковое и возвращается». Дѣйствительно, на оборотѣ вѣдомостей тщательно пришито объявленіе объ изданіи губернс. вѣдомостей въ 1852 году....

Я указалъ на это редактору. Онъ улыбнулся и продолжалъ: «Принявъ мѣры къ распространенію вѣдомостей, я вмѣстѣ съ тѣмъ неусыпно хлопочу объ улучшеніяхъ и усовершенствованіи ихъ. Слѣжу за всѣми журналами, извлекаю изъ нихъ все назидательное, все любопытное, соединяя такимъ образомъ пріятное съ полезнымъ.... особенное вниманіе обращаю я на разныя хозяйственныя замѣтки, общеполезныя свѣдѣнія, которыя попадаются въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; польза отъ помѣщенія ихъ въ вѣдомостяхъ очевидна.... это особенно справедливо относительно помѣщиковъ; кромѣ того еже мѣсячно сообщаю библіографическія извѣстія, содержаніе каждой книжки журнала, объявленія объ изданіи его въ слѣдующихъ годахъ, публикаціи объ изданіи сочиненій разныхъ авторовъ, и проч.»

«Я думаю, что отъ этого слишкомъ не много пользы; все условно, все относительно.... Напр. примѣненіе къ дѣлу хозяйственныхъ вашихъ замѣтокъ можетъ быть и полезно и вредно, судя по почвѣ земли, климату и проч. Помѣщикъ-практикъ пробѣжитъ теоріи, которыя вы имъ предлагаете, улыбаясь...; улыбаясь же заведетъ рѣчь объ этомъ и съ сосѣдомъ; послѣ этого, послѣдній конечно не выпишетъ ужъ вашихъ вѣдомостей, особенно если первый пользуется извѣстнымъ авторитетомъ въ своемъ углу. Дальше, сочиненія русскихъ авторовъ выписываются обыкновенно людьми болѣе или менѣе образованными; они имѣютъ возможность узнать объ изданіи такого и такого-то произведенія по крайней мѣрѣ мѣсяцемъ раньше, нежели вы опубликуете въ вашихъ вѣдомостяхъ; потомъ, вы публикуете въ вашихъ газетахъ содержаніе каждой книжки всѣхъ, получаемыхъ въ редакціи, журналовъ: кто выписываетъ самъ эти журналы или достаетъ ихъ у знакомыхъ, тому подобная публикація безполезна: онъ узнаетъ все содержаніе книжки гораздо раньше; еще меньше пользы, еще меньше интереса представляютъ онѣ тѣмъ, которые ни выписываютъ, ни читаютъ журналовъ; поэтому я думаю, что она не приноситъ никакой пользы самымъ

Digitized by Google

журналамъ; допускаю еще пользу какую-либо въ припечатываніи объ изданіи на будущій годъ.... Что же читать подписчику, кромѣ оффиціальной части, гдѣ публикуются разныя распоряженія правительства или мѣстнаго начальства. Очень естественно, что кругъ читателей будетъ всегда слишкомъ ограниченъ.... Знаете ли, какъ разширить его?» Тутъ редакторъ вытаращилъ на меня глаза, какъ человѣкъ, вполнѣ убѣжденный, что онъ сдѣлалъ все, что только можетъ сдѣлать человѣкъ, несмотря на то, ему хотятъ доказать, что онъ хотѣлъ только сдѣлать, но не сдѣлалъ ровно ничего.... «Скажите пожалуста, скажите, продолжалъ онъ скороговоркой; умъ хорошо, два лучше....»

«А ларчикъ просто открывался: надо улучшить вѣдомости, надо печатать въ нихъ статьи о предметахъ близкихъ читателю....»

«Знаю, знаю, прервалъ онъ, что улучшить вѣдомости — ближайшій путь увеличить число подписчиковъ, но какъ достигнуть цѣли, гдѣ средства, гдѣ набрать такихъ статей, гдѣ сотрудники?...

«Э, Боже мой, ничего нѣтъ проще; опредѣляя значеніе неоффиціальной части, самъ законъ уже предписываетъ и программу: *жизнь губерніи въ прошломъ и настоящемъ*, и во всѣхъ ея проявленіяхъ.... Какое широкое, неразработанное поле для дѣятельности, и какой благородной, самостоятельной дѣятельности!... Вы изслѣдываете, въ малѣйшихъ подробностяхъ, судьбу города, уѣзда, губерніи, вы напоминаете читателямъ, какія мѣры предпринимало благодѣтельное правительство, въ мудрыхъ видахъ народнаго благоденствія, къ устройству, образованію даннаго мѣста,—про борьбу съ самой природой на невзгоды, которымъ подвергается житель, особенно въ мѣстахъ низменныхъ, гдѣ существуютъ болота и проч., наконецъ вы воскрешаете въ памяти жителей признательность къ сановникамъ, которыхъ правительство избирало для осуществленія своихъ благихъ намѣреній.... Сколько иногда свѣтлыхъ подвиговъ добра, милосердія, великодушія, самоотверженія—умираютъ въ памяти народной!—Это неблагодарно со стороны потомства.... Вы открываете рядъ некрологовъ, біографическихъ очерковъ; — они, безъ сомнѣнія, пробуждаютъ живѣйшій интересъ въ жителяхъ.... Дальше, «что городъ, то норовъ»,—жители, ихъ обычаи, повѣрья, преданья, предразсудки, ихъ языкъ, пѣсни, пословицы, ихъ физическое, нравственное состояніе, хозяйственный, домашній бытъ—все это представляетъ неисчерпаемый источникъ для длиннаго ряда статей, и любопытныхъ въ высшей степени, и полезныхъ; физическія свойства самой мѣстности, вліяніе ихъ на бытъ жителей, климатъ и проч., не менѣе достойны изслѣдованій. Въ энциклопедическихъ лексиконахъ, въ

Digitized by Google

справочныхъ словаряхъ, руководствахъ къ Исторіи, Географіи, Запискахъ ученыхъ обществъ и проч., описаны мѣстечка, города, рѣки, горы, болота, озера.... гдѣ представляется больше возможности повѣрить, дополнить, исправить эти описанія, какъ не на самомъ мѣстѣ?... Всѣ явленія, почему-либо замѣчательныя, въ общественной жизни каждаго города, губерніи, находятъ отголосокъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ; въ мѣстной хроникѣ вы помѣщаете статьи о балахъ, собраніяхъ, клубахъ, спектакляхъ, концертахъ, лотереяхъ и проч. Словомъ, каждый нумеръ наполненъ у васъ статьями о какомъ-нибудь уголкѣ губерніи.... и жители съ жадностію станутъ читать NN газеты, съ нетерпѣніемъ ожидая слѣдующихъ, скажутъ вамъ теплое спасибо, а можетъ исправятъ, дополнятъ статью вашу о такомъ-то мѣстечкѣ, гдѣ они живутъ, или о такомъ-то селѣ, по сосѣдству имъ, и проч....

И какихъ отрадныхъ результатовъ достигаете вы? Вы оправдываете назначеніе вѣдомостей, вы пріохочиваете къ чтенію даже низшій классъ; кто не захочетъ знать, что пишутъ о его городѣ, селѣ и проч., или о сосѣдней деревнѣ!.. Вы пробуждаете самопознаніе; вы пробуждаете въ народѣ много свѣтлыхъ воспоминаній о его быломъ, вы знакомите его съ его же настоящимъ. А между тѣмъ вѣдомости дѣлаются однимъ изъ необходимѣйшихъ пособій при изслѣдованіяхъ историка, филолога, географа, статистика, этнографа, біографа и проч. Вы приносите на алтарь науки, по всѣмъ ея отраслямъ, и свою лепту, скромную, правда, но отъ души, посильную, но полезную.... Я думаю, исторія Россіи только тогда возможна, когда будутъ полныя исторіи всѣхъ губерній отдѣльно; тоже и о географіи, тоже можно сказать и о другихъ наукахъ. Согласитесь со мною, какое прекрасное, какое завидное значеніе редактора въ губерніи.... »

Тутъ мой почтенный редакторъ прервалъ мою импровизацію.... «Позвольте, позвольте.... Вы открываете вѣдомостямъ такой обширный кругъ дѣятельности.... Но гдѣ сотрудники.... что я могу самъ сдѣлать?...

«Гдѣ сотрудники? Въ каждомъ городѣ нѣсколько учебныхъ заведеній, при каждомъ изъ нихъ нѣсколько преподавателей; изъ одной ужъ любви къ преподаваемому предмету каждый согласится сообщать вамъ свои статьи о мѣстности. Если каждое заведеніе пришлетъ вамъ свою исторію, то вотъ уже вамъ длинный рядъ статей въ высшей степени любопытныхъ и интересныхъ.... Священникъ, медикъ, помѣщикъ, сельскій учитель, словомъ, всякій грамотный человѣкъ, вѣрно, не откажется разсказать вамъ на бумагѣ все, что у него передъ гла-

Digitized by Google

зами, что̀ подъ рукой, такъ сказать. Пригласивъ ихъ къ сотрудничеству, вы дадите пищу умамъ, заставите каждаго оглянуться вокругъ себя, всмотрѣться въ самаго себя; вы будете имѣть рѣшительное вліяніе на самопознаніе въ губерніи ... Въ газетахъ, французскихъ, нѣмецкихъ, попадаются нерѣдко хорошенькія статейки въ разныхъ родахъ; давайте ихъ переводить гимназистамъ; увѣряю васъ, родители ихъ охотно будутъ выписывать, читать листки, гдѣ печатаются первые опыты ихъ дѣтей.... Богъ знаетъ, можетъ быть эти, статейки возъимѣютъ благодѣтельное вліяніе на нѣжныя, впечатлительныя сердца дѣтей, можетъ быть раздуютъ божественную искру таланта.... Словомъ, въ томъ и другомъ случаѣ вы выводите на поприще благородной дѣятельности новое поколѣніе, которое безъ того, можетъ быть, спало бы въ бездѣйствіи тяжкомъ.... да, повторяю, значеніе редактора въ губерніи прекрасно, высоко, завидно: онъ можетъ дѣлать столько добраго, столько священнаго....» Не успѣлъ я кончить послѣдняго слова, входитъ мальчикъ; онъ принесъ кипу газетъ. Пересмотрѣвъ нѣсколько нумеровъ, я подпялъ голову, взглянулъ на редактора: онъ былъ въ раздумьѣ; казалось, мысль о реформѣ вѣдомостей—сильно занимала его.... Слава Богу, слава Богу, подумалъ я, вечеръ не пропалъ даромъ; странность читать всѣ губернскія вѣдомости исключительно — уже не такъ странна, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется....

—

Къ одной странности—читать почти одни губернскія вѣдомости — я долженъ присоединить другую: «слово—дѣло, сказать—сдѣлать.» На другой же день я принялся горячо работать для вѣдомостей; для первыхъ нумеровъ я приготовилъ пять-шесть статей; въ нихъ постарался воскресить въ памяти жителей нѣсколько именъ, забытыхъ уже почти: они должны внушать уваженіе, признательность къ тѣмъ, которые носили ихъ; они имѣютъ полное право на самое почетное мѣсто въ исторіи губерніи.... (*)

Этимъ я открылъ рядъ «біографическихъ очерковъ», которые будутъ продолжаться постоянно по мѣрѣ накопленія матеріаловъ; пригласилъ родственниковъ, друзей, знакомыхъ и пр. доставлять всѣ возможныя

(*) Смѣю обратить вниманіе редакторовъ на одно прекрасное поле, открытое ставропольскими вѣдомостями—помѣщать біографіи лицъ, нуждающихся въ помощи, бѣдныхъ, сирыхъ. Не нужно прибавлять, что чѣмъ проще, истиннѣе такія біографіи, тѣмъ онѣ полезнѣе, дѣйствительнѣе. *М. П.*

Digitized by Google

записки, документы, воспоминанія и проч., словомъ все, что можетъ характеризовать избранныхъ мужей нравственно и физически, что можетъ давать понятіе о нихъ, какъ о мужахъ государственныхъ, какъ людяхъ частныхъ и проч. На призывъ откликнулись многіе; теперь у меня ужъ такая коллекція документовъ, самыхъ разнородныхъ, самыхъ любопытныхъ... нѣкоторые имѣютъ больше чѣмъ мѣстный интересъ: они въ связи съ исторіею Россіи.... Нѣсколько статей я посвятилъ этнографическимъ замѣткамъ: объ особенностяхъ языка въ нашемъ городѣ, духовныя вѣрованія жителей, пѣсни, сказки и проч.; въ двухъ-трехъ NN разобралъ статьи энциклопедическаго лексикона о городахъ нашей губерніи, рѣкахъ, озерахъ и проч.; одной статьей сильно напалъ, что у насъ нѣтъ ни театра, ни публичной библіотеки, объяснивъ крайнюю необходимость того и другой.... гдѣ пробуждена потребность — тамъ является и стремленіе удовлетворить ее....

Да на-дняхъ вспомнилъ про сына моего знакомаго; онъ воспитанникъ высшихъ классовъ гимназіи; поручаю ему перевести нѣсколько статеекъ съ французскаго, нѣмецкаго; исправляю нѣсколько переводы, отдаю печатать.... это пріохотитъ, думаю, и другихъ товарищей....

Продолжая такимъ образомъ читать всевозможныя губернскія вѣдомости, работать *для мѣстныхъ*, я мало думалъ, разумѣется, о впечатлѣніи, какое производятъ на читателей мои грѣшныя статьи.... Цѣль была наградой, цѣль грѣла меня....

Вчера встрѣчаю нѣкоторыя лица; всѣ они мои знакомые; я съ ними въ прекрасныхъ отношеніяхъ; странно, я замѣтилъ однакожъ сегодня нѣкоторую холодность въ обращеніи, особенно одного домашняго наставника.... Я замѣтилъ даже у него худо скрытую улыбку.... это на мой счетъ, я увѣренъ. Странно, право странно... Продолжаю разсказывать... «Къ безсмертію стремитесь, къ безсмертію.... да и въ другихъ пробуждаете дремлющіе геніи....» А, теперь я все понялъ... Боже мой! неужели и эта скромная доля, которую я избралъ для своей дѣятельности, изъ чистаго желанія общей пользы, должна найдти себѣ незаслуженную зависть недоброжелательства, вмѣсто отраднаго сочувствія.... Ну, и пойдутъ толки обо мнѣ, который никого не трогаетъ, ничего не ищетъ, ничего не проситъ: книги, книги.... вотъ вся жизнь его.... Богъ знаетъ еще какіе толки.... Неужели моя скромная дѣятельность можетъ служить имъ упрекомъ въ общественномъ мнѣніи, что они сами ничего не дѣлаютъ для науки, когда каждый имѣетъ почти право ожидать отъ нихъ больше, чѣмъ отъ кого-либо....

Мартъ, 1852 г.

Гор Д....

Digitized by Google

NB. Дневникъ писанъ скоро, небрежно; не смотря на то, въ немъ набросано много здравыхъ мыслей о значеніи губернскихъ вѣдомостей. Осуществленіе этихъ мыслей—безъ сомнѣнія, принесло бы пользу и вѣдомостямъ, и читателямъ, и самой наукѣ.... Москвитянинъ больше другихъ журналовъ отличается направленіемъ къ самоизученію, своенародности.... Я прошу редакцію дать мѣсто этому отрывку въ своемъ изданіи.... По появленіи его въ печати, я буду имѣть удовольствіе представить другія части дневника (о современной журналистикѣ и проч.); онъ весь въ моихъ рукахъ. Мой знакомецъ смахиваетъ на Печорина; уѣзжая, онъ также, какъ и тотъ, бросилъ свои записки....

В. НИГРЕСКУЛЪ.

ШАМБИ ВЪ ПАРИЖѢ.

Интересно знакомиться съ нравами страны, бытъ которой совершенно отличенъ отъ нашего быта,—интересно по многимъ причинамъ: наше любопытство болѣе затрогивается тѣмъ, что говоритъ воображенію, и, если бы вполнѣ извѣстно было, сколько въ духѣ Араба жара, своеобразія и своего рода привлекательности, то у насъ скоро бы возникло прямое влеченіе къ Алжиріи. Кромѣ того, и для всѣхъ европейскихъ литературъ была бы польза отъ свѣта, брошеннаго на народъ, котораго климатъ, обычаи и религія соединены такимъ чуднымъ разнообразіемъ поэтическихъ богатствъ. Купера особенно заняла своеобразность многочисленнаго американскаго общества съ его индѣйскими племенами. Но дѣти пустыни отличны отъ племенъ американскихъ. У народовъ Африки грація, понятливость и остатокъ древней цивилизаціи мѣшаются съ энергіею жизни дикой. Эти люди, проводящіе вѣкъ подъ палаткой, живущіе шпорой и ружьемъ, хорошо знакомы съ безсмертною поэзіею Корана, и во многихъ отношеніяхъ достигли большаго совершенства.

Въ Парижѣ теперь многихъ интересуетъ путешественникъ арабъ Шамби. Вотъ что говоритъ объ немъ одинъ изъ сотрудниковъ Revue de deux Mondes:

— Я бесѣдовалъ съ Шамби объ Аравіи, ея жителяхъ, вообще о всѣхъ особенностяхъ ихъ натуры, обо всемъ, что есть любопытнаго въ ихъ обширной землѣ, съ которою съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе связываются и наши судьбины, и что, признаюсь, составляетъ преобладающій предметъ моихъ думъ. Вотъ онъ весь передъ нами—этотъ Шамби.

— Я думалъ, ты уже отправился въ свою пустыню,—сказалъ я ему.

Digitized by Google

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — я остаюсь здѣсь съ нѣкоторыми товарищами.

Скажу мимоходомъ, что въ настоящую минуту въ Парижѣ находится группа Арабовъ, по большей части изъ Сагары, которые примкнули къ нашей средѣ свои блуждающія и безпечныя существованія.

— За чѣмъ же вы здѣсь живете? — спросилъ я. Онъ засмѣялся тѣмъ умнымъ смѣхомъ, каторый такъ характеризуетъ націи, не злоупотребляющія, какъ мы, этой игрой физіономіи.

— Послушай, — сказалъ онъ, — мы ходимъ каждое воскресенье въ кофейню. Тамъ намъ говорятъ: курите, пейте кофе, — и вамъ же заплатятъ. И дѣйствительно, — мы прокуримъ и пропьемъ нѣсколько часовъ, и намъ даютъ 40 дуро, на которые мы живемъ всю недѣлю. — Онъ снова засмѣялся, и прибавилъ фразу, которой выразительную иронію трудно передать на нашемъ языкѣ, но которою онъ хотѣлъ сказать почти слѣдующее: дѣти Магомета пользуются тѣмъ, что создалъ Богъ, — всѣмъ, назначеннымъ для питанія ихъ, — націи тунеядцевъ.

И такъ Жильблазы и Гуцманы д'Альфарашъ не исключительная принадлежность нашихъ странъ. Вотъ Африка снабжаетъ насъ тѣмъ сортомъ людей, для котораго мостовая большихъ городовъ неистощимое поле, съ безконечнымъ разнообразіемъ почвъ. Уже давно мнѣ хотѣлось соединить общія впечатлѣнія нашей страны, нравовъ и цивилизаціи на путешественниковъ аравійскихъ. Для этого я сдѣлалъ новый визитъ Шамби, чтобы вывести изъ африканскаго міросозерцанія цѣлый рядъ обстоятельныхъ мнѣній о Франціи. Съ этой цѣлью я предложилъ нашему гостю нѣсколько предварительныхъ вопросовъ о Христіанахъ, и вотъ сложность его отвѣтовъ:

— Вы не молитесь, не поститесь, не дѣлаете омовеній, не брѣете волосъ на головѣ, не обрѣзаны, вы не колете животныхъ, употребляемыхъ вами въ пищу, ѣдите свиней и пьете бродящія жидкости, которыя дѣлаютъ васъ подобными скотамъ, не считаете позоромъ носить шляпу, которой не носилъ Сидна-Аисса (Господь нашъ Іисусъ Христосъ): вотъ въ чемъ можемъ мы упрекнуть васъ. За то вы хорошо стрѣляете, ваше *аманъ* (pardon) священно, вы не лихоимцы, вѣжливы, мало склонны ко лжи, любите опрятность. Если бы, при всемъ этомъ, вы могли сказать одинъ разъ изъ глубины сердца: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и пророкъ нашъ Магометъ посланникъ Божій,» — никто бы прежде васъ не вошелъ въ рай.

Не одинъ читатель улыбнется, конечно, на нѣкоторыя мѣста этой тирады, отзывающіяся съ перваго взгляда странной дѣтскостью понятій,

Digitized by Google

но улыбнется, вѣроятно, не подумавъ достаточно. Этотъ странный упрекъ: «вы не считаете позоромъ носить шляпу, которой не носилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ», есть именно результатъ того, что такъ много даетъ восточнымъ нравамъ величія и достоинства. Въ этой странѣ преданій ничто не измѣняетъ: дѣти считаютъ за честь держаться быта своихъ отцовъ. Эта странная тиранніи моды, которой обязаны подчиняться у насъ люди самой серьезной настроенности, тамъ вещь совершенно неизвѣстная. Одежда, также какъ и обычаи,—тамъ подъ защитой религіи, и получаютъ отъ этого высокаго закона особенную важность. Нашъ смѣшной костюмъ, безъ сомнѣнія, одно изъ главныхъ препятствій, ставшихъ между нравами арабскими и вліяніемъ на нихъ Запада.

Минуя общія сужденія о христіанскихъ народахъ, я спросилъ Шамби, что ему показалось во Франціи достойнымъ похвалы, и вотъ что получилъ въ отвѣтъ на это:

«У васъ правительство заботливо,—человѣкъ можетъ здѣсь днемъ и ночью путешествовать спокойно. Ваши постановленія хороши, ваше освѣщеніе города удивительно, ваши улицы широки и совершенно чисты, экипажи удобны, ваши пароходы и желѣзныя дороги несравнимы ни съ чѣмъ въ мірѣ. У васъ есть пища и удовольствія для всѣхъ возрастовъ и всякихъ кошельковъ. Армія ваша организована какъ лѣстница,—одна ступень выше другой. У васъ въ каждомъ городѣ есть пѣхота—защита вашей стороны. Ваша кавалерія дурно устроена, но превосходно экипирована: желѣзо вашихъ солдатъ блеститъ какъ серебро. У васъ много водъ и мостовъ. Земледѣліе прекрасно расположено по временамъ года. Глазъ не устаетъ, смотря на ваши овощи и плоды, которыми ваше солнце не устаетъ васъ снабжать. Мы нашли въ вашемъ саду Бейликъ (le Iardin des Plantes) такихъ животныхъ, растенія и дерева, о которыхъ и наши предки никогда не слыхивали. Вы въ состояніи снабжать весь свѣтъ шелкомъ, шерстью, бархатомъ, дорогими матеріями и драгоцѣнными камнями, наконецъ,—что всего удивительнѣе для насъ,—это скорость, съ которою вы узнаете то, что происходитъ подъ самыми отдаленными точками.

Конечно, все это большая похвала нашей цивилизаціи. Кажется, мы должны бы производить огромное дѣйствіе на народъ, который такъ сознательно и вѣрно цѣнитъ всѣ открытія и всѣ произведенія нашего генія. Но, на самомъ дѣлѣ, сужденія Арабовъ объ нихъ самихъ, даютъ такое же высокое понятіе, какъ и сужденія объ насъ. Это вовсе не дикари, смотрящіе только сквозь призму необходимости и привычки

Digitized by Google

на жизнь, величія которой они не понимаютъ. Они знаютъ лучше нашего, что въ ихъ вольномъ и безпокойномъ существованіи есть глубокое, невольно охватывающее васъ чарованіе. По слѣдующей апологіи, высказанной Шамби въ пользу Африки пусть судятъ читатели объ его похвалѣ нашей странѣ.

«Ваше небо постоянно сумрачно, ваше солнце однодневно, либо двухдневно, никакъ не болѣе,—наше солнце постоянно и климатъ нашъ прекрасенъ. Если когда разверзается надъ нами небо, то черезъ минуту снова закрывается,—снова погода становится прекрасною, снова возвращается теплота. Вы привязаны къ землѣ своими домами, которые вамъ такъ пріятны, а намъ такъ противны,—мы черезъ каждые два или три дня видимъ новую страну. Во время этихъ переселеній намъ сопутствуютъ: война, охота, молодыя дѣвушки, испускающія радостные крики, стада верблюдовъ и барановъ, привольно гуляющихъ передъ нашими глазами, стада кобылицъ, въ сопровожденіи жеребятъ, которые весело рѣзвятся кругомъ насъ.

«Вы работаете, какъ осужденные,—мы не дѣлаемъ ничего. Наша жизнь наполняется молитвою, войною, любовью, гостепріимствомъ, которое мы оказываемъ или получаемъ отъ другихъ. Что касается до грубыхъ полевыхъ работъ,—это дѣло рабовъ Стада, составляющія наше богатство, живутъ на землѣ Божіей; мы не имѣемъ нужды ни копать, ни пахать, ни удобрять землю, ни сѣять сѣмена. Когда находимъ нужнымъ,—продаемъ верблюдовъ, барановъ, лошадей, или волну; потомъ покупаемъ и сѣмена, необходимыя для жизни, и богатѣйшіе изъ товаровъ, надъ выдѣлкою которыхъ столько трудятся христіане. Наши жены, изъ любви къ намъ, сами сѣдлаютъ нашихъ лошадей, и, когда мы садимся на коней, онѣ говорятъ намъ, подавая ружье: о господинъ! Дай-то Богъ тебѣ ѣхать съ добромъ и пріѣхать съ добромъ.

«Наша страна и весной, и зимой, во всѣ времена года, похожа на коверъ изъ цвѣтовъ, испускающихъ изъ себя пріятнѣйшій запахъ. У насъ есть трюфели и *данумъ*, которые стоятъ полевой рѣпы; *дринъ* доставляетъ намъ безцѣнное кушанье. Мы охотимся за сайгами, за страусами, за рысью, за зайцемъ, за кроликомъ, за лисицей, за шакаломъ, за серной (ḥeqeur-el-ouḥach).

«У васъ гостепріимство оказываютъ за деньги,—у насъ, когда скажешь: «я званный Богомъ»,—тебѣ отвѣчаютъ: «укрѣпи твое чрево», и спѣшатъ услужить тебѣ».

Digitized by Google

Если Шамби сейчасъ хвалилъ цивилизацію, то вотъ какъ восторженно говоритъ онъ о пустынѣ. Нельзя не видѣть, какая существуетъ во всѣхъ отношеніяхъ огромная разница между европейскими и африканскими племенами, нельзя не видѣть и заблужденія тѣхъ, которые думаютъ, что завоеваніе Французами Алжира легко примиритъ эти противоположные элементы.

Геній Европы — промышленность (индустрія), геній Востока — бездѣйствіе; межъ тѣмъ какъ духъ новѣйшаго времени преслѣдуетъ мысль, — быть можетъ, химерическую, — о мирномъ обладаніи, — духъ временъ минувшихъ хранится въ первобытныхъ народахъ Африки, которые живутъ и дышутъ одной войной. Конечно, я не отчаяваюсь въ достиженіи цѣли, къ которой стремится Европа; но, чтобы достигнуть ея, и при томъ съ большей скоростію и увѣренностію, лучше всего — не скрывать ни одной изъ тѣхъ преградъ, которыя лежатъ между нами и Востокомъ.

Но, быть можетъ, читатели найдутъ, что такія разсужденія слишкомъ серьезны, чтобъ пускаться въ нихъ, говоря, Шамби. Люди, которые не любятъ обременять себя важными мыслями, безъ всякаго сомнѣнія, предпочтутъ вышесказанному то, что мнѣ остается сказать. Изъ нѣкоторыхъ выраженій моего собесѣдника я заключилъ, что онъ моралистъ, а есть пунктъ, о которомъ моралисты всѣхъ вѣковъ особенно любятъ толковать, — этотъ пунктъ — женщины. Я не преминулъ навести Шамби на этотъ предметъ. Восточный философъ въ своихъ сужденіяхъ о томъ, что всегда будетъ занимать и сумасшедшихъ и мудрецовъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ, — обнаружилъ пылкость, достойную Рабеле и Монтаня. Началъ онъ съ поговорокъ. У васъ, также какъ и у васъ, сказалъ онъ, хитрость женщинъ ни съ чѣмъ несравнима.

Онѣ опоясаны змѣями,
А застегнуты скорпіонами.
Женщина идетъ, — что соколъ летитъ.
Кто предается имъ, не долженъ быть съ ними довѣрчивъ.
Онѣ заставятъ его забыть работу,
Помрачатъ его славу,
Проѣдятъ его богатство,
Вмѣсто простыни дадутъ ему рогожу.

За этими поговорками, въ родѣ риѳмованныхъ пословицъ, въ которыхъ особеннымъ образомъ сочетавается здравый смыслъ съ поэзіей, Шамби представилъ намъ полную картину нравовъ, которую я постараюсь, сколько могу, передать читателямъ. Глубокая оригинальность послужитъ извиненіемъ того, что встрѣтится въ этой картинѣ, быть

Digitized by Google

можетъ, оскорбительнаго для кой-какихъ идей нашей цивилизаціи и нашей страны.

«У насъ, говоритъ Арабъ, женщины любятъ, чтобы мущина всегда былъ изысканно одѣтъ, хорошо стрѣлялъ, былъ щедръ, смѣло скакалъ верхомъ, и умѣлъ бы хранить тайну. Вотъ что требуется отъ любовника; что же касается до мужа,—нужно, чтобы онъ ни на одинъ день не забывалъ обязанности супружества. Иначе его жена пойдетъ къ кади, и еще издали, какъ только увидитъ его, кричать: «о господинъ мой, нѣтъ стыда исполнять свой законъ; и вотъ я во имя закона пришла жаловаться на своего мужа. Это не мущина, онъ не глядитъ на меня: за чѣмъ же мнѣ жить съ нимъ»? Кади скажетъ ей въ отвѣтъ: «О дочь моя, чѣмъ ты недовольна? Онъ тебя хорошо кормитъ, хорошо одѣваетъ, у тебя есть все, чего ты ни захочешь». —«Нѣтъ, господинъ, возразитъ она, я ни накормлена, ни одѣта, если онъ не исполняетъ того, что предписалъ пророкъ нашъ Магометъ. Я хочу развестись съ нимъ».—Тогда кади воскликнетъ: «ты права; законъ женщинъ—любовь», и почти всегда объявляется разводъ».

Многіе говорятъ, что женщины въ мусульманскомъ обществѣ несчастны. Я не спросилъ объ этомъ Шамби; но, еслибъ я сказалъ ему: «какъ ты думаешь, ваши женщины захотѣли бы жить подъ нашимъ закономъ»? онъ отвѣчалъ бы мнѣ: «я увѣренъ, что онѣ пожалѣли бы о покровительствѣ кади».

Я растянулъ бы въ безконечность этотъ предметъ, — между тѣмъ какъ главнымъ его достоинствомъ должна быть краткость,— еслибъ вздумалъ передать всѣ замѣчанія, мудрыя изрѣченія, поэтическія выраженія, которыя сообщилъ мнѣ этотъ житель пустынь. Въ толпѣ словъ и мыслей, мѣшавшихся подобно причудливымъ арабескамъ въ этомъ продолжительномъ разговорѣ, я замѣтилъ однакожъ нѣсколько стишковъ, которые хочу процитовать, потому что въ нихъ выражается отличительная черта арабскаго характера—гордость, пренебрегать которою опасно всякому, кому случится бесѣдовать съ мусульманскими племенами.

Помни то, что унція чести
Стоитъ дороже центнера золота.
Не будь ничьей игрушкой.
Страну, въ которой страдаетъ твоя гордость,
Оставь, хотя бы ея стѣны выстроены были изъ рубиновъ.

Авторъ Сида, я думаю, полюбилъ бы эту поэзію. Не есть ли это

Digitized by Google

печать величія, напоминающаго ту гордость, которую кастильская кровь заимствовала, безъ всякаго сомнѣнія, въ жилахъ Африканцевъ? Мой Шамби казался мнѣ Абенсеррагомъ, когда я отпустилъ его, давши ему дуро. Арабъ, хотя и воспользовавшійся уроками Парижа, высказался въ немъ всецѣло. Онъ взялъ въ руки монету, и, подявши ее надъ головой, сказалъ: «вотъ твой отецъ и мой и отецъ всѣхъ». Я разсказываю, что слышалъ. А заботу выводить умозаключенія предоставляю тѣмъ, которые любятъ разрѣшать странныя загадки души человѣческой.

« Внутреннія извѣстія» были уже отпечатаны, когда мы получили послѣдній нумеръ Владимірскихъ Губ Вѣд., гдѣ помѣщено слѣдующее. «Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ изыскатели Русскихъ древностей, въ благородномъ порывѣ къ славѣ отечества, употребляютъ всѣ усилія ученыхъ соображеній и остроумныхъ догадокъ, чтобы съ несомнѣнною достовѣрностью опредѣлить и указать мѣсто, гдѣ погребенъ былъ избавитель Россіи князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Нынѣ къ великому числу достопамятныхъ событій, совершившихся въ благополучное царствованіе Государя Императора Николая Павловича, присоединяется и это открытіе. Въ теченіе прошлаго 1851 года, министръ внутреннихъ дѣлъ, принявъ въ особенное вниманіе сохраненныя исторіею нѣкоторыя обстоятельства касательно послѣднихъ лѣтъ жизни князя Пожарскаго, употребилъ надлежащія средства къ разрѣшенію вопроса, столь важнаго для Россіи и столь близкаго къ сердцу каждаго изъ насъ. Такія розысканія не остались тщетными. Гробница Пожарскаго найдена въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ, гдѣ прахъ его покоится посреди прочихъ членовъ его семейства и ближайшихъ его родственниковъ, князей Хованскихъ. Собранныя на мѣстѣ и соединенныя съ преданіями исторіи, доказательства несомнѣнной истины этого открытія всеподданнѣйше доведены были до свѣденія Государя Императора. Для надлежащаго точнѣйшаго изслѣдованія столь важнаго дѣла, Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: составить особую коммиссію изъ лицъ какъ мѣстныхъ, духовныхъ и гражданскихъ начальствъ, такъ и ученыхъ, извѣстныхъ своими свѣдѣніями и опытностію по этой части исторіи и древностей Русскихъ. Высочайше учрежденная коммиссія, прибывъ въ Суздаль, приступила къ самымъ подробнымъ изслѣдованіямъ сказаннаго открытія: окончательнымъ выводомъ розысканій коммиссіи было единогласное заключеніе членовъ, что

Digitized by Google

найденная въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ гробница скрываетъ бренные остатки князя Пожарскаго. По представленіи Государю Императору донесенія коммиссіи и по всеподданнѣйшему ходатайству г. министра внутреннихъ дѣлъ, Его Императорское Величество Высочайше изъявилъ соизволеніе на призывъ всѣхъ Русскихъ къ добровольнымъ пожертвованіямъ для сооруженія памятника князю Пожарскому на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ почиваетъ безсмертный прахъ избавителя.»

МЕЛОЧИ.

Два прекрасные портрета *Петра Великаго и Екатерины II* (г-жи О'Колонель), привлекшіе особенное вниманіе директора изящныхъ искусствъ г. Ромьё и всѣхъ парижскихъ любителей, кажется, скоро отправятся въ Россію, ихъ настоящее мѣсто: такъ какъ они — собственность князя Горчакова. Князь уже условился въ цѣнѣ съ артисткою, и съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда зала, украшенная этими портретами, возвратитъ ихъ ему.

Москвитянинъ изнемогаетъ подъ бременемъ статей, присылаемыхъ со всѣхъ сторонъ въ редакцію. Мы не знаемъ, какъ благодарить почтенныхъ вкладчиковъ, не успѣвая помѣщать ихъ произведеній. Въ послѣднее время получены и немедленно будутъ напечатаны: разборъ 2 тома Исторіи г. Соловьева, написанный тѣмъ же перомъ, которому мы обязаны и разборомъ 1 части; разборъ Новгородскихъ вѣдомостей, г. Куприянова; разборъ 2 тома Дипломатическихъ сношеній Россіи, г. Лешкова. Нѣсколько замѣчаній о причинахъ особенныхъ успѣховъ сатирической поэзіи въ Россіи, г. N; изслѣдованіе о вовколакахъ, г. Шпилевскаго; его же: Хитрая баба; повѣсти гг. Писемскаго, Кулжинскаго.

Сочиненіе М. А. Волкова: Папы и Востокъ, и романъ: Сельскій Приходъ, будутъ кончены непремѣнно въ ближайшихъ книгахъ. За Тепферомъ послѣдуютъ новые романы Мери и Февваля. За характеристикой Альфреда Миссе послѣдуетъ характеристика Гейне, г. Григорьева. Мы ожидаемъ рецензіи Пропилеевъ.

Digitized by Google

МОДЫ

— Заимствуемъ у *Moniteur* прелюбопытное описаніе нарядовъ, виденныхъ на балу французскаго министерства публичныхъ работъ, данномъ въ Парижѣ. Любите ли вы лѣтніе балы, съ ихъ танцами на открытыхъ и огромныхъ терасахъ, уставленныхъ цвѣтами, при свѣтѣ фонарей и шкаликовъ, съ ихъ безцеремонными, но граціозными нарядами, совсѣмъ не похожими на бальные. Балъ, про который говоритъ *Moniteur*, былъ еще оригинальнѣе другихъ лѣтнихъ баловъ: танцы были освѣщены не свѣтомъ китайскимъ фонарей, а залиты яркими, роскошными лучами солнца, однимъ словомъ это былъ денной балъ. — Ни одного платья, надѣтаго въ другой разъ, ни одной помятой ленточки,— все ново, свѣжо, эфирно до крайней степени.— Вотъ наряды, признанные всѣми самыми лучшими.

— Платье барежевое розовое, съ тремя широкими оборками, затканными узоромъ, изображающимъ черное богатое кружево. Лифъ этого платья былъ открытый въ видѣ кофточки, надѣтый на кружевной жилетъ, отдѣланный кругомъ буфой, въ которую продѣта широкая розовая лента. Жилетъ былъ открытъ и позволялъ видѣть небольшое модести, составленное изъ нѣсколькихъ рядовъ узенькаго англійскаго кружева; подрукавники были въ pendant жилета кружевные, съ буфой, въ которую продернута розовая лента. Лифъ былъ обшитъ кругомъ черным неширокимъ кружевомъ и множествомъ небольшихъ бантикотъ розовыхъ лентъ въ видѣ бабочекъ.

— Одна рука была украшена великолѣпнымъ браслетомъ, составленнымъ изъ множества бриллiантовыхъ колецъ, продѣтыхъ одно въ другое; на другой былъ браслетъ въ видѣ массивнаго золотаго обруча, украшеннаго звѣздами изъ бриллiантовъ и розоваго топазу; фермуаръ этого браслета былъ сдѣланъ въ видѣ великолѣпнаго солнца, блистающаго своими топазовыми и бриллiантовыми лучами.

— Шляпа, или вѣрнѣе, головной уборъ былъ отъ *Alexandrine*, какъ это было видно по его граціозно-аристократичной отдѣлкѣ. Нѣсколько

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ТРИ ДНЯ ВЪ КАИРѢ.

Для Египта настала теперь минута рѣшительнаго перелома; до сихъ поръ онъ былъ спокоенъ, это правда, но кто знаетъ, что̀ обѣщаетъ ему будущее? Теперь пока ограничиваются еще учтивостями, предупредительностію; иначе дипломаты никогда не поступаютъ; —

Et jusqu'à—Je vous hais,—tout s'y dit tendrement.

Миссія Фуадъ-Эффенди, которая по слухамъ должна была подложить огонь подъ порохъ, проводитъ время въ комплиментахъ и размѣнивается взаимными вѣжливостями; представителю султана дано блестящее помѣщеніе; великолѣпнѣйшіе экипажи вице-короля находятся въ его распоряженіи; ему оказываютъ всякаго рода почести: одинъ Гамсинъ, этотъ страшный вѣтеръ пустынь, плохой придворный, окружаетъ городъ атмосферой разкаленнаго песку; прекрасное небо Египта покрывается бѣловатымъ полукружіемъ, что обыкновенно служитъ несчастнымъ предвозвѣщеніемъ; жаръ становится невыносимымъ. Но ученый посланникъ не хочетъ покинуть Каиръ, не отдавши должнаго посѣщенія пирамидамъ; онъ выбралъ именно тотъ день, который мои спутники и я назначили для этой поѣздки. Это дало намъ случай быть свидѣтелями великолѣпнаго по своей странности зрѣлища, которое рѣдко представляется глазамъ туристовъ, отдающихъ визиты представителямъ сорока вѣковъ.

Недалеко отъ пирамидъ, на границѣ, отдѣляющей степь отъ страны, подверженной наводненіямъ, и потому плодородной, находится деревушка, раздѣленная на двѣ половины; она состоитъ изъ грязныхъ развалинъ, осѣняемыхъ нѣсколькими пальмами и называется Kafer-er-Betran. Она служитъ жилищемъ для колоніи Бедуиновъ, которые стерегутъ пирамиды; они сдѣлали изъ нея свою собственность, никто безъ ихъ позволенія не имѣетъ права взять ни одного камня; обязательные чичероне, предпріимчивые проводники, они-то переносятъ, или лучше сказать, восхищаютъ путешественниковъ на вершины этого грознаго каменнаго исполина, они-то помогаютъ путешественнику проникать въ его внутренности. Впрочемъ, они не оспориваютъ другъ у друга чести быть проводниками иностранцевъ; община управляется законами самаго чистаго

Digitized by Google

комунизма; верблюды, ослы, лошади, поля, барыши,—все это составляетъ общее достояніе. Уставный *бахшишъ* (два шиллинга), черезъ руки путеводителя,—которымъ долженъ запастись всякій путешественникъ, предпринимающій обзоръ,—входитъ въ общій кошель, который находится въ рукахъ шейка деревни; но у каждой медали есть своя задняя сторона, и эти люди, по видимому, столь преданные общимъ интересамъ, стараются обманывать другъ друга: они пользуются одиночествомъ путешественника во время обзора, чтобы выговорить лишніе бахшиши, о которыхъ великій шейкъ бедуиновъ не долженъ знать, и которые они своею неотвязчивостію почти всегда выманиваютъ.

Въ этой удивительной общинѣ находится ровное число людей и лошадей; всякій Бедуинъ рожденъ наѣзникомъ; потому, лишь только вѣсть о поѣздкѣ Фуадъ-эффенди дошла до Кафе-еръ-Бетранъ, какъ всѣ поспѣшили вскочить на коней, чтобы ѣхать впереди знаменитаго путешественника. Удивительное зрѣлище представляли эти смуглые люди, въ бѣлыхъ фескахъ, верхами на лошадяхъ, столько же неукротимыхъ, какъ они сами, скакавшіе впередъ и подымавшіе цѣлыя клубы раскаленной пыли, потомъ пятившіеся назадъ, описывавшіе огромные круги и осаживавшіе своихъ животныхъ прямо передъ знаменитымъ гостемъ, котораго привѣтствовали по своему. Мы встрѣтили ихъ на возвратномъ пути; это великолѣпіе подавляло своимъ превосходствомъ нашъ скромный караванъ, ѣхавшій на вьючныхъ ослахъ; но мы легко утѣшились мыслію, что если эта толпа людей и лошадей проѣдетъ, то мы можемъ опасаться уже только той пыли, которую поднимемъ сами,—въ пустыняхъ это не бездѣлица.

Гамсинъ, какъ я уже сказалъ вамъ, царствовалъ во все время, къ сожалѣнію, очень не продолжительное,—которое мы провели въ Каирѣ; однако же нѣсколько набожныхъ мусульманъ думали предпринять путешествіе изъ Мекки нѣсколькими недѣлями прежде положеннаго срока; нужно было большое усердіе, чтобы начать подобное путешествіе въ такое время, и, однакожъ, проѣзжая главный базаръ Каира, и качаясь вмѣстѣ съ правильнымъ шагомъ верблюда, мы увидѣли огромнѣшіе ящики, закрытые зелеными занавѣсками, на каждомъ углу котораго возвышались вызолоченные шарики,—это былъ гаремъ, отправлявшійся въ Мекку; два черныхъ евнуха, одѣтые очень богато, на прекрасныхъ лошадяхъ, съ чудной сбруей, открывали шествіе; за ними ѣхали Бедуины; а позади—владѣлецъ гарема, старикъ съ сѣдою бородою, на довольно смирной лошади, которую осторожно держалъ за узду слуга; наконецъ тянулось нѣсколько верблюдовъ, везшихъ драгоцѣнности сына

Digitized by Google

пророка, въ сопровожденіи толпы служителей и невольниковъ, ѣхавшихъ частію на лошадяхъ, частію на ослахъ; нѣсколько вьючныхъ верблюдовъ заключали этотъ караванъ, подвигавшійся впередъ сквозь толпу, которая разступалась при его приближеніи, и тотчасъ сливалась снова.

Тотъ, кто въ первый разъ видитъ толпу на каирскомъ базарѣ, невольно спроситъ себя: можно ли пробраться сквозь нее; но есть проводникъ за осломъ,—животнымъ смирнымъ, мѣстнымъ омнибусомъ; проводникъ бьетъ, пришпориваетъ его, и, на волю Божью, вы пускаетесь въ галопъ, стараясь уберечь себя, не раздавить другихъ, спрятать ваши ноги отъ возможныхъ толчковъ, и, къ вашему удивленію и къ чести, вы выѣзжаете изъ нее: но сколько нужно для этого осторожности!

Одинъ изъ моихъ путевыхъ товарищей, желавшій сдѣлать визитъ Аббасу-пашѣ, вице-королю Египта, чтобы поблагодаритъ его за важную услугу, оказанную имъ, попросилъ у него ауедіенціи. Ауедіенція милостиво была дарована; это былъ слишкомъ удобный случай увидать наслѣдника Мегмеда-Али, и никто изъ насъ не захотѣлъ бы пропустить его. Въ назначенный день, по дорогѣ, проложенной черезъ поля, усѣянныя индѣйской смоковницей и финиковыми деревьями — новая побѣда, сдѣланная надъ степью, великолѣпная карета перенесла насъ во дворецъ Аббаса,—это чудное твореніе дѣятельнаго вице-короля. Приказанія были уже отданы, и насъ тотчасъ впустили. Когда мы проходили нижнюю залу, снабженную широкимъ диваномъ, въ углубленіи, къ намъ тотчасъ присоединился Нибаръ-Бей, армянинъ-переводчикъ, привѣтствовавшій насъ такъ, что его рѣчь показалась бы щеголеватою, даже на берегахъ Сены. Только что мы сѣли, какъ намъ подали кофе и трубки. Какой кофе и какія трубки! Прекраснѣйшій *тóка*, который подаютъ въ очень маленькихъ чашкахъ; самый утонченный *патаки* въ трубкахъ, украшенныхъ алмазами!

Его свѣтлость только что вышелъ изъ своего гарема, и велѣлъ насъ предувѣдомить, что можетъ принять. Мы взошли въ первый этажъ дворца по лѣстницѣ, великолѣпно устланной, и въ обширномъ салонѣ, выходившемъ на прекрасную галлерею, замѣтили вице-короля. Онъ сидѣлъ по восточному, на мягкомъ диванѣ, прислоненномъ къ тремъ окнамъ, которыя составляли основу залы, и выходя на сѣверъ, позволяли разглядѣть черезъ стекла, ихъ украшавшія, весь дворцовый садъ, только что насаженный, но который, благодаря плодородію почвы, скоро дастъ свѣжую тѣнь, столь необходимую въ такомъ жаркомъ климатѣ.

Digitized by Google

Насъ ожидалъ ласковый пріемъ; паша подалъ знакъ садиться на диванъ рядомъ съ ними, и, только что мы обмѣнялись комплиментами, которые переводилъ Нибаръ-Бей, намъ принесли кофе и трубки; я воспользовался легкимъ облакомъ дыма, произведеннаго превосходнымъ растеніемъ *латакьѣ*, чтобы въ волю наглядѣться на Аббасъ-пашу.

Я уже имѣлъ случай видѣть нѣсколько портретовъ его свѣтлости, литографированныхъ съ даггеротипнаго снимка. Всѣ говорили, что они очень похожи. Но, по недостаточности ли процедуры, или по ошибкѣ литографіи, я составилъ совсѣмъ другое понятіе о принцѣ; лице у него правильное; его блестящіе глаза выражаютъ рѣдкій умъ; рѣдкая бородка съ просѣдью закрываетъ нижнюю часть его лица; станъ не высокій, но который высказываетъ самое крѣпкое тѣлосложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ величіе въ походкѣ; весь видъ его показываетъ привычку повелѣвать и твердость, умѣряемую снисходительностью.

Когда благодарность нашего путеваго товарища была изъявлена и принята, разговоръ зашелъ объ Египтѣ и его будущности: «Будучи сыномъ Египта, сказалъ намъ вице-король, — привязанный къ Египту всѣми возможными узами, — я думаю, что любовь, которую питаю къ нему, мнѣ возвращается жителями. Земледѣліе и торговля, вотъ по мнѣ настоящее богатство, настоящая будущность этихъ обширныхъ странъ; всѣ мои старанія клонятся къ тому, чтобы покровительствовать первому и увеличивать второе. Назначеніе Мегмеда-Али, моего дѣда, было совсѣмъ другое: онъ приготовилъ почву, а я заставляю ее приносить плодъ». Кто-то изъ насъ заговорилъ объ ущербахъ, которыя терпитъ торговля отъ карантиновъ. «Я не могу ни чѣмъ помочь этому, сказалъ его свѣтлость. Теперь въ Константинополѣ начинаютъ разсуждать объ этомъ предметѣ. По моему мнѣнію, они вредятъ всѣмъ предпріятіямъ. Подайте мнѣ примѣръ, — я тотчасъ послѣдую ему, тѣмъ охотнѣе, что я знаю, что карантинныя линіи не лучше въ Турціи и Сиріи, чѣмъ въ Египтѣ, и что обѣ страны только выиграютъ по уничтоженіи этого препятствія».

Наша аудіенція, длившаяся около получаса, заключилась со стороны вице-короля самыми вѣжливыми желаніями счастливаго продолженія нашего пути, и мы не совсѣмъ охотно рѣшились промѣнять восхитительную свѣжесть, которою наслаждались во внутренности дворца, на палящее солнце и удушливую пыль, поднимаемую гамсиномъ по дорогѣ въ Каиръ.

Оффиціальный исторіографъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, я вамъ скажу объ одной, которая уже не предположеніе, которая, — можетъ быть, ни-

Digitized by Google

когда не будетъ существовать,—но уже строится между Александріею и Каиромъ,—это желѣзная дорога, которая будетъ проложена оттуда до Суэца, вдоль степи, черезъ высокія скалы Мокатана, и соединитъ Средиземное море съ Краснымъ.

Уже издавна этотъ проэктъ, то одобряемый то отвергаемый, выходитъ побѣдителемъ изъ послѣдняго испытанія; по приказанію вицекороля весь флотъ былъ обезоруженъ; экипажи были перенесены въ различныя мѣста, чтобы начать вдругъ въ нѣсколькихъ пунктахъ работы, и они были первыми рабочими, къ которымъ присоединили потомъ значительное число *фелаговъ*, набранныхъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Полагаютъ, что 60 или 70 тысячъ народу употреблено въ эту минуту для работы на линіи. При видѣ столькихъ людей, приведенныхъ въ дѣйствіе одною волею, такъ и кажется, что мы живемъ еще во времена Фараоновъ, и что новая пирамида присоединится къ исполинамъ Джизе и Сахары.

Конечно не будетъ недостатка ни въ талантѣ, ни въ дѣятельности, при исполненіи обширнаго предпріятія, которому посвятилъ себя вицекороль. Я надѣюсь даже, что и въ капиталахъ не будетъ недостатка; но ужели нѣтъ работъ, которыя могли бы Египту принести больше прямой пользы, чѣмъ устройство желѣзной дороги? Народъ — преимущественно земледѣльческій, Египтяне мало путешествуютъ; производители товаровъ болѣе объемистыхъ, нежели тяжелыхъ, они не нуждаются въ быстромъ способѣ сообщенія; ихъ единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы погода не помѣшала имъ. Дайте каналамъ достаточную глубину, устройте орошеніе,—и довольно для Египта. Правда, что не одна нація будетъ держать тогда монополію Египта, что не легко будетъ тогда сдѣлать большую дорогу изъ метрополіи въ восточныя колоніи; но я твердо убѣжденъ, что это прекрасный случай для Аббаса-паши заслужить имя, котораго онъ всего болѣе желаетъ,—имя отца Египетскаго народа.

Работа на желѣзной дорогѣ ограничивается пока приготовленіемъ камней и матеріаловъ.

ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ

ОШИБОКЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ, ВСТРѢЧАЕМЫХЪ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ МНОГИХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Считать на что, на кого.—Такъ переводятъ: *compter sur quelque chose, sur quelqu'un.* Но это грубая ошибка; тутъ *compter* значитъ:

Digitized by Google

полагаться, *надѣяться*, словомъ же *считать* глаголъ *compter* переводится въ такомъ случаѣ, когда означаетъ: *принимать за что*, или *вести счетъ*; и притомъ, *считать кого*, *что*, а не *на кого*, *на что*.

Un beau jour иные переводятъ вездѣ литерально: *прекрасный день*. Между тѣмъ иногда *un beau jour* значитъ просто *однажды*; напримѣръ: Tout le mois passé il étoit si malade, qu'*un beau jour* il pensa mourir: — по-русски, — весь прошедшій мѣсяцъ онъ былъ такъ боленъ, что *однажды* чуть не умеръ. Точно такъ же, *un beau matin*, *une belle nuit*, иногда значатъ: *однажды утромъ*, *однажды ночью*.

Слово *вещь* пишутъ у насъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Французы употребляютъ *chose*; а отъ этого выходятъ нелѣпыя русскія фразы. Напримѣръ, въ одной газетѣ я прочиталъ: «эти люди *вещь* весьма прекрасная.» Или, въ С. П. бургскихъ Вѣдомостяхъ (1852 N 43) находится слѣдующая фраза: «читатель хочетъ усвоить себѣ самыя глубокія теоріи, системы, явленія въ природѣ, стремленія науки, т. е. такія *вещи*, и т. д. *Люди — вещь* (хоть бы ужь вещи); *теоріи*, *системы*, *стремленія науки — вещи*! нелѣпо!!! А между тѣмъ, по-французски, *chose* было бы тутъ у мѣста. — Дѣйствительно, мало ли что въ духѣ одного языка, а на другомъ не имѣетъ смысла.

Собственный, вмѣсто: *мой*, *твой*, *свой собственный* — также ошибка. — *Собственный* значитъ: *настоящій*, *истинный*, *надлежащій*; а, употребляясь въ смыслѣ: *исключительно принадлежащій*, *свойственный*, требуетъ прибавленія мѣстоименія: *мой*, *твой*, *свой*. Напримѣръ: 1.) *Собственное* просвѣщеніе заключается не столько въ обогащеніи ума познаніями, какъ въ украшеніи души добродѣтелями, и въ утвержденіи въ любви къ Богу и Государю. — 2.) Я надѣюсь не столько на *собственный свой* умъ, какъ на помощь Божію.

Сплошь послѣ *хотя* читаешь *но*; а это неправильно. *Хотя* требуетъ послѣ себя непремѣнно: *однако*, *не смотря на то*. Примѣръ: *хотя* мнѣ пришлось пройти и немного, *однако* (или: *не смотря на то*, а отнюдь не *но*) я очень усталъ.

Въ статьѣ: Всемірная Выставка (Библіот. для Чтенія Сентяб. 1851) я прочиталъ: «Они *предпочитаютъ* хранить произведенія въ своихъ магазинахъ, *нежели* присылать въ зданіе Гайдъ-Парка». *Предпочитаютъ*, *нежели* — ошибка грубая. Напишите: *охотнѣе хранятъ*, или: *лучше любятъ хранить*, и потомъ употребляйте: *нежели*; но если вамъ лучше нравится: *предпочитаютъ*, то вспомните, что *предпочитать что̀*, *чему*; а потому, выразитесь, напримѣръ, хотя такъ:

Digitized by Google

храненіе произведеній въ своихъ магазинахъ, они *предпочитаютъ* присылкѣ тѣхъ произведеній въ зданіе Гайдъ-Парка.

Тамъ же напечатано: «Самолюбіе его пріятно польщено было.» Но вѣдь *польстить чему-нибудь*; а слѣдовательно, не самолюбіе, а самолюбію.

Послѣ дѣйствительнаго глагола, предшествуемаго отрицательнымъ нарѣчіемъ *не*, непремѣнно ставится родительный падежъ. Не смотря на то, правила этого многіе не соблюдаютъ. За примѣромъ ходить не далеко: въ означенной же статьѣ Библ. для Чт. вы находите: «чтожь не пріобрѣтете и другія (*ихъ*) безсмысленныя (вм. безсмысленныхъ) нелѣпости (вм. нелѣпостей)». — Скажемъ еще мимоходомъ, что, судя по выраженію: *безсмысленныя нелѣпости*, надо полагать, что бываютъ нелѣпости, въ которыхъ есть и смыслъ.

Мѣстоименіе *этотъ* весьма часто употребляется ошибочно вмѣсто *тотъ*; наприм. въ томъ же номерѣ Библіот. для Чт. ст. 31 сказано: «Дочь *этого* благороднаго Фложерта, который»... Между-тѣмъ, тутъ нѣтъ прямаго указанія; въ каковомъ только смыслѣ и употребляется *этотъ*; здѣсь только ссылка; а это выражается словомъ *тотъ*.

Я слышалъ, не видя *ихъ*, какъ надъ кораблемъ летѣли журавли. (Тотъ же ном. Библіот. для Чт. 3.). Галлицисмъ! Духъ нашего языка не позволяетъ употреблять мѣстоименія прежде того существительнаго, которое имъ замѣняется.

Содержать, заключать, въ значеніи французскихъ *contenir, renfermer*, весьма часто употребляются безъ прибавленія: *въ себѣ*, между тѣмъ какъ, безъ этого дополненія, *содержать* имѣетъ смыслъ французскаго: *tenir, entretenir*, а *заключать* соотвѣтствуетъ французскому: *finir* и *tirer une conséquence*, и однозначительно со словами: *окончить* и *вывести заключеніе*. А потому, въ той же книжкѣ Библ. для Чт ст. 36, сказано неправильно: «эта опера *заключаетъ* замѣчательныя мѣста».

Также пишутъ безъ разбора такъ, какъ мы написали здѣсь; а между тѣмъ слово это должно писать такимъ образомъ только тамъ, гдѣ оно поставлено для соединенія словъ, въ смыслѣ *и*, а гдѣ означается сравненіе, тамъ надо писать: *такъ же*. — Напримѣръ: ты идешь спать, да и я *также* не прочь отъ этого. — Родители *такъ же* дорожатъ здоровьемъ своихъ дѣтей, какъ и своимъ собственнымъ.

И. ПОКРОВСКІЙ.

Digitized by Google

ДВѢ ДРАГОЦѢННЫЯ НАХОДКИ.

Наконецъ послѣ двух-лѣтнихъ исканій и ожиданій попался мнѣ списокъ лѣтописи Несторовой, Кіевской и Волынской, списокъ важный, хоть и не харатейный, какъ я извѣщенъ былъ прежде. Онъ писанъ на бумагѣ, и принадлежитъ, кажется, къ XVI вѣку, слѣдовательно моложе Ипатьевскаго, писанъ четкимъ уставомъ и заключаетъ въ себѣ 348 листовъ. Начинается послѣднимъ временемъ Игоря. Впереди не достаетъ лѣтъ тридцати. Начало у Кіевской и Волынской лѣтописи одинакое съ печатнымъ. Сильвестровой приписки нѣтъ. Василіева повѣсть есть. Въ Волынской годовъ не означено вовсе. Она оканчивается листа за три до печатнаго Ипатьевскаго списка. Я успѣлъ только что перелистовать ее, и вотъ какіе важные варіанты попались мнѣ на глаза:

Въ описаніи времени Ольгина, (Собр. лѣтописей, т. I, с. 22), вмѣсто словъ: «градъ же бѣ Кіевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ,» въ моемъ спискѣ находится: «родъ же бяше Кыевь, идѣже есть нынѣ дворь Гордятинь и Микифоровь.»

Въ описаніи времени Святославова, (ibid. стр. 30), вмѣсто словъ: «имашеть же (Святославъ) и за убѣеныя, глаголя: яко родъ его возметь,» въ моемъ спискѣ находится: «яко городъ его возметъ.»

А вотъ забавный варіантъ: Вмѣсто словъ: «Половецъ же приде 7000 Селелукомъ» (Т. II, стр. 10, подъ годомъ 1128-мъ), въ моемъ спискѣ находится: (3, 7 тысячъ) луковъ. Подробное извѣстіе я сообщу для любителей исторіи въ свое время. **м. п.**

На дняхъ извѣстный любитель и знатокъ древней отечественной литературы, г. Ундольскій, пріобрѣлъ рукописный сборникъ, по почерку принадлежащій къ первой половинѣ XVII вѣка, въ которомъ отыскалъ новое, доселѣ не извѣстное, «Слово о великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимирѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая.» Слово это уже печатается, и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ 14 книгѣ Временника, издаваемаго Московскимъ историческимъ Обществомъ. Сочинитель настоящаго слова зналъ и боярина горазна-гудца кіевскаго, который, по его словамъ, пѣлъ славу князьямъ кіевскимъ — Игорю Рюриковичю, Владимиру Святославичю и Ярославу Владимировичю, зналъ и рязанца Софонія, зналъ и Слово о полку Игоревѣ, и пользовался имъ какъ образцомъ. *(Сообщено).*

Печатать позволяется. Москва, 1852 года, Іюля 16 дня.
Цензоръ *Д. Ржевскій.*
ВЪ ТИПОГРАФІЯХЪ В. ГОТЬЕ И СТЕПАНОВОЙ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА А. И. ИВАНОВА КЪ РЕДАКТОРУ ИЗЪ РИМА.

«Услышавъ о скорбной утратѣ (Гоголя), я сейчасъ же, въ исполненіе его завѣщанія, написалъ къ Василью Андреевичу Жуковскому просьбу одолжить портретъ, мною съ него писанный, для гравированія Ѳедору Ивановичу Іордану въ Петербургъ, съ устройствомъ приличной на сей конецъ подписки. Но письмо мое застало, какъ видно, на столѣ, самого Василья Андреевича. Нѣсколько строкъ отъ имени вдовы, присланныхъ на оборотѣ печатнаго траурнаго ея ко мнѣ билета, даютъ знать, что она хотя и съ удовольствіемъ дастъ портретъ, но не знаетъ, гдѣ онъ.

Въ такомъ трудномъ положеніи, желая нисколько не медлить этимъ дѣломъ, я рѣшился писать къ вамъ, ибо, по словамъ покойнаго, другой такой-же портретъ, съ него мною писанный, подаренъ вамъ, что̀ уже теперь болѣе не можетъ быть тайной, какъ то дѣлалъ всегда при жизни нашъ знаменитый покойникъ. Посему теперь прошу васъ покорнѣйше во имя памяти общаго нашего друга переслать портретъ вамъ принадлежащій въ Петербургъ въ Академію Художествъ для передачи профессору Ѳедору Ивановичу Іордану.

Надѣюсь, что и С. П. Шевыревъ тоже приметъ дѣятельное участіе.»

По этому письму я писалъ къ г. Іордану, отдавая портретъ, писанный г. Ивановымъ, въ полное его распоряженіе. **М. П.**

Замѣчаніе. Г. Булгаринъ взводитъ еще на меня напраслину, будто я считаю 852 годъ годомъ основанія Русскаго государства, между тѣмъ какъ я первый возсталъ противъ этой нелѣпости, и написалъ статью въ Москвитянинѣ, коей онъ придаетъ, не знаю почему, смыслъ *совершенно противоположный*. Прибавимъ здѣсь кстати, что Академія Наукъ, въ лицѣ г-на Куника, вооружилась теперь также противъ послѣднихъ безъотчетныхъ утвержденій, и назвала ихъ въ своихъ Вѣдомостяхъ миѳомъ новаго времени, die moderne Mythe. **М. П.**

Digitized by Google

Порядочные люди, романъ (г. *Вердеревскаго*), очеркъ философіи Бакона, (автора статьи объ успѣхахъ сатирической поэзіи въ Россіи), неизвѣстное стихотвореніе Жуковскаго, воспоминаніе объ немъ, воспоминаніе о Брюловѣ, *Рамазанова*, собраніе писемъ Петра I къ бригадиру Балку, Арзамасъ, г. *Терещенка*,—изъ Варшавы отъ г. *Шпилевскаго*: Изслѣдованіе о вовколакахъ на основаніи бѣлорусскихъ повѣрій, Бѣлорусскія народныя пословицы,—изъ Казани отъ профессора *Березина*: Критическій разборъ каталога Императорской публичной библіотеки,—изъ Харькова отъ профессора *Рославскаго*: Замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ новыхъ статистическихъ изслѣдованій, — изъ Красноярска отъ князя *Кострова*: Замѣтки о бассейнѣ рѣки Уса, повѣсти — Феничка, два поколѣнія, и проч., — отрывки изъ новыхъ сочиненій Вильмена, Гизо, Ламартина, Сальванди, будутъ помѣщены въ слѣдующихъ книгахъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

мелочи. Кто не любитъ цвѣтовъ!—Красотѣ ихъ глубоко сочувствуетъ молодость, свѣжестью ихъ любуется старость. Даже тотъ, для кого природа—мертвая книга, не можетъ не любить цвѣтовъ.... Но, позвольте: что же это ложится подъ перо?—реторическіе цвѣты на тему: любовь къ цвѣтамъ. А мы хотѣли сказать совсѣмъ не то; хотѣли, съ приличнымъ сожалѣніемъ, поговорить о томъ, что и цвѣты подчинены прихотямъ моды, что многіе любятъ ихъ не за красоту и свѣжесть, а потому, что любить цвѣты—въ модѣ, и еще болѣе такихъ людей, которые могутъ любить одни модные цвѣты, питать страсть къ тому, чѣмъ «принято» восхищаться, безъ разбора, будь предметомъ поклоненія моды великолѣпная, столистенная роза, или уродливый кактусъ.... Любопытно, что мода на цвѣты возникла въ странѣ, которая никогда не имѣла никакого вліянія въ царствѣ модъ, отличаясь любовью къ порядку и бережливости—качествамъ, не ладящимъ съ прихотями вѣтренницы-моды. Мы говоримъ про Голландію. Какъ народъ торговый, жители ея рано имѣли случай усвоить почвѣ своей родины рѣдкія растенія отдаленныхъ странъ, пристрастились къ нимъ и умѣли извлечь пользу изъ этой страсти. Тюльпанъ первый изъ цвѣтовъ вошелъ въ моду въ Голландіи. Вывезенный во второй половинѣ XVI столѣтія съ востока, онъ черезъ немного лѣтъ считался уже различныхъ породъ, изъ которыхъ иныя цѣнились баснословными суммами. Такъ, за тюльпанъ Semper Augustus нерѣдко платили по 10 тысячъ, а за Amiral Liefken даже по 13 тысячъ флориновъ. Суммы эти покажутся еще значительнѣе, если принять въ соображеніе тогдашнюю цѣнность денегъ. Какой-то охотникъ до тюльпановъ купилъ одну луковицу за 18 десятинъ пахотной земли, а другую—за 1,600 флориновъ, съ придачею кареты и лошадей. Тюльпаны продавались въ то время, какъ теперь акціи, на биржѣ, по курсу; ажіотажемъ на нихъ одни богатѣли, другіе разорялись, такъ что правительство принуждено было, въ 1637 году, запретить подобныя спекуляціи. Между тѣмъ, явились новые, чужеземные цвѣты—ренункулы и анемоны,—овладѣли вниманіемъ цвѣтоводовъ, и тюльпаны подешевѣли. Въ концѣ XVII столѣтія пошла мода на гіацинты, и этотъ красивый цвѣ-

Digitized by Google

токъ сдѣлался общимъ любимцемъ. Нѣкоторые гіацинты продавались по 2 т. флориновъ. Разведеніемъ ихъ, также какъ и тюльпановъ, прославился Гарлемъ, откуда они распространились по всей Европѣ. Но не продолжительно было владычество и гіацинта. Въ началѣ XVIII вѣка мода приняла подъ свое покровительство скромныя гвоздику и медвѣжье ушко. Впрочемъ, гвоздика еще и прежде пользовалась вниманіемъ цвѣтоводовъ; великій Конде даже написалъ «Наставленія для разведенія прекрасной гвоздики» (Préceptes pour la culture des beaux oillets). Благодаря искусству садоводовъ, число видовъ гвоздики возросло до 400, въ Литтихѣ развели многоцвѣточную гвоздику, на одномъ стебелькѣ которой часто помѣщалось болѣе *двухсотъ* цвѣтовъ; но появленіе новыхъ гостей изъ Азіи и тропическихъ странъ, вытѣснило гвоздику изъ модныхъ садовъ. Камелія, далія, гортензія, магнолія—вотъ тѣ любимцы, которыхъ цѣнитъ современная мода на цвѣты. Красивая и разнообразная фуксія присоединилась было къ нимъ, но не на долго. Между всѣми же модными цвѣтами первенствуетъ камелія: нѣкоторые изъ самыхъ рѣдкихъ видовъ ея продаются по 10 т. франковъ, дамы украшаютъ ею свои наряды; поэты воспѣваютъ ее въ стихахъ; романисты и драматурги дѣлаютъ ее центромъ интриги, на которой держатся ихъ романы и пьесы.... А что же сдѣлалось съ «царицею цвѣтовъ»—съ пышною, прекрасною розою?—Она слишкомъ хороша, слишкомъ скромна, чтобы войдти въ моду; на ея долю выпала несравненно болѣе завидная судьба: всегда, въ древности и теперь, служить эмблемою самыхъ нѣжныхъ чувствъ, украшать юность, и слушать пѣсни соловья....

—

Во Франціи пошли въ моду налоги. Доморощенные политико-экономы, соревнуя благосостоянію отечества, желая уравновѣсить бюджетъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, представили французскому сенату множество просьбъ, въ которыхъ, основываясь на глубокихъ финансовыхъ соображеніяхъ, предлагаютъ обложить налогами слѣдующіе *предметы*: мороженое, шербеты, дамскія шляпки, трости и хлысты, дворянскіе титулы, разноцвѣтныя афиши, птицъ въ клѣткахъ, кошекъ, собакъ, фортепіано, театральныя пьесы, актеровъ и литераторовъ, общественныя должностныя лица, холостяковъ, тунеядцевъ, владѣльцевъ необработанныхъ земель, иностранцевъ, поселившихся во Франціи, лица, обманувшія женщину и не вступившія съ нею въ бракъ, и проч. и проч. Все это очень хорошо, и удивительно только одно, какъ гг. проэктёры забыли самихъ себя?...

—

Digitized by Google

О вы всѣ, имѣвшіе несчастіе лишиться своихъ волосъ, и желающіе, чтобы голова ваша снова покрылась роскошною «шевелюрою»,—знаете ли, куда надобно обратиться вамъ для исполненія этого желанія, гдѣ вы можете найдти средство вѣрное, изобрѣтенное знаменитымъ ученымъ, испытанное многими тысячами почтенныхъ особъ?—Такъ близко, что вы и вообразить себѣ не можете. «Мазь отъ паденія волосъ»—составъ знаменитаго анатомика и профессора Дюпюитрена въ Парижѣ—можно получать единственно только въ *Харьковѣ*, на Московской улицѣ, въ домѣ Шилова, у Фине. Во всей Россіи нѣтъ другаго мѣста для продажи этого драгоцѣннаго состава, какъ на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другаго средства для излеченія разныхъ наростовъ, кромѣ того, который изобрѣтенъ въ Воронежѣ (забывчивыхъ читателей просимъ справиться въ Москвитянинѣ 1851 г.). Но откуда же г. Фине харьковскій досталъ секретъ волосорастительнаго состава? — Онъ не скрываетъ этого. «Въ послѣднее мое пребываніе въ Парижѣ,—объявляетъ онъ къ свѣдѣнію чающихъ роскошной шевелюры,—мнѣ удалось пріобрѣсть, до сихъ поръ втайнѣ хранимый, рецептъ вышеупомянутой мази, которую знаменитый анатомикъ и профессоръ, Вильгельмъ Дюпюитренъ, приготовлялъ для одной только французской королевской фамиліи, отъ выпаденія волосъ, и ихъ успѣшнаго выращенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что только оригинальность характера этого знаменитаго человѣка причиною того, что это отличное и тайное средство сдѣлалось извѣстнымъ такъ недавно, и то только нѣкоторымъ лицамъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, посредствомъ одного изъ его родственниковъ, который нашелъ этотъ рецептъ въ рукописномъ завѣщаніи своего великаго предка». Сострадая немощамъ человѣчества, г. Фине постоянно печатаетъ это объявленіе въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, и жаль, что онъ не дастъ ему приличнаго заглавія, напримѣръ: «Нѣтъ болѣе безволосыхъ головъ!»—«Смерть макассарскому маслу и феноменальной водѣ Лоба! (Eau de Lob)».—«Десять тысячъ рублей серебромъ тому, кто докажетъ, что дюпюитреновская мазь не дѣйствительна»!...

—

Пріятно бы получить эти десять тысячъ, хорошо бы открыть какой-нибудь волосорастительный секретъ; но гораздо пріятнѣе и лучше было бы получить въ вѣчное и потомственное владѣніе частичку изъ калифорнійскихъ, австралійскихъ, и, пожалуй, даже изъ сибирскихъ золотыхъ розсыпей, частичку, разумѣется, приличную и сообразную съ требованіями современнаго человѣка. А вѣдь есть такіе счастливцы, которые владѣютъ нѣсколькими подобными

Digitized by Google

участками, владѣютъ, сидя себѣ спокойно дома и заботясь только о томъ, какъ бы провести день, или благопріобрѣсть еще нѣсколько участковъ. У одного изъ этихъ счастливцевъ, въ гостиной, на стѣнѣ виситъ почти четверть годовой добычи золота въ Калифорніи. Это не алмазъ, не другая какая драгоцѣнность, а просто лоскутокъ бумаги, вставленный въ золотую рамку, и который издали можно принять за автографъ, почему-нибудь драгоцѣнный для хозяина дома. Но, подойдя ближе, вы увидите, что этотъ автографъ—билетъ англійскаго банка, по которому этотъ послѣдній выплачиваетъ предъявителю билета 1 милліонъ фунтовъ стерлинговъ (*шесть милліоновъ рублей серебромъ*). Владѣтель этого билета—сэръ Самуилъ Роджерсъ, банкиръ и вмѣстѣ.... поэтъ, чѣмъ и объясняется мысль—вывѣсить 6 милліоновъ вмѣсто картины. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, англійскій банкъ выпустилъ четыре такихъ билета, послѣ чего доска, на которой они были отпечатаны, была немедленно уничтожена, и подобный выпускъ, вѣроятно, не повторится. Изъ четырехъ 6-милліонныхъ билетовъ одинъ находится у банкирскаго дома Ротшильдовъ, другимъ владѣлъ покойный г. Кутсъ, третій находится въ банкѣ, а хозяинъ четвертато—счастливый сэръ Роджерсъ....

—

Если бы теперь еще писали басни, то можно бы рекомендовать слѣдующій сюжетъ. Лисица, которая, какъ извѣстно, состоитъ въ родствѣ со многими членами звѣриной семьи, жалуется своему задушевному куманьку и другу—волку, на новую людскую напраслину, что̀ терпитъ она совершенно безвинно. Мало того, что, замѣтивъ пушокъ на ея рыльцѣ, ее обвинили въ опустошеніи курятниковъ; мало того, что ее сдѣлали выраженіемъ лести и коварства, заставили хвалить ворону и обманывать своего почтеннаго куманька: на нее, наконецъ, вооружилась промышленность, которая не хочетъ довольствоваться одними нарядными лисьими мѣхами. Промышленность представила охотникамъ проэктъ о возможности *пріучить лисицу замѣнять гончую собаку*. Слыхана ли такая обида: лисицу сравнять съ собакой, тогда какъ она, и по рожденію, и по уму своему, и по протекціи, несравненно выше собаки.... Но что̀ прикажете дѣлать: проэктъ представленъ, и, пожалуй, скоро сдѣлается фактомъ. Неизвѣстный охотникъ (въ журналѣ Коннозаводства и Охоты, N 3 этого года) первый подалъ голосъ о возможности пріучить лисицу къ осѣдлой жизни и обратить ее на путь истинный. Онъ предлагаетъ натаскивать лисицъ для гоньбы зайцевъ (*); «владѣлецъ такой стаи ново-сформированныхъ гончихъ, по-

(*) Да помилуйте, господа охотники: лисица привыкла охотиться за зайцами для собственнаго удовольствія.

Digitized by Google

лучитъ несравненно больше выгодъ, чѣмъ отъ собачей стаи, потому что у лисицъ чутье тоньше и бѣгъ быстрѣе. Одна только представляется невыгода: музыка этой гоньбы отвратительна для слуха. Нельзя не согласиться, что съ гончими охота на зайцевъ была бы прибыльнѣе, чѣмъ съ собаками; сомнѣнія насчетъ возможности пріучать лисицъ напрасны; напротивъ, можно ручаться за успѣхъ; только два условія къ тому необходимы: умѣнье и терпѣнье. Лисицы, взятыя въ домъ съ ранняго возраста, дѣлаются ручными почти такъ же легко, какъ собаки; привязанность ихъ къ дому и къ хозяину не уступаетъ собачьей (позволимъ себѣ усомниться въ этомъ, и заступиться за честь собакъ, хотя г. охотникъ и говоритъ, что «это (то есть, привязанность лисицъ) доказано многими опытами, и я своими глазами видѣлъ тому примѣръ»). При внимательномъ наблюденіи за ихъ воспитаніемъ, даже врожденный ихъ порокъ—воровство и вкусъ къ живности всякаго рода—совсѣмъ пропадаетъ. Были примѣры, что, по совершенной взрослости, имъ давали полную свободу; онѣ, гуляя въ полѣ и въ лѣсу, всегда возвращались, и вели себя весьма благопристойно. Натаскать лисицу или пріучить ее отъискивать и гнать зайца, мнѣ кажется легче, чѣмъ домашнюю собаку, потому что у лисицы и инстинктъ къ занятію этого рода живѣе, и способностей—чутья и скорости, больше. Надобно только начинать съ ранняго возраста и въ мѣстахъ загороженныхъ, гдѣ легче наблюдать за ними. Леопардовъ и пантеръ пріучаютъ въ Индіи къ охотѣ на дикихъ козъ, и проч.; а эти животныя меньше расположены къ человѣку, чѣмъ лисица». Желательно, чтобы кто-нибудь изъ охотниковъ нашихъ южныхъ губерній, гдѣ много и лисицъ и зайцевъ, занялся этимъ опытомъ. Въ случаѣ неудачи, мѣхъ отплатитъ издержки воспитанія, а въ случаѣ удачи—сколько наслажденій принесетъ охотнику лисья гоньба! Притомъ же, изъ животнаго, вреднаго въ дикомъ состояніи, сдѣлать полезное домашнее—цѣль уважительная и стóитъ многихъ попытокъ. И такъ, горе тебѣ, Лиса Патрикѣевна, если только не оправдается надъ тобою пословица, которая сдѣлалась неизмѣннымъ правиломъ для твоего любезнаго куманька: «сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ»....

Вотъ неизвѣстный, кажется, донынѣ анекдотъ о Суворовѣ, сообщенный въ «Чтеніи для солдатъ».—Передъ однимъ сраженіемъ съ Турками, нѣсколько охотниковъ изъ мамелюковъ поклялись на смерть проникнуть въ русскій лагерь, и, во что̀ бы то ни стало, убить Суворова. А Суворовъ, въ сопровожденіи отряда казаковъ,

Digitized by Google

стоялъ близъ лагеря, въ кругу своихъ генераловъ, и беззаботно разговаривалъ. Нѣсколько отчаянныхъ мамелюковъ дѣйствительно прорвались сквозь нашу цѣпь, и стрѣлою мчались къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Суворовъ. Графъ преспокойно продолжаетъ свои разговоры. Вотъ уже одинъ мамелюкъ ворвался въ кругъ генераловъ, вотъ уже сабля его надъ головою графа.... Но въ ту же минуту казаки подняли всѣхъ мамелюковъ изъ сѣделъ на пикахъ. Тогда Суворовъ, нисколько не измѣнившись въ лицѣ, сдѣлалъ мамелюкамъ ручку, и, причмокнувъ, сказалъ: «Э, братъ—взяли»!—Другой анекдотъ, уже напечатанный, о карасяхъ и кирасирахъ, разсказанъ нѣсколько иначе. Въ сраженіи при Кобылкахъ, екатеринославскимъ кирасирамъ довелось стоять подъ самыми выстрѣлами непріятельской батареи. Нашимъ пришло не въ мочь и полковой командиръ отправилъ своего адъютанта къ Суворову, просить позволенія перемѣнить позицію. Адъютантъ этотъ былъ Ѳедоръ Константиновичъ Ковалевскій (родной дядя сообщившаго анекдотъ). Разумѣется, посланному разсказали, что Суворовъ не терпитъ, чтобъ на его вопросы отвѣчали: «не могу знать». Только адъютантъ успѣлъ прискакать къ Суворову, тотъ (вѣрно догадался, зачѣмъ явился посланный) сейчасъ озадачилъ его вопросомъ: «помилуй Богъ! а что дѣлается въ Кобылкахъ»? (Надо знать, что Кобылки были позади непріятеля).

— Васъ ожидаютъ, ваше сіятельство.

— «Хорошо. А рыба тамъ есть»?

— Есть, и очень много.

— «А какая рыба»?

— Окуни, щуки, караси....

— «А умѣютъ тамъ жарить карасей»?

— Не только карасей, и кирасировъ хорошо жарятъ, и я присланъ къ вашему сіятельству....

Адъютантъ, воспользовавшись случаемъ, успѣлъ высказать Суворову свое порученіе.

— «Хорошо, помилуй Богъ, хорошо! Скажи, чтобъ *кирасиры спѣшились, отняли пушки у непріятеля, оборотили ихъ и стрѣляли по немъ*»!

Батарея была взята.

Печатать позволяется. Москва. Августа 27 дня, 1852 г. Цензоръ *Д. Ржевскій*.

Въ типографіяхъ Степановой и В. Готье.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ
IV ТОМА
МОСКВИТЯНИНА.

I. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А) ПРОЗА.

Семенъ Середа, куренной атаманъ Запорожскаго войска, повѣсть, **К. КУЛЖИНСКАГО**. . . . . XIII, 17, XIV, 25

Саввушка, разсказъ **И. Т. КОКОРЕВА**. . . . . XV, 49, XVI, 133

Воспоминанія о Брюловѣ, **К. А. РАМАЗАНОВА**. . . . XVI, 92

Б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Восточныя преданія (изъ Рюккерта): I. Кубъ-Алрумія, II. Сожженная борода. III. Послѣднія слова Лепида. IV. Предсказанье. V. Бухарское посольство, **Ѳ. В. МИЛЛЕРА**. XIII, 3

Отсутствующему другу, **Ю. Ж—ОЙ**. 11

Падучая звѣзда, **МАКАРОВА**. 12

Тучи, *его-же*. 13

Сонъ Дима, Греческая пѣсня, **К. В. БИРГА**. 14

Арабскія маулы, **ДЕ-РОТУЛЬ**. . . . . —

Изъ Байрона, *его-же*. 16

Изъ Гейне, *его-же*. . . . . —

II. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Сельскій приходъ, романъ Родольфа Теппфера *(въ приложеніи)*. . . . . XIII, 237, XIV, 321, XV, 371

Мюратъ, статья Ламартина. . . . . XV, 1

Digitized by Google

III. НАУКИ.

Папы и Востокъ въ XIII вѣкѣ, **Н. Н. Волкова**. XIII, 1, XIV, 45, XV, 110
Нѣсколько замѣчаній о причинахъ особенныхъ успѣховъ сатирической поэзіи въ Россіи. . . . . XIV, 21
Нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу новѣйшихъ изслѣдованій о населенности Европейской Россіи, **А. Ростиславскаго**. . . . . XV, 91
Нѣсколько замѣчаній объ опредѣленіи иностранныхъ словъ въ Русскомъ языкѣ, **И. Вернзина**. . . . . XV, 160
Народныя пословицы, съ объясненіемъ происхожденія и значенія ихъ, **К. Шейковскаго**. . . . . XVI, 125
Кромвель будетъ-ли королемъ, отрывокъ изъ неизданной исторіи Гизо. . . . . XVI, 137

IV. ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Письмо крестьянина помѣщика Лачинова къ господину. . XIV, 1
Письма Петра I къ г. Балку. . . . . XVI, 3
Письмо Царевича Алексѣя Петровича къ нему-же. . . . — 14

V. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. *Сергѣя Соловьева*, томъ II. . . . . XIV, 25
Лѣтопись событій, *Самуила Величка*. . . . . XV, 57
Степныя сказки, *Григорія Данилевскаго*. . . . . XIV, 50
Сила Воли, романъ г. *Токарева*. . . . . XV, 81
Oubliez le bout de votre nez, farce fantastique. . . . — 95
Большая барыня, соч. г. *Вонлярлярскаго*. . . . . XVI, 127
Народныя Русскія пѣсни, собр. *И. Гурилевымъ*. . . . — 147
Новогородскія Губернскія Вѣдомости, **К. Кушелевой**. XVI, 167
Начальныя основанія химіи, *В. Реньо*. . . . . — 181
Ариѳметика и приложеніе правилъ ея къ выкладкамъ на счетахъ.—Приложеніе гимназическаго курса Алгебры къ рѣшенію геометрическихъ задачъ, *И. Ласневскаго*. . . — 182
Краткое руководство для фельдшерскихъ школъ, составлен. *Мейснеромъ* и *Эйзенгомъ*. . . . . — 183
О современномъ состояніи предохранительной оспы въ Европѣ, разсужденіе докт. *К. Грума*. . . . . — —

Digitized by Google

Полный русско-латинскій словарь, сост. *С. Ивашковскимъ*. XIII, 1
О книгѣ: «Есть-ли гдѣ конецъ свѣту»? *(Антикритика)*. . — 7
Монгольская надпись, объясн. *Дорджи Бачваровымъ*. . XIV, 55
О приготовленіи и употребленіи кровельнаго американскаго толя. . . . . XV, 97
Искусство, неучась живописи, быть живописцемъ. . . . — 99
Начертательная гномоника, пер. съ франц. соч. Молле. . XVI, 181
Уставъ С.-Петербургской компаніи для обжиганія извести. XVI, —
Приключенія Понѣ, Эмскаго осла, соч. *М. Ростовской*. . XVI, 184
О комнатныхъ дамскихъ собачкахъ, соч. *М. А. В.* . . XVI, —

ЖУРНАЛИСТИКА.

Отечественныя Записки, іюнь, N 6, іюль, N 7. XIII, 18, XV, 101
Современникъ, іюнь, N 6, іюль, N, 7. . . . — 20, XV, 118
Пантеонъ, NN 4, 5, 6. . . . . XVI, 185

VI. ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Альфредъ де-Мюссе: Comedies et proverbes dramatiques,— повѣсти: Octave, Les deux maitresses, Frederic et Bernerette, и проч., А. А. ГРИГОРЬЕВА. . . XIII, 1, XIV, 52

VII. СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

А) ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Театръ въ Парижѣ: первое представленіе трагедіи Понсара «Улиссъ». — Послѣднія представленія г-жи Рашель въ Брюсселѣ.—Евгеній Бюрнуфъ.—Кёмбервортъ.—Альфредъ де-Мюссе въ академіи наукъ.—Литературныя новости.—Древности Намюра. . . . . XIII, 119
Выборы англійскаго парламента: Сиръ Джемсъ Грагамъ, Гладстонъ, Маколей и проч. — Два слова о Персиньи. XIV, 49
Выборы въ Англіи. — Некрологъ Коляра (отрывокъ изъ письма Шафарика къ редактору). . . . . XV, 91
Тонни Жоанно. — Рѣчь Низара. — Ботанистка дѣвица Либертъ. — Два слова о маршалѣ Эксельмансъ. — Парижскія увеселенія. . . . . XVI, 131

Б) ВНУТРЕННІЯ.

Забайкальская область, Н. ЩУКИНА. . . . . XIII, 17, XIV, 61

Digitized by Google

Воспоминаніе о Сердюковѣ въ Вышнемъ Волочкѣ, **Ж. Г.** XVI, 137
Изъ Петербурга: Отчетъ по министерству народнаго просвѣщенія.—Отчеты почтовыхъ мѣстъ.— Первое присужденіе преміи Археологич. обществомъ. XIII, 30, XV, 102
— *Новгорода*: Духовная св. Кирилла, игумена Бѣлозерскаго, напеч. Руфомъ Игнатьевымъ. . . . . XIII, 32
— *Чернигова*: Промышленность. — Увеселенія. . . . — 34
— *Кіева* (письмо къ редактору): контракты. — Художественныя и ученыя новости. — Кладъ. . XIII, 42, XVI, 154
— *Варшавы*: Старинныя обычаи. — Археологическія открытія. — Странныя явленія природы.—Ученыя, литературныя и проч. новости. **П. ШИЛЕВСКАГО**. . XIV, 54
— *Воронежа*: Литературная дѣятельность, **ХАВАНСКАГО**. XV, 97
— *Херсона*: Крестный ходъ съ чудотворной иконой Богоматери изъ с. Касперовки въ Херсонъ и обратно. — Письмо о Говардѣ, **В. НЕГРЕСКУЛА**. . . . . XV, 104
— *Устюга*: Некрологъ купца Казакова. . . . . — 117
— *Новосиля* (Гульской губ.) преданіе о кладѣ. . . . — —
— *Пятигорска*: Современные новости. . . . . — 118.
— *Рыбинска*: Театры, **Ж. Ш—ВА**. . . . . XVI, 147

в) **МОСКОВСКІЯ**.

Некрологъ М. Н. Загоскина. . . . . XIII, 49
Некрологъ Петра Семеновича Полуденскаго; — Игуменьи Маріи Тучковой. — Бюстъ Гоголя. . . . . XIV, 88
Воспоминаніе о М. Н. Загоскинѣ, **С. А—ВА**. . . . . — 89
Воспоминаніе во время прогулки на Московскихъ улицахъ, **А. ДЕ-САНГЛЕНА**. . . . . XV, 119

VIII. СМѢСЬ.

Отрывокъ изъ дневника моего знакомаго, **В. НЕГРЕСКУЛА**. XIII, 1
Отрывокъ изъ письма *А. И. Иванова* къ редактору изъ Рима, ... XV, 110
О гробницѣ Князя Пожарскаго. . . . . XIII, 13
Памятный листокъ ошибокъ въ русск. языкѣ, встрѣчаемыхъ въ русскихъ писателяхъ, **П. ПОКРОВСКАГО**. . . . . XIV, 19
Шамби въ Парижѣ. . . . . XIII, 7
Три дня въ Каирѣ. . . . . XIV, 15
Двѣ драгоцѣнныя находки. . . . . — 22
Мелочи. . . . . XIII, 14, XV, 110, XVI, 112

Digitized by Google

СЕЛЬСКІЙ ПРИХОДЪ.

=

СХ. *Марта къ г-ну Преверу.* — Изъ прихода.

Много благодарна г-ну Пастору за письмецо, которымъ изволили удостоить меня: такая великая милость привела меня въ смущеніе. Г-нъ Пасторъ можетъ быть увѣренъ, что я слишкомъ много сѣтовала послѣ первой своей вины, чтобъ ослушаться во второй разъ. Къ тому же, изволите знать, такой ангелъ, какъ мамзель Луиза, не забудетъ своего долга, а меня сохрани Богъ надоумливать ее! Шарль же, безо всякаго дурнаго намѣренія, не оставитъ меня въ покоѣ, будетъ просить, чтобъ извѣщала его о мамзель Луизѣ; и, если я хорошо поняла г-на Пастора, то лишь бы не заходила далѣе, а этимъ не нарушу своей обязанности къ г. Рейбасу; не то лучше ужъ сначала скажу: не въ силахъ буду въ такой малости отказать моему дорогому барину. Ради вѣрной службы сердца вѣдь не вырвешь.

Бѣдное дитя! Наплакалась же я, какъ взглянула на него — на больнаго. Сердце ноетъ, какъ подумаю, что другая ходитъ за нимъ, а не я: теперь же бы выпросилась у г-на Пастора и побѣжала бы туда, еслибъ можно оставить мамзель Луизу, еслибъ она была не такъ слаба и жалка. Ахъ, бѣдный мой баринъ, боюсь я, чтобъ все это не кончилось дурно и не такъ, какъ воображаетъ г. Рейбасъ. Барышня при немъ принуждаетъ себя, онъ не видитъ и половины худа. На сколько пополнѣла было она, на то же опять спала; блѣднѣетъ, ничего не кушаетъ, минуты веселой не знаетъ. Не говорю ужъ, что она любила Шарля не какъ брата, — она еще упрекаетъ себя въ его несчастіи; страховъ и заботъ о немъ не оберется: »что-то съ нимъ будетъ? Былъ устроенъ и счастливъ, а теперь притѣсняютъ бѣдняжку со всѣхъ сторонъ. Бѣдный Шарль!« твердитъ все про себя, когда нѣтъ г. Рейбаса. Слезы и горе сокрушаютъ и истощаютъ ее. Что мнѣ тутъ дѣлать? Я сама гоотова скорѣе плакать съ ней, нежели поперечить. Надобно возложить упованіе на Бога — какъ изволите говорить, — ужъ я ли,

Digitized by Google

кажется, не молюсь Ему; но эти дорогія другъ другу дѣти никогда не могутъ быть счастливы порознь, и если не соединять ихъ, то быть худу.

Г. Рейбасъ промолвилъ было отправить насъ куда-то съ барышней на мѣсяцъ либо на два, чтобъ развлечь ее и удалить отсюда. Я просила его пообдумать, какъ бы сдѣлать лучше, чтобъ выгадать время и отписать объ этомъ къ вамъ, потому что мнѣ ни за что въ свѣтѣ не хотѣлось бы оставить барина одного: не равно понадоблюсь ему и меня тутъ не будетъ; а барышню и спрашивать нечего: она ужъ, конечно, охотно отпуститъ меня. Прошу г-на Пастора разсудить за меня, что будетъ лучше и, по его разумѣнію, полезнѣе для бѣднаго Шарля. Если онъ пободрѣе и ваша милость будетъ, то скажите, сударь, что Марта любитъ своего Шарля по прежнему и кручинится за него.

Г. Рейбасъ не знаетъ этаго дитяти, и — съ позволенія г-на Пастора скажу—никогда не зналъ; не то онъ любилъ бы его, не былъ бы съ нимъ такъ суровъ, и не обращалъ бы въ дурную сторону всѣхъ его поступковъ. Бывало, возьметъ ли Шарль что безъ спроса, — и всегда почти для другихъ, — ужъ онъ въ глазахъ г. Рейбаса негодяй; раздастъ ли что бѣднымъ — расточитель; обиды ли не стерпитъ — забіяка; присмирѣетъ ли — лѣнивецъ, дармоѣдъ; и грубъ-то, и несговорчивъ, и всегда на выворотъ. Мы же всѣ прочіе, не считая ужъ г-на Пастора, души не знали въ Шарлѣ: оттого-то и вышла вся бѣда и неудовольствіе г. Рейбаса; оттого и говорилъ онъ, будто мы его избаловали. Г. Рейбасъ до того нынче ослѣпъ, что рѣшается погубить такого прекраснаго мальчика, а съ нимъ и дочь свою. Пусть г-нъ Пасторъ скажетъ, замѣтилъ ли онъ когда Шарля въ безчестіи, въ расточительности или даже въ непокорности? Развѣ сшалитъ что-нибудь, да и въ шалостяхъ-то всегда видно было доброе сердце. Случалось ли когда г-ну Пастору встрѣтить мальчика въ эти лѣта съ такимъ добрымъ ко всѣмъ расположеніемъ? — Скачетъ бывало отъ радости, какъ заслышитъ хорошее и такъ горячо нападалъ на всякое зло. Услужить ли, удовольствіе ли сдѣлать, онъ всегда готовъ; на селѣ говорятъ ужъ, что скучно стало безъ Шарля и все ужъ не то. Изъ-за однихъ этихъ прекрасныхъ свойствъ я не утѣшилась бы, еслибъ онъ не былъ мужемъ мамзель Лунзы; а обо мнѣ и говорить нечего. Съ нимъ я всего лишилась.

Простите, г-нъ Пасторъ, за такое длинное писанье и примите сердечное уваженіе вашей преданной слуги. Марта.

Digitized by Google

CXI. *Рейбасъ къ Шампеню.* — Изъ прихода.

Я уже говорилъ тебѣ: нѣтъ у Редара краснаго осемьсотъ одиннадцатаго года; онъ предлагаетъ тебѣ вина четырнадцатаго года по двадцати-одному флорину, съ доставкою. Не мѣшало бы взять бочку: вино хорошее, безъ утёку и держится на погребѣ сколько угодно. Редаръ и завезъ бы его тебѣ въ субботу, какъ поѣдетъ въ городъ за метрической выпиской, по дѣлу со своими двоюродными. Тягаются изъза осьми туазовъ, что подъ виноградниками. Зная дѣло, я виню редаровыхъ родственниковъ, какъ и объявилъ имъ въ прошломъ году, когда они выбрали меня посредникомъ. Совѣтую купить этаго вина: альманахъ предвѣщаетъ одни дожди, и въ кабакахъ набавили ужъ по копѣйкѣ на пинту.

Съ тѣхъ поръ какъ мое дѣло покончено, отлегло на сердцѣ. Въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ, всегда чуя горе и хромая отъ этой занозы, я, можетъ быть, ни разу не занялся работами такъ охотно, какъ теперь. Въ письмѣ, передъ этимъ, я объяснилъ тебѣ, какимъ образомъ исполнилъ долгъ и избавился отъ упрековъ,—разумѣю свои собственные, страшные больше всякихъ другихъ. Луиза одна могла меня безпокоить, но, слава Богу, и тутъ все идетъ хорошо. Я нахожу ее теперь гораздо лучше прежняго, кромѣ аппетита; но и онъ, надѣюсь, поправится, какъ время будетъ подходить къ теплу. Марта, пристрастная къ *тому*, думаетъ иначе. Какъ бы то ни было, чтобъ успокоить себя, я позвалъ доктора изъ Дарданьи, того, что живетъ въ Пьерретахъ. Думалъ было взять городскаго — что̀ нужды хоть и дороже, — да поразсудивши хорошенько, предпочелъ этаго: ему извѣстнѣе деревенскія болѣзни; Дюссотову жену онъ вылечилъ отъ боли въ печени, — безъ его лекарства двухъ дней бы ей не прожить.

Луизу онъ видѣлъ, а говорить съ ней не говорилъ, предупрежденный мною, потому что знаю — стоитъ доктору подойти къ ней, ее зазнобитъ отъ однихъ его распросовъ. Луиза покраснѣла отъ головы до ногъ, когда увидала насъ вмѣстѣ; какъ ушла, я и сказалъ доктору, что у ней отъ природы тревожный характеръ, и, не распространяясь, добавилъ, что къ тому-же обстоятельства тутъ случились неблагопріятныя; сказалъ, что и аппетитъ у ней не по мнѣ. Но прежде, ради испытанія, спросилъ, чѣмъ бы онъ сталъ лечить рожу? (на мнѣ она была) и по отвѣту его: «теплымъ виномъ» заключилъ, что онъ знаетъ свое дѣло.

Ваши-то городскіе доктора вѣдь только говорить мастера. Де-ла-Куры выписываютъ къ себѣ одного, платятъ по экю, и проѣздъ на ихъ

Digitized by Google

счетъ; денегъ и словъ тратится много, а прибыли отъ этихъ визитовъ ровно никакой. Я ужъ и говорилъ: если г-жа де-ла-Куръ платитъ ему за слова, то мало даетъ, если же за пользу, то слишкомъ много. Въ иныхъ сословіяхъ языкъ развязенъ, а въ другихъ прилипаетъ къ гортани. Попробуй-ка поговорить съ канцелярскимъ народцемъ: небось не вырвешь словечка, даромъ что за отвѣты деньги получаютъ; а доктора безъ рѣчей мнѣ еще встрѣтить не приводилось, — правда видно, что языкъ за нихъ много дѣла справляетъ. Трудненько мнѣ было придержать этаго, чтобъ выслушалъ меня, а не мололъ безъ толку,—словно онъ мнѣ, а не я ему, долженъ былъ разсказать о дочерниной болѣзни.

Докторъ считаетъ перемѣщеніе необходимымъ, и я ужъ подумывалъ, какъ бы удалить Луизу отъ здѣшнихъ мѣстъ, гдѣ многое будетъ еще, нѣкоторое время, наводить на нее грусть. Есть, говоритъ онъ, для нея чудное мѣстечко и воздухъ тамъ свѣжій, легкій, аппетитъ возбуждающій, и для груди здоровый запахъ отъ сосенъ; изъ Женевы, увѣряетъ, посылаютъ туда недужныхъ, и всѣ они духомъ поправляются. Далъ онъ мнѣ также, на случай, лекарство, да, правду сказать, на цвѣтъ непригляднее, да и Луиза не измѣнитъ себѣ — развѣ что разсержусь, а то и не притронется.

Это мѣстечко за горою Салевъ, что видна отъ насъ по ту сторону Роны; прозывается оно Морнексъ. Тамъ выстроены дома для содержанія больныхъ и со столомъ. Прошу тебя — освѣдомься на счетъ этаго и скажи мнѣ цѣну: узнай, что будетъ стоить содержаніе дѣвочки, которая ѣдой не разборитъ, да служанки на вкусъ не прихотливой, да потомъ меня; — мнѣ нужна обыкновенная порція безъ всякаго излишества. Съ насъ бы двухъ комнатъ довольно, хоть бы самыхъ простенькихъ, лишь бы сухихъ, да поближе бы къ соснамъ; бѣлье будетъ наше: свои-то простыни дешевле обойдутся, чѣмъ ихнія изъ подъ хилыхъ да чахлыхъ.

Узнай же.—Не прочь бы я устроиться въ отдѣльномъ домикѣ: Марта была бы нашей стряпухой, и все-таки обошлось бы дешевле; ѣли бы покрайней мѣрѣ, что хотѣли, и не платили бы за остатки, какъ въ гостинницахъ, гдѣ наготовятъ тебѣ столько блюдъ, что и въ четверо сутокъ не съѣшь, а платить изволь какъ будто въ четверть часа проглотилъ ихъ всѣ. Одинъ видъ такого излишества отнимаетъ у меня аппетитъ, и заставляетъ пожалѣть объ яичницѣ и соленой поросятинѣ нашей харчевни, гдѣ и накормятъ сытно, какъ желудокъ потребуетъ, и въ изъянъ большой не введутъ.

Digitized by Google

Какъ что̀ узнаешь, такъ и отпишн. Самое трудное дѣло сдѣлано, а именно, — я нашелъ, кѣмъ замѣнить себя въ приходѣ: долго не рѣшался, кого выбрать Рамуса или Бреласа — ни тотъ, ни другой не удовлетворяли меня вполнѣ. Рамусъ былъ въ свое время хорошимъ пѣвцомъ, а нынче осталась одна звонкость, да и то ужъ много спала, не вытянетъ ноты безъ понуканья себя правымъ кулакомъ въ бокъ, къ крестьянамъ плохо приноравливается, управлять ими не умѣетъ, а тѣ — безъ удержи — знай погоняютъ: они ужъ кончаютъ стихъ, а Рамусъ еще на половинѣ. Отъ такого пѣнія можетъ произойти соблазнъ, чего бы я не желалъ. У Бреласа голосъ сильный, но безтолковый; онъ затянетъ тебѣ псаломъ, какъ застольную пѣсню, между колѣнами заводитъ ритурнели; ни уваженія къ ходу пѣнія, ни важности въ исполненіи, словно одна гортанная потѣха на умѣ, такъ что и органу не услѣдить за нимъ; крестьянъ раззодоритъ и выходитъ какая-то разладица— пѣніе бурное и неуважительное, которымъ г. Преверъ былъ бы очень недоволенъ. Однакожъ я выбралъ Преласа, поговоривши напередъ съ нимъ толкомъ и сказавши, что буду навѣдываться.

Много охотниковъ быть пѣвчими, а хорошихъ пѣвчихъ мало. Пѣвчій не то, что пѣвецъ. Бери себѣ, пожалуй, любое театральное горло,— всю гамму отхватитъ и выше занесетъ. Тутъ нужна не столько пріятность голоса, сколько умѣнье управлять имъ, и, по моему мнѣнію, голосъ твердый, но вѣрный, простой и безъ прикрасъ, приличнѣе для этой духовной музыки. Осьми или десяти полныхъ нотъ достаточно для всѣхъ псалмовъ; остальное зависитъ отъ фигуры, отъ тона, отъ благоговѣнія къ Господу и уваженія къ мѣсту служенія, отъ искуства управлять хоромъ и отъ навыка. Боюсь, не вышелъ бы мой хоръ изъ наукъ Бреласа разбитымъ, и чтобы мнѣ съ нимъ не помаяться. Горько, а дѣлать нечего. Не ссужай своего коня, говорятъ ѣздоки: такъ; да когда случай-то такой, что худо будетъ тебѣ, если не ссудишь?

Г. Преверъ мѣшкаетъ, а я не оставлю прихода, пока онъ не возвратится. Марта говоритъ, что его задерживаетъ болѣзнь Шарля, а я считаю присутствіе его столько же необходимымъ здѣсь. Въ воскресенье за него служилъ молодой кандидатъ, не свѣдущій еще въ своемъ дѣлѣ, хотя и усердный и черезъ-чуръ даже. Послѣ проповѣди, крестьяне поговаривали между собой: »не худо бы ему винцо-то свое разбавить водичкой; прежде бы бороду отростилъ, тогда бы и указывалъ старшимъ, да потише, а то ужъ больно прытокъ.« Еслибъ онъ часто говорилъ проповѣди, то повредилъ бы г. Преверу, и его кротость и сми-

Digitized by Google

реніе не понравились бы послѣ такихъ строгихъ замашекъ; кто мужику не потакаетъ, тотъ ему вѣдь скоро слюбится.

Что сдѣлаетъ онъ изъ Шарля? слѣдовало бы покруче повернуть этаго мальчика! Я и хотѣлъ было такъ сдѣлать, да всѣ были противъ меня, начиная съ г. Превера, бравшагося всегда за него кротостью, терпѣніемъ, то извиняя, то увѣщавая тамъ, гдѣ слѣдовало наказать. Такимъ-то образомъ онъ упускалъ свою обязанность, когда долженъ былъ, по усмотрѣнію, укрощать его буйныя и порочныя наклонности; но это было не по силамъ г. Преверу, видѣвшему въ негодяѣ ангела небеснаго. По г. Преверу и другіе любили его и льстили ему, и Марта и всѣ: такъ-то все и пропало, какъ я имъ сто разъ предсказывалъ. Прощай, пора обѣдать. Не забудь моего порученія. Рейбасъ.

CXII. *Шампенъ къ Органисту.* — Изъ Женевы.

Намедни пришло отъ твоей дочери письмо на имя этаго хитреца. Я не зналъ, позволилъ ли ты ей писать и подглядѣлъ, на случай, нѣсколько словъ: не показались онѣ мнѣ, смотри ты не будь довѣрчивъ. Любовь хитра.... Прочелъ я тамъ выраженьица! страстишка порядочная разбираетъ твою дочку, а пишетъ еще, что надѣется — онъ и съ другой будетъ счастливъ. Были и мы молоды, знаемъ васъ, голубушки! Трудно повѣрить, чтобъ дѣвушка совѣтовала своему возлюбленному жениться на другой; по моему, это значитъ — погоди — времени еще много впереди.

Постой-ка, ты скоро получишь отъ г. Превера посланіе—крѣпко держись, чтобъ не сшибло тебя. Вотъ исторія-то какая. Вчера я снесъ ему письмо твоей дочери для передачи молодому человѣку, потомъ воротился къ себѣ, а у моего окна слышно все, что ни дѣлается у твоего бывшаго зятька. Прислушался, думалъ — вотъ поднимется кутерьма — нѣтъ, ничего. Но вотъ г. Преверъ съ г. Дерве подошли къ своему окну и начали потихоньку совѣщаться, такъ что я, у своего окна, былъ словно третій въ ихъ бесѣдѣ.

Долго они толковали о молодомъ человѣкѣ, объ тебѣ, обо всемъ этомъ несчастіи и цѣликомъ взваливали всю напасть тебѣ на спину: »и ничего-то ты не понимаешь, и негодяй просто мученикъ, и что-то съ нимъ станется?....» словомъ, не знаютъ, какъ съ нимъ быть. Г. Дерве придумывалъ, какъ бы помочь, и — что меня и убѣдило въ мысли твоей Луизы — онъ говорилъ, что отчаяваться не слѣдовало, а все предоставить времени и облегчить дѣтское горе надеждою. Правда, тутъ

Digitized by Google

Преверъ — этотъ не такъ хитеръ — остановилъ Дерве, говорилъ, что онъ противъ такого внушенія. Тогда тотъ осмѣлился ему сказать: вы ужъ слишкомъ далеко простираете деликатность; по крайней мѣрѣ, не говоря дѣтямъ, будемъ надѣяться сами: *мало ли что можетъ случиться*; *придетъ время ихъ совершеннолѣтія — тогда авось либо г. Рейбасъ будетъ посговорчивѣе.* Слышались ли, Рейбасъ! *мало ли что можетъ случиться!* Можетъ статься, дескать, и умретъ, — туда ему и дорога! а не умретъ, такъ мы сами справимся.

Отвѣта г. Превера я не слыхалъ: ко мнѣ постучались. Сынъ Леграида зашелъ съ рынка съ письмомъ отъ Марты къ г. Преверу. Эта Марта — ихъ поля ягода, она готова тутъ усердствовать. Я бы ужъ, на твоемъ мѣстѣ, не сталъ держать у себя эдакую: она укрывала Шарля у своей сестры во время его побѣга; она первая узнала о дуэли и вовремя еще — могла бы помѣшать и все утаила отъ васъ изъ преданности къ негодяю. Такъ вотъ какъ они перестали говорить, я и пошелъ къ нимъ отдать письмо Марты, да наперед заглянулъ, нѣтъ ли чего по твоей части: плачется, видишь ли, все на счетъ твоей дочери; послушать ее, такъ бѣдняжка двухъ дней не проживетъ отъ горя, до того исплакалась, изгрустилась — словомъ, все по формѣ. Кажись мнѣ, и они сговорились; за вѣрное впрочемъ не выдаю — всего прочесть не могъ.

Какъ вернулся къ себѣ, опять сталъ на часы; но схватилъ лишь обрывки, а конецъ хорошо помню. Они только что прочли письмо Марты, — ловко должно быть написано. »Добрая женщина! сказалъ г. Преверъ, она любитъ этаго ребенка, она усыновила его въ своемъ сердцѣ. Замѣчанія ея хотя строги, но справедливы. Я напишу,—рѣшаюсь послѣ всего сказаннаго ею о Лунзѣ; можетъ быть, г. Рейбасъ не устоитъ противъ такой ужасной картины.« За тѣмъ другой ушелъ, чтобъ не помѣшать ему писать. Я предупредилъ тебя о заговорѣ, крѣпись! Желаю тебѣ успѣха. Шампенъ, Жакъ-Маркъ.

P. S. Сейчасъ принесли твое письмо; вижу изъ него, что все ладно. Говорилъ я, что отъ любви не умираютъ. Въ точности и не медля освѣдомлюсь обо всемъ, потому что вамъ слѣдуетъ убраться подальше, пока молодецъ не оправился.

CXIII. *Г-нъ Преверъ къ г-ну Рейбасу.* — Изъ Женевы.

Любезный г. Рейбасъ! Считаю своей обязанностью написать къ вамъ эти строки, не возвращаясь прямо къ заключенному уже между нами

Digitized by Google

касательно дѣтей; но представлю вамъ нѣкоторыя разсужденія, чтобы позднѣе не подвергнуть себя страшному упреку за то, что вовремя не наставилъ васъ по своимъ понятіямъ.

Я не стану, любезный мой Рейбасъ, нарушать законнаго спокойствія вашей совѣсти, увѣренный, что въ употребленіи отцовской власти вы поступили по всей прямотѣ вашихъ намѣреній; не затрону вашего состраданія въ пользу несчастнаго, до того впрочемъ жалкаго, что самая смерть его не испугала бы меня. Безъ всякаго сомнѣнія, вы властны располагать судьбою дочери по своимъ правамъ и убѣжденіямъ, и я, имѣя намѣреніе высказать вамъ свое собственное убѣжденіе, никакъ не считаю его безошибочнѣе вашего, и потому, не смотря ни на какое рѣшеніе съ вашей стороны, ни на какое горе, ни на какія радости,—которыя Провидѣніе готовитъ намъ въ судьбѣ этихъ дѣтей, — благословляя пути его, всегда явно отдамъ справедливость чувствамъ, которыя послужатъ вамъ руководствомъ въ этомъ важномъ рѣшеніи.

Но, любезный мой Рейбасъ, не могу умолчать о своихъ опасеніяхъ на счетъ Луизы: онѣ дѣйствительны и не терпятъ отлагательства. Безъ сомнѣнія, эта дѣвушка выйдетъ изъ борьбы побѣдительницею: повиновеніе восторжествуетъ въ ней надъ привязанностью, обязанность надъ сердечною склонностью; но чего это будетъ ей стоить?... Здѣсь-то черныя мысли осаждаютъ меня, и я съ ужасомъ спрашиваю у себя — не сѣемъ ли мы теперь зачатки невозвратимаго несчастія?

Я говорю вамъ прямо, не прикрывая моей мысли, и, если она сколько-нибудь основательна, то пусть устрашитъ васъ, ради вашей же пользы. Къ этому меня побуждаетъ не столько привязанность къ Луизѣ, сколько дружба къ вамъ. Дѣло идетъ о несчастіи, о страданіи на всю вашу жизнь. Я знаю, какъ нѣжно вы любите дочь, и тѣмъ страшнѣе подумать, что рѣшимость ваша можетъ погубить ее. Не пришлось бы вамъ слишкомъ поздно сознать свою ошибку.

Какимъ образомъ отогнать отъ себя эту мысль, любезный мой Рейбасъ?... Луиза — созданіе слабое, не смотря на ея развившуюся красоту и на обманчивую крѣпость.... Многимъ, къ несчастію, также и слабостью, она похожа на мать, умершую въ цвѣтѣ лѣтъ. Какъ въ матери, такъ и въ дочери, въ нѣжномъ тѣлѣ — душа заботливая, чувствительная, страстная и еще болѣе.... воспріимчивая къ борьбѣ, готовая на пожертвованія; душа, которую надобно бы всячески беречь, не доводить до борьбы и пожертвованій.

Припомните ея дѣтство. Какого труда оно стоило, какъ мало надѣялись тогда сберечь это маленькое созданьице, которое и тогда уже

Digitized by Google

привязывало къ себѣ, очаровывало какимъ-то обаяніемъ грусти и признательности, выражавшимся въ глазкахъ, на лобикѣ, на нѣмыхъ еще губкахъ.... Но безпечное спокойствіе этого возраста, заботы Марты, общество другаго дитяти оживили слабую натуру, и мы вмѣстѣ благословляли Бога, такъ милостиво превращавшаго наши безпокойства въ счастливыя надежды....

Вспомните, какъ недолго продолжалось это мирное для Лунзы время, какъ рано ея чувствительное сердце забилось для горя и тревоги.... Вспомните, какъ горько она плакала — девятилѣтняя — когда узнала, что Шарль сирота, что нѣкого ему любить, нѣкого прижать къ сердцу.... Вспомните, какихъ безпокойствъ ей стоили его безразсудства, какъ она огорчалась, когда онъ заслуживалъ наказаніе. Припомните всѣ подробности: какъ при каждомъ преждевременномъ огорченіи, это кроткое дитя блѣднѣло, забывало всякую радость, колебало наши надежды.... Тогда уже, г. Рейбасъ, опасно было бы оторвать отъ нея молодаго друга.... А если съ тѣхъ поръ тѣло ея укрѣпилось, то такъ же несравненно сильнѣе укрѣпилась и эта привязанность....

Вспомните, чего стоилъ ей переходъ отъ дѣтства къ юности: то чрезмѣрная чувствительность, то стыдъ, то страхъ, попеременно волновали ее и мы сомнѣвались, чтобъ такой переломъ обошелся безъ опасныхъ потрясеній; мы вмѣстѣ разсуждали объ этомъ, вмѣстѣ старались заслонить это нѣжное растеніе отъ слишкомъ сильнаго вѣтра, отъ слишкомъ жаркаго луча, ото всякой непогоды. Неужели теперь, общими силами, будемъ подвергать его прежнимъ опасностямъ?

Вспомните наконецъ, какъ не обошлась ей даромъ самая радость по исполненіи желанія, которое — по крайней мѣрѣ я такъ думалъ — должно было упрочить ея спокойствіе и счастіе; и не прошло еще года съ тѣхъ поръ, какъ сильная болѣзнь Лунзы показала намъ, чего стоитъ этой чувствительной натурѣ всякій душевный переворотъ, также какъ и всякая помѣха въ ея привязанностяхъ.... Переломъ продолжался недолго. Мы встрѣтились съ ея желаніемъ, угадали ея наклонность, успокоили ея сердце, связавъ ея будущее съ прошедшимъ, — и она, со всякимъ днемъ, становилась спокойнѣе и счастливѣе, и грусть ея смѣнилась невиданною до той поры веселостью. Цвѣтъ показался въ лицѣ, жизнь въ глазахъ, спокойная игривость обнаружилась въ разговорѣ, и счастье ея съ тѣхъ поръ казалось ненарушимымъ.... Вдругъ, посреди такого блаженства, ее поражаетъ ударъ! Передъ такими предзнаменованіями чего ждать отъ будущаго! Ахъ, г. Рейбасъ, не могу удержать своего волненія. Я увѣренъ, что мы рискуемъ не только спокойствіемъ,

Digitized by Google

но даже жизнію той, которая такъ дорога намъ, и прошу только Бога милосердо отвратить отъ насъ эту чашу....

Обсудите же все хорошенько еще разъ, мой любезный и старый другъ; подумайте, умоляю васъ, не требуютъ ли подобныя опасенія, хотя нѣсколько и преувеличенныя, вашего серьёзнаго вниманія, не оправдаютъ ли онѣ вполнѣ, въ вашихъ собственныхъ глазахъ, возвращенія къ прежнему нашему плану? А главное — не обманывайтесь на счетъ Луизы: она не обнаруживаетъ передъ вами всего страданія. Марта побольше насъ знаетъ объ этомъ. Но, еслибы вмѣсто Марты, Богу угодно было сдѣлать вашу достойную супругу свидѣтельницей тайныхъ терзаній дочери, — неужели, думаете вы, г. Рейбасъ, она устояла бы противъ такого раздирающаго душу зрѣлища? Неужели эта нѣжная мать, память которой вы чтите, поколебалась бы передъ указываемыми вамъ опасностями, и, вмѣстѣ со мной, не стала бы умолять васъ, въ эту минуту, пожертвовать всѣмъ для такихъ основательныхъ безпокойствъ.... Я же не могу въ нихъ усомниться и потому прошу васъ, умоляю, — обсудите хорошенько вашъ поступокъ, отвѣтственность, которой вы себя подвергаете, и немедленно возвратитесь къ прошлому, если въ изложенныхъ мною причинахъ найдете хоть тѣнь правды. Вотъ окончательный совѣтъ вашего истиннаго друга. Преверъ.

CXIV. *Жакъ къ г-жѣ де-ла-Куръ.* — Изъ Верреза, въ долинѣ Аосты.

Недѣли и мѣсяцы идутъ своимъ чередомъ, а мы все ни съ мѣста. Пробовалъ было я докладывать барину, что все бы равно и дома сидѣть въ четырехъ-то стѣнахъ, да имъ не понравилось; я ужъ и мѣшаться не сталъ. Даромъ что волчья сторонка, а и волкамъ не по нутру: небось кабы весело мѣсить снѣгъ-отъ у себя на верху, не шлялись бы около жильевъ, а то ужъ куда охотники! не дадутъ мнѣ изъ-дому выглянуть, развѣ что днемъ и въ компаніи. Въ дома-то, слышно, они никогда не входятъ, какъ бы на дворѣ темно ни было. А барину все равно. Ходятъ по оврагамъ, заберутся въ лѣсъ, вернутся поздно, а я во все это время словно на иголкахъ сижу, пока не увижу ихъ здрава и невредима. Къ этому еще, сударыня, страхъ отъ черномазыхъ угольщиковъ: какъ запьютъ тамъ, въ нижней залѣ, того-и-гляди, затѣютъ баталію, а шутить не любятъ — гдѣ бы нашъ братъ кулакомъ, тамъ они ножомъ. Какъ завижу, что задорятся, такой страхъ пройметъ меня — инда кусокъ въ горлѣ застрянетъ. Больно напугалъ меня хозяинъ: не надо, говоритъ, сказываться имъ протестантомъ, а хочешь съ ними ла-

Digitized by Google

дить, такъ сходи раза два либо три къ нихъ обѣднѣ; не то, случалось, взбѣленятся, да тутъ на мѣстѣ и положатъ. Я бѣгомъ къ обѣднѣ; возвратился, а хозяинъ мнѣ: »началъ молъ, такъ ужъ и продолжай, не то наживешь бѣду хуже прежней.« Нечего дѣлать — хожу къ обѣднѣ: великъ грѣхъ, да лишь бы выбраться изъ этого вертепа — усердно покаюсь передъ Господомъ Богомъ. Однако покорно прошу вашу милость необмолвиться.

Правду истинную сказать — баринъ становится все грустнѣе — не узнаешь его. Я старался поразвѣдать, и, кажись, не рана въ бокъ, а словно другое что вередитъ имъ сердечко. Въ угоду вашей милости, я заглянулъ къ нимъ въ писанье — знаемъ грамотѣ, благодаря Бога и Ланкастерскую школу. Здѣсь, кромѣ священника да хозяина — надобно счётъ-то сводить — никто словечка не разумѣетъ; отъ того-то у нихъ такая болтовня и въ церковной службѣ и промежъ себя. Школъ здѣсь и завода нѣтъ. Съ самого рожденья ихъ ничему не учатъ; доростетъ до угольщика — въ лѣсъ! и живутъ въ лѣсу во все лѣто, словно дикіе, заработаютъ тутъ кое-какія деньжонки, да зимой ихъ и пропьютъ, либо проспорятъ и, лишь бы на исповѣдь ходили, запрета имъ нѣтъ никакого. Хозяинъ сказалъ, что убить еретика имъ, какъ стаканъ воды выпить, еще прямѣе въ рай пойдутъ, только бы священникъ отпустилъ, а этотъ никогда не держитъ, благо они снабжаютъ его ягнятами, яйцами и всякой снѣдью. Это доходъ священника.

Да-съ, какъ въ писанье-то нихее я заглянулъ и вижу — все клочки писемъ: которые къ вамъ объ одномъ началѣ, другіе къ приходскому г. Рейбасу, одно къ мамзель Лунзѣ. Это — либо любовная цыдулка, либо я ничего не смыслю: выражаются, что *умрутъ съ ея изображеніемъ въ глазахъ и съ мыслію о ней въ сердцѣ* и разныя другія пламенности, въ которыхъ винятся и просятъ у ней прощенья. На той же страницѣ помарки, кружочки, двѣ чернильныя лепёшки, будто писано не для отправки, а такъ — чтобы пописать да между дѣла на поляхъ почертить. Одна лепёшка сходитъ на гусёнка, словно дроздъ на караулѣ. Въ письмахъ къ вашей милости тоже жалобы, — все на счетъ этой дѣвицы, говорятъ, что *чѣмъ болѣе удаляются отъ нея, тѣмъ они несчастнѣе, чѣмъ менѣе ея достойны, тѣмъ сильнѣе любятъ* и всякія разныя словечки. Онѣ-то и поясняютъ зачѣмъ г. Эрнестъ остаются въ этой трущобѣ — чтобъ далѣе не заѣхать. Тутъ кстати вамъ доложу: не будь этой горы с. Бернардъ, мы возвратились бы уже къ вамъ, потому что барину не въ терпёжъ безъ мамзель Лунзы.

Digitized by Google

Изволите видѣть, сударыня, я все развѣдалъ. Баринъ страдаютъ отъ любви, а любятъ мамзель Луизу. Она, нечего сказать, дѣвушка славная, а все не чета нашему барину: они въ замкѣ родились и могутъ себѣ лучше найти — и изъ знатныхъ фамилій взялись бы, чай, за нихъ всѣми пятью пальчиками. А видно и вправду больно хороша эта мамзель Луиза, коли заколдовала такъ двоихъ; заставила возлюбленныхъ своихъ драться, да и выбрала побѣдителя — никакъ въ старину такъ водилось. Видно придется покончить свадебкой, и вы, сударыня, осмѣлюсь доложить, попереченьемъ не поможете, потому что они врядъ ее позабудутъ. Много чести будетъ г. Рейбасу, что и говорить, да лучше ужъ барину жениться на неровнѣ, чѣмъ напустить на себя чорныя мысли, ни-дать-ни-взять какъ Шевротъ, что съ тоски по Равіевой дочери, спустился въ пропасть, да и былъ таковъ, а здѣсь пропастей не искать стать.

Еще доложу вамъ, сударыня: баринъ всего только одинъ разъ изволили говорить со мной, когда я получилъ письмо отъ батюшки съ приходскими новостями. »Ну вотъ, сказалъ я имъ, г. Рейбасъ теперь доволенъ (они прислушались); дочка остается при немъ.« Тутъ начали меня всячески распрашивать, пожелали даже прочесть письмо; великая радость забрала ихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ батюшка пишетъ, что дѣло разошлось съ согласія всѣхъ и самого г. Шарля, и что мамзель Луизѣ не трудно будетъ найти мужа почище; — въ туже минуту пожелали было возвратиться въ приходъ, но покамѣстъ я укладывался, баринъ раздумалъ и опять загрустилъ, а когда я пришелъ съ докладомъ, что все готово, далеконько турнулъ меня. Принялся развязывать узлы, и опять за старое. Все бы еще ничего, да обѣдни одолѣли. Попробуй я теперь — пропусти хоть одну — мѣсяца не проживу. Боюсь не прожить бы здѣсь праздниковъ, не пришлось бы мнѣ причащаться и быть на церемоніи. Хозяинъ поговариваетъ ужъ объ исповѣди.

Много обяжете меня, сударыня, доставкою прилагаемой грамотки къ батюшкѣ. Не худо бы вашей милости написать къ барину: авось бы мы разстались съ этой трущобой.

Честь имѣю, съ подобающимъ уваженіемъ, пребыть вашимъ покорнымъ слугой. Жакъ.

Digitized by Google

CXV. (Вложенное въ предъидущее). *Жакъ къ отцу.*

Изъ Верреза, въ долинѣ Аосты.

Здравствуйте всѣ вы, счастливцы на своей родинѣ, не то что я, гибнущій здѣсь отъ скуки и отъ страха промежъ этихъ уродовъ. Эти неумойки не чище моего сапога, а кромѣ ножа, не признаютъ никакихъ резоновъ. Охъ, еслибъ вы пріискали мнѣ хорошее мѣстечко, да с. Бернардъ бы постаялъ, куда бы какъ охотно я вернулся.

Великъ свѣтъ, а не вездѣ хорошъ. За нашимъ кантономъ, кромѣ берлогъ, ничего не видалъ. На горахъ ихъ либо камень, либо льды, кое-гдѣ общипанныя поля, а вотъ здѣсь и хороша бы земля, да обработываютъ одинъ уголь; подъ виноградъ тычинокъ не подставляютъ, оттого онъ и нейдетъ у нихъ дальше листа. Ну ихъ! звѣри невиданные, а вино втягиваютъ словно губки, горло деруть, какъ стадо утокъ.

У барина лошадиный поровецъ; разъ со сто на день пошлешь его къ чорту. Втюрился въ приходскую красавицу: жениться хочетъ на ней, такъ бы и дѣло съ концомъ, благо тотъ отсталъ. Увѣдомьте меня на этотъ счетъ, можетъ мы и выбрались бы отсюда, да не забудьте замолвить обо мнѣ барынѣ, коли очистится мѣстечко на фермѣ, либо другаго не найдется ли, въ случаѣ какъ свадебка уладится. Сходи, — удружи — съ поклономъ въ замокъ: много, дескать, довольны милостью г. Эрнеста, и на насъ, дескать, баринъ не пожалуются и впередъ, авось либо, не забудутъ насъ, такой-де ужъ нашъ обычай служить господамъ по гробъ вѣрой и правдой. Попытай счастья — что будетъ. Письмо хорошенько запечатай и передай барынѣ, чтобъ не платить пошлины: двадцать-шесть су не даромъ берутъ — ѣдутъ по снѣгамъ въ саняхъ мимо волковъ, и почасту погибаютъ.

Счастливо оставаться всѣмъ вамъ. Поклонъ Жаннетѣ — ее мы помнимъ. Если же дѣвка, паче чаянія, связалась съ какимъ-нибудь сельскимъ парнемъ, то прошу увѣдомить меня, тогда и я былъ таковъ; да чтобъ роденька ея по пустому не раззорялась: попробуй они еще занять хоть копѣйку — только меня и видѣли. Сходи съ моимъ почтеніемъ къ г. Преверу, скажи, что у меня сердце не на мѣстѣ отъ ихъ обѣденъ, да отъ босоногихъ капуциновъ съ козлиными бородами. При дружескомъ поклонѣ отцу Рейбасу замолви, что я, въ случаѣ чего, прошу не забыть меня.

Жакъ.

Digitized by Google

CXVI. *Г-жа де-ла-Куръ къ Эрнесту.* — Изъ прихода.

Твое продолжительное молчаніе, любезный сынъ, безпокоитъ меня; мнѣ больно, что ты такъ дурно исполняешь свое обѣщаніе. Неужели, думаешь, я могу переносить разлуку съ тобой при такой неизвѣстности? Послѣ записки изъ Бекса, я не знаю ничего и принуждена ужъ отбирать извѣстія отъ Жакова отца:

Причина молчанія твоего мнѣ извѣстна, но она не оправдываетъ тебя передо мной; напротивъ, ты стало быть не чувствуешь моей нѣжности, если не повѣряешь мнѣ своего горя. Ты очень хорошо знаешь, Эрнестъ, что какъ ни противенъ мнѣ этотъ союзъ, какъ мало ни соотвѣтствуетъ онъ твоему званію и состоянію, я отклонила всѣ препятствія, отказалась отъ другихъ, столько пріятныхъ для меня намѣреній, но что не отъ меня зависѣло исполненіе твоего желанія. Неужели равнодушіемъ заплатишь мнѣ за нѣжность, неужели въ несчастіи отдалишься отъ меня и не повѣришь своего горя, сдѣлавшагося и моимъ горемъ? По крайней мѣрѣ избавь меня отъ настоящей тревоги: пусть строки твои, милый сынъ, возвратятъ мнѣ спокойствіе, котораго не знаю съ самаго дня твоего грустнаго отъѣзда.

Ты обѣщалъ мнѣ посѣтить нѣкоторые города Италіи и постараться развлечься, а я узнала, что ты безвыѣздно живешь въ одномъ селеніи въ долинѣ Аосты. Не хорошо, Эрнестъ! видно тебѣ не почемъ слезы матери. Какъ мнѣ надѣяться или скорѣе, какъ мнѣ не бояться, когда не смотря на обѣщанія, ты такъ упорно предаешься грусти, изнываешь въ безполезныхъ сожалѣніяхъ и напускаешь на себя страшное отчаяніе? О, какъ горько я плàчу, дитя мое, и объ тебѣ и объ себѣ! Какъ ты слабъ, какъ я неспособна управлять тобой! Какой страшно-невозвратимой утратой была для насъ обоихъ потеря твоего отца! Умоляю тебя, Эрнестъ мой, не увеличивай нашего несчастія. Превозмоги себя и ты увидишь, что время, увеличивающее зло пока ты горюешь, облегчитъ тебя какъ только ты самъ пожелаешь облегченія.

Увы! горе посѣтило наши мѣста и въ приходѣ, къ которому направлѣны твои мысли, нѣтъ ужъ теперь радости. Я никого изъ приходскихъ не видала, но знаю, что̀ тамъ происходитъ. Г. Рейбасъ подтвердилъ свой отказъ, не смотря на все вліяніе г. Превера и молодыхъ людей разлучили. Луиза отправляется съ отцомъ въ Морнексъ; надѣются, что перемѣна мѣста разсѣетъ тоску, навлеченную на нее всѣми этими происшествіями. Шарль же скоро оправился отъ раны, но потомъ вынесъ сильную болѣзнь; теперь начинаетъ выздоравливать. Что̀ станется съ этимъ

Digitized by Google

бѣднымъ, всѣми покинутымъ молодымъ человѣкомъ? Подумай, Эрнестъ, во сколько разъ онъ несчастнѣе тебя. Ему принадлежало счастіе, которому ты завидуешь больше всего на свѣтѣ — любовь, предпочтеніе, рука милой дѣвушки — и все у него отнято, а больше бѣдный ничего не имѣетъ. Шарлю остается почтенный г. Преверъ, а у тебя, Эрнестъ, нѣжнолюбящая мать: зачѣмъ забываешь ее?

Умоляю, любезный сынъ, повѣрь мнѣ все, что у тебя на сердцѣ. Если не въ моей власти исполнить твое желаніе, то, по крайней мѣрѣ, я облегчу твои страданія. Особенно, прошу тебя, выѣзжай изъ этого мѣста и чтобъ слѣдующія твои письма были изъ Турина. Время и завлекательность новыхъ предметовъ непремѣнно должны успокоить тебя. Ты знаешь, что я готова летѣть вслѣдъ за тобой и не простила бы тебѣ скрытности, еслибъ присутствіе мое оказалось нужнымъ. Прощай, милый сынъ, прими мои нѣжныя ласки и поспѣши меня успокоить.

Жюли де-ла-Куръ.

CXVII. *Шампенъ къ Рейбасу.* — Изъ Женевы.

Прилагаю справки, которыхъ ты желалъ. Надѣюсь, что рѣшишься на отдѣльный домикъ: оно и дешевле и свободнѣе. За содержаніе со столомъ цѣны у нихъ сумасшедшія, какъ будто деньги на улицахъ загребаются. Заплати да еще и сиди тамъ съ гордецами и считай великой честью, что они позволяютъ тебѣ ѣсть на одной съ ними скатерти. Согласенъ — такъ можешь перебираться съ середы — Езерійскія сосны передъ глазами и подъ вѣтромъ — нанюхаешься ихъ вволю. Докторъ твой шарлатанитъ со своими соснами, а впрочемъ, говорятъ — вѣра всесильна — тѣмъ лучше для вѣрующихъ. Но, повѣрь мнѣ, будь твердъ — вотъ лучшее лѣкарство; увидишь — мѣсяца не пройдетъ какъ дочка твоя выздоровѣетъ, а не устоишь, такъ и сосны ее не поднимутъ.

Тотъ начинаетъ поправляться, и, если не поторопишься, то можешь повстрѣчаться съ нимъ на улицѣ. Г. Преверъ хотѣлъ было уѣхать, но вмѣстѣ съ силами къ больному возвращается досада и, чтобы онъ не забурлилъ, г. Преверъ рѣшился отложить свой отъѣздъ. Отваливай-ка, добро, пока онъ не возвратился съ наставленіями. Бомбу-то ты долженъ былъ получать и устоялъ небось; я отписалъ вѣдь тебѣ какъ они батарею-то улаживали. Увѣдомляй меня обо всемъ.

Марта твоя шныряла здѣсь вчера и видѣлась съ г. Превером, а можетъ, удалось видѣться и съ больнымъ. Гляди за этой мухой, либо

Digitized by Google

спровадь ее, не то она сыграетъ тебѣ какую-нибудь штуку. Г. Преверъ присылалъ узнать, нѣтъ ли отъ тебя письма къ нему. Слышь! надѣется ужъ на успѣхъ своего. Прощай, старина.

CXVIII. *Марта къ г. Преверу.* — Изъ прихода.

По порученію вашему, я, тотчасъ же какъ возвратилась въ приходъ, спросила у г. Рейбаса, получилъ ли онъ на послѣднихъ дняхъ отъ г-на Пастора письмо, требующее отвѣта. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что получилъ и дастъ отвѣтъ въ свое время. Мой вопросъ, однако, показался ему подозрительнымъ, и онъ строго началъ выговаривать мнѣ все на тотъ же счетъ, о чемъ и вы изволили мнѣ говорить: что я должна ему вѣрно служить, и что не слѣдъ мнѣ было видѣться съ Шарлемъ въ то время, какъ ходила въ городъ и зачѣмъ ему не сказала объ этомъ ни прежде, ни послѣ — что по истинѣ правда и — не распрашивай меня г. Рейбасъ — я не сочла бы за грѣхъ умолчать.

Но это все ничего. Если г-нъ Пасторъ позволитъ, я разскажу ему кое-что, отъ чего еще о-сю-пору не оправилась. Отъ г. Рейбаса я вернулась къ барышнѣ; думала — вотъ успокою ее — она же молъ, давно въ тревогѣ, что ни Шарль не пишетъ, ни г-нъ Пасторъ назадъ не ѣдетъ. Думала было успокоить, а не такъ вышло. Какъ вспало ей на мысль, что я сама его видѣла, до того разстроилась, моя голубушка, что и совладать-то съ собой моченьки не стало, и дверь заперла изнутри, чтобъ не засталъ ее такъ отецъ. Она отъ него все скрываетъ, а по моему, пусть бы онъ поглядѣлъ на нее: авось либо растрогался и взмиловался.

Заперла дверь и ко мнѣ: »ну, добрая Марта, что ты мнѣ скажешь?« Тутъ я — какъ бы побережнѣе обойтись съ ней — придумала сказать, что Шарлю гораздо лучше, что и по спокойнѣе-то онъ сталъ, да лгать-то я не мастерица, слова-то плохо клеились, она и вообрази, что я скрываю что-нибудь важное; еще пуще перепугалась: »скажи все, — приступила ко мнѣ, — добрая Марта; правда мнѣ не такъ страшна, какъ эта таинственность....«

Я сама думала, что скрывать хуже и передала ей все: какъ онъ зацѣловалъ меня, какъ слезами облилъ за то только, что живу съ его Луизой, какъ вырвался у меня изъ рукъ, когда услышалъ, что она здорова, но несчастна, и началъ молить Бога, чтобъ подкрѣпилъ ее и сохранилъ, чтобъ одну эту милость явилъ несчастному, что самому ему ничего не нужно, что и родиться-то бы ему не слѣдовало.... До сихъ поръ, г-нъ Пасторъ, сами изволили быть свидѣтелемъ всего, но какъ

Digitized by Google

тутъ оставили насъ однихъ, то я и доскажу остальное, и передъ вами — не какъ передъ барышней — ничего не утаю. Виновата въ излишней откровенности; простите; но съ такимъ ангеломъ трудно лицемѣрить: мнѣ легче бы было разстаться съ ней, чѣмъ обманывать ее.

Только что вы изволили тогда уйти отъ Шарля, онъ засыпалъ меня распросами о мамзель Луизѣ, и я тутъ узнала, что письма барышниного вы еще ему не отдавали. »Жду отъ нея письма и бодрюсь, говорилъ онъ: Луиза мнѣ обѣщала написать, я еще разъ прочту назначенныя для меня строчки.... Марта, мнѣ страхъ какъ хочется этихъ строчекъ и въ тоже время я боюсь получить ихъ, потому что послѣ нихъ—ничего!... ничего!...« Онъ замолчалъ на нѣсколько минутъ. »Зачѣмъ Богъ не прибралъ меня? Зачѣмъ жить?... Зачѣмъ родиться, если все счастіе должно быть отнято?... Подумай, Марта!... Луиза любила меня, принадлежала мнѣ, она была счастлива, я упивался наслажденіями радости, надежды, райскимъ блаженствомъ.... Ахъ!« Тутъ онъ зарыдалъ и упалъ. Сердце защемило во мнѣ; я утѣшала, а сама пеняла на себя, для чего такъ разстроила его своимъ приходомъ.

Стала было уговаривать: »полно, бѣдная моя Марта, сказалъ онъ; успокоюсь, когда надо будетъ. Ты мнѣ мать.... Усилія задушили бы меня, еслибъ даже передъ тобой мнѣ надобно было скрывать отчаяніе....« Поутихъ, потомъ продолжалъ: »Луиза подаетъ мнѣ примѣръ: я увѣренъ въ этомъ заранѣе; знаю и то, что если я не поберегу ее теперь, когда отецъ такъ тиранетъ ее,—то она не вынесетъ.... Но я ободрюсь, я успокоюсь, передъ ней покрайней мѣрѣ; послѣднее мое письмо будетъ написано для нея, а не для меня....« Глаза его оживились: »да, прибавилъ онъ,—я не принесу половинной жертвы! Исполню всѣ ея желанія, представлюсь бодрымъ, спокойнымъ, все сдѣлаю, что въ моихъ силахъ, чтобъ облегчить страданія этаго ангела!«

Тутъ ужъ, г-нъ Пасторъ, слуга ваша залилась слезами. Слова вырывались у него прямо изъ души, и, что ни говори г. Рейбасъ, какъ ни хули его, я не повѣрю; а и повѣрила бы, такъ все же нельзя не любить его всѣмъ сердцемъ. За добрыя намѣренія я похвалила Шарля, и кстати сослалась тутъ на слова самой мамзель Луизы, — на то, что она заранѣе боится, не было бы въ его письмѣ чего тревожнаго. Онъ мнѣ на это: »Марта! нынче же вечеромъ ты скажешь ей, что видѣла меня здоровымъ, бодрымъ и спокойнымъ.« Какъ я ни растрогалась, а не хотѣла дать ему полнаго обѣщанія,—до того испугалась его блѣдности и перемѣны въ лицѣ; ослабѣлъ такъ, что не могъ свободно повернуться на постелѣ; поцѣловать меня захотѣлъ, такъ я же его поддержала.

Digitized by Google

Потомъ говорилъ мнѣ о г-нѣ Пасторѣ о своемъ единственномъ покровителѣ на землѣ, какъ онъ васъ называетъ; »пока, — говорилъ, — г. Пасторъ около него, то ему отраднѣе, и не знаетъ какъ разстанется съ вами. Я во зло употребляю его доброту, прибавилъ онъ; но еще денекъ другой — и я пріободрюсь: надобно и для него. Но видишь ли, моя добрая Марта, при такой слабости тѣла и духъ не твердъ; по этому-то, для самаго же себя, я отдаляю тотъ день, въ который попробую идти одинъ.... Вообрази, Марта, — въ безпамятствѣ, я представлялъ его умершимъ.... Странныя лица объявляли мнѣ объ его смерти.... Какъ будто темная ночь окружала меня.... Во всемъ мірѣ ничего!... Я очень страдаю, но менѣе тогдашняго....«

Я все разсказала вамъ, г-нъ Пасторъ. При передачѣ мамзель Луизѣ, многое выпустила; но, думаю, она догадалась объ остальномъ. Еслибъ и солгала, она бы насквозь увидала правду. Ей ли не знать Шарля. Горе ея оживилось сильнѣе послѣ моего разсказа, и куда какъ она была жалка, когда къ двери подошелъ г. Рейбасъ. Ему должно было придти на умъ, что заперто не даромъ, но я тотчасъ отперла и не дала ему раздуматься.

Г. Рейбасъ, кромѣ привѣта барышнѣ, при входѣ ничего не вымолвилъ; но, видно было по глазамъ, что онъ очень сердитъ на меня. Вечеромъ, когда мамзель Луиза легла, онъ велѣлъ мнѣ сойти и началъ всячески корить: и обязанности-то своей я передъ нимъ не исполняю, и двери-то запираю, чтобъ обманывать его, и запретъ его ни во что ставлю, и порученія *того* исполняю, и несчастіе его дочери увеличиваю; сказалъ, что когда довѣрять мнѣ перестанетъ, то и держать меня во вредъ не намѣренъ, что онъ и со стороны знаетъ о моей измѣнѣ.... Простите, г-нъ Пасторъ, я ему отвѣчала, что готова уйдти, и ушла бы, еслибъ онъ мнѣ запретилъ имѣть сожалѣніе къ несчастной барышнѣ; что не вынести ей такого удара, и, если я, по истинѣ, вѣрна ему и никогда ничего не дѣлала ни въ обманъ, ни въ помѣху, ни прежде, ни теперь, то ужъ сохрани меня Богъ! — Никому и помогать не стану губить свою барышню!... Онъ словно испугался, смягчился.« Этого только мнѣ и надобно, Марта; я довѣряюсь тебѣ, какъ честной женщинѣ, и при Луизѣ тебя мнѣ пріятнѣе видѣть, чѣмъ всякую другую. Не запри ты двери, я былъ бы не правъ, а ужъ когда прячутся отъ господъ, значитъ не на добро.« Я не захотѣла сказать, кто заперъ: пусть-молъ, ужъ лучше мнѣ не довѣряетъ, и мы разстались. Онъ предупредилъ меня, что въ четвергъ мы отправимся въ Морнексъ, о чемъ и докладываю г-ну Пастору. Домъ вы найдете въ порядкѣ, а на мѣсто меня

Digitized by Google

Жакелину. Такъ распорядился г. Рейбасъ; онъ ей и жалованья за полмѣсяца впередъ заплатилъ, по той причинѣ, что меня отнимаетъ у г-на Пастора.

Прошу г-на Пастора принять уваженіе его преданной слуги.

Марта.

CXIX. *Жакъ къ г-жѣ де-ла-Куръ.* — Изъ Верреза, въ долинѣ Аосты.

Увѣдомляю васъ, сударыня, что дѣла наши все хуже, и, если не пришлете къ намъ добрыхъ вѣстей, и не изволите разрѣшить на бракъ съ приходской мамзель Луизой, то барину такъ долго не промаяться. Взглянули бы вы только на нихъ: съ каждымъ днемъ мѣняются и видомъ и нравомъ; грустные, бородой обросли, не приглаженные, какъ прежде.

Да и народъ-то начинаетъ приходить въ сомнѣніе. Хозяинъ опомнясь говоритъ: »если этотъ молодой человѣкъ не влюбленъ, то я ровно ничего не смыслю.« А я чуть-чуть правды и не выскажи. Хозяинъ человѣкъ съ головой; началъ меня распрашивать, да какъ увидалъ, что многаго не вытянешь — знаемъ мы служить господамъ да держать языкъ на привязи — онъ и сказалъ мнѣ: »если ты добрый слуга, то долженъ написать къ роднымъ барина, чтобъ они какъ можно постарались исполнить его желаніе и вывести изъ такого положенія; не то не дошло бы до бѣды.«

Прежде хоть на воздухъ выходили — запастись сномъ да на малую толику аппетитомъ, а нынче совсѣмъ одичали; все въ комнатѣ — едва прибрать успѣваешь. Еще доложу вамъ, сударыня: одинъ только разъ изволили меня словечкомъ удостоить, да и то не добрымъ: ты-де-мнѣ больше не нуженъ; пока не вызову, можешь прогуляться по окрестностямъ. Я остался однако. »Не угольщикамъ же прислуживать барину, возразилъ я имъ,—что пока не прогнали меня, не оставлю ихъ, не допущу, чтобъ арава негодяевъ сгубила всю мою службу; а окрестности мнѣ не невидаль, насмотрѣлся на нихъ досыта, волки-плохая приманка,— что не лучше ли бы намъ, осмѣлюсь доложить, дальше ѣхать....« На это приказали мнѣ совѣты свои про себя поберечь, а дѣлать что хочу. Вотъ оно какъ-съ! Два мѣсяца ужъ самъ себѣ баринъ, а никогда житья плоше не было; пожалуй еще отъ бездѣлья и служить разучишься.

Если, сударыня, угодно вамъ повѣрить мнѣ, то сдѣлайте по ихнему и, право, черезъ это многіе будутъ счастливы. Правда—мамзель Луиза деревенская барышня, но она воспитанница г. Превера, и, еслибъ

Digitized by Google

не отецъ, всякой бы призналъ ее за благородную. Къ тому же, чего время не уравниваетъ? И ея дѣти, прижитые въ замкѣ, будутъ такія же де-ла-Куры. Гдѣ имя остается, тамъ все забывается. Бывали и не въ примѣръ почернѣе ея, да вызолачивались денежками. Стоило бы вамъ, сударыня, только написать: »отправляюсь, дескать, сынокъ мой, къ Рейбасу — просить у него дочь за тебя въ замужество,« и г. Эрнестъ тотчасъ бы очутились въ раю небесномъ, или не зовутъ меня Жакомъ.

Милость ваша извинитъ за такой совѣтъ бѣднаго слугу, который желаетъ одного добра своимъ господамъ, не во гнѣвъ будь вамъ сказано, если я и ошибаюсь. Въ случаѣ свадебки, попросилъ бы поспомнить обо мнѣ на счетъ фермы; ужъ мы бы къ улучшенію ея приложили всякое стараніе, лишь бы намъ съ Жаннетой устроиться; а она дѣвушка честная и не безъ достатка, что и для господъ безопаснѣе, потому, изволите видѣть, что отъ своего добра за чужимъ не гоняются.

Честь имѣетъ пребыть съ нашимъ уваженіемъ. — Жакъ.

CXX. *Г-жа де-ла-Куръ къ г-ну Шампену.* — Изъ прихода.

По поводу, когда-то, обращенія вашего къ моему сыну, я узнала, г. Шампенъ, о короткости вашихъ отношеній къ г. Рейбасу. Это обстоятельство поясните вамъ, почему теперь, имѣя нужду въ нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ, я прибѣгаю къ вашей обязательности.

Сынъ мой, какъ вамъ извѣстно, послѣ несчастной дуэли, уѣхалъ подальше отъ Женевы и отъ прихода, сколько изъ деликатности, столько и для развлеченія. Получаемыя отъ него извѣстія удостовѣряютъ, меня, что чувства его къ дѣвицѣ Рейбасъ возросли съ тѣхъ поръ съ большей силою, и что онъ съ каждымъ днемъ становится несчастнѣе и жалчѣе.

Безъ вѣдома сына, который, конечно, осудилъ бы меня,—но, побуждаемая материнской заботливостью, я рѣшаюсь узнать отъ васъ, г. Шампенъ, могу ли имѣть какую-нибудь надежду, въ послѣдствіи, на совершеніе союза, котораго я никогда не желала, но на который вынуждена бы была согласиться, какъ на единственное лекарство въ положеніи сына. Безъ сомнѣнія, я никогда бы и ни за что на свѣтѣ не подумала перебивать правъ г. Шарля и предъявлять въ пользу сына преимущества его рода и состоянія, — еслибъ не знала, что г. Рейбасъ рѣшительно отказалъ молодому человѣку. Теперь же, думаю, что, не нарушая деликатности, могу спросить васъ, какія надежды могутъ еще оставаться для моего сына, сообразно съ извѣстными вамъ намѣреніями г. Рейбаса и чувствами его дочери. Вотъ въ чемъ, г. Шампенъ, прошу

Digitized by Google

васъ обязательно помочь мнѣ. На скромность мою вы можете положиться; я же, съ своей стороны, убѣдительно прошу васъ не измѣнять мнѣ. Знаю, что во всякомъ случаѣ, надежды могутъ быть слишкомъ отдаленныя. Невозможность прибѣгнуть въ настоящую минуту къ г. Рейбасу или къ его дочери, заставляетъ меня адресоваться къ вамъ за свѣдѣніями, которыя при всей неопредѣленности, будутъ мнѣ дороги. Я могла бы лично извлечь ихъ изъ разговора съ вами, еслибъ приходомъ моимъ къ вамъ не рисковала обнаружить того, что должно остаться въ тайнѣ.

Заранѣе благодарю васъ, г. Шампенъ, за свѣдѣнія, которыя вы, конечно, мнѣ доставите и, увѣряя въ готовности услужить вамъ въ свою очередь, прошу принять мой усердный поклонъ. Жюли де-ла-Куръ.

CXXI. *Шампенъ къ г-жѣ де-ла-Куръ.* — Изъ Женевы.

Давно уже, милостивая государыня, не имѣя чести знать васъ, я тружусь для васъ, съ той мыслію, что красивый, знатный и богатый кавалеръ будетъ предпочтительнѣе забіяки безъ рода и безъ состоянія. Поработалъ, а вотъ и первое дѣйствіе конечно. Молодца по просту спровадили, и вовсе ужъ онъ не такой несчастный: жизнь ему обезпечена частію г. Превероиъ, а частію Рейбасомъ, который въ такой степени добръ до него; молодой человѣкъ нимуть не жертва его, а ему же обязанъ.

Когда я старался разладить дѣло, мнѣ все сдавалось — авось либо вашъ сынокъ воспользуется когда-нибудь моимъ трудомъ, и скажетъ мнѣ спасибо; да и Рейбасъ увидитъ же наконецъ ясно и пойметъ, что хорошее лучше дурнаго, зять изъ добраго мѣста лучше зятька изъ-лѣсу. Еслибъ не предупредили меня письмецомъ своимъ, сударыня, о чемъ сожалѣю, то я самъ написалъ бы къ вамъ, когда бы время пришло; до меня же дошло кое-откуда, что г. Эрнестъ не выпутывается изъ сѣтей, а все болѣе запутывается.

Не дурно изволили придумать обратиться ко мнѣ. Я, можно сказать, всѣмъ этимъ дѣломъ правлю, а, по настоящему положенію, одно слово въ приходѣ могло бы на всегда все испортить. Нужнѣе всего теперь повыждать, а затѣмъ, могу похвастать, одинъ только я знаю эту почву, и могу ступить на нее и подойти, не напугавши птичку. На услугу я всегда готовъ, различія между особами не полагаю, и въ ваше удовольствіе, сударыня, дѣйствовать не отказываюсь.

Здѣсь дѣло не съ однимъ Рейбасомъ и его дочерью: есть поважнѣе ихъ хорошо знакомый вашей милости г. Преверъ, который, не будь

Digitized by Google

меня,—велъ этихъ добрыхъ людей къ прямой гибели, хотя и съ добрымъ намѣреніемъ, если угодно. Съ Рейбасомъ бы еще не лиха бѣда сладить. Онъ никогда не желалъ въ зятья Шарля и очень радъ, что избавился. Дочка его дѣвушка, какъ и всѣ: сокрушается по разстроенной любовишкѣ, а посмотрите, и шести мѣсяцовъ не пройдетъ—забудетъ объ ней. Она же дѣвушка умная, а съ умомъ тотчасъ отличишь бѣлое отъ чернаго. Но лиха бѣда съ г. Превероиъ. У этаго тутъ свой интересъ — пристроить пріемыша; и вліяніе же онъ имѣетъ большое на дѣвушку: она его больше, чѣмъ отца слушаетъ. Пасторъ тѣмъ опаснѣе, что всякій увѣренъ въ его благонамѣренности, а вся выгода отъ этаго брака ему одному: онъ сбылъ бы съ рукъ негодяя, съ которымъ не знаетъ куда дѣться съ тѣхъ поръ какъ поднялъ его на своемъ дворѣ. Этотъ человѣкъ много лѣтъ слѣдилъ за добычей и не выпуститъ ее сразу; мнѣ извѣстно, что даже по сіе время происки его не прекратились. На повѣрку-то кажется не его взяла, но еслибъ дѣла обернулись и на сторону г. Эрнеста, то вамъ извѣстно, чай, сударыня, какъ эти служители съ милосердіемъ на языкѣ, безжалостны на счетъ проказъ молодости, по части которыхъ, слышно, и г. Эрнестъ не безъ грѣха. Злы языки у людей, сударыня; впрочемъ святые, во всякомъ званіи рѣдки.

Изъ всего сказаннаго можете заключить, что, въ настоящую минуту, надобно только поддержать Рейбаса въ его отказѣ; да еще попрошу вашу милость отнюдь не вступаться самимъ, а предоставить мнѣ о своемъ дѣлѣ заботу: сдѣлаться ему, такъ сдѣлается черезъ меня, а не черезъ кого другаго. Придетъ время, зѣвать не будемъ. Съ нынѣшняго же дня, вашъ покорный слуга постарается всячески быть вамъ полезнымъ; а тамъ ужъ какъ самимъ вамъ угодно будетъ при случаѣ вознаградить его: извѣстно, не захотите бѣднаго человѣка обидѣть, либо выдать, — дѣло же рискованное, можно не то съ пріятелемъ поссориться, не то сильнаго затронуть. Ваша же милость изволили сказать, что рука руку моетъ, что скромность и услуга должны соблюдаться съ обѣихъ сторонъ — таковъ и законъ евангельскій. Скажу еще словечко, такъ только, для формы. Было времечко, послушайся я кой-кого по прозванію Превера или Лервея, да помоги имъ втянуть въ бѣду Рейбаса—и святымъ бы прослылъ теперь, и не маялся бы изъ-за хлѣба насущнаго между дверью да станкомъ безъ работы: такъ нѣтъ же; дружба да совѣтъ прежде всего. Пріобрѣтать посредствомъ зла преступно; хлѣбъ же, добромъ снискванный, благословенъ отъ Бога.—Честь имѣю, и пр.

Шампенъ.

Digitized by Google

CXXII. *Рейбасъ къ Шампену.* — Изъ прихода.

Спасибо тебѣ за трудъ. Я, какъ знаешь, рѣшился на домикъ и завтра туда отправляюсь, не дождавшись г. Превера, къ которому напишу лучше оттуда, пообжившись немножко.

Знаешь ли, Шампенъ? вѣдь послѣ письма твоего я было поколебался, да и теперь не твердъ, пожалуй что и возвращу свое слово этому несчастному. Онъ просто крестъ мой, не знаю, когда освобождусь отъ мысли объ немъ. Чувствую, что между испытаніями, насылаемыми на насъ Господомъ, жесточайшія не суть поражающія сразу, но тѣ, что медленно сушатъ и изнуряютъ. Нести съ пол-фунта рукъ не отнимаючи труднѣе, чѣмъ двѣ минуты сто-фунтовикъ продержать.

Любить его я не люблю, и объ участи его не забочусь, хотя впрочемъ добровольно обезпечилъ его съ своей стороны; но дочь сокрушаетъ меня. Письмо г. Превера вмѣстѣ съ собственными моими замѣчаніями сильно меня потрясло и тутъ-то, увидавши, что не рѣшилъ еще того, что считалъ покончennымъ и какъ гранитъ твердымъ,—тутъ-то я и почувствовалъ, какимъ мракомъ подернутъ разумъ человѣческій и какъ слаба сила его.

Еще разъ прошу тебя, Шампенъ, не произноси хулы на пастора, и не предполагай въ поступкахъ его хитрости. Я не разъ говаривалъ о немъ и вразумлялъ тебя, что мнѣ и не пріятно и неподобаетъ слышать подобные отзывы о человѣкѣ, котораго уважаю именно за то, что никогда не замѣтилъ въ немъ уклоненія отъ правоты; а я правоту въ людяхъ цѣню выше всего. Самъ теперь ничего бы такъ не желалъ, какъ остеречься отъ такого уклоненія, при возможности ошибиться въ предстоящемъ мнѣ рѣшеніи. И отклонился бы отъ правды, еслибъ, по личному — не отрицаемому — нерасположенію, поступилъ несправедливо съ молодымъ человѣкомъ; не меньшее, но гораздо пагубнѣйшее уклоненіе воспослѣдовало бы, еслибъ я обманывался на счетъ опаснаго положенія Луизы, еслибъ, упуская изъ вида ея счастіе или прежде всего ея сохраненіе — хотя доводы мои доказываютъ противное, — предпочелъ бы всему этому собственныя свои побужденія. Господь да наставитъ и просвѣтитъ меня, а главное, да избавитъ отъ такого навожденія.

Есть надъ чѣмъ тутъ поразмыслить болѣе, нежели я полагалъ. Письмо г. Превера сильно взволновало меня. Онъ думаетъ, что деликатная Луизина натура не перенесетъ удара: то слабость, то сила волнуютъ ея сердце, долгъ борется въ немъ съ привязанностью. Внушаемое имъ о Луизѣ мнѣніе и подкрѣпляемое примѣрами, я нахожу спра-

Digitized by Google

ведливымъ; спорю же объ томъ, въ какой степени она можетъ терпѣть; впрочемъ, на счетъ этаго, каждый судитъ болѣе по собственному разумѣнію, чѣмъ по опыту, потому что будущее въ рукѣ Божіей. Если же я заблуждаюсь, то заблужденіе мое велико и для дочери пагубно; г-нъ Преверъ въ заблужденіи своемъ не заходитъ такъ далеко, а думаетъ, какимъ бы дурнымъ лекарствомъ ни сберечь мою Луизу, лишь бы сберечь.

Онъ говоритъ, кромѣ того, что и Тереза была бы на его сторонѣ и вмѣстѣ съ нимъ умоляла бы меня; что я жертвую Луизой потому, что нѣтъ у ней кровнаго ея ходатая—матери. Это сильнѣе всего остальнаго тронуло меня за живое: въ самомъ дѣлѣ, я увѣренъ, что послѣ этаго письма Тереза совершенно поддалась бы страху за дитя свое. Слѣдовательно, я не имѣю ни права, ни власти лишить дочь благодѣтельнаго вліянія памяти матери. Но, еслибъ Тереза, какъ женщина и притомъ боязливая, оказалась слабѣе мужа, то неужелибъ я не заставилъ ее одуматься, и, видя во мнѣ тотъ же страхъ за дитя наше, неужели она, привыкшая повиноваться, ослушалась бы меня и свою волю и свои подвижные женскіе резоны, не подчинила бы мужниной твердости?

Чтобы на свободѣ обсудить этотъ пунктъ, я пошелъ побродить около прихода, представляя себѣ, что слышу голосъ самой Терезы; и дѣйствительно, изъ высокой обители своей, она слышитъ мои разсужденія и читаетъ ту сердечную тревогу, что бьетъ во мнѣ за дитя ея. Не далеко подвинула меня такая бесѣда. Въ законной скорби этой заботливой женщины я видѣлъ, какъ бы, грустное материнское предвѣщаніе. Нашелъ я только, что страхъ о закрытомъ еще будущемъ нейдетъ въ сравненіе съ моими доводами, основанными на той несомнѣнной правдѣ, что этотъ молодой человѣкъ постыднаго происхожденія, порочный, ославленный, не имѣющій званія—и въ случаѣ прощенія, остался бы вѣрнымъ прежнимъ наклонностямъ и способнымъ на новые проступки.

Такимъ образомъ, не рѣшившись ни на что, въ тоскѣ, я просилъ Бога вразумить меня, и вдругъ, дурная, до того времени погода, начала проясняться, какъ будто знаменуя мнѣ радость. Это меня успокоило, и, вмѣстѣ съ сознаніемъ, что я безо всякихъ уловокъ и хитростей, дѣйствительно имѣлъ намѣреніе къ лучшему, — пришло мнѣ на мысль, что это солнце изъ-за тучи послано было свыше озарить рѣшеніе, въ ту минуту раждавшееся въ умѣ моемъ: я положилъ не спѣшить, чтобы не раскаяться, а за недостаткомъ обдуманныхъ причинъ, подождать, что скажетъ здоровье Луизы — отсрочка особенно благоразумная при предстоящей перемѣнѣ жизни, — отложить покуда и отвѣтъ къ г. Преверу и какъ можно скорѣе уѣзжать въ Морнексъ.

Digitized by Google

Я такъ было и порѣшилъ. Возвратился домой; слышу — будто Лунзинъ стонъ. Я прямо къ ней. Дверь была заперта изнутри. Марта (заперла она, за что я сержусь на нее) отперла и я нашелъ Лунзу въ жалкомъ положеніи. Знай я навѣрно, что не росказни служанки разжалобили Лунзу, что ее крушитъ собственное горе — въ тотъ же бы вечеръ написалъ къ г. Преверу и удовлетворилъ бы его возвращеніемъ Шарлю Лунзы. Однакожъ я снова поколебался и придержался перваго намѣренія ѣхать, потому что, правду сказать, въ какую-нибудь недѣлю Лунзѣ не сдѣлается хуже, а я, между тѣмъ, поуспокоюсь и на досугѣ отвѣчу г. Преверу.

Вотъ, Шампенъ, куда я спустился и съ какими мыслями оставляю приходъ. Если г. Преверъ опять будетъ спрашивать, нѣтъ ли отъ меня письма, скажешь ему, что, неувѣренный въ себѣ, я рѣшился пообождать да пообдумать; нето, прочти это письмо: оно выскажетъ ему всю правду (упреки мои тебѣ за несправедливость къ нему, выпустишь). Во время отлучки мнѣ и полезно и пріятно будетъ получать отъ тебя письма. Ты, какъ я же, старинный; и любишь меня, и говоримъ мы однимъ языкомъ и разумѣемъ другъ друга. Попрошу только сообщать мнѣ одну правду безъ прибавленій; что̀ по однимъ догадкамъ знаешь, такъ отъ недобрыхъ намёковъ поудержись, а главное, не суди о ближнемъ опрометчиво. Сознавая трудность любви по предписанію обязанности христіанской и великой заповѣди нашего Учителя, я не терплю, Шампенъ, когда охлаждаютъ во мнѣ любовь къ ближнему и такимъ образомъ заставляютъ опять спускаться по той отлогости, на которую взобрался не безъ труда. Безъ твоего письма я такъ строго не обошелся бы съ Мартой, хотя и дѣйствительно виноватой; и, если всякій разъ будешь представлять мнѣ г. Превера хитрецомъ, то введешь пожалуй въ искушеніе, и я не буду довѣрять ему. Кого же мнѣ любить тогда? Лунзу?... да еще бы свою-то кровь не любить. Слушай же, если ты меня любишь, въ чемъ я увѣренъ, то, видя мое недоумѣніе между столькими особами и побужденіями, сдѣлай милость, даже и слегка не подталкивай меня. Ты, пожалуй, промахнешься, а я поскользнусь и упаду въ бездну.

Тяжело мнѣ покидать свое мѣсто и работы. Въ продолженіе осьмнадцати лѣтъ, ни разу не отлучался съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ отвозилъ Терезу въ Монтрё: бѣдная была ужъ очень хила и мы доѣхали съ большимъ трудомъ. Такъ она сказала мнѣ (предчувствовала ужъ свою кончину), какъ ей тяжело разставаться со мной, выходить изъ-подъ моей опеки, подъ которою она узнала любовь, совершенное спокойствіе и

Digitized by Google

уваженіе ко мнѣ (никогда еще, Шампенъ, женщина не говаривала, какъ Тереза!) Я отвѣчалъ ей, что она ошибалась на счетъ своей болѣзни, что если и оставитъ меня, не забывая впрочемъ, то для покровительства надежнѣйшаго, безпредѣльнаго, подъ которымъ и я буду ожидать соединенія съ ней. Въ рѣчахъ ея я замѣтилъ заботу о малюткѣ (она отнимала ее отъ груди послѣ пятимѣсячнаго кормленья): Господи! говаривала часто, сохрани ей отца! — »Богъ сохранитъ ей и мать, прибавлялъ я, а если онъ лишитъ ее матери, Тереза, то не бойся: послѣ тебя у ней другой не будетъ.« Это обѣщаніе помирило ее со смертію, и я часто самъ въ себѣ радовался, что сдержалъ его.

По этому-то, Шампенъ, я всегда соблюдалъ память моей Терезы, и пребылъ вѣренъ своему вдовству, хотя правда, остался молодымъ еще и съ хозяйствомъ на рукахъ, когда и возрастъ и экономія побуждали ко вторичному браку. Но даже безъ обѣщанія Терезѣ, я остался бы вдовымъ, по той причинѣ, что, если у плоти есть свои хотѣнія, у экономіи свои предписанія, то и у привязанности свои: и не можно и не должно давать того, что было уже разъ отдано. Изъ чарки, опорожненной въ чарку пріятеля, нечего ужъ налить другому; если тамъ и остались какія капли, то онѣ не стоятъ предложенія и лучше ихъ не отдѣлять отъ питья, дабы оно было и цѣльнѣе и чище. Такъ я хотѣлъ поступить и поступилъ безъ большаго труда, а теперь, доживая свой вѣкъ и вымѣривая глазомъ домогильное пространство, мнѣ отрадно думать, что я войду туда къ моей Терезѣ одинъ, безукоризненно вѣрный своему обѣщанію, данному въ то время, когда могъ и не давать его.

Сказать ли тебѣ, Шампенъ? — Спустя осьмнадцать лѣтъ, я выѣзжаю изъ прихода для здоровья этой дитяти, съ такимъ мрачнымъ предчувствіемъ, что страшно становится тронуться отсюда, какъ будто эта поѣздка, пагубная для матери, должна быть одинаково пагубна и для дочери. Еще сегодня утромъ, еслибъ все не было готово, да еслибъ не побоялся толковъ, не поѣхалъ бы. Чѣмъ ближе минута, тѣмъ сильнѣе раскаяніе въ опрометчивомъ составленіи плана. Сердце точно такъ же билось и въ тотъ день, какъ усаживалъ Терезу на телѣгу; поселяне стояли вокругъ, пожимали ей руку, не слишкомъ надѣясь свидѣться опять. При выѣздѣ, лошадь споткнулась и по лицамъ ихъ я угадалъ, что они изъ этого заключали. Дорого, дорого далъ бы я теперь, Шампенъ, чтобъ только не ѣхать. Повѣряя тебѣ эти тайны, я все-таки облегчаю себя, ибо я той вѣры, что слова, лишь бы не было въ нихъ хвастовства и неуваженія, уничтожаютъ предчувствія, и что разгаданный злой

Digitized by Google

рокъ, какъ бы съ досады, обращается въ другую сторону. Въ этихъ трудныхъ переходахъ жизни, гдѣ дорога узка, а пропасти близки, лучше всего возложить упованіе на Бога: къ Нему только одному можно прибѣгнуть, ибо всякая иная помощь есть ложь и западня. Осуждалъ я вдову Крозатову за удаленіе отъ Бога. Эта несчастная по усердію своему служила примѣромъ паствѣ. Богъ лишилъ ее мужа, потомъ меньшаго сына, за нимъ старшаго, погибшаго во время пожара въ ея домѣ: все это менѣе, нежели въ три года. Она перестала ходить въ церковь, говоря въ своемъ прискорбіи: я исполняла всѣ свои обязанности, любила Его, каждый день молилась Ему, и, въ награду, Онъ отнялъ у меня все. Идите къ Нему тѣ, кому Онъ дѣлаетъ добро, а я ужъ не пойду. »Бѣдная заблудшая женщина! на одно зерно побольше вѣры, и она покорилась бы и стяжала бы миръ вѣрныхъ; но какова она ни есть, я высоко ее ставлю въ своемъ мнѣніи: въ ней нѣтъ ни маловѣрія, ни безбожія; она скорѣе жертва избытка вѣры. Тутъ одно заблужденіе — Богъ милосердъ.

Г. де-ла-Куръ еще въ отсутствіи; можетъ быть возвратится по отъѣздѣ нашемъ. Говорятъ все еще влюбленъ въ Лунзу. До матери доходятъ о немъ жалкія извѣстія. Ее мы больше не видали. Еслибъ этотъ не сгрмился, да на добро бы употребилъ свою молодость, то и самъ былъ бы счастливъ и мы бы не горевали; одного только я желаю теперь, чтобъ онъ оставался за границей и появленіемъ своимъ здѣсь не увеличивалъ бы горя. Преданный тебѣ, Рейбасъ.

CXXIII. (Вложенное въ слѣдующее). *Эрнестъ къ г-жѣ де-ла-Куръ.*

Изъ Верреза, въ долинѣ Аосты.

Я получилъ ваше письмо, милая маменька, и скоро отвѣчу на него. Надѣюсь успокоиться. Я очень занятъ сегодня приготовленіями къ отѣзду, и поэтому вы извините за краткость записки, вслѣдъ за которой отправится письмо длиннѣе.

Прощайте, милая маменька. Не переставайте любить вашего сына, не смотря на огорченія, какія онъ вамъ причиняетъ; пусть сердце ваше проститъ ему хоть за его страданія. Вашъ Эрнестъ.

CXXIV. *Жакъ къ г-жѣ де-ла-Куръ.* — Изъ Верреза, въ долинѣ Аосты.

Охъ, Господи Боже мой! Не знаешь, съ чего и начать! Надобно, чтобъ вы пріѣхали сюда, сударыня! Голова идетъ кругомъ. Теперь же поскорѣе поспѣшите сюда. Мы держимъ его, а кто знаетъ? Какъ по-

Digitized by Google

лучите это письмо, такъ, сударыня, и скачите, чтобъ застать насъ въ живыхъ, покрайности хоть барина—не напугать бы вашей милости; они теперь, слава Богу, не чувствуютъ ни боли, ни горя.

Вчера утромъ изволили подать мнѣ вложенное сюда письмецо — для отправки. Ну, доброе дѣло подумалъ; будетъ радость барынѣ! А курьеръ ужъ проскакалъ: стало быть, молъ, до завтра, т. е. до сегодня. Однако баринъ всю ночь просидѣли за писаньемъ. Нынче утромъ вхожу къ нимъ въ комнату и застаю тамъ хозяина, — лице у него такое испуганное; смотрю,—дѣлаетъ мнѣ знаки, а у самаго изъ-за руки торчитъ пистолетъ.... Больше ничего не взвидѣлъ, страхъ меня пронялъ до поту; ни на мѣстѣ стоять, ни вонъ бѣжать....

Опомнился и слышу — они разговариваютъ. Баринъ лежалъ, хозяинъ бойко говорилъ ему, даже силой унималъ его успокоиться. Тутъ баринъ какъ крикнетъ на меня: »вонъ!« да такимъ голосомъ, что мельничное колесо — и то остановилось бы.

Потомъ велѣли позвать меня. »Ты останешься въ этой комнатѣ, сказалъ мнѣ хозяинъ, и будешь ходить за своимъ больнымъ барономъ. Я пришлю тебѣ на подмогу своего, на случай надобности. Пистолетъ онъ все еще держалъ подъ мышкой и еще другой, котораго я сначала не видалъ. Я дрожалъ и повиновался, и вотъ, со вчерашняго дня, отлучился только написать къ вамъ.

Ну, подумалъ я про себя, видно хотѣли напасть разбойники—ихъ же много въ этой сторонѣ; хозяинъ стало быть успѣлъ отобрать у нихъ пистолеты и хочетъ скрыть это, чтобъ не ославить своего заведенія. Такъ я и думалъ, пока хозяйской сынъ сынъ не шепнулъ мнѣ, что баринъ-то самъ хотѣлъ застрѣлиться!... Спаси насъ Господи, а вы, сударыня, постарайтесь всячески поспѣшить. Обѣщаю вамъ, что изъ комнаты не выйду; все вредное хозяинъ прибралъ; при ножахъ за обѣдомъ всегда самъ стоитъ. Достойный человѣкъ! Съ нимъ бы батальонъ волковъ не испугалъ меня! Поспѣшайте, сударыня.

Прилагается еще письмо отъ хозяина. Съ нижайшимъ почтеніемъ, честь имѣемъ кланяться. Жакъ.

CXXV. (Вложенное въ предъидущее). *Содержатель гостинницы къ г-жѣ де-ла-Куръ.* — Изъ Верреза, въ долинѣ Аосты.

Милостивая государыня, не имѣя чести знать васъ, я вынужденъ писать къ вамъ на счетъ вашего сына, который нѣсколько недѣль уже какъ квартируетъ у меня. Считаю себя счастливымъ, что успѣлъ ему

Digitized by Google

воспрепятствовать лишить себя жизни, и, прося васъ, сударыня, какъ можно скорѣе сюда пріѣхать, спѣшу успокоить васъ увѣреніемъ, что до тѣхъ поръ я буду имѣть о немъ попеченіе, какъ бы о моемъ собственномъ сынѣ.

Не говоря о фантазіи, побуждавшей молодаго человѣка проживать въ нашемъ мѣстечкѣ, мнѣ съ первыхъ дней уже показалось, что онъ долженъ быть содержимъ сильной тоскою; но недавно только, по пріемамъ его, вспало мнѣ на умъ подозрѣніе. Я совѣтовалъ даже слугѣ его написать къ вамъ. Молодой человѣкъ никуда не выходилъ, ни съ кѣмъ не говорилъ, а ночи проводилъ за письмомъ. Вчера вечеромъ, мальчикъ понесъ было къ нему кое-что, и, противъ обыкновенія, нашелъ дверь запертою изнутри; тотчасъ онъ пришелъ объявить мнѣ объ этомъ; я началъ его распрашивать и такимъ образомъ, къ счастію, случайно узналъ, что въ этотъ же день г. де-ла-Куръ посылалъ его достать два ружейные кремня. Я тотчасъ же бросился къ комнатѣ.

Молодой человѣкъ былъ уже въ постели. Чтобъ заставить его отворить, я употребилъ хитрость, потому что малѣйшая неосторожность могла ускорить исполненіе его намѣренія. Онъ всталъ; мнѣ явственно послышались кое-какія распоряженія, потомъ отперъ. Когда я вошелъ и заперъ за собой дверь, то увидалъ на ночномъ столикѣ бѣлье, которымъ что-то было прикрыто; я понялъ, что подъ бѣльемъ, разомъ приподнялъ его, и въ туже минуту схватилъ пистолеты.

Молодаго человѣка на нѣсколько минутъ озадачило: ему стало и совѣстно и досадно; потомъ онъ началъ говорить со мной тономъ чужеземца, который командуетъ своимъ хозяиномъ и считаетъ себя свободнымъ въ своей комнатѣ; но я, милостивая государыня, человѣкъ въ лѣтахъ, рослый и иду къ дѣлу прямо, не обращая вниманія на слова. На его окрикъ, я отвѣтилъ своимъ, объявилъ ему, что видно онъ не знаетъ, ни гдѣ находится, ни съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и что, если въ моей власти помѣшать преступленію, то я помѣшаю, а чтобы противиться мнѣ, надобно быть посильнѣе меня и людей моихъ, а пожалуй и еще кое-кого.... Онъ поутихъ и можно было говорить съ нимъ толкомъ; признался мнѣ въ своемъ намѣреніи, и я сказалъ ему все, что въ такомъ случаѣ можетъ сказать отецъ, который ставитъ себя на ваше мѣсто. Даже я предоставилъ себѣ полномочіе, принялъ свои мѣры и въ эту минуту молодой человѣкъ скорѣе мой плѣнникъ, нежели постоялецъ. Сынъ мой ни на минуту не оставляетъ его, потому что на слугу я не могъ положиться: въ этомъ маломъ нѣтъ ни смысла,

Digitized by Google

ни приличія. Правду сказать, я обѣщалъ было не увѣдомлять васъ о случившемся, впрочемъ это одно изъ такихъ обѣщаній, которыя честный человѣкъ можетъ и не сдержать.

Вы понимаете, милостивая государыня, что подобное положеніе не можетъ продлиться. Не говоря о собственномъ моемъ затрудненіи, думаю, что для благополучнаго рѣшенія этаго дѣла, пріѣздъ вашъ не обходимъ. Если болѣзнь или какая другая важная причина помѣшаетъ вамъ выѣхать тотчасъ же, то прошу увѣдомить меня. Я подумаю, какъ бы препроводить его къ вамъ, а можетъ быть и самъ рѣшусь отвезть, что было бы для меня теперь крайне неудобно. Кратчайшая дорога черезъ С. Бернардъ. Съ субботы, — дня, въ который вы можете туда прибыть, одинъ изъ людей моихъ будетъ тамъ васъ дожидаться съ письмомъ и проводитъ сюда.

Считая себя счастливымъ, милостивая государыня, что имѣлъ случай отвратить великое для васъ несчастіе, прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ уваженіи и преданности. Луи Матеи.

CXXVI. *Отецъ Баррасъ къ содержателю гостинницы въ Веррезъ.*

Изъ монастырской гостинницы большаго С. Бернарда.

Г-жа де-ла-Куръ находится въ селеніи С. Пьеръ, откуда наши люди сейчасъ прибыли: они счастливо подоспѣли, и не дали ей увязнуть глубже. Вьюги поднялись опять, и обрывъ горы Велана настигъ сегодня вечеромъ троихъ путешественниковъ. Собаки двоихъ указали во время: эти двое теперь у насъ и, кажется, внѣ опасности, третій— Бенуа изъ Аосты — еще подъ обрывомъ. Отцы сами пошли туда, потому что служители утомились.

Какъ только поутихнетъ вьюга, я тотчасъ пошлю за этой госпожею носилки, а лошакамъ недѣли двѣ еще нельзя будетъ спускаться; при спускѣ дамъ проводниковъ. Со стороны Аосты дорога хороша, надобно только улучить минуту. Отсылаю вашего посланнаго съ этими строками, чтобъ успокоить васъ. Отецъ Баррасъ.

P. S. Въ эту минуту вытаскиваютъ Бенуа. Левъ открылъ его подъ двадцатью брасами, тогда какъ другія собаки не могли показать навѣрно. Бѣдный человѣкъ рѣшительно умеръ — онъ былъ выпивши.

Digitized by Google

CXXVII. *Неонскій Меръ къ Шампену.*

Изъ Ніона, въ кантонѣ Ваадтъ.

Милостивый государь, я сдѣлалъ нѣкоторые розыски на счетъ предмета, по поводу котораго вы ко мнѣ обратились; но данныхъ вашихъ было слишкомъ недостаточно, чтобъ дойти до чего-нибудь положительнаго. Одно могу сообщить вамъ: въ томъ же самомъ мѣсяцѣ, когда эти несчастные должны были выбраться изъ вашего кантона, я нашелъ въ реестрѣ (въ числѣ двухъ-дневная разница) мужчину и женщину, препровожденныхъ къ французской границѣ, какъ безпаспортныхъ бродягъ. Быть можетъ они самые — родители молодаго человѣка, но въ такомъ случаѣ лучше бы, кажется, оставить этотъ пунктъ въ тѣни, ибо достовѣрность можетъ обезславить молодаго человѣка, а пользы конечно никакой не принесетъ. О помянутыхъ лицахъ можно подробнѣе узнать въ префектурѣ Жекса, но если вы не узнаете ихъ прозваній, то всѣ розысканія будутъ невѣрны и почти безполезны.

Честь имѣю, и пр. Перренъ, меръ.

CXXVIII. *Г-жа де-ла-Куръ къ Шампену.*

Изъ селенія С. Пьеръ, въ Валисѣ.

Я уѣхала такъ внезапно вслѣдъ за полученнымъ извѣстіемъ объ отчаянномъ положеніи моего сына. Теперь, остановленная здѣсь снѣгами, которые не позволяютъ мнѣ летѣть къ нему, я наскоро пишу къ вамъ, полагая въ васъ всю свою надежду.

Величайшая признательность, всевозможное возмездіе ожидаютъ васъ, если вы спасете моего сына. Для этаго (грустное убѣжденіе!) остается единственное средство — возможность Эрнесту общими нашими и, особенно, вашими благоразумными стараніями получить руку дѣвицы Рейбасъ.... И такъ не останавливайтесь же ни надъ чѣмъ, пытайтесь всячески, и будьте увѣрены, что если бы другіе оцѣнили ваши заслуги, то я оцѣню ихъ болѣе, чѣмъ кто другой, потому что прошу за сына, за жизнь его: я у ногъ вашихъ,—обѣщаю, что вы будете довольны моей благодарностью; щедрость моя будетъ соразмѣрна съ великостью вашего благодѣянія.

Отчаяніе его ужасно; въ разлукѣ съ нимъ я трепещу за каждую минуту; рѣшусь на все, чтобъ поскорѣе доѣхать. Но для его спасенія надобно дѣйствовать обманомъ, надобно его обнадежить, представить легкимъ то, что такъ затруднительно, скрыть отъ него

Digitized by Google

тысячу обстоятельствъ, ничтожнѣйшее изъ которыхъ заставило бы его воспротивиться всякой попыткѣ.... Слѣдуетъ сдѣлать все это даже до полученія вашего отвѣта; но вы честны и сострадательны и оправдаете мое довѣріе. Довольно. Эти строки передадутся вамъ въ руки. Адресуйте ваши письма въ Верревъ (долина Аосты) къ содержателю гостинницы Матеи. Жюли де-ла-Куръ.

CXXIX. *Шампенъ къ Органисту.* — Изъ Женевы.

Жалости достойно письмо твое, Рейбасъ. Удивляюсь я, право: человѣкъ ты съ головой, а путаешься въ такихъ пустякахъ. Къ чему же я предупреждалъ тебя, что письмо замышлялось вдвоемъ, если ты ужъ за нимъ и опалѣлъ, и что за минуту казалось тебѣ чернымъ, теперь представилось бѣлымъ?

Благо онъ пишетъ къ тебѣ объ этомъ, дай же и я напишу: причинъ у меня довольно. Но гдѣ же конецъ всему, коли ты повертываешься съ каждымъ вѣтромъ. Дочь твоя, говоришь ты, деликатна и подвержена сердечнымъ борьбамъ и тревогамъ?... Эдакую-то, кажись, и не слѣдуетъ ввѣрять негодяю, отъ котораго до сихъ поръ, кромѣ хитрости, ничего не видали. Эхъ! бѣдный другъ! Жизни что ли ты еще не извѣдалъ? Если о-сю пору зависимый, обязанный тебѣ, сдерживаемый г. Превероиъ и кромѣ всего этаго, влюбленный — онъ такъ проказитъ, то каковъ же будетъ зятькомъ, когда вмѣстѣ съ дочерью твоей всѣхъ васъ заберетъ въ руки? Али не слыхалъ ты, что отъ любовника до мужа какъ отъ ягненка до волка? Терезѣ твоей не пожилось съ мужемъ добрымъ и попечительнымъ: а Лунзѣ думаешь продлить вѣку съ негодяемъ? Небось! Понатѣшится вдоволь, да и съ ней не поцеремонится — не изъ чего будетъ тогда лицемѣрить! Послушайся меня. Я больше правды говорю тебѣ, чѣмъ г. Преверъ. Хочешь укоротать дочернину жизнь, — выдавай ее за этаго негодяя.

Лишь бы главное-то зло не было сдѣлано, потолковать успѣли бы. Гроза, волненіе, говоришь ты, невыносимы для твоей дочери? Но гроза прошла; еще кой-какіе капельки, а за ними и вёдро. Возвращеніемъ даннаго слова ты только вторично потрясешь ее. Дочь твоя перейдетъ къ радости, а до спокойствія и ей и тебѣ еще далеко. Не пройдетъ недѣли, ты раскаешься; и тогда не опять ли отнимешь у ней Шарля? Вотъ эдакъ-то вѣрнѣе ее изведешь и безвозвратно сгубишь во второй разъ тѣмъ, что поцеремонился въ первый. Ты счастливо выпутался изъ петли,—а попадешься опять, тогда пиши пропало. Преверъ твой,

Digitized by Google

чай, ни гугу объ этомъ — съ добрымъ намѣреніемъ, извѣстно; а все таки у него тамъ свой интересецъ, а Шампену-то не изъ чего хлопотать, некого взваливать тебѣ на плеча.

Забылъ что̀ ли, откуда онъ? Самъ же говорилъ: порча кровная, наслѣдственная! Вразумилъ бы я тебя на счетъ родившихъ его въ лѣсу, несчастныхъ, да только вредить не хочу молодому человѣку! Что и говорить! Мудрено не то, что парень дурно кончаетъ, а мудренъ Рейбасъ, готовый породниться съ бродягами, которыхъ жандармы выпроваживаютъ съ одной границы на другую. Еслибъ твоя Луиза подозрѣвала это, то одинъ ужасъ отравилъ бы ея жизнь, и свелъ бы ее въ могилу. Охъ, жаль что нѣтъ твоей Терезы: при ней ты давно бы выбрался съ криваго пути.

Солнечный же лучъ твой и предчувствія стóятъ докторскихъ сосенъ. Слушайся ихъ, располагай дочериной судьбой по вéдру да ненастью, затыкай уши на резоны, поддавайся на приманку всякаго луча, печалься изъ-за всякой хромой лошади! Поставь ужъ лучше судьбу дочери на орла либо рѣшетку: мошна твоя авось либо вѣрнѣе рѣшитъ, все равно днемъ ли, ночью ли, въ дурную ли породу или въ хорошую. Съ твоей же манерой ты самъ себѣ задаешь толчковъ: брось ее, говорю; вѣрь — ничто такъ не отвращаетъ рокъ, какъ твердое рѣшенье.

Ты коришь меня въ лукавствѣ. Правда твоя, старина; родился съ этимъ порокомъ и сожительство съ женою не исправило меня отъ него: тотъ же — наслѣдственный отъ Евы — грѣшокъ и за ней водился. Не смотря на это, я добрякъ, какъ ты знаешь и бодръ бы еще, еслибъ не нога. Кто живетъ себѣ-на-умѣ, тотъ лучше сохраняется, говаривалъ батюшка, и дотянулъ до осьми десятковъ съ половиной. Однако я готовъ вѣрить и отъ полноты сердца признать твоего Превера за святаго изъ святыхъ, лишь бы онъ на этомъ остановился, не пытался бы выливать изъ своей чаши въ твою, поживиться на твой счетъ. А не то, лукавство мое (не лукавство, а здравый смыслъ) при мнѣ, и основано не на догадкахъ, какъ говоришь, а на томъ, что ясно, въ оба вижу, сирѣчь, что г-нъ Пасторъ всей властью и святостью своей хочетъ заставить тебя отдать дочь за мальчишку подкидыша, нищаго, безроднаго, безъименнаго; за мальчишку—что и тебѣ и ему, Преверу, извѣстно — строптиваго, порочнаго, расточительнаго, задорнаго, изъ тысячи другихъ наиспособнѣйшаго взбѣсить тестя и вогнать въ сухотку жену; лишеннаго должности до вступленія въ нее, точно также какъ до вступленія въ жизнь, онъ былъ уже заклейменъ позоромъ; до вступленія

Digitized by Google

въ супружество, успѣлъ истерзать хлопотами и горемъ своихъ покровителей и потопить въ слезахъ невѣсту. Ты пропасти боишься, Рейбасъ, а она тутъ-то и есть. Г. Преверъ прикрываетъ ее своимъ платьемъ, а я измѣриваю ее, пальцемъ указываю тебѣ на нее, на камни, острія, зазубрины, о которыя разшибется и изранится твоя Луиза; упадетъ туда, такъ ты не спасешь, а развѣ полетишь вслѣдъ за нею. Лукавство мое тутъ не для смѣха, а чтобъ удержать тебя на краю пропасти. Скажи мнѣ, что твердо рѣшился не бросаться въ нее, и я тотчасъ же принесу повинную, возьму назадъ сказанное и попрошу прощенья въ дурномъ помыслѣ о твоемъ Пасторѣ.

Кстати о де-ла-Курахъ, которыхъ ты поминаешь въ письмѣ. Съ г-жею де-ла-Куръ я имѣлъ случай видѣться при ея проѣздѣ черезъ Женеву *): надобно было — на счетъ ея домика, что въ улицѣ Тампль. Мы задумали было съ зятемъ купить его, чтобы послѣ нашей каморки въ немъ понѣжиться напослѣдокъ. Будто за однимъ этимъ дѣломъ подъѣхалъ къ ней, и спросилъ, на долго ли она отлучается? Рѣшительнаго отвѣта не дала: все зависитъ отъ ея сына, который не проказитъ ужъ по прежнему, а только по прежнему любитъ твою Луизу, и не можетъ утѣшиться, что потерялъ ее своимъ недобрымъ поведеніемъ. Покуда, онъ путешествуетъ по Италіи. Мнѣ до этаго барченка никакого дѣла нѣтъ, ни до прежняго его волокитства, ни до теперешняго исправленія, а тебя все таки не пойму съ твоими сужденіями: готовъ породниться съ негодяемъ, заклейменнымъ такимъ пятномъ, что ничѣмъ не выведешь, ни замоешь, и въ тоже время, спроваживаешь кавалера хорошей фамиліи, повиннаго развѣ въ какихъ проказахъ молодости, уже забытыхъ и имѣющихъ загладиться, когда преступному только двадцать пять лѣтъ и рано еще торопиться на путь разума. Не бери его — кто говоритъ? Да отъ того-то избавься, резоны всѣ на лицо, если не ослѣпъ. А добрая-то госпожа?.... Не считаешь, что нашелъ бы въ ней вторую мать своей Луизѣ, не посягая на измѣну вдовству, за него же благо ти будетъ.

Прощай, старина. Пообсуди-ка все это, а главное безъ моего вѣдома ни на шагъ, не то лишишься послѣдняго совѣта отъ души любящаго тебя — Шампена.

*) Ложь, объясняемая слѣдующимъ письмомъ.

Digitized by Google

CXXX. *Шампенъ къ г-жѣ де-ла-Куръ.* — Изъ Женевы.

Руки бы кажется, опустились послѣ вашего послѣдняго письмеца изъ селенія С. Пьерръ: вотъ что сударыня! Да не изъ интереса тружусь! А не легко, нечего сказать, не сговорившись, такъ скоро и въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, сдаться мнѣ на ваши словесныя обѣщанія. Да я сказалъ ужъ, что мнѣ жаль васъ, сударыня, а какъ смекнулъ (хотя въ письмѣ и не упоминается объ этомъ), что сынокъ вашъ должно быть замыслилъ кое-что не хорошее, такъ ужъ и пенять не сталъ за просьбы и докуки, за то, что тревожите бѣдняка.

Доложу, что съ отъѣзда вашего все уладилось къ лучшему. По предсказанію моему, добродѣтельный Пасторъ запустилъ кости глубоко и безъ отмѣтки добычу не выпуститъ. Онъ сговорился съ г. Дерве и писалъ къ Рейбасу, представлялъ ему, что дочери его и трехъ мѣсяцовъ не прожить, если онъ откажетъ Шарлю. Такое предсказаніе вѣрно поддѣло легковѣрнаго Рейбаса, и — не будь меня — онъ разомъ бы сдался. Только что я успѣлъ, съ величайшимъ трудомъ, удержать его, какъ вдругъ вчера вашимъ письмомъ, словно бомбой меня ошеломило.

Очнулся и принялся за отвѣтъ на послѣднее Рейбасово, гдѣ онъ повѣряетъ мнѣ свое колебаніе въ пользу Шарля. Ссылаясь на то, что на его мѣстѣ, я отдалъ бы дочь свою скорѣе за поденщика, чѣмъ за этаго мальчишку, я писалъ къ нему много и попріятельски, и не то, чтобъ для васъ: тоже самое высказалъ бы, еслибъ отъ роду не слыхивалъ о вашей милости.

А потомъ, какъ поразсудилъ, что вы изволите съ своей стороны прилагать много старанія и обѣщаній, то и показалось мнѣ, что я мало для васъ сдѣлалъ. Тутъ-то, къ концу письма, не обнаруживаясь однако я и постарался подготовить Рейбаса. И въ той мысли, что по дальности и невозможности сноситься, вамъ угодно положиться на меня, а мнѣ слѣдуетъ довѣриться вамъ, я на нѣкоторые пункты посягнулъ и безъ вашего разрѣшенія. Предвидя впереди сношенія съ вами, слѣдовало непремѣнно отклонить подозрѣнія какимъ либо предлогомъ: я и придумалъ сказать Рейбасу, что во время проѣзда вашего черезъ Женеву, покорный слуга вашъ имѣлъ свиданіе съ вами, по части домика (я имѣлъ въ виду ветхій вашъ домишко въ улицѣ Тампль), который не прочь бы и купить, чтобы дожить свой вѣкъ подальше отъ шума и отъ свѣта, какъ говорится въ пѣснѣ. Такимъ образомъ Рейбасу объяснятся наши отношенія, а, съ другой стороны, отъ васъ будетъ зависѣть (если впрочемъ я хорошо понялъ) и удостовѣрить въ существованіи предлога,

Digitized by Google

что, я думаю, будетъ полезно какъ мнѣ, такъ и вамъ. И такъ, съ просьбою объясниться и подкрѣпить сказанное, прежде нежели заставите меня дѣйствовать рѣшительно, готовый предоставить начатое въ другія руки, если найдете, что я зашелъ далеко и употребилъ во зло непрошенную власть, — честь имѣю, и пр. Шампенъ.

CXXXI. *Марта къ г-ну Преверу.* — Изъ Морнекса *).

Надобно увѣдомить г-на Пастора о нашемъ отъѣздѣ также и о новомъ помѣщеніи: на радости писать охотнѣе, а у насъ, слава Богу, все не такъ дурно, какъ бы слѣдовало ожидать.

Въ четвергъ мы уѣхали изъ прихода. Наканунѣ, г. Рейбасъ показался мнѣ безпокойнымъ и печальнымъ; нѣсколько разъ выходилъ одинъ изъ дому, не смотря ни на дождь, ни на сборы, при которыхъ и онъ не былъ бы лишнимъ. Передъ отъѣздомъ я нашла его еще мрачнѣе: словно великая скорбь тяготила его. Когда вошла мамзель Луиза, онъ сталъ на себя не похожъ, обнялъ ее тревожно, нѣжнѣе обыкновеннаго и разчувствовался.... »Это напоминаетъ мнѣ дурной день....« сказалъ онъ, и мнѣ показалось, что у него не стаетъ духа къ отъѣзду; да мамзель Луиза — ангелъ эдакой, какъ изволите знать — таково ласково начала тутъ утѣшать его, увѣрила, что и спокойна-то и довольна-то она, онъ и оправился и велѣлъ запрягать.

Взяли леграндовскую телѣгу. Г. Рейбасъ самъ поставилъ въ нее для барышни лавку съ верхомъ на случай дождя и для того, чтобъ ей не на виду сидѣть, а чтобъ спокойнѣе было одной, самъ на заднюю открытую скамейку. Везъ насъ старшій Леграндъ.

Жалокъ мнѣ былъ этотъ бѣдный отецъ. Несчастный въ эту минуту вспоминалъ о женѣ, которую увозилъ точно также, осьмнадцать лѣтъ тому назадъ. Даромъ что твердый и часто суровый, г. Рейбасъ ослабѣлъ отъ горя: смотрѣлъ то на лошадь, то на кучера, то на колеса, и все боялся какого-нибудь дурнаго предвѣстія. При поворотѣ въ Вернье такъ взволновался, что схватилъ меня за руку. Однако все шло благополучно и подъ конецъ онъ успокоился, особенно какъ миновали городъ и съѣхали съ той дороги, по которой онъ везъ свою покойницу въ Монтрё.

---

*) Маленькое селеніе въ двухъ льё отъ Женевы, на склонѣ горы Салевъ, въ лѣсистой сторонѣ, изъ которой видна вся горная цѣпь Мон-Блана.

Digitized by Google

А барышня?.... Изволите хорошо знать, до спокойствія ли ей было. Во всю дорогу она принуждала себя говорить съ отцомъ, даже приглашала его сѣсть возлѣ себя; но, при подъѣздѣ къ городу, ей стало не до насъ; спряталась въ кибитку. Что должна была перечувствовать сердечная, когда мы молча проѣзжали близехонько отъ улицы, гдѣ живетъ г. Дерве! Сердце разрывается, какъ подумаешь, сколько тревоги и страданья переноситъ эта кроткая и невинная дѣвушка, вмѣсто заслуженнаго счастья и спокойствія.

Я и сама была встревожена, но не могла видѣть г. Рейбаса. Даромъ что служанка, подумала я, поговорю ему еще разъ за барышню, чтобъ не каяться потомъ, зачѣмъ смолчала. »Г. Рейбасъ! промолвила я, эдакіе мы всѣ несчастные! — Правда, отвѣтилъ онъ, и самое тяжкое горе на мнѣ.... этотъ мальчикъ крестъ моей жизни!... Еслибъ еще страдалъ одинъ, я перенесъ бы....«

Онъ замолчалъ. Тогда я вступилась за бѣднаго Шарля, говорила, что время обуздаетъ его, что не онъ одинъ, со многими ладу не бываетъ въ молодости, да кончаютъ же добромъ, а за него ручаются покровительство г. Превера и привязанность его къ Луизѣ; что къ тому же урокъ былъ слишкомъ силенъ, и, если онъ опять провинится, тогда ужъ, конечно, надобно будетъ оставить его, но на этотъ разъ простить; что съ его позволенія, я готова Богъ знаетъ чѣмъ увѣрить — и покойная жена его не согласилась бы съ нимъ; не смогла утаить отъ него и того, что, въ разсужденіи Луизы, лѣкарство хуже самой болѣзни и ударъ наконецъ.... Онъ прервалъ меня: »время, сказалъ, не сбавитъ съ него пылу, онъ съ возрастомъ становится еще порочнѣе.... Противъ врожденнаго инстинкта никакой надзоръ, никакое направленіе не помогутъ; а настоящимъ его обѣщаніямъ я мало вѣрю: покуда еще влюбленъ—такъ, а будетъ мужемъ...., теперь рабъ, а станетъ господиномъ.... Теперь простить, значитъ всегда прощать; если первое потрясеніе согнуло Луизу, то второе уничтожитъ ее. Охъ! Это крестъ мой, крестъ мой!« Замолчалъ было, потомъ опять:

»А бѣдное-то дитя, Марта, бѣдное-то дитя, что тутъ.... Господи помоги мнѣ!...« Онъ не могъ болѣе говорить. Я воспользовалась этимъ случаемъ досказать на счетъ мамзель Луизы: открыла ему многое, чего онъ не могъ знать, между прочимъ, какъ она, по добротѣ своей, бодрится передъ нимъ, кажется спокойною, а потомъ расплачивается за усиліе раздирающими страданіями; сказала ему, что въ тотъ день какъ онъ меня побранилъ, сама она заперла дверь изнутри, чтобъ вѣрнѣе

Digitized by Google

скрыть отъ него слезы и терзанія, а не иныя какія тайны. Наконецъ не скрыла отъ него, что по многимъ примѣтамъ замѣчаю, какъ она все слабѣетъ, худѣетъ и таетъ.

Тутъ-то онъ сказалъ мнѣ свою мысль. »Вижу я это, Марта, и передъ этими-то признаками отступаю. Я хотѣлъ посмотрѣть, что будетъ отъ перемѣны мѣста, лучше или хуже, и судя потому дѣйствовать; но столько времени тревожусь, волненіе мнѣ такъ не подъ лѣта, что готовъ поспѣшить отвѣтомъ и покончить борьбу.... Помоги мнѣ Господи!« повторилъ онъ. Тутъ мы перестали говорить, потому что подъѣзжали; но я догадалась, какой будетъ отвѣтъ на письмо г. Пастора, и сердце мое исполнилось радости и до сей поры радуется.

Подъѣхали къ домику на склонѣ горы. Когда надо было выходить изъ повозки, мамзель Луиза подалась впередъ, чтобы сойти, но слабая, растревоженная перемѣною, переконфуженная чужимъ народомъ, — тамъ были хозяева дома и крестьяне,— ступила мимо оси и упала; однако слегка только ушибла руку и тотчасъ же поднялась; но на лицѣ г. Рейбаса изобразился ужасъ неописанный. Онъ ничего не сказалъ, не слишкомъ освѣдомлялся объ ушибѣ—Луиза, впрочемъ, увѣрила его, что не чувствуетъ никакой боли; и въ безпокойствѣ началъ выбирать узлы торопливо и небрежно, противъ своего обыкновенія. Я вошла въ домъ послѣ него; гляжу — сидитъ въ нижней комнатѣ, поодаль отъ прохода, глядитъ въ окно и обтираетъ платкомъ лобъ, забылъ и объ устройствѣ на новомъ мѣстѣ и о хозяйствѣ. Распорядилась уже всѣмъ мамзель Луиза.

Вечеромъ, за скучнымъ ужиномъ никто не сказалъ слова о новомъ помѣщеніи. Г. Рейбасъ объявилъ мнѣ, что здѣсь я буду сидѣть за столомъ вмѣстѣ съ ними; мамзель Луиза простилась съ отцемъ, и разошлись. Поздно ужъ было, а г. Рейбасъ все сидѣлъ на пригоркѣ, въ двухъ шагахъ отъ сада.

Вотъ, г-нъ Пасторъ, такимъ-то образомъ прошелъ этотъ день. Барышня хотя и слаба и еще пуще груститъ въ чужомъ домѣ, но я все-таки счастлива надеждою, что горе наше скоро минуетъ. Быть не можетъ, чтобъ г. Рейбасъ въ теперешнемъ его положеніи задумался передъ единственною дверью для выхода. Вразуми его Господи!—Это усерднѣйшая молитва уважающей васъ и преданной вамъ слуги.

Марта.

Digitized by Google

CXXXII. *Г-жа де-ла-Куръ къ Шампену.* — Веррезъ, въ долинѣ Аосты.

Два слова, г-нъ Шампенъ, въ одобреніе сдѣланнаго вами, а за домомъ въ улицѣ Тампль, хотя значительная цѣнность его можетъ быть вамъ и неизвѣстна—я не постою, если услуга ваша возвратитъ мнѣ сына.

Теперь я съ нимъ. Въ какомъ положеніи я его застала, великій Боже!... И сомнѣваюсь еще, можно ли ему помочь.... Прошу васъ написать мнѣ, что дѣлается въ приходѣ.... Труднѣе всего пробудить въ немъ надежду.... Только что я заговорю объ этомъ предметѣ, онъ съ отчаяніемъ отклоняетъ его. Письмо ваше на счетъ нерѣшительности г. Рейбаса какъ разъ пришло въ такую минуту и привело меня въ ужасъ! Что будетъ со мной, если всѣ слова мои въ утѣшеніе сына окажутся однимъ обманомъ?... Принимайтесь за дѣло, г-нъ Шампенъ, стыжусь побуждать васъ, но я такъ несчастна!...

Если Эрнестъ пріободрится, я намѣрена какъ можно скорѣе выбраться изъ этаго негоднаго мѣста. Письма ваши велю пересылать къ себѣ въ Туринъ, куда думаю его везти и гдѣ, можетъ быть, поживу. Увѣдомляйте меня обо всемъ. Сколько разъ, въ нетерпѣніи, я готова была написать прямо къ г. Рейбасу, или къ г. Преверу. Извѣщайте аккуратно, чтобъ не промахнуться мнѣ письмомъ некстати или не упустить удобнаго къ тому случая. Остаюсь, и пр. Жюли де-ла-Куръ.

CXXXIII. *Рейбасъ къ Шампену.* — Изъ Морнекса.

Г. Преверъ долженъ быть еще въ городѣ. Взойди къ нему и вручи прилагаемое письмо, которое можешь, однако, напередъ прочесть, если хочешь.

Я прочелъ твое и обсудилъ. Благодарю. Какъ отецъ, уполномочиваю г. Превера, хотя, по собственной наклонности, сдаюсь скорѣе на твои доводы. Борьба кончена, не возобновляй ея, удержись отъ сужденій, а если хочешь жалѣть меня, то жалѣй про себя.

Такъ какъ уже переѣхали, то останусь здѣсь по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ; если въ продолженіе этого времени не будешь писать ко мнѣ, то я буду спокойнѣе, и за то на возвратномъ пути черезъ городъ не премину повидать тебя. Преданный тебѣ, Рейбасъ.

Digitized by Google

CXXXIV. (Вложенное въ предъидущее). *Рейбасъ къ г-ну Преверу.*

Изъ Морнекса.

Вотъ вамъ отвѣтъ мой, г. Преверъ — я прощаю. Въ случаѣ отказа, представилъ бы свои причины, но теперь не для чего. Извѣстите о моемъ рѣшеніи, какъ Шарля, такъ и Луизу; я ничего не сказалъ ей и не хочу сюда вмѣшиваться. Преданный вамъ, Рейбасъ.

CXXXV. *Шампенъ къ Рейбасу.* — Изъ Женевы.

Ты такъ хочешь? — пускай будетъ! Порученіе твое исполню, не тотчасъ однако, потому что г. Преверъ сегодня утромъ уѣхалъ въ приходъ, и воротится еще черезъ четыре дня, стало быть есть еще время одуматься, то есть, предохранить дочь отъ пропасти, въ которую вопреки разсудку и обязанности, ты готовъ ее ввергнуть, лишивши партіи честной и блестящей.

Судить тебя?... давно ужъ обсудилъ: я не изъ такихъ, что рѣшаютъ по послѣдствіямъ; жалѣть же тебя мнѣ недосугъ; было время — предостерегалъ и теперь еще предостерегаю.... А развѣ о твоей Луизѣ пожалѣть?... Это такъ, и пожалѣю, и ни слова тебѣ не скажу, оттого, что ты боишься упрека. Ну смотри, Рейбасъ, не сдоброватъ тебѣ! Вернись, говорю, спаси Луизу! По счастью — еще время.

Ты просишь не писать къ тебѣ.... Напрасно раньше не вамекнулъ, я бы давно исполнилъ твое желаніе! Будь же спокоенъ, если можешь, и обо мнѣ отложи всякое попеченіе.

Одно только слово: *ты не знаешь объ этомъ молодомъ человѣкѣ всего, что я знаю.* Шампенъ.

CXXXVI. *Шампенъ къ Ніонскому меру.* — Изъ Женевы.

Господинъ меръ, помощь ваша мнѣ необходима. Дѣло идетъ объ услугѣ пріятелю, который въ три дня можетъ затянуться въ бѣду безвозвратно, если я не отвлеку его доказательствомъ на лицо. Безпокоить ближняго ради добраго дѣла извинительно и я по этому надѣюсь на вашу снисходительность. Самъ побѣжалъ бы въ Жексъ, еслибъ могъ что-нибудь сдѣлать; но гдѣ выслушаютъ мера, тамъ нашего брата выпроводятъ.

Послѣ вашего послѣдняго письма я побывалъ на мѣстѣ. Въ той деревушкѣ, гдѣ оставленъ былъ ребенокъ, никто ничего не знаетъ; но, пробравшись до Сен-Женниса — на дорогу, по которой должны были

Digitized by Google

идти бродяги, я собралъ кое-какія свѣденія. Тутъ, спасибо, вздумалось имъ стащить какое-то тряпье, вслѣдствіе чего ихъ замѣтили и узнали ихъ прозваніе: *Schindler* или *Schinder* — по ихнему произношенію. День, въ который они проходили, по письменному донесенію меръ, совпадаетъ какъ разъ съ промежуточнымъ числомъ между днемъ выхода ихъ изъ лѣсу и днемъ отправки ихъ въ Ніонъ, такъ что, безо всякаго сомнѣнія, они должны быть родители ребенка.

Вы оказали бы, г-нъ меръ, услугу величайшей важности одному почтенному семейству, также и мнѣ — вашему покорному слугѣ, еслибъ приказали въ Жексѣ провѣрить прозваніе, навести объ этихъ людяхъ всевозможныя справки, подписать показаніе, кому слѣдуетъ и все препроводили бы ко мнѣ съ приложеніемъ реэстрика издержкамъ, за которыя деньги получите вскорѣ. Попомните, г-нъ меръ (прошу прощенья), что роковой срокъ терпитъ только три дня; если зайдетъ за нихъ, то безчестіе можетъ постигнуть почтенное семейство, оттого только, что власти не захотѣли вступиться. Въ отношеніи же къ молодому человѣку, можете положиться на нашу скромность; готовъ честью поручиться, что ни онъ, ни какая живая душа ничего не узнаетъ и отнюдь не пострадаетъ отъ этого освѣдомленія.

При повтореніи убѣдительной моей просьбы, честь имѣю, г-нъ меръ, съ глубочайшимъ почтеніемъ, пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Шампенъ.

CXXXVII. *Г. Преверъ къ Луцэ.* — Изъ Женевы.

Посылаю вамъ, милый другъ мой, письмо Шарля, врученное имъ мнѣ сегодня утромъ, по возвращеніи моемъ изъ прихода, гдѣ я провелъ послѣдніе два дни. Шарль желалъ доставить письмо черезъ меня, и я съ истиннымъ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ побесѣдовать съ вами нѣсколько минутъ.

Скажу вамъ, милое дитя мое, что вотъ уже нѣсколько дней, какъ Шарль совершенно здоровъ: силы его возвратились, онъ начинаетъ выходить, и я живу теперь въ городѣ, для того только, чтобы содѣйствовать вступленію его на прерванный курсъ занятій. Скажу вамъ еще, что вижу въ немъ волю и бодрость, на которыя, въ настоящихъ обстоятельствахъ, при всемъ желаніи, мы не могли слишкомъ надѣяться. Пусть же такое расположеніе Шарля нѣсколько успокоитъ васъ!

Не знаю содержанія прилагаемаго письма, но увѣренъ, что вы прочтете его не безъ волненія; а я такъ не желалъ бы для васъ этихъ

Digitized by Google

потрясеній! Пожалуйста, дитя мое, подкрѣпите себя противъ нихъ, не поддавайтесь имъ; вѣрьте, что Шарль добръ, что я — пока живъ — буду неусыпно заботиться о немъ; умоляю васъ, успокойте сердце свое сознаніемъ жертвы, принесенной волѣ, а еще болѣе спокойствію и счастію достойнаго родителя: въ этомъ-то, Луиза, и заключается для васъ истинное сѣмя утѣшенія и силы,—сѣмя, которое будетъ расти и крѣпнуть для васъ на день скорби. Впрочемъ, я надѣюсь; ясные дни еще возвратятся.

Послушаете ли вы моихъ совѣтовъ, признаете ли права моей дружбы, если не смотря на горе ваше, она потребуетъ отъ васъ новыхъ трудныхъ подвиговъ? Я ужъ слишкомъ пользовался этими правами, милое дитя, и все таки не перестаю возвращаться къ нимъ, побуждаемый вашей кротостью и своимъ одиночествомъ. Прошу васъ, принимайтесь по немногу за прежнія занятія; преодолѣйте первое отвращеніе мыслію, что дѣлаете мнѣ удовольствіе, а впослѣдствіи дѣйствіе развлеченія будетъ имѣть спасительное вліяніе на ваши грустныя мысли. Сколько часовъ проходило у васъ въ рукодѣльи, въ дѣлахъ по хозяйству: займитесь ими по прежнему; не оставляйте чтенія, ученья, въ которомъ вы находили столько прелести, чтобы за недостаткомъ предметовъ не прекратились наши бесѣды, по возвращеніи вашемъ въ приходъ: вы лишили бы меня отраднѣйшихъ минутъ; подумайте объ этомъ, Луиза, вы, столько добрая для другихъ. Попросилъ бы я еще васъ — не удаляться отъ общества. Отчужденіемъ вы лишили бы себя самаго дѣйствительнаго средства развлечься — обращенія съ людьми, гдѣ умъ долженъ быть на лицо, гдѣ грусть неумѣстна, — условія необходимаго въ обществѣ и нѣкоторымъ образомъ облегчающаго усиліе, которое сначала кажется невозможнымъ. Къ тому же, Луиза (но вы сами, конечно, это чувствуете), не годится молодой дѣвушкѣ, даже въ самыхъ невинныхъ случаяхъ, возбуждать людское любопытство.

Еще одно слово, пока не оставилъ васъ съ Шарлемъ. Я совершенно одинъ; никого изъ милыхъ мнѣ нѣтъ въ приходѣ: ни васъ, ни батюшки вашего, ни Шарля, ни Марты. Сжальтесь надо мной, пишите. Чтобъ зналъ я, какъ проходятъ ваши дни, досуги, всѣ ваши минуты: если они спокойны, то я порадуюсь, и мои дни повеселѣютъ; если же они дурны, мрачны, то неужели дружба моя не поможетъ? По крайней мѣрѣ легче ей будетъ дѣлить горе, нежели совсѣмъ не знать его.

Прощайте, милое дитя мое. Передайте мой дружескій поклонъ всѣмъ вашимъ, скажите батюшкѣ, что замѣнившимъ его Бреласомъ — я доволенъ.

Преверъ.

Digitized by Google

CXXXVIII. (Вложенное въ предъидущее). *Шарль къ Луизѣ.*

Изъ Женевы.

Третьяго дня только мнѣ отдали ваше письмо.... Правда, стало быть, что и въ самомъ ужасномъ горѣ могутъ быть радостные восторги! За этими строками, мнѣ казалось, будто ничего дурнаго не бывало, и теперь еще надобно успокоиться, подумать, чтобъ убѣдиться въ несчастіи.

Вы ангелъ небесный, Луиза; голосъ вашъ слышится мнѣ съ высоты, личико ваше глядитъ на меня изъ-за свѣтлаго облака. Сколько разсудка и нѣжности, сколько небесной доброты въ вашихъ словахъ, какъ много въ нихъ глубокаго и отраднаго, какъ они наполняютъ сердце любовью и уваженіемъ, какъ успокоиваютъ, какъ восхищаютъ его!

Я не разстанусь съ этими строками: это сокровище останется со мной, — сокровище великое, безцѣнное, еслибъ я не зналъ еще безцѣннѣйшаго; оно послужитъ пищею моему сердцу, — другомъ, котораго воля будетъ моимъ правиломъ, совѣтъ — высшимъ закономъ.... На что мнѣ жаловаться?... Есть ли на свѣтѣ смертный, съ которымъ бы я захотѣлъ помѣняться своимъ несчастіемъ?... Бывшій предметъ нѣжной привязанности, я и теперь не лишенъ вашей любви и уваженія.... Отрадныя чувства настоящей минуты, гордость, счастіе! переполните сердце мое, вытѣсните изъ него сожалѣнія, возвратите ему силу и жизнь.

Простите, Луиза: этому послѣднему упоенію суждено скоро затихнуть. Знаю — надобно оставить этотъ тонъ, прекратить этотъ разговоръ, угомонить эту черезъ край бьющую волну.... Таково ваше желаніе, и исполненіе его составляетъ теперь единственную мою отраду. Издалека слѣдя за вашимъ примѣромъ, я буду счастливъ возможностью въ послѣдній разъ угодить вамъ. Не бойтесь же словъ моихъ.... Во всемъ письмѣ, мнѣ тяжело было прочесть только тѣ строки, которыми вы изъявляете какъ будто страхъ, чтобъ я не занесся до неуваженія или нескромности.

Ахъ, правда, Луиза, правда.... Когда я вдругъ съ высоты счастія очутился въ этой безднѣ, то отчаяніе мое не знало границъ: въ безпамятствѣ я могъ забыться, могъ слишкомъ рѣзко выразить сердечную горесть, забыть, что обязанъ уважать отца Луизы.... И въ этихъ-то минутахъ винюсь теперь передъ вами и при отказѣ отъ руки вашей — по желанію г. Рейбаса — приношу ему вмѣстѣ и увѣреніе въ моемъ уваженіи и признательность за тѣ дни счастія, которыми онъ позволилъ мнѣ наслаждаться, вопреки своему спокойствію, своимъ наклонностямъ и законнымъ желаніямъ.

Digitized by Google

Дѣйствительно, Луиза, я теперь уже не обманываюсь, начинаю узнавать, кто я: вижу, что при рожденіи отмѣченъ неизгладимымъ клеймомъ, за которое даже лучшіе изъ людей презираютъ меня; въ этомъ убѣжденіи мнѣ случается даже утѣшаться мыслію, что тяжесть свою понесу одинъ. Видя, съ какой радостью батюшка вашъ отдалялъ меня отъ себя и съ какимъ принужденіемъ терпѣлъ, я долго считалъ такое обращеніе слѣдствіемъ его личнаго предубѣжденія, и не могъ думать иначе, живя между вами тремя и сравнивая г. Рейбаса съ вами и съ г. Превераномъ. Съ тѣхъ поръ я вступилъ въ свѣтъ, пожилъ съ людьми; но всегда и вездѣ чувствовалъ, что между самыми несчастными нѣтъ мнѣ равнаго. Тутъ-то я увидалъ, какъ несправедливо судилъ г. Рейбаса и съ тѣхъ поръ уваженіе мое къ нему искренно. Не разъ, Луиза, я плакалъ отъ благодарности, думая, что г. Рейбасъ, раздѣляющій столько же, а можетъ быть и болѣе другихъ, пагубное мнѣ предубѣжденіе, имѣлъ столько душевнаго благородства и сердечной прямоты, что преодолѣвалъ его и жертвовалъ имъ для нашего взаимнаго счастія. Этого добра я вѣкъ не забуду, а если бы забылъ, то будущее, которое, конечно, не дастъ мнѣ подобнаго, заставитъ меня возвратить вашему батюшкѣ ту степень уваженія, на какой онъ стоитъ въ моемъ сердцѣ. Онъ теперь отнимаетъ васъ у меня, но по другимъ причинамъ, если несправедливымъ, то по крайней мѣрѣ законнымъ, и я безропотно покоряюсь передъ ними и въ этой-то совершенной и полной уваженія покорности, увѣряю его въ прилагаемомъ письмѣ, которое прошу васъ передать ему.

И такъ, Луиза, я повинуюсь вмѣстѣ съ вами. Да, Шарль — употребляю ваше ангельское, однимъ вамъ свойственное выраженіе — одобряетъ васъ, Шарль поддерживаетъ васъ, Шарль становится вашимъ братомъ.... Ахъ, болѣе этого, онъ благоговѣетъ передъ вами, онъ счастливъ тѣмъ, что раздѣляетъ вашу дѣтскую покорность, и отнюдь не ропщетъ, но смиряется, уважая и благословляя того, кому обязанъ былъ такимъ блаженствомъ, что еслибъ во всю жизнь не суждено было блеснуть на него никакой радости, онъ все таки долженъ считать себя счастливѣйшимъ изъ людей.

И потомъ, Луиза, великодушная и нѣжная подруга — что же я значу, чтобъ небо соединило меня съ вами? Я обсудилъ также это, и грустное пониманіе вещей, до сихъ поръ неизвѣстныхъ, приводитъ меня къ запоздалому и тяжелому смиренію. Нѣтъ, невозможно было допустить, чтобъ судьба сдѣлала вашимъ мужемъ того, кто такъ низко стоитъ въ

Digitized by Google

людскомъ мнѣніи. По правдѣ, я не признаю этого презрѣнія, но тѣмъ не менѣе оно дѣйствительно, и какимъ бы образомъ я увѣрилъ себя, что не безчестно попирачать чистоту окружающаго васъ блеска. Нѣтъ, Луиза, то были мечты, которыя время должно было разсѣять: онѣ улыбались г. Преверу; вы, прелестный другъ, раздѣляли ихъ, я ими упивался. — Одинъ вашъ батюшка, вѣрный дѣйствительности, съ принужденіемъ соглашался на то, за что впослѣдствіи людское мнѣніе готовило ему осужденіе....

Грустная, горькая опытность! Но что сдѣлалось бы со мною, еслибъ эти страшныя открытія захватили меня безъ защиты, безъ возможности отразить ихъ самимъ собою, моимъ прошлымъ? — Гдѣ та, вѣчно оскорбляемая гордость, которая покорялась бы безпрекословно, которая согласилась бы выбирать между обидой и сожалѣніемъ? Гдѣ та гордость, всегда преслѣдуемая невидимыми нападками варварскаго предубѣжденія, которая не сгубила бы себя скорѣе чѣмъ ему подчиниться?... Моя же, благодаря Бога, довольствуется прошлою привязанностью Луизы и любовью г. Превера: увѣренность въ одной, воспоминаніе о другой укрѣпляютъ и успокоиваютъ ее; она теперь смѣло пойдетъ на испытанія, встрѣтится съ людьми безъ робости, если не безъ отвращенія. И такъ, Луиза, даже лишившись васъ, несчастный будетъ всѣмъ обязанъ вамъ: образъ вашъ смягчитъ его горе, укажетъ ему путь въ этой жизни безцвѣтной и туманной, защититъ его отъ отчаянія, которое, безъ васъ, сломило бы его.

Но отвернемся.... Хочу отвѣчать на ваше письмо. Милый другъ, зачѣмъ же не послушались вы своего недоумѣнія, зачѣмъ не скрыли отъ меня такой горькой, почти обидной мысли?.... Луиза, на какое невозможное желаніе, на какой пагубный совѣтъ посягнуло перо ваше? Неужели бы вы захотѣли отнять у меня единственное благо? Неужели думаете что безъ этаго обожанія, которое и безъ васъ все-таки при мнѣ, смерть не показалась бы мнѣ въ тысячу разъ предпочтительнѣе жизни?.... Говорить ли вамъ, что счастіе мое кончено и что другаго я не жду?.... Оставьте же мнѣ крохи этаго счастія: я сберегу ихъ, буду чтить какъ святыню!.. Не совѣтуйте, не желайте никогда, чтобъ я польстился на другія сокровища: не бойтесь за меня клятвъ, я считаю ихъ жалкими узами пустою и обманчивою формой, годною только для неувѣренныхъ въ собственномъ сердцѣ.... Пожалуй, и я произнесъ бы клятвы, еслибъ онѣ могли скрѣпить въ сердцѣ моемъ память объ васъ; но чувство мое сильнѣе всевозможныхъ клятвъ, а гдѣ его не будетъ, тамъ и ихъ не надо.

Digitized by Google

И не говорите, Луиза, будто бы пользуясь драгоцѣннѣйшимъ и священнѣйшимъ моимъ правомъ, я изъявляю претензіи на запрещенныя мнѣ надежды, что отягощаю отца вашего страшною отвѣтственностью, что всегда буду терзать васъ.... Стало-быть вы сомнѣваетесь въ искренности моей покорности, въ уваженіи къ вашему отцу, болѣе этаго въ любви къ вамъ!... Довѣрьтесь только любви моей, Луиза и безпокойства ваши разсѣятся: съ любовью я все могу; но еслибъ вы осудили меня потушить это пламя въ другой привязанности, тогда бы не стало у меня ни силъ, ни бодрости, я унизился бы въ собственныхъ глазахъ и вы могли бы ожидать всего отъ моего отчаянія.

Возьмите же назадъ это желаніе, Луиза; не произносите впередъ такихъ ужасныхъ словъ, возмущающихъ душу. Повтореніемъ этаго желанія вы не принудите меня исполнить его, а только поставите напрасную преграду между вами и мною, какъ бы запрещеніе самой мысли моей приближаться къ вамъ. — Луиза! вы, радость и утѣшеніе несчастнаго, даже разлученнаго съ вами, вы, которая говорите »дальше этаго я свободна, сердце мое дается только одинъ разъ!.... Не ужели тѣмъ же перомъ, на той же бумагѣ прикажете другу пожертвовать свободой, измѣнить собственному сердцу, въ другой разъ отдать его! — Нѣтъ, великодушная заботливость и напрасная тревога совратили мысль вашу. Теперь даже я убѣжденъ, что заблужденіе ваше прошло, вы понимаете что требовали пагубнаго, невозможнаго, что если я въ состояніи пережить мое несчастіе, навсегда отказаться отъ свиданій, отъ бесѣды, отъ переписки съ вами, то потому что сердцу моему остается еще міръ, вами населяемый, гдѣ оно можетъ любить безъ принужденія, безъ раздѣла, безъ конца и такимъ образомъ мириться еще съ жизнію.

Обращаюсь, Луиза, къ другому вашему желанію...., Это не стоило вамъ труда и вы окружили его доводами, которые могутъ сдѣлать его милымъ и пріятнымъ. О! какъ въ этой заботливости много отраднаго для меня, какъ дороги мнѣ ваши совѣты! Убѣжденія возвышеннаго ума вашего, нѣжность и благочестіе ваше такъ легко уносятъ меня къ тѣмъ берегамъ, у которыхъ вы видите пристань для друга. Я не сошелъ еще съ этой прекрасной дороги, хотя она въ настоящее время заслонена отъ меня препятствіями, ослабляющими мою бодрость; но чего я не сдѣлаю чтобъ угодить вамъ?.... Я приложу къ этому трудному доказательству всевозможное стараніе, терпѣніе и бодрость; чего не сдѣлаю я, когда рука самой Луизы указываетъ мнѣ цѣль, поддерживаетъ меня, когда ея голосъ ободряетъ, когда ея краснорѣчіе возбуждаетъ погасшее рвеніе и возстановляетъ сокрушенную волю.

Digitized by Google

И такъ, Луиза, вотъ вамъ мое слово: для васъ, для себя, ради приведенныхъ вами причинъ, я посвящу себя — если отъ меня будетъ зависѣть — святому служенію. Въ немъ хочу искать независимости и спокойствія, подъ кровомъ его хочу пріютить мою слабость и горе; оно защититъ меня отъ людскаго презрѣнія, оно разовьетъ во мнѣ нѣкоторыя добродѣтели. На этомъ пути издалека, слишкомъ издалека конечно, буду идти по слѣдамъ г. Превера, руководствоваться его примѣромъ, радовать его, приносить честь его урокамъ, чтобъ явиться достойнымъ той школы, въ которой вы украсились столькими для васъ однихъ не замѣтными добродѣтелями, озаряющими васъ такимъ яркимъ, такимъ чудеснымъ блескомъ. Сдѣлавшись служителемъ Христовымъ, хочу, Луиза, побороть ту гордость, ту пылкость, которая васъ страшитъ; хочу смириться, любить людей, хочу стремиться »къ тому свѣтлому блеску, котораго міръ не можетъ помрачить, потому что это лучь свыше, ни отнять потому что не онъ далъ его, — къ блеску, который самъ міръ почтитъ, потому что онъ благъ и кротокъ!« Это ваши краснорѣчивыя слова, это сама истина и сказанная вами, она всесильна надо мной.

Слушайте дальше, нѣжная и боязливая Луиза. Хочу чтобъ никто не имѣлъ повода видѣть во мнѣ жертву и на это-то берегу всю свою бодрость и силу. Хочу, чтобы свѣтъ не только не осудилъ за меня вашего почтеннаго батюшку — положитесь въ этомъ на того, кому ваше спокойствіе дороже жизни — но чтобъ онъ забылъ обо мнѣ, а, если не забудетъ, то чтобъ оправдалъ, чтобъ одобрилъ г. Рейбаса. Вы не знаете свѣта, Луиза, и судите о немъ по себѣ. Еслибъ батюшка отдалъ васъ за меня, тогда развѣ свѣтъ упрекнулъ бы его; лишь бы я жилъ, да работалъ, да кое-какъ добился бы до чего нибудь—свѣтъ и не догадается, за что тутъ осудить; онъ будетъ указывать на меня какъ на живой примѣръ своей снисходительности, почтетъ слишкомъ счастливымъ для жалкаго созданья, осужденнаго рожденіемъ на лишеніе всѣхъ благъ. Вотъ, Луиза, не сомнѣвайтесь, вотъ что подумаетъ свѣтъ. И если онъ окажется несправедливымъ къ вашему батюшкѣ, то развѣ въ недостаткѣ похвалилъ за доброту его ко мнѣ, а никакъ не въ осужденіи за его суровость. Успокойтесь же, безцѣнный другъ, если не хотите оскорбить чувствъ моихъ въ любви къ вамъ и въ уваженіи къ вашему батюшкѣ.

О, какъ бесѣда съ вами усыпляетъ мое горе!.. Какъ счастливъ бы я былъ даже теперь, лишенный васъ, безъ невыносимой мысли, что пишу къ вамъ въ послѣдній разъ.... въ послѣдній разъ.... милые разговоры, очаровательныя сношенія, дорогія строки, говорившія сердцу,

Digitized by Google

трогавшія душу, плѣнявшія и озарявшія мысль!.... все отнято у меня разомъ, изсякъ источникъ упоенія!....

По крайней мѣрѣ, вы оставляете мнѣ ваши письма.... могъ ли бы я разстаться съ ними? — Не хочу ни знать этаго, ни говорить объ этомъ; но при словахъ, которыми вы сопровождаете даръ вашъ, бодрость покидала меня.... нѣтъ у меня силъ противъ такаго испытанія.... Когда къ моимъ сожалѣніямъ присоединяются ваши, мѣра горечи переполняется.. Ахъ, несчастный! зачѣмъ это оружіе на пути моемъ? искалъ ли я его? зачѣмъ оно не лишило меня жизни, если должно было лишить васъ!...

Останавливаюсь.... Хочу кончить подъ вліяніемъ тѣхъ чувствъ и того рѣшенія, которыми будетъ руководствоваться моя новая жизнь. Дорогая Луиза! вы, всегдашняя любовь моя, провидѣніе мое — я васъ оставляю. Хоть бы издалека знать васъ счастливою и спокойною! — О, еслибъ можно остаться съ одними доказательствами, вашей любви и уваженія и нечувствовать глухаго и щемящаго сердце упрека, что я отравилъ жизнь вашу и совратилъ ясную судьбу вашу съ ея счастливаго теченія! Я силенъ и бодръ! Хочу быть счастливымъ и буду; ни на минуту не усомнитесь, Луиза — буду счастливъ, если только вы склонитесь на мои старанія и на усерднѣйшую просьбу и найдете счастіе въ привязанности окружающихъ насъ и въ той, однихъ остатковъ которой достаточно для счастія вашего Шарля.

CXXXIX. *Шарль къ Органисту.* — Изъ Женевы.

Г-нъ Рейбасъ, прежде нежели коснусь до предмета этаго письма, прошу васъ покорнѣйше извинить меня за необдуманныя слова, какія могли вырваться у меня въ минуту отчаянія и болѣзни, когда я неспособенъ былъ размѣрять своихъ выраженій по должнымъ вамъ и всегда неразлучнымъ со мною чувствамъ уваженія и преданности.

Благодарю васъ, г. Рейбасъ, за многія ваши милости, за тѣ счастливые дни, которыми я вамъ обязанъ и особенно за жертву вашу, за согласіе осчастливить меня рукою вашей дочери. Вамъ угодно взять назадъ свое великодушное слово, вслѣдствіе неблагоразумія, имѣвшаго въ глазахъ вашихъ всю важность проступка — и я сознаю ваше право законнымъ.

Пребывая въ этихъ чувствахъ, объявляю вамъ, г. Рейбасъ, что я добровольно и безпрекословно покоряюсь вашему опредѣленію и отка-

Digitized by Google

зываясь навсегда отъ руки вашей дочери, никогда не перестану возносить усердныхъ молитвъ къ Богу какъ за ея счастіе, такъ и за ваше.

Преданный и уважающій васъ Шарль.

CXL. *Луиза къ г-ну Преверу.* — Изъ Морнекса.

Пора мнѣ, г. Преверъ, отвѣтить на ваше дружеское письмо. Въ настоящемъ положеніи оно нѣсколько подкрѣпило меня. Безъ вашей помощи, безъ вашихъ совѣтовъ и снисходительной дружбы, — что сталось бы со мной, горькой, изнемогающей подъ гнетомъ этой борьбы, — давнишней, хотя такъ перемѣнчивой? Не оставляйте меня. Ваши строки имѣютъ на меня большое вліяніе. Я послушаюсь васъ, не буду плакать, перестану отчаяваться; мнѣ надобно отдохнуть, я жажду покоя, какъ бы ни былъ онъ жалокъ и неблагодаренъ.

Впрочемъ, не потребуйте, дорогой наставникъ, чтобы я, слабая, заключила все въ своемъ собственномъ сердцѣ. Если сберегу свои силы для успокоенія батюшки, для того, чтобы отъ самой Марты скрыть грызущую меня скорбь, то позвольте мнѣ обнаружить ее, по крайней мѣрѣ, передъ вами; позвольте утѣшать себя надеждою, что есть на свѣтѣ существо, которому я могу довѣриться вполнѣ, что это существо — вы, г. Преверъ, — что въ любви и уваженіи къ вамъ остается мое единственное, ненарушимое счастіе!

Надобно извѣстить васъ обо всемъ, что у насъ дѣлается, но прежде всего поговорю о присланномъ вами письмѣ. О, г-нъ Преверъ, все возстаетъ противъ меня, даже мои собственныя желанія!.... Я такъ боялась, чтобъ не было въ этомъ письмѣ какихъ-нибудь отчаянныхъ вспышекъ, неуваженія къ батюшкѣ, и кажется, мнѣ было бы легче, еслибъ предположенія мои оправдались.... Но при этой покорности въ несчастіи, при этой побѣжденной гордости, при словахъ такихъ нѣжныхъ, уважительныхъ, благородныхъ, полныхъ спокойствія и бодрости, внушенныхъ самой трогательной привязанностью.... сказать ли вамъ, г. Преверъ? — Сердце мое снова забило тревогу, взволновалось, переполнилось жалостью, удивленіемъ, горечью и страданіемъ; я усомнилась въ возможности прервать такую сильную привязанность; борьба возобновилась, еще болѣе меня обезсилила и въ концѣ сокрушила, хотя я и вышла изъ нея побѣдительницей. Пусть голосъ вашъ подкрѣпитъ меня, г. Преверъ; я краснѣю отъ своей слабости, но невозможно утаить ее отъ васъ: она слишкомъ велика, слишкомъ готова возобновиться. Поддержите меня.

Digitized by Google

Бѣдный, покинутый мною молодой человѣкъ! другъ достойный всей нѣжности, всевозможнаго уваженія! Мы, сообщники свѣта съ его возмущающими предразсудками, отталкиваемъ отъ себя такую прямую душу, такой пріятный умъ. Онъ былъ такъ веселъ, такъ счастливъ когда-то! Отрада и пища моей жизни, — онъ наполнялъ всѣ часы, всѣ минуты мои, иногда внезапной тревогой, но чаще дорогими, несравненными ощущеніями. Я съ раннихъ лѣтъ привыкла любить его, съ каждымъ днемъ росла любовь моя, судьба моя слилась съ его судьбою, все мое счастіе заключалось въ этой привязанности...., и вдругъ жестокій ударъ сразилъ его, лишилъ всѣхъ благъ, настоящихъ и будущихъ, и онъ же уничижается, забываетъ себя и думаетъ только обо мнѣ; онъ же, убитый горемъ, вызываетъ мою улыбку; онъ же, безсильный, бодрится; спокойствіемъ, кротостью, умѣренностью прикрываетъ свое отчаяніе и свои глубокія раны!

Посылаю вамъ письмо Шарля, г. Преверъ. Когда прочтете его, вы простите мое отчаяніе; вмѣстѣ со мной, вы еще болѣе убѣдитесь, что, не смотря на свои недостатки, не смотря на заблужденія, а главное на пятно, которымъ клеймятъ его рожденіе, этотъ молодой человѣкъ — существо благородное, одаренное отличными свойствами, характеромъ рѣдкимъ, сколько пылкимъ, воспріимчивымъ, столько же и прямымъ, кроткимъ и чувствительнымъ!

Перечитываю эти строки, любезнѣйшій г. Преверъ, и краснѣю.... »Не заблуждаюсь ли я?« иногда спрашиваю себя со страхомъ, посреди волненія и усилій надъ собою.... Можетъ быть.... Но я пишу къ наставнику добрѣйшему и снисходительнѣйшему, и, думаю, болѣе бы погрѣшила противъ него, еслибъ какой-нибудь уловкой прикрыла состояніе души своей. Простите же мнѣ мою откровенность, дорогой наставникъ!

Вотъ уже два дни, какъ мы устроились въ новомъ нашемъ убѣжищѣ. Тяжело мнѣ здѣсь, скучно, тоскливо, одиноко. Прекрасная страна, тихая долина, все это безмятежіе природы составляетъ такой тяжелый контрастъ съ моей душевной тревогой, безпрестанно переноситъ меня ко временамъ моего минувшаго безмятежія, и умножаетъ настоящее горе ежеминутнымъ напоминаніемъ прежнихъ радостей. Впрочемъ разсужденіи удобства, не возможно желать ничего лучшаго: люди, у которыхъ мы живемъ, прекрасные; свобода во всемъ полная. Если батюшка успокоится и вернется къ прежнимъ привычкамъ, то можетъ заняться обработкой маленькаго садика, смежнаго съ нашимъ домикомъ.

Охъ, г. Преверъ, какъ жалокъ бѣдный отецъ! Мнѣ такъ извѣстна прямота его правилъ, справедливость, нѣжность, совершенное самозаб-

Digitized by Google

вепіе въ отношеніи ко мнѣ; я вижу борьбу его враждебныхъ убѣжденій съ нѣжностью и справедливостью, вижу его предразсудки, равносильные внушеніямъ совѣсти, чувствую, что все это дѣлаетъ его несчастіе и довершаетъ мое, и — не могу подать никакой помощи! Онъ не можетъ противорѣчить себѣ, а между тѣмъ, сдѣланное имъ, терзаетъ его; я видѣла, какъ онъ былъ готовъ возвратиться назадъ, все позабыть, и потомъ опять превозмогалъ себя съ прискорбнымъ усиліемъ, увѣренный, что, сдавшись, подвергъ бы себя еще бо́льшимъ упрекамъ.

По пріѣздѣ сюда, батюшка былъ такъ мраченъ, какъ мнѣ никогда еще не случалось его видѣть. Сходя съ телѣги, я по неловкости упала, хотя впрочемъ нисколько не ушиблась; но батюшка сильно перепугался, поблѣднѣлъ, встревожился, началъ ласкать меня, потомъ ушелъ и во весь вечеръ не показывался. Тогда я на досугѣ обдумала свое новое положеніе и положеніе этаго почтеннаго, преданнаго отца, не видавшаго отъ меня ничего, кромѣ немногихъ тревожныхъ радостей и непрерывныхъ страданій. Чувство признательности заговорило во мнѣ: я пожалѣла, что сдѣлала такъ мало для его счастія; мысль, что могу отравить послѣдніе дни его, такъ испугала меня, что я рѣшилась казаться бодрѣе и довольнѣе, и, если возможно, возвратить ему утраченное спокойствіе и давно забытую радость.

Вчера утромъ онъ былъ также печаленъ, и, противъ обыкновенія, мало заботился обо мнѣ, занятый своими мыслями; но часамъ къ десяти, по отправкѣ въ городъ мальчика къ своему пріятелю съ письмомъ неизвѣстнаго мнѣ содержанія *), онъ возвратился ко мнѣ спокойнѣе, и освѣдомлялся на счетъ нѣкоторыхъ домашнихъ мелочей. Съ той минуты я старалась быть бодрѣе и довольнѣе, увѣряла его, что и край этотъ, и наше жилище мнѣ очень нравятся, что здоровье мое непремѣнно поправится здѣсь, лишь бы только онъ былъ счастливъ и готовъ успокоиться вмѣстѣ со мною. На этомъ застало насъ ваше письмо. Я пошла къ себѣ, чтобы прочесть его на свободѣ, также какъ и письмо Шарля, такъ поколебавшее меня, какъ вамъ извѣстно, и совершенно обезсилившее. День окончила въ одиночествѣ, потому что и батюшка, противъ обыкновенія, не слѣдилъ за моимъ горемъ и слезами.

Сегодня утромъ, немного приободрившись — надобно было отдать батюшкѣ письмо Шарля — я пошла къ нему въ садъ. Онъ держалъ

*) То самое, въ которое вложена была записка, извѣщавшая о прощеніи органиста.

Digitized by Google

въ рукахъ записку отъ пріятеля, только что принесенную посланной *); лицо его снова помрачилось: не въ первый разъ я замѣчаю подобное вліяніе на батюшку писемъ г. Шампена. Я спокойно подошла къ нему: »батюшка, сказала я, Шарль, съ вашего позволенія, писалъ ко мнѣ въ послѣдній разъ: онъ покоряется и уважаетъ вашу волю.... Въ мое письмо вложено вотъ это къ вамъ.« Я замолчала, батюшка раскрылъ письмо Шарля (списанное для васъ и тутъ прилагаемое). Во время чтенія, на лицѣ его обнаруживалось то недовольство, то невольное уваженіе. Если такъ, сказалъ онъ, вглядываясь въ меня, если я могу повѣрить, что тебѣ въ самомъ дѣлѣ лучше«.... и остановился, будто снова прохваченный пагубнымъ сомнѣніемъ. Тутъ-то я начала всячески увѣрять батюшку къ искренности Шарля,—сказала, что, въ сравненіи съ прежними днями, я чувствую себя гораздо лучше, что теперь уже дѣло кончено, что я одного только желаю, какъ бы забыть прошлое, возвратиться къ прежнимъ занятіямъ и совершенно поправиться, что теперь для меня гораздо возможнѣе и легче, потому что я успокоилась на счетъ Шарля и новыхъ его распоряженій.

Слова мои не произвели на батюшку ожидаемаго дѣйствія. Онъ, казалось, еще болѣе встревожился. О, г. Преверъ, съ прискорбіемъ должна признаться, что я не умѣю разгадывать батюшку по прежнему. Или онъ лишилъ меня своего довѣрія за всѣ вынесенныя отъ меня страданія? Вы не можете представить, какъ мнѣ тяжело было ошибиться въ надеждѣ, что я облегчу его, что онъ довѣрится мнѣ, и, послѣ такаго перелома, наконецъ успокоится, и обнаружитъ свое довольство тѣми признаками, которые какъ ни незамѣтны, но не ускользнули бы отъ моего сердца. Однакожъ я не упала духомъ, продолжала свои увѣренія, и, прежде нежели мы разстались, успѣла нѣсколько убѣдить его.

Вотъ на чемъ мы остановились, г. Преверъ. Прошу васъ, помогите мнѣ. Я хочу успокоить отца, чувствую, что въ исполненіи этой обязанности найду нѣкоторое утѣшеніе. Сильная жалость, которую онъ мнѣ внушаетъ, колеблетъ и облегчаетъ мои собственныя страданія, придаетъ мнѣ силу, которой бы не стало безъ нея. Отецъ не переставетъ терзаться, пока не увѣрится въ моемъ счастіи, будетъ возвращаться къ намѣреніямъ, которыхъ не въ состояніи выполнить, не подвергнувъ себя еще тягчайшимъ страданіямъ: такъ упорны его предразсудки и предчувствія, такъ сливаются они въ немъ съ прямотой души,

*) Письмо Шампена со словами: »ты не знаешь объ этомъ молодомъ человѣкѣ всего того, что я знаю.

Digitized by Google

съ убѣжденіями совѣсти, съ безкорыстіемъ воли. Въ избыткѣ тревоги, онъ теперь обращается къ Мартѣ, которая не намѣрена скрывать отъ него моихъ слезъ; но я буду принуждать себя и передъ Мартой, чтобъ и она содѣйствовала поправленію сдѣланнаго мной зла. Помоги мнѣ Богъ выполнить эту обязанность! Если Онъ попуститъ мнѣ одной быть несчастной, то явитъ величайшую свою ко мнѣ милость.

Мнѣ не позволено болѣе писать къ Шарлю; я и сама не желаю; но надѣюсь, не переступлю батюшкиныхъ приказаній, если васъ, г. Преверъ, попрошу передать ему, что письмо его успокоило и обнадежило меня, что я вѣрю въ прочность и искренность его обѣщаній. Скажите ему, что если въ самомъ дѣлѣ такъ, то Луиза удивляется ему, уважаетъ и благодаритъ его; скажите, что въ немъ мой миръ, мое счастіе, доступные еще при сокрушенныхъ надеждахъ, при утратѣ самой дорогой привязанности.... Что мнѣ еще прибавить? Вы сами хорошо знаете и доскажете, и съ бо́льшимъ благоразуміемъ передадите мои собственныя чувства. И такъ прощайте, дорогой наставникъ, оставляю васъ съ нимъ: въ этомъ единственное утѣшеніе

нѣжно вамъ преданной Луизы.

CXLI. *Ніонскій меръ къ Шампеню.* — Изъ Ніона.

Милостивый государь, я попалъ на слѣдъ этихъ людей и скоро узнаю ихъ исторію, дѣйствительно, не блестящую. Но все-таки мнѣ невозможно въ предписанный вами срокъ доставить точныя свѣденія и списокъ со статей. Въ Бургѣ судили отца, тринадцать лѣтъ тому назадъ, и, живя здѣсь, я не могу заставить чиновниковъ дѣйствовать поспѣшнѣе. Пусть пріятель вашъ повременитъ, и тогда можетъ узнать, на что онъ рѣшается. Впрочемъ я полагаюсь на вашу честность, увѣренный, что вы воспользуетесь этими документами только въ случаѣ крайней необходимости. — Честь имѣю, милостивый государь, и пр. Перренъ, меръ.

CXLII. *Шампень къ Рейбасу.* (съ нарочнымъ). — Изъ Женевы.

Ни съ мѣста, Рейбасъ, не то и ты и дочь твоя навсегда обезчещены. Счастье еще, что записка твоя у меня въ рукахъ.

Черезъ нѣсколько дней ты узнаешь, откуда онъ и увидишь, что тебя не обманывало предчувствіе, пока тебя не обошли. Злодѣи, Рейбасъ! тюрьма, позоръ!... всего еще незнаю. Ни съ мѣста же, смотри!

Не даромъ — какъ видишь — другъ твой Шампень.

Digitized by Google

CXLIII. *Г-нъ Преверъ къ Органисту.* — Изъ прихода.

Вы должны были получить письмо мое, г. Рейбасъ, уже давнишнее, но не терпѣвшее отлагательства, и я не могу подумать, чтобъ вы хотѣли оставить его безъ отвѣта. Вы желали подождать, подумать; но я говорю вамъ: надобно поспѣшить, дѣйствовать какъ можно скорѣе. Я не опасаюсь и не предполагаю, но глубоко убѣжденъ, что дочери вашей не выдержать долго борьбы.

Нѣтъ, старый и дорогой другъ, я не любилъ бы васъ, какъ люблю, не достоинъ бы былъ пожать руки вашей, еслибъ, имѣя въ виду беречь однихъ васъ, скрылъ опасность, угрожающую нашей Луизѣ. Выслушайте меня, умоляю васъ, выслушайте мою великую тревогу, которую отъ всей души желаю сообщить вамъ, пока еще время. Еще разъ увѣряю васъ — и Богъ мнѣ свидѣтель —, что я думаю не объ Шарлѣ, а объ Луизѣ и объ васъ, другъ мой. Съ возрастающимъ ужасомъ я вижу ваше заблужденіе, вижу ясно, какъ вы не можете видѣть. Чтобы успокоить васъ, Луиза васъ обманываетъ.... и чѣмъ спокойнѣе, чѣмъ довольнѣе вы ее видите, тѣмъ тяжелѣе ея усиліе, тѣмъ глубже ея рана. Вы заключили бы тоже самое изъ писемъ ея ко мнѣ, тайну которыхъ я вамъ открываю, какъ мнѣ ни трудно, потому что жизни своей не пожалѣлъ бы для спасенія Луизы, а вмѣстѣ съ ней и васъ.

Вы не знаете, г. Рейбасъ, какъ Луиза любитъ Шарля; я и самъ не воображалъ, чтобъ она могла любить его такъ пылко, страстно, глубоко, тѣмъ сильнѣе, что и уважаетъ и жалѣетъ его. Можетъ быть она во многомъ и ошибается, но это не важно; послѣ васъ, Луиза исключительно любитъ Шарля; она не въ состояніи оторваться отъ него, расторгнуть привязанность, въ которой заключалась вся ея будущность, все существованіе Шарля, — она чахнетъ въ безсильномъ стараньи подавить чувства, составлявшія жизнь и счастіе ея сердца. Вы могли уже замѣтить доказательства ея сильнаго разстройства: блѣдныя щеки, потухшіе глаза и ту поддѣльную бодрость, которая старается превозмочь дѣйствительное и глубокое страданіе. Марта не смѣетъ всего сказать вамъ, но я знаю черезъ нее, какія ночи проводитъ Луиза, и какіе пагубные признаки оказалались въ ней въ эти не многія недѣли.

Не утаю ничего отъ васъ, добрый другъ мой. Дочь ваша покоряется вамъ, но не добровольно, скажу лучше — не безъ угрызеній совѣсти. Преимущества рожденія не имѣютъ на нее вліянія, исключая того, что низкое происхожденіе Шарля не такъ сильно отталкиваетъ васъ отъ него, какъ притягиваетъ къ нему Луизу. Великодушіе, состраданіе къ несчастному много значатъ въ любви ея; отсюда источ-

Digitized by Google

никъ той горькой тревоги, которая вѣрнѣе сгубитъ ее, нежели лишеніе всѣхъ надеждъ. Ахъ, сжальтесь надъ ней, мой любезный Рейбасъ, сжальтесь надъ этимъ ангеломъ! Не допустите, чтобы чудныя свойства ея сердца обратились противъ нея самой; не допустите этому благородному и нѣжному созданью быть жертвой чувствъ, возвышающихъ ее надъ всѣми! Упорствомъ своимъ вы сгубите ее, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

А вы, старый другъ мой, не заглядывая въ страшное для васъ будущее, взгляните на настоящее. Счастливы ли вы? Нѣтъ. Вы встревожены, озабочены; нѣтъ въ васъ мира, вѣнчающаго всякое доброе или, покрайней мѣрѣ, дѣйствительно неизбѣжное рѣшеніе. Я не подозрѣваю это, а навѣрное знаю отъ вашей же дочери: она, видя васъ въ этомъ положеніи, горько упрекаетъ себя, говоритъ, что отравила жизнь вашу, и, чтобы поправить это зло, прибавляетъ къ прежнимъ своимъ мукамъ усиліе казаться счастливою. Ахъ, скорѣе возвратитесь назадъ, дорогой мой Рейбасъ. Вы погибаете! Дай Богъ, чтобъ не пробилъ еще тотъ часъ, когда возвращеніе будетъ напрасно и лекарство безполезно!

Я вижу ясно, и пишу къ вамъ въ сильной тревогѣ; упрекаю себя, зачѣмъ въ послѣдній разъ писалъ къ вамъ не такъ убѣдительно. Возвратитесь, дорогой мой Рейбасъ. Вѣдь это наше дитя; я не меньше васъ люблю ее, не меньше васъ потерялъ бы въ ней, и такъ же, какъ вы, упрекалъ бы себя..., Возвратитесь, возвратитесь, мой добрый Рейбасъ; поспѣшите немедленно увѣдомить письмомъ, что вы сдаетесь на убѣдительную и торжественную просьбу вашего вѣрнаго и искренно-преданнаго Превера.

CXLIV. *Меръ къ Шампену.* — Изъ Ніона.

Посылаю вамъ, милостивый государь, при семъ прилагаемые документы; въ справочныхъ бумагахъ вы найдете точное доказательство того, что молодой человѣкъ дѣйствительно сынъ этихъ людей. Присовокуплю сюда нѣкоторыя подробности, собранныя независимо отъ статей, за что и прошу покорнѣйше въ скорѣйшемъ времени вознаградить меня за всѣ протори и убытки, кои простираются до 47 франк. 50 сант.

Отецъ молодаго человѣка родился въ Кольмарѣ, гдѣ и занималъ порядочную должность; но заподозрѣнная честность, страсть къ игрѣ и другія дурныя наклонности вовлекли его мало по малу въ различнаго рода безпорядки, за которые въ первый разъ онъ и приведенъ былъ въ судъ и осужденъ на двухъ-годичное тюремное заключеніе, въ продолженіи коего утратилъ всякой стыдъ и послѣднюю нравственность.

Digitized by Google

До этаго еще дѣла и при жизни покойной жены, начались его сношенія съ матерью вашего молодаго человѣка, бывшаго тогда у него въ услуженіи. Послѣ перваго заточенія, она послѣдовала за нимъ; два или три года они скитались, промышляли кое-какимъ мелкимъ ремесломъ, а чаще принуждены были питаться подаяніемъ. Первый ихъ ребенокъ умеръ четырехъ лѣтъ, можетъ быть, вслѣдствіе нищеты, а не мудрено, что и отъ побоевъ отца. Этотъ человѣкъ былъ необузданной жестокости; онъ-то и помѣшалъ несчастной женщинѣ, чувствовавшей близость родовъ, уйдти съ границы; онъ-то, не смотря на ея крики и просьбы, отнесъ ребенка на ближайшій церковный дворъ, гдѣ и оставилъ его, увѣривъ мать, что ребенокъ умеръ. Все это подтверждается отвѣтами несчастной, не перестающей оплакивать сына.

Потомъ этотъ человѣкъ сдѣлался ужасомъ селеній, предался различнымъ злодѣяніямъ, и наконецъ присталъ къ шайкѣ злоумышленниковъ, наводняющихъ департаментъ. За учиненныя ими кражу и насиліе, пятеро приведены были въ Бургскій ассизный судъ и осуждены на двадцать лѣтъ заточенія. Онъ умеръ гораздо прежде истеченія срока, года два тому назадъ. Послѣ приговора, бѣдная женщина, брошенная имъ еще до этаго, поселилась въ Бургѣ, гдѣ и понынѣ существуетъ. Она не переставала посѣщать его въ тюрьмѣ, раздѣляла съ нимъ послѣднее, и поведеніемъ своимъ и крайностью заслужила уваженіе и сострадавіе нѣкоторыхъ честныхъ людей, употребляющихъ ее въ работу, или иначе помогающихъ ей.

Вотъ, милостивый государь, все, что я могъ узнать; надѣюсь, этаго достаточно для вразумленія вашего друга. Впрочемъ молодой человѣкъ не законный сынъ этихъ людей; мать считаетъ его умершимъ, и сама, какъ я слышалъ, не долговѣчна. Стало быть, если другія причины говорятъ въ пользу молодаго человѣка, то почему бы имъ и не преобладать надъ этими? Впрочемъ, судить объ этомъ не мое дѣло; объ одномъ только прошу васъ — приложеніемъ къ дѣлу этихъ документовъ не введите меня въ отвѣтственность. Честь имѣю, и пр. Перренъ, меръ.

CXLV. *Шамплень къ Органисту.* — Изъ Женевы.

Все извѣстно теперь, Рейбасъ. Знай, что ты чуть было не отдалъ свою Лунзу, чистую твою Лунзу за сына злодѣевъ, грабителей по большимъ дорогамъ, изверговъ, одинъ изъ которыхъ —мать жива еще.... У меня документы за подписью властей Ніона, Жекса, Бурга. Прошу тебя придти взглянуть на нихъ собственными глазами; я не хочу выпускать ихъ изъ рукъ; приходи, потому что все это дѣлается для твоей же пользы, а ни чуть не на зло сердитому парню.

Digitized by Google

Ты справедливо предугадывалъ въ этой буйной головѣ признаки испорченной крови, развращеннаго рода; но все ли ты видѣлъ, Рейбасъ? Ты воображалъ бродягъ, а не злодѣевъ, которыхъ за преступленія таскали изъ тюрьмы въ тюрьму, два года въ Кольмарѣ, двадцать лѣтъ въ Бургѣ! Такъ близко отъ насъ?... Видишь ли теперь, чему приписать твои прошлыя наблюденія, твой страхъ за будущее, тотъ ужасъ, что заставлялъ тебя медлить до тѣхъ поръ, пока наконецъ, по особенной милости Божіей, письмо твое не попалось мнѣ въ руки, и не осталось у меня до поднятія завѣсы и до освѣщенія страшной тайны? Понимаешь ли теперь, что здравомыслящій отецъ, старина, какъ ты, рода чистаго и безпорочнаго, предчувствуетъ вѣрнѣе, видитъ дальше, чѣмъ самъ пастырь, что сбивается на своемъ пути и въ самомъ своемъ милосердіи и добрыхъ намѣреніяхъ? Рейбасъ, благословляй Бога, отвращающаго отъ тебя смертный ударъ, отъ рода твоего пятно несмываемое.

Будетъ. Умолчу о другихъ ужасахъ. Замѣть же хорошенько — и отецъ началъ также, такъ сынъ (не въ укоръ будь сказано послѣднему), именно: воспитанъ былъ на добро и должность занималъ порядочную; только честность-то его была на замѣчаніи (припомни первины), да характерецъ имѣлъ пылкой и своенравный; а за тѣмъ пошли и безпорядки, и развратъ, и тюрьма. На свободѣ же они шатались, какъ дикіе, сгубили четырехъ-лѣтняго ребенка; этого забросили къ вамъ на дворъ; а три мѣсяца спустя пристали къ воровской шайкѣ, разбойничали, грабили и покончили тюрьмой, гдѣ отецъ и умеръ три года тому назадъ.

Все это тайна, разумѣется; но теперь знай же, чего держаться. А записку твою берегу на случай. Пастору скажи, что хочешь, лишь бы отказъ былъ на-чисто. За дочь твою я отвѣчаю, если самъ устоишь. Что же касается до молодца, г. Преверъ такъ хорошо уладилъ, что его опять принимаютъ въ богословіе; онъ принялся ужъ за ученье, и какъ ни въ чемъ не бывалъ. Этотъ пойдетъ по своей дорогѣ; она станетъ развлекаться по своему; черезъ полгода ни объ чемъ и помина не будетъ, ты только до послѣдняго дня не перестанешь благодарить Бога за милосердое избавленіе наканунѣ самой гибели.

Шампенъ.

CXLVI. *Органистъ къ г-ну Преверу.* — Изъ Морнекса.

Да сжалится надъ нами милосердый Господь! Да отвратитъ тотъ бичъ, которымъ Онъ не перестаетъ казнить меня, и нынѣ — съ такою жестокостью, что мнѣ нужны великія силы, чтобъ устоять подъ ударомъ.

Digitized by Google

Я уважаю и люблю васъ, г-нъ Преверъ, и какимъ бы образомъ могъ оставить васъ безъ отвѣта? Но признаюсь, пока скорбь не совсѣмъ овладѣла моимъ сердцемъ, и не потрясла всего существа моего, страхъ приковывалъ меня, и я не могъ рѣшиться на послѣднее слово. Однако, гораздо прежде полученія вашего послѣдняго письма, боязнь за единственное нѣжно — любимое дитя заставила молчать мои сильнѣйшія убѣжденія, и тогда я отвѣтилъ вамъ, сказалъ, что прощаю, что снова соединяю ихъ.... Все это было написано; письмо это съ недѣлю уже, какъ поручено Шампену для передачи вамъ.

Что произошло послѣ этаго, — вамъ неизвѣстно.... Ужасныя вещи, г-нъ Преверъ. Ужасныя вещи, оправдывающія и освѣщающія всѣ мои предчувствія, все мое упорство и, въ то же время, полагающія между этими дѣтьми границу непереступаемую,—границу, черезъ которую и я не переступлю.... Объявляю это рѣшительно. Шарль — не законный сынъ злодѣевъ, содержавшихся въ тюрьмѣ за преступленія!.... Безполезно говорить болѣе, особливо вамъ, достойнѣйшій г-нъ Преверъ; ударъ этотъ поразитъ васъ слишкомъ сильно; онъ говоритъ самъ за себя безъ всякихъ лишнихъ подробностей. Извѣстіе это справедливо; существуютъ письменныя доказательства, которыхъ никто не можетъ стереть съ лица земли. Мы же можемъ только въ глубинѣ сердецъ затаить страшное пятно несчастнаго. Онъ долженъ уѣхать.

Я остаюсь при моей Луизѣ, можетъ быть, смертельно пораженной, какъ вы ясно даете мнѣ понять и какъ я самъ иногда невольно провижу. Такова, стало быть, воля Божія.... Молодой человѣкъ, при каждомъ приближеніи моемъ къ нему, поражаетъ и отталкиваетъ меня отъ себя слишкомъ явными предостереженіями; но послѣднее — самое ужасное.... Неужели мнѣ ослѣпнуть, чтобъ его не видѣть? Если Богъ вознаградитъ меня сохраненіемъ дочери, я буду благословлять Его на всякій день жизни, сердце мое преисполнится благодарности, я буду жить радостью и надеждою на Его щедроты; если же Онъ отниметъ ее у меня, скорбь будетъ велика, но не надолго; дыханіе, удерживающее меня на землѣ, становится съ каждымъ днемъ слабѣе и слабѣе. Съ вашей помощью, достойный и дорогой мой руководитель, я научусь покоряться той десницѣ, которая, хотя и кажется намъ — близорукимъ—безжалостной и несправедливой, но тѣмъ не менѣе свята, совершенна и преисполнена благодати.

Преданный вамъ Рейбасъ.

Digitized by Google

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

CXLVII. *Г-жа де-ла-Куръ къ Шампени.* — Изъ Турина. Августъ *).

Необходимо извѣстить васъ, г-нъ Шампенъ, обо всемъ здѣсь происходящемъ. Я кое-какъ успѣла возбудить упавшій духъ сына; но, признаюсь, сама не раздѣляю тѣхъ надеждъ, которыми его поддерживаю. Во всемъ полагаюсь на однихъ васъ, и снова прошу вашего содѣйствія до тѣхъ поръ, пока не войду въ прямыя сношенія съ г. Рейбасомъ.

Пишу къ вамъ изъ Турина. Мы уже съ недѣлю какъ здѣсь. Чего мнѣ стоило вытащить сына изъ страшнаго мѣста, въ которомъ онъ остановился! Однакожъ мои ласки и убѣжденія подѣйствовали на него, особенно, когда, выждавши первые дни, я рѣшилась заговорить съ нимъ о предметѣ его отчаянія. Сначала сказала ему, что желанія его могутъ еще исполниться, что въ приходѣ все совершенно измѣнилось, что, при новыхъ обстоятельствахъ, мнѣ легко будетъ рѣшиться на попытку, которая должна обрадовать г. Рейбаса и спасти его дочь; но я не смѣла и не могла сказать ничего опредѣлительно, да и онъ выслушивалъ меня равнодушно, и ни о чемъ не распрашивалъ. Въ дорогѣ ужъ заговорилъ объ этомъ, по случаю письма Жака къ отцу, которое нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ попалось на глаза Эрнесту. Писанное независимо отъ всякаго посторонняго вліянія, безъ малѣйшаго намѣренія подкрасить истину,—письмо это сдѣлало тогда на него большое впечатлѣніе, и оставило въ немъ зародышъ надежды, за который онъ и ухватился.

Я отъ души порадовалась этому обстоятельству, придавшему словамъ моимъ значеніе, котораго бы сами по себѣ онѣ никакъ не имѣли: Эрнестъ, въ настоящемъ своемъ положеніи, приписалъ бы ихъ одной моей нѣжности. Но въ письмѣ говорилось объ общемъ согласіи на разрывъ, а главное — о согласіи самихъ Шарля и Луизы, — это-то въ глазахъ его и придало нѣкоторое правдоподобіе словамъ, которыя не перестаю без-

*) Эта четвертая книга начинается съ Августа мѣсяца, и письма не прерываются до конца года.

Digitized by Google

престанно твердить ему, — именно, что дѣло еще можетъ поправиться, что надобно только выждать, пока время сгладитъ воспоминанія, что позднѣе предложеніе его примется немилуемо. Стало быть, съ этой стороны я очень подвинулась; дай только Богъ, чтобъ обстоятельства не опровергнули моихъ обѣщаній, и снова не предали бы меня той ужасной тоскѣ, отъ которой едва начинаю освобождаться!

Недѣли проходятъ, г. Шампенъ, а я не получаю отъ васъ писемъ и трепещу. Неужели бы вы оставили меня лишній день въ тревогѣ, еслибъ имѣли сообщить что-нибудь хорошее? Изъ послѣдняго вашего письма видно, что дѣло готово было переладиться съизнова: г. Рейбасъ очень колебался, а г. Преверъ намѣренъ былъ склонить несчастнаго отца на согласіе и побуждалъ его, хотя сильными мѣрами, но тѣмъ не менѣе дѣйствительными, подтвержденными и моимъ материнскимъ сочувствіемъ. Если увидите, что дѣло принимаетъ прежній оборотъ, то прежде всего прошу васъ, г. Шампенъ, увѣдомить меня объ этомъ: какъ бы ужасно ни было мое собственное положеніе, избави Богъ, чтобъ я когда-нибудь пожелала выдти изъ него, подвергая малѣйшей опасности милую мамзель Лунзу! Увѣдомьте меня, пожалуйста, объ ея здоровьѣ. Письмо ваше на этотъ счетъ такъ сильно встревожило меня, что, при малѣйшей возможности оставить Эрнеста, я сама бы поспѣшила въ приходъ, чтобы собственными глазами обсудить, на что еще можно надѣяться.... Лунза слаба, г. Преверъ видитъ ясно и думаетъ вѣрно.... Чего бы не дала я, Боже мой, чтобъ Эрнестъ не зналъ этой дѣвушки!

Завтра отправляемся во Флоренцію; черезъ нѣсколько дней возвратимся сюда. Для бо́льшей вѣрности продолжайте адресовать ваши письма въ Туринъ. Когда сынъ мой успокоится, и если позволятъ обстоятельства, я пріѣду опять въ Женеву, и поживу тамъ до возвращенія въ приходъ. Таковы мои намѣренія въ эту минуту, пока наступающій часъ не измѣнилъ ихъ. Во всякомъ случаѣ, напишите мнѣ съ обратнымъ курьеромъ.

Жюли де-ла-Куръ.

CXLVIII. *Шампенъ къ г-жѣ де-ла-Куръ.* — Изъ Женевы.

Успокойтесь, сударыня, не горюйте. Вы приказали дѣйствовать и — мы дѣйствовали,—успѣть во чтобъ ни стало—и мы успѣли. Самое трудное сдѣлано, остальное придетъ. Успокойтесь же и пріободрите сынка: пусть хоть съ меня примѣръ беретъ — дѣйствую не изъ интереса, а тѣмъ ужъ доволенъ, что дѣлаю добро стольким особамъ, и спасаю Рейбаса съ дочерью.

Digitized by Google

Это, сударыня, страшная тайна: прошу васъ оставить ее про себя, да надѣюсь, и сами вы не пожелаете ея разглашенія. Въ ту минуту, когда Рейбасъ не колебался, а рѣшался уже (у меня въ ящикѣ и письмо, которымъ онъ прощаетъ Шарля и возвращаетъ ему дочь), подоспѣло открытіе, прибыли одно вслѣдъ за другимъ извѣстія; оказалось, что этотъ Шарль сынъ разбойниковъ, которыхъ за злодѣянія таскали изъ тюрьмы въ тюрьму, два года выдержали въ Кольмарѣ, двадцать лѣтъ въ Бургѣ! Мать еще жива! Немедля я увѣдомилъ объ этомъ Рейбаса, который занесъ было уже одну ногу въ пропасть, а теперь благословляетъ Небо, спасающее его рукою вашего покорнаго слуги.

Все это, сударыня, какъ изволите сами обсудить, сдѣлалось не однимъ мановеніемъ волшебнаго прутика; и, если я къ вашей милости писалъ рѣдко, то не слѣдуетъ еще изъ того, чтобъ скупился на писанье. Пока вы изволили подвигаться съ своей стороны, я не терялъ времени со своей; вамъ стоило однихъ словъ, а мнѣ и трудовъ и денегъ, тратился и на письма и на разные хлопоты и разсылки; счётецъ расходамъ бережется у меня для предъявленія вашей милости. Когда процесъ выигранъ, тутъ ужъ не до жалобъ. Мы теперь надлежащимъ образомъ отдѣлались отъ этого Шарля; добрый пасторъ обратился вспять, поле свободно, осталась посреди него одна птичка: дѣло въ томъ теперь, какъ бы потихоньку взяться за нее и, покуда, безъ вашего вмѣшательства.

Употребите же, сударыня, это время, на поощреніе бѣднаго молодаго человѣка. Преграда между мамзелью Рейбасъ и Шарлемъ положена; черезъ нее, я знаю, Рейбасъ не переступитъ. Объ дѣвушкахъ же я думаю: коли есть съ одной стороны преграда, такъ онѣ обернутся за мужемъ въ другую; и такъ не страшитесь нисколько за мамзель Рейбасъ. Фразы все фразы: щедръ на нихъ, какъ я вамъ докладывалъ, и этотъ добрый пасторъ, который, какъ изволите говорить, такъ *ясно видитъ*, и, ради своего интереса, вѣроятно, удручаетъ скорбями другихъ. Но не бойтесь. При отъѣздѣ изъ прихода, мамзель Луиза ужъ чувствовала себя лучше, а теперь она тамъ спокойна, вдыхаетъ сосновый запахъ, отецъ и старая служанка лелѣютъ ее, она видимо поправляется, круглѣетъ не хуже какой игуменьи. Что касается до Шарля, онъ скоро выѣдетъ изъ сторонки и все съ нимъ будетъ покончено.

Тутъ видна воля Божія. Еслибъ бракъ состоялся, и Рейбасъ послѣ него открылъ бы тайну, тогда много было бы несчастныхъ жертвъ. Но я приспѣлъ, несчастія отвращены, дорога безопасна и будущее наше, если только никто мнѣ не помѣшаетъ. И такъ, прошу васъ, сударыня,

Digitized by Google

сидѣть смирно и дѣлать свое дѣло, не мѣшаясь въ мое. Придетъ время, скажете спасибо, и тогда въ вашей волѣ будетъ оказать ту признательность, въ которой изволили увѣрять въ предпослѣднемъ вашемъ письмѣ.

Честь имѣю и пр. Шамшенъ.

CXLIX. *Г. Преверъ къ Органисту.* — Изъ прихода.

Читаю и перечитываю ваше письмо. Оно наполняетъ меня ужасомъ: это испытаніе самое жестокое, потому что поражаетъ меня въ томъ, что для меня всего дороже, а главное — въ васъ, старый и дорогой другъ мой. Однакожъ благодарю Бога: посреди этого крушенія мнѣ остается одно утѣшеніе — отрадное, живое, — то утѣшеніе, что, каково бы ни было будущее, оно найдетъ васъ готовымъ. Этотъ случай доказываетъ мнѣ вашу силу въ скорбяхъ, ту христіанскую покорность, которая готова безропотно склониться подъ рукою ее карающею и непрестанно благословлять десницу, ее спасающую и милующую. Нѣтъ, любезный мой Рейбасъ, мнѣ не приходится учить васъ; лучше соединимъ наши страданія, и станемъ утѣшать и подкрѣплять другъ друга; во взаимной скорби мы обрящемъ богатство, уготованное для тѣхъ, кто вѣритъ, надѣется и любитъ.

Случилось то, чего я всего боялся. Но, опасаясь за моего бѣднаго Шарля, я предполагалъ только возможность случайнаго открытія, я не воображалъ, чтобъ человѣкъ, чтобъ христіанинъ могъ найти удовольствіе въ разыскиваньи такихъ вещей, которыя должны были безвозвратно стубить и безъ того уже жалкое существованіе.... Нѣтъ, я не воображалъ, чтобъ онъ могъ вмѣнить себѣ въ обязанность – скрѣпить совѣстью дѣло преступное въ глазахъ нашего Милосердаго Учителя. Искренно желаю, чтобъ поступкомъ вашего пріятеля руководило заблужденіе, ложное усердіе къ вамъ; но самое это заблужденіе было бы слишкомъ грубо, слишкомъ сродно гнусной злобѣ!

Любезный мой Рейбасъ, я обязанъ вамъ полной откровенностью. Лишнимъ считаю говорить, что не зналъ того, что вы мнѣ довѣряете, но я никогда на этотъ счетъ не былъ спокоенъ. Считая всегда бездѣльниками преступныхъ родителей, забросившихъ несчастнаго ребенка, я съ самаго начала отказался ото всякихъ справокъ объ нихъ, тѣмъ болѣе, что съ первымъ же положительнымъ извѣстіемъ принужденъ былъ бы заставить ихъ взять къ себѣ это маленькое созданье, которое, можетъ быть, и не пережило бы ихъ жестокаго обращенія, а, оставшись въ живыхъ, неминуемо развратилось бы подъ вліяніемъ ихъ примѣра. Въ по-

Digitized by Google

слѣдненъ случаѣ я радъ, что послушался собственнаго внушенія, тогда — по мнѣнію многихъ—предосудительнаго, и спасъ отъ порчи ребенка, самымъ рожденіемъ уже какъ бы обреченнаго пороку; благодарю Бога — Шарль только несчастный, а не недостойный Его милости.

Однакожъ, г. Рейбасъ, мнѣ надобно сдѣлать вамъ признаніе: боюсь, не показалось бы оно вамъ слишкомъ запоздалымъ. Тяжело мнѣ думать, любезный другъ, что охладится, можетъ быть, ваше уваженіе ко мнѣ; но пришла пора освободиться отъ тайны, давно уже тяготящей мое сердце; предоставляю прямотѣ вашей разсудить, въ какой степени я виноватъ передъ вами.

Я не зналъ ничего, г. Рейбасъ, но могъ бы знать все. Десять лѣтъ тому назадъ я получилъ безъименное письмо изъ Жекса. Мнѣ предлагались на счетъ родителей мальчика открытія, которыя — говорилось въ письмѣ — могли быть тяжелы для меня и пагубны для ребенка, и предлагались мнѣ только съ моего собственнаго согласія и желанія! Это письмо встревожило меня ужаснымъ образомъ. Прошло нѣсколько дней, я не зналъ еще на что рѣшиться, какъ получаю второе, поуспокоившее меня нѣсколько. Авторъ письма утверждалъ, что открытія объ родителяхъ Шарля сдѣланы имъ случайно и безъ всякой посторонней помощи; онъ считалъ себя обязаннымъ, на всякій случай, повѣрить это мнѣ, и, предоставляя моему рѣшенію, какъ поступить приличнѣе, клятвенно и передъ Богомъ увѣрялъ меня, что тайны никто не узнаетъ. Три года тому назадъ, я узналъ имя писавшаго, по полученіи записки слѣдующаго содержанія:

»Строки эти, мой любезный собратъ, будутъ вамъ переданы послѣ моей смерти. Мною писаны къ вамъ оба безъимянныя письма *на счетъ ребенка.* Тайну уношу съ собой; она извѣстна еще *одной только особѣ;* но съ этой стороны, увѣряю васъ, опасаться нечего.

»Вы хорошо сдѣлали; прошу васъ, продолжайте начатое. Доброе дѣло ваше согласно съ уроками Учителя, Которому мы служимъ и возлѣ Котораго — надѣюсь на Его милосердіе — когда-нибудь соединимся.«

Собратъ вашъ *Лежёнь*, пасторъ изъ Жекса.

Вотъ, бѣдный другъ мой, тайна, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тяготившая мое сердце. Но вспомните: во время полученія этихъ писемъ, Шарль былъ девятилѣтнимъ ребенкомъ, объ видахъ на Лунзу и помина не было; я могъ считать себя какъ бы свободнымъ, болѣе этого, — человѣколюбіе и другія причины, побудившія въ началѣ отклониться отъ розысковъ, обязывали меня не поощрять пагубныхъ от-

Digitized by Google

крытій, берсчь, по возможности, отъ всякаго зла молодое растеніе, пріютившееся подъ моею сѣнью. Я самъ готовъ былъ предпочесть невѣденіе, потому что открытія въ тысячѣ случаевъ связали бы мнѣ руки, и я никакъ не могъ бы надѣяться на ненарушимость тайны. Наконецъ я думалъ, любезный мой Рейбасъ, вмѣстѣ съ этимъ добрымъ пасторомъ, что поступая такимъ образомъ, лучше соображался съ уроками Нашего Учителя, и что истинной любви подобаетъ скрывать вредное и не упускать никакихъ средствъ къ добру.

Таковы были мои тогдашнія причины. Можетъ быть, мнѣ слѣдовало открыться вамъ позднѣе, когда Шарль выросъ и привязался къ Лунзѣ: тогда-то, можетъ быть, любезный другъ мой, я преступилъ свою обязанность, въ отношеніи къ вамъ. Но что могъ я сдѣлать при столькихъ побужденіяхъ со всѣхъ сторонъ! Долгъ, внушавшій мнѣ обязанности къ вамъ, говорилъ также въ пользу несчастнаго. Я спасъ ребенка съ такимъ трудомъ, взростилъ на своихъ рукахъ, такъ сильно привязался къ нему: какимъ же бы образомъ рѣшился погубить его открытіемъ того, что, по письму пастора, навсегда должно было остаться тайной? А позднѣе, увидавши, что судьба нечувствительно влечетъ Лунзу къ молодому человѣку, замѣтивши ихъ взаимную привязанность, позднѣе, — когда надежда и счастіе двоихъ дѣтей озарили новымъ блескомъ наше скромное убѣжище, когда дочь ваша полюбила въ моемъ Шарлѣ именно то, что отдалило бы отъ него сердце, менѣе возвышенное и благородное, — какимъ образомъ, скажите, могъ бы я тогда посягнуть на поступокъ вашего пріятеля, низвергнуть въ бездну два существа нѣжно преданныя и, какъ бы, созданныя другъ для друга? Я виноватъ передъ вами, г. Рейбасъ, но этотъ человѣкъ гораздо виновнѣе передъ Богомъ. Въ его рукахъ было наше общее счастіе и несчастіе.... Отъ него, можетъ быть, зависѣла жизнь вашей дочери!... Ахъ, да отвратитъ отъ него Богъ страшнѣйшій урокъ, пусть не напомнятъ ему никогда ужаснѣйшія угрызенія совѣсти объ той отвѣтственности, какая лежала на немъ, когда, скрывши письмо ваше, онъ старался навсегда уничтожить ваши разумныя и благодѣтельныя намѣренія.

Вы не хотите, любезный другъ, переступать этой границы, — ваша воля, и мнѣ не слѣдуетъ настаивать. Вы и безъ того уже принесли великую жертву, и я радуюсь за васъ, ибо Богъ разсудитъ васъ; радуюсь и за себя, ибо вы внушаете мнѣ еще болѣе любви и уваженія. Я понимаю вашъ ужасъ, принимаю ваше слово, уважаю его; но дальше — ничего не разумѣю. Одно только скажу вамъ: открытій этихъ я не принимаю за Божіе предостереженіе. Богъ для руководства далъ намъ

Digitized by Google

законъ свой и предоставилъ свободу; намъ надлежитъ прилагать этотъ законъ къ поступкамъ, по собственному усмотрѣнію. Ежели изо всякихъ событій, мы будемъ произвольно выводить другія руководства, другія поученія и предзнаменованія, а не тѣ, которыя предписаны закономъ Божіимъ и совѣстью, то, значитъ, мы готовы замѣнить его повелѣнія собственными желаніями, истину заблужденіемъ; значитъ, мы уничтожаемъ всякій законъ нравственный, даемъ право вашему пріятелю приписывать, неизвѣстно, какому предостереженію Божію то, что всего противнѣе, всего недостойнѣе по данному намъ Богомъ закону. Г. Рейбасъ, удалите отъ себя такую мысль, вѣрьте въ законъ Божескій, вѣрьте, что человѣкъ совершенно свободенъ исполнять этотъ законъ или преступать его; не выходите изъ этихъ двухъ условій всякаго добра, всякой добродѣтели, всякаго правила возвышеннаго, чистаго, нравственнаго, всемірнаго; и, если ужъ хотите видѣть во всемъ происходящемъ руку Божію, то не лучше ли, вмѣсто того, чтобъ приписывать новое знаменіе предостереженію, для разлученія Луизы съ Шарлемъ, принять его, какъ сильнѣйшее испытаніе, насылаемое на васъ Богомъ?

Увѣдомьте меня, пожалуйста, объ дорогой Луизѣ; пускай она никогда не знаетъ этихъ пагубныхъ извѣстій. Преодолѣвайте свою грусть, чтобы казаться ей спокойнымъ, не сосредоточивайтесь въ себѣ, говорите съ ней объ Шарлѣ. Постарайтесь, чтобъ не было между вами отчужденія, которое возникаетъ всегда, когда не смѣютъ коснуться до наполняющаго мысль предмета. Испробуйте всевозможныя средства, пожертвуйте собой, передѣлайте себя; но успокойте, разсѣйте ея мысли; старайтесь, по крайней мѣрѣ, смягчить грусть ея, побуждайте ее къ ласкамъ, къ откровенности; и, если ваши старанія будутъ неуспѣшны, то возвращайтесь сюда, любезный мой Рейбасъ, не лишайте меня моей доли, въ этомъ трудѣ.

Я съ вами согласенъ: Шарлю надобно выѣхать. Здѣсь угрожаетъ ему позоръ; впрочемъ, избѣжитъ ли онъ позора отъѣздомъ? Не знаю. Эта-то неувѣренность и заставляетъ меня перемѣстить его, не отдаляя отсюда, чтобъ въ случаѣ предвидимаго несчастія присутствіе мое могло удержать Шарля отъ жестокаго отчаянія. Думаю на слѣдующей же недѣлѣ отправить его въ Лозанну, для продолженія тамъ богословскихъ занятій, прерванныхъ здѣсь несчастною дуэлью. Луизѣ скажите, что причиной отъѣзда Шарля, все тоже несчастное дѣло, и продолжайте, любезный мой Рейбасъ, писать ко мнѣ и любить вашего искренно преданнаго

Превера.

Digitized by Google

CL. *Г. Преверъ къ Шампену.* — Изъ прихода.

Г. Шампенъ, хотя просьба моя до васъ не терпитъ отлагательства, хотя я знаю, что въ рукахъ вашихъ тайна, которой вы такъ жестоко воспользовались; но не смотря на это, я долженъ былъ выждать время, чтобы написать вамъ умѣренно и въ духѣ кротости, отъ котораго не желалъ бы отклониться.

Знаю, г. Шампенъ, что вы давно уже противитесь желанію моему соединить моего воспитанника съ дочерью г. Рейбаса. Не понимая причинъ, побуждавшихъ васъ вредить молодому человѣку, совершенно вамъ чуждому, я считалъ васъ въ правѣ, по дружбѣ къ г. Рейбасу, руководить его вашими совѣтами и подавать свое мнѣніе; но то, что узнаю теперь, приводитъ меня въ сильное негодованіе и навлекаетъ сомнѣніе на ваши намѣренія и на вашу нравственность.

Дѣйствительно, г. Шампенъ, если дошедшіе до меня слухи справедливы, если вы позволили себѣ удержать письмо Рейбаса, рѣшавшее судьбу двухъ дорогихъ мнѣ дѣтей, — вы поступили противъ всякаго права, противъ всякой деликатности, противъ всякаго человѣческаго чувства; и что могло заставить васъ удержать письмо, какъ не желаніе выгадать время, необходимое для открытія тайны, годной только для безвозвратной пагубы невиннаго.

Таковъ вашъ поступокъ, г-нъ Шампенъ. Еслибъ люди узнали объ немъ, они назвали бы его низкимъ и гнуснымъ; но вы знаете, есть Судія, Который видитъ и взвѣшиваетъ то, чего люди не видятъ и не знаютъ, и Ему-то вы дадите отвѣтъ. Подлѣ этого страшнаго суда, мой судъ ничего для васъ не значитъ и потому я лучше замолчу. Одно только скажу вамъ: ежели вы желали такъ жестоко повредить, то должны быть довольны, а современемъ будете еще довольнѣе. Шарль несчастенъ, лишенъ всѣхъ надеждъ, безъ семьи и безъ подпоры въ будущемъ, рано или поздно ему угрожаетъ позоръ неминуемый, покуда еще ему неизвѣстный. Но тутъ еще не главное зло: смертельный ударъ вашъ нанесенъ дочери Рейбаса, дочери вашего пріятеля. Луиза съ трудомъ устояла противъ меньшихъ напастей; признаки несомнѣннаго ея разрушенія, заставили меня всѣми средствами склонять Рейбаса къ перемѣнѣ рѣшенія и письмо его, наконецъ, должно было спасти дочь.... Теперь разрушеніе ея пойдетъ все дальше: скорбь, сожалѣніе, тревога, уничтожатъ въ конецъ это слабое существованіе; ангелъ прелести и до-

Digitized by Google

бродѣтели увидитъ землю для того только, чтобъ увянуть отъ заразительнаго дыханія злыхъ и оставить послѣ себя одну нескончаемую скорбь!

Если несчастіе случится — я всякой день прошу Бога, отвратить его отъ насъ, — оно будетъ вашимъ дѣломъ, г. Шампенъ. Вы подготовляли его безвозмездно и всѣми вашими силами. Если есть въ васъ какое-нибудь человѣческое чувство, какая-нибудь религія, вы истерзаетесь отъ тоски и страха.... Слова мои удивляютъ васъ; не думаете ли вы, что я преувеличиваю изъ мести? Избави Боже! или лучше — дай Богъ, чтобъ я ошибся и чтобъ вы могли когда-нибудь порадоваться, глядя на сдѣланное вами!... Но нѣтъ, я говорю вамъ правду, говорю ее съ отчаяніемъ въ сердцѣ; вы въ лѣтахъ, скоро пойдете къ отчету и, однакожъ, предчувствую — могила этой дѣвушки закроется прежде вашей!...

Можетъ быть совѣсть ваша спокойна, можетъ быть вы думаете, что исполнили священную обязанность, что ради добра посягнули на небольшое зло. Жалкое лжеумствованіе, явно осуждаемое Писаніемъ; такъ мудрствуютъ души низкія, управляемыя постыдными страстями и гнусными наклонностями, гордостью, завистью, интересомъ; такимъ лицемѣріемъ онѣ оправдываются сами передъ собой, но не оправдаются передъ Всевышнимъ, Который отвергнетъ ихъ умствованія, какъ противныя любви христіанской. Нѣтъ! Не знаю, какой духъ возбуждалъ васъ, не понимаю причинъ, но отказываюсь вѣрить одной безусловной мести, одной безкорыстной злобѣ къ молодому человѣку; я увѣренъ, что подъ такими поступками кроются всегда низкія мысли, увѣренъ, что дѣлая зло, вы трудились изъ выгодъ, не для пріятеля, но для удовлетворенія собственной гордости или корысти.

Преступленіе ваше такъ велико въ глазахъ моихъ, г. Шампенъ, что, не смотря на сильнѣйшее негодованіе, я чувствую къ вамъ болѣе жалости, нежели презрѣнія. Какъ великій грѣшникъ, вы имѣете право на любовь мою; предлагаю вамъ мою помощь, мои молитвы, бесѣды и наставленія. Какъ великой грѣшникъ, вы можете прибѣгнуть къ милости Бога, вами оскорбленнаго. Покайтесь же, разсмотрите всю черноту вашего поступка; искренними слезами омойте свои заблужденія, просите прощенія у Бога и посредничества нашего Спасителя: вотъ гдѣ ваше единственное прибѣжище.

Теперь приступаю къ главнѣйшей цѣли моего письма. Въ рукахъ вашихъ тайна, открытіе которой можетъ окончательно погубить моего молодаго друга; у васъ и документы, которые вы или другой кто могли бы употребить во зло. Если вы вздумаете оставить у себя эти

Digitized by Google

бумаги, а не вручите ихъ мнѣ, немедленно по моему требованію, то лишитесь послѣдняго моего къ вамъ довѣрія. Въ такомъ случаѣ я уже рѣшился, имѣя въ виду облегчить для Шарля позоръ, который бы могъ внезапно постигнуть его послѣ меня, также для возбужденія участія къ нему, какъ къ невинной жертвѣ низкихъ козней, я рѣшился объявить разомъ и кто таковы были его родители, которыхъ, впрочемъ, онъ не зналъ, и какимъ образомъ гнусная злоба открыла то, что навсегда должно было оставаться глубокой тайной. И такъ, г. Шампенъ, я требую вашей клятвы — клятвы форменной и торжественной! всѣ документы мнѣ въ руки! Не то вамъ угрожаетъ публичное безчестіе; выбирайте одно изъ двухъ. Если вы открыли эту тайну еще кому-нибудь, кромѣ г. Рейбаса, то должны назвать мнѣ этихъ особъ; если же вы не назовете мнѣ ихъ, и преступная нескромность ваша обнаружится впослѣдствіи, то съ той же минуты истина будетъ всѣмъ извѣстна.

Жду скорѣйшаго отвѣта, Преверъ.

CLI. *Шампенъ къ г. Преверу.* — Изъ Женевы.

Почтеннѣйшій г-нъ Пасторъ, честь имѣю адресовать вамъ прилагаемые при семъ упомянутые документы; передъ Богомъ увѣряю, что они всѣ тутъ, также, что никто не видалъ ихъ, ни самъ Рейбасъ и что кромѣ Рейбаса, которому все извѣстно, никто и не подозрѣваетъ правды, и не подозрѣвалъ и не будетъ подозрѣвать черезъ мое посредство.

Угодно знать, какимъ образомъ они мнѣ достались? Извольте. Я получилъ ихъ изъ самаго Бурга отъ людей, не имѣющихъ и понятія о молодомъ человѣкѣ. Мать еще жива; впрочемъ можетъ и умерла: два мѣсяца тому назадъ она была при смерти. Какъ-то, въ одну поѣздку туда, мнѣ случилось узнать кое-что объ этихъ несчастныхъ, захотѣлось развѣдать побольше, сколько изъ любопытства (любопытенъ, виноватъ, и каюсь г-ну Пастору), такъ и изъ желанія предостеречь Рейбаса! Простымъ-то своимъ, необработаннымъ толкомъ я, изволите видѣть, не могъ такъ хорошо разсудить, какъ г-нъ Пасторъ, да и дѣтей этихъ не зналъ такъ, какъ г-нъ Пасторъ, а главное не вѣдалъ ничего о слабомъ здоровьѣ мамзель Луизы. Бѣдный человѣкъ, далекій отъ людей, понимаетъ только вполовину, такимъ образомъ и съ добрымъ намѣреніемъ можетъ повредить и все испортить, не навлекая впрочемъ на себя немилости Божіей, какъ воображаетъ г-нъ Пасторъ въ печали своей, столько для меня прискорбной.

Digitized by Google

Благодарю г-на Пастора за совѣты, хотя и слишкомъ строгіе, поручаю себя его молитвамъ и прошу также, чтобъ милосердый Богъ не попустилъ исполниться его предчувствіямъ. Надѣюсь, что, получивши полное и совершенное удовлетвореніе, г-нъ Пасторъ не разъ подумаетъ прежде, нежели рѣшится погубить старика, отца семейства, погрѣшившаго болѣе заблужденіемъ, нежели намѣреніемъ.

Честь имѣю, и пр. Шампенъ.

CLII. *Органистъ къ г. Преверу.* — Изъ Морнекса.

Принимаюсь за отвѣтъ на ваше письмо, г. Преверъ. Скажу вамъ, что я прозябаю здѣсь, лишенный освѣжающихъ голову домашнихъ занятій и провожу время болѣе въ праздности, нежели въ спокойствіи; открою вамъ однако, что со времени этой катастрофы, если я не сталъ счастливѣе, то по крайней мѣрѣ меньше тревожусь, что всегда случается въ подобныхъ случаяхъ, когда, связанный по рукамъ, покоряешься необходимости, не затрудняясь болѣе въ выборѣ. Ахъ, еслибъ еще можно было надѣяться, я сказалъ бы въ скорби своей: счастье еще въ моихъ рукахъ. Лишь бы Луизѣ не угрожала опасность, что мнѣ до остальнаго? — Что у меня на свѣтѣ, кромѣ Луизы, дочери моей Терезы, плода ея утробы!... И неужели, видѣвши смерть одной, я долженъ буду схоронить и другую? Какой удѣлъ сулитъ мнѣ Провидѣніе? На что обопрусь, дабы понять Его пути и благословлять ихъ?... Не благословеніе, а хулу изрекутъ уста мои, прежде нежели научатся противорѣчить внушеніямъ чувства.

Но не будетъ такъ, любезный мой г. Преверъ, порукой мнѣ невинность добродѣтельной дѣвушки. Я надѣюсь на молитвы, возсылаемыя къ Богу вашими достойными устами, надѣюсь и на свои усердныя мольбы, которыя не перестаю возносить къ Нему — не за себя.... Я не себя люблю въ этомъ ребенкѣ, я ничтоженъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, начинаю находить жизнь даромъ горькимъ и сомнительнымъ, даже при Луизѣ; что же жизнь безъ Луизы?... Недолгія минуты разлуки, слишкомъ недолгія: она тамъ не заждется меня, какъ я бы могъ заждаться ее!... Однакожъ ваше сомнѣніе потрясаетъ меня ужасомъ, скорбь волной бьетъ и кипитъ во мнѣ.... Неужели въ самомъ дѣлѣ это юное, добродѣтельное созданье, неужели мое созданье, на которое я въ правѣ испрашивать всѣ благословенія Неба — носитъ уже въ себѣ стрѣлу смерти,

Digitized by Google

видитъ свою могилу, предчувствуетъ разлуку со мною?... Неужели изъ троихъ насъ останется старѣйшій до тѣхъ поръ, пока горе и его не сокрушитъ, и не уложитъ въ могилу! Боже сохрани насъ! Сжалься надъ этимъ ребенкомъ, не спѣши призывать ее къ Себѣ! Удержи ударъ Твой, не вводи слабыя созданія въ искушеніе ропота! Спаси, спаси насъ или призови обоихъ вмѣстѣ и пускай слѣдъ нашъ сотрется съ этой жалкой земли!

Ахъ, бѣдный мой г. Преверъ, гдѣ наши прошлые безпечные дни? Гдѣ даже то, близкое отъ насъ, время, когда я писалъ письмо, имъ удержанное, гдѣ то время, когда я могъ писать, когда, отдавая дочь противъ воли, видѣлъ еще ее спасенною? Не погубилъ ли меня Шампенъ своей услугою?... Но все таки, г. Преверъ, въ пагубномъ поступкѣ его нѣтъ злобы; онъ хотѣлъ услужить мнѣ открытіемъ, подобно тому, какъ сами вы желали сдѣлать пользу скрытностью: и я не сержусь на васъ, увѣренный въ вашемъ благомъ намѣреніи; однакожъ, мысленно осуждаю васъ, зачѣмъ вовремя не удалили Шарля; чтобъ имѣть право на скрытность, вы не должны были допускать моей дочери до привязанности. Если бы ихъ разлучить при первыхъ признакахъ, въ томъ возрастѣ, когда впечатлѣніе легко и чувство гибко, то не правда ли, добрый мой г. Преверъ, ни вы, ни я, не страдали бы отъ этого несчастія? И такъ, будьте снисходительны къ Шампену, поелику неразуміе есть удѣлъ человѣческій, самоувѣренность — общій намъ недостатокъ, и ошибаться суждено, какъ избраннымъ людямъ, подобнымъ вамъ, такъ и безвѣстнымъ, подобнымъ Шампену.

Обдумалъ я на досугѣ сказанное вами о предчувствіяхъ: вы въ состояніи обсудить все лучше меня, стало быть, ваша правда. Однако я не убѣжденъ: не понимаю, почему бы, когда свѣдѣнія недостаточны, по нерачительному воспитанію или по слабости развитія, въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ не примѣнимъ къ дѣлу, — не понимаю, почему бы тогда Богу не употребить этотъ способъ предостереженія, способъ болѣе понятный для несвѣдущихъ, нежели рѣшеніе, которое надобно извлекать изъ столькихъ доводовъ, шаткихъ, противоположныхъ, другъ другу враждебныхъ, изъ которыхъ поскорѣе выйдетъ брань, нежели побѣда. Какимъ образомъ я выберусь изъ этой путаницы, если не взгляну на знаменіе передъ собою, если не пойду за свѣтомъ, мерцающимъ въ этой сторонѣ, если не послушаюсь голоса, хотя невнятно, но сильно говорящаго: »поступай такъ и не бойся!« Изнуренный, жаждущій спокойствія и рѣшенія, я слушаю его и рѣшаюсь и какъ мнѣ его не послушать, зная что то не земное внушеніе, а голосъ свыше?

Digitized by Google

Если же я не могу отвергать приводимые вами доводы, которымъ отнынѣ намѣренъ дать больше вѣры, то въ состояніи ли изгладить изъ памяти тѣ многіе случаи, когда несчастіе шло вслѣдъ за предзнаменованіемъ, приходившимъ безъ зову, само собою. Въ жизни моей бывали разительные случаи, да и недавно повторилось предзнаменованіе, которое, осьмнадцать лѣтъ тому назадъ, при поѣздкѣ въ Монтрё, предвозвѣстило мнѣ о смерти Терезы. Оно повторилось совершенно подобнымъ образомъ и теперь, и не даетъ мнѣ покоя даже когда я могъ бы не тревожиться, видя Луизу спокойною. Мы выѣзжали изъ прихода. Я цѣлый день былъ на сторожѣ, боялся, не случилось бы чего зловѣщаго, однако ничего, животное ступало твердо, небо было ясное и какъ бы отверзтое надеждамъ, я начиналъ дышать свободнѣе; но, только что мы добрались до пристани, здѣсь на самомъ порогѣ, какъ бы для большей разительности, бѣдное дитя, сходя съ телѣги, падаетъ и ушибается! Вслѣдъ за тѣмъ дошли до меня страшныя вѣсти, — хорошо если предвѣстіе относилось къ нимъ! Но какъ знать, не сулитъ ли оно чего страшнѣйшаго, какъ тогда моей Терезѣ!

Вы спрашиваете объ Луизѣ. Что скажу вамъ? Проходятъ дни за днями — вотъ и все. Какъ ей ни горько, по крайней мѣрѣ, она не узнаетъ этой тайны, не увидитъ на несчастномъ ужаснаго клейма. Она получила его послѣднее письмо, и я видѣлъ, какъ сильно оно ее потрясло Въ Луизино вложено было письмо ко мнѣ, гдѣ онъ въ умѣренныхъ и неожиданныхъ отъ него выраженіяхъ объявляетъ, что отказывается отъ Луизы. Записка моя съ прощеніемъ была уже отправлена; я могъ бы высказаться Луизѣ и готовъ былъ, но что-то такое, не говоря уже о Шампеновой припискѣ *), удержало меня. Видно Богу угодно было такъ меня надоумить; объявя же я тогда Луизѣ о возвращеніи Шарля, дай я ей опять отвѣдать изъ этой сладкой чаши, что сталось бы со мной черезъ нѣсколько дней при полученіи ужасной вѣсти?

Луиза начала вести свой прежній образъ жизни, по крайней мѣрѣ заключаю такъ, судя по наружности. Иной разъ, видя ее за прежними занятіями, случается забыть, что времена не прежнія. Никогда только не застаю ее за книгой, видно при избыткѣ собственныхъ мыслей, чужія не занимаютъ ее. Встаетъ она позднѣе прежняго; вставши, ко мнѣ придетъ; мы поговоримъ; примется за какое-нибудь рукодѣлье, потомъ

*) Приписка, въ которой сказано: «ты не знаешь объ этомъ молодомъ человѣкѣ всего, что я знаю.«

Digitized by Google

уйдетъ къ себѣ, вечеромъ гуляетъ. Здѣшнія дамы старались свести съ ней знакомство; она приняла ихъ, и успѣла ужъ внушить имъ, такъ легко ею пріобрѣтаемое, расположеніе къ себѣ; но замѣтно однакожъ, что она избѣгаетъ встрѣчи съ этими особами. Она не любитъ по прежнему засиживаться по вечерамъ на воздухѣ, уходитъ въ свою комнату рано, иногда одна, иногда съ Мартой, и оставляетъ меня самаго съ собой и съ черными мыслями.

Не смотря на свѣжесть воздуха и на возбуждающія аппетитъ прогулки, Луиза кушаетъ мало. По лицу, по шеѣ, по плечамъ замѣчаю, что худѣетъ. Она не была никогда полною, но и не щедушною и нынче, казалось бы, все такая же, да видъ-то ужъ куда какой хворой! Марта увѣряетъ, что она точно худѣетъ, что платья, прежде стягивавшія ее въ талію, теперь широки. Все это очень огорчаетъ меня, г. Преверъ, а всего-то болѣе боюсь этихъ круговъ подъ глазами, хотя и не достаетъ духа всматриваться въ нихъ. Кожица въ глазномъ углу дотого тонка и вытянута, что видна насквозь жила и синеватыя полоски, означающія, по моему, скорбь духа и хилость тѣла. И у Терезы былъ этотъ знакъ.... родственное ли то сходство?.. Все это вынуждаетъ меня посовѣтоваться съ какимъ-нибудь искуснымъ медикомъ, если таковый найдется между этими говорунами, которые, сдается мнѣ, велерѣчіемъ-то своимъ прикрываютъ неопытность и недостатокъ свѣдѣній.

Вы совѣтуете мнѣ говорить съ ней объ Шарлѣ. Я и говорилъ, но признаюсь съ величайшимъ принужденіемъ и безъ всякаго желанія возвратиться къ тому же предмету. Его имя наводитъ на меня ужасъ. Еслибъ я не зналъ даже страшнаго позора, то не могъ бы говорить объ немъ легко и свободно, и тогда бы мнѣ трудно было скрыть отъ ея проницательности прежнюю непріязнь, врожденное отвращеніе, котораго никогда не могъ преодолѣть, которое теперь даже противится истинному моему состраданію къ несчастному. Тугонекъ я, г. Преверъ; натура моя лѣнива и упорна, побужденіе сильно, мысль пряма, но гибкости, въ ней не больше чѣмъ въ виноградной жерди. Какъ ни разсуждаю, сколько ни браню себя, какъ ни желалъ бы перемѣниться, все чувствую гнетущую меня тяжесть, неподвижную, ничѣмъ несокрушимую: она крѣпко держитъ меня, противъ собственной моей воли. Да, быть видно и мнѣ, въ день суда, въ числѣ тѣхъ, которые были въ бою, но возвратились безъ побѣды, и потому все упованіе свое возлагаю на заслуги Спасителя Нашего; мои же заслуги въ зародышѣ, въ желаніи, но не на дѣлѣ.

Digitized by Google

Объ Шарлѣ я говорилъ съ ней въ день полученія вашего письма. Мы гуляли по оврагамъ, куда она меня всегда заводитъ, по ту сторону Эзери, въ долинѣ, что, по ихнему, зовется »*Скалистою*.« Справедливо названа: страна обширная, огороженная лѣсами и горами; ни деревца на всемъ пространствѣ, только одни скалы торчатъ то тутъ, то тамъ, поросшія дикими травами. Луиза любитъ это мѣсто потому вѣрно, что тутъ не встрѣтишь души человѣческой. Шедши туда, я на языкѣ держалъ имя Шарля, добрыхъ два часа сбирался, а какъ заговорилъ, она до того встревожилась, что отбила у меня охоту продолжать. Однакожъ съ удовольствіемъ узнала, что онъ допущенъ къ продолженію прерванныхъ занятій, и что здоровье позволяетъ ему ѣхать. Сказавши ей это, я облегчилъ себя и расположенъ былъ говорить о другомъ; но тутъ она, въ свою очередь, замолчала. Возвратилась домой грустная и, по словамъ Марты, ночь провела дурно.

Впрочемъ все это не слишкомъ удивляетъ меня, какъ послѣдствіе такого сильнаго потрясенія. Послѣ Бога, величайшій цѣлитель душъ — время, а ускорить его теченіе не можетъ никто. Луиза грустна, но не страдаетъ, — еслибъ духъ успокоился, поправилось бы и тѣло. Я живу этой надеждой, и хочу оставаться при ней; безъ нея что сталось бы со мною? За характеръ же мой не бойтесь: несчастіе и скорбь смягчили его; мнѣ остается себя только винить, чтобы не пасть отъ снѣдающей меня тоски. Преданный вамъ Рейбасъ.

CLII. *Шампенъ къ Органисту.* — Изъ Женевы.

Ну, мой старинный, вотъ ты и спасенъ. Помогли тебѣ маленько выбраться изъ пропасти. Теперь отложи страхъ и сомнѣніе, забудь всѣ невзгоды, выпей на радости, да откармливай дочку. Не бось: гдѣ сосенки, гдѣ время, гдѣ натура человѣческая, гдѣ и мое усердное желаніе и ежедневная чарочка за здоровье твоей дочки — разсѣется по маленьку ея горе и станетъ опять на ноги — здоровёшенька.

Такъ-то, бѣдный дружище, закабалилъ ты себя въ деревнѣ, да и память-то потерялъ; вотъ мое — другое дѣло! потёрся въ свѣтѣ, не давно еще былъ парнемъ хоть куда, знаемъ мы этихъ молодцъ,—насъ не проведешь! Многія изъ нихъ приходили въ отчаяніе, а черезъ три мѣсяца горя и въ поминѣ не было, а на умѣ лишь свадебные пиры да новые любовники. Помнишь ли Розу, которой я сдѣлалъ предло-

Digitized by Google

женіе въ первый разъ? Отецъ отказалъ — ничего дескать нѣтъ у него, и бѣдная дѣвка поклялась, что ей и жизнь не въ жизнь и что руки на себя наложитъ; больше недѣли ее съ глазъ не спускали. — Что жъ? слышу черезъ полгода эта же Роза выходитъ за плотника Берту — да какъ еще? — *По экстренности*, говорятъ, вышла. Съ горя можетъ и умираютъ, не спорю; а съ любви не видать, чтобъ умирали. Поплачутъ по любезномъ — какъ не поплакать! — да и перестанутъ, буде другой нашелся. У всѣхъ сердце вѣтрено, мысль перемѣнчива, и пѣсня правду говоритъ:

Красотка плачетъ и крушится,
Но за того лишь молодца,
Что обѣщалъ ей воротиться....

И твоя Луиза такая же.

Однакожъ, Рейбасъ, твое дѣло наблюдать за ней: смотри, изъ однихъ дурныхъ сѣтей не попасть бы ей въ другія; за такой, какова она у тебя, надобно, чтобъ умный и любящій отецъ смотрѣлъ да и смотрѣлъ. Воспитаніе измѣняетъ насъ, утончаетъ манеры: къ ея чувствамъ и мыслямъ не пришелся бы мужъ изъ нашего сословія. Дѣвушки, даромъ что вѣтрены, и скорѣе, чѣмъ умрутъ, перемѣнятъ возлюбленнаго, а все-таки не видано, чтобы пригожей и деликатной приглянулся какой-нибудь дурень неотесанный. Если это и случается, такъ пригодно не надолго: любовь ослабѣетъ, глаза раскроются и пошли раздоры, и будетъ такая пара подобна врагамъ, связаннымъ вмѣстѣ во время сна: что проснулись они, что узнали другъ друга, то и подняли катавасію, пока цѣпи не перервали. Изъ твоей сдѣлали тебѣ нѣженку, чувствительную, барышню однимъ словомъ: ей и надо барина, да не контрабандного, какъ тотъ, чье пятно тѣмъ виднѣе, что онъ честнаго корчитъ, — а барина во всей формѣ, дворянина, извѣстныхъ родителей и собой приглядного, и съ манерами приличными, да и съ денежками. О послѣднемъ-то пунктѣ дѣвушки не заботятся; имъ бы два сердца да хижина, какъ говорится въ пѣснѣ; да старшимъ надо за нихъ подумать. Безъ денегъ и щей не сваришь.

Правду сказать, Рейбасъ, боюсь я — трудно будетъ тебѣ найти человѣка, какого надо: чужая молодежъ не имѣетъ обыкновенія брать женъ въ деревняхъ, да и дочь-то твоя не захотѣла бы, чай, разстаться со своими и съ роднымъ мѣстомъ, хотя бы и представился завѣжій женихъ. Вотъ гдѣ теперь узелъ. Къ счастію ей нѣтъ необходимости идти за мужъ, а тамъ время дастъ совѣтъ, не говоря ужъ, что милосердный

Digitized by Google

Богъ заботится о честныхъ людяхъ, какъ ты могъ видѣть, не напрягая зрѣнія. Не поддавайся только пастору, не вѣряйся на образу мыслей, ни намѣреніямъ его. Вспомни, какъ милостиво онъ велъ тебя къ гибели, и ужъ куда какъ невиннымъ прикинулся, а мнѣ сдается: зналъ онъ кое-что объ мальчикѣ, да только сказать не хотѣлъ, а коли такъ, стало и доброе намѣреніе его ни къ чему. Не забудь: люди ихняго званія считаютъ себя чѣмъ-то: дѣлай все по ихнему, кланяйся имъ, не то никуда не годишься; во имя Божіе они по своему распоряжаются нашими дѣлишками; у нихъ что для церкви выгодно, то и хорошо, а что въ ущербъ церкви, то худо. Вспомни, какъ они не жалуютъ молодость, приписывая ей легкомысліе; богатство считаютъ источникомъ всѣхъ пороковъ, знатность тщетою міра. Коли будешь совѣноваться со своимъ на счетъ дочернина замужства, онъ постарается отстранить выгоднаго зятя, а навяжетъ тебѣ какого-нибудь бѣднягу — нахлѣбника; да развѣ не на то онъ мѣтилъ со своимъ-то Шарлехъ?

Не вѣрь ему, Рейбасъ: дѣло идетъ объ твоей дочери; мнѣ повѣрь, мнѣ — старинному другу, который спасъ тебя. Мы съ тобой люди тёмные, одной сметки, одного званія и достатка: я скорѣе разсужу твое дѣло и подамъ совѣтъ благой и вѣрный. Не вѣрь: Преверъ твой искусный проповѣдникъ и лоскомъ слова смазываетъ свои неправые доводы; мое же жесткое слово, напротивъ, мѣшаетъ резонамъ. Не довѣряйся и по тому, что ты почтенъ дружбою пастора и тѣмъ легче можешь впасть во искушеніе: одно и тоже слово на языкѣ человѣка значащаго, вѣситъ больше чѣмъ слово маленькаго человѣка. Не вѣрь особенно вотъ почему: у меня въ рукахъ письмо его ко мнѣ, въ которомъ, письмѣ, онъ меня проклинаетъ, отлучаетъ отъ церкви, посылаетъ къ черту за то, что я тебя наставилъ. Подумай — могъ ли написать такое письмо человѣкъ близкій твоимъ интересамъ, не грозитъ ли онъ мнѣ такъ за помѣху его собственнымъ выгодамъ? Кто же больше любитъ тебя — тотъ ли что спасаетъ, или тотъ что губитъ; тотъ, который разузнаётъ для тебя необходимое, или тотъ, который еще лучше меня могъ бы все разузнать, да ничего не дѣлаетъ и попускаетъ привязанность двухъ дѣтей, хорошо увѣренный, что выиграетъ тутъ одинъ его пріемышь, а дочь твоя все потеряетъ? Раскрой глаза, Рейбасъ, не вѣрь.

Письмомъ этимъ онъ требуетъ отъ меня выдачи документовъ касательно молодаго человѣка: я бы и безъ просьбы сдѣлалъ ему этотъ подарочекъ; потомъ просить никому ничего не разглашать, словно мнѣ и охота вредить несчастному. Я отвѣчалъ ему не возражая и почти-

Digitized by Google

тельно, лишняго слова не сказалъ, зналъ, что тебѣ не понравится. Да и что же, добивался что ли я чего? спасти тебя хотѣлъ и спасъ и никому вреда отъ этаго нѣту, развѣ мнѣ же; объ чемъ мнѣ еще заботиться?

Молодаго человѣка онъ отправилъ въ пятницу — умно распорядился! Нечего ему тутъ дѣлать, разъ что отъ наукъ отстраняется. Не подъ рукой у меня только будетъ жаль! присмотрѣлъ бы при случаѣ. А ты справляйся — не сталъ бы онъ тамъ чего замышлять, не передаются ли черезъ Марту письма къ твоей Лунзѣ. Дервен провожали его до почтовой кареты, словно какаго славнаго Дюнуа, »отъѣзжающаго въ Сирію.« Когда они проходили, я стоялъ у своей двери, и ждалъ надлежащей себѣ дачи на водку: въ болѣзнь то его я, чай, не былъ безъ дѣла; — такъ нѣтъ же, только и видѣлъ! ни денегъ, ни поклона! Грубіянъ эдакой! скаредъ! Да мы взыщемъ не однимъ путемъ, такъ другимъ. Не хотѣлъ было докучать, а теперь ужъ — не прогнѣвайся маленькой счетецъ представлю. Какъ ты думаешь объ этомъ, Рейбасъ. Надменный мальчишка лишаетъ меня заработанной платы, а другихъ на мой счетъ надѣляетъ! ни одинъ бродяга не ушелъ отъ него съ пустыми руками — кому надавалъ денегъ, кому старья обноски, то по всей правдѣ слѣдовали бы мнѣ. Да ну его и со всѣмъ, благо утекъ. Счастливый путь! Шампенъ.

CLIV. *Органистъ къ Шампену.* — Изъ Морнекса.

Сѣтки-то мы одной, Шампенъ, и званія одного, да натура-то въ насъ не одна. При такомъ горѣ ты находишь чему посмѣяться и чѣмъ бы сдвинуться тѣснѣе, стараешься поссорить меня съ тѣмъ, на комъ также, какъ и на мнѣ лежитъ самая тяжкая доля скорби.

Я сказалъ уже тебѣ: не нападай на Пастора, сказалъ, что скорѣе сочту тебя лукавцемъ, нежели его интересаномъ или коварнымъ или усомнюсь въ его добродѣтели. Говорилъ я тебѣ, Шампенъ: полно, не пиши ко мнѣ или уважай Пастора, въ любви котораго я хочу жить и умереть. Если онъ ничего не открылъ мнѣ во время, это его вина, онъ и винитъ себя; ежели ты разыскивалъ, нашелъ, вывелъ на свѣтъ пятно молодаго человѣка, то ты и торжествуешь; но верховный Судія нашъ — Господь: Его пути не наши пути; передъ Его неминуемымъ судомъ признается одна заслуга — смиреніе, а не чванство и радость, столь неприличные въ пагубныхъ и плачевныхъ случаяхъ.

Digitized by Google

Я не думаю, чтобы лоскомъ слова можно было скрасить не правые доводы и чѣмъ больше словъ потрачено на убѣжденіе, тѣмъ по моему, оно должно казаться подозрительнѣе и двусмысленнѣе. Ты называешь свою рѣчь жестокою? — По наружности она жестка, но далеко не проста; въ рѣчи Пастора болѣе чистоты, разумѣется, но и болѣе безъискуственности. Если вѣсъ рѣчи придается обиліемъ и настойчивостью резоновъ, то перевѣсъ на твоей сторонѣ; если же значительность слова пріобрѣтается теплотою сердца и достоинствами характера, то перевѣсъ на сторонѣ г. Превера. Этотъ человѣкъ стоитъ выше твоихъ ударовъ. Ты всегда попадаешь мимо, меня только задѣваешь своими нападками и утрачиваешь любовь мою.

Все это говорю тебѣ по дружбѣ, огорченный твоимъ письмомъ, но тѣмъ не менѣе признательный за услугу. Душа моя преисполнена грусти, но горечь недовѣрчивости не должна проникать въ нее и когда ты видишь, какъ мнѣ трудно поддержать равновѣсіе между столькими горями, совершившимися уже или еще угрожающими, — не толкай меня, а поддержи.

Желалъ бы я, Шампенъ, чтобъ ты не трудился трактовать о моей Луизѣ. Ты на ея счетъ отпускаешь словечки, какія мы старинные, употребляемъ въ застольной бесѣдѣ — ошибаешься, братъ. Здѣсь ни Роза, ни другая какая нейдутъ въ примѣръ; преданія твои некстати. Если бы сердце ея было вѣтрено и мысль перемѣнчива, я согласился бы съ тобой; но если она любитъ, если можетъ быть истекаетъ кровью изъ послѣдней раны, то, будь увѣренъ, нельзя примѣнить къ ней сказаннаго объ тысячѣ дѣвушекъ — она не изъ рядовыхъ, и легко отзываться объ этомъ созданьи также непристойно, какъ преступно говорить безъ уваженія о вещахъ священныхъ.

Неумѣстно также ты торжествуешь воображая, что спасъ меня. Ты спасъ меня отъ стыда, а не отъ напасти. Луиза жалка по прежнему и еще жалчѣе. Горе тоже, а послѣднее лекарство возможность возвратить ей Шарля — отнято. Изъ одной пропасти ты меня вывелъ, а поставилъ на край другой, и я боюсь въ безнадежной тоскѣ, развѣ что милосердому Богу чудомъ угодно будетъ спасти меня. Хорошо ли ты сдѣлалъ? — Съ добрымъ намѣреніемъ да; но ты поднялъ завѣсу, которая уже не можетъ опуститься, когда для спокойствія моего, можетъ быть, не нужно было никогда поднимать ея. Это извѣстно одному Богу. Въ этомъ пагубномъ недоумѣніи прошу тебя — избавь меня отъ своего торжества и отъ шуточекъ, оскорбляющихъ мое несчастіе.

Digitized by Google

Все письмо твое вмѣстѣ съ совѣтами не пришлось мнѣ пошерсти. Не то, чтобъ я не соглашался во многихъ пунктахъ; но теперь ли когда и утромъ и вечеромъ молю Бога только о сохраненіи Луизы, теперь ли мнѣ заботиться о выборѣ зятя; при этой ли тревогѣ помышлять о чемъ-нибудь другомъ? Настанетъ лучшая пора, тогда и объ зятѣ подумаю, да и тогда наврядъ. Правда, прискорбно бы мнѣ было умирая оставить это дитя безъ покровителя; но какимъ образомъ она поддается другой привязанности, какимъ образомъ полюбитъ вторично, такъ жестоко оторванная отъ первой любви? Да внушитъ ей небо другую привязанность! Я желаю этаго; но что̀ разумѣешь ты подъ именемъ человѣка, какого надобно, что̀ хочешь сказать со всѣмъ этимъ выборомъ, направленіями, происками? Лишь бы избранный ею былъ не запятнанъ, не воображай, чтобъ я отстранилъ его, будь онъ бѣдный, горожанинъ ли, иноземецъ ли — все равно. Несчастіе переработываетъ насъ, время мѣняетъ мысли, скорбь приводитъ, куда бы не хотѣлось. Дажѐ этому самому Шарлю — не будь между нами позорной границы — я отдалъ бы теперь свою Луизу и не посмотрѣлъ бы ни на бѣдность его, ни на собственное предубѣжденіе, ни на предчувсвія, ни на твои *слова*. Въ запискѣ, тобою задержанной, я неохотно возвращалъ ему Луизу, а теперь отдалъ бы съ восторгомъ; я бы сталъ его должникомъ, онъ моимъ спасителемъ.

Впрочемъ, понимаю куда клонится твое письмо; но напрасно ты такъ искусно изворачиваешсся. Полно, побереги-ка бумагу, выкинь это изъ головы, а я буду слушать тебя охотнѣе. Де-ла-Куру я въ то время еще на чисто отказалъ, безо всякаго вмѣшательства г. Превера, какъ тебѣ хотѣлось бы увѣрить; отказалъ по той причинѣ что желалъ для дочери чего-нибудь попрочнѣе и попроще. Еслибъ онъ и угомонился съ лѣтами и по возвращеніи въ нашу сторону, опять сдѣлалъ бы предложеніе, то и тогда, повѣрь мнѣ, Луиза бы прежде меня ему отказала. Въ настоящее время онъ разъѣзжаетъ съ матерью по Италіи: оттуда кажется, не дорога въ нашъ приходской участокъ; къ тому же постоянствомъ онъ никогда не отличался и любовь къ Луизѣ была не по вкусу его роднымъ. Успокойся же на этотъ счетъ, заботься объ чемъ-нибудь другомъ и не траться по пусту на писанье.

Особенно старайся придерживать языкъ, касательно этой пагубной исторіи. Ты любишь поговорить; изъ окружающихъ тебя многіе — Жакемайша въ особенности — держатъ ухо востро: по одному намеку дойдутъ не вѣсть до чего и тогда ничто ужъ ихъ не удержитъ, языки

Digitized by Google

ихъ разразятся на несчастнаго. Проговориться передъ ними значило бы допустить второе, ничѣмъ уже неотвратимое зло. Молодой человѣкъ перемѣщенъ теперь въ Лозанну, гдѣ и допущенъ къ наукамъ: одно слово — и онъ пропалъ и тогда за что ухватиться несчастному какъ не за пагубный примѣръ родительской, какъ не сойти на дурную дорогу, когда согнали съ хорошей? Оставь же его въ покоѣ, молчи и мнѣ ничего не говори: пусть изгладится память объ немъ, пусть слѣдъ его пропадетъ! Недоплаченное тебѣ молодымъ человѣкомъ жалованье при семъ прилагается, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты ни подъ какимъ предлогомъ не приставалъ къ нему и жилъ бы словно никогда не узнавалъ его. Прощальной же дачей онъ не даромъ тебя обошелъ, потому что ты съ самаго начала не переставалъ досаждать ему и наконецъ повѣнчалъ дѣло пагубнымъ открытіемъ. Послѣдняго онъ не знаетъ — скажешь ты? — такъ, да сердце-то чутко, Шампенъ: оно не знаетъ, а предчувствуетъ, оно что собака — не видитъ волка, а издалека проноюхаетъ его. Лучше бы тебѣ не показываться, во время прощанья, а ему дружески обойтись съ тобой не приходилось. И объ этомъ прошу прекратить толки. Постараемся забыть, что несчастный родился на свѣтъ— себѣ на горе и намъ на тревогу. Рейбасъ.

CLV. *Г. Преверъ къ Луизѣ.* — Изъ прихода.

Дни проходятъ, милое дитя мое, отсутствіе ваше продолжается; нетерпѣливо желая васъ видѣть, хочу хоть письменной бесѣдой обманывать себя и васъ также заохотить писать ко мнѣ. Мнѣ легче бы было перенести это продолжительное молчаніе, еслибъ оно не обнаруживало вашей тревоги.

Батюшка вашъ извѣщалъ меня объ васъ. Онъ не слишкомъ не доволенъ, начинаетъ надѣяться и успокоивается. Но все это какъ плодъ вашей дѣтской нѣжности, какъ слѣдствіе вашихъ усилій и самопожертвованія, нисколько не успокоиваетъ меня на вашъ счетъ; тѣмъ не терпѣливѣе я желаю знать, не слишкомъ ли высокою цѣною вы доставляете ему это добро, или, какъ надѣюсь, сами начинаете раздѣлять батюшкино спокойствіе и облегченіи скорби, ощущаете утѣшительную бодрость, всегда сопутствующую исполненію самыхъ трудныхъ обязанностей. Напишите мнѣ, любезное дитя мое, не скрывайте отъ меня страданій вашихъ, не лишайте меня отрадной возможности сколько-нибудь облегчить ихъ.

Digitized by Google

Благодарю васъ, Луиза, за письмо Шарля. Вы доставили мнѣ случай поплакать вмѣстѣ съ вами и полюбоваться на моего Шарля, порадоваться что возвышенность души и прямота чувствъ не измѣнили ему и въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Онъ не палъ отъ отчаянія и не долженъ пасть. Въ прекрасныхъ душахъ испытаніе выводитъ на свѣтъ то, что при счастіи оставалось въ тѣни, оно не напрасно вызываетъ на трудные подвиги. Шарль явился достойнымъ васъ, дорогое дитя мое, и впослѣдствіи безъ сомнѣнія будетъ руководствоваться всѣми вашими примѣрами. Какъ бы мнѣ пріятно было не разъ припомнить съ вами письмо его, но нѣтъ, удержусь, чтобъ не пробудить тѣхъ ощущеній, которыя слѣдовало бы искоренить совершенно, еслибъ возможно.

Но, Луиза, вы справедливо обвиняете себя въ оставленіи друга, въ сообществѣ съ жестокимъ свѣтомъ и его возмущающими предразсудками. Такіе упреки горьки для васъ, они падаютъ и на отца вашего и на меня, — да, и на меня, потому что и я соображаюсь теперь съ намѣреніями вашего батюшки, хотя безо всякаго, какъ вы называете, сообщества. Сердце ваше, самое великодушіе, жалость даже скромность ваша вводятъ васъ въ обманъ. Вы исполняете долгъ послушанія, покоряетесь отцу и за попеченіе объ васъ, жертвуете ему всѣмъ вашимъ счастіемъ; — гдѣ же тутъ сообщничество — не жертва ли скорѣе, если только вы отказываетесь отъ милыхъ надеждъ не свободно и не по добровольному внушенію долга и дѣтской привязанности? Стало быть, кто остается въ отвѣтъ? — одинъ вашъ батюшка; — мнѣ ли оправдывать его передъ вами? — Избави Богъ! Если онъ и виноватъ тутъ въ чемъ-нибудь, то, вы сами знаете, все изъ-за одной любви къ вамъ, изъ-за безпокойствъ, за вашу будущность, изъ-за нѣкоторыхъ убѣжденій, которыя въ его натурѣ и въ которыхъ еще болѣе укрѣпили его недостатки или безразсудства Шарля. Но, чтобъ вашъ отецъ могъ быть сообщникомъ, въ этихъ ужасныхъ предразсудкахъ? — Нѣтъ, нѣтъ Луиза. Правда, онъ раздѣлялъ ихъ прежде съ нашими поселянами; но съ самаго того дня помните — когда въ церкви услышалъ призывъ человѣколюбія, съ самаго того дня онъ сбросилъ эти предразсудки, стерегъ себя отъ нихъ и съ тѣхъ поръ другія побужденія управляли его поступками. И неужели, Луиза, милое дитя мое, неужели вы думаете, я отступилъ бы передъ простымъ предразсудкомъ, согласился бы изъ-за него пожертвовать вами?.... Я себя не пожалѣлъ бы, до послѣдней минуты оспоривалъ бы жестокое заблужденіе, и какъ ни дорога мнѣ дружба вашего батюшки, я не купилъ бы ея цѣною снисхожденія, въ моемъ мнѣніи, низкаго и преступнаго.

Digitized by Google

Отгоните отъ себя, милое дитя, эти горькія мысли, не отравляйте ими рану и безъ того тяжелую, беритесь скорѣе за то, что можете хоть облегчить ее, если не совсѣмъ заживить. Молодой же другъ нашъ вѣренъ данному вамъ обѣщанію — онъ не вдается въ отчаяніе. Ободренный вами, усердно подвигается на избранномъ пути, рачительно отстраняетъ препятствія, и со вчерашняго дня, сколько вслѣдствіе своихъ заботъ, столько и моими стараніями, принятъ наконецъ на богословскій курсъ въ Лозанну. Такое неожиданное счастіе упрочиваетъ ему вѣрное и почетное существованіе. Позднѣе узнаемъ, гдѣ будетъ лучше посвятить его здѣсь или въ Лозаннѣ — обѣ дороги для него открыты. А онъ между тѣмъ, какъ мнѣ извѣстно черезъ нѣкоторыхъ моихъ Лозанскихъ сослуживцевъ, снискиваетъ уже по немногу любовь и уваженіе. Также какъ и вы, я признаю въ Шарлѣ врожденныя способности, на которыхъ основываю много надеждъ: пылкость и безразсудство его — свойства молодости, съ лѣтами умѣрятся: мысль его полна жизни и благородства; въ слогѣ его, хотя неправильномъ, но неиспорченномъ, много увлекательнаго; въ немъ замѣтно и обиліе, нужное для проповѣдника. Но самыя обстоятельства жизни лучше всего подготовляютъ его къ избранному служенію: рожденіе его и несчастія такъ рано дали ему опытность, развили сужденіе, познакомили со свѣтомъ, съ его неправдою, съ нападками, съ нищетою и также, Луиза, съ тѣми небесными радостями, безъ которыхъ служитель Христовъ не съумѣетъ выполнить своей обязанности. Безъ этихъ радостей чувство его не полно, слово не вѣрно; безъ нихъ, болѣе другихъ порабощенный свойственнымъ ему предразсудкамъ, онъ получаетъ только по преданію, онъ болѣе служитъ Церкви нежели Христу, онъ скорѣе поставленный надъ ближнимъ судья, нежели братъ. Бѣдный Шарль! Въ самомъ письмѣ его къ вамъ, я не могъ не замѣтить съ прискорбнымъ удовольствіемъ этой ранней опытности, борьбы гордости со смиреніемъ, напора сдерживаемыхъ благородствомъ чувствъ, въ которыхъ мнѣ какъ будто предвидятся зародыши будущаго краснорѣчія убѣдительнаго, увлекательнаго, хотя увы! слишкомъ дорого купленнаго!

Пусть перспектива будущности нашего друга послужитъ вамъ утѣшеніемъ, Луиза, и умѣритъ ваше состраданіе. Взгляните, какъ слѣдуетъ, на настоящее положеніе Шарля, и вы увидите, что оно совсѣмъ не такъ жалко. Чувства, которыя онъ вамъ изъявляетъ, искренны; они повторятся и въ письмахъ его ко мнѣ, не думайте же чтобъ ими прикрывалось только отчаяніе. Величайшее несчастіе его не въ разлукѣ съ

*

Digitized by Google

вами, а въ томъ, что онъ возмутилъ жизнь вашу. Въ письмѣ вашемъ онъ находитъ источникъ жизни и утѣшенія, въ немъ вы собственноручно написали ему правила, которыя онъ будетъ свято исполнять изъ любви къ вамъ. Въ уваженіи вашемъ, въ дружбѣ вашей его подпора и радость жизни. Еслибъ я могъ передать ему, что и для васъ наступаютъ дни ясные, что вы бодритесь и поправляетесь, тогда, клянусь вамъ, Луиза, счастье для него было бы еще возможно. Сказать ли вамъ наконецъ? долженъ ли говорить?.... Увѣренность, что сердце ваше отдалось только однажды, приводитъ его въ восторгъ.... Съ этой вѣрою несчастіе для него слишкомъ сносно: въ ней онъ почерпнетъ нужную для жизни силу и теплоту.

Повѣрьте всему этому, Луиза, и успокойтесь. Пусть на дѣлѣ, во всемъ блескѣ явятся отличающія васъ возвышенность разума и святая покорность — единственное лекарство отъ столь тяжкихъ недуговъ. Подумайте объ отрадѣ, которая вамъ остается, объ тѣхъ горестяхъ, которыхъ вы избѣгнете, вспомните, что для всѣхъ насъ, разумѣется также и для Шарля, впереди еще много страднаго, лишь бы только вы успокоились, лишь бы спала та тяжесть горя, которая вамъ не по силамъ: отъ васъ зависитъ наша радость, наше общее счастіе. Довѣрьтесь мнѣ, послушайтесь меня. Вы знаете, я самъ много испыталъ, много перенесъ тяжкихъ страданій.... Но теперь, рана моя залѣчена волей, Луиза, стараніями, молитвой, надеждой, долгомъ, остававшимися привязанностями и другими новыми; и я, болѣе нежели когда-нибудь, буду благословлять жизнь свою, если, какъ надѣюсь, Богу угодно будетъ такимъ же образомъ спасти, и васъ, и Шарля.

Скажу вамъ, любезное дитя мое, грустную новость: бѣдный Брахосъ умеръ. Сначала онъ будто началъ оправляться послѣ своего паденія, но послѣдніе мѣсяцы былъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Не смотря на склонность къ пьянству, Брахосъ заслужилъ любовь всего селенія. Онъ былъ услужливъ, великодушенъ, что вообще рѣдко между нашими поселянами, и способенъ на возвышенные поступки. Вы помните какъ, подвергаясь самъ опасности, сквозь пламя, пробрался онъ въ стойло Крозатовой, и спасъ ея единственную корову; онъ же одинъ вызвался спуститься въ колодезь и вытащилъ изъ-подъ обвала Поля-Руже. Болѣзнь свою переносилъ съ твердостью и не разъ, когда я приходилъ къ нему, раскаявался въ своихъ излишествахъ и смиренно сознавалъ свои слабости. На послѣднихъ дняхъ онъ поручилъ мнѣ по-

Digitized by Google

благодарить васъ за всѣ милости къ нему и къ его семьѣ, жалѣлъ, что васъ нѣтъ въ приходѣ и просилъ замолвить вамъ на счетъ жены, которую дѣйствительно оставилъ въ страшной нищетѣ.

Касательно вашихъ бѣдныхъ, Луиза, я старался соображаться съ вашими предписаніями. Нынѣшній урожай и высокая цѣна заработокъ много облегчили мой трудъ, и пособія оказались почти ненужными. Но я замѣтилъ, что для многихъ посѣщеніе ваше дороже помощи; не было конца распросамъ, всѣ хотѣли знать, скоро ли вы воротитесь? Полинѣ Розетъ я отдалъ отъ васъ вуаль къ Причастью и маленькую псалтырь: бѣдная дѣвочка не помнила себя отъ радости; отецъ и мать, увидавши ее въ прекрасномъ нарядѣ, прослезились. Она была у Таинства вмѣстѣ съ семью другими дѣвочками; послѣ обѣда я пригласилъ ихъ къ себѣ, какъ приглашалъ и мальчиковъ. На этотъ разъ ваше отсутствіе было для меня слишкомъ ощутительно, — я не зналъ, какъ и чѣмъ занять эту компанію. Онѣ играли въ саду, гдѣ я ихъ угостилъ полдникомъ, вечеромъ гуляли, разговаривали; замѣченными въ нихъ наклонностями я остался доволенъ. Одна изъ нихъ, Шарлотта Комба обѣщаетъ горячую головку; но, надѣюсь, пылъ ея охладится, прежде нежели найдетъ здѣсь для себя пищу. На возвратномъ пути, мы встрѣтили вашу сиротку: она во всѣ глаза глядѣла на Полину Розетъ. Я посулилъ ей отъ васъ такой же подарокъ, если попечители ея будутъ ею довольны, если она будетъ умна по прежнему. Какъ привлекательна эта малютка! весела, кротка, одна изъ тѣхъ счастливыхъ натуръ, которыя одинаково развиваются во всякомъ состояніи, потому что всѣмъ нравятся. Радуетъ меня особенно то, что на селѣ никто не завидуетъ вашей привилегированной фаворитки, всѣ ласкаютъ ее и при случаѣ позволяютъ ей принимать участіе въ своихъ удовольствіяхъ. Какъ-то, на дняхъ, было имянинное угощеніе у Редаровъ. Малютка съ двумя своими козочками шла мимо пировавшихъ; не смотря на будничное платье, ее позвали и дали ей маленькую порцію, которую она съѣла тутъ же, между ними. Такое обращеніе радуетъ меня, особенно пріятно, что подали ей кусокъ не какъ нищей, но пригласили сироту за семейную трапезу. Сколько такта и добра, Луиза, во всемъ, что дѣлается отъ сердца!

Прошу васъ передать мои дружескіе поклоны г. Рейбасу и Мартѣ; послѣдней скажите, что, по желанію ея, всю ея коноплю отдали Крозатовой. Бѣдная женщина вчера въ первый разъ была въ церкви.

Digitized by Google

Въ четвергъ она предупредила меня о своемъ желаніи помолиться: вся въ слезахъ сказала мнѣ, что она раскаевается въ своемъ ропотѣ на Господа Бога. Я поздравилъ ее съ возвращеніемъ къ тѣмъ чувствамъ, которыя однѣ могутъ ее утѣшить, и она ушла, какъ бы облегченная отъ великой тяжести и благодарила меня за то, что не смотря на ея заблужденія, я продолжалъ по прежнему навѣщать ее. Батюшкѣ передайте, что Бреласомъ я доволенъ: пѣніе его наладилось. Наконецъ, примите, милое дитя, увѣреніе въ нѣжнѣйшей дружбѣ преданнаго вамъ

Превера.

Въ Университетской Типографіи.

Печатать позволяется. Москва 1852 г., Іюня 30-го дня.

Цензоръ Князь Львовъ.

Digitized by Google

СЕЛЬСКІЙ ПРИХОДЪ.

CLVI. *Шарль къ г-ну Преверу.* — Изъ Лозанны.

Ученье у насъ началось, г-нъ Преверъ; я стараюсь слѣдить за лекціями, хожу на нихъ, слушаю, возвращаюсь и запираюсь въ своей квартирѣ.... Ахъ, мой уважаемый наставникъ, не оттолкните меня, если я покажусь вамъ слабымъ, неблагодарнымъ; лучше протяните мнѣ руку, удержите меня въ паденіи!

Въ первые дни хлопотъ и безпокойствъ, я не былъ такъ несчастливъ, занятый отстраненіемъ препятствій, мѣшавшихъ исполненію Луизина желанія.... Теперь нѣтъ препятствія, дорога мнѣ открыта, остается только идти по ней.... Но не могу, г-нъ Преверъ.... Нѣтъ передо мной ни цѣли, ни надежды,—совершенное отвращеніе отъ всего; ничто не останавливаетъ, ни привлекаетъ меня, ничто даже не разсѣиваетъ моихъ мыслей. Чему могу я учиться, когда тоска и сожалѣніе грызутъ мое сердце? Я слушаю, пишу, хочу думать о преподаваемыхъ предметахъ, иногда и успѣваю, пока грусть моя и жалобы удерживаются при постороннихъ; но потомъ, когда останусь самъ съ собой...., — тоска прорывается ручьями слезъ, я запираюсь у себя въ комнатѣ и въ этой тюрьмѣ, отдаленной отъ васъ, отъ всего мнѣ милаго, томлюсь въ напрасныхъ стенаніяхъ.

Что дѣлать мнѣ, г-нъ Преверъ? Мнѣ страшно подумать о своемъ обѣщаніи!.... Надобно идти по этой дорогѣ, Луиза и вы положились на меня.... И я уже обманываю ваши надежды! Я желаю исполнить ихъ, клянусь вамъ, что желаю; но не могу! Чаша слишкомъ горька, тяжесть пересиливаетъ меня, сердце воспріимчиво только на скорбь....

Но могъ ли я дать обѣщеніе, для котораго нужно особенное призваніе? Освобождусь ли когда-нибудь отъ гнетущаго меня униженія и безчестія? Способенъ ли я къ какой-нибудь добродѣтели, когда всей силы

Digitized by Google

моей едва достаетъ на борьбу съ судьбою? Я могъ бы образовать себя, — но значитъ ли что-нибудь наука въ этомъ святомъ служеніи, гдѣ первымъ условіемъ полагается, если не дарованіе, то, по крайней мѣрѣ, почетное мѣсто въ обществѣ,—мѣсто, котораго я никогда не пріобрѣту. Кому я, несчастный, могу быть полезнымъ? Кто не погнушается моими заботами, кто не пренебрежетъ моими совѣтами, моей готовностью?.... Я подкидышъ, заклейменный неизгладимымъ пятномъ позора; я, на которомъ тяготѣетъ тайна безчестія, я — сынъ.... чей сынъ?... скажите— чей сынъ я, г-нъ Преверъ?.... Все ли по крайней мѣрѣ извѣстно, и мнѣ ужъ бояться нечего? Нѣтъ ли еще чего за поднятой вами колыбелью? Нѣтъ ли новаго пятна, новой язвы?.... Ахъ, не прерывайте моихъ рыданій, пускай ужасъ и отчаяніе разрываютъ мое сердце, пускай они терзаютъ, увѣчатъ его. Таковъ удѣлъ мой!

Слова мои раздираютъ ваше сердце, дорогой мой наставникъ, но какимъ образомъ затаить все это отъ васъ!.... Страданія грызутъ меня, вспыхиваютъ во мнѣ то страшною ненавистью, то гордостью, то ропотомъ—тысячью порочныхъ страстей — онѣ не даютъ мнѣ и ночью покоя, заставляютъ винить Небо и людей.... Я былъ такъ счастливъ, такъ спокоенъ подъ вашимъ кровомъ, не зналъ ни страха, ни предчувствія, ни безпокойства, и вдругъ такой ударъ и такое паденіе — съ высоты блаженства въ темную бездну!.... Застигнутъ смертью посреди восторговъ и упоенія! Ахъ, г-нъ Преверъ, неужели въ самомъ дѣлѣ я лишился Луизы! — Луизы — этаго небеснаго созданія, единственаго существа, удостоивавшаго меня любви своей! Я жилъ ея привязанностью, ея словами, ея взглядомъ; жилъ ею и для нея; обѣщанный бракъ былъ моимъ щитомъ, моей опорою! Не только счастье я потерялъ съ нею, но и силу, и способности и дыханіе жизни и все то, что другіе заимствуютъ изъ тысячи источниковъ, недоступныхъ для утоленія жажды подобныхъ мнѣ несчастныхъ!

Что будетъ со мной, г-нъ Преверъ? Одинъ стыдъ заставляетъ меня заниматься; я далъ клятву, но въ душѣ сознаю уже себя клятвопреступникомъ. Молюсь, прошу у Бога силы, жду; но дни проходятъ, и съ каждымъ днемъ растетъ мое отвращеніе. Я желалъ бы бѣжать далеко, избавить васъ отъ себя, я возмутилъ спокойствіе вашей жизни, и никогда не съумѣю ни возблагодарить васъ за благодѣянія, ни воздать за скорби, которыми наполнилъ вашу нѣжную и сострадательную душу. Вотъ гдѣ верхъ моего несчастія, дорогой мой учитель; послѣдняя надежда поддержала бы меня — и ея нѣтъ! Я обреченъ на горе и позоръ; несчастіе мое всегда будетъ тяготѣть на тѣхъ, кто меня лю-

Digitized by Google

битъ. Неужели мнѣ суждено сократить и отравить дни даже того единственнаго на земли человѣка, которому я всѣмъ обязанъ?

Эти мысли одолѣваютъ меня. Я краснѣю за себя, за свою неблагодарность, за свое ничтожество. Неужели сердце мое такъ извратилось въ этой борьбѣ? Узнаете ли вы меня, г-нъ Преверъ? Я хочу бѣжать отъ васъ! что сдѣлалось со мной? бѣжать отъ васъ!.... Эта ужасная мысль въ первый разъ пришла ко мнѣ. Могъ ли бы я ее исполнить? — Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, а между тѣмъ она у меня въ головѣ, я хватаюсь за нее, какъ за необходимость, вижу въ ней обязанность.... Признаюсь вамъ, самъ дрожу и краснѣю, сердце сжимается,— и все таки я исповѣдуюсь вамъ во всемъ, потому что это правда, потому что вы мой отецъ, мой уважаемый и любимый наставникъ. Съ минуты признанія, мысли эти имѣютъ меньше власти надо мною; посреди окружающаго меня мрака, я ищу руки вашей, хватаюсь за нее, какъ за единственное спасеніе отъ зла и защиту отъ самого себя!

Я ничего не знаю объ Луизѣ, ничего болѣе! Ахъ, г-нъ Преверъ, если она успокоилась и укрѣпилась, если вы сами перестали за нее тревожиться, если вы надѣетесь, то пожалуй, я соглашусь не знать, что дѣлается на Салевѣ, синеватыя вершины котораго отсюда приковываютъ мои взоры.... Но если Луизѣ хуже.... Неужели вы скроете отъ меня и запретите бѣжать, летѣть къ ней? Неужели не позволите броситься къ ногамъ г. Рейбаса, и отъ слезъ его, отъ страха и угрызеній совѣсти добиться того, въ чемъ онъ отказалъ моимъ мольбамъ и моему отчаянію! Скажите же, дорогой мой наставникъ, могу ли прибѣгнуть еще къ этому крайнему средству, или мнѣ остается одно—смотрѣть, какъ гибнетъ Луиза отъ непреклонной воли?....

Дрожь прохватываетъ меня, горе мутитъ разсудокъ. Простите, любезный мой наставникъ. Я укрощу себя, буду сообразоваться съ вашими совѣтами, съ вашимъ примѣромъ.... Сжальтесь надъ вашимъ

Шарлемъ.

CLVII. *Г. Преверъ къ Шарлю.* — Изъ прихода.

Да, твое письмо пронзаетъ мнѣ душу. Какая постыдная слабость, какія недостойныя вспышки! Какая скорая измѣна священному слову! Да, я оплакиваю это низкое уныніе, эти безумныя намѣренія. Такъ не выражается мой Шарль, тотъ, котораго я уважаю и ношу въ своемъ сердцѣ,—это не его чувства, не его желанія. Поднимись, Шарль! чтобъ не было этой слабости, этихъ недостойныхъ вспышекъ! Знай, что ты

Digitized by Google

будешь неблагодарнымъ передо мной, если не оправдаешь моего расчета на твои добродѣтели; знай, что человѣкъ и христіанинъ познается только въ испытаніи. Если несчастіе твое велико, то это лучшее и единственное пособіе въ покорности; покорись же горькой долѣ съ достоинствомъ, исполняй прежнія свои обязанности и новыя, возлагаемыя самымъ несчастіемъ.

Но ты — дитя мое, я страдаю съ тобою, извиняю минуты изступленія; слишкомъ тяжелаго усилія стоило бы мнѣ измѣнить языкъ самой нѣжной любви. Шарль, дитя мое, образумься!.... Въ строкахъ этихъ я не узнавалъ тебя, я омочилъ ихъ слезами, но не отрадными для обоихъ насъ слезами, а такими горькими, какими не оплакивалъ и самаго твоего горя. Дѣйствительно, есть состояніе прискорбнѣе и страшнѣе самаго несчастія: страшно не несчастіе, а безумство сильныхъ страстей, страшно извращеніе характера добраго, прямаго, пріятнаго, который измѣняетъ себѣ, ожесточается, становится несправедливымъ, предается побужденіямъ, которыхъ преодолѣть не можетъ или не старается. Приди въ себя, добрый другъ мой, будь кормчимъ души своей, не покидай ее на произволъ, загладь самый слѣдъ перваго, причиненнаго тобой мнѣ огорченія — да, Шарль, перваго огорченія, потому что скорбь твою я раздѣляю, безразсудство извиняю; но то, что унижаетъ достоинство, оскорбляетъ меня сильно и глубоко.

Я не удивляюсь ни твоимъ страданіямъ, ни отвращенію, ни равнодушію къ наукѣ; но прошу тебя, другъ мой, старайся превозмочь себя; убѣгай не общества, удерживающаго тебя отъ тоски, а одиночества, въ которомъ безъ свидѣтелей ты предаешься постыднымъ вспышкамъ; подумай, что въ то время, какъ ты ведешь себя такимъ недостойнымъ образомъ, я стараюсь утѣшать Луизу увѣреніемъ, что Шарль бодръ и что будущность его обезпечена. Прошу тебя, не изобличай во лжи ни меня, ни себя, не обмани ожиданій Луизы; положеніе твое и безъ того тягостно и затруднительно,—не дѣлай его худшимъ: если ты не устоишь, то конецъ будетъ дурной. Прошу тебя наконецъ, Шарль, припомнить повелѣніе свыше, доказать мнѣ, что ты понялъ, что уважаешь его, что религія твоя не есть безплодное сѣмя, не пустившее корней въ землю, развѣянное первымъ вѣтромъ, но сѣмя плодоносное, возросшее въ дни ясные, чтобы зацвѣсть въ дни испытаній.

Вотъ, другъ мой, мои мнѣнія и совѣты; они, я увѣренъ, найдутъ дорогу къ твоему сердцу, укрѣпятъ и передѣлаютъ его. Послѣ этаго неужели мнѣ опровергать софизмы твоего письма? Нѣтъ, Шарль, это

Digitized by Google

значило бы усомниться въ твоемъ разсудкѣ, который, безъ сомнѣнія, не дожидаясь этихъ строкъ, возвратился къ прямотѣ своей; это значило бы подвергнуть сомнѣнію и твою сыновнюю покорность, на которую, конечно, желанія мои подѣйствуютъ сильнѣе разсужденій.

Я не затрону твоихъ софизмовъ, но за то сообщу одно мнѣніе, котораго до сихъ поръ не могъ свободно высказать. Коснуться до будущей карьеры значило бы обратить твои мысли на твое происхожденіе: вотъ почему я и старался отклонять тебя отъ этихъ разсужденій до тѣхъ поръ, пока время не развило твоего разсудка, а религія не приготовила сердца. Теперь, милое дитя, мы отложимъ всѣ церемоніи: — и обстоятельства, и возрастъ твой, — все уполномочиваетъ меня говорить.

Ты былъ еще ребенкомъ, когда разбирая твое положеніе въ свѣтѣ, я пожелалъ уже для тебя пути святаго служенія. Когда же съ лѣтами развился твой характеръ, когда обозначилась сущность способностей и дарованій, данныхъ тебѣ Богомъ, то и желаніе мое возросло, и я тысячу разъ похвалилъ себя за данное тебѣ направленіе. Съ Луизой по этому поводу я никогда не разговаривалъ, но увѣренъ, что ея здравый, тонкій, преждевременный смыслъ, нѣжная и разумная объ тебѣ заботливость, привели ее къ одному со мной желанію. И такъ, если по изложеннымъ тебѣ причинамъ, независимо отъ красоты самой карьеры, независимо отъ желанія Луизы, я всегда находилъ этотъ путь приличнѣйшимъ для тебя между многими другими, то теперь вижу, что онъ единственный, для тебя проложенный.

Сердце мое заботится при этомъ, сколько о земной твоей будущности, столько и о спасеніи души твоей, — о томъ спасеніи, котораго, по моему мнѣнію, труднѣе достичь пастырю, нежели пасомымъ; я имѣю въ виду, дитя мое, и твое спокойствіе, и честное и счастливое положеніе въ свѣтѣ. Всею горестью души моей, я сочувствую скорби твоего оскорбленнаго самолюбія, постигаю законное негодованіе твое противъ нападающихъ на тебя предразсудковъ и несчастіе — не имѣть родныхъ и семьи, и хочу, чтобы всѣ эти жала притупились, чтобы страданія смѣнились миромъ добродѣтели, свѣтомъ отрады. Хотя я не раздѣляю раздражительности, которую извиняю въ тебѣ, хотя сознаю, что свѣтъ болѣе пустъ, нежели золъ, болѣе тщеславенъ, нежели безчеловѣченъ; но, зная, бѣдное дитя мое, что онъ былъ жестокъ съ тобою, что нападки его еще не кончены, я хочу отклонить отъ тебя его удары. Съ этой цѣлью посылаю тебя ко Христу: поди къ Нему, подчинись Ему одному, ради Его люби ближняго, служи людямъ; именемъ Христа снискивай ихъ любовь и уваженіе.... Это и мой Учитель: я знаю Его, — прежде

Digitized by Google

тебя узналъ, какъ Онъ держитъ свои обѣщанія и повторяю тебѣ убѣдительно, сильно и нѣжно: иди ко Христу!

Оглянись кругомъ себя, Шарль; разсмотри различныя дороги, раскинутыя передъ твоимъ честолюбіемъ, и укажи мнѣ, на которой изъ нихъ ты легче найдешь необходимый для тебя пріютъ; всѣ бы онѣ истощили силы твои и все-таки не привели бы къ той блаженной высотѣ, надъ которой засіяютъ для тебя миръ и довольство. Лишенный самыхъ обыкновенныхъ благъ, ты долженъ бы былъ для успѣха выпрашивать у этаго же свѣта его же преимуществъ, и онъ изъ милости, съ презрѣніемъ, далъ бы ихъ тебѣ, а можетъ быть въ жестокости и отказалъ бы. Этаго ли ты желаешь? Нужна ли тебѣ его непрочная поддержка, его капризная благосклонность? Хочешь ли, чтобъ его всегдашнее тщеславіе, заносчивая гордость, слѣпые и жестокіе предразсудки подставляли тебѣ на каждомъ шагу новую непреодолимую преграду? Ахъ, дитя мое, не вступай въ услуженіе къ этому господину; иди къ Господу смиренныхъ, малыхъ, неимущихъ, будь Его вѣрнымъ служителемъ. Тутъ, чѣмъ ниже стоишь ты въ людскомъ мнѣніи, чѣмъ болѣе несёшь лишеній, испытаній, незаслуженнаго поношенія, тѣмъ скорѣе душа твоя освободится отъ мірскихъ сѣтей, тѣмъ свободнѣе будетъ ея призваніе, тѣмъ истиннѣе ея смиреніе, тѣмъ теплѣе ея любовь. Свѣтъ твой засіяетъ передъ Богомъ, Который дастъ тебѣ истинное довольство, счастіе, независящее отъ міра; свѣтъ твой засвѣтится и передъ людьми, — и будь увѣренъ, Шарль, — тогда они не откажутъ тебѣ ни въ любви, ни въ уваженіи, ибо не только всѣ воздаютъ подобающую честь самоотверженію, милосердію, добродѣтели, но кромѣ того, всѣ люди вообще благосклонны, справедливы и уважительны съ тѣмъ, кто никогда не требуетъ ихъ скоропреходящихъ благъ, кто не завидуетъ ихъ преимуществамъ и не угрожаетъ ихъ интересамъ. Прекрасная карьера душъ высокихъ! Поприще завидное, достойное честолюбія сердецъ благородныхъ! При всей скромности своего положенія, пастырь церкви независимѣе и выше многихъ; единственное преткновеніе на его пути — гордость, такъ незамѣтно и такъ скоро вкрадывающаяся во всякомъ высокомъ званіи, при всякомъ выполненномъ долгѣ.

Разсматривая теперь характеръ твой, я радуюсь, дитя мое, что направилъ тебя на это поприще. Здѣсь добрыя свойства твои могутъ развиться на пользу ближняго и на твою собственную, а недостатки твои исправятся, смягчатся и обратятся на благое. Исправитъ и обуздаетъ ихъ та сила, вмѣстѣ кроткая и могучая, безъ которой мы бы пропали вмѣстѣ съ тобой. Твоя неразумная горячность — источникъ всѣхъ прежъ-

Digitized by Google

нихъ ошибокъ и заблужденій, вспыльчивость, отчаяніе столько же сильное въ тебѣ, какъ въ другомъ гнѣвъ, — все это вовлекло бы насъ, если не въ бездну безпорядковъ, то въ бездну золъ страшныхъ и безвыходныхъ. Стань подъ знамя религіи, подчинись Христу, Нашему Спасителю, иди по стопамъ Его, слѣдуй Его примѣру, и, на мѣстѣ теперешнихъ недостатковъ твоихъ, возникнутъ: живительная теплота, великодушіе, сила, мужество, готовность на дѣла любви и милосердія. Счастливы тѣ, Шарль, чья душа не коснѣетъ въ безплодномъ очерствѣніи, а всегда кипитъ обильною жизнію! Счастливы тѣ, которые живо чувствуютъ, чье сердце подвижно на волненіе и скорбь, готово на сильные порывы и на горячую любовь! Счастливы, если они посвятятъ себя Христу! Изъ нихъ выйдутъ поборники дѣятельные, искусные, могучіе; въ нихъ любовь, въ нихъ сила для помощи, для исправленія, для сопротивленія! Не надобно слишкомъ сѣтовать, если это пламя, раздутое бурнымъ дуновеніемъ земли, не пройдетъ безъ порчи и разрушенія, — горше было бы, еслибъ его совсѣмъ не было, еслибъ оно потухло. Ты знаешь, Шарль, — Самъ Богъ отдаляетъ сердца холодныя; Онъ скорѣе извиняетъ заблужденіе, нежели безчувствіе.

Ты читалъ, другъ мой, »Жизнь Спасителя.« Въ ней, кромѣ преобладающаго, строгаго и небеснаго спокойствія, свойственнаго только Богочеловѣку, — не узналъ ли ты той живительной теплоты, того огня любви божественной, безъ котораго намъ труднѣе было бы понять Его безконечное милосердіе? Не чувствуешь ли, какую теплота эта придаетъ тайную и неодолимую прелесть всѣмъ Его словамъ, — и утѣшеніямъ, и упрекамъ, и поученіямъ, и предсказаніямъ, — самымъ простымъ притчамъ и сильнѣйшимъ Его воззваніямъ? Не эта ли же теплота слышится въ Его угрозахъ жестокосердымъ, не она ли облегчаетъ страждущихъ, поднимаетъ падшихъ, сладости исполняетъ слугъ вѣрныхъ и покорныхъ? Служители Божественнаго Учителя, мы, конечно, не можемъ усвоить себѣ ни одного изъ Его совершеннѣйшихъ качествъ, не прививъ къ нему тысячи несовершенствъ дѣйствіемъ нашей слабости, испорченности; но слѣдуетъ ли заключать изъ этаго, что и безъ нихъ мы могли бы дѣйствительно служить Христу? Неужели потому, что въ насъ худое примѣшивается всегда къ хорошему, мы не должны уважать этаго хорошаго? — предпочитать безчувствіе, потому что во зло употребляемъ чувство? Неужели потому, что чувство вовлекаетъ насъ иногда въ ошибки, мы должны пренебречь имъ, поставить его ниже страдательнаго бездѣйствія, ниже праздности, ниже нравственнаго состоянія пустоты и отсутствія души и сердца?

Digitized by Google

И такъ, познай самъ себя, дитя мое, и не трать силъ своихъ, не обращай ихъ противъ нихъ самихъ, не попускай ихъ колебать душу твою, изнурять ее и вредить ей; но обрати ихъ къ той цѣли, которая освятитъ ихъ. Дай волю силамъ своимъ, и ты найдешь источникъ добродѣтели и постигнешь счастіе; да, Шарль, прекрасна, завидна и достопочтенна доля тѣхъ, которые милосердію посвящаютъ и силы и трудъ свой. Потребности молодости не вынесли бы, можетъ быть, этаго пути; но зрѣлому возрасту излишества юности не по силамъ, а подъ старость остается слишкомъ немного отъ прежняго избытка: такъ ужъ видно несовершенна наша бѣдная натура, что надобно на первой порѣ жизни сосредоточить все къ тому, чтобы припасти только необходимое для послѣдней, — чтобы на старости сберечь душу отъ постигающихъ тѣло — холода и безчувственности. Ступай въ среду золъ, страданій и бѣдствій; Богъ да будетъ съ тобою! Дерзай, будь общимъ всѣмъ слугою! Тогда-то ты найдешь свое мѣсто, свое призваніе, упрочишь свое счастіе; тогда заживешь собственною своею жизнію и пожалѣешь объ этомъ себялюбивомъ, пустомъ и надмѣнномъ свѣтѣ, отвергающемъ тебя.... Да, бѣдный другъ мой, ты не столько возненавидишь его за жестокость, не столько убоишься силы его, сколько полюбишь его за слабость, сколько пожалѣешь объ немъ. Ты скоро узнаешь, что слава побѣды надъ нимъ недостаточна, возмездіе его неудовлетворительно, что безъ души, сознающей себя на истинномъ пути жизни, а особенно безъ Христа, Который насъ видитъ и любитъ, — всего мало, все ничто, еслибъ даже самый міръ палъ передъ нашими доблестями!

Подъ именемъ дарованій, въ которыхъ тебѣ отказано, ты вѣроятно, разумѣешь, лестный блескъ духовнаго краснорѣчія. Сказавши тебѣ, что я предвижу въ твоихъ способностяхъ, я могъ бы успокоить тебя и на этотъ счетъ, милое дитя мое; но боюсь оскорбить твою скромность, боюсь также твоего ошибочнаго мнѣнія на счетъ употребленія этаго наружнаго украшенія, этой блестящей оболочки, которою немногіе умѣютъ пользоваться. Ошибается тотъ, кто въ домогательствѣ этаго блеска поставляетъ главную цѣль свою, — онъ этимъ самымъ удаляется отъ цѣли. Истинное дарованіе и блескъ, однимъ словомъ, краснорѣчіе заключается не въ оболочкѣ, не въ наружной формѣ, не въ размѣрахъ и пропорціяхъ, которымъ думаютъ научить насъ риторы: оно въ самой мысли, оно въ сердцѣ, оно истекаетъ изъ сердца, сердцемъ отыскиваетъ свои формы не всегда блестящія, но всегда соотвѣтствующія предмету, оживленныя, трогающія, всегда мѣтко говорящія сердцу другихъ. Что касается до сердца, другъ мой, то одно грубое заблужденіе могло

Digitized by Google

выдумать, что въ отношеніи къ искуству образованіе его туго. Сердце, также какъ и слово, развивается, согрѣвается, ростетъ, крѣпчаетъ, пріобрѣтаетъ отъ упражненія тактъ и опытность; исполненіе обязанностей придаетъ ему важность и достоинство, борьба изощряетъ его ощущенія и силы; несчастіе, когда не ожесточаетъ его, то очищаетъ, обогащаетъ грустію, состраданіемъ, теплотою глубокою, неодолимою.... Готъ, кто сказалъ, что великія мысли происходятъ отъ сердца и что человѣкъ съ душой долженъ имѣть и вкусъ, — двумя этими рѣченіями выразилъ всю теорію краснорѣчія; а еслибъ сказавшій это прибавилъ еще: развивайте же сердце трудными добродѣтелями, образовывайте душу не пустымъ ученьемъ, не безплодными правилами, не ранними опытами въ прозѣ и стихахъ, не познаніемъ, но упражненіемъ, но личнымъ знакомствомъ съ прекраснымъ, — тотъ далъ бы намъ кратчайшую и вмѣстѣ самую полную, самую ясную піитику.

Я могъ бы прямо указать тебѣ на столькихъ священнослужителей, проповѣди которыхъ безсильны и безжизненны не по недостатку изящныхъ или удачныхъ формъ, но именно потому, что въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ формы, потому что онѣ бѣдны, пусты, какъ жизнь самихъ проповѣдниковъ. Но мнѣ пріятнѣе показать тебѣ другіе примѣры. Ты знаешь г. Лорана, того молодаго пастора, которымъ церковь гордится уже наровнѣ со старѣйшими и лучшими своими сподвижниками. Тебѣ извѣстно, съ какимъ успѣхомъ онъ говоритъ, какъ убѣждаетъ своихъ слушателей, и какъ привлекаетъ ихъ къ себѣ. Однакожъ въ ученьѣ онъ былъ изъ посредственныхъ, начало не подавало никакой надежды, сочиненія его были холодны, органъ глухъ, необдѣланъ. Въ первые годы священнослужительства онъ исключительно занимался полировкою рѣчи, добивался таланта въ изученіи авторовъ и въ тайнахъ риторики; сдѣлался цвѣтистымъ проповѣдникомъ и служилъ примѣромъ безсилія правилъ при отсутствіи дара краснорѣчія: таково было общее объ немъ мнѣніе, когда его назначили въ одинъ изъ приходовъ кантона. Здѣсь въ первый разъ онъ познакомился съ обязанностями и чувствами, до тѣхъ поръ извѣстными ему только по слухамъ; въ первый разъ онъ закрылъ свои книги, и, поддерживаемый твердою волей, сдѣлался простымъ Христовымъ воиномъ: пошелъ на приступъ, не щадя ни силъ, ни мужества, бросился въ пучину скорбей, несчастій, пороковъ, страданій, сейчасъ мною помянутыхъ и всюду осаждающихъ человѣчество. Онъ подкрѣплялъ, смягчалъ, утѣшалъ, возставлялъ, поражалъ и вышелъ изъ этаго поля битвы совершенно инымъ. Онъ разучился, забылъ всю пышность, всѣ хитросплетенія витійства, отъ которыхъ прежде добивался чести

Digitized by Google

мимолетнаго успѣха. То былъ уже не риторъ, но человѣкъ; не писатель, но служитель Божій. Въ мужчинахъ, женщинахъ, въ молодыхъ дѣвушкахъ, съ которыми готовился говорить во имя Бога живаго, онъ видѣлъ уже, не по прежнему, кругъ слушателей, собраніе умовъ, судей; но — отцовъ, достойныхъ похвалы или порицанія, женъ цѣломудренныхъ или порочныхъ, дѣвушекъ чистыхъ или къ соблазну склонныхъ, во всѣхъ видѣлъ братьевъ, которыхъ зналъ и посѣщалъ, съ которыми радовался и скорбѣлъ, и всѣхъ соединялъ въ одной общей любви.... Тогда-то, богатый мыслями, опытностью, разумомъ, милосердіемъ, въ бою съ живыми противниками, онъ началъ тотъ рядъ простыхъ проповѣдей своихъ, прочныхъ, вѣрныхъ и мѣткихъ, убѣдительныхъ, искусныхъ въ оборотахъ, сильныхъ выраженіями; и формы, за которыми онъ уже не гнался, приходили одна за другой, разнообразныя, точныя, вызванныя каждая мыслію и согрѣтыя чувствомъ. Скромныя его проповѣди дали новую духовную жизнь стаду, до тѣхъ поръ извѣстному своимъ закоснѣніемъ; онѣ привлекли вѣрныхъ изъ сосѣднихъ приходовъ и даже изъ городовъ, и доставили автору своему славу истиннаго краснорѣчія, замѣчательнаго сколько оригинальностью, столько и силою, способностью управлять душами, поражать и согрѣвать ихъ.

Вотъ гдѣ истинная дорога, Шарль,—хотя трудными изворотами, но — одна ведущая къ благодѣтельнымъ и славнымъ послѣдствіямъ. Тѣ же, которые гонятся за формой, не заботясь о сущности, преслѣдуютъ пустую тѣнь: въ этомъ-то смыслѣ я и говорилъ тебѣ, что самымъ стремленіемъ своимъ они удаляются отъ цѣли. Не многіе, однакожъ, доходятъ до этихъ конечныхъ заключеній, потому что не многіе рѣшаются идти по ведущему къ нимъ пути. Г. Лоранъ, до успѣховъ не ослабѣвалъ и въ своей посредственности; ступалъ бодро и по фальшивой дорогѣ. Когда же сила его воли встрѣтилась съ достойными ея предметами, тогда оживилось и рвеніе его, направленное на благія цѣли. Но чего ждать отъ безсильныхъ, отъ сердецъ прозябающихъ, отъ душъ сонныхъ, отъ пасторовъ, которые скорѣе присоединяются къ стаду, нежели пасутъ его, которые занимаютъ должность, не выполняя ея: мысли ихъ слабы, рѣчи вялы, какъ и самое выполненіе обязанностей. Откуда взять имъ мысль? Въ нихъ нѣтъ ни знанія свѣта, ни любви къ паствѣ, ни негодованія, ни состраданія, ни святой радости — ни одного изъ тѣхъ побужденій, которыя даютъ жизнь и краски словамъ, жестамъ и физіономіи. Имъ-то слѣдуетъ украшать свое слово всѣмъ искуствомъ риторовъ, чтобы блескомъ наружности прикрыть постыдную пустоту внутреннюю, обвить трупъ пурпуровыми пеленами! Имъ-то, для собственнаго оправданія, подобаетъ

Digitized by Google

провозглашать, что надобно родиться ораторомъ, что краснорѣчіе не пріобрѣтается, потому что они не потрудились надъ его пріобрѣтеніемъ.

Но ты, добрый другъ мой, не будешь подражать этимъ небрежнымъ или невѣрнымъ служителямъ. Ты обуздаешь силы свои въ одномъ отношеніи и дашь имъ волю въ другомъ; посвященіемъ ихъ на службу Божественному Учителю, ты исполнишь свое призваніе и самое задушевное мое желаніе, одно могущее порадовать мою старость и успокоить при смерти. Дай Богъ, чтобы мнѣ привелось увидѣть тебя у этой пристани! Дай мнѣ Господи увидѣть моего Шарля, послѣ столькихъ треволненій, достигшаго наконецъ той высокой обители вѣры и милосердія, до которой не долетаютъ стрѣлы несчатія, гдѣ умолкаютъ скорби, гдѣ душа, хотя и не безчувственная къ благамъ міра, стоитъ выше ихъ, встрѣчаетъ и провожаетъ ихъ безъ упоенія и отчаянія, и откуда, въ торжественную минуту, возносится къ небесамъ легко, полная надеждами и богатая дѣлами! Нѣжно любящій тебя Преверъ.

CLVIII. *Марта къ г-ну Преверу.* — Изъ Морвекса.

Г-нъ Пасторъ изволили взять съ меня слово, что я буду писать къ вамъ, и я давно бы написала, еслибъ новости наши могли быть для васъ пріятнѣе. Послѣднее, уже давнишнее письмо мое, гдѣ я писала объ нашемъ пріѣздѣ сюда, сулило добро, котораго не случилось, а отчего не случилось, — ума не приложу. Дорогой тогда г. Рейбасъ говорилъ со мной, какъ словно ужъ готовъ былъ перемѣнить рѣшеніе, сказалъ, что *слѣдуетъ поспѣшить отвѣтомъ*, и на другой же день писалъ къ вамъ. Я подумала: вотъ будетъ радости-то! вмѣсто того вижу онъ молчитъ и съ того же дня сдѣлался грустнѣе и пасмурнѣе прежняго и до того жалокъ что я и резонъ имѣла, а не посмѣла спрашивать его и докучать ему. Вамъ самимъ, г. Пасторъ, труда бы стоило подступиться къ нему: такъ велика была печаль этаго бѣднаго отца, и видно было, что тайная нужда связываетъ его и, по обыкновенію, замыкаетъ все въ немъ самомъ: тутъ всякая докука и распросы были бы жестоки и неумѣстны, — я ужъ и молчала и боялась обнадеживать мамзель Луизу.

Съ такимъ-то горькимъ чувствомъ мы здѣсь поселились, и въ первые дни всѣ молчали, каждый думалъ про себя, и порядокъ домашній не заводился; теперь немножко попривыкли, дни проходятъ не веселѣе, да хоть похожѣе одинъ на другой.

Digitized by Google

Г-ну Пастору угодно, чтобъ я поговорила о мамзель Луизѣ? Что доложить вамъ объ ней? Боюсь не попасть на вѣрное — не преувеличить бы ея худаго, не то не убавить бы его своимъ разумѣніемъ. Многимъ кажется она слабенькою не столько от болѣзненной худобы, сколько отъ деликатнаго сложенія. Миловидность и аккуратность ея все скрадываютъ, глаза и вся наружность ея обманываютъ; даже когда отъ принужденія ли въ разговорѣ съ постороннимъ, либо отъ страха—не затронули бы ея кручины, случится, — щечки у ней разгорятся, то и румянецъ этотъ приписываютъ здѣшнему здоровому воздуху. Фальшивость этихъ признаковъ извѣстна только мнѣ одной, бѣдной служанкѣ ея: я одна вижу другіе признаки, вижу ее одинокую, блѣдную, отчаянную; вижу ее, когда она сбрасываетъ съ себя принужденіе словно несчастный ношу тяжелую, либо маску докучную, вижу какъ мутятся, какъ плачутъ ея глаза; я одна съ ней, когда отъ всего обмана остается только всегдашняя ея прелесть да ангельская доброта.

Ахъ, г. Преверъ, вѣдь я провожу съ ней безсонныя ночи, вѣдь я ее раздѣваю!.... Позвольте мнѣ поплакать вмѣстѣ съ вами, достойнѣйшій г. Пасторъ.... какъ она исхудала! не хотѣлось вѣрить этому, но платья стали ей широки! мнѣ страшно застегивать ихъ: съ каждымъ утромъ, кажется, крючекъ набѣгаетъ все свободнѣе. Намедни она захватила меня врасплохъ за одѣваньемъ, угадала мою думу и сама расплакалась, — о чемъ, не сказала мнѣ, и я не спросила у ней, чтобъ самой не залиться слезами и не усилить бы того, что почуялось намъ обѣимъ. Милое бѣдное созданье! Тоска сушитъ ее въ ту пору, когда другія полнѣютъ! Одно платьеце затачала ужъ въ таліи; руки дрожали, я плакала за этой работой, а сердце не перестанетъ болѣть пока не распорю ушитаго.

А все это отъ ея внутренняго страданія; а что она страдалица— это я каждый день вижу, хотя она не повѣряетъ мнѣ своей кручины, какъ бывало. Мамзель Луиза желаетъ совершенно покориться отцу и не увеличивать зла, чтобъ лучше поправиться; хочетъ сберечь малыя силы, поддержать себя хотя только на глазахъ г. Рейбаса и потому даже со мной избѣгаетъ говорить о своихъ чувствахъ и несчастіяхъ, готова молча страдать, лишь бы не поддаться откровенности: отъ слова къ слову прилило бы столько скорби, что ей бы и не совладать съ нею! Два ли, три ли раза я заговаривала о Шарлѣ, передавала объ немъ хорошее: выслушаетъ, живо приметъ мои слова, но словно украдкой, не остановится на нихъ, не поддержитъ разговора. И какъ ни мало скажешь, а ужъ она на цѣлый день разстроится.

Digitized by Google

Мѣсто наше одно изъ лучшихъ на счетъ приволья и пріятности; одно неудобно — все горы; поселяне здѣшніе болѣе добряки, удовольствія же отъ нихъ немного. За домомъ, съ галлереи видъ на снѣжную сторону Мон-Блана; подъ галлереей садикъ въ нашемъ распоряженіи; неподалеку лѣсъ — идетъ къ ручью, отъ ручья всходъ на другую сторону горы къ пустынькѣ, что зовется *Скалистою долиной*. Сюда-то мы съ барышней ходимъ почти каждый день. Утромъ завтракаютъ на галлереѣ, или, лучшее сказать, разговариваютъ о разныхъ разностяхъ — мимо того, что на языкѣ; потомъ сходятся въ саду или гуляютъ до самой жары, когда г. Рейбасъ, по обыкновенію, ложится соснуть подъ деревьями. Въ это-то время, миновавъ Віезонъ, мы отправляемся за Езери, Реньи, на Скалистую долину, беремъ туда съ собой какое-нибудь рукодѣлье — барышня больше для виду: грусть не покидаетъ ее: хотя она и принуждаетъ себя не говорить со мной, но неналожитъ запрета на свои думы, на свою тоску, часто и слезъ не удержитъ: текутъ безъ ея вѣдома, я же стираю ихъ съ ея манишечки, чтобъ отецъ не замѣтилъ. Слишкомъ хорошо знаю, о чемъ барышня плачетъ, и не спрашиваю ее и не уговариваю: пускай молъ плачетъ, — ей легче отъ слезъ, а мнѣ отъ ея довѣрія.

Такъ мы и не говоримъ ни слова, развѣ напомнишь ей, что пора домой и надобно поудержаться, нето глазки не измѣнили бы намъ. Тутъ она съ насиліемъ, словно отъ сна пробудится, и лицу придастъ до слѣдующаго дня такой видъ, что обманутъ обманетъ, а порадовать не порадуетъ. Возвратившись, обѣдаютъ. За обѣдомъ г. Рейбасъ не спускаетъ глазъ съ дочери, и, если въ иной день замѣтитъ на ея лицѣ какой-нибудь недобрый признакъ, до того смутится, что перестаетъ ѣсть и едва сдерживаетъ свой трепетъ. Въ такіе дни, послѣ обѣда, онъ уходитъ въ лѣсъ, куда потомъ барышня напередъ меня засылаетъ успокоить его, побродитъ около и сама придетъ къ намъ, и всѣмъ будто полегче станетъ. Если же, въ иной день, больше ему приглянется, когда ея разговоръ и старанія ловчѣе проведутъ его, то онъ забываетъ свое горе, выводитъ надежду изъ пустаго — нынче въ противность прежнему, онъ сталъ особенно къ этому наклоненъ — теряется еще болѣе, краснѣетъ отъ удовольствія, неловко обнаруживаетъ свою радость, либо также неловко старается затаить ее; на радости хоть взглядомъ да обласкаетъ; лучше-то не придумаетъ, — такъ ужъ ко мнѣ съ шуточками обращается, чтобъ и дочку-то не обезпокоить и повсеселить бы ее. Въ эти дни онъ и вечеромъ одинаково счастливъ, и дома, и внѣ дома, и спокойно засыпаетъ, между тѣмъ какъ изнуренная маизель Луиза

Digitized by Google

вернется къ себѣ, и сидитъ далеко за полночь, и тревожно перебираетъ все, что ни накопилось горькаго въ эти часы. Разслабленіе служитъ ей тогда вмѣсто покоя; потомъ вся сила горести возвращается къ ней; тяжело ей обманывать, а сознается, что только такимъ манеромъ она можетъ доставить отцу нѣсколько отрадныхъ часовъ. Я уговариваю ее лечь въ постель, — помолится на колѣняхъ и послѣ этой единственной минуты истиннаго спокойствія, нехотя ложится. Ляжетъ и долго еще не спитъ: лежитъ смирехонько, даже не вздохнетъ — думаетъ, я такъ и повѣрю, что она заснула и сама лягу; да меня ужъ нынче не обманетъ. Случалось раза два или три, вздуешь огонекъ посмотрѣть, спитъ ли барышня, и вмѣсто того—какъ застаешь ее? — голова горитъ, подушки мокры отъ слезъ и на постели слѣды безпорядка и лихорадочной безсонницы; а заснетъ, такъ и во снѣ вырываются у ней грустныя рѣчи.

Вотъ, почтенный господинъ мой, я описала вамъ ея дни и ночи, не разумѣя, какъ бы точнѣе васъ обо всемъ увѣдомить, потому что не слѣдъ служанкѣ останавливать ваше вниманіе на собственномъ ея мнѣніи; а знаю я, что думать объ моей любезной барышнѣ! Часто, особенно при ней, стараешься обмануть себя надеждой — представить не могу, чтобъ Небо сулило опасность такому прекрасному созданью, — а все-таки вижу, что она ненадежна и что время не заживляетъ ея рану, а напряженіе только пуще растравляетъ ее. Кромѣ того, я помню прошлое, а г. Рейбасъ видно забылъ, какъ она, и не отъ такихъ волненій, два или три раза была на краю могилы: грызетъ меня эта тревога. Если я не мать ей и не кормила ее своимъ молокомъ, то, право, развѣ только этаго не достаетъ моей любви! А бѣдный отецъ ея, за собственное ослѣпленіе, готовитъ, можетъ быть, себѣ ужасный ударъ: сломитъ его этотъ ударъ какъ болотный тростникъ, даромъ что онъ силенъ и крѣпокъ!

Самъ-то онъ какъ измѣнился! Былъ такой дѣятельный, такой заботливый, а нынче тѣломъ-то облѣнился, а внутренней работы задастъ себѣ! Все перебрасываетъ его отъ надежды на лучшее къ страху близкихъ несчастій: то на мѣстѣ сидитъ по цѣлымъ часамъ, то гуляетъ около, не то чтобъ прошолся куда случится, а словно боится подальше зайти; сталъ дикъ и приступенъ только для того, кто можетъ дочь развлечь; ни до чего остальнаго ему дѣла нѣтъ: объ замѣстившемъ его Брелазѣ или объ сѣнѣ, что скашивается на приходской землѣ, онъ столько же заботится, какъ и объ сѣрыхъ скалахъ, что виднѣются отсюда при склонѣ горы. И дочь и отецъ страдаютъ одинако, безъ свидѣтелей; только признаки подмѣчаешь: сдается мнѣ, что въ полудни онъ и

Digitized by Google

не спитъ ужъ по прежнему, а только тягостно протомится, прождетъ напрасно покоя. Упорная натура его отказываетъ ему въ слезахъ, хотя и щедра на скорби, которыя сломить его не могутъ, а сильно потрясаютъ. Въ лицѣ онъ очень исхудалъ — не то отъ праздной жизни, что̀ истомила его всего, не то отъ безвыходныхъ страданій; морщины на лбу, безъ солнечнаго загара, стали еще виднѣе. До отъѣзда еще изъ прихода и потомъ во время самой поѣздки, я думала и понимала, что г. Рейбасъ жестокъ и до Шарля съ Луизой и самъ до себя; но потомъ видѣла его готовность поправить дѣло, когда причины были еще не такъ сильны, а теперь и не придумаю, что̀ бы могло его остановить. Есть у него пріятель — врагъ Шарля, но г-ну Пастору лучше всѣхъ извѣстно: г. Рейбасъ человѣкъ скрытный, человѣкъ съ волей и не позволитъ собой управлять, да и вѣрно ужъ любовь къ дочери подѣйствовала на него прежде всего другаго. Неужели же эта-то любовь и ослѣпляетъ его на собственную пагубу? Ахъ, кабы Господь вразумилъ его, и показалъ бы ему, куда можетъ привести дорога, на которой мы теперь, — вотъ объ чемъ я прошу Его за каждой молитвой.

Много благодарна г. Пастору за благосклонное вниманіе, переданное мнѣ барышней и за то, что изволили потрудиться отдать мою коноплю Крозатовой. Я всегда говорила: бѣдная женщина возвратится къ Богу и покается; безумное ея заблужденіе не могло продолжиться надолго. И г. Рейбасъ также думалъ. Если г-ну Пастору угодно будетъ уплатить ей весь мой долгъ, то я буду очень благодарна, и кстати ужъ обезпокою вашу милость — потрудитесь передать ей мой поклонъ и мою радость на счетъ ея обращенія къ Господу Богу, безъ Котораго вездѣ только мракъ и гора безъ конца и безъ отдыха.

Примите, достойнѣйшій господинъ мой, уваженіе искренно вамъ преданной слуги Марты Комбазъ.

CLIX. *Органистъ къ Шампену.* — Изъ Морвекса.

Отъ послѣдняго твоего письма, за которое я тебя побранилъ въ свое время, прошло уже болѣе мѣсяца, а нѣтъ видимой перемѣны ни къ лучшему, ни къ худшему; да и не знаю, еще такъ ли? — дочь ежечасно у меня на глазахъ и я легко могу обмануться по тѣмъ нечувствительнымъ признакамъ, приходящимъ со дня на день и для меня незамѣтнымъ, которые не ускользнули бы отъ посторонняго. Заставляетъ же меня такъ думать и не довѣрять себѣ, а приписывать все

Digitized by Google

пустому и ложному увлеченію — то замѣчаніе, что, хотя въ Луизѣ со дня на день и не можетъ произойти никакихъ или почти никакихъ перемѣнъ, но однако же случается мнѣ видѣть ее совершенно иною: такъ что одинъ день я живу страхомъ, другой надеждою, или, точнѣе, радостью. Въ эти-то дни, припоминая твое письмо, я смѣкаю, зачѣмъ ты подлѣзаешь со своимъ де-ла-Куромъ и — вотъ до чего дохожу!— ухватываюсь за этаго молодаго человѣка какъ за доску спасенія въ будущемъ, еслибъ Богу угодно было, чтобъ моя Луиза, поправившись здоровьемъ, поладила съ мыслію о подворѣ, необходимой для нея послѣ меня. Я говорилъ тебѣ, какого рода были мои отношенія къ этому господину и какъ я старался его выпроводить; съ тѣхъ поръ не возобновлялось у меня никакихъ сношеній ни съ нимъ, ни съ его родными, и не возобновится, частію по неумѣстности оныхъ сношеній, пока время не залечило и не измѣнило настоящаго положенія, частію потому, что при неравенствѣ партій, заходить первому не слѣдуетъ. Къ тому же изъ прихода—тамъ родные Жака, черезъ него извѣщенные, толковали объ этомъ ужъ куда безъ мѣры—дошли до меня слухи, что съ самой дуэли, молодой человѣкъ не излечился отъ своей привязанности, и будто мать только для утѣшенія его и поѣхала. При этомъ я вспомнилъ, что, желая купить у этой госпожи домикъ (въ улицѣ Тампль), ты видѣлся съ нею, въ проѣздъ ея черезъ Женеву. Если тогда или послѣ ты узналъ еще что объ молодомъ человѣкѣ и на счетъ теперешняго расположенія его матери, всегда бывшей противъ этаго брака, то потрудись увѣдомить меня, но при случаѣ, — спѣшить тутъ некуда.

Возвращаюсь къ Луизѣ, ради которой и пишу къ тебѣ сегодня, прося тебя помочь мнѣ своимъ совѣтомъ. Пришло, видишь ли, время, не мѣшкая посовѣтоваться съ докторомъ, не то — не ввело бы меня въ бѣду мое отвращеніе отъ медицины. Послалъ бы за приходскимъ, отрядившимъ насъ сюда, но, подумавши, рѣшился взять городскаго; ужъ потому что другой, онъ, можетъ быть, и лучше того; да, думаю, городской и болѣзней видѣлъ больше, да и мысль у него, авось, посчастливѣе и рука полегче деревенскаго. Нашъ привыкъ обращаться съ крѣпкими и грубыми крестьянками, и, можетъ, не съумѣлъ бы примѣнить своей медицины къ дѣвушкѣ деликатной. Дѣйствительно, что поправляетъ крѣпкаго, можетъ уморить слабаго и безъ того ужъ истощеннаго возрастомъ или недугомъ.

Мнѣ хотѣлось бы поменьше лекарствъ, а побольше совѣта, не столько науки, сколько смысла. Я довѣряю, Шампенъ, только самимъ

Digitized by Google

мною изготовленнымъ зельемъ, когда знаю и средства и цѣль, и притомъ употребляю только такія, которыя, если не принесутъ пользы — что во всякомъ случаѣ невѣрно, — по крайней мѣрѣ, не могли бы повредить и нарушить, если не здоровья и довольства, то обычнаго равновѣсія тѣла, устроеннаго Тѣмъ, Кто мудрѣе насъ. Это равновѣсіе я представляю себѣ положеніемъ человѣка на краю пропасти: онъ самъ сидитъ неловко и нетвердо, но если не тронется, то не упадетъ; а привѣтъ самонадѣянный укащикъ, возмется потверже посадить его и и уронитъ. На мѣстѣ этаго человѣка (въ болѣзни я точно бываю такимъ) всего вѣрнѣе было бы закричать на укащика, чтобъ прочь отошелъ. Но, случись мнѣ увидать въ толпѣ робкаго и сострадательнаго, я подпустилъ бы его къ себѣ — пускай бы посмотрѣлъ, на чемъ я держусь, обо что упираюсь, и, когда бы онъ увѣрился, что землица подо мной не разсыплется, что не скатится камешекъ, меня придерживающій — я бы позволилъ ему попробовать какое-нибудь средство, — не вѣрное, но безопасное. Вотъ въ какихъ тѣсныхъ предѣлахъ я допускаю дѣйствіе медицины.

Что же касается до неизвѣстныхъ лекарствъ, которыми они считаютъ себя въ правѣ насъ пичкать, — я ихъ опасаюсь, зная ихъ дѣйствительность: они, если не излечиваютъ, то усиливаютъ болѣзнь. Въ рукахъ невѣжды, они ядъ; но что же въ рукахъ искуснаго, то есть, по моему разумѣнію, вполовину знающаго свое дѣло? Извѣстно ему, правда, лекарство, и дѣйствіе, и составъ его: три либо четыре ингредіента, въ связи съ другими, измѣняющіе каждый свое свойство. Не то сказалъ я: знаетъ онъ не составъ лекарства, а только, что, по его мнѣнію, должно войти въ этотъ составъ; его дѣло вручить вамъ лоскутъ загадочнаго писанья, которое разберутъ только аптекарь съ помощникомъ; они же и проворно изготовляютъ составъ изъ тѣхъ снадобій, въ заготовленіи которыхъ сами должны были положиться на продавцевъ или провизоровъ.... Будешь послѣ всего этаго спокойнымъ, не правда ли! И, когда загадочная бумага обратится въ питье, составленное по вѣсу и мѣрѣ людьми, не вѣдающими, ни отъ чего оно, ни къ чему — спрашиваю — подѣесешь ли ты его безъ страха своему больному? — За себя отвѣчаю: это вещь невозможная. Потому-то я и люблю лекарства, по преданію, переходящія изъ устъ въ уста, составленныя изъ матеріаловъ общеупотребительныхъ, всѣмъ извѣстныхъ и всѣми испробованныхъ. Нѣтъ такихъ лекарствъ? Я обратился бы за совѣтомъ къ доктору, имѣющему свою аптеку, какой и былъ у насъ въ приходѣ, пока Николетту не вздумалось промышлять въ одно время и лекар-

Digitized by Google

ствами и пряностями; предпочтительно также мнѣніе аптекаря-медика, какіе тоже, случается, практикуютъ втайнѣ отъ докторовъ: распросять тебя въ задней комнатѣ и узнавши твою болѣзнь, дадутъ, что слѣдуетъ. Тутъ, по крайней мѣрѣ, одна рука, одна голова и воля дѣйствуютъ согласно, понимаютъ, что и какъ, а не всевидящій, которому повинуются слѣпые, въ число каковыхъ готовъ попасть и я. Эдакъ, пожалуй, и умрешь и пенять будетъ не на кого.

Однакожъ, Шампенъ, не оспоривая у нихъ одной половины знанія, я никакъ не могу повѣрить достаточному ихъ пониманію другой половины—разумѣнію тѣла человѣческаго, сотканнаго изъ такого множества жилъ, нервовъ, костей, переплетающихся сѣтей, изъ стольныхъ жидкостей смѣшивающихся, переливающихся, работающихъ скрытно, не на глазахъ, не при свѣтѣ, а во внутренности тѣла.... Пожалуй, можно бы признать за ними и это знаніе, да тутъ еще не все: слѣдуетъ вызнать тѣло каждаго человѣка въ особенности, въ каждую пору возраста, въ каждую минуту недуга. Что, похвастаются, небось, и этой наукой? — Куда! они за ней и не гонятся. Что выпустили ихъ изъ училища, то и пошли лечить—не даромъ дипломъ получили: лишь бы лекарство пропитать, что имъ до моей натуры — справляться и разузнавать не станутъ. Есть, впрочемъ, между ними нѣкоторые неопытнѣе и поосторожнѣе, хотя все преимущество ихъ заключается въ сомнѣніи: они сомнѣваются въ знаніи, которое дѣлало ихъ такими самонадѣянными, чувствуютъ, что оно шатко, можетъ повредить, и—воздерживаются. Эти меньше пичкаютъ лекарствами, а больше наблюдаютъ: они робки на совѣтъ, не скоры на рѣшенье, спускаются по немногу съ высокихъ подмостокъ медицинскаго знанія къ наукѣ практической,—истинной только сознаніемъ своей ограниченности, за что и цѣнить-то ее слѣдовало бы, вопреки принятому обыкновенію, а не за предполагаемое знаніе. Такого-то медика прошу тебя найти мнѣ; предупреждаю, какъ сказалъ уже, что мнѣ совѣтъ нужнѣе лекарства; къ тому же, въ этомъ случаѣ, Лукзино отвращеніе превосходитъ самый мой страхъ. Если можешь мнѣ сыскать не болтуна, который бы прежде посмотрѣлъ да разузналъ, а потомъ бы говорилъ и рѣшалъ, то присылай. Много меня обяжешь; этаго я ужъ и буду держаться, и не озабочу тебя пріисканіемъ другаго.

Да и гдѣ взять, Шампенъ, лекарства, подходящаго къ ея болѣзни? Зельями что ли разгоняется душевное горе? Развѣ благоразумная діэта и кое-какія другія приспособленія могутъ содѣйствовать времени и волѣ. Что касается до послѣдней, то бѣдняжка не щадитъ себя, лишь бы мнѣ угодить. Не изнурила бы она себя этимъ ежеминутнымъ уси-

Digitized by Google

лісемъ: при мнѣ слезы ея смѣняются улыбкой, вмѣсто жалобъ я слышу ея тихій, успокивающій говоръ, и мнѣ любо глядѣть на нее, любо слушать ее, увлечься хоть на минутку. Недѣли, мѣсяцы проходятъ, а поразившая ее стрѣла не отпадаетъ, и открытая ею рана не закрывается. Вся хилая жизнь ея проходитъ въ затаенномъ страданіи, и вотъ я теперь принужденъ, за невозможностью употребить настоящее лекарство, отнынѣ мнѣ запрещенное, прибѣгать къ сомнительнымъ совѣтамъ врача. Ахъ, Шампенъ, я прощаю тебѣ ради намѣренія, но боюсь, не погубилъ бы ты меня поднятіемъ этой завѣсы! Есть во мнѣ такое предчувствіе, и, еслибъ можно поставить сердце на свѣтъ, то изъ-за бурь моего, изъ-за волнъ, о которыя оно бьется, ты открылъ бы на самой глубинѣ его неотвратимыя опасенія, неодолимую тяжесть, которыя суть не что иное, какъ тайное предвидѣніе роковаго срока, къ намъ уже близкаго, хотя мы и не замѣчаемъ его, хотя и отворачиваемся отъ него.

Когда я предаюсь этимъ мыслямъ, Шампенъ, когда, не отвращая взора, стараюсь прозрѣть въ будущее и, какъ бы, заглянуть поближе къ своей могилѣ, тогда видится мнѣ впереди другая могилка.... Такое видѣніе совершенно меня обезсиливаетъ, я теряюсь, и только страхъ огорчить Лизу поддерживаетъ меня и заставляетъ заглушать по мнѣ незнакомыя рыданія. Леденящая взоръ могила эта не болѣе, какъ представленіе или, лучше сказать, припоминаніе: за чѣмъ же она выходитъ изъ глубокихъ тайниковъ памяти, хранящихъ въ себѣ много завѣтнаго; зачѣмъ представляется уму, зачѣмъ, ненавистная душѣ моей, она всюду ее преслѣдуетъ и вездѣ отыскиваетъ?

Бывало, въ приходѣ, я любилъ отдыхать на свѣжей муравѣ, подъ тѣнью кустарниковъ и тѣхъ высокихъ буковъ, что растутъ со стороны церковнаго входа. На этомъ не засѣянномъ мѣстѣ очень тихо; до дороги отъ него далеко, а телѣги подъѣзжаютъ только во время жатвы для сбора съ сосѣднихъ полей. Рядомъ кладбище: тутъ молчаніе — гласъ мертвыхъ — предписывается правиломъ для живыхъ. Отъ времени до времени раскроется могила, и кто-нибудь изъ общины отойдетъ къ отцамъ. Въ прошломъ году спустили въ могилку дочь волопаса Піомбета, осьмнадцатилѣтнюю пригожую дѣвушку-невѣсту. Смерть ея, также какъ и многихъ другихъ, не произвела на меня большаго впечатлѣнія; каждый день, послѣ сна, возвращаясь въ приходъ для надзора за работами, я проходилъ по этой могилкѣ, безъ всякаго прискорбнаго чувства: видѣлъ ее сперва свѣженькую, потомъ вскорѣ покрытую той скороспѣлой травой, что утучняется нашими костями, видѣлъ наконецъ, какъ красивые цвѣты, словно издѣваясь надъ человѣческою нищетою, празднично за-

Digitized by Google

пестрѣли на мѣстѣ плача. Эта-то могила, Шампенъ, едва замѣченная мною тогда, не даетъ мнѣ покоя теперь: она ясно отдѣляется, то дымящаяся при первыхъ лучахъ солнца, то поблеклая въ часъ полудневный; она передо мной съ своею зеленью, съ своими сухими, съ буковъ упавшими листьями, даже съ двумя маргаритками, что вѣтеръ колышетъ вонъ тамъ, въ восточномъ углу!.... И здѣсь все тоже: отправлюсь ли въ жаркую пору дня отдохнуть въ ближній лѣсокъ, сяду ли, встану ли, могилка все передо мной, не отстаетъ отъ меня, все отравляетъ, не даетъ ни на цвѣтокъ взглянуть, ни на землю ступить.

Въ такомъ-то колебаніи и замираніи сердца проходятъ недѣли; у каждой вымаливаю то, чего до сихъ поръ не принесла еще ни одна. А я и бездѣлицу принялъ бы, какъ драгоцѣннѣйшее сокровище; случается, иногда Луиза повеселѣетъ, либо разговоръ ея заслышишь, — тотчасъ же надежда на будущее сольется со счастіемъ минувшимъ, и могилка исчезаетъ подъ самыми не поддѣльными цвѣтами радости праздничной, новой, обрѣтенной въ самую безнадежную минуту.

Прощай, Шампенъ, да сохранитъ тебя Небо отъ такихъ радостей, купленныхъ цѣною тяжкихъ испытаній и какъ тѣнь неуловимыхъ!

Преданный тебѣ Рейбасъ.

CLX. *Шампень къ Органисту.* — Изъ Женевы.

Уменъ, старина, что ко мнѣ обращаешься. Я самъ видѣлся съ этой барыней и имѣю объ ней съ разныхъ сторонъ извѣстія; между прочими есть и для тебя радостныя. Въ послѣднемъ письмѣ бранишь меня, зачѣмъ прямо нейду, а обходцами съ ея сынкомъ къ тебѣ подлѣзаю: забываешь ты, старина, что я все боюсь, какъ бы преждевременно не развередишь твоей кручины; дѣло же идетъ объ господчикѣ, котораго ты, въ прежнее время, не жаловалъ. Кабы ты чуть не прочь, я бы радёшенекъ не колесить. Нынче спрашиваешь прямо, прямо и отвѣчать буду.

Напередъ дай успокоить тебя, бѣдный мой Рейбасъ: сердце у меня не на мѣстѣ отъ твоихъ несчастій и отъ этой могилы, хотя она не болѣе, какъ капризъ мрачнаго воображенія. Изведешь ты себя такъ, Рейбасъ; прежде двухъ лѣтъ изведешь: не чужія могилки, а твоя у меня въ глазахъ, впереди всѣхъ. Ни по чемъ — бывало — тебѣ, словно здорово и прощай, всякія предчувствія, тяготы и заботы; а теперь, Рейбасъ, я не узнаю тебя. Бывало, твердъ какъ скала, скупъ на пустыя слова, вѣришь только собственнымъ глазамъ, правый на дѣлѣ, мудрый на совѣтѣ — краеугольный камень всѣмъ намъ, а нынче! — Гибкій,

Digitized by Google

какъ волна, переливчатый, толкуешь о призракахъ, привязываешься къ пустякамъ — маргаритки и тѣ тебя озадачатъ! Протри глаза, Рейбасъ, вернись къ прежнему. Повѣрь мнѣ, не давай повадки тоскѣ: съ ней связаться — все равно что на шею жену дуру навязать: не перестанетъ отравлять твоей жизни болтовней, капризами, безразсудствами, доколѣ ее не урезонишь.

Справедливое горе твое не чуждо мнѣ и понятно: я раздѣляю его, но не вижу, чтобъ оно было такъ черезъ чуръ переполнено; Богу же угодно было моей рукой отвести тебя отъ опасности, за что, придетъ время, не будешь на меня же вскидываться, а спасибо скажешь. Дочка твоя кручинится, щечки поблѣднѣли, аппетитъ поубавился? Велика бѣда! И изъ-за этаго-то, Рейбасъ, выводить могилы да похороны!... Съ тремя четвертями ихъ дѣвичьяго рода приключается тоже самое, и не многія — умныхъ изъ нихъ разумѣю — доходятъ до брака инымъ путемъ. Изъ здѣшнихъ я знаю болѣе десяти, куда! — болѣе двадцати: тоже были въ чемъ душа, когда возлюбленнымъ вздумалось на попятный дворъ; куда дѣлся румянецъ, и блескъ глазъ и аппетитъ пропалъ, и веселье опостылѣло; а какъ прошолъ срокъ, все опять къ нимъ вернулось, да еще и мужъ въ придачу! Знаю я одну: тоже отправили въ Морнексъ, потчивали разными зеленьями — ни что не помогало, ни Морнексъ, ни лекарства; дѣвушка худѣла съ каждымъ днемъ, и кумушки и самъ докторъ обрекли ужъ ее на смерть. Возлюбленнаго ея, видишь ли, оспа отправила на тотъ свѣтъ. Отецъ не зналъ что дѣлать, повезъ ее къ Сент-Жервесскимъ водамъ. Тамъ въ тупору пилъ сѣрную воду молодой пасторъ: сжалился онъ надъ бѣдненькой, сталъ ей книжки читать и до того понравился и такъ утѣшилъ ее, что еще воду свою не отпили, а брачное условіе между собой и родными сладить успѣли. Мертвая ожила, и слава исцѣленія приписана водамъ; содержатель самъ признаетъ за ними такое цѣлебное свойство: »даромъ — говоритъ — что вонючія, а въ неизлѣчимыхъ дѣвичьихъ недугахъ — единственныя!« Эта воскресшая—нынче полновѣсная матушка и не иная кто, какъ сама г-жа Дерве, въ домѣ которой жилъ Шарль. Таковъ-то свѣтъ, Рейбасъ! Можно желать, чтобъ онъ былъ лучше, но горевать объ этомъ и страдать желчью значитъ плакать о томъ, что земля круглая и что луна надъ фонарями.

У твоей Лизы горе сильнѣе, рана глубже?.... Вѣрю (точно также какъ и тому, что ты меня дурно понялъ, когда упрекалъ въ неуваженіи къ ней); чтожъ изъ этаго слѣдуетъ? только выждать подольше, дать ей успокоиться, а тебѣ можно на досугѣ понѣжить дочку,—есть на что

Digitized by Google

и побаловать. Муженёкъ же у тебя про нее припасенъ, въ случаѣ надобности: годика черезъ два, три, хоть черезъ десять, мужъ ей готовъ: мужъ баринъ, а коли хочешь и деревенскій житель, богачь, къ тому же — твой сосѣдъ; сойдутся, и дѣла никому не будетъ; въ сосѣдствѣ встрѣчи удобны — не бѣгать же имъ другъ отъ друга, а тамъ — пожелали бы только — и за свадебку! Ну, полно же, Рейбасъ, подымись! стели-ка изъ могилки брачное ложе, изъ маргаритокъ плети вѣнокъ новобрачнымъ, и, вмѣсто того чтобъ пытать себя разными муками, лучше побережись къ свадебному пиру да къ застольнымъ куплетамъ!

Такъ-то; я все знаю, какъ видишь, только, — не сдѣлай ты перваго шага, — ни слова бы тебѣ не сказалъ, потому что и самъ ты былъ противъ всего этаго, да и время еще не пришло. А что знаю, то вѣрно; я и съ самой госпожею имѣлъ случай говорить — помнишь — когда она проѣздомъ была въ Женевѣ, и потомъ въ письмахъ къ ней на счетъ домика, не упускалъ навѣдываться объ ея сынкѣ, по словамъ ея, такъ сильно заболѣвшемъ. Да, знай, Рейбасъ — онъ умиралъ по твоей дочери; къ нему-то г-жа де-ла-Куръ и поспѣшила тогда изъ прихода, извѣщенная объ его тоскѣ и отчаяніи. Вотъ она и поскакала туда, а какъ знала во мнѣ твоего вѣрнаго и испытаннаго друга, она проѣздомъ-то — ко мнѣ, какъ бы поразвѣдать (ни дать ни взять, что ты же теперь); а я ей: »Дѣло-то плохо, сударыня. Рейбасъ-то еще и туда и сюда — изъ любви къ дочери готовъ бы, да она-то не такова: и слышать не захочетъ, чтобъ поперечили ея настоящей привязанности, скорѣе на вѣкъ отъ замужества отвяжется. Не знаете вы этой дѣвушки, сударыня, сказалъ я ей. Умница, вѣрная, и умомъ и чувствомъ развитая; сердце — можно сказать — не заказное; воспитана г. Преверомъ какъ въ познаніяхъ, такъ и въ добродѣтели. — Знаю, отвѣчала она со слезами; эта дѣвушка сдѣлала бы честь кому и подостойнѣе моего сына.« И по глазамъ ея видно было желаніе имѣть твою Лизу своей невѣсткой. Добрая барыня! И, даромъ что мѣтила по выше на невѣстушку, а все таки отдаетъ справедливость твоей дочери; она ребенкомъ еще знавала ее, и любитъ, и очень тронута была послѣднимъ ея посѣщеніемъ послѣ дуэли.

Такъ вотъ что ей тогда было сказано, да и потомъ, въ письмахъ, случалось возвращаться къ тому же предмету, при чемъ повторялось тоже самое, да, думаю, и въ настоящемъ положеніи, сохраняя втайнѣ наши теперешніе разговоры, надобно повторять все одно и тоже, лишь бы только ее разомъ не отвадить, а дать ей знать, что, хотя покуда, дескать, и не на что надѣяться, но, впрочемъ, будущее извѣстно одному

Digitized by Google

Богу. И такъ, Рейбасъ, безъ твоего приказа, — я ни съ мѣста; одно только скажу — время придетъ, обратись ко мнѣ и дѣйствуй черезъ меня — это будетъ всего вѣрнѣе. Тогда узнаешь — умѣютъ ли тебѣ услужить и въ хорошемъ дѣлѣ. Въ случаѣ успѣха, рекомендую тебѣ одно — блюди все втайнѣ, между нами двумя; дѣло деликатное, отъ него можетъ зависѣть спасеніе. Знай же одного меня, а я, съ нынѣшняго дня, отдаюсь въ твое исключительное распоряженіе, наставляй и учи меня: ты лучше знаешь пользу своей дочери, знаешь, что можешь спасти ее моимъ дружескимъ и покорнымъ содѣйствіемъ.

Стало быть, по рукамъ. Ты молчи и ни съ мѣста, а я запущу уду въ воду, ни дергать, ни шевелить ее не стану — пускай рыбка сторожитъ приманку, пока ты мнѣ не скажешь: Шампенъ, изловя мнѣ рыбку! Но только трогься ты, только заговори, только не положись во всемъ на меня: все брошу — и уду и приманку, — лови тогда самъ въ мутной водѣ.

Остается отвѣтить тебѣ на счетъ доктора. Въ рѣчи противъ зельевъ и ихъ составителей, я узналъ тебя, старинный. Вотъ что значитъ понимать вещь ясно. Ты не вѣришь, я тоже не вѣрю. Это все господа Каліостро, какъ говоритъ Рачусъ: изобрѣтаютъ болѣзни, поддерживаютъ нищету; какъ для адвокатовъ необходимы процессы, такъ для нихъ чахлые; нѣтъ такихъ паціентовъ, — они добудутъ. Тебѣ хочется не болтуна — понимаю — значитъ время зажечь Діогеновъ фонарь. Все искуство ихъ въ словахъ, вся наука во фразахъ; какъ имъ не быть щедрыми на болтовню! Не знаютъ ни болѣзни, ни лекарства, окрестятъ недугъ какимъ-нибудь названіемъ, да напишутъ тараборской рецептъ — у докторовъ съ аптекарями свой языкъ, какъ у воровъ на ярмаркѣ — вотъ и все ихъ ремесло. Выздоровѣетъ ли, умретъ ли чахоточный, всегда виновата натура, докторъ — никогда; всегда честь медицинѣ, а никогда натурѣ, и такимъ образомъ денежки все достаются трудовыя. Такъ какъ все ремесло ихъ производится языкомъ, то болтовня ихъ и не умолкаетъ, не истощается; кромѣ лекарства, они всякому услуживаютъ языкомъ. Знаю я одного, въ этомъ самомъ домѣ: куда какъ ловокъ! въ каждомъ изъ четырехъ этажей знаетъ, какъ съ кѣмъ говорить: во второмъ этажѣ ханжитъ съ двумя старухами, въ первомъ, у г. Дерве — этотъ не охотникъ до ханжества методистовъ — ведетъ приличную бесѣду; въ третьемъ этажѣ, со старымъ крихтуномъ — депутатомъ толкуетъ о девяносто второмъ годѣ; въ четвертомъ, подлаживается къ бывалому синдику. Всѣмъ подноситъ свои золоченыя пилюли, и ихъ точно глотаютъ: одна изъ двухъ старухъ съ нихъ отправилась на

Digitized by Google

тотъ свѣтъ; другая, со страху, ввѣрилась гомеопатамъ; эти увѣряютъ, что непремѣнно бы спасли ея сестру десятимилліонной долей порошка *перлим-пинь-пинь*.

Замѣть хорошенько, Рейбасъ: барыни эти, злыя методистки, ревностныя послѣдовательницы секты, не перестаютъ вздыхать по нетлѣннымъ благамъ того свѣта; какъ безбожника презираютъ всякаго, сознающаго этотъ свѣтъ достаточно сносимъ, вздыхаютъ, презираютъ; а какъ врачь станетъ отправлять ихъ къ нетлѣннымъ-то благамъ, такъ запоютъ не ту пѣсню. Вотъ и эта покойница куда какъ нехотя туда собралась, а другая такъ осерчала на истиннаго-то проводника душъ, что ухватилась за гомеопатовъ,—благо они обѣщаютъ своими крупинками удержать ее на тлѣнномъ свѣтѣ! Стало, милъ онъ имъ, какъ зеница ока, а любовь ихъ къ міру нетлѣнному напоминаетъ Ивеллевскую собаку,

Что на зовъ даетъ тягу.

Сущія методистки — ханжи! и кличка-то имъ по шерсти. *) Всѣ эти парадныя чувства — одна комедія, коли не доказываются ни сердцемъ, ни поступками. Знаю, слыхалъ ты, какъ эти упитанные пѣснопѣвцы превозносятъ »*единое на потребу*,« а видалъ ли, скажи-ка, чтобъ они отказывали себѣ въ жизненныхъ удобствахъ — въ лакомомъ блюдѣ, въ мягкомъ ложѣ, въ слугахъ, въ экипажахъ?... По воскресеньямъ, какъ видишь — катитъ въ щегольской коляскѣ, изъ лѣтняго замка въ сосѣднюю церковь, такъ и сказалъ бы: э, пріятель, крестъ твой тяжелъ; — сложи-ка его, добро, — я охотно возьму!

Возвращаюсь къ медикамъ. Одобряю желаніе твое — взять человѣка потолковитѣе: воли не дашь ему, понимаю, а только, чтобъ его опытность пособила твоей? хорошо. На такой конецъ, я и выбралъ одного пожилаго; подумалъ: на догадкахъ его оставлять хуже — станетъ лечить отъ рожи твою лихорадку — да и разсказалъ изъ исторіи твоей дочери, что ему слѣдовало знать. Онъ выслушалъ меня, потомъ сказалъ: »надобно ее видѣть.« Стало быть, какъ ты велишь, такъ я его и привезу. Прозывается г. Мегра, въ улицѣ Восходящаго Солнца. На счетъ цѣны сталъ деликатиться: самъ, вишь, не оцѣниваетъ себя, а беретъ, что разсудятъ ему дать. Увидимъ, не ханжество ли и тутъ: навѣрно комедія; про деньги тоже идетъ хула, а всякой ихъ въ карманъ прибираетъ.

За симъ, прощай Рейбасъ, не унывай и не забывай извѣщать объ себѣ своего друга и въ радости и въ горѣ, въ жизни и въ смерти —

Шапвена.

---

*) Momières.

Digitized by Google

CLXI. *Г-жа де-ла-Куръ къ Шампенъ.* — Изъ Турина.

Возвратившись изъ Флоренціи, я нахожу здѣсь ваше письмо, г-нъ Шампенъ. Оно уничтожаетъ всѣ мои планы, ужасаетъ меня. Какъ! неужели этотъ несчастный—сынъ бродяги?.. Неужели тюрьма, безчестіе?... Ваши двусмысленныя строки даютъ мнѣ понять, что вы старались поднять эту завѣсу! Великій Боже! Что вы за человѣкъ? Съ кѣмъ я имѣю дѣло? Куда я спустилась?

Но дерзость ваша, г. Шампенъ, выходитъ изъ границъ. Какъ! вы осмѣливаетесь писать, что *я велѣла вамъ дѣйствовать и вы дѣйствовали!*... Вы смѣете дѣлать меня участницей поступка, возможности котораго я даже не подозрѣвала, дѣла гнуснаго, преступнаго, передъ которымъ я, конечно, отступила бы, еслибъ даже пришлось безвозвратно пожертвовать судьбою и самою жизнію сына!... Прошу васъ, сейчасъ же, отказаться отъ этихъ лживыхъ словъ; поспѣшите сознаться въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ, что, если я и поручила вамъ сдѣлать что-нибудь въ пользу сына, то никогда — нѣтъ, никогда въ мои намѣренія не входило мысли — лишить г. Шарля надлежащаго ему; тѣмъ менѣе, ни открытымъ, ни уклончивымъ образомъ, я не могла внушить вамъ желанія повредить ему. Поспѣшите же, г. Шампенъ, не то я тотчасъ,—не только прекращу всякое съ вами сношеніе,—но публично откажусь отъ вашихъ услугъ, открою вашъ умыселъ и обличу васъ передъ г. Рейбасомъ, если вы не все ему сказали, передъ г. Преверомъ, которому, вѣроятно, не извѣстны ваши происки, передъ всѣми, кто меня знаетъ, кто принимаетъ участіе въ Шарлѣ и передъ самимъ Шарлемъ!

Вы привели меня въ ужасъ своими дерзкими попытками, и слишкомъ грубо обманулись бы въ предположеніи услужить мнѣ такими постыдными средствами. Туже самую преграду, которою вы старались разлучить Шарля съ Лунзой, вы поставили теперь между ею и моимъ сыномъ.... Ему надобно забыть всякое чувство чести, чтобы приступиться теперь, чтобъ извлечь свою пользу изъ ужаснаго положенія, въ какое открытія ваши ввергнули несчастнаго; воспользоваться, въ этомъ случаѣ, значило бы прослыть, сдѣлаться вашимъ сообщникомъ. Нѣтъ, знайте — вы однимъ ударомъ сокрушили безвозвратно и судьбу Шарля и погасили тотъ лучь надежды, которымъ я старалась укрѣпить себя и поддержать сына!

Вы рекомендуете мнѣ скромность. Не знаю, какое право имѣете вы на такія предписанія? Развѣ я уполномочивала васъ на тѣ проклятыя

Digitized by Google

дѣла, которыя вы смѣете повѣрять мнѣ? Еслибъ я молчала, или сколько-нибудь подчинилась обязательству — хранить вашу тайну, то попала бы въ разставленныя вами сѣти, и взяла бы на себя часть отвѣтственности, которая вся ляжетъ на васъ. Я вправѣ говорить, и заговорю, будьте увѣрены: даже сыну моему разскажу все ваше злоумышленіе, если вы, немедленно, самымъ яснымъ образомъ, не повинитесь передо мной, и не признаете дерзости и лживости вашихъ словъ. Дѣломъ чести моей будетъ — объявить сыну всю правду, чтобъ онъ не упрекнулъ меня потомъ, когда меня не будетъ, въ преступномъ участіи, чтобъ не сказалъ потомъ, что я ужасомъ безчестія увеличила его страданія, — чтобъ не проклиналъ памяти матери!

Вотъ, г. Шампенъ, куда привели ваши гнусныя услуги! По ихъ милости, положеніе моего сына стало еще хуже, а мое—безотраднѣе. Вы лишили меня надежды, которую я опять было успѣла внушить ему, потому что сама ее раздѣляла. Что мнѣ теперь ему сказать? Что мнѣ дѣлать? Теперь безъ стыда и страха не могу подумать объ этомъ союзѣ; въ отчаяніи, мнѣ объ одномъ остается просить Бога — чтобъ Онъ подкрѣпилъ Эрнеста и далъ ему силу отказаться отъ Лунзы.

Въ такомъ положеніи, содѣйствіе ваше при г. Рейбасѣ становится безполезнымъ; прошу васъ, въ отношеніи къ намъ, не предпринимать ничего. По отвѣту вашему я увижу, какъ вознаградить васъ за прошлыя услуги; что касается до той, которою вы смѣете гордиться, какъ успѣхомъ, — чтобъ объ ней и помину не было, слышите ли? Точно также, какъ и о письменныхъ вашихъ злонамѣренныхъ сношеніяхъ и объ разъѣздахъ, которые вздумали принять на себя и осмѣливаетесь потомъ приписывать на мой счетъ. Прежде всего поспѣшите повиниться въ своей гнусной клеветѣ, и чтобъ это было единственнымъ предметомъ вашего будущаго письма, ожидаемаго съ нетерпѣніемъ. Жюли де-ла-Куръ.

CLXII. *Шампенъ къ г-жѣ де-ла-Куръ.* — Изъ Женевы.

Съ должнымъ уваженіемъ доложу вамъ, сударыня: письмо ваше словно съ облаковъ меня спустило на землю. Изъ него я увидалъ, какъ много васъ теперь озабочиваетъ тотъ самый г. Шарль, о которомъ вы еще недавно такъ мало безпокоились, когда черезъ меня отбивали у него возлюбленную. Сами вовлекли меня въ исторію, до которой мнѣ и дѣла не было, да ногой и отпихиваете? — Не больно ли круто, сударыня? Забыть видно изволили, что если вы перечитываете мои строки, то я перечитываю ваши; въ нихъ, кажись, не двусмысленно сказано:

Digitized by Google

»*не останавливайтесь ни надъ чѣмъ, пытайтесь всячески;*« а въ другомъ мѣстѣ: »*принимайтесь за дѣло, г. Шампенъ; стыжусь побуждать васъ къ этому, но я такъ несчастна!*« Въ награду за невзгоду, изъ-за васъ перенесенную, вы же грозите обличить меня; но при этомъ тоже изволили забыть, что я уже предупредилъ вашу милость, открылся и передъ Рейбасомъ и передъ г. Превероиъ, которому препроводилъ и документы: остается, стало быть, одинъ г. Шарль; но передъ нимъ я не разсудилъ обличать себя, чтобъ не открыть того, чего ему лучше не знать. Предоставляю вамъ взять на себя этотъ трудъ, если угодно, при чемъ съ большимъ правомъ прибавлю: пеняйте тогда на себя — *вся отвѣтственность ляжетъ на васъ.*

Отъ собственной же моей отвѣтственности я отнюдь не прочь, и, если вамъ такъ нетерпѣливо хочется взвалить на мои плечи всю тяжесть, часть которой придется и на васъ,—то я готовъ: безъ труда беру на себя эту отвѣтственность. Согласенъ на все вамъ угодное; чтобъ успокоить васъ, готовъ подписать, что *отрекаюсь отъ васъ* — нѣтъ, подобное выраженіе оскорбительно для вашей милости — что никогда и не зналъ васъ, что дѣйствовалъ не по вашей просьбѣ и не *для* васъ, а вмѣшался въ дѣло мамзель Луизы — такъ, ради собственной потѣхи, на досугѣ. Все это подпишемъ и больше еще, пожалуй, подпишемъ, только бы вашей милости лишній часокъ уснуть поспокойнѣе, и награды не потребуемъ, попросимъ только позволенія, оставить у себя ваши письма, кромѣ послѣдняго — за него не постою, возвращу вамъ, если угодно. А умнѣе было бы, съ вашей стороны, сударыня, не гнѣваться, а сидѣть смирненько, да не вызывать на оборону бѣдняка; — годится еще онъ вамъ на услугу, а какъ обижать больно станете, пожалуй еще огрызется, и не укусилъ бы, чего добраго.

По моему, сударыня, не слѣдовало бы вамъ передавать всего сынку; впрочемъ, какъ вамъ угодно, мнѣ все равно — хотите — говорите. Не принялъ бы онъ къ сердцу вашихъ словъ, да какъ узнаетъ, что помянутое вами безчестіе разлучаетъ его навсегда съ мамзель Луизой, — какъ бы ему опять не свернуть на черную-то, на тотъ свѣтъ проторенную дорожку! Берегитесь, предостерегаю васъ, какъ нѣжную мать, единственно ради вашего интереса. Не для себя я радѣлъ. Что мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, до всѣхъ аховъ и страховъ вашего сына? Неужели бы, въ угоду ему, я попустилъ Рейбаса привить къ своему родовому дереву червивый отпрыскъ? И слѣдъ ли г. Эрнесту озабочиваться бродяжничествомъ родителей этаго Шарля? Такъ-то, сударыня; скажу больше: еслибъ, вмѣсто гнѣва да брани, изволили честнымъ образомъ меня по-

Digitized by Google

просить, такъ я бы и сказалъ вамъ: не тревожьтесь, молъ, сударыня, все дѣлалось для выручки изъ бѣды Рейбаса; хоть снова начать, такъ я готовъ. На то развѣ я другъ ему и старинный, чтобъ притаиться и молчать, когда время дѣйствовать и говорить? Буде же вамъ такъ хочется успокоить себя увѣренностью, что открытіе на счетъ Шарля сдѣлано ради Рейбаса, то за этимъ не станетъ: извольте принять оное обезпеченіе, собственноручно мною написанное и моею подписью скрѣпленное. — Прошу же покорно теперь успокоиться, къ словамъ не придираться и того менѣе не торговаться; за отправку писемъ всего-то нѣсколько франковъ — для меня они стоятъ серебренаго слитка, а для васъ — мелкая монета. Угодно, я пожалуй отправлю счетецъ къ Рейбасу или къ г. Преверу? Или, полагать изволите, я долженъ отъ себя отрывать, своими грошами ублажать господъ полицейскихъ? Нѣтъ, ужъ лучше я свои пятьдесятъ франковъ приберегу на зиму — она же на порогѣ — *дровецъ припасу*, да теплую одёжу сошью.

Если вы, сударыня, откажетесь заплатить, — торопить васъ, впрочемъ, не думаю, — то я отправлю счетъ къ Рейбасу или къ Пастору: они ужъ тамъ рѣшатъ между собой и вами, на кого возложить уплату долга; мое дѣло будетъ только доставить имъ, по этому поводу, нѣкоторые документики, которыхъ отъ меня потребуютъ: боюсь, что документики эти не помогутъ вамъ съэкономить пятидесяти франковъ.... Коли на правду-то пошло, такъ и выйдетъ: г. Преверъ отклонилъ бы меня отъ розысковъ, отъ г. Рейбаса никакихъ побужденій не было; что же остается при процессѣ? — Одни письма вашей милости, достаточно объясняемыя вашимъ тогдашнимъ положеніемъ и, для всякаго грамотнаго, слишкомъ недвусмысленныя: »*не останавливайтесь ни надъ чѣмъ! Принимайтесь за дѣло, г. Шампень; стыжусь побуждать васъ къ этому, но я такъ несчастна!*« Чего же изволили стыдиться, — нешто необходимости — прибѣгнуть къ помощи привратника?

Все это поясннтъ вамъ, сударыня, что я дѣйствовалъ не спроста, а смекалъ-таки про себя, какъ и что. Извольте лущить каштаны, я готовъ таскать вамъ ихъ изъ огня, да позвольте же остеречься, чтобъ совсѣмъ руки не сжечь. Всего благоразумнѣе будетъ вамъ успокоиться, не портить дѣла — оно же идетъ хорошо, — а продолжать его, положившись во всемъ на меня, по прежнему ни во что не мѣшаться и не гнѣваться, какъ въ послѣднемъ письмѣ, не то — къ собственному ущербу и къ моему великому сожалѣнію, — вамъ придется узнать, что я не позволю себѣ бороду жечь, — не изъ таковскихъ: у меня поджига одними пальцами не отдѣлается, долго не наглумится.

Digitized by Google

А вотъ еще выслушайте меня, сударыня, и благодарите Бога, что еще ничего не испортили и не проговорились сынку: вы бы стиснули ему зубы и сшили бы губы, когда жареныя перепелки поспѣли. Слушайте же, гнѣвъ и тревога ваши да разсѣятся! Нынче — я это предвидѣлъ и велъ къ тому — Рейбасъ самъ заходитъ, самъ заглядываетъ на вашего сына, и въ немъ видитъ спасеніе для дочери и тихую пристань послѣ бурь! Между тѣмъ какъ вы готовились все испортить — и намѣреніемъ открыть все вашему сыну, и возмущеніемъ противъ меня, — Рейбасъ, тѣмъ временемъ, попался въ мои сѣти и пишетъ ко мнѣ — выраженія его письма сходны съ вашими и цѣль одна же: то же проситъ разузнать, — для будущаго, разумѣется, — и увѣдомлять его объ слухахъ на счетъ молодаго человѣка и его матушки, мнѣнія которой все еще считаетъ непріязненными. Если усомнитесь въ столь счастливыхъ и неожиданныхъ для васъ извѣстіяхъ, то я могу тотчасъ доставить вамъ письмо Рейбаса, предупреждающее отмѣнное ваше желаніе.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда получено ваше письмо, въ которомъ изволите ко мнѣ обращаться, словно Турокъ къ Мавру, и такъ разобижаете меня, что,—не будь я преданъ вашимъ интересамъ,— зналъ бы, какъ и чѣмъ повредить вамъ, и повредилъ бы, и вамъ не отплатить бы мнѣ тою же монетой. Но я не сержусь за обиды, внушенныя безпокойствомъ, мнительностью и жалкимъ положеніемъ, изъ котораго желаю извлечь васъ и получить справедливую награду. Покорнѣйше прошу и васъ, милостивая государыня, не пенять на меня за давишнія слова, сказанныя не съ намѣреніемъ — отклониться отъ совершеннаго моего къ вамъ уваженія, а только, — чтобы вразумить васъ. Остается рекомендовать вашей милости — ни во что не вмѣшиваться; подкрѣпляйте сынка, да меня извѣщайте объ немъ; во всемъ остальномъ довѣрьтесь мнѣ, сами же — избави Боже — кончикомъ мизинца не притрогивайтесь. Самое трудное сдѣлано, теперь буду тянуть нитку слегка, извѣщу Рейбаса о томъ, что ему надобно знать, покуда еще впереди тотъ часъ, когда ваша милость явится для скрѣпленія изготовленнаго. Тогда двое достойныхъ родителей избавятся отъ горя; двое достойнѣйшихъ дѣтей соединяется, и ото всей грозы останется только воспоминаніе, а отъ грустнаго воспоминанія счастливые дни покажутся еще яснѣе, да и ночи пріятности своей не потеряютъ. Будьте же спокойны, милостивая государыня, и положитесь на услуги преданнаго и уважающаго васъ — Шампена.

Digitized by Google

CLXIII. *Г-жа де-ла-Куръ къ Шампенуа.*— Изъ Турина.

Хотя я и не такого письма ожидала отъ васъ, г. Шампенъ, хотя нисколько не намѣрена слушать ваши внушенія, тѣмъ не менѣе, думаю, — безполезно и не кстати было бы затягивать споры по этому предмету. Не будемъ ссориться, ни возвращаться къ прошедшему, а, имѣя въ виду одно будущее, мы лучше поймемъ другъ друга.

Буду подкрѣплять сына надеждами, тѣмъ болѣе теперь, при вашихъ добрыхъ вѣстяхъ, хотя бы безъ нихъ, кромѣ этой единственной надежды, мнѣ нечѣмъ было поддержать его. Но таково его положеніе, такъ издалека надобно подходить къ нему, что самыя предупрежденія г. Рейбаса испугали меня своею преждевременностью. Надобно подождать и подождать, прежде нежели что задумаемъ, надобно, чтобъ улучшилась и рѣшилась судьба Шарля, чтобъ измѣнилось расположеніе мамзель Лунзы: иначе всѣ старанія наши могли бы обратиться во вредъ намъ. Таково мое рѣшительное мнѣніе, которое вамъ и передаю, съ просьбою во всемъ съ нимъ соображаться, и въ настоящую минуту, каковы бы ни были обстоятельства, безъ моего предварительнаго одобренія, ничего не затѣвать. Къ прошлому, какъ видите, я не возвращаюсь; но требую — тоже для васъ яснаго — чтобъ впередъ все дѣлалось не иначе, какъ съ моего согласія. Стало-быть, какъ вы мнѣ говорите, — не трогаться, такъ и я вамъ предписываю тоже самое; прибавляю при томъ: по этому я узнаю, точно ли искренна и безхитростна ваша преданность, могу ли еще довѣриться вамъ, не имѣю ли дѣла съ человѣкомъ опаснымъ и сомнительной нравственности.

Не удивляйтесь моимъ словамъ, г. Шампенъ: два послѣднія письма ваши навели на меня сомнѣніе. Не раздражайтесь, потому что я предоставляю вамъ очень простое и легкое средство доказать вашу преданность — требую только, чтобъ вы отказались отъ своей воли и не дѣлали ничего безъ моего участія. Непремѣнное мое намѣреніе — наградить васъ только вслѣдствіе требуемыхъ доказательствъ; въ случаѣ же малѣйшаго отступленія отъ моихъ предписаній, вы лишаетесь всякой платы за свои услуги, потому что тогда, платою за нихъ, я признала бы возможность ими воспользоваться. Человѣкъ вы не простой и про всё смекаете, какъ сами говорите, какъ и я думаю,—докажите же свою понятливость, поймите меня и употребите свое искуство на бездѣйствіе — вотъ все, что вамъ остается. Жюли де-ла-Куръ.

Digitized by Google

CLXIV. *Г-жа де-ла-Куръ къ Рейбасу.* — Изъ Турина.

Строки эти удивятъ васъ, любезнѣйшій мой г. Рейбасъ; но смѣю надѣяться, что вы ихъ прочтете; вы поймете чувство, ихъ внушающее, и не отвергнете желанія, въ нихъ заключеннаго. У васъ свои скорби, любезный сосѣдъ, у меня свои. Богу угодно испытывать обоихъ насъ въ томъ, что для насъ дороже всего на свѣтѣ; пусть же взаимное горе сблизитъ насъ, пусть оно поможетъ намъ найти другъ въ другѣ подпору, утѣшеніе, а, если можно, и лекарство.

Сердце мое истерзано, я плачу за этимъ письмомъ. Съ тѣхъ поръ какъ выѣхала изъ прихода, дня спокойнаго не знаю. Ни время, ни разсудокъ, ни обстоятельства — ничто не измѣняетъ сердца моего Эрнеста. Очарованный ангельскою прелестью вашей дочери и неодолимою силой ея рѣдкой добродѣтели, онъ не перестаетъ думать объ ней, хотя и не предвидитъ ничего для себя благопріятнаго. Послѣ безполезныхъ усилій преодолѣть эту пылкую страсть, онъ впалъ въ пагубное отчаяніе, объ которомъ я не знала, пока Жакъ не описалъ мнѣ, въ какихъ страданіяхъ проходятъ его дни и ночи, какимъ безумствамъ онъ предается. Я тотчасъ же поспѣшила къ нему. Это случилось въ то самое время, когда сдѣлался извѣстнымъ отказъ вашъ Шарлю. Приведенная въ ужасъ положеніемъ сына, я не могла не подкрѣпить его надеждою, которую онъ долго отталкивалъ, прежде нежели сдѣлался — нѣсколько довѣрчивѣе.

Таково было, таково теперь мое положеніе, г. Рейбасъ. Разговорами съ Эрнестомъ объ вашей дочери, я стараюсь помирить его съ жизнію; но, по мѣрѣ успѣха, съ другой стороны увеличивается и страхъ мой, и я спрашиваю себя: неужели эта надежда только приманка? Неужели мнѣ суждено лишиться и этаго единственнаго средства спасенія?— Разрѣшите этотъ вопросъ, дорогой мой сосѣдъ. Я трепещу отъ страха и желанія. Я у ногъ вашихъ, одно ваше слово можетъ возвратить меня къ жизни, или ввергнуть въ бездну страданій. Ахъ, г. Рейбасъ, вспомните, что и вы отецъ, и, если слова ваши должны быть роковыми, не произносите ихъ.

А главное, не торопитесь предполагать невозможныхъ просьбъ и безумныхъ притязаній. Мнѣ хорошо извѣстно и ваше положеніе и Лузиньо. Знаю, что, израненное и сокрушенное горемъ, сердце ея не могло бы теперь безъ отвращенія и ужаса слышать имени Эрнеста и ничьего, кромѣ Шарля; знаю также, что вы никогда не согласились бы

Digitized by Google

располагать будущностью и рукой дочери безъ ея согласія и воли: я не думаю безпокоить васъ попыткой, которая въ настоящихъ обстоятельствахъ, должна бы навлечь ваше справедливое негодованіе. Моя просьба гораздо смиреннѣе; но я сильно желаю ея исполненія, потому что въ ней, въ бездѣлицѣ, о которой васъ умоляю, заключается для меня все, можетъ быть, спасеніе сына. Скажите мнѣ, г. Рейбасъ, что вы, отецъ Луизы, вы, сами по себѣ, заранѣе не отвергаете мысли о союзѣ, можетъ быть, со временемъ, еще и возможномъ и въ которомъ, при обоюдномъ содѣйствіи, мы могли бы найти спасеніе: вотъ все, о чемъ прошу васъ. Если же вы, теперь уже, гнушаетесь этимъ взаимнымъ содѣйствіемъ, въ такомъ случаѣ, просьба моя ограничится еще меньшимъ: не уничтожайте форменными словами, рѣшительнымъ отказомъ единственнаго средства, для ободренія сына; позвольте мнѣ, не смотря на первый вашъ отказъ, считать еще его достойнымъ руки вашей дочери, на однихъ правахъ съ другими, — въ случаѣ, еслибъ не стало преградъ, которыя долго еще будутъ препятствовать Луизѣ въ выборѣ супруга. Вотъ моя скромная просьба; сверхъ нея, я и помыслить ни о чемъ не смѣю; сверхъ нея, у меня только — непрестанная усердная молитва къ Богу, да отвратитъ гнѣвъ свой отъ насъ обоихъ, да сжалится надъ нашими страданіями и да спасетъ одного посредствомъ другой.

Я знаю и уважаю васъ, любезный сосѣдъ, стало быть лишнимъ считаю говорить о знатности и богатствѣ моего Эрнеста. Ваше благоразуміе и справедливая гордость не ослѣпятся преимуществами, чрезмѣрно цѣнными для свѣта; но неужели умолчу о столькихъ перемѣнахъ въ моемъ сынѣ, съ тѣхъ поръ какъ, въ первый разъ, добродѣтели вашей дочери очаровали его болѣе даже красоты ея? Ахъ, г. Рейбасъ, вы, который видѣли его легкомысленнымъ, вѣтреникомъ, — отчего вы не знаете его теперь, очищеннаго любовью, возвышеннаго, облагороженнаго! Отчего, вмѣстѣ со мной, тысячу разъ не признаете, что онъ любитъ въ Луизѣ ея рѣдкія свойства, что онъ страстно влюбленъ не въ красоту лица ея — какъ ни чудно-обворожительно оно, — но въ умъ ея, въ благородство и чистоту! Отчего не слышится вамъ, вмѣстѣ со мною, и днемъ и ночью, единственный бредъ его — бредъ смиренный и вмѣстѣ страстный, предметомъ котораго одно желаніе — осчастливить обожаемую и путемъ добродѣтели достигнуть до ея совершенства! Нѣтъ, г. Рейбасъ, Эрнестъ уже не тотъ человѣкъ, котораго вы знавали; помните это, умоляю васъ. Послѣдній пылъ юности разсѣялся въ несчастной дуэли, а страсть сильнѣе укоренилась въ его сердцѣ со времени послѣдней встрѣчи съ Луизой въ аллеѣ;

Digitized by Google

когда она обошлась съ нимъ такъ кротко, готовая простить виновнаго, а онъ выѣхалъ изъ прихода внѣ себя отъ любви и отчаянія.

Таково, г. Рейбасъ, положеніе моего сына. Если это вѣрное изображеніе страсти, внушенной вашей дочерью, не могло нисколько тронуть васъ, то могу ли надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, въ уваженіе Луизиной будущности, вы дозволите мнѣ разсчитывать на вашу благосклонность? Любезный мой г. Рейбасъ, вы приближаетесь къ предѣламъ старости, и, между тѣмъ какъ законъ природы призываетъ васъ въ могилу прежде дочери, нельзя, чтобъ вы не безпокоились, какъ оставите ее одну, безъ подпоры. Куда же, г. Рейбасъ, пріютите вы ее теперь, послѣ перваго сокрушенія ея привязанности? Какъ успокоите ее, навсегда разлученную съ человѣкомъ ею избраннымъ? Если не направите ее къ сосѣдней пристани, у которой я встрѣчу ее, какъ дочь и какъ избавительницу, то, по крайней мѣрѣ, не заслоняйте ей заранѣе входовъ ни въ которую изъ нихъ, — допустите, чтобъ послѣ стольких бурь, она нашла спокойствіе, прибѣжище, счастіе — подъ общимъ нашимъ кровомъ, а потомъ, послѣ насъ, въ любви моего Эрнеста. Ахъ, еслибъ Провидѣнію угодно было, тернистымъ путемъ всѣхъ перенесенныхъ скорбей, привести насъ къ этой цѣли, — какими бы легкими показались мнѣ тогда всѣ эти несчастія! Сколько радости пролилось бы въ сердца наши, какой миръ осѣнилъ бы обѣ наши могилы!

Неужели, однако, вы не знаете, съ какими большими требованіями сопряжено счастіе вашей дочери, и какъ затруднителенъ будетъ для нея выборъ супруга? Сколько условій надобно выполнить, сколько предусмотрительности, сколько требованій, истекающихъ изъ ея особеннаго и почти исключительнаго положенія! И не оскорбить деликатности чувствъ и вкуса, направленныхъ г. Превероиъ, и не разлучить ее съ пріютомъ, въ которомъ она всегда жила и для котораго рождена, не вырвать изъ среды особъ ею любимыхъ, не отнять ее у бѣдныхъ, имѣющихъ въ ней подпору и утѣшеніе.... и все это надобно найти въ одномъ человѣкѣ, г. Рейбасъ, и вы не можете не согласиться, что многія изъ этихъ требованій соединены въ моемъ Эрнестѣ! Умоляю васъ оставить прежнія ваши предубѣжденія, и пусть нѣжность къ собственной вашей дочери внушитъ вамъ снисходительность къ моему сыну; или лучше, любезный мой сосѣдъ, будемъ вмѣстѣ корчмами этихъ двухъ судебъ, направимъ ихъ изъ среды бурь къ счастливымъ берегамъ, и не станемъ подвергать нашихъ драгоцѣнѣйшихъ интересовъ слѣпымъ капризамъ случая тамъ, гдѣ такъ сильно можетъ быть наше содѣйствіе.

Digitized by Google

Я открыла передъ вами свою душу, г. Рейбасъ: вы читаете въ ней все равно, какъ я сама. Уваженіе и дружба моя къ вамъ не допустили бы меня ни до хитрости, ни до притворства; въ горѣ и страданіяхъ не до того, чтобъ подготовлять рѣчи. Много еще словъ и убѣжденій могла бы я прибавить; но что сдѣлаютъ мои слова, если сердце ваше не тронется просьбою матери, или не убѣдится вашимъ собственнымъ разсудкомъ? Въ случаѣ благосклоннаго отзыва на мои желанія, поспѣшите увѣдомить меня; если же не захотите откликнуться на голосъ мой, то не торопитесь, подождите, пока не обдумали, или лучше, совсѣмъ не отвѣчайте — пусть страданія истомятъ меня — не лишайте меня послѣдняго жалкаго средства для обмана сына и самой себя!

Преданная вамъ Жюли де-ла-Куръ.

CLXV. *Рейбасъ къ г-жѣ де-ла-Куръ.* — Изъ Морнекса.

Отвѣтъ мой не заставитъ себя долго ждать, милостивая государыня. Да подкрѣпитъ онъ васъ сколько-нибудь, хотя онъ тѣменъ и нерѣшителенъ, какъ будущее. Я знаю, что такое растерзанное сердце,—знаю, что во всякомъ состояніи мать есть мать; жалѣю объ васъ, какъ объ равной себѣ, хотя отъ этаго далеко, хотя я не люблю вашего сына.

Видите, что въ откровенности вамъ не перещеголять меня, впрочемъ не бойтесь моихъ словъ. Если я все тотъ же, то времена уже не тѣ. Лишь бы выдти изъ настоящей опасности, я готовъ забыть старую вражду и пожертвовать своей взыскательностью. Скажу вамъ еще болѣе: мысль о соединеніи дѣтей нашихъ приходила и ко мнѣ и съ тою же цѣлью, то есть, для того, чтобы пристроить дочь и положить конецъ всему. Дай только Богъ, чтобъ дочь моя не отказала; что касается до Рейбаса, то увѣряю васъ — не онъ будетъ тутъ помѣхой. Счастливъ, кто можетъ выбирать себѣ зятя! Мнѣ Богъ привелъ только отвести одного, и за этимъ послѣдовало слишкомъ много несчастій, чтобъ я опять рѣшился на тоже.

Однако, любезнѣйшая г-жа де-ла-Куръ, не выводите изъ словъ моихъ ложнаго заключенія: многое вы возьмете на себя, если станете ими ободрять сына, которому впрочемъ, какъ мужчинѣ, приличнѣе бы подкрѣпляться собственною силой. Вы спрашиваете меня, буду ли я противиться въ благопріятномъ случаѣ, и я рѣшительно отвѣчаю вамъ: противиться не буду. Но придетъ ли этотъ случай, можетъ ли онъ придти? Дай Богъ! не сомнѣвайтесь, я всей душой желаю этого. Дай

Digitized by Google

Богъ! тогда бы спасена была моя Луиза, дитя моей Терезы! Теперь я страшусь за жизнь ея, а тогда бы трепеталъ отъ радости, успокоился бы за свою Луизу, увѣренный, что она не завянетъ въ цвѣтѣ лѣтъ, не сойдетъ прежде меня въ хищную могилу, падкую на молодое тѣло и на нѣжный возрастъ. Дай Богъ! еще разъ повторяю вамъ: дай Богъ!

Бѣдная г-жа Де-ла-Куръ! справедливо вы говорите, что у васъ свои скорби, а у меня свои; справедливо также замѣчаете, что испытаніе сближаетъ. Я это слишкомъ ясно чувствую: г-жа Де-ла-Куръ, богатая, знатная, первая между нами на далекое пространство въ окружности — у ногъ органиста Рейбаса! — и органистъ Рейбасъ ни гордится, ни стыдится, ни удивляется, видя ее у ногъ своихъ. Однако, соблюдая разстояніе между великимъ и малымъ, я люблю, чтобъ его не переступали. Чувствую, что всѣ люди братья по Адаму, обязанные взаимною любовью, какъ члены одной семьи. Сознаю, наконецъ, необходимость предписанія: *любите другъ друга*, и въ словахъ: *Богъ любя наказуетъ васъ*, вижу именно доказательство любви Создателя къ человѣкамъ! За чѣмъ же столь душеспасительное испытаніе язвительнѣе и горше самаго непріятнаго изъ снадобій, возстановляющихъ здоровье тѣлесное!

Такимъ образомъ, видя васъ у ногъ своихъ, бѣдная г-жа Де-ла-Куръ, я нисколько не горжусь, а напротивъ скорблю о васъ. Желалъ бы облегчить ваше страданіе, хотя бы для того, чтобъ заслужить облегченіе собственнаго; но что могу я? Вы видите, я уже сомнѣваюсь въ самой жизни Луизы; но, предположивши даже невообразимое счастье, — что она останется жива, — какимъ образомъ, безъ насилія, мнѣ склонить ее къ замужству, — ее, разъ уже отдавшую свое сердце,—ее, врожденнымъ цѣломудріемъ будто тайно обрѣченную на дѣвство? Какимъ образомъ я заставлю ее забыть Шарля для г. Эрнеста, нисколько не любимаго и мало уважаемаго, котораго она въ душѣ упрекаетъ въ несчастіяхъ Шарля? Что могу я вамъ сказать?.... Дай Богъ! и ничего болѣе. Силы доводовъ вашихъ я не опровергаю: я ищу прислонить молодую лозу къ какому-нибудь отпрыску, который поддержалъ бы ее, когда свалюсь я — старый разбитый дубъ; васъ призналъ бы охотно матерью Луизы, послѣ Терезы, которой она не знала; сына вашего— именно такимъ мужемъ, какой ей нуженъ, по излагаемымъ вами причинамъ: но что могу я сдѣлать? Развѣ не видите, что взаимное содѣйствіе, о которомъ просите, невозможно? Содѣйствую вамъ охотою, желаніемъ, но не дѣломъ, и скорблю объ этомъ сколько за себя, столько и за васъ, любезная и бѣдная г-жа Де-ла-Куръ.

Digitized by Google

Вотъ все, что я тотѣлъ сказать вамъ. Вѣрьте, я готовъ идти на встрѣчу вашимъ желаніемъ, не послушаю никакихъ предубѣжденій, ни стараго злопамятства; вѣрьте также, что мнѣ жаль васъ и что я, равномѣрно, увѣренъ въ вашемъ участіи. Но сверхъ этаго ничему не вѣрьте, ни на что не разсчитывайте; сверхъ этаго, какъ сами говорите, одна молитва: молитесь также, какъ съ своей стороны молится много уважающій васъ Рейбасъ.

CLXVI. *Г-жа де-ла-Куръ къ Шампену.* — Изъ Турина.

Благодаря Бога, я нахожусь теперь въ прямыхъ сношеніяхъ съ г. Рейбасомъ, и могу обойтись безъ вашихъ услугъ, г. Шампенъ. Избавившись отъ васъ, считаю первымъ дѣломъ изъявить вамъ свою радость, — сказать, сколько я презираю васъ и сколько смѣюсь надъ вашими дерзкими угрозами.

Когда бѣдственное положеніе сына заставило меня прибѣгнуть къ вашимъ услугамъ, я считала васъ достойнымъ другомъ г. Рейбаса, но выведена была изъ заблужденія тотчасъ же, при самомъ началѣ, когда вы назначили цѣну своимъ услугамъ. Однакожъ, хотя съ той минуты и усомнилась въ благородствѣ вашей души, но еще покуда ничто не обличало въ васъ одного изъ тѣхъ существъ, услуги которыхъ пропитаны ядомъ. Письмо ваше обнаружило и лукавство, и злобу тайнаго пронырства, и хитрую уловку посредствомъ лукавыхъ внушеній захватить меня въ свои сѣти и на меня же обрушить потомъ весь гнусный поступокъ; позднѣе, наконецъ, вы окончательно высказали себя послѣднимъ вашимъ письмомъ, до-нѣльзя дерзкимъ и насмѣшливымъ, которымъ вы разсчитывали застращать меня, а вмѣсто того только убѣдили въ необходимости скорѣе развязаться съ вами.

Вы человѣкъ злой и гнусный, коварный и лицемѣрный. Вы заслуживаете презрѣніе людей честныхъ, — презрѣніе, которое, повѣрьте, рано или поздно, будетъ вашимъ удѣломъ, даже и безъ моего, легко примѣнимаго, содѣйствія. Вы не любите вашего пріятеля, вы обманывали его также, какъ меня, — иначе этотъ прямой и честный человѣкъ не сталъ бы не только уважать васъ, но даже говорить съ вами. Выставляя передо мной свои старанія для г. Рейбаса, вы думали единственно о заработкѣ платы, и между тѣмъ вымѣщали на несчастномъ молодомъ человѣкѣ какую-нибудь низкую старую злобу. Когда хвалились передъ г. Рейбасомъ спасеніемъ его отъ безчестія, вы вѣрно не позаботились объявить ему, что заранѣе выхлопотали себѣ отъ него

Digitized by Google

награду за преступную услугу, которую думали сдѣлать ему, безъ его вѣдома, открытіемъ происхожденія Шарля. Но это онъ узнаетъ еще когда-нибудь, если понадобится сличить письма ваши къ нему съ письмами ко мнѣ. Что касается до моихъ, оставшихся въ вашихъ рувахъ, вы вольны ихъ представить, я даже сама, можетъ быть, потребую этого отъ васъ. Знайте, низкій человѣкъ, что честь людей благородныхъ не можетъ зависѣть отъ подлецовъ; знайте, что если удары безчестныхъ могутъ быть опасны во мракѣ, то при свѣтѣ дня они никому не страшны; знайте, что между честностью и преступленіемъ разстояніе слишкомъ велико, — вамъ не пополнить его своею ложью, и между г-жею Дела-Куръ и вами процессъ рѣшается невыслушанный.

Но этого довольно, г. Шампенъ, для того, чтобъ вы знали, кто я и кто вы, и не встрѣчались бы больше на моей дорогѣ. Мнѣ остается прибавить одно слово. Я слишкомъ мало боюсь васъ, и слишкомъ много цѣню свое слово, потому не лишу васъ той платы, которой вы такъ алчно жаждали и на которую я позволила вамъ надѣяться, когда не знала еще ни дерзости, ни злобы вашей. Дарю вамъ билетъ во сто лундоровъ, при семъ прилагаемый. За тѣмъ, — чтобъ я никогда не слыхала объ васъ, чтобъ вы не смѣли вмѣшиваться ни во что, касающееся до меня или до моего сына; не то, я въ ту же минуту обличу васъ передъ обманутымъ вами г. Рейбасомъ, передъ г. Превероиъ, котораго вы такъ провели, передъ г. Шарлемъ, котораго погубили. Совѣтую вамъ удалиться подальше, и гдѣ-нибудь во мракѣ скрыть ядъ вашъ отъ людей; возьмите въ примѣръ тѣхъ пресмыкающихся, которые, чуя, что ихъ раздавитъ первый прохожій, заползаютъ изъ-подъ травы въ тину и живутъ во тьмѣ. Жюли Де-ла-Куръ.

CLXVII. *Шампенъ къ г-жѣ де-ла-Куръ.* — Изъ Женевы.

Письмо ваше, сударыня, по истинѣ, оскорбило меня. Ошибаться изволите на мой счетъ. У нашего брата бѣдняка больше желанья угодить, чѣмъ умѣнья взяться за дѣло, больше необходимости заработать деньжонку, чѣмъ излишка и досужаго времени къ услугамъ, но — только и есть. Если вашей милости угодно будетъ разсудить, когда гнѣвъ, — что съ горя разобралъ васъ, — попройдетъ, тогда сами признаете строгость вашу чрезъ-мѣру жестокою и непримѣнимою ко мнѣ, — старику, во всемъ околоткѣ уважаемому, состоящему въ услуженіи у г. Дерве, старому другу Рейбаса, человѣку доновитому, семейному, никому ни на копѣйку зла не причинившему, хотя въ его должности,

Digitized by Google

гдѣ золото черезъ руки переходитъ,—чуть что не такъ, не удается,—готовы и не вѣрить и разжаловать.

Докладываю вамъ такъ, сударыня, потому, что дорожимъ вашимъ мнѣніемъ, а если и огорчить васъ пришлось, то неумышленно; не на перекоръ вѣдь вамъ идутъ,—вашей милости и безъ того тяжко. Еслибъ можно предвидѣть ваше огорченіе и лучше уразумѣть, чего изволили желать и доколѣ дѣйствовать, то ужъ вѣрно не довели бы васъ до огорченія, и себя-то бы пожалѣли, и не заслужили бы отъ такой почтенной госпожи, вмѣсто спасиба, нареканія. Теперь вы сами изволите сноситься съ Рейбасомъ — чему я, съ своей стороны, и способствовалъ — сами желать изволите, чтобъ я не вступался; однако, случись вамъ только надобность до покорнаго вашего слуги, — онъ въ рукахъ вашихъ, и, что нить неподвижная — развѣ сами дернете — десять разъ ослабнетъ, а не запутается. Радъ бы я, сударыня, доказать вамъ, что если изъ-за хлѣба не прочь отъ нежданной платы, которой не посмѣли бы требовать, то съумѣемъ потрудиться и изъ-за чести единой. Къ тому, ваша милость не дошли еще до цѣли, — стоитъ вамъ только пожелать, и тогда убѣдитесь въ ошибочномъ мнѣніи на счетъ честнаго человѣка, который, поручая себя вашему доброму расположенію, сознаетъ въ тоже время свое ничтожество передъ сильнымъ, еслибъ сильный захотѣлъ повредить ему.

Такъ какъ, видимо, изволите находиться въ письменныхъ сношеніяхъ съ приходскими, можетъ быть, и съ г. Превером, то попрошу васъ объ одной только милости. Просьба моя докажетъ вамъ мое полное довѣріе; изъ нея вы увидите, что я, безъ страха, предоставляю вамъ возможность повредить мнѣ, еслибъ имѣли причину пожаловаться на меня, — отъ каковой причины избави меня Боже! Прошу васъ, милостивая государыня, не обнаружить передъ почтеннѣйшимъ г. пасторомъ, что вѣсти объ родителяхъ г. Шарля дошли до васъ *черезъ меня;* г. пасторъ могъ бы разсердиться на меня, зачѣмъ я проговорился, хотя и сказалъ за тайну, и — только вамъ, а вы не намѣрены вредить молодому человѣку. Но, дабы никакое сомнѣніе не запало на умъ г. Превера, вѣрнѣе будетъ, если изволите умолчать передъ Рейбасомъ на счетъ сказаннаго вамъ по этому самому предмету въ моихъ письмахъ, въ замѣнъ которыхъ — еслибъ благоволили возвратить — я не постоялъ бы за ваши. Право, сударыня, слѣдовало бы такъ сдѣлать, сколько для собственной вашей безопасности, такъ и для взаимнаго удовлетворенія, потому что, изволите видѣть, слова вѣтеръ разнесетъ, а написанное перомъ, говорятъ, не вырубишь топоромъ; да еще пере-

Digitized by Google

толкуютъ писанье, анъ и можетъ черезъ него произойти вредъ и писавшему и другимъ.

Конечно, вамъ бояться меня нечего; но я старъ и слабъ, — кто поручится, что строки, упомянутыя въ моемъ послѣднемъ письмѣ, не перетолкуются противъ васъ же, сударыня, когда я умру и уже не кому будетъ объяснить ихъ, либо опровергнуть? Положимъ, вамъ удастся женить сына на мамзель Луизѣ: но кто можетъ поручиться, что эти строки не дойдутъ тогда до г. Шарля и не откроютъ ему, что несчастная судьба его подготовлена сколько мною, столько и вами? Кто поручится наконецъ, что самое послѣднее письмо, хотя обидчивое, но все-таки съ приложеніемъ сотни луидоровъ за услуги, не послужитъ доказательствомъ противъ васъ же? Кто поручится, что оно не дойдетъ до свѣденія г. Эрнеста, и не заставитъ его подумать — а г. Эрнестъ такъ на этотъ счетъ деликатенъ, — что мать, много ли мало ли, участвовала въ происках, которымъ онъ обязанъ женою? Потрудитесь, милостивая государыня, взвѣсить всѣ эти доводы; пакетъ же съ вашими письмами готовъ перейти изъ моихъ рукъ въ тѣ, черезъ которыя я получу свои.

Впрочемъ, какъ бы ни изволили поступить, будьте увѣрены, — я всячески готовъ вамъ угождать, а, въ особенности, не прекословить и ни во что, касательно васъ и сынка вашего, не мѣшаться. Еслибъ сами не попросили, я бы для вашихъ дѣлъ своей пилочки не бросилъ — это вамъ такъ же хорошо извѣстно, какъ и мнѣ. Посудите сами, справедливо ли мнѣ терпѣть за то, что вы изволили обратиться ко мнѣ за помощью? Будетъ съ меня и вашего обиднаго обращенія, какое изъ отъявленныхъ злодѣевъ не многіе, чай, на себѣ испытали. Впередъ мнѣ урокъ: знай свое ремесло, благо прокармливаетъ, хоть и съ грѣхомъ пополамъ: его и буду держаться, и, если въ этомъ разумѣете совѣтъ — завязнуть въ своей трущобѣ и на свѣтъ не показываться, не придавилъ бы кто; — то приказаніе ваше выполню въ точности.

Честь имѣю пребыть, милостивая государыня, вашимъ смиреннѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою — Шампенъ.

.CLXVIII. *Органистъ къ г. Преверу.* — Изъ Морнекса.

Вотъ и осень, любезнѣйшій мой г-нъ Преверъ, а я не могу сказать, чтобы въ разлукѣ съ вами, при моемъ горѣ, прекрасное нынѣшнее лѣто показалось мнѣ короткимъ. Нѣсколько дней ужъ какъ туманъ лежитъ съ утра до полудня, и сѣрый покровъ этотъ такъ подъ стать къ трауру моей души. Еще нѣсколько недѣль, а тамъ настигнутъ насъ

Digitized by Google

холода; вчера уже иней серебрился на верхушкѣ Моля, впрочемъ не продержался и до вечера. Этотъ-то предвѣстникъ и заставилъ меня скорѣе послать за городскимъ медикомъ, что исполнить я считалъ себя обязаннымъ въ отношеніи къ Луизѣ, да и слѣдовало спросить его совѣта, на случай холодовъ.

Онъ пріѣхалъ въ понедѣльникъ и во время дождя, къ великой моей досадѣ, ибо, зная Луизино отвращеніе отъ леченья, я думалъ съ медикомъ повстрѣчать ее внѣ дома, какъ бы гуляючи; захватить же ее въ комнатѣ значило подвергнуть стыду и принужденію передъ человѣкомъ, который, по обязанности своей, можетъ нескромнымъ взглядомъ и распросами запугать ея невинность. Предвидя такимъ образомъ свиданіе въ домѣ, я вышелъ на встрѣчу къ доктору, чтобъ предупредить его, какъ осторожнѣе взяться за Луизу. Тутъ-то я и увидалъ, что городскіе доктора лучше нашихъ деревенскихъ разумѣютъ, что такое деликатная осторожность. Съ перваго же раза, этотъ, кажется, понялъ, что его дѣло не распросами тревожить, а самому отгадывать; смекнувши, самъ первый сказалъ: »я просто, сударь, зашелъ къ вамъ завтракать, и прошу васъ и вашу дочку принять меня въ свою компанію.« Сказалъ, и словно у меня занозу изъ сердца вынулъ.

Хорошій медикъ, хотя и не глядитъ такимъ; и я не промѣнялся бы на его наружность, до того небрежную, что даже галстукъ на изнанку повязанъ. Съ перваго взгляда, какъ онъ шелъ по дорогѣ, рядомъ съ телѣгой, я принялъ было его издалека за возницу, хотя и видѣлъ, что по лицу возницѣ далеко до него, а по одеждѣ ему далеко до возницы. Онъ понравился мнѣ съ первыхъ словъ; искренность и простота обращенія его тронули меня тѣмъ болѣе, что я ждалъ отъ него краснобайства. Вмѣстѣ мы взошли на пригорокъ; я говорилъ, сколько хотѣлъ объ Луизѣ, онъ слушалъ меня — перваго еще такого вижу — все слушалъ, и какъ будто ужъ привязывался къ этому ребенку, не видавши еще. Когда я ему слегка намекнулъ о сердечномъ горѣ, онъ попросилъ меня говорить все ясно, опасаясь недоразумѣнія и промаховъ, слишкомъ частыхъ — какъ сознавался — въ ихъ искусствѣ. Тогда я пересказалъ ему наши невзгоды; чѣмъ болѣе страха и страданія передавалось моими словами, тѣмъ серьёзнѣе онъ становился. »Время, сказалъ онъ, когда я кончилъ, и благоразуміе — вотъ медики, какихъ вамъ нужно; если же понадобится третій, въ такомъ случаѣ, г-нъ Рейбасъ, можете положиться на мою готовность.« Въ такихъ разговорахъ мы дошли до дому: Луиза въ то время была на галлереѣ, откуда любовалась на деревню; завидѣла насъ и ушла.

Digitized by Google

Я уже говорилъ ей о своемъ намѣреніи посовѣтоваться съ медикомъ, но не хотѣлъ заранѣе предупреждать объ его визитѣ; и думалъ теперь, какъ бы отозвать ее къ сторонѣ да подготовить; въ то самое время мы входили, а Луиза въ залѣ готовила завтракъ. Докторъ, не давши мнѣ ни слова сказать ей, тотчасъ подошелъ самъ, безъ церемоніи взялъ ее за руку какъ ребенка, и предупредилъ ея волненіе разомъ. »Я докторъ, сказалъ онъ, но по лицу вашему вижу, что всѣ лекарства мои никуда не годятся, и прошу только у васъ позволенія позавтракать за вашимъ столомъ.« Тогда румянецъ ея смѣнился выраженіемъ грусти и выступили слезы. Докторъ, слѣдившій за ней не показывая вида, заговорилъ о разныхъ посторонникъ матеріяхъ; тутъ она оправилась, начала интересоваться разговоромъ, но сама не вмѣшивалась.

Послѣ завтрака, Луиза ушла. Погода между тѣмъ прояснивалась; я завелъ доктора въ садъ и, гуляя, самъ слушалъ его въ свою очередь. Какъ и всякой, кто разъ только видѣлъ этого ребенка, онъ до того расхваливалъ ее, что я боюсь, не возгордиться бы мнѣ его лестными отзывами; боюсь тѣмъ болѣе, что гордость, какъ предвѣстіе разрушенія и гибели, предшествуетъ уничиженію; боюсь по той причинѣ, что смерть, дабы яснѣе доказать тщету міра, предпочтительнѣе передъ простыми травами, скашиваетъ цвѣты красивые. Потомъ, возвращаясь къ предмету, онъ не скрылъ отъ меня, что положеніе Луизы опасно по причинѣ ея возраста и сложенія, которое слабо не столько по натурѣ, — ибо тѣло здорово, и развитіе во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно, но слабо, потому что душа въ немъ сильно потрясена и взволнована. Потомъ, для большихъ подробностей, онъ попросилъ выслать къ нему Марту. Я оставилъ ихъ вдвоёмъ; они долго говорили, а я между тѣмъ сторожилъ, чтобъ Луиза какъ-нибудь не подмѣтила этихъ переговоровъ. Когда они разошлись, по глазамъ Марты видно было, что она плакала.

Только что поразсѣялась было моя тоска ожиданіемъ и пріѣздомъ доктора, какъ опять заплаканная Марта и зловѣщее выраженіе въ лицѣ доктора возобновили ее: будто предсмертный потъ охватилъ меня, всего какъ бы дрожью подернуло, душа оледенѣла. Въ такой пыткѣ я находился, пока докторъ приказывалъ запрягать. Вернувшись, онъ предложилъ мнѣ пройти съ нимъ впередъ, чтобъ поговорить объ Луизѣ; страшнаго усилія стоило мнѣ тогда удержаться и не зарыдать; я видѣлъ дочь свою свою погибшею, читалъ ея приговоръ въ лицѣ доктора, въ безмолвіи горъ, въ блѣдномъ цвѣтѣ неба, даже въ невозмутимомъ спокойствіи животнаго, молча впрягаемаго возницей. Ахъ, г-нъ Преверъ,

Digitized by Google

если я когда лишусь Луизы, то по истинѣ, могу сказать, что до конечнаго лишенія, двадцать разъ терялъ уже ее мысленно въ страданіяхъ и терзаніяхъ. Спрашиваю себя теперь, не для того ли Богъ посылаетъ всѣ эти колебанія, чтобы не вдругъ оторвать, а понемногу отдѣлять молодой плющъ отъ стараго дерева, разбитаго, но еще крѣпкаго и глубоко въ землю вросшаго?

Впрочемъ, кажется, я уже слишкомъ испугался, ибо въ словахъ доктора видна надежда и ободреніе. Онъ говоритъ, если захватить болѣзнь въ настоящемъ положеніи перелома, то недугъ въ тѣлѣ неповрежденномъ и молодомъ долженъ уступить дѣятельности соковъ. На счетъ говореннаго ему Мартой, не сказалъ ни слова; а я не хотѣлъ и не смѣлъ распрашивать, да и не ловко бы было на открытомъ мѣстѣ и при прохожихъ. »Я далъ этой доброй женщинѣ, сказалъ онъ мнѣ, нѣкоторыя предписанія, которыя она можетъ употреблять съ пользою и безъ вѣдома вашей дочери; лекарства же тутъ ненужны, болѣзнь сердечная.« Я, по этому поводу, говорилъ ему объ васъ. »Вотъ, прибавилъ онъ, истинный врачь для вашей дочери.« Только сказанное имъ передаю вамъ, любезнѣйшій мой г-нъ Преверъ. Потомъ объявилъ мнѣ, что необходимо провести въ Морнексѣ всю холодную пору, сколько потому, что за этимъ отклономъ мы защищены отъ вѣтровъ, да и воздухъ здѣшній легче для недужныхъ, столько и потому, что возвращеніе въ приходъ произвело бы на Луизу новое потрясеніе; ежедневныя и ежечасныя воспоминанія недавно минувшаго могли бы имѣть на нее пагубное вліяніе. Я и прежде предвидѣлъ эту необходимость, и потому подчиняюсь ей безпрекословно. Остается только позаботиться о дѣлахъ приходскихъ.

По этому случаю, любезный мой г-нъ Преверъ, я и прибѣгаю къ вашей дружбѣ. Для многихъ распоряженій мнѣ надобно самому побывать въ приходѣ, а между тѣмъ, не хотѣлось бы, въ продолженіе моего отсутствія, оставить Луизу одну въ здѣшнемъ уединеніи. Знаю, кому прежде всѣхъ принадлежатъ ваши заботы, и все таки, прошу васъ, г-нъ Преверъ, отнимите нѣсколько дней у другихъ въ пользу моей дочери, — придите облегчить и исцѣлить ее. При такомъ условіи, я увѣренъ, даже безъ меня, ей будетъ легче. При мнѣ она принуждаетъ себя; я же, непривычный къ притворству, напротивъ, не умѣю скрывать отъ нея грусти, обличающей мое страданіе. Ваша дружба такъ же нѣжна, какъ моя, но лучше приноровлена; вы утѣшаете своими словами, въ васъ теплота смягчающая и проникающая. И кому бы, какъ не вамъ, въ настоящее бурное время, я довѣрилъ это дорогое сокровище, ко-

Digitized by Google

торое и самъ стерегу въ страхѣ и страданіяхъ! Увѣренный въ вашемъ согласіи на мою нижайшую просьбу, я буду ждать, добрѣйшій г-нъ Превѐръ, назначенія дня, въ который вы пріѣдете замѣстить меня на недѣлю или болѣе.

О Луизѣ ничего вамъ не прибавлю, — сами скоро ее увидите. То боюсь, не нашли бы вы ее слишкомъ измѣнившеюся, то укрѣпляюсь надеждою, что при васъ она будетъ болѣе страждущею, нежели болящею, болѣе грустною, нежели тревожною. Правду сказать, самое сильное потрясеніе прошло, и, еслибъ ему суждено было поразить ее на смерть, тогда бы и послѣдовали болѣзни за болѣзнями, а не это медлительное, непримѣтное томленіе, нерѣшительное и для надежды доступное. Довѣримтесь тѣмъ отдаленнымъ радостямъ, которыя, быть можетъ, Богъ готовитъ еще намъ, и не будемъ своими роковыми предчувствіями испытывать Его милосердія. Неужели Онъ захочетъ всѣ эти усердныя молитвы обрушить бѣдствіями на наши головы? Неужели за грѣхи, за медлительность въ дѣлахъ любви и милосердія, Онъ захочетъ наказать меня въ ребенкѣ, котораго вся жизнь была любовью, который и теперь страдаетъ за привязанность къ сиротѣ, мною однимъ нелюбимому? Преданный вамъ, Рейбасъ.

CLXIX. *Луиза къ г-ну Преверу.* — Изъ Морнекса.

Давно уже должна бы отвѣтить вамъ, дорогой мой наставникъ; лучше скажу, что давно уже разучилась чувствовать и говорить, не отравляя спокойствія особъ мнѣ милыхъ. Истерзанное сердце обезсилѣло, — имъ завладѣлъ тотъ эгоизмъ скорби, которому чужда нѣжность, который не щадитъ самыхъ дорогихъ привязанностей.

Нынѣшній день, ровно годъ тому назадъ, я ходила гулять къ Шевронскимъ дубамъ, и Дуракъ вытащилъ изъ-подъ кучи сухихъ листьевъ томикъ Павла и Виргиніи, которому я такъ обрадовалась. И тогда, какъ нынче, блѣдное осеннее солнце обливало деревни нѣжнымъ свѣтомъ; горы, сквозь серебристый туманъ, и тогда казались будто отступившими въ даль, и тогда поля, сдавши жатвы и покосы, отдыхали на солнышкѣ, будто весело праздновали послѣдніе красные дни.... Я сѣла подъ дубами, любовалась мирнымъ видомъ, хотѣла заглянуть въ книгу, какъ бывало, на трогательную картину невинности, смѣняемую такими ужасными событіями и — не могла. Мысль моя не была уже свободна, въ сердцѣ было мѣсто только одному; въ него проникли наконецъ и надежда, и довѣрчивое спокойствіе, и радость и нѣжность; передъ но-

Digitized by Google

вымъ, неизвѣданнымъ еще счастіемъ, прелесть былаго исчезала и не могла возобновиться. Я думала о Шарлѣ, другѣ моего сердца, о супругѣ, избранномъ мною съ согласія батюшки, — о томъ, чья нѣжность была для меня дороже жизни; о томъ, чей умъ образовывалъ меня, чья веселость заглушала мою грусть, чей характеръ привлекалъ меня великодушіемъ и другими милыми свойствами. Посреди этихъ благословенныхъ селеній я устроивала уже судьбу нашу.... Видѣла ту тѣсную семью, главою которой былъ батюшка, душою — вы, надеждой и радостью — Шарль и я. Сладкія мечты эти не истощались, я наслаждалась ими, пока солнце не зашло за вершины Юры. Тогда я встала и пошла домой. Дуракъ прыгалъ около меня, между тѣмъ какъ я, съ благодарностью, сознавала передъ Богомъ, что всѣ мои безпокойства и тревоги ничего болѣе, какъ преходящія облачка, что у души есть свои прекрасные дни, что и здѣсь возможенъ миръ, что и на землѣ бываютъ минуты полнаго счастія!

Однодневная мечта!... То были страницы блаженнаго упоенія; за ними должны были слѣдовать страницы горькой печали. Не буду останавливаться на сравненіи, одинаково невыносимомъ для насъ обоихъ, дорогой мой наставникъ; не буду перевертывать листокъ за листкомъ, до послѣдняго. Лучше стану надѣяться! Лучше попрошу васъ протянуть ко мнѣ вашу руку;—дайте, я пожму ее, поддержусь ею; лучше согрѣйте меня улыбкой, или гнѣвайтесь на меня, грозите мнѣ, если я такъ обезсилена борьбой, такъ недостойна вашихъ уроковъ, если найдете эти горькія, но сильныя средства необходимыми для моей избитой души, для моего отчаяннаго сердца!

Вижу — и это отстой въ горькой моей чашѣ — вижу, что и съ вами надобно также принуждать себя, любезнѣйшій наставникъ; надобно удерживать въ себѣ этотъ клокочущій напоръ сожалѣній, страданій, роковаго ужаса. Если я дамъ ему волю, то не остановлюсь вовремя, и подвергну испытанію вашу безграничную снисходительность, вашу нѣжность, которой вамъ самимъ, можетъ быть, придется устыдиться. Не надобно доводить до этого! Буду жить, и страдать, и согрѣваться подъ крыломъ вашимъ; но не пораню его, не запятнаю бѣлизны его. Пускай доступна мнѣ будетъ хоть добродѣтель несчастныхъ. Хоть бы пріободриться мнѣ, если не могу покориться, если отнынѣ я — существо безполезное, если жизнь моя только въ тягость другимъ! Богъ не оставляетъ дѣтей своихъ. Борьба моя въ самомъ разгарѣ; послѣ этаго перелома, можетъ быть, Онъ пошлетъ мнѣ дни менѣе тяжелые.... или укрѣпитъ

Digitized by Google

мою душу, облегчитъ раны мои, и десница Его направитъ меня къ великой минутѣ.

Какъ бы то ни было, многолюбимый наставникъ, вы до конца будете повѣреннымъ моихъ тайныхъ мыслей, и, если Богу угодно, желаній и намѣреній моихъ; до конца, больная голова моя будетъ покоиться на груди вашей, и кромѣ васъ никто не услышитъ вздоховъ моихъ. И такъ, я обнаружу передъ вами тѣ зловѣщія мысли, которыя, противъ воли, осаждаютъ меня, хотя, можетъ быть, порождены однимъ капризнымъ воображеніемъ, въ горѣ тревожнымъ болѣе обыкновеннаго. Я скажу вамъ правду, и вы повѣрите.... Какъ ни жестоко я поражена, но хочу жить; не могу безъ ужаса подумать о смерти, которая сокрушила бы отца, оторвала бы меня отъ васъ, опять таки сгубила бы участь Шарля, и набросила бы траурный крепъ на жизнь его. Наконецъ, что скажу вамъ?... Я молода, я думала, что поживу.... Теперь еще я готова страдать, но въ могилу — не хочется!

Не смотря на это, любезнѣйшій наставникъ, не зная и не желая знать признаковъ моей болѣзни, я вижу, я чувствую, не могу не признать, что кровью истекаютъ всѣ раны мои, что силы мои умаляются, что я тащусь, а не иду по дорогѣ безвыходной. Боли я не чувствую, но будто жизнь выходитъ изъ всѣхъ моихъ членовъ, и приливается къ сердцу, и безъ того уже переполненному тревогой; и, между тѣмъ какъ всякое потрясеніе, всякое воспоминаніе отдается на всемъ существѣ моемъ, я въ тоже время ощущаю какую-то лѣнь и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе устаю отъ прогулокъ, такъ недавно еще болѣе располагавшихъ меня къ грусти, нежели утомлявшихъ. Третьяго дня послѣ обѣда прояснѣло, и мнѣ захотѣлось взобраться съ Мартой къ развалинамъ сосѣдней горы, той самой, къ которой прислоненъ нашъ домикъ. На половинѣ короткаго всхода, мнѣ стало уже тяжело дышать, и силы начали измѣнять. Марта уговаривала меня сойти; но я какъ будто побоялась сознаться самой себѣ въ доказательствахъ слабости и разрушенія, пошла дальше и добралась до вершины, совершенно ослабѣвшая. Тихій и легкій воздухъ подкрѣпилъ было меня; но потомъ, внезапныя впечатлѣнія оживили всѣ мои воспоминанія, я не могла вынести ихъ и обильныя слезы не облегчили, а только болѣе истощили меня.

Съ вершины горы видно озеро. Я еще не видала его съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь поселились. Тысячи отрадныхъ воспоминаній возникли вдругъ при видѣ этихъ знакомыхъ береговъ, ожили всѣ чистыя радости первыхъ лѣтъ, всѣ веселые планы дѣтства, все то минувшее счастіе, на которое боюсь обернуться. Приходская возвышенность скры-

Digitized by Google

валась за скалами малаго Салева; но передо мной, за прекрасными мѣстами, ясный и спокойный видъ которыхъ представлялъ мнѣ сколько отраднаго, столько и горькаго, — я увидала берега Лозаны, и сердце мое тотчасъ полетѣло на встрѣчу Шарлю, слилось съ его сердцемъ, соединилось съ нимъ въ страданіяхъ, въ тягчайшей скорби! Порывъ этотъ былъ такъ силенъ, переходъ отъ смертной тоски къ сильной потребности счастья и радости такъ внезапенъ, что я хотѣла въ туже минуту броситься къ ногамъ отца, разжалобить его, хотѣла преодолѣть его предразсудки, запугать его нѣжность, ухватиться хоть за обломки прошлаго счастія и спасти отца отъ него самаго самовластнымъ распоряженіемъ своей судьбою.... Мысль грѣховная, — быть можетъ, безуміство, быть можетъ и внушеніе свыше! Я послушалась бы его непремѣнно, еслибъ не очевидныя доказательства моего разрушенія, еслибъ не зловѣщая мысль, что я умираю, что малѣйшее, даже радостное потрясеніе, должно порвать слабую нить моей жизни....

Теперь слишкомъ поздно! Нѣтъ силъ ни на радость, ни на горе; натура моя не вынесла бы этаго блаженнаго упоенія, этихъ запоздалыхъ объятій счастія,—Шарлю досталась бы умирающая; этаго друга, у котораго разъ уже отняли меня, призвали бы для того, чтобъ я умерла на рукахъ его!... На рукахъ его!... Да, г. Преверъ, мнѣ отрадно было бы еще умереть на рукахъ Шарля, подлѣ него и за него! Сладко было бы подарить ему послѣдніе мои дни, послѣдніе взгляды, послѣднія слова, слышать его нѣжное »прости,« видѣть его слезы, назначить ему свиданіе въ небесахъ.... Ахъ, лучше отвернуться! Смертная отрада эта неодолимо влечетъ меня къ себѣ! Но онъ, Боже мой! Шарль съ его пылкой душой, одинаково воспріимчивой и въ нѣжности и въ отчаяніи — онъ увидитъ мое разрушеніе, мою смертную блѣдность, онъ будетъ свидѣтелемъ смерти своей Луизы!... Угадайте мое желаніе, многолюбимый наставникъ, я не смѣю сказать всего. Когда бы ни пронесся слухъ объ моей опасности, въ какое бы время ни потухъ слабый свѣтильникъ моей жизни, — прошу васъ, будьте подлѣ Шарля: только вы одни можете передать ему слова мои, только ваша теплая любовь смягчитъ то, что насквозь пронзитъ сердце его, отъ чего вздрогнетъ и обомлѣетъ душа его.

Ахъ, г. Преверъ, какъ велики мои несчастія! За этими страданіями слѣдуютъ другія, которыя сперва таились во мнѣ, долго бились безсознательно, наконецъ нашли проходъ въ душу мою, и все ростутъ, и все больше и больше одолѣваютъ меня. Былъ день, одинъ только день, когда въ первый разъ въ жизни непокорная волѣ отца, я могла бы

Digitized by Google

спасти его и себя съ нимъ! Въ этотъ день, послѣ напрасныхъ просьбъ за Шарля, мнѣ ясно представилось все, я почуяла пагубный конецъ, бросилась къ ногамъ отца и умоляла его сжалиться — надо мной сжалиться! Батюшка содрогнулся отъ ужаса, сердце въ немъ сжалось, онъ вышелъ будто готовый уступить. Въ эту минуту все могло быть спасено: моя жизнь, участь Шарля, ваше счастіе, дорогой наставникъ, и счастіе отца! Но могла ли я нарушить дѣтскую покорность, могла ли безъ содроганія подумать о преступной возможности насиловать волю отца? Я не посмѣла поставить свой разумъ выше отцовскаго, усомнилась въ своихъ силахъ и — повиновалась.... По мѣрѣ приращенія дани горестей, разрушенія, зловѣщихъ предзнаменованій, эта мысль не даетъ мнѣ покоя; она грызетъ меня, всей тяжестью раскаянія давитъ мое сердце.... Отъ ея мѣткихъ нападокъ нахожу только одно прибѣжище — въ увѣренности, что я любовью и жизнію пожертвовала обязанности: стало быть Богу угодно, чтобъ я пала жертвою послушанія, Имъ предписаннаго.

Не буду говорить съ вами объ отцѣ; вы сами увидите его, г. Преверъ. По совѣту доктора, мы должны провести зиму здѣсь; мнѣ отъ того ни радостнѣе, ни печальнѣе. Визитъ этаго доктора, который въ былое время произвелъ бы во мнѣ сильное отвращеніе, теперь только отозвался смертельною грустью. Горькаго впечатлѣнія я не могла скрыть даже при этомъ постороннемъ свидѣтелѣ и при бѣдномъ батюшкѣ. Видите, какъ мало во мнѣ твердости, видите, что не порвались еще, какъ ни перетерлись, нити, привязывающія меня къ свѣту.

Батюшка на дняхъ отправится въ приходъ для своихъ распоряженій. Онъ опять увидитъ тѣ мѣста.... Увижу ли я ихъ?... Болитъ сердце.... Прощаюсь съ вами, любезный наставникъ.... Но неужели и васъ — и васъ болѣе не увижу?...

Ваша Луиза.

CLXX. *Шарль къ г. Преверу.* — Изъ Лозанны.

Я устыдился самаго себя, г. Преверъ; вы раскрыли мнѣ глаза и направили мою душу. Ваши строгія слова и нѣжные упреки заставили меня опомниться. Я упалъ духомъ и усомнился, стоилъ ли когда-нибудь любви вашей, названія вашего воспитанника, вашего сына. Мнѣ стало совѣстно, я не смѣлъ писать къ вамъ, ждалъ, чтобъ снова заслужить ваше снисхожденіе, чтобъ вы перестали краснѣть за меня. Я обуздалъ свои порывы, вооружилъ свою волю, укрѣпился вашими совѣтами, желанія ваши поставилъ себѣ цѣлью. Теперь, менѣе недостойный, приношу

Digitized by Google

вамъ мою скорбь и раскаяніе. Я рѣшился снова заслужить ваше уваженіе и не подавать повода къ новымъ огорченіямъ.

Дорогой наставникъ, я прочелъ ваши прекрасныя страницы. Смыслъ ихъ проникъ въ меня. Я старался подняться за вами на вашу высоту: своимъ слабымъ взоромъ усмотрѣлъ, какъ бы за облаками, въ чистой лазури небесъ, стяжанную вами пальму, предлагаемую и моему молодому честолюбію. Я понялъ и ничтожество, до котораго могу спуститься, и величіе, котораго могу достичь, если сдѣлаюсь другомъ и слугою ближняго. Я почувствовалъ, что на стезѣ Христовой, страсти мои могутъ освятиться, сердце очиститься, разбитый стволъ судьбы моей можетъ пустить новыя вѣтви, покрытыя зеленью и даже плодъ принести. Здѣсь-то, на указанныхъ вами вершинахъ, я увидалъ источникъ вашей добродѣтели, вашей благотворительности, на мнѣ доказанной, вашего смиренія передъ Богомъ и людьми. Я читалъ и перечитывалъ вашу высокую, христіанскую риторику и постигъ причину краснорѣчія, такъ самовластно располагающаго сердцами. Снисходительныя слова ваши убѣдили меня, сдѣлали довѣрчивымъ и покорнымъ. Вы снизошли до меня, и возвысили меня въ собственныхъ моихъ глазахъ: я попробовалъ приподняться, сдѣлалъ усиліе и—всталъ; и, если еще медленно ступаю, какъ выздоравливающій, то по крайней мѣрѣ чувствую, что силы ко мнѣ возвращаются, что я уже внѣ опасности, что не огорчу уже васъ постыднымъ паденіемъ. О, дорогой мой наставникъ! Кровью облилось мое сердце отъ горя и посрамленія! Я слышалъ отъ васъ прощеніе; но смою ли когда-нибудь пятно, оставленное моей недостойной душой на чистотѣ вашей души? Не могу вспомнить безъ стыда своихъ неблагодарныхъ словъ, нечестиваго буйства, неблагородныхъ порывовъ.... Причли ли вы ихъ къ безумству, котораго я не могъ преодолѣть, которое извинялось несчастіемъ и одиночествомъ?... Никогда я достаточно не успокоюсь на этотъ счетъ и сомнѣніе надолго еще будетъ моимъ жестокимъ наказаніемъ.

Сколько могъ, я бѣгалъ отъ самого себя, искалъ спасенія въ трудѣ и занятіяхъ. Скоро кончится курсъ перваго полугодія; не могу сказать вамъ, что воспользовался имъ вполнѣ — что могло бы быть при другихъ обстоятельствахъ — но экзаменъ надѣюсь выдержать. Устрашаетъ меня промежутокъ бездѣйствія послѣ экзаменовъ. Уроки меня развлекаютъ; думаю, если можно, увеличить число ихъ. Посѣщать общество еще не рѣшаюсь, а стараюсь сблизиться съ нѣкоторыми изъ товарищей. Когда одинъ, крѣплюсь кое-какъ, занимаюсь, читаю.... Но тутъ, дорогой мой г. Преверъ, воля иногда обезсилѣваетъ, возвращаюсь къ прошлому, раз-

Digitized by Google

думаюсь о вашемъ продолжительномъ молчаніи, о неизвѣстности на счетъ прихода и Морнекса, и опять западутъ тоска и страхъ.

Потому-то, любезнѣйшій наставникъ, и умоляю васъ не оставлять меня безъ извѣстій; въ настоящемъ же положеніи могу и желаю имѣть ихъ только черезъ васъ. Что бы вы ни сказали объ Луизѣ, думы мои отъ того сильнѣе не разовьются, не пробудятся надежды, отъ которыхъ я торжественно отказался. Но пожалѣйте меня одинокаго, подумайте, что я ничего не знаю объ Луизѣ, такъ недавно наполнявшей собою мое прошедшее, и настоящее и будущее. Знайте, г. Преверъ, радость моя была бы совершенна, еслибъ я былъ увѣренъ, что она переноситъ испытаніе и что вы спокойны на ея счетъ. Эта увѣренность возвратила бы мнѣ не надежду, но бодрость и спокойствіе, необходимыя для выполненія вашихъ предписаній. Знайте главное, что ничто не можетъ быть для меня пагубнѣе вашего молчанія, по тѣмъ зловѣщимъ выводамъ, на которые оно иногда вынуждаетъ меня. При одной мысли, что можетъ быть Луиза изнемогаетъ отъ усилія, что здоровье ея разрушается, я не могу владѣть собою; съ трудомъ обузданная душа опять и рвется и мечется, рыданія раздираютъ грудь и безмѣрное горе готовитъ мнѣ новое паденіе. Умоляю васъ, г. Преверъ, во имя любви вашей ко мнѣ, сжальтесь надъ моей слабостью, посвѣтите мнѣ въ этой ужасной темнотѣ.

Я помянулъ вамъ выше о кос-какихъ урокахъ, число которыхъ хотѣлось бы увеличить. Кстати прошу васъ, г. Преверъ, позвольте мнѣ съ нынѣшней зимы, начиная съ Января мѣсяца, попробовать довольствоваться собственными моими средствами. Я желаю этого, безцѣнный наставникъ мой, не для облегченія васъ, даже не для того, чтобъ пожертвованія ваши обратились въ пользу другихъ несчастныхъ, но собственно для себя. Мнѣ нужно подчинить себя обязанностямъ, я желаю труда, неволи, жажду всего, могущаго отвлечь меня отъ моей скорби, помочь противъ нея. Послѣ стольких счастливыхъ лѣтъ, по вашей милости прожитыхъ безъ труда и заботы, я хочу вступить въ жизнь дѣйствительную, пойду на встрѣчу нуждѣ и препятствіямъ, буду бороться съ ними, пока не добьюсь отъ нихъ пользы. Не могу придумать другой защиты отъ самаго себя. Потребность этого пособія такъ ощутительна, что, кажется, даже самое несчастіе, даже новые удары судьбы — лишь бы не касались Луизы — помогли бы мнѣ. Настоящая тяжесть давитъ меня — новой ношѣ я обрадовался бы, какъ легчайшей. Потрудитесь же обсудить мою просьбу, и скрѣпите ее своимъ согласіемъ. Я коротко сошелся съ однимъ молодымъ студентомъ, очень бѣднымъ, ко-

Digitized by Google

торый самъ содержитъ себя и воспитываетъ одного изъ братьевъ. Мы бы наняли квартиру вмѣстѣ и жили бы общими доходами. Думаю, что мнѣ, въ настоящемъ положеніи, полезнѣе всего руководствоваться подобнымъ примѣромъ. Фамилія его Дефоржъ, у профессоровъ онъ на отличномъ счету.

Покуда, до вашего разрѣшенія, г. Преверъ, я употребилъ свой излишекъ на покупку кое-какихъ подарочковъ, которые прошу васъ переслать къ моей доброй Мартѣ. Часы — для Антуана: у него ихъ не было; все остальное для Марты, замѣнявшей и замѣняющей мнѣ мать. Какъ хотѣлось бы мнѣ написать къ ней! Но она слишкомъ близка къ Луизѣ — не смѣю; можетъ быть опять нѣжность доброй женщины вовлекла бы ее, какъ тогда, въ новыя непріятности. Прошу васъ, г. Преверъ, сдѣлайте то, чего я не могу сдѣлать: скажите ей, что я люблю ее по прежнему, что никогда не забываю ея любви и нѣжныхъ обо мнѣ попеченій; что если я не смѣю писать къ ней, то тѣмъ менѣе могу забыть ее и изгладить изъ сердца сыновнюю любовь, которая со мной до смерти. Я кончаю, дорогой мой наставникъ, и еще разъ изъявляю искреннее раскаяніе, поручаю вамъ мою убѣдительную просьбу и нѣжно цѣлую васъ.

Уважающій васъ Шарль.

Въ Университетской Типографіи.

Печатать позволяется. Москва 1852 г., Іюля 14-го дня.

Цензоръ Дм. Ржевскій.

Digitized by Google

СЕЛЬСКІЙ ПРИХОДЪ.

CLXXI. *Г-нъ Преверъ къ Органисту.* — Изъ прихода.

Черезъ три дня, не позднѣе, я буду возлѣ вашей Луизы, любезнѣйшій мой г. Рейбасъ, и располагаю пробыть въ Морнексѣ двѣ недѣли. Мнѣ очень хотѣлось бы тотчасъ же ѣхать и я уѣхалъ бы, но до сихъ поръ не могъ найти, кому, вмѣсто себя, поручить воскресную проповѣдь.

Благодарю васъ за подробности. Какъ онѣ ни интересны для меня, но къ сожалѣнію, не радостны. Луизино письмо, приложенное къ вашему, тоже нисколько не успокоило меня. Мнѣ надобно ее видѣть и давно бы слѣдовало. Сію минуту отправляю нарочнаго къ г. Дерве: если отвѣтъ, который получу сегодня вечеромъ, будетъ благопріятенъ, то пріѣду къ вамъ завтра же. Будьте готовы къ отъѣзду. Поговоримъ съ вами объ дорогой нашей Луизѣ, а потомъ, желалъ бы остаться съ ней вдвоемъ, чтобы поближе взглянуть на раны, узнать гдѣ боль, чѣмъ ее вылечить и что намъ дѣлать, чего просить у Бога.

Предупредите Луизу о моемъ скоромъ пріѣздѣ, скажите, что буду въ концѣ недѣли, постарайтесь, чтобъ завтра около полудня или въ понедѣльникъ, около того же времени, мнѣ не пришлось встрѣтиться съ ней на дорогѣ, чтобы не потрясти ее неожиданнымъ появленіемъ.

Я было надѣялся, нынѣшней зимой, видѣть всѣхъ васъ въ приходѣ; но нечего и думать о такомъ счастіи. Распорядитесь же сообразно съ вашими надобностями, а на счетъ исправляющаго вашу должность, не безпокойтесь: съ тѣмъ ли, котораго вы мнѣ доставили лѣтомъ, съ другимъ ли, я слажу одинаково. Когда въ концѣ второй недѣли возвращусь въ приходъ, вы возложите на меня все вами недодѣланное или недоконченное въ продолженіи этого короткаго времени.

Спѣшу писать къ вамъ съ тѣмъ же нарочнымъ, котораго отправляю къ г. Дерве. Прощайте, любезный другъ мой. Мысль моя опередила уже меня подлѣ васъ; нетерпѣливо стремлюсь вслѣдъ за нею. — Преверъ.

Digitized by Google

CLXXII. *Г. Эрнестъ де-ла-Куръ къ г. Преверу.* — Изъ Турина.

Милостивый государь, вы удивитесь, когда получите эти строки отъ молодаго человѣка, не умѣвшаго, въ благопріятное время, снискать ни дружбы, ни уваженія вашего, а теперь прибѣгающаго къ вамъ за милостью. Но вы единственная особа, къ которой, въ настоящемъ положеніи, онъ можетъ адресоваться и снисходительно простите его докучливость.

Пишетъ къ вамъ, г. Преверъ, не тотъ молодой человѣкъ, котораго вы знавали, а несчастный, вкушающій горькіе плоды прошлыхъ проступковъ; — несчастный, претерпѣвающій, послѣ пагубной дуэли, всѣ мученія стыда и порабощенный сильною страстью, не смотря на всѣ старанія вырвать ее изъ сердца. Этотъ-то несчастный прибѣгаетъ къ вамъ за рѣшеніемъ судьбы своей: одной истины онъ требуетъ отъ васъ — не помощи, ни содѣйствія, которыхъ сознаетъ себя недостойнымъ. Нѣсколько словъ пояснятъ вамъ, какимъ образомъ ему осталось одно прибѣжище — въ васъ, въ почтительной, въ покорнѣйшей просьбѣ, чтобъ вы какимъ-нибудь лучемъ свѣта озарили мракъ его страданій.

Возрастающіе подъ вашимъ надзоромъ, милостивый государь, могутъ ли не украшаться добродѣтелями?... Съ раннихъ поръ въ дѣвицѣ Рейбасъ съ прелестною наружностью соединились рѣдкія свойства ума и характера, съ раннихъ поръ уже она произвела впечатлѣніе на мое сердце. Я просилъ ея руки, мнѣ отказали и оскорбительно для моего самолюбія, дали почувствовать, что богатство и знатность, на которыя свѣтъ далъ мнѣ право расчитывать самонадѣянно, — преимущества недостаточныя для скромнаго сельскаго органиста. Это униженіе еще сильнѣе возбудило мою страсть. Во всемъ свѣтѣ мнѣ мила была одна Луиза, я старался заслужить, чтобъ мнѣ ввѣрили судьбу ея, преобразбывалъ уже себя для этой цѣли, когда узналъ, вмѣстѣ со всѣми, что г. Рейбасъ отдаетъ дочь за г. Шарля. За чѣмъ мнѣ скрывать отъ васъ, г. Преверъ, что тутъ оскорбленіе ощутилось еще сильнѣе, досада не знала границъ и страсть разожглась безъ мѣры тѣмъ самымъ неодолимымъ препятствіемъ, которое должно было положить ей конецъ. Эти-то внушенія, какъ вы конечно догадываетесь, нѣсколько мѣсяцовъ позднѣе, и были поводомъ къ моему бѣшенству и вызвали меня на обиду. Мы вышли на дуэль, — остальное вамъ извѣстно.

Послѣ отласки и несчастной дуэли, пристыженный своей горькой побѣдой, я рѣшился уѣхать. Въ тогдашнемъ положеніи, можетъ быть, я извлекъ бы изъ всего происшедшаго спасительный для себя урокъ;

Digitized by Google

можетъ быть, послѣ сильнѣйшаго усилія, я вырвалъ бы наконецъ изъ сердца образъ оскорбленной мною Луизы, успокоился бы самъ и возвратилъ бы спокойствіе матушкѣ. Но въ самый день отъѣзда, въ аллеѣ, я увидалъ ее. Считая меня уже уѣхавшимъ, Луиза шла утѣшать матушку. Я осмѣлился говорить съ ней. Она позволила мнѣ проводить себя до матушки. Скоро я долженъ былъ оторваться отъ нея, но прочелъ прощеніе въ ея взглядѣ, — сердце, омытое отъ позора, запылало любовью, и силъ въ немъ не стало!

Я уѣхалъ. Воспоминанія недавняго наполнили пустоту первыхъ дней; но скоро возникли невозможныя, безнадежныя желанія: — эта ужасная пытка, — недугъ неизлечимый. Проѣхавши ущелья большаго с. Бернарда, я остановился въ маленькомъ селеніи, въ долинѣ Аосты и прожилъ тамъ нѣсколько недѣль, никѣмъ незнаемый, весь преданный своему горю. Всякое развлеченіе было для меня невыносимо, а мысли становились мрачнѣе и мрачнѣе, и постепенно вели къ выполненію преступнаго замысла. Не надолго намѣреніе мое остановилось. Я узналъ объ отказѣ Шарлю, объ Луизиной свободѣ, но тотчасъ же почувствовалъ, что тѣмъ болѣе она потеряна для меня, и опять предался раздирающему отчаянію. Приготовленія мои были открыты, матушку увѣдомили и она поспѣшила ко мнѣ.

Вы угадываете сами, г. Преверъ, все, что она могла мнѣ сказать, сколько напрасныхъ словъ внушили ей нѣжность и страхъ для оживленія моего сердца хотя слабою надеждою. Я не обманывался, не поддавался всѣмъ этимъ заманчивымъ и лестнымъ слухамъ: они доходили до ушей моихъ, не облегчая моего страданія, и, еслибъ все осталось при томъ же, то и строки эти не были бы написаны.

Но, Боже великій! не смѣю вѣрить.... При одной этой мысли сердце бьетъ тревогу и утопаетъ въ радости.... Какъ! Неужели теперь г. Рейбасъ, сдѣлавшись кроткимъ и боязливымъ въ отношеніи къ дочери, отрекается отъ отказа и самъ соглашается на этотъ союзъ! Неужели теперь, самъ г. Рейбасъ видитъ въ немъ предѣлъ своимъ скорбямъ и безопасную пристань для своей старости! Самъ г. Рейбасъ извѣщаетъ объ этомъ матушку, соединяется съ ней въ одномъ общемъ желаніи и готовъ меня — о верхъ счастія, о безконечная радость! — Готовъ меня признать защитникомъ и покровителемъ своей Луизы послѣ него!... О неразумная мать! Что сдѣлала ты, если слова эти несправедливы.... Какой ядъ въ этомъ сладкомъ питьѣ, какая ужасная ночь послѣ минутнаго упоенія!

Digitized by Google

Таковы увѣренія, внезапно перебросившія меня изъ бездны отчаянія къ радостнымъ восторгамъ. Я отталкивалъ ихъ, какъ обманчивыя, не довѣрялъ имъ, какъ невозможнымъ; и теперь, хотя и говорятъ мнѣ, что самъ г. Рейбасъ, собственнымъ своимъ языкомъ и въ такихъ-то выраженіяхъ, произнесъ ихъ, но я все-таки не смѣю вѣрить, все-таки не поддаюсь имъ и не поддамся, пока вы, г. Преверъ, не засвидѣтельствуете мнѣ истину этихъ увѣреній. Умоляю васъ удостоить меня отвѣтомъ. Вамъ, безъ сомнѣнія, все повѣрено и вы знаете, что такъ или не такъ. Отвѣчайте мнѣ, возвратите жизнь, болѣе чѣмъ жизнь несчастному, удрученному тяжкою скорбію; если не жизнь, то дайте ему смерть и пусть свершится судьба его!

Такова услуга, которой смѣю ожидать отъ васъ, добрѣйшій и уважаемый г. Преверъ. Пусть отвѣтъ вашъ, вмѣстѣ со счастіемъ, обнадежитъ меня и возможностью снискать ваше расположеніе и заслужить ваше уваженіе и дружбу! По крайней мѣрѣ, прошу васъ, считайте меня лучшимъ, болѣе достойнымъ вашего участія. Та самая страсть, которая довела меня до отчаянія, пытала и мучила, въ тоже время очистила мою душу, преобразовала мысли, желанія, всю жизнь. Я люблю Луизу больше всего на свѣтѣ. Любовь моя къ ней и въ удивленіи ея прекраснымъ свойствамъ, и въ презрѣніи къ прошедшимъ моимъ заблужденіямъ, безпорядкамъ и тѣмъ пустымъ увлеченіямъ, на которыя я потратилъ дни, данные мнѣ для сближенія съ нею и для снисканія ея расположенія. Не такъ сильно во мнѣ желаніе обладать ею, какъ удостоиться ея; не столько желалъ бы быть ея защитникомъ, какъ слугою, какъ посвятить ей всю нѣжность мою, всѣ добродѣтели, къ достиженію которыхъ стремлюсь.... Но въ тоже время, г. Преверъ, остаюсь при тяжкомъ убѣжденіи, что безъ Луизы все на свѣтѣ для меня пусто, безмолвно, мрачно; безъ Луизы туманомъ подергиваются небеса, и нѣтъ мнѣ мѣста на землѣ!

Весь этотъ мѣсяцъ мы проживемъ въ Туринѣ. Туда и прошу васъ, г. Преверъ, адресовать ко мнѣ ваше письмо. Благоволите принять глубочайшее уваженіе, съ которымъ честь имѣю пребыть

Признательный и преданный вамъ Эрнестъ де-ла-Куръ.

CLXXIII. *Г. Преверъ къ доктору.* — Изъ Морнекса.

Милостивый государь, я имѣлъ честь быть у васъ въ субботу, проѣздомъ черезъ городъ — въ Морнексъ, къ дочери г. Рейбаса. Вы только что вышли; я не могъ дождаться васъ, потому что спѣшилъ сюда.

Digitized by Google

Г. Рейбасъ передалъ мнѣ все вами сказанное, начиная съ перваго вашего визита къ его дочери. Думая, что вы, можетъ быть, заблагоразсудили скрыть отъ несчастнаго отца нѣкоторыя опасенія, я не могъ принять словъ вашихъ за точное выраженіе вашихъ мыслей. По этому прибѣгая къ вамъ, прошу ничего не скрывать отъ меня. Я другъ двухъ этихъ страдальцевъ, возбуждающихъ къ себѣ такое участіе; я раздѣляю всякую печаль ихъ; мнѣ необходимо знать, могу ли еще служить имъ своими совѣтами и долженъ ли рѣшиться на послѣднее средство, или мнѣ остается только готовить обоихъ къ ужаснѣйшему удару. Скажите же мнѣ правду, всю правду объ этой милой дѣвушкѣ, сдѣлайте меня полнымъ участникомъ вашего страха или надеждъ. Особенно прошу васъ — поспѣшите; сжальтесь надо мной, не усиливайте моей тревоги мыслію, что мы, можетъ быть, теряемъ послѣдніе часы, въ которые могли бы еще возвратить ей жизнь и счастіе.

Вы знаете, милостивый государь, ея исторію и причину ея страданій и томленія. Отецъ ея, безъ сомнѣнія, сказалъ вамъ, что непреодолимыя препятствія противятся браку Луизы съ молодымъ человѣкомъ. Не обращайте вниманія на эти слова. Говорите, говорите, умоляю васъ, если думаете, что еще не поздно.... Ахъ, дай Богъ! Тогда бы препятствія эти уничтожились, разлетѣлись бы какъ пыль.... Говорите! Придетъ время, когда и г. Рейбасъ, и дѣти, и я — всѣ будемъ благословлять васъ.... Говорите, милостивый государь, и, если эта мѣра покажется вамъ нужною, тотчасъ же увѣдомьте меня.

Въ другѣ моемъ Луизѣ я нашелъ большую перемѣну. Сердце мое сжалось. Какъ тутъ быть? Какъ думаете вы, — не пригласить ли вамъ для содѣйствія и совѣщаній кого-нибудь изъ вашихъ собратовъ?... Взываю къ вашему состраданію — пожалуйста, подумайте объ этомъ и въ такомъ случаѣ, попросите ихъ моимъ именемъ, именемъ отца Луизы — пріѣхать съ вами тотчасъ же. Тутъ одною жизнію держится, можетъ быть, существованіе многихъ.

Я пріѣхалъ въ прошедшую субботу. Въ этотъ день Луиза не ждала меня. Скоро уже будетъ три мѣсяца, какъ мы разстались. Увидавши меня, она обезсилѣла, потомъ оправилась, заплакала. То было вечеромъ. Ночь проведена дурно, а въ воскресенье утромъ насильно успокоилась, потому что условлено было воздерживаться отъ разговоровъ. Когда отецъ ея уѣхалъ въ приходъ, я остался съ нею. Взамѣнъ божественной службы, которой она здѣсь лишена, я прочелъ ей молитву и кое-что духовнаго содержанія. Тутъ только она превозмогла свою грусть, и мы начали говорить объ ея положеніи. Я не хотѣлъ слышать отъ нея грустнаго, думалъ, что преодолѣю ея черныя предчувствія, понадѣялся на дружбу

Digitized by Google

ея ко мнѣ и довѣріе и — обманулся.... Я встрѣтилъ въ ней зловѣщее убѣжденіе въ смертности ея болѣзни, раздирающія душу воспоминанія, которыхъ не въ силахъ смягчить самая ея христіанская покорность: вотъ что нашелъ я, милостивый государь, и моя испытанная столькими несчастіями твердость не устояла противъ столь тяжкой скорби; я изнемогъ, самъ плакалъ вмѣсто того, чтобъ утѣшать ее.

Богъ да поможетъ намъ, Богъ да наставитъ васъ, любезный г. Мегра. Пусть Онъ вдохновитъ васъ и направитъ наши старанія! Я увѣренъ, что вы страдаете вмѣстѣ съ нами; мнѣ отрадно говорить съ вами, обращаясь къ вамъ съ довѣрчивостью.... Она перемѣнилась, похудѣла, но сильнаго изнуренія и ничего болѣзненнаго въ ней не замѣтно. На лицѣ молодость, жизнь, чувствительность. Самыя эти возвращенія и стремленія къ прошлому, самая борьба, въ которой ее застали, не суть ли доказательства силы и не подаютъ ли повода къ надеждѣ? Не мой ли пріѣздъ былъ главной причиной ея слабости и волненія? Я здѣсь трое сутокъ, и мнѣ кажется, будто она уже стала покрѣпче, спокойнѣе и не такъ грустна. Сегодня утромъ мы сдѣлали небольшую прогулку — къ Каери; она не слишкомъ утомилась, и прохожіе, привыкшіе обнаруживать свои чувства при видѣ измѣнившихся больныхъ, смотрѣли на нее безъ особеннаго любопытства. Возвратившись, Луиза пообѣдала съ аппетитомъ, а сейчасъ отъ доброй ея служанки я узналъ, что она спокойно отдыхаетъ.

Поспѣшите, любезный мой г. Мегра, сообщить мнѣ все ваше мнѣніе. Во всякомъ случаѣ, прежде нежели сами пріѣдете, напишите. Я буду ждать вашего письма завтра вечеромъ, съ возвращеніемъ посланнаго, который доставитъ вамъ мое. Я здѣсь на двѣ недѣли, не останусь на мѣсяцъ и ножалуй на всю зиму, если вы найдете присутствіе мое полезнымъ для Луизы и сколько-нибудь способнымъ облегчить ее. Оставляю васъ съ изъявленіемъ моихъ желаній, моей признательности, уваженія и преданности. Преверъ.

CLXXIV. *Докторъ къ г. Преверу.* — Изъ Женевы.

Спѣшу отвѣчать на письмо ваше, милостивый государь. Ваши вопросы не терпятъ отлагательства, а мои свѣдѣнія такъ невѣрны; къ тому же эта молодая дѣвушка такъ привлекательна, внушаетъ къ себѣ такое необыкновенное участіе, что, хотя продолжительная практика и освоила меня съ бѣдствіями и страданіями человѣчества, но я не могу писать къ вамъ равнодушно. Попробую однакожъ дать отвѣтъ по возможности рѣшительный, руководствуясь своей опытностью и искреннимъ

Digitized by Google

желаніемъ помочь вамъ и содѣйствовать выздоровленію молодой особы, столь любимой, столь достойной жизни.

Избавлю васъ отъ техническихъ терминовъ, здѣсь, впрочемъ, почти ненужныхъ. Собственныя мои наблюденія и подробности, собранныя отъ служанки дѣвицы Рейбасъ, показываютъ мнѣ, что организмъ дѣвушки не подвергся еще серьёзному поврежденію; замѣтны одни изнурительные признаки, причиненные, безъ сомнѣнія, борьбою и сердечными страданіями. Въ подобныхъ же случаяхъ, мнѣ часто случалось встрѣчать такіе же признаки, безпокоившіе только временно и скоро проходившіе сами собою; но правда и то, что молодыя дѣвушки, у которыхъ они замѣчались, не имѣли ни такаго сильнаго характера, ни этой развитой чувствительности, ни этой глубокой страсти. Съ перваго взгляда на молодую особу, я пораженъ уже былъ ея непринужденностью, ловкостью, стройностью стана, гибкостью членовъ — признаками крѣпости и здоровья — и съ другой стороны — грустью лица, выражавшаго и силу страсти и затаенную горечь скорби; съ перваго взгляда я увидалъ, что слаба оболочка этой пылкой и бурной души, что предписанія моего искуства мало помогутъ, что не надобно притрогиваться къ этому хрупкому тѣлу, ни покушаться ни на какую спасительную тревогу, пока не обозначится переломъ, пока время, дружба и ваша помощь не остановятъ крови, которою истекаютъ ея невидимыя, но дѣйствительныя и глубокія раны. Я передалъ это мнѣніе отцу ея и совѣтовалъ прибѣгнуть къ вамъ, такъ какъ онъ имѣетъ счастіе пользоваться вашей дружбою.

Таково было мое первое впечатлѣніе, которому однако, не смотря на частую его вѣрность, наука наша не должна довѣряться исключительно. Все, что я увидѣлъ и узналъ потомъ, убѣдило меня въ справедливости перваго же впечатлѣнія; такъ что вы, конечно, предугадываете уже отвѣтъ мой на вашъ главный вопросъ, а именно: можно ли еще попробовать, или, выражаясь иначе, можно ли надѣяться, чтобы при отстраненіи препятствій, съ возвращеніемъ г. Шарля, дѣвица Рейбасъ, при счастіи, могла поправиться здоровьемъ? Правда, я считаю нужнымъ, даже необходимымъ позднѣйшее возобновленіе привязанности, хотя расторгнутой, но не уничтоженной и прошу васъ убѣдительно, имѣя эту возможность въ виду, осторожно представить ее г. Рейбасу. Въ настоящую же минуту, всякій рискъ подвергнулъ бы дочь его величайшей опасности. Я думаю, — лучше сказать, увѣренъ, что сильный переходъ отъ ужаснаго горя къ живой и неожиданной радости, новый кризисъ взамѣнъ прежняго, нѣсколько смягченнаго уже временемъ и привычкою и утратившаго много, если не горечи, то силы, — увѣренъ, говорю,

Digitized by Google

что такой переходъ произвелъ бы пагубное и, можетъ быть, рѣшительное потрясеніе на это слабое и изнуренное тѣло. Еслибъ такая мѣра допускала постепенность, и я сказалъ бы — надобно попробовать, ободрить легкой надеждой и хоть облегчить пока скорбь; но тутъ нѣтъ постепенности: на первомъ словѣ, дѣвушка поняла бы все, предалась бы всей пылкости чувствъ и произошелъ бы переломъ, который, въ настоящемъ положеніи, считаю опаснымъ. Прибавьте сюда волненіе, неизбѣжное при полученіи писемъ отъ г. Шарля, при свиданіи съ нимъ послѣ столькихъ препятствій; прибавьте ея огорченіе посреди самой радости, когда она упрекнетъ себя — несправедливо, конечно, но упрекнетъ непремѣнно — въ счастіи вопреки желанію отца, въ томъ, что она заставила его отказаться отъ своего предубѣжденія, понудила его совѣсть или нѣжность. Подождемте, милостивый государь, и что бы ни случилось, будьте увѣрены, что въ теперешнемъ положеніи больной, рѣшеніе на предложенное вами средство было бы или слишкомъ поздно, или слишкомъ рано. Вотъ мое послѣднее слово. Дѣйствуйте на г. Рейбаса, чтобы въ случаѣ надобности, согласіе его было готово; въ отношеніи же къ дочери его, ограничьте ваше рвеніе стараніемъ ее успокоить и подкрѣпить дружбой и религіей; та же почва, что трещитъ и колеблется, не годится для движеній сильныхъ и внезапныхъ.

Одно обстоятельство, милостивый государь, подкрѣпляетъ вышеприведенные мною доводы: это — кончина жены г. Рейбаса въ цвѣтущихъ лѣтахъ и первыми родами. Беременная дочерью, она была слаба и, можетъ быть, уже больна. Изъ сказаннаго г. Рейбасомъ я заключилъ, что жена его, по возвышенности чувствъ, была выше своего сословія, а здоровья слабаго, какъ обыкновенно всѣ натуры преждевременно развитыя, не подходящія подъ общій уровень. Это обстоятельство предписываетъ намъ чрезмѣрную осторожность. Мнѣ хотѣлось бы собрать точныя и подробныя свѣденія на счетъ болѣзни г-жи Рейбасъ. Къ несчастію, докторъ, пользовавшій ее въ послѣдніе годы жизни, давно уже умеръ. Не поможете ли вы мнѣ, милостивый государь, въ этомъ случаѣ? Соберите ваши воспоминанія, и сообщите мнѣ ихъ въ слѣдующій мой визитъ къ вамъ, которымъ не замедлю.

Много осчастливленъ, милостивый государь, вашею дружбой и довѣріемъ. Я, дѣйствительно, всѣмъ сердцемъ раздѣляю ваше безпокойство и огорченіе. Прошу васъ также вѣрить, что мнѣніе, которое выскажу на одинъ изъ вопросовъ вашихъ, внушено мнѣ отнюдь не самолюбіемъ. Я всегда готовъ и, пожалуй, если вы опять изъявите желаніе — приглашу нѣкоторыхъ товарищей для руководства взаимнаго

Digitized by Google

опытностью. Но прежде осмѣлюсь представить на ваше разсмотрѣніе два замѣчанія, которыя, можетъ быть, заставятъ васъ отклонить эту мѣру. Во-первыхъ, здѣсь дѣло идетъ не объ сложной болѣзни и не объ неизбѣжной опасности — единственныхъ случаяхъ для такаго рода консультацій; во вторыхъ, необходимо, чтобъ доктора видѣли дѣвицу Рейбасъ въ одно время со мною, что, по моему мнѣнію, могло бы не только огорчить ее, но и повредить ей — стало-быть, если такое свиданіе излишнее, то лучше избѣжать его. Прошу васъ подумать объ этомъ; увѣряю притомъ, что въ отношеніи собственно къ себѣ, я охотно бы рѣшился на такую мѣру: она сняла бы съ меня часть отвѣтственности, возможность которой я слишкомъ чувствую. Впрочемъ я скоро увижусь съ вами, и мы переговоримъ и объ этомъ пунктѣ и объ другихъ.

Примите, г. Пасторъ, изъявленіе моей искренней преданности и уваженія. Мегра.

CLXXV. *Луиза къ Отцу.* — Изъ Морнекса.

Любезный батюшка, боязнію своей, чтобъ я какъ-нибудь не натрудила себя, вы вынудили меня на обѣщаніе не писать къ вамъ. Простите ли мое ослушаніе? — да, конечно, простите, потому что вы хотите, чтобъ я удовлетворяла всѣ свои желанія, а мнѣ ничего такъ не хочется, ни что такъ не пріятно, какъ бесѣда съ вами.

Вы оставили меня очень печальной и встревоженной. Я упрекала себя, зачѣмъ не могла съ большей твердостью перенесть свиданія съ г. Превероиъ и отпустила васъ съ такимъ грустнымъ впечатлѣніемъ. Но, увѣряю васъ, добрый батюшка, минуты эти продолжались недолго, и теперь, еслибъ вы могли меня видѣть, вы бы успокоились.

Только что вы уѣхали, г. Преверъ вернулся ко мнѣ. Онъ прочелъ мнѣ проповѣдь и молитву; его бесѣда, благочестіе, нѣжность, имѣли на меня успокоительное дѣйствіе. Сгоните же, любезный батюшка, съ лица вашего то грустное выраженіе, отъ котораго мнѣ становится такъ больно. Пусть сонъ вашъ будетъ спокоенъ, пусть онъ укрѣпитъ васъ и возвратитъ прежнее ваше здоровье. Вы всегда такъ тревожитесь за свою Лизу; подумайте же, сколько у ней причинъ тревожиться за васъ и, ради ея удовольствія, успокойтесь.

Въ слѣдующіе дни мы распредѣлили наше время какъ можно лучше и удобнѣе для того, чтобъ мнѣ пользоваться спасительнымъ присутствіемъ г. Превера. Онъ такъ добръ, что примѣняется къ моимъ причудамъ и къ заведенному у насъ порядку. Вы знаете, какъ я лѣнива

Digitized by Google

и потому завтракать положено въ девять часовъ, а если—случается— и въ этотъ поздній часъ я еще не проснулась, то меня не будятъ. Не дальше, какъ третьяго дня, дочка ваша, въ одиннадцать часовъ, изволила еще почивать крѣпкимъ сномъ: кажется этого достаточно, чтобъ и батюшкѣ почивать спокойно. Послѣ завтрака, мы садимся на галлерею, гдѣ г. Преверъ ведетъ со мной духовную бесѣду, и старается помочь душѣ, столько страдавшей и такъ часто забывавшей свои обязанности. Дѣйствительно, милый батюшка, кажется, мы — и вы также, но особенно я, — во время страха и тревоги поступали такъ, какъ будто упованіе наше на Бога было не твердо и не истинно,—какъ будто оно измѣнялось смотря по тому, радости или напасти Онъ посылалъ на насъ: это оскорбленіе для Бога, а для насъ — величайшее изъ несчастій. Представляю себѣ, на примѣръ, еслибъ я лишилась васъ и до того предалась бы скорби, что сочла бы себя покинутою и забыла бы, что со мной Богъ и Его обѣщанія, — такая недостаточность преданности и любви къ Богу, слабость и отчаяніе мое были бы оскорбительны для милосердія Божія, для Его правосудія и всемогущества; такимъ поведеніемъ, несообразнымъ съ вашими предписаніями, безсиліемъ побороть скорбь, укрѣпиться изъ любви къ вамъ — я оскорбила бы и память вашу. Такъ-то, любезный батюшка.... Скажите, могла ли бы я проповѣдывать такимъ образомъ, еслибъ сердце мое было тревожно, и еслибъ тѣло болѣло? Но ежели, позднѣе, Богу угодно будетъ призвать меня къ себѣ прежде васъ, то увѣряю, одно только помѣшало бы мнѣ принять волю Его какъ благодѣніе — мысль, что упованіе ваше недостаточно твердо для перенесенія такого удара. Намѣренія Господни намъ не извѣстны: я слабѣе васъ, вы гораздо старѣе меня.... Добрый батюшка, пока мы спокойны, пока сердца наши раскрыты, пока можемъ разсудить здраво, укрѣпимся твердостью и покорностью, дадимъ другъ другу обѣщаніе, въ часъ разлуки, опереться на скалу упованія, дадимъ слово никогда не оскорблять, ни огорчать памяти одинъ другаго; чтобы тотъ изъ насъ, кто первый пойдетъ къ матушкѣ, не унесъ съ собой ужасной мысли, что покидаетъ товарища въ отчаяніи, одинокимъ, подвергаетъ его роптанію, предаетъ мученіямъ на землѣ, вмѣсто покорности и надежды — признаковъ и плодовъ упованія, начатковъ будущаго соединенія и залоговъ небеснаго блаженства.

Вотъ, скажете вы, проповѣдница! дитя думаетъ предписывать отцу!.. Правда, мнѣ немножко совѣстно, но было бы еще совѣстнѣе, еслибъ вы не избаловали меня такъ своей нѣжностью. Вы сдѣлали меня царицей вашего дома, распорядительницей въ вашемъ хозяйствѣ, и я, какъ всѣ

Digitized by Google

сильные, возвышаю голосъ и позволяю себѣ высказывать вамъ свои мысли. Къ счастью еще, я извлекаю ихъ не изъ бѣдной головы моей, а изъ сердца, куда онѣ вложены моимъ наставникомъ; а съ г. Преверомъ никто изъ насъ не желалъ бы спорить, потому что — знаемъ — слова его скрѣплены Евангельской истиной, провѣрены его опытностью и доказаны его жизнію. Стало-быть, хотя я дитя, но передаю истины, которыя могутъ быть выслушаны отцомъ, и умоляю его принять ихъ со вниманіемъ и запечатлѣть вмѣстѣ со мной во глубинѣ сердца.

Я забываю, что хотѣла описать вамъ бытъ нашъ. Послѣ бесѣды, въ хорошую погоду мы гуляемъ по окрестностямъ. Въ понедѣльникъ отправились къ Езери. Г. Преверъ говорилъ обо мнѣ, объ васъ; обо всѣхъ предметахъ, намъ попадавшихся. Онъ пожелалъ видѣть замокъ, что издали кажется обширнымъ и значительнымъ, а вблизи представляетъ однѣ дикія развалины. Живущіе въ немъ добрые люди вынесли для насъ на террасу скамью. Въ то время какъ мы любовались великолѣпнымъ видомъ, къ намъ подошелъ сельскій пасторъ. Г. Преверъ отнесся къ нему съ нѣкоторыми вопросами; Пасторъ разсказалъ намъ много любопытнаго объ замкѣ Езери, также объ замкѣ де-ла-Рошъ, видномъ на горизонтѣ у подошвы Борнь. Послѣ этого разговора, мы возвращались домой лѣсомъ до ручья, черезъ который переходятъ близъ Эссерта, Волчьимъ мостомъ. По эту сторону много прекрасныхъ дорогъ, и я надѣюсь познакомиться съ ними, если мы еще пробудемъ здѣсь весну. Возвратившись изъ путешествія обѣдаемъ. Г. Преверу угодно было, чтобъ Марта, по прежнему, сидѣла за нашимъ столомъ, хотя она изъ уваженія къ нему, и убрала было свой приборъ. Послѣ обѣда — въ ту пору до вечера уже недалеко — я приказываю затопить въ комнатѣ г. Превера, гдѣ бесѣдую съ нимъ или слушаю его чтеніе до самаго отхода ко сну. Отославши Марту на верхъ, помедливши нѣсколько минутъ въ благоговѣйномъ размышленіи, г. Преверъ принимается за вечернюю молитву. Какая прекрасная молитва, добрый батюшка! съ какимъ усердіемъ онъ ее произноситъ, сколько въ ней трогательной истины, вѣры, упованія, сколько кротости и силы, только одному г. Преверу свойственныхъ и такъ оживляющихъ сердце! Въ молитвѣ о здоровьѣ дочери, онъ не забываетъ просить и о ниспосланіи терпѣнія, мира и твердости — отцу. Послѣ молитвы, мы разстаемся, и тотчасъ же ложимся: такъ заведено у насъ г. Преверомъ.

Дни не проходятъ у насъ даромъ, какъ видите, добрый батюшка, а ночи — повторяю вамъ — провожу гораздо спокойнѣе. Еслибъ еще могла каждый день цѣловать васъ, то вполнѣ бы довольствовалась тѣмъ

Digitized by Google

счастіемъ, на какое могу разсчитывать въ настоящихъ обстоятельствахъ, Когда подумаю, что вы заняты дѣлами въ приходѣ, что вамъ пріятно побывать тамъ, что всѣ такъ рады васъ видѣть, то съ этими мыслями легче переношу свое временное лишеніе, наслаждаюсь присутствіемъ г. Превера, котораго я такъ давно не видала и благодарю васъ за то, что замѣнили имъ себя. Не бойтесь же, избавьтесь отъ захваченной вами отсюда тревоги, и спокойно занимайтесь дѣлами, чтобы не пропало для нихъ время вашего пребыванія въ приходѣ. Передайте мои ласки оставленнымъ тамъ друзьямъ, позабавьте отъ моего имени чѣмъ нибудь дѣтей, особенно же мою милую сиротку. Никакихъ другихъ порученій вамъ не дѣлаю, потому что на счетъ бѣдныхъ моихъ распорядился г. Преверъ. Онъ проситъ васъ прислать мнѣ мою прялку, а я обѣщаю попробовать снова приняться за нее. Проѣздомъ черезъ Женеву, на обратномъ пути, не забудьте купить теплое платье для подарка Мартѣ къ празднику. Вотъ сколько коммисій, любезный батюшка. Какъ и всегда, я употребляю во зло вашу доброту. Примите дружескія порученія Г. Превера и Марты, вмѣстѣ съ нѣжнымъ поцѣлуемъ вашей дочери.

Луиза.

CLXXVI. *Органистъ къ г. Преверу.* — Изъ прихода.

Ровно двѣ недѣли какъ я въ приходѣ, любезнѣйшій мой г. Преверъ, а дѣла съ нынѣшняго дня для окончанія начатаго предстоитъ больше, нежели сколько было въ день пріѣзда, при начинаніи. Связался я съ плотниками; народецъ этотъ любитъ растянуть однодневную работу на цѣлый мѣсяцъ: то у нихъ известка хорошенько не просохла въ каждой кладки, то горла себѣ не промочили, оттягиваютъ по четверти часа съ каждаго шва. Еще помѣшкать, такъ пожалуй бы дождались, — послѣ добраго мороза (только что вышедшій альманахъ сулитъ лихую зиму),—южная стѣна рухнулась бы въ садъ, за ней обвалилась бы и кровля и брусья, что подъ нею, а извѣстно, въ такихъ несчастныхъ случаяхъ одна часть стѣны тянетъ за собой и другую — и колокольня, построенная въ давнее время, лишенная подпоры, могла бы обрушиться на церковь, тѣмъ паче что и колоколъ подается на эту сторону. По этому случаю, для лучшаго осмотрѣнія, я лазилъ туда. Колоколъ-то съ языками еще туда-сюда, а остальное держится будто по привычкѣ. Во многихъ мѣстахъ дождемъ промыло известку снаружи, камень крошится, либо разлетается пылью. Кромѣ прежнихъ незадѣланныхъ трещинъ, я насчиталъ еще двѣ новыя,—такія, что руку легко просунуть. Эти двѣ

Digitized by Google

прошлогодняя; въ запрошломъ году не видать ихъ было тамъ, да и изломъ свѣжее и не засоренъ, какъ другіе, обломками и насѣкомыми. Полагаю, на слѣдующій годъ, тутъ понадобится проемный ключь, хотя уже опасность и отвращена поправкою южной стѣны, низъ которой я велѣлъ сдѣлать заново. Что касается до колокольной крыши, она стоитъ не болѣе двадцати лѣтъ и совсѣмъ новёхонька; звонарь Франсуа называетъ ее »шапкой новобранца на головѣ ветерана.« Нашелъ я тамъ сову: ужъ куда не хотѣлось мнѣ ее брать. На деревнѣ потѣшаются ею.

Это заставляетъ меня думать, любезнѣйшій г. Преверъ, что двухнедѣльный срокъ, назначенный мною должайшимъ, слишкомъ недостаточенъ; къ нему прибавить хоть бы еще столько же. Правда, могли бы и вы, возвратившись, слѣдить за окончаніемъ этой работы; но есть другія, за которыми хотѣлось бы присмотрѣть самому: внутреннія работы, требующія хозяйскаго надзора, сколько ради экономіи денежной, столько и для сбереженія домашнихъ вещей, дабы эти люди, исправляя съ одной стороны, не истребляли бы съ другой. Главное же мое побужденіе — Луизино письмо. Изъ него я увидалъ, хотя и сквозь грусть, что при васъ она чувствуетъ себя лучше, что слова ваши укрощаютъ ея тоску, какъ я и предвидѣлъ. Давно уже, любезный мой г. Преверъ, я не слыхалъ отъ нея такихъ спокойныхъ рѣчей; она, на примѣръ, описываетъ мнѣ ваше житье, упоминаетъ объ Езерскомъ Пасторѣ, который разсказывалъ вамъ исторіи на террасѣ замка. Письмо ея болѣе сходитъ на улыбку, чѣмъ на слезы. Между прочимъ, хвалится крѣпкимъ сномъ, рекомендуя и мнѣ спать по прежнему. Пріятныя слова эти будто озарили меня яркимъ свѣтомъ; воспріимчивый къ надеждѣ, въ самыхъ зловѣщихъ словахъ ея я увидалъ скорѣе остатки прошедшей бури, нежели предвѣстіе новой. Въ четвергъ я былъ одинъ на верхнемъ лугу, когда мнѣ принесли письмо. Въ этомъ уединеніи оно сильно тронуло меня. Я окинулъ взглядомъ даль, и въ чувствахъ своихъ нашелъ сходство съ моимъ впечатлѣніемъ: также, сквозь вечерній туманъ прорывались кидѣ лучи солнца, блѣдные, правда, но для поздней поры все-таки радостные предвѣстники ясной погоды.

Мнѣ необходимы были эти слова, дабы изгладить изъ памяти унесенное изъ Морнекса, какъ субботнее впечатлѣніе вашего пріѣзда, такъ и воскресное — при утреннемъ разставаньи съ вами, когда горечью замкнутыя уста ея не вымолвили мнѣ ни единаго словечка, когда не нашлось ни одной ласки въ сердцѣ ея, всегда для васъ открытомъ. Разставшись съ вами, сидя одиноко и неподвижно въ крытой телѣгѣ, я почувствовалъ ужасную тоску; велѣлъ остановиться и спустился съ

Digitized by Google

горы пѣшкомъ, чтобъ быть, по крайней мѣрѣ, въ сообществѣ горъ, воздуха и неба, которое всегда представляю себѣ жилищемъ Божіимъ, хотя знаю, что Богъ вездѣ и что всевидящее око Его и въ глубинѣ пещеръ и на обнаженной вершинѣ горъ. Миновавши Этрембіеръ, боясь, чтобъ опять тоска не напала на меня въ этомъ четырех-колесномъ ящикѣ, я посадилъ въ него возницу; самъ же, взявши кнутъ и возжи, сѣлъ на его мѣсто. Отсюда я могъ, по крайней мѣрѣ, развлекаться деревенскими видами и правилъ лошадью, животнымъ пугливымъ (испугалась оставленной на дорогѣ виноградной бочки) и—пожалуй—съ воровомъ, кабы ртачиться-то ей еще подъ лѣта.

Кстати, г. Преверъ, по осмотрѣ нашихъ приходскихъ лошадей, я нашелъ, что кобыла отслужила ужъ свою службу; она еще, правда, на ногахъ и кое-на-что годится, да въ челюсти ни одного зуба: всѣ, какъ есть, до самыхъ корней потрачены. Бѣдное животное ѣстъ съ трудомъ, все время сна уходитъ у него на ѣду, что и замѣтно: бока торчатъ словно органныя трубы, глаза отъ худобы наружу выдались. Изъ жалости слѣдовало бы убить кобылу, чтобъ не пришлось ей, за двадцати-пяти-лѣтнюю добрую службу, умереть съ голода передъ яслями. Осла же нашелъ молодцомъ: дѣлаетъ свое дѣло, или, лучше сказать, предоставляетъ другимъ справлять на себѣ дѣло, не знаетъ ни заботъ, ни недостачи въ репейникѣ. Теперь для работъ онъ не нуженъ, а между тѣмъ дороги начинаютъ портиться, и Лунзѣ бы пріятно было ѣздить на немъ по упомянутымъ ею дорогамъ, слѣдовательно я и рѣшился отправить его къ ней. Завтра съ разсвѣтомъ младшій Леграндъ свезетъ на немъ это письмо. Вы скажете Легранду, можете ли остаться въ Морнексѣ еще на двѣ недѣли; г-нъ же Дерве согласенъ замѣнять васъ, сколько вамъ угодно, до самой пасхи.

Хотя и въ Морнексѣ я каждое воскресенье прочитывалъ проповѣдь, но мнѣ нетерпѣливо хотѣлось въ храмъ. Въ воскресенье я и былъ въ церкви, но пѣніемъ управлять не хотѣлъ, чтобы послушать, каково справляется Брелазъ. По правдѣ, я не былъ доволенъ, какъ онъ при мнѣ ни старался воздерживаться отъ ритурнелей между колѣнъ. Его пѣніе не уважительно; сравнивъ оное со всадникомъ, сказалъ бы: онъ слишкомъ распускаетъ возжи, а капризное животное то отстаетъ, то впередъ заходитъ, а ровнымъ шагомъ нейдетъ. Онъ забываетъ что у пѣвчаго глазъ вмѣсто плетки: ребята ли фальшивятъ, старики ли протягиваютъ — достаточно взгляда, движенія бровей, чтобы поправить и уровнять ихъ. Онъ забываетъ также, что если самъ не принаровится къ органу, то выходитъ — два господина будутъ приказывать, а ко-

Digitized by Google

тораго слушать, неизвѣстно. Къ счастью, я былъ тутъ и поддерживалъ ихъ въ трудныхъ мѣстахъ, такъ что крестьяне сравнивались незамѣтнымъ-образомъ, и г. Дерве могъ не сѣтовать на разладицу. Выходя изъ церкви, я сказалъ Брелазу, что въ слѣдующее воскресенье самъ буду управлять пѣвчими и онъ бы не пѣлъ, а меня слушалъ.

Что касается до г. Дерве, онъ угостилъ городскою проповѣдью. Крестьяне нашли ее прекрасною, хотя и поняли не больше моего. Когда мысль справедлива, рѣчь сильна, тогда она мѣтко попадаетъ, слово становится остреемъ, насквозь просѣкающимъ тѣ оболочки, которыми сатана обвертываетъ совѣсть. Рѣчь г. Дерве не произвела такого вліянія; въ ней было больше цвѣтовъ, чѣмъ плодовъ, да и тѣ больно высоко висѣли надъ головой, трудно было тянуться за ними. Нужно знать крестьянъ, чтобъ наставлять ихъ, тронуть ихъ можно только сильными потрясеніями. У нихъ свои добродѣтели, всегда искушаемыя кабакомъ, свои пороки тяжелые и упорные. Для первыхъ необходима крѣпкая опора, для вторыхъ удары сильные и ловкіе; если же нѣтъ ни того, ни другаго, то весь шумъ лишь на вѣтеръ. Видно, думалъ я про себя, у городскихъ, что кожа на тѣлѣ нѣжная — не нашей чета, то и совѣсть не какъ у насъ — загрубѣлая, коли эти цвѣты, безъ шиповъ, могутъ задѣть и поранить ее.

Впрочемъ мнѣ пріятно было — хотя и не безъ горькой примѣси — снова увидѣть приходъ и людей, и мѣста. За часъ до пріѣзда, еще по ту сторону Вернье, около лѣса, почувствовалъ уже сердце не на мѣстѣ, когда увидалъ на дорогѣ Бессоновъ, видно предувѣдомленныхъ и шедшихъ ко мнѣ на встрѣчу. Мы пожали другъ другу руки, съ женой его — куной мнѣ по третьему Редарову ребенку — поцѣловолся. Усадить ихъ всѣхъ съ собой было негдѣ, я сошелъ и мы пошли вмѣстѣ; но при поворотѣ къ Шульи, вижу — на закраинѣ рва — сидятъ, ждутъ меня всѣ Дюрюзы, даже осьмидесяти-двухъ-лѣтній дѣдъ, для котораго они и остановились передохнуть; дальше встрѣтилъ Редаровъ съ моимъ крестникомъ, съ ними и бѣдную Брахосову и Крозатову, съ которой перемолвилъ на счетъ ея примиренія съ Богомъ; у родника встрѣтилъ Фрозетовъ, Дюрановъ, Жакелину кривую, звонаря Франсуа, Элизу Розетъ, маленькую Камбатову и Луизину сироту. Всѣмъ и каждому надобно было начинать сызнова. Я охотно сообщалъ имъ морнекскія новости, хотя эти пріятныя минуты свиданія сближали мою радость съ горемъ. Тяжело было принужденіе, но я устоялъ, пока снизу приходскаго луга не замѣтилъ Луизинаго окошечка и кругомъ деревьевъ, виноградниковъ.... Каждое деревцо, каждый виноградникъ приводили

Digitized by Google

мнѣ на память сельскія удовольствія и ежедневныя радости.... Сердце надорвалось, я попросилъ оставить меня, прошелъ за заборъ, и тамъ, на свободѣ, далъ волю горькимъ и обильнымъ слезамъ. Подбѣжавшій Дуракъ пристыдилъ меня своими шумными ласками. Превозмогши слабость, я пошелъ далѣе и, чтобы скорѣе покончить съ остальными впечатлѣніями, — прямо къ Луизиной комнатѣ. Открылъ ставни и проникнувшій въ комнату вечерній свѣтъ указалъ мнѣ на двѣ ея вазы съ высокими растеніями. Тяжко было мнѣ видѣть ихъ.

По окончаніи послѣобѣденнаго ученья, г. Дерве уѣхалъ къ себѣ. Ко мнѣ пришелъ поздороваться Антуанъ, пришли поденщикъ, работники. Виноградный сборъ уже конченъ. Вино будетъ жестко, и не въ такомъ изобиліи, какъ полагали до сентябрскаго града. За выключеніемъ вина нужнаго для вашего употребленія, убавленнаго третью, уходившею за насъ, я все продалъ по четыре су за пинту на наличныя. Оная сумма и пойдетъ на распоряженія; остальное доберется на сѣнѣ, — на немъ предвижу выручку, потому что на моихъ лугахъ вода не просыхала, между тѣмъ какъ окружные спалены засухою. По продажѣ, сведу свои счеты и выдѣлю третью долю на содержаніе несчастнаго, какъ я уже обѣщалъ, и въ чемъ, надѣюсь, вы мнѣ не помѣшаете. Не говорю вамъ ничего объ ужасныхъ впечатлѣніяхъ, неразлучныхъ съ воспоминаніемъ о немъ при видѣ каждаго мѣста, будто заклейменнаго безчестіемъ его родителей. На селѣ меня не распрашивали объ немъ, что меня, по истинѣ, облегчило. Хотѣли что ли они поберечь меня? думаю такъ, тѣмъ болѣе, что, не зная сущности Шампенова открытія, они, не порицая меня, все-таки, изъ сожалѣнія къ Луизѣ, сострадаютъ несчастному.

На другой день я принялся ужъ за дѣло, отложивши изъ собраннаго нужное для насъ, чтобъ остальное продать въ свое время. Въ слѣдующій за тѣмъ день — во вторникъ, съѣздилъ въ Женеву. Тамъ надобно мнѣ было запастись нѣкоторыми статьями, понадобившимися вслѣдствіе одной мысли, которую сейчасъ вамъ сообщу; намѣренъ былъ также исполнить давнишнее свое обѣщаніе — завернуть къ Шампену. Но, проѣзжая городомъ, при поворотѣ Кутанса, вдругъ увидалъ его. Шампенъ стоялъ передъ продавицей и торговалъ рѣпу: чѣмъ бы мнѣ сойти, да поздороваться, я испугался чтобъ онъ не обернулся и не замѣтилъ бы меня.... А между тѣмъ мы семь лѣтъ не видались.... да; но отвращеніе, подобающее нечистотѣ, падаетъ и на того, кто открылъ и разворошилъ оную нечистоту, хотя бы и съ добрымъ намѣреніемъ. Показалось мнѣ, сколько могъ замѣтить въ столь короткое время, что

Digitized by Google

онъ постарѣлъ: видна еще сила въ плечахъ и гордость въ походкѣ, но спина согнулась, ноги отяжелѣли отъ опухоли, для ходьбы нужна ужъ палка — третья нога стариковъ и хворыхъ.

Теперь, выскажу вамъ, г. Преверъ, помянутую мысль мою. Хочу поновить и прибрать Луизину комнату, въ которой не было никакихъ поправокъ съ тѣхъ поръ, какъ покойница моя Тереза разрѣшилась въ ней Луизою. Эта мысль пришла мнѣ въ голову, когда я разсматривалъ высохшія растенія и цвѣты, разбросанные по полу, до того уже устарѣлому, что сучковатыя мѣста въ деревѣ, болѣе уцѣлѣвшія, выдаются словно камни на мостовой; панели порыжѣли отъ ветхости, а стѣна обклеенная обоями, въ свое время красивыми, совсѣмъ выцвѣла и тѣмъ неприглядѣе, что въ иныхъ мѣстахъ заплачена новыми лоскутами. При этихъ поправкахъ нужно будетъ передѣлать и окно и дверь. Притронуться къ развалинѣ значитъ новый домъ строить, — знаю я это; но, увлекшись такими издержками, нашелъ въ нихъ тѣмъ болѣе удовольствія и наслажденія, чѣмъ онѣ несоразмѣрнѣе съ моими средствами. Въ этомъ занятіи здѣсь моя пища, мнѣ станетъ ея и на зиму, а весною надѣюсь ввести Луизу въ убранное жилище.

Тотчасъ же у меня приступили къ дѣлу каменщики и плотники; работа подвигается, все постепенно обновляется. Свѣжій и приличный видъ, такъ подъ-стать къ Луизѣ, что я спрашиваю себя, какимъ образомъ могъ, въ продолженіи стольнихъ лѣтъ видѣть ее въ такомъ убогомъ жильѣ, и до сихъ поръ ничто не придумалъ. Перездѣланный полъ — изъ хорошей и прочной сосны съ двумя полосами орѣховаго дерева, идущими на крестъ по срединѣ. Верхняя перекладина не шла къ этому свѣтлому паркету, — я велѣлъ задѣлать ее штукатурнымъ потолкомъ; вокругъ обведутъ карнизъ, дюйма на три отступя отъ стѣнъ. На глазахъ у меня также дѣлается окно о шести стеклахъ порядочной величины съ задвижкой о мѣдной головкѣ. Дверь, какъ и окно же, будетъ дубовая, съ новымъ замкомъ, съ запоромъ изнутри и снаружи: все сдѣлается въ слѣдующій четвергъ, а на другой за тѣмъ день приладится. По малости комнаты нуженъ бы былъ и шкафъ соразмѣрный, вмѣсто того большаго гардеробнаго изъ орѣховаго дерева; но вѣрно Луиза, также какъ и я, не узнала бы своей комнаты безъ этой мебели, вошедшей въ домъ вмѣстѣ съ ея матерью; слѣдовательно, я и оставилъ шкафъ, дабы не отнять у новаго жилья прежней цѣны. Точно также, не сдѣлалъ никакихъ измѣненій въ постелѣ, на счетъ прочности, впрочемъ, незамѣнимой, на которой спалъ еще холостымъ. Оставался столъ: его я нашелъ хорошимъ, и предпочелъ употребить издержки на обивку

Digitized by Google

трехъ стульевъ и кресла; у меня же есть и волосъ, и волнистая матерія, подаренная мною покойницѣ и мнѣ же опять доставшаяся. Скромницѣ Терезѣ — голубой и розовой цвѣта, перемѣшанные на коричневомъ фонѣ, даже для праздничнаго убранства, казались яркими не по званію.

Чтобы прикинуть, сколько нужно матеріи, я во вторникъ возилъ съ собою въ городъ и волосъ и стулья къ одному изъ знающихъ дѣло обойщиковъ, которые, если и возвратятъ матерію не въ цѣлости, то во крайней мѣрѣ, въ своемъ видѣ; впрочемъ, передъ отдачею, я ее вымѣрилъ. Кстати же отправился и за обоями; изъ множества показанныхъ мнѣ, инстинктомъ выбралъ одни: если не ошибся, они должны понравиться Луизѣ. По свѣтлому полю пересѣкается зелень, въ зелени птицы, отъ вѣтки до вѣтки протянуты качели, на качеляхъ пастушка: платье ея подобралъ вѣтеръ — словно парятъ въ воздухѣ. Купецъ увѣрялъ, что цвѣта обоевъ — желтый и зеленый — хорошіе, и что я выбралъ лучшій изъ его товаровъ. У него же купилъ зеркало двѣнадцати дюймовъ длины и семи ширины, въ рамкѣ краснаго дерева, о двухъ подпоркахъ для поддержки и наклоненія. Оно уже на мѣстѣ и любо видѣть, какимъ свѣтомъ отражаются въ немъ небо и липы, будто другое окно въ комнатѣ. Я все привезъ въ тотъ же вечеръ, кромѣ стульевъ: въ субботу Піозеты отправятся на рынокъ съ соломой и захватятъ ихъ съ собой. Солома дорога, — однимъ резономъ больше, чтобъ покончить съ кобылой, если, впрочемъ, за невозможностью ѣсть, ей не суждено умереть голодомъ.

Чтобъ очистить комнату, я долженъ былъ выломать ящикъ отъ стола, потому что въ немъ былъ ключъ отъ шкафа, а шкафъ не иначе можно было протащить въ узкую дверь, какъ разобравши и опрокинувши. Въ потаенномъ ящикѣ нашелъ бумаги, произведшія на меня тягостное впечатлѣніе; хотѣлъ было пересмотрѣть, но тотчасъ же удалилъ съ глазъ долой: то были письма несчастнаго. Долго я боролся, думалъ было ихъ уничтожить, но раздумалъ, уважая намѣреніе дочери и соображая также, что, выломавши замокъ, я дѣйствовалъ втайнѣ и самовластно. Но не успокоюсь, пока нечистыя строки эти у меня въ домѣ, пока онѣ на глазахъ Луизы. Не буду читать ихъ, но возьму къ себѣ; не хочу, чтобъ онѣ осквернили чистенькую ея комнатку, которая все бы казалась мнѣ черной и мрачной, еслибъ я зналъ, что бумаги тутъ. Сколько лѣтъ нужно еще, чтобъ изгладились всѣ слѣды этого несчастнаго!

Пересмотрѣлъ также ея счетную книгу. Всѣ страницы исписаны расходами на милостыни и кое-гдѣ ничтожная трата на себя. Одна изъ таковыхъ милостыней озабочиваетъ меня: она значительнѣе другихъ и

Digitized by Google

помѣчена въ каждые три мѣсяца, отъ перваго по третье, а имени ничьего не выставлено. Сумма доходитъ до 250 флориновъ въ годъ, расходуется около четырехъ лѣтъ и скорѣе походитъ на пенсію, чѣмъ на подаяніе. Значительность и таинственность такой издержки заставили меня поломать голову. Не скрываю отъ васъ, г. Преверъ, мнѣ подумалось на счетъ несчастнаго, и тѣмъ болѣе подумалось, что послѣдняя сумма относится къ недѣлѣ нашего выѣзда изъ прихода. Изъ этого я могъ бы заключить о скрытности Луизы, но пока не разузнаю, не повѣрю; къ тому же, такое подаяніе было бы лишнимъ, при совершенномъ обезпеченіи несчастнаго вашимъ, а теперь и моимъ пособіемъ. Слѣдовательно этотъ пунктъ остается нерѣшеннымъ. Одинаково озаботило меня также письмо къ ней: на конвертѣ женевское клеймо, а подъ нимъ сквозь бумагу видѣнъ другой адресъ, будто письмо изъ другаго мѣста и доставлено стороною. Я соединилъ обѣ тайны воедино и нетерпѣливо жажду объясненія, а письма не распечатаю, чтобъ не оскорбить до сихъ поръ неукоризненной моей Луизы. Да развѣ бы можно обвинить ее, еслибъ, безъ ея просьбы и согласія, осмѣлились къ ней писать изъ Лозанны?

Но я гоню отъ себя эти мысли; завладѣвъ мною, онѣ лишатъ меня послѣдняго покоя и возможности продолжать мои занятія. Мнѣ пріятнѣе думать, что воля моя уважена и довѣренности моей никогда не обманывали; только прошу васъ, г. Преверъ, сказать мнѣ, если что знаете, дабы мы могли вмѣстѣ помочь бѣдѣ и — скорѣе вы; я же, при жолчности своей, способнѣе, въ свою очередь, разстроить Луизу. Обнимите ее за меня, сообщите ей изъ этого письма то, что она можетъ знать и чѣмъ можетъ развлечься, — скажите, что не перестаю думать о томъ днѣ, въ который возвращусь къ ней, чтобъ больше не разставаться.

Съ уваженіемъ, остаюсь вашъ преданный Рейбасъ.

CLXXVII. *Г. Преверъ къ Органисту.* — Изъ Морнекса.

Спѣшу отвѣчать вамъ, любезнѣйшій г-нъ Рейбасъ, чтобы уничтожить ваши подозрѣнія и предупредить всякое, съ вашей стороны, безразсудство. Но въ этомъ не главный предметъ письма. Я намѣренъ прямо напасть на самыя законныя ваши предубѣжденія и съ рѣшительнымъ ударомъ приступить къ вашему сердцу. На этотъ разъ не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, и прошу только Бога, вслѣдъ за вашимъ великимъ пожертвованіемъ, благословить насъ величайшею своею милостью.

Digitized by Google

Но прежде, любезный мой Рейбасъ, отгоните всякое недовѣріе на счетъ Шарля; я отвѣчаю вамъ за него, какъ за самаго себя. Никогда онъ не думалъ и не подумаетъ нарушить своихъ обѣщаній, обманывать вашего и моего довѣрія. Между тѣмъ какъ вы сообщаете мнѣ свои подозрѣнія, онъ не смѣетъ писать къ Мартѣ, потому — говоритъ — что она слишкомъ близка къ Луизѣ, считая и это для себя запрещеннымъ; между тѣмъ какъ вы воображаете его способнымъ пользоваться тайнымъ подаяніемъ Луизы, онъ проситъ у меня позволенія довольствоваться собственными средствами; между тѣмъ, наконецъ, какъ вы представляете себѣ его способнымъ ослушаться и обмануть, этотъ молодой человѣкъ оказываетъ высокія свойства и трудныя добродѣтели: изъ бездны отчаянія и всевозможнаго отвращенія, онъ обращается къ избранной мною для него карьерѣ, готовится посвятить на служеніе Богу и людямъ жизнь, лишенную счастія, сердце, сокрушенное всевозможными страданіями. Вотъ каковъ Шарль, г-нъ Рейбасъ; не будьте же къ нему недовѣрчивы. Если и есть тайна въ этомъ письмѣ и въ этихъ подаяніяхъ, то вѣрьте, ею прикрытъ какой-нибудь прекрасный христіанскій поступокъ, берегитесь усомниться въ этомъ, также какъ и приподнимать завѣсу съ Луизиныхъ благодѣяній.

Обращаюсь теперь къ предмету, которымъ я полонъ. Я видѣлъ Луизу.... Страхъ и все предвидѣніе мое были основательны: она гибнетъ, умираетъ!.... Страшно слышать такія слова, любезный мой Рейбасъ: онѣ раздираютъ вашъ слухъ, пронзаютъ ваше сердце, но я долженъ вамъ сказать ихъ; безъ нихъ вы не признали бы всей силы доводовъ, которые тотчасъ же должны склонить вашу волю, ослабить важность открытій на счетъ Шарля и освободить меня отъ обязательствъ въ отношеніи къ вамъ. Надобно, чтобъ вы согласились возвратить Шарля Луизѣ. Не утверждаю, что такое позднее рѣшеніе спасетъ ее; не знаю даже — можно ли будетъ, не только теперь, но спустя много времени, объявить ей объ этомъ; но необходимо, чтобъ мы всегда были готовы надеждою освѣтить эту скорбную душу, какъ скоро тѣло ея нѣсколько укрѣпится. Въ этомъ будетъ послѣднее средство для попытки, если здоровье и силы ея будутъ клониться къ упадку. И такъ, я нетерпѣливо жду вашего отвѣта. Луиза спокойна, бесѣда моя подѣйствовала на нее, я облегчилъ ее, подкрѣпилъ, и каждую минуту мнѣ можетъ представиться благопріятный случай упрочить раждающееся спокойствіе живительнымъ лучемъ надежды. Но, безъ вашего уполномоченія, я этого не сдѣлаю, какъ ни дороги дни, минуты.... Не противьтесь, берегитесь произнесть отказъ.... Я говорю съ вами, умоляю васъ у могилы вашей

Digitized by Google

дочери.... Если отвергнете мою просьбу, мнѣ останется только приготовить Лунзу сойти туда....

Неужели недостаточно этихъ убѣдительныхъ причинъ, на которыя настаиваю именемъ достойнаго доктора, видѣвшаго Лунзу? Пожалуй, приведу и другія, приведу ихъ, хотя наскоро, чтобы позднѣе горько не упрекнуть себя въ упущеніи. Вы слишкомъ слушались, г-нъ Рейбасъ, своего инстинктивнаго отвращенія, которое христіанинъ обязанъ бы былъ преодолѣть даже и въ такомъ случаѣ, когда бы невнятный и опасный голосъ ихъ не заглушался ни собственными вашими выгодами, ни отеческою вашей нѣжностью. Вы винитесь передъ Богомъ въ злопамятствѣ, въ отвращеніи, въ недостаткѣ любви, но, передъ Богомъ же, вы предаетесь этимъ чувствамъ, когда отъ васъ зависитъ искоренить ихъ, когда все вмѣняетъ вамъ это въ обязанность и необходимость. Добрый другъ мой! На этотъ разъ приступите къ дѣлу! Испытуйте эти внушенія, убѣдитесь, что тѣ тяжелыя ощущенія, о которыхъ вы мнѣ говорите, суть вражьи плевелы гордости ослѣпляющей, губительной, подавляющей. Если же вы признаете ее въ себѣ, то уничтожьте милосердіемъ. Вспомните тотъ день, когда вы услыхали въ церкви призывъ милосердія и когда, за доброе дѣло, по искреннему внушенію сердца, вы примирились съ Богомъ и сами съ собою. За часъ до того призыва, вы разсуждали какъ теперь: вы одобряли себя, не ощущая внутренняго довольства, оправдывали себя и не могли оправдать.... Часомъ позже, вы плакали, а чувствовали облегченіе; приносили жертву, а между тѣмъ обогащались, вы насиловали всѣ свои побужденія, всѣ свои отвращенія и — чудо непостижимое! Были спокойны, довольны, счастливы, будто во всемъ сообразались только съ собственными желаніями. Вотъ безсмертная, несокрушимая награда Отца Небеснаго за милосердіе, — та, которую Онъ ниспошлетъ вамъ и теперь и всегда, если вы послушаетесь Его гласа и исполните Его предписанія!

Еслибъ даже Лунзино положеніе не внушало мнѣ словъ этихъ, я все-таки долженъ бы былъ сказать вамъ ихъ, любезный мой Рейбасъ. Но неужели, думаете вы, осужденіи самого Шарля, я когда-нибудь согласился бы на причины, заставляющія васъ удалить его — причины, по вашему, непреодолимыя, даже священныя? Неужели думаете, что передъ Богомъ, его рожденіе, его позоръ, какъ вы называете несчастіе молодаго человѣка, — могутъ оправдать долгайшее съ вашей стороны упорство?.... Но, добрый другъ мой, независимо отъ грубаго и жестокаго предразсудка, васъ подчиняющаго, покажите же мнѣ законъ, обязующій васъ наказывать сына за преступленіе родителей? Укажите мнѣ

Digitized by Google

въ Евангеліи тотъ законъ, который въ настоящихъ обстоятельствахъ, при любви и выборѣ Луизы, не предписалъ бы вамъ, напротивъ, протянуть руки несчастному, спасти его сближеніемъ съ вами, облагородить его рукою дочери? Ахъ, г-нъ Рейбасъ, я знаю васъ такимъ прямымъ, чистосердечнымъ, набожнымъ.... Перечтите, перечтите заповѣди Спасителя; спросите потомъ себя, исполните ли вы ихъ, если будете ожесточаться противъ самыхъ обыкновенныхъ внушеній человѣчества, если погубите дочь во избѣжаніе позора воображаемаго, который при всей дѣйствительности не могъ бы коснуться до нея. Позоръ этотъ еще тайный и отъ васъ зависитъ, чтобъ объ немъ никогда не узнали; но еслибъ и узнали, скажите — гдѣ пятно? гдѣ стыдъ? Развѣ Шарль не воспитанникъ мой, развѣ онъ не дорогое дитя мое?.... Не выше ли для него тысячи другихъ предпочтеній выборъ и любовь Луизы?.... Единственное пятно его не то ли, которымъ вы его клеймите, удаляя отъ себя?.... Еще разъ спрашиваю: гдѣ пятно? гдѣ стыдъ?.... Стыдъ въ сердцахъ тѣхъ, кто не почтилъ бы вашего милостиваго поступка; стыдъ на лицахъ тѣхъ, кто осмѣлился бы порицать оный поступокъ; стыдится свѣтъ слишкомъ ничтожный, слишкомъ завистливый, слишкомъ пустой, можетъ быть, для громогласнаго одобренія вашего поступка, но также слишкомъ добрый, слишкомъ понимающій все прекрасное, благородное и безпристрастное, чтобъ втайнѣ не почтить и не благословить васъ!...

Но мнѣ самому стыдно, любезный другъ мой, такъ долго настаивать: это значитъ не отдавать должной справедливости и вашему сердцу и христіанской вашей покорности предписаніямъ нашего Божественнаго Учителя. Отвѣчайте скорѣе, развяжите меня отъ роковаго обязательства, принятаго съ сожалѣніемъ и сдержаннаго съ горемъ; дайте мнѣ свободу, если еще не слишкомъ поздно — согрѣть эту оледенѣлую, отходящую душу, удержать на землѣ готовую улетѣть на небо....

Оставайтесь въ приходѣ, сколько вамъ нужно. Предложенія друга моего г. Дерве принимаю. Невозможно было бы теперь оставить Луизу. Доктора видѣлъ вчера: во всемъ, о чемъ прошу васъ, онъ согласенъ со мной. Не останавливайтесь ни за какимъ раздумьемъ, и чтобъ отвѣтъ вашъ былъ у меня сегодня же, черезъ нѣсколько часовъ.

Преданный вамъ Преверъ.

CLXXVIII. *Органистъ къ г. Преверу.* — Изъ прихода.

Сейчасъ пробило полночь. Нѣсколько часовъ уже, какъ держу перо и ничего не могу сказать, такъ сильно взволновали вы, г-нъ Преверъ,

Digitized by Google

сердце отца, и безъ того уже слишкомъ несчастнаго. Думаю, однако, что къ утру кончу и эта бумага передастъ вамъ мою волю, обдуманную и непреложную.

Я считалъ себя успокоеннымъ и достаточно защищеннымъ съ той стороны, съ которой вы нанесли мнѣ вашъ рѣшительный ударъ, — ударъ, г-нъ Преверъ, котораго, правду сказать, отъ васъ я опасался менѣе, нежели отъ всякаго другаго. Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, послѣ ужаснаго открытія, я два раза прощалъ этому палачу моему, два раза отдавалъ ему Лунзу, дочь моей Терезы, плодъ ея утробы; единственную отраду моего сердца отдавалъ этому, въ грязи поднятому подкидышу, котораго, не смѣя ненавидѣть, я никогда не любилъ! Я думалъ, что сообразовался съ предписаніемъ Создателя, ибо сокрушилъ свою гордость и въ потѣ лица воздѣлывалъ свой участокъ на полѣ милосердія. И вотъ я все-таки ничего не сдѣлалъ, ничего не заслужилъ, если не приму на себя несмываемаго пятна, если не оскверню ложе дочери отпрыскомъ беззаконія, если не дамъ ей въ матери, взамѣнъ моей Терезы, женщину—злодѣйку, которая живетъ еще, осквернённая тюремнымъ позоромъ! Безъ этого нѣтъ милосердія!! Въ Божіей власти принудить меня, но, пока Онъ не сокрушитъ моей воли, я твердъ и не сдѣлаю этого. Не читалъ я въ законѣ Его предписанія погрузить единственную дочь свою въ бездну нечистоты, и жду отъ Него этой новой заповѣди. Пусть изречетъ Онъ грозный глаголъ Свой, пусть поразитъ меня! Тогда я отдамъ ее, добровольно же не соглашусь на то, что мнѣ кажется преступленіемъ, позоромъ; на это не склонитъ меня голосъ смертнаго, ни даже вашъ голосъ, г-нъ Преверъ, хотя я и привыкъ слушаться и уважать его.

Съ какою несвойственной вамъ жестокостью вы говорите, что для спасенія моей Лунзы мнѣ не миновать этого позорнаго пути, что надобно самому низвергнуть ее въ эту нечистоту, что такъ угодно Богу, что въ этомъ моя обязанность, исполненіе которой зависитъ отъ меня! Какъ жестокъ ужасный выборъ вами предлагаемый — или посягнуть на чистоту дочери, или — быть дѣтоубійцею!.... Нѣтъ, нѣтъ! Страданія мои безконечны, жизнь моя хуже смерти; но я не дошелъ еще до адской пытки выбора между этимъ двоякимъ ужасомъ.... Нѣтъ, нѣтъ! Гнѣвъ Божій имѣетъ предѣлы: Онъ удержитъ карающую руку Свою, Онъ не поражалъ еще міра подобными язвами.... Онъ можетъ лишить меня дочери, но не пожелаетъ ея позорнаго выкупа.... Онъ отниметъ ее у меня, говорите вы? — на то будетъ Его воля, но не отъ моей вины.

Digitized by Google

Г-нъ Преверъ! Вы обличаете мои предубѣжденія — да; я самъ обличалъ ихъ вмѣстѣ съ вами, старался подавить ихъ въ себѣ, и два раза подавлялъ — до этой границы позора, за которую, какъ объявилъ вамъ въ самомъ началѣ, переступить не въ состояніи.... Я въ свою очередь становлюсь теперь обличителемъ, — обличителемъ вашего милосердія! Я всегда отталкивалъ этаго несчастнаго, но вы опять-таки приводили его ко мнѣ.... вы воспитали его подлѣ моей дочери.... вы не старались разузнать объ немъ, когда могли, когда обязаны были, когда такимъ рѣшительнымъ поступкомъ спасли бы всѣхъ насъ!.... вотъ дѣла вашего милосердія! Однакожъ, случилось несчастіе, и я уважалъ ваши побужденія, я щадилъ васъ.... худо вы мнѣ отплачиваете!.... Подобаетъ ли такому христіанину, какъ вы, обременять меня столь чрезмѣрною тяготою, когда и несомая уже не по силамъ мнѣ; — тяготою, родная часть которой слѣдуетъ и вамъ (извините, волненіе дѣлаетъ меня неуважительнымъ); скажу лучше, поровну лежитъ на насъ тяжесть не грѣха, а несчастія; нести ее мы должны купно, помогая другъ другу, тѣснѣе и дружнѣе сближаясь, а не удручая одинъ другаго взаимными обвиненіями....

Возьмите назадъ свою роковую просьбу, г. Преверъ. Пока вы не развязали узелъ, эта цѣпь скорбей будетъ давить и язвить меня; поспѣшайте же. Если же я буду упорствовать, а вы — нападать на меня, — гдѣ будетъ согласіе? Въ иное время, я сдался бы на ваши доводы, но теперь сдайтесь вы, мнѣ и попытки не выдержать. Гласомъ великимъ повторяю вамъ: не стану пить изъ этой чаши! буду служить этому несчастному, полюблю его, если нужно, но къ себѣ не подпущу! Если и по смерти, воля моя будетъ дѣйствительна, то никогда дочери моей не носить его имени! Говорю это вамъ теперь, г. Преверъ, дабы вы вспомнили объ этомъ, не оскорбили бы памяти моей, дали бы мнѣ съ миромъ сойти въ могилу....

Документы у васъ, вы можете ихъ прочесть: мнѣ думается, вы не прочли ихъ, иначе не сдѣлали бы подобнаго предложенія для той, которую любите одинаково со мною и чья чистота должна быть одинаково дорога намъ обоимъ. Что касается до меня, я не хочу ихъ видѣть: въ состояніи ли я прочесть ихъ, когда едва могъ дочитать донесъ Шаупена: съ каждой строкой, казалось, нарушается чистота моей Луизы, въ продолженіи стольких лѣтъ жившей въ короткости съ этимъ несчастнымъ. Едва я могъ написать вамъ и то стороною, не ясно, кто такой вашъ любимецъ; мнѣ казалось страшнымъ и противнымъ любви христіанской много говорить объ этомъ передъ вами. Но прочтите же

Digitized by Google

документы! въ нихъ вы увидите всю нечистоту плоти.... дитя, прижитое въ гнусной связи двухъ злодѣевъ. Прочтите еще! вы увидите бродяжническую жизнь, нищенство, потомъ разбой, потомъ правосудіе, обратившее вниманіе на такія преступленія и отправившее, наконецъ, отца и мать гнить во мракѣ тюремнаго подземелья! И чтобъ я отдалъ свою дочь изчадію такихъ извергов! чтобъ я соединилъ полевую лилію съ дикимъ репейникомъ! и г. Преверъ мнѣ это предлагаетъ или, лучше сказать, приказываетъ, г. Преверъ, облеченный всей властію пастыря и друга, — властію, которую я никогда не переставалъ уважать!.... Нѣтъ, прочтите, прочтите — вы, который любите Лунзу и отца ея, прочтите, и пусть сердце ваше обратится къ правотѣ и истинѣ! Одни документы вамъ рекомендую, не прибавлю ничего болѣе: воля моя несокрушима, какъ горная скала.

Но вы не возвратите мнѣ того временнаго спокойствія, которымъ я наслаждался, когда настигъ меня вашъ рѣшительный ударъ. Занятія мои прошли, какъ сонъ. Эта комната, остановившая мое горе, будто для отдыха на цвѣтущей вѣткѣ, уже не доставляетъ мнѣ удовольствія.... все убранство ея, и струистая матерія, и бѣлыя панели — все сжимаетъ во мнѣ сердце.... Новая бездна раскрылась и — не закрылась; остаются трещины: я не упаду въ нихъ, но онѣ раздвигаются передо мной и тревожатъ воспоминаніями.... Даже та отдаленная пріятная мысль исчезла въ этомъ крушеніи. Недавно я получилъ письмо отъ г-жи де-ла-Куръ. Она уполяетъ меня, при помощи Бога и времени, взаимнымъ содѣйствіемъ къ соединенію дѣтей нашихъ, стараться о прекращеніи столькихъ невзгодъ. Я отвѣчалъ ей, что мысль эта приходила и ко мнѣ, хотя я и не люблю ея сына; но что содѣйствовать ничѣмъ не могу; потомъ, видя Лунзу спокойнѣе, перелом болѣзни ея близкимъ, несчастнаго удаленнымъ отъ насъ, я съ каждымъ днемъ все болѣе привязывался къ этому плану, какъ къ средству, хотя отдаленному, но, покрайней мѣрѣ, возможному и безвредному, какъ къ пристани успокоенія при жизни и по смерти. Но теперь, лишенный вашего согласія, угрожаемый вашимъ нареканіемъ, захваченный врасплохъ, встревоженный посреди спокойствія, я чувствую тщету всякаго покоя, всякой надежды; къ чему ни прислонюсь, обо что ни обопрусь, все измѣняетъ мнѣ, вездѣ я жертва мрака, пустоты и ничтожества.

Разсвѣло. Спѣшу препроводить къ вамъ строки эти, любезнѣйшій г. Преверъ. — Вашъ удрученный скорбію Рейбасъ.

Digitized by Google

CLXXIX. *Г. Преверъ къ Шарлю.* — Изъ Морнекса.

Пользуюсь, дорогое дитя мое, свободной минутой, чтобъ нѣсколькими словами отвѣтить на твое письмо. Еслибъ не было между нами предмета слишкомъ интересующаго насъ обоихъ, объ которомъ я долженъ говорить съ тобою съ величайшей осторожностью, я писалъ бы къ тебѣ чаще, потому что чувствую необходимость бесѣды съ тобой, потому что съ каждымъ днемъ, въ привязанности твоей вижу мое лучшее благо, единственно-полное и нераздѣльное.

Письмо твое, добрый другъ мой, заставило меня пролить радостныя слезы; оно не изумило меня, а, напротивъ, оправдало мои ожиданія. Твое раскаяніе тронуло меня, рѣшимость твоя меня обнадежила. Я увидалъ, что не напрасно уважалъ тебя, что, расчитывая на твое благочестіе и бодрость, соображался только съ твоими силами. Отрадное убѣжденіе, Шарль, осчастливившее меня въ самомъ горѣ! драгоцѣнный признакъ власти твоей надъ собою—залогъ того, чего могу ожидать отъ тебя, если Богу угодно будетъ послать на насъ другія испытанія. Надѣюсь — Онъ помилуетъ насъ, но, если случится иначе, то чтобы не мнѣ уже поддерживать Шарля, а самому бы опереться на него. Ты сдѣлался человѣкомъ, дитя мое; ты съ лѣтами укрѣпляешься, я же слабѣю; съ прискорбіемъ сознаю, что нѣтъ у меня прежней силы для страданія: бодрость еще при мнѣ, но тѣло уже изнемогаетъ.

Вполнѣ одобряю, добрый другъ мой, твое намѣреніе довольствоваться собственными средствами и подчинить себя обязанностямъ и нуждѣ. Я самъ не могъ бы придумать для тебя средства, болѣе дѣйствительнаго въ горѣ и болѣе поощрительнаго для твоей души. Одобряю также избранный тобою образъ жизни и общество молодаго товарища, воспитывающаго одного изъ братьевъ. Въ дружбѣ и въ трудностяхъ новаго положенія ты найдешь вѣрную для себя отраду. Для меня же достаточно увѣренности, что все мое достояніе ты считаешь своимъ и полагаешься на меня, какъ на нѣжнаго отца; я отецъ тебѣ по чувствамъ, добрый другъ мой, и горжусь такимъ сыномъ. Говори обо мнѣ съ твоимъ другомъ; скажи ему, что мнѣ пріятно будетъ съ нимъ познакомиться и что сердце мое не чужое тому, кто вмѣстѣ со мной раздѣляетъ дружбу моего Шарля.

Когда устроишься, ты опишешь мнѣ всѣ подробности твоего новаго образа жизни. Желаю знать также, какіе уроки даешь и кому. Если охотно расположенъ къ этому занятію, слывущему неблагодарнымъ и скучнымъ, то, смѣю увѣрять, найдешь въ немъ интересъ и удовольствіе.

Digitized by Google

Ты начнешь для собственной пользы — намѣреніе похвальное, даже добродѣтель въ настоящемъ твоемъ положеніи; но, какъ скоро къ нему присоединится желаніе быть полезнымъ юнымъ ученикамъ твоимъ, тогда занятіе оживится, часы будутъ проходить незамѣтно, тяжелая обязанность обратится въ пріятное отдохновеніе. Но, добрый другъ мой, даже и въ этой скромной профессіи, даже въ этомъ посильномъ трудѣ на пользу и довольство ближняго, старайся не подчинять себя свѣту, въ глубинѣ сердца обращай все къ Богу. Я всегда училъ тебя этому, всегда указывалъ тебѣ Бога, какъ конечный предѣлъ, къ которому стремятся всѣ наши добродѣтели, всѣ желанія и надежды.... Ты понялъ мои наставленія; пришло время примѣнить ихъ на дѣлѣ, приложить высокія истины къ скромнымъ обязанностямъ. Не пренебрегай этими обязанностями, дитя мое: онѣ-то и суть истинныя, чистыя, Богу угодныя, ибо въ нихъ однѣхъ нѣтъ мірской примѣси славы, блеска, извѣстности, тщеславія.

Теперь поговоримъ объ Луизѣ. Я возлѣ нея, и пишу къ тебѣ изъ Морнекса. Еслибъ предметомъ бесѣды моей могли быть однѣ добродѣтели этого милаго друга — бодрость, покорность, благочестіе, съ какими она переноситъ скорбныя мысли и жестокую разлуку,—я могъ бы еще, дитя мое, порадовать твое сердце и представить тебѣ эту молодую дѣвушку, какъ примѣръ для подражанія; я, читающій въ душѣ ея, знающій глубину ея чувствъ и великость пожертвованій, могъ бы сказать тебѣ, что не встрѣчалъ еще на пути своей жизни существа, болѣе достойнаго удивленія и уваженія; я могъ бы, начавъ сознаніемъ, что самъ согрѣваюсь ея благочестіемъ и освѣщаюсь ея добродѣтелями, могъ бы, Шарль, объявить тебѣ, что не было еще человѣка достойнаго Луизы, что тотъ только, кто самъ отличится высокимъ благочестіемъ и истинными добродѣтелями, тотъ только удостоится ея любви и предпочтенія.... Вотъ почему, добрый другъ мой, предпослѣднее твое письмо такъ меня огорчило, вотъ почему послѣднее возвратило мнѣ спокойствіе, счастіе и, съ избыткомъ, довѣріе и уваженіе къ тебѣ. Да, я болѣе прежняго уважаю тебя, потому что знаю — легче совсѣмъ не падать, чѣмъ подняться послѣ паденія. Если же отнынѣ ты не хочешь сойти съ той высоты, на которую обдуманно и справедливо поставила тебя она, отдавшая тебѣ сердце, избравшая тебя супругомъ.... то будь твердъ, Шарль, вознеси духъ свой къ горнимъ обителямъ добродѣтели, не попускай въ себѣ отчаянія, ни буйныхъ вспышекъ, крѣпись, терпи, будь кротокъ, отвергнись себя, принеси истинную жертву самопожертвованія безъ эгоизма, не бѣгай людей и привязанностей, не

Digitized by Google

удаляйся отъ общественныхъ обязанностей, отъ практическихъ и ежедневныхъ добродѣтелей.... Мужайся, говорю тебѣ, потому что Луиза— мученица за эти высокія христіанскія добродѣтели, потому что она ошиблась бы, на главу недостойнаго возложила бы вѣнецъ своей нѣжности и уваженія, еслибъ ты не имѣлъ этихъ добродѣтелей или способности пріобрѣсть ихъ.

Ты понялъ мои слова, Шарль; позволь же теперь обращаться съ тобою, какъ со взрослымъ, какъ съ человѣкомъ достойнымъ Луизы! Ты желаешь отъ меня увѣренія, что она выноситъ испытаніе, что положеніе ея не внушаетъ мнѣ страха; не могу, добрый другъ мой, увѣрить тебя въ этомъ, не погрѣшивъ противъ откровенности. Здоровье ея увяло, силы истощились; я замѣчаю въ ней признаки медленнаго разрушенія, и надѣюсь только на помощь Божію, ежеминутно призываемую. Искусный медикъ, съ которымъ мы совѣтовались, обнадеживаетъ, что, можетъ быть, не далеко до счастливаго перелома; но въ тоже время думаетъ, что нельзя ей, не рискуя, выѣхать отсюда, потому что здѣсь зима умѣреннѣе, нежели въ долинѣ, а онъ боится за нее всякаго потрясенія. Предписанія эти не успокоили меня. Я пріѣхалъ замѣнить ей г. Рейбаса, дѣлами вызваннаго на время въ приходъ. Увидавши Луизу послѣ трехмѣсячной разлуки, я содрогнулся. Однако, послѣ первыхъ дней, нѣсколько подкрѣпился надеждою. Кажется, мое присутствіе приноситъ ей пользу, бесѣда моя успокоиваетъ ее, по крайней мѣрѣ, располагаетъ къ грусти тихой и облегчающей. Наружно она мало измѣнилась: прекрасна по прежнему. Мы каждый день вмѣстѣ прогуливаемся, аппетитъ плохо возбуждается, но ночи проводитъ спокойнѣе. Вотъ, добрый другъ мой, вся правда. Сердце твое содрогнется также, какъ и мое содрогнулось; но, подобно мнѣ, ты не упадешь духомъ, ты съумѣешь скорбѣть, не предаваясь отчаянію; съумѣешь замѣнить ропотъ упованіемъ, изступленіе молитвою. Еслибъ я не разсчитывалъ на это, то не повѣрилъ бы тебѣ своей тревоги. Обманувшись, я лишился бы послѣдняго своего блага: всегдашній предметъ моихъ заботъ и покровительства, ты не составлялъ бы уже моей надежды, гордости, опоры и сокровища моей старости.

Пора проститься съ тобою. Часы отдамъ Антуану, а подарки твои Мартѣ: оба довольны и признательны. Я очень радъ, что ты самъ почувствовалъ, что не должно писать къ Мартѣ. Въ чувствахъ твоихъ къ ней, вижу доказательства прямоты твоего сердца. Да, эта женщина была для тебя нѣжною и доброю матерью; тѣмъ же она была и есть

Digitized by Google

для Луизы; бѣдная служанка эта, рѣдкая въ простотѣ души своей и скромной преданности, имѣетъ полное право на дѣтскую любовь вашу.

Я пробуду еще здѣсь нѣсколько времени, но письма продолжай адресовать въ приходъ; оттуда ихъ перешлютъ ко мнѣ. Прощай, милое дитя, люби меня, какъ я тебя люблю. Пусть покорность Провидѣнію смягчаетъ общее горе наше. Обнимаю тебя Преверъ.

CLXXX. *Шарль къ г. Преверу.* — Изъ Лозанны.

Нѣтъ, дорогой наставникъ мой, нѣтъ, я не обману вашихъ ожиданій.... Но великій Боже! Гдѣ тотъ предѣлъ, до котораго жалоба мнѣ позволена?... Рыданія душатъ меня! Не бойтесь, я заглушу ихъ.... Но позвольте мнѣ поплакать въ эту первую минуту; пусть крикъ страшной скорби вырвется изъ стѣсненной груди моей!

Луиза изнемогаетъ! Милосердый Боже! возьми жизнь мою и спаси ее! Луиза увядаетъ, гибнетъ?... Г. Преверъ! мнѣ надобно летѣть къ ней! мнѣ надобно ее видѣть!... Я согрѣю ее своими ласками, она оживетъ въ моихъ объятіяхъ, отъ моего дыханія. Или я чудовище, оскверняющее ее приближеніемъ, прикосновеніемъ своимъ? Поговорите отцу ея, г. Преверъ; скажите ему, что я одинъ знаю, чѣмъ порадовать Луизу, что я одинъ съумѣю прикоснуться къ ранамъ ея и не растравить ихъ, одинъ съумѣю усыпить скорбь ея!... Скажите ему, что я не хочу руки ея, что навсегда отказываюсь отъ нея, но что мнѣ открытъ доступъ къ ея сердцу, доступъ для нея радостный, который возвратитъ ей спокойствіе, теплоту и жизнь.... Скажите это ему, умолите его, пусть онъ не мѣшкаетъ, пусть скорѣе призоветъ меня! Я предчувствую, что спасу ему дочь, спасу и — удалось!...

Боже милостивый! Какъ, неужели это правда?... Разрушеніе! тревога!... Что же вы подъ этимъ разумѣете?... Опасность? смерть?... О неслыханное несчастіе! О страшный ударъ! Мысль, приводящая въ трепетъ! Кто же такой этотъ г. Рейбасъ, который убиваетъ дитя свое?... Держитъ ее въ когтяхъ своихъ и не выпускаетъ, когда она молитъ о пощадѣ?... Я оскорбляю васъ, г. Преверъ, но говорю правду. Какимъ образомъ понять эту безжалостную волю!... Я — подкидышъ, но не безчестный; а онъ готовъ лишиться дочери, погубить всѣхъ насъ и себя съ нами, только бы не отдать мнѣ Луизу!... Тайна непроницаемая!... Или я не знаю чего-нибудь извѣстнаго другимъ?... Чѣмъ посрамленъ я, скажите, откройте мнѣ, наставникъ мой.... Что нужды? По крайней мѣрѣ

Digitized by Google

я узнаю причину жестокости этого отца и, вмѣсто ненависти, извиню его, оправдаю, буду проклинать только самъ себя....

Луиза! Небесное и обожаемое созданье!... Нѣтъ, нѣтъ, я не спущусь съ той высоты, на которую поставленъ твоей любовью и предпочтеніемъ!.. Ты не покраснѣешь за то, что почтила меня своимъ уваженіемъ!.. Я пойду по слѣдамъ твоимъ, буду поучаться примѣромъ твоимъ! Одинъ образъ твой уже увлекаетъ меня, восхищаетъ, наполняетъ силой непреодолимою.... Торжественно клянусь передъ вами, достойный наставникъ, что этого вѣнца не снимутъ съ меня!... Хочу продолжать начатое — восходить, а не спускаться, хочу сдѣлаться достойнымъ, равнымъ, не хочу стоять ниже, хочу готовиться къ битвѣ, торжествовать въ борьбѣ, хочу пріобрѣсть ея высокія христіанскія доблести.... Я другъ Луизы, я супругъ, избранный ея сердцемъ, я надежда г. Превера, сокровище его старости!....

Надѣйтесь же на меня, любезнѣйшій мой наставникъ, это море скорбей не поглотитъ меня. По вашей милости, я чувствую себя на истинномъ пути; я понялъ слова ваши, вы не будете обмануты. Тысяча острыхъ стрѣлъ пронзаютъ сердце мое, но я съумѣю владѣть имъ: безъ всякихъ неистовыхъ вспышекъ отчаянія, опять убѣдительно прошу васъ, — умолите г. Рейбаса призвать меня. Пусть онъ довѣритъ дочь свою моей нѣжности: я съумѣю, не подвергая ее потрясеніямъ, укрѣпить тихую грусть ея надеждою и довольствомъ. Мое несчастіе много прибавляетъ къ скорби ея; пускай же она увидитъ меня твердымъ и довольнымъ! Моя пылкость слишкомъ увеличиваетъ ея опасенія; пускай она увидитъ, какъ я измѣнился, какъ твердъ и готовъ на все! Я снялъ бы съ ея сердца гору тяжести, и тогда бы переломъ совершился, червь тоски пересталъ бы точить ее.... Съ миромъ, возвратились бы къ ней и сила и здоровье. Я думалъ было ѣхать тотчасъ же, броситься къ ногамъ г. Рейбаса: онъ одинъ въ приходѣ, я встревожилъ и раздражилъ бы одного его.... Но побоялся огорчить васъ....

Жду нѣсколькихъ строкъ, одного слова отъ васъ, дорогой наставникъ; вы не оставите меня въ этой смертельной тоскѣ.

Преданный вамъ Шарль.

CLXXXI. *Г. Преверъ къ Шарлю.* — Изъ Морнекса.

Берегись трогаться, берегись показываться, добрый другъ мой. Я пробовалъ уже то, о чемъ ты меня просишь, но безуспѣшно. Да; всему причиной твое рожденіе. Есть вещи тебѣ неизвѣстныя, которыя нрав-

Digitized by Google

зываютъ меня къ тебѣ, ужасаютъ г. Рейбаса, объ которыхъ Луиза не знаетъ. Все это, дитя мое, ты узнаешь отъ меня; ты созрѣлъ для этого открытія, не время уже скрывать; но умѣй ждать. Въ настоящую минуту я весь принадлежу Луизѣ, не имѣю ни достаточнаго спокойствія, ни досуга для сообщенія тайны, которая не можетъ ни отнять ничего отъ тебя, ни измѣнить твоей карьеры, ни даже послужить достаточнымъ испытаніемъ твердости и возвышенности, какими проникнуто письмо твое. Торжественную клятву твою ношу въ сердцѣ, какъ даръ, тобою мнѣ принесенный, съ избыткомъ вознаграждающій меня за всѣ заботы объ тебѣ, за всѣ слезы, которыхъ ты мнѣ стоилъ. Благословенъ Богъ, благословившій трудъ мой!

Послѣ буду писать объ Луизѣ, теперь нечего прибавить къ недавно сказанному. Прощай, милое дитя, нѣжно цѣлую тебя. — Преверъ.

CLXXXII. *Органистъ къ Луизѣ.* — Изъ прихода.

Письмо твое, дитя мое, принесло мнѣ большую пользу. Еслибъ не каменьщики и не множество дѣлъ, которыми я здѣсь заваленъ во все это время, я отвѣтилъ бы тебѣ раньше. Нынче отвѣчаю вполовину: недосугъ, да и скоро же увидимся.

Всѣ порученія твои исполнилъ, а именно: сироткѣ вручилъ отъ тебя пару деревянныхъ башмаковъ: настоящіе черевики, изъ лакированной кожи и подъ деревянною стелькой подошва. Говорятъ, хороши и прочны, а я все-таки наказалъ ей носить ихъ по воскреснымъ днямъ и въ сухую погоду. Подарочекъ былъ ей очень пріятенъ, и она не скрывала своей радости; только, подозрѣваю, плутовка, не дождалась воскресенья. Въ пятницу я видѣлъ издалека, какъ она шла въ полѣ и будто что-то блестѣло у нее на ногахъ; бывало подбѣжитъ ко мнѣ поздороваться, а тутъ принялась погонять козъ и скрылась за Оливетовскимъ заборомъ.

Привезу тебѣ (кромѣ письма, здѣсь полученнаго на твое имя) прялку и лучшую изъ моей конопли, и натурою для трепанья, и въ мычкахъ для пряжи — ради разнообразія занятій. Отъ конопли до сорочки далеко: пересмотрѣвши свои, нашелъ, что въ будущемъ году многія надобно будетъ замѣнить новыми. Говорилъ ткачу: беретсѣ приготовить мнѣ кусокъ къ Сентябрю, если только ему доставать нитки къ Святой, позднимъ срокомъ къ Троицыну дню. Вотъ тебѣ и работа, дитя мое,

Digitized by Google

на вечернія посидѣлки у канелька. Когда увижу тебя за прежней, мы будто на добрый шагъ пододвинемся къ прежнему спокойствію. Въ оборотахъ колеса, въ мѣрномъ тактѣ ноги, въ гулѣ механики слышится домашняя пѣсня, убаюкивающая душевную тревогу, какъ старинныя пѣсни убаюкиваютъ въ колыбели крикливаго ребенка. Кромѣ того привезу тебѣ нынѣшній альманахъ: въ немъ много исторій и на сихъ, и на диво, и картинка, изображающая великое землетрясеніе, случившееся въ Италіи отъ Везувія. Зрѣніе у меня плохо становится; я замѣтилъ это еще за крупной печатью псалмовъ, но желая, однакожъ, самъ прочесть тебѣ альманахъ, купилъ въ Женевѣ очки — второй нумеръ, по нихнему, и приближаютъ удивительнымъ образомъ.

Внимаю совѣтамъ твоимъ, дитя мое, а тѣмъ паче въ предметахъ касающихся благочестія, въ которыхъ, по словамъ Христа Спасителя нашего, дѣти разумѣютъ наровнѣ съ мудрецами, если не болѣе. Я не мудрецъ, не дитя, но въ простотѣ души готовъ поучаться мудрости отъ всякаго, кольми паче отъ тебя, Луиза, поелику жизнь твоя неворочна, натура благочестива, и рѣчь твоя проникнута любовью. Я уповаю на Бога, и что было бы со мною безъ этого упованія? Кто, какъ не Онъ, будетъ моей опорою? Неужели думаешь, я захочу послѣдовать примѣру Крозатовой, болѣе года не знавшей Бога? Счастлива еще она, что въ это время не искусилъ ее сатана, искушавшій нашего Спасителя, и не погрузилъ ее во мракъ свой! Но милосердый Богъ не отступилъ отъ нея.

Возлагаю на тебя, дитя мое, порученіе къ г. Преверу. Онъ опять воротится къ тебѣ, но на воскресенье, скажи ему, что долженъ быть здѣсь. Сейчасъ получилъ увѣдомленіе отъ г-жи Дерве: пишетъ, что супругъ ея, по причинѣ подагры, не выходитъ. Если г. Преверу угодно ѣхать послѣ завтра, то въ пятницу мы встрѣтимся въ дорогѣ. Въ этотъ день я выѣду отсюда часовъ около десяти, и остановлюсь только въ Женевѣ купить платье для Марты. И такъ, дитя мое, черезъ двое сутокъ я буду имѣть радость видѣть и обнять тебя.

Любящій тебя отецъ — Рейбасъ.

CLXXXIII. *Г. Преверъ къ Органисту.* — Изъ Мориенса.

Въ субботу только буду въ приходѣ, любезный мой г. Рейбасъ; останусь еще день возлѣ Луизы и проведу нѣсколько минутъ съ вами. Дружба моя къ вамъ непостоянна; надѣюсь, что и на вашу не могутъ имѣть вліянія неудовольствія, причиненныя мною съ добрымъ намѣреніемъ.

Digitized by Google

Отъѣздъ, въ эту минуту, мнѣ очень не по-сердцу; надѣюсь, однакожъ, возвратиться очень скоро, лишь бы не продолжился болѣзненный припадокъ г. Дерве. Физически, Луиза не поправляется: открылись нѣкоторые признаки лихорадки; докторъ посѣщалъ насъ оба эти дня. Въ нравственномъ состояніи, меньше тоски; выпадаютъ минуты совершеннаго спокойствія. Третьяго дня она недалеко проѣхалась на ослѣ; но вчера и сегодня не выходила. Вы найдете въ ней нѣкоторую перемѣну; наблюдайте за собою, чтобъ не потревожить ее. Наровите пріѣхать между вторымъ и третьимъ часами, я одинъ выйду къ вамъ на встрѣчу.

Прощайте, многолюбезный мой Рейбасъ, примите искреннюю мою дружбу. Преверъ.

CLXXXIV. *Органистъ къ г. Преверу.* — Изъ Морнекса.

Хотѣлъ я, г. Преверъ, обождать нѣсколько дней: вы еще такъ недавно оставили Луизу, что нечего почти и написать къ вамъ объ ней. Слѣдовало бы подождать до завтра, до пріѣзда доктора, чтобъ сообщить вамъ на счетъ ея лихорадки; но у меня недостаетъ терпѣнія: видя ее за разными занятіями, такъ и хочется раздѣлить съ вами мое удовольствіе и надежду, что авось-либо лихорадка отошла, не дождавшись доктора.

Настоящій докторъ вы, любезнѣйшій мой г. Преверъ. Вы вовремя облегчили ее и возвратили то обычное спокойствіе, въ какомъ, со времени несчастнаго событія, я не видалъ моей Луизы. Настоящая тихая грусть отрадна и радостна въ сравненіи съ прежней, снѣдавшей ее, тоскою. Какъ скоро принужденіе исчезло, такъ она стала разговорчивѣе со мной, нѣжнѣе и охотнѣе ласкается ко мнѣ. Не замѣтно уже той апатической скорби, изъ которой она выходила только въ угоду мнѣ, чтобъ не огорчить меня. Теперь она свободно, какъ и прежде, по часамъ распредѣляетъ свои различныя занятія: читаетъ привезенныя вами книги, принялась за свое прежнее писанье и даже за пряжу. Трудно передать вамъ, какъ пріятно мнѣ было два эти вечера видѣть ее за послѣднимъ занятіемъ. Грусть ея обнаружилась только при чтеніи альманаха, которое я хотѣлъ было возобновить. Не знаю — исторія ли ей не понравилась (объ отцѣ семейства, вытащенномъ изъ колодца) или мірскія дѣла эти, отвлекая отъ задушевной грусти, можетъ быть, тѣмъ самымъ оскорбили ее. Я тотчасъ же пересталъ читать, не подавъ вида на счетъ замѣченнаго впечатлѣнія и закрылъ книгу, какъ будто она самому мнѣ прискучила. Послѣ этого легкаго облачка, Луиза скоро оправилась. Все

Digitized by Google

это преисполнило меня радости въ отношеніи къ ней и признательности къ вамъ, г. Преверъ. Еслибъ еще не рано, еслибъ не правило — не хвались виноградомъ пока кисть не сорвана, я сказалъ бы, что по милости Божіей, мы близки къ концу того жестокаго перелома, послѣ котораго настоящее положеніе кажется мнѣ раемъ земнымъ.

Письмо то я отдалъ ей, ни объ чемъ не распрашивая и она ничего не сказала мнѣ, не объяснилась въ двухъ словахъ, по обыкновенію, такъ, что я не зналъ бы въ какую сторону направить свое подозрѣніе. Съ той самой минуты, Луиза принялась за писанье и проводитъ за нимъ часа по три въ утро. Въ иное время это обезпокоило бы меня; но теперь, часы Богомъ посланнаго мнѣ спокойствія слишкомъ дороги, боюсь нарушить миръ души какимъ-нибудь неправымъ внушеніемъ, въ Луизѣ же своей я увѣренъ; что касается до любопытства, оно молчитъ тамъ, гдѣ раны еще свѣжи.

Марта, на мои глаза, почти больше Луизы перемѣнилась въ такое короткое время: одряхлѣла, всѣ члены ея будто разбиты, а нельзя сказать, чтобъ отъ изнуренія, потому что, противъ приходскаго, здѣсь ей гораздо меньше работы. Лицо такое мрачное, взглядъ такой унылый, что я боюсь не произвела бы она грустнаго впечатлѣнія на Луизу. Пытался узнать, — не говоритъ; пробовалъ порадовать ее перемѣной въ Луизѣ — и на это молчитъ; тогда я подумалъ, ужъ не подарокъ ли, присланный этимъ несчастнымъ, такъ тронулъ ее и оживилъ ея сожалѣнія объ немъ; но видя, что глаза ея наполняются слезами, прекратилъ разговоръ.

Посыльная дожидается. Надобно кончить, хотя бы и нашлось еще о чемъ поговорить. Главное, прошу васъ возвратиться какъ можно скорѣе и докончить ваше дѣло; когда же мы устроимся на своихъ зимнихъ квартирахъ, тогда и предоставимъ васъ вашей паствѣ. Въ настоящую минуту вы видѣли уже Луизину комнату; желалъ бы знать, какъ она вамъ понравилась. Стѣна должна подходить къ окончанію, нужна бы хорошая погода, чтобъ ей высохнуть.

Преданный и уважающій васъ Рейбасъ.

CLXXXV. *Г. Преверъ къ г. Эрнесту де-ла-Куръ.* — Изъ прихода.

Милостивый государь, странное письмо ваше такъ долго оставалось безъ отвѣта по тому, что я сначала не хотѣлъ было совсѣмъ отвѣчать на него. Перечитывая его теперь съ бо́льшимъ хладнокровіемъ, перемѣняю свое намѣреніе и берусь за перо.

Digitized by Google

Дѣйствительно, милостивый государь, жалости достойно состояніе души вашей. Я искренно жалѣю васъ, и готовъ служить вамъ своими совѣтами; дружба моя принадлежитъ вамъ наровнѣ со всѣми несчастными, могущими найти въ ней какую-нибудь помощь или облегченіе. Что касается до моего уваженія, — отъ васъ зависитъ пріобрѣсть его, но не иначе, какъ твердостью, пожертвованіями, исполненіемъ обязанностей, святость которыхъ вамъ, кажется, незнакома.

Какъ, милостивый государь, вы говорите мнѣ объ уваженіи, объ измѣненіи правилъ, объ улучшеніи сердца, и, въ тоже время, я вижу въ васъ жертву страстей, сына, составляющаго мученіе и ужасъ матери, человѣка, который — о верхъ нечестія! — покусившись уже однажды на жизнь свою, кажется, не отказался еще отъ своего преступнаго намѣренія, но употребляетъ его какъ средство и угрозу, который въ грубомъ эгоизмѣ своемъ забываетъ и законъ Божій и слезы матери! Вамъ ли говорить объ уваженіи! Презрѣніе на васъ, милостивый государь, презрѣніе на память вашу, еслибъ вы могли когда-нибудь исполнить такое безчестное намѣреніе! И вы говорите о своихъ прошедшихъ заблужденіяхъ! Онѣ ничтожны въ сравненіи съ настоящими! Вы говорите объ восторженной любви къ дѣвицѣ Рейбасъ, о поклоненіи ея добродѣтелямъ, о ненасытномъ желаніи быть ея достойнымъ! — Вы въ заблужденіи, милостивый государь; если думаете однимъ и тѣмъ же сердцемъ лелѣять преступленіе и обожать добродѣтель, гнѣвить Бога и снискивать уваженіе, то не адресуйте сюда дани вашего удивленія и вашихъ желаній,—здѣсь ихъ не примутъ, даже не поймутъ.

Образумьтесь, одумайтесь, г. Эрнестъ. Вы говорите, что душа ваша очистилась: вотъ и случай доказать справедливость словъ вашихъ. Встающій послѣ паденія достоинъ удивленія и похвалы, и славнѣйшія пальмы ожидаютъ не тѣхъ, которые никогда не падали, а тѣхъ, которые изъ глубины пропасти, съ величайшимъ усиліемъ, направляютъ свой полетъ въ высоту. Вы больны, вы жалки, вы внушаете мнѣ истинное состраданіе; но ничто еще не потеряно: милосердіе Божіе превышаетъ грѣхи ваши; побѣда зависитъ отъ васъ. Хотите ли моей помощи, моего ежедневнаго пособія? — Я готовъ служить вамъ, приходите ко мнѣ. »Приходя ко мнѣ, бѣдная душа, жалости къ тебѣ исполнена утроба моя.« Приходите, я приму васъ, какъ отецъ принялъ блуднаго сына; приходите, я перевяжу ваши раны и вы скоро поправитесь, окрѣпнете, скоро выйдете побѣдителемъ, насладитесь миромъ Господнимъ, душевнымъ довольствомъ, радостью вашей матушки и уваженіемъ того, кто говоритъ съ вами въ эту минуту.

Digitized by Google

Въ письмѣ вашемъ, любезный г. Эрнестъ, всѣ софизмы страсти, всѣ извороты слабости, всѣ хитрости желанія. Душа ваша, безъ кормила, носится по волѣ бурнаго вѣтра, который не занесетъ ее, какъ она воображаетъ, къ цѣли ея стремленія. Не удивительно, что она едва не разбилась о подводные камни; но удивительно было бы, еслибъ вы не позаботились спасти ее отъ опасности. Сказать ли вамъ, г. Эрнестъ, съ какого именно времени она сдѣлалась игралищемъ вѣтровъ?... — Съ тѣхъ поръ, какъ удовольствія, разсѣянная жизнь, пустое товарищество, насмѣшливыя рѣчи изгнали изъ нея послѣдніе остатки благочестивыхъ правилъ и религіозной кротости. Путемъ тогдашней свободы, она, потомъ, подчинилась постыднымъ страстямъ — властелинамъ грубымъ, неблагодарнымъ и жестокимъ.... Такъ ли, г. Эрнестъ? — властелинамъ, поражающимъ, какъ Богъ, даже сильнѣе, но уподобляющимъ человѣка скоту, развращающимъ его, между тѣмъ какъ Богъ освящаетъ, направляетъ ко благу и спасаетъ. Возвратитесь же къ этому Властелину, добрый другъ мой: гдѣ вы оставили Его, съ того мѣста и вернитесь къ Нему и смиренно испросите у Него прощенія и помощи. Тогда вы найдете и кормило и компасъ, узнаете, гдѣ вы, укротите бурю и обойдете пороги! Ранняя опытность, которую вы пріобрѣли въ удовольствіяхъ свѣта, во всевозможныхъ направленіяхъ, во всевозможной нѣгѣ тѣла и души, — эта опытность должна въ глазахъ вашихъ придать силу моимъ истинамъ, ибо праведнику не познать такъ тщету міра, какъ грѣшнику, и, проведя всю юность свою во тьмѣ, вы должны теперь познать разницу между ею и свѣтомъ.

Послѣ этихъ убѣжденій, которыя въ устахъ вашего Пастора, вы, милостивый государь, не найдете неумѣстными и примите сердечному въ васъ участію, обращусь къ предмету вашего письма. Хотя я не извѣщенъ объ томъ, на счетъ чего вы у меня спрашиваете поясненія, но, судя по нѣкоторымъ словамъ изъ письма г. Рейбаса, думаю, что увѣренія вашей матушки основаны на объясненіи, дѣйствительно между ними происшедшемъ. И, хотя мнѣ опредѣлительно неизвѣстна сущность ихъ сношеній, но, къ несчастію, я имѣю другаго рода свѣдѣнія; онѣ-то и обязываютъ меня отвѣчать вамъ съ полною откровенностью.

Настоящее изнеможеніе дѣвицы Рейбасъ таково, что мы страшимся за нее, я же вижу въ ней умирающую. Послѣ дуэли, г. Рейбасъ взялъ назадъ данное Шарлю слово. Съ этого самаго дня, Луиза начала хилѣть; постепенное увяданіе ея продолжается до сихъ поръ и, кажется, близко уже къ концу. И такъ, милостивый государь, съ нынѣшняго дня отдалите отъ себя всякую надежду, и готовьте трауръ не по однимъ не-

Digitized by Google

сбывшимся желаніямъ вашимъ, но также и по ней. Но скажу вамъ болѣе: еслибъ даже дѣвица Рейбасъ и поправилась, еслибъ ей и назначено было жить, вамъ все-таки слѣдуетъ отказаться ото всякаго на нее домогательства. Сердце ея принадлежало Шарлю, она сама объявила ему, что отдается разъ и навсегда. Она умираетъ, оторванная отъ избраннаго ею друга; стало быть, еслибъ и жила, не соединилась бы съ другимъ, тѣмъ болѣе съ вами, милостивый государь, который вызвалъ Шарля, съ вами, который, хотя невольно — я хочу вѣрить этому, — но виновны въ самой необдуманности, были первою причиной удара, томящаго одного и доканчивающаго томленіе другой.

Правду сказать, милостивый государь, я удивленъ легкостью, съ какою вы касаетесь этой пагубной дуэли, а еще болѣе тѣмъ, что вы не поняли положенія, въ какое поставлены ею въ отношеніи къ дѣвицѣ Рейбасъ. Какъ свѣтскія понятія ваши о чести, за недостаткомъ болѣе возвышенныхъ побужденій, позволили вамъ выйти изъ этого положенія? И вы бы захотѣли воспользоваться несчастіемъ молодаго человѣка, лишеннаго, вслѣдствіе вашего несправедливаго вызова, единственнаго на свѣтѣ достоянія?... Неужели вы могли подумать, что все дѣло въ поединкѣ, что онъ можетъ уничтожить прошлое и просвѣтлить будущее?... Милостивый государь, вы вполнѣ ослѣплены эгоизмомъ страсти! Вмѣсто стоновъ надъ самимъ собой, плачьте надъ страдальцемъ, судьбу и счастіе котораго вы сгубили безвозвратно! Взгляните на сдѣланное вами зло, и, если хотите исправиться и возвратиться къ добродѣтели, то излечитесь сперва отъ страшнаго недуга себялюбія! Сознайтесь наконецъ и убѣдитесь, что, еслибъ дѣвица Рейбасъ и ожила и согласилась бы на замужство съ вами, то вы, милостивый государь, сами вы должны бы отказаться отъ подобной чести.

Къ тому же, существуютъ обстоятельства, вамъ, быть можетъ, неизвѣстныя, вся тяжесть которыхъ, въ случаѣ женитьбы, пала-бы на васъ. Говорить здѣсь объ этомъ могу не иначе, какъ съ чрезвычайной осторожностью: есть вещи, которыя должны остаться втайнѣ, особы, которыхъ надо поберечь. Вскорѣ послѣ дуэли, когда г. Рейбасъ, въ первый разъ, отказалъ Шарлю въ рукѣ дочери, онъ увидалъ, что нанесъ ударъ самой дорогой ея привязанности, увидалъ, что ей не вынести и рѣшился, склоняясь постепенно, простить Шарля. Въ тоже время разнесся слухъ о вашемъ преступномъ покушеніи на жизнь и о поспѣшномъ отъѣздѣ вашей матушки. Тогда же, нѣкто, называющій себя другомъ г. Рейбаса, хорошо знающій всѣ слабости и предразсудки этого

Digitized by Google

почтеннаго человѣка, началъ замышлять адскій заговоръ противъ Шарля. Г. Рейбасъ, бывшій тогда въ Морнексѣ, послалъ между тѣмъ письменное прощеніе и поручилъ мнѣ вызвать къ нему Шарля. Письмо это задержано было услужливымъ другомъ.... А по прошествіи трехъ дней, безчестный человѣкъ этотъ препроводилъ къ г. Рейбасу документы, открывавшіе тайну рожденія Шарля. Въ глазахъ г. Рейбаса открытія эти легли непроходимою границей между Шарлемъ и Луизою. Слѣдовательно, съ этого дня, а не съ дуэли, начинается гибель дѣтей этихъ. Каковъ бы ни былъ случай, разсудите теперь сами, могли ли бы вы быть обязаны рукою дѣвицы Рейбасъ успѣху такихъ черныхъ и гнусныхъ происковъ, исторія и слѣдствіе которыхъ мнѣ извѣстны, хотя первая причина скрыта еще отъ меня, если только источникъ ея не та же добровольная злоба того же человѣка, прозываемаго Шампеномъ.

Впрочемъ, Богу извѣстна эта тайна, а будущее откроетъ ее. Тогда узнаютъ ту руку, которая отыскала во мракѣ, сокрытую милосердіемъ Божіимъ, ядомъ пропитанную стрѣлу. Пущенная вовремя, стрѣла эта попала такъ вѣрно, вонзилась такъ глубоко, зашла такъ далеко.... Да, слишкомъ далеко, ибо дѣло нечестія не выручитъ дѣлавшаго. Узнается, ради какой выгоды, ради какого низкаго удовлетворенія, съ какимъ постыднымъ попраніемъ—не скажу, милосердія, но—простаго человѣческаго чувства, предприняты были и производились эти адскіе происки; и горе тогда, горе и во времени и въ вѣчности всѣмъ виновникамъ оныхъ! Горе имъ! Они сгубили Луизу, они сдѣлали несчастнымъ благороднаго молодаго человѣка, они занесли уже ударъ, подъ которымъ долженъ непремѣнно пасть достойный отецъ.... Горе имъ! Но лучше пожелать, да посѣтитъ ихъ Отецъ вашъ небесный угрызеніемъ совѣсти, раскаяніемъ и да спасетъ чрезъ Сына Своего, Господа нашего!

Преданный вамъ Преверъ.

CLXXXVI. *Луиза къ г-ну Преверу.* — Изъ Морнекса.

Надобно мнѣ, дорогой наставникъ, приняться за перо, пока я еще въ силахъ держать его. Не много дней осталось въ моемъ распоряженіи, и, передъ разставаньемъ, надобно еще многое сказать вамъ! Уже мнѣ труда стоитъ собрать свои мысли, привесть ихъ въ порядокъ, а всего труднѣе удержать собранное. Каждый разъ кажется, что уже въ послѣдній разъ сажусь писать; но послѣ меня останутся замѣтки, по которымъ, когда придетъ время, вы послѣдовательно разберете нашѣ-

Digitized by Google

ренія вашей Луизы. Дѣла мои не важны, но сердце цѣнитъ ихъ, и въ нихъ заключаетъ теперь единственное, возможное для себя развлеченіе.

Прежде нежели коснусь до предмета сегоднишняго письма, позвольте, дорогой наставникъ, изъявить вамъ благодарность за дни, вами мнѣ посвященные. Я собираю плоды вашихъ нѣжныхъ попечній, покорная душа моя нечувствительно отдѣляется отъ земли, разрѣшаются всѣ узы, я готовлюсь къ разлукѣ, и это положеніе не лишено пріятности въ сравненіи съ недавнимъ. Если мнѣ и суждено было жить, — не знаю вернулось ли бы ко мнѣ спокойствіе, безъ котораго нѣтъ счастія; но, теперь, могу сказать, если я не счастлива, то по крайней мѣрѣ спокойна, миръ мой не стоитъ мнѣ такихъ усилій, и страданія мои, по прежнему горькія, не бурны. Въ молитвѣ нахожу не одно упражненіе, въ продолженіи котораго предъ лицемъ Божіимъ умолкаетъ скорбь моя, — но, какъ будто, и сладкій, успокоительный для души сонъ. Припоминаю бесѣды ваши и опираюсь на нихъ, чтобъ не поколебаться. Увѣренная въ близкомъ концѣ, я доживаю промежутокъ дней, отдѣляющихъ меня отъ него, съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ идутъ по дорогѣ, выводящей изъ юдоли плача. Да, дорогой наставникъ, увѣряю васъ, я безъ ужаса вижу свою могилу: это постель, въ которой засну на лонѣ Бога и въ памяти друзей. Да, скоро они похоронятъ меня; теперь ссорятся за меня, тогда я помирю ихъ, за меня они полюбятъ другъ друга, призовутъ меня и я буду съ ними. Говорю это имъ, пока голосъ мой еще можетъ дойти до нихъ, чтобъ потомъ вспомнили слова мои.

Теперь, любезный наставникъ, обращаюсь къ предмету, тайну котораго не хочу довѣрять отдѣльнымъ листкамъ, потому что они могли бы попасть на глаза не однимъ вамъ. Возвратившись изъ прихода, батюшка вручилъ мнѣ письмо, которому не слѣдовало проходить черезъ его руки, потому что содержанія этого письма не долженъ знать никто, кромѣ развѣ васъ однихъ.... Оно сожжено. Тайну, заключающую въ себѣ свѣдѣнія на счетъ рожденія Шарля, я намѣрена была похоронить съ собою; но, обсудивши, нахожу небезполезнымъ открыть ее вамъ, одному вамъ, тѣмъ болѣе, что я во всю жизнь ничего не скрывала отъ васъ и теперь ли скрою что-нибудь? Но, любезный наставникъ, даже съ вами буду осторожна, чтобъ необдуманной довѣренностью не связать вашихъ намѣреній на счетъ будущей судьбы нашего друга. И такъ, я не скажу вамъ всего, умолчу также и о способѣ, какимъ дошли до меня эти свѣдѣнія; но во всемъ, мной сообщенномъ, будетъ одна правда.

Digitized by Google

Съ самаго нѣжнаго возраста, чуть ли не съ девяти лѣтъ еще, я задумывалась уже надъ происхожденіемъ Шарля, когда еще и самъ онъ объ этомъ не заботился. Видя милаго ребенка, съ такими благородными и блестящими свойствами, въ ребяческихъ грёзахъ своихъ я увѣряла себя, что онъ непремѣнно долженъ быть сыномъ благородныхъ, но несчастныхъ родителей; предполагала стеченіе романическихъ приключеній, заставившихъ ихъ, до времени, отдать сына на руки г. Преверу, не зная, любила ихъ за такое справедливое довѣріе. Между тѣмъ, я все ждала, а родители Шарля все не являлись. Такая медлительность начала огорчать меня, я рѣшилась отыскивать ихъ слѣдъ съ цѣлью возвратить Шарлю имя и родную семью. Разысканія мои, которыхъ не могла простирать слишкомъ далеко, кончились ничѣмъ; я уже совсѣмъ было отступилась отъ нихъ, какъ вдругъ, года четыре тому назадъ, случайное обстоятельство вывело меня на истинную дорогу. *) Я узнала всю правду, такого рода правду, которую должна была сохранить втайнѣ; но она сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе, глубоко потрясла меня, и причинила тогдашнюю мою болѣзнь. Сдѣланное мною открытіе еще болѣе привязало меня къ Шарлю, также и къ вамъ, дорогой г-нъ Преверъ. Тогда въ первый разъ запало въ меня желаніе быть со временемъ женою Шарля и вознаградить его за лишенія; тогда же, прежняя привязанность сестры нечувствительно сѣнилась, въ отношеніи къ нему, другимъ сильнѣйшимъ чувствомъ, болѣе серьёзнымъ и глубокимъ, тѣмъ чувствомъ, какимъ и теперь люблю его, съ какимъ сойду въ могилу.

Но вотъ что необходимо знать вамъ, г-нъ Преверъ, а впослѣдствіи и Шарлю: родители его не существуютъ. Со смерти отца прошло уже двѣнадцать лѣтъ, а мать умерла мѣсяцъ тому назадъ, какъ меня извѣщали въ томъ сожженномъ письмѣ. Я рѣшилась говорить для уничтоженія, по этому поводу, всякаго страха и недоумѣнія. Прежде нежели умру, я хотѣла закрыть эту бездну, для чего, кажется, и призвана была волею Провидѣнія. И такъ, когда придетъ время, объявите Шарлю сиротство его. Скажите другу вашему Рейбасу, чтобъ онъ обращался, какъ съ сыномъ, съ тѣмъ, кого Луиза любила какъ брата, болѣе чѣмъ брата; скажите Шарлю, что если отецъ его, сынъ честныхъ родителей, не съумѣлъ поддержать добраго имени, за то мать, взятая изъ низкаго сословія, сохранилась посреди безпорядочной жизни, и была

*) См. въ началѣ этой книги письмо CXXIX и въ немъ выписанную г. Преверомъ записку Женскаго пастора.

Digitized by Google

подпорой и утѣшеніемъ своего губителя; скажите ему, что нищета не унизила ее, что онъ безъ опасенія можетъ чтить память ея и любить несчастную, до послѣдней минуты не переставшую оплакивать сына, котораго такъ жестоко оторвали отъ нея, чтобъ водворить на дворъ г. Превера!

Не безъ тревоги и волненія, какъ вы легко догадаетесь, я хранила эту тайну въ продолженіи четырехъ лѣтъ. Сколько разъ покушалась открыть ее то вамъ, то Шарлю; не переставала тревожиться, всегда была въ страхѣ, чтобъ какъ-нибудь не обнаружить ея словомъ, знакомъ, намекомъ, чтобъ не возбудить батюшкинаго подозрѣнія. Но вотъ чего не отгадать вамъ; да; не догадаться вамъ, что эта-то тайна и свела меня въ могилу.... Въ тотъ день *), когда я просила батюшку сжалиться надо мной, когда онъ ушелъ, не рѣшаясь болѣе принуждать меня.... въ тотъ день, когда Шарль былъ еще моимъ, еще не отнятъ былъ у меня.... въ тотъ день я почувствовала, что есть тайны, приносящія съ собою смерть!... Одна у себя въ комнатѣ, когда отъ меня зависѣло рѣшеніе судьбы моей, я поражена была мыслію, что хитро вкралась въ довѣренность отца, приняла отъ него жертву и скрыла истину.... Я готовила уже себѣ его упреки и презрѣніе, представляла себѣ его проклятіе, еслибъ онъ узналъ, что я его обманула, и, по его понятіямъ, обезчестила.... Порабощенная этими мыслями, потерянная, я пожертвовала собою, своею жизнію.... Я пожертвовала ею вопреки вашему совѣту, вопреки вашимъ мольбамъ, не смотря на пророческую грусть вашего взгляда, дорогой мой наставникъ. Вы знаете теперь причину настойчивости, которая должна была огорчить васъ, за которую я слишкомъ пострадала, и потому только не прошу у васъ прощенія.

Вотъ что хотѣла сказать вамъ, г-нъ Преверъ, и не одно это!.... Но не достаетъ духа.... Прошлое притягиваетъ меня къ себѣ, и я не могу оторваться отъ него безъ новыхъ терзаній.... Видно не все еще выплакала, опять таки слезы и слезы.....

Какими отрадными лучами солнца освѣщалось это будущее супружество!... О, наставникъ мой! Скорбь моя смертельна, за нею не вижу небесъ!... Гдѣ рука ваша — подпора моя на пути къ могилѣ?.....

Я хотѣла говорить съ вами о батюшкѣ, но перо выпадаетъ изъ рукъ. Въ бумагахъ моихъ вы найдете при нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, съ которыми прошу сообразоваться въ отношеніи къ батюшкѣ, и письмо къ нему.... Успокоитъ ли оно его, какъ я желаю? — Не знаю; знаю

*) См. въ третьей книгѣ письмо CII.

Digitized by Google

только, что изъ моихъ рукъ отецъ перейдетъ въ ваши. Безъ просьбы поручаю его вамъ, г-нъ Преверъ, вамъ и Шарлю. Оба вы знаете и любовь его ко мнѣ, и силу души его, и съ какимъ прискорбіемъ, съ какимъ страхомъ я его оставляю. Говорите ему обо мнѣ, объ его Терезѣ, о будущемъ нашемъ соединеніи; предупредите, заглушите въ немъ голосъ упрека, могущаго вмести смерть и опустошеніе въ его одинокую, безполвную душу. Повторяйте ему, что онъ поступалъ какъ слѣдовало, соображаясь со своими отцовскими правами, по своимъ понятіямъ, руководствуясь своей непоколебимою прямотою; повторяйте ему, что онъ все-таки потерялъ бы меня, немного позднѣе, потому что мать въ болѣзни родила меня и дала мнѣ мало силъ для жизни. Скажите ему, что я гасну, не пройдя еще половины жизни, но насладившись всѣми ея сладостями и не извѣдавъ страданій; что умирая, не оставляю, подобно матери моей, мужа и ребенка, но свободная, не связанная неразрывными узами, не испытывая страшныхъ терзаній. Пускай друзья потужатъ обо мнѣ; но жалка я буду, если, послѣ меня, батюшка, обманутый собственной нѣжностью, станетъ упрекать себя въ томъ, что сдѣлалось по волѣ Божіей и, можетъ быть, по Его милостивому разрѣшенію,— и это скажите ему.

А вамъ, г-нъ Преверъ, вамъ что скажу? Всегда смиренный голосъ мой, слишкомъ слабъ въ настоящую минуту. Я ваше созданіе, я ваша ученица; вы зовете меня другомъ, и я принимаю это дорогое имя не изъ тщеславія, но потому, что оно мнѣ мило. Я жила и умру подъ вашимъ кровомъ; вы все сдѣлали для меня, мнѣ же не удалось ничего сдѣлать для васъ.... Но, любезнѣйшій наставникъ, Луиза ваша такъ довѣряется небесной добротѣ нашей, что возлагая на васъ послѣ себя великую и трудную обязанность, она оставляетъ вамъ единственное наслѣдство для васъ угодное, единственную дань, васъ достойную.

Нѣжно любящая васъ Луиза.

CLXXXVII. *Жакъ къ отцу.* — Изъ Турина.

Въ прошлую пятницу пошолъ я на почту: баринъ ждалъ письма отъ г. Превера, и послалъ меня потихоньку отъ барыни. Вотъ ужъ два мѣсяца аккуратно я каждый день хожу туда. На этотъ разъ почтанскіе мигаютъ мнѣ: есть, дескать, кое-что; подожди, письма разбираютъ. Ну, подумалъ я, слава тебѣ Господи! баринъ будетъ доволенъ, да и за себя, нешто, порадовался — шататься-то сюда не больно весело. Стою

Digitized by Google

передъ дверью и дожидаюсь, только глядь—анъ на концѣ улицы ѣдетъ коляска, а въ колискѣ моя барыня: ея бѣлыя перья на шляпѣ. Я скорѣе въ аллею; коляска промчалась мигомъ, а отъ этого-то мига, какъ увидите, зависѣла жизнь барина. Теперь его бальзамируютъ, а мы, межъ тѣмъ укладываемся въ дорогу, собираемся на родину. Тамъ его и похоронятъ.

Получилъ письмо и пошолъ назадъ; не дошелъ еще до гостинницы, какъ на встрѣчу мнѣ баринъ: хвать у меня изъ рукъ письмо, печать долой и ну читать. Я было за нимъ. Обернулся, прочь поди! закричалъ. Случились мы въ улицѣ По, идти мнѣ было некуда, я пошелъ прямо до моста, сталъ тутъ да и смотрю, какъ сплавляютъ лѣсъ по рѣкѣ. Пока я смотрѣлъ, вижу во весь опоръ скачутъ драгуны, народъ разступается; за драгунами королевская карета, потомъ три кареты принцевъ и принцессъ, тамъ опять драгуны, и за ними нахлынулъ народъ. Солнце и пыль одолѣли меня, вошелъ въ шинокъ освѣжиться пивтою винца: оно у нихъ, дромъ что не пѣдьное и не дорогое, а забористо, что твое дорогое! Хорошохонько потребилъ часокъ времени, и отправляюсь въ гостинницу. Подхожу, а еще съ низу лѣстницы слышу шумъ; на верхней галлереѣ вижу—камердинеръ, словно что сторожитъ и будто въ испугѣ какомъ; вхожу въ залу и что же застаю?... Барыню укладываютъ на кушетку; волоса у ней распущены, глаза закрыты, кровь на рукахъ и на одёжѣ.... Ну, подумалъ я, плохо. Вотъ что оказалось. Баринъ только что пришелъ въ гостинницу, тотчасъ къ письменному столу барыни, выломилъ замокъ и досталъ ея бумаги, потомъ заперся у себя въ комнатѣ, да и всадилъ себѣ въ сердце двѣ пули. Вотъ оно что, а попадись я на глаза барынѣ въ то время, какъ дожидался у почтамта, тогда бы она пожелала сама взять письмо и несчастія такаго не случилось бы, — это также вѣрно какъ то, что я пишу, а все же я не виноватъ — дѣлалъ, какъ приказано было.

Барыня опомнилась, начала стонать и рыдать, инда сердце разрывалось отъ жалости, все хотѣла, чтобъ ее оставили при сынѣ и то-и-дѣло повторяла: »мерзавецъ! подлецъ!« Жутко мнѣ было слышать такія слова: ужъ не г. ли Превера, думалъ я, такъ честить изволитъ; но потомъ узналъ, что эти названія относились къ нѣкоему *Шалмену*, съ которымъ, потихоньку отъ сына, она вела переписку. Эти-то письма г. Эрнестъ и прочелъ, они-то и заставили его наложить на себя руку. Въ тотъ самый вечеръ позвала она насъ къ себѣ въ комнату — меня и горничную, обоихъ насъ приходскихъ, и объявила, что намъ сошьютъ трауръ и дадутъ награжденіе; послѣднее же только съ условіемъ, чтобы

Digitized by Google

молчали и ни слова бы не писали въ свою сторону, а можетъ напи-сать, что молодой-де баринъ померъ отъ дурной лихорадки, какая за-частую бываетъ въ здѣшней сторонѣ жаркой и болотистой, и особенно надка на заѣзжихъ. Дали слово молчать, чего ради я и предупреждаю всѣхъ васъ: будьте осторожны, особливо съ приходскими. Поди, ба-тюшка, первый объяви имъ объ этой лихорадкѣ и г. Преверу и Рей-басу, чтобъ доказать барынѣ, вотъ-де какіе мы скромники, въ случаѣ если слухъ разнесется отъ другихъ, какъ и думать надо.

Слушай теперь какъ было дѣло, какъ разсказываютъ въ людской. Г. Преверъ писалъ вишь барину: хотя молъ и строились разныя козни на пагубу г. Шарля, хотя молъ по розыскамъ отецъ и мать его и оказались подъ вѣденіемъ исправительной полиціи; но все же казни тѣ не послужатъ въ пользу ему, г. Эрнесту, по той-де причинѣ, что еслибъ панзель Луиза и рѣшилась за кого-нибудь за-мужъ выдти, то ужъ вѣрно не за него. Ошеломило барина этимъ письмомъ, онъ тотчасъ за ящикъ и нашелъ въ немъ доказательство происковъ какого-то *Шал-пена*, по прозванію, который за это и получилъ отъ барыни сотню лу-идоровъ. Какъ увидалъ тутъ баринъ, что не остается ему ни чести, ни надежды, онъ и бацъ! а черезъ три минуты коляска подъѣхала.

Правду-то сказать, баринъ только что откладывалъ съ тѣхъ поръ, какъ тогда въ Верресѣ помѣшалъ ему содержатель гостиницы. Въ послѣднее еще время, между письмомъ его къ г. Преверу и отвѣтомъ, онъ словно повеселѣе сталъ глядѣть, окромѣ того часа, когда по пріѣздѣ курьера, я приходилъ къ нему съ пустыми руками. Ну, тутъ ужъ онъ куда лютъ, бывало! столбъ и тотъ бы испугался; а я то чѣмъ винова-ватъ? Съ этаго-то времени ему словно полегчало, барыня и рѣшилась иногда оставлять его — на часокъ какой-нибудь, не больше — да и поплатилась же она, бѣдная, за такую оплошность! Съ того вечера, какъ съ нами поговорила, мы ее больше не видали. Одна Роза вхожа къ ней въ комнату для услуги, да докторъ за приказаніями на счетъ бальзамированья и свинцоваго гроба. Когда поѣдемъ, еще неизвѣстно; сегодня утромъ только было приказаніе сходить въ полицію за паспортами.

Остается узнать, что воспослѣдуетъ: останусь ли я въ услугахъ, фермой ли наградитъ меня барыня, иное ли что приключится. Покамѣсть, держите ухо востро. Поклонитесь г. Пастору: его я считаю правымъ, г. Преверъ неспособенъ никому сдѣлать зла; и хоть бы самому себѣ во вредъ, что нужды, разрѣшаю вамъ сказать ему правду, только подъ секретомъ; скажите ему также, что овца его паствы нетерпѣливо желаетъ возвратиться въ христіанскую сторону. За симъ, всѣмъ мой поклонъ и

Digitized by Google

Жаннетѣ: умна она, что отводила Поля-Редара, не то бы намъ съ ней распроститься, а онъ не таковской парень, чтобъ объ ея добромъ имени порадѣть. Любящій васъ Жакъ.

P. S. Возвратный путь держимъ черезъ Симплонъ-гору, что прорыта Бонапартомъ съ большимъ проходомъ въ скалѣ, который проходъ начинается здѣсь и кончается въ Валлисѣ. По мнѣ, открытыя мѣста лучше, да вотъ бѣда — на нихъ нѣтъ дороги, одни снѣга да разбойники, готовые стрѣлять по первому, у кого найдутся четыре су. Пусть Жаннета молится хорошенько утромъ и вечеромъ, и всѣ вы молитесь. Лишь бы вырваться изъ этихъ разбойничьихъ притоновъ, не вернусь въ нихъ, нешто сами придутъ за мной.

CLXXXVIII. *Марта къ г-ну Преверу.* — Изъ Морнекса.

Будьте здѣсь сегодня вечеромъ, г. Пасторъ; силъ моихъ не достаетъ поддерживать этаго отца. Хоть бы умереть-то далъ спокойно дочери!

Нѣсколько дней тому назадъ, милая моя барышня къ слову о бумагахъ, которыя желаетъ передать вамъ потихоньку отъ отца, сказала мнѣ, что она скоро умретъ. Съ тѣхъ поръ не разъ просила обрѣзать ей волосы; я было все не соглашалась, а вчера вечеромъ, какъ увидала, что она сама хочетъ надсаживаться, взяла изъ рукъ ея ножницы и, ничего не видя за слезами, обрѣзала эту дорогую красу.... Мы полагали, что г. Рейбасъ ужъ легъ, а онъ тутъ-то и вошелъ.... Хотѣлъ говорить, простоналъ что-то, не кончилъ и ушелъ.... Я обѣщала барышнѣ привести къ ней отца, лишь бы только она осталась и легла бы въ постель. Пошла за г. Рейбасомъ и застала его въ нижней залѣ. Огня не было, онъ стоялъ неподвижно, въ страшной тоскѣ. Ничего не вымолвилъ на мои слова, пошелъ вслѣдъ за мной, и, пока дочь его ласкала и говорила ему небесныя рѣчи, онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, глядѣлъ пристально и словно безсмысленно. Въ полночь вышелъ отъ нея и не ложился, а на разсвѣтѣ отправилъ письмо.

Въ эту минуту гуляетъ по саду, и глядитъ на барышнино окно, а я спѣшу къ ней — удержать ее въ постели и помѣшать ей сойти внизъ, пока вы не пріѣхали. Она знаетъ, что я къ вамъ пишу. Посылаю съ подводою Шевалье; съ нею и вы пріѣдете. Черезъ пять часовъ вы можете быть здѣсь. Не мѣшкайте изъ состраданія къ вашей покорной слугѣ. Марта.

Digitized by Google

CLXXXIX. *Органистъ къ Шарлю.* — Изъ Морнекса.

Тотъ, который еще съ дѣтскихъ лѣтъ вашихъ, былъ съ вами суровъ и непріязненъ и по инстинкту, а, вездѣе, по причинѣ неизвѣстнаго вамъ безчестія, тотъ обращается къ вамъ.... отдаетъ вамъ свою *Лунзу*!

Позднее призваніе.... и то вынужденное страхомъ.... Она готова была оставить землю.... Я видѣлъ волосы, похищенные ею у могилы для сбереженія вамъ.... Приходите же, изъ любви къ ней; спасите ее, и сердце мое благословитъ васъ!

Шарль! отецъ и мать ваша существовали преступными средствами и погибли въ тюрьмѣ! вы — заброшенный плодъ ихъ беззаконной любви! Узнайте это теперь, когда я принимаю это безчестное клеймо, когда мы съ *Лунзой* готовы смыть его. Рейбасъ.

Digitized by Google

КНИГА ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Тотчасъ же по полученіи письма г. Рейбаса, я полетѣлъ въ Морнексъ. Г. Преверъ пріѣхалъ туда еще наканунѣ. Съ этого дня мы оставались при Луизѣ, и переписка прекратилась.

Такимъ образомъ письмо это заканчиваетъ исторію, конецъ которой слишкомъ легко предвидится. Я могъ бы и намѣренъ былъ остановиться здѣсь, потому что таинственность болѣе идетъ къ этимъ печальнымъ днямъ, и къ тому же всякое описаніе холодно послѣ этихъ писемъ, въ которыхъ каждый высказываясь въ свою очередь, и самъ себя описываетъ. Однакожъ, мнѣ жаль было бы не удовлетворить благосклоннаго любопытства, съ удовольствіемъ предполагаемаго въ моихъ читателяхъ. Съ этой-то цѣлью и прибавляю еще нѣсколько страницъ. Не имѣя намѣренія изобразить, оживить всѣ чувства и страсти, которыя волнуются еще около умирающей Луизы, попробую въ простомъ и коротномъ разсказѣ привести къ концу событія этой исторіи, въ предъидущей книгѣ оставленныя недоконченными.

Я выѣхалъ изъ Лозанны послѣ обѣда; въ десять часовъ вечера проѣзжалъ Женевой, около одиннадцати въѣзжалъ на Морнексній холмъ, самъ не зная еще, къ какому жилью направлю путь. Но г. Преверъ, извѣщенный съ утра о поступкѣ г. Рейбаса, разчелъ уже часъ моего пріѣзда и предупредилъ мое недоумѣніе. Когда я взошелъ на вершину отлогости, насыпью ведущей поверхъ каменоломни, нынче опустѣлой, то замѣтилъ сидящаго человѣка. Я подошелъ ближе; человѣкъ этотъ всталъ: тутъ я узналъ органиста и побѣжалъ къ нему. Онъ ничего не могъ сказать мнѣ, но грудь его сильно волновалась, когда я прижималъ его къ себѣ. Органистъ не тотчасъ указалъ мнѣ дорогу, опять сѣлъ, и пытался молчаніемъ умѣрить и подавить скорбь. Въ эту минуту, шумъ шаговъ извѣстилъ насъ о приходѣ г. Превера. Выждавши первыя минуты нашего свиданія, г. Преверъ шелъ обнять меня и облегчить скорбь г. Рейбаса.

»Десница Божія жестоко караетъ насъ троихъ, — вскорѣ сказалъ онъ; — но мы, несчастные, все-таки не перестанемъ благословлять ее.«

Digitized by Google

Шарль готовъ, г. Рейбасъ менѣе готовъ, — глаза его раскрылись позднѣе, потому что онъ жилъ подлѣ Лунзы, кротость и терпѣніе которой такъ легко вводили въ обманъ.... Пусть же онъ усердно призоветъ Бога, пусть обопрется на насъ, а главное, пусть подумаетъ о дочери, для которой еще многое можетъ сдѣлать, какова бы ни была воля Божія,— возвратить намъ ее, или....« Г. Преверъ не могъ продолжать. Его горе, также какъ и мое, уподобило передъ горемъ органиста: мы сострадали тѣмъ сильнымъ и вмѣстѣ безплоднымъ чувствомъ, отъ котораго замираетъ слово и замираетъ на сердцѣ. Молча пошли мы къ дому.

Изъ лицъ этой исторіи рельефнѣе всѣхъ обозначился г. Рейбасъ. Изъ писемъ его каждый могъ видѣть, какова была сила этой души прямой, чувствительной, набожной, достойной исключительнаго уваженія, но упорной и настойчивой. Въ глубинѣ души этой таился червь, точившій ее до тѣхъ поръ, пока не обратилъ въ прахъ — предразсудокъ или лучше, какъ называетъ его самъ г. Рейбасъ — инстинктъ, скорѣе побужденіе его честности, нежели гордости. Онъ никогда не любилъ меня, никогда не зналъ, можетъ быть, и за исключеніемъ того короткаго промежутка, въ теченіи котораго согласился видѣть во мнѣ будущаго мужа дочери, — въ продолженіи двадцати лѣтъ своей жизни, съ самаго дѣтства моего, онъ обнаруживалъ уже непріязнь ко мнѣ, возставалъ противъ желаній моихъ, не допускалъ сближенія съ собой. Когда же открылась тайна моего рожденія, онъ пораженъ былъ ужасомъ и положилъ границу, черезъ которую рѣшился не переступать. Тогда только началась для него настоящая борьба, и всю силу свою онъ долженъ былъ употребить на поддержаніе души между двумя страхами — страхомъ за жизнь дочери, и другимъ не меньшимъ — какъ бы не заклеймить себя несмываемымъ пятномъ позора. Безъ сомнѣнія, онъ обманывался иногда на счетъ здоровья Лунзы, иногда надѣялся на ея молитвы, надѣялся, что Богъ сжалится надъ невиннымъ созданіемъ; однакожъ, наружное спокойствіе его прикрываетъ одни страданія. Чувствуешь, что душа его готова низринуться съ высотъ, за которыя съ такимъ трудомъ ухватывается, и впечатлѣніе это остается до той минуты, когда Рейбасъ, побуждаемый нѣжностью или отчаяніемъ, входитъ въ комнату Лунзы.... Тутъ только, только при видѣ отрѣзанныхъ волосъ, онъ зоветъ меня. Можетъ быть скорбь его была минутно обманута готовностью принесть въ жертву свою закоренѣлую непріязнь и законныя убѣжденія; но съ этой самой ночи глаза его раскрылись. Онъ ясно увидалъ, что игралъ счастіемъ и жизнію дочери и—проигралъ; и на сердце его, въ конецъ сокрушенное, пала тяжесть страшная, горькая, безмѣрная.

Digitized by Google

Передъ нею-то умолкъ г. Преверъ, какъ ни привыкъ онъ утѣшать несчастныхъ; она же заставила и меня всѣмъ сердцемъ сострадать виновницу моихъ собственныхъ страданій, въ ту минуту совсѣмъ забытыхъ.

Мы пришли домой. Г. Рейбасъ ушелъ къ себѣ; я остался вдвоемъ съ г. Превероиъ, не знавшимъ еще, въ какомъ расположеніи я пріѣхалъ. Я сказалъ ему, что письмо органиста, вмѣсто радости, поразило меня ужасомъ, что я поспѣшилъ, убѣжденный въ неминуемой опасности, вынудившей рѣшеніе г. Рейбаса и увѣренный, что Луизины дни уже сочтены. Г. Преверъ тотчасъ же подтвердилъ эту странную увѣренность; потомъ, отвлекая постепенно мысль мою отъ меня и направляя ее на горькую участь Луизы, допускающую еще нѣкоторое облегченіе, онъ долго бесѣдовалъ со мной нѣжно и довѣрчиво, обращая и собственное свое горе, и свое уваженіе, и мою набожность, и благородство души, на какое я считалъ себя способнымъ, а главное любовь мою къ Луизѣ, — обращая все это на возбужденіе той ревности, юношески восторженной, но искренней, безъ которой я бы неминуемо вдался во всѣ безпорядки отчаянія. Между тѣмъ какъ онъ говорилъ, на порогѣ показалась Марта, и, адресуясь къ г. Преверу, не замѣчая почти моего присутствія, сказала: »ожиданіе мучитъ ее, г. Пасторъ.... прикажите Шарлю войти: это облегчитъ и порадуетъ бѣдную барышню«.... Г. Преверъ тотчасъ же вышелъ узнать, у себя ли г. Рейбасъ, потомъ возвратился, взялъ меня за руку. Марта шла передъ нами, и мы вошли въ Луизину комнату. Дверь отворилась, она произнесла мое имя, и я очутился въ ея объятіяхъ.

Осторожно предупрежденная г. Превероиъ наканунѣ, Луиза узнала съ радостью и безъ особенной тревоги, что я буду имѣть счастье видѣть ее съ позволенія отца. Она предчувствовала, что я не заставлю себя ждать, и пожелала остаться на ночь одѣтою. Я засталъ ее сидѣвшею на постели. Щеки ея зарумянились отъ волненія, въ глазахъ заблистала радость, нѣжность оживляла силы и придавала теплоту ея ласкамъ; она не показалась мнѣ ни слабою, ни трудною.... была минута, когда я готовъ былъ принять за сны всѣ прошлыя тревоги, и съ восторгомъ неописанной радости ухватился за счастіе, которое считалъ навсегда отлетѣвшимъ. Она замѣтила это, и, будто испугавшись моихъ обманчивыхъ грёзъ, намёками на кроткую покорность, попыталась умѣрить мое упоеніе. Тогда только возвратилась ея блѣдность, взглядъ потухъ; я увидалъ въ ней перемѣну и опомнился. Г. Преверъ всталъ, сказалъ Луизѣ, что ей надобно успокоиться и вывелъ меня.

Насталъ день; я сошелъ въ садъ, и прошелся во дорогѣ. Зловѣщія слова г. Превера, преждевременная горесть органиста поразили меня.

Digitized by Google

Какъ бы то ни было, Луиза принадлежала мнѣ, я былъ подлѣ нея, желанія мои совершились. Сердце уравновѣшивало въ себѣ основательный страхъ съ безотрадною радостью. Будто въ какомъ оцѣпенѣніи, я бродилъ съ мѣста на мѣсто. Стояли послѣдніе декабрскіе дни; на сосѣднихъ вершинахъ лежалъ снѣгъ, блѣдный свѣтъ безсолнечнаго дня освѣщалъ сѣроватыя скалы и обнаженные лѣса; то самое мѣсто, которое когда-то я видѣлъ такимъ веселымъ и оживленнымъ, смутно представлялось мнѣ теперь, при ясныхъ воспоминаніяхъ прошлаго и при настоящемъ мракѣ дѣйствительности.

На порогѣ показался г. Рейбасъ. Я подошелъ къ нему-и, не вступая въ разговоръ, мы вмѣстѣ стали отходить отъ дому. Онъ былъ спокойнѣе, видъ его привѣтливѣе и, хотя по прежнему не изъявлялъ пріязни, но казалось, будто прежняя ненависть тяготитъ его, будто стыдно и чудно ему стало, что побуждевія эти, когда-то столь упорныя, нынче скрылись изъ души его, и безъ защиты предали его упрекамъ и раскаянію. Пройдя нѣсколько, я сказалъ ему, что видѣлся съ Луизой и передалъ всѣ подробности свиданія; онъ слушалъ спокойно, но лишь только я попробовалъ намекнуть на надежду, сердце его не выдержало, онъ нахмурился; и, молча, жестомъ оттолкнулъ обманчивые призраки. Я замолчалъ. Въ ту минуту, тронутый, можетъ быть, положеніемъ молодаго человѣка, невиннаго и на всю жизнь несчастнаго, утѣшающаго старика—виновника всѣхъ его несчастій, тронутый, можетъ быть, этимъ положеніемъ, Рейбасъ схватилъ мою руку, сжалъ ее, и, полными слезъ глазами, въ первый разъ въ жизни нѣжно взглянулъ на меня. Сердце во мнѣ рванулось на теплый призывъ, я бросился къ нему на шею, осыпалъ его живѣйшими сыновними ласками. Въ тотъ же день я разсказалъ г. Преверу подробности этаго свиданія. »Несчастный Рейбасъ,« сказалъ онъ, съ глубоко-грустнымъ выраженіемъ, »слишкомъ поздно, слишкомъ дорого достается тебѣ узнать, какъ скоро исчезаетъ ненависть при первомъ движеніи милосердія!«

Всѣ мы трое собрались внизу. Туда же около полудня, сошла и Луиза съ помощію Марты. Она пришла занять за столомъ свое мѣсто вмѣстѣ съ нами. При ней грусть моя затихала; при взглядѣ ея, при звукѣ ея голоса, такъ давно неслыханномъ, я трепеталъ отъ радости. Нужно было присутствіе г. Превера, а главное, присутствіе органиста, чтобъ удержать мои порывы, которымъ я готовъ бы былъ вполнѣ предаться, наединѣ съ Луизой. Она же, занятая скорбью отца, придумывала, что говорить и какъ держать себя, сдерживала грусть, не смѣла казаться и довольной, затаивала въ себѣ даже радость нашего, столь

Digitized by Google

желаннаго соединенія, чтобъ слишкомъ близко не коснуться мысли о скорой разлукѣ. Однакожъ кроткая улыбка ея, нѣжность и грустная радость, адресуясь ко всѣмъ намъ, относились и къ каждому порознь. Подъ вліяніемъ словъ ея, самъ органистъ переходилъ нечувствительно отъ натянутаго спокойствія, на которое обязывалъ себя при дочери, къ грусти болѣе тихой, но тѣмъ болѣе вкрадчивой, замѣтной у него и по влажнымъ рѣсницамъ и по дрожащему голосу.

Я ничего еще не сказалъ Луизѣ о пріемѣ ея отца, ни о томъ, какимъ образомъ утреннее лобзаніе наше разсѣяло всю давнишнюю злобу; но она, съ перваго взгляда, все отгадала, и видѣлъ я, какая горечь примѣшивалась въ ней къ отрадному впечатлѣнію этаго поздняго и безплоднаго примиренія.... Все готово наконецъ къ брачному пиру блаженства, бывшаго мечтою ея жизни, — одна она не должна отозваться на призывъ..., Я былъ возлѣ Луизы. Къ концу обѣда рука ея потянулась за моей для пожатія, для того, чтобъ опереться, чтобъ удержаться при напорѣ тысячи горестныхъ мыслей и раздирающихъ сѣтованій. Глаза ея блистали отъ полноты страданія, отъ дрожи выступали пятна на блѣдныхъ щекахъ, и послѣднихъ силъ ея едва ставало на обманчивую улыбку. Я взглянулъ на г. Превера; онъ всталъ изъ-за стола, и сказалъ г. Рейбасу: »оставимъ ихъ однихъ«, и они вышли. Тутъ-то вылилась вся чаша скорби. Набрасываю покровъ на то, чего не передать словами, и что неприлично выставлять на показъ; скажу только, что это были самыя сильныя, бурныя вспышки, закончившія то терзаніе, безъ котораго не разстается съ землею ни одна молодая дѣвушка, нѣжная, любимая, готовая подъ брачный вѣнецъ.

Такимъ образомъ прошелъ этотъ первый день. На другое утро, сильные порывы — спутники торжественныхъ эпохъ радости или горя, смѣнились какимъ-то затишьемъ, посреди котораго, въ постепенномъ, мирно-однообразномъ возобновленіи привычныхъ занятій, заглушаются и порывы, и борьба, и самая грусть. Привычки Луизы впрочемъ, принимая въ соображеніе суровость времени, мало измѣнились. Всякій день она сходила внизъ къ своему особенному обѣду, который кушала за однимъ столомъ съ нами. Въ эти только минуты мы соединялись всѣ вмѣстѣ; въ остальное время дня она видѣлась съ каждымъ порознь. Г. Преверъ входилъ къ ней утромъ, и бесѣдовалъ съ ней до прихода г. Рейбаса; по уходѣ г. Рейбаса, всѣ остальныя минуты до вечера принадлежали мнѣ. Часовъ около семи, послѣ прощальныхъ нашихъ поцѣлуевъ съ Луизой, г. Преверъ отсылалъ Марту, и еще на нѣсколько минутъ оставался при больной.

Digitized by Google

Въ Мормексъ я пріѣхалъ въ самую рождественскую ночь. Мирно протекали недѣли до самаго конца Февраля. Въ это время здоровье Луизы не только не ухудшилось, но будто измѣнилось къ лучшему. Съ тѣхъ поръ, какъ я помирился съ г. Рейбасомъ, въ грусти ея не стало замѣтно прежней горечи. Присутствіе мое возлѣ нея наполняло ея время, и осуществляло ея послѣднее желаніе; наконецъ, постоянныя ласки мои были для нея ежедневною отрадою, которой такъ долго страдавшее сердце ея предавалось вполнѣ то съ грустью, то съ нѣжностью, то пылко и страстно. Посреди этихъ новыхъ привычекъ, будто замерло то разрушеніе, быстрота котораго такъ ужасала г. Превера; и, какъ всегда случается, когда самые обманчивые признаки сходятся съ завѣтными желаніями сердца, — г. Преверъ, даже самъ г. Рейбасъ начали уже поддаваться на проблески надежды; а я, — во мнѣ и помину не было о прошлыхъ тревогахъ, я наслаждался полнымъ счастіемъ. На мои глаза, Луиза выздоравливала, съ каждымъ днемъ укрѣплялась, и одна только суровость погоды препятствовала ея совершенному выздоровленію. Я жилъ, сердце ликовало. Изъ уваженія къ г. Преверу, къ г. Рейбасу, даже къ Мартѣ, я при нихъ не давалъ воли чувствамъ, и неудержимой радости своей позволялъ изливаться только возлѣ одной Луизы: цѣловалъ ея руки, съ восторгомъ прижималъ ее къ себѣ, плакалъ отъ любви и счастія. Что касается до Луизы, то изъ писемъ ея видно, что она не думала прожить такъ долго; и если, послѣ послѣднихъ упомянутыхъ мною терзаній, она ни въ какомъ случаѣ не заговаривала о близкой кончинѣ своей, то вѣроятно, никогда не завлекалась и надеждой; но, принимая эти дни отдыха, какъ даръ милосердія Божія, старалась ни для кого не возмущать непрочнаго спокойствія. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ, въ ежедневной бесѣдѣ съ г. Превером, переносясь за предѣлы гроба, мысль ея возносилась къ небесамъ и вѣчности, она въ тоже время, не обманывая и не разочаровывая меня, была свидѣтельницею моей радости, принимала мои ласки и восторги нѣжно, со слезою благодарности и съ затаеннымъ неслышнымъ вздохомъ. Около этаго времени Луиза изъявила мнѣ свое желаніе взглянуть на приходъ. Я такъ былъ ослѣпленъ, что даже грустное выраженіе этаго желанія не раскрыло мнѣ глазъ. Я съ улыбкой выслушалъ его, передалъ г. Преверу и г. Рейбасу; посовѣтовались съ медикомъ, и положили, что съ первыми весенними днями всѣ мы воротимся въ приходъ. Нужно было приспособить нѣкоторыя распоряженія къ новымъ привычкамъ и къ нездоровью Луизы: эти заботы взложили на меня, и 23 Марта я отправился изъ Мормекса въ приходъ.

Digitized by Google

Наканунѣ, я имѣлъ короткій разговоръ съ г. Рейбасомъ, по поводу его особенныхъ порученій. Дѣло шло, казалось, о пустякахъ; я готовъ былъ подивиться, что г. Рейбасъ придаетъ имъ такой вѣсъ и съ такимъ смущеніемъ говоритъ о нихъ; но тотчасъ же положилъ, что эти пустяки служили ему какъ бы обходомъ, и вели къ смущавшему его предмету — къ Луизиной комнатѣ. Онъ хотѣлъ разсказать мнѣ о сдѣланныхъ въ ней перемѣнахъ и научить, какъ заранѣе предупредить Луизу, боясь теперь неожиданности впечатлѣнія, еслибъ она вдругъ увидала себя посреди праздничныхъ приготовленій этаго новаго жилища. Но я могъ только догадываться обо всѣхъ этихъ опасеніяхъ; не смотря на обходъ, которымъ г. Рейбасъ дошелъ до воспоминаній недавнихъ надеждъ, уму его представилось роковое сближеніе, и слова замерли на языкѣ. Я пробовалъ ободрить его своими радостями и мечтами, но онъ повторилъ тотъ же отталкивающій жестъ, и сдѣлалъ мнѣ знакъ — уйдти.

Я далъ себѣ слово, проѣзжая Женевой, повидаться съ г. Дерве, поблагодарить его за прошедшія заботы и увѣдомить о здоровьѣ Луизы; зашелъ къ нему, но не засталъ его. Когда я спускался съ лѣстницы, по ней всходилъ старикъ: на шумъ моихъ шаговъ, онъ поднялъ голову, увидалъ меня и поблѣднѣлъ. То былъ Шампенъ. Я смѣшался и не зналъ, какъ обойдтись съ нимъ; но онъ уловилъ взглядъ мой, и, ободренный самымъ моимъ замѣшательствомъ, не задумался и тотчасъ же заговорилъ со мной съ обычными своими шуточками и фамильярностью. «Сдѣлайте такую честь, сказалъ онъ наконецъ, заверните ко мнѣ на минутку. Я живу отшельникомъ, ничего ни о комъ не знаю. Вы можете извѣстить меня о многихъ.« Я пошелъ за нимъ, и не безъ отвращенія вошелъ въ камору его, напоминавшую мнѣ столько ужаснаго. Мнѣ тогда неизвѣстны были сношенія Шампена съ г-жею де-ла-Куръ и, на сколько онъ былъ участникомъ въ открытіи тайны моего рожденія, стало быть, охотно прощая ему прежнюю злобу, признательный за его пріемъ, я готовъ былъ забыть прошлое и возвратить ему свою дружбу.

Виновникомъ какъ Луизиной смерти, такъ и моей горькой доли, былъ безпрекословно Шампенъ. Если справедливость не позволила бы судить о развращенности этого человѣка по сдѣланнымъ имъ несчастіямъ, то неблагоразумно было бы также видѣть въ немъ одного изъ тѣхъ нравственныхъ уродовъ, типы которыхъ находимъ только въ воображеніи романистовъ. Корыстолюбіе, пронырство, свойственныя многимъ, гордость, недостаточность правилъ, болтливость, побуждающая людей праздныхъ выискивать и распространять зло преимущественно передъ

Digitized by Google

добромъ, затаенное преимущественно передъ тѣмъ, чего скрывать не надо, — всѣ эти черты общи большинству людей, всѣ — пагубные источники различныхъ золъ и частыя причины гнусныхъ поступковъ. Шампенъ, имѣвшій всѣ эти свойства и въ добавокъ умъ и смѣтливость,— рѣдкія между ему подобными, сдѣлалъ только то, надъ чѣмъ, на его мѣстѣ, не задумался бы ни одинъ изъ его братьи. Сначала тайна подстрекнула его любопытство; потомъ онъ старался представить въ дурномъ видѣ всѣ мои поступки, и, ссылаясь на мое низкое происхожденіе, будто не безъ права, ожесточался за мое справедливое негодованіе. Въ самомъ началѣ уже былъ ядъ въ этой лукавой, хотя и не совсѣмъ еще развращенной натурѣ. Низкое чувство гордости, которое, въ силу кажущагося только противорѣчія, угнетая съ одной стороны, унижается съ другой, и побужденіе корысти сблизили его съ г. Эрнестомъ де-ла-Куръ, которому онъ помогалъ не столько изъ великодушія или привязанности къ молодому человѣку или къ Рейбасу, сколько изъ мести ко мнѣ. До сихъ поръ онъ былъ все тѣмъ же, то есть, ни лучше, ни хуже себѣ подобныхъ, только за недостаткомъ случая не посягающихъ на самыя черныя дѣла. Позднѣе же, когда коварству и гордости его пришлось отозваться на лестный призывъ и убѣдительныя просьбы г-жи де-ла-Куръ, когда несчастіе ея представило ему достаточный предлогъ, а богатство сильную приманку, тогда онъ начинаетъ потворствовать предразсудкамъ Рейбаса и разжигаетъ его антипатію. Когда же этотъ несчастный, въ страхѣ отъ сдѣланнаго имъ, дрожитъ, колеблется, бьется, и готовъ выпутаться изъ сѣтей, которыми опутанъ, тогда дерзкій привратникъ, чтобъ удержать Рейбаса, покушается на преступленіе: губитъ меня и вмѣстѣ со мною всѣхъ тѣхъ, которыхъ думаетъ спасти. Поразительный примѣръ несчастій, посѣянныхъ рукою гнусной страсти и злодѣйскими происками и, никѣмъ невидимо, возрастающихъ,—примѣръ тѣхъ тайныхъ преступленій, поражающихъ во мракѣ, на которыхъ нѣтъ и закона, и въ которыя, въ различныхъ степеняхъ, впадаютъ многіе, за отсутствіемъ честнаго сердца, не руководимые ни страхомъ Божіимъ, ни любовью къ ближнему,

Странной могла показаться дружба такого человѣка съ г. Рейбасомъ; кто однакожъ не замѣчалъ, что воспоминанія дѣтства, равенство званій, сходство вкусовъ и равная степень образованія, очень сильны для сближенія людей разныхъ склонностей и еще болѣе различной нравственности? Однакожъ, эта дружба сильна была не столько поддержкой, сколько давностью; въ ней было болѣе фамильярности, чѣмъ искренности. Основанная на пріятныхъ сношеніяхъ въ молодости, она могла долго

Digitized by Google

держаться; но потомъ, угасла бы сама собой, еслибъ не обстоятельства, скрѣпившія ее такимъ пагубнымъ образомъ, и въ то самое время, когда друзья уже готовы были забыть другъ друга, не встрѣчаясь въ продолженіи шести лѣтъ, живя — одинъ въ уединеніи сельскаго прихода, другой — по обязанности, въ городѣ, что и видно изъ перваго письма Шампена къ органисту. Рейбасъ же, надобно прибавить, познавшій натуру человѣческую прямотою совѣсти, заставлявшей его безпристрастно углубляться въ самаго себя и слѣдить за собственными побужденіями и намѣреніями, плохо зналъ людей, не могъ похвалиться искуствомъ различать одну натуру отъ другой и оцѣнять каждую по достоинству. Въ этомъ случаѣ онъ руководствовался болѣе своими внушеніями, инстинктомъ, нежели разсудкомъ; толковалъ о своихъ отвращеніяхъ и влеченіяхъ, не обсуживая ни тѣхъ, ни другихъ. Этимъ и объясняется снисходительность его къ пріятелю и строгость со мной, также и то, какимъ образомъ, твердый и упорный въ собственныхъ своихъ идеяхъ, онъ только сталкивался съ идеями Шампена, но не подчинялся ему, и не далъ провести себя обманщику, хоть и сдѣлался подъ конецъ его жертвой. Наконецъ, для честной души г. Рейбаса даже непостижимы были подобныя дѣла и происки, и, если ему понятно было, что, имѣя въ виду позоръ, могущій постигнуть пріятеля, Шампенъ рѣшился розыскивать родителей Шарля, то никогда, ни на минуту, не подозрѣвалъ въ подобномъ поступкѣ побужденія алчности или даже гордости.

Я вошелъ къ Шампену. Хитрый старикъ, дѣлая видъ, будто интересуется одними приходскими, распросами своими скоро вывѣдалъ, что мнѣ нисколько неизвѣстны его происки. Радость проглянула на лицѣ его, выражавшемъ одно тревожное любопытство. Онъ уважительно говорилъ о г. Преверѣ, прилично и съ участіемъ объ Луизѣ, кстати приводя въ примѣръ молодыхъ дѣвушекъ, которымъ сердечныя помѣхи причиняли болѣзни, а исполненіе желаній, хотя и позднее, возвращало здоровье. Потомъ, пользуясь совершеннымъ моимъ невѣдѣніемъ на счетъ судьбы г. Эрнеста, онъ будто случайно коснулся этого деликатнаго пункта. »Да, сказалъ онъ, умориля его тамошнія лихорадки, а можетъ и лечили дурно, кровь пустили не вовремя, какъ знать?... Пожалуй, есть такіе язычки — увѣряютъ, будто онъ помогъ кровопусканію, а нешто и самъ, чего добраго, не пустилъ ли себѣ кровь?« — Сердце сжалось у меня отъ этихъ словъ. Я съ состраданіемъ перенесся къ горькой участи молодаго человѣка, отнятаго у матери, и съ ужасомъ выслушивалъ таинственные намеки на его смерть. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія я всталъ было, но Шампенъ старался удержать меня, удвоивалъ

Digitized by Google

свои шуточки и любезности, чтобъ разсѣять мою грусть и усилить любопытство. Я все-таки стоялъ на томъ, что пора мнѣ идти. Тогда онъ вмѣстѣ со мной сошелъ съ лѣстницы, проводилъ меня до улицы, гдѣ съумѣлъ задержать еще на нѣсколько минутъ будто для того, чтобъ прохожихъ и сосѣдей сдѣлать свидѣтелями нашего свиданія. Простившись со мной, Шампенъ остался на порогѣ, и не выпустилъ меня изъ виду, пока я не завернулъ за уголъ улицы.

То былъ мой послѣдній разговоръ съ Шампеномъ, хотя онъ и долго жилъ еще потомъ, и пережилъ почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой исторіи. Проницательный г. Преверъ обсудилъ его натуру, когда умыселъ еще вполовину былъ глубокой тайной, и когда одна г-жа де-ла-Куръ отступала въ ужасѣ, начиная усматривать гнусность злодѣйства. Самъ я недолго оставался въ невѣдѣніи. Шампенъ, умершій только годъ тому назадъ, не понесъ, однакожъ, на землѣ наказанія за дѣла свои, ни даже заслуженныхъ отъ людей презрѣнія и ненависти. Никому изъ насъ никогда не приходило на мысль отомстить старику, сдѣлавъ гласными его поступки; особа же, которая могла бы извлечь пользу изъ этой гласности, г-жа де-ла-Куръ, забыла и думать объ этомъ, встрѣченная дружескими утѣшеніями г. Превера, его уваженіемъ и состраданіемъ, вмѣсто ожидаемыхъ подозрѣній и порицанія. Былъ одинъ человѣкъ въ приходѣ, душа котораго сильно содрогнулась бы, а злополучіе удвоилось бы отъ такого открытія, когда бы онъ увидалъ себя сообщникомъ ужаснаго злодѣя; но органистъ—то былъ онъ—умеръ, не узнавши Шампенова умысла. Совѣсть Рейбаса, прямая и благородная, не могла еще, конечно, такъ сильно упрекать его за пагубное упорство и за слишкомъ позднее пожертвованіе давнишней злобой и предубѣжденіями; но какъ ужаснулась бы эта совѣсть отъ сознанія, что онъ содѣйствовалъ торжеству злоумышленника! Такимъ образомъ Шампенъ могъ еще влачить долгіе годы существованія и не дожить до грозы, всегда надъ нимъ висѣвшей. Онъ могъ, изъ-за угла своего, спокойно смотрѣть на могилы имъ открытыя, забирающія свои жертвы одну за другою. Никакой тревоги извнѣ, развѣ какой смутный слухъ изрѣдка доходилъ до его убѣжища, въ которомъ скоро его заключили недуги, и гдѣ, подъ конецъ, онъ существовалъ пособіемъ овдовѣвшаго зятя и милостынею г. Дерве. Недавно только я сказалъ этому пастору, на какого злоумышленника обращены были его благодѣянія. Распросивши въ свою очередь г. Дерве, я убѣдился, что Шампенъ, въ продолженіи стольких лѣтъ уединенія тонился въ ложномъ спокойствіи эгоиста, не зная ни угрызеній честнаго сердца, ни раскаянія, отраднаго для души религіозной.

Digitized by Google

Съ мыслію о г. Эрнестѣ, участь котораго такъ сильно меня тронула, я направился къ приходу. По мѣрѣ приближенія, началъ завлекаться другими предметами. Только что я вошелъ въ селеніе, меня окружили крестьяне. Они сбѣгались, одни сзывали другихъ, выходили изъ своихъ домовъ, принимали меня съ разными дружескими изъявленіями, и засыпали распросами о г. Рейбасѣ и его дочери. Никто не подозрѣвалъ, чтобъ Луизина жизнь была въ опасности. Ихъ спокойствіе нечувствительно перешло и на меня, и я сообщалъ имъ утѣшительныя извѣстія, ежеминутно прерываемыя вновь подходившими, которымъ снизнова долженъ былъ повторять тоже самое. Большая часть крестьянъ провожали меня до прихода. Милый пріютъ моего дѣтства, изукрашенный лѣтомъ всѣмъ убранствомъ буковъ, травъ, цвѣтовъ и раскидистою зеленью растеній, прикрывающихъ ветхость древнихъ стѣнъ, — этотъ любезный пріютъ увидалъ я теперь обнаженнымъ, сѣроватымъ, какъ небо, и холоднымъ, какъ воздухъ. Первымъ моимъ дѣломъ было идти прямо въ Луизину комнату; укрѣпился противъ ожидавшаго меня тамъ волненія, и тотчасъ же занялся распоряженіями. Главныя заключались въ предосторожностяхъ противъ холодовъ послѣдней зимней поры. Я велѣлъ освѣжить всѣ комнаты, чтобъ не оставалось сырости, какая могла закрасться осенью во время каменьщичьихъ работъ; упросилъ Крозатову перейти до нашего пріѣзда въ домъ, такъ долго стоявшій пустымъ, чтобъ обжить и обтопить его. По окончаніи этихъ и другихъ приготовленій, готовился уже въ обратный путь въ Морнексъ, какъ одно обстоятельство заставило меня провести еще ночь въ приходѣ.

Крестьяне не замедлили сообщить мнѣ слухи, носившіеся о смерти г. де-ла-Куръ. Надѣясь получить на этотъ счетъ какія-нибудь свѣденія отъ родныхъ Жака, я пошелъ къ нимъ; но они, заподозрѣнные уже въ болтливости, прикинулись, будто ничего не знаютъ, кромѣ тѣхъ темныхъ слуховъ, что носятся по селенію, и, по словамъ ихъ, неизвѣстно откуда взяты. Такимъ образомъ я не оставался при томъ, что слышалъ отъ Шампена. На другой день, часовъ около двухъ пополудни, въ селеніе въѣхали двѣ кареты, запряженныя почтовыми лошадьми. Съ козелъ одной соскочилъ Жакъ и побѣжалъ поздороваться со своими. Онъ былъ въ траурѣ. Отъ него узнали, что въ первой каретѣ — г-жа де-ла-Куръ, а во второй — гробъ г. Эрнеста, умершаго въ Туринѣ отъ тамошней лихорадки. Не останавливаясь долѣе, Жакъ побѣжалъ догонять кареты, въ эту минуту медленно въѣзжавшія на приходскій пригорокъ. Вскорѣ кареты въѣхали въ аллею, и остановились передъ домомъ г-жи де-ла-Куръ.

Digitized by Google

Г-жа де-ла-Куръ, выбравши для пріѣзда такое время, когда всѣ приходскіе были въ Морикесѣ, считала себя такимъ образомъ избавленною отъ нѣкоторыхъ обязанностей, требуемыхъ приличіями, и которыя при настоящемъ ея отношеніи къ жителямъ прихода, были бы тяжелы и неудобоисполнимы. Но покуда кареты взбирались на пригорокъ, она съ удивленіемъ увидала въ приходскомъ домѣ открытыя ставни и дымъ въ трубахъ. Распросивши Жака, узнала, что въ настоящую минуту я въ приходѣ, а скоро должна возвратиться и Луиза. Эти новости встревожили ее. Она едва успѣла выдти изъ кареты, какъ послала ко мнѣ человѣка съ просьбою отъ ея имени — до отъѣзда въ Морикесъ побывать у нее. Я отвѣчалъ, что приду черезъ часъ, но часа еще не прошло, а я шелъ уже въ замокъ. Проходя сѣнями, я замѣтилъ гробъ и подлѣ него человѣка въ траурѣ. Сильно пораженный видомъ этого гроба, я вошелъ къ г-жѣ де-ла-Куръ блѣдный и дрожащій всѣмъ тѣломъ.

Г-жа де-ла-Куръ протянула мнѣ руку съ выраженіемъ состраданія и тревожнаго страха. »Говорите, сказала она, пытливо вглядываясь въ меня: что Луиза?... Отчего это долгое отсутствіе г. Превера? Что значатъ эти зловѣщія письма?...« Не понимая хорошенько смысла этого вопроса, я отвѣчалъ на него, представивъ положеніе Луизы въ такомъ видѣ, въ какомъ самъ принималъ его. »Услышь васъ Богъ!« сказала г-жа де-ла-Куръ, когда я кончилъ. Потомъ схватила руку мою, съ чувствомъ сжала ее и продолжала: »Ахъ, Шарль, Шарль! Когда вы узнаете все, тогда не будете ненавидѣть меня, а пожалѣете. Развѣ я не первая жертва этого чудовища?« Я ничего не понялъ.—Г-жа де-ла-Куръ замѣтила мое недоумѣніе, и, поддавшись волненію, котораго не могла удержать: »узнайте же все, сказала она вставая, эта тяжесть слишкомъ гнететъ мое сердце.«

Произнося эти слова и подчиняясь чувствамъ, заглушавшимъ въ ней самую скорбь, г-жа де-ла-Куръ подошла къ столу, на которомъ поставленъ былъ небольшой ящикъ, вынула изъ этого ящика связку бумагъ, и опять возвратилась на свое мѣсто. Тогда только въ первый разъ я узналъ о томъ злодѣйскомъ умыслѣ, за ходомъ котораго читатель слѣдилъ по письмамъ Шампена, бывшимъ тогда въ рукахъ г-жи де-ла-Куръ. Тутъ только открылись передо мной всѣ козни на меня направленныя. По окончаніи этого разсказа, въ продолженіи котораго то слезы скорби и жалости выступали на глазахъ ея, то гнѣвомъ загорались слова, — она развязала пачку, выбрала изъ нея тѣ изъ Шампеновыхъ писемъ, въ которыхъ очевиднѣе высказывались коварство и злоба этого человѣка; прочла мнѣ и письмо г. Рабаса, наконецъ дала прочесть и

Digitized by Google

то письмо г. Превера, которое обезнадежило г. Эрнеста, указало ему слѣдъ козней, предпринятыхъ на мою пагубу, вызвало его отчаяніе, стыдъ и заставило посягнуть на жизнь. Я внимательно слѣдилъ за всей этой борьбой, за страхами, за зловѣщими предсказаніями, предметомъ которыхъ во всѣхъ этихъ письмахъ я, особенно, въ послѣднемъ была Луиза, и изо всего этого чтенія вынесъ болѣе скорби, чѣмъ негодованія. Разсѣялись послѣднія свѣтлыя мечты мои; въ памяти оставалось одно зловѣщее, и, между тѣмъ какъ г-жа де-ла-Куръ, испуганная моимъ горемъ и слезами, засыпала меня настоятельными распросами, я, отвѣтами своими разрушалъ одну за другою всѣ надежды, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ ей сообщенныя. Въ отчаяніи, она закричала наконецъ: »Луиза погибла!... Г. Преверъ не ошибся!« Тутъ я оцѣпенѣлъ, слезы изсякли. Обезсиленная горемъ, г-жа де-ла-Куръ забыла, что я тутъ; мнѣ же хотѣлось поскорѣе уйдти отъ нея. Въ скорби нашей, за исключеніемъ самого предмета, не было теперь ничего общаго: мое сердце истерзано было горемъ, ея страдало отъ упрековъ, цѣпенѣло отъ ужаса. Прощаясь, я не слыхалъ отъ нея ни просьбы остаться, ни желанія видѣть насъ. Уходя отъ нея, въ концѣ аллеи, встрѣтилъ Антуана съ запиской, полученной во время моего визита въ замокъ. Вотъ она:

»Шарль, возвратитесь къ вашей Луизѣ, возвратитесь, мой возлюбленный, и вернемся вмѣстѣ въ тѣ мѣста, на которыя мнѣ хочется взглянуть.

Батюшка колеблется, готовъ отказаться отъ этой поѣздки: чтобъ убѣдить его и предупредить эту борьбу, пріѣзжайте въ Морнексъ съ двумя повозками. Луиза.

На другой день я выѣхалъ до-свѣту, чтобы поспѣть въ Женеву, какъ только отворятъ городскія ворота. Въ Женевѣ нанялъ двѣ повозки и къ десяти часамъ утра былъ уже въ Морнексѣ. Какъ нетерпѣливо ни хотѣлось мнѣ видѣть Луизу, но мнѣ позволили войдти къ ней только вечеромъ, когда спала лихорадка, оставлявшая ее только на короткіе промежутки. Она осыпала меня ласками, утѣшала и ободряла; потомъ, постепенно снимая послѣднюю завѣсу, начала говорить о своей близкой кончинѣ. Тутъ я съумѣлъ облегчить ея скорбь и удержать свою. Въ продолжительной бесѣдѣ я сообщилъ ей мои рѣшенія, намѣренія, клятвы; Луиза передала мнѣ волю свою, послѣднія желанія, надежды. Въ словахъ ея излилась вся нѣжность и та терпѣливая христіанская кротость, прелесть которой, казалось, она хотѣла оставить и послѣ себя — на отраду домашнимъ.

Въ тотъ самый вечеръ, съ Мартой и г. Превероиъ мы все приготовили къ отъѣзду, склонивши сперва г. Рейбаса, который будто при-

Digitized by Google

кованный, будто въ онѣмѣніи ждалъ рѣшенія своей участи на скалѣ Морнекской. На другой день, когда накладывали телѣгу, онъ захотѣлъ было поѣсть; но увидалъ прялку и другія Луизины вещи, встревожился и ушелъ. Эта телѣга потянулась первая. Когда все было готово, мы съ Мартой сѣли въ повозку. Въ ней, полу-лежа, дожидалась насъ Луиза! Г. Преверъ съ органистомъ, въ другой повозкѣ, поѣхали впередъ.

Въ продолженіе этого печальнаго путешествія, Луиза спокойно разговаривала съ Мартой и со мной; къ словамъ своимъ примѣшивала тысячу изъявленій любви и благодарности, и послѣдними впечатлѣніями старалась заранѣе смягчить наши будущія сожалѣнія. Когда стали подъѣзжать къ Женевѣ, она, будто прощаясь съ родиной, взглянула на валы, на домы, на древнія башни Св. Петра; но, когда проѣхали городъ и начали приближаться къ приходу, тутъ Луиза замолкла и прослезилась. Г. Преверъ приказалъ предупредить крестьянъ, чтобъ они не окружали повозку и не обращали бы вниманія на пріѣзжихъ, какъ будто не узнаютъ никого. Добрые люди оставались по домамъ, но высыпали къ окнамъ и глядѣли изъ-за стеколъ. Луиза видѣла ихъ и чувствовала, что она предметомъ любопытства, въ безмолвіи котораго было что-то зловѣщее. Изъ всего пустыннаго селенія, одна только дѣвочка-сирота, упоминаемая въ разсказѣ,—стоя на порогѣ клѣва и узнавши Луизу подбѣжала къ ней съ радостными криками. Луиза велѣла остановиться; дѣвочка встала на приступку повозки, чтобъ дотянуться до дверки и не замѣчая, въ радости, какъ поблѣднѣла ея благодѣтельница, наивно изъявляла ей любовь свою. Луиза довольно спокойно принимала ея ласки. Повозка опять тронулась, въѣхала на пригорокъ, обогнула прудокъ, и остановилась передъ дверью приходскаго дома. Г. Преверъ ждалъ насъ на порогѣ. Не видя отца, Луиза тотчасъ спросила, гдѣ онъ? — »Придетъ, немного погодя,« отвѣчалъ г. Преверъ. Эти слова опечалили Луизу; не освѣдомляясь болѣе, она вышла изъ повозки и медленно вошла въ домъ. Посреди коридора она принуждена была остановиться на нѣсколько минутъ. Я поддержалъ ее, она собралась съ духомъ, и съ моей помощью взошла на маленькую лѣстницу, которая вела къ ней въ комнату. При видѣ перемѣнъ, этого убранства, этихъ доказательствъ любви и надеждъ, тяжело стало Луизѣ. Она сѣла на стулъ подлѣ двери и осталась тутъ, стараясь прислониться ко мнѣ и молча сжимая мои руки, омоченныя ея слезами. Для утѣшенія и подкрѣпленія Луизы, во мнѣ было много силы и спокойствія. Нѣсколько облегченная моими ласками и словами, она пожелала, чтобъ я пошелъ къ отцу. Пришла Марта, уложила Луизу въ постель и я вышелъ.

Digitized by Google

Въ домѣ не было ни г. Превера, ни г. Рейбаса. Г. Рейбасъ, привыкшій къ воздуху и деревенскому спокойствію, не могъ уединиться въ комнатѣ: одолѣваемый тоскою, онъ уходилъ изъ дома для бо́льшей свободы и одиночества. Прямо изъ повозки органистъ пошелъ къ тому уединенному мѣстечку, гдѣ бывало, имѣлъ обыкновеніе отдыхать во время полуденнаго жара. Тамъ я нашелъ его съ г. Превером, оставившим его только на одну минуту для встрѣчи Луизы. Г. Рейбасъ, не слушавшій дружескихъ увѣщаній г. Превера, то вставалъ, то садился, то обращалъ къ самому себѣ прерывистыя рѣчи. Я пошелъ къ нему, умолялъ его придти въ себя, говорилъ, что буду ему сыномъ, опорой, что я навсегда связанъ съ нимъ тою же любовью, тѣмъ же уваженіемъ къ его Луизѣ; но что прежде всего мы должны усладить горечь ея послѣднихъ дней, что она еще не видала его по пріѣздѣ, и въ эту самую минуту печалится его отсутствіемъ. Послѣднія мои слова, казалось, утишили его тревогу. »Пойдемте къ ней,« сказалъ онъ вставая, и мы вмѣстѣ вошли въ Луизину комнату.

Тутъ была Марта. Она хотѣла выдти, но г. Рейбасъ взглянулъ на нее, какъ взглянулъ бы на свою Терезу и сказалъ: »останься, Марта, останьтесь всѣ вы.... Друзья, которыхъ я не стою!« Подошелъ потомъ къ Луизѣ, поцѣловалъ ее и сѣлъ возлѣ нея на постель. »Дитя мое, продолжалъ онъ, я не забылъ наставленій твоего послѣдняго письма.... Эту комнату я поновилъ было для тебя.... Но, если Богу не угодно.... Не бойся, я роптать не буду. Пусть это убранное жилье будетъ для тебя преддверіемъ къ той обители, въ которую Господь призываетъ тебя, гдѣ ждетъ тебя мать твоя....« Органистъ продолжалъ. Слушая его, сердца наши облегчались. Въ первый разъ осмѣливались говорить при всѣхъ объ общемъ горѣ, и скорбь эта, непринужденная, преданная на волю Божію, проникала съ меньшею горечью. Марта заливалась слезами. Г. Преверъ, тронутый религіозною твердостью своего друга, слушалъ съ торжественнымъ вниманіемъ. Луиза же, растроганная, но облегченная, расточала отцу самыя нѣжныя, самыя отрадныя для сердца ея ласки. Она захотѣла выразить, какъ ей пріятно видѣть около себя всѣхъ насъ согласныхъ и покорныхъ, и въ этотъ день сказала все, что желала сообщить намъ всѣмъ вмѣстѣ.

Въ слѣдующіе дни разрушеніе ея шло быстро, а душа становилась спокойнѣе. Наступили первые апрѣльскіе дни: деревья начинали распускаться, яркое солнце чаще всходило надъ деревней, два или три раза Луиза пожелала сѣсть къ окну, куда мы и доносили ее на рукахъ. Мы собирались около нея, во всѣ ея спокойныя минуты, свободныя отъ

Digitized by Google

тоски и лихорадки: вели съ ней благочестивую бесѣду, или говорили объ сельскихъ дѣлахъ и объ разныхъ ея порученіяхъ въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ поселянъ. По мѣрѣ приближенія къ роковой минутѣ, всѣ мы, не исключая и самого органиста, запасались бо́льшимъ спокойствіемъ. Луиза внушала намъ какое-то восторженное удивленіе; бодрость ея сообщалась намъ; заботы, старанія между тѣмъ удвоивались, и скорбь будто затихала посреди такихъ полныхъ дней, такихъ разнообразныхъ ощущеній. 25-го апрѣля, чувствуя себя пободрѣе, Луиза велѣла позвать свою сиротку, Крозатову, еще нѣсколькихъ женщинъ, любимыхъ ею за всегдашнюю привязанность ко мнѣ, и въ короткихъ словахъ дружески простилась съ ними; а 26-го, когда всѣ мы были около нея, взглядъ ея вдругъ потухъ, слово замерло на губахъ, однѣ руки искали нашихъ рукъ, и говорили еще за нее.... На закатѣ солнца Луиза отошла на лоно Божіе.

Какъ бы непричастный этимъ событіямъ, простой зритель, гляжу на эту умирающую дѣвушку.... и душа сотрясается до самой глубины. Какими словами описать это зрѣлище? Въ какихъ образахъ представить?... Здѣсь не только скошенная косою лилія, не только юность и прелесть, исчезающія подъ ударами безжалостной руки.... Здѣсь добродѣтель, чистота, дѣтская нѣжность, погибающія жертвами самихъ себя! Зрѣлище достойное безсмертной надежды, внушающее покорность, полную упованія, уваженія и любви!

Слухъ объ этой кончинѣ облекъ въ трауръ все маленькое селеніе, утѣшеніемъ и красою котораго была Луиза. Печальное извѣстіе принято было трогательными изъявленіями скорби. Бѣдные поселяне почувствовали, какое благо они потеряли безвозвратно. По собственному внушенію приличія, они соблюдали тишину, чинно и молча отправлялись на работы, прекратили вечернія игры, и, собравшись у крылецъ своихъ хижинъ, толковали между собой о приходскомъ горѣ — объ молодой дѣвушкѣ, которая вышла изъ рядовъ ихъ, и была всѣмъ имъ другомъ и покровительницею ихъ дѣтямъ. Г. Преверъ, тронутый такими доказательствами истиннаго чувства и желая содѣйствіемъ своимъ направить это чувство на благое, уходилъ на село, присоединялся къ кружку собравшихся прихожанъ своихъ, и говорилъ съ ними о Луизѣ, объ ея кончинѣ, о томъ, что въ сердцѣ ея была доля любви для каждаго изъ нихъ. Онъ хвалилъ ея истинное и простое благочестіе, придававшее слабому ребенку бодрость сильнаго мужчины, хвалилъ ея издѣтства постоянное рвеніе къ добру и умѣнье помочь и утѣшить

Digitized by Google

Женщины, по натурѣ чувствительныя и болѣе близкія къ Луизѣ, входившей въ ихъ домашнія дѣла, — плакали; мужчины грустно и почтительно слушали г. Превера — и ихъ тугія деревенскія чувства были сильно затронуты. Во время бесѣды, г. Преверъ подозвалъ къ себѣ Луизину сиротку, напомнилъ ей милости ея благодѣтельницы, и, лаская малютку, нѣсколько облегчалъ собственную свою тяжесть. Когда онъ всталъ, всѣ сняли шапки; одинъ, отъ имени всѣхъ, спросилъ, когда будетъ погребеніе — »чтобы распорядиться работами и каждый бы отдалъ долгъ этой уважаемой дѣвицѣ.« Г. Преверъ объявилъ имъ, что погребеніе будетъ на другой день въ десять часовъ, и ушелъ въ сопровожденіи двухъ старшинъ, проводившихъ его до дому.

Во время отсутствія г. Превера, за нимъ присылала г-жа де-ла-Куръ. Онъ тотчасъ къ ней отправился, поручивши мнѣ органиста. Когда г-жа де-ла-Куръ узнала о смерти Луизы, то отчаяніе ея разразилось въ страшныхъ воплѣхъ горести и раскаянія. Между тѣмъ какъ истинный виновникъ столькихъ несчастій жилъ спокойно подъ прикрытіемъ своихъ хитростей и лжи, она громко обвиняла себя въ преступленіи. Въ такомъ отчаянномъ положеніи засталъ ее г. Преверъ. Онъ всегда имѣлъ въ подозрѣніи Шампена, а слухи по поводу смерти г. Эрнеста подтвердили его предположенія. Съ тактомъ человѣка проницательнаго, г. Преверъ всегда увѣренъ былъ, что преступная сторона чернаго дѣла принадлежала исключительно Шампену. Что касается до г-жи де-ла-Куръ, которую онъ зналъ всегда расположенною къ добру, честною и великодушною, онъ ни въ чемъ не обвинялъ ее, кромѣ слабости и неблагоразумія, упрекалъ ее только въ неосторожности. Съ такими мыслями г. Преверъ явился къ г-жѣ де-ла-Куръ, »увѣренный — сказалъ онъ ей — что она несправедливо обвиняетъ себя, и что честная душа ея обращаетъ себѣ въ упрекъ однѣ справедливыя сожалѣнія.« Онъ слушалъ, сострадалъ, говорилъ ей съ силою, подчинявшею ему сердца. Успокоивши г-жу де-ла-Куръ, г. Преверъ сказалъ ей, что намѣренъ оставаться ея другомъ, и что для него было бы отрадною необходимостью говорить о Луизѣ съ тѣми, которые знали ее и жалѣютъ о ней. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Бесѣды его спасли бѣдную даму отъ отчаянія, хотя она никогда не могла забыть, что была невольной причиной смерти Луизы, хотя оплакивала ее болѣе собственнаго сына; но дружба и заботливость г. Превера, вниманіе съ моей стороны, — наконецъ успокоили ея совѣсть, и въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, которыми г-жа де-ла-Куръ пережила Луизу, она наслаждалась миромъ душевнымъ.

Digitized by Google

На другой день, съ девяти часовъ утра, изъ села, изъ жилищъ разсѣянныхъ отдѣльно по окружнымъ полямъ — весь народъ собрался по одну сторону приходскихъ липъ. На противоположной сторонѣ происходили приготовленія къ выносу. Издали, около виноградниковъ, изъза изгородки, матери семействъ и дѣвушки смотрѣли на печальные сборы. Скоро, передъ порогомъ дома спустили гробъ, по верхъ котораго виденъ былъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ — обычное, въ нашей сторонѣ, украшеніе дѣвическаго гроба. Сзади шелъ органистъ съ женихомъ покойницы; за ними г. Преверъ съ крестьяниномъ, родственникомъ Терезы; потомъ двое старшинъ, приглашенные, за недостаткомъ родныхъ съ Рейбасовой стороны. Печальный кортежъ выступилъ, обогнулъ церковную паперть, и тутъ, въ глубочайшемъ молчаніи присоединились къ нему, по двое, всѣ поселяне. Дошли до кладбища. Передовые остановились передъ вырытой могилой, въ недальнемъ разстояніи отъ другой свѣжей могилы, за три недѣли принявшей г. де-ла-Куръ. Въ то время какъ спускали гробъ, г. Преверъ подошелъ было къ органисту, хотѣлъ отвлечь его отъ печальнаго зрѣлища, но онъ рукой отстранилъ г. Превера, и безъ слезъ смотрѣлъ на работу могильщиковъ. Когда они кончили, онъ самъ подалъ имъ похоронную плату, оперся на меня, и нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно, потомъ обернулся назадъ и побрелъ къ приходу. Шесть особъ, участвовавшихъ въ проводахъ стали передъ приходскимъ домомъ; всѣ поселяне безъ шапокъ прошли мимо ихъ, потомъ разсѣялись по селу, а мы между тѣмъ входили въ домъ.

Марта, въ продолженіи столькаго времени ни днемъ, ни ночью не отходившая отъ Лунзы, такъ охотно служившая ей до послѣдней минуты, — смиренная и сострадательная Марта увидала насъ и предалась всей силѣ скорби своей. Она оплакивала даже бренную оболочку, на которую еще такъ недавно любовалась. Г. Рейбасъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее, и сказалъ ей самымъ дружескимъ тономъ: »Марта, ты не могла продлить жизни Лунзѣ, а я могъ не сгубить ее....

Вечеромъ того же дня я имѣлъ разговоръ съ г. Преверомъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что желаетъ оставить меня въ приходѣ на все лѣто, и что ученье свое я начну не прежде будущей зимы. Онъ желаетъ этого и для себя, но особенно для г. Рейбаса, которому любовь моя и заботливость должны были съ каждымъ днемъ дѣлаться необходимѣе. Г. Преверъ сказалъ мнѣ, что онъ надѣется на покорность и твердость своего несчастнаго друга, но боится, если не въ настоящую минуту, то впередъ, за натуру его, потрясенную ужаснымъ ударомъ. »Единъ

Digitized by Google

ственное утѣшеніе паше теперь — прибавилъ онъ растроганнымъ голосомъ — свято исполнять волю Луизы.« Онъ замолчалъ, и мы вмѣстѣ поплакали.

Дѣйствительно, несчастный отецъ пораженъ былъ въ самое сердце. Измѣненіе лица его, съ этой поры, оправдывало предвидѣніе г. Превера. Физіономія г. Рейбаса была не изъ тѣхъ общихъ физіономій, которыя легко забываются, смѣшиваясь со многими. Корпусъ его отличался сильнымъ развитіемъ мышцъ, походка важностью, манеры благородствомъ; онъ привлекалъ самымъ сельскимъ костюмомъ своимъ: съ такимъ умѣньемъ онъ носилъ свое грубое шерстяное платье, такъ все на немъ было свѣжо и опрятно. Но главнымъ украшеніемъ органиста была прямота души его, явственно обозначавшаяся на грубомъ и загорѣломъ лицѣ, выражавшемъ также и горячность, и озабоченность, и суровое цѣломудріе его, и тонкость и наивность чувствъ, и развитіе мыслей при недостаткѣ образованія. Языкъ его скупился на выраженія, за то всѣ сердечныя побужденія читались во взглядѣ, живомъ и радушно открытомъ. Въ лицѣ его, какъ въ зеркалѣ, вѣрно выражались всѣ легко доступныя ему чувства, и сильныя, и деликатныя, легко сдерживаемыя и трудно скрываемыя. Въ то время какъ я оставлялъ приходъ и въ послѣдній пріѣздъ въ городъ г. Рейбаса (вмѣстѣ съ Луизой и г. Превером), въ немъ рядомъ съ рѣзкими отмѣтами зрѣлыхъ лѣтъ, проглядывалъ и роскошный цвѣтъ молодости; короткіе и густые волосы его были еще черны; но въ послѣдній мой пріѣздъ, спустя нѣсколько мѣсяцовъ, я увидалъ уже побѣлѣвшую голову, морщинъ на лбу прибавилось, щеки впали, страданія сокрушили силу: органистъ казался тѣнью того человѣка, прежняя свѣжесть котораго невольно напоминала узловатые дубы, полные живительной влаги, которымъ, казалось, и вѣка не будетъ.

Не смотря на христіанскую покорность, послушный намъ во всемъ и чувствительный къ малѣйшимъ заботамъ нашимъ, г. Рейбасъ однако видимо отходилъ къ Луизѣ. Сначала онъ принялся за занятія, которыхъ требовали безпорядки, возникнувшіе въ его небольшомъ хозяйствѣ, сколько во время его отлучки, столько и по причинѣ издержекъ на болѣзни. Онъ занялся сельскими работами, и къ концу мѣсяца хотѣлъ было опять приняться за свою должность пѣвчаго и органиста; но былъ уже не отъ міра сего: самыя усилія обращались ему во вредъ, напрасная хлопотливость едва предохраняла его отъ ненавистныхъ досуговъ и отъ напоровъ скорби, съ каждымъ днемъ сильнѣйшей. Онъ самъ чувствовалъ свое внутреннее разрушеніе, и, не смѣя радоваться, находилъ

Digitized by Google

въ этомъ ощущеніи тайную отраду и силу — понести еще немного тяготу жизни. За исключеніемъ минутъ, въ которыя онъ былъ занятъ, ни г. Преверъ, ни я, никогда не оставляли его одного, я и спалъ въ его комнатѣ. Онъ принималъ наши заботы со смиреніемъ и благодарностью, слушалъ насъ, соглашался съ нами, но между тѣмъ какъ онъ подчинялъ намъ эту волю, отъ которой, казалось, совсѣмъ отрекся во воспоминаніи о роковой настойчивости, — въ глубинѣ души его таились глухо, но упорно — раздирающія сожалѣнія, грызущее горе, скорбь неутѣшная. Уже къ концу лѣта онъ долженъ былъ сложить съ себя должность, сдѣлался такъ хилъ, что въ Ноябрѣ, именно въ ту пору, когда мнѣ слѣдовало вернуться къ прерванному курсу, г. Преверъ разсудилъ удержать меня. Такимъ образомъ я остался и былъ свидѣтелемъ быстраго разрушенія г. Рейбаса, умершаго на рукахъ нашихъ 19-го Февраля, десять мѣсяцовъ и семь дней спустя по кончинѣ дочери, подлѣ которой и положенъ.

Представляю здѣсь читателю послѣднее писаніе органиста, найденное по смерти его въ мѣстѣ, имъ самимъ назначенномъ. Этимъ документомъ дорисовываются послѣднія черты, и доканчивается исторія этого почтеннаго человѣка, столь интереснаго и столь достойнаго сожалѣнія.

Я, Пьеръ Рейбасъ, находящійся въ достаточномъ сознаніи чувствъ для изложенія моего раскаянія и послѣднихъ намѣреній, пишу сію бумагу, которая и есть мое духовное завѣщаніе.

Съ того дня какъ Шарль положенъ былъ на помостъ церковный, г. Преверъ шелъ по прямому пути предписанія Евангельскаго, я же отклонялся отъ онаго.

Не бывши худшимъ изъ людей, я причинилъ много золъ. Душа моя поздно очистилась отъ плевелъ гордости, и, когда глаза мои раскрылись, тогда рука Превѣчнаго поразила дочь мою. Молюсь Ему о прощеніи, преклоняюсь предъ карою гнѣва Его, и умираю въ надеждѣ на Его милосердіе.

Завѣщаю, изъ достатка моего, пятьсотъ флориновъ приходскимъ бѣднымъ, триста вдовѣ Крозатовой и тысячу доброй Мартѣ.

Завѣщаю Шампену два серебряные прибора, помѣченные моимъ именемъ и сверхъ того, ради его скудости, двѣсти флориновъ, положенные особо, въ лѣвомъ ящикѣ и обозначенные сверху его именемъ.

Digitized by Google

Мнѣ ему прощать нечего; если же и онъ, подобно мнѣ, отклонился отъ праваго пути, то пусть и кается вмѣстѣ со мною.

Луизины вещи пусть раздѣлятъ между собой г. Преверъ и Шарль на память объ ней, смотря по ихъ усмотрѣнію: съ тѣмъ, чтобы эти вещи, въ цѣлости, перешли къ тому, кто послѣдній останется въ живыхъ, а тотъ послѣдній уже позаботится, чтобъ онѣ лучше сгибли, а въ чужія руки не доставались.

Остальное изъ моего достатка, со включеніемъ наслѣдственнаго мною отъ Терезы (чему подробный перечень при семъ прилагается) оставляю въ знакъ любви Шарлю. Поручаю себя его прощенію, и призываю на него благословеніе Божіе до минуты соединенія съ нами.

Пьеръ Рейбасъ.

Конецъ пятой и послѣдней книги.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Въ Университетской Типографіи.

Печатать позволяется. Москва 1852 г., Іюля 25-го дня.

Цензоръ Дм. Ржевскій.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

APR 1 2 1963

Digitized by Google

Digitized by Google